

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

СЕНТЯВРЬ И ОКТЯВРЬ.

1883 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

	СТР.
I. ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСН. (Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты). М. Андреевскаго	1
II. СТРАШНЫЙ ЮСИФЪ. (Переводъ съ польскаго)	39
III. СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ. Ф. А. Терновскаго	88
VI. ЗАПИСКИ БАРОНА ТОТТА О ТАТАРСКОМЪ НАБѢГѢ 1769 Г. НА НОВО-СЕРБИЮ. (Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.).	135
V. КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству) А. Смоктя	199
VI. РАЗНОВИДНОСТИ МАРЦЪПАННЪ И ГАННУСКОВОЙ ГОРЪЛКИ	227
VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 года. (<i>Окончаніе</i>)	254
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Витебская Старина. Витебскъ, 1883 г.— В. И. — б) Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Логиновъ. Варшава, 1883 г.—в) Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ. Варшава, 1883 г.— <i>Фратеркулюса</i> .—г) Не судилось. Драма І. Старицкаго.— Н. Костомарова	287
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Необыкновенная ярмарка.— О. Левицкаго .—б) Шпиталь въ м. Боромлѣ.— Н. Сумцова .—в) Братства и союзы нищихъ.— И. Ефименка .—г) Гетманское представительство при русскомъ дворѣ.—Сообщ. А. Лазаревскій —д) Воспоминаніе о Шевченкѣ.— А. Смоктя .—е) Запорожская пѣсня, записанная пѣвцемъ отъ вѣмца.—ж) Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей— М. П. —з) По поводу портрета жены Гонты.	301
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ жены Гонты.	

Дозволено цензурою. Київъ, 2-го септября 1883 года.

Жена Гонты

ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ.

(Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты).

Имя южно-русскаго, домонгольскаго, теперь уже несуществующаго города, поставленное въ заглавіи этой статьи, въ лѣтописяхъ является обыкновенно въ своей болѣе древней звуковой формѣ, съ разными ея варьяціями, а именно: *Гурювъ, Гургевъ, Гурьевъ; Гурювъ, Гюргевъ, Гюрьевъ; Юриевъ*, и только изрѣдка въ болѣе новой формѣ *Юрьевъ*¹⁾. Основываясь на лѣтописномъ свидѣтельствѣ 1032 года (Лавр. 146, Ипатск. 105): „Ярославъ поча ставити города по Рсі“, думаютъ, что Юрьевъ на Роси поставленъ Ярославомъ, въ крещеніи Георгіемъ, который и нарекъ его въ свое христіанское имя—*Юрьевъ*²⁾. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются упоминанія о г. *Юрьевъ, юрьецахъ и юрьевскихъ епископахъ*.

¹⁾ Гурьговъ (Ипатск. 159, 185), Гурговѣ (Ипатск. 160), гурьговскій (Ипатск. 146, 206); Гургевъ (Ипатск. 199, Лавр. 221), Гуревци (Лавр. 221 по Р. А.), гургевскій (Лавр. 176, 204; Ипатск. 148 по Х. П.), *гурьинскій* (Ипатск. 148); *юрьевци* (Ипатск. 160 по Х.); Гюрговъ (Ипатск. 223), гюрговскій (Ипатск. 428); Гюрговъ (Ипатск. 160, 344, 356; Лавр. 221, 240, 269), Гюрговци (Ипатск. 159, 344; Лавр. 221), гюрговскій (Лавр. 278, 434; Ипатск. 241 по Х.), *юрийскій* (Ипатск. 241), *юрьевскій* (Ипатск. 428 по Х. П.); *Юриевци* (Лавр. 221); Юрьевъ (Ипатск. 185 по Х. П.; Лавр. 269 по Р. А., Карамз. III, пр. 171), юрьевскій (Ипатск. 127, 473 трижды).—Ссылки на лѣтописи, ипатскую и лаврентьевскую, дѣлаются по новому изд. вѣданію археологической комиссіи: лѣтопись по Ипатск. списку, Спб. 1871 г.,—по Лавр.—Сиб. 1872 г.

²⁾ Еще Карамзинъ (III, прим. 30) замѣтилъ: «Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ бытъ: Корсунь, Богуславъ, *Юрьевъ*».

Что южно-русскій Юрьевъ былъ на Роси, или по меньшей мѣрѣ близъ Роси и во всякомъ случаѣ въ бассейнѣ этой рѣки, на это, кромѣ косвенныхъ лѣтописныхъ указаній, есть и прямое—въ Кодиновой росписи епархій, въ которой, въ числѣ епископій, подчиненныхъ кievской митрополіи, значится: „S. Georgius ad Russum ¹⁾ fluvium“ *).

Что касается вопроса о томъ, на которой сторонѣ Роси онъ находится: на правой, южной, обращенной къ бывшимъ степямъ половецкимъ, или на лѣвой, сѣверной, обращенной къ Киеву, то вопросъ этотъ разрѣшается на основаніи слѣдующаго лѣтописнаго извѣстія объ осадѣ Юрьева половцами въ 1095 году (Лавр. 221, Ипатск. 159): „В се же лѣто приидоша Половци к Гургеву, стояща около его лѣто все и мало не взяша его; Святополкъ же омири (Ипатск. умири, смири) я; Половци-же *не идоша за Рось*; Гюргевци же выбѣгоша Киеву..., а Гюргевъ зажгоша Половци тощъ“. На Рось (въ выраженіи „за Рось,“) слѣдуетъ, конечно, смотрѣть не съ точки зрѣнія половецвѣ, дѣлавшихъ набѣгъ по направленію съ юга на сѣверъ, а съ точки зрѣнія лѣтописца, заносившаго это извѣстіе въ свою лѣтопись въ Киевѣ; а если такъ, то Юрьевъ окажется не на правой, а на лѣвой сторонѣ Роси. Смыслъ этого извѣстія, очевидно, таковъ: хотя половцы и были замирены Святополкомъ, однако они медлили возвращаться за Рось, оставаясь на лѣвой сторонѣ ея, гдѣ былъ и Юрьевъ, вслѣдствіе чего юрьевцы и ушли изъ своего города. Очевидно, что между неудаленіемъ половецвѣ за Рось, т. е. съ лѣвой ея стороны на правую, и бѣгствомъ юрьевцевъ въ лѣтописи устанавливается самая тѣсная, причинная связь: послѣднее обстоятельство есть результатъ перваго.

¹⁾ Въ лѣтописяхъ пишется *Рось* и *Русь*, какъ *Божыкъ* и *Бужыкъ*, *Ротъ* и *Руть*, *Торки* и *Турки* и т. п. Ср. развочтенія: *Рось* и *Русь* (Ипатск. 359, Лавр. 221), *Поросье* и *Порусье* (Ипатск. 230, 279 дважды, 391, 365), *пороский* и *порусский* (Ипатск. 612 дважды), а также *Руси* вж. Роси (Ипатск. 456).

²⁾ Notitiae Graecorum Episcopatum a Leone Sapiente ad Andronicum Palaeologum. приложенныя при сочиненіи Кюдина: «De officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae (Memoriae populorum, изд. Стриттера, Соб. 1771—9, т. II, стр. 1037).

Такъ понявъ это извѣстіе и Соловьевъ (Исторія Россіи, т. II по 4 изд., стр. 67), и такъ какъ это пониманіе вполне согласно и съ буквою, и со смысломъ текста лѣтописнаго извѣстія, то несомнѣнное общее заключеніе касательно топографическаго положенія Юрьева, основанное на прямомъ указаніи Кодиновой росписи и состоящее въ томъ, что Юрьевъ былъ вообще въ Поросьи, мы съ полнымъ правомъ можемъ дополнить еще и болѣе частнымъ выводомъ, основаннымъ на ясномъ указаніи лѣтописнаго свидѣтельства 1095 года и состоящимъ въ томъ, что Юрьевъ находился на лѣвомъ берегу Роси или, по меньшей мѣрѣ, въ лѣвой половинѣ Поросья ¹⁾.

Вотъ и все, что можетъ бѣть признано несомнѣннымъ о мѣстоположеніи Юрьева. Что же касается дальнѣйшаго, частнѣйшаго опредѣленія, въ какомъ именно пунктѣ лѣвой половины Поросья онъ находился, или, что то же, къ какому изъ населенныхъ мѣстъ или пустыхъ древнихъ городищъ, существующихъ въ настоящее время въ лѣвомъ районѣ Поросья, онъ долженъ быть приуроченъ, то это остается вопросомъ, на который существуютъ лишь предположительные, гадательные отвѣты. Изъ сказаннаго видно, что лѣтописный Юрьевъ на Роси принадлежитъ къ категоріи тѣхъ загадочныхъ, таинственныхъ, исчезнувшихъ древнихъ городовъ, самое мѣстоположеніе которыхъ теперь въ точности неизвѣстно, которые поэтому осуждены представляться въ воображеніи историковъ не иначе, какъ оторвавшимися отъ земли и словно носящимися въ воздухѣ. Этотъ пробѣлъ въ лѣтописной топографіи древней русской земли, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для каждаго изслѣдователя домонгольскаго періода южно-русской исторіи долженъ быть очень досаденъ. Нельзя не замѣтить вообще, что въ отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ многое умолчано о Юрьевѣ, и онъ остается такимъ образомъ въ тѣни; но его значеніе легко угадывается при сопоставленіи и сравненіи извѣстій какъ о самомъ Юрьевѣ, юрьевцахъ и

¹⁾ «Половци не идоша за Рось», слѣдовательно *туть* (?) былъ Юрьевъ» (Карамз. II, прим. 171). Замѣтка эта столь сжата и осторожна, что изъ нея едва-ли можно вывести, на которой сторонѣ Роси полагалъ Юрьевъ Карамзинъ. Надеждинъ и Невольинъ (Ж. М. В. Д. 1848, т. XXIII, стр. 74) полагали Юрьевъ на правой сторонѣ Роси.

юрьевскихъ епископахъ, такъ и вообще о Поросья, поршанахъ, поросскихъ князьяхъ, о Торческѣ, торческихъ князьяхъ и вообще о князьяхъ, имѣвшихъ свои удѣлы въ области Поросья, а также о черныхъ клобукахъ, или черкасахъ, подъ разными ихъ племенными наименованіями, имѣвшихъ свои поселенія и кочевья въ этой области. Вслѣдствіе этихъ соображеній не можетъ, кажется, не представлять нѣкотораго интереса попытка приподнять нѣсколько таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ мѣстоположеніе лѣтописнаго Юрьева, т. е. посредствомъ сопоставленія и сравненія всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ Юрьеву, его жителямъ и его епископамъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, принимая при томъ во вниманіе существующіе въ настоящее время въ лѣвой половинѣ Поросья вещественные остатки и слѣды древнихъ поселеній, равно связанныя съ ними преданія и топографическую номенклатуру,—пополнить сколько нибудь упомянутый выше пробѣлъ, выяснивъ, въ предѣлахъ возможности, положительно и точно, мѣстоположеніе Юрьева въ лѣвой половинѣ бассейна Роси ¹⁾).

Итакъ приступимъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, придерживаясь при этомъ той хронологической послѣдовательности, въ которой они предъ нами выступаютъ.

I. Въ 1072 году (Лавр. 176, Ипатск. 127) гюргевскій епископъ *Михаилъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородъ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Георгіемъ и епископами бѣлгородскимъ, черниговскимъ и переяславскимъ (ср. Исторія русск. церкви Макарія, т. II по 2-му изданію, стр. 229).

II. Въ 1073 году (Лавр. 178, Ипат. 129) епископъ *Михаилъ*, конечно, тотъ самый, о которомъ упомянуто въ предъидущемъ

¹⁾ Пособіями мнѣ служили: а) Военно-топографическая карта Европейской Россіи, въ масшт. 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ XXIII, листы 8, 9 и 10, рядъ XXIV, листъ 8; б) Спеціальная карта Европейской Россіи, изд. подъ ред. полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масшт. 10 верстъ въ дюймѣ, листы 17-й, 31-й, 32-й; в) Подробный атласъ Россійской имперіи *А. Ильина*. Спб. 1876, карты кievской и др. губ., въ масшт. 20 верстъ въ дюймѣ; г) Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кievской губерніи. *Л. Похилевича*. Кіевъ 1864 г.; д) Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. *П. Семенова*, т. I—IV и V-го т. вып. 1-й. Спб. 1863—1875 г. и пр.

свидѣтельствѣ, т. е. гюргевскій, закладываетъ каменную церковь печерскую, „митрополиту Георгію, какъ объясняетъ лѣтописецъ, тогда сущю въ Грьцѣхъ“, т. е. за отсутствіемъ митрополита, какъ-бы заступая его мѣсто (ср. Исторія рус. церкви Макарія, т. II, стр. 79).

III. Владиміръ Мономахъ, въ разсказѣ о своихъ путяхъ и ловахъ (Поученіе Мономаха, Лавр. 240), разсказавъ о побѣдѣ, одержанной имъ надъ половцами на Сулѣ, говоритъ затѣмъ: „И потомъ на *Святославль* гонихомъ по Половцихъ и потомъ на *Торческій городъ* и потомъ на *Гюргевъ* по Половцихъ и пакы на той-же сторонѣ у *Красна* Половци побѣдихомъ и потомъ съ Ростиславомъ-же у *Варина* вежѣ взяхомъ“. Эти подвиги Мономаха относятъ (Погодинъ, „Изслѣдованія“ и пр. V, 161) къ 1085 году. Всматриваясь въ построеніе рѣчи разсказа Мономаха о его походахъ, мы приходимъ къ заключенію, что ни изъ чего нельзя вывести, былъ-ли это одинъ и тотъ-же походъ: на Святославль, Торческъ и Гюргевъ, или это были три отдѣльные похода. Мѣстоположеніе *Святославля* (не есть-ли это *Небеппале Богуславля?*) и *Варина*, за неимѣніемъ никакихъ другихъ данныхъ объ этихъ мѣстахъ, остается невыясненнымъ; *Торческій городъ* „Поученія“—это, конечно, тотъ самый Торческъ, который потомъ, въ 1093 году, былъ сожженъ и опустошенъ половцами, т. е. теперешнее городище Торчъ у села Старыхъ Безрадиць, кievскаго уѣзда, *Краснъ*—теперешнее село *Красное* кievскаго уѣзда, въ 7 верстахъ къ западу отъ м. Триполья, по обѣимъ сторонамъ р. Красны¹⁾.

IV. Въ 1089 г. (Ипатск. 146) гюргевскій епископъ *Антоній* участвуетъ въ освященіи печерской церкви, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоанномъ II-мъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и ростовскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 81)²⁾.

V. Въ 1091 г. (Лавр. 204, Ипатск. 148) гюргевскій епископъ *Маринъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Ѳеодосія печерскаго, вмѣстѣ съ епископами: черниговскимъ, переяславскимъ и владимиръ-волинскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 236).

¹⁾ О *Красномъ* см. *Карамз.* II, прим. 146; *Солов.* II, прим. 204; *Фундукля.* Обзорѣніе могилъ и пр., стр. 37.

²⁾ Въ Ипатск. лѣтописи онъ названъ юрьевскимъ *именомъ*, но въ Кодиновой росписи епархій именно о немъ упоминается, какъ о епископѣ юрьевскомъ.

VI. Въ лѣтописномъ извѣстїи 1095 года, которое мы уже отчасти и разсмотрѣли, опредѣляя положеніе Гургова по отношенію къ Роси, разсказывается, что, когда юрьевцы выбѣжали изъ своего города, Святополкъ повелѣлъ рубить городъ на *Витичевскомъ холмѣ* и назвать его въ свое имя *Святополкъ* „и повелѣ епископу *Марину съ Гуревцы състи ту и Засаковцемъ и прочимъ отъ иныхъ градъ* (въ Р. А. нѣтъ градъ, въ Ипатск.: *отъ нихъ*). Въ воскр. лѣтописи сказано, что юрьевцы „сѣдоста на Витичевѣ холмѣ, во градѣ Святополчи, за Саковцемъ“¹⁾. Для объясненія выраженія *Засаковцемъ* обыкновенно сопоставляютъ его съ лѣтописными упоминаніями о городѣ *Саковъ*, бывшемъ несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра и приурочиваемомъ предположительно къ теперешней деревнѣ *Салькову*, переяславскаго у., полтавской губ.²⁾ Но спрашивается, чего ради къ юрьевцамъ, жителямъ Поросья, уходившимъ отъ половцевъ поближе къ Кіеву, на Витичевскій холмъ, приплетены были-бы тутъ какіе-то лѣвобережные засаковцы, жившіе въ мѣстности, которая была ближе къ Кіеву, чѣмъ Витичевскій холмъ (до Кіева отъ Витичева 43 версты, отъ Салькова 30 верстъ)? Очевидно, что рѣчь тутъ можетъ идти лишь о жителяхъ Поросья-же, находившихся, по отношенію къ половцамъ, въ одинаковыхъ условіяхъ съ юрьевцами. Существуетъ въ каневскомъ уѣздѣ рѣчка, названная у Похилевича разъ, при описаніи села Дацекъ, *Саковицей*, въ другой разъ, при описаніи села Селища, на той-же рѣчкѣ расположеннаго,—*Сикавицей* (на военно-топографическихъ и специальныхъ картахъ она не надписана). *Саков-ица* (ср. Камен-ица, Ольшан-ица, Узян-ица) имя уменшительное отъ *Саковъ*, *Саква* (ср. моркы, морковь, морква). Населеніе, жившее по отношенію къ Гургову на правой сторонѣ Роси, за рѣкой Саковью (къ востоку отъ ея теченія?) и могло быть названо „Засаковцы“³⁾. *Витачевъ* (Витетцѣвъ)—теперь село

¹⁾ *Погодинъ* (Изсл. и пр. IV, 154) замѣчаетъ, что правописаніе воскресенскаго списка неправильно, и что на немъ основываться въ этомъ случаѣ нельзя.

²⁾ Городъ *Саковъ* упоминается подъ 1101 (Лавр. 265, Ипатск. 181) и 1150 (Лавр. 310, Ипатск. 277) п.—О *Сальковѣ*, см. *Погодина* Изслѣд. и пр. IV, 154, *Солов.* II, прим. 141.

³⁾ Не мѣшаетъ принять при этомъ къ свѣдѣнію еще и слѣдующія данныя. Въ каневскомъ-же уѣздѣ, верстахъ въ 9-ти прямо къ сѣверу отъ устья Саковицы,

надъ Днѣпромъ, въ 6-ти верстахъ ниже м. Триполья, съ древнимъ городищемъ, опоясаннымъ валомъ, нѣкогда городъ, основаніе котораго относится къ глубокой древности, такъ какъ о немъ упоминаетъ еще Константинъ Багрянородный при описаніи судоходства руссовъ изъ Новгорода въ Цареградъ¹⁾. Слово *холмъ* въ разбираемомъ извѣстіи едва-ли возможно понимать въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ небольшого возвышенія, ибо трудно себѣ представить, чтобы на небольшомъ возвышеніи помѣстились два города. Думаю, что Витчевскимъ холмомъ названа въ лѣтописи та плоская возвышенность, образующая какъ-бы полуостровъ, огибаемый Днѣпромъ, на которой расположены села: Халепье, Витачевъ и Стайки, и что *Святополчъ* долженъ быть приуроченъ къ теперешнему селу *Стайкамъ*, расположенному въ 4-хъ верстахъ ниже Витачева, по замѣчанію Похилевича, „на возвышенной равнинѣ, въ полуверстѣ отъ Днѣпра, по обѣимъ сторонамъ р. *Иквы*, нынѣ высохшей“²⁾. Сѣверная половина села, по лѣвую сторону Иквы, носитъ имя „Литвиновки“, а южная, по отношенію къ Кіеву— за Иквой, имя „*Гуриновки*“, поразительно напоминающее гурговцевъ, для которыхъ Святополчъ и былъ первоначально построенъ³⁾. Набѣгъ половцевъ на Юрьевъ въ 1095 году

на правой сторонѣ р. *Корсуки* расположено село *Сытники*, названіе котораго, по рассказамъ жителей, какъ сообщается объ этомъ у Похилевича, произошло отъ того, что жители въ старину снискивали себѣ пропитаніе выдѣлкою *ситъ* (сито=рѣшето), а для татаръ работали волосяные мѣшки, пзвѣстные подъ именемъ *саквъ*.—Одинъ изъ пяти отдѣльныхъ кутковъ (=частей) села Цесарской Слободы, черкаскаго у., при Днѣпрѣ, называется: *Сикавка*. По предавію, село прежде называлось: *Секава*.—Близъ г. Лодзи въ Польшѣ есть м. *Секава*.

¹⁾ О *Витчевѣ* см. *Карамз.* I, прим. 513, прим. 195; *Ист. Россіи, Пловайскаго*, М. 1876, ч. I, прим. 47.—Въ книгѣ Большого Чертежа: «А ниже Триполья на Днѣпрѣ градъ *Витачевъ* (вар.: Витчевъ) Порѣцкого (вар.: Порѣцково).

²⁾ Въ книгѣ «Большого Чертежа: «А ниже Витачева четыре версты градъ *Стайки*. О *Стайкахъ*, см. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1859, № 42 (статья: «Стайки и Ржищевъ»).—*Святополчъ* упоминается еще подъ 1224 г. (Ипатск. 497; въ Лавр. 482 подъ 1223 г.) подъ именемъ *Новгорода Святополческаго*.

³⁾ Что имя «*Гуриновка*» могло образоваться отъ *Гуриевъ*, *гурювци*, подтвержденіемъ тому служатъ: а) указанныя нами выше видоизмѣненія именъ *гур-*

былъ уже не первымъ ихъ набѣгомъ изъ-за Роси. Въ 1071 году (Лавр. 169, Ипатск. 122) „воеваша половци у *Растовця* и у *Неятина* (такъ въ Р. А. и въ Ипатск., въ Лавр. *Ятина*“), положеніе которыхъ невыяснено¹⁾; къ 1085 году, какъ мы видѣли, относятся упоминаемые въ поученіи Владиміра Мономаха набѣги половцевъ на *Святославль*, *Торческій городъ*, *Юрьевъ* и *Красенъ*; въ 1092 г. (Лавр. 208, Ипатск. 150) „Половци многа села воеваша по обѣмъ странама“ (Днѣпра); наконецъ, въ 1093 г. (Лавр. 210—8, Ипатск. 152—7) они долго и настойчиво осаждали *Торческъ*, нанесли поражение русскимъ за р. *Стугной* (по отношенію къ Кіеву) и на р. *Желани* взяли и сожгли *Торческъ* (который потомъ уже, кажется, и не возобновлялся), а жителей его увели въ плѣнъ²⁾. Въ 1095 году

евци, *юрловскій* въ *Гурьевци* (Ипатск. 160 по X.), *юрьевскій* (Ипатск. 428, по X. П.); б) производство имени села *Гуричево* (Ипатск. 314, Лавр. 320) отъ имени *Гуричь* (=Юрьичъ, стало быть—село Юрьича). О немъ приходилось мнѣ говорить въ моемъ изслѣдованіи текста пѣсни игоревой, ч. I, стр. 301. Едва-ли имя «Гуриновка» произошло отъ слова «гора», такъ какъ обѣ части Стаекъ расположены, какъ выше замѣчено, на равнинѣ.

¹⁾ Судя по приведеннымъ разноченіямъ, думаю, что имя это могло происходить отъ глагола *яти*, или *нати* (им-у; ѣматъ, емлю), и слѣд. могло выговариваться двояко: и *Ятинъ*, и *Нятинъ*. Существуетъ село *Емчица* каневского уѣзда, на правой сторонѣ р. Росавы, при небольшомъ безъ-именномъ ручьѣ, впадающемъ въ Росаву.

²⁾ Этотъ жестокой набѣгъ произвелъ столь глубокое впечатлѣніе на народную массу, что воспоминаніе о немъ очень живо сохранилось въ народномъ преданіи, связанномъ съ гордьящемъ Торчъ, находящимся на природной обширной обрывистой горѣ, при западной оконечности села: «Старые Безрадици» кіевского уѣзда, на лѣвомъ берегу Стугны. См. статьи: а) «Сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою (= съ народнымъ преданіемъ) о древнемъ Торческѣ» *П. Ревакина* и *А. Стоянова* (Кіевскія Губернскія Вѣдомости, 1863, № № 33—4) и б) «Южно-русская пѣсня о событіи XI в.» *А. Стоянова* (Кіевская Старина, 1882, № 7, стр. 88). Кстати замѣтить, что я не могу согласиться съ почтеннымъ оппонентомъ А. И. Стоянова, утверждающимъ, что «лѣтопись знаетъ одинъ только Торческъ, именно тотъ, который близъ *Новыхъ* (?) *Безрадичь*» (Кіевская Старина, 1882, № 9, стр. 432). Слѣдуетъ, мнѣ кажется, имѣть въ виду, что въ лѣтописяхъ послѣ 1093 г., въ теченіи 68-ми лѣтъ, не упоминается ни о возобновленіи Торческа (между тѣмъ о возобновленіи Юрьева, сожженного половцами въ 1095 г., упоминается), «ни о какомъ-бы то ни было Торческѣ. Послѣ этого перерыва, лѣтописныя извѣстія о

они столь-же настойчиво осаждали Юрьевъ, какъ въ 1093 году Торческъ, и очень естественно, что юрьевцы, опасаясь участи торчанъ, выбѣжали изъ своего города.

VII. Подъ 1103 годомъ, слѣдовательно спустя восемь лѣтъ послѣ извѣстiя о выселенiи юрьевцевъ въ Святополчь градъ, въ лѣтописяхъ (Лавр. 269, Ипатск. 185) встрѣчаемъ слѣдующее извѣстiе: „Мѣсяца августа въ 18 день пошелъ Святополкъ и срубилъ городъ Гургевъ, который пожгли было Половци“. Очевидно, что это извѣстiе находится въ самой тѣсной связи съ предъидущимъ, представляя ясный намекъ на возвращенiе гургевцевъ на свое прежнее мѣсто, и указываетъ этимъ самымъ на то, что въ теченiи восьми лѣтъ, съ 1095—1103 г., обстоятельства Руси въ ея борьбѣ съ половцами нѣсколько поправились. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ. Въ 1096 г. (Лавр. 224, Ипатск. 161) половцы были разбиты Святополкомъ и Владимiромъ Мономахомъ въ битвѣ на Трубежѣ, въ которой палъ и тесть Святополка Тугорканъ; въ 1103 г. (Лавр. 267, Ипатск. 183) русскiе князья разгромили половцевъ въ приазовской степи, у луки моря, какъ я думаю,—у теперешняго Молочанскаго озера, или лимана, вливающагося въ Азовское море⁷⁾. Если мы сообразимъ, съ одной стороны, что эта побѣда одержана была въ 1103 году 4 апрѣля, и что Святополкъ срубилъ Юрьевъ (окончилъ постройку, которую могъ начать и раньше?) въ томъ-же году 19 августа, то и придемъ къ заключенiю, что по-

Торческъ возобновляются съ 1161 г. и тянутся до 1234 г., слѣдовательно почти вплоть до татарскаго погрома. Но что Торческъ этихъ извѣстiй тотъ-же самый Торческъ, что и въ лѣтописномъ разсказѣ 1093 года,—вотъ съ этимъ то и нельзя согласиться.

1) Съ лѣтописными свидѣтельствами объ этихъ побѣдахъ мнѣ приходилось имѣть дѣло въ моемъ трудѣ о «Словѣ о полку Игоревѣ» (ч. 1, стр. 261 и 304). Мнѣ извѣстно, что *лука* значитъ низменное прибрежное мѣсто (Кiевская Старина, 1882, № 9, стр. 450), и что въ кiевской губернiи есть нѣсколько населенныхъ мѣстностей съ именами, происходящими отъ слова *лука* именно въ этомъ его значенiи; но думаю, что значенiе *залива*—первоначальное, а значенiе низменнаго прибрежнаго мѣста—переносное, позднѣйшее. Представленiе о томъ, что *вода* можетъ *лакнѣсти*, *лѣчитиса*, т. е. *заливаться* въ низменныя мѣста, проще и естественнѣе, чѣмъ представленiе о томъ, что *суша* направляется, прилегаетъ къ водѣ, соединяется съ нею.

стройка Юрьева является какъ-бы непосредственнымъ результатомъ упомянутой побѣды.

VIII. Подъ 1114 г. (Лавр. 276, Ипатск. 199) упомянуто о поставленіи въ епископы Гюргеву *Данила*.

IX. Въ 1115 г. (Ипатск. 201) юрьевскій епископъ *Данило* участвуетъ въ 2-мъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородъ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ, переяславскимъ и полоцкимъ (ср. Ист. рус. ц. Макарія, II, стр. 232).

X. Подъ 1122 г. (Лавр. 278, Ипатск. 206) упомянуто о кончинѣ *Данила*, епископа гургевскаго.

XI. Подъ 1142 г. (Ипатск. 223) упоминается группа городовъ, данныхъ в. к. кіевскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ, по занятіи имъ Кіева, въ удѣлъ брату его Игорю: *Городецъ*, *Гюрговъ* и *Рогачевъ*. Историки обыкновенно полагаютъ, что въ этомъ случаѣ о Гурговѣ на Роси не можетъ быть и рѣчи ¹⁾. Я думаю, напротивъ, что всѣ три города находились именно на Поросьи, и что *Юрьевъ* разбираемаго извѣстія вполне тождественъ съ Юрьевомъ на Роси всѣхъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій. Лѣтописный *Рогачевъ*—теперь село Рогачи сквир. у., расположенное на лѣвой сторонѣ р. Орѣховатки (на в.-т. и специальныхъ картахъ Орѣховець), лѣваго притока Роси. По свѣдѣніямъ, сообщаемыхъ у Похилевича, въ визитѣ Погребисскаго униатскаго деканата за 1746 г. оно названо *Рогачевъ*. Въ немъ есть остатки древняго городища, состоящія изъ рововъ и валовъ, въ которыхъ, какъ утверждаютъ жители, было трое воротъ. По народному преданію, на мѣстѣ теперешняго села Рогачи былъ большой

¹⁾ *Городецъ* Надеждинъ и Неволпнъ приурочиваютъ къ теперешнему м. Городцу кобрянскаго у., гродненской губ., между Дорогичиномъ кобрянскимъ и Кобринномъ, давшимъ имя Городецкому (Днѣпровско-бугскому, прежде—королевскому) каналу. *Рогачевъ* Арцыбашевъ (II, 344) полагаетъ въ волынской губ. Погодинъ приурочиваетъ его къ Рогачеву ровенскаго у., волынской губ. на лѣвой сторонѣ р. Устья, лѣваго притока Горыни, верстахъ въ 6-ти отъ впаденія Устья въ Горынь, замѣчая при этомъ, что есть еще въ волынской губ. и другой Рогачевъ, мѣстечко на Случи въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ. Соловьевъ (II, прим. 226) основательно замѣчаетъ, что о Рогачевѣ волынскомъ тутъ нельзя думать; волынскихъ городовъ Всеволодъ Ольговичъ не могъ отдавать; они принадлежали Изяславу Мстиславичу. Мнѣніе самаго Соловьева будетъ приведено мною ниже.

городъ *Рачевъ*, или *Ирачевъ* (ср. лѣтописныя имена *Родня*, *Родунь* и имя тепер. болота *Ирдынь*), разрушенный во время татарскаго погрома. Что касается *Городца* разбираемаго лѣтописнаго извѣстiя, то думаю, что онъ долженъ быть приуроченъ къ м. Кагарлыку кiевскаго уѣзда, расположенному на р. *Мокромъ-Кагарлыкѣ*, лѣвомъ притокѣ Росавы ¹⁾. По свѣдѣнiямъ, сообщаемымъ въ „Сказанiяхъ“ Похилевича, въ мѣстечкѣ этомъ есть два укрѣпленныя мѣста, изъ коихъ одно расположено почти въ центрѣ мѣстечка (какъ и городище Торчъ, лѣтописный Торческъ 1093 г.), на возвышенной горѣ, окруженной съ одной стороны рѣчкой, а съ прочихъ оврагами значительной глубины и трудной доступности, и называется *Городкомъ*, а другое находится въ ю.-в. части мѣстечка, въ урочищѣ называемомъ *Хандыбы*, или *Татарское коневище*. Жители Кагарлыка утверждаютъ, что въ эпоху татарскаго завоеванiя на мѣстѣ Кагарлыка поселена была татарская пограничная стража, центръ которой находился въ урочищѣ Хандыбы. Кажется, что именно этотъ лѣтописный Городецъ, данный Игорю въ 1142 г., въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстiяхъ, съ 1161—1234 г., и выступаетъ на сцену подъ именемъ Торческа, бывшаго главнымъ пунктомъ поселенiй черныхъ клобуковъ на Поросьи, такъ какъ всѣ эти извѣстiя (которыхъ впрочемъ я не имѣю въ виду разбирать въ настоящей статьѣ) указываютъ именно на эту мѣстность. Если это такъ, то можно, кажется, предположить, что въ упомянутомъ преданiи о татарской пограничной стражѣ, какъ это нерѣдко бываетъ и въ народныхъ пѣсняхъ, мы имѣемъ дѣло съ фактомъ позднѣйшаго приуроченiя къ татарамъ того, что первоначально относилось къ другимъ тюркскимъ племенамъ, раньше татаръ появившимся на Руси, каковыми были, напр., черные клобуки, или черкасы, которые дѣйствительно играли роль пограничной стражи Руси по отношенiю къ половцамъ и, какъ сами они выражались, „умирали за русскую землю и головы свои складывали“ (Ипат. 330, Лавр. 327, подъ 1155 годъ ²⁾). Предположенiе о

¹⁾ Въ Словарѣ Семенова: при р. *Гнилушѣ* (Кагарлыкѣ).

²⁾ О *Кагарлыкѣ*, см. Жур. мнв. Внутр. дѣлъ, т. IX, стр. 497; Кiевскiя Губернскiя Вѣдомости, 1851, № 9, 1854, №№ 22--3; 1857, № 33.—Плано-Карпини (путешествовалъ въ Монголю въ 1246 г.) говорить: «Первое мѣсто, въ

тождествѣ Городца 1142 г. съ Городкомъ Кагарлыцкимъ, позднѣйшимъ Торческомъ, я дѣлаю на слѣдующемъ основаніи. Три города въ лѣтописномъ разсказѣ 1142 г. указаны лѣтописцемъ, какъ указывалъ ихъ, конечно, и самъ Всеволодъ, въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ, по степени близости ихъ къ Киеву. Во всякомъ случаѣ Городецъ, такъ какъ съ него начинается перечисленіе, не могъ быть западнѣе Рогачева и долженъ быть ближе къ Киеву, чѣмъ Юрьевъ и Рогачевъ, а въ этомъ направленіи другаго какого-либо замѣчательнаго городка, кромѣ Кагарлыцкаго, не встрѣчается¹⁾. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. касательно Гюргева можно вывести во 1-хъ то, что Юрьевъ находился между Городцемъ и Рогачевымъ, слѣдовательно былъ центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросьи, а во 2-хъ—что относительное значеніе Юрьева среди другихъ городовъ въ удѣлѣ Игоря было выдающееся. Всеволодъ долго торговался съ братьями (двумя двоюродными, Давыдовичами, и двумя родными, Игоремъ и Святославомъ), и города, которые онъ имъ давалъ, перечисляются три раза. Изъ городовъ въ собственно русской землѣ въ первый разъ онъ имъ не давалъ ни одного, во второй разъ давалъ Городецъ и Рогачевъ, но Юрьева не давалъ, наконецъ только въ третій разъ онъ уступилъ и Юрьевъ, изъ чего неизбежно слѣдуетъ то заключеніе, что Всеволодъ болѣе дорожилъ Юрьевомъ, чѣмъ Городцемъ и Рогачевымъ, желая его удержать за

кормъ живутъ монголы (за Киевомъ), называется Хановымъ (=Каневомъ). Монголы дали намъ вожатыхъ до орды главнаго ихъ начальника, который называется Куремсою и хранить западные предѣлы монгольскихъ владѣній». Изъ данныхъ, представляемыхъ Плато-Карпини, видно, что Куремса кочевалъ между Россію и Тясминомъ.

¹⁾ Думаю, что Городецъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. тождественъ съ Городцемъ лѣтописнаго извѣстія 1147 г. (Ипатск. 250, Лавр. 302: «и посла Изяславъ по Володимера въ Городечь, а по Ростислава въ Смоленскъ»). Основываясь на сопоставленіи обоихъ этихъ извѣстій, можно, кажется, предположить, что, по низверженіи Игоря Ольговича и вокняженіи своемъ, при помощи черныхъ клобуковъ, въ Киевѣ въ 1146 году, Изяславъ Мстиславичъ отдалъ прежній удѣлъ Игоря (Городецъ, Юрьевъ, Рогачевъ) своему брату Владиміру. Этими, быть можетъ, объясняются и позднѣйшія отношенія этого Владиміра къ чернымъ клобукамъ (предводительство ими, по нѣ-же просьбѣ) во время движенія Юрія Долгорукаго противъ Изяслава къ Киеву въ 1152 г. (Ипатск. 295).

собою, и что слѣдовательно Юрьевъ, будучи центральнымъ городомъ въ удѣлѣ Игоря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительнымъ и важнымъ городомъ (что впрочемъ слѣдуетъ уже и изъ того, что въ Юрьевѣ была епископія); вслѣдствіе этого, естественно предполагать, что Юрьевъ былъ по меньшей мѣрѣ преимущественною резиденціею князя ¹⁾).

Соловьевъ (т. II, пр. 226) разбираемое нами лѣтописное свидѣтельство комментируетъ такъ: „*Городецъ* остерскій, или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому и отнятый у него недавно Всеволодомъ; *Рогачевъ*—уѣздный городъ могилевской губерніи“ (на прав. берегу Днѣпра, при впаденіи въ него р. Друти). Историкъ такъ мотивируетъ свое мнѣніе: „Между Святославичами дѣло шло о дѣлежѣ турово-пинскаго княжества, прибрѣтеннаго этою линіею вслѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и отдаетъ туровскіе города или черниговскіе, за нимъ оставшіеся“. Взвѣсившая внимательно эти доводы историка и сопоставляя ихъ съ цѣлымъ рядомъ лѣтописныхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ, представляющимъ, какъ мнѣ кажется, сильныя возраженія противъ упомянутыхъ доводовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подкрѣпляющимъ высказанное мною мнѣніе о томъ, что Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ были городами въ русской землѣ въ тѣсномъ смыслѣ.

1) Между Святославичами дѣло шло далеко не о дѣлежѣ только турово-пинскаго княжества, и перемѣщеніе Вячеслава послужило братьямъ Всеволода только поводомъ къ разнаго рода домогательствамъ. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. видно, что братья Всеволода домогались отъ него городовъ не въ турово-пинской об-

¹⁾ Слѣдуетъ, быть можетъ, предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ лѣтописи говорится о князьяхъ *поросскихъ*, безъ упоминанія города, въ которомъ они княжили, какъ главное мѣсто ихъ пребыванія подразумѣвается именно Юрьевъ. Въ 1155 г. (Ипатск. 329, въ Лавр. 327 подъ 1154 г.) Юрій Долгорукій сыну своему Василькови два *Поросье* (вар.: Порусье). Въ волынской лѣтописи подъ 1289 г. (Ипатск. 612) упоминается *поросьскій* (вар.: порусьскій) князь Юрій. Впрочемъ, кажется, что судьба Юрьева тѣснымъ образомъ связана съ судьбой Торческа, и что князья поросскіе жили то въ Юрьевѣ, то въ Торческѣ (Городцѣ), то, смотря по временнымъ обстоятельствамъ, въ какомъ-нибудь другомъ городѣ княжества.

ласти (которые Всеволодъ даетъ имъ сразу: Брестъ, Дорогичинъ, Черторыесть и Клеческъ), но въ его отчинѣ, землѣ вятичей, которою Всеволодъ, какъ видно, въ особенности дорожилъ (города Вятческіе являются лишь въ третьемъ перечисленіи: Вщижь, Ормина); но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что они не добивались отъ него и городовъ въ собственно русской землѣ¹⁾). Напротивъ, факты говорятъ иное. Въ 1141 г. Всеволодъ, по выраженію лѣтописи (Ипатск. 221), „разлучивая (Святослава) съ братомъ своимъ (Игоремъ) и да ему Бѣль городъ“ (ср. Ист. Солов. II, пр. 223). Очевидно, что и Игорь, какъ старшій послѣ Всеволода, могъ добиваться отъ него себѣ части именно въ русской землѣ, вблизи Кіева. Въ домогательствѣ Игоря и Святослава Ольговичей городовъ на Руси отъ ихъ брата Всеволода, какъ только послѣднему удалось усѣсться въ Кіевѣ, мы имѣемъ, кажется, дѣло съ явленіемъ, вполне аналогичнымъ съ стремленіемъ въ позднѣйшее время разныхъ князей, даже такихъ, которые уже обладали многолюдными и богатыми областями, получить хоть какую нибудь часть еще и въ собственно русской землѣ, вблизи Кіева²⁾). Это стремленіе къ „причастію“ въ русской землѣ объясняется, быть можетъ, тѣмъ традиционнымъ обаяніемъ, которое имѣла эта область въ глазахъ каждаго русскаго князя, какъ ближайшая къ тогдашнему центру политической и культурной жизни, къ *матери* и *главѣ* всѣхъ русскихъ городовъ—Кіеву.

¹⁾ «Посла Всеволодъ ис Кіева на Вячслова, река: «сѣдѣши во кіевской волости (—въ Туровѣ), а мнѣ достойтъ». И ѣха Святославъ къ Игореву и рече: «Что ти даетъ братъ старѣйшій?» И рече Игорь: «даетъ ны по городу (перечисляются города туровской области), а отчяиѣ своеѣ не даетъ, Вятичъ». И послашась братья къ Всеволоду, рекуще: «се в Кіевѣ сѣдѣши, а мы просимъ у тебе черниговской и новгородской (==новгородъ-сѣверской) волости, а кіевской (т. е. туровской) не хочемъ». «Онѣ-же Вятичъ не съступяшеть». Очевидно, что подъ кіевскою волостію здѣсь разумѣется туровско-пинская область, а подъ черниговскою и новгородскою—земля вятичей, и что о русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. объ области приднѣпровской, здѣсь ничего не говорится.

²⁾ Въ 1195 г. (Ипатск. 459—462) и Романъ Мстиславичъ волинскій, и Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій въ одно и тоже время домогались отъ великаго князя кіевскаго Рюрика Ростиславича себѣ «части въ русской землѣ» и ссорились съ нимъ изъ-за надѣловъ. Въ 1231 г. (Ипатск. 511) Даніилъ Романовичъ галицкій «изъ русской земля взя собѣ часть—Торцький городъ».

2) Изъ лѣтописи видно, что Всеволодъ, при окончательной раздачѣ городовъ братьямъ, уже примирился съ ними, и есть основаніе предполагать, что уже тогда онъ обѣщалъ Игорю послѣ себя Кіевъ ¹⁾. А если это такъ, то онъ, очевидно, уже вслѣдствіе одного этого намѣренія, долженъ былъ посадить Игоря гдѣ нибудь въ русской землѣ, близъ Кіева, для того, чтобы онъ заранѣе могъ расположить къ себѣ кіевлянъ и, въ особенности, черныхъ клобуковъ, которые все болѣе и болѣе приобрѣтали вліянія на политическія дѣла Руси.

3) Князья обыкновенно надѣлялись городами, составлявшими какъ въ территоріальномъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ болѣе или менѣе цѣльныя группы, и очевидно, что и въ разбираемомъ нами лѣтописномъ рассказѣ рѣчь идетъ именно о такихъ группахъ. Въ удѣлѣ Игоря Ольговича, отъ ближайшаго къ Кіеву Городца кагарлыцкаго до дальнѣйшаго—Рогачева (Юрьевъ, очевидно, былъ между ними) 101 верста, слѣд. Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ составляли довольно цѣльную группу поросскихъ городовъ, и, во всякомъ случаѣ, группа эта цѣльнѣе, чѣмъ предполагаемая историкомъ: Остеръ и могилевскій Рогачевъ, между которыми разстояніе 305 верстъ.

4) Самъ историкъ говоритъ, что „Всеволодъ могъ отдавать черниговскіе города, за нимъ оставшіеся“, слѣд. и прежде ему принадлежавшіе; но Городецъ Остерскій (тепер. Остеръ, у. г. черн. г. на р. Острѣ) принадлежалъ не къ черниговской, а къ переяславской области и никогда не принадлежалъ Всеволоду, но неоспоримо принадлежалъ Юрію Долгорукому, былъ его отчиною.

5) Городецъ (Городокъ, городъ) остерскій въ лѣтописяхъ упоминается очень часто и обозначается въ нихъ нерѣдко своимъ спеціальнымъ географическимъ прозвищемъ: *вострьскій, на Вьстри* ²⁾;

¹⁾ Въ 1144 г. (Ипатск. 226, Лавр. 296) Игорь говорилъ Всеволоду: «Прощо ми обрелкъ еси Кіевъ, а пріятели ми не даси пріямати».

²⁾ Вострьскимъ *городцемъ* (Ипатск. 221), *городкомъ* (Ипатск. 258, 276, 289). Подъ 1094 г.: «Заложі Володимерь Мономахъ *городъ на Вьстри*». (О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. Бестужева-Рюмина, Спб. 1868 г., приложенія, стр. 60). «Всеволодъ Гюргевичъ созда *градъ на Городци на Вьстри*, обнови свою отчину» (Ипатск. 179, Лавр. 391).

часто называется онъ просто Городцемъ ¹⁾, и только однажды (Ипатск. 308) названъ Городцемъ Гюргевымъ, и то вовсе не въ смыслѣ постояннаго, обычнаго прозвища, а въ совершенно ясномъ смыслѣ: „принадлежащій Юрію“ ²⁾).

6) Если въ третьемъ и послѣднемъ перечисленіи городовъ, которыми надѣлялъ Всеволодъ братьевъ (Берестій, Дорогичинъ, Вщижь, Ормина; *Городецъ, Гюргевъ*, Рогачевъ, Клеческъ и Черторыескъ) слова *Городецъ Гюргевъ* принимать, какъ дѣлаетъ это историкъ, за названіе одного только города, то является вопросъ, почему Городецъ не названъ Гюргевымъ во второмъ перечисленіи (*Городецъ, Рогачевъ*, Берестій, Дорогичинъ и Клеческъ), когда онъ въ первый разъ выступаетъ на сцену?

7) Въ 1141 году (Ипатск. 221) Всеволодъ Ольговичъ дѣйстви-тельно занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій Юрію Долгорукому, но это занятіе, какъ видно изъ лѣтописи, было не болѣе, какъ временною военною мѣрою, вызванною временными-же политическими обстоятельствами, а не занятіемъ въ смыслѣ присвоенія себѣ въ постоянное владѣніе, ибо въ противномъ случаѣ въ междукняжескихъ отношеніяхъ по владѣнію областями слѣдуетъ предположить отсутствіе какихъ-бы то ни было установившихся, традиціонныхъ обычаевъ, полную анархію, чего на самомъ дѣлѣ не было; слѣдовательно, еслибы Всеволоду, по собственному сознанію котораго Городецъ принадлежалъ по праву Юрію, и пришла несообразная, съ точки зрѣнія междукняжескихъ отношеній, мысль надѣлить Игоря Городцемъ Остерскимъ, то едвали Игорь, добившійся по праву, на основаніи родовыхъ мѣстническихъ счетовъ,

¹⁾ *Городцемъ* (Ипатск. 253, 255, 304 дважды, 314 дважды; Лавр. 303); *городкомъ* (Ипатск. 253 трижды, 256, 257, 277 дважды, 293, 306 пять разъ, 307 четыре раза, 344; Лавр. 318, 319 трижды, 302, 303, 309, 310, 313 трижды).

²⁾ Ср. подъ 1152 г.: а) «Ізяславъ Мьстиславичъ скупивъся съ Давыдовичемъ Ізяславомъ и Святославомъ Всеволодичемъ и ту судуавше разведоша Городекъ Гюргевъ и пожгоша и» (Ипатск. 308); б) «Гюрги бо тако молвяшеть: «Оже есте мой Городецъ пожгли, то я ся тому отожгу противу» (Ипатск. 314). Въ такомъ-же смыслѣ объ этомъ городѣ сказано: «городъ отень (вар.: отечь)» по отношенію къ Глѣбу, сыну Юрія Долгорукаго (Ипатск. 253).

хорошаго удѣла въ русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, согласился-бы княжить въ чужомъ городѣ, въ постоянномъ ожиданіи быть со стыдомъ выгнаннымъ изъ него его безспорнымъ хозяиномъ.

8) Наконецъ, историкъ своимъ мнѣніемъ объ отдачѣ въ 1142 году Всеволодомъ Ольговичемъ Городца Остерскаго Игорю поставилъ себя въ противорѣчіе съ тѣмъ, что высказано имъ ниже, при обзорѣніи состоянія русскаго общества съ 1054—1228 г. (т. III, стр. 9): „при общемъ родовомъ владѣніи князья, разумѣется, имѣли и частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ. Отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соответствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе, что столы эти не были постоянны. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную-же собственность; такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ суздальскимъ“. Не входя въ оцѣнку этого мнѣнія о Городцѣ Остерскомъ, какъ частной собственности, по существу, я замѣчу, что, слѣдовательно, отдача Всеволодомъ Игорю Городца Остерскаго, и съ точки зрѣнія самаго историка, не была-бы основана на правѣ общаго родоваго владѣнія, но была-бы со стороны великаго князя просто на просто грабежемъ чужой собственности.

Всѣ эти соображенія и заставляютъ меня отвергнуть мнѣніе Соловьева, приурочивающее Городецъ Юрьевъ, какъ онъ читаетъ, къ теперешнему городу Остру черн. губ. и склоняютъ къ признанію того, что Юрьевъ, данный въ удѣлъ Всеволодомъ Ольговичемъ его брату Игорю въ 1142 году, есть Юрьевъ на Роси, и это тѣмъ болѣе, что и другіе два города, Рогачевъ и Городецъ, легко открываются въ русской-же землѣ, и тоже на Пороси.

XII. Въ 1147 г. (Ипатск. 241) епископъ гюргевскій *Демьянъ* участвуетъ въ соборѣ епископовъ, созванномъ въ Кіевѣ для поставленія, по волѣ в. к. Изяслава Мстиславича, въ митрополиты Климента Смолятича и состоявшемъ, кромѣ Демьяна, изъ епископовъ: черниговскаго, бѣлгородскаго, переяславскаго, владимірскаго (на Волыни) и туровскаго, соглашавшихся на поставленіе Климента,

и трех несогласавшихся на это: новгородскаго, смоленскаго и полоцкаго (Ср. Ист. рус. ц. Макарія, т. III, стр. 12).

XIII. Въ 1154 году (Ипатск. 327, Лавр. 326) кіевляне, по смерти Изяслава Мстиславича, послали *епископа каневскаго Демьяна* звать къ себѣ на княженіе Изяслава Давыдовича. Пресов. Макарій (И. рус. ц., т. III, стр. 30, прим. 42), сопоставляя лѣтописное упоминаніе 1147 г. о Демьянѣ, епископѣ юрьевскомѣ, съ лѣтописнымъ упоминаніемъ 1154 г. о Демьянѣ, епископѣ каневскомѣ, и приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и то же лице, замѣчаетъ, что, на основаніи свидѣтельства 1154 года, можно думать, что юрьевскіе епископы назывались иногда каневскими, и что предполагать существованіе особой епархіи каневской нѣтъ достаточнаго основанія ¹⁾). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что епископы нерѣдко и въ древнемъ періодѣ титуловались, какъ и теперь титулуются, не по одному, а по двумъ или нѣсколькимъ городамъ, болѣе значительнымъ въ ихъ епархіи, слѣд. изъ лѣтописнаго свидѣтельства 1154 года можно сдѣлать тотъ несомнѣнный выводъ, что къ юрьевской епархіи принадлежалъ и Каневъ, а этотъ выводъ, въ свою очередь, указываетъ отчасти мѣстоположеніе самаго Юрьева: Каневъ былъ ближе къ Юрьеву, чѣмъ къ Кіеву, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ принадлежалъ-бы скорѣе къ епархіи кіевской ²⁾).

¹⁾ М. А. Максимовичъ, въ своемъ «Воспоминаніи о стародавнемъ монастырѣ каневскомѣ» (Кіев. Епарх. Вѣд. 1864 г., № 24, стр. 757; то же перепечатано въ Собраніи сочиненій его, т. II), сопоставляя тѣ-же лѣтописныя свидѣтельства о Демьянѣ и то же приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и то же лице, замѣчаетъ, что если во второмъ извѣстіи Демьянъ названъ каневскимъ не обмолвкою, то мы въ правѣ полагать, что въ средній XII вѣка юрьевская епископія находилась въ Каневѣ, при церкви св. Георгія, заложенной въ 1144 г. великимъ княземъ Всеволодомъ (Юріемъ) Ольговичемъ (Ипатск. 227, Лавр. 296). То же высказано Максимовичемъ и въ другомъ мѣстѣ его сочиненій (Собраніе соч., т. I, стр. 683). Мнѣ кажется, что такого вывода мы никакъ образомъ не имѣемъ права сдѣлать, такъ какъ епископы никогда не титуловались, какъ и теперь не титулуются, по церквамъ; но всегда титуловались по городамъ и областямъ, входившимъ въ составъ ихъ епархій.

²⁾ Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и по отношенію къ князю. Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ: а) 1149 г. (Ипатск. 268): «Георги-же старѣйшаго сына своего Ростислава посади у *Переяславоли*, Андрея *Вышегородъ*, а Бориса въ *Бѣльгородъ*, а Глѣба въ *Киевъ*, а Василка въ *Суждали*»

Но спрашивается, чего ради киевляне уполномочили въ послы епископа Демьяна, когда обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ выступалъ на сцену митрополитъ? Это обстоятельство объясняется едва ли не тѣмъ, что тогдашняго митрополита Климента, не получившаго благословенія отъ патріарха, не всѣ признавали, и что по смерти Изяслава Мстиславича, по волѣ котораго Климентъ былъ поставленъ, онъ остался въ неопредѣленномъ положеніи (Ср. И. Ц. Макарія, т. III, стр. 17; Солов. III, стр. 60 и слѣд.); такъ что киевляне при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они тогда находились, нашли болѣе удобнымъ послать не Климента, а Демьяна, который, въ этомъ случаѣ, какъ-бы заступаетъ мѣсто митрополита (Ср. Солов. II, стр. 183).

XIV. Подъ 1159 (Ипатск. 344) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргевъ* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Рси истопе“. Извѣстіе это, само по себѣ, конечно не говоритъ въ частности о мѣстоположеніи Юрьева; но если мы возьмемъ его въ связи съ сдѣланнымъ нами въ предъидущемъ пунктѣ выводомъ о принадлежности къ юрьевской епархіи Канева, а также и съ другими извѣстіями, указывающими на направленіе движеній половцевъ изъ ихъ степей на правобережную Русь и обратно, то придемъ къ новому заключенію, что Юрьевъ находился вообще между Бѣлгородомъ, Росью и Каневомъ.

XV. Подъ 1162 г. (Ипатск. 356) мы встрѣчаемъ слѣд. извѣстіе: „половцы пришли къ *Гурлову* и взяли много вежъ по *Роту*; черные-же клобуки (которымъ принадлежали вежи), собравшись всѣ, погнались за ними и настигли ихъ на Роси“ и пр. Это извѣстіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ съ упоминаніемъ о Юрьевѣ тѣсно

и б) 1155 (Ипатск. 329, Лавр. 397 подъ 1154): «Тогда же сѣдъ раздая волости дѣтемъ: Андрѣя посади *Вышегородъ*, а Бориса *Туровъ*, Глѣба въ *Переяславлѣ*, а Василкови да *Поросѣ* (вар.: Порусѣ)», можно предполагать, что въ 1149 году Глѣбъ Юрьевичъ назначенъ былъ собственно княземъ Поросья, слѣд. былъ княземъ юрьевскимъ, хотя и жилъ въ Каневѣ по какимъ либо обстоятельствамъ, такъ какъ Каневъ былъ главнымъ сторожевымъ пунктомъ, охранявшимъ судовыя пути изъ Чернаго и Азовскаго морей (греческій, соляный и залозный) въ Кіевъ.

связано упоминаніе о кочеваннн черныхъ клобуковъ по Роту, т. е. на теперешней бѣлоцерковской равнинѣ, лѣтописномъ Перечетовскомъ полѣ. Черныя клобуки, при расселеніи своемъ въ бассейнѣ Росп, выбирали и занимали прежде всего, конечно, такія мѣста, которыя, будучи менѣе другихъ удобны для земледѣлія, представляли собою удобныя и обильныя пастбища, которыя, слѣд., по характеристическимъ чертамъ своей природы, наконецъ, по своему общему ландшафту, сколько нибудь напоминали этимъ дѣтямъ пустыни роскошныя приволья степей донецкихъ и приазовскихъ, изъ которыхъ они были вытѣснены другими кочевниками, а такими мѣстами и были прежде всего тѣ болѣе или менѣе значительныя равнины, или, по мѣстному выраженію, степи, которыя встрѣчаются въ области Поросья ¹⁾. Теперешняя бѣлоцерковская равнина, простирающаяся по рр. Ротку, Узицу и Рокитнѣ и славящаяся доселѣ своими пастбищами, и была самою обширною и привлекательною изъ этихъ равнинъ. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется, что лѣтописное извѣстіе 1165 г. можетъ бросить лучъ свѣта и на лѣт. извѣстіе 1095 года (см. пунктъ VI-й). Спрашивается, чего ради тогда половцы мед-

¹⁾ У Семенова указаны слѣд. равнины А) на лѣвой половинѣ Поросья: а) въ востокъ у., обширная равнина, простирающаяся около м. *Бѣлой Церкви*, по направленію къ *Василькову*, *Фастову* и *Мировкѣ*; ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ Бѣлой Церкви до р. Стугны 80 верстъ; продолженіе ея тянется на востокъ, между сс. *Острійками*, *Житніе горы* и *Рокитною*; б) въ канев. у., между сс. *Пустовойтами* и *Зеленьками*; в) въ канев. у. пайбольшая равнина простирается на лѣвомъ берегу р. Росавы, между с. *Синяею*, *Большими Степанцами*, ниже села *Ковали*, къ селамъ *Яблунову* и *Малому Ржавцу*; длина ея 15 верстъ, ширина отъ 3 до 8 верстъ; Б) на правой половинѣ Поросья: а) въ тарац. у. открытая равнина, между сс. *Николаевскою*, *Острою Мошолою*, *Буркатовскою* (иначе—Брилевка) и лѣвымъ берегомъ *Гнилого Тикича*, заключающая въ себѣ около 10 квадр. верстъ; б) въ канев. у., равнина между м. Медвнномъ и с. Баранье поле. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, и въ настоящее время обширныя тучныя степи по р. *Узицу* арендуются купцами подъ выпасъ скота; земля вокругъ села *Пустовойты*, расположеннаго на равнинѣ, служащей продолженіемъ *бѣлоцерковской* и *кагарльцкой* степи, степныя, съ обильнымъ черноземомъ, затвердѣвающимъ при малѣйшей засухѣ, отчего хлѣба часто не удаются; Баранье поле расположено на оконечности равнины, или раздолья, которое ограничивается рѣчкой Болркой и селомъ Медвнномъ и называется *Черкесь-долиною*.

лили возвращаться за Русь, съ лѣвой ея стороны на правую? Они тогда цѣлое лѣто кочевали около Юрьева на Перепетовскомъ полѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что имъ очень не хотѣлось разставаться съ этимъ привольемъ для кочеванья. Изъ сопоставленія лѣт. извѣстія 1095 г. съ извѣстіемъ 1162 г. можно вывести, что борьба велась главнымъ образомъ изъ-за кочеванья на Перепетовской равнинѣ и происходила главнымъ образомъ между половцами и черными клобуками, изъ которыхъ первые старались вытѣснить послѣднихъ. Изъ той настойчивости, съ которою половцы осаждали Юрьевъ въ 1095 г., а также и изъ того обстоятельства, что Святополкъ въ 1103 г., при первой представившейся къ тому возможности, успѣшилъ возобновить Юрьевъ, можно заключать, что городъ Юрьевъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, защищавшимъ упомянутую равнину отъ половцевъ, былъ, такъ сказать, ключемъ, ее запиравшимъ ¹⁾).

XVI. Въ 1183 г. (Ипатск. 428) епископъ *юревскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василя въ Кіевѣ, на Великомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ.

¹⁾ Съ лѣтописными извѣстіями 1095 и 1162 г. необходимо, кажется, должны быть сопоставлены также и лѣтописныя свидѣтельства о набѣгахъ половцевъ на Поросье въ 1165 и 1172 г., хотя въ нихъ и не упоминается о Юрьевѣ. Въ 1165 г. (Ипатск. 359) Василько Ярополчичъ, княжившій въ г. *Михайловъ*, у юго-западной окраины Перепетовскаго поля, избилъ половцевъ на Руси. Подъ 1172 г. (Ипатск. 379, а по Лавр. 339 подъ 1169 г.) въ лѣтописяхъ встрѣчается *сказаніе* легендарнаго характера (которое мнѣ приходилось уже отчасти разсматривать въ моемъ розысканіи о Перепетовскомъ полѣ) о жестокомъ двукратномъ пораженіи, нанесенномъ половцамъ, главнымъ образомъ черными клобуками, на Перепетовскомъ полѣ въ *лукъ моря* (у рутецкаго озера) и о преслѣдованіи ихъ за р. *Бугъ* (по всей вѣроятности, — за Гнилой Тикичъ). Въ Лавр. лѣтописи сказаніе это раздвоилось на двѣ части: подъ 1169 г. помѣщенъ рассказъ о битвахъ на Перепетовскомъ полѣ, а подъ 1173 г. тотъ-же самый рассказъ, съ тѣми-же дѣйствующими лицами и съ тѣми-же пріемами и подробностями, приложенъ къ пораженію половцевъ за р. Бугомъ. Должно быть, преслѣдованіе половцевъ за Бугъ слѣдовало непосредственно за пораженіемъ ихъ на Перепетовскомъ полѣ. Въ концѣ концовъ половцамъ, кажется, пришлось таки примоститься къ этой равнинѣ; но крайней мѣрѣ, у окраины Перепетовскаго поля мы встрѣчаемъ такіа названія населенныхъ мѣстъ, которыя прямо указываютъ на половецкую народность. Весьма возможно, справедливо замѣчаетъ г. Похлепичъ, что основаніе селъ *Большая Половецька* и *Малая Половецька* принадлежитъ эпохѣ половецкихъ нашествій».

XVII. Въ 1197 г. (Ипатск. 473) епископъ *юревскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи каменной церкви св. Апостоль въ *Бѣлгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XVIII. Въ томъ-же, 1197 г. (Ипатск. 474) епископъ *юревскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василія въ Кіевѣ, на новомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XIX. Въ посланіи Симона къ Поликарпу упоминается юревскій епископъ *Олексій*, умершій или оставившій свой постъ около 1220 года (Памятн. російск. словесн. XII в., стр. 255; Карамз. III, прим. 171) ¹⁾.

XX. Въ 1231 году (Лавр. 434) *юревскій* епископъ, не названный по имени, участвуетъ при поставленіи въ Кіевѣ Кирилла въ епископы Ростову, Ярославлю и Угличю Полю, вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и полоцкимъ. (Ср. И. Р. Ц. Макарія, т. IV, стр. 107).

Сопоставляя цѣлый рядъ лѣтописныхъ упоминаній о юревскихъ епископахъ (пункты I, II, IV—VI, VIII—X, XII, XIII, XVI—XX), мы видимъ, что эти извѣстія, ничего не говоря о мѣстоположеніи Юрева въ частности, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что Юревъ, какъ и Бѣлгородъ, былъ ближайшею къ Кіеву епископіею; видимъ также, что юревскіе епископы заступаютъ иногда мѣсто митрополита (пункты II, XIII), участвуютъ въ разныхъ церковныхъ торжествахъ въ Кіевѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, Вышгородѣ и Бѣлгородѣ, а именпо: въ закладкѣ и освященіи церквей (п. II, IV, XVI—XVIII), перенесеніи мощей (п. I, V, IX), посвященіи іерарховъ (п. XII, XX), а иногда и въ мірскихъ дѣлахъ (п. VI, XIII).

Изъ представленнаго хронологическаго обзора лѣтописныхъ извѣстій о Юревѣ, юревцахъ и юревскихъ епископахъ видно, что свидѣтельства эти тянутся почти непрерывною вереницею въ

¹⁾ «Пишетъ ми книги киянина Ростислава Верхуслава, хотящп тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, пль Смоленску на Лазарево мѣсто, пль *Юреву на Олексіево мѣсто*». Антоній (Добрыня Адрѣйковичъ) былъ епископомъ въ Новгородѣ 1212—20 и снова 1225—9 г.

теченіи 159-ти лѣтъ и обрываются лишь наканунѣ монгольскаго погрома ¹⁾).

Максимовичъ (Собр. соч I, стр. 692) замѣчаетъ, что *Юрьевъ* значится еще и въ „Спискѣ русскимъ городамъ“ XIV-го вѣка.

Размотримъ теперь существующія предположенія касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси. Такихъ предположеній существуетъ, сколько мнѣ извѣстно, два: одно г. Похилевича, другое г. Н. Барсова, и оба они одинаково неосновательны.

Г. Похилевичъ приурочиваетъ лѣтописный Гурговъ къ теперешнему мѣстечку Бѣлой-Церкви, кievской губерніи, васильковскаго уѣзда, на р. Роси, при впаденіи въ нее съ лѣвой стороны р. Ротка. „Къ Юрьеву, говоритъ онъ, *относятъ* (кто?) тѣ историческія событія, которыя въ періодъ удѣльныхъ междоусобій описываются происходившими на урочищѣ Ротку, *такъ какъ* ручей Ротокъ впадаетъ въ Рось въ самой Бѣлой-Церкви и подъ симъ именемъ доселѣ извѣстна часть мѣстечка, примыкающая къ этому ручью“. Изъ обзора лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ видно, что въ лѣтописи упоминаніе объ этомъ городѣ только однажды является въ связи съ упоминаніемъ о Роткѣ, а именно въ свидѣтельствѣ 1162 года (пунктъ XV-й). Это и есть единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своего мнѣнія; но дѣло-то въ томъ, что въ 1162 г. половцы могли появиться у Ротка не только прямо съ юга, со стороны Бѣлой-Церкви, но также и съ юго-запада, всего-же вѣроятнѣе, что они появились съ юго-востока, такъ какъ изъ многихъ другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что они являлись на Поросье найчаще именно съ этой послѣдней стороны. Что-же

¹⁾ Г. Похилевичъ замѣчаетъ, что въ 1197 г. къ юрьевской епархіи присоединена упраздненная бѣлгородская; преосв. Филаретъ (И. р. ц. II, 129, прим. 220) полагаетъ, что въ 1231 г. полоцкій епископъ назывался вмѣстѣ бѣлгородскимъ и юрьевскимъ; но преосв. Макарій въ своей замѣткѣ: «Когда закрылись епархіи бѣлгородская и юрьевская?» (И. р. ц., т. IV, приложение XV-е) разъясняетъ, что эти мнѣнія возникли вслѣдствіе неправильнаго чтенія лѣтописныхъ свидѣтельствъ, и что обѣ эти епархіи, бѣлгородская и юрьевская, не теряли своей самостоятельности до самаго татарскаго погрома и закрылись лишь вслѣдствіе этого погрома.

касается прочихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о событіяхъ, совершавшихся на Роткѣ, то изъ нихъ дѣйствительно видно, что событія эти (пораженіе Юрія Долгорукаго Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 г., пораженіе половцевъ Михаиломъ Юрьевичемъ въ 1172 году и пр.) происходили довольно близко къ мѣстности, занимаемой теперь Бѣлою-Церковью; но именно эти-то свидѣтельства и доказываютъ вовсе не то, что хотѣлъ доказать г. Похилевичъ, т. е., что Бѣлая-Церковь есть Юрьевъ, но прямо противоположное тому, т. е., что Бѣлая-Церковь не есть Юрьевъ, ибо во всякомъ случаѣ было-бы странно, чтобы въ довольно обстоятельныхъ разсказахъ (разсказъ о рати Юрія съ Изяславомъ доходитъ даже до мельчайшихъ подробностей) о событіяхъ, которыя, какъ это выходитъ изъ словъ г. Похилевича, происходили въ самомъ Юрьевѣ (Бѣлой-Церкви),—городѣ, столь извѣстномъ въ то время хоть-бы уже ради бывшей въ немъ епископіи, лѣтописцамъ не пришлось ни разу назвать этого города ¹⁾ Кромѣ того, противъ предположенія г. Похилевича говоритъ также и то, во 1-хъ, что въ Бѣлой-Церкви пѣтъ вовсе такихъ вещественныхъ остатковъ или слѣдовъ древней населенности, которые можно было-бы относить къ домонгольскому періоду; во 2-хъ, что ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ устныхъ преданіяхъ не сохранилось ни малѣйшаго намека на то, что Бѣлая-Церковь когда-либо называлась Юрьевомъ.

Г. Н. Барсовъ приурочиваетъ лѣтописный Юрьевъ къ селамъ „*Большой и Малый Ерчики* на р. *Ростовицѣ* въ сквирскомъ уѣздѣ. (Очерки русск. ист. географіи, Варшава, 1873, стр. 119). Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что книга г. Барсова далеко не чужда неточностей. Относительно Ерчиковъ необходимо сдѣлать слѣдующія поправки: а) каждое изъ этихъ двухъ селъ носитъ въ отдѣльности имя въ формѣ множественнаго числа, а не единственнаго: *Большіе Ерчики*, а не Большой Ерчикъ, и *Малые Ерчики*, а не Малый Ерчикъ; б) и то и другое село распо-

¹⁾ Изъ сказаннаго видно, до какой степени правъ Н. И. Костомаровъ, замѣтивъ, въ разсказѣ о поѣздкѣ своей въ Бѣлою-Церковь (Кіевская Старина 1882 г., № 5, стр. 242), что мнѣніе г. Похилевича о тождествѣ Юрьева съ Бѣлой-Церковью—не болѣе, какъ одно предположеніе, имѣющее за собою мало точныхъ указаній.

ложены не на самой Раставицѣ, а на ея правыхъ небольшихъ, безыменныхъ притокахъ, Большіе—верстахъ въ 5-ти, а Малые—верстахъ въ 2-хъ отъ Раставицы. Къ соображеніямъ г. Барсова о Ерчихахъ я съ своей стороны добавлю, что, кромѣ Ерчиновъ, въ лѣвой половинѣ Поросья, въ сквирскомъ-же уѣздѣ, есть еще и село *Ерешки*, или *Ярешки*, верстахъ въ 26 къ с.-з. отъ Малыхъ Ерчиновъ. Г. Барсову казалось, должно быть, что въ имени *Ерчики* сохранился звуковой слѣдъ имени *Юрія* (*Юрчикъ*, *Ерчикъ*); но въ Словарѣ Даля мы встрѣчаемъ такое толкованіе: *ерикъ*, *еричекъ* ю.-в.: а) старіца, рѣчищѣ, часть покинутого русла рѣки, куда по веснѣ заливается вода и остается въ долгихъ яминахъ; б) глухой рукавъ рѣки, образовавшійся изъ старицы; в) узкій, глубокій проливъ изъ рѣки въ озеро, между озерами и ильменами“. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, упомянутое нами село *Ерешки* (= *Ерчики*) отдѣляется отъ села Бровокъ, расположеннаго на правомъ берегу р. Каменки, лѣваго притока Роси, небольшимъ оврагомъ (яромъ) съ ручьемъ, изъ чего можно догадываться, что оно получило свое названіе отъ того, что расположено при *еричкѣ* (р. Каменки) въ 1-мъ или во 2-мъ значеніи этого слова. По всей вѣроятности и тѣ рѣчки, впадающія въ Раставицу, при которыхъ расположены *Ерчики* суть собственно *ерички* въ которомъ нибудь изъ значеній этого слова, и что отъ нихъ-то и пошли имена этихъ сель¹⁾. Слѣд. имя Ерчики, возникшее отъ особенностей топогра-

¹⁾ Въ бассейна Роси въ кievской губ. есть еще: а) въ сквирскомъ-же уѣздѣ *Ерчики жидосецкіе*, деревня расположенная, какъ это видно изъ в.-т. карты (рядъ XXIV-й, листъ 8-й), на лѣвой сторонѣ р. Унавы, при впаденіи въ нее безыменнаго ручья, верстахъ въ 4-хъ ниже села Жидовець и въ 17-ти верстахъ прямо къ сѣверу отъ Малыхъ Ерчиновъ; б) въ звенигородскомъ уѣздѣ село *Ерки* на правой сторонѣ р. Шполки, лѣваго притока Гнилого Тикича, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія Шполки въ Тикичъ, съ замѣчательнымъ ключемъ воды, подробности о которомъ сообщены у Похилевича. Въ предѣловъ кievской губ., въ Словарѣ Семсова упоминаются: а) с. *Ерковцы* переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи при безыменномъ озерѣ; б) с. *Иловатый Ерикъ* (иначе—Иловатка) новоузенскаго уѣзда, самарской губ. при р. *Иловатомъ Ерикѣ*. Въ книгѣ Большого Чертежа упоминается рѣчка *Ерекъ Каменный* (теперь—Каменка), впадающая въ Донецъ съ правой стороны ниже г. Изюма харьковской губ. Слово *ерикъ*, конечно, тюркскаго происхожденія, такъ что села Ерки, Ерчики, Ерешки (=Еречки), Ерковцы представляютъ слѣды осѣданія на русской почвѣ тюркскихъ племенъ.

фическаго положенія селъ, которые его носятъ, не имѣеть ни малѣйшаго отношенія къ имени города Юрьева. Кромѣ того, противъ предположенія г. Барсова говоритъ также и то, что ни въ Большихъ, ни въ Малыхъ Ерчикахъ нѣтъ никакихъ ни остатковъ, ни слѣдовъ древняго городища ¹⁾. До какой степени къ Ерчикамъ могутъ быть приурочены лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, объ этомъ рѣчь впереди.

Взамѣнъ существующихъ предположеній касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ Поросля я позволяю себѣ выставить свое мнѣніе, по которому Гурговъ долженъ быть приуроченъ къ городищу *Райгороду*, или *Райгородку* близъ села *Ольшаницы* васильков. уѣзда. Городище это, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея (Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кiev. губ. Кіевъ 1848, стр. 28) и Похилевича, расположено въ 2-хъ верстахъ къ с.-в. отъ Ольшаницы, на правомъ берегу р. *Гороховатки*, въ просторѣчій—*Ольшаницы*, лѣваго притока Роси, и состоитъ изъ земляныхъ укрѣпленій, соединяющихся валомъ со рвомъ; валъ вышиною въ 2½ сажени, а всего пространства въ городищѣ 43½ десятины. Оно обращено теперь въ пахатное поле, но что это мѣсто было населено, это видно изъ того, что здѣсь безпрестанно попадаетъ кирпичный мусоръ и перержавшіе куски желѣза. Городище это отстоитъ отъ т. н. *Троянова вала* въ 4-хъ верстахъ ²⁾. Самое село Ольшаница расположено по обоимъ берегамъ *Гороховатки*, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія ея. Кромѣ того, видоизмѣненіе *Ерешки* въ *Ярешки* указываетъ на сближеніе слова *ерикъ*, и по звуку, и по значенію, со словомъ *яръ* (яруга, оврагъ), отъ котораго также есть немало именъ населенныхъ мѣстностей и въ кievской и въ другихъ губ., особенно юго-восточныхъ.

¹⁾ Г. Барсовъ замѣчаетъ: «Между ними (Большими и Малыми Ерчиками) сел. Буки-*Бакожинъ*, по преданію, древній городъ (Фунд. 46). По что-же изъ этого? Бакожинъ есть Бакожинъ, а не Юрьевъ.

²⁾ Валъ этотъ начинается въ сквирскомъ у., у села *Почуекъ* (на противоположной сторонѣ р. Каменки), вступаетъ въ васильковскій уѣздъ при селѣ *Красный-Лѣсъ* (при р. Холопѣ), тянется по лѣвой сторонѣ Роси чрезъ м. *Бялю-Церковь*, деревни *Томиловку* (на лѣвой сторонѣ Роси), *Чепелевку* (при р. Узинѣ), село *Сухольсы* (на лѣвой сторонѣ Роси), м. *Рокитну* (иногда—*Кротыловъ*, на р. Рокитнѣ), село *Ольшаницу*, наконецъ у села *Саварки* (на лѣвой сторонѣ Роси), склоняется къ каневскому уѣзду, къ селу *Синицъ* (на пр. ст. Роси, при впаденіи въ нея р. Синицы).

въ Росѣ. По свѣдѣніямъ, передаваемымъ г. Похилевичемъ, ольшаницкіе жители по преданію, утверждаютъ, что городище Райгородъ очень древнее, что тамъ былъ городъ *Rajгородъ*, что въ немъ жили цари, или князья, имѣвшіе свое войско, что въ городѣ этомъ было много церквей, что онъ, какъ и всѣ его окрестности, разрушенъ и опустошенъ татарами, и что, наконецъ, пынѣшняя Ольшаница возникла, по разореніи Райгорода, изъ хуторовъ, заведенныхъ жителями города въ ольховыхъ лѣсахъ¹⁾. До какой степени, по отношенію къ населеннымъ мѣстностямъ домонгольскаго періода, крѣпка народная память и живучи сохраняемые ею преданія, это съ поразительною ясностью доказало ученому міру указанное мною выше преданіе о Торчѣ, лѣтописномъ Торческѣ, или Торційскомъ градѣ, поразительнымъ образомъ совпадающее съ лѣтописнымъ рассказомъ объ осадѣ Торческа половцами въ 1093 году. Въ виду этого обстоятельства я думаю, что и Ольшаницкое преданіе, съ совершенною прозрачностью указывающее на Райгородъ, какъ на домонгольскій стольный княжескій городъ со многими церквами, едва ли такъ незначительно, чтобы не обращать на него никакого вниманія. Напротивъ, въ виду полной исторической достовѣрности преданія о Торчѣ, я думаю, что и ольшаницкое преданіе заслуживаетъ самаго полного и глубокаго нашего вниманія.

Уже одно то обстоятельство, что въ Райгородѣ существуетъ древнее городище, съ которымъ связывается народное преданіе о Райгородѣ, какъ о домонгольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ „со многими церквами“, между тѣмъ какъ ни въ Бѣлой-Церкви ни въ Брчицахъ никакого древняго городища не существуетъ, и никакого древняго преданія не сохранилось, склоняетъ преимуществу пріуроченія древняго Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-

²⁾ Части городища Райгородка, хотя оно и обращено въ пахатное поле, и доселѣ называются такими именами, которыя напоминаютъ о бывшемъ здѣсь значительномъ населеніи, напр., Ткачівщина, Ковалівщина и т. п. По догадкѣ Фундуклея городище Райгородокъ есть слѣдъ удѣльнаго города князей Ольшанскихъ, или Гольшанскихъ (о нихъ см. у Стрѣйковскаго I, стр. 317—8). Похилевичъ къ с. Ольшаницѣ пріурочиваетъ извѣстіе Стрѣйковскаго подъ 1527 г. (ч. II, стр. 394) о томъ, что русскіе князья, собравшись у Кіева, гошля татаръ за Кіевъ миль 40 «az do Holszczanicy»; но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ скорѣе рѣчь можетъ идти о р. Ольшанкѣ, впадающей въ Днѣпръ ниже владенія Роси.

Церкви и не къ Ерчикамъ; но само-собою разумѣется, что это апріорное заключеніе можетъ получить силу вывода рѣшительнаго и окончательнаго лишь въ томъ только случаѣ, если мы докажемъ, что во 1-хъ, всѣ вообще лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, взятая въ ихъ совокупности и взаимной связи, равно основанныя на нихъ выводы какъ о значеніи Юрьева, такъ и о его мѣстоположеніи, легко, безъ всякихъ натяжекъ, приурочиваются къ Райгороду Ольшаницкому, а во 2-хъ, что всѣ или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ свидѣтельствъ и выводовъ гораздо естественнѣе и легче приурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ какому-либо другому пункту лѣвой половины Поросья, какъ напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, къ которымъ Юрьевъ по существующимъ догадкамъ приурочивается.

Итакъ приступимъ теперь къ оцѣнкѣ разсмотрѣнныхъ нами выше лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ Райгороду, Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ.

1-е. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. мы вывели, что *Юрьевъ* находился между *Городцемъ* и *Рогачевымъ*, слѣдовательно былъ болѣе или менѣе центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросья. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Кагарлыка:	до Рогачей:
отъ <i>Ольшаницы</i>	25 верстѣ,	85 верстѣ,
„ <i>Бѣлой-Церкви</i>	49 верстѣ,	33 версты,
„ <i>Болшихъ Ерчиковъ</i>	81 верста,	20 верстѣ,

мы видимъ, что по отношенію къ Кагарлыку и Рогачамъ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Бѣлая-Церковь, затѣмъ Райгородъ и наконецъ Ерчики, но что тѣмъ не менѣе по силѣ упомянутаго вывода, если взять его въ отдѣльности, мѣстоположеніе Юрьева можетъ быть безъ всякаго затрудненія приурочено не только къ Бѣлой-Церкви, но и къ Райгороду, и къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ того-же лѣтописнаго разсказа выведено было нами, что Юрьевъ, будучи центральнымъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пайболѣе значительнымъ и важнымъ и, по всей вѣроятности, и *стольнымъ княжескимъ городомъ* въ удѣлѣ Игоря. А такъ какъ въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси только о Райгородѣ сохранилось преданіе, какъ о *стольномъ княжескомъ городѣ*, и

такъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство и склоняетъ преимуществу приуроченія Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви, Ерчикамъ или къ какому-либо другому пункту.

2) Лѣтописныя извѣстія о юрьевскихъ епископахъ сами по себѣ указываютъ лишь вообще на *Юрьевъ*, какъ на ближайшую, на ряду съ *Бѣлгородомъ* (теперь м. Бѣлгородка кievскаго у.), къ *Кіеву* епископію. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Кіева:	до м. Бѣлгородки:
отъ <i>Ольшаницы</i>	83 версты,	80 версты,
„ <i>Бѣлой-Церкви</i>	76 версты,	63 версты,
„ <i>Большихъ Ерчиковъ</i>	92 версты,	74 версты,

мы видимъ, что по отношенію къ Кіеву и Бѣлгородкѣ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Райгородъ (Ольшаница), затѣмъ Бѣлая-Церковь и наконецъ Ерчики, но тѣмъ не менѣе очевидно, что упомянутыя извѣстія, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, могутъ быть примѣнены не только къ Райгороду, но также и къ Бѣлой-Церкви и даже, хотя и не безъ натяжки, къ Ерчикамъ. Дѣло въ томъ, что эти извѣстія, указывая на Юрьевъ какъ на городъ, въ которомъ въ теченіи по меньшей мѣрѣ 159-ти лѣтъ существовала епископія, свидѣтельствуютъ этимъ самымъ о томъ, что Юрьевъ былъ городомъ *значительнымъ по отношенію къ развитію въ немъ церковной жизни*. А такъ какъ въ лѣвой половинѣ Поросья только о Райгородѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о городѣ, въ которомъ было „много церквей“, между тѣмъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство въ свою очередь даетъ намъ основаніе приурочивать Юрьевъ именно къ Райгороду, а не къ какому-либо другому пункту лѣвой стороны Поросья.

3) Лѣтописное извѣстіе 1095 г. (а также и находящееся съ нимъ въ тѣснѣйшей связи извѣстіе 1103 г.) указываетъ въ общихъ чертахъ на топографическое отношеніе *Юрьева* къ р. *Саковити* (за которою жили засаковцы) и къ *Святополку*, теп. Стайкамъ. Изъ слѣдующей таблицы разстояній:

	до устья Саковицы:	до Стаекъ:
отъ Олышаницы	46 верстъ,	48 верстъ,
„ Бѣлой-Церкви	82 версты,	62 версты,
„ Большихъ Ерчиговъ . .	111 верстъ,	90 верстъ,

мы видимъ, что извѣстіе это гораздо удобнѣе приурочивается къ Райгороду Олышаницкому, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ, во 1-хъ, и къ Саковицѣ и къ Стайкамъ ближе, во 2-хъ, по отношенію къ нимъ центральнѣе, чѣмъ Бѣлая-Церковь и Ерчики.

4) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій 1147 и 1154 г. мы сдѣлали выводъ о томъ, что *Каневъ*, какъ городъ юрьевской епархіи, былъ ближе къ *Юрьеву*, чѣмъ къ *Кіеву*. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

отъ <i>Канева</i> до <i>Кіева</i>	96 верстъ,
„ „ „ <i>Олышаницы</i>	56 „
„ „ „ <i>Бѣлой-Церкви</i>	90 „
„ „ „ <i>Большихъ-Ерчиговъ</i>	122 версты,

мы видимъ, что упомянутый выводъ гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, и что онъ едва-ли можетъ быть примѣненъ къ Ерчикамъ, такъ какъ отъ *Канева* гораздо ближе къ *Кіеву*, чѣмъ къ Ерчикамъ.

5) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ 1159 и 1154 и другихъ мы вывели заключеніе о томъ, что *Юрьевъ* находился вообще между *Бѣлгородомъ*, *Росью* и *Каневомъ*. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Бѣлгородки:	до Канева:
отъ Олышаницы	80 верстъ,	56 верстъ.
„ Бѣлой-Церкви	63 версты,	90 „
„ Большихъ Ерчиговъ . .	74 „	122 версты,

мы видимъ, что, по отношенію къ Бѣлгородкѣ и Каневу, Райгородъ является и наиболѣе близкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе центральнымъ пунктомъ. Но и безъ этихъ выкладокъ достаточно взглянуть на карту Поросья, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутое заключеніе, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду Олышаницкому, лежащему на Роси именно въ указанномъ направленіи между Бѣлгородкой и Каневомъ, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ

и Бѣлая-Церковь и тѣмъ болѣе Ерчики отъ линіи Бѣлгородка—Рось—Каневъ лежатъ въ сторонѣ, къ западу.

6) Въ разсказѣ Владиміра Мономаха (пунктъ III) группируются, какъ мы видѣли, пункты одной и той-же мѣстности, не слишкомъ далеко отстоящіе отъ *Днѣпра* (Торчъ, Краснъ), со стороны котораго по преимуществу и дѣлали свои набѣги половцы на правобережную Русь. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до ближайшаго пункта Днѣпра:

отъ *Ольшаницы* 44 версты (до Ржищева),
 „ *Бѣлой-Церкви* 56 верстъ (до Триполья),
 „ *Большихъ Ерчиковъ* 83 вер. (до Триполья),

мы видимъ, что и этотъ разсказъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе приурочивается къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ ближе къ Днѣпру, чѣмъ послѣдніе два пункта.

7) Извѣстіе 1162 г. указываетъ въ общихъ чертахъ на отношеніе *Юрьева* къ бассейну *Ротка*. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до Рутецкаго озера:

отъ *Ольшаницы* 30 верстъ,
 „ *Бѣлой-Церкви* 17 „
 „ *Большихъ Ерчиковъ* 30 „

нельзя не замѣтить, что упомянутое извѣстіе, взятое въ отдѣльности, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, легче всего приурочивается къ Бѣлой-Церкви, и мы видѣли, что это и есть то единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своей гипотезы; но при сопоставленіи его съ другими естественнѣе предполагать, что въ 1162 г. половцы появились изъ-за Роси къ Юрьеву приблизительно по тому-же пути, по которому они появились къ нему и въ 1095 г. (пунктъ VI-й), по которому они отъ Бѣлгорода бѣжали за Рось въ 1159 году, (пунктъ XIV-й), и, быть можетъ, по которому преслѣдовалъ ихъ Владиміръ Мономахъ въ 1085 году (пунктъ III-й), а такъ какъ извѣстія о всѣхъ этихъ событіяхъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе, какъ мы видѣли, приурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, то это обсто-

ательство побуждаегь насъ приурочивать и извѣстія 1162 г. къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви и не къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ сопоставленія лѣт. свидѣтельствъ 1162, 1095 и 1103 гг., мы вывели заключеніе о Юрьевѣ, какъ о важномъ *стратегическомъ пунктѣ, защищавшемъ отъ половцевъ доступъ къ перепетовской равнинѣ*. Достаточно, кажется мнѣ, взглянуть на карту Поросья и всмотрѣться въ положеніе Райгорода, Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ, по отношенію къ этой равнинѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутому значенію Юрьева гораздо болѣе соотвѣтствуетъ мѣстоположеніе Райгорода, лежащаго въ юго-восточномъ углу равнины, ближайшему къ той сторонѣ, съ которой обыкновенно появлялись половцы, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, лежащей къ сѣверо-западу отъ Райгорода, на западной окраинѣ равнины, и что положеніе Ерчиковъ вовсе не соотвѣтствуетъ указанному значенію Юрьева, такъ какъ они лежатъ даже и не при окраинѣ равнины, но въ сторонѣ отъ нея, къ западу.

Теперь подведемъ итогъ всѣмъ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводитъ насъ наше розысканіе о мѣстоположеніи лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ полости Роси.

Лѣтописный Юрьевъ есть теперешнее городище Райгородъ близъ села Ольшаницы васильк. у., на прав. берегу р. Гороховатки, въ просторѣчьи—Ольшаницы, недалеко отъ впаденія ея въ Рось. Доказательствами сему служатъ: а) существованіе древняго городища въ Райгородѣ и связанное съ этимъ городищемъ пародное преданіе о Райгородѣ, какъ о домошольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ со многими церквами; б) несуществованіе древнихъ городищъ и подобнаго преданія въ другихъ мѣстахъ лѣвой половины Поросья, къ которымъ, по предположеніямъ, древній Юрьевъ приурочивается (въ Бѣлой-Церкви и Ерчикахъ); в) близкое совпаденіе лѣтописнаго свидѣтельства 1142 г. о Юрьевѣ, какъ объ удѣльномъ княжескомъ городѣ и цѣлаго ряда историческихъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ, какъ о епископіи, съ упомянутымъ выше народнымъ преданіемъ о Райгородѣ; г) полное соотвѣтствіе всѣхъ лѣтописныхъ указаній и намековъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, на мѣстоположеніе и стратегическое значеніе Юрьева мѣстоположенію Райгорода; д) большая степень примѣнимости большей части упомянутыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ (см.

пункты 3, 4 и 6-й) къ положенію Райгорода, чѣмъ къ положенію другихъ пунктовъ лѣвой стороны Поросья, какъ, напр., Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ; е) значительное неудобство приуроченія нѣкоторыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о мѣстоположеніи Юрѣва (см. пункты 5 и 7-й) ко всякому другому пункту лѣвой половины Поросья (напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ), кромѣ Райгорода; ж) шаткость и несостоятельность мнѣній, по которымъ Юрѣвъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. слѣдуетъ отличать отъ Юрѣва на Роси всѣхъ прочихъ лѣтописныхъ извѣстій о немъ, каково, напр., мнѣніе автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, отождествляющее Юрѣвъ извѣстія 1142 г. съ Городцемъ остерскимъ; з) шаткость и несостоятельность существующихъ предположеній о мѣстоположеніи Юрѣва на Роси, каковы гипотезы Похилевича, отождествляющаго Юрѣвъ съ теперешнею Бѣлой-Церковью, и Н. Барсова, приурочивающаго Юрѣвъ къ Ерчикамъ сквирскимъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что если оцѣнивать обѣ существующія гипотезы о мѣстоположеніи Юрѣва на Роси,—гг. Похилевича и Н. Барсова, сравнительно, съ точки зрѣнія лѣтописныхъ свидѣтельствъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, то должно отдать предпочтеніе гипотезѣ г. Похилевича, такъ-какъ она, какъ мы видѣли, имѣетъ хоть кое-какое основаніе въ лѣтописныхъ указаніяхъ и, во всякомъ случаѣ, постольку ближе къ истинѣ, чѣмъ гипотеза г. Барсова, поскольку Бѣлая-Церковь ближе къ Райгороду, чѣмъ Ерчики, между тѣмъ, какъ гипотеза Барсова основана лишь на случайномъ созвучіи имени *Юрѣвъ* и слова *ерчикъ*. Но, тѣмъ не менѣе, отвергая традицію и преемство имени въ этомъ случаѣ, нельзя не признать вообще, что, при розысканіяхъ въ области лѣтописной топографіи, послѣ лѣтописныхъ указаній и намековъ на мѣстоположеніе той или другой мѣстности, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, и *имя, звукъ* имѣетъ громадное значеніе и нерѣдко невзначай освѣщаетъ новымъ свѣтомъ самыя лѣтописныя свидѣтельства и приводитъ къ положительнымъ и достовѣрнымъ заключеніямъ. До какой степени живуча традиція древнихъ именъ, въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться и въ этой статьѣ, въ которой имена: *Рогачи* (*Рогачевъ, Ргачевъ, Иргачевъ*), *Городецъ* (въ Кагарлыкѣ), р. *Саковица* въ значительной степени помогли намъ подвинуть и обосновать наше розысканіе о

самомъ Юрьевѣ. Въ виду этой живучести традиціи древнихъ именъ, и такъ какъ мы уже отчасти напали на звуковой слѣдъ „*юръвецевъ*“ въ имени южной половины Стаекъ, лѣтописнаго Святополча,— „*Гуриновка*“, представляющемъ совершенно правильное, подкрѣпляемое лѣтописными варьяціями этого имени, видоизмѣненіе имени *Гуриновка*, неизбѣжно долженъ возникнуть предъ нами вопросъ, не существуетъ-ли и въ самомъ Райгородѣ, или по меньшей мѣрѣ въ его ближайшихъ окрестностяхъ чего либо, что хоть сколько нибудь сближало-бы Райгородъ съ лѣтописнымъ Юрьевомъ и *по имени?*

Въ отвѣтъ на это я могу представить слѣдующія соображенія:

1) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея, рѣчка *Гороховатка*, на прав. берегу которой расположено городище Райгородокъ, въ просторѣчій называется *Ольшаницей*. Но изъ того, что рѣчка эта такъ называется *въ просторѣчій*, выходитъ, что болѣе древнее, сохранившееся по преданію имя „*Гороховатка*“ сдѣлалось непонятнымъ, а потому и стало выходить изъ употребленія, замѣняясь понятнымъ, произведеннымъ отъ названія села именемъ „*Ольшаница*“. Да и въ самомъ дѣлѣ, имя „*Гороховатка*“, съ забвеніемъ его первоначальнаго смысла, должно было представляться страннымъ и необычнымъ, по сравненію съ другими именами рѣчекъ, заимствованными отъ именъ растений. Дѣло въ томъ, что такіа имена даются рѣчкамъ обыкновенно по некультурнымъ, дико растущимъ растеніямъ, которыми поростають ихъ берега или воды, а не по культурнымъ, каковымъ является горохъ. Если мы переберемъ для сравненія названія всѣхъ многочисленныхъ рѣчекъ богато орошеннаго Поросья, то въ числѣ ихъ встрѣтимъ не мало рѣчекъ съ именами, произведенными отъ именъ растений некультурныхъ, каковы имена: *Березанка*, *Нехворощъ*, *Орѣховатка*, *Орѣшина*, *Осицна* (отъ *осика*=*осина*), *Репяхъ*, *Рогозна*, *Рокитна*, *Шандра*¹⁾, и за исключеніемъ *Гороховатки* не встрѣтимъ ни

¹⁾ *Орѣховатка* на в.-т. и специальныхъ картахъ надписана *Орѣховець*; *Рогозна* надписана *Рубченка*, и при ея верховьи означено село *Рубченки*. На самомъ-же дѣлѣ село это называется *Рубченки*, а рѣчка Рогозной потому, что она изобилуетъ водянымъ растеніемъ *аиръ*, по малорусски—*рогоза*. *Рокитна* получила названіе отъ растенія *рокиты*, или *верболоза*, во множествѣ растущаго по ея лугамъ. *Шандра* на в.-т. и специальныхъ картахъ надписана *Руда* (ру-

одного названія, произведеннаго отъ имени растенія культурнаго. Въ виду этой несообразности названія рѣчки по имени культурнаго растенія, а также въ виду того несомнѣннаго факта, что нерѣдко имена небольшими рѣчкамъ даются по именамъ населенныхъ мѣстъ, которыя на нихъ расположены, каково и нынѣшнее имя занимающей насъ рѣчки въ просторѣчьи, каково имя р. Корсунки, на которой стоитъ Корсунъ и т. д., мы смѣло можемъ предположить, что первоначальное имя и нашей рѣчкѣ дано было по имени того населеннаго мѣста, которое на ней въ древности находилось, что имя это было *Гургова*, уменьшительное—*Гургов-ица*, *Гурговка* (ср. въ бассейнѣ Роси имена рѣчекъ: Каменница, или Каменка, Саковица, Ольшаница, или Ольшанка, Узьяница), а если такъ, то и первоначальное имя Райгорода было не иное, какъ *Гурговъ*; но съ тѣхъ поръ, какъ древній Гурговъ былъ разрушенъ и опустошенъ и вблизи его возникло новое поселеніе и съ новымъ именемъ, имя Гурговицы стало, конечно, непонятнымъ, вслѣдствіе чего, подъ вліяніемъ случайнаго созвучія съ вполне понятнымъ словомъ *горохъ*, оно рядомъ постепенныхъ звуковыхъ измѣненій и могло превратиться въ *Гороховица*, или *Гороховатка* ¹⁾.

2) Что касается имени городища „*Райгородъ*“, то, въ виду вышесказаннаго, необходимо заключить, что оно представляетъ собою не иное что, какъ вторую звуковую вѣтвь того-же самаго

да=болото), но *шандрою* называется болотное растеніе, извѣстное своимъ неприятнымъ запахомъ и наркотическими свойствами. Очень можетъ быть, что и имя рѣчекъ *Узинь*, *Узка* (лѣтописная Възяница) произошло отъ имени растенія. Въ сѣвернорусскомъ словарѣ, приложенномъ при «Причитаньяхъ сѣв. края, ч. 1, М. 1872», изд. *Е. Барсовымъ*, встрѣчается: *узикъ*—трава водяная.

¹⁾ Имена: *Георгъ*, *Гюръ*, *Горъ* и *горохъ*, кромѣ значительнаго созвучія, могли сблизиться въ народной фантазіи и по мнѣнческо-поэтическимъ представленіямъ, съ ними связаннымъ. Ср. воспоминаніе о царѣ *Горохъ* и сказочномъ Покоти-*Горошкѣ*, съ одной стороны, и духовные стихи и легенды о *Егоріи Храбромъ*. Ср. народный разсказъ въ «Малорусскихъ преданіяхъ и разсказахъ» (стр. 140), составленный въ формѣ діалога между двумя односельчанами: «Хто-жь теперь буде миромъ управлятъ?» — А то, кажуть, — Юрко!» — «Отсе було-бъ добре: вінь-би сихъ чортовихъ павівъ тее» ...

имени, отъ котораго пошло и имя рѣчки, т. е. что имя Райгородъ есть видоизмѣненіе имени *Гурій, Гурій*—городъ въ *Гурай*—городъ, вполне соответствующее видоизмѣненію въ малорусскомъ языкѣ имени Юрій въ Юрахъ, Юрась, или Еврахъ, Еврась (какъ это встрѣчается, напр., въ думѣ о Юріи Хмѣльницкомъ), а затѣмъ—сокращеніе его въ *Урай, Рай-городъ*¹⁾. А что имя Юрій существуетъ и въ настоящее время въ малорусскомъ языкѣ въ формѣ *Урай*, блестящимъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующая волинская пѣсня о св. Юріѣ, или Егоріѣ Храбромъ, который въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ является истребителемъ волковъ, змievъ и всякихъ гадовъ, устройтелемъ земли свято-русской и покровителемъ какъ земледѣльческаго, такъ и пастушескаго труда, и которому между прочимъ приписывается отмыканіе росы:

Та Урай матку кличе:

—Та подай, матко, ключа одімкинути небо,

Выпустити росу, дівочью красу.

Та дівочья краса, якъ *літняя* роса:

У меду потопае, въ *вині* выринае.

Та *Урай* матку кличе и пр...

Выпустити росу, парубоцькую красу.

Парубоцькая краса, якъ *зімняя* роса:

Въ *смоли* потопае, въ *дѣттю* вырипае (Чубинскій, III, 30—1²⁾).

¹⁾ У г. Барсова (Очерки р. ист. геогр., прим. 205) встрѣчается слѣдующая замѣтка: «На Росп мы видимъ *Урогородокъ*, къ югу отъ Канева, на лѣвомъ берегу Роси, почти у самаго поворота ея теченія на сѣверъ». Догадываюсь, что г. Барсовъ впалъ въ странное недоразумѣніе, именно превратилъ въ *Урогородокъ* (Юрьевъ городокъ) обозначенное на в.-т. картѣ на лѣвомъ берегу Роси, немного выше устья Саковицы, *Уроч. Городокъ*, т. е. *урочище* Городокъ.—Замѣчательно, что два предметъ м. *Линець* липовецкаго у. (лежатъ на равнинѣ, при соединеніи рѣчекъ *Соба, Собка* и *Вязовицы*) называются: *Ольшанка* и *Райки*. Въ кievской губ. есть еще *Райгородъ* — село черкаскаго у., при р. Тясминѣ. Въ волинской губ. есть *Райгородокъ* въ южной части жиитомирскаго у. Въ подольской губ. есть *Райгородъ*, м. гайсянскаго у., при р. Бугѣ. Въ харьковской губ. есть *Райгородокъ*—слобода язюжскаго у., на р. Торцѣ, и *Райгородка*—слобода старобѣльскаго у., при р. Айдарѣ. Въ астраханской губ. есть *Райгородокъ*—село черныярскаго у., при р. Малой Воложкѣ.

²⁾ Недавно этой пѣснѣ посчастливилось войти въ кругъ изслѣдованій А. А. Потебни (Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсень, Фил. Вѣстникъ, 1882, № 3, стр. 129), который и объяснилъ ее съ свойственнымъ ему умѣньемъ.

Не мѣшало-бы какому нибудь завязаному и состоятельному любителю археологіи, какихъ теперь, со времени учрежденія періодическихъ археологическихъ съѣздовъ, появилось немало, порыться ради любознательности въ почвѣ древняго городища Райгородка у Ольшаницы. Хотя, конечно, наши древніе города были далеко не то, что Геркуланумъ и Помпея, тѣмъ не менѣе, авось откопалось-бы что либо, чтó-бы хоть сколько нибудь пополнило и оживило наши, основанныя на сухихъ, отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ замѣткахъ лѣтописи, представленія о лѣтописномъ Юрьевѣ, этомъ нѣкогда „златомъ столѣ“ и „епископіи“ привольнаго, текнаго медомъ и млекоу Поросья¹⁾.

М. Андреевскій.

1) Для облегченія читателей въ разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ пунктовъ изслѣдуемой мѣстности, перечислимъ въ азбучномъ порядкѣ всѣ надписи, сдѣланныя на картѣ юрьевского княжества и всего Поросья:

Р. Атака.	р. Голубка.	м. Кагарлыкь.
с. Баранье Поле.	р. Гончица.	р. Кагарлыкь Мокрый.
с. Безрадици Старые.	р. Гороховатка.	р. Кагарлыкь Сухой.
р. Березянка.	р. Горькій Тикичъ.	р. Калена.
р. Боборъ.	с. Гребенки.	р. Каменка (близъ р. Ра- ставицы).
р. Бобрица (близъ Канева).	р. Грузькій.	р. Каменка (близъ р. Кор- суки).
р. Бобрица (близъ Три- полья).	с. Деренковецъ.	г. Каневъ.
г. Богуславъ.	р. Дибрѣрь.	р. Кисловка.
р. Боровица.	р. Дунаецъ.	г. Кіевъ.
р. Боярка.	р. Дунайка.	с. Ковали.
с. Брялевка.	с. Емчиха.	р. Кожанка.
с. Бровки.	с. Ерешки.	м. Корсунъ.
р. Бутень Мокрый.	с. Ерчи.	р. Корсунка.
р. Бутень Сухой.	с. Ерчики Большіе.	р. Котлуй.
р. Быстра.	с. Ерчики Жидовецкіе.	р. Котлярка.
р. Быстрикъ (притокъ Орѣ- ховатки).	с. Ерчики Малые.	р. Колянка, или Коза.
м. Бѣлая-Церковь.	р. Жива.	р. Красна.
м. Бѣлгородка.	р. Жигалка.	с. Красно.
г. Васильковъ.	р. Жидь.	р. Крива.
р. Верховенка.	с. Житні Горы.	р. Лаврикъ.
с. Витачевъ.	с. Зеленки.	р. Легличъ.
м. Володарка.	р. Иква.	р. Лымарка.
г. Вышгородъ.	р. Ирпень.	м. Медвинъ.
р. Гнилой Тикичъ.		р. Мира.
		с. Мировка.

с. Михайловка.
 р. Молодецька.
 р. Молочна.
 р. Мыка.
 р. Насташка.
 р. Нехворощь.
 с. Николаевка.
 с. Ольшаница.
 р. Ольшанка.
 р. Орѣховатка.
 р. Орѣшва.
 р. Оспчна.
 с. Острая Могла.
 с. Острійки.
 р. Паволочка.
 Перепетиха (курганъ).
 Перепетовское поле
 Перепеть (курганъ).
 г. Переяславъ.
 р. Погань, или Зубрь.
 с. Половецька Большая.
 с. Половецька Малая.
 р. Потокъ.
 с. Почуйки.
 с. Пустовойты.
 р. Растванца.
 Райгородъ (городище).
 р. Репейка.
 р. Реляхъ.
 с. Ржавецъ Большой.
 с. Ржавецъ Малый.

м. Ржящевъ.
 с. Рогачи.
 р. Рогозна.
 р. Рокитна.
 м. Рокитна.
 р. Росава.
 р. Рось.
 р. Роська.
 р. Ротокъ.
 р. Руда.
 р. Саковца.
 р. Салиха.
 с. Сальковъ.
 р. Самецъ.
 р. Свись.
 с. Селище:
 р. Синица.
 р. Сиявка.
 с. Сиявка.
 р. Сітня.
 с. Ситники.
 р. Скваровка.
 г. Сквира.
 р. Сквира.
 р. Смотровуха.
 м. Стайки.
 с. Степанцы Большіе
 Степь (ржавецкая).
 Степь (пустовойтовская).
 Степь (тикичская).
 р. Стругъ.
 р. Стugna.
 р. Ступка.
 р. Субодъ (Соботъ).
 р. Супой.

г. Тараша.
 р. Торгань.
 р. Торчица.
 с. Торчица.
 Торчь (городище).
 р. Торчь Южный.
 м. Триполье.
 р. Трубежь.
 р. Тясминъ.
 Турчинъ лѣсъ (урочище).
 р. Унава.
 р. Узинъ.
 р. Узка.
 м. Фастовъ.
 р. Халча.
 р. Ходоровка.
 р. Холоць.
 р. Хоробра.
 р. Хрещатый Яръ.
 с. Черкасъ.
 Черкесь-Долина.
 р. Черва.
 р. Чернявка.
 р. Чучинка.
 р. Шандра.
 р. Шанова.
 р. Шпола.
 с. Яблуновъ.

СТРАШНЫЙ ІОСИФЪ *).

(Переводъ съ польскаго).

I.

Въ началѣ царствованія Станислава Августа, число стремившихся ко двору лицъ знатнаго происхожденія было очень незначительно. Тѣмъ легче, поэтому, достигали значенія при дворѣ ловкіе интриганы, избравшіе себѣ широкій, но скользкій путь карьеры. При этомъ, не личныя заслуги, а удачливость, умѣнье завладѣть на болѣе или менѣе продолжительное время благосклонностью непостояннаго короля, имѣли рѣшающее значеніе. Если послѣдній Пясть лишалъ благосклонности кого нибудь изъ своихъ избранниковъ, то это было скорѣе слѣдствіемъ равнодушія и забвенія, чѣмъ каприза или гнѣва... Избранникъ, разъ онъ хотѣлъ остаться имъ долго, долженъ былъ постоянными мелкими услугами напоминать о себѣ своему доброму господину, безпрестанно убѣждать его въ своей необходимости, непрерывно выступать съ заявленіями привязанности, почти граничащей съ обожаніемъ. Такого образа дѣйствій держался Іосифъ Стемпковский, и вотъ почему послѣднія 25 лѣтъ его жизни протекли для него такъ благополучно. Дошло до

*) *Opowiadania historyczne*. Dr. Antoni I. Serya 3, t. I, str. 171—221. Warszawa. 1882. — Іосифъ Стемпковский, герой предлагаемаго очерка, не принадлежитъ нашей исторіи, но его пмя неразрывно связано съ исторіею великаго движенія нашего народа 2-й половины XVIII в., извѣстнаго подъ именемъ *Колівищины*. Исторія эта вообще мало обследована, самое событіе остается еще подъ различными освѣщеніями. Помѣщаемая біографія, о которой въ свое время (см. Киев. Стар. 1882 г., т. IV, стр. 569—573) давнъ былъ нами отчетъ, содержитъ вѣкторыя новыя данныя для исторіи *Колівищины*; но гораздо болѣе интереса представляетъ безпристрастный, набросанный трудолюбивою и искусною рукою очеркъ лица, увѣковѣчившаго имя свое не чѣмъ-либо пвымъ, какъ-ролью эзекутора пли палача,

того, что въ значительной части современной ему Польши голосъ его имѣлъ рѣшающее значеніе. Расскажемъ здѣсь исторію этого счастливаго избранника; она любопытна во многихъ отношеніяхъ. Какъ въ зеркалѣ, отражается въ ней настроеніе извѣстнаго общественнаго слоя, въ рукахъ котораго находилась судьба „Рѣчи Посполитой“.

Иосифъ Стемпковскій не былъ человѣкомъ новымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ доказательство этого можно привести не мало упоминаній то въ тѣхъ, то въ другихъ документахъ объ его предкахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего смѣшнѣе генеалогій, фабрикованныхъ въ прошломъ столѣтіи. На видъ поражаютъ онѣ своимъ великолѣпіемъ: родословная тянется отъ Поцеля, при чемъ авторъ такого вѣтвистаго дерева, если ему приходится указать на своихъ предковъ, жившихъ на Руси, съ спокойной совѣстью присовокупляетъ, что предки эти переселились изъ Мазовіи, хотя-бы въ XII или XIII вѣкѣ. Соблюденіе исторической истины не входитъ въ его соображенія.

И нашъ герой, для удовлетворенія своего тщеславія, обладалъ родословной, стоившей столькихъ-же трудовъ и сколоченной какимъ-то ученымъ кармелитомъ изъ Бердичева, пожалуй даже изъ Лабўни ¹⁾... Между тѣмъ, современникъ Стемпковскаго, Букаръ, иначе высказывается по этому поводу. „Что касается знатности его происхожденія, пишетъ онъ, ничего не могу сказать, такъ

въ дѣйствіяхъ котораго отобразилась безграничная месть польской шляхты надъ беззащитнымъ украинскимъ народомъ, жаждавшая поголовнаго его истребленія. Исторія наша ждетъ еще полной картины казней, совершенныхъ во имя абсолютной мести; но, безъ ярко очерченной фигуры главнаго палача, эта картина никогда не была-бы полной, и въ этомъ отношеніи почтенный авторъ: «Страшнаго Иосифа» оказалъ ей значительную услугу. Если, по справедливому замѣчанію автора, въ дѣйствіяхъ Стемпковскаго, какъ экзекутора, отразился духъ вѣка и извѣстной части общества, то съ другой стороны эти экзекуторы, которыхъ исторія выставляетъ цѣлый рядъ, но далеко не въ одинаковомъ свѣтѣ, должны и каждый самъ по себѣ нести личную отвѣтственность за свои дѣйствія предъ потомствомъ. Не даромъ проклятіе народное легло на памяти Стемпковскаго и не легло оно на имени Поятовскаго и Браицкаго, подъ командою которыхъ онъ выполнялъ свою омерзительную роль.—Ред.

¹⁾ Имѣніе Стемпковскаго.

какъ всегда меньше всего интересуюсь этимъ вопросомъ, будучи убѣжденъ, что у насъ, въ странѣ, мало такихъ людей, знатность происхожденія которыхъ была-бы связана съ какими-нибудь историческими воспоминаніями“.

Справедливо-ли это основаніе—спорить не станемъ; оставивъ въ сторонѣ этотъ выводъ относительно родовыхъ заслугъ, вкратцѣ изложимъ все дѣло, ссылаясь на историческіе источники.

Геральдикъ былъ-бы въ немаломъ затрудненіи, если-бы ему пришлось рѣшать вопросъ относительно фамиліи и герба Стемпковскихъ. Stepkowski или Stempkowski, а вѣдь можно найти и Starkowski-хъ? употреблялъ-ли онъ гербъ „Lunosza“, или „Suche kompany“? Минуя этотъ вопросъ, перейдемъ, говоря парламентскимъ языкомъ, къ очередному порядку. Мелочные споры о произношеніи фамиліи отложимъ въ сторону, такъ какъ указаніемъ относительно этого послужить намъ самъ герой, именно—его подписи на различныхъ региментарскихъ ¹⁾ приказахъ, слѣдовательно на документахъ, носящихъ оффиціальныи характеръ. Первый разъ встрѣчаемся мы съ фамиліей Стемпковского въ концѣ XVI вѣка. Въ 1598 году Христофоръ Радзивиль, гетманъ литовскій, переуступилъ свое имѣніе, Полонское (Полонное), Григорію Сангушкѣ-Кошерскому; инвентарь этихъ имѣній былъ внесенъ въ книги гродско-луцкія, и на немъ подлѣ подписи подстаростія ²⁾ помѣстилъ и свою подпись нѣкто Максимъ Стемпковскій, вѣроятно писарь. Онъ былъ русинъ и, какъ вся мѣстная шляхта того времени, принадлежалъ къ церкви восточной; еще до сихъ поръ мы встрѣчаемъ много представителей этой фамиліи среди православнаго клира. Упомянутая нами вѣтвь раньше всего ополячилась, поэтому-то съ тѣхъ поръ Стемпковскіе все чаще и чаще встрѣчаются въ исторіи волынской земли. Такъ въ 1606 году одинъ изъ нихъ, Матвѣй, является уже подстаростой луцкимъ. Конечно, чинъ это очень скромный... Но уже 17 лѣтъ спустя землевладѣльцы, собравшіеся въ томъ-же городѣ для отдачи инструкцій своимъ посламъ на сеймъ, не забыли помянуть въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „petita“, и предковъ Юсифа: „просить, говорится тамъ, его Величесто, коро-

¹⁾ Региментарь — командующій войсками, извѣстною ихъ частію или отрядамъ.

²⁾ Подстаростій — помощникъ старосты.

ля, за Стемповскаго, подчашія ¹⁾ волинскаго, который всѣхъ своихъ сыновей отправлялъ въ различныя экспедиціи, а именно: Гавріила, прежде въ Валахію, а потомъ съ его Высочествомъ, Королевичемъ, въ Москву, съ приличнымъ иждивеніемъ, при чемъ все тамъ осталось; потомъ другаго Данила, съ покойнымъ гетманомъ (Жолкевскимъ) въ Валахію, и этотъ тоже погибъ тамъ со всѣмъ имуществомъ; 3-ій-же (Петръ) доставляетъ почту ко двору Его Величества, Короля, уже нѣсколько лѣтъ: господа послы обязываются просить... о вознагражденіи²⁾. Изъ сказаннаго явствуетъ, что оба старшіе брата погибли—одинъ въ московскомъ походѣ, другой—подъ Цецорой; оказалось, однако, что палъ лишь средній, старшій-же попалъ только въ плѣнъ, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился подъ родную кровлю. Послѣ смерти Сигизмунда III, волинская шляхта послѣдила на такъ наз. каптуровые ³⁾ суды въ Луцкъ, и между собравшимися тамъ мы встрѣчаемъ и двухъ сыновей подчашія: Гавріила, уже подстолія ⁴⁾ и Петра, стольника ⁵⁾ волинскаго. Въ 1641 году въ посольскихъ инструкціяхъ помѣщики опять ходатайствуютъ за Гавріила Стемповскаго, старосту владимірскаго, владѣльца „Несвича“ съ угодіями (имѣніе, находящееся въ двухъ миляхъ отъ Луцка) каштеляна ⁶⁾ брацлавскаго (чинъ этотъ онъ получилъ въ 1638 году), причемъ перечисляются его *merita*.

Исторію домашнихъ отношеній этого-то Гавріила написали Пржездзецкій въ видѣ монографіи, носящей названіе его родоваго имѣнія... мрачную, кровавую, но для того времени очень обыкновенную исторію. Сынъ его былъ избранъ въ 1650 году посломъ на сеймъ отъ земли волинской, а въ 1653 году и отъ воеводства кievскаго. Послѣ Гавріила каштеляномъ брацлавскимъ сдѣлался Стефанъ, умершій въ 1674 году. Къ этой-же семьѣ принадлежалъ и Янъ Людвигъ, епископъ каменецкій, время управленія котораго совпало съ тяжелой эпохой козацкаго нашествія: епархія его лежала въ развалинахъ, уцѣлѣло лишь нѣсколько храмовъ внѣ Каменца—

¹⁾ Подчашій—внучерпій.

²⁾ Временные суды въ Польшѣ во время междуцарствія.

³⁾ Подстолій—помощникъ стольника.

⁴⁾ Стольникъ—чиновникъ, смотрѣвшій за королевскимъ столомъ.

⁵⁾ Каштелянъ—сановникъ, засѣдавшій въ сенатѣ.

extra muros—и то въ червоногородскомъ уѣздѣ. Епископъ сочинялъ жалобныя пастырскія посланія, призывалъ къ возобновленію храмовъ Божіихъ; но была-ли тутъ возможность думать объ этомъ возобновленіи, когда даже въ прихожанахъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ цѣлыя поселенія были уничтожены огненнымъ дыханіемъ кровожаднаго вожака. Стемпковскій этотъ умеръ въ 1660 году въ Каменцѣ, не дождавшись лучшей участи. Еще разъ, а именно въ 1712 году, мы встрѣчаемся съ довольно подробными историческими указаніями относительно нѣсколькихъ членовъ изъ дома Стемпковскихъ. Три родные брата (Степанъ, Иванъ и Федоръ) ведутъ тяжбу съ женой Власа Шишмаровича Сынгаевского, отнимаютъ у нея часть села Мошки, находящагося подъ Бердичевомъ, пользуясь смертью помѣщика, убитаго козаками, причемъ сама женщина не могла съ ними справиться. Въ 1722 году на историческое поприще выступаетъ Яковъ, каштелянъ жарновскій, въ заслугу которому можно поставить развѣ только то, что онъ удержался на каштелянствѣ ровно 42 года, до самой своей смерти, т. е. до 1764 года. Онъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Аннѣ Генриковской, во второй—на Терезѣ Гешъ, дочери генераль-маіора; отъ послѣдней у него остался сынъ Иванъ, отъ первой-же—Иосифъ, герой нашего разсказа.

Отецъ имѣлъ имѣніе въ Галиціи и скромно сидѣлъ на своей нивкѣ, не имѣя гдѣ развернуться; молодежь, хватившая немного науки, вѣроятно у львовскихъ іезуитовъ, бросилась въ широкій свѣтъ искать лучшей доли...

Судьба сблизила Иосифа съ Францомъ Ксаверіемъ Бралицкимъ. Оба каштеляничы ¹⁾, оба бѣдняки съ немалой склонностью къ разгульной жизни, сразу прильнули другъ къ другу. Для Стемпковского эти отношенія съ будущимъ гетманомъ были истиннымъ даромъ провидѣнія, подобно тому, какъ для Бралицкаго его сближеніе съ стольникомъ литовскимъ ²⁾ и совмѣстное пребываніе съ послѣднимъ въ Петербургѣ. Послѣ возвращенія Понятовскаго изъ его экскурсіи на берега Невы, молодые жарновскіе каштеляничы ближе познакомились съ нимъ. Всѣ трое мало походили другъ на

¹⁾ Каштеляничъ—сынъ каштелява.

²⁾ Понятовскимъ—будущимъ королемъ польскимъ.

друга, но тѣмъ прочнѣе была ихъ связь. Прекрасно образованный, съ утонченно-вѣжливымъ свѣтскимъ обращеніемъ, сердечный, не смотря на свою приверженность къ этикету—Станиславъ, ех-посолъ, а въ то время, вѣроятно, уже и ех-любовникъ, олицетворялъ собою въ этомъ кружкѣ цивилизаціонный элементъ... Товарищи постоянно льстили ему, поклонялись, удивлялись... Счастливецъ! взоръ высокопоставленной женщины остановился на немъ...

Понятовскій не могъ существовать безъ безпрестанныхъ овацій; приблизительно около того-же времени онъ самъ пишетъ о себѣ слѣдующее: „я такъ люблю быть любимымъ и восхваляемымъ, что если-бы опасеніе стать смѣшнымъ и знаніе свѣта не приучили меня воздерживаться въ этомъ отношеніи, я могъ-бы сдѣлаться чрезвычайно тщеславнымъ“.

Браницкій занималъ второе мѣсто въ этомъ кружкѣ и представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ искателя приключеній, притомъ космополита. Одаренный безумной отвагой, истинно польской хвастливостью, дерзкій до бѣшенства, онъ не переносилъ ни малѣйшаго противорѣчія. Онъ обладалъ достаточно свѣтскимъ обращеніемъ, зналъ хорошо языки и съ саблей при боку не разъ побывалъ во многихъ странахъ Европы; къ женщинамъ былъ неравнодушенъ, но не вида въ романѣ ни цѣли, ни жизненной потребности, предпочиталъ, кажется, утѣшеніе за чарой наслажденіямъ любви, конечно вѣнчающейся успѣхомъ. Со стольникомъ соединяли его самыя близкія отношенія. Понятовскій ухаживалъ за его сестрой, Елизаветой, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на брата, а еще большимъ на любовника. Будучи старше ихъ обоихъ—въ 1750 году, когда стольнику было едва 17 лѣтъ, Елизавета была уже матерью; она отличалась сверхъ того энергіей мужчины... Будучи женой двухъ воеводичей, сначала смоленскаго, потомъ метиславскаго, она славилась своей красотой въ концѣ царствованія Августа III. Ея преданное сердце усладило „Стасю“ не одну минуту, и только гораздо позже она сдѣлалась однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ терній въ его тяжелой, хотя съ такой любовью носимой имъ коронѣ.

Къ этому кружку принадлежали и Стемпковскіе. Иванъ старался во всемъ подражать стольнику, Иосифъ—Францу. Первый—обходительный, вѣжливый, скромный, больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, заботился о пріобрѣтеніи свѣтскаго лоска, былъ влюбленъ

въ дипломатическую карьеру; второй пристрастился къ рыцарскому ремеслу, но не обладая истинно воинскимъ духомъ, весь потонулъ исключительно въ формахъ. Грубый, размашистый, онъ до самой своей смерти не снялъ польскаго костюма, подбривалъ лобъ и затылокъ, носился съ анекдотами, причемъ эти его *jovialitates* снискивали ему приверженцевъ, способствовали его популярности. Шляхта, особливо пограничная, надрывалась отъ смѣху за сальными шутками пана воеводы.

Браницкій послѣ смерти отца получилъ панцырную хоругвь; панъ Иосифъ, въ подражаніе ему, также постарался получить званіе ротмистра и служить въ иностранномъ аутораментѣ. Это былъ мужчина средняго роста, хорошо сложенный, съ лицомъ пріятнымъ и открытымъ, причемъ наружность его обращала на себя вниманіе еще и той особенностью, что его висячіе усы были двухцвѣтные: одинъ темный, другой льняного цвѣта... Само собой разумѣется, что ротмистромъ былъ онъ лишь для виду и выступалъ въ этой роли только въ торжественныхъ случаяхъ. Обстоятельствамъ было угодно, чтобы портретъ Стемпковскаго именно въ этомъ марсовомъ костюмѣ перешелъ въ потомство. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Кіевскій староста, извѣстный Василій Потоцкій, облюбовавъ унию, принялъ подъ свое особенное покровительство монашескій орденъ базилиановъ почаевскихъ и такъ много дѣлалъ въ его пользу, что почаевскіе монахи и до сихъ поръ молятся за его душу, хотя уже давно перестали быть послѣдователями унии... Староста, какъ извѣстно изъ исторіи, построилъ монастырь, построилъ церковь, наконецъ занялся приготовленіями къ коронаціи чудотворной почаевской иконы, и актъ этотъ былъ отпразднованъ съ необыкновенной торжественностью въ началѣ царствованія Станислава Августа. Герой нашъ выступалъ во время праздника во главѣ своей хоругви. Потоцкій поручилъ какому-то неумѣлому художнику увѣковѣчить этотъ моментъ, а ксендзь граверъ изъ Бердичева воспроизвелъ это художественное произведеніе на бумагѣ. Первое лицо во главѣ военнаго кортежа и есть Иосифъ Стемпковскій.

Но не станемъ предупреждать событій.

Въ 1764 году Понятовскій сдѣлался королемъ. На руку это было Браницкому, ничего не потеряли отъ этого жарновскіе каште-

ляничи. Младшій получилъ званіе шамбеляна, старшій не оставилъ военнаго поприща. Послѣдній, вѣроятно, пошелъ-бы далеко, если-бы захотѣлъ для карьеры пожертвовать своими убѣжденіями; но онъ этого не сдѣлалъ, а потому на всю жизнь остался при своемъ скромномъ званіи. Иосифъ, болѣе стоворчивый, считалъ для себя болѣе подходящимъ, или по крайней мѣрѣ болѣе выгоднымъ держаться при королѣ, или хотя при комъ-нибудь изъ его любимцевъ. Поэтому неудивительно, что въ матеріальномъ отношеніи онъ устроился очень хорошо. Благодаря стараніямъ Браницкаго, онъ попалъ въ комиссію, составлявшую въ 1767 году регламентацію для кавалерійскихъ полковъ, „по которой они должны были производить воинскія упражненія, какъ конныя, такъ и пѣшія“. Комиссія состояла изъ предсѣдателя, князя Августа Чарторыжскаго, и двѣнадцати членовъ, въ числѣ которыхъ фигурировали и Иосифъ Стемповскій, но безъ всякаго титула... Это былъ первый шагъ, и не такой ничтожный по значенію, какъ это сразу можетъ показаться. Предсѣдательствующимъ въ комиссіи былъ всегда или сенаторъ, или иной высокій сановникъ, такъ какъ званіе это считалось очень почетнымъ; въ члены-же избирались люди, знакомые съ военнымъ дѣломъ. Шляхта, читая ихъ предписанія, любопытствовала знать имена составителей, и вотъ въ числѣ знакомыхъ фамилій встрѣчается съ незнакомой фамиліей Стемповскаго... Кто это? спрашиваютъ другъ друга шляхтичи... Должно быть человекъ опытный въ военномъ искусствѣ, разъ онъ попалъ сюда... И вотъ первый шагъ къ повышеніямъ.

Такъ обстояли дѣла, когда разразилась барская смута.

Королевскимъ приверженцамъ представлялся случай доказать свою привязанность къ его величеству. Браницкій, въ то время генералъ коронныхъ войскъ, генералъ артиллеріи литовской, кавалеръ польскихъ орденовъ, староста перемышльскій, великій ловчій ¹⁾ коронный, самъ навязывался Понятовскому.

— Повелите только, ваше королевское величество, сказалъ онъ ему,—и я пойду и разсѣю эту свору...

Король охотно принялъ эту жертву, и вотъ, въ первыхъ числахъ іюля 1768 года, Браницкій былъ уже въ Подоліи во главѣ нѣсколь-

¹⁾ *Ловчій* — егермейстеръ.

нихъ полковъ, а помощникомъ его, „субалтерномъ“, или обознымъ ¹⁾ былъ назначенъ Іосифъ Стемповскій. Главкомандующій не щадилъ для него похвалы и ежеминутно доносилъ королю о его заслугахъ и самопожертвованіи.

„Бдительность обознаго нисколько не уступаетъ моей, пишетъ онъ 4-го іюля изъ Ходорова. Относительно его съ спокойной совѣстью могу засвидѣтельствовать, что искренно, охотно и не щадя издержекъ помогаетъ мнѣ“.

Первое столеновеніе произошло подъ Зинковымъ съ отрядомъ Славосшевскаго. Браницкій напалъ, Стемповскій сначала стоялъ въ резервѣ, а подъ конецъ помогаль авангарду. Перестрѣлка окончилась побѣдой королевскихъ приверженцевъ. Силы были неравныя. Само собой разумѣется, въ Варшаву немедленно былъ отправленъ рапортъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и, вѣроятно, много было въ немъ сказано объ обозномъ, такъ какъ въ отвѣтъ Понятовскаго мы встрѣчаемъ слѣдующее упоминаніе о немъ: „прошу сердечно обнять отъ меня региментаря Стемповскаго, поддержавшаго авангардъ съ такой поспѣшностью (nie klusem, ale pedem). Станиславъ-Августъ назвалъ обознаго региментаремъ, вѣроятно, изъ вѣжливости, или по своей забывчивости, такъ какъ папъ Іосифъ имъ еще тогда не былъ.“

Вскорѣ была одержана новая побѣда. Баръ былъ взятъ. Пало 400 конфедератовъ, въ плѣнъ было взято еще больше, и въ числѣ взятыхъ находился и Иванъ Стемповскій, шамбелянъ, братъ Іосифа. Встрѣча братьевъ была очень тягостна для ихъ обоихъ... Они вели долгую бесѣду наединѣ, которая не привела, однако, къ желанному соглашенію. Убѣжденія Ивана не поколебались, что дѣлаетъ ему честь. Ему грозило изгнаніе въ далекія степи—тѣмъ не менѣе онъ не покорился. А такъ какъ это было еще въ началѣ, и начальники русскихъ войскъ еще не получили точныхъ инструкцій относительно того, какъ поступать съ заключенными, то, по просьбѣ короля, освобождали нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ былъ и шамбелянъ.

— Взятъ Стемповскій? спрашивалъ Станиславъ-Августъ у Браницкаго: не тотъ-ли это, что былъ при моемъ дворѣ? Если тотъ, то передай ему отъ меня, что сердце мое не предубѣждено противъ

¹⁾ Обозный—квартирмейстеръ.

него; но пусть помнить на другой разъ, что безъ меня лучше не вмѣшиваться въ такія дѣла!

Освобожденный панъ Иванъ возвратился въ Галицію, не простившись даже съ братомъ, и, кажется, они больше уже не видѣлись...

Но это была послѣдняя побѣда. Обозный, однако, успѣлъ получить награду, о чемъ усердно хлопоталъ Браницкій: „прошу ваше королевское величество орденъ для него переслать въ мои руки, причѣмъ онъ останется у меня до тѣхъ поръ, пока Стемпковскій не получить чего нибудь побольше“.

Послушный король два раза отправлялъ звѣзду святаго Станислава, но она ни разу не доходила по назначенію.

Дальнѣйшія судьбы нашего героя, сражающагося съ рыцарями св. Маріи въ окрестностяхъ Днѣстра, не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго. Полгода провелъ онъ въ постоянной перекочевкѣ, въ собраніи фуража, въ „военныхъ посѣщеніяхъ“ спокойныхъ обывателей (помѣщиковъ), подозрѣваемыхъ въ симпатіяхъ къ заговорщикамъ. Стемпковскій требовалъ отъ компутовыхъ ¹⁾ строгаго воздержанія, но самъ очень часто не соблюдалъ его. Для виду, *comme le gènéral du jour*, такъ иногда называетъ его Браницкій, онъ присутствовалъ ежедневно при обнародованіи войсковаго приказа, выдавалъ билеты на выѣздъ изъ обоза. Послѣ такихъ тяжелыхъ трудовъ слѣдовалъ отдыхъ: бесѣда за бутылкой, а при такой бесѣдѣ все предавалось забвенію. Кто-либо изъ офицеровъ замѣнялъ обознаго; случалось однако, что заступающій мѣсто начальника, служащій подъ королевскимъ знаменемъ, втайнѣ сочувствовалъ конфедератамъ...

Бѣда не велика, за то сколько развлеченій и удовольствій! Веселился и ловчій коронный, веселился и обозный въ многочисленномъ обществѣ помѣщиковъ, съ щирымъ сердцемъ привѣтствующихъ такъ называемыхъ спасителей...

Да и что-же имъ было дѣлать? Изъ двухъ золъ—лучше ужъ угощать свои, чѣмъ чужія войска.

¹⁾ *Компуповымъ* войскомъ въ Польшѣ называлось постоянное войско, держащееся на счетъ Рѣчи Посполитой.

II.

Но когда не съ кѣмъ уже было воевать на равнинахъ Подоліи, такъ какъ конфедераты тихо сидѣли въ бессарабскихъ степяхъ, когда, наконецъ, и уманская рѣзня была усмирена, необходимо было подумать о судѣ и расправѣ. До сихъ поръ Стемповскій только повидимому принималъ участіе въ усмирении черни, таскаясь то съ отрядомъ Кречетникова, то съ отрядомъ Апраксина, теперь же принялъ на себя активную роль экзекутора.

Бартошевичъ, говоря о Браницкомъ, восклицаетъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ: „вмѣстѣ съ Стемповскимъ одерживалъ легкія побѣды и моремъ крестьянской крови потушилъ пожаръ Украины“.

Однако Браницкій не былъ лишень нѣкоторыхъ заслугъ въ данномъ случаѣ; онъ умиротворялъ ожесточеніе шляхты и наущничанья вѣрноподанныхъ, бросая имъ насмѣшки въ глаза:

— „Благодаря вамъ—говорилъ онъ—происходятъ эти волненія; при малѣйшемъ намекѣ на нѣпествіе гайдамакъ всякій жидъ и шляхтичъ спѣшитъ уйти за границу и увезти, кого возможно. Оставшіяся безъ руководителей села принимаются за воровство и разбой“.

Ревностные сторонники экзекуціи пятились какъ-бы окаченныя ушатомъ холодной воды, пристыженные такимъ заявленіемъ. Наконецъ, Браницкій обладалъ еще однимъ магическимъ словомъ для усмиренія этого кровожаднаго рвенія.

— Кто-же будетъ обрабатывать ваши поля—шепталъ онъ просителямъ, требующимъ неумолимаго правосудія,—если вы истребите ихъ до одного?..

Король, приведенный въ ужасъ многочисленными казнями, постоянно писалъ Браницкому: „Довольно! Если вамъ угодно, лучше ужъ клеймите десятаго“... Неосторожный совѣтъ. Стемповскій примѣнилъ его буквально.

Три человѣка имѣли право жизни и смерти (*jus gladii*) въ это тяжелое время въ пограничныхъ областяхъ: Браницкій, Дубравскій, судья житомирскій и Іосифъ Стемповскій.

Дубравскій приводилъ въ ужасъ взбунтовавшихся крестьянъ. Въ Житомирѣ засѣдало нѣчто въ родѣ комиссіи, на подобіе тепе-

решнихъ временныхъ судовъ. Предсѣдателемъ ея былъ Дубравскій, помощниками его—Выверскій, Лабенцкій и Почентовскій. Проступки разбирались въ ней со всей добросовѣстностью. Дубравскій былъ маленькій человекъ и такого слабаго сложенія, что даже литой поясъ былъ для него слишкомъ тяжелъ и, вслѣдствіе этого, онъ не носилъ сабли, а опоясывался ремнемъ съ серебрянной застежкой, привѣшивая къ нему небольшой кинжалъ... Но это не мѣшало ему быть очень храбрымъ, и когда шляхта, при извѣстіи о „колившинѣ“, потеряла голову,—одинъ Дубравскій не только не потерялъ ея, но, по примѣру знаменитыхъ ротмистровъ XVII вѣка, бросился прямо въ огонь и потушилъ его въ кievскомъ и волинскомъ Полѣсьи. Послѣ этого онъ сдѣлался пугаломъ ожесточеннаго крестьянства. Обвиняемыхъ въ убійствѣ онъ отсылалъ въ Кодню, мѣстечко, находящееся на разстояніи трехъ миль отъ города тамъ стояла польская команда, а во главѣ оной находился Юсифъ Стемповскій...

Приговоры житомирскаго суда были приведены въ исполненіе въ первой половинѣ сентября. Русскій писатель, Максимовичъ, утверждаетъ, что тамъ обезглавлено было въ продолженіи этого времени 114, а повѣшено болѣе 200 преступниковъ (різунівъ). Однако, по неволѣ является вопросъ, отчего народъ не заклеимилъ проклятіемъ ни Браницкаго, ни Дубравскаго, а сохранилъ воспоминанія только объ одномъ Стемповскомъ?

Извѣстный русскій писатель Антоновичъ, вмѣстѣ съ Драгомановымъ, издавали нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ историческія пѣсни малорусскаго народа, очень интересныя во многихъ отношеніяхъ. Въ одной части этого труда собраны такъ называемыя гайдамацкія думы. Эти пѣсни еще не вышли въ свѣтъ, но если даже часть слышанныхъ нами войдетъ въ ихъ сборникъ,—имя „страшнаго Юсифа“ займетъ въ нихъ первое мѣсто... О „страшномъ Юсифѣ“ повѣтствовалъ долго украинскій крестьянинъ, слѣпой лирникъ переносилъ изъ села въ село рассказы о грозномъ панѣ, который снималъ головы „невинныхъ людей, какъ маковки“!...

Могилы казненныхъ въ Коднѣ уже давно поросли травой; одно поколѣніе успѣло совсѣмъ вымереть, но еще второе и третье повторяло нѣчто въ родѣ проклятя, брошеннаго недоброму человеку.

— Да не минеть тебя святая Кодня! *Колибъ тебе не минула святая Кодня!*

Исторія и народныя преданія—двѣ совершенно различныя вещи. Преданіями можно пользоваться, но очень осторожно, разъ существуетъ желаніе добросовѣстно служить исторіи. Однако, въ данномъ случаѣ, и исторія и преданія идутъ рука объ руку: въ обѣихъ запечатлѣна несомнѣнная истина... Опять невольно является вопросъ—отчего товарищи страшнаго Юсифа не удостоились такой печальной чести, отчего не воскресли они, подобно ему, въ пѣсняхъ украинскаго народа? Вы скажете, можетъ быть, что Дубравскій только подписывалъ приговоры, между тѣмъ какъ Стемпковскій приводилъ ихъ въ исполненіе. Да, но и Браницкій присутствовалъ въ Сербяхъ, когда четвертовали Гонту, и когда сотни товарищей послѣдняго шли подъ топоръ блюстителя правосудія... Однако-же на ловчаго нѣтъ и намека въ народномъ преданіи!.. Въ чемъ-же лежитъ причина этого? Вопросъ рѣшается легко, если возобновимъ въ памяти событія того времени. Какъ геній разрушенія, обрушился обозный на Полѣсье. Шуть свой онъ намѣчалъ висѣлицами, при чемъ вздергивалъ каждаго, казавшагося ему подозрительнымъ; но таковымъ казался ему почти всякій встрѣченный крестьянинъ, а потому въ это время повальнаго бѣгства въ лѣса, гдѣ люди искали временнаго убѣжища,—жертвъ его оказалось не мало. Онъ прибылъ, наконецъ, въ Кодню. Расположенное среди болотъ и трясинъ, мѣстечко это производило какое-то тяжелое впечатлѣніе. Общества въ немъ не было никакого, такъ какъ подкомандные бригадиры, Держекъ и Любовицкій, и поручики Дрогоевскій, Дедеркаль, Поморскій и Веверковскій отправились въ разѣзды, обшаривая ближайшія и дальнѣйшія окрестности... Дубравскій присылалъ преступниковъ изъ Житомира, но ими не удовлетворялся Стемпковскій. Вѣдь не напрасно-же король далъ ему право жизни и смерти (право меча)? Шляхта жаждала экзекуцій... и онъ не скупился на нихъ; король совѣтовалъ клеймить—и онъ старался угодить лучшему изъ королей...

Онъ не вдавался въ мелочи, не допрашивалъ—кто болѣе виноватъ, а кто менѣе; каждый пойманный былъ у него преступникомъ, кандидатомъ на висѣлицу.

Народъ не проклиналъ Дубравскаго, такъ какъ послѣдній былъ въ его воображеніи олицетвореніемъ правосудія; онъ не бросилъ проклятія Браницкому, такъ какъ ловчій коронный наказывалъ гайдамакъ лишь на дымившихся кровью поляхъ, причемъ обвиняемыхъ ему отдавали въ руки русскія войска съ оговоркой, что отдають виновниковъ рѣзни, слѣдовательно, преступниковъ... Степковскій, напротивъ даже спустя 3 мѣсяца послѣ взрыва не колебался примѣнять смертную казнь. Пора уже было остыть, пора было изслѣдовать причины страшной катастрофы... А ему легче было это сдѣлать, чѣмъ кому-бы то ни было другому, такъ какъ въ его отрядѣ находился Шелестъ, оказаченный крестьянинъ, приверженецъ короля и Рѣчи-Посполитой.

Вѣдь Шелестъ громко рассказывалъ свою простую исторію, и всякій, желавшій слушать, слушалъ ее. Отъ него-же и въ той-же Коднѣ узналъ о ходѣ всего волненія Игнатій Игнатѣвичъ, войскій ¹⁾ червоноградскій, впоследствии, 12 лѣтъ спустя, секретарь пограничной комиссіи „между польской Украиной и Новороссіей“. Онъ то и передалъ потомству исторію Шелеста. Шелестъ былъ богуславскимъ сотникомъ; мѣсяца за 4 до рѣзни, запорожцы, укрывавшіеся въ мотроненскомъ лѣсу, предложили ему принять участіе въ походѣ на ляховъ и жидовъ, присовокупляя, что этотъ походъ уже не будетъ обыкновеннымъ гайдамацкимъ набѣгомъ, но рѣзней, покровительствуемой „ея величествомъ императрицей“ и окончится вѣчнымъ счастьемъ украинскаго крестьянства. И для Шелеста свобода имѣла невыразимое очарованіе. Долго думалъ онъ, какъ поступить, а мужикъ, какъ видно, былъ „смышленный“: „если это правда“, сказалъ онъ себѣ, „что царица хочетъ дать волю польскимъ крестьянамъ, то, вѣроятно, знаетъ объ этомъ и кievскій намѣстникъ. До Кіева не далеко, при случаѣ и мощамъ святымъ поклониться можно“.

И вотъ ѣдетъ Шелестъ къ генералу Воейкову и спрашиваетъ его безъ обиняковъ, какъ обстоитъ дѣло, передавая при этомъ слухи, распространившіеся въ украинскихъ степяхъ. Генераль-губернаторъ похвалилъ козака, но сказалъ ему, что „ея императорское вели-

¹⁾ Войскій—чиновникъ наблюдавшій за спокойствіемъ въ краѣ, во время всеобщаго ополченія.

чество, русская монархия, далека отъ мысли принимать подъ свой протекторатъ разбойниковъ“. Ну, и возвратился Шелестъ домой; круто обращался онъ во время волненій съ гайдамаками, а послѣ прибытія Стемпковского въ Кодню, поспѣшилъ со своею дружиною къ его услугамъ и ревностно помогаль ловить грабителей. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ обращенія за справками очень характеренъ.

Обозный, вѣроятно, зналъ эту исторію. Если-бы онъ захотѣлъ обдумать ее серьезно, онъ не могъ-бы не придти къ заключенію, что народъ дѣйствовалъ не подъ влияніемъ собственныхъ кровавыхъ инстинктовъ, но былъ лишь орудіемъ въ рукахъ подстрекателей, которымъ, однако, почти всѣмъ удалось ускользнуть изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой ¹⁾.

Темное заднѣпровское духовенство, религіозный антагонизмъ, прозелитическая политика, веденная на свой страхъ, наконецъ, излишняя свобода въ волостяхъ, расположенныхъ вдоль польской границы,—вотъ главныя причины рѣзни. Притѣсненія со стороны пановъ не могли быть поводомъ и искрой бунта, такъ какъ этихъ притѣсненій именно тамъ-то и не было. Только ослѣпленные ненавистью малорусскіе исторіографы, вовсе незнакомые съ мѣстными отношеніями, недоброжелательные и злонамѣренные, въ ложномъ свѣтѣ изображающіе долю украинскаго крестьянина, могутъ разсѣвать подобныя выдумки и ложь ²⁾.

Но возвратимся къ Стемпковскому. Нисколько не сдерживая своихъ страстей, онъ примѣнилъ во всемъ объемѣ страшный терроризмъ висѣлицы, и тогда только прекратилъ свои ужасныя дѣйствія,

¹⁾ Здѣсь уважаемый историкъ не имѣлъ мужества отступить отъ традиціоннаго приѣма объясненія историческаго хода событій подстрекательствами, свѣдѣнія о которыхъ ни на чемъ не основаны.—Ред.

²⁾ Не знаемъ, какихъ исторіографовъ разумѣетъ здѣсь почтенный авторъ и кого именно честить онъ столь сильными эпитетами. Есть однако полная возможность въ сужденіи о причинахъ возстанія 1768 г., выставляемыхъ авторомъ такъ односторонно, отрѣшиться отъ личныхъ воззрѣній и слѣдовать только указаніямъ современныхъ документовъ, каковы, между прочимъ, помѣщены въ I и II т. 1-й ч. Архива юго-зап. Россіи, 1865 г., равно начаты печатаніемъ въ «Кіев. Стар.» за 1882 г., т. III, стр. 523—552 и т. IV, стр. 89—119. Окончаніе послѣднихъ не замедлить, а они даютъ болѣе широкое очертаніе событію 1768 г., по его внутреннимъ, основнымъ мотивамъ, напругавшимъ обѣ враждебныя стороны, и причинамъ внѣшнимъ, дѣйствовавшимъ на ослабленіе одной и усиленіе другой стороны.—Ред.

когда въ Варшавѣ громко начали порицать его излишнюю строгость... Даже самъ король разсердился на обознаго.

Неудовольствіе Станислава - Августа немедленно проявилось. Нѣсколько времени спустя, уже осенью, Браницкій, желая уѣхать изъ Подоліи, просилъ у короля позволенія передать Стемповскому свою команду. Понятовскій запротестовалъ въ первый моментъ съ безпримѣрной настойчивостью, доказывая, что полковники не стануть повиноваться Стемповскому, не говоря уже о крѣпостныхъ комендантахъ: Коритовскомъ во Львовѣ и Виттѣ въ Каменцѣ, которые ни за что не пожелаютъ подчиниться его инструкціямъ. „Стемповскій“, присовокупляетъ онъ, „и въ польскихъ войскахъ не имѣлъ достаточнаго вѣса, такъ какъ свѣжи еще у всѣхъ воспоминанія о разныхъ очень недавнихъ событіяхъ, притомъ-же, я не могу быть увѣреннымъ, что, при его вѣжливости и гуманности, онъ не сдѣлаетъ, будучи подъ хмѣлькомъ, какихъ нибудь крупныхъ промаховъ, благодаря своему бурному темпераменту“.

Выраженіе „разныя очень недавнія событія“ можно себѣ объяснить двоякимъ образомъ: подъ нимъ подразумѣваются или получившія въ то время громкую извѣстность такъ называемыя „военныя посѣщенія“, или слишкомъ строгое обращеніе съ украинскимъ крестьянствомъ. Браницкій однако не терялъ надежды на возможность переубѣдить Станислава-Августа, и, зная его характеръ, все настаивалъ на своемъ. „Обозный“, писалъ онъ королю, „не такой человѣкъ, который былъ-бы способенъ командовать самъ, en chef, но какъ субалтернъ, какъ исполнитель, онъ незамѣнимъ. Въ случаѣ, еслибы пришлось драться или маневрировать, ему смѣло можно дать письменныя инструкціи, и онъ все исполнитъ въ точности“. Браницкому, вѣроятно, удалось представить еще другіе, болѣе убѣдительныя доводы, такъ какъ Станиславъ-Августъ поддался, наконецъ, его просьбамъ и согласился на его выѣздъ изъ Подоліи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ разставилъ по квартирамъ гвардейскіе и иные полки въ экономіяхъ брестской и козеницкой. Письмо короля заключается слѣдующими словами: „Если какія-либо непреоборимыя обстоятельства заставятъ тебя оставить Стемповскаго при оставшейся еще горсти войска, то, по пріѣздѣ сюда, немедленно пошли ему приказъ распустить его“.

Это происходило въ декабрѣ 1768 года. Страшный Иосифъ, не обращая вниманія на магнатовъ, упрекавшихъ его въ жестокости, ни на неблагоклонность къ нему короля, оставался въ пограничныхъ областяхъ въ роли единственнаго ихъ защитника. Генеральскій чинъ придавалъ ему больше вѣса, орденъ св. Станислава украшалъ его грудь, онъ именовалъ себя региментаремъ, хотя *de facto* сдѣлался имъ только годъ спустя; передъ нимъ были отряды конфедератовъ, медленно, но настойчиво проникавшихъ изъ бессарабскихъ степей въ Приднѣстровье, и нѣмое, но дикое и развирѣпѣвшее украинское крестьянство...

Съ конфедератами онъ не имѣлъ охоты мѣряться силами—дѣло было нелегкое! Онъ уступилъ эту роль союзническимъ предводителямъ, а самъ отправился въ Кіевщину, размышляя на досугѣ о средствахъ убѣдить короля въ томъ, что онъ воспользовался горстью войска, находящагося подъ его командой, для защиты страны, а слѣдовательно, непосредственно и для защиты интересовъ его величества въ этой странѣ...

Счастливый случай представился ему въ слѣдующемъ-же году.

Не смотря на „искреннее“ желаніе истребить всѣхъ участниковъ недавней рѣзни, страшный Иосифъ не могъ этого достигъ даже при помощи пущенныхъ въ ходъ меча и висѣлицы: горсть ихъ сохранилась среди усмиреннаго народа. Страхъ овладѣлъ ими при вѣсти, что Стемпковский сталъ во главѣ украинской арміи.

— „Отыщеть насъ, найдеть!“ говорили они: „онъ столькохъ уже сгубилъ со свѣта, какъ не добратся ему и до насъ? Такъ лучше-же попытать еще разъ счастья, соединиться въ гайдамацкіе станы, подѣлать заставы“...

Дѣло было рѣшено. Нѣсколько старыхъ запорожцевъ ободряли ихъ...

Не имѣя права взваливать всю вину на региментаря, мы приведемъ еще другой поводъ, способствовавшій соединенію крестьянъ въ шайки. Россія въ то время начала, какъ извѣстно, войну съ Турціей, и московскія войска двигались къ Днѣстру черезъ пограничныя провинціи, а такъ какъ эти-же войска взяли на себя уничтоженіе конфедератовъ, то дѣлали этимъ нѣкоторую услугу и Рѣчи-Посполитой. Одинъ изъ русскихъ предводителей, князь Прозоровскій, сформировалъ нѣсколько отрядовъ легкой конницы изъ

крестьянъ польской Украйны и съ успѣхомъ пользовался ими вмѣсто регулярныхъ войскъ для рекогносцировки линіи Днѣстра и разрушенія сельскихъ посадовъ вдоль этой рѣки. Такъ говоритъ г. Петровъ, прибавляя, что, для увеличенія числа этихъ импровизированныхъ солдатъ, тотъ-же князь обнарудовалъ манифестъ, якобы приподнесенный ему крестьянами, въ которомъ послѣдніе, собравшись въ Бѣлой-Церкви, покорно просятъ царицу принять ихъ подъ свое покровительство въ виду возможнаго набѣга татаръ, вырѣзавшихъ уже Балту...

Быль-ли политичень этотъ поступокъ, не говоря уже о его достоинствѣ въ иныхъ отношеніяхъ—легко осудить безпристрастный читатель, какъ легко понялъ это и главный начальникъ русскихъ силъ, князь Голицынъ.

На призывъ этого манифеста, какъ изъ земли выросли гайдамацкіе станы въ классической днѣпровской котловинѣ, въ окрестностяхъ мотренинскаго монастыря...

Запорожець Журба во главѣ 700 человекъ расположился въ лѣсу подъ Ольшовомъ, хорошо окопался и за землянымъ валомъ устроилъ еще вторую защитительную линію изъ вѣковыхъ дубовъ.

Панченко заперся въ летневецкомъ замкѣ, расположенномъ возлѣ Лысянки, съ 200-ми человекъ, съ достаточнымъ количествомъ пороха, амуниціи и съѣстныхъ припасовъ.

Тимченко укрѣпился подъ Звенигородкой въ густомъ бору также съ двумя стами гайдамакъ...

На готовѣ было болѣе 1000 вооруженныхъ грабителей, непримиримыхъ, увлеченныхъ двумя могучими чувствами—страха и мести, окончательно на все рѣшившихся и вполне увѣренныхъ въ невозможности спасенія для себя во все время, пока страшный Иосифъ предводительствовалъ польской командой.

Но они пока не трогались съ мѣста, даже съ русскими войсками прекратили всякія сношенія!.. Народъ по селамъ зловѣще молчалъ, но жадно слѣдилъ за успѣхомъ гайдамакъ, прислушивался и ждалъ только кроваваго сигнала.

Въ затруднительномъ положеніи очутился Стемковскій. Войско его было очень немногочисленно, пушки ни одной, передвиженіе затруднялось громадными снѣгами, между тѣмъ какъ гайдамацкіе лагеря принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Панъ Іосифъ, благодаря своей проницательности, не бросился на гайдамакъ, но позаботился о пресѣченіи имъ всѣхъ путей сообщенія. Разбойникамъ была этимъ затруднена возможность подвоза припасовъ, чему много способствовало и то обстоятельство, что сборъ хлѣба въ 1768 году былъ крайне плохъ, такъ какъ хлѣбъ, хотя и отлично уродившій, или подвергся потравѣ, или пропалъ на корню... Всѣ незаселенныя мѣста надъ Днѣпромъ заняли польскія войска, наконецъ сама рѣка, величественно разлившаяся весной, представляла непобѣдимую преграду для маленькихъ шаткихъ челноковъ, употребляемыхъ въ народѣ.

Стемпковскій спокойно выжидалъ на готовѣ... Повторяемъ, это былъ баловень судьбы: она ему благопріятствовала во всемъ, и даже при томъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ онъ находился, обстоятельства сложились такъ, чтобы сдѣлать его героемъ.

Кто-то началъ распространять въ народѣ прокламаціи, подписанныя какимъ-то козакомъ Иваномъ. Въ прокламаціяхъ этихъ ясно высказывалось, что такой-же врагъ народа москаль, какъ и ляхъ, и что не слѣдуетъ миловать обоихъ, такъ какъ только освободившись отъ нихъ украинскій мужикъ завоюетъ себѣ неограниченную свободу...

Прокламація эта имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Грабители начали нападать на мелкіе русскіе отряды, густою сѣтью разбросанные по Украинѣ и до сихъ поръ бывшіе въ глазахъ простаго народа чѣмъ-то въ родѣ неприкосновенной святыни. Хорунжій Ларнѣвъ, командовавшій въ этой мѣстности войскомъ, предназначеннымъ для охраны магазиновъ, не могъ ничего подѣлать и обратился къ Стемпковскому за помощью.

Послѣднему это было какъ нельзя болѣе на руку. Начались преслѣдованія, прежде всего—за Шостакомъ, стоявшимъ во главѣ сотни гайдамакъ, особенно склоннымъ къ захвату русскаго провіанта... Однако эти попытки не имѣли успѣха. Шостакъ, какъ будто обученный партизанской войнѣ, постоянно ускользалъ у нихъ почти изъ рукъ, причѣмъ располагался обозомъ въ полѣ, народа онъ не бунтовалъ, а только грабилъ магазины, или пускалъ краснаго пѣтуха... Поговаривали, и не безъ основанія, что вице-бригадиръ Держекъ уже раза два держалъ въ своихъ рукахъ этого

разбойника, но, восхищенный его ловкостью, какъ-бы ненарочно щадилъ его.

Послѣ недолгаго совѣщанія главные предводители пустились на хитрости. Принялись сначала за Журбу. Въ посланномъ послѣднемъ письмѣ Ларніевъ предлагалъ вожаку соединиться съ вольницей, устроенной по повелѣнію князя Прозоровскаго. Разбойникъ отдѣлался шуткою: въ его памяти слишкомъ свѣжъ еще былъ поступокъ Кречетникова подѣ Уманью, чтобы онъ могъ поддаться на эти парламентскіе уловки.

Не оставалось иного средства, какъ обратиться къ главному предводителю русскихъ войскъ. Обозный послалъ ему манифестъ брацлавской и кievской шляхты, составленный въ Винницѣ, въ которомъ помѣщики порицаютъ формироваіе козацкихъ отрядовъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; одновременно Ларніевъ доносилъ, что провіанту угрожаетъ слишкомъ большая опасность. Тогда князь Голицынъ двинулъ порядочный корпусъ подѣ предводительствомъ генерала Вунча, состоящій изъ 2000 донскихъ козаковъ, 60 стрѣлковъ и одного орудія. Все это, соединившись подѣ командой Стемпковскаго, бросилось на гайдамакъ.

Подѣ Ротмистрѣвкой былъ разбитъ Шостакъ, дня три спустя— Журба. Оба вожаки пали на полѣ битвы. Тимошко былъ побѣжденъ также очень скоро, только съ Панченкомъ было больше трудовъ. Запершись въ своемъ замкѣ, онъ не поддавался и приходилось приступить къ осадѣ. Разбойники стрѣляли мѣтко и много осаждающихъ пало; въ числѣ павшихъ былъ и донской полковникъ Туровѣровъ... Тѣмъ не менѣе послѣ двухдневной бомбардировки гарнизонъ принужденъ былъ вывѣсить бѣлое знамя, причемъ упорные успѣхомъ побѣдители души живой не выпустили изъ замка, а безъ пощады, по татарски изрубили всѣхъ до одного...

Стемпковскій, довольный возможностью похвастаться успѣхомъ, послалъ королю извѣщеніе о побѣдѣ. Растроганный Станиславъ-Августъ повѣрилъ, наконецъ, въ военныя способности обознаго. Онъ признательно благодарилъ его за самопожертвованіе, просилъ прекратить строгія мѣры и объявить народу амнистію. Стемпковскій подчинился волѣ государя; при посредствѣ священниковъ онъ увѣрилъ народъ въ помилованіи всѣхъ тѣхъ, которые разойдутся по домамъ и останутся въ „подобающей зависимости“.

Однако, только въ маѣ мѣсяцѣ могъ панъ Іосифъ отправиться въ Варшаву. Онъ былъ встрѣченъ тамъ, какъ спаситель, какъ человѣкъ, посланный провидѣніемъ: въ немногочисленномъ кружкѣ королевскихъ приверженцевъ его почти носили на рукахъ... Нашлись даже люди позавидовавшіе его лаврамъ... Понятовскій радовался прибытію вѣрнаго друга, а Стемповскій, съ истинно шляхетскимъ добродушіемъ, рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ и оказывалъ при этомъ такое идолопоклонническое обожаніе его величеству, что разнѣженный король воскликнулъ со вздохомъ:

— О, еслибы страна имѣла поболѣ такихъ гражданъ!

Съ этого момента карьера нашего героя была упрочена. Онъ вышелъ на широкій путь повышеній. Одновременно съ этимъ, Браницкій отказался отъ региментарства, и король передалъ послѣднее Стемповскому. Существуютъ документы, снабженные подписью новаго сановника; подъ фамиліей его фигурируетъ слѣдующее прибавленіе: генераль-лейтенантъ, командующій дивизіями украинской и подольской.

Весь позднѣйшій періодъ барской конфедераціи Стемповскій провелъ бездѣятельно въ пограничныхъ областяхъ, стоя во главѣ наблюдательнаго корпуса. Чего онъ здѣсь ждалъ,—и самъ онъ не зналъ хорошенько, какъ равно не знали этого и пославшіе его сюда.

Русскіе отряды, проходящіе чрезъ эту мѣстность, безъ страха проходили мимо него; крестьянство сидѣло тихо и, хотя отъ времени до времени не обходилось безъ экзекуцій, барщина была заведена повсюду, такъ какъ послѣдніе самыя долгіе сроки льготъ („słobód“) уже миновали еще до рѣзни. Любимѣйшимъ мѣстопробываніемъ региментаря были луга подъ Чернобылью, и здѣсь былъ расположенъ его лагерь. Тихо и спокойно протекала здѣсь жизнь. Русскіе какъ-бы забыли о присутствіи польскихъ войскъ въ этой странѣ, а помѣщики принимали и угощали защитника отъ мужицкой напасти и отъ грабежа „конфедератской голоты“.

Разъ только—и то единственный разъ—русскіе союзники заподозрили Стемповскаго въ желаніи передаться вмѣстѣ съ войскомъ на сторону бунтовщиковъ. Это было въ 1771 г., именно въ то время, когда присланъ былъ новый начальникъ русскихъ вооруженныхъ силъ, стоявшихъ на Украинѣ, неспособный, отупѣвшій и подозрительный Эссенъ...

Мы не въ состояніи изобразить изумленіе и ужасъ Стемповскаго. Онъ—въ числѣ недовольныхъ! Онъ, вмѣстѣ съ Браницкимъ разорившій Подолію, служа дѣлу короля; онъ—прервавшій отношенія съ братомъ изъ-за того только, что тотъ сталъ подъ знаменемъ барской конфедераціи, онъ, такъ ревностно подавлявшій всякіе бунты! Послѣ всего этого могъ-ли онъ измѣнить своему доброму господину, обратить въ ничто свои священныя убѣжденія? Панъ Юсифъ полетѣлъ въ станъ Эссена и до тѣхъ поръ оправдывался передъ слабоумнымъ старцемъ, съ такою искренностію, съ такимъ жаромъ доказывалъ неправдоподобіе обвиненія, что Эссенъ, наконецъ, повѣрилъ ему и взялъ назадъ свое подозрѣніе. Желая дать новое доказательство своей привязанности къ дѣлу короля, Стемповскій, узнавъ о переходѣ недовольныхъ на сторону Литвы, просилъ Румянцева позволить ему приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій. Румянцевъ былъ солдатъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и дипломатіей не занимался; не зная вѣрноподданническихъ чувствъ regimentаря, онъ былъ очень недоволенъ этими его эволюціями и немедленно донесъ Екатеринѣ, что „польскій главнокомандующій, противъ всякихъ военныхъ правилъ, держится въ тылу арміи, между тѣмъ, какъ ему слѣдовало-бы давно занять другую, болѣе пристойную позицію; помощи и сочувствія незамѣтно съ его стороны, а потери постоянны, хотя-бы уже въ томъ отношеніи, что войска его питаются на счетъ страны, въ которой царская армія собираетъ провіантъ для себя“.

Румянцевъ слишкомъ далеко зашелъ въ своемъ требованіи: пусть свои, по его мнѣнію, не морятъ голодомъ провинцій, такъ какъ чужимъ можетъ не достать. И Стемповскій, пристыженный, попятился къ Чернобылю, гдѣ и просуществовалъ до упадка конфедераціи и перваго захвата Польши...

III.

Во второй половинѣ 1772 года, именно 29 октября, король возвелъ regimentаря въ достоинство сенатора. Кромѣ того, Стемповскій былъ сдѣланъ кievскимъ каштеляномъ. Понятовскому сильно хотѣлось имѣть вѣрнаго человѣка среди кievскихъ землевладѣльцевъ; этого требовала политика двора. Адамъ Моценскій съ

нѣкоторымъ цинизмомъ составляя свой дневникъ, доказываетъ, что Млодзеевскій, извѣстный своею подлостью канцлеръ, посовѣтовалъ Станиславу - Августу давать чины коронныя и сенаторскія шляхтѣ, которой предки едва-ли когда-нибудь шли дальше воеводства, при чемъ одного изъ нихъ, болѣе образованнаго, поставить во главѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность вербовать приверженцевъ помощію раздачи разныхъ судебныхъ должностей, которыя прежде доставались имъ по рекомендаціи и не иначе, какъ при вмѣшательствѣ магнатовъ.

Принадлежалъ-ли этотъ проектъ Понятовскому, или авторомъ его былъ Млодзеевскій,—это не важно; довольно того, что уже около 1770 года почти въ каждой провинціи находился человекъ, державшій знамя королевской партіи и усидчиво трудившійся надъ увеличеніемъ числа королевскихъ приверженцевъ. На Литвѣ долгое время исполнялъ эту роль Тизенгаузъ, въ Великопольшѣ—Рачинскій, на Волини—Олизаръ, въ люблинской землѣ—Стамирскій, въ сандомирской—канцлеръ Малаховскій, въ брацлавской—братья Грохольскіе, въ Подоліи—Липинскій. Кіевщина не имѣла еще руководителя, и вотъ послѣ перваго захвата, имъ является Іосифъ Стемпковскій и, слѣдуетъ воздать ему должное, ревностно исполняетъ свою обязанность...

Значительно раньше, чуть-ли еще не передъ барской конфедераціей,—такъ по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предполагать, судя по замѣткамъ, находящимся у насъ подъ рукою,—Стемпковскій вступилъ въ бракъ съ Францишкой Тарковской, дочерью каштеляна брестскаго. Она была сирота, обладала большимъ состояніемъ и принесла мужу порядочное приданое. Ни жена Стемпковскаго, ни ея сестры—Гриневецкая, каштелянша каменецкая, и Морская,—ви даже дѣти ея не являются на политической аренѣ. Историки умалчиваютъ объ нихъ; все блѣднѣетъ въ яркомъ сіяніи, окружающемъ самого каштеляна. Въ виду его величія, хотя и дутаго, исчезаютъ во мракѣ забвенія жена, ближайшее потомство, боковыя вѣтви его рода.

Разъ только встрѣчаемъ мы каштеляншу въ роли полуофициальнаго характера, а именно въ свитѣ, окружающей князя Репнина, когда послѣдній, въ качествѣ посла государыни, отправлялся въ Турцію; это было въ одинъ прекрасный юньскій день 1775 года,

на берегу Днѣстра, въ Жванцѣ. Въ палаткѣ генерала Ширкова, командовавшаго русскими войсками, собранными по поводу этого торжества, засѣдаютъ вмѣстѣ съ княземъ—посломъ и его супругой, генераломъ Воейковымъ и самимъ хозяиномъ: каштелянъ Адамъ Сулима Попель съ супругой, воеводичъ ¹⁾ Александръ Любомирскій и кроткая супруга Юсифа Стемпковскаго. Если мужа ея не было въ окружающемъ ее обществѣ, то, вѣроятно, это произошло только потому, что ему, какъ региментарю, слѣдовательно лицу оффиціальному, это было неудобно, такъ какъ правительство Рѣчи Посполитой держало себя пассивно по отношенію къ турецкому вопросу, не желая возстановить противъ себя безпокойнаго сосѣда. Иное дѣло сама каштелянша: хотинскій паша смотрѣлъ на женщину съ свойственной ему точки зрѣнія, а потому для него было безразлично—одна, двѣ или три женщины благословляли его недавняго противника... Описаніе торжества, впрочемъ очень скромнаго, не входитъ въ составъ нашего разсказа.

Новый сенаторъ немедленно позаботился о приобрѣтеніи земельной собственности въ кievской области. Съ этою цѣлью, онъ продалъ свои галицкія имѣнія, которыя находились теперь за рубежемъ и при томъ не были особенно обширны. По счастливому для него стеченію обстоятельствъ ему удалось приобрѣсть лабунскій ключъ, состоявшій изъ мѣстечка и пяти или семи сель. Прежде Лабунъ принадлежалъ Станиславу Любомирскому, извѣстному кандидату на корону послѣ смерти Августа III. Любомирскій имѣлъ большое имѣніе и былъ душевно-боленъ. Жена его, урожденная Поцѣй, была въ интимныхъ отношеніяхъ съ Сосновскимъ, впоследствии полевымъ гетманомъ Литовскимъ. Недоброжелатели разрывали въ клочки исполинское имѣніе, а такъ какъ у воеводы были дѣти, то родственники позаботились объ опецѣ. Управление имѣніемъ было поручено Мартыну Свѣйковскому, судѣ брацлавскому, который оказалъ сосѣдскую услугу новоиспеченному каштеляну Стемпковскому, уступивъ ему Лабунъ на очень выгодныхъ условіяхъ. Прибавимъ въ скобкахъ, что и дѣтямъ Любомирскаго осталось не мало: одинъ изъ сыновей воеводы, Францъ Ксаверій, продалъ въ 1787 году свою часть Потемкину за 2,000,0000 рублей, и это была только четвертая часть и

¹⁾ Сынъ воеводы.

то далеко не сполна, этого исполинскаго имѣнія, передъ тѣмъ еще порядочно общипаннаго.

Каштелянъ Стемпковскій поселился въ Лабуні. Читатель сильно ошибся-бы, если-бы предположилъ, что король забылъ о своемъ любимцѣ. Впрочемъ, онъ не могъ забыть—любимецъ сумѣлъ-бы самъ напомнить о себѣ его королевскому величеству.

На сеймѣ 1775 года Стемпковскій получилъ на правѣ наслѣдственной аренды, винницкое староство, что составляло подарокъ не совсѣмъ обыкновенный, такъ какъ староство это состояло изъ 12 сель, съ населеніемъ въ 23,000 душъ, изъ прекрасныхъ лѣсовъ, прудовъ, мельницъ... Одна кварта ¹⁾ составляла, въ концѣ прошлаго столѣтія, 48,000 злотыхъ. Но такъ какъ прежній владѣлецъ староства былъ еще живъ, и ждать его смерти пришлось-бы, Богъ вѣсть, какъ долго, то поэтому каштеляну была назначена пенсія въ 30,000 злотыхъ „*ad vitae ejus tempora*“... И какъ прекрасно было мотивировано въ конституціи это „пожалованіе“: по истинѣ это страницы изъ Плутарха... Упоминается въ немъ и объ „усмиреніи гайдамачины“ и объ „измученной“ Украинѣ, которую Стемпковскій защищалъ, рискуя жизнію и имуществомъ“; незабыта его рискованная отвага во время „повѣтрія“, т. е. моровой язвы, отъ которой, скажемъ мимоходомъ; онъ держался очень далеко подъ защитою густыхъ лѣсовъ Полѣся; наконецъ есть и ссылка на свидѣтельство Браницкаго, самаго свѣдущаго въ дѣйствіяхъ своего региментаря,—словомъ: полно похвалы и фиміаму... Увы! болтовня проникла уже мало помалу и въ конституцію. При Сигизмундѣ Старомъ сеймъ кратко и сжато вписывалъ свои постановленія. Награды, и то очень скромныя, только вносились въ книги, такъ какъ каждый дворянинъ прекрасно зналъ, за что какой-нибудь его собратъ получалъ вполнѣ имъ заслуженный кусокъ хлѣба. Теперь-же пожалованія, подобно судебнымъ рѣшеніямъ, записывались вмѣстѣ съ причинами, ихъ обуславливавшими, чтобы потомки знали, за что такъ щедро былъ награжденъ одинъ изъ ихъ предковъ.

Панъ каштелянъ переуступилъ свои права на староство Станиславу Понятовскому; кромѣ того, годъ спустя, ему удалось рѣшить

¹⁾ Четвертая часть дохода съ имѣнія, отпускавшаяся на жалованье войскамъ, охранявшимъ границы.

полюбовно дѣло съ Щенскимъ-Потоцкимъ по претензіи послѣдняго на Тарговицу и Нарубаевъ... Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Стемповскій, съ немалымъ денежнымъ запасомъ, принялся за устройство своей резиденціи въ Лабуні. Нельзя не признать, что онъ обладалъ хорошимъ вкусомъ и вполне барскими привычками.

И вотъ, нѣсколько лѣтъ спустя, великолѣпный дворецъ возвышался въ нѣкогда убогомъ волынскомъ поселкѣ. Онъ былъ построенъ на берегу рѣчки Поганки; фасадъ его, украшенный подъѣздомъ съ колоннами, гордо посматривалъ на грязное мѣстечко. Колоннада вела въ обширныя величественныя сѣни (westybul), откуда былъ ходъ въ залу, въ семь оконъ; изъ залы дверь вела на террасу, у подножія которой Поганка, заключенная въ шлюзы, образовывала большое озеро, низвергающееся шумящими каскадами. Вдоль береговъ импровизированнаго пруда разстилались газоны, были устроены клумбы, рощицы, бесѣдки, тѣ укронныя убѣжища, скрытыя въ тѣни шумящихъ деревьевъ и какъ-бы нарочно созданныя для идиллическихъ и трогательныхъ „амуретокъ“.

Но возвратимся къ главному зданію. Большая зала была шедевромъ архитектора Шрейера, и, вѣроятно, впечатлѣніе, производимое ею, было несомнѣнно обыкновенно, если до насъ дошло четыре различныхъ ея описанія. Семь громадныхъ, соотвѣтственныхъ окнамъ, зеркала украшали ее вечеромъ, и сверхъ того всѣ окна задвигались такими-же зеркалами, скрытыми въ стѣнѣ на подобіе внутреннихъ ставень. Вверху были устроены хоры для музыки. Для освѣщенія ея зажигалось 800 свѣчей. Зала могла вмѣстить въ себѣ болѣе 1000 человекъ. По сторонамъ дворца находились не менѣе великолѣпныя павильоны. Во всемъ зданіи насчитываютъ болѣе 100 комнатъ, которыя почти всегда были полны народу.

Въ устройствѣ своего дворца Стемповскій во всемъ подражалъ владѣльцу Тульчина, недавно поселившемуся въ Брадлавской землѣ, и необыкновенной роскошью импонировавшему шляхтѣ, склонной къ подражанію. Но, что было позволительно пану Потоцкому, обладателю болѣе чѣмъ 2,000,000 злотыхъ годоваго дохода, то оказалось крайне обременительнымъ для Стемповскаго, не обладавшаго и четвертой частью этой суммы...

Люди болѣе близкіе и болѣе смѣлые предостерегали каштеляна, что онъ разоряется; но на это онъ отвѣчалъ имъ съ истинно шляхетскимъ

бродушіемъ: „что-же дѣлать?... чѣмъ не пожертвуетъ человекъ для достойнѣйшаго изъ людей, возлюбленнѣйшаго государя (такъ всегда называлъ панъ Іосифъ короля“).

И нельзя не признать, что король отвѣчалъ ему взаимностью, питалъ къ нему какую-то странную слабость: быть можетъ, любимецъ ослѣплялъ его своею роскошью и великолѣпіемъ. Не преминулъ Стемповскій пріобрѣсть вліяніе и на сосѣдей не только своимъ гостепріимствомъ, но и по истинѣ барскимъ пріемомъ.

Лабунь лежала въ счастливомъ уголкѣ земли. Вокругъ нея было расположено довольно много селъ; во всѣхъ этихъ селахъ были большіе или меньшіе дворы, а въ дворахъ жили *земяне*... Не были то ни владѣльцы десятковъ уволокъ земли, ни магнаты, считавшіе тысячами подданныхъ, но нѣчто среднее между гербовнымъ убожествомъ и корольками, въ родѣ Потоцкаго и др.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ жили: Мартинъ Любомирскій въ Любарѣ; Янъ Ильинскій, староста житомирскій, въ Романовѣ; братъ его Непомуценъ, староста чудновскій, въ Скаринцахъ; кіевскій хорунжій, Каетанъ Гижицкій, въ Краснополѣ; Воропичъ, каштелянъ белзскій, въ Трояновѣ; Бѣржинскіе—Онуфрій, каштелянъ житомирскій, въ Людвиполѣ, а Іосифъ, подкоморій, въ Андрушевкѣ; Адамъ Понинскій въ Чудновѣ, Каликстъ, кавалеръ малтійскаго ордена, въ Полонномъ, княгиня Яблоновская, жена воеводы, въ Ляховцахъ, Ганскіе въ Пулинахъ, Букары въ Ямполѣ и т. д.

Всѣ они были почти ежедневными лабунскими гостями. Каштелянъ, страстно любившій общество, держалъ и соотвѣтственный дворъ. Прислуги у него было видимо-невидимо: вездѣ толпились гайдуки, стрѣлки, стремянные, лакеи, кучера, козаки... Была прислуга постоянная, и такъ называемая походная, ибо этотъ спбаритъ, хотя и проводилъ обыкновенно ночи въ домахъ братьишляхты, тѣмъ не менѣе за своей тяжелой каретой тащилъ всегда нѣсколько нагруженныхъ бричекъ съ кухнею, виномъ, живностью и соотвѣтственной прислугою. Въ каретѣ возлѣ пана сидѣлъ дежурный дворецкій, на козлахъ два хлопча для набиванія трубки, которую безпрестанно курилъ сенаторъ, за каретой стояло два огромныхъ гайдука, вооруженныхъ съ головы до ногъ...

Подъ конецъ жизни, когда чувство вкуса начало измѣнять притупленному изысканными блюдами нѣбу, Стемпковскій пробовалъ пользоваться походной кухней; но что-бы самообманъ былъ полный, онъ укладывался и выѣзжалъ за предѣлы своего околотка и, остановившись въ первой попавшейся корчмѣ, съѣдалъ наскоро приготовленный скромный обѣдъ и возвращался домой къ вечернему собранію освѣженный и довольный. Поваренокъ становился предметомъ овацій, а главный придворный поваръ былъ въ отчаяніи, что уже не можетъ угодить своему господину...

Каштелянъ былъ въ одно время и региментаремъ и генераль-лейтенантомъ; какъ военный сановникъ, онъ всегда имѣлъ при себѣ стражу. Рядомъ съ дворцомъ была гауптвахта; на ней караулили пѣхотные солдаты; офицеровъ было также не мало въ распоряженіи Стемпковского, и онъ всегда обращался съ ними свысока.

Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ объ адъютантѣ П., которому каштелянъ приказалъ разъ подать огня для трубки...

— Адъютантъ, огня!—закричалъ онъ.

Офицеръ, будто не понимая въ чемъ дѣло, выѣзжалъ во дворъ, поспѣшно собралъ на платформѣ солдатъ и командовалъ:

— Пали! ¹⁾.

Раздался залпъ почти двухъ десятковъ ружей. Удивленный каштелянъ выбѣгаетъ и спрашиваетъ офицера о поводѣ стрѣльбы. Остроумный адъютантъ съ поляйшей субординаціей отвѣчалъ, что поступилъ согласно распоряженію... Генераль потребовалъ отъ него огня, онъ-же, какъ солдатъ, могъ добыть его только изъ оружія... Воевода закусилъ губы и молча пошелъ въ домъ—мрачный и сердитый... Но съ тѣхъ поръ онъ былъ вѣжливѣе въ обращеніи съ офицерами.

Мы сказали выше, что Стемпковскій не обладалъ образованіемъ, однако ему нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ природнаго ума. Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ онъ стоялъ во главѣ не только кievской, но и волынской шляхты, и при этомъ такъ ловко правилъ этимъ судномъ, что оно счастливо миновало встрѣчаемыя имъ по дорогѣ подводныя скалы.

¹⁾ Балабуръ основанъ на двойномъ значеніи слова: «ognia» — обыкновенномъ и въ смыслѣ команды: «пали».

Одновременно съ званіемъ каптеляна, панъ Іосифъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а въ 1785 г. былъ сдѣланъ воеводой; но перемѣна кресла въ сенатѣ ничего не прибавила къ блеску его общественнаго положенія. Входилъ онъ въ составъ непрерывнаго совѣта (*Rady nieustającej*), какъ генераль-лейтенантъ, засѣдалъ въ военной комисіи, довольно долго былъ региментаремъ, и только сдѣлавшись воеводой, продалъ выгодно свое региментарство Щенскому Потоцкому. Все у этого человѣка было продажно. Послѣднее мнѣніе принадлежитъ не только намъ лично. Одинъ изъ современниковъ Стемповскаго, Букаръ, неоднократно упоминаетъ объ этой чертѣ его; между прочимъ онъ говоритъ слѣдующее: „чины, сенаторскія кресла, ордена, староства, наконецъ, командованіе войсками, насытившись всѣмъ этимъ самъ, продавалъ потомъ *plus offerenti*“.

Въ первое время своей общественной карьеры Стемповскій держался съ Щенскимъ - Потоцкимъ, часто принималъ у себя гетмана Браницкаго, заигрывалъ даже съ Потемкинымъ, но когда королевская партія стала подъ знаменемъ реформы,—онъ сдѣлался сторонникомъ послѣдней. Надо отдать ему справедливость,—онъ далъ этимъ лучшее доказательство своей привязанности къ Станиславу-Августу, хотя въ данномъ случаѣ онъ только точно придерживался инструкцій—не больше!

Политика была для него средствомъ, которымъ онъ пользовался съ цѣлью обогащенія, чтобы потомъ на пріобрѣтенныя этимъ путемъ средства купить себѣ хотя одинъ лишній моментъ наслажденія. Эпикуреецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ не понималъ иной жизни, какъ среди пиршествъ, въ объятіяхъ прекрасной женщины, въ кружкѣ друзей, отуманенныхъ разгорячающими напитками, блескомъ его сенаторскаго величія, звуками его музыки разгульной и шумной...

Всѣмъ своимъ чувствамъ онъ старался угодить... Все окружавшее его безумствовало вмѣстѣ съ нимъ, не глядя на будущее, живя только моментомъ... Что такое завтра?.. Оно не наше, повторили собутыльники, лишь-бы только сегодня весело прожить!

Такимъ путемъ пріобрѣлъ воевода популарность. Расположеніе сосѣдей онъ снискивалъ раздачей орденовъ и чиновъ, мелкоту привлекалъ на свою сторону протекціей. Ни одинъ изъ его придворныхъ

не пошелъ тяжелымъ путемъ долга, въ то время, когда страна требовала активной помощи; ни одинъ не сражался вмѣстѣ съ Костюшкой, ни одинъ не ѣлъ сухаго хлѣба въ изгнаніи, ни одному изъ нихъ не пришлось выплакать глазъ въ тоскѣ за далекой родиной, съ которой пришлось проститься навсегда. Напротивъ, Тарговица нашла для себя въ ихъ средѣ порядочный контингентъ, можетъ быть только кажущихся, неискреннихъ слугъ, тѣмъ не менѣе точно исполнявшихъ ея приказы, отличавшіеся скорѣе глупостью, чѣмъ злой волей.

Янъ Дукланъ Охотцій, истинный польскій *Casanova*—(дневникъ его намъ пришлось прочесть въ рукописи, изъ которой Крашевскій отбросилъ, говорятъ, половину текста, приспособляя ее къ печати), одинъ изъ ближайшихъ наушниковъ воеводы, случайно попалъ было подъ арестъ, но былъ сейчасъ-же освобожденъ. Иные вышли изъ погрома, не пострадавъ ни тѣломъ, ни имуществомъ; новый порядокъ вещей засталъ ихъ надлежаще подготовленными къ извлеченію изъ него личныхъ выгодъ...

Какъ видно, нравственное вліяніе каштеляна, въ послѣдствіи воеводы, было не особенно душеспасительно; соблюдая интересы своего воеводскаго сана, онъ развратилъ кievскую и волынскую шляхту до того, что она неистовствовала даже тогда, когда уже вся страна облеклась въ трауръ.

Самые знаменитые герои бутылки собирались въ Лабунь, чтобы испытать свои силы на благородномъ вакхическомъ турнирѣ. И хотя, со временемъ, гетманъ Браницкій удалился изъ этого кружка, онъ оставилъ въ немъ вполне достойныхъ послѣдователей. У Стемпковскаго былъ какой-то необыкновенной величины кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ 5 бутылокъ, въ крышку котораго, въ свою очередь, входило три бутылки. Нашлось только нѣсколько рыцарей, которые могли осушить эту порцію, и то съ двумя остановками: сначала, выпивалось „единымъ духомъ“ все содержимое крышки, затѣмъ, кубокъ, съ минутнымъ перерывомъ. Къ числу такихъ необыкновенныхъ героевъ принадлежали: Іосифъ Свѣйковскій — староста овручскій, полковникъ Янковскій и Комаржевскій, и Ильинскій — староста чудновскій — тотъ самый, который въ своей повседневной жизни нуждался въ 18 бутылкахъ краснаго вина въ день, для

облегченія труднаго пищеваренія. Ему подавалось обыкновенно шесть бутылокъ за разъ, причеиъ кубка два спирту, въ видѣ старки, передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ, не шли въ счетъ. Только удовлетворивъ этимъ привычкамъ, онъ чувствовалъ себя хорошо, бодро, былъ въ мѣру веселъ и подвиженъ, насколько это позволяла его громадная туша.

Житомирскій подсудокъ ¹⁾ Вичффинскій самымъ наивнымъ образомъ сознавался, что въ продолженіи десяти съ лишнимъ лѣтъ самолично выпилъ въ Лабуни, по крайней мѣрѣ, на 200,000 злот. вина. Посудите-же, какое количество его было выпито другими, если подсудокъ не принадлежалъ еще къ числу записныхъ пьяницъ...

Обыкновенный заздравный бокалъ заключалъ въ себѣ кварту съ четвертью винограднаго нектара, и отъ такой скромной порціи никто не имѣлъ права отказаться во время обѣда! И пусть послѣ этого моралисты утверждаютъ, что времена вакханалій миновали безвозвратно послѣ смерти Августа III.

Поклоненіе Бахусу нисколько не мѣшало другимъ удовольствіямъ, напротивъ, положительно можно сказать, что въ резиденціи пана воеводы длился одинъ непрерывный банкетъ. Слѣдствіемъ ранняго вдовства воеводы, явилась нѣкоторая свобода, придававшая особую прелесть пирушкамъ. Въ женскомъ персоналѣ недостатка не было, такъ какъ при дворцѣ воеводы существовалъ фрауцимеръ, содержавшійся будто-бы для молоденькой воеводской дочки; кромѣ того, въ домъ его часто заглядывали жены сосѣдей. Къ мужскому обществу, кромѣ приѣзжихъ окрестныхъ помѣщиковъ, принадлежало еще не малое количество надворной шляхты и военныхъ. Общество занималось разными играми, а послѣ изысканнаго обѣда приступало къ танцамъ. Желавшіе занимались „идилліей“ въ уединенныхъ покояхъ, освѣщенныхъ алебастровыми лампами, дававшими чарующій полусвѣтъ. Разставленныя здѣсь померанцовыя и лимонныя деревья, бесѣдки, обвитыя плющемъ, удобные диванчики, все это, правда, en miniature, но прелестное, изящное, было даже черезчуръ чарующее для воркующей парочки. Вдали гремѣла музыка въ малой бальной залѣ,

¹⁾ Младшій судья.

отдавалась подъ ея сводами, а до этихъ уединенныхъ убѣжищъ долетали тихіе, мягкіе звуки. Это были мелодіи, исполненныя грусти о прошломъ и неясныхъ желаній будущаго... Подъ вліяніемъ этого очарованія завяло не одно юное женское сердечко; часть наслажденія оплачивался жертвой всей жизни... Но этотъ часть, этотъ часть!.. Впрочемъ, домъ воеводы не былъ школой польскихъ матерей—съ этимъ согласится каждый, а потому, можетъ быть и неумѣстны наши воспоминанія...

Но возвратимся къ предмету нашего разсказа. Одни изъ гостей танцевали, другіе не оставляли бокаловъ, иные убивали время за зеленымъ столомъ. Нельзя, однако-же, не признать, что азартныя игры не имѣли здѣсь мѣста. Даже Адамъ Понинскій, частый гость въ Лабуні, не могъ привить ихъ здѣсь и возбудить къ нимъ пристрастіе. За то у себя дома онъ былъ истиннымъ царемъ банка. Этотъ, навсегда опозорившій свое имя, князь, обдиравшій государственную казну въ эпоху приснопамятнаго сейма, относящагося ко времени раздѣла Польши, и благодаря развѣ горькой ироніи судьбы носившій титулъ "подскарбія¹⁾", основалъ свою резиденцію въ Чудновѣ... Обыгрывалъ онъ тамъ шляхту при посредствѣ специально приглашенныхъ для этой цѣли шулеровъ, а кто не давалъ себя обыграть, тѣхъ втягивалъ въ компанію къ себѣ подъ предлогомъ выгодныхъ финансовыхъ операцій.

Цѣлыхъ четыре года (1778—1782 г.) властвовалъ Понинскій на дубенскихъ контрактахъ, пока, наконецъ, самъ не упалъ подъ тяжестью собственныхъ махинацій. Имущество его было продано съ аукціона, и оказалось, что на немъ тяготѣло 83 милліона долгу. Этотъ-то Понинскій былъ душою лабунскаго общества. Воевода гордился его дружбой, шляхта въ перегонку спѣшила съ бараньей торопливостью въ Чудновъ, гдѣ ее общипывали, какъ слѣдуетъ. Всѣ окружали князя обожаніемъ, женщины пронизывали его огненными взорами, воеводскіе чиновники, всегда готовые къ услугамъ щедрого пана, разсказывали на всѣхъ перекресткахъ объ его необыкновенной честности... притомъ такъ настойчиво, что, наконецъ, самъ подскарбіи начиналъ иногда вѣрить въ свой ка-

¹⁾ Подскарбіи—казнохранитель.

тонизмъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ съ нѣкоторымъ цивилизмомъ сознавался въ этомъ.

Родной братъ его, Каликстъ, кавалеръ мальтійскаго ордена, поселился въ Поточномъ. Всѣ сестры Понинскаго составили блестящія партіи: одна изъ нихъ вышла замужъ за Онуфрія Бѣржинскаго, каштеляна житомирскаго, другая—за князя Биропа курляндскаго, третья—за Гаспера Любомірскаго. Когда Любомірскій умеръ, молодая вдова отдала руку Винницкому, шамбеляну ¹⁾ его королевскаго величества и, чтобы вы думали? семья прекратила съ ней сношенія, считая этотъ бракъ неравнымъ, съ чѣмъ сосѣди единогласно согласились.

Въ описываемой мѣстности всѣ жили не по карману; сосѣди старались превзойти другъ друга роскошью, и ни одинъ съѣздъ, ни одно совѣщаніе не обходились безъ возліяній и обильнаго обѣда. Охоты Понинскаго пріобрѣли громкую извѣстность, подобно тому, какъ перешли въ потомство дебюты Стемпковскаго по поводу пріема Станислава-Августа. Король гостилъ въ Лабуні два раза. Первый разъ, возвращаясь изъ Каменца въ 1781 году, онъ праздновалъ подъ кровлей воеводы годовщину своей коронаціи и крестилъ здѣсь сына Бѣржинскаго; воспріемницей была княгиня Понинская, жена Каликста, и торжество имѣло чисто-семейный характеръ; зато въ 1787 году, во время путешествія его въ Каневъ, день 16 марта, проведенный имъ въ Лабуні, нашель многихъ историковъ. Писалъ о немъ какъ-бы *ex officio* ксѣндзъ Нарупевичъ, писалъ Плятеръ, Охочкій и Букаръ, отецъ котораго, судья житомирскій, совмѣстно съ генераль-адъютантомъ Свѣйковскимъ, исполнялъ обязанности хозяина дома, такъ какъ воевода, по обязанностямъ своимъ, какъ членъ совѣта, долженъ былъ въ то время остаться въ Варшавѣ.

И сколько приготовленій понадобилось для этого пріема. Мебель получалась изъ столицы, кабинетъ его величества былъ устроенъ на подобіе того, какой былъ у него въ королевскомъ дворцѣ. Охочкій, распорядитель пиршества, составилъ интересный списокъ потребленныхъ продуктовъ. Хотя домъ воеводы былъ устроенъ съ возможнѣйшимъ великолѣпіемъ и роскошью, не-

¹⁾ Шамбелянъ—камергеръ.

умѣстно было не сдѣлать нѣкоторыхъ дополнительныхъ закупокъ. Необходимо было прикупить 65 дюжинъ столовыхъ фарфоровыхъ приборовъ, одинъ серебряный сервизъ, болѣе десятка тысячъ бутылокъ очень дорогихъ винъ и нѣсколько сотъ ведеръ изъ менѣе дорогихъ... Само пиршество не обошлось такъ дорого, какъ посѣщенія сосѣдей, осматривавшихъ все, приготовленное къ приему августѣйшаго гостя. Извѣстный Ильинскій гостилъ нѣсколько дней въ ожиданіи Понятовскаго; онъ одинъ представлялъ изъ себя настоящую бочку Данаидъ, такъ какъ собственной персоной осушилъ болѣе тысячи бутылокъ!

Двѣнадцать важнѣйшихъ сановниковъ встрѣтили короля въ Лабуни; сто женщинъ присутствовало за королевскимъ столомъ, и пусть послѣ этого кто-либо стачетъ отрицать, что царствованіе Станислава-Августа не было царствованіемъ прекраснаго пола. Въ другомъ покоѣ 140 землевладѣльцевъ щедро угощались... Вечеромъ дворецъ засіялъ великолѣпной иллюминаціей: 1400 зажженныхъ свѣчей разливали свой свѣтъ со стѣнъ и потолка... Среди волъ яркаго свѣта гремѣли звуки музыки, и коронованный гость слушалъ концертъ „съ немалымъ удовольствіемъ“.

Въ одномъ углу бальной залы фигурировалъ земной шаръ, на которомъ было сдѣлано мастерское изображеніе волынскаго воеводства съ величественно восходящимъ надъ нимъ солнцемъ. Намекъ на честь, сдѣланную волынской землѣ посѣщеніемъ короля, ясно говорилъ: мракъ господствовалъ здѣсь до сего дня, но, съ того момента, какъ ты ступилъ ногой на эту землю, свѣтъ облилъ ее. Весь міръ, все государство, пребываетъ во мракѣ, лишь одна Волынь сіяетъ... Но истиннѣ смѣшное благоговѣніе, оказываемое королю корольками! Громкое „wivat“ гремѣло безпрестанно, пушечки сожгли болѣе пороху, чѣмъ его выстрѣлялъ воевода во время его „барскихъ“ подвиговъ. Наконецъ, бѣдняжки отказались повиноваться. Подкутилъ-ли бомбардиръ, порохъ-ли замокъ, но заставить ихъ стрѣлять долѣе не было никакой возможности. Офицеры выбѣжали изъ дворца, чтобы узнать о причинѣ безмолвія пушекъ; самъ директоръ военнаго департамента, генераль Комаржевскій, очень ревностно ихъ осматривалъ; давались различные совѣты, но пушки все отказывались дѣйствовать; наконецъ ихъ оставили въ покоѣ. Свѣйковскій, вице-хозяинъ этого пиршества, уже порядочно под-

кутившій, порѣшилъ, что „въ свободномъ государствѣ—свободныя орудія“. Сентенція была встрѣчена смѣхомъ и полита виномъ. Между тѣмъ въ бальной залѣ, сіявшей множествомъ прекрасныхъ женщинъ, прохаживались толпы увѣшанныхъ орденами пановъ, на что указываетъ даже одна изъ относящихся къ тому времени пѣсень:

Iedni po polsku, drudzy z niemiecka,
Każdemu z boku świczki gwiazdeczka ¹⁾...

Растроганный Понятовскій восклицалъ съ увлеченіемъ, что ему „дороже всего вѣнецъ, свитый изъ сердецъ его гражданъ“. Букаръ отвѣтилъ всепресвѣтлѣйшему государю ловкимъ стихотвореньемъ. Тостовъ, комплиментовъ—было провозглашено громадное количество... А въ концѣ всего маленькій, на скоро завязанный, романъ съ паней Шуйской и дальнѣйшее путешествіе...

За баломъ наступилъ расчетъ. Хотя главный поваръ Бейеръ, откуда-то выписанный ради этого торжества, какъ оказалось, сильно воровалъ, хотя злоупотребленія его были открыты, и не обошлось безъ болѣзненнаго увѣщанія, но послѣ подведенія всѣхъ итоговъ, хозяева убѣдились, что двухдневный приѣмъ короля стоилъ круглой суммой въ 18,000 червонцевъ, т. е. 324,000 тогдашнихъ золотыхъ. Правда, третью часть этой суммы далъ добрый король, желая такимъ путемъ снискать себѣ золотыя шляхетскія сердца... Но снискаль-ли онъ ихъ?

Читая описаніе этого приѣма, мы невольно переносимся мыслію къ иному торжеству, недавняго времени, а именно—происшедшему лѣтъ 15-ть тому назадъ (1866) въ Хотинѣ. Устраивали его евреи въ честь садогорскаго раввина... Правда, и здѣсь было принесено въ жертву 2,000 быковъ, 100,000 разнаго рода птицы, 2,000,000 яицъ, нѣсколько сотенъ бочекъ пива и т. п. Но на ряду съ этимъ импонирующимъ перечнемъ потребленныхъ продуктовъ, было здѣсь нѣчто болѣе импонирующее, чѣмъ то, что мы находимъ въ лабунскомъ пиршествѣ: 100,000 послѣдователей, не взирая на многочисленныя препятствія, сбѣжались чествовать видимаго главу *хасидовъ*...

¹⁾ Одни (одѣты) по польски, другіе на нѣмецкій ладъ; на груди у каждаго сіяетъ звѣздочка.

Это была фанатическая, темная толпа, съ триумфомъ тащившая экипажъ, въ которомъ сидѣлъ полусонный глава израильской церкви... причеиъ болѣе 80,000 свѣчей освѣщало это шествіе... Въ Лабунѣ мы видимъ искусственность, ничтожную горсть патентованной шляхты,—народныя массы не заявили себя хотя-бы даже равнодушнымъ глазѣиъемъ... Тамъ выражалась идея, темная, дикая, но поражающая своимъ величіемъ.

Два королевскіе визита, непрерывное пиршество, длившееся десятка полтора лѣтъ подъ кровлей Стемповскаго, наконецъ, торжественный вѣздъ послѣдняго въ свое воеводство, происшедшій въ 1786 году,—все это требовало громаднхъ расходовъ. Вѣздъ этотъ стоилъ нѣсколько десятковъ тысячъ червонцевъ и произвелъ столько шума въ странѣ, что слухи о немъ дошли даже до Варшавы, и ксендзъ Лускина занесъ его на страницы своей газеты.

Доходы съ лабунскаго ключа и различныя оклады содержанія могли приносить Стемповскому 300,000 злотыхъ годоваго дохода. Но этого было недостаточно для покрытія такихъ громаднхъ издержекъ: приходилось, слѣдовательно, искать другихъ источниковъ. Этой цѣли служили такъ называемыя „воеводскія дѣла“ („sprawy województwa“). Только такой ловкій человекъ, какъ Стемповскій, умѣлъ ихъ эксплуатировать въ свою пользу. Нужно знать, что между королемъ и Стемповскимъ произошло слѣдующее соглашеніе: воевода обязался проводить королевскихъ кандидатовъ на кіевскихъ сеймахъ, король, въ замѣнъ этого, далъ обѣщаніе, что ни одинъ чинъ, ни одинъ орденъ не будетъ пожалованъ безъ ходатайства воеводы. И хотя лабунскому владѣльцу не всегда удавалось сдержать свое слово, король, однако, ни разу не нарушилъ обѣщанія, даннаго любимцу... Новое это доказательство его пристрастія къ нему. Былъ въ Подоліи такимъ-же приверженцемъ двора подкоморій Липинскій, и однако часто Станиславъ-Августъ, вопреки его желаніямъ, въ угоду генералу подольскихъ земель, назначалъ чиновниковъ и раздавалъ чины и ордена помѣщикамъ. Такимъ-же приверженцемъ Понятовскаго былъ въ брацлавщинѣ Грохольскій, однако-же король довольно долго удовлетворялъ домогательствамъ Щенскаго Потоцкаго, хотя Грохольскій громко протестовалъ противъ этого.

Легко понять, что склонность короля къ воеводѣ возбуждала большое уваженіе землевладѣльцевъ къ послѣднему. Кіевская шляхта страстно любила знаки отличія; во всей окрестности не было шляхтича, обладающаго хотя-бы одной деревенькой, который не имѣлъ-бы орденской лепточки. И сколько униженій и издержекъ выпадало на долю претендентовъ! Прежде всего надобно было подмазаться къ Стемпковскому, пьянствовать съ нимъ, стараться угождать его придворнымъ и снискать себѣ ихъ расположеніе, наконецъ щедро оплатить королевскую канцелярію. Охочкій обыкновенно бралъ на себя такого рода комиссіи, за что получалъ въ свою очередь червонцы, кабриолеты, кареты, лошадей и т. д. Панъ воевода пользовался своимъ положеніемъ такъ, что во всѣхъ мѣстныхъ судахъ распорядился, какъ дома; вліяніе его простиралось даже на люблинскій трибуналъ, а возбужденныхъ противъ него дѣлъ было очень много. Стемпковскій безпрестанно занималъ деньги, но не былъ въ состояніи выплачивать ихъ, отсюда постоянные процессы. Естественно, въ лицѣ Дуклала Охочкаго, онъ имѣлъ ревностнаго повѣреннаго, который неоднократно являлся въ Люблинъ съ королевскими письмами, съ орденами для депутатовъ, и, хотя Стемпковскій никогда не возвращалъ ему расходовъ, ловкій надворный шляхтичъ умѣлъ помочь себѣ—онъ, какъ говорится, жарилъ два жаркихъ на одномъ огнѣ, т. е. одновременно съ процессами Стемпковскаго, пользуясь его вліяніемъ, проводилъ дѣла кліентовъ постороннихъ.

Протекція, какою окружалъ воевода двухъ послѣднихъ униатскихъ митрополитовъ, кажется нѣсколько странной и, такъ или иначе, бросаетъ тѣнь на его заслуги, какъ сенатора. Столица митрополии, какъ извѣстно, находилась въ кіевской землѣ, въ Радомышлѣ, причемъ пастыри получили 800,000 злотыхъ годоваго дохода. Митр. Смогоржевскій передъ наступающимъ сеймомъ старался получить кресло въ сенатѣ, и въ день св. Юсифа, въ 1788 г., пріѣхалъ въ Лабувъ. „Вслѣдствіе уговора“, пишетъ Охочкій: „послѣ различныхъ поправокъ и измѣненій, составлена была записка къ королю и маршаламъ сейма“. Поѣхалъ съ ней Охочкій въ Варшаву, и дѣло начало уже принимать благопріятный оборотъ, какъ вдругъ въ началѣ ноября митрополитъ скончался. Его преемникъ, Ростоцкій, суровый и притѣмъ скупой монахъ, началъ было самъ хлопотать о

креслѣ, но получилъ ясный отвѣтъ, что безъ посредничества воеводы ничего не выиграетъ. Волею-неволею явился онъ въ февралѣ 1789 года въ Лабунь и тогда только начался здѣсь торгъ, со всѣмъ цинизмомъ описанный Охоцкимъ. Прежде всего надо было приобрести привилегію на митрополию, слѣдовательно, удовлетворить секретаря королевской канцеляріи „для экспедиціи внутреннихъ дѣлъ“, затѣмъ ливрейную дворню, потомъ дать обѣдъ сенаторамъ, наконецъ щедро наградить Охоцкаго. Оказалось, что привилегія стоила 36,000 злотыхъ, но это было только начало. За привилегіей пошли ордена. Весною митрополитъ получилъ св. Станислава, а осенью хлопоталъ уже о лентѣ Бѣлаго Орла. Охоцкій, въ качествѣ посредника, доложилъ объ этомъ Стемповскому. „Я хорошо зналъ, чего всендзу теперь захочется“,—отвѣчалъ, улыбаясь, Стемповскій. „И онъ далъ мнѣ порученіе“, продолжаетъ авторъ записокъ, „объявилъ и свои условія, на которыя митрополитъ согласился, а недѣлю спустя звѣзда Бѣлаго Орла украшала уже грудь отца архіепископа“.

Гораздо болѣе долженъ былъ заплатить Ростоцкій своему покровителю за введеніе его въ сенатъ, а это произошло 29 іюля 1790 года. Казаться могло-бы, что Стемповскому и его стараніямъ мы обязаны тѣмъ шагомъ впередъ, который былъ сдѣланъ въ смыслѣ справедливаго удовлетворенія униатовъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Правду говоритъ Бартошевичъ, что въ данномъ случаѣ произошло то, что давно должно было произойти... что съ радостью утвердила Рѣчь-Посполитая. Препятствія, втайнѣ воздвигнутыя спекуляторами на чужой грошъ, могли лишь нѣсколько отстрочить это удовлетвореніе, но не болѣе; ибо Польша, которая ничего не знала о какомъ нибудь жалкомъ Охоцкомъ, начала теперь выступать на путь, отъ котораго отклонилась прежде, т. е. стремилась распространить опять братство и свободу.

Но вотъ земляне украшены знаками отличія, митрополитъ удовлетворенъ, а деньги все нужны. Стемповскій открылъ новый источникъ, именно „виндикату“, преподнесенную ему шляхтой въ знакъ благодарности, или такъ названнаго „братскаго сочувствія“. Всегда онъ напоминалъ ей о томъ, какъ охранилъ ея имущество во время гайдамацкихъ волненій... Но что такое была эта „виндиката?“ Извѣстно, что южныя воеводства во время войнъ Россіи съ

Турціей, были для первой житницей, снабжавшей ее провіантомъ. Землевладѣльцы видимо пользовались этимъ, сбывая свои продукты по высокимъ цѣнамъ. Однако часто случалось, что они не получали всего имъ слѣдующаго: русская провіантская коммисія всегда что-нибудь удерживала, даже во время управленія Румянцева, который все таки строго соблюдалъ справедливость. И вотъ Стемповскій привималъ отъ шляхты въ подарокъ эти недоборы, такъ называемые „виндикаты“, и при посредствѣ короля добывалъ ихъ очень легко. Довольно было отзыва Понятовскаго и Штакельберга къ Потемкину, чтобы требованія воеводы были удовлетворены. И было изъ-за чего стараться, такимъ путемъ поступило въ карманъ Стемповскаго болѣе 700 тысячъ злотыхъ. Но всѣ эти способы не могли предотвратить разореніе пана воеводы—оно ждало его ежеминутно...

IV.

Еще разъ ужасный призракъ крестьянскихъ бунтовъ явился передъ суровымъ лицомъ страшнаго Юсифа. Это произошло въ эпоху четырехлѣтняго сейма. Еще раньше, именно въ іюнѣ 1788 года, въ Елисаветградѣ, въ лагерѣ Потемкина, вмѣстѣ съ княземъ Репнинымъ, очутились—Щенсный-Потоцкій, Францъ Ксаверій Браницкій и Юсифъ Стемповскій. Разговоръ вертѣлся на очень важномъ вопросѣ, — какъ будетъ держать себя Рѣчь Посполитая во время предстоящей войны Россіи съ Турціей. Воевода откровенно высказался такъ: хотя самъ я стою за нейтралитетъ, но такъ какъ „мы короля очень любимъ. а король хочетъ держаться съ вами и намъ это усиленно совѣтуетъ, то и мы такъ дѣлаемъ“. Потемкинъ назвалъ Стемповскаго за эту откровенность „хорошимъ полякомъ“, а когда гетманъ началъ доказывать, что безъ короля было-бы еще лучше, панъ Юсифъ раскричался на него: „я нопу знамя роялиста и горжусь этимъ, ибо люблю короля и почитаю; а что касается долга благодарности, то вы несравненно болѣе получили милостей отъ этого-же короля“. И надо отдать ему справедливость: когда гетманъ и Щенсный порвали отношенія съ Понятовскимъ, Стемповскій остался на сторонѣ послѣдняго; позднѣе, уже въ періодъ четырехлѣтняго сейма, когда Браницкій возбуждалъ и подстрекалъ шляхту, кievскій воевода всегда противился всякимъ нашептываніямъ, не поддавался обманчивымъ надеждамъ, остался приверженцемъ трона и съ того момента внимательно началъ слѣ-

дить за каждымъ шагомъ своихъ политическихъ противниковъ, донося обо всемъ въ Варшаву. Не слѣдуетъ забывать, что Стемковскій не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, какъ одинъ изъ девяти сенаторовъ, у которыхъ отняли „activitatem“ по причинѣ неявокъ въ судъ, или неоконченныхъ процессовъ. Это дѣлало его тѣмъ полезнѣе на томъ посту, которому угрожала опасность. Уже въ декабрѣ 1788 года поговаривали объ этой опасности въ Варшавѣ, а въ январѣ слѣдующаго года въ Кіевѣ вспыхнули единичныя проявленія бунта. Убійство Вележинскаго со всей семьей въ Невярково заставило воеводу крѣпко призадуматься. Не сейчасъ удалось открыть, что это было одно изъ повседневныхъ преступленій; между тѣмъ Вележинскій былъ хорошо знакомъ въ Лабунѣ, жена его, урожденная Бѣржинская, была сестрой пріятеля пана воеводы... Страхъ овладѣлъ всей областью, шляхта помышляла о бѣгствѣ, всѣ помнили волненія предшествовавшія ужасной уманской рѣзни. Въ разсказахъ, ходившихъ по дворамъ, въ присовокушляемыхъ къ нимъ часто ложныхъ вѣстяхъ, усматривалось много сходства съ тѣмъ, что имѣло мѣсто двадцать лѣтъ тому назадъ. У страха глаза велики!

Король, однако, опасаясь реконфедерациі въ этой странѣ, стремящейся къ воспрепятствованію совѣщаніямъ сейма, призывалъ шляхту оставаться на мѣстѣ, усматривалъ во всемъ этомъ интриги гетманской партіи и поручалъ Стемковскому устроить бдительный надзоръ за генераломъ Курдвановскимъ, за воеводой Валевскимъ и его зятемъ, Рыбинскимъ. Стемковскій внимательно слѣдилъ и держался строго: „я досиживаю, писалъ онъ королю,— ибо если-бы я уѣхалъ, никто-бы не досидѣлъ, но и Вележинскій точно также разсуждалъ, а хорошъ-ли былъ его конецъ?“ Между тѣмъ въ Лабунѣ съѣхалось много помѣщиковъ подъ защиту пана воеводы; встревоженные „пани“ скоро пришли въ себя и веселились такъ хорошо, что, казалось, страхъ рѣзни улетѣлъ изъ волынскихъ лѣсовъ далеко въ степи, гдѣ такъ недавно лилась жидовская и ляшская кровь!..

А нужно знать, что резиденція воеводы была совершенно лишена войска, точно такъ-же и сосѣднее Полонное. Жаловался воевода, что Щенскій-Потоцкій, вопреки своему обѣщанію, отозвалъ оттуда команду, хотя, покупая у него званіе командующаго войсками,

увѣрялъ, что не тронетъ ея. Поятовскій успокаивалъ своего друга. „По истинѣ, справедливое дѣло, писалъ онъ, чтобы громившій 20 лѣтъ тому назадъ крестьянскіе бунты, не былъ теперь предоставленъ мести“. И дѣйствительно вскорѣ послѣ этого болѣе 3,000 войска стеклось въ мѣстность, которой угрожала опасность. Слѣдуетъ, однако, признать, что воевода держалъ себя спокойно; опытъ научилъ его уже многому. „И у меня есть дозоръ, рапортовалъ онъ королю, но безъ шума; висѣлицъ не ставлю, если окажутся виновные, — время терпитъ; иначе одни напрасно будутъ пугаться, а другихъ отчаяніе побудитъ распирять начатыя волненія“.

Теперь онъ не повѣсилъ ни одного мужика; жаръ, согрѣвавшее его подъ Кодней, ослабѣлъ... Впрочемъ крестьяне хорошо помнили суровость страшнаго Юсифа и вели себя въ окружности Лабуни примѣрно. Только по вечерамъ, „во время ассамблей“, въ покояхъ воеводы появлялись вырѣзанные изъ бумаги ножи ужающей формы... Охоцкій утверждаетъ, что при видѣ ихъ „пани“ лишались чувствъ, а мужчины запивали горе виномъ. Дѣло кончилось однако-же только страхомъ. Уже въ іюнѣ 1789 г. король благодарилъ пограничныхъ воеводъ за „поддержаніе спокойствія“...

Однако это тревожное время не мало повліяло на уменьшеніе состоянія Стемпковскаго. Четыре мѣсяца принималъ онъ у себя 200 человѣкъ, и принималъ по барски.

Уже въ концѣ года почувствовался недостатокъ въ деньгахъ для уплаты за провизію. Кредиторы назойливо тѣснили, стремительно приступали. Станиславъ-Августъ не много могъ помочь, ибо самъ былъ въ долгахъ; письменно только онъ ходатайствовалъ за воеводу. Нашлось очень много кредиторовъ въ кievскомъ воеводствѣ, не мало и въ столицѣ. Землевладѣльцы сначала щадили по крайней мѣрѣ королевскаго любимца, только кременецкій подсудокъ панъ Деныско сдѣлалъ первый шагъ, и то руководимый личнымъ нерасположеніемъ... Въ Кременцѣ Деныско выигралъ дѣло;—перенесли въ Люблинъ. Охоцкій немедленно полетѣлъ въ Варшаву, снабженный письмами къ маршалу трибунала, Закржевскому, и предсѣдателю его, Сокольниковому; возилъ при этомъ и ордена для депутатовъ. Такимъ образомъ, онъ склонилъ вѣсы побѣды на сторону воеводы, а Деныскѣ, вдобавокъ, пригрозилъ поединкомъ. Но торжество

его было непродолжительно. Поступокъ подсудка былъ какъ-бы сигналомъ для кредиторовъ. Всѣ они зашевелились и начали роптать. Долговъ, оказалось болѣе, чѣмъ состоянія. На имѣніе былъ наложенъ арестъ, а Стемковскій удралъ въ Варшаву, подъ крылышко короля, унося съ собою, что можно было унести...

Вы, пожалуй, подумаете, что на берегахъ Вислы онъ началъ вести скромную жизнь, какъ подобаетъ человѣку, не обладающему средствами? Какъ-бы не такъ! Стемковскій устроился совершенно по прежнему въ занятомъ имъ дворцѣ Красинскихъ, держалъ многочисленную дворню, лошадей... Его обѣды и ужины пріобрѣли себѣ даже нѣкоторую извѣстность. Онъ прилагалъ всѣ усилія къ пріобрѣтенію популярности: этого требовала честь управляемой имъ провинціи.

Но и здѣсь не обошлось безъ терній. Нашему эпикурейцу портили расположеніе духа многочисленные столичные кредиторы, поставщики различныхъ продуктови, какъ первой необходимости, такъ и предметовъ роскоши. Бѣдный Стемковскій утѣшалъ себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что раздѣляетъ участь короля. Толпа обойщиковъ, штукатуровъ, каретниковъ, виноторговцевъ, продавцевъ французскихъ матерій,—обыкновенно начинала съ короля и, толпяся ежедневно въ дворцовыхъ переднихъ, заносила къ королю всеподданнѣйшую просьбу уплатить по счетамъ. Затѣмъ, вся эта компанія направлялась процессіей къ сенаторамъ, въ числѣ которыхъ кievскій воевода занималъ еще не особенно видное мѣсто. Дѣлать было нечего; для удовлетворенія, хотя-бы отчасти, этой аравы должниковъ, Стемковскому приходилось продавать все, что еще осталось въ его рукахъ. Онъ началъ съ сенаторскаго кресла. Добрый король далъ на это свое позволеніе, а покупатель, Протъ Потоцкій, оказался даже слишкомъ щедрымъ, отсчиталъ за эту переуступку болѣе 275,000 злотыхъ...

За сенаторскимъ кресломъ пошли драгоценности; пріобрѣлъ ихъ Теперь за 9,000 червонцевъ. Это были драгоценныя пуговицы необыкновенной величины, усыянные брильянтами эполеты, запонки, ожерелья, табакерки украшенныя драгоценными камнями, великолѣпные ордена. Охоткѣ приступилъ даже къ уговору съ варшавскими кредиторами, предлагая имъ удовлетвориться четвертою частью слѣдуемаго имъ...

Не думайте однако, чтобы ех-воевода остался безъ гроша. Станиславъ-Августъ обезпечилъ содержаніе своему вѣрному слугѣ, оставивъ за нимъ жалованье генераль-лейтенанта (36,000 злотыхъ), предсѣдательство въ военной комисіи (24,000), мѣсто въ стражѣ (12,000); кромѣ того, изъ доходовъ съ Лабуніи ему выдавалось ежегодно 80,000 злотыхъ. Но для сенатора этого было мало! Хотя „воеводскія дѣла“ и остались за нимъ, но, живя далеко отъ управляемой области, онъ уже не могъ извлекать изъ нея прежнихъ доходовъ,—да, наконецъ, всѣ должности были заняты его пріятелями, всѣ землевладѣльцы были уже украшены знаками отличія. Если-бы понимать орденъ въ его истинномъ значеніи, т. е. какъ выраженіе извѣстныхъ заслугъ,—оказалось-бы, что во времена Станислава-Августа во всей Рѣчи-Посполитой не было болѣе заслуженныхъ мужей, чѣмъ тѣ, которые населяли кіевское воеводство... Это былъ истинный разсадникъ добродѣтельныхъ патрициевъ!...

Съ перваго момента прибытія воеводы въ столицу началась для него новая жизнь. Его общественная карьера была окончена. Личныхъ заслугъ у него не было никакихъ, такъ какъ всю жизнь онъ былъ только вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ своего господина. Цѣлые 22 года хозяйничалъ онъ въ кіевщинѣ, руководствуясь только примѣромъ короля, подражая ему во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ власти. Но ни умомъ, ни сердцемъ онъ не могъ сравниться съ своимъ благодѣтелемъ; его выручала лишь его ловкость и хорошо разыгранное шляхетское добродушіе. Снисходительный къ окружающей его шляхтѣ, онъ далъ ей полную волю дѣлать всякаго рода злоупотребленія, и этимъ снискалъ себѣ ея благодарность.

Разъ только, подъ конецъ своей жизни, Стемпковскій обнаружилъ мнѣніе, противное намѣреніямъ короля. Это было въ 1790 году. Привилегія избирать короля, или такъ называемая элекція имѣла для него много прелести, чему даже не слѣдуетъ удивляться. Тѣмъ не менѣе, въ это именно время въ письмѣ къ Понятовскому онъ такъ высказался по этому вопросу: „Если-бы при жизни и во время царствованія Вашего Королевскаго Величества былъ рѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдствіи или намѣченъ былъ преемникъ,—господа эти, вѣроятно, не дали-бы спокойно

завершиться вашему царствованію и употребили-бы всё средства для ускоренія вашей смерти⁴. Согласно съ этимъ, онъ, несмотря на всё убѣжденія Станислава-Августа, протестовалъ на кievскомъ сеймикѣ противъ выбора преемника ему и не провелъ порученныхъ ему кандидатовъ; хотя-же право сукцессіи принято значительнымъ большинствомъ, но это было, какъ повсемѣстно утверждали тогда, дѣломъ рукъ подкоморія ¹⁾ Бѣржинскаго, съ которымъ ех-всевода былъ въ ссорѣ. Между тѣмъ, когда дошло до рѣшенія относительно выбора королевскаго преемника при жизни самаго короля, Стемпковскій громко заявилъ:

— Служилъ я довольно долго и все кланялся главному алтарю; но разочаровался... Хочу теперь жить за одно съ братіей— шляхтой!

Слова эти не дѣлаютъ чести воеводѣ, который всѣмъ былъ обязанъ этому „главному алтарю“.

Король однако не обидѣлся; напротивъ, по приѣздѣ Стемпковскаго въ Варшаву, искренно подумывалъ объ обеспеченіи участи своего любимца. Къ учрежденіямъ 3-го мая герой нашъ отнесся совершенно равнодушно, онъ возмущался только этимъ братаньемъ съ мѣщанствомъ... Ему ничего не хотѣлось потерять изъ своего привилегированнаго положенія.

Впрочемъ въ этомъ, можетъ-быть, сказывалось вліяніе преждевременной старости. Жизнь его пролетѣла среди безпрестанныхъ наслажденій и вѣчнаго пиршества, среди прекрасныхъ, шаловливыхъ и снисходительныхъ женщинъ, а потому когда Стемпковскому было 60 слишкомъ лѣтъ, онъ былъ уже принужденъ часто оставаться въ постели. Докучала ему подагра, доктора совѣтовали воздержность: какъ однако рѣшиться на это человѣку, который никогда не отказывалъ себѣ ни въ чемъ? Если-бы кто-нибудь изъ близкихъ заботился о немъ; то, быть можетъ, удалось-бы удержать его отъ излишества. Но Стемпковскій велъ жизнь холостяка и не поддавался... Баловень судьбы, онъ думалъ, что и теперь она переможетъ... Ошибся... последовалъ ударъ, и страшный Юсифъ окон-

¹⁾ Камергеръ.

чилъ свое земное страствованіе, въ началѣ 1793 года, въ совершеннѣйшемъ одиночествѣ, даже Охоцкаго не было при немъ.

И тутъ впрочемъ счастье не измѣнило ему: онъ умеръ во время, потерявъ вліяніе и состояніе... Не видѣлъ ужасовъ торговли сумятицы, не дожилъ до времени упадка края... Думаемъ, что даже при его индифферентизмѣ къ дѣламъ общественнымъ онъ искренно скорбѣлъ-бы обо всемъ послѣдовавшемъ.

Охоцкій, написавшій его апологію въ своихъ мемуарахъ, утверждаетъ, что Стемпковскій не имѣлъ сношеній съ „политическими агентами“, иначе говоря, не былъ на жалованьѣ у пословъ. Мы охотно вѣримъ этому: онъ избралъ себѣ другой путь и въ иномъ мѣстѣ искалъ не всегда законныхъ барышей. Но и не бывъ подкупленнымъ, не представлялъ-ли онъ образца кротости и покорности по отношенію къ союзническимъ войскамъ во время барской конфедераціи? Король дѣйствовалъ сообразно повелѣніямъ изъ Петербурга, великій гетманъ также повиновался имъ: могъ-ли сопротивляться имъ чловѣкъ, копировавшій во всемъ своего благодѣтеля и покровителя?

Вліяніе Стемпковскаго въ кievскомъ воеводствѣ было громадное, и, какъ мы указали выше, скорѣе вредное, чѣмъ душеспасительное. Онъ приучилъ къ безконечному разгулу свою придворную шляхту, своихъ сосѣдей, наконецъ, цѣлое воеводство: наслажденіе жизнью было для всѣхъ единственною цѣлью. Между тѣмъ, каждый съѣздъ, устраиваемый съ цѣлью совѣщаній о нуждахъ провинціи, начинался и оканчивался всякаго рода притѣсненіями ея населенія. О благѣ родины не думалъ никто. Страна походила на судно, плывущее по бурному морю не только безъ кормчаго, но даже безъ гресцовъ; оставленное на волю провидѣнія, оно ударяется объ подводныя рифы, буря бросаетъ имъ объ прибрежныя скалы... Долго оно противилось разрушенію, такъ какъ было сколочено крѣпкими руками праѣдковъ этого разслабленнаго поколѣнія; но наконецъ должно было пойти ко дну. Спѣшившихъ на помощь утопавшему судну въ кружкѣ пана Іосифа нашлось немного. Когда-жъ на воеводскомъ сеймикѣ 1790 года очнулись, наконецъ, послѣ долгаго похмѣлья, то такую саженную инструкцію настрочили своимъ избирателямъ, что изъ нея, какъ утверждалъ Стемпковскій, можно

было составить другую конституцію... Истые корольки безъ всякаго чувства долга относительно родины, но съ претензією извлекать изъ нея возможно большіе доходы... Всѣмъ пользоваться, ничѣмъ не жертвуя—вотъ ихъ девизъ!

И въ Тульчинѣ царило безконечное веселье, но тамъ, по крайней мѣрѣ до эпохи четырехлѣтняго сейма, искренно заботились о благѣ Рѣчи-Посполитой. Щенный устраивалъ имѣнія, заводилъ образцовое хозяйство, пролагалъ дороги, устраивалъ почты, несъ пожертвованія въ пользу войска. Въ кружкѣ кіевскаго воеводы никогда ни о чемъ подобномъ не думали, не смотря на то, что волянская шляхта никогда не упускала изъ виду того, что дѣлалось въ Тульчинѣ.

Вотъ почему затѣя тарговицкая привилась здѣсь легко; приступили къ ней безъ разговоровъ: одни—съ цѣлью ловить рыбу въ мутной водѣ, другіе—чтобы сохранить свои имѣнія, еще нѣкоторые—чтобы „что-нибудь спасти“. А когда она рушилась, съ какою успешностью и покорностью приносили они новую присягу! Всего болѣе шляхты съѣхалось въ Житомиръ ко дню 8-го апрѣля; 100 гербовыхъ перьяхъ первые явились здѣсь для изъявленія предписанной покорности... Въ другихъ мѣстахъ къ этому акту приступали нерѣшительно, съ нѣкоторой тревогой, шляхта оттягивала, поджидала вѣстей изъ Варшавы...

И вотъ Лабунь снова явилась на горизонтѣ, опять засіяла великолѣпнѣе: въ ней заквартировалъ новый администраторъ свѣжеприсоединенныхъ провинцій—генераль *en chef*, Кречетниковъ; онъ расположилъ лагерь въ Полонномъ, а самъ поселился здѣсь съ своимъ штабомъ. Наряжена служба въ мѣстномъ костелѣ; наступила присяга; во главѣ землевладѣльцевъ стоялъ воеводичъ Стемповскій. Когда пропѣли *Te Deum* и данъ былъ залпъ изъ пушекъ, выступилъ впередъ генераль Любовицкій—нѣкогда товарищъ воеводы по преслѣдованію взбунтовавшихся крестьянъ, теперь предводитель вооруженныхъ силъ Рѣчи-Посполитой въ южныхъ воеводствахъ—и принесъ присягу въ вѣрности отъ имени всего своего 20-ти тысячаго корпуса. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати дней послѣ водворенія новой власти, изъ среды гостей, такъ часто называвшихъ здѣсь страшнаго Юсифа, была избрана и послана въ

Петербургъ депутація для принесенія поздравленія „монархинѣ“. Изъ данной мѣстности въ составъ депутаціи вошли: Игрозъ Потоцкій, адвокатъ Бѣржинскій и староста Пѣлинскій.

Годъ спустя въ той-же Лабунѣ жилъ князь Салтыковъ, предводитель южной арміи послѣ смерти Кречетникова. Около того времени великаго маѣвѣвцаго узника везли въ Кіевъ, черезъ Киселинъ, Луцкъ и Заславль; русскій генераль пожелалъ видѣть челоуѣка, имя котораго прогремѣло по всей прежней Польшѣ, и послѣдній былъ ему представленъ въ Лабунѣ. Что со стороны рыцаря-противника Косцюшкѣ былъ сдѣланъ вѣжливый и даже сердечный приѣмъ—въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться... Но странное стеченіе обстоятельствъ! въ огромной залѣ, гдѣ нѣкогда шляхта, разукрашенная орденами, принимала короля, теперь стоялъ защитникъ ея свободныхъ учрежденій, окруженный стражею, блѣдный, почти окровавленный... Сравните ширество 1787 года съ грозной и полной высокаго трагизма минутой, и вы найдете въ нихъ отраженіе судебъ приходящей въ упадокъ страны.

Но когда исчезла всякая возможность общественной дѣятельности на пользу родины, единственнымъ убѣжищемъ родныхъ традицій могъ сдѣлаться домашній очагъ: семья должна была стать ковчегомъ, въ которомъ онѣ могли-бы сохраниться; однакоже, мы съ грустью принуждены сознаться, что въ эпоху послѣ разбора Польши случаи развода нигдѣ не были такъ часты, какъ въ данной мѣстности... Въ доказательство привожу сильно сокращенный перечень такихъ случаевъ.

Какъ мы уже знаемъ, дочь воеводы Стемпковскаго вышла замужъ за Мартина Любомирскаго, извѣстнаго искателя приключеній и покровителя франкистовъ, или, вѣрнѣе, оболателя прекрасной дочери сектанта; овдовѣвъ, она вторично отдала руку Залускому, съ которымъ, однакоже, развелась, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться женой Игельстрома. Она дѣятельно поддерживала послѣднѣго въ Варшавѣ (когда была еще его *подрукой*), затѣмъ жила съ нимъ въ Оренбургѣ (уже какъ законная жена) и, наконецъ, когда онъ потерялъ мѣсто генераль-губернатора (1798 г.), поселилась съ нимъ въ Дубнѣ и заботливо ухаживала за дряхлымъ шелоцаемъ, который до самой своей смерти не переставалъ волочиться за прекрасными волянянками.

Жена Прота Потоцкаго, дочь Каспера Любомирскаго, развелась съ мужемъ (кіевскимъ воеводою) и вступила въ вторичный бракъ съ Зубовымъ—съ „отбитой“ ногой, какъ-бы желая вознаградить его за обиду, нанесенную ему пулей... А онъ былъ замѣчательный красавецъ; кромѣ того, раньше имѣлъ честь обратиться на себя взоръ высокопоставленной особы!..

Михаилъ Валевскій, воевода серадзкій, поселившійся подъ конецъ своей жизни въ Тучинѣ, на Волыни, отдалъ руку своей дочери Стецкому, хорунжію коронному; но мужъ былъ старъ, жена бросила его и вступила въ вторичную связь съ княземъ Станиславомъ Яблоновскимъ, сохранивъ съ первымъ мужемъ до самой своей смерти самыя дружескія отношенія...

Дочь подкоморія Бѣржинскаго—Элеонора, бывшая за сыномъ мечника¹⁾ короннаго, Антоніемъ Грохольскимъ, влюбилась въ русскаго полковника Банера и добилась развода съ мужемъ... Ея любовныя приключенія идиллически изображены въ запискахъ Дѣтюка.

Молодой Карлъ Понинскій (сынъ Каликста?) женился на своей теткѣ, вдовѣ каштеляна Бѣржинскаго; была то не молодая, но похотливая *пани*; имѣла сына и двухъ взрослыхъ дочерей. Новобрачному приглянулась одна изъ нихъ,—поздно, правда; но онъ нашелся... обольстил дѣвушку, бѣжалъ съ нею въ Германію, а тамъ нашли пастора, который соединилъ ихъ тайнствомъ брака.

Но довольно, довольно всего этого... Намъ незачѣмъ выставлять на судъ исторіи этихъ людей, жившихъ только моментомъ. Не ихъ вина, что они были такими. Рѣчь-Посполитая нуждалась въ людяхъ, закованныхъ въ броню добродѣтели, вооруженныхъ самопожертвованіемъ и душевной крѣпостью; но на скоро созрѣвавшей ея нивѣ выросли сыны, любившіе одни лишь увеселенія и праздную жизнь, влюбленные въ самихъ себя, хвастуны, дряблые, пустыне... Неудивительно, что при первомъ столкновеніи съ бурей, разразившейся надъ страной, эти хилыя растеньица преклонялись къ землѣ, желая избѣжать ея немцовыхъ порывовъ; и въ то время, какъ вѣковые дубы падали, сокрушенные, одичалый плющъ потерялъ лишь нѣсколько

¹⁾ Мечникъ—саповвикъ, носящій королевскій мечъ.

листкивъ... Увы! не оказалось даже достойнаго чела, которое можно было-бы увѣнчать хотя-бы этимъ дикимъ плющемъ...

Тѣмъ не менѣе, не они виноваты, повторяемъ еще разъ. И страшный Іосифъ былъ лишь представителемъ того общественнаго слоя, который такъ широко разросся у насъ въ XVIII вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи и его біографія имѣетъ нѣкоторую цѣну.

Лабунъ перешла послѣ смерти Стемпковскаго въ руки кредиторовъ; лѣтъ шесть спустя, развалился и этотъ дворець, извѣстный своими пиршествами: онъ разсыпался, распался, не оставивъ по себѣ даже развалинъ. Потомство воеводы по мужской линіи прекратилось въ четвертомъ поколѣніи. Сыновья его и внуки прошли тяжелую школу испытаній, не жалѣли своей крови и безграничнымъ самопожертвованіемъ окупили эгоизмъ своего предка.

СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ,

Кіевскій митрополитъ Серапіонъ не принадлежалъ къ числу людей съ выдающимися талантами. По натурѣ онъ былъ человѣкъ мягкій, кроткій, гостепріимный, общительный, какъ и большая часть владимірскихъ урожденцевъ, но способностей не бойкихъ и рутинеръ въ администраціи и въ жизни. Люди, близко знавшіе его, удивлялись даже, какъ ему удалось достигнуть столь высокаго положенія въ русской іерархіи. Такъ князь Н. М. Долгорукій въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ *Капище моего сердца*, говоря о Серапіонѣ, что помнитъ его еще московскимъ викаріемъ, какъ человѣка очень сбязательнаго и услужливаго, прибавляетъ: „онъ былъ тогда такъ худъ, что мы его называли *щепочкою*, и никогда не воображали, что изъ этой щепочки выйдетъ нѣкогда великое бревно въ церкви російской“. Равно и митр. Платонъ съ удивленіемъ узналъ о назначеніи своего бывшаго викарія на кіевскую митрополию: „что преосв. Серапіонъ вышелъ въ митрополита въ Кіевъ,“—писалъ митр. Платонъ митр. Амросію (отъ 27 дек. 1803 г. п. 85);—сіе совѣтъ противъ нашего, а можетъ быть и общаго чаянія“.

По видимому жизнь зауряднаго человѣка, хотя-бы и въ санѣ митрополита, не представляетъ особаго историческаго интереса. Но здѣсь выходитъ нѣсколько иначе. Историческій интересъ, возбуждаемый личностію митр. Серапіона, обратно пропорціоналенъ съ его историческимъ значеніемъ. А причина сего заключается въ томъ, что митр. Серапіонъ оставилъ по себѣ очень обильный матеріалъ для изученія его жизни и той среды, въ которой онъ обращался. Пр. Серапіонъ имѣлъ обычай вести *дневникъ* и аккуратно записывалъ свое ежедневное времяпровожденіе и то, что съ нимъ случалось. Какъ рано завелъ онъ эту привычку,—не знаемъ. Но въ

санъ казанскаго архіепископа, онъ уже велъ дневникъ. Веденіе дневника вѣроятно первоначально имѣло цѣль практическую; записи дневника нужны иногда бывали для справокъ, давали матеріалъ для разговоровъ (напр. о погодѣ¹⁾), а главное—веденіе дневника придавало всей жизни архипастыря тотъ характеръ ровности, устойчивости и аккуратности, который онъ считалъ своимъ главнымъ достоинствомъ. Съ теченіемъ времени привычка обратилась во вторую природу: за нѣсколько дней до смерти дрожащею рукою митр. Серапіонъ продолжалъ еще писать свою поденную запись.

Кто-то сказалъ, что простой и безхитростный дневникъ самага обыкновеннаго человѣка даетъ болѣе пищи для размысленія, чѣмъ любяія драмы Шекспира. Въ извѣстномъ отношеніи это справедливо. Жизнь слагается по однимъ и тѣмъ-же, въ сущности очень не многимъ законамъ. Юность и любовь, мужество и трудъ, старость и смерть—таковы роковыя перипетіи, которые миллионы миллионновъ разъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ повторяются въ жизни отдѣльныхъ личностей. Читая чужой дневникъ, каждый изъ насъ читаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти какъ-бы и свою собственную біографію. День идетъ за днемъ и каждый имѣетъ свою *зобу*, каждый приноситъ свои заботы и интересы, свои радости и печали. Чувства измѣняются, измѣняются и отношенія. Вчерашняя радость смѣняется сегодня горемъ, вчерашній другъ становится сегодня врагомъ или человѣкомъ равнодушнымъ, и на оборотъ. Изъ этой смѣны житейскихъ впечатлѣній, подобныхъ рѣкѣ мимо текущей, христіанскій моралистъ выводитъ для себя уроки доброй нравственности. „Былъ я младенецъ“, разсуждаетъ св. Тихонъ Задонскій, „и миновало то. Былъ я отрокъ, и то прошло. Былъ я юноша, и то отошло отъ мене. Былъ я мужъ совершенный и крѣпкій, минуло и тое. Нынѣ сѣдѣють власы мои, и отъ старости изнемогаю; но и то проходитъ, и къ концу нриближаюся, и пойду въ путь всяя земли... Былъ я здоровъ и боленъ, и паки здоровъ и паки боленъ, и прошло то. Былъ въ благополучіи и неблагополучіи, прошло время и со временемъ все миновало. Былъ я въ чести, прошло то время, и честь отъ мене отступила. Люди меня почи-

¹⁾ Напрямѣръ—въ такомъ родѣ: въ прошломъ де году въ Благовѣщенье былъ снѣгъ и столько-то градусовъ холоду; а нынѣ таетъ я столько-то градусовъ тепла и т. п.

тали и поклонялись; минуло то время и не вижу того. Былъ я веселъ, былъ и печаленъ, радовался я и плакалъ; и нынѣ тождѣ мнѣ случается; проходятъ дни, проходятъ съ ними печаль и веселіе, радость и плачь. Хвалили меня и славили люди; хулили и поносили; и которые хвалили, тѣ и проклинали; и которые хулили, тѣ и хвалили; прошло время, прошло и все, миновалась хвала и хула, слава и безславіе... Что мнѣ, то и всякому случается. Гдѣ тое время, въ которое счастливъ я былъ, въ которое здоровъ, веселъ, радостенъ, хвалимъ, почитаемъ; въ которое богатою музыкаю и трапезою утѣшался, ѣздилъ колесницею и цугомъ? Прошло время, прошло и все съ нимъ счастье мое и утѣшеніе мое. Гдѣ тое время, въ которое я былъ несчастливъ, былъ болѣнъ, печаленъ, скорбенъ, хулимъ и поносимъ, укоряемъ и ругаемъ, и пр.? Прошли тыя дни, прошло и тое все несчастье: что единъ человѣкъ на себѣ познаетъ, то и всякому случается. Нѣтъ бо человѣка такого, который бы отъ рожденія до смерти въ непремѣнномъ пребылъ благополучіи. Какъ подъ небомъ, то ведро, то пасмурно, то нелогода и буря, то ясно и тишина бываетъ: такъ и всякому человѣку случается то въ благополучіи, то въ неблагополучіи, то въ страхѣ, то въ покоѣ, то въ печали, то въ радости быть. Но какъ дни и часы проходятъ, такъ всякое счастье и несчастье съ ними проходитъ (св. Тихона. *Сокровище духовное. 97. Вода мимотекущая*).

Дневникъ всякаго человѣка—въ томъ числѣ и митр. Серапіона—служить лучшею иллюстраціею къ вышеприведеннымъ душевнымъ размышленіямъ св. Тихона. Но если христіанскій моралистъ изъ постоянной смѣны житейскихъ приключеній, отношеній и впечатлѣній выводитъ для себя уроки доброй нравственности, то для любителя исторіи, какъ науки, открывается здѣсь и другой интересъ. Не довольствуясь нравоученіемъ, любитель исторіи стремится уяснить себѣ тѣ законы, по которымъ совершается волнообразное движеніе человѣческой жизни съ ея приливами и отливами радости и горя, труда и покоя, удачъ и неудачъ.

При такомъ стремленіи дневникъ—чей-бы то либо, особенно многолѣтній и непрерывный, представляется очень подходящимъ матеріаломъ для изученія человѣческой жизни по своей относительной простотѣ и безыскусственности. Факты сообщаются капля по каплѣ, въ той мѣрѣ, какъ даетъ ихъ каждый протекшій день. Ме-

лочи, изъ которыхъ слагается жизнь, передаются во всей ихъ дробности и во всемъ ихъ утомительномъ однообразіи. Субъективныя иллюзіи всѣ на виду: писатель дневника и самъ не знаетъ, разростется-ли крупными послѣдствіями событіе, поразившее его сегодня, или пройдетъ безслѣдно; часто онъ ужасается тамъ, гдѣ нѣтъ опасности,—и на оборотъ. Да и вообще все занесенное въ дневникъ освѣщается ровнымъ и однообразнымъ свѣтомъ одного индивидуальнаго сознанія. Однимъ словомъ: дневникъ есть рядъ фотографій изъ дѣйствительной жизни человѣка, какъ она отражается въ его сознаніи.

Конечно, нужно не мало труда и терпѣнія, чтобы суммировать тѣ однообразныя мелочи, изъ которыхъ обыкновенно слагается каждый дневникъ; чтобы событія и впечатлѣнія изъ узкаго кругозора отдѣльнаго дня перенести въ историческую перспективу цѣлой жизни. Нужно не только терпѣніе, но и нѣкоторый запасъ исторической опытности и наблюдательности, чтобы сравнить жизнь героя дневника съ жизнью другихъ соизмѣримыхъ личностей для характеристики героя дневника и для уразумѣнія общихъ законовъ исторіи. Но за то понять жизнь одного человѣка значитъ найти ключъ къ пониманію тысячи другихъ жизней.

Дневникъ митр. Серапіона есть дневникъ человѣка стараго, человѣка высокопоставленнаго, человѣка безъ стремленій, человѣка отживающаго. Этимъ на первый разъ все, что нужно, сказано. Обратимся къ фактическому содержанію дневника.

I.

Назначеніе казанскаго архіепископа Серапіона на кіевскую митрополию. Curriculum vitae новаго митрополита. Вліяніе на него митроп. Платона. Его характеръ и его наружность.

Въ сентябрѣ 1803 года кіевскій митрополитъ Гавріилъ Бодони уволился отъ митрополіи и выѣхалъ изъ Кіева. Человѣкъ онъ былъ еще не старшій (57 лѣтъ); въ Кіевѣ его любили. Обстоятельства его увольненія доселѣ остаются неразъясненными. Кажется, просто въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стали считать неумѣстнымъ на кіевской митрополіи ивоземца (родомъ изъ Трансильваніи),

хотя-бы и очень заслуженнаго, а самъ Гавріиль былъ человѣкъ на столько нечестолюбивый, что успѣшилъ уволиться, какъ скоро до него начали доходить подобныя слухи ¹⁾).

Какъ-бы то ни было, но митрополичья кафедра въ Кіевѣ сдѣлалась вакантною, и вопросъ о замѣщеніи ея около 4 мѣсяцевъ (съ 21 августа по 11 декабря 1803 г.) оставался открытымъ. Разумѣется, толкамъ и предположеніямъ не было конца. Кіевскій кафедральный протоіерей І. Леванда предполагалъ и будто-бы даже имѣлъ съ сѣвера извѣстія, что кіевскимъ митрополитомъ будетъ Викторъ Садковскій, архіепископъ черниговскій. Но Викторъ умеръ въ ноябрѣ того-же года. Московскій митр. Платонъ предполагалъ кандидатомъ на кіевскую митрополию извѣстнаго проповѣдника Анастасія Братановскаго, архіепископа могилевскаго. Но, вопреки всѣмъ предположеніямъ, назначенъ на митрополию въ Кіевъ Серапіонъ, архіепископъ казанскій. Намъ думается, что Серапіона, какъ земляка, промовировалъ первенствующій членъ синода, митр. Амвросій Подобѣдовъ, также уроженецъ владимірскій ²⁾). Неожиданность этого назначенія увеличивалась оттого, что доселѣ еще не было примѣра, чтобы на кіевской кафедрѣ сидѣлъ великороссъ, тогда какъ на оборотъ въ XVIII столѣтіи почти всѣ архіерейскія кафедры въ Великороссіи были заняты учеными малорусскаго происхожденія или, по тогдашнему, *черкасами*.

1 генваря 1804 года архіепископъ казанскій Серапіонъ записалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Ѣздилъ въ городъ и служилъ въ послѣдній разъ въ соборѣ тепломъ предъ отбытіемъ моимъ на кіевскую митрополию. Послѣ молебна разоблачась говорилъ съ амвона рѣчь прощательную“. За тѣмъ въ тотъ-же день былъ данъ новымъ митрополитомъ прощальный обѣдъ казанской аристократіи и высшему духовенству на 36 куб.

4 генваря новый митрополитъ получилъ съ почты указъ изъ св. синода, съ прописаніемъ именнаго высочайшаго соизволенія

¹⁾ Въ послѣдствіи Гавріиль долго еще съ честью служилъ Россіи въ санѣ экзарха молдавлахійскаго и потомъ митрополита кишиневскаго († 30 марта 1821 г.)

²⁾ Такимъ образомъ въ началѣ настоящаго столѣтія мы видимъ на двухъ митрополіяхъ іерарховъ владимірскаго происхожденія, точно также какъ въ настоящее время имѣемъ двухъ митрополитовъ тульскихъ уроженцевъ.

носить ему бѣлый клобукъ по обычаю. „И благодать возблагодать: замѣчаетъ обрадованный Серапіонъ, то есть на прошлой почти именной указъ, и на сей тоже“. На другой день, т. е. въ крещенскій сочельникъ, „съ утра зѣло рано и до 1 часа за полдни“, новый митрополитъ занимался приготовленіемъ и отправкою на почту писемъ: написалъ благодарственное письмо государю императору, двумъ императрицамъ и еще кое-кому, всего 17 писемъ. А въ праздникъ Крещенія „служилъ въ крестовой церкви для праздника и для пожалованнаго бѣлаго клобука, который въ первый разъ къ обѣднѣ воздѣлъ на себя и явился въ немъ людямъ“.

Здѣсь мы пріостановимся, чтобы поближе познакомиться съ новымъ митрополитомъ кіевскимъ и рассказать его біографію. Новому митрополиту было 56 лѣтъ. Жизнь его была проста и не богата приключеніями. Полвѣка слишкомъ прожилъ онъ въ Москвѣ и около Москвы, а послѣдніе 5 лѣтъ въ Казани. 22 іюля 1747 г. въ той пріобрѣтшей печальную извѣстность Александровской слободѣ, гдѣ во время оно тиранствовала Иванъ Грозный¹⁾, у священника дѣвичьяго монастыря Сергія и жены его Матроны родился сынъ Стефанъ. До 12 лѣтъ мальчикъ жилъ среди своей довольно большой и небогатой семьи и, можно сказать, на лонѣ природы, такъ какъ Александровская слобода (нынѣ уѣздный городъ влад. губ.), таже деревня. Вѣроятно съ этой поры получила начало въ будущемъ кіевскомъ митрополитѣ привычка наблюдать за погодою и внимательность къ сельскому хозяйству. На 12 году отрокъ Стефанъ былъ отвезенъ за 40 верстъ отъ родины въ троицкую семинарію, находившуюся въ Сергіевой лаврѣ, и вѣроятно при поступленіи въ школу, по происхожденію изъ Александровской слободы, получилъ фамилію Александровскаго. Въ семинаріи Стефанъ Александровскій учился 10 лѣтъ (годъ въ фарѣ и инфимѣ, годъ въ грамматикѣ, годъ въ синтаксимѣ, годъ въ пѣтикѣ, годъ въ реторикѣ, два года

¹⁾ Въ дневнкѣ упоминаются братъ Иванъ, и сестры, изъ которыхъ Параскева жила въ Кіевѣ, Варвара умерла раньше мужа, который впоследствии, съ племенъ Назарія, былъ архимандритомъ казанскаго свіяжскаго монастыря († 7 авг. 1804 г.), и сестра Анна, монахиня александровскаго монастыря, которая вмѣстѣ съ своею пгумешью была у брата митрополита въ Кіевѣ въ авг. 1804 г.

въ философіи и три года въ богословіи). Этимъ учебнымъ десятилѣтіемъ (1759—1770 г.) и кончилось его образованіе. Какъ провель онъ эти 10 лѣтъ, неизвѣстно; должно быть, ничего особеннаго съ нимъ не случалось. Припоминаль только владыка Серапіонъ въ послѣдствіи, что когда онъ поступалъ въ семинарію, то ректоромъ былъ *Гавріилъ Петровъ*, въ послѣдствіи митрополитъ петербургскій, а учителемъ реторики *Платонъ Левшинъ*, въ послѣдствіи митрополитъ московскій. Припоминаль также, что семинаристовъ содержали довольно скудно, не смотря на то, что лавра, по крайней мѣрѣ въ первую половину ученья Серапіонова, владѣла вотчинами. Несомнѣнно также, что Стефанъ Александровскій не порывалъ связи съ родною семьею, но при всякомъ удобномъ случаѣ, на праздники и каникулы—ѣздилъ или ходилъ за 40 верстъ въ свою Александровскую слободу. Какъ учился Стефанъ Александровскій, съ точностію неизвѣстно. Вѣроятно хорошо, но не отлично. Бралъ—должно полагать, больше трудолюбіемъ и аккуратностію, нежели дарованіями. Но во всякомъ случаѣ окончилъ курсъ благополучно, и на первый разъ былъ оставленъ при семинаріи *помощникомъ учителю нѣмецкаго языка*, вѣроятно въ родѣ называвшагося въ послѣдствіи *семинарскаго лектора*. Отсюда конечно не слѣдуетъ заключать, чтобы Стефанъ Александровскій былъ знатокъ нѣмецкаго языка, а тѣмъ паче нѣмецкой литературы: вѣрнѣе думать, что его нѣмецкое учительство было не столько дѣломъ *знанія*, сколько дѣломъ *послушанія*. Впрочемъ только менѣе полугода учительствовалъ Александровскій въ качествѣ мірянина, преподавая за это время не только нѣмецкій языкъ, но и латинскій, и географію. 8 февраля 1771 г., т. е. на 24 году жизни, онъ уже былъ постриженъ въ монахи, въ троицкой лаврѣ, и наречень *Серапіономъ*, въ честь святителя Серапіона, арх. новгородскаго († 1516 г.), мощи котораго подъ спудомъ въ троицкой лаврѣ почиваютъ. (Память его марта 16) ¹⁾). Нѣтъ нужды много говорить, по какому побужденію Серапіонъ принялъ монашество; въ то время учителю троицкой

¹⁾ Отмѣчаемъ здѣсь памяти патроновъ Серапіона, какъ по мірскому, такъ и по монашескому имени, потому что митр. Серапіонъ ежегодно 16 марта торжественно праздновалъ свои монашескія именины, а 2 августа, въ кругу родныхъ и близкихъ лицъ, праздновалъ и мірскія именины.

семинаріи трудно было избѣжать монашества. Это была обыкновенная, торная, даже почти неминуемая дорога. „Бѣльцы ненадежны“, разсуждалъ Платонъ Левшинъ, главный съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка кураторъ троицкой семинаріи. „Годъ, или много два побудуть, и просятся вонъ: они только въ надеждѣ лучшаго мѣста въ учителя желаютъ. А монашествующіе надежнѣе“. Поэтому всѣ почти учителя троицкой семинаріи были монахи. Бѣльцы приглашались или принять постриженіе или освобождать вакансіи для иноковъ. Но Серапіона и монашество не прикрѣпило къ ученой службѣ, къ которой онъ повидимому не имѣлъ ни охоты, ни особенной способности. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ постриженія онъ былъ взятъ въ Москву, гдѣ былъ сначала проповѣдникомъ при московской славено-греко-латинской академіи (1772—74), каковую должность повидимому проходилъ тоже главнымъ образомъ *изъ послушанія* ¹⁾, потомъ былъ игуменомъ московскаго крестовоздвиженскаго монастыря (1775 г.), игуменомъ московскаго знаменскаго монастыря (1776—78 г.) и архимандритомъ московскаго богоявленскаго монастыря (1779—1788 г.). Во все время своего игуменства и архимандритства Серапіонъ былъ членомъ московской духовной консисторіи, и исправлялъ особыя возлагаемыя на него порученія, напр. по духовной цензурѣ. А одинъ годъ (1782) провелъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія. Всего въ общемъ итогѣ отъ постриженія до архіерейства, такъ сказать подъ искусомъ, Серапіонъ провелъ 16 лѣтъ, состоя почти исключительно на административныхъ должностяхъ. Что сказать о немъ за это время? Строгимъ аскетомъ и отшельникомъ Серапіонъ никогда не былъ: онъ былъ человѣкъ общительный, любилъ водить хлѣбъ-соль съ хорошими людьми, бесѣдовать и трапезовать во славу Божию, въ гостяхъ побывать и у себя принять, но тѣмъ не менѣе былъ житія

¹⁾ Проповѣдничество не было профессіею Серапіона. Стѣлавшись архіереемъ, онъ никогда не говорилъ проповѣдей. Развѣ когда-либо по особому случаю—разъ въ 10 лѣтъ—скажетъ коротенькую рѣчь, да и то *рутинную*. Таковъ отзывъ князя И. М. Долгорукова о рѣчи митр. Серапіона при открытіи въ Кіевѣ библейскаго общества. Впрочемъ проповѣдничество при московск. академіи соединено было съ должностію библіотекаря, и вѣроятно послѣдняя должность и была для Серапіона главною и коренною.

трезваго, степеннаго и постояннаго. Что касается до административной дѣятельности Серапіона, то прежде всего, кажется, онъ былъ духовный чиновникъ очень исполнительный, а по своимъ взглядамъ былъ вполне московскій человекъ, у котораго много было наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей.

Въ 1788 г. учреждено было викаріатство въ Москвѣ и первымъ викаріемъ былъ назначенъ Серапіонъ, который и посвященъ во епископы въ московскомъ успенскомъ соборѣ 11 іюня 1788 г. Отъ роду ему было тогда безъ малаго 41 годъ, тогда какъ митр. Платонъ былъ ровно на 10 лѣтъ старше его. По всей вѣроятности митр. Платонъ, выбирая себѣ въ викаріи Серапіона, имѣлъ въ виду его скромность и исполнительность. Очень способные и самостоятельные люди любятъ въ своихъ помощникахъ и сотрудникахъ именно эти качества. Сначала митр. Платонъ, кажется, недоумѣвалъ еще, не слишкомъ-ли вялымъ окажется его викарій, но потомъ очень скоро расположился къ нему. Отъ 7 іюня 1788 г. митр. Платонъ писалъ Амвросію Подобѣдову: „Въ слѣдующее воскресенье будетъ посвященіе моего викарія Серапіона. Не знаю, какую принесетъ онъ мнѣ помощь“. Но впоследствии митр. Платонъ неоднократно просилъ св. синодъ *преосвященнаго Серапіона отъ него не отымать, ибо симъ тяготится судьба его*, т. е. митр. Платона, и даже впоследствии ставилъ Серапіона въ примѣръ другимъ викаріямъ, напр. Августину (ч. 30). Серапіонъ пробылъ викаріемъ московскимъ слишкомъ 11 лѣтъ (1788—1799 г.). Первые четыре года положеніе его было довольно неопредѣленно и не блестяще. Онъ былъ администраторъ безъ опредѣленной власти и главное—безъ опредѣленныхъ органовъ дѣятельности. „Я викарію отдѣлилъ три уѣзда“, писалъ митр. Платонъ (къ Амвросію 20 ноября), „но за всѣмъ тѣмъ остается еще у меня 1500 церквей. Отдѣлилъ бы ему и болѣе, но какъ консисторіи у него нѣтъ, то и съ сими не знаетъ, какъ сладить“. Но года чрезъ четыре положеніе Серапіона совершенно нечаянно выправилось, улучшилось и стало весьма представительнымъ. Это случилось по слѣдующему поводу. Митр. Платону исполнилось 55 лѣтъ—возрастъ еще не старый. Но владыка тяготился своею зависимостію отъ петербургской синодальной братіи, тяготился своимъ отчужденіемъ отъ правленія *рулемъ общицъ дѣлъ*, и подалъ въ отставку, якобы по болѣзни, но въ сущности

потому что „самое управленіе раждало въ немъ тоску и скуку“. Люди склонны воображать себя незамѣнимыми, хотя опытъ постоянно разбиваетъ эти мечтанія. Кто знаетъ—быть можетъ, подавая въ отставку, митрополитъ думалъ, что отставки ему не дадутъ, но вмѣсто того создадутъ для него положеніе, болѣе почетное и вліятельное, болѣе сообразное съ его заслугами и достоинствами. Случилось не совсѣмъ такъ, какъ ожидалъ митрополитъ. Отставки ему не дали, но его жалобы на старость и болѣзнь были приняты въ буквальный смыслъ. „Я просился было объ увольненіи отъ епархіи“, писалъ митр. Платонъ м. Амвросію (п. 32), „но не получилъ того, а оставленъ на волю жить въ лаврѣ; а правленіе поручать викарію, когда я захочу. *Не сею было я желалъ*“. Такимъ образомъ вслѣдствіе просьбы митр. Платона объ отставкѣ поднялось только положеніе его викарія. Самъ митр. Платонъ, чтобы подтвердить свое заявленіе о своей старости и болѣзни, отправился въ уединеніе въ троицкую лавру и въ Вианію, а викарій его Серапіонъ остался въ Москвѣ управляющимъ митрополиєю. Дѣлъ и заботъ у Серапіона конечно не прибавилось, но за то значеніе его возрасло до того, что самъ митр. Платонъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ подозрительнымъ соревнованіемъ. Такъ отъ 13 декабря 1792 г. митр. Платонъ писалъ Серапіону: „прошу присылать ко мнѣ ставлениковъ почаще и поболѣе, даже и церковниковъ для посвященія въ стихарь. Мнѣ не только скучно, но и стыдно предъ своими. Они не видятъ, что я дѣлаю по бумагамъ; а не видя никого ставлениковъ, думать могутъ, что я совсѣмъ уже въ епархіи участія не имѣю. Доставьте мнѣ сіе удовольствіе“. Отъ 14 авг. 1794 г.: „знаю, что вамъ не безъ хлопотъ; но мнѣ при старости и отказавшись отъ епархіи, еще несноснѣе все сіе кажется“. Отъ 10 декабря 1797 г.: „попросите вице-губернатора... васъ лучше послушаютъ, яко дѣйствительнаго архіерея, а не лѣснаго“. Въ письмѣ отъ 1 марта 1798 г. жалуясь на скудное и обидное для митрополичьяго дома надѣленіе угодьями со стороны казенной палаты, митр. Платонъ продолжаетъ: „а преосвященному викарію нѣтъ затрудненія и два озера дать и 4 пруда, да еще и земли 90 десятинъ, а подъ мѣстный митрополитскій домъ 60. Будетъ и для васъ и для меня стыдно и обидно. Вамъ было прежде надлежало о мѣстномъ архіереѣ подумать, а послѣ о себѣ... Не по-

думайте, чтобъ я завидоваль сему. Дай Богъ вамъ впятеро получить, но безъ предъосужденія хозяина своего. Будуть смѣяться впредь мнѣ, да и васъ не похвалятъ". Но за исключеніемъ этой мимолетней вспышки неудовольствія, отношенія митр. Платона къ своему викарію были мирны и дружественны. Серапіонъ держаль себя скромно и старался угождать и митрополиту, и московскимъ аристократамъ. Не могъ только Серапіонъ дружить съ московскими ставропигіальными архимандритами (донскимъ, симоновскимъ и новоспасскимъ) и съ членами московской синодальной конторы, съ которыми митр. Платонъ велъ постоянную войну. Но и по отношенію къ этимъ лицамъ Серапіонъ *укрывался* за митр. Платона, который, *яко мужъ, вѣдый терпѣти болѣзнь*, смѣло принималь на себя ихъ *устремленіе*. Можемъ думать впрочемъ, что при своей мягкой натурѣ, служа посредствующимъ лицомъ между двумя взаимно предубѣжденными сторонами, Серапіонъ смягчалъ горечь ихъ непріязненныхъ отношеній. Въ духовной администраціи, дѣйствуя сообразно съ указаніями митр. Платона, Серапіонъ былъ его ученикомъ или блѣдною копіею. А о митр. Платонѣ намъ извѣстно, что онъ былъ другъ ученыхъ монаховъ и довольно строгій начальникъ бѣлаго духовенства.

Какъ ни дружелюбны были отношенія митр. Платона къ его викарію Серапіону, а слѣдовало имъ когда-нибудь разстаться. Серапіонъ долженъ былъ получить дальнѣйшую промоцію. И чрезъ 11 лѣтъ викаріатства (въ 1799 г.) Серапіонъ получилъ промоцію, тѣмъ болѣе блистательную, чѣмъ долѣе было его викаріатство, и чѣмъ труднѣе казалось его положеніе между амбиціознымъ митр. Платономъ и тѣми противодѣйствующими силами и властями, съ которыхъ митр. Платонъ скрывался въ виоанскомъ уединеніи. Въ 1799 г. Серапіонъ (уже кавалеръ ордена св. Анны 1-й степени съ 1797 г. и членъ московской синодальной конторы съ 1798 г.) былъ назначенъ на новоучрежденную калужскую епархію, но числился на ней только 5 дней (съ 16 по 21 октября); а чрезъ пять дней пожалованъ архіепископомъ въ Казань, на мѣсто Амвросія Подобѣдова, переведеннаго на петербургскую митрополію¹⁾. Митр. Платонъ жалѣлъ о

¹⁾ Въ архивѣ св. синода нѣтъ послужной списокъ Серапіона при представленіи его на казанскую кафедру: «Московской синодальной конторы членъ Серапіонъ калужскій, природою изъ великороссіявъ, обучался въ семинаріи троицкія

разлукѣ съ привычнымъ викаріемъ, но радовался его быстрому повышенію. „Мой викарій отъ меня отошелъ“; писалъ митр. Платонъ митр. Амвросію,—и нечего уже думать объ немъ. Привыкши къ нему столь долговременно, не иначе расстаюсь съ нимъ болѣзненно, какъ съ кровнымъ. Но зѣло утѣшило меня то, что сей сотрудникъ мой столь почтенно награжденъ. И какъ сіе вышло неожиданно, то и его и меня удивило, какимъ образомъ вышло то. *Отъ Господа бысть сіе et caet.*“ (пис. 56). Между митр. Платономъ и Серапіономъ продолжалась переписка и послѣ отбытія послѣдняго въ Казань. Впрочемъ въ первыхъ письмахъ митр. Платона къ арх. Серапіону проглядываетъ нѣкоторое неудовольствіе то по дѣлу о ризницѣ (отъ 30 января 1800 г.), то по поводу сношеній Серапіона съ московскими аристократами (отъ 14 марта 1800 г.). „Ваши разосланныя къ здѣшнимъ вельможамъ извѣстительныя писанія о вашемъ въ Казань прибытіи столько воздѣйствовали, что они охотно васъ здѣсь видѣть желаютъ, какъ я самъ отъ нихъ слышалъ. А я здѣсь поживаю не безъ скуки; и съ удовольствіемъ-бы вамъ сдать мѣсто“.

Въ Казани Серапіонъ прожилъ 4 года, и въ 1802 году (слѣдовательно на 56 году жизни) почувствовалъ себя на столько больнымъ, что рѣшился проситься на покой и просилъ митр. Платона дать ему пріютъ въ привычномъ мѣстѣ жительства—въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Болѣли у Серапіона глаза, которыми онъ страдалъ еще въ Москвѣ; болѣлъ и бокъ. Были и какія-то непріятности по службѣ. Митр. Платонъ отвѣчалъ Серапіону слѣдующимъ утѣшительнымъ посланіемъ отъ 8 октября 1802 года. „Письмо ваше привело меня въ удивленіе и въ сожалѣніе. Какъ! вы рѣшились отказаться отъ епархіи? А я и старѣе васъ, и не меньше болѣзненъ, долженъ еще оставаться въ сихъ хлопотахъ. Вѣрю, что вы больны: но слово истины и въ самыхъ страданіяхъ велитъ намъ не ослабѣвать, но радоваться. Вѣрю-же, что еще и

лавы философіи, богословіи и географіи, языкамъ, латинскому, греческому и пѣмецкому; въ монашество постриженъ въ 771 г.» и пр. (слѣдуютъ біографическія подробности, извѣстныя читателямъ). «Отъ роду ему 57 лѣтъ». Число лѣтъ Серапіону показано на 5 лѣтъ больше надлежащаго, быть можетъ для того, чтобы обезпечить ему промоцію.

болѣе: вашъ духъ могутъ ослаблять и постороннія обстоятельства: можетъ быть и предшественникъ, можетъ быть и я, къ тому случай подали,—*sat sapienti*. Вы свидѣтель, сколько я терпѣлъ, и нынѣ терплю; не отъ чужихъ, но отъ своихъ. Но ободряю себя тѣмъ, что сіе бываетъ по волѣ Бога моего, чрезъ сіе меня поправить и на стражѣ не дремать желающаго. Посему и есть мой совѣтъ, да еще продолжите подвигъ свой, Христа ради, во всемъ насъ укрѣпляющаго. Но когда вы уже точно и конечно рѣшились проситься отъ епархіи, буди на то воля ваша. Жить вамъ здѣсь, и съ управленіемъ въ Богоявленскомъ монастырѣ—сіе, можетъ быть, не столько доставить удовольствія вамъ, сколько мнѣ, въ надѣяніи вашимъ дружескимъ обхожденіемъ пользоваться. Но не скрою отъ васъ (что бо отъ васъ могу скрыть?) моего желанія и совѣта, чтобы вы, прося жить въ монастырѣ Богоявленскомъ и управлять имъ, вмѣстѣ просили, чтобъ монастырь сей оставался въ вѣдомствѣ епархіи московской по прежнему,—съ тѣмъ только, чтобы указы изъ консисторіи посылать на имя казначея, а вамъ по случающимся нуждамъ сноситься со мною письмами. Сіе послужитъ къ большому нашему въ любви и согласіи утвержденію: и нахожу, что вы больше спокойствія получите, имѣя дѣло со мною, нежели съ синодомъ, или его конторою.—Я конечно вашъ покой по всему соблюду. Впрочемъ буди воля ваша, а паче Божія“.

Не понравились-ли арх. Серапіону условія, на которыхъ митр. Платонъ давалъ ему пріютъ въ Москвѣ, или онъ сталъ надѣяться на выздоровленіе,—какъ-бы то ни было, онъ взялъ назадъ свою рѣшимость просить увольненія отъ епархіи, о чемъ и увѣдомилъ митрополитовъ, какъ московскаго Платона, такъ и петербургскаго Амвросія, и притомъ послѣдняго въ выраженіяхъ болѣе обстоятельныхъ и заискивающихъ, чѣмъ перваго. „Рѣшимость мою“, писалъ арх. Серапіонъ къ митр. Амвросію, „послѣдно послать мою просьбу, известную вашему святѣйшеству и по испрошенному уже мною на то отъ вашего архипастырства соизволенію и помощи, остановило свидѣтельство врача, яко нужное ко уваженію той моей просьбы. Штабъ-лекаръ Загорскій, пользующій меня съ Дмитріемъ Петровичемъ, при такомъ теперешнемъ случаѣ вновь предлагаетъ мнѣ свою услугу по стараться хотя нѣсколько еще времени попристальнѣе полечить болѣзнь мою глазную шпанскими мухами, а болѣзнь въ боку Шин-

гаузенскимъ пластыремъ и летучею мазью“. За тѣмъ арх. Серапіонъ высказываетъ опасеніе, какъ-бы не лишиться впредь благодѣтельной о себѣ промышленности петербургскаго владыки, обѣщается стараться всячески истребить свою мечтательную боязнь, называемую врачами *molim ipochondricum*, и въ заключеніе опять вручаетъ себя покровительству петербургскаго владыки, милостиваго и благотворительнаго отца.

Все окончилось благополучно. Болѣзнь арх. Серапіона прошла, и покровительство митр. Амвросія не оскудѣло. Этому покровительству митр. Серапіонъ, по всей вѣроятности, и обязанъ кіевскою митрополіею. Мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ послѣдній годъ своего казанскаго архіепископства (1803) Серапіонъ отличался особою исполнительностію по отношенію къ синодальнымъ порученіямъ, какъ-бы желая нарочито доказать свою пригодность для дальнѣйшей службы. Въ началѣ 1803 года присланъ былъ къ Серапіону синодальный указъ о переводѣ на разные инородческіе языки катихизиса и молитвъ. Это порученіе исполнено было живо: четыре перевода—татарскій, чувашскій, черемисскій и мордовскій—въ томъ-же году къ осени были доставлены арх. Серапіономъ въ синодъ при рапортахъ; вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію синода, они были напечатаны ¹⁾.

Въ Казани архіерейскія привычки Серапіона сложились вполне. Жизнь его шла ровно, какъ заведенные часы. Постоянное мѣсто-пребываніе онъ имѣлъ въ архіерейскомъ загородномъ домѣ Воскресенскомъ. Въ будни слушалъ утреню въ залѣ, а обѣдню въ крестовой церкви; потомъ разбиралъ дѣла и просителей, или занимался приготовленіемъ писемъ на почту. Часу во 2-мъ обѣдалъ, большею частію не одинъ, а съ нѣсколькими духовными или свѣтскими близкими лицами (съ какимъ-либо архимандритомъ, докторомъ и т. д.). Вечеромъ слушалъ богослуженіе въ залѣ и принималъ случайныхъ посѣтителей,—и день кончался. Въ праздники дневное время-препровожденіе видоизмѣнялось тѣмъ, что владыка ѣздилъ въ Казань для богослуженія и дѣлалъ визиты казанскимъ аристократамъ,

¹⁾ Н. И. Ильминскій, директоръ казанской учительской семинаріи, сообщаетъ, что татарскій переводъ сдѣланъ былъ татаряномъ-магометаниномъ, чувашскій—чувашяномъ, мордовскій—русскимъ.

да и за обѣдомъ число гостей бывало больше. И въ будни, и въ праздники Серапіонъ неопустительно, и утромъ и вечеромъ, смотрѣлъ на градусникъ и отмѣчалъ градусы тепла или холода и вообще состояніе погоды. Все это записывалось въ дневникъ, точно также какъ и перечень посѣтителей и сотрапезниковъ владыки. Какъ аккуратный хозяинъ, арх. Серапіонъ отмѣчалъ, чѣмъ потчивалъ своихъ гостей, а также какое и самъ принималъ угощеніе,—и на сколько кувертовъ былъ накрытъ обѣденный столъ. Послѣднее отмѣчалось во всякомъ случаѣ, дома или въ гостяхъ обѣдалъ владыка. Если вообще говорить, что старческая наблюдательность, не проникая во внутреннюю драму жизни, останавливается на внѣшнихъ мелочахъ, прислушивается къ стуку маятника, разсматриваетъ узоры паркета и т. д.; то это замѣчаніе вполне приложимо къ дневнику Серапіона. Владыка аккуратно очерчивалъ только скорлупу жизни; самое содержаніе ея оставалось незамѣченнымъ, какъ нѣчто неуловимое, какъ нѣчто такое, что само собою разумѣется, или по крайней мѣрѣ какъ нѣчто такое, чему мѣсто скорѣе въ письмахъ и резолюціяхъ, чѣмъ въ дневникѣ. Владыка не бесѣдовалъ самъ съ собою въ своемъ дневникѣ и дневникъ не разкрываетъ намъ его внутренней жизни. Эта жизнь уже сложилась; духовная формировка личности закончилась, и оставалось только ждать, что принесетъ наступающій день, т. е. сколько градусовъ тепла или холода, какихъ посѣтителей и сотрапезниковъ, и сколько дѣлъ, сданныхъ съ резолюціею, и не принесетъ-ли—сохрани Боже!—ломоты въ рукахъ или ногахъ, боли въ головѣ и другихъ недуговъ, сопряженныхъ со старостію.—Таковъ былъ новоопредѣленный въ концѣ 1803 года кievскій митрополитъ. Нужно-бы сказать нѣсколько словъ о его наружности; но ее удобнѣе видѣть на портретѣ, чѣмъ описывать словами. Она проста и не видѣляется изъ ликовъ, которые гдѣ-либо можно наблюдать въ покояхъ владычныхъ: ростъ средній, лице круглое, вѣсколько красноватое, борода небольшая, рѣдкая, взоръ покойный, въ добавокъ, по свидѣтельству очевидцевъ, рѣчь неясная, дроботливая.

II.

Прощанье митр. Серапіона съ Казанью и путь отъ Казани до Кіева.

(1804 г., 12 января—5 февраля).

Съ пятницы, 8 января 1804 г., митр. Серапіонъ сталъ собираться въ дальній путь. Утромъ онъ сдалъ въ консисторію бывшія у него консисторскія дѣла. Вечеромъ въ тотъ-же день два члена консисторіи, по указу синодскому, осматривали домовое архіерейское имущество, которое должно было перейти во владѣніе преемника Серапіонова, Павла Зернова, переводимаго въ Казань изъ Твери. Въ субботу 9 января отправился въ путь впередъ съ своею семьєю Афанасій, приближенный служитель митр. Серапіона, состоявшій при немъ на службѣ болѣе 20 лѣтъ¹⁾. Въ воскресенье 10 января за *Божіимъ благословеніемъ* отправленъ былъ на двухъ повозкахъ обозъ съ личнымъ имуществомъ Серапіона. Затѣмъ еще два дня прошло въ неизбѣжныхъ сборахъ и хлопотахъ. Наконецъ 13 января 1804 г. послѣдовалъ выѣздъ митр. Серапіона „изъ града Казани въ градъ Кіевъ“.

Мы выпишемъ сполна записъ митр. Серапіона о послѣднемъ днѣ его пребыванія въ Казани.

„*Января 13, среда.* Утромъ 1 градусъ тепла. Убравшись во время вечернее и потомъ съ экономомъ и съ своею домовою братією наскоро пообѣдавъ, отправился помолиться Господу Богу изъ дому своего воскресенскаго загороднаго, въ половинѣ 5 часа за полднѣ, и прямо заѣхалъ въ казанскій дѣвичій соборъ и монастырь и приложась тутъ къ образу Божіей Матери, зашелъ къ игуменьѣ въ келіи, и чаю искушалъ двѣ чашечки. Оттолѣ заѣзжалъ въ спасскій монастырь, гдѣ, приложась къ останкамъ мощей св. Варсонофія и благословивъ братію того монастыря, заходилъ къ архимандриту того монастыря и ректору академіи Антонію²⁾ въ келіи, и чаю искушавъ двѣ чашечки, поѣхалъ въ кафедральный свой благовѣщенскій соборъ, гдѣ приложился къ мощамъ св. Гурія, и давъ собо-

¹⁾ Афанасій умеръ въ Кіевѣ въ іюнѣ 1806 г. О немъ и о его женѣ Хіанѣ, будетъ рѣчь ниже.

²⁾ Антоній Соколовъ, въслѣдствіи викарій новгородскій, епископъ воронежскій, калужскій, каменецъ-подольскій, умеръ въ Задонскѣ въ 1827 г.

рянамъ, какъ и въ соборѣ казанскомъ (т. е. въ женскомъ монастырѣ) священнослужителямъ — кромѣ сестеръ — по 25 р. на молебень, отправился совсѣмъ въ путь, сѣвъ въ путевую повозку; ибо городомъ проѣзжалъ къ соборамъ въ каретѣ. И какъ поѣхалъ изъ крѣпости, начался въ Спасскомъ монастырѣ, а потомъ и по всѣмъ церквамъ звонъ; что было въ 6 часовъ за полдни“.

Со звономъ выѣзжалъ изъ Казани новый кievскій архипастыръ; поклонившись на прощанѣ святынямъ казанскимъ, отправлялся онъ на поклоненіе святынямъ кievскимъ. Но какія впечатлѣнія выносили онъ изъ Казани? какія воспоминанія оставлялъ за собою? Объ этомъ дневникъ ничего не говоритъ.

Путешествіе митр. Серапіона отъ Казани до Кіева тянулось 22 дня (отъ 13 января до 4 февраля) и представляло собою рядъ постоянно смѣнявшихся противоположностей. Съ одной стороны вѣтрячи и проводы со звономъ, архіерейскіе обѣды, поднесеніе хлѣбасоли отъ горожанъ, поклоненіе отъ духовенства, съ другой стороны — полная некомфортабельность во время дороги, доходящая до необходимости ночевать въ бѣдной хижинѣ или даже возкѣ, въ зимнюю пору на открытомъ воздухѣ. Съ одной стороны торжественный проѣздъ по губернскому городу въ каретѣ архіерея-хозяина, съ другой — медленное влаченіе по пустынной разгрязшей дорогѣ по 5 верстѣ въ часъ. Въ нашъ вѣкъ быстрыхъ и удобныхъ передвиженій на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ, мы съ трудомъ можемъ представить себѣ, что за подвигъ былъ даже для высокопоставленнаго сановника переѣхать зимою 1804 г. отъ Казани до Кіева. Но нѣтъ худа безъ добра. Длинное, трудное и утомительное путешествіе обогащало впечатлѣніями, расширяло кругъ свѣдѣній путешествующаго. Даже митр. Серапіонъ, не смотря на свою старческую маловпечатлительность, замѣтилъ во время пути кое-что такое, чего онъ не замѣтилъ-бы въ настоящее время изъ окна вагона.

Обращаемся къ хронологическому изложенію путешествія.

Дня три митр. Серапіонъ ѣхалъ еще по своей епархіи, ночевалъ въ Свіяжскѣ и Космодемьянскѣ, и пользовался, разумѣется, самымъ почетнымъ пріемомъ.

Въ субботу, 16 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ пробылъ часовъ пять (отъ 1 до 6 часовъ). Тамош-

ній епископъ *Веніаминъ Красногвонецъ-Румовскій*, извѣстный авторъ *Новой Скрижали*, принялъ митрополита весьма привѣтливо, угостилъ обѣдомъ, провезъ въ своей каретѣ по городу и за городъ, гдѣ и простился любезно. О чемъ бесѣдовали между собою два архіерея, въ дневникѣ не упомянуто.

Въ воскресенье, 17 января, митр. Серапіонъ проѣхалъ чрезъ Муромъ, гдѣ имѣлъ трапезу у игумена. Пребываніе въ Муромѣ было короткое (часа два съ небольшимъ), но торжественное; при въѣздѣ и выѣздѣ былъ звонъ во всѣхъ церквахъ, а предъ обѣдомъ духовенство и купечество поднесли митрополиту хлѣбъ-соль.

Въ понедѣльникъ, 18 января утромъ, митр. Серапіонъ былъ уже во Владимірѣ. „И у преосв. Ксенофонта трапезовалъ; тутъ посѣщалъ меня тамошній гражданскій губернаторъ, князь И. М. Долгоруковъ; тутъ поднесена ода на мой пріѣздъ отъ семинаріи и стихи были говорены; за столомъ пѣли пѣвчіе; семинаристамъ дано 50 р., пѣвчимъ 25 р.“. Изъ Владиміра митр. Серапіонъ выѣхалъ въ каретѣ архіерея-хозяина, который проводилъ гостя за городъ при звонѣ во всѣхъ церквахъ. Въ самую полночь митрополитъ прибылъ въ Юрьевъ, но это не помѣшало ему посѣтить мѣстный монастырь и въ кельяхъ архимандрита трактоваться чаемъ, въ присутствіи мѣстнаго городничаго.

Во вторникъ, 19 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ свою родную александровскую слободу, гдѣ жили и умерли его отецъ и дѣдъ, гдѣ самъ онъ родился и разцвѣлъ, гдѣ ему былъ знакомъ каждый закоулокъ, гдѣ еще много старожиловъ и старожилокъ помнили, конечно, маленькаго поповича Стефана. И теперь этотъ поповичъ проѣзжалъ чрезъ родину въ санѣ митрополита. Какая разница въ положеніи! Какой наплывъ воспоминаній!

Но, къ сожалѣнію, въ дневникѣ митр. Серапіона мы не встрѣчаемъ никакихъ ожидаемыхъ размышленій и воспоминаній. Старость невоспріимчива, а можетъ быть дорожному человѣку было не до записи. Въ дневникѣ на половину уцѣлѣла только короткая записка, изъ которой видно, что митрополитъ „слушалъ обѣдню, поемую монахинями, и панихиду въ церкви и потомъ литію на могилѣ отца своего іерея Сергія, совершаемую всѣми священниками, коимъ дано: монастырскимъ 25 р., богоявленскимъ 25 р. и рождественскимъ 25 р., да монахинямъ, пѣвчимъ обѣдню, да на больницу 10 р.

Пріѣхалъ въ домъ родительскій, пообѣдалъ... Пообѣдавъ чинилъ роздаяніе бѣднымъ родственникамъ денегъ. Выѣхалъ изъ Александра того-же 19 числа въ 4 часа за полдни со звономъ въ монастырѣ и въ церквахъ". Такъ сухо описалъ старый путникъ свое послѣднее посѣщеніе родины, на которой уже больше ему не пришлось быть.

Въ тотъ-же день ждали Серапіона другія впечатлѣнія, не менѣе сильныя. Онъ прибылъ въ Виѣанію къ митр. Платону, который во всю жизнь былъ его патрономъ и образцомъ, и который съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ въ своемъ бывшемъ клиентѣ равнаго себѣ митрополита. У Платона Серапіонъ „преукокоился двѣ noci, имѣлъ разные разговоры за полночь, получилъ въ подарокъ митрополичій клобукъ съ крестомъ изъ драгоценныхъ камней, и наконецъ отпущенъ со многими цѣлованіемъ любезно-братскимъ и отеческимъ". Но какіе были *разные разговоры* двухъ митрополитовъ, осталось тайною для потомства. Разница въ лѣтахъ ихъ была всего на десять лѣтъ. Но разница во взглядѣ на свое положеніе громаднa. М. Платонъ давно, давно взысканъ былъ всѣми почестями и щедротами, и въ настоящее время считалъ себя уже забытымъ, опальнымъ, униженнымъ, *тѣснымъ архіереемъ*, и закоснѣлъ въ положеніи безмолвнаго протеста; Серапіонъ только что назначенъ на митрополию, и долженъ былъ еще заслуживать предъ правительствомъ то, что получилъ, такъ сказать, авансомъ. Но онъ привыкъ уже примѣняться къ Платону. И на этотъ разъ подладился къ нему такъ удачно, что митр. Платонъ, какъ увидимъ, скоро отдалъ ему визитъ въ Кіевѣ. 21 января вечеромъ митр. Серапіонъ прибылъ въ Москву, гдѣ такъ долго проходилъ разныя послушанія и былъ викаріемъ, и остановился въ своемъ привычномъ Богоявленскомъ монастырѣ. Пріемъ въ Москвѣ былъ, разумѣется, самый любезный. Митр. Серапіонъ обѣдалъ у московскаго викарія Серафима, посѣщалъ фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, оберъ камергера кн. Ал. Мих. Голицына, извѣстнаго археолога и усерднаго архіерейскаго комиссіонера и корреспондента Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, и нѣкоторыхъ своихъ родныхъ. Въ свою очередь и самъ митр. Серапіонъ принималъ много визитовъ. Были у него и духовные, и дворяне благороднѣйшіе, и свои свойственники, изъ коихъ cadaго онъ награждалъ по

возможности, особливо вдовицѣ родныхъ сестеръ. Митр. Серапіонъ любилъ родныхъ и, какъ увидимъ, много благодѣтельствовалъ имъ и въ Кіевѣ.

Четыре дня провелъ митр. Серапіонъ въ Моквѣ, окруженный ласкою и почетомъ. Но наконецъ нужно-же было когда-нибудь двигаться въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ 25 января митрополитъ выѣхалъ изъ Богоявленскаго монастыря, при многочисленномъ стеченіи народа, въ каретѣ, со звономъ. Но за заставой было уже не то. Не было не только никакого великолѣпія, но не было даже малѣйшаго удобства. „Лишь только выѣхали за серпуховскую заставу“, — пишетъ митрополитъ, „пошелъ сильный дождь и продолжался, пока доѣхали до г. Подола (т. е. Подольска), часовъ 6, и всѣхъ и все перемочилъ, и даже у меня въ возкѣ много платья помочило. Проѣздъ сей первой станціи былъ весьма трудный, со вредомъ великимъ, и продолжался болѣе 6 часовъ, а переѣхали только 32 версты. Въ Подоль городъ пріѣхали въ самую полночь, и отъ дождя вынуждены подъ крышею одного дома стать и переночевать въ повозкахъ.“ Ночевка зимою на открытомъ воздухѣ, притомъ послѣ проводъ съ колокольнымъ звономъ—какая противоположность, какая горькая иронія судьбы!

Дальше было не лучше. 26 января митр. Серапіонъ и его сопутники много затруднялись при переправѣ чрезъ какую-то рѣчку близъ станціи Лопасни. „Переѣзжая чрезъ рѣчку, по причинѣ оттепели при проѣздѣ вскрывшуюся, повозки свои помочили много, ибо они были въ водѣ болѣе половины, и потому я въ своемъ возкѣ объѣзжалъ сіе опасное мѣсто полями верстъ 8.“ Но за то ночлегъ былъ покойный. Ночевалъ митрополитъ въ серпуховскомъ высоцкомъ монастырѣ; остановились на ночлегъ съ 5 часовъ вечера, опасаясь переѣзжать чрезъ Оку.

На другой день (27 января) переѣхали однако чрезъ Оку благополучно. Къ обѣду прибыли въ село *Соломенные Заводы*, принадлежащее Дм. Лав. Нарышкину. „Село большое (отмѣтилъ митрополитъ); жители не убоги, а достаточны; и дома у нихъ отмѣнно не худы“. Ночевали на станціи въ селѣ *Волотъ*. Въ четвергъ 29 января путники проѣзжали *Тулу*, гдѣ митрополитъ пробылъ часа 4, остановившись въ архіерейскомъ домѣ, и слушалъ обѣдню и молебень. Архіерея-хозяина почему-то не было въ Тулѣ, и гость на

досугѣ могъ осмотрѣть его обстановку. „Въ Тулѣ смотрѣлъ ризницу архіерейскую (записано въ дневникѣ), и кромѣ шапки первой жемчугу крупнаго и панагіи съ крестомъ, алмазами украшеннымъ, также нѣсколькихъ саккосовъ довольно небогихъ, мало примѣчанія есть достойнаго; а болѣе удивительно, что вся ризница изъ коломенской епархіи древней, а древности въ вещахъ нѣтъ ничего, кромѣ панагіевъ, самыхъ небогатыхъ. Домъ архіерейской въ Тулѣ въ предтеченскомъ монастырѣ вновь состроенъ огромный; зала довольно не мала, а гостинная и очень велика, въ длину около 8 саж. и болѣе гораздо залы, а шириною около 4 саж., и убраны зеркалами и стульями. Тула городъ кажется и Казани нашей строеніемъ и пространствомъ мостовыхъ лучше, кромѣ крѣпости, которая въ Тулѣ пустая, кромѣ одного собора, а въ Казани крѣпость много походитъ на Кремль московскій“.

27 января, митрополитъ ночевалъ въ *Маломъ Скуратовѣ*, въ убогой, но теплой хижинѣ, а 29 января въ мценскомъ монастырѣ. Въ *Мценскѣ* было и поднесеніе хлѣба-соли отъ купечества и духовенства, и колокольный звонъ. Не даромъ Мценскъ и по нынѣ славится колоколами.

Но въ *Кромахъ* пришлось ночевать (30 января) на постояломъ дворѣ. А 31 января ночевка была въ селѣ *Упаромѣ*, у мѣстнаго священника и благочиннаго.

На слѣдующій день (1 февраля) митрополиту пришлось опять вкусить архіерейской трапезы у сѣвскаго епископа Досіоея, который жилъ, не доѣзжая версты двѣ до *Съвска*. „Домъ его противъ дому тульскаго епископа бѣденъ очень; деревянный, но о двухъ этажахъ. Зимніе внизу, гдѣ и церковь, гдѣ и меня онъ принималъ; а лѣтніе—сверху. За монастыремъ корпусъ каменный для семинаріи, не малый и не худъ: и не мало небольшихъ тутъ деревянныхъ корпусцевъ... Простившись съ хозяиномъ и проѣзжая черезъ городъ, усмотрѣлъ строящійся тутъ соборъ не малый, похожій на мой бывшій казанскій, съ тѣмъ только различіемъ, что сей объ одной главѣ, а казанскій о 5“.

Ночевавъ въ *позняковскихъ постоялыхъ дворахъ*, митрополитъ на другой день, для праздника Срѣтвенія (2 февраля), слушалъ обѣдню въ селѣ *Есмань*. „По пріѣздѣ къ церкви, которая первая черниговской епархіи, встрѣченъ крестомъ священниками троеми, ко-

торые думали, что прибылъ ихъ архіерей новый, епископъ Михайль¹⁾“. Хотя архіерей оказался чужой, тѣмъ не менѣ мѣстный протопопъ, съ своимъ зятемъ священникомъ, пригласилъ послѣ обѣдни гостя въ свой домъ и „трактовалъ водкою съ закускою“. Это было очень кстати, ибо церковь была холодная, и митрополитъ озябъ не мало.

Проѣхавъ *Глуховъ*, который показался плохимъ, и *Кролевецъ*, гдѣ слышался уже разговоръ у жителей малороссійскій, а многія слова непонятны, митрополитъ ночевалъ въ *Апшыновкѣ*.

3 февраля мелькнули *Батурины*,—имѣніе графа К. Л. Разумовскаго (скончавшагося, какъ замѣтилъ митрополитъ, прошлаго 1803 г., января 9, 74 л. и 9 мѣсяцевъ отъ роду),—*Борзна* и наконецъ *Нѣжинъ*. Въ Нѣжинѣ митрополитъ ночевалъ у одного живописца, но на утро слушалъ обѣдню въ благовѣщенскомъ монастырѣ и трапезовалъ у мѣстнаго архимандрита Виктора. Нѣжинскій благовѣщенскій монастырь, иначе Богородичный Назаретъ,—любимое созданіе митр. Стефана Яворскаго, который построилъ его своимъ иждивеніемъ и надѣлилъ разными привилегіями. Привилегіи архимандричьяго служенія поразили митр. Серапіона. Въ дневникѣ записано: „болѣе уже, нежели какое бываетъ архіерейское служеніе; и на орлецѣ предъ престоломъ (стоялъ). Не менѣ замѣчательна показала митрополиту и трапеза. Архим. Викторъ Черняевъ (родомъ изъ болгаръ), человекъ умный, оригинальный и рѣзкій, угостилъ митрополита по восточному,—просто и даже бѣдно, но со вкусомъ. „Трапезовали двое только съ хозяиномъ. Трапеза состояла 1) изъ соуса изъ каракатицы, сдѣланнаго вкусно, 2) изъ пшена сорочинскаго, въ капустные листочки на подобіе пирожковъ обернутаго, 3) изъ пилавы, 4) изъ жареной каракатицы съ салатомъ. Только и всего. Да изъ волошкаго бѣлаго вина одной бутылки“. Кромѣ того еще прежде обѣда арх. Викторъ угостилъ гостя латинскимъ комплиментомъ, а отставной архимандритъ (Павель Чернявскій) русскимъ. Хотя хозяинъ вскорѣ послѣ трапезы отпустилъ гостя въ путь *безъ всякой церемоніи* (должно думать, безъ колокольнаго звону), тѣмъ не менѣ Нѣжинъ повидимому произвелъ на митр. Серапіона пріятное впечатлѣніе. „Городъ Нѣжинъ, предъ другими, мимо коихъ я

¹⁾ М. Десницкій, преемникъ Виктора Садковскаго, впоследствии митр. петербургскій.

проѣзжалъ въ Малороссіи, всѣхъ лучшій, и много каменнаго строенія, и церкви всѣ, коихъ, сказывали, числомъ около 20, каменные, и многія изъ нихъ огромныя. Монастырей три: первый—благовѣщенскій, строеніемъ бѣдный, и ограда деревянная, но церковь о 5 главахъ, по виду огромная, другой—греческій монастырь, а третій—женскій“. Въ Нѣжинѣ-же митрополитъ сдѣлалъ нѣкоторыя обобщенія касательно совершеннаго пути. „Примѣчено мною, что отъ Глухова дорога ровная вся безъ горъ, и пологая или покатиная къ западу. И отъ самаго Орла до Нѣжина по всей дорогѣ насажены по обѣимъ сторонамъ деревья. А отъ Батурина уже болѣе ѣдущіе на волахъ попадались“. И немного позже: „Вездѣ церкви, хотя и деревянные, высокія, но колокольни очень противъ церквей низки и широковаты, чаятельно для расколыхиванія колоколовъ“.

4 февраля путники миновали *Носовку, Козары, Козелец* и ночевали въ *Семиполкахъ*, гдѣ усердно и охотно были приняты мѣстнымъ священникомъ, который, „хотя и въ полночь, внезапно очистилъ три покоя, зѣло тепло натопленныхъ соломой, ибо, зачиная отъ Глухова, вездѣ почти топять соломой“.

III.

Пріѣздъ митр. Серапіона въ Кіевъ. Знакомство съ Кіевомъ, его святынями и окрестностями. Обычное теченіе дня и года у кіевскаго митрополита.

Съ 5 февраля 1804 г. митр. Серапіонъ былъ уже почти на своей кathedрѣ.

Выѣхавъ изъ Семиполовъ въ 9 часовъ утра, митрополитъ въ часъ дня прибылъ въ *Бровары*, гдѣ уже ожидалъ его встрѣчный поѣздъ. Встрѣчи архипастырей въ старину совершались особенно торжественно. Пишущему эти строки приходилось пересматривать въ архивѣ св. синода выдержки изъ церковнаго лѣтописца Архангелогородскаго. Много страницъ посвящено длинному описанію торжественнаго церемоніала встрѣчи каждаго новаго архипастыря. Затѣмъ глубокое молчаніе до описанія его погребенія. Какъ будто вся достопримѣчательность каждаго архипастыря исчерпывалась тѣмъ, что онъ былъ торжественно встрѣченъ по прибытіи на ка-

оєдру и затѣмъ торжественно погребенъ. Конечно, это зависѣло отъ церемоніальной точки зрѣнія лѣтописца. Но во всякомъ случаѣ, при традиціонной малодоступности русскаго архипастыря, вступленіе его на каеєдру было настолько-же публичнымъ и возбуждающимъ общее любопытство актомъ, какъ напр. коронація новаго императора. Новый архипастырь *являлъ себя мірови*, и заботой высшаго мѣстнаго клира было то, чтобы это явленіе вышло какъ можно эффе́ктивнѣе и торжественнѣе. Такъ было и съ Серапіономъ. И въ послѣдствіи митрополить ежегодно вспоминалъ и праздновалъ годовщину своего вступленія на каеєдру.

Въ *Броварахъ*, или, какъ пишетъ митр. Серапіонъ, въ *Проварахъ*, представились новому митрополиту ректоръ академіи Ириней Фальковскій, который тутъ-же сказалъ *хорошую* русскую рѣчь, софійскій протопопъ Дмитрій Сигиревичъ, владимірской церкви протопопъ Арсеній Криницкій и консистористы. Кромѣ рѣчи, депутація поднесла новому владычѣ хлѣбъ-соль и 7 бутылокъ вина. Отпустивъ депутатовъ впередъ, митрополить отправился за ними въ лаврской каретѣ цугомъ съ верховыми до какого-то постоялаго двора, въ 12 верстахъ отъ Броваръ, нынѣ уже не существующаго. Тамъ ждали владыку лаврскій казначей и эконо́мъ, и казначей софійскаго митрополитанскаго дому. „Также была приготовлена другая карета изъ софійскаго дому¹⁾, вся въ стеклахъ, также цугомъ и съ двумя вершниками“ (форрейторами). Парадный поѣздъ двинулся далѣе и скоро къ нему присоединился верховой офицеръ, присланный отъ генераль-губернатора. При приближеніи поѣзда къ Днѣпру начался звонъ въ лаврѣ и городскихъ церквахъ. Въ воротахъ лавры встрѣтило владыку множество монашествующихъ. Явился и оберъ-комендантъ Масси и распорядился процессією, хотя по видимому въ томъ не было и надобности, ибо все совершалось по чину, конечно, лучше извѣстному инокамъ лавры, чѣмъ г. Массію. Все шло своимъ порядкомъ: шествіе въ церковь, пѣніе *Достойно есть*, при-

¹⁾ Карета эта золоченая, въ родѣ той, въ которой имѣла вѣздъ въ Москву въ нынѣшнюю коронацію императрица Марія Феодоровна; находится и нынѣ въ софійскомъ митрополитчьемъ домѣ. Кажется, она доставлена была сюда предъ пріѣздомъ въ Кіевъ имп. Екатерины II, прожившей здѣсь съ января до конца апрѣля 1787 г., а затѣмъ подарена кіевскому митрополиту Самуилу. — Р е д.

кладываніе къ мощамъ, ектенія, многолѣтіе, осѣненіе, провозженіе до настоятельскихъ келій, рѣчь намѣстника и обѣдъ на 21 персону.

Двѣ ночи митр. Серапіонъ ночевалъ въ лаврѣ, отдыхая отъ долгаго пути и по возможности отклоняя посѣтителей, а въ воскресенье 7 февраля отправился на первое служеніе въ софійскій каедральный соборъ, при которомъ и утвердилъ свое мѣстопробываніе. Предъ соборомъ митрополитъ былъ встрѣченъ своимъ викарнымъ Теофаномъ Шияновымъ. Оба владыки всенародно обмѣнялись латинскими фразами. Встрѣчая митрополита, викарій сказалъ: *Sis benedictus veniens in nomine Domini!* Митрополитъ отвѣчалъ: *Deus benedicat omnibus nobis!* Огромная процессія двинулась къ церкви: было много священниковъ, толпились массы народа, пѣвчіе пѣли: *Днесъ благодать св. Духа насъ собра...* Митрополитъ взоселъ въ соборъ, отслужилъ обѣдню, сказалъ краткую, не дошедшую до насъ рѣчь, добавилъ благодарственный молебень, и за тѣмъ перешелъ въ свой митрополичій домъ. Викарный, когда всѣ ушли, поусердствовалъ и еще молебень отслужить о здравіи новаго владыки. Къ новому владыкѣ зашли изъ собора генераль-губернаторъ Тормасовъ, губернаторъ Панкратьевъ, нѣсколько дворянъ, купцовъ и все духовенство. Новый владыка на первый-же разъ показалъ себя радушнымъ и угостительнымъ хозяиномъ, какимъ былъ онъ во всю жизнь. Онъ потчивалъ гостей, какъ значитъ въ дневникѣ, „коеемъ и водкою, а по уходѣ свѣтскихъ обѣдалъ въ духовными на 38 кув., при чемъ свѣтскихъ осталось обѣдать человекъ десять *не большихъ*“.

Такъ совершилось вступленіе митр. Серапіона на кievскую каедру.

За тѣмъ началось новое знакомство съ новыми лицами и мѣстами. Характеристики личностей мы не находимъ въ сухомъ и краткомъ дневникѣ митрополита. Нѣсколько болѣе данныхъ относительно кievскихъ мѣстностей, и притомъ только кievскихъ, ибо далеко за предѣлами Кіева митрополитъ не бывалъ и епархію свою никогда не объѣзжалъ. Найболѣе любопытны замѣтки митрополита при первомъ посѣщеніи той или другой мѣстности, какъ потому, что первое впечатлѣніе всегда скорѣе схватываетъ типическія особенности предмета, такъ и потому, что записи 1804 г. знакомятъ насъ съ болѣе давнею мѣстною стариною до великаго пожара 1811 г.

При первомъ посѣщеніи михайловскаго монастыря, митр. Серапіонъ записалъ: „церковь огромнаго строенія. Мощи великомученицы Варвары стоятъ какъ-бы на катафалкѣ въ длину, чего нигдѣ не видалъ, и почти посреда церкви, за лѣвымъ крыласомъ, подь балдахиномъ величайшимъ, на столбахъ четырехъ деревянныхъ вызолоченныхъ. Въ церкви на западной стѣнѣ наставлено много портретовъ здѣшнихъ, а портретъ императора и императрицы поставлены на стѣнахъ столбовъ близъ амвона, такъ какъ и въ соборѣ софійскомъ и въ лаврѣ“. Теперь портретовъ въ храмахъ мы уже не видимъ.

Николаевскій пустынный монастырь, нынѣ военный соборъ, такъ описывается у митр. Серапіона: „церковь огромная, высокая, съ двумя снаружи у входныхъ дверей щитами, съ пятью на каждомъ пирамидками, подобная во всемъ церкви братскаго монастыря“. (1805 г., II, 28). „На хорахъ образъ Николая Чудотворца со изображенною рукою сложенія двухперстнаго. Почему въ прошломъ 1803 году, какъ настоятель мнѣ нынѣ сказывалъ, сдѣлана на сей образъ въ Тулѣ, отъ вкладчиковъ простолюдиновъ риза серебряная, позлащенная, съ финифтяными на шапкѣ его штуками, обнизанными стразами, и панегія такая-же богата... Кельи всѣ деревянныя, но снаружи выщекотуренныя и видъ представляющія каменныхъ. Былъ и въ трапезной ихъ церкви. Церковь не большая; но трапеза, въ коей и братія кушаютъ, хороша очень для трапезованія братіи“. (ibid. III, 9).

Во Фроловскомъ монастырѣ обратили на себя вниманіе митрополита не зданіе, а какая-то генеральша Рахманова. „Отъ игуменьи заходилъ къ генеральшѣ Рахмановой, генераль-лейтенанта Рахманова супругѣ, присланной въ сей монастырь на пребываніе, по причинѣ акибы поврежденія ея въ умѣ. Келья ея бѣдна, такъ какъ и всѣ кельи въ монастырѣ скудны; она сидѣла на постелѣ, какъ я къ ней взшелъ, и сидя такъ со мною говорила, иное хорошо, а иное странно; и просила прислать къ ней пици получше“ (1804 г., IV, 2). Былъ у матери покойнаго преосв. пермскаго Іоанна, монахини, и далъ ей на дрова ассигнацію синюю (1804 г., VIII, 18).

Иорданскій монастырь женскій, нынѣ упраздненный, показался митрополиту скуднымъ: „напелъ его ветхимъ, и все строеніе, и церковь, и колокольня деревянныя; монахинь много, числомъ до 50,

а бѣлицъ до 100, и всѣ на своемъ иждивеніи, живутъ тѣсно очень въ келейкахъ деревянныхъ малыхъ, и келья настоятельницы сень не велика, два наложника малыхъ. Здѣсь нашель сестру родную покойнаго архіепископа моголевскаго Георгія Коницкаго. Отсюда ѣздили въ кирилловскій монастырь, гдѣ живутъ инвалиды... Келей не много, и въ бывшихъ настоятельскихъ келяяхъ имѣется теперь трапеза и два покоя, занимають инвалиды-же“ (ibid IV. 4).

Въ греческомъ монастырѣ, гдѣ нынѣ духовная семинарія, удивиль митрополита алтарь. „Церковь удивительная алтаремъ, который весьма длинень и высокъ, и куполь подъ нимъ только, а не надъ церковію; и алтаря стѣны къ горнему мѣсту установлены 20 образами сряду. Есть въ сей церкви и два придѣла, одинъ не малый, а другой малъ и безобразень, ибо престоль стоитъ не у мѣста. Былъ потомъ и въ теплой ихъ деревянной церкви, которая не мала. Келья архимандричьи и братскіе всѣ деревянные, подбѣлены снаружи; первыя не худы; а братскія бѣднѣйшія—хуже никольскихъ“ (1807 г., III. 9).

Въ китаевской пустыни митрополиту понравилось мѣстоположеніе: „ходилъ по церквамъ и по келямъ братскимъ и въ двухъ былъ отшелняхъ, гдѣ между ими нашель въ третіей живущихъ женщинъ с...хъ... Пустынь китаевская стоитъ между высочайшими горами, акибы окружается отвсюду ими. Мѣстоположеніе самое наилучшее, пустынное, и тѣмъ намъ показалось пріятнѣе, что вездѣ видима живая новая зелень, и лѣсъ почти весь вездѣ одѣлся; и между келями братскими, и предъ келями, и позади кельевъ, вездѣ деревца посажены и зеленѣютъ молодою зеленью“ (1805 г., IV, 29).

Не менѣ замѣчательно показалось митрополиту и мѣстоположеніе Выдубицкаго монастыря, отъ Васильковской заставы въ 2½ верстахъ состоящаго. „Предъ монастыремъ пѣшкомъ съ горы по ея крутязнь сходили и въ монастырь чрезъ садъ и чрезъ покои настоятельскіе пришли къ самой церкви. Въ ризницѣ осматриваль серебряныя вещи; найдено много разныхъ напрестольныхъ, небольшихъ, серебромъ оправленныхъ, кипарисныхъ съ ручками крестовъ; разныхъ видовъ много ложекъ старинныхъ серебрянныхъ“.

„Былъ въ теплой михайловской, потомъ въ трапезной церквахъ. Потомъ ходиль въ братскія, близъ самой горы состояція кельи. Былъ потомъ въ келяхъ, числомъ многихъ и не худо расположен-

ныхъ и настоятельскихъ верхнихъ, а нижнія каменные всѣ запущены "... Вышли изъ монастыря тѣмъ-же путемъ, и на гору шли пѣшкомъ. На пути отъ выдубецкаго монастыря, мимо лаврскихъ кирпичныхъ и лебединскихъ заводовъ, митрополитъ видѣлъ „на берегу Днѣпра, между двумя превысокими горами, сплошь деревья всѣ плодовые, то груши, то сливы, то яблоки, и горы всѣ обгорожены на верху заборомъ, и онѣ почитаются у нихъ святыми. И въ бытность нашу всѣ сіи деревья тогда цвѣли тамъ и на монастырѣ, что найпріятнѣйшій видъ представляло и благоуханіе чувствительно было“ (1804 г., V, 8).

Еще съ большею подробностію описанъ у владыки бывшій монастырь *межигорскій*. „6 августа 1810 г. поѣхалъ, будучи прошенъ отъ войта и отъ здѣшняго градского общества, въ монастырь межигорскій, гдѣ нынѣ градско-фіансовая фабрика. На дорогѣ, не доѣзжая до Межигорья, заѣзжалъ въ селеніе, именуемое *Вышгородъ*, гдѣ осмотрѣлъ церковь, которая деревянная убогая, кромѣ иконостаса не худаго. Смотрѣли колодезь близъ самаго олтаря, на высокой горѣ, какъ и самая церковь; о колодцѣ тутъ сказывали, акибы тутъ князья російскіе Борисъ и Глѣбъ погребены и находятся подъ водою, и будто-бы если кто будетъ изъ него черпать воду не на питье, а на другое употребленіе, то она совсѣмъ высыхаетъ. *Fides penes autorem*. Приѣхали въ Межигоръ, ѣхавъ 2½ часа, бывъ съ ¼ часа въ Вышгородѣ. Послѣ служенія заходилъ къ г. гр. губ. П. П. Панкратеву, лечащемуся тутъ отъ параличной своей болѣзни. Побывъ у него, пошли черезъ деревянный корпусъ фабрики, простирающійся саженой на 50, на берегъ Днѣпра, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для насъ въ палаткахъ. Послѣ обѣда пошли прямо на фабрику смотрѣть работу и видѣли, какъ масса раздѣляется въ разныя штуки, какъ высушивается и въ чемъ, и какъ обливается каждая штука и чѣмъ. Изъ фабрики поѣхали на колодезь, гдѣ вокругъ по горамъ, видно, были въ свое время сады хорошіе и колодезь: изъ горы течетъ жолобокъ въ срубъ, чисто сдѣланный, гдѣ вода очень не дурна, и чиста, и мягка, и никакого запаха противнаго не имѣетъ. Оттолѣ возвратились къ фабрикѣ и пѣшкомъ пошли къ колокольнѣ, гдѣ на лѣвой сторонѣ подъ колокольнею, исходя изъ оной, съ боку церковь Петра и Павла, каменная, въ которой иконостасъ очень не худъ“ (1804 г., VIII, 6).

О старокіевскихъ церквахъ есть только бѣглыя замѣтки. „Осматривалъ состоящія въ старокіевской крѣпости церкви. Сперва былъ въ троицкой, потомъ въ златоустовской; обѣ деревянныя и бѣдны“. Обѣихъ церквей въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ митр. Серапіонъ. „Оттолѣ ѣздилъ въ десятинную, а отъ нея въ трехсвятительскую или васильевскую. Первая (?) каменная, небольшая, и на верху другая, и древностію пахнетъ. А послѣдняя каменная-же, не большая, и иконостасъ новый и хорошій, но вся кажется новая“ (1804 г., V, 14). Въ андреевской церкви владыка смотрѣлъ на горнемъ мѣстѣ стоящую картину *вечери Господни*, которую цѣнили въ 20,000 р. и болѣе. О подольскихъ и печерскихъ церквахъ замѣтки еще короче. Напр. „Спаская на Берестовѣ церковь самая древняя, отъ лавры не болѣе 50 саженой стстоящая. Церковь сія каменная, снаружи кажется не малая, но внутри мала, ибо двумя съ сторонъ придѣлами стѣснена“ (1805 г., VIII, 19).

Крещатицкій источникъ такъ описывается у митрополита. „Ѣздилъ къ колодцу, называемому *Крещатицкѣ* ¹⁾, надъ которымъ въ 1802 г. сдѣланъ столбъ, видомъ пирамиды, съ надписью на ономъ: *Владиміру, просвѣтителю вѣрою Россіи, отъ кіевскаго мѣщанства въ память утвержденныхъ древнихъ кіевскихъ правъ Александромъ I-мъ*“.

„Вода въ оной колодезь течетъ съ горы, въ разстояніи отъ онаго саженьяхъ въ 20, чрезъ подземныя трубы и бьетъ въ средѣ колодца вода фонтаномъ, сдѣланнымъ изъ дерева. Сходили съ горы къ колодцу пѣшкомъ, сдѣланнымъ деревяннымъ помостомъ, изъ 14 уступовъ состоящимъ. Вода въ немъ нечиста, а мутновата, или желтовата, кажется отъ всегдашняго біенія фонтана, и вкусомъ не очень пріятна“ (1804 г., V, 15).

Какъ практической великороссъ и любитель хозяйства, митрополитъ не могъ оставить безъ вниманія пригородныя митрополитанскія и лаврскія угодья и дачи: Кудрявцы, Шулявщину, Паньковщину, Теремки, Заспу, лаврскій кирпичный заводъ и т. д. И дѣйствительно м. Серапіонъ посѣщалъ всѣ эти мѣстности и оставилъ о нихъ замѣтки, иногда довольно подробныя.

¹⁾ По причинѣ той, замѣчаетъ митрополитъ въ другомъ мѣстѣ (1804 г. V, 18) что тутъ или-бы дѣла вел. кн. Владиміра крещены.

„Ѣздилъ въ бывшій загородный домъ, что нынѣ отданъ для городской больницы, называемой *Кудрявцы*. На дорогѣ тутъ заѣзжалъ въ приходскую вознесенскую церковь, въ которой усмотрѣлъ престолъ, вмѣсто срачицы, антиминсами обшитъ. Въ больницу кудрявщинскую какъ только въѣхалъ во дворъ, то надзиратель подалъ мнѣ репортъ о числѣ больныхъ, которыхъ тогда показано только 8. Былъ тутъ въ состоящей въ покояхъ церкви. Сей бывший загородный домъ архіерейскій отъ заставы градской (б. львовскихъ воротъ) отстоитъ не болѣе одной версты, а отъ дому (софійскаго митрополитанскаго) менѣе двухъ верстъ:—на мѣстѣ высокому, такъ что Подоль весь видѣнь“ (1804 г., VIII, 7).

„Ѣздилъ сперва на мельницу, что въ *Паньковщинѣ*, отъ городу въ 2 верстахъ состоящую, гдѣ осмотрѣлъ мельницу и прудъ, на коемъ стоитъ мельница и хаты. Мѣсто хорошо довольно, особенно на горѣ, садъ и пасѣка большіе. Въ *Теремки* пріѣхали, ѣхавъ часть, гдѣ сперва осматривали новой, строенный изъ старой богословской церкви, домъ, саженьхъ на 10, который еще не покрытъ, и безъ половъ, безъ печей и безъ окошекъ. Потомъ ходили въ хуторъ, отъ дому отстоящій саженьхъ въ сто, гдѣ осматривали амбаръ, гдѣ хлѣбъ житомъ хранится. Осматривали скотъ; показано овецъ 192, ягнятъ малыхъ 103, коровъ 20, быковъ и воловъ 44, индѣекъ 24, куръ 20, свиней 14. Смотрѣли пасѣку, гдѣ 182 улья, вышиною всякій не болѣе аршина, и безъ дновъ: поставлены на солому, которые, если нужно посмотрѣть, взвертываются вверхъ дномъ“ (1804 г., V, 4).

„Заѣзжали на кирпичный лаврскій заводъ, состоящій на самомъ берегу р. Днѣпра, гдѣ три печи кирпичныхъ; въ каждой изъ нихъ до 80,000 выжигается вдругъ кирпича. Сараевъ кирпичныхъ пять великихъ. Кирпича тутъ видѣли выдѣланнаго до 300,000. Кирпичъ бѣлый, какъ-бы фіансовый“ (1803 г., V, 8).

„Ѣздилъ на дачу, называемую *Засна*, а по дорогѣ заѣзжали въ китаевскую пустынь, гдѣ отслушалъ обѣдню, а въ *Засну* пріѣхали въ 11 часу, гдѣ осмотрѣвъ покой и хуторы, ходили смотрѣть, какъ вытаскивали изъ озера Засны неводъ до 120 саженей и рыбы вытащили не мало. Потомъ Ѣздилъ на дрожеахъ съ экономомъ и игуменомъ осматривать всю дачу покосную, лѣсовую и водяную, всего болѣе 500 десятинь. И возвратясь въ 3 часу за полдни, тра-

пезовали въ покояхъ монаха, надзирателя сего мѣста, на три конв. Пообѣдавъ, паки ѣздили по озеру въ большой лодкѣ до самаго заката“ (1804 г., VI, 19).

„Ѣздилъ къ викарію епископу на его дачу, называемую *Феофанія*, отъ Кіева верстахъ въ 15 состоящую; встрѣченъ хозяиномъ— епископомъ на крыльцѣ, со звономъ въ имѣющіеся тутъ три небольшія колокольчика. И взошелъ въ домовую церковь, приложился къ престолу: въ оной иконостасъ небольшой, но довольно красивъ. Пообѣдавъ, ходили смотрѣть дачу и пасику; мѣсто не худое, имѣющее горы и долины и три прудка“ (1804 г., V, 24).

„Ѣздилъ изъ лавры на озеро *Телбино* (въ компаніи съ викаріемъ и еще 11 персовами). Черезъ мостъ днѣпровскій всѣ шли пѣшкомъ, которой приказано отъ меня измѣрять шагами казначею и префекту, и оказалось мѣрою 725 шаговъ, т. е. 243 сажени мостъ сей длиною, а шириною сажени 4, и утверждень на плотахъ. Ъхали отъ лавры до озера 1½ часа, ибо песками по обѣимъ сторонамъ мосту, и дорога трудновата. Приѣхали на озеро въ 3 часу и нѣсколько походя и скушавъ водки, ходили смотрѣть ловитву рыбъ, и при насъ вытаскивали рыбу, которая къ удивленію нашему изъ невода въ великомъ множествѣ выпрыгивала въ разныя стороны такъ, какъ-бы летала. Потомъ обѣдали на берегу озера въ палаткѣ на 13 конв; пообѣдавъ и искушавъ коее, ходили паки смотрѣть, какъ рыбу неводомъ вытаскивали, и тоже рыба изъ невода во множествѣ вылетывала. Рыболовамъ въ первый разъ приказалъ я дать пять рублей; а въ послѣдній—самъ далъ мелочью серебромъ рубля два. Потомъ чаю всѣ искушавъ, въ половинѣ 8 часа поѣхали съ вечера; и мостомъ паки шли съ викаріемъ пѣшкомъ, но было уже темновато“ (1806 г., VIII, 3).

Послѣ первыхъ опечатлѣнній знакомства съ новыми мѣстами и лицами жизнь м. Серапіона пошла обычнымъ порядкомъ, ровно и аккуратно, какъ заведенные часы. Пересматривая сочиненіе И. Е. Забѣлина „*Домашній бытъ русскихъ царей*“, мы видимъ, что ежедневная и годичная жизнь московскихъ государей шла какъ-бы по росписанію и по календарю. Одинъ день былъ похожъ на другой; годъ послѣдующій представлялъ копію года предъидущаго. И за нѣсколько лѣтъ впередъ можно было разсчитать, гдѣ будетъ слушать государь литургію въ извѣстный праздникъ, когда посѣтитъ

патріарха, когда сдѣлаетъ пріемъ у себя и кого именно будетъ принимать и т. д. Точно также и жизнь кіевскаго митрополита, въ частности м. Серапіона, текла по разъ установленному ритуалу, была заключена въ опредѣленные рамки. Причина этого, конечно, была и личная и общая. Личная состояла въ томъ, что м. Серапіонъ, какъ человѣкъ уже очень пожилой, привыкъ къ житію ровному, степенному и постоянному. Общая-же причина состояла въ томъ, что митрополитъ, какъ человѣкъ нарочито высоко-поставленный, долженъ былъ строго соблюдать кодексъ приличій, требуемыхъ его саномъ.

Опишемъ заурядный будничныи день м. Серапіона. Онъ вставалъ часу въ 7-мъ утра, тотчасъ-же смотрѣлъ на термометръ и наблюдалъ погоду; быть можетъ въ это-же время дѣлалъ запись протекшаго дня. Затѣмъ слушалъ утреню въ залѣ и обѣдню въ крестовой церкви. За тѣмъ утро посвящалось дѣламъ: митрополитъ или занимался отправкою писемъ и дѣлъ на почту, или читалъ епаршескія дѣла и писалъ на нихъ резолюціи, а также принималъ доклады отъ должностныхъ лицъ. Обѣдалъ митрополитъ обыкновенно не одинъ, а въ обществѣ. Онъ былъ общителенъ, радушенъ и хлѣбосоленъ. У него обѣдали то свои домовые старцы, то лаврскіе старцы, то члены дикастеріи, то учителя академіи, то родственники, то случайные посѣтители, иногда люди всѣхъ этихъ категорій вмѣстѣ. Митрополитъ всегда тщательно отмѣчалъ въ дневникѣ, на сколько *конвертовъ*, какъ выражался онъ, былъ накрытъ столъ, и большею частію перечислялъ всѣхъ обѣдающихъ. Видно, что обѣдъ былъ, такъ сказать, центромъ владычняго дня. Воображаемъ себѣ ласковаго хозяина—владыку среди почтительныхъ сотрапезниковъ, воображаемъ его нехитрыя бесѣды, внимательно выслушиваемыя и тщательно поддерживаемыя, обильное, хотя и рыбное угощеніе, приправляемое водкою, виномъ и пивомъ аглицкимъ, но все въ мѣру, чтобы возбуждалось только пріятное настроеніе духа, а отнюдь не доходило до излишества. Обѣдъ разрѣзывалъ владычній день на двѣ несходныя половины: если до обѣда посвящалось дѣламъ, то послѣ обѣда невиннымъ развлеченіямъ. Эти развлеченія состояли въ пріемѣ знакомыхъ и близкихъ людей: у митрополита бывали въ это время свѣтскіе сановники Кіева, генераль-губернаторъ, губернаторъ и т. п.—наиболѣе знатные богомольцы, пріѣзжавшіе въ

Кіевъ, аристократы, купцы, помѣщики и благочестивыя дамы, иногда и съ дѣтьми. Въ послѣдніе годы почти ежедневною посѣтительницею митрополита была Анна Александровна Турчанинова, *писательница и философка*, какъ титуловалъ ее митрополитъ, *дѣвица умная и пріятная*, какъ аттестовалъ ее князь И. М. Долгорукій. Эта старая дѣва дѣйствительно хорошо знала по-латыни и оставила печатную книгу латинскихъ *разговоровъ*, которыми, повидному, пыталась дать латинскому языку, наравнѣ съ французскимъ, право гражданства въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ. Владыка ласково принималъ гостей, подчивалъ ихъ чаемъ, виномъ, фруктами, дарилъ книгами и всего чаще акафистами *Варварникомъ* и *Николаѣйникомъ*, какъ записывалъ онъ, и повидному считалъ пріемъ гостей однимъ изъ дѣлъ своего пастырскаго служенія. Лѣтомъ развлеченія митрополита разнообразились поѣздками на Кудравцы, на Шулявщину, въ Теремки и т. д. Владыка любилъ природу, быть можетъ припоминалъ ту сельскую обстановку, какая окружала его въ дѣтствѣ. Къ послѣ-обѣдному времяпрепровожденію относится также слушаніе вечерни, отправляемой обыкновенно въ залѣ. Послѣ 10 часовъ вечера, простившись со всѣми посѣтителями, митрополитъ въ послѣдній разъ смотрѣлъ на термометръ и отходилъ ко сну. Такое было обычное расположеніе владычняго дня. Конечно случалось иногда, что и утромъ бывали гости, а вечеромъ служебныя дѣла, но общій колоритъ владычней жизни отъ этого мало мѣнялся.

Годъ владыки съ выдающимися днями церковныхъ праздниковъ также носилъ на себѣ печать предъустановленной обрядности, періодически повторявшейся.

1 января въ новый годъ митрополитъ обыкновенно литургиялъ и молебствовалъ въ софійскомъ соборѣ, шествуя туда и обратно *со славою*. Послѣ обѣдни къ митрополиту заходили губернаторъ, генералы, войтъ съ чинами магистратскими и служащее духовенство. Каѳедраальный протоіерей Леванда публично говорилъ митрополиту рѣчь привѣтственную „на російскомъ языкѣ, *съ жаромъ и съ чувствіемъ*“.

Поздравителямъ была предлагаема закуска, а нѣкоторые оставляемы были и обѣдать. Предъ обѣдомъ и во время обѣда приходили поздравители другаго сорта—прямо такъ съ улицы, *съ барабанами и съ музыкою*, по кіевскому обычаю; отъ владыки высы-

лаемы имъ были деньги, инымъ по 5, инымъ по 3, инымъ по 2 рубля.

Въ день *Крещенія* (6 января) владыка ѣздилъ на водоосвященіе на Днѣпръ. Предварительно онъ получалъ для этого двойное приглашеніе: являлся братскій архимандритъ съ просьбою литургисать въ братствѣ; являлся и войтъ съ магистратскими чинами просить владыку на обѣдъ въ магистратѣ. На служеніе митрополитъ ѣхалъ торжественно—въ парадной каретѣ о шести коняхъ, съ 2-мя вершниками въ трехъугольныхъ шляпахъ и въ синей съ позументами ливреѣ ¹⁾); по бокамъ кареты скакало четыре всадника, которые присылаемы были отъ городского общества для большаго торжества. Послѣ литурги въ братствѣ совершался крестный ходъ на Днѣпръ, при большомъ стеченіи народа. Иногда погода не соотвѣтствовала принесенной съ сѣвера идеѣ митр. Сераціона о крещенскихъ морозахъ. „Мы въ Крещенье шедши на воду“, отмѣтилъ митрополитъ въ 1805 г., „не только не озябли, но я взопрѣлъ, какъ лѣтомъ, ибо окутанъ былъ настояще по зимнему, не зная таковаго имѣющаго воспослѣдовать тепла, а отъ солнечнаго сіянія были тогда капли“. Крещенская церемонія совершалась тогда много эффе́ктивнѣе, чѣмъ нынѣ. При начатіи пѣнія: *во Иордань...* пускались раветы, падали изъ пушекъ, и былъ троекратный бѣглый огонь. Съ рѣки митрополитъ шелъ обратно съ крестнымъ ходомъ въ братскій монастырь, гдѣ совершался обычный отпущекъ съ многолѣтіемъ. Разоблачась, владыка шелъ въ мантии, предшествуемый соборнымъ ключаремъ, въ домъ магистратскій. На крыльцѣ ждали владыку войтъ и магистратскіе чиновники, а въ покояхъ губернаторъ и кіевскія власти. Протодіаконъ провозглашалъ эктению, многолѣтствовалъ государя и царскую фамилію, а митрополитъ окроплялъ св. водою всѣхъ присутствовавшихъ, подходившихъ къ кресту. Затѣмъ владыка немного отдыхалъ въ особой комнатѣ и шелъ къ обѣду. Обѣдъ бывалъ обильный и со многими тостами: за государя, за митрополита, за генераль-губернатора, за генералитетъ, за всѣхъ вообще свѣтскихъ гостей, за всѣхъ вообще духовныхъ гостей, за войта и мѣ-

¹⁾ Нѣсколько раньше, напр. при митрополитѣ Самуилѣ, въ подобныхъ случаяхъ, впереди ѣхали верхомъ въ стихаряхъ два діакона съ рипидами и одинъ съ крестомъ.—Р е д.

щанство, и наконецъ за городское войско. Да не удивится читатель упоминанію о кievскомъ городскомъ войскѣ; оно дѣйстви-тельно было, и любопытный можетъ прочесть о немъ въ статьѣ: *Кievское представительство прежняго времени* („Кievская Старина“ 1882 г. № 5, стр. 187 и слѣд.). Во время гостовъ палили изъ пушекъ и играли на литаврахъ. При звукѣ литавръ митрополитъ выходилъ изъ городского дома, провожаемый до кареты войтомъ съ магистратскими чиновниками. И до самаго митрополитанскаго дома кругомъ кареты скакало 8 всадниковъ, въ мѣстномъ воинскомъ уборѣ, которые наряжались отъ городского общества, чтобы провожать владыку.

На другой день или чрезъ день являлись къ митрополиту городской войтъ и братскій архимандритъ благодарить за пощѣненіе, и являлись обыкновенно не съ пустыми руками, а подносили какой-нибудь подарокъ. Войтъ подносилъ напр. аршинъ 15 атласу, а архимандритъ нѣсколько хлѣбовъ и нѣсколько бутылокъ вина.

7 января праздновалось рожденіе вел. кн. Анны Павловны, 13—января рожденіе императрицы Елизаветы Алексѣевны, 28 января—рожденіе вел. кн. Михаила Павловича. Во всѣ эти царскіе дни митрополитъ служилъ литургію и молебень (а иногда только молебень), или въ софійскотъ каедральномъ соборѣ, или въ лаврѣ. Бывала и проповѣдь. А послѣ молебна заходилъ къ митрополиту въ покои случившійся во храмѣ генералитетъ и былъ угощаемъ чаемъ и закусками.

2 февраля въ день Стрѣтенія былъ храмовой праздникъ въ старокievской стрѣтенской церкви, и митрополитъ иногда служилъ у праздника, тѣмъ болѣе, что, спустя нѣкоторое время по прибытіи Серапіона въ Кіевъ, настоятелемъ стрѣтенской церкви былъ назначенъ его родной племянникъ Сергій Александровскій. Разумѣется, послѣ литургіи владыка заходилъ на чай и закуску къ настоятелю церкви.

3 февраля было тезоименитство вел. кн. Анны Павловны и кавалерскій праздникъ св. Анны. Митрополитъ, какъ самъ кавалеръ св. Анны, совершалъ литургію и молебень. Но, быть можетъ, къ огорченію владыки, другіе кievскіе кавалеры св. Анны относились равнодушно къ своему кавалерскому празднику. „Юдей было немного“, записалъ митрополитъ объ одномъ своемъ служеніи въ

день св. Анны (1085 г., II, 3) „а господь мало, кромѣ кн. Гурьянова и полковниковъ двухъ и кавалеровъ трехъ, да въ молебствѣ пришелъ комендантъ и кавалеръ Аннинскій Масси, а кромѣ его и кавалеровъ никого не было, и проповѣдникъ ко мнѣ только одному сдѣлалъ обращеніе о значеніи кавалеріи“. Впрочемъ хотя кавалеровъ св. Анны бывало не много, но они заходили послѣ литургіи къ митрополиту, и митрополитъ удерживалъ ихъ на закуску и обѣдъ. „И пили за здоровье императорское—шампанское, а за кавалеровъ—венгерское“.

4 февраля, рожденіе вел. кн. Маріи Павловны и обычное молебствіе и угощеніе.

5 февраля, митрополитъ праздновалъ годовщину своего перваго пріѣзда въ лавру. Приходили къ нему лаврскія власти съ хлѣбомъ-солью, а митрополитъ угощалъ ихъ обѣдомъ.

7 февраля митрополитъ праздновалъ годовщину своего перваго вступленія въ софійскій соборъ. Соборяне приходили съ поздравленіемъ, при чемъ протоіерей Леванда говорилъ владыкѣ привѣтственную рѣчь. Представители-же кіевского духовенства присоединялись по желанію или къ лаврской, или къ соборной депутаціи. Митрополитъ угощалъ поздравителей закускою, а иныхъ и обѣдомъ.

12 марта, былъ большой царскій день—*возшествіе на престолъ государя императора Александра Павловича*. Митрополитъ шель къ литургіи въ софійскій соборъ со славою: молеbstвовалъ съ викаріемъ и со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Бывала и процо-вѣдъ. Было не мало генералитета и чиновниковъ, и войтъ съ чинами магистратскими. Послѣ богослуженія всѣ и міряне, и духовные входили въ покои владыки и были угощаемы закускою, а иные и обѣдомъ.

16 марта митрополитъ праздновалъ свои именины на память *Серапіона, архіепископа новгородскаго*, во имя котораго устроилъ онъ въ лаврѣ домовую церковь. Тутъ уже по истинѣ было торжество велие—и въ лаврѣ *полчелійная служба со звономъ*. Но домашнее торжество было едва-ли не больше церковнаго. Съ ранняго утра ко владыкѣ являлись поздравители, начиная съ его домашнихъ братьевъ, которые подносили какой либо малый даръ, напримѣръ хлѣбъ и по десятку лимоновъ и апельсиновъ. Но послѣ литургіи, которую владыка слушалъ обыкновенно въ крестовой церкви, его покои наполнялись посѣтителями. Викарій и архимандриты, лаврскіе старцы

и игумены, соборные и городскіе священники, дикастерскіе чиновники и академисты, генералы и благородныя дамы, войтъ и магистратскіе чины, полиціймейстеръ и почтмейстеръ, пѣвчіе архіерейскіе и пѣвчіе академическіе толпились во владычныхъ покояхъ. Раздавались рѣчи, стихи на разныхъ языкахъ и кантаты. Витійствовалъ всмѣстѣ съ прочими и Леванда. Подносились имениннику и болѣе существенныя приношенія. Высокопреосвященный именинникъ отдаривалъ съ своей стороны пѣвчихъ деньгами, академическихъ учителей и другихъ поздравителей лаврскими книгами. Въ заключеніе былъ обѣдъ челоуѣкъ на 40, за которымъ конечно не вмѣщались всѣ поздравители, но находили себѣ мѣсто учителя академіи. „Обѣдъ заключивался (pro salute meo vino utebamur schampánico) чаемъ, кофеемъ и десертомъ“, и за тѣмъ владыка отпускалъ гостей съ миромъ во свояси.

Продолжая описаніе владычнаго года, мы должны сказать, какъ проводилъ онъ праздники и нарочитые дни переходящіе, т. е. стоящіе въ зависимости отъ праздника Пасхи.

На послѣднихъ дняхъ сырной недѣли владыка ѣздилъ въ лавру, заходилъ въ братскую трапезу и къ почетнѣйшимъ старцамъ и прощался съ ними.

Въ прощальное воскресенье ко владыкѣ заходили прощаться соборяне и другія, болѣе близкія по служебнымъ отношеніямъ духовныя лица, а также благочестивые міряне. Владыка слушалъ вечерню въ крестовой церкви; по окончаніи вечерни вся братія архіерейскаго дома и пѣвчіе прощались съ владыкою въ церкви, а келейные въ покояхъ.

Первые дни великаго поста владыка противъ обыкновенія обѣдалъ скудно, сухояденіе или одни грибы и капусту не вареные.

Въ нятницу на 1-й недѣли, равно какъ и въ послѣдующіе три пятницы бывало великое въ софійскомъ соборѣ собраніе для чтенія *de passionibus Christi*, т. е. такъ называемыя пассіи, заведенныя м. П. Могилою, на которыхъ бывали и проповѣди, говоренныя обыкновенно кѣмъ либо изъ наставниковъ академіи. Владыка на пассіяхъ не бывалъ, но за проповѣзью слѣдилъ, и даже отмѣчалъ иногда, кто проповѣдывалъ въ софійскомъ, и кто въ братскомъ.

Въ субботу на первой недѣли владыка самъ „служилъ обѣдню въ крестовой церкви съ своими домовыми иногами и приобщалъ

самъ всѣхъ старцевъ, кои на послушаніяхъ находятся, и всѣхъ пѣвчихъ, и служителей своихъ штатныхъ, и женъ ихъ, и нѣкоторыхъ стороннихъ. И по прочтеніи благодарныхъ молитвъ всѣ причастники подходили ко кресту, держимому владыкою, и поздравлены отъ него, *яко сынове церкви*“.

Въ недѣлю православія митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обычную церковную церемонію, и „народа бывало такъ много, *во еже не вмѣщаются въ церкви и на хорахъ*“. Послѣ церемоніи духовные и свѣтскіе чиновные люди по обычаю заходили къ митрополиту и „были трагуемы чаемъ, а потомъ водкою и закускою постною“, а нѣкоторые, преимущественно участники церемоніи, въ томъ числѣ и протодіаконъ, возглашавшій анаѳему, были оставляемы обѣдать.

Въ четвертую недѣлю поста митрополитъ служилъ обѣдню въ пещерной Крестовоздвиженской церкви, а въ Благовѣщенье въ академической конгрегаціонной церкви; разумѣется, послѣ богослуженія трапеза, въ первомъ случаѣ—въ лаврѣ, во второмъ—въ академіи.

Въ Лазареву субботу митрополитъ смотрѣлъ изъ окна своего софійскаго дома на процессію академистовъ, числомъ до 1000. По давнему обычаю, въ этотъ день собирались они къ началу вечерни въ георгіевскую церковь: здѣсь брали освященную вербу и какъ отроки евангельскіе, съ ваіями въ рукахъ, съ грандіознымъ пѣніемъ, среди безчисленныхъ массъ народа, дефилировали подъ оградой софійскаго собора и чрезъ заложенныя нѣгѣ въ юго-западной стѣнѣ ограды ворота, мимо владычныхъ покоевъ, чрезъ софійскій дворъ и соборъ направлялись чрезъ весь городъ на Подоль въ свою братскую церковь.—Большая церемонія!

Въ великій четвертокъ митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обрядъ омовенія ногъ; а послѣ богослуженія „трапезовалъ въ залѣ съ 12 учениками—апостолами на 13 конвертовъ; а викарія не приглашалъ по той причинѣ, чтобы обѣдать съ одними апостолами“.

Въ великую пятницу митрополитъ совершалъ богослуженіе надъ плащаницею въ лаврѣ. По описанію дневника, „вечерня начиналась въ великой церкви, а потомъ по пропѣтіи: *Тебе одьявшаюся*, всѣ шли съ херутвами въ больничную церковь, при звонѣ.

Пришедъ въ больничную церковь, трижды пѣли: *благообразный Иосифъ* и три раза кадилъ митрополитъ плащаницу, лежащую посреди церкви, довольно богато украшенную жемчугомъ и камнями; послѣ пѣли пѣвчіе два стиха положенные. Потомъ, поднявъ плащаницу, несли ее въ великую церковь съ такимъ-же цереміаломъ, какъ и шли въ больницу. Возошедъ въ великую церковь и положи плащаницу, митрополитъ кадилъ ее одинъ разъ; потомъ слѣдовала проповѣдь, отпущкъ, и малое повечеріе съ канономъ. Въ заключеніе богослуженія митрополитъ въ мантии осѣнялъ народъ съ амвона и въ сопровожденіи духовенства шель въ свои покои. Тамъ кушалъ чай со старцами, и болѣе ничего“.

Въ Свѣтлое Воскресенье, въ самую полночь, начинался благовѣстъ въ софійскомъ соборѣ и продолжался часъ. Къ утрени митрополитъ шель со славою и по окончаніи оной христосовался, когда былъ здоровъ, со всѣмъ народомъ, хотя, по замѣчанію дневника, генералитетъ и не былъ доволенъ этой скучной и во всякомъ случаѣ длинной церемоніей. Отъ заутрени расходились по домамъ. Тогда еще не было нынѣшняго, нѣсколько дикаго и во всякомъ случаѣ неблагоговѣйнаго обычая „отмахать за разъ утрению и обѣдню на курьерскихъ“ и даже при этомъ, не ожидая обѣдни, стремглавъ летѣтъ *разовѣтаться* послѣ недавно потребленнаго бифштекса. Въ то время обѣдню совершалъ владыка въ софійскомъ соборѣ въ 7 часовъ. Выходъ былъ также со славою. Евангеліе читалось на многихъ языкахъ. Владыка начиналъ русскимъ, потомъ читали на латыни, по гречески, по французски, по нѣмецки и т. д.—Послѣ обѣдни владыка возвращался въ свой домъ опять со славою. Тамъ соборяне славилы Христа и протодіаконъ многолѣтствовалъ государя, а генералитетъ поздравлялъ владыку. Но пріемъ, по случаю всеобщаго утомленія, въ 1-й день пасхи, былъ короткій.

За то у митрополита былъ большой пріемъ на 2-й день Пасхи. Послѣ служенія въ лаврѣ митрополитъ христосовался съ лаврскою братією, давая каждому по два яйца красныхъ, принималъ поздравленіе отъ академіи и отъ магистрата, а послѣ трапезы самъ отдавалъ праздничные визиты кіевскому генералитету.

Въ субботу на Пасху была раздача артоса, и митрополитъ посылалъ съ лаврскимъ казначеемъ артось отъ себя генераль-губернатору и губернатору. Обычай пасхальнаго звона въ Кіевѣ безъ

благовѣста на первый разъ удивилъ владыку. „При семь во всѣхъ въ Кіевѣ церквахъ“, записалъ онъ (1804 г., IV. 25) „черезъ всю недѣлю Пасхи и къ обѣднѣ и къ вечернѣ безъ благовѣста звономъ во всѣ колокола начинали, что въ Россіи не слыхано, не только чтобъ гдѣ было чинимо“.

23 апрѣля владыка ѣздилъ на служеніе къ празднику св. Георгія въ выдубицкій монастырь, по предварительному приглашенію архимандрита. Послѣ литургіи была обычная прапеза. „Народу въ церкви было довольно“, замѣтилъ митрополитъ, „а гуляющихъ болѣе“. Народное гулянье, которое и до нынѣ бываетъ въ этотъ день около выдубицаго монастыря и которое совершенно естественно при встрѣчѣ весны, зовущей горожанъ на чистый воздухъ, не нравилось митрополиту. „Людей тутъ было около монастыря не мало, былъ кабацшико и качели близъ монастыря самаго, что иные предъ-осуждали“.

27 апрѣля былъ царскій день—рожденіе цесаревича Константина Павловича. Митрополитъ молебствовалъ, но народу было мало.

1 мая. Софійскій праздникъ и иногда рекреация съ академистами, т. е. гулянье въ митрополичьей роцѣ, гдѣ нынѣ кадетскій корпусъ.

3 мая лаврскій праздникъ пр. Феодосія. Служеніе въ лаврѣ и трапеза. Обыкновенно все шло благообразно и по чину, но бывали маленькіе казусы, которые останавливали на себѣ вниманіе владыки. Было разъ, на примѣръ, на феодосіевскомъ праздникѣ такое искушеніе. „Проповѣдь говорилъ академіи учитель пѣтики, іером. Іоанникій, но неоднократно вынималъ бумагу. Наканунѣ *videbatur esse subebrius* (былъ пьянъ), и по сказаніи сховался, т. е. присѣлъ въ каедрѣ. А за трапезою новое искушеніе. „Викарій уже подъ конецъ обѣда пріѣхалъ, ибо экклезіархъ акибы позабылъ его къ обѣду звать, для того онъ въ обѣдъ за нимъ ѣздилъ“ (1805 г., V. 3).

9 мая въ день св. Николая владыка ѣздилъ на храмовой праздникъ въ притисковскую (Николая притиска) церковь, или въ какую-либо другую изъ подольскихъ церквей, куда былъ наканунѣ прошенъ на служеніе, для храмсваго праздника, и послѣ литургіи заходилъ къ настоятелю храма на чай.

10 мая небольшой царскій день—рожденіе вел. кн. Екатерины Павловны. Владыка молебствовалъ, „но при этомъ, отмѣчаетъ,

только простаго народу богомольцевъ бывало нѣсколько, а чиновниковъ почти никого“.

21 мая были именины *цесаревича Константина Павловича*. Митрополитъ также служилъ литургію и молебствовалъ. И на этотъ разъ, замѣчаетъ онъ, „народу бывало также посредственно, но господъ чиновниковъ и генераловъ бывало уже довольно“.

Въ *Преполовене* былъ крестный ходъ изъ софійскаго собора къ колодцу князя Владиміра. У самаго колодца, конечно, по примѣру прежнихъ лѣтъ, магистратъ разбилъ палатку и приготовилъ угощеніе, но угощенія принять владыка не могъ, ибо въ полномъ облаченіи пожелалъ возвратиться съ крестнымъ ходомъ въ софійскій соборъ. И „зѣло, зѣло, говорить, усталъ и изнемогъ, а особливо ногами, и жаръ сдѣлался пресильной въ лицѣ, ибо шли на гору высокую, длинную, въ полномъ облаченіи и въ самые полдни, при сіяніи солнечномъ, да еще и противъ самаго солнца, и при пыли“ (1804. V г., 18).

На Вознесенье заблаговременно приглашала игуменья Фроловскаго монастыря служить въ монастырѣ по случаю храмоваго праздника: владыка совершалъ литургію и трапезовалъ, а въ дневникѣ отмѣчалъ: „народу за литургіею было очень много и угощеніе за трапезою обильное“; обѣдъ продолжался, отмѣтилъ онъ однажды 1 часъ и 45 минутъ.

Въ Троицынъ день, въ 11-мъ часу, владыка ѣхалъ въ лавру въ парадной каретѣ *со славою*, встрѣчаемъ былъ во св. вратахъ съ крестомъ, служилъ литургію соборно съ нѣсколькими архимандритами, молитвы на вечернѣ читалъ самъ, при многочисленномъ стеченіи народу, особенно простаго; трапезовалъ въ лаврѣ съ сослужащими и случайными гостями,—когда позволяла погода,—въ саду, въ бесѣдкѣ.

Въ Духовъ день владыка „ѣздилъ на служеніе въ бывой Кирилловъ монастырь, по случаю храмоваго праздника; тамъ бывала и ярмарка очень не малая, на берегу занимали мѣста съ разными шалашами“.

Наконецъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ храмовой праздникъ въ церкви на Щекавицкомъ кладбищѣ. Серапѳонъ ѣздилъ и сюда, и вотъ какъ описываетъ онъ одну изъ такихъ поѣздокъ. „Въ 10-мъ часу ѣздилъ въ церковь кладбищенскую, что на горѣ Щекавицѣ, нынѣ

называемой *Скавиць*, гдѣ погребенъ Олегъ, родственникъ Рюриковъ, во знаку тутъ никакого сему нѣтъ. Служилъ въ ней обѣдню, ибо храмъ тутъ всѣхъ святыхъ. Проповѣдь говорилъ той церкви священникъ. Народу было много, были благородные. Послѣ обѣда заходилъ въ домъ священника, гдѣ была поставлена палатка съ закускою, положею на обѣдѣ, съ приборами, отъ магистрата приустроенная, яко церковь сія на вѣхъ иждивеніи содержится. Гдѣ были потчованы сперва чаемъ, потомъ водкою, а послѣ венгерскимъ,—цѣлымъ, по здѣшнему обычаю, стаканомъ. Отвѣдавъ немного, не похвалилъ сей обычай.

„Потомъ зашелъ въ покой священника посмотрѣть, и нашель, како дома живутъ тѣсно. Въ исходѣ 1-го часа отъѣхалъ. Отъ церкви подъ гору,—ибо крута, хотя есть и мостовая деревянная,—шли до самаго низу въ провожденіи войта пѣшкомъ“ (1805 г., VI. 4).

25 іюня былъ тогда еще не очень значительный царскій день, *рожденіе с. кн. Николая Павловича*. Митрополитъ молебствовалъ.

28 іюня митрополитъ совершалъ панихиду по императорахъ.

29 іюня въ день *св. ап. Петра и Павла*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ греческій петропавловскій монастырь и заходилъ на чай къ архимандриту. На сей же день владыка получилъ приглашеніе въ петропавловскую куреневскую церковь, но имъ не пользовался.

5 іюля, въ день *преп. Серія*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Китаевскую пустынь, гдѣ и трапезовался.

10 іюля, на память *преп. Антонія пещерскаго*, владыка служилъ и трапезовалъ въ лаврѣ.

15 іюля, въ день кончины *св. Владимира*, при митр. Серапіонѣ не было нынѣшняго крестнаго хода, совершаемаго съ такимъ торжествомъ только съ 1862 г. Владыка ѣздилъ лишь на служеніе къ празднику во Владимірскую церковь, которая находилась тогда на экспланадной площади, близъ крѣпости. Въ дневникѣ объ этомъ праздникѣ отмѣчено только, что ризница была лаврская, т. е. что саккосъ, омофоръ и проч. доставлялись изъ лавры, по близости оной къ владимірской церкви.

20 іюля, въ день *прор. Иліи*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Ильинскую церковь, что на Подолѣ, на берегу Днѣпра. Послѣ литургіи заходилъ къ священнику и «былъ трактованъ чаемъ, кофеемъ и водкою.» «Мимоѣдомъ, замѣчаетъ однажды владыка, былъ

упрошенъ заѣхать къ *именитому купцу Кисилевскому*, коего домъ *лучшій во всемъ Кіевѣ*. « То былъ старинный родъ кіевскихъ гражданъ и вмѣстѣ южно-русскихъ дворянъ, давшій г. Кіеву, нѣсколько позже, послѣдняго войта. Въ тонкости предметовъ и лицъ, какъ мы уже замѣчали, владыка Серапіонъ не входилъ, а отмѣчалъ лишь то, что дѣйствовало такъ сказать на глазъ, какъ напр. большой и по нынѣшнему времени домъ Кисилевскихъ, хотя аттестація, даваемая ему дневникомъ, свидѣтельствуетъ о крайнемъ убожествѣ Кіева, по части построекъ, три четверти вѣка назадъ тому.

22 іюля, въ день *тезоименитства императрицы Маріи Теодоровны*, было торжественное служеніе въ Софійскомъ соборѣ. Заходившіе послѣ обѣдни къ митрополиту были «трактуютъ чаемъ и водкою. А иные—въ томъ числѣ сослужители на литургіи—были оставляемы на обѣдъ. И пили, прибавляетъ митрополитъ, за здоровье имянинницы венгерское, и потомъ венгерское же пили и за мое здоровье, яко день моего рожденія» (1805 г., VII, 22).

1 августа было водоосвященіе на Подолѣ и митрополитъ, по приглашенію магистрата, ѣздилъ на служеніе въ Успенскій соборъ.

Когда владыка, выходя изъ дому, садился въ карету, то являлись, какъ гласитъ дневникъ, «*четверо верховыхъ отъ магистрата, одѣтыхъ по здѣшнему богато*, и лѣзли предъ каретою стремительно,—равно какъ и митрополичьи вершники, и карета также очень снѣжно ѣхала»; при съѣздѣ съ крещатицкой горы къ вортежу присоединялись еще четверо мѣщанъ въ богатомъ нарядѣ и на богато убранныхъ лошадяхъ.

Послѣ литургіи митрополитъ ходилъ на источникъ *Феліціонъ*, существующій и нынѣ, хотя въ самомъ грязномъ видѣ, и извѣстный въ народѣ подъ именемъ *Лева*—отъ фигуры Самсона, раздирающаго львиную пасть, изъ которой толстою струею льется вода. Къ митрополиту присоединялся викарій, который предварительно совершалъ водоосвященіе на Днѣпрѣ, шествуя отъ церкви Введенской. Дневникъ и здѣсь сохранилъ для насъ нѣкоторыя черты минувшей жизни Кіева.

Во время крестнаго хода вокругъ собора всѣ цехи стояли съ своими значками и ружьями, а конные въ своихъ богатыхъ уборахъ были расположены близъ источника. При погруженіи креста была пальба изъ пушки. Изъ собора митрополитъ шествовалъ въ маги-

стратскій домъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ музыкою. Обѣдъ, тосты, трубные звуки, парадные проводы—все точь въ точь, какъ въ праздникъ 6-го января.

Черезъ день опять войтъ и начальникъ городской конницы приходили на поклонъ и благодарили владыку за посѣщеніе, поднося: »хлѣбъ, голову сахару и шесть штофиковъ водки сладкой разной.«—Патріархальныя времена и обычаи, такъ не далекія отъ насъ и такъ уже чужды нашему времени!

2 августа владыка келейно праздновалъ съ своими родными и близкими свои именины по мірскому имени Стефана.

6 августа, въ праздникъ *Преображенія* владыка служилъ въ подольской Преображенской церкви, нынѣ не существующей, либо у Спаса на Берестовѣ (въ крѣпости), или въ межигорской обители.

15 августа — *Успеніе Богоматери* великій лаврскій праздникъ. Еще съ вечера владыка отправлялся въ лавру и совершалъ всенощное богослуженіе, которое продолжалось до 1 часа по полуночи, т. е. 5^{1/2} часовъ, съ пѣніемъ надгробнымъ, съ чтеніемъ аза-еиста и съ большою молитвою.

Въ самый праздникъ, предъ обѣдней митрополитъ и всѣ духовные, бывшіе въ служеніи, шли, какъ замѣчаетъ дневникъ, »по обычаю здѣшнему (т. е. древнему южнорусскому, соблюдаемому и доселѣ во всѣ двенадцатые праздники), въ ходъ около церкви, поя молебень Божіей матери, и останавливаясь въ трехъ мѣстахъ, а противъ алтаря евангеліе читано было.«

Послѣ литургіи владыка трапезовалъ въ лаврѣ съ генералитетомъ, знатными богомольцами и служащимъ духовенствомъ.

30 августа—*тезоименитство Государа Императора Александра I*. Послѣ торжественной литургіи и молебствія къ митрополиту заходили не только русскіе генералы, но и знатные поляки.

5 сентября—*тезоименитство имп. Елизаветы Алексеевны*. Торжественная литургія съ молебномъ. Въ 1805 г., этотъ день совпалъ со временемъ дворянскихъ выборовъ, и на молебень явились »всѣ бывшіе на выборахъ католичкаго исповѣданія дворяне кievской губерніи; и потомъ всѣ были у митрополита въ цюкояхъ, во еже не вмѣстатися зъ нихъ.«

8 сентября—*храмовой праздник Софійскаго собора*. Митрополичье служеніе. „Послѣ часовъ ходили, по обыкновенію здѣшнему, съ образами, съ пѣніемъ молебна. Послѣ обѣдни заходили къ митрополиту всѣ накануне званые къ обѣду, а иные и незваные, и трапезовали.“

12 сентября—*день рожденія в. кн. Анны Ѳеодоровны* (супруги цезаревича Константина). Митрополитъ молеbstвовалъ.

15 сентября—*коронація Императора Александра I*. Торжественное служеніе и посѣтители въ покояхъ митрополита. Въ 1805 г., въ числѣ посѣтителей были офицеры проходившаго чрезъ Кіевъ гусарскаго полка, и при этомъ случилось одно обстоятельство, отмѣченное митрополитомъ. Гости „были потчованы чаемъ, потомъ водкою на двухъ столахъ. И была съ заѣдками на столѣ стерлядь поставлена розварная, что здѣсь рѣдкостію почтено; да и въ мое чрезъ годъ и 8-мѣсячное пребываніе въ Кіевѣ въ первый разъ живая стерлядь попалась, и нигдѣ до сего времени не видалъ въ Кіевѣ.“

30 сентября—*память Михаила, перваго митрополита Кіевскаго*. Праздникъ этотъ былъ поставленъ, какъ слѣдуетъ, самимъ митр. Серапіономъ. Въ первый годъ житія Серапіона въ Кіевѣ, въ сей день былъ у владыки намѣстникъ лаврскій съ докладами. „А о праздникѣ своемъ“,—замѣчаетъ митрополитъ, „и не говорилъ. На мой же вопросъ сказалъ, что они одни сами празднуютъ.“ Владыка, должно быть, сдѣлалъ замѣчаніе намѣстнику. По крайней мѣрѣ съ слѣд. года уже обозначается митрополичье служеніе и трапеза въ лаврѣ 30 сентября.

Вообще митр. Серапіонъ былъ неравнодушенъ къ славіи и памяти своихъ предшественниковъ. »20 авг. 1804 г. (отмѣчено въ дневникѣ) былъ ключарь съ докладомъ, чтобы дозволено было, по здѣшнему обычаю, отправить панихиду со звономъ по покойномъ митрополитѣ здѣшнемъ Самуилѣ. Что и позволилъ, похваливъ сей обычай и памятованіе своего архипастыря.« Была-ли трапеза, неизвѣстно.

14 октября—*рожденіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны* и обычное въ большой царскій день празднованіе.

8 ноября, ради праздника, владыка, „ѣздилъ въ каретѣ въ Михайловскій монастырь, гдѣ и встрѣчаемъ былъ братією во вратахъ, а епископомъ у церкви. Совершалъ литургію и принималъ участіе въ великой трапезѣ, на коей бывало до 50 человекъ.“

21 ноября. Причтъ подольской введенской церкви, какъ видно, ни разу не приглашалъ митрополита къ храмовому своему празднику. Бывалъ въ этотъ день праздникъ и митрополичье служеніе въ лаврѣ на ближнихъ пещерахъ.

Свое служеніе здѣсь въ 1805 г. Сераціонъ описываетъ такъ: »ввошедши въ церковь, пошли прямо прикладываться ко всѣмъ мощамъ; и обошедши чрезъ полчаса всѣ гробы преподобныхъ, въ церкви пещерной праздничной Введенія мантию надѣлъ и служилъ съ намѣстникомъ, да казначеемъ, да съ двумя іеромонахами (а лучше бы съ одною парюю служить, а то было для другой пары нѣсновато), по обыкновенію. Только протодіаконъ зѣло оскорбить дерзнулъ, самымъ тихимъ голосомъ служа, оказывая видъ нѣкоего негодованія чрезъ всю литургію. Великое потребно было терпѣніе видѣть и снести такой его поступокъ.«

24 ноября *тезоименитство в. кн. Екатерины Павловны*. Служеніе въ греческомъ монастырѣ.

30 ноября. Служеніе для праздника въ Андреевскомъ соборѣ, при чемъ митрополитъ отмѣчалъ, что онъ »и на лѣстницу андреевскую и съ лѣстницы шель съ великою трудностію.«

4 декабря, ради праздника св. Варвары, бывало митрополичье служеніе въ михайловскомъ монастырѣ. Вотъ описаніе одного изъ такихъ служеній. »По окончаніи часовъ, мощи около великой церкви были носимы при великой метелицѣ, снѣгѣ и пургѣ, такъ что едва могъ я прочесть евангеліе у вратъ послѣднихъ, и всѣ образа, евангеліе и крестъ были снѣгомъ покрыты, а въ ходу бывшіе тоже снѣгомъ были убѣлены отъ пурги. Возшли въ церковь съ мощами въ боковыя двери, по причинѣ той-же великой пурги, и конецъ совершили ходу съ многолѣтіемъ. Потомъ совершилъ я литургію, по обычаю, съ викаріемъ епископомъ и съ тремя архимандритами и пр. Проповѣдь говоритъ хозяинъ монастыря, епископъ викарій Приней, стоя у гроба великомученицы Варвары. Народу было довольно: во господь мало, а госпожъ довольно. И была графиня А. Р. Чернышева, желавшая, чтобы мощи чрезъ нее перенесены были; но пурга сему попрепятствовала. Обѣдалъ у хозяина-викарія епископа съ служащими архимандритами и пр. Всего человѣкъ до 30 было.« (1808. XII. 4).

6 декабря, въ *Николинъ день*, владыка служилъ литургію большею частію въ николаевской набережной церкви; а 9 декабря на дальнихъ пещерахъ, въ праздничной церкви зачатія св. Анны.

12 декабря, въ день рожденія императора Александра I, была совершаема торжественная литургія съ молебствіемъ; генералитетъ, по обычаю, заходилъ ко владыкѣ и былъ угощаемъ ради августѣйшаго новорожденнаго. Предъ праздникомъ Рождества Христова владыкѣ приходилось принимать отъ нищихъ просительныя письма о подачѣ милостыни, которыя, конечно, онъ удовлетворялъ по мѣрѣ возможности. Въ самый праздникъ благовѣсть къ утрени въ софійскомъ соборѣ начинался въ 2 часа, а самая утренняя, которую владыка слушалъ въ соборѣ, стоя на митрополичьемъ мѣстѣ, продолжалась почти до 6 часовъ. Въ это время къ владыкѣ пріѣзжалъ изъ лавры его духовникъ, у котораго онъ и исповѣдывался, а затѣмъ служилъ литургію въ соборѣ и принималъ у себя соборянъ и другихъ поздравителей. На второй день праздника было митрополичье служеніе и большой пріемъ въ лаврѣ; на третій день, т. е. 27 декабря, опять малый праздникъ въ лаврѣ архидіакону Стефану, „поколикъ перстъ его указательный хранится въ оной, принесенный въ 1717 г. изъ молдавскаго нѣмецкаго монастыря“ (1807. XII. 27).

А затѣмъ *„конецъ года и слава нашему Богу. Аминь“*.

Такъ жилъ да поживалъ Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, день за день, годъ за годъ, раздѣляя время между богослуженіемъ, резолюціями и трапезою. Житіе тихое, ровное, безпечальное, разъ навсегда установленное, хорошо обставленное! Но злая жизнь врѣзалась и тутъ и приносила свою злобу дня, свои перемѣны, иногда безразличныя, иногда очень тяжелыя и неприятыя. Отмѣтимъ, руководясь дневникомъ митр. Серапіона, наиболѣе выдающіяся перемѣны и впечатлѣвія въ его личной жизни.

Ф. А. Терновскій.

(Продолженіе будетъ).

Записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Ново-Сербію.

(Съ предисловіемъ и послѣловіемъ С. Е.)

Въ настоящемъ году исполнилось столѣтіе со времени присоединенія Крыма къ Россіи. Это событіе имѣло большое значеніе для русскаго государства, которое только съ присоединеніемъ Крыма могло считать себя единственнымъ и безспорнымъ хозяиномъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Новороссію. Исторія Новороссіи это исторія постепенной колонизаціи земель южной части Черноморскаго бассейна. Сто лѣтъ тому назадъ земли эти представляли собой необозримое степное пространство, орошенное широкими рѣками, мало населенное и бывшее постоянно спорнымъ пунктомъ для притязаній сосѣднихъ государствъ. Сѣверная часть его была занята „вольностями запорожскими“, южная часть— Крымскій полуостровъ и прилегающее къ нему побережье Чернаго моря—принадлежали крымскимъ татарамъ, а между крымскими и запорожскими владѣніями тянулись широкія степныя равнины, гдѣ кочевали различныя ногайскія орды. — „Запорожскими вольностями“ назывались земли „войска или товариства запорожскаго“, которое было одной изъ самостоятельныхъ вѣтвей русскаго козачества. Начало козачества относится еще къ XIV вѣку. Козаками называли себя тѣ выходцы изъ русскихъ областей, которые селились въ южныхъ степяхъ послѣ татарскихъ нашествій.

Татарскія нашествія, непосредственнымъ слѣдствіемъ которыхъ было раззореніе русскихъ земель, имѣли еще и другое болѣе важное значеніе для внутренней жизни этихъ земель. Татарскій погромъ служитъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начинается упадокъ федеративнаго строя и собраніе русскихъ земель около

2-хъ центровъ: на сѣверо-востокѣ слагается московское государство, на юго-западѣ литовско-русское, которое впоследствии соединяется въ одно цѣлое съ Польшею.

Боязнь татарскихъ набѣговъ и тѣ гнетущія условія жизни, которыя вырабатывались при новомъ строѣ обоихъ государствъ, заставляли жителей ихъ искать, гдѣ лучше, и цѣлыя толпы бѣглецовъ селились на берегахъ степныхъ рѣкъ. Изъ московскаго государства бѣжали на Донъ, на Волгу, на Янгъ (Ураль); изъ польско-литовскаго на Днѣпръ.

Вольная, но полная опасностей жизнь требовала постоянно держаться на сторожѣ отъ сосѣдей — враговъ, сначала татаръ, а потомъ татаръ и турокъ, которые обнаруживали постоянныя притязанія на эти земли.

На Днѣпрѣ за порогами сложилась самостоятельная козацкая община, выступающая на историческую сцену около половины XVI вѣка. Эта община служила въ теченіи вѣковъ вѣрнымъ оплотомъ сначала польской, а потомъ польской и русской Украины отъ южныхъ сосѣдей. Запорожскіе казаки не могли ограничиваться оборонительной войной противъ татаръ; чувство мести, жажда подвига вызывали войну наступательную. За набѣгъ они платили набѣгомъ, за разореніе разореніемъ. Они не рѣдко спускались по Днѣпру на своихъ „чайкахъ“ въ море, нападали на турецкіе города и освобождали христіанскихъ невольниковъ.

Запорожская община, бывшая свободнымъ отпрыскомъ украинскаго народа, воплощала въ своей внутренней жизни его идеалы и стремленія. Значеніе ея особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ въ польской Украинѣ начались козацкія возстанія, вызванныя гнетущими политическими, экономическими и религіозными условіями жизни. Въ эпоху козацкихъ возстаній 1582—1638 г. (отъ Косинскаго до Гуни и Острианицы) Запорожье становится центромъ движенія и вѣрнымъ убѣжищемъ всѣхъ, кто бѣжалъ сюда изъ Украины.

Въ это время Запорожскія владѣнія расширяются и заселяются на большомъ пространствѣ.

Послѣ временнаго тяжелаго катишья въ покоренной Украинѣ, Запорожье во время войнъ Богдана Хмельницкаго, кончившихся присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи 1654 г., является самосто-

ательнымъ союзникомъ остальнаго малорусскаго козачества и оказываетъ ему большія услуги. Наступила затѣмъ смутная пора для Украйны, когда эта измученная страна, стѣсненная 3-мя грозными сосѣдними государствами—Россіей, Турціей и Польшей, отчаявшись въ возможности самостоятельнаго существованія, колебалась въ выборѣ подданства; эта смутная пора отразилась и въ жизни Запорожья; мы видимъ, что оно, какъ независимая единица, ведетъ сношенія то съ Польшей, то съ Турціей, то съ Россіей. Подобно всей Украйнѣ, Запорожье пришло къ тому-же роковому исходу, хотя нѣсколько позже: оно подчинилось Россіи въ 1734 г. Русское государство было заинтересовано въ запорожскомъ войскѣ, въ которомъ оно видѣло незамѣнимый оплотъ противъ турецкаго сосѣдства, и потому, считаясь подданными Россіи, запорожцы долго сохраняли независимость въ внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній. Но съ постепеннымъ расширеніемъ границъ и съ развитіемъ централизаціи огромнаго государства, которое чувствовало себя все болѣе крѣпкимъ,—свободный строй запорожской общины все больше звучалъ диссонансомъ.

Въ XVIII вѣкѣ русское правительство усиливаетъ колонизаціонную дѣятельность въ южныхъ предѣлахъ государства и устраиваетъ рядъ сербскихъ и русскихъ слободскихъ поселеній. Изъ колоній выселившихся въ Россію сербовъ оно образуетъ ново-сербскія поселенія или Новую Сербію, для защиты которыхъ, близъ южной границы ихъ, возведена крѣпость св. Елизаветы, теперешній Елисаветградъ, находившаяся подъ управленіемъ особаго командира.

Эти новыя поселенія примыкали непосредственно къ запорожскимъ землямъ и между сосѣдями происходили постоянныя порубежныя пререканія.

„Запорожскія вольности“ въ это время образовали какъ-бы военное государство, столицей которою была Сѣчь—мѣстопробываніе запорожскаго товариства. Она находилась въ этотъ періодъ Запорожья при р. Подпольной. притокѣ Днѣпра.

Запорожское товариство—было военной общиной, члены которой, посвятивъ всю жизнь свою борьбѣ съ врагами, отказывались отъ семьи и хранили обѣтъ безбрачія.

Вступленіе въ запорожскую общину было свободнос: вступалъ, кто хотѣлъ; отъ новаго товарища требовались лишь два условія: 1) чтобъ онъ былъ безъ семейный и 2) православный. Только члены запорожскаго товариства, пребывавшіе въ Сѣчи, могли быть избираемы въ должностныя лица на общей радѣ или вѣчѣ, ежегодно собиравшемся въ Сѣчи. Всѣ земли запорожскія дѣлились на нѣсколько военныхъ округовъ, которыхъ въ описываемый періодъ было 5; они назывались паланками и имѣли наблюдательныя посты для охраны границъ. Все населеніе „Вольностей Запорожскихъ“, не принадлежавшее къ товариству, но образовавшееся тоже изъ вольныхъ поселенцевъ, осѣдлое и домовитое, носило названіе подданства войска запорожскаго и управлялось выборными громадскими атаманами. „Запорожскія Вольности“ занимали въ этотъ періодъ то обширное пространство земель, которое составляетъ теперь губерніи екатеринославскую и херсонскую за исключеніемъ уѣздовъ одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго. Границы ихъ были—на сѣверо-западъ: ново-сербскія, слободскія поселенія (по р. Синюхѣ, затѣмъ по ея притоку Черному Ташлыку граница шла нѣсколько на юго-востокъ къ Ингулу, оттуда снова подымалась къ сѣверовостоку къ верхней Самоткани, впадающей въ Днѣпръ), на сѣверовостокъ были земли слободскихъ полковъ (отъ Переволочной до Бахмута по Орели и Сѣв. Донцу), затѣмъ на востокъ, вдоль лѣваго берега р. Кальміуса, по направленію теченія его до Азовскаго моря, земли донскихъ казаковъ, на югѣ отъ устья Берды до устья Ковскихъ водъ въ Днѣпръ—земли джамбуйлуцкой ногайской орды, на юго-западъ, отъ впаденія Буга въ днѣпровскій лиманъ, по р. Бугу до бугскаго запорожскаго *гарда* или оборонительнаго поста—земли едисанской ногайской орды, а отъ гарда до р. Синюхи и отсюда по всей западной украинской границѣ—воеводства польскія ¹⁾.

Кромѣ пограничныхъ съ запорожскими владѣніями земель джамбуйлуцкой (въ сѣверной части нынѣшней таврической губерніи) и едисанской (въ южномъ уѣздѣ нынѣшней херсонской губерніи), еще были двѣ значительныя ногайскія орды, кочевавшія: одна въ кубанскихъ степяхъ, другая—въ нынѣшней Бессарабіи. Всѣ эти

¹⁾ Исторія «Новой Сѣчи». Скальковскаго.

4 большія орды распадались на меньшія. Ногайскія орды были остатками когда-то могущественнаго золотоордынскаго ханства. После распаденія золотой орды онѣ избрали мѣстомъ кочевій южныя степи и признали надъ собой власть крымскихъ хановъ.

Не съ одними татарами вели пререканія запорожцы за нарушеніе границъ. Постоянныя порубежныя споры возникали у нихъ и на сѣверо-западной границѣ съ новосербскими поселенцами. Запорожцы постоянно жаловались русскому правительству на неправильный захватъ земель, искони имъ принадлежащихъ, а теперь отнимаемыхъ русскими поселенцами. Русское правительство требовало отъ запорожцевъ письменныхъ документовъ на право владѣнія этими землями и запорожцы посылали въ сенатъ грамоты, выданныя имъ польскими королями и русскими государями. Сенатъ оставлялъ грамоты у себя, а взамѣлъ выдавалъ имъ копіи; ссылаясь опять на документальныя доказательства, имъ отвѣчали, что копіи—не доказательства, а подлинныхъ документовъ въ сенатѣ не имѣется¹⁾. Запорожцамъ все труднѣе было отстаивать неприкосновенность своихъ границъ отъ притязаній той русской колонизаціи, которая съ каждымъ днемъ все ближе и ближе стягивалась вокругъ „Запорожскихъ Вольностей“, пока наконецъ въ 1775-мъ г. „запорожская Сѣчь“ была уничтожена и запорожская община навсегда прекратила свое независимое существованіе. Но еще до этого печальнаго конца запорожцамъ пришлось играть видную роль въ войнахъ Россіи съ Турціей, ознаменовавшихъ собой царствованія Екатерины II-й, и только когда минула опасность со стороны этого исконнаго врага, призвано было возможнымъ уничтожить исконнаго защитника.

Все эти предварительныя замѣчанія мнѣ казались необходимыми для того, чтобы окинуть хоть бѣглымъ взглядомъ ту территорию, которой суждено было цѣлые вѣка подвергаться опустошеніямъ и набѣгамъ, быть свидѣтельницей долгой кровавой борьбы, территорию, на степяхъ которой, политыхъ кровью, изъ смѣси различныхъ элементовъ сложилась своеобразная жизнь.

Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы рассказанъ въ „Mémoires du baron de Tott“ и относится къ русско-турецкой войнѣ 1769 г.

¹⁾ Нахичевъ «Память о Запорожьѣ».

Описывая въ качествѣ очевидца, шагъ за шагомъ, походъ Крымъ-Гирея, указывая мѣстности, которыя проходило войско и гдѣ оно останавливалось, бар. Тоттъ тѣмъ самымъ косвенно даетъ свѣдѣнія о границахъ и размѣрѣ колонизаціи въ запорожскихъ земляхъ въ то время.

Во 2-й половинѣ XVIII-го в. политическія событія спутались въ такую драматическую коллизію, которая окончилась гибелью одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой исторической драмы—именно распаденіемъ Польши. Терзаемая внутренними раздорами, эта страна тщетно искала спасительнаго исхода, и хваталась за всевозможныя средства, чтобы найти союзниковъ въ своей послѣдней борьбѣ. Члены барской конфедераціи, пытаясь отстоять самостоятельное существованіе польскаго государства, и лично, и посредствомъ эмиссаровъ вели агитацію въ пользу своего дѣла, и имъ удалось обезпечить себѣ помощь со стороны Франціи и Турціи противъ притязаній Россіи, которая довела свое вмѣшательство въ дѣла Польши до крайней степени.

Турція въ это время владѣла не только землями на Балканскомъ полуостровѣ, но и землями крымскихъ и ногайскихъ татаръ, считавшихся ея подданными, съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ II, вмѣшавшись въ борьбу крымцевъ съ генуэзцами, водворившими было свое господство въ Крыму, изгналъ послѣднихъ и освободилъ изъ плѣна хана Менгли-Гирея, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому все татарскія владѣнія были признаны подвластными Турціи. Все считавшіеся потомками Чингисъ-хана были облечены достоинствомъ турецкихъ вассаловъ и получили въ ленное владѣніе земли Румелии. Татарскій ханъ постоянно выбирался изъ этой фамиліи и утверждался на престолѣ согласіемъ султана. Изъ потомковъ Чингисъ-хана-же, а также изъ 5 древнѣйшихъ знатныхъ родовъ выбирались все представители высшей татарской администраціи. Главными должностными лицами у татаръ были: „калга“, обязанности котораго заключались въ томъ, что онъ командовалъ всею арміею, если ханъ не могъ участвовать въ походѣ, занималъ ханскій престолъ съ титуломъ каймакана во время отсутствія хана или по смерти одного до выбора другаго и, вообще, былъ вторымъ послѣ хана лицомъ въ государствѣ; другая должность—„нурадина“ состояла въ томъ, что онъ былъ ближайшимъ помощникомъ хана,

но съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ калга; третьимъ важнымъ лицомъ былъ „ордой“, подъ вѣдомствомъ котораго находилась перекопская крѣпость, съ ея округомъ, т. е. ключъ къ Крыму. Ханъ и нурадинъ жили въ Бахчисараѣ, калга въ Ахмечети, ордой въ Перекопѣ. Ногайскія орды во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялись своими мирзами, администрація-же турецко-татарская надъ ними имѣла своего представителя въ лицѣ сераскира-пави для каждой изъ ногайскихъ ордъ.

Громадная и нѣкогда грозная Турція пережила дни своей славы: въ ней уже начиналось то внутреннее разложеніе, которое является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ деспотическаго строя и связанной съ нимъ деморализаціи народа.

Таковы были два противника Россіи во второй половинѣ XVIII-го в. Польша и Турція. Третій союзникъ ихъ Франція была болѣе далекой и менѣе активной: она дѣйствовала больше путемъ дипломатіи и помогала польскимъ конфедератамъ совѣтами и деньгами. Во Франціи это было время Людовика XV-го и герцога Шуазеля.

Поводомъ къ началу русско-турецкой войны 1769—1774 г. послужило слѣдующее обстоятельство. На границѣ турецкихъ владѣній и Польши, по обоимъ берегамъ р. Кодымы, лежало мѣстечко Балта, одна часть котораго Юзефградъ считалась польской, а другая собственно, Балта, турецкой. Осенью 1768 г. русскія войска, увлеченныя преслѣдованіемъ польскихъ конфедератовъ, нарушили границу, разоривши за-одно съ польской и турецкую часть Балты. Турція объявила это нарушеніемъ мирныхъ отношеній, русскій резидентъ Обрѣзковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ и война началась.

Крымъ со своими владѣніями и Запорожье были одинаково интересны для обѣихъ воюющихъ сторонъ, которыя и дѣлали попытки склонить эти земли къ союзу. Такъ, Крымъ-Гирей, провозглашенный ханомъ въ 1768-мъ г., спѣшилъ войти въ сношенія съ Запорожьемъ и въ октябрѣ того-же года посылаетъ Кошевому грамоту съ предложеніемъ возвратитъ запорожцамъ кушцовъ и чумаковъ, захваченныхъ раньше въ плѣнъ татарами, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Запорожье съ своей стороны возвратило плѣнныхъ; при этомъ ханъ увѣряетъ запорожское войско въ своемъ благосклонномъ расположеніи. Запорожцы приняли ханское предложеніе и покончивши

свою сдѣлку съ Крымъ-Гиреемъ, написали объ этомъ кievскому генераль-губернатору Воейкову, который послалъ донесеніе въ Петербургъ. Не смотря на то, что такая независимость сношеній со стороны запорожцевъ не могла быть по сердцу русскому правительству, оно не сочло возможнымъ дѣлать выговоръ запорожскому войску и послало въ Сѣчь милостивую грамоту, въ которой выражало похвалу запорожцамъ и увѣренность въ преданности ихъ русскому государству.

Съ своей стороны Россія пыталась отвлечь крымскихъ татаръ отъ Турціи, представляя имъ въ перспективѣ—независимость крымскаго ханства. Письмо Екатерины къ гр. Панину, писанное уже 16-го октября 1769 г. развиваетъ этотъ планъ. „Письмо въ Крымъ удобнѣе всего отправить черезъ татарскихъ плѣнниковъ“, писала Екатерина. „Ежели крымскіе начальники къ вамъ не отзовутся, въ такомъ случаѣ остается возбудить сообща въ татарахъ вниманіе черезъ разсѣяніе копій съ письма по разнымъ мѣстамъ, чѣмъ по малой мѣрѣ развратъ въ татарахъ отъ разномыслія произойти можетъ“. Очевидно, объ стороны, дѣйствуя въ личныхъ интересахъ, не жалѣли радужныхъ красокъ для своихъ обѣщаній.

Когда объявлена была война Россія, турецкій султанъ низложилъ хана Максудъ-Гирея и возвелъ на крымскій престолъ Крымъ-Гирея, знаменитаго хана, имя котораго живетъ въ татарскихъ легендахъ. Крымъ-Гирей, собравши въ 1758 г. ногайскія орды подъ своимъ предводительствомъ, съ ихъ помощью достигъ престола и заставилъ султана признать совершившійся фактъ. Но впоследствии, воспользовавшись однимъ неудачнымъ его походомъ, султанъ свергнулъ его съ престола и Крымъ-Гирей содержался въ заключеніи, пока предстоящая война не напомнила о немъ. Благодаря своей громкой военной славѣ и разрушительнымъ талантамъ, Крымъ-Гирей былъ возстановленъ на престолѣ ханскомъ, и ему было поручено, не теряя времени, вторгнуться въ южныя области Россіи и разорить ихъ до тла внезапнымъ и быстрымъ набѣгомъ.

Баронъ-де-Тоттъ, бывшій въ это время французскимъ резидентомъ при крымскомъ дворѣ, описалъ въ своихъ „Mémoires sur les Turcs et les Tartares“ это событіе; находясь неотлучно при ханѣ онъ былъ участникомъ похода и свидѣтелемъ всѣхъ его подробностей. Такъ какъ рассказъ о набѣгѣ этомъ, охватившемъ

собой часть нынѣшняго новороссійскаго вѣра, можетъ служить иллюстраціей тѣхъ отношеній, которыя вѣрами сложились между враждебными сосѣдами, и свехъ того „мемуары“ барона Тотта не переведены на русскій языкъ, то я считаю умѣстнымъ предложить здѣсь переводъ той части этихъ мемуаровъ, которая заключаетъ въ себѣ рассказъ о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., объ этомъ по словамъ Соловьева, „послѣднемъ татарскомъ нашествіи“, — рассказъ, не лишенный нѣкоторыхъ интересныхъ историческихъ и бытовыхъ данныхъ.

Баронъ де-Тоттъ былъ родомъ изъ Венгріи. Отецъ его былъ въ числѣ эмигрантовъ, которые покинувъ Венгрію съ кн. Ракоци, нашли пріютъ въ турецкомъ г. Родосто, назначенномъ для ихъ мѣстопробыванія султаномъ. Баронъ Тоттъ—отецъ въ 1717 г. поступилъ во французскую службу, обязанности которой доставляли ему частые случаи видѣться съ своими соотечественниками, среди которыхъ онъ и умеръ въ 1757-мъ году въ г. Родосто. Баронъ Тоттъ, авторъ мемуаровъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о своей дѣятельности до 1755 г., когда онъ былъ отправленъ французскимъ правительствомъ, вмѣстѣ съ консуломъ г. де-Верженемъ, въ Константинополь для изученія турецкаго языка и знакомства со страной. Пробывши въ Турціи до 1763 г., баронъ Тоттъ возвратился во Францію, ища себѣ болѣе активной дѣятельности. Онъ надѣялся получить назначеніе при посольствѣ гдѣ-нибудь въ Германіи, но, по собственнымъ его словамъ, „иностранное происхожденіе, отсутствіе протекціи и 8 лѣтъ проведенныхъ въ Константинополѣ не обѣщали ему большого успѣха въ Версали, при смѣнившемся министерствѣ, во главѣ котораго стоялъ Шуазель. Баронъ де-Тоттъ, благодаря своему знанію турецкаго языка и обычаевъ, былъ назначенъ резидентомъ при дворѣ крымскаго хана и въ 1767-мъ году снова выѣхалъ изъ Франціи. Онъ пробылъ въ Крыму почти 3 года, участвовалъ въ упомянутомъ выше нашествіи Крымъ-Гирея и по смерти послѣдняго въ 1769-мъ году отправился въ Константинополь. Тамъ онъ пережилъ всѣ перипетіи русско-турецкой войны и затѣмъ, считая себя достаточно знакомымъ съ нравами и общественнымъ строемъ турецкой жизни въ ея столицѣ, отправился на востокъ для знакомства съ болѣе отдаленными провинціями оттоманской имперіи. Онъ посѣтилъ сѣв. Африку, Еги-

петь, острова Архипелага, Малую Азію, Сирію и Аравію и затѣмъ возвратившись во Францію, издалъ въ 1785-мъ году свои мемуары. Они состоятъ изъ 4-хъ частей. Первая содержитъ разсказъ о первомъ пребываніи барона Тотта въ Турціи; вторая—заключаетъ въ себѣ путешествіе барона въ Крымъ, наблюденія его надъ жизнью татаръ и разсказъ о походѣ на русскія области; 3-я—вторичное пребываніе въ Турціи и 4—поѣздку на востокъ.

Личность автора тѣсно связана съ его трудомъ: все, что онъ описываетъ, онъ самъ видѣлъ, пережилъ и передаетъ свои впечатлѣнія читателю. „Мемуары“ поэтому довольно хорошо знакомятъ насъ съ личностью ихъ автора. Онъ былъ человѣкъ, очевидно, образованный, наблюдательный и склонный къ философскимъ обобщеніямъ явленій природы и жизни человѣческой, хотя иногда и поверхностнымъ. Ловкій придворный, веселый, остроумный собесѣдникъ и безвредный политикъ, баронъ де-Тоттъ умѣлъ быть пріятнымъ и жить въ полномъ ладу со всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Всегда находчивый въ разныхъ житейскихъ случайностяхъ, онъ нерѣдко оказывалъ другимъ услуги, значеніе которыхъ самъ сознаетъ и очень часто не прочь преувеличить.

Баронъ де-Тоттъ съ симпатіей относится къ татарамъ и не смотря на многіе недостатки ихъ, находитъ и много здоровыхъ задатковъ въ ихъ общественномъ организмѣ. Это симпатичное отношеніе къ татарамъ выступаетъ особенно ясно при сравненіи ихъ съ турками, къ которымъ онъ относится крайне критически. Въ предисловіи къ своимъ мемуарамъ баронъ Тоттъ высказываетъ мнѣніе, что нравы и общественный строй складываются не только подъ дѣйствіемъ тѣхъ или другихъ условій природы на человѣка, но и подъ вліяніемъ чисто индивидуальныхъ особенностей, присущихъ каждому народу и указываетъ на тотъ фактъ, что одноплеменные народы, поселившись въ разныхъ мѣстностяхъ, раздѣленные другъ отъ друга громадными разстояніями, сохраняютъ и въ новыхъ условіяхъ жизни свои типическія черты. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ находитъ въ общественномъ строѣ турецкаго государства неизлѣчимые недостатки, причины которыхъ коренятся въ нравахъ и обычаяхъ турокъ и развитію которыхъ съ своей стороны способствуетъ необузданный деспотизмъ.

Согласно заглавію своему „Мемуары“ и повѣствуютъ исключительно о жизни турокъ и татаръ; тѣ свѣдѣнія, которыя баронъ Тоттъ сообщаетъ о положеніи юга Россіи въ то время, являются случайными и скудными; они имѣютъ цѣну главнымъ образомъ потому, что русская литература очень небогата данными о нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ, а мемуары барона Тотта хотя отчасти способствуютъ пополненію этого пробѣла.

Балтское дѣло побудило султана развернуть знамя Магомета: русскій резидентъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, а возстановленный на тронѣ татарскій ханъ Крымъ-Гирей позванъ въ Константинополь, чтобы тамъ совместно съ его высочествомъ обсудить первыя военныя мѣры. Эти новости получены были въ Бахчисараѣ одновременно съ отрѣшеніемъ отъ престола Максудъ-Гирея. Тотъ-же посланный привезъ распоряженія новаго хана объ утвержденіи въ должности Каймакана и о назначеніи общаго торжественнаго собранія въ Каушаняхъ въ Бессарабіи. Я поторопился отправиться туда и намѣревался выѣхать къ Дунаю на встрѣчу Крымъ-Гирею; но въ это время новый посланный хана передалъ мнѣ отъ его имени, что ханъ избавлялъ меня отъ этой формальности, ограничивая мое участіе въ церемоніалѣ обязанностью сопровождать его при въѣздѣ въ городъ. Къ этому присоединялось увѣреніе въ благосклонности и предложеніе позаботиться объ ужинѣ въ день его пріѣзда.

Начало показалось мнѣ очень любезнымъ, но ужинъ меня обезпокоилъ и я постарался получить на этотъ счетъ нѣкоторыя разъясненія отъ посланца, что оказалось не трудно. Это было довѣренное лицо. „Нашъ господинъ любитъ рыбу“, сказалъ онъ мнѣ; „онъ знаетъ, что вамъ поваръ приготовляетъ ее хорошо; тогда какъ его повара приправляютъ соусъ одной водой“. Съ меня было достаточно, чтобы знать вкусъ хана, и я распорядился, чтобы лучшая рыба изъ Днѣстра была приготовлена въ превосходномъ винѣ.

Ханъ долженъ былъ выѣхать въ городъ на другой день. Я выѣхалъ верхомъ на встрѣчу за два мѣ отъ города. Его сопровождала

многочисленная свита и приёмъ, который онъ мнѣ оказалъ, соотвѣтствовали вполнѣ предъидущимъ знакамъ благосклонности.

Крымъ-Гирею было около 60 лѣтъ; онъ отличался представительнымъ ростомъ, благородной осанкой, непринужденными манерами, величественной фигурой, живымъ взглядомъ и способностью принимать по желанію видъ кроткой доброты или внушительной строгости. По случаю войны за нимъ слѣдовало очень значительное число членовъ султанской (ханской) семьи, изъ которыхъ 7 были его сыновья. Мое вниманіе обратили особенно на втораго изъ нихъ, юное мужество котораго горѣло желаніемъ отличиться. Постояннымъ упражненіемъ своихъ силъ онъ достигъ того, что безъ труда могъ натягивать два лука одновременно; онъ занимался этимъ искусствомъ съ дѣтства. Когда ему едва минуло девять лѣтъ, отецъ, желая уколоть его самолюбіе, сказалъ какъ-то съ презрительнымъ видомъ мальчику, что прялка больше соотвѣтствовала бы такому трусу. „Я трусь?“ отвѣчалъ мальчикъ, блѣднѣя; „я никого не боюсь, даже васъ“, и съ этими словами онъ спустилъ стрѣлу, которая, къ счастью, попала въ панель, войдя вглубь на два пальца. Если подобная вспыльчивость соединяется съ обычной кротостью и высокимъ сыновнимъ уваженіемъ, то конечно эту вспышку нельзя приписать ни чему иному, какъ чрезмѣрной щекотливости чувства чести.

Все, что необходимо было для вѣзда и водворенія хана, ожидало его у воротъ города; онъ остановился здѣсь на минуту, чтобы одѣться въ палаткѣ, нарочно раскинутой для того. Въ шляпѣ, украшенной двумя плюмажами, усѣянными алмазами, съ лукомъ и колчаномъ черезъ плечо, предшествуемый гвардіей и многими лошадьми, которыхъ холки были украшены плюмажами, сопутствуемый знаменемъ пророка и всѣмъ своимъ дворомъ, ханъ вѣхалъ въ городъ и направился во дворецъ; тамъ, въ залѣ Дивана, сидя на тронѣ, онъ принималъ знаки покорности отъ всѣхъ вельможъ.

Эта церемонія длилась до ужина, заказаннаго мною и поданнаго моимъ поваромъ. Повара хана, предупрежденные объ этой конкуренціи, приложили все свое стараніе; но оно не могло бороться съ винными соусами. Десертъ имѣлъ не меньшій успѣхъ и благодаря превосходству

французской кухни, я получилъ преимущество поставлять хану ежедневно 12 блюдъ къ каждому его столу.

Крымъ-Гирей имѣлъ слабость не только къ хорошему столу: всѣ удовольствія пользовались у него правомъ гражданства. Значительный оркестръ, труппа комедіантовъ и гаеровъ состояла у него на жалованьи; эти разнообразныя удовольствія наполняли его вечера; среди нихъ онъ отдыхалъ отъ политическихъ дѣлъ и военныхъ приготовленій, которыми былъ занятъ въ теченіи дня.

Дѣятельная натура хана посѣвала всюду; она дѣлала его такимъ-же требовательнымъ относительно другихъ, и я смѣю сказать, что онъ, казалось, былъ доволенъ мною. Я пользовался его довѣріемъ, принималъ участіе въ его удовольствіяхъ; особенно занимала меня интересная и разнообразная картина, какую представлялъ изъ себя дворъ.

Каушаны стали центромъ Татаріи: отсюда исходили всѣ распоряженія, сюда стекались со всѣхъ сторонъ; толпа придворныхъ увеличивалась съ каждымъ днемъ; новые министры, которыхъ я знавалъ въ Крыму, замѣтивъ особую благосклонность хана ко мнѣ, избрали меня ходатаемъ объ одной милости, которой они не рѣшались просить у него. Опытъ его перваго царствованія показалъ имъ, какъ необходимо было удержать первое проявленіе жестокости: сначала оно было противно натурѣ хана, но послѣ перваго шага можно было опасаться, что онъ уже не остановится. Несчастный татаринъ, уличенный въ нарушеніи нѣкоторыхъ слишкомъ строгихъ правилъ, былъ приговоренъ ханомъ къ смерти. Его готовились вести на казнь въ тотъ моментъ, когда я прибылъ во дворецъ. Нѣсколько султановъ окружили меня, объяснили, въ чемъ дѣло, и просили предохранить татарскій народъ отъ послѣдствій этого факта. Я вошелъ къ Крымъ-Гирею; онъ былъ еще взволнованъ тѣмъ усиліемъ надъ самимъ собой, котораго стоилъ произнесенный имъ приговоръ. Я приблизился къ нему и наклонившись, чтобы поцѣловать его руку, чего я никогда не дѣлалъ раньше, удержалъ ее въ своей рукѣ, несмотря на движеніе, которымъ онъ хотѣлъ освободиться.

— Чего вы хотите?—спросилъ онъ меня съ нѣкоторой строгостью.

— Милости виновному,—отвѣчалъ я.

— Какое участіе, возразилъ онъ, можете вы принимать въ этомъ несчастномъ?

— Никакого, сказалъ я; человѣкъ, который васъ послушался, не можетъ возбуждать моего участія: о васъ одномъ забочусь я теперь. Ставши слишкомъ строгимъ на одинъ моментъ, вы могли-бы сдѣлаться вкорѣ жестокимъ; а вамъ незачѣмъ переставать быть добрымъ, чтобы внушать постоянно и страхъ, и уваженіе.

Онъ улыбнулся, далъ мнѣ поцѣловать свою руку и объявилъ отъ его имени оказанную мнѣ милость.

Радость, возбужденная этимъ извѣстіемъ, была поддержана новой турецкой комедіей, довольно шуточного рода. Крымъ-Гирей во время представленія предлагалъ мнѣ много вопросовъ на счетъ комедіи Мольера, о которомъ онъ много слышалъ: все, что я рассказалъ, о благопристойности, соблюдаемой на нашихъ сценахъ, внушило ему отвращеніе къ шутовскимъ выходкамъ, къ которымъ прибѣгаютъ еще турки. Онъ почувствовалъ преимущество Тартюффа предъ Пурсоньякомъ, но не могъ никакъ допустить, чтобы общество, гдѣ законы твердо и неизмѣнно опредѣлили положеніе разныхъ сословій, могло дать сюжетъ *Bourgeois-Gentilhomme*. Я предпочелъ оставить его въ увѣренности, что Мольеръ не правъ, чѣмъ оправдывать поэта, представляя картину нашей общественной безурядицы. „Но если никто, сказалъ ханъ, не можетъ обмануть другаго насчетъ своего происхожденія, то легко обморочить насчетъ характера. Всѣ страны имѣютъ своихъ тартюффовъ, есть они и среди татаръ, и я-бы очень желалъ, чтобы вы мнѣ доставили переводъ этой нъесы“.

Въ то время, когда наше воображеніе было занято такими мирными проектами, посланный отъ польскихъ конфедератовъ прибылъ въ Каушаны, чтобы расчитать съ ханомъ открытіе кампаніи. Ханъ обѣщаль султану начать съ набѣга на Новую Сербію, отъ котораго могла пострадать и польская Украина; это обстоятельство требовало нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ, для которыхъ полномочія польскаго посланника оказались недостаточными. Между тѣмъ время не терпѣло и Крымъ-Гирей пожелалъ, чтобы я отправился къ Хотину, чтобы заключить переговоры съ шефами конфедераціи, которые тамъ

пріютились. Но какъ ни лестно было для меня довѣріе хана, я не считалъ возможнымъ принять это порученіе на себя одного. Мнѣ тотчасъ назначенъ былъ колега-татаринъ, облеченный какъ и я, всеми полномочіями. Наше посольство требовало больше быстроты, чѣмъ пышности, и на другой день мы ночевали въ Молдавіи. Здѣсь войнѣ предшествовала картина полного разоренія; оно было слѣдствіемъ единственно ужаса, внушеннаго жителямъ вторженіемъ нѣсколькихъ войскъ. Опустѣніе деревень и прекращеніе всякихъ занятій не обѣщали, безъ сомнѣнія, турецкой арміи того изобилія съѣстныхъ припасовъ, которое она, естественно, надѣялась имѣть по близости Дуная; но эти размышленія, которыми я занималъ своего спутника, интересовали его безконечно меньше, чѣмъ настоящіе недостатки, которые намъ предстояло перенести до пріѣзда въ Данковчу. Графы Красинскій и Потоцкій встрѣтили тамъ насъ со всею уваженіемъ, какого заслуживалъ государь, представителями котораго являлись мы; но что больше всего нравилось татарскому посланнику—это хорошее токайское вино, которымъ его угостили. Я привезъ его въ своей каретѣ; но высокое сидѣніе казалось ему неудобнымъ и онъ пожелалъ возвращаться въ турецкой повозкѣ, гдѣ онъ могъ улечься, какъ можно удобнѣе. Я поспѣшилъ удовлетворить желаніе этого человѣка, котораго и преклонныя лѣта и обходительный характеръ были равно интересны. На другой повозкѣ были наши пожитки и нѣсколько слугъ. Мы пустились въ обратный путь по дорогѣ, которую намъ рекомендовали, какъ лучшую, хотя и нѣсколько болѣе длинную. Послѣ обильно выпавшаго снѣга наступилъ холодъ довольно чувствительный: нужно было воспользоваться этимъ, чтобы переѣхать Прутъ въ бродъ раньше, чѣмъ наступитъ калѣйшая оттепель, а вмѣстѣ съ нею и прибыль воды. Сопутствуемые проводникомъ мы достигли берега этой рѣки, по теченію которой быстро неслись льдины. Не зная глубины рѣки, я боялся силы ея теченія, но проводникъ разувѣрилъ меня и моя карета открыла шествіе. Она была запряжена 6 хорошими лошадьми и достаточно тяжеловѣсна, чтобы устоять противъ теченія; дѣйствительно, она очень счастливо достигла другаго берега. Я поспѣшилъ выйти изъ нея, чтобы видѣть переправу двухъ повозокъ, легковѣсность которыхъ меня очень безпокоила. Едва

успѣли онѣ проѣхать треть рѣки, какъ вода стала ихъ подымать. Я закричалъ, чтобы ихъ остановили, но ямщики, не слушая меня, понукаютъ лошадей, оба экипажа опрокидываются и тотчасъ-же рѣка уноситъ, въ перемежку съ льдинами, всѣ остатки этого кораблекрушенія. Я бѣгу къ своему ямщику, чтобы приказать ему отпрячь лошадей и вести ихъ на помощь татарскому посланнику и моимъ слугамъ, и нахожу его на землѣ, почти замерзшимъ; я тащу его къ ближайшему рву и оставляю тамъ, зарытого въ снѣгъ. Мой проводникъ тѣмъ временемъ направился по теченію рѣки къ мельницѣ, гдѣ криками своими привлекъ вниманіе мельниковъ. Я прибылъ туда-же и засталъ уже за дѣломъ: они вытаскивали баграми тѣхъ, кто очутился подъ водой. Но я напрасно искалъ моего стараго колегу и предавался чувству самой горестной безнадежности насчетъ его судьбы, какъ вдругъ услышалъ его голосъ, просящій меня успокоиться и увидѣлъ среди льдинъ одну его голову, выглядывающую изъ дверцы экипажа, самъ онъ опирался только на льдины, откуда малѣйшимъ усиліемъ его могло увлечь. Наконецъ я былъ такъ счастливъ, что могъ оказать ему помощь и собрать всѣхъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; мнѣ нужно было еще предохранить ихъ отъ опасности замерзнуть. Въ самомъ дѣлѣ морозъ такъ охватилъ ихъ платье, что ихъ невозможно было раздѣть до тѣхъ поръ, пока они не оттаяли у разведеннаго очага. Когда я удостовѣрился, что они могутъ уже обойтись помощью однихъ мельниковъ, я побѣждалъ съ проводникомъ за своимъ ямщикомъ: снѣгъ вылечилъ его. Мы застали его старающимся выбраться изъ ямы, куда я его стащилъ. На мельницѣ у очага онъ совсѣмъ пришелъ въ себя; войдя туда, я былъ приятно пораженъ при видѣ всего своего экипажа, спасеннаго изъ воды. Я постарался оказать имъ всякую помощь, которая еще была необходима, и скоро мнѣ оставалось только умиляться чувствительности своего колеги, который, забывши опасность, какой онъ едва избѣжалъ, говорилъ только о моемъ безпокойствѣ. Необходимо было время, чтобы высушить платье, исправить возки, запастись провизіей, а потому мы могли выѣхать только на другой день. До сихъ поръ я не могъ похвалиться своимъ новымъ путешествіемъ и дурныя дороги, по которымъ намъ приходилось ѣхать, сдѣлали-бы его для меня окончательно невы-

носимымъ, если-бы не надежда добраться скоро до Botouchar. Этотъ городъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Молдавіи, мнѣ рекомендовали, какъ обѣтованную землю, гдѣ я могу сдѣлать дорожные запасы на весь остальной путь. Было еще свѣтло, когда мы приѣхали туда: но мы нашли его совершенно опустѣлымъ, отворенные-же дома дали намъ возможность войти въ одинъ изъ нихъ, который былъ лучше съ виду и принадлежалъ, по словамъ моего проводника, боярину. Это положеніе представляло мало утѣшительнаго; но мой проводникъ отправился заявить о томъ, что мнѣ было необходимо, къ настоятелю соседняго монастыря. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, какъ вдругъ во дворъ вѣхала карета, запряженная шестью лошадьми. Это былъ хозяинъ дома: войдя къ намъ, онъ сказалъ, что узнавши отъ моего эмиссара объ избранномъ мною мѣстопребываніи, онъ явился лично, чтобы не доставить возможности кому-другому удовлетворить всѣ мои нужды. Такое почетное начало оживило наши надежды и провізія не заставила себя ждать. Какъ ни былъ важенъ съ виду мой хозяинъ, но изъ бесѣды съ нимъ я увидѣлъ, что онъ не былъ главой и что поддаваясь, по слабости характера, всѣмъ вліяніямъ, онъ соглашался обыкновенно съ тѣмъ, кто говорилъ съ нимъ послѣдній. Потому-то мнѣ легко было убѣдить его въ опасности, угрожавшей боярамъ, которые не противодѣйствовали бѣгству жителей, и даже сами санкціонировали его своимъ примѣромъ. Онъ только что рассказалъ мнѣ, что всѣ жители города, въ числѣ 7 или 8 тысячъ, испуганные разбоемъ и мародерствомъ нѣкоторыхъ синаевъ, пріютились въ томъ монастырѣ, куда я посылалъ, что многіе бояре, такіе-же боязливые, какъ большинство, поддерживали этотъ безпорядокъ, не предвидя его послѣдствій. „Я былъ въ числѣ ихъ, вы меня убѣдили, — окажите ту-же услугу моимъ товарищамъ“.

Удовольствіе при мысли возвратить этихъ несчастныхъ въ ихъ дома, которымъ не угрожала никакая бѣда, заставило меня забыть объ опасности подобной благой попытки. Я оставилъ своего хозяина ночевать; мой путь лежалъ мимо воротъ монастыря; крики женщинъ, дѣтей, хаосъ отъ множества столпившихся людей и картина нищеты кругомъ, привели меня окончателно къ рѣшенію послѣдовать за бояриномъ.

Онъ помогъ мнѣ проникнуть сквозь толпу къ террасѣ: здѣсь меня встрѣтили его товарищи и повели въ залу, гдѣ они вели свои совѣщанія. Я произвелъ такое впечатлѣніе на своего хозяина, что онъ, все еще подъ вліяніемъ моимъ, попытался обратить своихъ товарищей; но въ самомъ началѣ былъ прерванъ упреками, посыпавшимися на него и убѣдившими, меня въ томъ, что этотъ человѣкъ не былъ вожакомъ партіи. Я рѣшился пустить въ ходъ свое краснорѣчіе, но скоро увидѣлъ, что оно не имѣетъ успѣха: настроеніе моей аудиторіи было бурное, смятеніе парализовало дѣйствіе того спокойствія, которое я хотѣлъ водворить. Тогда я прибѣгнулъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Панической страхъ вызвалъ безпорядокъ, страхъ болѣе реальный одинъ лишь могъ явиться дѣйствительнымъ лекарствомъ. Я перемѣнилъ тонъ, грозилъ пожаловаться хану и настоять на томъ, чтобъ онъ снарядилъ скорый судъ. Я извинялъ народъ, который даетъ вести себя; я обвинялъ въ бунтѣ тѣхъ, кто меня слушалъ, и—увидѣлъ передъ собой покорныхъ и дрожащихъ людей. „Говорите вы этой испуганной толпѣ“, сказалъ самый буйный изъ бояръ: вы убѣдите ее скорѣе, чѣмъ мы сами; она васъ благословитъ, и вы, не обвиняя насъ, засвидѣтельствуете наше усердіе“. Я долго упорствовалъ и никогда не принялъ-бы на себя той опасной роли, какую мнѣ предлагали, если-бы выйдя на террасу, на обратномъ пути не увидѣлъ невозможности пройти черезъ толпу, которая со времени моего прихода была въ сильномъ безпокойствѣ. „Говорите къ этимъ несчастнымъ“, повторяетъ мнѣ тотъ-же бояринъ, подвигаясь къ краю крыльца, конечно, чтобъ быть мнѣ товарищемъ на этой новой трибунѣ. Три янычара, вооруженные съ ногъ до головы, находились тутъ-же со всею магометанской спѣсью своей. Они имѣли важный и покровительственный видъ; будучи принужденъ положить конецъ всей этой исторіи, я подумалъ, что лучше всего будетъ мачать съ этихъ храбрецовъ, чтобы поразить остальную толпу.

— Что вы дѣлаете здѣсь? спросилъ я ихъ суровымъ тономъ.

— Мы защищаемъ этихъ невѣрныхъ.

— Вы ихъ защищаете, возразилъ я; противъ кого-же? Гдѣ-же ихъ враги? Быть можетъ это его высочество или ханъ татаръ? Въ такомъ случаѣ вы бунтовщики и виновники того безпорядка, который царитъ вокругъ васъ. Будьте увѣрены, что вы подвергнетесь наказанію.

Не успѣлъ я кончить этого короткаго замѣчанія, какъ гордость моихъ турокъ уступила мѣсто страху: они поднялись со своихъ мѣстъ. во время моей рѣчи, а теперь, оправдываясь, спустились со ступеней. Эта первая удача привлекла вниманіе толпы, молчаніе которой показало мнѣ добрымъ знакомъ. Я подвинулся ближе и возвысивъ голосъ, говоря по гречески, былъ уже близокъ къ успѣху Демосоена, какъ вдругъ какой-то пьяница расталкиваетъ толпу и, принявъ на себя видъ бойца-противника, обращается ко мнѣ съ такою дерзкою рѣчью: „что вы намъ говорите о покорности, о спокойствіи, о хозяйствѣ, когда мы умираемъ съ голоду? Дайте намъ хлѣба“, вскричалъ опъ въ ярости, „вотъ что намъ нужно“. Видя все зданіе моего краснорѣчія опрокинутымъ и не имѣя никакой возможности выйти изъ того положенія, на которое я такъ неблагоразумно рискнулъ, я вынулъ изъ кармана двѣ пригоршни серебрянныхъ монетъ разной цѣны и, бросивши ихъ толпѣ, воскликнулъ: „возьмите, ребята, вотъ вамъ хлѣбъ, возвратитесь къ вашимъ жилищамъ, вы въ нихъ найдете довольство“. Сцена моментально измѣняется: всѣ бросаются собирать монеты, пьяница исчезаетъ подъ напоромъ толпящихся, оскорбленія уступаютъ мѣсто благословеніямъ; поспѣшность, съ которою я старался удалиться, была равна тому легкомысленному рвенію, которое меня привело сюда. Мой уходъ сопровождался всѣми военными почестями и я достигъ своей кареты среди рукоплесканій разступившагося передо мной народа, который на другой-же день возвратился въ свои жилища.

Мой спутникъ, ожидавшій меня у воротъ того монастыря, гдѣ я разглагольствовалъ, не былъ спокоенъ насчетъ послѣдствій моей опрометчивости. Оба мы были рады другъ другу и продолжали свой путь, тщательно распредѣляя каждый день съѣстные припасы, которыми снабдилъ насъ бояринъ. Деревни, которыя намъ приходилось проѣзжать, были разорены, какъ вся Молдавія, и мы едва могли найти въ нихъ ночлегъ. Валахія испытала то-же опустоженіе со стороны нѣсколькихъ турецкихъ отрядовъ, которые были предназначены для соединенія съ ханомъ, и которые въ дѣйствительности занимались однимъ лишь разореніемъ своего-же госунарства. Не было такой гнусности, которой-бы не совершили эти турки, подобно тѣмъ необузданнымъ солдатамъ, ко-

торые при разграбленіи города, недовольные тѣмъ, что могутъ располагать всею по своей волѣ, претендуютъ еще на самыя нежелательныя преимущества.

Нѣкоторые сипаи направили свои посягательства даже на такихъ лицъ, какъ старшій раввинъ синагоги и греческій архіепископъ.

Мы прибыли наконецъ въ Кишиневъ, истомленные усталостью и печальнымъ существованіемъ на дѣтѣ, но губернаторъ заставилъ насъ забыть все, приготовивши намъ прекрасный ужинъ и ночлегъ. Оставалось не болѣе 12-ти миль пути и я располагалъ выѣхать раннимъ утромъ; но когда я проснулся, мнѣ сказали, что это невозможно. Послѣ страшнаго холода наканунѣ, ночью выпало такъ много снѣгу, что путь черезъ горы, которыя намъ надо было переѣзжать, становился невыносимымъ для ѣзды на колесахъ. Я однако-же нисколько не былъ расположенъ уступать препятствіямъ, будто нарочно соединившимся для того, чтобы задерживать мое возвращеніе; но мой старикъ татаринъ, менѣ активный и сильнѣ уставшій, остался присматривать за экипажами. Я уѣхалъ санями. Благодаря быстротѣ такого рода ѣзды, я вскорѣ былъ въ равнинахъ Каушанъ. Новыя препятствія ожидали меня здѣсь. Безснѣжіе въ соединеніи съ совершеннѣйшей оттепелью задержали-бы меня, если-бы я не встрѣтилъ возокъ, который былъ мнѣ очень пригоденъ. Но нужно было употребить нѣкоторое насиліе, чтобы заставить хозяина его быть нашимъ проводникомъ. Я взобрался на этотъ возокъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ и мы уже радовались тому, что избѣжали необходимости идти пѣшкомъ, какъ вдругъ одно изъ колесъ сломалось и мы должны были покориться своей участи, хотя путешествіе пѣшкомъ очень мало соотвѣтствовало достоинству посланника татаръ. Я не ждалъ своего товарища, который пріѣхалъ нѣсколькими днями позже.

По пріѣздѣ я имѣлъ свиданіе съ ханомъ. Этому послѣднему сообщили уже, какъ я возвратился въ Каушаны, и онъ, увидѣвши меня, началъ съ того, что посмѣялся надъ скромностью своего уполномоченнаго. Все, что я разсказалъ о Молдавіи, показалось ему настолько важнымъ, что, извѣстивши Порту объ этихъ бѣдствіяхъ, онъ тотчасъ принялъ мѣры пособить имъ. Разсуждая о мотивахъ, вызвавшихъ эти

бѣдствія, Крымъ-Гирей высказалъ мнѣ свое мнѣніе о великомъ визирѣ Эминъ-пашѣ. Этотъ турокъ началъ свою карьеру приказчикомъ; достигши потомъ должности писца въ казначействѣ, онъ быстро возвысился до самыхъ высшихъ званій въ государствѣ посредствомъ своихъ интригъ. Его дерзкая самонадѣянность заставила его стремиться къ званію визира, когда была объявлена война, а его невѣжество скоро заставило султана раскаяться въ дурномъ выборѣ: эти недостатки великаго визира не ускользнули отъ наблюдательности хана; онъ громко высказывался о нихъ и заботился только о средствахъ предохранить оттоманскую имперію отъ послѣдствій безпутства и глупости ея перваго министра.

Набѣгъ на Новую Сербію, рѣшенный въ Константинополѣ, былъ принятъ въ собраніи знатныхъ татарскихъ вассаловъ и по всеѣмъ провинціямъ отданы были распоряженія о призывѣ къ военной повинности. Требовалось по три всадника съ каждаго восьми семействъ; это число считалось достаточнымъ для образованія 3-хъ армій, которыя должны были напасть одновременно: арміи Нурадина въ 40,000 человекъ было сказано идти къ Донцу, армія Калги въ 60,000 человекъ должна была слѣдовать по лѣвому берегу Днѣпра, къ Орели, а стотысячная армія, подъ личнымъ предводительствомъ хана, назначена была проникнуть въ Новую Сербію. Войска едисанской и буджакской орды были преимущественно назначены въ эту послѣднюю армію, сборный пунктъ которой былъ назначенъ близъ Томбашара.

Сообщая мнѣ все эти подробности, Крымъ-Гирей спросилъ меня, намѣренъ-ли я сопровождать его въ этой экспедиціи: я ему отвѣчалъ, что мое званіе резидента отъ имени государя Франціи, обязывая меня быть неотлучно при особѣ хана, отнимало у меня возможность выбора. „Титулъ, водворившій васъ при мнѣ“, возразилъ онъ, „заставляетъ меня удержатъ васъ. Мы будемъ испытывать сильныя холода, въ своемъ платьѣ вы ихъ не вынесете; одѣньтесь по-татарски; время дорого, мы выступимъ чрезъ 8 дней“. Я тотчасъ всталъ, чтобы распорядиться на счетъ своей дорожной обмундировки; когда я выходилъ изъ покоевъ хана, ко мнѣ подошелъ церемоніймейстеръ въ сопровожденіи двухъ пажей, и надѣлъ на меня превосходную шубу изъ мѣха бѣлаго лапландскаго волка. Я возвратился поблагодарить хана за оказанную мнѣ

честь. „Это я вамъ далъ татарскій домъ“, сказалъ онъ мнѣ, смѣясь; у меня такой-же, и я хочу, чтобъ мы были въ одинаковомъ мундирѣ“.

Придворный конюшій въ тотъ-же день прислалъ мнѣ десять черкесскихъ лошадей, убѣждая меня отъ имени своего повелителя не брать въ походъ моихъ арабскихъ, которыя не могли-бы вынести ни холода, ни голода; но худоба этихъ лошадей не возбуждала моего до-вѣрія и я рѣшилъ не слѣдовать данному мнѣ совѣту.

Въ то время, какъ готовилась моя татарская одежда, я обзавелся 3-мя дромадерами, и распорядился на счетъ палатокъ, которыя мнѣ были необходимы. Устройство ихъ столь-же простое, какъ легкое, заслуживаетъ описанія. Привыкши жить лагеремъ, татары, конечно, должны были изобрѣсти въ этомъ искусствѣ. Всѣ ихъ идеи сосредоточились на одномъ предметѣ, ставшемъ ихъ первой необходимостью. Нація, никогда не знавшая комфорта лѣтности, должна была обратить всѣ свои заботы и всѣ старанія на то, что касается тѣлесныхъ упражненій, охоты и блеска военной обстановки. Татары въ своихъ досугахъ ищутъ только отдыха; они домогались безъ изнѣженности и ихъ военные лагери совершенно похожи на ихъ обычные жилища.

Рѣшетка, легко свертывающаяся и развертывающаяся, образуетъ круглую стѣну фута въ 4 съ половиной вышины; двѣ конечности этого трельяжа, удаленныя одна отъ другой фута на два, обозначаютъ входъ въ палатку; затѣмъ около 20 палочекъ, соединенныхъ съ одного конца и на другомъ концѣ которыхъ находится небольшое кожаное кольцо для прикрѣпленія къ перекладинамъ рѣшетки, составляютъ срубъ зданія и поддерживаютъ кровлю; она состоитъ изъ войлочнаго капюшона, котораго объемъ покрываетъ и стѣны, обитыя той-же матеріей; широкій ремень охватываетъ эту покрывку, а нѣсколько лопатъ земли или снѣга, облегаяющіе основаніе стѣнъ, не допускаютъ воздуху проникать сюда и укрѣпляютъ отлично эти палатки, безъ помощи всякихъ шестовъ и веревокъ.

Самая изысканная утонченность заключается въ томъ, что верхъ палатки дѣлается въ формѣ усѣченнаго конуса, съ отверстіемъ внутри, которое въ видѣ круга соединяетъ перекладины, служитъ проходомъ для дыма, даетъ возможность разводить огонь въ палаткѣ и дѣлаетъ

внутренность ея нечувствительной ко всякаго рода переменамъ самаго суроваго климата.

Такова была и палатка хана, но размѣры ея были такъ велики, что 60 человекъ могли свободно помѣщаться въ ней вокругъ очага. Внутри она была обита красной матеріей, меблирована круглымъ ковромъ и нѣсколькими подушками. Двѣнадцать меньшихъ палатокъ, назначенныхъ для офицеровъ и пажей, располагались вокругъ ханской и обводились оградой изъ войлока, футовъ 5 вышиной.

Все было готово къ выступленію въ походъ: войска бессарабскія, стоявшія въ Кишлѣ подъ предводительствомъ султана-сераскира, ожидали знака къ отправленію.

7-го января 1769 г. Крымъ-Гирей выѣхалъ изъ Каушанъ со своей гвардіей, съ султанами, которые его сопровождали, министрами, офицерами высшихъ чиновъ и мирзами-волонтерами. Этотъ первый день весь былъ употребленъ только на переправу черезъ Днѣстръ. Съ этой цѣлью устроено было восемь паромовъ, на которыхъ наканунѣ переправили весь багажъ. На другомъ берегу были уже раскинута палатки. Первымъ дѣломъ хана было спросить, гдѣ расположился я, и находя, что мои палатки слишкомъ далеки отъ его ограды, онъ распорядился, чтобы на будущее время онѣ ставились ближе. Онъ потребовалъ также, чтобы я не дѣлалъ никакихъ запасовъ и взялъ на себя заботу о моемъ столѣ во все время похода. 8-го января весь день переправлялись бессарабскія войска.

Вечеромъ я былъ въ палаткѣ хана въ обществѣ нѣсколькихъ вельможъ, когда визирь доложилъ хану, что прибылъ лезгинскій князь, братъ того, который былъ главой этихъ азіатскихъ татаръ. Онъ явился въ качествѣ посланника, чтобы привѣтствовать хана и предложить ему помощь въ тридцать тысячъ человекъ для предстоящей войны. Я имѣлъ удовольствіе присутствовать при его аудіенціи. Въ короткой рѣчи, сказанной съ достоинствомъ, лезгинскій князь изложилъ сущность своей миссіи. Отвѣтъ хана, въ которомъ онъ, принимая привѣтствіе, отказывался отъ помощи, обличалъ въ одно и то-же время и достоинство повелителя, и самолюбіе полководца. Посланникъ настаивалъ и наконецъ получилъ позволеніе принять участіе въ походѣ.

Если-бы можно было судить о націи по этому князю и лицамъ, его сопровождавшимъ, то о лезгинахъ можно было-бы составить самое лестное понятіе. Представители ихъ были высокаго роста, хорошо сложенны, съ воинственнымъ видомъ, съ свободной осанкой. Я замѣтилъ, что ихъ ружья, имѣвшія европейскій видъ, были сдѣланы превосходно; ссылаясь на свидѣтельство хана, я могу сказать, что отрядъ этотъ даетъ вѣрное понятіе объ общемъ видѣ лезгинскаго войска. Я имѣю основаніе думать также, что ханъ не отказался-бы отъ предложенія помощи со стороны этого народа, если-бы родина лезгинъ, лежащая на берегу Каспійскаго моря, могла быть внѣ опасности со стороны Кабарды.

Холода, которые, не смотря на обильно выпавшіе снѣга, не сковали до сихъ поръ Борисфена, вскорѣ стали настолько сильны, что татарскія войска, стоявшія на другомъ берегу, могли переходить по льду. Въ ожиданіи ихъ мы стали лагеремъ близъ Томбашара. Я проводилъ вечера съ Крымъ-Гиреемъ; его сужденія, зачастую новыя, были всегда возвышенны и выражались въ самой оригинальной формѣ. Онъ имѣлъ существенную потребность давать просторъ своему уму, чему не могло удовлетворить общество его фаворитовъ. Наши бесѣды вмѣстѣ съ тѣмъ были единственнымъ средствомъ, способнымъ разсѣять припадки ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Особенно нравилось ему разсуждать о предрасудкахъ, которые руководятъ различными націями; его интересовало доискиваться самыхъ источниковъ этихъ предрасудковъ, которымъ онъ приписывалъ все заблужденія и даже большую часть преступленій; и, жалѣя челоуѣчество, Крымъ-Гирей находилъ философское удовольствіе тѣмъ самымъ оправдывать его. Я долженъ отдать справедливость талантамъ и уму этого государя: я слышалъ много разъ, какъ онъ высказывался о вліяніи климата, объ излишествахъ и преимуществахъ свободы, о принципахъ чести, о законахъ и правилахъ управленія и его идеи сдѣлали-бы честь самому Монтескье.

Большая часть войска была уже собрана и вслѣдствіе того, что въ Балтѣ были заготовлены запасы провізіи для арміи, ханъ рѣшился направить путь туда. Г. Балта, расположенный на границѣ съ Польшей и ознаменованный первыми враждебными дѣйствіями, былъ въ это

время покинутъ жителями и представлялъ картину самаго ужаснаго опустошенія. Десять тысячъ сипаевъ, посланныхъ Портой для соединенія съ татарскимъ войскомъ, пришли сюда раньше насъ и не только разорили самую Балту, но и сожгли всѣ сосѣднія деревни. Крымъ-Гирей съ сожалѣніемъ велъ войска такъ мало дисциплинированныя: онъ сомнѣвался въ ихъ мужествѣ, о которомъ турецкій повелитель напротивъ того былъ самаго высокаго мнѣнія. Эта конница, свыкшаяся съ приятнымъ спокойствіемъ и бездѣльемъ долгаго мира, не умѣющая бороться съ усталостью и холодомъ, къ тому-же и слишкомъ плохо одѣтая, чтобы выносить его, дѣйствительно, не имѣла значенія. Мужество сипаевъ казалось хану не менѣе подозрительнымъ, чѣмъ ихъ религіозные принципы. Въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, чему отдають предпочтеніе эти арнаутскіе тимаріоты—Корану или Евангелію¹⁾. Какъ-то вечеромъ, одѣтый по-татарски, возвращался отъ хана къ себѣ, я проходилъ по балтской площади; два запоздавшихъ сипая шли передо мной: они говорили по-гречески и проклиная свое положеніе, клялись святымъ крестомъ взбунтоваться при первомъ удобномъ случаѣ. Тотчасъ-же, уступая желанію выяснитъ себѣ это противорѣчіе, я удвоилъ шаги и нагнавши сипаевъ, привѣтствовалъ ихъ по-магометански, на что они отвѣтили мнѣ, какъ истые турки. Тогда я сказалъ имъ по-гречески: „прощайте, братцы, мы съ вами одинаковые турки“. Понятно, что послѣ такого „прощайте“ мы не разстались. Восхищенные мною сипая удивлялись только, какъ могъ христіанинъ стать татариниомъ; не желая, чтобы меня узнали, я сочинилъ исторію. Они увѣрили меня, что они мусульмане исключительно изъ-за тимара: это было все, что я хотѣлъ знать.

Армія была собрана, а холода настолько усилились, что давали татарамъ полную возможность проникнуть въ Новую-Сербію. Только что пришла вѣсть, что армія Калги подымалась къ Самарѣ, армія Нурадина тоже была въ пути. Крымъ-Гирей, провѣривши свой планъ

¹⁾ Тимаріотами называются владѣльцы турецкихъ ленныхъ, обязанные военной повинностью; тимары или ленныя земли даются преимущественно сипаямъ, которые составляютъ турецкую кавалерію.

согласно съ новыми свѣдѣніями, отправился изъ Балты на Ольмаръ, близъ котораго мы расположились лагеремъ. Это мѣстечко, находящееся въ татарскихъ владѣніяхъ, было отчасти уже сожжено сипаями, которые dokonчили истребленіе его на глазахъ самаго хана. Кромѣ того они имѣли дерзость явиться толпой къ Крымъ-Гирею, требуя ячменя для своихъ лошадей, тогда какъ лошади его и всего войска припуждены были отыскивать себѣ траву подъ снѣгомъ. Негодованіе хана едва не выразилось самымъ жестокимъ образомъ, но онъ сдержалъ себя и ограничился предсказаніемъ, что холодъ и нищета скоро принудятъ этихъ дерзкихъ къ полнѣйшей покорности.

До сихъ поръ я столовался у хана; наши припасы были всегда свѣжи и я не могъ судить о томъ, что предстоитъ намъ въ теченіи похода; но недостатокъ провизіи сказался въ томъ чисто военномъ завтракѣ, который намъ приготовленъ былъ въ Ольмарѣ. Я ждалъ завтрака этого спокойно, но не безъ аппетита; мундшенки накрыли столъ: они поставили круглый подносъ изъ русской кожи; два мѣшка сопровождали этотъ подносъ, изъ нихъ вынули прекрасные сухари и копченые лошадиные окороки, возбуждившіе неизякаемая похвалы. Икра и изюмъ, слѣдовавшіе затѣмъ, дополнили пиръ. „Какъ вы находите татарскую кухню“? спросилъ меня Крымъ-Гирей, смѣясь. „Страшной для вашихъ враговъ“, отвѣтилъ я. Онъ сказалъ что-то тихо своему пажу и тотъ подаль мнѣ, минутой спустя, золотой кубокъ, изъ котораго всегда пилъ ханъ. „Попробуйте еще моего напитка“ сказалъ Крымъ-Гирей. Это было превосходное венгерское вино, которымъ онъ и угощалъ меня съ тѣхъ поръ во все время похода.

Въ слѣдующіе дни армія двигалась въ направленіи къ Бугу; мы перешли его по льду и остановились лагеремъ. Это была первая наша стоянка въ запорожскихъ степяхъ. Не смотря на данный мнѣ совѣтъ, у меня, въ числѣ другихъ лошадей, былъ и мой арабскій конь; истощенный усталостью, голодомъ и холодомъ, онъ послѣ переправы черезъ рѣку упалъ почти мертвый. Животное еще едва дышало, когда нѣсколько ногайцевъ пришли меня просить, чтобы я подарилъ имъ его. „Что-же вы станете дѣлать съ издохшей лошадыю“? спросилъ я ихъ. „Она еще не издохла, сказалъ одинъ изъ ногайцевъ, и мы

успѣемъ убить ее и съѣсть, тѣмъ больше, что мясо бѣлой лошади самое нѣжное“. Я уступилъ безъ труда этой просьбѣ, но не ручаюсь, поспѣли-ли они во-время, чтобы съ надлежащей точностью исполнить мусульманскій законъ.

Между тѣмъ холодъ такъ усилился, а равнины, которыми мы шли, предварительно выжженныя, давали такъ мало корму, что, перейдя р. Мертвыя воды, рѣшено было идти берегомъ этой рѣки и стать лагеремъ въ камышахъ, открытыхъ нашими патрулями. Намъ необходима была стоянка, чтобы погрѣться и покормить лошадей; но турецкая кавалерія, которая, вѣроятно, думала вести войну только съ польскими деревнями и не запаслась ни палатками, ни провіантомъ, испытывала теперь всю суровость и голода, и холода. Къ этой первой своей оплошности они прибавили и другую: они неосторожно приближались къ огню, спѣша погрѣться, и большая часть ихъ была обожжена и покалѣчена, такъ что жалость къ этимъ несчастнымъ скорѣ смѣнила то чувство презрѣнія, которое внушалъ ихъ разбой. Ханъ, извѣщенный о томъ, что они нищенствовали повсюду у дверей палатокъ, приказалъ взять съ каждаго мирзы по одному сухарю и раздать имъ.

На другой день, въ то время, какъ вся армія шла развернувшись боевымъ строемъ по равнинѣ, мы встрѣтили на пути небольшой холмъ, и у Крымъ-Гирея явилось желаніе взобраться на вершину, чтобы оттуда однимъ взглядомъ окинуть всѣ свои войска. Онъ командовалъ остановиться: я взлѣзъ на холмъ вмѣстѣ съ нимъ. Темный цвѣтъ татарской одежды и бѣлизна снѣга, служившаго фономъ картинѣ, позволяли различать всѣ подробности ея. По знаменамъ можно было отличить войска разныхъ провинцій. Я замѣтилъ, что безъ всякаго опредѣленнаго плана эта армія естественнымъ образомъ расположилась слишкомъ двадцатью правильными рядами. Каждый султанъ-сераскиръ съ маленькимъ своимъ штатомъ составлялъ группу впереди своего отряда. Центръ линіи, занятый ханомъ и его свитой, представлялъ передовой корпусъ довольно многочисленный, строй котораго имѣлъ боевой и привлекательный видъ. Сорокъ отрядовъ, каждый въ сорокъ человекъ, расположенныхъ по четыре въ шеренгѣ, шли двумя колоннами

впереди, составляя какъ-бы аллею, окаймленную съ каждой стороны двадцатью знаменами. Главный конюшій, въ сопровожденіи двѣнадцати верховыхъ лошадей и крытыхъ саней, слѣдовалъ непосредственно за ними, предшествуя отряду всадниковъ, окружавшихъ хана. За ними двигалось знамя пророка, несомое эмиромъ такъ-же, какъ сопровождающіе его два зеленыхъ значка. Они развѣвались въ воздухѣ рядомъ со знаменами Игнатъ-козаковъ. Это послѣднее войско, причисленное къ гвардіи хана, заключало шествіе. Игнатъ-козаки, обязанные своими землями и своимъ именемъ обстоятельствамъ, заставившимъ ихъ эмигрировать изъ Россіи, оселились на Кубани. Нѣкто Игнатій, несомнѣнно больше цѣнившій свою бороду, чѣмъ свободу, возмущившись противъ Петра Великаго за бритье бородъ, искалъ убѣжища у хана со своими многочисленными послѣдователями. Татары нашли такое сходство между словомъ *inat* (упрямый) и именемъ Игнатъ, что оставили за ними это названіе, какъ обозначающее причину ихъ эмиграціи. Кажется, Игнатъ-козаки не особенно заботятся о чистотѣ своей христіанской вѣры, но они сохранили ея символъ на своихъ знаменахъ и крѣпко держатся за привиллегію ѣсть свинину. Каждый изъ нашихъ Игнатъ-козаковъ имѣлъ при себѣ четверть свинины за плечами. Туркамъ очень не нравилось такое сосѣдство знамени пророка и я слышалъ неразъ, какъ они брали сквозь зубы, какъ святотатство, то, что татары, благодаря своему здравому смыслу, находили вполне естественнымъ. Остальное войско не имѣло такого вида довольства. Восемь или десять фунтовъ муки изъ жаренаго проса, столченой и набитой въ кожаный мѣшокъ, у сѣдла каждаго ногайца, обезпечивалъ войску пятьдесятъ дней пропитанія. Одни лошади были предоставлены собственнымъ своимъ заботамъ, но ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ обыкновеннаго. Возможность имѣть пользоваться свободой заставляла каждаго татарина вести за собой двухъ или трехъ лошадей, а часто и больше. Въ нашей арміи ихъ было болѣе 300,000.

Ханъ остался доволенъ смотромъ войска и спросилъ своихъ министровъ, „отличили-ли они самаго храбраго во всей арміи“? Молчаніе ихъ было яснымъ отвѣтомъ. „Это ни вы, ни я“, сказалъ весело ханъ: „мы всѣ вооружены; Тоттъ единственный человекъ, который осмѣлился

идти на войну безъ оружія: у него нѣтъ даже ножа“. Этой шуткой закончился смотръ и армія направилась снова въ путь къ истоку р. Мертво-вода. Мы прибыли туда очень поздно и расположились лагеремъ на обширномъ пространствѣ, покрытомъ зарослями.

Уже нѣсколько дней Крымъ-Гирей жаловался на боль въ пальцѣ: у него образовался нарывъ и началась лихорадка. Съ нами не было ни одного хирурга. Я предложилъ свои услуги и обзоръ ящика съ ланцетами, который былъ при мнѣ, окончательно заставилъ хана до-вѣриться моему искусству. Я принялся за дѣло; надрѣвъ успокоилъ боль, лихорадка исчезла и рана была залѣчена въ нѣсколько дней. Случай этотъ доставилъ мнѣ почетъ и особенно удовольствіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ залпорожскія равнины, я не покидалъ палатки хана; тамъ мы бесѣдовали съ нимъ до полуночи. Закутавшись въ шубу, онъ сидѣлъ, облокотившись на подушку, и приказывалъ мнѣ сдѣлать тоже. Два паша поддерживали огонь, что было очень необходимо для насъ. Но если Крымъ-Гирей заботился о моихъ удобствахъ, то онъ вовсе не былъ расположенъ позволить мнѣ долго отдыхать. Онъ самъ привыкъ спать всего три часа и я едва могъ выпрашивать у него, какъ милость, лишнихъ пять минутъ, въ теченіи которыхъ приготовлялось кофе. Тогда проснувшись и не мѣняя положенія, я принималъ ту-же позу, какъ наканунѣ.

Было замѣчено, что палатка хана стояла на льду; но только на разсвѣтѣ оказалось, что вся армія стояла лагеремъ на озерѣ, поверхность котораго, просверленная безчисленнымъ множествомъ прорубей, грозила все поглотить. Только палатка хана еще не была снята; я былъ одианъ съ нимъ, какъ вдругъ полякъ-солдатъ изъ моей свиты врывается, какъ бѣшеный, бросается къ огню и раздѣвается. Я бѣгу къ нему, думая, что онъ или пьянъ или сошелъ съ ума; чтобы заставить его уйти, я угрожаю ему гнѣвомъ хана,—ничто не помогаетъ. Ханъ дѣлаетъ мнѣ знакъ оставить въ покоѣ солдата. Когда онъ снялъ уже сапоги, Крымъ-Гирей по шелесту его одежды догадался, что тотъ упалъ въ прорубь. „Чего вы требуете отъ этого несчастнаго?“ добродушно сказалъ ханъ. „Развѣ умирающій человекъ не свободенъ? Онъ не хочетъ знать никого, кромѣ того, кто можетъ помочь ему; цари

для него ничто; оставимъ-же его на свободѣ^a. Мы вышли, и я велѣлъ слугамъ позаботиться объ этомъ человѣкѣ.

Армія, направляясь все на сѣверъ, хотѣла приблизиться къ Ингулу, о положеніи котораго имѣлись смутныя свѣдѣнія. Только послѣ усиленнаго перехода въ двѣнадцать миль, мы разбили свой лагерь на берегу этой рѣки: нѣсколько покинутыхъ жилищъ и конны сѣна около нихъ очень пригодились намъ.

Мы были на границѣ Новой-Сербіи; мы достигли того пункта, съ котораго должно было разразиться нашествіе на несчастныхъ жителей, и военный совѣтъ былъ созванъ для того, чтобы опредѣлить количество войскъ необходимое для набѣга. Въ то время, когда собирался этотъ совѣтъ, одинъ курьеръ и нѣсколько плѣнныхъ, захваченныхъ патрулями, объявили, что вправо отъ насъ запорожскіе козаки, тѣсенимы Калгой-султаномъ, вошли съ нимъ въ переговоры и заручившись обѣщаніемъ нейтралитета съ его стороны, отказали въ своей помощи командиру крѣпости св. Елисаветы. Плѣнные добавляли, что крѣпость эта находится на лѣво отъ насъ и имѣетъ сильный гарнизонъ. Эти подробности уяснили хану и его полководцамъ настоящее положеніе дѣлъ. Было рѣшено, что третья часть войска, сформированная изъ волонтеровъ подъ предводительствомъ одного султана и нѣсколькихъ мирзъ, переправится черезъ рѣку въ полночь, раздѣлится на нѣсколько колоннъ, которыя, послѣдовательно раздробляясь, покроютъ всю территорію Новой-Сербіи, сожгутъ всѣ деревни, всю жатву, захватятъ въ плѣнъ жителей и уведутъ стада. Было рѣшено еще, чтобъ на cadaго участвующаго въ этой экспедиціи приходилось по два человѣка изъ остальной арміи, имѣющіе каждый равную долю въ его добычѣ. При такомъ способѣ дѣлежа, никто не былъ обиженъ и общій интересъ соединился съ частнымъ для наиболѣе удачнаго выбора солдатъ въ экспедицію. Отрядъ этотъ былъ предупрежденъ, что вся остальная армія перейдетъ Ингулъ на другой день и направится небольшими переходами къ польской границѣ, стягиваясь постепенно къ крѣпости св. Елисаветы, чтобы охранять фуражировъ и ждать ихъ возвращенія. Разбойническіе таланты, обнаруженные спаями, обѣщали такъ много опустошительнаго рвенія съ ихъ стороны, что имъ предложили участвовать въ набѣгѣ, но холодъ

ихъ такъ обезкуражилъ, что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ идти. Одни лишь сердюки ¹⁾, да еще нѣсколько другихъ турокъ послѣдовали за султаномъ.

Отрядъ подъ его начальствомъ ушелъ; холодъ былъ гораздо менши́й, чѣмъ наканунѣ, въ теченіи ночи потеплѣло на столько, что можно было опасаться оттепели. Вода въ рѣкѣ начинала выступать изъ подъ льда и мы могли рассчитывать на возможность переправы, лишь ускоривши свой отъѣздъ. Армія вскорѣ была готова. Она развернулася вдоль Ингула и татары, привыкшіе къ подобнымъ переходамъ, снявшись всѣ одновременно съ мѣста, переправились рысцей на нѣкоторомъ разстояніи всадникъ отъ всадника; но синаи, которыхъ страхъ заставлялъ ступать тяжело, а грохотъ ломающагося льда обезкураживалъ до того, что они готовы были остановиться, вдругъ провалились и исчезли подъ водой на нашихъ глазахъ.

Мы остановились на другомъ Серегу, чтобы дать время войску сформироваться. Нѣсколько синаевъ, избѣгнувъ опасности, оплакивали участь своихъ товарищей; они жалѣли особенно объ одномъ, который потонулъ, имѣя при себѣ сумму денегъ, достаточную для обезпеченія его сына, оставшагося сиротой. Одинъ изъ Игнатъ-козаковъ предложилъ тотчасъ-же достать кошелекъ за два секина. Его предложеніе было принято. Тогда онъ раздѣвается, ему указываютъ отверстіе между льдинами и онъ скрывается подъ водой. Зрители стали уже безпокоиться его долгимъ отсутствіемъ, когда онъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ показался снова съ сокровищемъ въ рукахъ. Этотъ успѣхъ оодриль товарищей утонувшаго. Они стали жалѣть еще о пистолетахъ его, украшенныхъ серебромъ. Неустранимый козакъ предпринимаетъ вторичную экскурсію, удовлетворяетъ ихъ желанію, не требуя увеличенія награды, получаетъ два секина, одѣвается и сѣзшитъ стать въ ряды своего войска.

Слѣдуя намѣченному плану, армія все подымалась, пока не достигла дороги, проторенной въ снѣгу тѣмъ отрядомъ, который отпра-

¹⁾ Родъ турецкаго войска; это волонтеры, девизъ которыхъ «побѣдить или умереть на полѣ битвы»; но съ ними никогда не случается ни то, ни другое.

вился въ набѣгѣ. Мы пересѣкли эту дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раздѣляясь на семь вѣтвей, образовала какъ-бы гусиную лапу. Мы двигались дальше, постоянно держась крайней лѣвой стороны, не разстраивая ни одной изъ боковыхъ вѣтвей, которыя постепенно встрѣчались намъ; послѣднія изъ нихъ были уже просто тропинки, проторенныя однимъ или двумя всадниками. Погода стала дождливой и принудила войско остановиться на ночлегъ на берегу р. Аджамки. Но за оттепелью, которая насъ обезкоковала сначала, наступилъ такой холодъ, что съ трудомъ можно было сложить промерзшіе палатки. Мелкія льдинки при сильномъ вѣтрѣ рѣзали лицо, изъ носу шла кровь, дыханіе, замерзая на усахъ, образовало куски льда, тяжесть которыхъ была очень неприятна. Большая часть сивасевъ, изможденныхъ предыдущими переходами, погибла въ этотъ день: даже татарамъ приходилось плохо, но никто не смѣлъ жаловаться. Крымъ-Гирей, который послѣ болѣзни часть пути совершалъ въ закрытыхъ саяхъ, въ это время спрашивалъ меня о папѣ, сравнивалъ положеніе св. отца со своимъ и жалѣлъ, что не можетъ быть на его мѣстѣ. Я воспользовался случаемъ, чтобы представить ему бѣдствія, причиненныя его арміи ханомъ, и ту опасность, которую представлялъ долгія переходы. „Я не могу смягчить климата“, сказалъ онъ, „но я могу внушить имъ мужество переносить его суровость“. Тотчасъ-же онъ требуетъ лошадь и подчиняясь обычаю, запрещающему восточнымъ государямъ носить чалму, которой прочіе мусульмане окутываютъ головы, онъ ѣдетъ съ открытой головой, не смотря на холодъ и падающую изморозь, и побуждаетъ своимъ примѣромъ султановъ и министровъ сбросить чалмы. Этотъ мужественный поступокъ остановилъ ропотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ глазамъ хана картину бѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, каждая минута отнимала у насъ людей и лошадей¹⁾. Мы постоянно встрѣчали на равнинѣ замерзшія стада, а двадцать столбовъ дыма на горизонтѣ, дополняли ужасъ картины, возвѣщая пожары, опустошавшіе уже Новую Сербію.

Мы повстрѣчали небольшіе кустарники и возможность фуража привела хана къ рѣшенію остановиться. Его палатку разбили близъ

¹⁾ Этотъ день стоялъ арміи болѣе 3,000 людей и 30,000 лошадей, погибшихъ съ холода.

коины сѣна, которую онъ велѣлъ разобрать и которая, не смотря на свои огромные размѣры, исчезла въ одну минуту. Мы наблюдали это зрѣлище, въ которомъ строгость порядка соединилась съ алчностью грабежа. Вечеромъ посланецъ привезъ намъ вѣсти отъ султана, предводительствовавшего набѣгомъ. Онъ сообщалъ, что жители одного большого селенія укрылись въ монастырѣ въ числѣ 1200 человекъ; ихъ сопротивление принудило султана употребить въ дѣло сѣрныя свѣтильни, которыя онъ велѣлъ прикрѣпить къ стрѣламъ, надѣясь, что упорство этихъ людей уступитъ передъ страхомъ пожара; но огонь распространился слишкомъ быстро и несчастные все погибли. Выказывая свое сожалѣнiе о случившемся, султанъ жаловался на жестокость турокъ, которые его сопровождали и все мужество которыхъ, по словамъ его, заключается въ томъ, что они кунаются въ крови своихъ плѣнныхъ.

Крымъ-Гирей, не менѣе султана сожалѣлъ о печальномъ исходѣ пожара; жестокость турокъ привела его въ негодованiе: видъ отрѣзанныхъ головъ возмущалъ его и раньше ¹⁾. „Я повѣсилъ бы того татарина, который осмѣлился бы явиться передо мной въ роли палача“, сказалъ онъ. „Какъ можетъ существовать нація, настолько жестокая, чтобы поддерживать варварство, оплачивая его, и чтобы находить удовольствiе въ такихъ отвратительныхъ вещахъ“?

Благодаря прибытiю вслѣдъ затѣмъ татаръ, которые возвращались нагруженные добычей и приносили съ собой новыя вѣсти, мы не спали до трехъ часовъ утра. Входъ къ хану не могъ быть воспрещенъ въ этомъ случаѣ, и я получилъ позволенiе отдохнуть нѣсколько часовъ въ своей палаткѣ. Гг. Руффинъ и Кустилье занимали ее; они мерзли, мало спали, умирали съ голоду. Твердый снѣгъ служилъ имъ постелью, на которую и я поспѣшилъ улечься и, завернувшись въ шубу, заснулъ. Вскорѣ послѣ того нажъ хана, полуоткрывъ дверь, сказалъ, что его господинъ посылаетъ подарокъ, и положивъ что-то у ногъ г. Руффина, удалился. Г. Кустилье, который, благодаря голоду,

¹⁾ У турокъ въ обычаѣ приносить отрѣзанныя головы враговъ своему повелителю; татары, напротивъ, питаютъ отвращенiе къ этому обычаю.

не могъ уснуть, не сомнѣвался ни минуты въ томъ, что подарокъ заключаетъ въ себѣ съѣстное; онъ зналъ также, что у меня нѣтъ ничего запретнаго для его аппетита; но такъ какъ онъ лежалъ далеко отъ свертка, то просилъ пріятеля посмотрѣть, что принесено. Этотъ послѣдній, боясь холода, долго сопротивлялся; вынужденный уступить, онъ протянулъ руку, не освобождая головы изъ-подъ шубы, схватилъ что-то косматое и при свѣтѣ фонаря, висѣвшаго съ верху, жаднымъ взорамъ г. Кустилье представилось человѣческое лицо. Въ ужасѣ онъ вскричалъ: „мой другъ, это человѣческая голова“! и г. Руффинъ, быстрѣе молніи, выбросилъ ее изъ палатки, проклятая вмѣстѣ и холодъ, и голодъ, и татарскія шутки.

Холодъ такъ усилился на другой день, что въ моментъ отъѣзда, не смотря на перчатки на зайчьемъ мѣху, мои руки оковенѣли въ одну минуту, когда я садился въ сѣдло, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось возстановить въ нихъ циркуляцію крови.

Столбы дыма, окаймлявшіе горизонтъ съ правой стороны, и крѣпость св. Елисаветы влѣво отъ насъ, не оставляли сомнѣній въ томъ, куда держать путь. Прямо передъ нами возвышалось что-то въ родѣ вѣхъ, къ которымъ мы и направились, и скоро узнали въ нихъ сигнальные пункты. Это были трехъугольные срубы въ восемь этажей, наполненные соломой и хворостомъ и предназначенные, безъ сомнѣнія, для того, чтобы подымать тревогу при первомъ появленіи татаръ; но они служили только лучшими проводниками для татарскаго войска до самой Аджамки. Въ этомъ мѣстечкѣ, которое охранялось отъ опустошеній своимъ сосѣдствомъ съ крѣпостью св. Елисаветы, мы застали очень мало жителей, и можно было заподозрить, что большая часть ихъ укрылась въ крѣпости подъ защитой пушекъ.

Наша армія была въ такомъ скверномъ видѣ, что сама опасалась вылазки: въ самомъ дѣлѣ, отрядъ въ двѣ или три тысячи человѣкъ, атаковавши насъ ночью, могъ перерѣзать вѣхъ. Эта опасность была такъ же очевидна, какъ невозможность избѣгать ее, потому что войско не могло уже долше выносить усталости. Въ такой крайности Крымъ-Гирей велѣлъ султанамъ и мирзамъ составить отрядъ въ триста всадниковъ, которые должны были послѣ захода солнца напасть на крѣпость

св. Елисаветы, чтобы держать гарнизонъ ея въ оборонительномъ положеніи. Этотъ избранный отрядъ, единственный, въ которомъ нравственная энергія превозмогала физическій упадокъ силъ, захватилъ плѣнниковъ въ самомъ предмѣстьи крѣпости и настолько обезпечилъ успѣхъ этой военной хитрости, что войско могло остановиться и отдохнуть вполне удобно. Мѣстечко Аджамка, имѣющее отъ восьмисотъ до девятисотъ домовъ, расположено на берегу небольшой рѣчки того же имени. Обиліе всякаго рода жатвы свидѣтельствовало о плодородіи почвы. Но войскамъ запрещено было занимать дома изъ боязни преждевременнаго пожара; позволено было только похищать дрова и съѣстные припасы, годные для употребленія. Ханъ самъ подалъ примѣръ, расположившись въ палаткѣ. Благодаря цѣлому дню отдыха, въ теченіи котораго къ намъ присоединилась часть передоваго отряда со множествомъ захваченныхъ стадъ и невольниковъ, въ арміи распространилось веселое настроеніе. Я замѣтилъ, что у татаръ каждой орды есть свой лозунгъ, на который отвѣчали ихъ товарищи при дѣлежѣ добычи. Слово Аксерай — бѣлый дворець — служило лозунгомъ ханскаго двора. Если ясна была польза такого изобрѣтенія, то съ трудомъ можно было понять, даже видя собственными глазами, ту заботливость, терпѣніе и удивительную ловкость, которыя обнаруживаютъ татары для сохраненія того, что они успѣли захватить. Пять или шесть невольниковъ разнаго возраста, шестьдесятъ овецъ и двадцать воловъ — добыча одного человѣка — не обременяютъ его. Головы дѣтей высматриваютъ изъ мѣшка, привѣшеннаго къ тулкѣ сѣдла, молодая дѣвушка сидитъ впереди, поддерживаемая лѣвой рукой всадника, мать позади, отецъ на одной изъ заводныхъ лошадей, сынъ на другой, овцы и волы впереди, — все идетъ и не сбивается съ пути подъ бдительнымъ окомъ хозяина этого стада. Собрать его, вести, заботиться о его пропитаніи, идти пѣшкомъ самому, чтобы доставить удобство невольникамъ — хозяину этому ничего не стоитъ, и такая картина, право, была бы интересна, если бы сюжетомъ ея не служила скудость и самая жестокая несправедливость. Я вышелъ съ ханомъ любоваться этимъ зрѣлищемъ; одинъ изъ офицеровъ гвардіи, бывшій на караулѣ у палатки хана, пришелъ извѣстить его, что какой-то ногаецъ желаетъ принести жалобу. Крымъ-Гирей со-

гласился и ногаецъ въ сопровожденіи того-же офицера приблизился къ нимъ. Но сходство нашихъ шубъ ввело его въ заблужденіе и не зная, къ кому изъ насъ обратиться, онъ, казалось, отдалъ предпочтеніе мнѣ. Я хотѣлъ отодвинуться, чтобы положить конецъ его замѣшательству, но Крымъ-Гирей, замѣтивши все это, сдѣлалъ знакъ офицеру, отодвинулся самъ и приказалъ мнѣ выслушать ногайца. Дѣло шло о лошади, которая пропала у ногайца; замѣвъ пропавшей онъ укралъ себѣ другую и теперь не могъ никакъ доказать права возмездія, которое онъ себѣ присвоилъ. „Что долженъ я отвѣчать?“ спросилъ я хана.—„Судите, какъ съумѣете“, отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я сказалъ тогда ногайцу, что онъ долженъ возвратить украденную лошадь и хотѣлъ уже удалить его со двора, когда Крымъ-Гирей, которому эта штука доставляла удовольствіе, шепнулъ мнѣ, чтобы я не забылъ о наказаніи палками. Я тотчасъ-же прибавилъ, обращаясь къ ногайцу: „я прощаю тебѣ тѣ палочные удары, которые ты заслужилъ“. Знакъ согласія съ моей резолюціей, сдѣланный ханомъ офицеру, показалъ мнѣ, что Крымъ-Гирей не разсердился на меня за смягченіе его приговора.

Не смотря на всѣ старанія разыскать жителей Аджамки, это не удалось; только на другой день, въ моментъ отъѣзда, когда подожжены были всѣ скирды хлѣба и сѣна, собранныя этими несчастными,—они бросились въ объятія враговъ, чтобы спастись отъ пламени, пожиравшаго ихъ жатву и ихъ очаги. Приказаніе сжечь Аджамку было выполнено такъ посѣпно и огонь распространился по домамъ, крытымъ соломой, съ такою силой и быстротой, что мы сами едва успѣли выйти оттуда среди пламени. Воздухъ, наполненный пепломъ и парами растаявшаго снѣга, затемнилъ солнце на время; а потомъ эта смѣсь превратилась въ какой-то сѣроватый снѣгъ, хрустѣвшій на зубахъ. Полтораста деревень были сожжены такимъ-же образомъ; огромное дымное облако распространилось на двадцать миль въ предѣлы Польши и только нашъ приходъ туда объяснилъ причину этого явленія. Войско долго шло во мракѣ и лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ было замѣчено бѣгство ногайцевъ едисанской орды; въ надеждѣ избавиться отъ лежавшей на нихъ десятинной повинности съ своей добычи хану, они предпочли возвращаться черезъ пустыню на свой страхъ.

Войско, двигаясь къ границѣ польской Украйны, пришло въ Красниковъ. Въ этой деревнѣ, лежащей за болотистой лоциной, было нѣчто въ родѣ укѣрепенія, гдѣ жители вмѣстѣ съ сотней солдатъ оказали сначала нѣкоторое сопротивленіе; но боязнь пожара принудила ихъ вскорѣ бѣжать и скрыться въ лѣсу, откуда ихъ ружейные выстрѣлы могли достигать до деревни. Чтобъ вытѣснить ихъ оттуда, Крымъ-Гирей, ставши у опушки лѣса, приказалъ собрать остатокъ синаевъ, которымъ онъ командовалъ идти въ атаку. Но эти храбрецы, которымъ стихшіе холода и отдыхъ въ Аджамкѣ возвратили всю ихъ дерзость, разсѣялись отъ перваго ружейнаго выстрѣла. Игнать-козаки, расположившіеся позади насъ, одушевленные присутствіемъ хана, просили и получили разрѣшеніе атаковать лѣсъ. Они проникли туда, окружили грунну людей, которые тамъ защищались, убили около сорока человекъ и захватили въ плѣнъ всѣхъ, кто не могъ спастись бѣгствомъ. Во время этой экскурсіи, которая стоила всего восьми или десяти человекъ козаковъ да нѣсколькихъ татаръ изъ свиты хана, — Крымъ-Гирей, возмущенный подлостью турокъ, бесѣдовалъ со мною, предрекая то разложеніе, которое она готовитъ Оттоманской имперіи. Занятый этой мыслью, онъ вѣзжалъ въ деревню, какъ вдругъ замѣтилъ турка эмира по происхожденію, который шелъ изъ лѣсу, держа въ рукахъ человѣческую голову. „Видите“, сказалъ мнѣ ханъ, „видите этого негодяя? Онъ хочетъ помѣшать моему ужину; но посмотрите, онъ едва осмѣливается дотронуться до этой головы, которую онъ отрубилъ“. Эмиръ подошелъ, бросилъ свой трофей къ ногамъ лошади хана и съ наивосомъ произнесъ пожеланіе, чтобы всѣ враги повелителя татаръ испытали ту же участь, какъ этотъ, съ которымъ онъ только что покончилъ. Но Крымъ-Гирей узналъ уже въ мертвой головѣ лицо одного изъ собственныхъ Игнать-козаковъ. „Несчастный“, сказалъ онъ эмиру: „какъ могъ ты убить его? Мертвый онъ внушаетъ тебѣ страхъ; живой онъ съѣлъ-бы тебя. Это одинъ изъ моихъ Игнать-козаковъ, убитый въ лѣсной атакѣ; кто-то другой, чтобъ помочь тебѣ обмануть меня, отрубилъ голову убитаго: у тебя не стало бы мужества даже на это“. Смущенный турокъ старался оправдаться: онъ настаивалъ на своемъ, осмѣливался увѣрять, что онъ самъ убилъ этого человекъ. „Осмотрите

его оружіе“, сказалъ тогда ханъ. Ножъ, пистолеты, сабли— все было осмотрѣно немедленно и слѣдовъ крови не оказалось нигдѣ. „Убейте этого труса!“ вскричалъ Крымъ-Гирей. Одинъ изъ офицеровъ гвардіи ударилъ турка слегка кнутомъ, чтобы, удовлетворивъ этимъ гнѣвъ своего повелителя, спасти несчастнаго отъ худшей участи. Но этотъ послѣдній, гордясь своимъ званіемъ эмира, дерзко протестовалъ противъ нанесеннаго ему оскорбленія, такъ какъ, по турецкому обычаю, прежде чѣмъ подвергнуть наказанію эмира, необходимо снять съ головы его тюрбанъ — знакъ достоинства эмира. Тогда ярость хана разразилась. „Сбейте кнутомъ зеленый тюрбанъ съ головы этого негодяя!“ Приказаніе это, произнесенное тономъ, не допускавшимъ возраженій, было выполнено съ суровостью болѣе жестокой, чѣмъ смертная казнь. Но этотъ случай подѣйствовалъ на сипаевъ, которые, отказавшись раньше участвовать съ татарами въ набѣгѣ, пользовались теперь ихъ возвращеніемъ. отнимали отъ нихъ, съ пистолетомъ у горла, приведенныхъ ими невольниковъ, владели нѣкоторое время за собой отнятыя жертвы, а когда это надоѣдало, рѣзали плѣнниковъ въ куски, чтобы избавиться отъ нихъ.

Ханъ предполагалъ на другой день утромъ атаковать небольшой городокъ Цыбулевъ, расположенный за лѣсомъ, въ разстояніи полуторы мили отъ насъ; но по рассказамъ плѣнниковъ гарнизонъ цыбулевскій казался достаточно сильнымъ, чтобы можно было захватить его безъ помощи артиллерійскихъ орудій и потому ханъ позволилъ только волонтерамъ идти туда, а самъ во главѣ арміи двинулся на Буки въ Польшу. Цыбулевскіе пушечные выстрѣлы, доносившіеся къ намъ во время пути, не могли помѣшать татарскому отряду волонтеровъ съечь предметья и забрать много плѣнныхъ. Всѣ деревни, которыя встрѣчались намъ на пути, подверглись той-же участи. Татары, болѣе озабоченные захватомъ невольниковъ, чѣмъ соблюденіемъ границъ Польши, продолжали свои разбои далеко за тѣми предѣлами, которые были имъ предписаны. Приказанія Крымъ-Гирея, направленные противъ хитрой алчности татаръ, сначала не дѣйствовали; но строгія мѣры, принятыя имъ, наконецъ имѣли желанный успѣхъ, такъ какъ за проступкомъ немедленно слѣдовало наказаніе.

Чтобы вѣрнѣе сохранить свои обязательства по отношенію къ Польской республикѣ, главная часть арміи должна была располагаться лагеремъ всегда въ окрестностяхъ деревень и питаться собственными припасами. Когда-же турки, для устройства которыхъ не хватало средствъ, подожгли нѣсколько домовъ, они были строго наказаны. На первый взглядъ можно было насчитать свыше двадцати тысячъ невольниковъ, которыхъ вело за собой татарское войско; стадъ было безчисленное множество. Мы могли двигаться только небольшими переходами, а необходимость наблюдать за поведеніемъ татаръ побудила хана раздѣлить войско на семь колоннъ.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ мы останавливались, наши жилища отмѣчались мѣломъ; остальными домами, не занятыми ханской свитой, могли пользоваться сипаи. Ханъ приказалъ, чтобы квартира его и моя были рядомъ, и я пользовался этимъ преимуществомъ въ теченіи нѣкотораго времени. Но вотъ однажды какой-то али-бей, не нашедшій безъ сомнѣнія въ деревнѣ жилища достойнаго такой особы, входитъ важно ко мнѣ въ сопровожденіи двухъ сипаевъ, которые несли его вещи. Я спрашиваю его, что ему нужно. Не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ холодно. Съ этими словами онъ устраиваетъ нѣчто въ родѣ эстрады изъ подушекъ, которыя были съ нимъ, усаживается и требуетъ трубку. Напрасно я убѣждаю его, что это помѣщеніе предназначается для меня, что мы не можемъ занимать его вмѣстѣ, что я долженъ быть неотлучно при ханѣ, а онъ при своемъ войскѣ. Всѣ аргументы безсильны; разъ водворившись, онъ непоколебимъ. Тогда я рѣшился просить ханскаго оруженосца, чтобъ онъ освободилъ меня отъ этого безпокойнаго гостя. Онъ пришелъ тотчасъ подъ предлогомъ навѣстить меня; войдя онъ спросилъ бея, съ котораго времени онъ знаетъ меня. Этотъ послѣдній отвѣчалъ не конфузясь, что онъ пришелъ, чтобы свести знакомство, поселившись вмѣстѣ со мной. „При атакѣ лѣса нужно было знакомиться съ нами, мы были всѣмъ вамъ очень рады тогда“, сказалъ иронически капитанъ гвардіи, теперъ-же вы должны удалиться, не ожидая, пока ханъ, извѣщенный о вашей выходкѣ, воспользуется случаемъ выразить свой гнѣвъ“. — «Я знаю всю силу его власти“, отвѣчалъ бей; „одного его слова достаточно, чтобы слетѣла моя голова, пусть онъ произнесетъ

это слово; но живой я не выйду до тѣхъ поръ, пока вся армія не двинется въ путь“. Это было его послѣднее слово; ничѣмъ нельзя было убѣдить его. Возбѣшенный этимъ безумцемъ оруженосецъ удалился, чтобы извѣстить хана обо всемъ происшедшемъ. Я былъ вскорѣ позванъ къ хану. Крымъ-Гирей отдавалъ приказанія, суровость которыхъ заставляла меня задрожать. Онъ былъ уже давно раздраженъ недисциплинированностью и подлостью турокъ, нахальство моего али-бея истощило терпѣніе. Меня вызвали только для того, чтобы на свободѣ расправиться съ нимъ смертной казнью. Ханъ хотѣлъ распространить свою строгость и на всѣхъ сипаевъ, и только боязнь того, что его могутъ заподозрить въ пристрастіи, сдерживала его. Я-же твердо рѣшился сдѣлать все возможное, чтобы оставить въ покоѣ бея, девизъ котораго былъ не „побѣдить и умереть“, а „спать или умереть“. Я заявилъ, что моя жалоба могла быть дурно передана, что нужно было выслушать меня самого; я успѣлъ выставить въ смѣшномъ свѣтѣ передъ ханомъ смѣшное упорство арпаутэвъ, такъ что проступокъ бея затерялся въ массѣ другихъ случаевъ. Приказаніе, отданное ханомъ, было отмѣнено подъ обязательнымъ условіемъ, что я больше не покину его палатки.

Войско, отягченное добычей, награбленной въ Новой Сербіи, медленно двигалось за стадами къ польской границѣ и постоянно ненасытные татары пользовались каждымъ случаемъ, чтобы обмануть бдительность хана и увеличить свою добычу мародерствомъ, не смотря на угрозы строгаго наказанія. Но темный цвѣтъ татарской одежды не благоприятствовалъ воровской хитрости татаръ, дѣлая ихъ замѣтными издалека на спѣжной равнинѣ.

Какъ-то нѣсколько ногайцевъ отдѣлились отъ остальнаго войска, обогнули одну изъ польскихъ деревень и уже почти скрылись за нею. Ханъ, ѣхавшій у опушки лѣса по возвышенности, откуда открывалась вся равнина, замѣтилъ этихъ мародеровъ: онъ приказалъ остановиться и послалъ своего оруженосца съ 4-мя сейменами очистить деревню и привести ему тѣхъ ногайцевъ, которые будутъ застигнуты на мѣстѣ преступленія. Мрачный видъ, сопровождавшій это приказаніе, показывалъ, что ханъ желаетъ сдѣлать изъ этого случая примѣръ для всѣхъ.

Оруженосецъ возвратился съ ногайцемъ, у котораго въ рукахъ былъ кусокъ полотна и два мотка шерсти, захваченные имъ. На вопросы хана ногаецъ сознался въ своей винѣ, и сказалъ также, что ему извѣстны строгія постановленія на этотъ счетъ. Онъ не выставилъ въ свою пользу никакого оправданія, не просилъ пощады у хана и защиты у окружающихъ: но холодно ждалъ приговора, не высказывая ни гордости, ни слабости.—„Привяжите его къ хвосту лошади и пустите въ поле, пусть она влечитъ его, пока онъ не умретъ; пусть глашатай ѣдетъ слѣдомъ за нимъ и выкрикиваетъ предъ всѣмъ войскомъ вину преступника“.—На этотъ приговоръ хана ногаецъ не отвѣтилъ ничего: онъ молча сошелъ съ лошади и приблизился къ сейменамъ, которые должны были связать его; но не оказалось подъ руками ни веревки, ни ремня. Пока отправился на поиски, я попытался замолвить слово въ пользу несчастнаго. Въмѣсто отвѣта ханъ приказалъ кончать скорѣе, употребивши въ дѣло тетиву отъ лука, вмѣсто веревки. Ему замѣтили, что она коротка. Такъ пусть сказалъ ханъ, просунетъ голову въ лукъ, который вы при вяжете къ хвосту лошади.—Ногаецъ исполнилъ приказаніе. Лошадь помчалась въ поле, но голова ногайца выскользнула изъ лука и несчастный упалъ.

— Пусть держится за лукъ руками, приказалъ ханъ.—Ногаецъ повиновался.

Эта казнь, гдѣ осужденный явился собственнымъ своимъ палачомъ, служить примѣромъ крайней покорности; она превосходитъ все, что мнѣ приходилось слышать о слѣпомъ повиновеніи „старцу горы“.

Заботы Крымъ-Гирей о сохраненіи порядка въ войскѣ въ предѣлахъ Польши простирались до охраны религіознаго культа жителей. Нѣсколько ногайцевъ, обвиненныхъ въ оскорбленіи иконы, изображавшей Христа, были наказаны палками у дверей церкви. „Слѣдуетъ учить татаръ, чтобъ они уважали излишняя искусства и религію“, говорилъ Крымъ-Гирей.

Г. Саврань (въ Польшѣ, въ брацлавскомъ воеводствѣ) былъ тѣмъ желаннымъ пунктомъ, гдѣ должны были распределить добычу, распустилъ всѣ орды, за исключеніемъ бессарабской, и избавился отъ всей той сумятицы, которая окружала насъ. Было рѣшено устроить тамъ стоянку и на другой день нашего пріѣзда приступлено было къ дѣлежу

добычи: но при самомъ точномъ надзорѣ нѣкоторымъ мошенникамъ удалось утаить часть ея отъ десятинной повинности хану. Однако, не смотря на обманъ, на долю его досталось около двухъ тысячъ невольниковъ, которыхъ онъ дарилъ каждому, кто приходилъ къ нему. Я присутствовалъ обязательно при этой процедурѣ и видя щедрость хана, замѣтилъ ему, что источникъ ея скоро изсякнетъ, если онъ будетъ продолжать въ томъ-же родѣ.

Крымъ-Гирей.

На мою долю останется еще довольно, мой другъ; годы наслажденій минули. Но я не забылъ васъ. Вдали отъ своего гарема, претерпѣвая всякія лишенія и невзгоды въ этихъ далекихъ пустыняхъ вы заслуживаете награды; я предоставляю на вашу долю шесть мальчиковъ очень красивыхъ, однимъ словомъ, какихъ-бы я выбралъ для самаго себя.

Баронъ.

Я осыпанъ вашими милостями; но можетъ-ли быть достоинъ ихъ тотъ, кто не знаетъ имъ цѣны. Я-же боюсь, государь, что не сумѣю оцѣнить вашего подарка такъ, какъ онъ заслуживаетъ.

Крымъ-Гирей.

Я не имѣю намѣренія торговаться о вашей благодарности. Я даю вамъ плѣнниковъ, они вамъ понравятся—вотъ все, чего мнѣ нужно.

Баронъ.

Но ваша свѣтлость забываете, что мое положеніе представляетъ непобѣдимое препятствіе. Ваши плѣнные всѣ русскіе: какъ-же я могу при такомъ условіи принять подданныхъ той державы, которая находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ моимъ государемъ и повелителемъ?

Крымъ-Гирей.

Этотъ мотивъ могъ ускользнуть у меня изъ виду: я и до сихъ поръ, впрочемъ, не вполне понимаю его. Вражда создаетъ невольниковъ,

дружба ихъ дарить или получаетъ въ подарокъ; что касается васъ, я во всякомъ случаѣ не хочу оспаривать вашихъ обязанностей, — ваше дѣло ихъ выполнять; но чтобы намъ придти къ соглашенію, я замѣню шесть русскихъ шестью грузинами, и все уладится.

Баронъ.

Не такъ легко, какъ вамъ кажется, государь; я кмѣю еще одинъ доводъ, который трудно опровергнуть.

Крымъ-Гирей.

Какой?

Баронъ.

Мою религію.

Крымъ-Гирей.

Въ такомъ случаѣ я остерегусь касаться ея; конечно, прекрасно руководиться религіозными побужденіями; но сознайтесь, по крайней мѣрѣ, что это тягостно.

Баронъ.

Я сдѣлаю больше; я признаюсь, что слабость человѣческая заставляетъ часто уклоняться съ пути истиннаго: напимѣрь, быть можетъ, и сегодня я оказываюсь такимъ щепетильнымъ и преданнымъ своему долгу только потому, что ваше предложеніе не кажется мнѣ достаточно заманчивымъ; быть можетъ шесть хорошенькихъ дѣвушекъ заставили-бы меня забыть всё мои принципы. Если-бы вдуматься, то оказалось-бы, что самые высокіе подвиги добродѣтели зависятъ исключительно отъ того, какого рода искушенію они подвергаются.

Крымъ-Гирей.

Я это прекрасно понимаю и не преминулъ-бы воспользоваться этимъ средствомъ соблазна, если-бы могъ. Но, мой другъ, и у меня есть своя религія: она дозволяетъ мнѣ давать христіанамъ только невольниковъ мужчинъ и предписываетъ оставлять женщинъ, чтобы дѣлать изъ нихъ прозелитокъ.

Баронъ.

Развѣ мужчины кажутся вамъ менѣ достойными обращенія, чѣмъ женщины?

Крымъ-Гирей.

Конечно, нѣтъ; но мудрость нашего великаго пророка все предусматрѣла. Это различіе — лучшее доказательство ея.

Баронъ.

Признаюсь, государь, я не понимаю этого, и вы позволите мнѣ думать, что просто хорошенькія дѣвушки вамъ больше нравятся.

Крымъ-Гирей.

Клянусь вамъ, нѣтъ. Я только повинуюсь самому мудрому закону. Дѣйствительно, мужчина, будучи по природѣ независимымъ въ самомъ рабствѣ своемъ, оказываетъ извѣстный отпоръ, который едва сдерживается страхомъ. Онъ обладаетъ сознаниемъ своихъ силъ, въ немъ преобладаетъ умъ, который доступенъ дѣйствию одной лишь божественной власти и который у меня и у васъ можетъ быть одинаково просвѣщеннымъ: обращеніе мушпы всегда чудо; между тѣмъ какъ среди женщинъ это явленіе самое естественное и простое: женщины всегда держатся религіи тѣхъ, кого онѣ любятъ. Да, мой другъ, любовь — великій миссіонеръ; разъ она является — женщины никогда не спорять.

Я также не оспаривалъ этого страннаго убѣжденія, которое приложимо, безъ сомнѣнія, только къ женщинамъ, находящимся въ рабствѣ.

Послѣ того, какъ большая часть невольниковъ была распределена и ногайскія орды распущены, ханъ направилъ путь къ Бендерамъ; но если уменьшеніе числа войскъ способствовало большей быстротѣ похода, то съ другой стороны благородство хана ставило новыя препятствія его желанію ускорить свое возвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ султаны и министры, имѣвшіе до сихъ поръ при себѣ только походный багажъ, теперь благодаря хану имѣли такой излишекъ добычи, который препятствовалъ имъ двигаться съ достаточной скоростью. Кади-лескеръ, наиболѣе ненасытный и наиболѣе ловкій въ достиженіи своей цѣли,

оказывался также наилучше награжденнымъ. Мнѣ было любопытно видѣть его среди его изобилія и я отправился къ нему какъ-то вечеромъ.

Этотъ великій судья почтенныхъ лѣтъ и съ почтенной бѣлой бородой небрежно лежалъ на коврѣ, предназначенномъ для времени молитвы, и жаднымъ взглядомъ, съ злобной улыбкой созерцалъ невольниковъ разнаго возраста, которые въ числѣ сорока человѣкъ, собравшись у печки, образовали группу изъ фигуръ обоого пола; глаза всѣхъ ихъ были устремлены на Кади-лескера.

— Поздравляю васъ, сказалъ я, съ успѣхомъ войны, принесшей вамъ, кажется, немалую прибыль.

Кади.

Вы видите, правда, что ханъ меня хорошо вознаградилъ; но вы знаете также, что надо пользоваться этими богатствами, чтобъ наслаждаться ими; а это трудно для меня.

Баронъ.

Если вспомнить принципы хана насчетъ обращенія женщинъ, то онъ, кажется, полагается на васъ относительно прозелитокъ.

Кади.

Когда вы пришли, я занимался тѣмъ, что искалъ среди этихъ фигуръ наиболѣе пріятную. Вглядитесь и вы, и посмотримъ, сойдемся ли мы въ выборѣ.

Баронъ.

Я уже рѣшилъ и подаю голосъ за ту хорошенькую дѣвушку съ стройной таліей, скромной осанкой и нѣжнымъ взглядомъ, стоящую на скамьѣ.

Кади.

А я отдаю предпочтеніе этому круглому цвѣтущему лицу и ручаюсь, что эта фигурка, одѣтая нажемъ, будетъ восхитительна. Я признаю васъ даже, что эта стройная талія, которая васъ восхищаетъ, кажется мнѣ недостаткомъ дороства.

Баронъ.

Въ такомъ случаѣ я васъ не жалѣю, такъ какъ эта дѣвушка единственная, въ которой можно найти этотъ недостатокъ. Но я вижу здѣсь очень молодыхъ: не можете-ли вы сказать мнѣ, съ какихъ лѣтъ начинаютъ заниматься ихъ обращеніемъ и не слишкомъ-ли торопятся жениться на нихъ погайцы, которые обнаруживаютъ такую жадность къ захвату въ плѣнъ дѣвушекъ.

Кади.

Нѣтъ, татары, напротивъ, очень совѣстливы на этотъ счетъ.

Баронъ.

Но какъ-бы они ни были совѣстливы, они не могутъ спрашивать у невольниковъ о томъ, сколько имъ лѣтъ, и даже подобная справка была-ли-бы достаточной?

Кади.

Они имѣютъ хорошій способъ успокоить свою совѣсть. Если они сомнѣваются въ силахъ молодой дѣвушки, они дѣлаютъ видъ, что сердятся, пугаютъ ее и принуждаютъ бѣжать; когда она обращается въ бѣгство, они бросаютъ ей вслѣдъ одну изъ шапокъ; этотъ ударъ не сильный самъ по себѣ, достаточенъ для того, чтобы свалить ее съ ногъ, если она слаба. Въ такомъ случаѣ они уважаютъ ея раннюю молодость, утѣшаютъ ее и ждутъ терпѣливо того времени, когда она станетъ достаточно сильной, чтобъ выдержать испытаніе.

Баронъ.

Я не знаю, достаточно-ли этого; но и въ такомъ случаѣ можете-ли вы ручаться за честность тѣхъ, кто практикуетъ этотъ способъ?

— Можно всегда ручаться, отвѣтилъ мнѣ Кади, что обычаи строго соблюдаются простой націей, чѣмъ законы у народовъ культурныхъ.

Въ это время я почувствовалъ себя дурно и приписывая это удушливой жарѣ въ комнатѣ Кади-лескера, отправился домой; но переходъ изъ такой атмосферы къ рѣзкому холоду подѣйствовалъ на меня такъ, что я упалъ безъ памяти на снѣгъ. Я лежалъ такъ нѣсколько

времени, пока одинъ изъ слугъ судьи не замѣтилъ меня и не даль знать своему господину. Однако помощь, которую онъ успѣшилъ оказать мнѣ, не имѣла-бы успѣха, если-бы Крымъ-Гирей, узнавшій о моемъ приключеніи, не прислалъ мнѣ съ однимъ изъ своихъ нажей „eau de Luce“, которую я долженъ былъ нюхать. Не смотря на это средство, я былъ еще слишкомъ слабъ, чтобъ добраться до своего жилища; четыре татарина отнесли меня домой; ужась гг. Руффина и Кустилле при видѣ меня придалъ мнѣ бодрости и помогъ окончательно придти въ себя.

На другой день мы прибыли въ Бендеры. На нѣкоторомъ разстояніи отъ города мы замѣтили бендерскаго визиря, который двигался на встрѣчу намъ. Приблизившись къ хану, визирь въ сопровожденіи многочисленной свиты слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Крымъ-Гирею, отдалъ ему глубокой поклонъ и повернулся, чтобы идти пѣшкомъ впереди хана. Но послѣ этой церемоніи онъ получилъ позволеніе сѣсть на лошадь и сопровождалъ такимъ образомъ Крымъ-Гирея до р. Днѣстра, которая отдѣляла насъ отъ крѣпости. Мы замѣтили здѣсь мостъ изъ кораблей, который былъ устроенъ пашою бендерскимъ; это представило тѣмъ больше затрудненій, что нужно было разбивать ледъ, покрывавшій еще рѣку. Но всѣ эти мѣры, предпріятыя съ цѣлью оказать вниманіе повелителю татаръ, имѣли мало успѣха, и всѣ пастойчивыя убѣжденія визиря, чтобы ханъ воспользовался мостомъ, не привели ни къ чему. „Я переправляюсь черезъ рѣки болѣе экономическимъ способомъ“. Съ этими словами онъ пускаетъ свою лошадь мелкой рысью и принуждаетъ пашу, котораго заставила содрогнуться эта шутка, послѣдовать его примѣру. Трескъ ломившихся подъ ними льдинъ долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ заставить пашу пожалѣть о понтонахъ, и только на другомъ берегу уже онъ могъ наглядно убѣдиться въ ихъ бесполезности. Во время этой переправы изъ крѣпости начались пушечные салюты; Крымъ-Гирей вступилъ въ Бендеры при громѣ всей артиллеріи. Онъ расположился въ домѣ визиря, устроивши стоянку для того, чтобы распустить свои войска; тѣмъ временемъ въ Каушанахъ приготовлена была для него квартира и мы прибыли туда всѣ равно довольные возможностью отдохнуть послѣ похода.

Между тѣмъ вѣсти, получаемыя изъ Константинополя, откуда турецкая армія располагала отправиться къ Дунаю, не обѣщали тата-

рамъ долгаго бездѣйствія. Среди удовольствій, которымъ любилъ предаваться Крымъ-Гирей въ минуты отдыха, онъ былъ предусмотрителенъ и уже отдалъ приказъ собирать новыя войска; онъ считалъ необходимымъ направиться самому къ Хотину, чтобы удалить оттуда великаго визиря. Невѣжество, которымъ отличался этотъ первый министръ, требовало дѣйствительно противодѣйствія со стороны человѣка такого могущественнаго и просвѣщеннаго, какъ ханъ; раньше видно уже было, что намѣренія Крымъ-Гирея не были благопріятны для Эмиръ-паши. Этотъ послѣдній, болѣе подозрительный въ своемъ недовольствѣ и вынужденный скрывать его до поры до времени, былъ самымъ опаснымъ врагомъ.

Среди всѣхъ своихъ занятій, Крымъ-Гирей все чаще испытывалъ приступы ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Я былъ вдвоемъ съ нимъ во время одного изъ такихъ припадковъ, которые онъ переносилъ съ нетерпѣніемъ, и старался, чтобы онъ не принималъ никакихъ сомнительныхъ лекарствъ, когда нѣкто Сирополо, предлагавшій уже ему свои услуги, вошелъ въ комнату. Этотъ человѣкъ былъ родомъ изъ Корфу, греческаго вѣроисповѣданія, химикъ большой руки, врачъ Валахскаго господаря и его уполномоченный въ татарскомъ ханствѣ; въ качествѣ таковаго онъ имѣлъ доступъ къ хану и предложилъ ему свою медицинскую помощь, увѣряя, что онъ знаетъ лекарство, вовсе не дурное на вкусъ, которое вылечитъ хана окончательно.

— „На такомъ условіи я согласенъ“, отвѣтилъ ханъ и врачъ вышелъ.

Я задрожалъ такъ замѣтно, что ханъ обратилъ вниманіе и сказалъ мнѣ съ улыбкой: „что, мой другъ, неужели вы боитесь“?

--- „Конечно“, отвѣчалъ я съ живостью, обсудите положеніе этого человѣка и свое и подумайте, не правъ-ли я?“

— „Какое безуміе!“ сказалъ онъ, „на что мнѣ обсуждать? Не достаточно-ли одного взгляда: взгляните на него и на меня и увидите, осмѣлится-ли онъ“.

Напрасно я употреблялъ настойчивыя убѣжденія, пока готовилось лекарство; врачъ быстро разсѣялъ дурное расположеніе хана, и это усилило мои опасенія.

На слѣдующій день подозрѣніе мое еще больше возросло: ханъ чувствовалъ такую слабость, что едва могъ выйти; но ловкій врачъ увѣрялъ, что это хорошій симптомъ спасительнаго кризиса и полнаго выздоровленія. Между тѣмъ Крымъ-Гирей уже не выходилъ изъ гарема. Опасаясь за него, обезпокоенный безпечностью министровъ, я общилъ имъ свой страхъ и вынудилъ рѣшеніе позвать на судъ Сирополо и сказать ему, что его жизнь будетъ зависѣть отъ жизни хана. Но этотъ человѣкъ достаточно хорошо зналъ мораль своихъ судей, зналъ, что эгоизмъ заставитъ ихъ заняться не мертвымъ, а его преемникомъ. Никакія угрозы не могли смутить его. Мы потеряли всякую надежду и я не рассчитывалъ уже видѣть хана, какъ вдругъ онъ меня позвалъ къ себѣ. Меня ввели въ его гаремъ, гдѣ я засталъ нѣсколькихъ изъ его женъ: общая печаль и уныніе ихъ было такъ велико, что онѣ забыли удалиться. Я вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Крымъ-Гирей. Онъ только что кончилъ различныя дѣла съ своимъ диванъ-эффенди (секретаремъ совѣта). Указывая на бумаги, лежавшія вокругъ, онъ сказалъ мнѣ:

„Вотъ мой послѣдній трудъ, а вамъ я отдаю свои послѣднія минуты“.

Но увидѣвши вскорѣ, что никакія усилія не могутъ побѣдить моей печали, онъ прибавилъ:

„Разстанемся; ваша чувствительность могла бы растрогать меня, я же постараюсь уснуть на вѣки веселѣе“. Онъ далъ знакъ шести музыкантамъ, стоявшимъ въ глубинѣ комнаты, начать концертъ.

Часъ спустя я узналъ, что несчастный ханъ умеръ подъ звуки музыки.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить, какія сожалѣнія вызвала его смерть и какъ она глубоко опечалила меня лично. Отчаяніе было общее; какой-то ужасъ овладѣлъ всѣми и тѣ, кто наканунѣ спокойно спали, увѣренные въ полной безопасности, теперь думали, что непріятель стоитъ у воротъ.

Въ то время, какъ собраншійся диванъ былъ занятъ рассылкой курьеровъ, облеченіемъ властью одного изъ султановъ на время междуцарствія и хлопотами о набалазамированіи тѣла Крымъ-Гирея, — Сирополо безъ всякихъ затрудненій получилъ паспортъ и билетъ на проѣздъ, необходимые ему для того, чтобы спокойно уѣхать въ Валахію.

Между тѣмъ признаки отравы ясно обнаружились при бальзамированіи тѣла; но интересъ минуты заглушилъ у этихъ придворныхъ всякую мысль о мести и наказаніи виновнаго. Тѣло хана было отправлено въ Крымъ на колесницѣ, драпированной чернымъ сукномъ, запряженной шестью лошадьми въ черныхъ пополахъ. Пятьдесятъ всадниковъ, значительное число мирзъ и султанъ, командовавшій конвоемъ, были тоже въ траурѣ; надо замѣтить, что на востокѣ этотъ обычай есть только у татаръ.

Сильная усталость, которую я испытывалъ уже давно, вмѣстѣ съ неизвѣстностью относительно своего положенія, которую вызывало это событіе, заставило меня легко уступить желанію уѣхать въ Константинополь и тамъ ждать новыхъ распоряженій, которыя угодно будетъ поручить мнѣ. Часть моего домашняго хозяйства была еще въ Бахчисарафѣ, другую часть я оставилъ въ Каушанахъ, гдѣ оставался и г. Руффинъ, удерживаемый дѣлами. Распорядившись такъ, я уѣхалъ въ сопровожденіи своего секретаря, хирурга, лакея и ханскаго чиновника, который долженъ былъ меня провожать и былъ снабженъ необходимыми указаніями на этотъ счетъ.

Мемуары бар. Тотта, какъ мы уже сказали, небогаты свѣдѣніями относительно территории нынѣшняго Новороссійскаго края. Тѣ отрывочныя данныя, которыя онъ сообщаетъ, могутъ быть раздѣлены на географическія (касающіяся топографіи и этнографіи) и историческія.

Говоря о татарскомъ набѣгѣ 1769 года, бар. Тоттъ описываетъ только погромъ Новой Сербіи (которая входила тогда въ составъ Елисаветинской провинціи), не касаясь остальной части южнорусскихъ степей, которую разорили войска Калги и Нурадина. Онъ только указываетъ, что по общему плану набѣга, намѣченному въ Каушанахъ, армія Калги должна была направиться на сѣверо-востокъ къ Самарѣ и Бахмуту, армія Нурадина—къ сѣв. Донцу, и затѣмъ упоминаетъ о томъ, что во время военнаго совѣта на правомъ берегу Ингула, у границы Новой Сербіи, ханъ получилъ вѣсти объ этихъ двухъ арміяхъ, подтверждавшія движеніе ихъ въ указанномъ направленіи.

Бар. Тоттъ въ качествѣ очевидца описываетъ очень подробно походъ той главной части татарской арміи, которая находилась подъ предводительствомъ самаго хана Крымъ-Гирея, и мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить движеніе ея и районъ, охваченный ея нашествіемъ

Послѣ общаго военнаго совѣта въ Каушанахъ, армія, предводительствуемая ханомъ, переправилась черезъ Днѣстръ и направилась на сѣверъ.

Въ Балтѣ, послѣ долгаго перехода, была первая большая лагерная стоянка. Изъ Балты войска двинулись на востокъ, а затѣмъ въ юго-восточномъ направленіи шли къ р. Бугу. На этомъ пути бар. Тоттъ упоминаетъ объ остановкѣ въ какомъ-то татарскомъ мѣстечкѣ Ольмарѣ (?), котораго мнѣ не удалось фиксировать на картѣ.

Быть можетъ, мѣстечко это имѣло и другое названіе. На правомъ берегу р. Буга въ настоящее время есть мѣстечко Ахмечеть; названіе это, несомнѣнно татарское, очень разнится отъ наименованій окрестныхъ селъ и деревень; а самое мѣстечко лежитъ какъ разъ на томъ пути, по которому шло татарское войско; но нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что Ольмаръ и Ахмечеть одно и то же.

Далѣе войско хана переправилось по льду черезъ р. Бугъ, къ сѣверу отъ впаденія въ нее р. Мертвовода; послѣ нѣсколькихъ дней пути уже по запорожскимъ степямъ, оно перешло р. Мертвоводъ и берегомъ ея шло до истоковъ этой рѣки, гдѣ и расположилось на отдыхъ въ камышевыхъ заросляхъ.

Послѣ этой стоянки, войско, не зная дорогъ, двигалось на угадъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ р. Ингулу, на правомъ берегу котораго, почти на границѣ Новой Сербіи, остановилось лагеремъ для окончательной провѣрки плана военныхъ дѣйствій. Мѣстность, по которой шло до этого пункта татарское войско (между среднимъ теченіемъ р. Буга и среднимъ теченіемъ р. Ингула), бар. Тоттъ называетъ запорожскими пустынями (*déserts Zaporoviens*). Это было вѣдомство Запорожской Бугогардовской паланки. Очевидно въ то время населеніе этой мѣстности было очень малочисленно, такъ какъ бар. Тоттъ, подробнымъ образомъ описывающій всѣ стоянки арміи, одинъ разъ только упоминаетъ о нѣсколькихъ заброшенныхъ жилищахъ и копнахъ сѣна, которыя встрѣтились по дорогѣ

на правомъ берегу Ингула и которыми войско воспользовалось для устройства своего лагеря. Вѣроятно, это былъ зимовникъ, покинутый жителями при вѣсти о приближеніи врага. На пространствѣ всего пройденнаго пути до Ингульской стоянки, бар. Тоттъ ни разу не говоритъ о подобныхъ поселкахъ. Да это и не удивительно, такъ какъ юго-западная окраина Бугогардовской паланки примыкала непосредственно къ кочевымъ владѣніямъ едисанской орды. Южная часть нынѣшней херсонской губерніи, между нижнимъ теченіемъ Буга и устьями Днѣпра, принадлежала къ району едисанскихъ кочевій и не имѣя строго опредѣленныхъ границъ, составляла предметъ вѣчной порубежной распри между ордой и Запорожьемъ.

Непосредственное сосѣдство съ татарами не могло внушать желанія селиться близъ этой опасной окраины и только необходимость вызвала устройство кое-гдѣ сторожевыхъ постовъ и зимовниковъ. Къ сѣверо-востоку же, къ берегамъ рѣки Ингула мѣстность могла быть населена плотнѣе.

Перейдя Ингулъ, войско татарское въ предѣлахъ Новой Сербіи раздробилось на множество мелкихъ отрядовъ, движенія которыхъ прослѣдить нѣтъ возможности. Это былъ дикій набѣгъ, гдѣ отсутствовалъ правильный планъ, гдѣ главной цѣлью ставился возможно болѣе опустошительный разгромъ земли и захватъ плѣнныхъ.

Мы можемъ слѣдить опять таки лишь за движеніемъ той же центральной части войска, которой предводительствовалъ ханъ. Б. Тоттъ отмѣчаетъ здѣсь нѣсколько фактовъ погрома, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Не рѣшившись напасть на крѣпость св. Елисаветы, татарское войско разорило близъ-лежащее мѣстечко Аджамку, а затѣмъ поворотило на сѣв.-западъ и, двигаясь къ польской границѣ, на пути уничтожило м. Красниковъ. Кромѣ того, отрядъ волонтеровъ направился къ Цыбулеву, но не рискнувши напасть на самое укрѣпленіе подъ пушечными выстрѣлами, разграбилъ только предмѣстья. Б. Тоттъ вскользь говоритъ о набѣгѣ на Цыбулевъ, но о томъ же событіи мы имѣемъ другое свидѣтельство, приводимое г. Скальковскимъ, именно рапортъ вальдмейстера Максимова ¹⁾ (отъ 26-го января 1769 г.), который самъ скрывался въ

¹⁾ „Исторія Новой Сѣчи“ Скальковскаго, ч. III-я.

Цыбулевъ во время татарскаго нападенія. Въ томъ же рапортѣ Максимова мы находимъ свѣдѣнія о разореніи татарами еще двухъ пунктовъ—слободъ Максимовской и Гончарской. Баронъ Тоттъ не упоминаетъ этихъ слободъ, очевидно, разореніе ихъ было дѣломъ одного изъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Описывая страшныя картины погрома Новой Сербіи, б. Тоттъ говоритъ, что въ предѣлахъ этой территоріи было сожжено 150 деревьевъ, общее же число захваченныхъ плѣнныхъ доходило до 20,000 человекъ. Говоря о населеніи Аджамки, онъ указываетъ, что это мѣстечко имѣло отъ 800 до 900 домовъ; наконецъ, онъ приводитъ фактъ сожженія татарами 1200 человекъ, укrywшихся въ какомъ то монастырѣ во время набѣга и погибшихъ послѣ упорнаго сопротивленія. Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу того, что въ то время на территоріи, составлявшей Елисаветинскую провинцію (по бар. Тотту Новую Сербію), было уже немало поселеній съ довольно значительнымъ числомъ жителей. Если допустить даже весьма возможное преувеличеніе въ числѣ плѣнныхъ, трудно опредѣляемому на первый взглядъ, то все же остающіяся данныя свидѣтельствуютъ въ пользу населенности этой территоріи.

Нѣкоторые изъ упоминаемыхъ бар. Тоттомъ пунктовъ существуютъ и теперь. Такъ, Аджамка, бывшая въ то время военнымъ пикинерскимъ шанцемъ, теперь существуетъ въ видѣ мѣстечка на рѣкѣ того же имени (въ алекс. уѣз., херс. губ.) къ сѣверо-востоку отъ Елисаветграда, бывшей крѣпости св. Елисаветы.

Г. Цыбулевъ, упоминаемый бар. Тоттомъ, вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Цыбулево на р. Ингульцѣ, въ сѣверной части александрійскаго уѣзда, ближе къ границѣ кievской губерніи. Красникова, а также слободъ Максимовской и Гончарской, подъ тѣми же именами, на картѣ херс. губерніи нѣтъ. Г. Скальковскій двѣ послѣднія слободы указываетъ въ томъ-же александрійскомъ уѣздѣ. Дер. Максимовка есть въ елисаветградскомъ уѣздѣ, на р. Большой Выскѣ, впадающей въ р. Вись, но она находится нѣсколько вдали отъ остальныхъ упомянутыхъ пунктовъ, которыхъ положеніе опредѣляется точно въ александрійскомъ уѣздѣ.

Мы видимъ, что вторая и главная часть похода совершалась татарскимъ войскомъ въ мѣстности уже гораздо болѣе населенной, чѣмъ земли Бугогардовской паланки.

Районъ, охваченный описаннымъ набѣгомъ татаръ, заключалъ въ себѣ сѣверо-западную часть нынѣшней херсонской губерніи: вся тяжесть погрома пала на александрійскій, а потомъ на елисаветградскій уѣзды.

Описание 3-й заключительной части похода прямо не относится къ нашей цѣли, такъ какъ дѣло происходило уже въ предѣлахъ польской Украйны (нынѣшней кievской и подольской губерніи). Замѣтимъ только, что мѣстечко Саврань, бывшее сборнымъ пунктомъ для дѣлежа награбленной въ Новой Сербіи добычи, существуетъ и въ настоящее время въ подольской губерніи, на почтовомъ трактѣ, близъ р. Буга.

Татарскій набѣгъ сопровождался обычнымъ атрибутомъ своимъ—пожарами, уничтожавшими на пути все имущество, а часто не щадившими и самой жизни обитателей этого края. Противостоятъ дикимъ, стремительнымъ ордамъ могли только мѣста укрѣпленные и защищенные войсками. Но такихъ пунктовъ было мало, военная защита была плохо организована: русское правительство съ этой цѣлью устроило только крѣпость св. Елисаветы, всѣ же другія укрѣпленія, въ видѣ шанцевъ, были довольно слабы. Жителямъ остальныхъ мѣстъ приходилось прибѣгать къ единственному средству защиты при появленіи врага—покидать свои жилища и прятаться въ перелѣскахъ. Въ набѣгѣ 1769 г. мы видимъ обычные въ подобныхъ случаяхъ приемы и нападенія, и самозащиты. Съ одной стороны татары, дробясь на мелкіе отряды, чтобы лучше скрыть слѣды, разсѣваются по всей территоріи и, обходя по возможности всѣ укрѣпленные пункты, стараются дѣйствовать неожиданнымъ набѣгомъ въ разсыпную на беззащитныя слободы и поселки, истребляя ихъ огнемъ. Съ другой стороны населеніе бѣжитъ отъ татаръ, ищетъ пріюта въ стѣнахъ укрѣпленія или монастыря, или скрывается въ лѣса, оставляя свои жилища, поля и стада въ добычу пламени и разграбленію. Баронъ Тоттъ рассказываетъ о томъ, какъ Игналь—козаки и татары атаквали жителей, засѣвшихъ въ лѣсу. По словамъ упомянутого уже Максимова, жители слободъ Гончарской и Максимовской, укрывшись въ Черномъ лѣсу, отстрѣливались отъ татаръ. Вѣсть о приближеніи врага распространялась обыкновенно посредствомъ придуманныхъ запорожцами сигнальныхъ „фигуръ“, устраивавшихся изъ пустыхъ бочекъ (или изъ бревенъ),

сложенныхъ въ видѣ башни и переложенныхъ соломой и горючими веществами. Фигуры эти въ запорожскихъ степяхъ ставились, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, обыкновенно на курганахъ, вдоль какого-нибудь шляха, проѣзжей дороги; около нихъ устраивались небольшие сторожевые посты или редуты. Зажженная фигура давала знать о появленіи непріятеля въ сосѣдній редутъ, тамъ дѣлали то-же самое и вскорѣ яркое пламя горящихъ фигуръ разносило по всей странѣ грозную вѣсть, предупреждая жителей объ опасности.

Русское правительство, устраивая въ 1763 г. Елисаветинскую провинцію, приказало поставить на всемъ ея пространствѣ подобныя „сигнальные маяки“. Очевидно, о нихъ говорить баронъ Тоттъ, описывая путь войска къ Аджамкѣ, и не безъ основанія замѣчаетъ, что эти сигнальные маяки служили для татаръ, незнающихъ дороги, лучшимъ проводникомъ вглубь страны.

Временемъ своихъ набѣговъ татары обыкновенно избирали средину лѣта или зимы, когда можно было переправляться черезъ рѣки вплавь или по льду, и очень избѣгали весеннихъ и осеннихъ разливовъ. Суровость климата, страшные зимніе холода губительно дѣйствовали на татарское войско въ этихъ открытыхъ степяхъ; съ непривычки это поражало барона Тотта и заставляло его, быть можетъ, слишкомъ сгущать краски въ описаніи бѣдствій татарской арміи, когда онъ говоритъ, на примѣръ, о томъ, что у нихъ въ одинъ день погибла $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ лошадей, т. е. 30,000 и 3,000 людей отъ холода и голода. Къ большому преувеличенію, если не просто къ вымыслу, нужно отнести и рассказъ барона Тотта объ одномъ изъ Игнатъ—козаковъ, опускавшемся два раза на дно рѣки, чтобы достать у одного изъ потонувшихъ сипаевъ кошелекъ и пистолеты.

Что касается чисто исторической канвы рассказа о набѣгѣ 1769 г., то она въ общемъ согласна съ свидѣтельствами другихъ источниковъ и только въ нѣкоторыхъ частностяхъ есть разногласіе. Именно, баронъ Тоттъ упоминаетъ о такомъ фактѣ: что „запорожскіе козаки“, тѣснимые Калгой-султаномъ, заручившись съ его стороны нейтралитетомъ, отказали въ повиновеніи командиру крѣпости св. Елисаветы. Нѣкоторые польскіе историки подтверждаютъ это свидѣтельство; г. Соловьевъ совсѣмъ умалчиваетъ о немъ, а г. Скаль-

ковскій съ негодованіемъ отвергаетъ возможность подобнаго факта, указывая на ту роль дѣятельныхъ союзниковъ, которую играли въ войнѣ 1769—1774 г. запорожцы относительно Россіи. Роли этой отрицать нельзя, но если мы посмотримъ, съ какого времени началась она, то увидимъ, что запорожцы являются дѣятелями въ этой войнѣ совмѣстно съ русской арміей послѣ того, какъ дѣйствія этой арміи и флота были ознаменованы первыми блестящими успѣхами, что участіе запорожцевъ въ войнѣ этой относится уже къ концу 1769 г., а не къ началу его. Грамота Екатерины II отъ 19 декабря 1768 г., поощряющая вѣрность запорожцевъ, которые донесли генералу Воейкову о заискиваніяхъ хана крымскаго, эта грамота на которую особенно ссылается г. Скальковскій, кажется, не можетъ служить непреложнымъ свидѣтельствомъ противъ барона Тотта. Мы видѣли, что запорожцы и въ данномъ случаѣ дѣйствовали совершенно независимо: только уладивши дѣла свои съ ханомъ, они довели объ этомъ до свѣдѣнія генерала Воейкова. Эта самостоятельность запорожцевъ понималась русскимъ правительствомъ и вызывала съ его стороны неудовольствіе, которое ясно сказывается въ письмѣ Румянцева къ Екатеринѣ II-й по поводу донесенія запорожцами о полученныхъ ими прелестныхъ письмахъ отъ Порты ¹⁾: „многіе случаи, пишетъ Румянцевъ, довольно меня вразумляютъ разбирать свойство запорожскихъ козаковъ, которые настоящимъ воспослѣдованіемъ ищутъ превознестись въ томъ, всегда ими воображаемомъ уваженіи, что одно ихъ войско толь важно для защиты границъ, сколь и прелестно другимъ державамъ. Не вмѣщается то въ моемъ понятіи, какъ-бы могъ султанъ такого эмиссарія отправить прямо и явно къ сему войску, не имѣвши никакихъ предувѣреній или поводу, котораго народное право подвергаетъ участи самаго злѣйшаго преступника и коего въ показаніе своей подданнической вѣрности, кошевому атаману подлежало-бы самого средствами прикрытыми представить генераль-губернатору въ Кіевъ и тѣмъ пресѣчь дальнѣйшія покушенія. Но сего злодѣя, Кошевой рапортуетъ, что черезъ нѣсколько дней съ письмомъ отвѣтнымъ къ султану отпустить. А я и не могу вообразить, какую можно переписку въ

¹⁾ «Исторія Новой Сѣчи» Скальковскаго, ч. III-я.

сей матеріи продолжать подданному съ непріятелемъ, которая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ столько подозрительна, сколько и предосужденія сдѣлать можетъ высочайшимъ интересамъ вашего величества, по разсужденію, что войско запорожское не одноземцы, но всякихъ націй составляютъ народы“.

Вообще, если принять во вниманіе постоянное стремленіе Запорожья къ независимости въ своихъ дѣлахъ, его стѣсненное положеніе въ послѣдніе годы существованія, его вѣчныя распри съ командиромъ крѣпости св. Елисаветы изъ-за земель, о чемъ свидѣтельствуешь цѣлый рядъ документовъ изъ этого періода, наконецъ сношенія Запорожья съ турками, не разъ завязывавшіяся въ трудную годину, хотя оканчивавшіяся всегда печально для запорожцевъ, въ фактъ приводимомъ барономъ Тоттомъ можно видѣть не какую-то „измѣну“ Запорожья русскому государству, а просто политическій расчетъ, который заставлялъ свободную общину запорожскую держаться въ выжидательномъ положеніи среди загорѣвшей распри двухъ враждебныхъ стихій. Во всякомъ случаѣ утвердить этотъ фактъ можно было-бы только какимъ-нибудь положительнымъ подлиннымъ документомъ; но я хочу указать только, что нѣтъ основаній отрицать возможность подобнаго образа дѣйствій со стороны Запорожья.

Можно сдѣлать еще короткое замѣчаніе относительно чисто историческаго факта, входящаго эпизодически въ мемуары барона Тотта. Говоря о происхожденіи войска Игнатъ-козаковъ, поселившихся на р. Кубани и бывшихъ вѣрными подданными турецкой имперіи, баронъ Тоттъ замѣчаетъ, что первый предводитель этой группы поселенцевъ былъ Игнатій ¹⁾, который ушелъ изъ русскаго государства отъ бритья бородъ потому, видно, что „цѣнилъ бороду свою дороже свободы“. Это замѣчаніе показываетъ, что баронъ Тоттъ, достаточно знакомый съ исторіей татаръ и турокъ, не стоитъ на такой-же твердой почвѣ относительно русской исторіи. Онъ не понималъ того, что въ извѣстный періодъ русской жизни люди могли отстаивать свою бороду именно потому, что въ покушеніи на нее видѣли посягательство на свою свободу; что бритья бородъ было

¹⁾ «Ист. Россія» Соловьева, т. XXVIII-й.

²⁾ Игнатій Некрасовъ; Игнатъ козаки — такъ называемые Некрасовцы.

однимъ изъ случайныхъ поводовъ, за которымъ скрывались гораздо болѣе глубокія причины, побуждавшія этихъ людей покидать свою родину, бѣжать въ чужой край и вмѣстѣ съ непріятельскимъ войскомъ разорять предѣлы русскаго государства.

Въ качествѣ интересной подробности, опущенной русскими историками, можно отмѣтить указаніе барона Тотта на то обстоятельство, что Крымъ-Гирей умеръ отъ яда, которымъ былъ отравленъ вслѣдствіе происковъ враговъ и главнымъ образомъ, какъ намекаетъ баронъ Тоттъ, великаго визиря. Эта подробность бросаетъ еще одинъ штрихъ на внутреннюю организацію турецкой имперіи въ ту пору.

Вотъ тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ разсказа барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., разорившемъ сѣверную часть нынѣшней Новороссіи.

Но въ тѣхъ-же мемуарахъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о новороссійскомъ югѣ, именно о губерніи таврической и южныхъ полосахъ херсонской и бессарабской.

На пути своемъ изъ Франціи въ Крымъ барону Тотту пришлось проѣзжать по этой окраинѣ. Путь его лежалъ черезъ Польшу, турецкія владѣнія, затѣмъ (изъ Молдавіи) въ Бессарабію и южными степями до Перекопскаго перешейка, откуда начинались уже главныя владѣнія крымскаго хана, собственно Крымъ. Послѣ главныхъ остановокъ своихъ, въ г. Хотинѣ, на польско-турецкой границѣ, въ г. Яссахъ, въ Молдавіи (границей между Молдавіей и хотинскимъ пашалыкомъ служила р. Прутъ) и въ г. Кишиневѣ, баронъ Тоттъ прибылъ въ Кишлу, резиденцію бессарабскаго султана-сераскира. Вся страна отъ границъ Молдавіи до г. Таганрога, занятая землями бессарабской, едисанской, джамбуйлуцкой и едичкульской ордъ, вмѣстѣ съ Кубанью, частью Черкешины и крымскимъ полуостровомъ, носила названіе Малой Татаріи.

Населеніе Бессарабіи или Буджака, подобно крымскимъ татарамъ, вело жизнь осѣдлую, имѣло свои деревни. Султанъ-сераскиръ управлялъ этой татарской провинціей въ качествѣ ханскаго намѣстника. Съ большой свитой мирзъ, хорошо вооружившись и запасшись провизіей, онъ предпринималъ частыя охотничьи экскурсіи, которыя перѣдко, вмѣсто охоты на зайцевъ и на дичь, обращались въ болѣе серьезныя экспедиціи военнаго характера.

Р. Днѣстръ служила границей между Бессарабіей и степями едисанской орды. Ногайцы, входившіе въ составъ 3-хъ большихъ ордъ: едисанской, джамбуйлуцкой и едикульской вели кочевой образъ жизни, хотя кочевья ихъ были довольно точно фиксированы. Они располагались обыкновенно въ рѣчныхъ долинахъ. Баронъ Тоттъ описываетъ такія кочевые лагеря едисанскихъ ногайцевъ: небольшія долины около 30 м. въ длину и $\frac{1}{4}$ м. ширины прорѣзываютъ степи съ сѣвера на югъ по теченію рукавовъ и рѣчекъ, которыя текутъ на днѣ этихъ глубокихъ долинъ и оканчиваются на югѣ, у берега Чернаго моря, небольшими озерами или лиманами. Въ этихъ рѣчныхъ долинахъ ногайцы раскидывали свои палатки и тутъ-же устраивали зимніе загоны для скота. Кругомъ, сколько глазъ захватить, стлалась безбрежная степь и на краю горизонта будто сливалась съ небеснымъ сводомъ правильнымъ кругомъ. Аистъ или другая птица изрѣдка проносились въ воздухѣ. Восходящее солнце вставало будто изъ-за моря. Тамъ и сямъ по степи возвышались высокіе курганы. Баронъ Тоттъ сравниваетъ ихъ съ подобными-же курганами Фландріи, Брабанта и Эракіи и дѣлаетъ предположеніе, что это не могильные холмы, а просто земляныя насыпи, которыя устраивались войсками для обозначенія пути во время военныхъ походовъ. Обычай устраивать такія насыпи во время похода существуетъ и теперь у турокъ и, быть можетъ, на подобныя-же земляныя работы указываетъ и Ксенофонтъ въ „Отступленіи десяти тысячъ“.

Въ этой степи, верхомъ на лошади, ногаецъ проводилъ всю свою жизнь, занимаясь то набѣгами, то охотой или несложнымъ домашнимъ хозяйствомъ. Ногайцы обрабатывали часть степи и на поляхъ сѣяли преимущественно просо; но главнымъ богатствомъ ногайскихъ ордъ былъ скотъ: овцы обыкновенно держались близъ кочевья, а лошади, быки и верблюды пускались на волю въ степь, гдѣ и пропадали цѣлое лѣто. Каждый хозяинъ выжигалъ свою мѣтку на каждомъ животномъ. Позднею осенью ногайцы пускались на поиски за стадами и разсѣвались въ одиночку по степи; встрѣчая пасущійся скотъ, ногаецъ запоминалъ мѣтки и съѣхавшись случайно въ пути, хозяева передавали другъ другу указанія, въ какомъ направленіи можетъ каждый изъ нихъ найти свои стада.

Зоркій глазь ногайцевъ позволялъ имъ различать другъ друга на далекомъ разстояніи, когда только голопы ихъ, какъ черныя точки, показывались на горизонтѣ. Лошадей ловили они арканами; лошадиное мясо служило имъ пицей и они спѣшили убить издыхающую лошадь, чтобъ съѣсть ее.

Кумысъ и просяной хлѣбъ служили тоже обычной пицей ногайцамъ.

На поля и степи ногайскія нерѣдко палетали цѣлыя мириады саранчи, которая, темной тучею застилая солнце, опускалась на землю и истребляла до тла всю растительность. Ея палеты были опустошительнѣе пожаровъ. Часть хлѣба, шерсть и плохо выдѣланныя кожи составляли предметъ торговли ногайцевъ и находили сбытъ въ Балтѣ и пограничныхъ турецкихъ рынкахъ. Деньги полученные ногайцами (золотые дукаты венеціанскіе и генуэзскіе) закапывались ими въ землю, по свидѣтельству барона Тотта, такъ какъ вслѣдствіе простоты жизни ногайцевъ деньги не находили у нихъ употребленія.

На всемъ этомъ вольномъ пространствѣ степей, какъ два сторожа, стояли сильныя турецкія крѣпости: Очаковъ и Перекопъ. Б. Тоттъ такъ описываетъ: Очаковъ „эта крѣпость, расположенная на правомъ берегу р. Днѣпра, близъ его устья, устроена на небольшомъ откосѣ. Ровъ и крытая дорога—единственныя ея укрѣпленія: крѣпость имѣетъ видъ удлиненнаго параллелограмма и здѣсь такъ-же, какъ въ Бендерахъ и Хотинѣ, есть многочисленная артиллерія; по пушки плохи: каждая изъ нихъ установлена между двумя габіонами, образующими родъ амбразуры“. Евреи, живущіе въ предмѣстьи Очакова, держатъ тамъ постоянный дворъ. „Днѣпръ при устьѣ образуетъ лиманъ, окаймленный съ юго-востока низменною песчаной косой, носящей названіе Кишбурнской. Здѣсь противъ Очакова устроено другое укрѣпленіе. Плоскодонныя лодки служатъ средствомъ сообщенія между обоими берегами.

Изъ Очакова баронъ Тоттъ перешагнулъ черезъ Днѣпръ въ Кишбурнъ и затѣмъ ѣхалъ Джамбуйлуцкими степями вдоль побережья Чернаго моря, до перекопской крѣпости: шумъ морскихъ волнъ, разбивавшихся о берегъ, явственно слышался и нарушалъ однообразіе этихъ пустынныхъ степныхъ равнинъ.

Перекопскія укрѣпленія устроены были въ самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка и, упираясь съ обѣихъ сторонъ въ морской берегъ, занимали пространство около $\frac{3}{4}$ мили. На сѣверѣ находился ровъ; черезъ него плохой деревянный мостъ велъ къ воротамъ подъ сводомъ. Каждый вечеръ привратникъ запиралъ эти ворота на ключъ, преграждая такимъ образомъ и проходъ и проѣздъ на полуостровъ. У сѣверной линіи укрѣпленій, близъ этихъ воротъ, расположилась плохенькая деревня, жители которой занимались торговлей съ русскими купцами и промышленниками. Перекопская крѣпость была прочна и имѣла величественный видъ: искусство и природа какъ-бы помогли другъ другу въ этомъ дѣлѣ. Окопы, прерванные въ нѣсколькихъ мѣстахъ редутами, укрѣпленные пушками и снабженные гранатами, могли-бы, по словамъ барона Тотта, противостоять стотысячной арміи. Русскія войска въ войны 1736 и 1769 г. г. проникали въ Крымъ не черезъ перешеекъ, а съ востока, со стороны узкой косы, которая тянется параллельно восточному берегу Крыма и отдѣляетъ Сивашъ отъ Азовскаго моря. Неизвѣстно, когда были устроены перекопскія укрѣпленія; баронъ Тоттъ склоненъ думать, что работы эти предшествовали поселенію здѣсь татаръ, или-же предки нынѣшнихъ татаръ были культурнѣе своихъ потомковъ. Во время прѣбыванія въ Перекопской крѣпости баронъ Тоттъ встрѣтилъ тамъ цѣлую колонію австрійскихъ нѣмцевъ изъ 7 мушкетеровъ 5 женщинъ и 4 дѣтей. Они оставили родину, отправившись искать счастья въ Россію, но здѣсь имъ такъ не повезло, что они бѣжали. Не зная дороги, они попали въ ногайскія степи. Баронъ Тоттъ забралъ колонистовъ съ собою и пристроилъ ихъ въ Крыму.—На сѣверѣ крымскаго полуострова, близъ Перекопскаго перешейка, находится рядъ солончаковъ и соляныхъ озеръ. Баронъ Тоттъ говоритъ, что они были отданы въ аренду армянамъ и евреямъ, которые вели здѣсь торговлю. Добываніе соли и торговля ею велись на самыхъ элементарныхъ основаніяхъ. Умѣнья экономизировать добытую соль, устроить склады ея, предохранить отъ случайностей, въ видѣ дождей и т. п.,—ничего этого не было. Условія торговли были таковы: покупатель и продавецъ уговаривались только на счетъ цѣны за возъ соли и на счетъ числа воловъ, которые будутъ запряжены въ этотъ возъ. Затѣмъ покупатель самъ

добывалъ соль, нагружалъ свой возъ и отправлялся въ путь. Гарантія отъ обмана заключалась въ слѣдующемъ условіи: если возъ сломится подъ тяжестью соли, не достигши раньше означеннаго пункта, покупатель долженъ возвратить соль торговцу. Бѣлая дорожка отъ сыпавшейся съ воевъ соли ясно указывала путь, по которому двигались „валки“ изъ Крыма на сѣверъ въ южно-русскія степи.

Мы не будемъ останавливаться на топографическомъ описаніи Крымскаго полуострова и на соображеніяхъ, которыя высказываетъ баронъ Тоттъ относительно происхожденія цѣпи южныхъ горъ, вліянія моря на очертанія береговъ и т. п.; отмѣтимъ только, что баронъ Тоттъ указываетъ вездѣ на благопріятныя условія природы и сравнительно малую культуру: онъ говоритъ о плодородіи почвы и о дурной ея обработкѣ, объ удобныхъ условіяхъ для развитія винодѣлія и плохомъ уходѣ за виноградниками и т. п.

Не станемъ распространяться и объ административномъ устройствѣ татарскихъ земель, основныя черты котораго были нами указаны раньше. Остается только обратить вниманіе на тѣ населенныя пункты, которые называетъ баронъ Тоттъ, на нѣкоторыя черты политической исторіи Крыма, отмѣченныя имъ, и бросить бѣглый взглядъ на общественный строй и экономическое положеніе собственно крымскихъ татаръ. Крымскій полуостровъ издавна служилъ приманкой для различныхъ народностей и долго былъ предметомъ завладѣній и споровъ. Въ немъ постепенно смѣнялись періоды византійскаго, готскаго, гепузэскаго владычества, оставляя каждый свои слѣды. Гепузэцы распространили свои владѣнія до предѣловъ Херсонеса Таврическаго. Памятниками долгаго и жестокаго господства гепузэцевъ въ Крыму, по предположенію барона Тотта, являются развалины укрѣпленныхъ замковъ на вершинахъ скалъ; изъ этихъ замковъ не рѣдко ведутъ подземные ходы, сообщающіеся иногда съ какими-то пещерами; въ одной изъ такихъ пещеръ найдено было множество человѣческихъ костей. Впрочемъ, въ пользу своего предположенія о гепузэскомъ происхожденіи замковъ этихъ, баронъ Тоттъ не приводитъ убѣдительныхъ доказательствъ. Большой городъ Кафа (нынѣшняя Феодосія) и ничтожный по значенію въ XVIII вѣкѣ г. Балаклава были, по словамъ барона Тотта, нѣ-

когда главными пунктами генуэзской торговли. Балаклавскій портъ, лежащій при удобномъ заливѣ, окруженный лѣсами, дающими материалъ для судостроенія, къ тому-же первый портъ со стороны Оракийскаго Босфора, имѣлъ несомнѣнное значеніе въ болѣе раннее время, о чемъ свидѣлствуютъ древнія развалины вблизи него. Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, въ числѣ значительныхъ городовъ, баронъ Тоттъ называетъ Бахчисарай, столицу хана, Гудловъ (нын. Евпаторія), неправильно передѣланный русскими въ Козловъ ¹⁾, и Ахмечеть (нын. Симферополь), резиденцію ками-султана. Какъ сказано раньше, генуэзское владѣтельство въ Крыму смѣнилось турецкимъ.

Крымскіе татары вели осѣдлую жизнь, начало феодализма пропикало весь ихъ общественный строй; знатные мирзы, получавшіе земли въ ленное владѣніе, были вассалами хана. Пять знатныхъ древнихъ фамилій, ведшихъ свой родъ, по преданію отъ сподвижниковъ Чингизъ-хана, составляли высшую аристократію страны, строго отличавшуюся отъ новошюжалованныхъ вассаловъ. Каждая изъ этихъ фамилій (мирзы иринскіе, мансурскіе, седжукскіе, аргинскіе и барунскіе) имѣла своего представителя или *бей*; всѣ новые, низшіе мирзы имѣли вмѣстѣ одного *бей* и эти шесть беевъ составляли вмѣстѣ съ ханомъ верховный совѣтъ. Ширинскій бей считался постояннымъ представителемъ остальныхъ въ то время, когда совѣтъ не собирался, и пользовался большимъ значеніемъ.

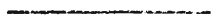
Земли дѣлились въ Крыму на ленныя владѣнія, крестьянскія и ханскія. Последнія были свободны отъ всякихъ повинностей, вассальныя обложены были извѣстной податью; эти доходы собирались въ казну и изъ нихъ выдавались ханомъ награды мирзамъ. О положеніи крестьянскаго населенія баронъ Тоттъ замѣчаетъ только, что владѣлецъ-мирза пользовался въ районѣ своего лена правомъ наслѣдства крестьянскихъ земель, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ по 7-й степени родства; тѣмъ-же правомъ пользовался ханъ относительно своихъ вассаловъ.

¹⁾ Гудловъ значитъ тысяча глазъ; получивъ это названіе оттого, что лека на плоской шашенной равнинѣ, освѣщенный огнями, онъ вечеромъ представляетъ эффектное зрѣлище.

Ногайцы, у которыхъ не было такого правильнаго распредѣленія земель, были обложены десятинной повинностью съ добываемыхъ продуктовъ, которую они платили сераскирѣ-султанамъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ бытъ народовъ, населявшихъ новороссійскія степи. Кажется, мы исчерпали все, что даютъ мемуары барона Тотта относительно нынѣшняго новороссійскаго края,— губерній херсонской и отчасти бессарабской.

С. Е.

КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

(Изъ эпохи перехода отъ козачества въ крестьянству).

Все йде, все минае

И краю не мае...

Изъ „Гайдамакъ“ Т. Г. Шевченка.

Пишу мой рассказъ не по документамъ, а по изустнымъ преданіямъ. Не факты историческіе въ строгой опредѣленности хочу передать вамъ, читатель мой, но хочу воспроизвести предъ вами тѣ мелкіе штрихи, которыми отпечатлѣвалась со времени дѣтства въ моей памяти и воображеніи минувшая народная жизнь. Надъ колыбелью моею носились звуки народной пѣсни; потомъ слышала я много думъ и легендъ, преданій и рассказовъ, изъ которыхъ многіе имѣли связь съ ближайшими селами, лѣсами, урочищами. И все это то улетучивалось по частямъ, то опять восполнялось, спутывалось, переплеталось, давало извѣстный осадокъ, получало какое-то очертаніе и колоритъ и слагалось въ одно общее представленіе о старомъ времени. Исчезли частности, факты, точные образы лицъ и дѣйствій, остались ихъ тѣни, едва примѣтныя черты, и этими-то тѣнями, этими неясными отпечатками хочу теперь воспользоваться, чтобы, приведи ихъ въ связь, сдѣлать наброски для общей картины минувшей народной жизни. Нитью моихъ воспоминаній, каковою настоящихъ картинокъ служатъ для меня рассказы стараго пріятеля моей юности, жителя м. Калиболотъ (Кіев. губ., звенигор. у.) Андрія Бондара, а центромъ всего, личность Петра Бондара, его дѣда, свидѣтеля разоренія Сѣчи.

Живо и теперь представляю себѣ большую старую хату, у подошвы горы, на краю роднаго села. Весною и лѣтомъ она вся

утопала въ зелени вишень и черешень. Въ этой хатѣ жилъ названный сейчасъ мой пріятель—старикъ Андрій Бондарь. Хотя хата его находилась и недалеко отъ села, но онъ жилъ въ ней какъ-то одиноко, отдѣльно отъ общей жизни села. Въ семьѣ у него были только сынъ и невѣстка. Рѣдко видѣли его въ селѣ: только по большимъ праздникамъ онъ являлся въ церковь, все остальное время или проводилъ на пасѣкѣ, или выдалбливалъ въ своей хатѣ ложки. Бывало, поздними лѣтними вечерами я навѣщалъ его. Не могу передать словами того впечатлѣнія, какое выносилъ я изъ этой убогой хаты. Одинокій, молчаливый въ теченіи дня, мой старикъ охотно говорилъ, окончивъ свои дѣла. Усѣвшись въ концѣ стола и подперши руками голову, онъ начиналъ обобщеніями тѣхъ думъ и впечатлѣній, которыя роились въ его головѣ за работой, но которыхъ и некогда и не кому было передать. Жизнь съ ея невзгодами и страданіями глубоко отпечатлѣвалась въ его философствующемъ умѣ. Горькая дѣйствительность переносила его къ воспоминаніямъ; иногда я самъ наводилъ его рѣчь на прошлое. Старикъ оживлялся, съ увлеченіемъ отдавался воспоминаніямъ. Говорилъ и говорилъ безъ устали и конца. Мое воображеніе въ ночномъ полумракѣ рисовало мнѣ картины минувшаго. Передо мной, какъ живой, являлся образъ украинскаго козака съ его вѣрнымъ воронимъ конемъ. Широкія степи, лѣса, могилы, все это какъ будто-бы находилось въ Бондаревой хатѣ. Все это такъ и просилось на полотно. Отъ чего я не художникъ?—спрашиваю и теперь себя. Отъ чего я не художникъ? Я бы перенесъ всѣ эти черты на полотно и мы имѣли-бы, читатель, картину давно минувшей народной жизни, какъ начертала и сберегла ее память народная.

Надо отдать справедливость моему собесѣднику: это не былъ простой передачикъ чужихъ словъ, но художникъ, въ пламенной дуплѣ котораго перетворялось все слышанное и видѣнное имъ. Подъ обаяніемъ его одушевленныхъ, поэтическихъ рассказовъ всѣ мельчайшія черты и подробности прошлой жизни ясно рисовались тогда въ моемъ воображеніи. Не профессора рѣчь въ аудиторіи слушалъ я, но проникнутую огнемъ повѣсть потомка о его ближайшихъ предкахъ. Нѣкоторые изъ его предковъ жили и дѣйствовали у него на глазахъ и чуть-ли не въ этой-же хатѣ. Одинъ изъ нихъ и выступитъ въ моемъ рассказѣ.

Но на ряду съ разказами Бондара я слышалъ много пѣсень, которыя въ свою очередь такъ ярко живописуютъ предъ нами народную жизнь.

Не вдальѣ отъ хаты Андрія, на выгонѣ, по вечерамъ, собиралась „улица“. Помню, она всегда начиналась „дѣвчачою“ пѣсней:

*Надъ мойими воротами
Чорна хмара стала:
А на мене молодую
Поговірѣ та слава...*

Безъ конца бывало льется-разливается она—эта широкая, какъ украинскія степи, пѣсня и убаюкиваетъ дремлющее село. Все засыпаетъ въ немъ, только гульливая молодежь собирается въ кружки и проводитъ время по своему.

Я долго засиживался въ хатѣ Бондара и упивался этой задумчиво-очаровательной мелодіей, какъ сладкимъ нектаромъ. И ночь отъ пѣсни становится такой чудной, такой обаятельной! Кажется, вѣчно слушалъ-бы и не наслушался-бы; вѣчно дышалъ-бы воздухомъ этой дивной ночи, любовался-бы мириадами звѣздъ и блѣднолицымъ мѣсяцемъ!.. Подъ звуки пѣсни родной забываешь все. Она уноситъ тебя далеко, далеко отъ земли и всего обыденнаго. Въ туманной дали ночи возникаютъ и исчезаютъ картины и образы прошлаго. Мысль уносится въ глубь вѣковъ и слышится, будто живой, замогильный голосъ предковъ.

Бывало, и мой рассказчикъ, въ сумракѣ вечернемъ, дребезжащимъ „старечимъ“ голосомъ затянетъ пѣсню, и вотъ готовая иллюстрація къ его разсказу; она еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе разсказа. Всего болѣе, всего чаще разсказъ держался на „Сѣчи“. Старикъ кончитъ, или прерветъ свою пѣвучую рѣчь, затянетъ: *Ой Січъ—мати, Січъ!...* и оборветъ словами: „Отъ пічъ! Ото-жъ теперь моя мати Січъ!“... Старикъ умолкалъ, свѣсивъ голову въ глубокомъ раздумьѣ; иногда слеза повиснетъ на рѣсницѣ, или скатится по морщинистому лицу... „Каганецъ“ мигалъ и давалъ намъ знать, что пора окончить занимавшую насъ бесѣду.

Многое теперь изъ разсказовъ Андрія улетѣло изъ моей памяти; остались осколки и ихъ-то я хочу собрать и подѣлиться съ вами, благосклонный мой читатель.

I.

*Стоить явір надъ водою,
Въ воду похилився:
На козакъ незгодоньки —
Козакъ зажурився.*

Изъ малор. пѣсни.

*Ой не ираздѣ, запорожці,
Не ираздѣ учинили —
Степъ широкій, край веселый
Та ѿ занастили.*

Изъ малор. пѣсни.

Немного больше столѣтія тому назадъ огромное пространство земли между Высю и Тикичемъ было покрыто дикими, могучими лѣсами и безбрежными степями. Большой части теперешнихъ полей въ то время не касался лемехъ и чересло: они были цѣлиной, на которой свободно паслись стада дикихъ коней и козъ. Въ степяхъ было дико и пусто; только высокія могилы, эти свидѣтели дѣдовской славы, возвышались надъ ровною поверхностью. Пѣли жаворопки надъ ними свои дребезжанція пѣсни, взвивались чайки и оглашали ихъ своимъ кигиканьемъ.

И степная почва, и все, что росло на ней, было такъ сказать въ состояніи дѣвственности: ихъ не касалась ни рука человѣка, ни сдѣланное человѣкомъ орудіе. Случалась засуха и—весь богатый растительный міръ, казалось, на всегда погивалъ подъ палящимъ зноемъ солнца; по временамъ уходящіе татары, или жители, въ виду ихъ набѣга, поджигали степь,—поднимался пожаръ, который пожаръ все до корня. Но наступала весна и степь еще съ большей красой одѣвалась въ свой зеленый покровъ. Мириады разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ въ яркихъ точкахъ вырисовывались безконечными узорами на безбрежномъ зеленомъ морѣ и степь стояла предъ глазами путника во всей своей красѣ, точно молодая украинка, въ праздничное время собравшаяся въ церковь, нарядившись въ разноцвѣтныя свои плахты и запаски и украсивъ свои косы лентами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и всякими „пастурцями, чернобрывцями, помяками, барвинкомъ и любисткомъ“.

Въ такую-то пору, когда роскошная украинская природа воскресала во всей своей веселой прелести, въ пустынной степи, что между

Высью и Тикичемъ, Ыхаль одинокій всадникъ. Онъ точно подавленъ былъ видомъ красующагося вокругъ его зеленого моря, чувствовали всю прелесть, все обаяніе весны и Ыхаль не скоро. Только, когда дорога направлялась въ село или хуторъ, онъ сворачивалъ въ сторону, по временамъ прищипывалъ коня, скрываясь въ высокой травѣ и стараясь проѣхать незамѣченнымъ. Выѣзжая на просторъ, онъ снова пускалъ коня на волю, предаваясь раздумью и уносясь мыслями далеко-далеко, въ свое родное гнѣздо—вольное и разгульное Запорожье. Это былъ молодой запорожець Петръ Бондарь. Онъ направлялъ свой путь на мѣстечко Калниболоты, гдѣ жила его старушка мать и куда тянула его не одна сыновняя любовь. Ыхаль онъ, какъ говорится, *навпрошки*, не по протореннымъ дорогамъ, а иногда и вовсе безъ всякой дороги, и тогда солнце, мѣсяцъ и звѣзды, могилы и буераки служили ему проводниками.

Отъ чего такъ прядется этотъ вольный сынъ степи, для котораго не страшна самая смерть?—Не смерть страшить его, но папская неволя. Имя запорожца и гайдамаки давно уже стали синонимами; онъ былъ притомъ изъ „подданныхъ“ той мѣстности, въ которую теперь направлялся. Малѣйшая неосторожность,—замѣтить, подстергутъ, схватятъ, забьютъ въ колоду и будешь снова рабомъ ненавистнаго пана, или стануть судить, какъ гайдамаку, и тогда погибнешь позорною смертью. Вотъ отъ чего такъ „озырцемъ“ Ыхаль нашъ Петро Бондарь. Не татаринъ, не „лихий чоловікъ“, или „звірюка“ страшатъ его и заставляють ѣхать „навманя“, а неволя, одна только неволя.

Ему ни почемъ долгій путь и всѣ его невзгоды. Устаетъ конь, или самъ онъ,—любая балка лучній приютъ: всюду тамъ вода, а вокругъ молодая роскопная трава. Придетъ-ли ночь, она окутаетъ его своей темнотой: сѣдло у изголовья, вѣрный конь на „прищопі“, а съ боку „мушкетъ добрый“ и испытанная „мати козачая“—сабля.

Петро былъ молодець, лѣтъ подь тридцать—не свыше; мужественное загорѣлое лицо его отмѣчало и иколу и путь, которые онъ прошелъ. Лучшую красу его составляли длинные черные усы, имѣвшие такое-же естественное положеніе, какъ вьющійся по типу хмѣль, повиснувшій до пазу верхушкою.

На головѣ у него была высокая баранья шапка. Одѣтъ онъ былъ въ старый кобелякъ и широкія шаровары; сапоги на пемъ

были старые, по съ блестящими подковами и краснаго цвѣта. Во все время долгаго пути козаць былъ молчаливъ и задумчивъ. Онъ не оглашалъ пустынной степи заунывной пѣсней. На лицѣ его была написана глубокая скорбь, которую онъ какъ-бы повѣрялъ иногда своему боевому товарищу. „Коню мой, коню, товарищу мій вірний! Руйнують нашу Січъ—матірѣ, забирають наше добро, а насъ мабуть въ панщину, або въ солдаты повернуть! Не будемо мы гуляти съ тобой по широкимъ степамъ, не погріємось въ Польши на пожарі, не політаємо въ чайкахъ по Черному морю. Не стане славнаго товариства... Куды намъ повернутись съ тобою? Чи вже-жъ мені бути гречкосіємъ, та-ще й бабіємъ? Коню мій, коню! Хиба підемо туркови служити, якъ тамъ тіи майнули?.. Сторона турецькая, віра бусурманьская... Якъ маємо тамъ жити, нехристови служити? А тутъ мати Украина, Лугъ Великій, Дніпръ широкий, тутъ мати моя старенька, „дівчина“ черпобрива... Україно, Україно! Матінко моя рідна! Дівчино кохана! Не покину васъ до віку. А де-жъ воля—доля наша? Де її шукати? Будемо тую ратувати... Отъ тілки побачусь зъ вами, та й зновъ у степь. Зберемося, землю піднімемо, неба достанемо. Панівъ будемо выгубляти, зъ москалями битись, свою волю-долю ратувати... Україно, Україно! Мордують, плюндрують тебе, сердце зъ тебе выймають... Якъ тебе намъ боронити? Де-жъ самимъ подітись?—А ще-жъ мати наша та не вмерла, коли маємо шаблю при боку. Поміряємось, побачимо, чій батько дужчий“...

Какъ-бы желая призвать кого въ помощь или подѣлиться своею рѣшимостью, козаць выкрикнулъ было свое завѣтное: „пугу, пугу!“ которымъ долго, долго оглашались степи и лѣса отъ Чернаго моря вверхъ по Дніпру, до самой Десны и дальше; но отклика не слышалось ни откуда. Пробовалъ онъ пѣть, но и пѣсня его терялась въ безпредѣльной степи, и онъ снова погружался въ думы. „Не дай Боже въ шипку вмерти, въ помийниці жидівскі, або гречкосіємъ на печи! Чому куля не зразила мене на войні? Поховали-бъ товарищи въ чистому полі, пасыпали-бъ падо мною високою могилу, выпалили-бъ зъ гарматы; нехай знала-бъ Украина, що козакомъ умеръ! А теперь—горе, горе! Матінко моя! Дівчино моя! Мабуть зъ вами мені віку доживати. Не покину, не покину“...

Усталый коць медленно двигался впередъ, щипля по дорогѣ зеленую траву; думы росемъ вились въ головѣ козака и одна смѣняла

другую. Онъ не плакалъ, а „схилившись“ на гриву своему доброму коню, весь отдался тяжелымъ думамъ.

Быль полдень, солнце невыносимо жгло раскаленными лучами. Усталая лошадь чуть-чуть плелась, давно ожидая, когда остановится хозяинъ въ балабѣ и напоить ея чистою водою.

Вдругъ козакъ очнулся: гикнулъ, гаркнулъ и понесся по степи. Думы разлетѣлись въ мигъ. Близость гнѣзда роднаго, гдѣ онъ выросъ, гдѣ впервые свѣтъ увидѣлъ и кароокую Марту полюбилъ, заставила его думать о другомъ. „Годі вже тужити, годі сумувать! говорилъ онъ самъ себѣ. Есть у мене серденько едине, що вірно любить мене, есть „дівчина“ чорнобрива; вона-жъ мене розважить, печаль мою рознесе!“ И онъ перенесся мыслями въ Калниболоты, гдѣ находилась его дорогая Марта, и напередъ рисовалъ себѣ картину встрѣчи съ ней на луку подъ старыми вербами, гдѣ такъ часто съ нею говорилъ и смотрѣлъ въ ея карія очи. Еще нѣсколько часовъ ѣзды и онъ увидитъ свою старую мать и нѣжно любящую его сестру, что „що дня“ за ворота выходила, ожидала брата своего. И опять разоренная Сѣчь мерещилась у него въ глазахъ и портила его настроеніе. „Що жъ робити?—думалъ онъ. Такъ мабуть Богъ судивъ, за грѣхи наши наказавъ! Скільки-жъ и мы народу невинного часомъ погубили! Скільки того п'янства, скільки розбійства! Оце-жъ терпи, душе, спасена будешь!.. Тільки-жъ трудно знова въ ярмо шію закладать... Горе нашє, горе! Де намъ подітись?“... И снова воображеніе его рисовало ему широкий вольный Днѣпръ, и будто видѣлъ онъ въ туманѣ, какъ товариство на легкихъ чайкахъ отчаливало отъ берега и съ вольной пѣсней уносилось за Дунай... То вдругъ предъ нимъ родныя села и давно знакомая картина ихъ жизни. Прошли сроки вольной селитьбы, миновали щедрія льготы заселявшихъ Украину паповъ. Настала полная панщина во всей ея тяготѣ, и въ добавокъ „правенты“, десятины и всякіє другіє безчисленные сборы. Отаманы, осавулы еще до свѣта выгоняють въ поле народъ—отъ мала до велика. Ланы покрыты измученными людьми: кто пашетъ, кто косить, а кто жнетъ. Всюду панскіє приставники—„сіпаки“, а по пивамъ раз'ѣзжаетъ съ длиннымъ „малахасемъ“ самъ панъ „окомонъ“. Припуждають народъ къ работѣ, бьють не щадно, а по вечерамъ отъ экономіи несутся раздрающіє душу звуки... Въ добавокъ гоняють изъ села „попа благо-

честивого“, запирають церковь, уніата „голубородька“ велать признавать. Козакъ вспомнилъ все, что видѣть отъ дней дѣтства, вспомнилъ „Колівицину“, и страшную за нее расправу, и наставшее потомъ полное рабство; ему представилось, что и его старая мать теперь въ тяжкой работѣ, а на его ненаглядную Марту посягаетъ „задростный“ панть... У него помутилось въ очахъ и онъ въ оцѣненіи повисъ головой на гривѣ своего вѣрнаго коня.

Не сознавая себя, не замѣчая ничего вокругъ, онъ въѣхалъ въ лѣсъ, въ глубинѣ котораго находился его родной хуторъ. Здѣсь не было уже дороги, а только небольшая тропинка, извиравшаяся въ чащѣ порослаго по обѣимъ сторонамъ густаго орѣшника. Древесныя вѣтви, нагнувшись надъ дорожкой, иногда совсѣмъ закрывали ее и тогда приходилось всаднику прилегать на лошади, чтобы не зацѣпиться головою. Полная тѣнь, свѣжесть лѣснаго воздуха заставила очнуться козака. Онъ выпрямился на сѣдлѣ, какъ-бы со сна протеръ глаза, дохнулъ широкой козацкой грудью, повелъ глазами вокругъ и при видѣ поразительной картины лѣса, забылъ все, что тревожило его. Здѣсь все теперь жило, начиная съ мельчайшей былинки, недоступной невооруженному глазу и кончая большимъ столѣтнимъ дубомъ. Стоило прислушаться, чтобы услышать тысячу звуковъ, соединявшихся въ чудную гармонию, такъ успокоительно дѣйствующую на душу. Разцвѣтшія деревья дикой яблони, груши и черешни перегораживали лѣсную зелень бѣлыми стѣнами своихъ цвѣтовъ. Маленькія птички, казалось, сами превратились въ тихое щебетанье. Въ каждомъ кустѣ звучалъ то стальной голосокъ синицы, то тяжелый стонъ горлицы, то протяжный крикъ иволги; только временемъ крикливое карканье вороны, раздавшееся гдѣ-нибудь въ вышинѣ и откликнувшееся эхомъ по всему лѣсу, нарушало эту божественную гармонию голосовъ. Вездѣ пѣсни, щебетанье, а самихъ пѣвцовъ не видно—они ушли въ густую лѣсную зелень и скрылись на лонѣ чарующей природы. Только вверху надъ всѣмъ этимъ, словно распластанный среди воздуха, хищникъ - ястребъ выжидаетъ свою добычу и плавно вьется и паритъ подъ облаками. А въ воздухѣ тихо, тихо, даже листъ не шелхнется.

II.

*Чи ты жива, чи здорова,
Моя нене клопотлива?*

Изъ малор. пѣсни.

Хуторъ Петра Бондара, въ которомъ жила его старая мать и сестра, находился тогда вдали отъ деревни, въ самой „гуцавинѣ“ лѣса. Одиноко, какъ какое-нибудь сказочное жилище, стояла тутъ большая бѣлая хата; съ лицевой ея стороны высокой тынъ охватывалъ небольшое пространство, служившее дворомъ; на высоко торчавшихъ коляхъ его навѣшены были горшки и другая посуда. Съ трехъ противоположныхъ двору концовъ хаты ее закрывали высокой бурьянъ и крапива, съ протоптанными по нимъ тропинками. Огородъ занималъ мѣсто съ задней стороны хаты и былъ отдѣленъ отъ двора невысокимъ тыномъ съ перелазомъ; на огородѣ была разная зелень и пвѣты, составлявшіе заботу „дівчины“; тутъ были подсолнечники, любистоки, мята, барвинокъ и много еще другихъ цвѣтовъ, которые и теперь занимаютъ въ украинскихъ огородахъ не послѣднее мѣсто. Дворъ былъ чисто выметенъ, а мѣстами, какъ ковромъ, устланъ шпорышемъ—травой. По срединѣ двора стояла старая груша, на которой висѣло также пѣсколько горшковъ. Позади двора и огорода большимъ полукругомъ расположенъ былъ обширный, пѣкогда роскошный, теперь уже старый и запущенный садокъ. Защищенный со всѣхъ сторонъ густымъ, высокимъ лѣсомъ, онъ давалъ всегда почти богатый урожай самыхъ разнообразныхъ яблокъ, грушъ и сливъ и служилъ большимъ подспорьемъ во вдовьемъ хозяйствѣ старой Бондарихи. Въ тѣ благодатныя времена продажи такихъ плодовъ совѣмъ почти не было; она просто вымѣнивала ихъ на хлѣбъ и другіе предметы своего скуднаго продовольствія. За садомъ, въ прямомъ направленіи отъ хаты, въ глубокомъ яру былъ родникъ чистой, какъ кристалль воды, который еще старый Бондаръ обдѣлалъ въ удобную, неглубокую криничку. Наружный видъ хаты былъ такой-же, какъ и теперешнихъ малороссійскихъ хатъ. Въ этомъ отношеніи народная архитектура не ушла, кажется, нисколько впередъ. Большая, опрятная, но безъ всякой симметріи, хата, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Окна различной величины и какъ нарочно одно выше, а

другое ниже; крыша соломенная, съ крестомъ по срединѣ, выдѣланнымъ изъ соломы. Вверху на „коминѣ“ водруженъ былъ деревянный пѣтухъ, который служилъ флюгеромъ, поворачиваясь туда, куда вѣтеръ дулъ. Подъ окнами съ двухъ сторонъ точно рожица изъ густо поросшихъ вишень; каждую весну прилетать сюда соловей и безбоязненно пѣлъ подъ хатой пѣсни.

Хуторъ Бондарихи заключенъ былъ въ лѣсу, какъ-бы въ высокихъ крѣпостныхъ стѣнахъ. Только и видно было въ немъ, что небо да земля. Ни прохожаго, ни проѣзжаго; проходили недѣли и мѣсяцы,—живой души не увидишь, голоса человѣческаго не услышишь. И не боялись жить здѣсь мать старуха и ея молодая дочь. Такое жилище считалось тогда неприкосновеннымъ и никакой разбойникъ не нападалъ на него. Мать и дочь выходили изъ своего уединенія очень рѣдко, развѣ когда нужно было сходить въ Калпиболоты купить соли, или-же въ большой праздникъ захочется въ церкви побывать.

Въ свою очередь никто не нарушалъ ихъ уединенія; всѣ дни они проводили вдвоемъ, за мелкой, непрерывной работой, изъ которой слагалось незатѣйливое ихъ хозяйство; иногда только ихъ навѣщали жильцы сосѣдняго въ томъ-же лѣсу хутора.

Тихо и незамѣтно текли дни въ хуторѣ. Послѣ того, какъ умеръ мужъ Мавры Бондарки—Семень, а сынъ ея Петро сошелъ въ Запорожцы, о хуторѣ совсѣмъ забыли. Никакого хозяйства, никакого и *отбутку*; только иногда, разъ въ годъ, въ панской экономіи вспомнить о заброшенномъ хуторѣ съ садомъ и явятся за полученіемъ „десятины“. При полномъ отрѣшеніи отъ міра не знали наши отшельницы никакихъ тревогъ и огорченій. Потребности ихъ были самыя простыя; особыхъ нуждъ они не знали. Всякую живность имѣли изъ своего огорода и ею запасались на всю зиму; недостающее вымѣнивали на то, что давалъ „садокъ“. Мать и дочь были по своему счастливы, а когда наступали весна, лѣто, забытый всѣми уголокъ ихъ становился истиннымъ раемъ. Одно смущало ихъ—отсутствіе Петра. Лѣтъ пять уже старая Мавра не имѣла объ немъ никакой вѣсти. Одна надежда, одна опора, и „той пішовъ десь по світу блукать“. Хотя такіе случаи въ тогдашней Украинѣ были довольно часты, но это не умаляло горя старухи матери, а долгое, ни чѣмъ не поддерживае-

мос ожиданіе окончательно истощало силы ея, убивало въ ней всякую надежду видѣть своего „Петруся“. Старуха перестала уже плакать, молчала, молилась и лишь изрѣдка вспоминала свою молодость, старыя времена. Только дочь ея—Зинька, не знавшая еще горя, оглашала лѣсъ звонкой пѣсней и съ увѣренностью, но не безъ грусти ждала возвращенія своего брата. Лишь только проникнуть сквозь чащу лѣсную первые лучи восходящаго солнца, она привѣтствовала его тоскующей пѣсней:

*Ой болять ручки та болять ніжки
Та пшениченьку жнучи:
Ой уже-жъ мені та докучило
Та миленького ждучи...*

А ждала она не одного Петруся, давно ждала изъ Дона молодого чумака, сына сосѣдняго хуторянина. Съ возвращеніемъ этого послѣдняго должны будутъ повториться ихъ частыя встрѣчи въ въ поздній вечеръ около „криниці“, а съ ними долгіе разговоры.

Тихо было въ хуторѣ, когда подѣвжалъ къ нему Петро Бондарь. На дворѣ было пусто; только въ тѣни, подъ разцвѣтшей вишней, на завалинкѣ сидѣла старуха. На лицѣ у нея не было опредѣленнаго выраженія: она, кажется, ни чѣмъ не интересовалась въ этомъ мірѣ, а смотрѣла на все безъучастно. Невдалекѣ отъ нея на травѣ было разостлапо рядомъ съ пшеницей, которую она получила отъ родныхъ и теперь сушила на солнцѣ. Когда на пшеницу прилетали воробьи или приходили куры, она подымалась, дѣлала видъ, будто подымаетъ что-то съ земли и бросаетъ, и хриплымъ голосомъ выкрикивала: „А кипѣ, дурпи, а кипѣ!“ Воробьи улетали и она снова погружалась въ спокойное состояніе, временемъ бормоча какія-то безсвязныя слова.

Петро подѣвхалъ близко къ воротамъ, а старуха его не замѣчала. Онъ межъ тѣмъ оглядывалъ дворъ, хату, огородъ—все было по старому; онъ также не замѣтилъ матери. Сильный стукъ въ ворота заставилъ очнуться старуху: она встала и не глядя впередъ, направились къ воротамъ.

— Де це ты, Зинько, такъ довго була? говорила она. Я уже...

— Матусю, голубко! отозвался козакъ.

— Та це Петро! вскрикнула она, завидѣвъ голову сына чрезъ

ворота и узнавъ его голосъ,—и нервнымъ толчкомъ отбросила podporку у воротъ.

Покосившіяся во дворъ ворота сами растворились. Суровый запорожець упалъ къ ногамъ матери.

— Боже-жъ мій, Боже мій! бормотала старуха, поднимая и обнимая сына. А я-жъ тебе ждала, ждала, та й надію втеряла. Благала Господа, щобъ тебе повернувъ до насъ! Хвалить Ёго ласку небесную!.. Таки довелось мені хочъ передъ смертю побачить тебе... Якъ-же ты постарівъ, та схудъ! Мабуть горе тяжке на тихъ проклятихъ порогахъ. И хто выдумавъ те кляте Запорожке? Бодай воно нікому не снилось!.. Та ты мабуть сёгодні и не івъ нічого. Веди-жъ коня, та ходімъ скоріше до хаты, підживися съ дороги.

— Охъ, Боже мій милостивий! Мати Божа, Мати пречиста!—продолжала Мавра, идя съ сыномъ къ хатѣ. Хвалить вашу ласку святую! Змилювались надо мною, зглянулись на мои слёзы, на мою біду, вернули мені сына неначе зъ того світа. Сыну мій, сыну! стара вже я; не кидай мене, голубчику! Скоро й на той світъ піду, а ты все по-світу блукаешъ... Хто-жъ мені очи закрые, хто поховае мене?

Потокомъ лилась рѣчь старой матери. Старческимъ, дребезжащимъ голосомъ она и ласкала и попрекала сына своего. Глядѣла на него и не могла наглядѣться; обнимала и открывала предъ нимъ свое наболѣвшее материнское сердце. Пахнулъ вѣтеръ, шумѣлъ лѣсъ, зеленія вѣтки старой груши наклонялись, будто слушаая разговоръ матери съ сыномъ. Конь съ жадностью глоталъ густой шпорышъ. Петро оживился; онъ былъ радъ, что въ хуторѣ все благополучно: мать жива, сестра жива; хата стоитъ по старому, только немного пошатнулась на бокъ, и груша также стоитъ среди двора, обвѣшанная горшками. Все привѣтливо ему улыбається.

— Отъ тутъ рай! мелькнула у Петра мысль: на що мені тее товариство? Однакъ пропадає. Кицу ёго, оженюсь та й будемо всі тутъ въ куці жити!

А старая мать, будто угадывая мысли сына, говорила:

— Продай ты, сыну, коня вороного. На що тобі тее Запорожжя? ты вже погулявъ, обѣздивъ мабуть весь світъ. Пора вже й схаменуться, пора до господарства вернуться. Выбери собі тутъ дівчину, яка тобі люба, та й господаруй на батьківщині. Нехай и я

доживу тутъ віка зъ вами, а коли Богъ благословить, то ще й онучатокъ буду доглядать...

— Эхъ, мамо! Не знаешь ты нашей природы. Що то козакъ? Сказано: козакъ. То—отъ вітеръ въ полі, гуляе, де схоче. Дмухне, здіймеця... не почувшь, не побачишь. Що вже й казать! Отъ треба коня до обори поставити, та пагодувать, а то мы забалакались...

— Та тамъ сіңця на вышкахъ щось трохи зосталось—нашого садового, та ще въ комірчині зъ корякъ ячменю може знайдеця,— сказала мать и направилаь къ хатѣ.

Петро отвель коня въ сарай, который находился съ глухой стороны хаты, и самъ пошелъ за матерью въ хату.

Тутъ также все было по старому. Вездѣ чисто; за образами пучекъ засушенныхъ цвѣтовъ; „комінь“ размалѣванъ синей и зеленой краской. Петра сразу обдало дѣтскими воспоминаніями: каждый предметъ, каждая вещица напоминала ему прошлое. И жаль ему стало, что уже почти половина его жизни протекла, что миновали его дѣтскіе веселые годы, прошла его юность въ бурныхъ скитаньяхъ. Затаивъ свою грусть, онъ началъ спрашивать мать про житье-бытье въ хуторѣ, про сосѣдей, про панцину и т. п. Мать угощала своего дорогого гостя; разговоръ принялъ совсѣмъ обыденный тонъ. Вдругъ Петро какъ-бы что-то вспомнилъ, потеръ лобъ, помялся и нерѣшительно произнесъ:

— А Січи напі вже кінець!.. Розорили геть чисто.

— Бодай вона запалась на віки! Мало вона выгубила людей, а теперъ и сама пропала.

— Хоть Січь пропала, та не пропала козацькая слава! отвѣчалъ Петро; побачимо, мѵже ще підъ туркомъ оживе...

— Перехрестись, та схаменись! перебила его мать. То на турка, а теперъ підъ туркомъ... Оженись, кажу тобі, та й будемо въ купці жить та Господа хвалить. А вже намъ до турка ничего ходити, хіба самъ сюди прийде,—крый Мати Божа!

Подъ вечеръ пришла изъ Калиболотъ и Зинька. Крѣпко обнялъ козакъ свою добрую сестру; та плакала отъ радости.

— Та чого ты, братіку,—говорила она ему чрезъ нѣкоторое время, такой невеселый? Вернувся до насъ, побачились, хвалить Господа, всі живі та здорові: чого-жъ тобі? Есть у тебе кінъ вороный, есть шаблюка добра, мушкетъ и списъ, есть и люлька козацькая: чого-жъ

ты такой смутный? И „дівчина“ твоя жива, и такъ само тебе любить, якъ колись любила, прибавила сестра шутливо; ходить по містечку, да тебе виглядае. Не сумуй, братіку!

— Эхъ, сестро, сестро! говорилъ Петро; не знаешь ты мои печали, и горя моего зъ роду не вгадаешь. Отъ стану я за „дівчиною“ журиться, коли тутъ мати козацькая вмирае... На що вона мені—та дівчина? Тільки-бъ и журбы, що за нею!..—И тутъ-же мысленно произнесъ:

— Голубко моя сизокрылая! Сегодня-жъ прилечу до тебе быстрымъ соколомъ!

III.

*Ой у полі вьшля
Зъ підъ коріня вьйшла:
Не журися, дівчинонько,
Ще-жъ я не женився!*
Изъ малор. пѣсни.

*„Та не журь мене, мати,
Бо я й такъ все журюся:
Ой якъ вьйду за ворота,
То й одъ вітру валюся!“*

Изъ малор. пѣсни.

Насталъ вечеръ. На хуторѣ, подъ хатою вечеряли Мавра и ся дочь. Въ воздухѣ чувствовался дивный ароматъ, но тѣмъ сильнѣе выдавался въ немъ и разносился по всему двору тонкій букетъ только что прижаренаго сала, которымъ полита была стоявшая предъ нами отпелницами „затірка“. Петра не было съ ними. Гдѣ-то вдали слышались, странно переплетаясь съ звуками отголосковъ, слова пѣсни, такъ отвѣчавшей душевному настроенію Петра. Это пѣлъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, пробираясь по лѣсу на своемъ ворономъ конѣ.

Хуторъ, хата, родная мать и сестра, все это привѣтливо и благотѣльно подѣйствовало на него: онъ ѣхалъ съ бодримъ и веселымъ видомъ. Гнетущая тоска отлегла отъ сердца. Ему было легко, какъ бываетъ послѣ слезъ. Онъ спѣшилъ къ своей милой, чорнобривой Мартѣ.

Лѣсъ шумѣлъ слегка; шелестѣвшіе листья точно перешептывались между собою. „Бѣлолицый“ то покажется на небѣ и освѣтитъ всю лѣсную чащу, то снова спрячется за тучи. А лѣсъ становился все гуще и гуще. Еще такъ недавно жили здѣсь въ землянкахъ гайдамаки и нападали отсюда на сосѣднія села и мѣстечки. Ихъ набѣги и нападенія были памятли всѣмъ и никто безъ особой надобности не рѣшался проходить или проѣзжать этотъ лѣсъ ночью. Козаку и въ голову не приходило пугаться чего нибудь: онъ свободно ѣхалъ и пѣлъ пѣсню.

Но вотъ кончился лѣсъ; начались поля, покрытыя зеленью высоко поднявшихся хлѣбныхъ всходовъ и травы. Жутко какъ-то становится, когда ѣдешь ночью одинъ въ полѣ. Нигдѣ никого и ничего; только мѣсяць посматриваетъ изъ-за тучъ. Всюду тихо, тихо и все какъ-то странно смотреть на тебя. Какъ ни гоши отъ себя всѣ повѣрья и страхи, а все такъ и кажется, будто кто-то хочетъ тебя схватить, будто сзади бѣжить за тобой русалка, и смѣется, и киваетъ тебѣ головой...

Вотъ и „Любчина могила“. Одиноко стоитъ она около дороги. Поровнялся съ ней Петро, снялъ шапку, перекрестился и вспомнилъ исторію про бѣдную Любку. А исторія эта вотъ какая:

Давно, очень давно, когда по Украинѣ сновалъ еще разный неосѣвшій людъ: ляхи, литва, татары и др., въ м. Калниболотахъ у старого сотника была дочь Любка. Во всей этой мѣстности не было краше ея. Такая она была пригожая и добрая, что вся молодежь любила ее, какъ сестру. Безъ Любки и на улицѣ было не такъ весело. Она пѣла и говорила, какъ ласточка щебечетъ своимъ тихимъ голоскомъ.

*Засмієця, ажъ Дунай розилєєця,
Заспїває, якъ изъ листу читає...*

Лѣтомъ, каждый вечеръ, какъ только солнце сядетъ за горами, изъ степи на добромъ конѣ выѣзжалъ молодой козакъ и съ пѣсней направлялся къ мѣстечку. А въ то время здѣсь далеко вокругъ было дико и пусто: степь и лѣсъ шли на всѣ четыре стороны. Козакъ былъ изъ далекаго села. Онъ подѣзжалъ къ могилѣ и здѣсь ожидалъ „свою любу“. Скоро межъ осокорами и тополями мелькала бѣлая сорочка; то изъ мѣстечка выходила Любка. Она

бросала на улицѣ своихъ подругъ и спѣшила на могилу къ „любому“ козаку. Тутъ они долго „розговляли“, забывая все на свѣтѣ, и разставались при третьихъ пѣтухахъ. Такъ часто они сходились, миловались, любовались, пока какъ-то не объявленъ былъ по всей Украинѣ гетманскій универсалъ, призывавшій козаковъ на войну съ татарами. Разсталась Любка съ козакомъ. Козакъ обѣщаль чрезъ полгода вернуться изъ похода. Свиснулъ и исчезъ въ степи...

Прошло полгода; прошелъ годъ, а козакъ не возвращался и вѣсти о немъ не было. Любка тужить, Любка плачетъ и все чаще, и чаще ходить на могилу. Посадила тамъ калину и что вечеръ поливала ее слезами. А козака нѣтъ: сложилъ онъ свою козацкую голову на войнѣ съ татарами.

Сохнетъ Любка, стонетъ Любка и какъ тѣнь все ходить по мѣстечку. Молча сходить на могилу, тамъ поплачетъ и вернется домой. А дома пусто, не весело безъ милаго. И старый сотникъ не можетъ ее утѣшить. Спрашиваетъ бывало:

— Дочко моя, голубко! чого ты тужишь? чого ты вянешь?

А она отцу въ отвѣтъ:

— Такъ, тату!

Долго ходила Любка на могилу, пока не нашли ее тамъ мертвой: не выдержала бѣдная разлуки, умерла. Умеръ и сотникъ. Собралась громада, помолилась Богу и похоронила Любку на могилѣ, а отца около церкви. На могилѣ поставили крестъ и посадили калину. Но крестъ подгнилъ и развалился, а калина засохла и вѣтеръ разнесъ по степи ея вѣтви.

Съ тѣхъ поръ и называется эта могила „Любчиною“. „Дівчата“ и теперь привораживаютъ къ себѣ „хлопцовъ“ землей, взятой съ верхушки могилы, а иногда собираются на ней и долго, долго поютъ пѣсни.

И не забываютъ могилу люди: подъ часъ сѣдой старикъ, осматривая свои поля, взойдетъ на нее, перекрестится и вспомнитъ Любку и ея отца.

Про все это Петро слышалъ еще въ дѣтствѣ и чудный рассказъ о могилѣ глубоко запечатлѣлся въ его памяти. Раньше онъ боялся проходить или проѣзжать около могилы, а теперь ничего: отѣхалъ немного, и снова затянулъ пѣсню, пока не въѣхалъ въ мѣстечко.

А мѣстечко уже спало. Былъ субботній вечеръ. Въ церкви была отправлена вечерня; приходили люди Богу помолиться, потомъ разбрелись по хатамъ и раньше обыкновеннаго легли отдыхать послѣ дневныхъ трудовъ.

Надъ мѣстечкомъ ходилъ мѣсяцъ: то проглянетъ, то скроется за тучи, точно сторожъ за угломъ. Вездѣ было тихо. Въ ночной мглѣ не ясно очерчивались силуэты замка и палаца и бѣлѣлись стѣны хатъ. Тихій вѣтеръ слегка колыхалъ деревьями.

Защелкаетъ порой соловей въ лугу, какъ будто-бы проснувшись отъ сна, и снова замолынетъ. На выгонѣ завываетъ сова; гдѣ-то на окраинѣ слышится вой собаки. Щемящiе душу звуки! На выгонѣ всегда собирается „улица“; но сегодня суббота... Здѣсь перекрещиваются двѣ дороги—одна отъ г. Звенигородки, другая изъ села Новоселицы; посрединѣ стоитъ крестъ.

Петро ѣхалъ по улицѣ шагомъ и осматривалъ, что можно было видѣть въ темнотѣ. Лишь только миновалъ онъ крестъ, какъ услышалъ впереди сильное выбиванье трепака и разгульное одиночное пѣніе. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ доносились до него слова:

*Якъ-бы мені сивый кiнь,
Я саночки маю:
Поїхаюг-бы на Вкраину,
Тамъ дiвчину знаю!...*

Подѣхавъ къ корчмѣ, Петро увидѣлъ тамъ танцующаго запорожца. Запорожець былъ сильно пьянъ.

— Чи тобі-жъ не стыдно, козаче, въ таку лиху годину мокнуть въ жидiвськихъ помыяхъ?—говорилъ въ слухъ Петро. Якъ бачу, не буде зъ васъ добра: тамъ Сiчъ руйнують, розганяють запорожцiвъ, а вінъ у шинку!—Но слова его не слышны были за гуломъ трепака и шумомъ пѣсни.

Остановивъ коня и присмотрѣвшись, Петро узналъ въ танцующемъ знакомаго ему запорожца, Лавріна Шевця.

Запорожець этотъ былъ вольнiе вѣтра и непостояннiе дитяти. Скитался онъ по всей Украинѣ и не имѣлъ постоянного мѣста жительства. Появится бывало на Запорожьѣ, выкинетъ какую-нибудь штуку, за которую, по сѣчевымъ обычаямъ, слѣдовало-бы его при-

вязать къ позорному столбу и уйдетъ снова на нѣсколько лѣтъ. Прозвище или фамилію онъ получилъ отъ своего ремесла; гдѣ онъ не бывалъ, вездѣ шилъ сапоги. Ремесло это дѣлало его человѣкомъ для всякаго пужнымъ: въ Сѣчи онъ обшивалъ товариство, а въ селахъ крестьянскій людъ.

Такъ онъ и переходилъ съ мѣста на мѣсто, находя вездѣ пріютъ. Родился онъ гдѣ-то около Калниболотъ, а гдѣ именно и кто были его родители, объ этомъ никто не зналъ. Любилъ Лаврінъ крѣпко выпить и иногда выдавалъ себя за колдуна. Ему было около сорока лѣтъ.

— Такъ отъ па що наши запорожци проміняли свою матірѣ-Січъ! говорилъ Петро, обращаясь къ земляку и товарищу. Лаврінъ въ шинку по ій панахиду справляє...

— А самъ-же ты що за плаксивая баба? перебилъ его Лаврінъ; розруйновали—ну и катъ її бери! Чимъ-же я тутъ виненъ? я собі гуляю... Хочешъ, выпий зо мною чарку горілки, та не лайся: бо й я козакъ, то часомъ щобъ сдачи не давъ!

Петро плюнулъ и съ негодованіемъ произнесъ:

— Нехай чорты съ тобою пьютъ, а мені не до тебе!—Онъ тронулъ коня и шагомъ поѣхалъ вдоль улицы. Сзади бѣжалъ Лаврінъ и останавливалъ лошадь.

— Постій, постій! кричалъ онъ; ты отъ говоришь, що я въ жи-дівскихъ помяхъ купаюсь, а ты, небораче, куда ідешъ? Може Січъ боронить? Добра Січъ—до дівчини на пічъ!... Бабій чортіянивъ! Другихъ лаешъ, а самъ до бабы въ пазуху! Кіями-бъ тебе, гнидо! Черезъ васъ блазнивъ и Січъ не вдержалась...

Слова эти смутили Петра. Онъ какъ-то вяло проговорилъ: по ділу іду, а не до дівчатъ, и пришпорилъ коня.

Послышался легкій топотъ конскихъ копытъ по мягкой пыльной улицѣ. Лаврінъ въ догонку говорилъ, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ:

— По ділу! Таке тамъ и діло... жениться задумавъ. Що-жъ? женись, женись, коли спідницею тобі запахло. Хочешъ, то й дівчину твою выдичу: я знаю—вона тамъ въ клуні спить.

Но Петро уже не слышалъ новой укоризны докучливаго собрата и скоро совсѣмъ скрылся изъ глазъ его, повернувъ въ одну изъ поперечныхъ улицъ, гдѣ жила его Марта. Лаврінъ плюнулъ

въ слѣдъ Петра, повернулся на одной пятѣ и махнувъ отчаянно рукой, потянулъ до шинку.

Петро остановился въ знакомомъ ему мѣстѣ, слѣзъ съ коня, завязалъ ему поводья на шеѣ и пустилъ на лугъ, а самъ взобрался на плетень и прыгнулъ въ огородъ.

Слышенъ былъ трескъ и голосъ: „А, чортове зїлля: посмалыло руки й видь!“ Знать, козакъ попалъ въ крапиву. Потомъ еще нѣсколько времени слышался трескъ, шуршанье и шелестъ въ огородѣ. Шумъ удалялся все дальше и дальше, наконецъ гдѣ-то залаяли собаки и все затихло....

— Сердце мое, ты у мене одна осталась! говорилъ Петро, стоя съ Мартой подъ вербой; скажи-жь, чи ты мене любишь, якъ и перше? чи може кого другого покохала? Скажи, мое сердце!

— Ой, чудный ты, Петре! тихо отвѣчала Марта: а-жь тебе ждала-выглядала, якъ ясного сонця, я безъ тебе вяла, тужила, а ты ще кажешь, що тебе я не люблю! люблю, люблю, мій голубе!...

Конь свободно ходилъ по лугу и щипалъ высокую траву. Въ лугу было тихо; весь живущій міръ заснулъ. Одна верба слушала, что говорили Петро и Марта послѣ многихъ лѣтъ разлуки; а больше никто не слышалъ и не видѣлъ. Лишь изрѣдка проглянетъ мѣсяць изъ-за тучъ, полюбуется и опять уйдетъ. Проснется птица въ „гаю“ подъ горой, пуститъ свой голосъ по лугу и замолкнетъ. Тихій говоръ подъ вербой слышался до самаго разсвѣта.

Краснѣлъ восточный край неба, подулъ свѣжій утренній вѣтерокъ; Петро простился съ Мартой, обѣщая завтра вечеромъ прїѣхать, и уѣхалъ изъ Калниболотъ.

IV.

*Молодоте-чарівнице!
Хто тебе не знае?
Чого-жь серце замирає,
Якъ тебе загає?
Кулишъ.*

Такъ какъ время было около мѣсяца мая, то уже вся украинская природа отродилась и мѣстечко Калниболоты одѣлось сплошь въ цвѣтъ и зелень. Вездѣ цвѣтъ и зелень! Только сѣрыя соломенные

крыши хатъ съ высокими черными трубами выглядываютъ изъ сплошной массы деревьевъ. Небольшіе сады окружаютъ чистыя бѣлыя хаты и покрываютъ своею зеленью все мѣстечко.

Тихо въ мѣстечкѣ; нигдѣ души живой, кажется, будто все спряталось въ чащу зелени, ушло отъ вседневной заботы. На улицѣ сновали только куры и поросята и временемъ проносился вихрь, подымая пыль столбомъ.

Точно горюетъ мѣстечко, что веспа должна пройти и покинуть его. И нагнувшіяся вербы, стоя на греблѣ, опустили свои вѣтви, а плакучая ива шелеститъ листьями и стоитъ задумчиво.

Старая церковь, поросшая на крышѣ мхомъ, печально осматриваетъ далекія окрестности мѣстечка.

Но такой видъ Калниболоты имѣютъ только въ жаркій полдень: вечеромъ придутъ съ поля люди и мѣстечко огласится звонкой пѣсней. Воротятся съ поля стада; въ саду близко хаты защебечетъ соловей,—мѣстечко оживится, повеселѣетъ. А теперь ничто не нарушаетъ его тишины, только развѣ съ дуру закричитъ, похлопавъ прежде крыльями, пѣтухъ и голосъ его странно раздастся въ мертвой тишинѣ. Иногда далеко гдѣ нибудь въ густотѣ вербъ начнетъ переключаться удождь съ кукушкой, но скоро и они замолкаютъ.

Въ одномъ изъ угловъ мѣстечка, гдѣ больше всего разрослись деревья и откуда часто днемъ лилась звонкая пѣсня, находилась усадьба вдовы Карпивны. Она прилегала съ одной стороны къ пруду, съ другой къ полямъ. Хата стояла на возвышеніи; кругомъ ея деревья. Недалеко отъ хаты огородъ. Въ это время на огородѣ молодая „дивчина“, лѣтъ восемнадцати, усердно занималась выпалываніемъ цвѣтовъ. Это была дочь Карпивны, Марта, ради которой Петро Бондарь оставилъ сѣчевое товариство. Она разбивала на грядкахъ землю и осторожно вырывала всѣ негодныя травы. Тутъ росли ея любимые цвѣты: чернобрывци, любистокъ, царьска борідка, королівъ цвѣтъ, кручени панычи, мята, рута и много другихъ. Каждая дѣвушка въ мѣстечкѣ считала необходимостью имѣть въ огородѣ нѣсколько грядъ подъ цвѣтами, на уходъ за которыми она посвящала все свободное время; какъ не обойдется она безъ пѣсни, такъ не обойдется лѣтомъ безъ цвѣтовъ.

Марта усердно работала и въ полголоса напѣвала пѣсню.

Изъ сѣней вышла старуха—мать и начала звать ее:

Марто, Марто! иди, дочко, полотно вмочи! Та поглянь тамъ на гусей, щобъ часомъ не завернули на лугъ и травы не вытоптали. Покинь квітки!

— Заразь, мамо, заразь! отозвалась дочъ.

Она перелѣзла черезъ тынъ, отгораживавшій дворъ и огородъ. Подъ самыми окнами хаты находился перелазъ, который упирался въ низенькую глиняную призьбу. На призьбѣ она взяла рукава сорочки, которую недавно начала вышивать и пошла за хату. По другой сторонѣ хаты, за огородомъ, находился садъ, немного ниже лугъ; тамъ была „криниця“ и „копанка“; въ послѣдней мочили полотно.

Садокъ Карпивны состоялъ главнымъ образомъ изъ вишень, но между ними было не мало высокихъ черешень, раскидистыхъ грушъ и яблонь. Въ садку росло также нѣсколько густыхъ кустовъ крыжовника, въ которыхъ каждую весну соловей свивалъ себѣ гнѣздо и потомъ оглашалъ всю роццу и усадьбу Карпивны звонкой, раскатистой пѣсней.—Ничто, кажется, такъ не дорого украинцу, какъ его отцовскій или дѣдовскій „садокъ“; онъ любить его, заботится о немъ, какъ о самомъ необходимомъ. Для него дорогъ здѣсь каждый уголокъ, каждый кустъ, каждое деревцо: съ ними соединяетъ онъ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, о своихъ молодыхъ годахъ, о которыхъ онъ говоритъ всегда съ особою грустью. Тутъ старыя дуплистыя деревья, въ которыхъ онъ добывалъ воробьевъ и другихъ птицъ; тутъ и фруктовыя деревья, съ которыхъ онъ первымъ пробовалъ еще зеленыя плоды; тамъ часто прятался въ высокой травѣ отъ отзвука собственнаго голоса, который отдавался въ кустахъ и страшилъ его напуганное разными чудовищными рассказами воображеніе... И много, много другихъ воспоминаній бываетъ связано съ „садкомъ“.

По узенькой тропинкѣ, между травой и кустами, пришла Марта къ высокой дуплистой липѣ, гдѣ было разостлано полотно. Она положила на траву шитье и принялась убирать полотно. Въ это время за кустами послышался шелестъ и изъ-за дерева выглянула и снова спряталась дѣтская головка.

— Куку, Марто! А де я?—раздался откуда-то дѣйсткій голосъ.

— То ты, Андрійку? А що ты тамъ робишь?—спрашивала Марта, не отрываясь отъ работы.

Это былъ ея маленькій братъ.

— Не лась тамъ: тамъ ужъ есть. Иди, поможи мені збирать полотно!

— А де-жь я? лепеталь Андрійко. Знайди попереду, то піду. Э, та не знайдешь!

И мальчикъ полѣзь въ кустъ орѣшника.

— Подожди, отъ я тебе знайду! говорила, какъ-бы страпая, сестра; нехай тілько полотно зберу!—Марта поспѣшно собрала полотно и бросилась за маленькимъ шалуномъ; тотъ уходилъ и прятался, а она все за нимъ по кустамъ, на распѣвъ приговаривала:

Кобре, кобре! ховайся добре,

Бо якъ пійму, шкуру здійму!

И отыскавъ, вывела изъ-за кустовъ Андрійка. Это былъ мальчикъ лѣтъ шести, съ загорѣвшимъ смуглымъ лицомъ, бѣлыми, мягкими, какъ ленъ, волосами и маленькими карыми глазами, которыя разбѣгались во всѣ стороны, какъ-бы чего искали. Какъ два горячіе уголька, блестѣли его глазки. Онъ былъ точь-въ-точь сестра, только волосы у той давно потемнѣли.

Рѣзвый шалунъ, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, вырывался отъ сестры и кусаль ее за руку. Полотняные его штанишки были до колѣнъ въ грязи,—на лугу, въ осокѣ, онъ искалъ дикихъ утокъ,—а въ пазухѣ были разбитыя воробьиныя яйца,—самъ не видя, онъ раздавилъ ихъ, когда слѣзаль съ груши отъ дупла.

Однимъ словомъ: это былъ одинъ изъ тѣхъ мальчугановъ, какихъ можно и теперь встрѣтить во всякомъ селѣ—пасущими ягнать или гусей около прудовъ. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ и смѣло полѣзеть въ чужой огородъ, чтобы нарвать тамъ маку, или въ чужой баштанъ за дынями и арбузами, хотя и часто возвращается оттуда съ краснымъ ухомъ и, что хуже, безъ штанишекъ.

Сосѣду трудно сохранить и удержать до Спаса яблоки—этотъ маленькій истребитель тпательно ихъ обтрусить. „То Богъ родить на всякого долю“,—скажетъ онъ со словъ старшихъ. И не потому онъ обтрусить, чтобы этого добра не было у нихъ дома, а потому, что таковъ обычай и такой его нравъ.—Ему извѣстно, гдѣ у кого посѣянь горохъ, гдѣ у кого наибольшая морковь, гдѣ огурцы, гдѣ дыни и гдѣ куры яйца несутъ. И вездѣ онъ облазитъ и обшарить, все обнюхаетъ, все узнаеть. Такъ выросаль козакъ... И теперь онъ

успѣлъ побывать и на выгонѣ, и около пруда, и у своего сверстника Ивася,—вездѣ. Онъ уже зналъ, что въ хуторъ пріѣхалъ Петро. У Марты Андрійко часто былъ на послугахъ и всегда приносилъ ей извѣстія отъ подругъ и исполнялъ разныя ея порученія. Теперь она заставила его нести одинъ конецъ скатаннаго полотна, а мимоходомъ. распрашивала его о подругахъ.

— А Маріи ты не бачивъ?

— Бачивъ; переказала, щобъ ты зарані на улицу выйшла... *И Петра бачивъ!* прибавилъ маленькій Андрійко, и лукаво усмѣхнулся.

— Ну й добре, якъ бачивъ... сконфуженно сказала сестра. А може ты й брешешь, бо Петро козакуе, ёго нема дома.

— Эге, брешу, брешу: добре я ёго бачивъ!

И Андрійко, неся сзади одинъ конецъ скатаннаго полотна, весело подпрыгивалъ и передразнивалъ сестру. Та ему говорила:

— А ты йди на выгінъ до Знахоровои Марусі.

*Тупу, тупу, коню,
На високу гору,
До Марусі,
На подусі...*

— Я до Марусі не' ходивъ, смѣялся Андрійко, а отъ тобі Петро перстень та сережки давъ! Думаешь, що я не знаю? Знаю. И пѣсню знаю!

И онъ началъ тоненькимъ голоскомъ выводить пѣсню, выговаривая вмѣсто ж—з.

*Похожано, поброжано
Коло хідки—стежки,
Коло хідки—стежки,
Та коло хідки—стежки!
А той Петро та Мартуні
Покупивъ сережки,
Покупивъ сережки
Та покупивъ сережки!...*

Марта не слушала, а быстро пустилась бѣжать внизъ на лугъ, таща за собою съ полотномъ и Андрійка, который долго еще за-

ливался дѣтскимъ смѣхомъ, упираясь ножками въ землю и доканчивая пѣсню.

Полотно было смочено, разостлано на травѣ. Марта, усадивъ возлѣ себя Андрійка, принялась за вышиванье.

— Хочешь? сказку буду казать, спросила она брата.

Мальчикъ уши наострилъ.

— Бувъ собі дідъ та баба, начала Марта, та мали собі три дочки и три сыны. Посылає дідъ найстаршого сына козы пасти. А той пасе, пасе та й напоить. Стає смеркати, то вінъ и жене ихъ до дому. Выйшовъ дідъ противъ ёго, ставъ зъ макогономъ на воротахъ, у червоныхъ чоботяхъ, та й каже: „Кізоньки мої, кізоньки мої! чи іли вы, чи пили?“—„Ні, дідусю, не іли, не пили; бігли черезъ лісочокъ, вхопили вленовый листочокъ, та й тимъ переділились; бігли черезъ гребельку, вхопили води крапельку, та й тимъ переділились!“...

Тутъ Марта остановилась—на старой липѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, крикливая кукушка выводила свое вѣщье „куку“. Марта бросила работу и, переставъ рассказывать, слушала кукушку. Андрійко, чтобъ не спугнуть кукушки, притаилъ духъ и, лишь шепотомъ, указывая на нее пальцемъ, говорилъ:

— Посчитай, сестрице, бо я не вмю!

И Марта, считая по пальцамъ, за каждымъ „куку“ выговаривала по слову:

— Зозуле... княгине... скажи мені... скільки я... годъ проживу?... разъ... два... три...

Но кукушка, сдѣлавъ crescendo и не докончивъ счета, улетѣла прочь и сѣла гдѣ-то въ вербахъ на дугу.

Марта принялась снова за сказку, а Андрійко, прилегши на ея колѣняхъ, внимательно слушалъ, пока не заснулъ.

Подъ вечеръ Марта разбудила его и, давъ ему кусокъ хлѣба, послала къ своей подругѣ. Андрійко, выглядывая только одной головой изъ-за высокой травы, бѣгомъ пустился исполнять порученіе сестры, перескочилъ черезъ перелазъ и скрылся за тыномъ.

Марта продолжала работу и пѣла свою любимую пѣсню: „Черезъ терень стежка...“

День склонялся къ вечеру и тихо уходилъ на покой, уступая свое мѣсто весенней ночи. Вечерняя мгла серебристо-туманнымъ покровомъ окутывала Калниболоты. Мѣстечко оживилось и засуетилось: у колодцевъ закриѣли „журавли“ и застучали ведра, и кучка „дівчатъ“, неся на „вечерю“ воду, рассказывала о происшествіяхъ минувшаго дня; веселый смѣхъ и иногда тихая пѣсня разносились по улицамъ. Хрущи и рогатые жуки наполняли воздухъ жужжаніемъ. Слышалось блеянье заблудившихся овецъ, которыя медленно бродили по улицамъ, отыскивая дворы своихъ хозяевъ. Иногда громкій голосъ эхомъ разносился по всему мѣстечку.

— Остапе, займи свою корову, а то геть вытоптала въ городі коноплі!

— Отъ-то, проклятый чередникъ! отзывался другой голосъ на противоположной сторонѣ пруда,—та я-жъ ему наказувавъ!

А изъ хатнихъ трубъ давно уже валилъ дымъ и въ воздухѣ разносился запахъ галушекъ. И трудящійся пахарь, бросивъ работу въ полѣ и перекрестившись, поспѣшалъ въ мѣстечко, гдѣ его семья дожидалась „вечері“. Съ непокрытой головой, неся въ рукѣ „истикъ“¹⁾ и шапку, шагаль онъ за плугомъ и думаль, какой-то урожай пошлетъ ему Богъ въ этомъ году. А молодой „погоничъ“ беззаботно хлесталь кнутомъ по наддорожнымъ будякамъ, сбивая ихъ красныя головки, и тихо напѣваль:

*Та волю въ ёго круторои,
Погоничі чорноброві,
Плугатарі кривоноі...
Гей—собъ, цабе—тпру!...*

Незамѣтно спустились сумерки и воцарилась ночь. Голоса людскіе понемногу стихали, лишь несмѣтныя массы лягушекъ, усѣвшись по берегамъ пруда, начали обычный свой концертъ. Вербы внимали ему, стоя стражами на греблѣ и не смѣя шевельнуть своими листьями. А люди ужинали, кончали всякое прятанье, прибиранье, ко сну отходили. Всплылъ и мѣсяцъ полнолицый и тихо подымался вверхъ по безоблачному небу, освѣщая сады, хаты, ого-

¹⁾ «Истикъ» — маленькая желѣзная лопатка, надѣтая на палку; употребляется для очистки земли съ плуга.

роды, все мѣстечко. Улицы опустѣли. Въ „гаю“ надъ лугами запѣлъ соловей и звонкая его пѣсня разносилась по всему мѣстечку и по всѣмъ ярамъ, окружающимъ Калниболоты. Чудное пѣніе соловья плло въ перебой съ громкими голосами перепеловъ и коростелей, перекликавшихся гдѣ-то далеко въ пашнѣ, и все это сливалось въ какой-то непонятный строй и отдавалось дивными перекатами на далекомъ пространствѣ. Какъ звукъ стальной косы, подъ молоткомъ косаря, далеко, далеко звучалъ голосъ какой-то ночной птицы. На улицахъ царила полная тишина; лишь изрѣдка слышался въ глубинѣ иного двора невнятный говоръ запоздавшихъ къ ужину хозяевъ, или ихъ рабочихъ. Гдѣ-то въ хатѣ у окна женщина убаякиваетъ дитя, напѣвая однообразную, своимъ мотивомъ и складомъ уносящую въ далекое прошлое, пѣсню:

*Ой ходитъ сонъ коло віконъ,
А дрѣмота коло плота.
Питається сонъ дрѣмоты:
Де мы будемъ ночувати?
Тамъ, де хатка тепленька,
Де дитинка маленька!...*

Казалось, послѣдніе звуки замираютъ и ночь вступаетъ во всѣ свои права. Вдругъ, какъ изъ тучи громъ, раздалась шумная пѣсня, разливавшаяся рѣкой по мѣстечку. Это начиналась въ Калниболотахъ „улица“. Заслышавъ пѣсню, парни надѣвали шапку на бекрень и спѣшили на мѣсто сбора гульливой молодежи; а запоздавшія „дѣвчата“ поспѣшно мыли ложки и миски послѣ вечера, чтобы украдкой отъ старшихъ поскорѣе вырваться на волю и въ веселой компаніи натѣпиться пѣсней и гульбой. Сначала пѣсня слышна была въ одномъ куткѣ мѣстечка, потомъ въ другомъ, въ третьемъ... Она ширилась, росла и залила все мѣстечко потокомъ звуковъ, полныхъ жизни и веселья.

У вдовы Карпивны на подворьи и въ хатѣ было тихо. Найдите только что погналъ на ночь воловъ въ поле, а вдова, помолившись Богу, легла спать. Марта, накинувъ на себя легкую свитку, пошла въ клуню спать. Но можно-ли было ей спать? Она и не спала: отворилась и скрипнула дверь отъ клуни, и она, какъ бѣлое привидѣніе, появилась въ одной рубашкѣ на дворѣ; краду-

чись, она потихоньку перешагнула через перелазъ въ садъ и прямо побѣжала на выгонъ, гдѣ уже шумно гудѣла собравшаяся молодежь.

V.

*Ой изъ-за юры, та изъ-за кручи
Та риплять возы, йдучи
А попереду та чумаченько
Та вытукуе, йдучи.*

Изъ чумац. пѣсни.

Въ хуторѣ Бондаренкивъ все починалось и приводилось въ лучший видъ. Крыша на хатѣ обновлена. Огорожа вокругъ двора сдѣлана новая. Все, какъ будто-бы, повеселѣло. Вездѣ видна была заботливая рука хозяина. Повеселѣла и старая мать и втайнѣ радовалась, что сынъ забываетъ по немного Запорожье. Сестра, какъ и прежде, оглашала хуторъ звонкой пѣсней и ожидала своего милого „чумаченька“.

Каждый вечеръ всѣ трое они садились около порога на дворѣ вечерять, и тутъ-то велись нескончаемыя рѣчи. Мать рассказывала о прошлой жизни и о старыхъ людяхъ. Петро говорилъ о козацкихъ походахъ и приключеніяхъ.

Иногда ихъ навѣщаль старый пастѣчникъ, сосѣдь по хутору, Микола Волошинъ, бывшій гайдамака и свидѣтель уманской рѣзни. Петро любилъ слушать, когда старикъ рассказывалъ про „Колііивщину“. Какъ разъ въ тотъ годъ, когда происходила уманская рѣзня, Петро прибылъ въ Сѣчь и вступилъ въ запорожское товариство. Тамъ тогда тоже шли толки объ этой рѣзнѣ и волновали запорожцевъ. Кое-что зналъ объ ней и Петро; но теперь старый гайдамака рассказалъ ему объ этомъ во всѣхъ подробностяхъ. Картины страшныхъ казней, понесенныхъ участниками возстанія, непонятныя дѣйствія русскихъ войскъ, прямо поддерживавшихъ польскихъ пановъ, въ частности поведеніе Кречетникова подъ Уманью, въ связи съ злобою дня — уничтоженіемъ Запорожья, окончательно, кажется, охладили Петра и примирали его съ избранною теперь имъ ролью...

Скоро возвратился изъ Дону и сынъ пасѣчника, Иванъ. Тогда два сосѣднихъ хутора еще болѣе оживились. Зинька учащала въ „яръ“ до „криниці“ и тамъ долго „розмовляла“ съ своимъ Иваномъ. Ночью въ лѣсу часто слышалась козацкая пѣсня: Иванъ навѣщаль Зиньку. Наконецъ въ одинъ вечеръ старики, пасѣчникъ и мать Петра, завели разговоръ о томъ, о чемъ ихъ дѣти давно уже порѣшили: пасѣчникъ сваталъ своего сына на Зинькѣ. Поговорили и втихомолку согласились. Другое дѣло рѣшено было раньше: Петро ожидалъ только осени, чтобы послать въ Калниболоты „старостивъ“ съ хлѣбомъ. А теперь онъ почти каждый вечеръ навѣщаль свою Маргу.

Предварительно Петро наводилъ справки на счетъ своего положенія въ отношеніи къ „пану“, на случай онъ, запорожецъ, объявить себя возвратившимся къ хозяйству матери. Оказалось, что опасенія, которыя такъ мучили его, когда онъ возвращался въ свой хуторъ, были напрасны. Тутъ еще раньше настало полное замиренье. Паны не преслѣдовали уже возвращавшихся своихъ подданныхъ. Удовлетворенная чрезъ мѣру месть смягчила ихъ злюбу, а преподаанный страшный урокъ заставлялъ ихъ по неволѣ быть осторожными. Даже Микола Волошинъ, прямой участникъ „Коливицины“, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ, хотя и замаскировавшій свои похождения, сидѣлъ теперь спокойно въ своемъ хуторѣ. Болѣе благо-разумные изъ пановъ въ возвращеніи своихъ подданныхъ видѣли увеличеніе рабочихъ рукъ, радовались этому по простому расчету и снисходительно смотрѣли на отлучку „хлоповъ“, хотя иногда и многолѣтнюю. При томъ земельныя права, земельныя отношенія тѣхъ и другихъ были до крайности перепутаны отъ непрерывныхъ почти потрясеній въ краѣ. Право земельное опиралось болѣе на памяти, на давности, чѣмъ на письменныхъ документахъ. Въ частности относительно хуторовъ, на которыхъ люди жили, такъ сказать, „съ діда—съ прадіда“, принято было обычаемъ, что съ нихъ взималась десятина отъ пчелъ и овощей, а панщину отбывали лишь тѣ, которые имѣли „грунта и поля“ въ селѣ и водворившіеся на льготный срокъ. Соціальное положеніе Петра юридически трудно было опредѣлить: его отецъ и дѣдъ владѣли тѣмъ-же хуторомъ, а на какомъ правѣ, никто не зналъ. У отца былъ кромѣ того и грунтъ, но тогда еще были льготные сроки: обязательства на немъ

были не только незначительныя, но и крайне неопредѣленныя. Съ смертью отца, съ исходомъ Петра, съ наступленіемъ грозной передраги какъ-то и грунтъ затерялся. Объ этомъ-то грунтѣ помышлялъ теперь Петро, а вмѣстѣ и о томъ, какія наложить онъ на него обязательства.

Тѣмъ временемъ представился Петру случай объявиться отчасти передъ міромъ. Сынъ пасѣчника Миколы, женихъ „Зиньки“, Иванъ собрался въ Умань рыбу продавать. Дѣло было послѣ праздника Троицы. Рѣшился ѣхать и Петро. Небольшая чумацкая „валка“ выѣхала изъ лѣсу, въ которомъ находились хутора. „Валку“ провожалъ старикъ-пасѣчникъ.

— Глядите, дітки, говорилъ онъ на прощаньѣ, пильнуйте своего діла: продавайте рыбу та й до дому повертайтесь... Будете въ Умани, то тамъ на свои очи побачите, якъ гайдамаки „лядською“ кровью землю оросили: мабутъ и доси червоніе. Школу розруйновану побачите; тамъ школярівъ гайдамаки повкидали въ глубокій колодязь. Геть зъ верхомъ наклали... до ста біса ихъ було. Жидівськи будинки до сѣго часу стоять розваляни... Та ще отъ що вамъ скажу: коло міста *Греківъ міст*; а коло нѣго Зализнякъ зъ Гонтою таборомъ стояли. Середъ того лісу есть *галявина*, а на ті галявині стоить стара величенна липа. Отъ підіть туды въ південь и по тині одъ теи липы одсчитайте сімъ ступенівъ и копайте: тамъ сховано сила грошей. Знайдете,—ваши будуть!

Старикъ вернулся, а тѣ поѣхали дальше. По дорогѣ затагнули чумацкую пѣсню подъ скрипъ малеваныхъ яремъ. Волю двигались медленно и жевали жвачку.

Широкій, необъятный просторъ, разлегавшійся во всѣ стороны напомнилъ Петру запорожскія степи. Снова пахнуло на него чѣмъ-то вольнымъ, пріятнымъ. Эта поэтическая обстановка снова пробудила въ немъ козацкій духъ. Давно не скакалъ онъ по степи, не гонялся бѣшено за дикими лошадьми и другими дикими животными, которыми изобиловала въ то время южно-русская степь. Давно не клектали ему орлы въ степи, носясь подъ облаками; не пѣли ему буйные вѣтры, не манилъ его бовыль-трава. Давно онъ не слышалъ, какъ „у полі могила зъ вітромъ говорила“. Давно онъ этого не слышалъ, но не забылъ. И сразу обнялъ его жаль: зачѣмъ

я промѣнялъ своего дорогого коня на воловъ? Дума за думой роетьвилась въ его головѣ...

„Боже, Боже!“ промолвилъ онъ шопотомъ и скорѣе зашагалъ по дорогѣ.

А Иванъ впереди напѣвалъ пѣсню и „гукавъ“ на воловъ:
ей вы, сірі—полюві!

Не вдалекѣ отъ лѣса находился высокій курганъ съ „манякомъ“ на верху. Это очень давній курганъ. Въ старыя времена на немъ стояли козацкія „чаты“, сторожившія татаръ. Сверху деревяннаго столба далеко видно было всѣ окрестности. Тамъ обыкновенно помѣщался сторожевой козакъ и наблюдалъ на тридцать верстъ въ окружности—что дѣлалось въ степи. Теперь тутъ никого не было. Высокій курганъ и крѣпкій столбъ сами осматривали далекія окрестности¹⁾. Вечеромъ чумаки останавливались, отпрягали воловъ и пускали на „пашу“, а сами варили себѣ „кулішъ“. Раннимъ утромъ, пока еще не всходило солнце, они отправлялись въ путь.

Такъ они ѣхали до Умани три дня. На третій день вечеромъ чумацкая „валка“ вѣхала въ восточныя городскія ворота. Городъ представлялъ печальный видъ: онъ еще не успѣлъ оправиться послѣ гайдамацкаго погрома, не смотря на всѣ старанія уманскихъ губернаторовъ и комиссаровъ. Палисады и ворота были разбиты и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починены; много еврейскихъ и польскихъ домовъ до сихъ поръ было въ разрушеніи. Гайдамацкая рука оставила здѣсь глубокой слѣдъ. Все тутъ напоминало недавній погромъ, наложившій на городъ особый отпечатокъ. Трусливое еврейское населеніе все еще было въ сильномъ страхѣ. Когда въ городѣ появлялось нѣсколько запорожцевъ, то евреи уже собирались въ синагогахъ и просили Бога о помилованіи. Недалеко отъ воротъ теперь сидѣла около грязнаго дома еврейка и убаюкивала въ люлькѣ дитя, прицѣвая:

¹⁾ Андрій Бѣндаръ передавалъ, что впоследствии этотъ «манякъ» сослужилъ службу и панамъ. Во время панщины съ него наблюдали въ подзорную трубу за ходомъ работъ почти во всѣхъ ближайшихъ имѣніяхъ гр. Потоцкихъ, въ звенигородскомъ уѣздѣ. «Звідтиль, говорилъ онъ, *можно було посчитати, скільки у баби ходить курчати по подвір'ї у Бужанці* (село въ 25 верстахъ отъ кургана). Курганъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени, а отъ столба остались лишь одиѣ развалины.—А. С.

„Ай вей, вей, мамуню,
Ай зукъ, зукъ, любуню!“...

Чѣмъ-то очень древнимъ, палестинскимъ вѣяло отъ этой пѣсенки. То былъ стонъ и плачь матери-еврейки надъ люлькою своего дитяти,—отголосокъ не забытаго еще страшнаго погрома. Море горя и всякихъ несчастій выражалось въ этой пѣсенкѣ. Когда еврейка увидѣла вѣзжавшихъ чумаковъ, невольно какъ-то бросилась въ сторону отъ нихъ, унося ребенка и убаюкивая его непонятной еврейской рѣчью, отъ которой долетало страшное слово: „гайдамака, гайдамака!“

Иванъ и Петро остановились на городской площади и здѣсь съ возами переночевали.

На ярмарку съѣзжались изъ сосѣднихъ мѣстъ паны, крестьяне и козаки. На другой день она открылась. Масса всякаго люда сновала между возами и еврейскими „крамницами“. Говоръ, скрипъ и стукъ, все это наполняло воздухъ и превращалось въ неумолкаемый шумъ.

Тутъ были представители чуть-ли не всѣхъ сосѣднихъ націй: поляки, татары, цыганы, греки и множество другихъ. Разговоръ происходилъ на различныхъ языкахъ.

Шумъ, гамъ, крикъ носились надъ городомъ и не позволяли даже вблизи ясно слышать словъ. Иногда громче всего откликалось выкрикиванье: „шевці, кравці, коновалы, шаповалы и такъ добрі люди! сходиться—щось маю казати! Отъ буду казати! отъ буду!“ Туда волной хлынула толпа и слушала публикацію стоящаго высоко на возу панскаго приказчика или такъ человѣка. Публикаціи эти были различнаго содержанія: въ нихъ объявлялось о пропажѣ воловъ или другихъ домашнихъ животныхъ; объявлялись вольныя *селница*, приглашались на разныя работы рабочіе и т. п.

Подъ вечеръ, когда являлось мало покупателей рыбы, Петро оставилъ около возовъ одного Ивана, а самъ пошелъ побродить по городу. Ему хотѣлось взглянуть на гайдамацкія руины. Съ торговой площади онъ направился къ разрушенной базилианской школѣ. Лишь только отошелъ онъ немного отъ возовъ, какъ изъ боковой улицы послышалась музыка; за нею валила толпа народа. Посре-

динѣ, опачканный съ ногъ до головы въ деготь, танцоваль козаць. Это былъ Лаврінъ Швець.

— Здоровъ, земляче! кричалъ онъ издали Петру. Що-жь? обра-тувавъ ты свое Запорожье? Эге, обратувавъ! Отъ на самоті лаявъ ты мене въ ночи, а я тебе тутъ при всіхъ людяхъ вылаю. Однакъ и лаяться зъ тобою не вартъ; сказано: *бабій*. Иди собі підъ три чорты! Залізъ въ пазуху до *своеи дівчини*, та й сиди тамъ мовчки! А Запорожье таки оживе, не на порогахъ, то за Дунаемъ. Черезъ васъ *бабівъ* пропало воно: не хотіли держаться старого звичаю, зъ *дівчатами* почали кохаться. Отъ тобі докохались!

Лаврінъ на минуту умолкъ; Петро будто съ мыслями соби-рался, не зная, что сказать. Народъ въ недоумѣніи глядѣлъ. Лав-рінъ продолжалъ:

— Отъ ты не хочешь зо мною чарку горілки выпить, а за дів-чатами по ночамъ ганяешь, ожениться хочешь, хазяиновать ду-маешь. Хазяиный!.. Нехай воля гине! Запрягутъ васъ паны та й *москаі* въ ярмо: згадаете мое слово. Пропала воля, пропала доля, та не пропала слава... „*Грайте, музики!*“ крикнулъ онъ музы-кантамъ, которми были два слѣпыхъ лірника и одинъ скрипачъ. Музыканты заиграли. Толпа снова двинулась за Лавріномъ, а онъ въ совершенно трезвомъ видѣ отдиралъ по улицѣ трепака.

Ни слова не промолвилъ Петро и пошелъ дальше улицей. Встрѣча эта была для него совершенно неожиданной. Смугился онъ: какъ будто-бы въ наказаніе посылакъ ему этотъ Лаврінъ. Въ Калниболотахъ онъ обругалъ его разъ „бабіемъ“, а здѣсь другой разъ и при всѣхъ. Вспомнилъ онъ свое обѣщаніе—умереть за козацкія вольности и задумался. Стыдно ему сдѣлалось.

Жизнь однако имѣла свою *злбу*, свое неодолимое теченіе.

На другой день Иванъ и Петро ходили въ *Грековъ лѣсъ*; нашли старую липу, но клада не отыскали. Вокругъ липы поросли кустарники и деревья и нельзя было по указанному направленію видѣть тѣни. Они оставили кладъ до другаго удобнаго случая, а сами возвратились изъ Умани въ лѣсъ, въ свои родные хутора.

VI.

Ой брязнули на дворі цымбали;
 Озвалися у сіняхъ бояръ;
 Заспівали дружки у світлиці;
 Забилося серце у вдовиці.
 Голубоньки зъ голубничка лине:
 Розлучають зъ матірью дитину,—
 Розлучають, віночкомъ вінчають,
 Пышно, цуно поїздомъ рушають.
 Кулішъ.

Въ одинъ осенній вечеръ старая вдова Бондариха *выряжала* изъ хутора *старостивъ*. Она *выряжала* ихъ съ хлѣбомъ и напутствовала такими словами: „*идіть, люди добрі, нехай вамъ Богъ помогає на все добре!*“

Старостами были два близкихъ родственника Бондаренкивъ. Они съ важно-серьезнымъ выраженіемъ на лицахъ и съ палками въ рукахъ вышли изъ хаты. Зинька была тутъ-же и принаряжала брата. Она уже была просватана за Ивана.

Вдова благословила Петра и онъ ушелъ за старостами. На дворѣ они сѣли на лошадей и поѣхали лѣсомъ въ Калниболоты, той дорогой, которой раньше ѣздилъ самъ Петро. Каждый изъ нихъ перекрестился и произнесъ: „*дай, Боже, часъ добрый!*“

Ночь была темная; погода ненастная. Завываль сильный вѣтеръ и шумѣлъ деревьями. Сѣрыя изодранныя тучи неслись по небу и закрывали луну. Въ лѣсу перекликались совы. Ёхали сначала молча; но потомъ одинъ изъ *старостивъ* прервалъ молчаніе и повелъ рассказъ о трехъ козакахъ, жившихъ когда-то тутъ въ лѣсу.

— Не буде, мабуть, тому и пятьдесятъ літъ, началъ онъ, якъ отъ тутъ таки, въ сѣму лісі, де теперъ оце наши хуторі, не сидівъ ще нихто, якъ оце мы сидимо. Отже-жъ кажуть, було тутъ тоді три козаки—гайдамаки. Якогось-то часу поїхали вони всі три до *Кобриновою*, то недалеко тутъ. Тамъ на ихъ напали ляхи и хотіли ихъ вловить. Гайдамаки стали втігати, бо ляхівъ сила була. Гнались довго: ляхи не доженуть, гайдамаки не втечуть. Отъ одному зъ ихъ, що почавъ бувъ отставати, якась ляшуга и встромила въ спину пикю. Такъ вінъ зъ теею пикою и примчався въ лісь. Поховались въ земляну, та й ну того ранного ратувать. А вінъ бачить, що

уже ёму треба вмерти, попросався зъ товарищами, та й говорить до ихъ: „розділити, каже, нашу добычъ на три части“.

Поділили. „Покладіть-же, каже, мою часть мені въ головы, та й закопайте мене тутъ ще живимъ, а на боченку зробіть такий написъ, що хто знайде, нехай въ граматку запише мое имя“. Такъ и зробили... Отже-жъ есть ще старі люди, що ще памятають, де та землянка була. Варто було-бъ її раскопать, може-бъ и гроши знайшли! ¹⁾...

Уже мѣстечко освѣтилось, когда въ него вѣхали старосты съ женихомъ. По старой улицѣ и лугомъ они приѣхали во дворъ вдовы Карпивны. Здѣсь привязали лошадей; Петро остался, по обычаю, подъ хатой на призьбѣ, а старосты пошли въ сѣни. Вдова съ своей дочкой Мартой раньше знала, что въ этотъ вечеръ будутъ старосты. Они все въ хатѣ приготовили, принарядились и уже ожидали ихъ. Старосты остановились въ сѣняхъ и три раза постучали въ двери. Изъ хаты послышался голость:

— Коли добрі люди та зъ добрымъ словомъ, то просимо до господы!

Тогда старосты вошли съ хлѣбомъ въ хату, перекрестились и помолились, а затѣмъ поклонились хозяйкѣ. На столѣ въ это время лежалъ хозяйскій хлѣбъ. Вдова хотя и хорошо знала, кто были вошедшіе люди, но, по обычаю, спрашивала:

— Що вы за люди, и відкиля, и чого васъ Богъ привісь?

Старшій староста, въ отвѣтъ на это, повелъ такую рѣчь:

— Перше всѣго дозвольте вамъ поклониться и добрымъ словомъ прислужиться. Не позгнувайтесь выслушать насъ. А що мы люди честни и безъ худой науки, то отъ вамъ хлѣбъ святой въ руви!

Вдова приняла хлѣбъ и пригласила гостей сѣсть; при этомъ въ подходящихъ словахъ она предложила вопросъ, изъ какого они царства, изъ какого государства. Старшій староста продолжалъ:

— Мы люди делеки, йдемо зъ турецького царства. Мы собі ловці, бо іздимо на вловы. Якосъ въ наши землі, пізно въ осінь, вы-

¹⁾ Въ этомъ лѣсу теперь находятъ много старыхъ погребовъ и насыпей. Въ густыхъ трупобахъ и захолустныхъ мѣстахъ есть остатки завалившихся землянокъ. Около лѣса проходилъ въ старину большой «чумацкій шляхъ». — А. С.

пала пороша. Я й кажу своєму товаришови: година добра! ходімь, може вышукаемь якого звіря! Отъ мы й пішли. Іздили скрізь, слідили, и нічого не вышукали. А се въ однимъ лісі іде намъ назустрічъ на воронімъ коні нашъ князь. Порівнявся зъ нами и почавъ до насъ таки речи: Эй вы, ловці, добри молодці! услужите мені службу, покажите дружбу! Оце попалась мені лисиця, чи куниця, а може й красна дівиця. Не можу ни їсти, ни спати, а бажаю її достати. Все вамъ оддамъ, тільки допоможіть її піймати; десять городівъ вамъ не пожалію. Отъ и пішли мы по слідамъ, по всімъ городамъ. Першъ слідъ пішовъ у німечину, а далі въ турецчину. Ходили, шукали, а її не знайшли. Всі царства-государства обійшли, а її не піймали. Тоді и кажемо князеви: Не тільки звіря въ полі, що куниця: пошукаемо де инче—знайдеця й красна дівиця. А вінъ намъ одказує: Скільки я по світу не гулявъ, у якихъ царствахъ-государствахъ не бувавъ, а такои куниці, ніби-бъ то красной дівиці не видавъ!

Пішли мы зновъ по світу блукать, куниці, чи-то красной дівиці шукать. Все по сліду йшли и въ се село прийшли. Тутъ зновъ выпала пороша. А мы зновъ давай ходитъ, давай слідитъ; сегодня рано встали и заразъ на слідъ напали. Пішовъ нашъ звірь та до васъ у двіръ, а изъ двору до хаты; теперъ бажаемо его піймати. Певно вже наша куниця—у васъ у хаті красна дівиця... Нашому слову кінець, а вы зробіте нашому ділу вінець. Віддайте нашому князю куницю, вашу красную дівицю! Може оддасте, а може нехай ще підросте?

Вопросъ поставленъ былъ прямо. Вдова въ томъ-же тонѣ обратилась къ дочери: То се ты, дочко, наробила добримъ людемъ такого лиха? Проси-жь князя до хаты. А вы, люди добрі, поки що буде, сідайте ближе до столу.

Это значило, что Карпивна соглашалась выдать дочку.

Петро вошелъ въ хату. Марта, какъ-бы нехотя, вынула изъ „скрині рушники“, для которыхъ она пряла долгими, осенними и зимними, вечерами и которые сама-же бѣлила и потомъ вышивала. Застѣнчиво—радостно перевязала она ихъ старостамъ. Мать сняла со стѣны образъ и благословила молодыхъ.

Марта со слезами кланялась до земли матери и цѣловала образъ. Жаль было ей разстаться съ бѣдной матерью, которая

сиротой оставалась въ домѣ. Жаль было ей разстаться съ зеленымъ садомъ, съ огородомъ и лугомъ. Все то, что было ей мило и дорого по воспоминаніямъ дѣтства, она должна будетъ покинуть. Должна оставить своихъ подругъ, покрыть свою лелѣянную косу, забыть свои дѣвичьи пѣсни и грезы. Въ родномъ мѣстечкѣ все близко, знакомо, а тамъ чужіе люди, чужая семья. Она горько плакала, а за ней и мать утирала рукавомъ слезы. Какъ-то она разстанется съ своимъ роднымъ дитяткомъ?

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Марта пригласила къ себѣ своихъ подругъ и они расплетали ей косу. Это было въ субботу подѣ вечеръ. На дворѣ и въ хатѣ собралось много сосѣдей и родственниковъ. „Молоду“ посадили по срединѣ хаты на скамеечкѣ, покрытой вывороченнымъ кожухомъ, и стали расплетать.

Общее настроеніе было какое-то не веселое, тяжелое. Напрасно „молодиці“, мѣсившія „коровай“, и „дружко“—распорядитель „весиля“ старались шуточными пѣснями развеселить гостей: всѣ какъ-бы проникнулись горемъ невѣсты, которая съ этого момента должна разстаться съ своей дѣвичьей красой—русою косой. А съ ней должно прекратиться и ея дѣвичье гулянье, о которомъ украинка всегда вспоминаетъ съ грустью и слезами.

Обрядъ начался пѣсней:

*Благослови, Боже
И отецъ и мати,
Своему дитяти
Косу расплѣтати!*

Долго онъ тянулся, а съ нимъ и пѣсни подругъ,—одна другой грустнѣе и жалобнѣе. Музыка вторила пѣснямъ.

Не одну слезу выронила бѣдная мать при этихъ не веселыхъ пѣсняхъ. И не только мать,—всѣ, до чьихъ ушей доносились звуки этихъ пѣсень, не могли удержаться отъ слезъ. „Дружки“ обнимали свою подругу и не могли наплакаться.

Дочко моя! голубко моя!—говорила горемычная вдова, когда „дружки“ начали пѣть послѣднюю пѣсню. Въ душѣ ея столпились всѣ пережитыя ею воспоминанія, все горе, вся скорбь ея жизни; страшнымъ призракомъ рисовалась одинокая будущность, безпо-

мощная старость. И голосъ и слова пѣсни вторили ея душевному настрою. Полная тяжелыхъ думъ, она стояла блѣдная, подперши рукою лицо и смотрѣла на свою дорогую дочь, которую, казалось, насильно у ней отнимали.

Пѣсня лилась звонко и жалобно.

Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,

А ще й тихіше Мартуня косу чеше.

Ой що начеше, на тихий Дунай несе.

—Ой пльви, косо, підъ матусинъ двірз просто;

Послухай, косо, що матинька говорить!

Матинька говорить, все смутнесенька ходить:

—Ой теперъ мені лихая годинокъ,

Що відходить одъ мене рідная дитинокъ!...

Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,

А ще й тихіше Мартуня косу чеше.

Ой що начеше, на тихий Дунай несе.

—Ой пльви, косо, підъ свекрутинъ двірз просто;

Та слухай, косо, що свекруха говорить!

Свекруха говорить, та все веселенька ходить:

—Ой теперъ мені добрая годинокъ,

Бо йде до мене чужая дитинокъ!

Въ тотъ-же самый вечеръ въ хуторѣ расплетали Зиньку. Обстановка была еще грустнѣе и печальнѣе. Пѣсни и музыка эхомъ отдавались въ лѣсу и удваивали невеселое настроение.

На другой день, въ воскресень, въ старой Калниболотской церкви вѣнчались двѣ пары „молодыхъ“: Петро съ Мартой и Иванъ съ Зинькою. Послѣ вѣнчанья два свадебныхъ поѣзда двинулись за Калниболоты прямо по дорогѣ въ лѣсъ, въ хутора жениховъ.

„Дружки“ и „бояри“ по дорогѣ пѣли пѣсни.

Поѣзжане, ѣхавшіе въ хуторъ Бондаренківъ, съ трудомъ пробрались по узкой лѣсной дорожкѣ.

Вечеромъ того-же дня и той-же дорогой Марту увезли свадебнымъ поѣздомъ изъ Калниболотъ. Она навсегда простилась съ своими подругами и матерью. На другой день она была уже „молодицею“ съ повязанной платкомъ головой.

Тяжеленько таки пришлось Мартѣ на первый разъ въ чужой хатѣ. Ей часто вспоминалось родное мѣстечко и веселые дѣвичьи

годы, проведенные въ немъ. А потомъ она привыкла къ хутору и полюбила эту тихую, уединенную жизнь. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ она навѣщала свою одинокую мать.

А Петро постепенно забывалъ Запорожье и втягивался въ будничную жизнь „гречкосія“, которой онъ раньше такъ боялся. Ему была мила жена, дороги дѣти, хозяйство и весь хуторъ. Только по временамъ онъ вспоминалъ прежнюю бурную козацкую жизнь, полную тревогъ и опасностей; вспоминалъ и посылалъ благословеніе задунайскимъ запорожцамъ, своимъ бывшимъ товарищамъ.

А. Смокій.

Разновидности марцѣпаннъ и ганнусковой горѣлки.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ доставшуюся намъ изъ бумагъ покойнаго профессора А. И. Ставровскаго рукопись XVIII в. Общее заглавіе этой рукописи не сохранилось, но составъ и назначеніе оной открываются при первомъ ея просмотрѣ. Эта не большая книжечка въ 112 страницъ, въ малую четверку, содержитъ въ себѣ 143 рецепта, или краткія наставленія, какъ дѣлать разныя сладкія печенья и варенья, сладкія и другія водки, равно нѣкоторыя заготовленія въ прокъ. Печенья и водочныя настойки занимаютъ въ нихъ главное мѣсто, и какъ высшею формою ихъ, замѣняющею иногда общее ихъ названіе, доселѣ удержавшееся, являются марцѣпанны, основою-же всѣхъ настоекъ была такъ называемая *ганнусковая* водка, то потому мы и даемъ рукописи вышеприведенное заглавіе.

Печатаемая рукопись принадлежитъ срединѣ XVIII столѣтія, что очевидно по письму и даже бумагѣ. Годъ ея неозначенъ, но писана она одною рукою и, можно сказать, въ одинъ даже приѣмъ, изъ чего должно заключить, что она списана съ другой готовой, можетъ быть, болѣе древней рукописи. На первомъ чистомъ листѣ, по срединѣ, свободнымъ и красивымъ почеркомъ написано: *Иванъ Кулябка*, а подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ въ половинѣ прошлаго столѣтія стародубскій полковникъ. Это указываетъ на среду, въ которой обрабаталась рукопись, объясняетъ неодинаковое происхожденіе каждой изъ двухъ главныхъ ея частей, изъ которыхъ первая принадлежитъ печеньямъ, а вторая настойкамъ. Названная рецептура, судя по фамиліи и званію ея владѣльца, употреблялась, очевидно, въ классѣ выше средняго, въ кругу богатомъ, даже аристократическомъ; но тогда какъ печенья, съ ихъ иногда

иностранными названіями и отчасти составомъ, занесены къ намъ чрезъ Польшу съ запада, настойки имѣють чисто мѣстный, національный колоритъ и букетъ и, какъ увидить читатель, едва-ли и могли быть придуманы въ другомъ какомъ мѣстѣ и употребляемы какими-либо другими желудками, кромѣ козачихъ малороссійскихъ. Назначеніе рецептуры не высокое: она должна была служить *чреву*, улаживать и возбуждать вкусъ нашихъ предковъ. Это книга ихъ *живота*, къ сожалѣнію, далеко не полная;—мы не имѣемъ главнаго, не имѣемъ подъ руками подобной, также того времени, рецептуры оригинальныхъ кушаньевъ, составлявшихъ *снѣданья, обѣды, полудень, підвечірокъ и вечерю* нашихъ предковъ. Мы имѣли-бы тогда полное представленіе о ихъ необъятныхъ желудкахъ и феноменальной выносливости этихъ послѣднихъ, дававшей предкамъ нашимъ, если не постигнуть кого на войнѣ или дома наглая смерть, служить по 80-ти, жить по сту и болѣе лѣтъ, вступать въ бракъ на девятомъ десяткѣ годовъ жизни и рождать дѣтей, каковой примѣръ мы имѣемъ въ лицѣ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, сподвижника Хмельницкаго, начавшаго жизнь въ XVI и кончившаго ее въ XVIII ст.

Не смотря однако на эту неполноту и спеціальный свой характеръ, печатаемая рукопись имѣеть значеніе вполне историческаго памятника. Это памятникъ жизни и вмѣстѣ памятникъ языка.

Разсматривая въ пропедшемъ жизнь того или другаго народа, мы имѣемъ дѣло съ суммою болѣе или менѣе крупныхъ явленій, обозначающихъ его внѣшнюю или внутреннюю, духовную дѣятельность; какъ слагается и идетъ его физическая жизнь, служащая нерѣдко основой, или сильнѣйшимъ двигателемъ духовной жизни,—это рѣдко, да и совсѣмъ почти не входитъ въ наши соображенія. Мы видимъ такимъ образомъ явленія и не примѣчаемъ иногда отдаленной силы, движущей ими, изслѣдуемъ дѣйствія и не знаемъ главной и существенной ихъ причины, смѣшиваемъ послѣдующее съ предъидущимъ, посредствующее, второстепенное съ первоначальнымъ, основнымъ, признакъ принимаемъ за сущность, условіе считаемъ за причину, и наоборотъ. Здѣсь происходитъ тоже, что допускаемъ мы нерѣдко при объясненіи вообще нашихъ душевныхъ явленій, въ частности при обсужденіи нашихъ и чужихъ поступковъ. Мы забываемъ при томъ, что многія свойства и качества

наши столько-же физическія, какъ и душевныя явленія, что между тѣми и другими трудно иногда бываетъ провести точную границу, и на оборотъ многія наши дѣйствія и поступки, состоянія, стремленія, извѣстный даже образъ дѣйствій имѣютъ подъ часъ свою основу и источникъ въ состояніи и переменѣнахъ нашего физическаго организма, а эти послѣдніе въ свою очередь стоятъ въ тѣсной зависимости, между прочимъ, отъ качества и количества пищи и питья, приправъ въ тѣхъ и другихъ, времени и способъ ихъ употребленія и т. д., и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣрное знаніе нашихъ душевныхъ явленій, нашихъ дѣйствій и свойствъ возможно лишь при точномъ пониманіи условій и состоянія жизни нашего физическаго организма, и что тоже правило должно быть примѣняемо и къ пониманію жизни народной. Если возможны афоризмы: „скажи мнѣ, какія книги читаешь, или кто твои друзья, и я скажу, каковъ ты самъ“, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно-бы сказать: „скажи мнѣ, что ты ѣшь и что пьешь, въ какой мѣрѣ и когда, и я опредѣлю твою жизнь“.

Съ этой точки зрѣнія, матеріалы, въ родѣ предлагаемаго нами, не только могутъ восполнять общую картину минувшей жизни нашего народа, но нерѣдко пособлять надлежащему ея освѣщенію и безошибочному представленію. Намъ во всякомъ случаѣ кажется, что эта сторона жизни нашихъ предковъ заслуживаетъ вниманія и намъ остается желать изысканія и приведенія въ общую извѣстность возможно большаго числа такихъ памятниковъ.

Они имѣютъ интересъ и какъ памятники языка, ибо охватываютъ собою такую область жизни, которая сама по себѣ, а вслѣдствіе того и по своей терминологіи и фразеологіи, совсѣмъ неизвѣстна намъ.

Приводимъ поэтому нашъ памятникъ въ цѣльномъ его видѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ почти особенностей его правописанія, за исключеніемъ несущественныхъ, или неподдающихся нашему упрощенному печатному письму.

1. *Макороны пекти.*—Взять два фунта миндалы, истолети мѣлко съ розевою водою, прибавить полтора фунта мѣлкого толченного сахару, змѣшать, послѣ прибавить кордимону, помаранцевою коры, два желтка

ячныхъ и четыре бѣлки; и дать часъ битъ, потомъ мигдалы крѣпко втерти и на бляты положить, на сковородѣ ставить, прежде ножемъ направить, покуда въ пѣчь не становить, и потомъ пекти.

2. *Какъ бѣшкоты пекти.*—Взять десять яецъ, одинъ фунтъ сахару, добре вмѣстѣ скотитивъ, потомъ четверть фунта муки помѣшать, и еще мало колотить, прибавитъ ложку рожевой воды и пекти.

3. *Марципаны робить.*—Взять одинъ фунтъ мигдаловъ, мало рожевой воды, толкти, одинъ фунтъ толченного сахару прибавитъ, толети добре съ сахаромъ и мало приварити въ побѣляной кострюлѣ, чтобъ не выгорѣло, добре мѣшать; потомъ можно всякіе мукстра вирѣзовать, можно зъ сего тѣста вѣнки дѣлать, потомъ на марципаны налить глянсъ, взять самого найчистѣйшого канарского сахару, стерти очень мѣлко, чтобъ какъ мука крупчатая, бѣлокъ розбить лещий, чтобъ пѣна держалась на ложки, и мѣшать ис сахаромъ, чтобъ густо было, и намазать на марципалъ, или зъ рожевою водою сахаръ стерти и литъ на марципалъ, пекти въ печѣ; должно, чтобъ пѣчь не весма горячая была, и сахаръ долженъ не весма жидокъ быть, чтобъ можно кистю мазать.

4. *Корытень кухень.*—На двѣ яйцѣ четвертку сахару и четвертуку муки, корытень золотниковъ шесть. Первѣе яйцѣ вбить совсѣмъ такъ, якъ на бѣшкоты, а послѣ съ сахаромъ добре битъ, чтобъ густо стало, а двома днями прежде муки четвертуку растерти съ тмъ холоднымъ масломъ, а масло должно быть весма холодное и крѣпкое, и такъ терти, чтобъ оно сухо и не роставало въ рукахъ, а муки на ночь у пѣчь поставитъ, чтобъ она суха была, а съ печи винявши, на лѣду поставитъ, чтобъ холодное, а стерши зъ масломъ, на лѣду поты стояло, покы яйцѣ убъются добре, а когда все готово, взять муку всыпать у яйцѣ и мѣшать добре ополоникомъ долгенко; въ ту пору сеету усыпать полложки, якъ времени у пѣчь, и терти уже непрестанно, послѣ галку толченную цѣлую всыпать и мѣшать, а послѣ корынки усыпать и въ хоромки (формочки) выливать и пекти.

5. *Иныѣ способомъ корытеньки (робить).*—Взять одинъ фунтъ сахару, восемь яецъ—купно съ сахаремъ часъ колотить, одинъ фунтъ масла положить топлевого холодного, одинъ фунтъ муки съ масломъ терти, потомъ яйцѣ положить и полчаса мѣшать, потомъ полфунта корынку, два мушкатніе орѣхи и двѣ ложки сеету прибавити и въ формы литъ. Должно топлевному маслу быть и муку на ночь въ печѣ становить, чтобъ суха была.

6. *Лещіе шарупы.*—Взять дванадцать яецъ, съ которыхъ изъ девяти бѣлки отобрати, и по охотѣ сахару, курдимону положить: впередъ яйцѣ съ сахаромъ добре толкти, потомъ муки помѣшать, чтобъ густо

было, потомъ кругліе формы дѣлать, и мало топленнымъ масломъ помазать, и мало сахару и корицѣ посыпать, кругло качать и въ печѣ пекти.

7. *Пряники медовіе дѣлать.*—Взять чотыри фунты патоки, три фунты муки, муку въ пѣчь на ночь поставить, чтобы суха была, десять яецъ—половину бѣлковъ отобрать и бить добре паростами такъ, якъ на бѣшкетты, прибавитъ кардимону, корицѣ, перцю, и патоку добре убыть, чтобы бѣлая была, и змѣшать у кушу и паливать въ бумажніе скринечки; опѣкши, порѣзать.

8. *Маліе цукеръ кухеръ у формахъ.*—Взять одинъ фунтъ сахару, полфунта муки, чотыри яйца, курдимону, корицѣ: когда весма добре помешается, отдѣлать надобно фунтъ толченныхъ миндаловъ въ тѣсто, выжавши, и въ печѣ пекти. На форму выдавливать. Прозываются куклы.

9. *Кимель кухенъ* такъ дѣлать надобно: муку въ пѣчь ставить, чтобы суха была; сахару чвертка, масла, такъ якъ на чверть, вымыть за-временно и на платку на ліоду поставить, и мука чтобы на ліоду была, и розбить одинъ желтокъ цѣлій, а другого четвертая доля, и бить добре въ часцѣ ложкою такъ, якъ на бѣшкетты, чтобы было густо и бѣло, съ сахаромъ бить добре, а когда убѣтся, то воды рожевой ложку, а другою четвертую долю, муку такъ перетерти съ масломъ, якъ на корынсовой, и на ліоду поставить, покуда яйца убьются, а послѣ на полумиску муку розгорнуть на пять частей и емѣну умѣшать въ муку, и сыпать яйца кушками, мѣшать и змѣснить, качалкою роскотить и румкою выдавливать, веделками на три части поболоти, на блиху класти. Муки безъ двохъ золотниковъ чвертка, сахару цѣлая чвертка, масла полчвертки, толко-бы холодноз было.

10. *Выдавлюванній макаронъ.*—Три части сахару, четвертая минда-ловъ: толкти миндалы добре, побризкуючи рожевою водою, а послѣ посѣявши сахару мѣлко, толкти въ кушу; бѣлокъ розбить яечній, ложечковъ двѣ чайнихъ прибавитъ, и змѣшать надобно: драгантовъ немножко положить и втокти добре, роскотить тоненько и выдавливать чаркою, а по серединѣ наперсткомъ выдавить, или пальцемъ кружкомъ крутить, по-коль дѣрка станетъ.

14. *Марсель дѣлать съ фіалками и рожевымъ цвѣтомъ.*—Сахаръ толко въ воду вмочить, чтобы гараздъ обмочился, а послѣ варить якъ найскорѣе на великомъ огнѣ, чтобы пузырь летаи, или въ воду съ крону уложитъ: ежели переломится, заразъ цвѣты у сахаръ класти и якъ най-скорѣй мѣшать, чтобы не позеленѣло, и въ скорости выворочувать въ бумажніе коробочки и скорѣе-жъ кастролкою заразъ навернуть, чтобы вѣпаръ не зішло. Цвѣтъ надобно рожевой мало привилитъ, или ножемъ

покрышить. Можно персики нарѣзать, цукату по кореннямъ и съ кофею. Сямъ манеромъ можно дѣлать.

12. *Перчаніе орѣхи дѣлать.*—Взять четыре яйца, которіе мало розбить, туда фунтъ сахару, потомъ прибавится корень рѣзаной корицы, вепхель, мушкатного орѣха рѣзаного и мало перцю, инберу, кармандру, кубебы и три четвертки фунта муки, чтобъ можна рѣзать, потомъ красно цекти. Мыгдалей мѣлко рѣзанихъ, цитрыни, мылоны тудажъ надобно нарѣзать.

13. *Мандельторты дѣлать.* — Взять одинъ фунтъ мѣлко толченій, десять яецъ, полфунта сахару, спрежде сахаръ зъ яйцами добре мешать, потомъ мыгдалы положить и безпрестанно мешать, покудова в печь становить, в миске по полчаса колотить.

14. *Маліе цукеръ кухня.*—Взять одинъ фунтъ сахару, четыре яйца, кардимону, столько муки, чтобъ можно тѣсто выдавить, разныя фѣгуры дѣлать и пекти всякими фѣгурами.

15. *Плетеные бублыки.*—Взять полфунта сахару, пятнадцать яецъ, половину бѣлка отложить, пятнадцать ложекъ сладкой сметаны, пять или шесть ложекъ масла, кардомону, мушкатного цвѣту, или галки, муки столько, чтобъ можно добре мешать, яйца паростомъ розбить, притомъ сахару прибавить и добре колотить, потомъ сметану, масло и муку, по изволенію, положить шафрану немного; такъ дѣлать всякими вдарами.

16. *Ензеръ кухня палчки.*—Взять полштофа личного яйца желтка, полштофа сладкой сметаны, прибавить мушкетовъ, кардомону, сахару, рожевой воды и малое число масла и муки, и добре вмести смешать, дѣлать твердое тѣсто, тѣсто в залѣзку цекти. Половину жолтковъ, а половину совсѣмъ яецъ—наилучше.

17. *Ферезъ.*—Взять сладкого молока, шеснацать яецъ, сахару, рожевой воды, дать вскипѣть и процедить на ситце, и отдавить добре воду; положить потомъ в горщикъ и придай три каплѣ рожевого олѣйку, три каплѣ коришневого олѣйку и мало цедро, десять ложекъ сладкой сметаны, восемь ложекъ топленого масла, и вмѣсте сколотить паростомъ, чтобъ пѣна стала, потомъ положить в блюдо и здѣлать кругло, какъ сирь: обтачь мыгдалами и сахаромъ.

18. *Малделмусъ.*—Взять свѣжихъ яецъ и свѣжого молока, сколотить добре у вуцу; поставъ на огонь, чтобъ кипѣлы, чтобъ яйца збѣжалсь, потомъ сыроватку однять и яйца на сито положить и протерты, и четверть фунта толченыхъ мыгдалей, протертіе яйца з мыгдалами, сладкой сметаны розвести, какъ кисель, надобно, мало рожевой воды и сахаръ подмѣшать, потомъ в блюдо положить и толченымъ сахаромъ и корыцею потрусивъ и мало кардимону, по изволенію, и кушать; такъ можна иблага дѣлать.

19. *Канель кухни.* — Взять два цѣліе яйца, два желтка личнихъ, муки, здѣлать тѣсто, срѣзать кругло и пекти въ масле, потрусить сахаръ да корыцѣ, толко качать надобно.

20. *Алицие кухни.* — Два фунта муки, два фунта масла, два фунта сахару, десять яецъ, одинъ фуртъ корынковъ, мушкатного цвѣту.

21. *Яблочніе лепешки.* — Сахаръ съ яйцами бить, а потомъ масла холодного положить и терти виполосканное масло, взять кипячюй воды мало, шесть яецъ, одинъ фунтъ муки, одну румку крѣпкой водки, яблока крѣпко порѣзать, тѣсто все вкуцѣ розбить, яблока туда змѣшать, ложкою брать, у маслѣ смажить.

22. *Гейдныше кухни, бесурманскіе лепешки.* — Взять 15 яецъ, пять цѣлыхъ, десять желтковъ, кардымону, сахару того, какъ бесурманскіе лепешки, тоже прибавить сладкой сметаны, тонко роскотившы, у маслѣ пекты.

23. *Шприць кухни ино манерь.* — Взять муки, молокомъ подколотивши такъ, какъ на галушенное тѣсто, взять въ котлѣ воды, дать вскипѣть и кусоць масла положить, величиною какъ курное яйцо, и туда тѣсто положить; когда доспѣетъ, вынять, добавить яецъ столько, чтобъ можно сприца выдавить, и в топлennomъ маслѣ жарить.

24. *Элише шкптъ вафелы.* — Взять 5 яецъ, 10 ложекъ сметани сладкой, или молока, мушкатного цвѣту, сахару, корицѣ, рожевой воды. подмѣшать муки, чтобъ такъ густо стало, какъ тѣсто на млинцѣ, положить мало масла и положить в глыбокую кастроль, положить сверху и снизу огонь, дать пектись, чтобъ твердо стало, потомъ вынять, разрѣзать на шматки и жарить въ маслѣ.

25. *Трихтеръ кухни.* — Взять 5 желтковъ ячныхъ, 10 ложекъ молока, сахару, мушкатного цвѣту, подмѣшать вмѣстѣ такъ густо, какъ тѣсто на вафелы, и дать свозъ лѣйку у кипячюе масло бежать.

26. *Мидаліе лепешки инимъ манеромъ* — Взять 1 фунтъ сахару, одинъ фунтъ толченихъ мыгдаловъ, 8 яецъ, кардымону, 4 ложки солодкой сметаны, 2 ложки рожевой воды, два конца отъ ножа поташу, муки столько, чтобъ можно тѣсто здѣлать. Куклы дѣлать, смѣжніе грушки, три стакана молока, семь стакановъ муки, дванадцать яецъ, отъ шести бѣлки отобрать, молоко должно прежде быть варенное, потомъ в него муку положить, добре варить, и въ маслѣ жарить, ложкою кипячюе масло брать.

27. *Праньки медовіе или сахаръ медовій.* — Взять три фунта патоки, сварить и простудить, потомъ взять 30 яецъ, отъ которыхъ десять бѣлковъ отнять, та добре наростомъ бить, потомъ означенной три фунта патоки прибавить холодной, и еще добре бить, покуда скоро в печь становить, то прибавъ столько пшеничной муки, чтобъ стало такъ густо,

какъ тѣсто на цукеръ бротъ, и заразъ в печь постановить; кардымону должно положить и въ формы вылить, а потомъ рѣзать.

28. *Красны лѣтры или слова дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ мѣлко-го сахару, полфунта толченыхъ мындалей, три лота корицѣ мѣлко толченной, одинъ золотникъ мѣлко толченного перцю, полтора фунта пшеничной муки, красного болусу, сколько надобно, или напримѣръ три золотника, два яйца, рожевой воды, сколько надобно для уготованья, потомъ все вмѣсто смѣшать в стуну каменную, какъ тѣсто, чтобъ можно качать и дѣлать, лѣтры слова сѣлать вмѣсте и пекти в теплой печи, потомъ той хлѣбъ вынять, можно всякіе фигуры въ формахъ дѣлать, на бумагахъ или бляхахъ, прежде масломъ помазавъ пектить.

29. *Тонкіе цѣломоновіе лепешки дѣлать.*—Десять яецъ, отъ четырехъ бѣлен отнять, молока по разсужденію, 8 ложекъ масла, три лота толченыхъ мигдалей, корицѣ, кардымону, ганису, мушкатного орѣха, муки столко, какъ на млинцѣ горсть сахару, въ желѣзку пекти.

30. *Досвѣдченно красніе лѣтры дѣлать.*—Полфунта сахару, четвертку мигдаловъ мѣлко толченыхъ, перве ложку всыпать въ самые мигдалы, а послѣ съ сахаромъ столкти, другую ложку всыпать, а послѣ корицѣ полтора лота, мѣлко толченной, а полъ золотника перцю мѣлко толченного; корицѣ всыпавши, знову воды ложку всыпать и товѣти, болусу полтора золотника всыпать, одно яйцо зъ желткомъ убить и толкты все вмѣстѣ, дѣлать слова или взоры всякіе, перецъ тогда всыпать и толкти з мукою добре и дѣлатъ.

31. *Макорони постніе такъ дѣлать.*—Мигдаловъ полфунта онъ столкти мѣлко и всыпать рожевой воды ложку, а послѣ другую ложку и толкти, а послѣ сахаръ толченый и просѣянный всыпать, ежели хотѣти, три четвертки сахару, или ровно, положить, прижарить на бляхѣ и прохолодивши дѣлать, а ежели скоромный, то на полфунта одинъ бѣлокъ розбити добре, такъ товѣты, якъ з рожевою водою, и сыпать тогда бѣлокъ, якъ добре втолчутси мигдалы з рожевою водою и сахаромъ, а когда стать прижаровать, дуже мѣшать ложкою и дѣлать, з бѣлкомъ нѣмало не толкти, толко змѣшать и прижарить, а воды на четвертку двѣ ложки или болшь, добре надобно толкти.

32. *Блшкокты з мигдаламы дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ мѣлко столкти, помочивая водою рожевою,—такъ пробовано макороны,—полфунта сахару, первѣе толкти мигдалы з рожевою водою, двѣ ложки всыпать и все толкти вимѣшующи, а послѣ розбить в пѣну два бѣлка на полфунта и класи хочъ разомъ, хочъ по одной ложки, вимѣшующи добре утолкти, чтобъ густы и бѣлы стали, а послѣ сахаръ разомъ усыпать, вимѣшать

и толети, помы бѣлы и густы стануть, и давать сирникомъ, очень хороши будутъ.

33. *Макароны дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ миндалей, три четверти фунта сахару, и когда миндалы весма мѣлко утолчены, то прибавить нѣсколько ложекъ холодной воды, точію миндалы принуждены быть мѣлко толчены, потомъ взять сахаръ налить рожевою водою, напрімѣръ 5 ложекъ на одинъ фунтъ миндалей, и дать мало кипѣть, здѣлать сиропъ и положить миндалы, поставить на огонь и дать кипѣть. покуда загуснетъ, чтобъ можна макоронная дѣлать, потомъ прибавится напрімѣръ фунтъ миндаловъ, два яйця, которіе добре розбить, чтобъ все вмѣстѣ было, и когда с огня снѣмать, то ложкою иѣцу бить, вмѣшавъ добре и снявъ дать простигать, и класти ложкою на блюху разными фигурами, какъ макароны, и дать стоять, чтобъ выстоялы в печѣ или в долгой сковородѣ; точію надобно толстую бумагу подложить,—одну макорону для пробы поставить, покуда пѣчь в поре станеть.

34. *Перешие или поташовіе лепешки дѣлать.*—5 фунтовъ мѣлкого сахару, на густой сиропъ сваренного, простудить, всякого корѣнья подмешать, ложку поташу, пшеничную муку подмѣшавъ такъ густо, какъ надобно, на ночь въ теплое мѣсто поставить, чтобъ сходило, а на утро пекти, четверугольными праныками дѣлать.

35. *Широкой сахарной альбъ дѣлать.*—Взять 14 яецъ, съ которыхъ бѣлки отбирать, потомъ розбить оніе яйця добре, потомъ прибавить полфунта сахару, добре важеного, самого чистого, и стерти напмѣлше и просѣять, смѣшавъ съ яйцами, мѣшавъ, покуда бело будетъ, потомъ взять самой чистой, круичной, пшеничной муки, подмѣшавъ оніе вещи всы вмѣстѣ, дабы рожено было, и можно подмѣшавъ мало цинамоновой воды, а когда сіе все готово, озмется форма, в которую тѣсто класть, и внутри оболъется вездѣ масломъ топленнымъ, и витрахнуть форму, чтобъ ничего масла в ней не осталось, потомъ тѣсто положится и поставится форма въ сухую порожнюю сковороду, и прикрыть кришкою и положить сверху доброй огонь, подъ исподомъ точію малой огонь; когда в сковородѣ видно, что зажарился, потомъ взять желтовъ личной и ложку воды, добре смѣшавъ, помазать, потомъ кришкою еще накрыть и по должности спекти, и когда готово, вынять съ формы, дать остигнуть и рѣзать полосами, и дать въ тепле схнуть, и такъ готово.

36. *Лецеты дѣлать.*—Взять одно яйцо и добре розбить, потомъ прибавить четверть фунта толченого сахару и просѣяного и смѣшавъ, потомъ четверть фунта пшеничной муки и добре подмѣшавъ, такожъ и корѣнья малое число, толченыхъ гвоздиковъ, бордымону, порѣзанного з указу, и цитринной корки смаженой, потомъ взять на столъ и роскотить ка-

чалкою, и порѣзать на шматки, тѣ шматки въ форму вдавить, потомъ надобно бляху в паштетной сковородѣ добре витерти и масломъ помазать, потомъ взять тѣсто съ формы и положить на бляху в сковороду, и дать отчасти доброй огонь, на крышку подъ сковородою гараздъ легкой огонь, и дать пектись, покуда поспѣеть.

37. *Пиренберскіе лепешки пекты*.—Взять два фунта обыкновенной патоки, одинъ фунтъ простого сахара, смѣшать съ патокою и положить в положенную кастрюлю или горшокъ, дать на огонь потуда кипѣть, покуда покраснѣть, потомъ прибавить резанихъ цитронныхъ корокъ, суданы и еще гвоздыковъ, кардамону, мушеатного цвѣту и перцю, все столети и особно по охотѣ подмѣшать, потомъ подмѣшать полтора фунта пшеничной муки, покуда тѣсто станетъ, потомъ прибавить пользота поташу, роспусить въ колодяжной водѣ и толкти, покуда мѣлко будетъ, и подмѣшать въ тѣсто, потомъ порѣзать въ шматки, какъ велныя лѣпешки надобно будутъ, и надобно шматки равно вѣсить, чтобъ вси однимъ вѣсомъ были, и роскотить шматки на столѣ качалкою, а егдабъ тѣсто могло ко столу прилипать, можно малое дѣло муки подкинуть и котить; когда довольно роскатано, положить въ форму и натрусить на бляху въ паштетную сковороду пшеничной муки, потомъ выбрать лепешки съ формы, положить на бляху и на крышку сковороды доброй огонь положить, подъ сковороду легкой огонь, дабы вскорѣ подошли, и такъ готови.

38. *Аблати с персики*.—Взять четверть фунта персики, само мелко ростовети рожевою водою, четверть фунта сахару мѣлко толченого, потомъ два яйца, а третьего бѣловъ добре съ сахаромъ розбить, покуда бѣло и густо станетъ, потомъ толченой персики въ сахаръ положить, добре смѣшать и въ печи пекти, покуда пожелтѣть.

39. *Волоскіе орѣхи съ сокомъ кветомъ*.—Взять два бѣлка яичныхъ и розбить въ густую пѣну, и подмѣшать малое дѣло сахару, чтобъ не рѣдео с ложки текло, положить на бумагу и пекти на деревяной дошки въ теплой печи; когда готови, то снять и положить малое дѣло соку, двѣ вмѣсте сложить, чтобъ стали какъ волоскіе орѣхи, и дать высохнуть.

40. *Сахарный хлѣбъ, называемый цукеръ бротъ*.—Взять бѣлковъ отъ семи яецъ и розбить въ пѣну, покуда отъ пароста не будетъ стекать, потомъ подмѣшать отъ пяти яецъ желтки, и четверть фунта сахару, и полъчетвертки фунта муки, понемногу и подмалу подмѣшать, и заразъ въ печь поставить и пекти въ малыхъ капселяхъ, потрусивши канарскимъ сахаромъ; у бумажкахъ пекти.

41. *Персики аблати дѣлать*.—Взять полъчетвертки фунта сахару, персики три, полъчетвертки фунта сахару, столчи персику мѣлко, два бѣлка яичныхъ розбить на пѣну и прибавить ложку сахару и одну ложку

пѣны, чтобъ стало густо, какъ надобно, положить на бумагу и пекти въ печи круглыми лешешками; впередъ надобно, чтобъ персики добре высушены были, на четвертку персика—четыре бѣлка, хочъ мало и останется, чтобы не очень рѣдко.

42. *Дутой сахаръ.*—Сахару, полфунта облущенныхъ мигдаловъ, 12 лотовъ сахару, вмѣстѣ столети, а вмѣсто рожевой воды два бѣлка яечныхъ положить, въ форму выдавить и у печѣ пекти; надобно бѣлокъ разбить добре, такъ и класты ложкою.

43. *Макороны дѣлать.*—Взять фунтъ очищенныхъ мигдаловъ, мѣлко столети въ чистой водѣ, взять одинъ фунтъ сахару скудно важного, разрубать в мѣлкіе шматки, въ казанокъ положить, придай 8 ложекъ рожевой воды, и дать сахару распуститься, поставить на легкой огонь, дать кипѣть и пѣну скидать, положить въ то мигдалы и добре мѣшать, чтобъ распустились, чтобъ кусковъ не было, дать добре кипѣть, покуда отъ котла отстанеть, потомъ прибавъ 5 бѣлковъ яечныхъ, разбить добре и пѣну туда положить и добре смѣшать, потомъ снять съ огня и положить на тарелку и дать остынуть.

44. *Тѣсто на тортъ.*—Одинъ фунтъ муки, полфунта масла, одинъ фунтъ мигдалей, три четвертки фунта сахару, два желтка яечныхъ и одно бѣлое яйцо—тортъ и пирожки дѣлать.

45. *Масленіе лепешки.*—Полфунта сахару, одинъ фунтъ муки, три четверти фунта масла, корицѣ, яецъ столко, чтобъ можно тѣсто качать, якъ схотѣтъ дѣлать.

46. *Рѣзаніе мигдалы.*—Полфунта мигдалей, одинъ фунтъ сахару, восемь бѣлковъ яечныхъ въ пѣну разбить, потомъ въ сахаръ подмѣшать, рѣзаніе мигдалы на руки мѣшать съ тѣмъ сахаромъ, вмѣсти смѣшавъ, чтобъ кругло было, на бумагу положить и на сковородѣ пекти; на руку положить мигдалы и пѣну класти и качать.

47. *Разніе мигдалы инымъ способомъ.*—Мигдалы почистить и порѣзать, сушить на рѣшетѣ фунтъ цѣлій и разбить восемь бѣлковъ добре, полфунта сахару толченного змѣшать зъ бѣлками и притовести, а послѣ зъ мигдалами змѣшать, качать круглыми, на бумагу класти и векти—укачующи въ пѣну, чтобъ не рѣдки были.

48. *Коричніе вѣнки дѣлать.*—Мигдалы долго порѣзать чищенніи и отважити четвертку, побрызгать рожевою водою, чтобы они вогки стали, а послѣ полчетвертки сахару толченного и корицѣ два, или полтора золотника змѣшать, и накладывать туда мигдалы, на платкахъ порѣзовавши вѣнчичецъ, бѣлками помазавши, чтобы мигдалы пристали, накладывать остренко на платки, а зверху сахаромъ чистымъ присыпать, бляху намазывать масломъ, на которой пекти, чтобы вѣнки не пристали.

49. *Цитроны вецленъ такъ дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ столети очень мѣлко, зъ однимъ бѣлкомъ яичнымъ, а послѣ чвертку сахару толченнаго положить и добре толкти, чтобы якъ тѣсто было, и здѣлать всякими взорами, якъ наименшими штучками, и золотить сверху.

50. *Макаронъ цитронніе съ кореннямъ.*—Мигдаловъ чвертку столети, а послѣ яйце одно зъ желткомъ розбить, и столкти перве саміе мигдалы, немножко водою побрызгать, а послѣ зъ яйцемъ, въ ту пору сахару толченнаго чвертку всыпать, утолети и положить корѣнныя, нарѣзать цитронной корки, лимоніи галки, мѣлко перѣзать, змѣшать и дѣлать; накладывать долгіе тоненко на тѣблицу, сін можно лакомъ намазывать, и крупцами насыпать цувату, курдимону, помаранцевой коры.

51. *Цитронніи инымъ манеромъ безъ мигдаловъ.*—Цѣлій бѣлокъ розбить въ можирѣ, или половину, не розбиваючи ложкою, заразъ съ сахаромъ толченнымъ толкти укупѣ, а послѣ лимонной корки свѣжой, самого желтенького втерти и всыпать въ сахаръ, бѣлокъ первѣе клучкомъ ростерти, дѣлать всякіе взоры папѣрніи, прикладывать и вырѣзывать, что схотѣтъ, а зъ бѣлого желѣза форожками выдавловать, а послѣ муки подсыпавши, въ пѣчь въ легкой духъ посадить.

52. *Жефермысь такъ дѣлать.*—Яйце зъ желткомъ розбить добре, а послѣ рожевой воды ложку всыпать и убитъ добре, мигдаловъ толченыхъ положить и розбить вкупѣ, а послѣ муки такъ змѣшать, чтобы можно кругленко качать, и пекти на бляхи; порѣзавши цитроны, понакладывать зъ верху, въ коренны всыпать и пекти.

53. *Блинокты инымъ манеромъ.*—Полфунта сахару, 15 яецъ, перве саміе бѣлки битъ такъ, чтобы нѣмало с пароста не спадалы, очень густы и бѣлы были-бы, а послѣ обчистить съ пароста и положить желтки, по одному класти, да все ложкою сребною змѣшавши, желтки заразъ сыпать, сѣяній сахаръ жменею, муки фунтъ крозь ситце сѣять, змѣшать, якъ найскорѣй, не в мисцѣ, но в полоннику битъ тогда, якъ у печѣ добре нагорить, и всыпать въ маленькіе бумажніе хо-ромен, и канарскимъ сахаромъ сверху присыпать, и пекти.

54. *Канель кухня.*—Два яйца розбить, чвертку сахару, толченнаго мѣлко, положить и битъ добре, а послѣ топленаго масла отважить чвертку и битъ укупѣ, корицѣ толченной полчвертки или болше збитъ добре, муки отважить полторы чвертки, змѣшать, кругленко качать и класти на горячу форму, переворочаючи, пекти.

55. *Кукулы кордимонніе дѣлать.*—На чотыри яйца фунтъ сахару, розбить яйца въ индолцѣ ложкою, а послѣ сѣяннаго сахару всыпать и битъ добре, покамѣсть сахаръ убьется и бѣло станеть, а послѣ замѣситъ также въ мисцѣ мукою, чтобы не очень круто было, ростирать ложкою,

выдавлювать на форму, посыпавши мукою, а обрѣзовать колцемъ, на мѣдной бляхи пекти, помазавши масломъ; сіи можна зъ миндалями дѣлать: на четвертку сахару одно яйце, съ сахаромъ добре розбить, а полчвертки миндалей добре столкти, побрызкавши рожевою волою, немножко прижарить миндалы, ростерти добре съ тѣмъ тѣстомъ, а послѣ зъ мукою, положить корицѣ, кордиму, и выдавливати всякими взорами, и пекти.

56. *Анискухень такъ пекти.*—Розбить три яйцѣ в яндолю ложкою, а послѣ горсть или двѣ сахару толченного всыпать и розбить добре, а послѣ молока всыпать чашечку и муки, розбить добре, такъ якъ сметану гущиною, а послѣ всыпать масла три ложки не полныхъ, сребныхъ, топленого и битъ добре, а послѣ знову муки; розбивши добре зъ мукою, тогда молока сыпать и ростирать, чтобы грудокъ не было, форму вытерши маслянымъ платкомъ, а не мазать формы, сыпать по ложки деревяной, доброй, на горячую форму и переверочать часто на огнѣ.

57. *Другое, въ желѣзку печоное, курдимонное дѣлае тѣсто.*—Два яйцы зъ бѣлками, а два желтки розбить добре, а послѣ съ сахаромъ, двѣ горсти всыпавши, битъ, масла три ложки сребныхъ топленого всыпать, зливокъ густыхъ шесть ложекъ всыпать и битъ, курдимону всыпать, а послѣ зъ мукою смѣшать ложкою и замѣсить, чтобы можно тоненко роскачивать; поти руками тѣсто качать, покамѣсть до рукъ и до стола не приставадиметь; тѣсто, покамѣсть поробить, все качать и здѣлавши заразъ класти на горячую форму, переверочати, пекти; сіи можна такъ дѣлать: 5 яецъ съ бѣлками, 5 самихъ желтковъ, масла шесть или пять ложекъ, зливокъ густыхъ 10 ложекъ, сахару полфунта, битъ перве съ сахаромъ, а послѣ зъ масломъ битъ, а далѣ з зливками, въ ту пору муку всыпать, замѣсить, подѣлавши всякими взорами, въ печѣ пекти.

58. *Орѣшки такъ дѣлать.*—Двѣ яйцы зъ бѣлками, а два желтка, зливокъ на каждое яйце по доброй ложкѣ, сахару, якъ схотѣти, положить и замѣсить: дѣлать формы и палчки и смажить въ маслѣ.

59. *Въ желѣзку пекти инимъ манеромъ найлучше.*—Четыре яйцѣ совсѣмъ, а 4 желтка, сахару на каждое яйце по ложкѣ, битъ добре, масла топленого полтретѣ ложки, а убивши положить кардамону, мушкатного цвѣту немножко и замѣсить зъ мукою и котить, поки не приставадиметь до стола, роскотивать тоненко и класти на горячую форму.

60. *Вареніе бѣшкоты.*—Бѣлковъ 12, а желтковъ 11, битъ добре, а послѣ сахару всыпать фунтъ и битъ; когда стануть бѣліе, то поставить на огонь и мѣшать все ложкою, а послѣ на дворѣ прохолодить, тогда три чвертки муки всыпать и смѣшать добре, роскотить, прѣснѣе коржіки покласти тоненко на цѣновную тарѣлку, помазанную масломъ, и вылить тое тѣсто; въ пѣчь заразъ, пекти.

61. *Постніе разніе мигдалы.*—Попарить и порѣзать удовжь и засушить на подситку, отважить фунтъ мигдаловъ сухихъ, а фунтъ сахару толченного, всыпать рожевой роды въ сахаръ ложку и товѣти добре, драганту полчвертеи у рожевой водѣ сварить, или намочить, и крозь платокъ выдавить у сахаръ, мѣсто бѣлка, и столѣти добре, послѣ змѣшать зъ мигдалами и качать кругло, чтобы остренко было, и класти на бумагу.

62. *Мигдалы заробловить цѣліе—чищеніе и нечищеніе.*—Сироць густо смажить, мигдалы уекдаты, чтобы добре всмажился, выбирать ложкою и вкачовать въ разніе крущѣ, или в бѣлий сахаръ, мягко стертіи, и позасушовать.

63. *Дутиі сахаръ такъ дѣлать.*—Драганту намочить полгарцы на ночь, или сколко схотѣтъ, сахаръ чтобы былъ мѣлко стертіи, зъ сахаромъ у каменномъ можчирику смѣшать такъ густо, чтобы можна качалкою роскачовать, и выдавліовать на формки, и обрѣзывать колцемъ, и пекти въ полномъ духу, посыпавши на бляху крупичной муки, пекти; сіи можно заерашовать фарбою, якъ найскорѣй, чтобы тѣсто не схло.

64. *Марцѣпаны инымъ манеромъ.*—Мигдаловъ чищенныхъ фунтъ толѣти мѣлко зъ рожевою водою, и сахаръ зъ рожевою водою притолѣти немноже, и положить мигдалы въ сахаръ, и товѣти добре, чтобы якъ тѣсто было,—роскачать качалкою, вырѣзывать всякіе взоры напѣрніе, прикладовать, качать обручки, класти на томъ марцѣпаны и общиновать щипчнѣами кругомъ, сажать въ легкій духъ весма у пѣчь, абы только посылы, а не сшеклись, а вскорѣ повибывать съ пѣчи, разбить свѣжій одинъ бѣлокъ, чтобы на ложцѣ стримѣло, сахаръ чтобы самій чистій канарскій былъ, мѣлко столченъ и просѣянный, и мѣшать съ тѣмъ бѣлкомъ и накладаты на марцѣпанъ глинсъ, если схотѣти, фарбою красною и блакитною, съ сахаромъ и бѣлкомъ ростерши пальцемъ, въ печѣ позасушовать. *Лакомъ якъ наводити блакитнымъ или краснымъ:* змѣшать бѣлокъ съ сахаромъ, тогда мѣлко толченной фарбы всыпать и на печенныхъ бѣшкоктахъ намазывать на бѣломъ ляку пенземъ.

65. *Бѣшкокты кубы отдавліованны.*—10 яечнихъ желтьвовъ, а 5 яецъ зъ бѣлками, фунтъ сахару толченного и сѣянного, саміе яйця немного бить, а съ сахаромъ бить, добре покамѣсть густіе и бѣліе стануть, замѣснть крупичною мукою, чтобы не очень круто было, роскачовать качалкою, выдавліовать кубкомъ, чтобы толщиною были на полпалца, а кругомъ пальцемъ пообдавліовать, масломъ топленнымъ перомъ зверху помазать, сахаромъ и корицею зверху посыпаты, и на самомъ черенѣ у печѣ пекти; сіи можна такъ дѣлать, чтобы 15 яецъ, а фунтъ сахару.

66. *Другіе бѣшкокты.*—10 яецъ, фунтъ сахару, три чвертки муки, бить добре, у формкахъ или на тарѣлкахъ пекти.

67. *Кислое тѣсто формовое учинять.*—Кубочокъ яецъ, кубочокъ масла или полкубочка, молока два кубочки или зливокъ густыхъ, и убить добре, а послѣ муки усыпать, чтобы густенко было п дрожчей прибавить, а когда зійдетъ, форму роспекти, сыпать на горячую форму и пекти.

68. *Макороны найлутче дѣлать.*—Мигдалы почистивши полфунта, толкти добре зъ рожевою водою, первіе одну ложку, а послѣ другую и третью всыпать и добре толкти, чтобъ якъ тѣсто было, а послѣ съ сахаромъ толченнымъ мѣлко сѣяннымъ толкти, розбить два бѣлка очень густо и зъ бѣлкомъ змѣшать, а не толкти, и прижарить на блюдѣ мѣдномъ, п мѣшать ложкою, чтобъ не пригорѣло, выдавливать спицею всякіе взоры и пекти.

69. *Тортъ мигдалной дѣлать.*—Взять 2 фунта луцленныххъ сладкихъ мигдаловъ, 12 золотниковъ луцленныххъ-же горкихъ мигдаловъ, зъ рожевою водою мѣлко столкти, какъ густое тѣсто, а послѣ 3 фунта толченного сахару мѣлко вкуцѣ смѣшать и в слоики выкласти туго, а если скотѣтъ—лѣпить, разводите чистою водою и лѣпить.

70. *Крупцы такъ дѣлать.*—Розмочить водою вишневого клею, или кумы арабы-кумъ, ростерти, а сахаръ добре столкти мѣлко, и змѣшать густенко, и терти ножемъ на подсытку, рубать и дать засушить.

71. *Вафолы учиняеміе.*—Кубочокъ яецъ свѣжихъ розбить добре, масла топленого, той же кубочокъ розбить, а послѣ муки всыпать густенко и розбить, а послѣ дрожчей полкубочка и мукою такъ загустить, чтобы ложка стояла, а послѣ паренымъ молокомъ розвести ти кубочки топленымъ, чтобы не весма горячее было, и поставить, чтобы сходило, у полтора часа пекти, прежде молока добре убить надобно.

72. *Такъ и тортъ мигдалей можна.*—Полфунта мигдаловъ зъ рожевою водою толкти, а послѣ 5 яецъ зъ желтками бить, такъ, якъ на бѣшкоты—исъ сахаромъ бить; якъ время у пѣчь, то мигдалы умѣшать ложкою деревянною, потоль мѣшать, поколь вреля у пѣчь, и пекти.

73. *Тортъ мигдалы настоящіе дѣлать.*—На фунтъ мигдаловъ 10 яецъ, а четвертка сахару, столкти мигдалы, побризкуючи водою, а послѣ въ деревянной мисцѣ терти также сучкомъ деревяннымъ, а бить по одному яйцю пять и все терти, а послѣ отъ другихъ пяти яецъ желтки по одному терти, заразъ и сахаръ усыпать, а 5 бѣлковъ паростами розбить, п когда часъ у пѣчь, якъ найскорѣе умѣшать и заразъ въ пѣчь, масломъ холоднымъ не солонымъ полумысокъ вымазати и пекти; мушкатного цвѣту п корицѣ надобно прибавить.

74. *Разніе мигдалы дѣлать.*—Чвертку рѣзанныхъ мигдалей иссушить, полчвертки сахару столкти, или двѣ, толко не класти обохъ, убить такъ, якъ на бѣшкоты, чтобы стояло на ложкѣ, и змѣшать сахаръ съ

пѣною густо, и мигдалы заразъ змѣшать не рѣдко, и брать пѣны на долоню, и качать кругло и класти на сковороду и пекти; чайлутче такъ дѣлать, толко-жь по разсмотрѣнью класти бѣлокъ, чтобъ не розридить, а поболше пѣны мѣшать, то лутчій и разсыпятся (будеть).

75. *Цитронной сахаръ*.—Взять мигдалей полфунта, 36 золотниковъ сахару, вкупѣ столети, а вмѣсто рожевой воды яечныхъ бѣлковъ два, и съ тмъ гораздо толкти, а впосля формою выдавить и пекти.

76. *Тѣсто на тортъ такъ дѣлать*.—Два бѣлка добре убить у мясцѣ ложкою, а послѣ кубочокъ воды чистой, другой кубокъ, усыпавши двѣ ложки водки крѣпкой, усыпать у кубочокъ у воду, а послѣ третій кубочокъ воды усыпать, и все розбивать и замѣсить мукою не очень крѣпко и не мякко, а послѣ зъ мукою три раза качать, на четверо перегорнувши зъ мукою, а три раза зъ масломъ, посыпаячи мукою, качать три раза или четыре, а масло чтобы свѣжое и полосканное, у платку, на лѣду, готовое было, толко роскачанное.

77. *Вафолы какъ дѣлать*.—Взять яецъ три, розбить, всыпать молока и розбить зъ мукою, такъ чтобъ не очень и рѣдко и густо было, и пекти на сковородѣ, чтобы и зверху и знизу былъ огонь; перве яйця зъ мукою розбить густо, а послѣ молокомъ розвести такъ, якъ надобно, а когда спечется, порѣзать удовжь, на два палца шириною, а послѣ шпоперекъ и крайки понарѣзывать: якъ масло закипить, жарить у маслѣ.

78. *Пасху такъ учинять надобно*.—Мука чтобы хороша была, поставить сполдня медовую, якъ закишитъ медъ, запарити висѣвки, чтобы гараздъ обмочились и всолодали, а когда пристигнуть, въ то время розвести съ теплымъ медомъ и всыпать дрожчей певныхъ; якъ зійдетъ, процѣдить на сыто; якъ время учинять—когда до утрени зазвонять, двѣ шелянки желтковъ, а полшклянки масла чистого, холодного,—теплого четвертую долю, надобно болшь запары—двѣ шелянки, перве розбить зъ желтками, а послѣ запару всыпать и шафрану, рѣдко вчинять, не очень густо; а когда зійдетъ, корення всыпать, сахару, гален, корыцѣ толченной, замѣсить, если схотѣтъ; заразъ свачать или трошки подождать, покамѣсть зойдетъ рѣдченко, что лутче; ежели заразъ—покачать, змѣсивши.

79. *Тѣсто на тортъ инымъ способомъ дѣлать*.—Масло заготовить добре, вымитъ въ холодной водѣ и на платку качалкою роскотить, такъ якъ тарѣлка деревянна,—смотря по тѣсту, чтобъ двѣ части тѣста, а третая часть масла,—тѣсто смѣсить съ мукою сметаню, не мякко, надъ нею надобно ложку воды всыпать; замѣсивши добре, бить качалкою на столѣ, покамѣсть тугко станеть, мукою посыпаячи, а убивши зъ мукою два раза, роскотить, а четыре раза зъ масломъ роскотить не толсто, на холдъ вынести и розбить шпрожен или торты.

80. *Медь ставленій такъ дѣлать.*—Патоки взять и распустить рѣчною водою, и варить добре, такъ якъ схотѣтъ—чи солодко, чи якъ; когда простигнетъ, взять мякушки булки и всыпать дрожчей на булку и вкинути у медъ, а поставить въ теплой избѣ переночевать, чтобы выгрался, а послѣ на холодъ, чтобы якъ устоится, спускать разовъ сколко, и заправитъ кореннямъ: циномономъ, кордимономъ, гвоздиками и корыцею.

81. *Способъ, какъ матерію чистить.*—Меду разбить простого чистого, поколь пѣною возмется и будетъ рѣдокъ, потомъ мыла простого накрышитъ и зъ мыломъ битъ медъ совокупно, и положить бѣлокъ яечній одинъ или два, смотря по матерію; ежели много митъ, бѣлую или другимъ цвѣтомъ, ежели-жъ желтую, совсѣмъ зъ желтвомъ яйце положить, одно или два, и тѣмъ намазывать матерію зъ одной стороны—зъ лица, мараную и не мараную, и звить, на качалку завернувши, холстомъ тонкимъ и поливать водою рожевою, поколь чиста будетъ, поливая часто и крѣпко качаючи рублиемъ, выполоскавши водою чистою, а потомъ высушить, а потомъ котить, поколь сохнуть станеть; такъ можно серебро и золото позмывагъ и сѣтки чистить.

82. *Фарбы, которыми закрашивать бѣшкочки, макороны и сахарніе скрупцы всякими цвѣтами.*—Пульвѣсъ, куркуме и коморъ фиолацеусъ, пополамъ смѣшать—будетъ зеленая краска; ланка, инглобулять—будетъ свѣтлая; анабрисъ фактица—будетъ еще свѣтлѣе.—Коліоръ фиолацеусъ будетъ блакитній, пульвѣсъ куркуме будетъ желто, найлучше первое фарбу терти съ сахаромъ, а послѣ зъ бѣлвомъ терти, потроху бѣлка прибавлять у сахаръ и фарбу.

(Окончаніе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украинѣ 1768¹ года.

(Окончаніе *).

Чтобы не разбивать оставшихся у насъ документовъ изъ Румянцевской переписки о возстаніи въ Украинѣ 1768 г., мы рѣшились не только продолжить, но и закончить ихъ печатаніе въ настоящей книжкѣ.

Въ обзорѣ помѣщенной прежде большей части этихъ документовъ мы остановились на самомъ главномъ актѣ разыгравшейся въ Украинѣ великой народной драмы, именно на томъ, какъ сломлено было первое, наиболѣе сильное движеніе возставшаго народа и какъ усмирители онаго, успокоившись на мысли, что оно совсѣмъ подавлено, стали на досугѣ подводить ему итоги... Они ошиблись однако,—возстаніе не могло прекратиться при тѣхъ способахъ, какіе были приняты для его укрощенія, и тѣхъ условіяхъ, на которыхъ смиряли возставшій народъ. Оно неизбѣжно должно было возобновиться вскорѣ, длиться долго; но ему предстояло теперь вступить въ новый фазисъ, принять нѣсколько иной колоритъ, съ которыми и познакомить насъ помѣщаемая теперь серія документовъ, представляющая нѣкоторые новые, совсѣмъ неизвѣстные историческіе факты.

Есть пѣчто непонятное, нѣчто фатальное въ судьбѣ злосчастнаго украинскаго народа и его послѣдняго возстанія. По странному теченію политической игры усмирителями этого возстанія, поднятаго на защиту вѣры православной, въ охрану народности русской, во

*) См. сент. и октяб. кн. «Кіев. Старинны» за 1882 г.

имя объединенія съ Россією, являются русскіе генералы и русскія войска. Заправители русской политики, русскіе вельможи, стоявшіе такъ сказать у самаго дѣла, очевидцы происходящихъ событій, не могутъ составить себѣ и понятія объ истинныхъ цѣляхъ возстанія. Они трактуютъ возставшихъ, какъ своевольниковъ, воровъ, грабителей и разбойниковъ; преслѣдуютъ и разбиваютъ ихъ отряды, ловятъ и арестуютъ ихъ массами и въ одиночку, и однихъ сами подвергаютъ суровымъ наказаніямъ и ссылкѣ въ Сибирь, другихъ, притомъ большую часть, отдаютъ на казнь ихъ мучителямъ и врагамъ. Русская политика, русская армія является какъ-бы служебнымъ орудіемъ интересовъ польскихъ, наперекоръ своимъ собственнымъ. Такъ всегда запутывается въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ безучастная къ народнымъ страданіямъ дипломатія, преслѣдуя свои близорукія цѣли. Россія, преслѣдуя возставшихъ противъ нея и короля конфедератовъ, поддерживала приверженцевъ короля; но и тѣ и другіе были одинаково мучителями и гонителями всего подвластнаго имъ православно-русскаго населенія. Спасеніе Польши не могло входить въ ея расчеты, и если ужъ надо было съ ней покончить, стоило предоставить ее ея собственной судьбѣ. Дипломатія судила иначе, но и народъ, не вѣдавшій ея тонкостей, шелъ своимъ путемъ.

Онъ рѣшился умереть, или отстоять свою вѣру и такъ или иначе свергнуть съ себя ненавистное польское иго; но на пути стояла Россія, на которую онъ возлагалъ все свое упованіе, къ единенію съ которой стремился теперь изо всѣхъ силъ. Что оставалось ему дѣлать?

Мѣсяца два прошло въ нѣкоторомъ затишьѣ; но уже въ сентябрѣ гайдамаки стали снова собираться тамъ-же, гдѣ первоначально поднято было знамя возстанія. До Румянцева дошли свѣдѣнія, что они укрываются въ самомъ мотренинскомъ монастырѣ. Подполковникъ Бринкенъ разбиваетъ одинъ изъ отрядовъ близъ села Лубянокъ 16 сентября. Въ то же время шведскій ямбургскаго полка ротмистръ, *Ире*, подвергся нападенію гайдамакъ и потерпѣлъ неудачу: въ его отрядѣ убито нѣсколько человѣкъ, гайдамаки-же, послѣ нѣкотораго сопротивленія, побросавъ лошадей, успѣли скрыться въ густомъ лѣсу. Донося объ этомъ, кн. Прозоровскій проситъ у Румянцева присылки пѣхоты для истребленія гайдамакъ въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ неудобно дѣйствовать кавалеріею. Румянцевъ даетъ объ этомъ приказъ генералу фонъ-Дальке, дѣлаетъ ему нотацію за оплошность шведа Ире, а самага Ире велитъ предать суду и вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ произвести обыскъ у старцевъ мотреницкаго монастыря (№№ XXVII и XXVIII). Вскорѣ послѣ этого онъ предписываетъ тому-же Дальке изъ числа пойманныхъ гайдамакъ-запорожцевъ отправлять въ генеральный судъ, а съ крестьянами польскихъ пановъ поступать по секретному его ордеру 21 сентября (№ XXIX), т. е. отпускать подъ присягой, что будутъ сидѣть смирно.

Нападеніе гайдамакъ на отрядъ Ире не было первымъ проявленіемъ возбужденія возставшихъ противъ тѣхъ, которыхъ по началу они считали своими покровителями и защитниками. Раньше сего партія гайдамакъ сдѣлала нападеніе на русскую команду въ Ташлыкѣ, по увѣщанію атамана этого мѣстечка Дранаго и подъ его-же предводительствомъ. Такое настроеніе украинскаго населенія въ отношеніи къ русскимъ войскамъ не представляетъ собою ничего удивительнаго. Надо взять во вниманіе, что ихъ ждала одинаковая почти участь, возвращались-ли они къ своимъ панамъ, или попадались въ руки русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Между тѣмъ совершилась уже и неслыханная казнь Гонты; попавшіе въ плѣнъ конфедераты спокойно прослѣдовали чрезъ Кіевъ въ Казань, а ихъ противниковъ-гайдамакъ, схваченныхъ подъ Уманью съ Желѣзнякомъ во главѣ, тутъ-же на глазахъ ихъ били кнутомъ и, вырвавши имъ ноздри, какъ злодѣевъ и преступниковъ отправляли въ Сибирь. Какъ не возмутиться тутъ народному чувству? Недовѣріе смѣнилось негодованіемъ; послѣднее росло и скоро нашло сочувствіе въ самой русской арміи.

Въ декабрѣ, или нѣсколько раньше, капитанъ чернаго гусарскаго полка Станкевичъ, выпросивъ у генерала Исакова позволеніе вербовать въ гусары, отправился изъ Ново-Сербіи въ Украину и поднялъ тамъ затихавшее вновь возстаніе. На призывъ его собралось болѣе тысячи человекъ. Началась обыкновенная расправа съ панами и жидами. Пока партія формировалась и вооружалась, никто, кажется, не зналъ о ея назначеніи, но скоро она стала извѣстна подъ именемъ гайдамакъ. Тогда поручикъ ямбургскаго полка Вепрейскій, занимавшійся съ ротмистромъ того-жъ полка Дертеномъ истребленіемъ остатковъ гайдамацкихъ партій, пошелъ на него

открыто. Станкевичъ вступилъ въ бой, но былъ разбитъ и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 200 гайдамакъ. Гайдамацкія партіи между тѣмъ усиливались. Это встревожило русскихъ генераловъ: кн. Прозоровскій боялся быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Кіевомъ, Румянцевъ двинулъ отрядъ генерала Племянникова изъ Переяслава и просилъ содѣйствія Воейкова, располагавшаго войсками, стоявшими на сухопутной границѣ отъ Ново-Сербіи. Вдругъ другой репортъ приходитъ, что новая партія гайдамакъ, въ числѣ болѣе 1000 человекъ, атакуетъ порутчика Вепрейскаго въ м. Смѣломъ и силится отбить у него захваченныхъ имъ изъ отряда Станкевича. Румянцевъ хотя отправилъ прибавочныя команды, но чувствовалъ опасеніе, что съ ослабленіемъ его силъ пламя возстанія можетъ быть переброшено на ту сторону Днѣпра, въ восточную Украину, и счелъ нужнымъ особымъ письмомъ извѣстить объ этомъ графа Никиту Ивановича Панина (№ XXXI). Поручика Вепрейскаго замѣнили маіоромъ Вурмомъ, вѣроятно, усиливъ его команду; но опять новая партія гайдамакъ, числомъ въ тысячу человекъ, съ ожесточеніемъ напала на него 15 декабря, и хотя была разбита, но опять не безъ урона, а что важнѣе—при одномъ изъ убитыхъ атамановъ найдено было письмо къ нему офицера гусарскаго Марьяновича, который звалъ этого атамана съ артелью къ Могилеву на Днѣстрѣ, конечно, съ тѣмъ, чтобы поднять возстаніе на Подольи и отвлечь туда военныя силы. Румянцевъ отправилъ къ Панину курьера, наставляя на удаленіи пойманныхъ гайдамакъ во внутренні мѣста Россіи и на принятіи относительно ихъ болѣе строгихъ мѣръ. Онъ съ раздраженіемъ обзывалъ въ своемъ письмѣ (№ XXXII) возставшихъ сволочью, бездѣльниками, злодѣями и разбойниками, съ досадою замѣчаетъ, что противъ такой сволочи надо вооружаться; но всего болѣе озабочиваетъ его то, куда дѣвать и чѣмъ содержать всю эту сволочь. Замѣчательно, что таже забота одолевала въ тоже время и коронаго маршала Браницкаго и самаго короля Понятовскаго, и они сошлись на томъ, что лучше казнить, чѣмъ даромъ кормить.

Но въ то время, когда русскіе военачальники съ такимъ рвеніемъ старались силами, направляемыми съ трехъ сторонъ, задавить несчастныхъ страдалцъ въ, доведенныхъ до отчаянія конфедератами, эти послѣдніе напрягали всѣ усилія, чтобы возбудить противъ Россіи страшную коалицію, притянувъ къ ней Францію,

Австрію, турокъ и татаръ; вмѣстѣ съ тѣмъ они стягивали, подь страхомъ смертной казни, всякія замковыя и надворныя команды, чтобы отблагодарить *москалей*, ради ихъ благополучія проливавшихъ братную кровь (№№ XXXIII—XXXV), а эти команды вездѣ состояли и вновь формировались изъ тѣхъ-же притѣсняемыхъ украинскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, когда на всемъ пространствѣ западной Украйны шло губительное возстаніе доведеннаго до крайности народа, обѣ воевавшія тогда стороны изъ того-же народа извлекали послѣднія силы, одна—чтобы подавить возстаніе, другая—чтобы напасть на подавляющихъ. Совершается, по удивительной игрѣ случая, очевидное народное самоистребленіе. И въ то-же время ханъ татарскій, во главѣ 60 тысячъ дикой орды, стоящій въ Балтѣ, имѣеть повелѣніе идти чрезъ Умань въ Смѣлянщину, для искорененія того-же злосчастнаго народа, и официальнаго его палача, на глазахъ котораго совершилась лютая казнь Гонты, приглашаетъ соединиться съ нимъ (№ XXXVI).

Хотя ханъ и не исполнилъ своего намѣренія проникнуть въ Смѣлянщину для искорененія гайдамацкихъ партій, тѣмъ не менѣе одна изъ трехъ татарскихъ колоннъ вторглась въ пограничныя украинскія мѣста и произвела страшное разореніе. Терзаемый со всѣхъ сторонъ, оставленный безъ всякой защиты и никѣмъ не руководимый народъ не зналъ, куда ему обратиться, что предпринять и какъ поступать. Одни переселялись за Днѣпръ, другіе заявляли желаніе вступить въ службу ея императорскаго величества и еще иные рѣшались биться противъ кого-бы то ни было, только-бы „защитать вѣру христіанскую“. Въ то время, какъ прапорщикъ Ларси въ Уманщинѣ и другихъ мѣстахъ на вербовалъ изъ мѣстныхъ крестьянъ до 200 козаковъ и надѣялся собрать еще до 500, въ Смѣлянщинѣ запорожскій атаманъ Губа имѣлъ при себѣ 700 вооруженныхъ людей. Первые шли, полагаясь на неизвѣстныя намъ увѣренія офицеровъ-вербовщиковъ, и ихъ просто прикомандировывали къ корпусу Прозоровскаго, другіе хотя также присягали служить царицѣ и не щадить живота, но желали, кажется, прежде знать, на что и противъ кого они будутъ обращены, оставляя за собою свободу дѣйствій и имѣя въ намѣреніи одно—добиться освобожденія изъ польскаго ярма, подь знаменемъ-ли царицы, или вопреки дѣйствіямъ ея войскъ. „Ляховъ мнѣ нѣчего бить, а буду рѣзаться съ

москалями, — объявлялъ подъ рукой Губа, когда къ нему подходили на соединеніе 500 запорожцевъ; но это было лишь выраженіе дикаго остервененія, съ какимъ безсильная кошка силится впиться своими когтями въ могучаго орла. О Губѣ пошла переписка до высшей команды (№№ XXXVII — XXXIX), его стали преслѣдовать и 6 апрелѣ 1769 г. онъ, отдѣлившись гдѣ-то отъ своей команды, былъ захваченъ русскимъ отрядомъ въ распахъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами, не хотѣвшими сдаться живыми. За три дня предъ тѣмъ была разбита донцами небольшая партія гайдамакъ подъ Рохмистровкою, а 21 апрѣля другая, также небольшая партія, подъ Лысянкою (№ XL).

Въ Украинѣ царилъ невообразимый хаосъ: русскія войска, запершіе ее съ стрехъ сторонъ, сновали по ней вдоль и поперекъ, лѣса покрыты были большими или меньшими партіями гайдамакъ, которыя пополнялись большею частію изъ среды крестьянства и обнаруживали отчаянную дерзость и отвагу, по свидѣтельству начальниковъ русскихъ отрядовъ. Мнѣнія возставшихъ раздѣлялись: одни желали сопротивляться до конца, другіе искали какого-нибудь порядка и покоя и сами призывали русскія войска. Въ средѣ гайдамакъ послѣдніе вызывали мщеніе и разореніе; въ свою очередь мстили и грозили имъ торжествовавшіе паны и ихъ многочисленные агенты. Урожай предъидущаго года остался во многихъ мѣстахъ не собраннымъ и погибъ на корню; поля оставались не засѣянными, цѣлыя семьи крестьянъ скитались въ лѣсахъ. Такъ проходило лѣто 1769 г. и среди такой сумятицы, къ довершенію полнаго ужаса и отчаянія народнаго, въ Украину вступили, подъ предлогомъ продовольствія, королевскія войска, находившіяся подъ командою Стемпковскаго, и разсыпавшись мелкими отрядами, подъ видомъ искорененія гайдамакъ, стали причинять „духовенству и жителямъ вѣры благочестивой“ неслыханныи насилія и раззоренія, а стоявшій въ близи русскій генераль Кречетниковъ равнодушно смотрѣлъ на ихъ дѣйствія. Понадобилось вмѣшательство Румянцева, который въ рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ объ этомъ Кречетникову, требуя обуздать расходившіяся партія Стемпковскаго, грозя при первомъ извѣстіи о продолженіи ихъ своевольствъ, настоять на выводѣ всей команды Стемпковскаго изъ Украины. (№ XLI).

Дальнѣйшая судьба народнаго возстанія въ Украинѣ, какъ она намѣчается въ документахъ печатаемой переписки, шла въ томъ-же направленіи и тянулась долгіе годы, можно сказать, вплоть до присоединенія къ Россіи всего юго-западнаго края. Настоящая переписка не обнимаетъ и половины ея и въ немногихъ документахъ сообщаетъ о ней лишь самыя отрывочныя и краткія свѣдѣнія, дающія только общее представленіе о ея ходѣ и направленіи. Двѣ главныя враждующія стороны продолжаютъ стоять въ положеніи бойцовъ, рѣшившихся побѣдить или умереть, но не уступать, въ силу перешедшаго всякіе предѣлы взаимнаго ожесточенія и непримиримой ненависти другъ къ другу. Съ одной стороны разсвирѣпѣвшая шляхта не знаетъ границъ своей мести и лютому остервененію; съ другой народъ, съ его завѣтными стремленіями охранить свою вѣру и свободу, окостенѣлъ какъ будто въ своемъ упорствѣ и ожесточеніи и, не смотря на полное истощеніе, продолжаетъ проявлять ихъ то дикою, больше уже одиночною расплатою съ своими притѣснителями, то непрерывными изъ году въ годъ жалобами, идущими ко всѣмъ русскимъ властямъ, то просто глухою оппозиціею. Промежду ихъ стоитъ грозная русская власть, главнымъ образомъ въ лицѣ Румянцева, которая, взявъ на себя усмиреніе возстанія, то старается обуздать дикія проявленія своевольства и насилія съ той и другой стороны, то силится создать для нихъ невозможный уже по силѣ ихъ ожесточенія *modus vivendi*; а позади этой высшей власти, витающей въ области дипломатическихъ сношеній и соображеній, стоятъ ея исполнители лицомъ къ лицу съ ожесточенными сторонами и поддерживаютъ то одну, то другую, смотря по приказамъ свыше, и только изрѣдка пробѣтается неподдѣльное сочувствіе къ многострадальному народу то въ неумершемъ еще Запорожьѣ, то въ рядахъ русскихъ войскъ.

Въ исходѣ 1769 г. Румянцевъ, не добившись отъ Стемпковскаго, ни самъ, ни чрезъ посредство Кречетникова, прекращенія насилій, причиняемыхъ украинцамъ его своевольными партіями, обращается въ Варшаву къ смѣнившему Репнина князю Волконскому съ просьбою добиться у тамошняго двора вывода изъ Украины войскъ Стемпковскаго, вызываясь, въ случаѣ неуспѣха его домогательствъ, и самъ найти „приличный“ къ тому способъ (№ XLII). Осенью 1770 г. онъ еще встрѣчаетъ поводъ просить содѣйствія

стоявшаго на границѣ отъ Ново-Сербіи генерала графа Панина о „загражденіи прохода“ формирующимся на польскомъ побережьѣ „изъ самихъ нашихъ войскъ“ гайдацкимъ партіямъ и истребленіи ихъ, гдѣ покажутся (№ XLIII). Въ 1774 г. Румянцевъ поставляется въ необходимость подтвердить находящимся въ Украинѣ генераламъ русскихъ войскъ о невмѣшательствѣ ихъ отрядовъ въ продолжавшуюся тамъ вѣроисповѣдную борьбу между православными и униатами, а это распоряженіе его указываетъ на другія по тому-же предмету, бывшія въ предшествовавшіе два года (№ XLIV). Последнее его въ этой перепискѣ письмо—къ новому посланнику нашему при варшавскомъ дворѣ барону Штакельберу представляетъ драгоценное для вѣрнаго пониманія украинскаго возстанія 1768 г. изложеніе его взгляда на это событіе, высказываемаго конфиденціально, а потому вполне искренно. Это тотъ-же взглядъ, который онъ 10 лѣтъ назадъ высказалъ въ письмѣ къ графу Панину, въ самый разгаръ возстанія. Теперь этотъ взглядъ укрѣпился путемъ 10-ти лѣтняго наблюденія и ознакомленія съ ходомъ дѣлъ. И теперь Румянцевъ видитъ въ возникшей и такъ долго длящейся борьбѣ православныхъ украинцевъ съ ихъ панами-католиками и клевретами послѣднихъ—униатами одну лишь религіозную основу, считаетъ тѣхъ мучениками, а этихъ гонителями, и находитъ, что установленное усиліями дипломатіи *statu quo* польскія, духовныя и мірскія, власти только обратятъ „на исполненіе своего мщенія надъ людьми, ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ *приверженности своей къ намъ по единоутрїю*“. По мнѣнію Румянцева, „фанатизмъ римской вѣры не можетъ быть успокоенъ“ на этомъ *statu quo*; паны-католики и то за обиду себѣ принимаютъ, „ежели не могутъ варварски удручать нашихъ единовѣрцевъ“. Политическій взглядъ его прояснился,—онъ вѣритъ, что „доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе,—мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными“. Но онъ видитъ надъ Украиной „*угрозу крайней погибели*“ и убѣждаетъ Штакельберга путемъ дипломатіи предотвратить ее, дабы не убитъ послѣдней надежды въ „народѣ, столь твердымъ узломъ съ нами сопряженномъ“ (№ XLV).—Переписка заключается трогательнымъ письмомъ къ Румянцеву Иларіона, епископа перемышлянскаго, которому подчинена была Украина по дѣламъ вѣры. Оно указываетъ отчасти на занятое давно Румянцевымъ положеніе

какъ-бы патрона Украйны и дорисовываетъ очерченную помѣщенными здѣсь документами мрачную картину страданій украинскаго народа, отъ которыхъ ему суждено было избавиться еще весьма не скоро (№ XLVI).

XXVII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о командированіи въ Украйну съ надежнымъ офицеромъ ста человекъ пѣхоты, въ виду усиленія гайдамакъ и для истребленія оныхъ, о производствѣ обыска въ мотренинскомъ монастырѣ, о судѣ надъ ратмистромъ Ире, допустившемъ разбить его отрядъ гайдамакамъ и проч.

29 сентября (1768 г.). № 1035.

Ордеръ господину генералъ-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій двома мнѣ рапортами представляя о гайдамацкихъ происшествіяхъ въ Польшѣ близъ границъ нашихъ, и въ послѣднемъ—что командою подполковника Бринка, 16-го числа сего мѣсяца, разбита оныхъ шайка близъ села Лубенокъ, но посредствомъ бывшихъ тамъ лѣсовъ ушли многіе отъ поимки, проситъ ради истребленія гайдамаковъ, прячущихся въ лѣсахъ, чтобъ я отправилъ пѣхотную команду, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ нужду отозвать уже съ тѣхъ мѣсть эскадронъ московскаго полку.

Посему я вашему превосходительству рекомендую сто человекъ пѣхоты, съ подлежащимъ числомъ офицеровъ, командировать тотчасъ въ Польшу, въ тѣ мѣста, гдѣ посланныя отъ васъ команды находятся; и поелику изъ допросовъ пойманныхъ гайдамакъ помянутый господинъ генералъ-маіоръ князь Прозоровскій утверждаетъ, что партіи сихъ злодѣевъ дѣйствительно свои убѣжища имѣютъ въ мотренинскомъ монастырѣ, и теперь туда же пошли, то, чиня надъ ними поиски, прикажите командующему офицеру нечаянно когда окружить помянутый мотренинскій монастырь и учинить обыскъ въ немъ вездѣ, не сыщутся ли тамъ гайдамаки. Сей обыскъ произвести, но сіе толь осмотрительно, чтобъ ничего не только оскорбляющаго, но и предосудительнаго, при

семь случаѣ, не нанесено тамошнимъ старцамъ или мѣстамъ освященнымъ. Вы тутъ получите мой ордеръ отозвать отъ команды ротмистра Ире и судить въ его поступкахъ. Такъ за симъ ежели вы найдете нужнымъ вновь отправляемую команду и прежде посланную кавалерійскую препоручить штабъ-офицеру, я то оставляю въ разсмотрѣніе ваше, примѣтивъ однакоже вашему превосходительству, что примѣръ слабости и незнанія своей должности ротмистра Ире, который тѣмъ вредъ многой собственно сдѣлалъ своей командѣ, долженъ васъ упражнять, чтобъ въ такія посылки употребляли вы офицеровъ не неизвѣстной исправности и искусства; слѣдственно и нынѣ отправляемому дайте наставленіе, чтобъ онъ, яко имѣтъ будетъ дѣло съ гайдаками въ лѣсахъ, то чѣмъ теснѣе къ проходу его будутъ пути, тѣмъ наибольше бы онъ имѣлъ вокругъ себя осторожности, и къ одолѣнію ихъ употреблялъ бы средства всемѣрныя, то есть въ густыхъ лѣсахъ окруживъ ихъ убѣжища, запретъ всея проходы и малые заставами командъ и засѣками, гдѣ можно, къ чему способы встрѣтить вездѣ можетъ искусство офицера знающаго свое дѣло.

XXVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командирующему корпусомъ въ Ново-Сербіи, князю А. А. Прозоровскому съ извѣщеніемъ по содержанію даннаго генералу фонъ-Дальке предписанія и съ просьбою сообщить свѣдѣнія о движеніи конфедератовъ.

29 сентября (1768 г.) № 1036.

Милостивый государь князь Александръ Александровичъ!

На полученный отъ вашего сіятельства съ симъ курьеромъ репортъ объявить имѣю, что я послалъ ордеръ господину генералъ поручику фонъ-Дальке командировать сто человекъ пѣхоты въ тѣ мѣста, гдѣ гайдаковъ неудобно одолѣть кавалерійскимъ командамъ. Я велѣлъ, дѣлая надъ ними всемѣрныя поиски, окружить когда нечаянно мотренинской монастырь, гдѣ ваше сіятельство считаете быть имъ убѣжище, и тамъ ихъ вездѣ обыскать, сохраняя всякую при томъ умѣренность, чтобъ не нанести никакого въ томъ огорченія тамошнимъ старцамъ. Касательно до ротмистра ябургскаго полку Ире, который

недавно опредѣленъ въ мою дивизію изъ шведской службы, скажу вашему сіятельству, что я, изъ увѣдомленій вашихъ, и послѣ по рапортамъ генераль-порутчика фонъ-Дальке, отъ котораго онъ туда командированъ, видѣвши, къ сожалѣнію, его поступки противъ гайдамакъ оплошныя и не кажущіе въ немъ не только исправнаго, но ни же малое знаніе о военной службѣ знающаго офицера, велѣлъ его отъ команды отозвать и судить въ нанесенномъ вредѣ отъ злодѣевъ, въ вѣренной ему противъ нихъ командѣ.

Ваше сіятельство изволяете писать, что при разбитіи гайдамацкой найки многіе изъ нихъ, бросивъ лошадей, ушли въ лѣсъ. Не будетъ ли между оставленными лошадьми отбитыхъ у козаковъ малороссійскихъ, которыхъ отдачею прошу возвратить имъ потерянные. Офицеръ, который надъ пѣхотною и кавалерійскою командою, посланною на истребленіе гайдамакъ, приметъ начальство, получитъ отъ господина генерал-порутчика фонъ-Дальке наставленіе, чтобъ ему гораздо осмотрительнѣе поступать, нежели то дѣлалъ ротмистръ Ире.

Сихъ злодѣевъ провѣствованія не много насъ упражнять могутъ, и нѣтъ сомнѣнія вскорѣ ихъ истребить; но я больше ожидаю отъ вашего сіятельства извѣстія о движеніяхъ сосѣднихъ войскъ, которыя противъ себя въ виду имѣете; о томъ свои мнѣ завременно прошу подавать примѣчанія или достовѣрность неспаянкую.

Я пребыть честь имѣю и т. д.

XXIX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генераль-порутчику фонъ-Дальке о разсѣдованіи обстоятельствъ неудачи ротмистра Ире, объ устрашеніи жителей Украйны, помогавшихъ появившимся вновь отрядамъ гайдамакъ и о томъ, какъ поступать съ пойманными въ число послѣднихъ запорожцами и польскими подданными, т. е. украинскими крестьянами.

9-го октября (1768 г.).

Ордеръ генераль порутчику фонъ-Дальке.

Распоряженія вашего превосходительства въ посылкахъ командъ за границу для истребленія гайдамакъ, какъ рапортомъ отъ 29 сен-

тибря мнѣ объявляете, все́ благоразумны; но господинъ ротмистръ Ире въ своемъ поступкѣ, гдѣ его команды карабинера и козака разбойники ранивъ ушли многіе отъ поимки, не кажетъ себя челоуѣкомъ военное искусство знающимъ, ибо правило первое для командирующаго, чтобъ знать своего противника положеніе и какъ при наступленіи на его полезиѣ подѣйствовать. Такимъ образомъ господинъ Ире ежелибъ не упустилъ навѣдаться, какъ и гдѣ расположились злодѣи, и по мѣстоположенію тѣсному пошелъ бы на нихъ иѣшо, то, конечно, онъ ихъ всеѣхъ захватить бы могъ и не допустить на себя еще нападать. Ваше превосходительство не упустите, по возвращеніи, въ семь отъ него взять отвѣтъ, такъ къ доказательству лучшему потребовать изъясненія и отъ другихъ чиновъ, въ командѣ его находящихся,— какъ они при семь случаѣ поступили. Польскихъ жителей, которые дѣлали вспоможеніе гайдамакамъ, не бравъ, устрашать только оружіемъ, что взяты и наказаны будутъ, ежели они дальше злодѣямъ пособлять будутъ. Представленныхъ разбойниковъ ведите полковой канцеляріи, которые изъ запорожскихъ козаковъ, отправить въ судъ генеральный, а съ польскими жителями поступить въ сходство даннаго отъ меня оной канцеляріи, отъ 27 сентября, секретнаго ордера.

XXX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцова генераль-порутчику фонъ-Дальке о поимкѣ гайдамацкаго атамана Дранаго, напавшаго на русскій отрядъ въ м. Ташлыкъ, равно помогавшихъ въ подобныхъ нападеніяхъ.

30 октября (1768 г.). № 1040.

Ордеръ генераль-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генераль-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій, репортуя меня о пойманныхъ, при разбитіи гайдамацкой шайки командою подполковника Бринка, двухъ гайдамаковъ, приложилъ ихъ допросы, гдѣ они показываютъ: что по совѣту и предводительству мѣстечка Ташлыка атамана Дранаго и съ нимъ того жъ мѣстечка одного жителя, прозваніемъ неизвѣстнаго, учинено ими нападеніе въ томъ мѣстечкѣ Ташлыкѣ

на состоящую команду. Посему ваше превосходительство прикажите отправленной командѣ за границу для истребленія гайдамакъ, чтобъ не упущено стараться поймать и представить къ вамъ какъ означеннаго ташлицкаго атамана Дранаго, яко и другихъ тамошнихъ обывателей, которые дѣлаютъ вспоможеніе гайдамакамъ противъ нашихъ командъ.

XXXI.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллеіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину о возобновленномъ капитаномъ русской службы Станкевичемъ въ Украинѣ народномъ возстаніи, о разбитіи его отряда, о принимаемыхъ Румянцевымъ мѣрахъ, испытываемыхъ затрудненіяхъ и проч.

1768 года, 18 декабря. № 1314.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство извѣстны были, что отъ нѣкотораго уже времени продолжалось спокойство при границахъ нашихъ въ Польшѣ, по истребленіи гайдамацкихъ ватагъ. Но теперь возродились вновь волненія въ Смѣлянщинѣ отъ таковыхъ же гайдамакъ (только не слышно, чтобъ между оными были запорожцы), и по поводу вовсе неожиданному.

Гусарскаго чернаго полка капитанъ, какъ теперь мнѣ извѣстно стало, Станкевичъ, выпросивши позволеніе отъ генераль-маіора Исакова вербовать въ гусары, вѣхалъ въ ту сторону и поднялъ продолжающееся смятеніе; къ нему пристало болѣе тысячи польскихъ жителей, съ которыми онъ дѣлалъ тамъ грабленія; наконецъ какъ его артель извѣстна стала подъ именемъ гайдамакъ, то лмбургскаго полку поручикъ Вепрейской, находившійся съ ротмистромъ того жъ полку Дертеномъ для истребленія нѣкоторыхъ остатковъ прежнихъ гайдамакъ въ Польшѣ, пошелъ на его съ командою, противъ которой онъ дѣлалъ вооруженное сопротивленіе, однакожъ отъ того поручика разбитъ и пойманъ съ гайдамаками болѣе 200 человекъ.

На дошедшій ко мнѣ о семь репортъ я только что успѣлъ отписать Ѳедору Матвѣвичу ¹⁾, чтобъ онъ взыскалъ: какъ отправленіе сіе послѣдовало помянутому капитану, нашедшемуся между разбойниками, мимо вѣдома моего и безъ объявленія нашимъ заграничнымъ командамъ? и чтобъ взятые гайдамаки съ самымъ капитаномъ доставлены были въ Кіевъ, препоручая Ѳедору Матвѣвичу, по близости къ тѣмъ мѣстамъ, съ лучшею удобностію, что заблагоразсудитъ, опредѣлить ко истребленію появившихся гайдамакъ, для чего и далъ ордеръ генералупорутчику Племянникову, находящемуся въ Переяславѣ съ своею командою, исполнять по его повелѣніямъ. То отъ помянутаго порутчика приходитъ другой репортъ, что гайдамаки, въ числѣ болѣе тысячи человекъ, атакуютъ его въ мѣстечкѣ Смѣломъ, въ намѣреніи отбить плѣнныхъ и тамо содержащихся. Ко вспоможенію его хотя того жъ времени прибавочныя команды отъ состоящихъ при границахъ генераловъ отправлены къ Смѣлому, но о дальнѣйшемъ увѣдомленіи ни отъ Ѳедора Матвѣвича, ни же отъ посланныхъ командъ еще не имѣю; и только что могу вашему сіятельству доложить, сколько мое положеніе во всякомъ случаѣ имѣетъ свои трудности, ибо мѣстечко Смѣлое лежитъ между Новороссійскою губерніею и Днѣпромъ; ежели войска въ подкрѣпленіе вѣсть, то сіи самыя артели разбойничьи, толь многочисленныя, пустятся и въ нашу сторону на грабленія, которыя одна только теперь Польша сноситъ. Мнѣ князь Прозоровскій также представляетъ о сихъ возродившихся гайдамакахъ, чтобъ они не пресѣкли ему сообщенія съ Кіевомъ. На успокоеніе новаго происшествія я все мѣры возму, а о непріятельскихъ обращеніяхъ ничего новаго на сей случай не имѣю.

И предавъ себя въ непремѣнную милость вашему сіятельству, преbываю съ совершеннѣйшею преданностію и проч.

¹⁾ Воейко ву, кіевскому генералъ-губернатору.

XXXII.

Письмо гр. Ш. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину съ извѣстіемъ о поимкѣ въ Полтавѣ подозрительнаго челоуька, по фамиліи Ката, объ усилившихся въ Украинѣ гайдамакахъ, объ открытомъ нападеніи ихъ на русскія войска, о слѣдахъ участія въ народномъ возстаніи другаго русскаго офицера—Марьяновича, о необходимости принятія болѣе строгихъ мѣръ относительно пойманныхъ гайдамакъ и проч.

Декабря 30 (1768 г.). № 1386.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство изъ представленныхъ отъ Θεодора Матвѣевича переводовъ письмамъ къ кошевому отъ перекопскаго каймакана Самихъ-Аги въ одномъ видѣть изволили, что онъ въ окончаніи говоритъ: „нашъ-же перекопской купецъ Ката, предъ симъ лѣтнимъ временемъ, изъ Запорожской Сѣчи поѣхалъ въ Сумы, и чрезъ толикое время не возвратился; того ради употребите ваше стараніе о возвращеніи сюда онаго“. Сей Хата или Ката, ибо тѣмъ и другимъ его пишутъ, явился теперъ въ Полтавѣ и показалъ паспортъ, данной ему отъ запорожскаго полковника самарскаго Дмитрія Кулика, въ которомъ назвали его войсковыхъ запорожскихъ вольностей жителемъ Сака Ращенокъ, а онъ себе самъ показываетъ, въ согласіе каймаканскому письму, что родомъ изъ города Баксисара, армянской вѣры, и житель перекопской. Сіе сомнительство заставило меня его къ себѣ потребовать, во мнѣніи, не есть-ли онъ какой подзорщикъ, или не можетъ-ли онъ подать какихъ либо о той сторонѣ свѣдѣній, такъ какъ и удостовѣриться, по какой причинѣ запорожской полковникъ наименовалъ его нашимъ подданнымъ.

При семъ вашему сіятельству, къ сожалѣнію, объявить имѣю, что въ Смѣлянщинѣ отъ времени возрастаетъ множественное число гайдамацкихъ артелей, такъ что тысяча челоуькъ изъ нихъ, 15-го числа, на команду маіора Вурма, стараясь отбить у него препровождаемыхъ гайдамакъ, взятыхъ до сего порутчикомъ Вепрейскимъ, учинили нападеніе, и хотя ихъ въ сраженіи болѣе трехъ сотъ убито и поймано съ атаманами нѣсколько, однакожь не безъ урону собственнаго, ибо

убито: карабинеръ одинъ и козаковъ малороссійскихъ два, и отъ тяжелыхъ ранъ на завтра послѣ того померли: ямбургскаго полка весьма достойный офицеръ, ротмистръ Дертень, и карабинеръ одинъ. Посему съ прискорбіемъ сказать можно, что хотя злодѣевъ гибнетъ многое число, но намъ дороже одинъ солдатъ, нежели тысяча живыхъ и побитыхъ разбойниковъ; а непріятелю небезъавантажнo по крайней мѣрѣ сіе, потому что мы вооружаться должны на сію сволочь бездѣльниковъ, и еще нерѣдко и изъ самихъ нашихъ подданныхъ. Ибо и при семъ случаѣ при убитомъ гайдамакомъ атаманѣ нашлось письмо чернаго гусарскаго полку оберъ-офицера Марьяновича, который съ его артелью призывалъ убитаго къ Могилеву. Я оное отослалъ къ генералъ-маіору Исакову на слѣдствіе.

По симъ обстоятельствамъ, хотя военною силою и будутъ истребляемы возрождающіеся злодѣи, но къ утушенію сего пламени пособить много, мнѣ кажется, ежели взятыхъ разбойниковъ употреблять станемъ къ работамъ, или разсылать въ гарнизоны во внутрь государства нашего, въ отдаленныя мѣста, отнимая черезъ то всё воображаемыя ими удобства, чрезъ побѣги и другіе образы, къ своему спасенію, поелику способы кротости и снисходительства не успѣвають, извѣстные имъ изъ опубликованныхъ манифестовъ, понеже самыя отпущенныя, въ сходство письма ко мнѣ отъ 19 сентября вашего сіятельства, за взятіемъ съ нихъ присяги о житіи въ тишинѣ, обращаются къ прежнимъ злодѣйствамъ, яко нѣкоторые изъ нихъ въ гайдамачествѣ и пойманы. Для сего я нарочнаго курьера хотѣлъ отправить къ вашему сіятельству, испрашивая себѣ предписанія—куда я могу дѣвать пойманныхъ гайдамакъ, которыхъ нѣсколько сотъ препровождается теперь къ Переяславу, а я впередъ, безъ сомнѣнія, приостановлю такіе присылки, ибо въ Малороссіи употреблять ихъ не прочно, потому менѣе и менѣе будетъ на нихъ издержаво.

XXXIII.

Приказъ предводителя польскихъ, конфедератовъ Казимира Пулавскаго, ротмистру замковыхъ козаковъ въ Мястковъ Голуховскому о явкѣ его съ командою въ 4-хъ-дневный срокъ къ нему Пулавскому, въ м. Цикиновку, подъ страхомъ смертной казни. 11 ноября 1768 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ на Пулавѣ Пулавскій, староста жезуленецкій, полковникъ, ордена св. Креста кавалеръ, панцирный товарищъ, региментаръ и комендантъ войскъ коронныхъ конфедерацкихъ.

Даю сей ордеръ господину Голуховскому, ротмистру войскъ козацкихъ Мястковскихъ и деревень принадлежащихъ, находящихся въ замковой службѣ, дабы онъ, по принятіи того ордера, съ отъезда непремѣнно въ четыре дни явился съ командою людей своихъ вооруженною и надлежащею амунициею, въ мѣстечкѣ *Цикиновкѣ*, гдѣ и самъ я съ командою моею находиться буду, опасаясь за просрочку и за неисполненіе того ордера жестокой экзекуціи на всѣ вотчины къ мѣстечку принадлежащія, а собственно для себя, въ силу артикуловъ, смертной казни; и сіе исполнить по неотмѣнности судовъ военныхъ найстрожайше повелѣваю. Данъ въ Цикиновкѣ, ноября 11 дня 1768 г. Казимиръ Пулавскій, региментаръ. (Мѣсто печати).

XXXIV.

Приказъ того-же Пулавскаго полковнику Бардецкому о сборѣ въ его подольскихъ имѣніяхъ козаковъ и явкѣ къ нему въ лагерь.—2 января 1769 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ Пулавскій, староста жезуленецкій, поручикъ знака панцернаго, ордена св. Креста кавалеръ, региментаръ свѣтлейшей конфедераціи войскъ коронныхъ.

По власти и достоинству региментарскому, даю сей ордеръ господину Бардецкому, полковнику и товарищу знака панцирнаго, дабы по полученіи онаго, взявъ въ маетностяхъ нашихъ побережныхъ въ готов-

ности находящихся козаковъ, шель съ оными каеъ къ Забокрьчю, Мьстовкѣ, Цикиновкѣ, Крутымъ, Рыбницѣ, такъ и къ Чечельнику, и слѣдуя съ оными, также и другими, если гдѣ могутъ сыскаться, къ намъ въ назначеное отъ насъ мѣсто. Сохранять въ маршѣ всякое спокойствіе повелѣваю. Учинено въ Жванцѣ, 2 генваря, 1769 года. Казимиръ Пулавскій. (Мѣсто печати).

XXXV.

Приказъ маршала компутовыхъ и конфедерацкихъ войскъ, гр. Иоакима Потоцкаго, управителю немировской волости о доставкѣ къ нему въ обозъ пойманныхъ гайдамакъ, вмѣстѣ съ палачемъ, а также о снаряженіи и приводѣ въ его лагерь назначенныхъ отъ брацлавскаго воеводста войскъ, съ выплатою имъ впередъ жалованья.

Иоакимъ Карлъ графъ Потоцкій, подчашій великаго княжества литовскаго, маршалъ конфедерации воеводства брацлавскаго, войскъ наряженныхъ изъ воеводствъ: русскаго, брацлавскаго, кievскаго и черниговскаго, генеральный региментарь и Бѣлаго Орла кавалеръ. Изъ Чечельника, отъ 3 февраля 1769 года.

По силѣ и власти достоинства моего генеральнаго региментарства надъ войскомъ компутовымъ и конфедерацкимъ, даю сей ордеръ, одинъ, за три дѣйствіе свое имѣющій, господину эконому или-же управителю волости немировской, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по полученіи сего ордера съ вышепоказаннаго числа непременно въ три дни, прислалъ въ Бершадъ находящихся тамо подъ арестомъ бунтовщиковъ и гайдамакъ, купно съ палачемъ, опредѣля къ онымъ для конвою тридцать козаковъ, подъ командою надежнаго человѣка. Также чтобъ отправилъ неотмѣнно, въ три или четыре дни по отпускѣ сего, наряженный изъ воеводста брацлавскаго войска, конныя или пѣшія, со всею амунициею и военными припасами, выдавъ имъ за полгода жалованье, считая пѣшему на мѣсяць по 10 золотыхъ, а конному и на фуражъ столько-же, къ корпусу конфедерации нашея, для защищенія вѣры и вольности, подъ опасеніемъ за неисполненіе жестокой экзекуции и строгаго наказанія, предписаннаго въ судахъ нашихъ конфедерацкихъ. Данъ въ главной квартирѣ Чечельникѣ. І. К. Потоцкій. (Мѣсто печати). (Копія съ копіи).

XXXVI.

Переводъ съ письма татарскаго хана къ великому гетману коронному, графу Браницкому, съ извѣщеніемъ о переговорахъ султана съ австрійскимъ императоромъ о присылкѣ 60 т. войска для защиты Польши отъ Россіи и намѣреніи его хана двинуться отъ Балты въ Смѣляницину для истребленія гайдамакъ, а также съ предложеніемъ Браницкому соединиться съ нимъ для общаго дѣла.

Называясь княземъ христіанскимъ, вы тѣмъ болѣе обязаны, вступясь за свое отечество, стараться защищать давнія онаго права и вольности, которыя съ нѣкотораго времени опровержены Россією. Вы, какъ истинный патриотъ, должны усиленіямъ сей державы всевозможное дѣлать сопротивленіе.

Послѣдніе мирныя трактаты нетокмо въ точности ихъ не наблюдаются, но, напротивъ того, Россія нарушеніемъ оныхъ старается въ отечествѣ вашемъ основать себѣ неограниченную власть. Вы можете быть увѣрены, что сей ея поступокъ всѣмъ сосѣдственнымъ державамъ къ неусыпному побуждаетъ примѣчанію; а особливо должно мнѣ васъ увѣдомить, что султанъ, мой государь, наиболѣе вступаетъ за сію несправедливость. Онъ не только собственными войсками старается поддержать къ наденію клонящуюся республику польскую, но всевозможныя употребляетъ силы, дабы цесарской дворъ согласить къ принятію въ справедливое уваженіе нынѣшняго состоянія оной. Мой всемилостивѣйшій государь отправилъ къ австрійскому дворъ посла съ предложеніемъ, что онъ уступаетъ вѣчно Бѣлградъ и пр., если помянутый дворъ дастъ 60 тысячъ вспомогательныхъ войскъ. Дворъ цесарской согласился на сіе предложеніе и въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая войска назначенныя вступятъ въ Польшу. Мой государь не требуетъ, чтобъ сіи войска съ его армією соединились, но дабы оныя, стѣснивъ силы російскихъ въ Польшѣ, старались тамъ возстановить прежнюю вольность и права, уничтоженныя Россією. А сверхъ сего онъ искренно желаетъ, чтобъ республика и сама собою изъ столь опаснаго положенія всѣми силами освободиться старалась; а за лучшій мы считаемъ способъ, чтобъ всѣ воеводства сконфедеровались, чего мы и надѣемся, какъ нынѣ къ тому

найлучшій дается способъ, а государь мой съ удовольствіемъ-бы при-
нялъ, еслибъ вся конфедерація со мною соединилась.

Я нынѣ стою въ Балтѣ съ 60 тысячами войска, и имѣю поге-
лѣніе чрезъ Умань тянуться еще къ Смѣлянщинѣ для искорененія
оставшихся еще гайдамаковъ и потомъ обратно переправиться. И
такъ можете изъ сего усмотрѣть, сколь великое мой государь
въ дѣлахъ вашего отечества приѣмлетъ участіе. Вы равнымъ обра-
зомъ, какъ вѣрный патриотъ, не преминете привести къ точному испол-
ненію того, чего мы столь усердно желаемъ.

Балта, февраля 4 дня 1769 года.

XXXVII.

*Письмо атамана запорожскаго Губы къ прапорщику Ларсю, ко-
торымъ онъ требуетъ отъ него подлиннаго приказа кн. Прозоров-
скаго о формированіи въ Украинѣ козаковъ для удостовѣренія отис-
сительно цѣли онаго и проч. 4 марта 1769 г.*

(точная копія съ подлиннаго письма).

Благородный господинъ прапорщикъ!

Увѣдомился я съ вашего письма, что есть приказаніе его сіятель-
ства князя Прозоровскаго такія войска собирать, однакъ я вамъ не
вѣрю, потому что вы не прислали мнѣ копіи съ того приказа; я жъ
и самъ намѣренъ защищать вѣру христіанскую, соединясь съ цѣлымъ
ключемъ Смѣлянскимъ, ибо уже и подиеску на себя дали, и поѣхали
къ главной командѣ, подъ присягою обизались служить ея император-
скому величеству и живота своего не щадить; я жъ теперь войска не
больше семи сотъ человекъ вооруженныхъ имѣю, о чемъ я и далъ уже
знать главной командѣ, ожидая повелѣнія отъ той-же главной команды.
Хотяжъ ты и писалъ ко мнѣ на вѣтеръ, однакъ на томъ увѣриться
не могу, и ежели не приишешь ко мнѣ копіи съ приказа его сіятель-
ства, то и самъ будь опасенъ, и пришли оную чрезъ кого-нибудь во-
еннаго и постояннаго козака, на которомъ-бы увѣриться можно было.
Въ чемъ и подписуюсь, Миронъ атаманъ Губа команды запорожской.
6 марта 1769 году.

Гдѣ жъ буду стоять—можешь увѣдомиться.

XXXVIII.

Копія репорта прапорицка Ларся капитану Палеологову съ пре провожденіемъ приведеннаго письма къ нему атамана Губы и съ выраженіемъ подозрѣнія и опасенія относительно намѣреній какъ состоящаго подъ его начальствомъ отряда, такъ и другихъ вербуемыхъ въ Украинѣ русскими офицерами козаковъ, желающихъ вступити въ русскую службу, и проч. 14 марта 1769 г.

По повелѣнію вашего благородія, я въ уманской губерніи и другихъ мѣстахъ козаковъ до двухъ сотъ добротныхъ собралъ, которые добротнo желаютъ въ службу ея императорскаго величества вступити, только чрезъ угрозы здѣсь находящихя шляхтичей и диспозиторовъ опасаются, а просятъ, дабы отъ его сіятельства было предложено ихъ господину, воеводѣ кіевскому, чтобъ онъ дозволилъ имъ итти въ службу ея императорскаго величества; а таковыхъ охотниковъ еще и до пяти сотъ собрать будетъ можно. Въ ключѣ-же смілянскомъ собранныхъ козаковъ имѣется до семи сотъ, при атаманѣ Губѣ, къ которому я писалъ, и въ отвѣтъ онъ мнѣ письмо прислалъ, которое при семъ прилагаю, о чемъ изволите его высокоблагородію представить, дабы они, при нынѣшнихъ обращеніяхъ, другаго какого дѣла вцать не могли, ибо мнѣ мужики объявили, что онъ предъ ними объявляетъ, что „ляховъ мнѣ нечего бити, а буду рѣзаться съ москалями“, и что всѣ надлежащіе податки съ ключа сміянскаго приказалъ чтобъ ему отдавали, и уже многое число ему подано. Извѣстно-жъ еще мнѣ, что къ нему запорожскихъ козаковъ пришло чрезъ чуту сотъ до пяти, которые съ нимъ соединиться намѣрены. Я-жъ съ командою собранною слѣдую въ мѣстечко Комарградъ, о чемъ вашему благородію репортую. 14 марта 1769 года.

XXXIX.

Копія репорта кн. Прозоровскаго главнокомандующему 1-ю армією кн. А. М. Голицыну съ препровожденіемъ въ копіяхъ письма атамана Губы къ прапорщику Ларсю и репорта этого послѣдняго капитану Палеологову и съ просьбою о распоряженіи схватить атамана Губу. 16 марта 1769 г.

(копія съ подлиннаго).

Его сіятельству, высокопревосходительному господину генераль-аншефу, главнокомандующему первой арміи, ея императорскаго величества дѣйствительному камергеру и обоихъ російскихъ орденовъ кавалеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, репортъ.

Какъ я въ рапортѣ моемъ, отъ 12 числа, вашему сіятельству доносилъ, что, по приложенной копіи съ письма отъ козака запорожскаго, приказалъ стараться, какъ можно, чтобъ онаго изловить; а сейчасъ получилъ рапортъ отъ прапорщика Ларся къ капитану Палеологову, которой находится съ новонабраннымъ полкомъ козаковъ, съ приложеніемъ письма къ Ларсю; съ которыхъ копіи прилагаю и покорнѣйше прошу вашего сіятельства находящимся около Бѣлой-Церкви полкамъ приказать стараться онаго изловить, дабы изъ того худья слѣдствія выдти не могли. Генераль-маіоръ князь Прозоровскій. 16 марта 1769 года, м. Базалія.

XL.

Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій 1-й арміи о разбитіи русскими войсками отряда атамана Губы близъ м. Ромхистровки и гайдамацкой партіи близъ м. Лысянки.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій арміи ея императорскаго величества, 1769 года въ апрѣлѣ 11 числа, между прочимъ сказано:

„Въ то-жъ время отъ посланной въ польскую Украину, большую частію по прошенію тамошнихъ жителей, для истребленія усилиющихся гайдамаковъ, которые имъ превеликіе разореніи, неслыханные мучительства и самыя смертоубійства причиняютъ, команды донскихъ козаковъ, при стабъ-офицерѣ, рапортъ полученъ, что 3 числа сего мѣсяца наѣхавъ

помянутая команда, въ Смѣлянщинѣ, близъ села Рохмистровки, разбойническую, изъ всякаго зброя состоящую и гайдамаками называющуюся партію, въ десяти человѣкахъ, разбила и пять человѣкъ живыхъ взяла, а прочихъ, по ихъ супротивленію, на мѣстѣ побила; а потомъ, 6 числа сего-жъ мѣсяца, какъ при атаманѣ ихъ, именуемомъ Губѣ, 23 человѣка живыхъ взяла, а остальныхъ всѣхъ, въ числѣ которыхъ и самъ атаманъ находился, за сильнымъ-же супротивленіемъ и когда отнюдь живыми здаться не хотѣли, до смерти побить принуждена была“.

21 апрѣля. „Въ то-жъ время и отъ находящагося въ польской Украинѣ для искорененія гайдамаковъ, съ донскими козаками маіора Вуича, рапортъ полученъ, что какъ онъ отправилъ атамана Сулина для соединенія съ корпусомъ князя Прозоровскаго, то на семь еѳо пути нашель подъ мѣстечкомъ Лилянкою въ лѣсахъ гайдамацкую партію, изъ которыхъ до 40 человѣкъ на мѣстѣ побилъ, а 24 человѣка въ полонъ взял; но какъ сіи и прежде взятые гайдамаки большею частію холопи польскихъ дворянъ, то для раздачи ихъ помѣщикамъ и отосланы они въ Бѣлую-Церковь; со всѣмъ тѣмъ, по дерзкой отважности сихъ злодѣевъ, и съ нашей стороны при семъ случаѣ козацкой полковникъ Туровѣровъ и одинъ козакъ убиты, а одинъ есаулъ и сотникъ ранены“.

Примѣч. Выписка эта сдѣлана покойнымъ М. А. Максимовичемъ; внизу ихъ помѣта: эти рапорты доставлены были князю Александру Михайловичу Голицыну, командующему 1-ю арміею.

XII.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ маіору Кречетникову о не допущеніи партій региментаря польскихъ войскъ Стемпковскаго производить, подъ предлогомъ поимки гайдамакъ, опустошенія и насилія въ Украинѣ и о невѣроятности сего послѣдняго въ дѣло усмиренія возставшихъ, подъ угрозою удаленія оттуда еѳо отряда.

Будучи извѣщенъ, что отъ польской команды региментаря Стемпковскаго посылаются партіи, подъ видомъ поимки гайдамаковъ, къ Бѣлой-Церкви и за оную, даже уже къ нашимъ границамъ, и по своему обысгу своему толь ненавистному удручаютъ они всѣми образы духовенство и

жителей благочестивой вѣры греческой, о чемъ отсюда какъ священство прислали мнѣ жалобы, такъ и стоящій въ Бѣлой-Церкви генерал-майоръ Череповъ доноситъ,—дивиться долженъ, коль ваше превосходительство не воспрещаете тому войску такъ много расширяться или, сказать, дѣйствовать за вашею спиною. Припомните мой ордеръ отъ 10 мая подъ № 133, въ которомъ я изъяснилъ, въ вашу предосторожность, сколь надобно примѣчать вамъ на положеніе онаго. Дѣлавъ при границахъ нашихъ разѣзды, еще они усиѣютъ и въ томъ намѣреніи, чтобъ пресѣкти способы польскимъ жителямъ переселяться въ нашъ край; и для того ваше превосходительство имѣете отъ своего имени отписать господину региментарю Стемпковскому, выразивъ, чтобъ, хотѣвъ согласіе хранимое доселѣ продолжать, прекратилъ посылать въ ту сторону свои партіи. Укажите ему, что искорененіе гайдамаковъ и спокойство той стороны хранилось нами, и сложилъ-бы впредь оно на попеченіе нашихъ командъ тамо стоящихъ, что мы имъ возстать никогда не попускали и не попустимъ. Напоследокъ скажите, сколь вамъ извѣстно и то, что его королевское величество соизволилъ обнадѣжить меня, что сія команда господина региментаря Стемпковского, единого ради продовольствія въ содержаніи себя, въ томъ краю расположена, чего инде имѣть съ подобною выгодною не можетъ, почему я, во удовлетвореніе его величества воли, приступилъ оскудить собственныя войскъ мнѣ ввѣренныхъ потребности, бывъ въ томъ лучшемъ мненіи, что господинъ Стемпковскій обуздаетъ всею строгостію къ спокойному пребыванію свои войска и ни на какой предосудительный шагъ не попуститъ, а инако и первое извѣстіе о семъ, дошедшее до меня, неминуемо возбудитъ прежнія мои настоянія о выводѣ сихъ войскъ.

Примѣчаніе. Въ рукописномъ сборникѣ Максимовича не означено, чей это ордеръ, равно не проставлена его *дата*; но ни къмъ другимъ онъ не могъ быть данъ, кромѣ Румянцева, которому подчиненъ былъ Кречетниковъ, а какъ время вступленія Стемпковского въ Украину падаетъ на осень 1769 г., то и этотъ ордеръ, согласно при томъ нумераціи сборника, надо отнести къ концу октября, или началу ноября 1769 г.

XLII.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма Румянцова къ Панину Петру, командиру русскихъ войскъ въ Ново-Сербіи о недопущеніи въ Украину и истребленіи вновь формируемыхъ изъ русскихъ войскъ гайдамацкихъ отрядовъ и прегражденіи сочувствія къ нимъ въ самомъ Запорожьѣ.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ въ письмѣ своемъ, отъ 19 октября 1770 года, къ графу Петру Ивановичу Панину между прочимъ пишетъ:

„Изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генераль поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи, изъ самихъ нашихъ войскъ, на побережьѣ Польскомъ возстаютъ; сіи грабители опасѣе быть могутъ самаго непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ, вездѣ пройтить могутъ и разорять, слѣдовательно противъ ихъ вѣще нужна стража, нежели противъ татаръ. Всѣ транспорты, идущіе къ арміи, неминуемо пресѣкнутся, если хотя мало дать время таковымъ шайкамъ гайдамацкимъ въ польскихъ, уже и безъ того разоренныхъ, имѣніяхъ подѣйствовать. Прошу ваше сіятельство своимъ постами приказать—съ лучшимъ бденіемъ заграждать проходъ таковымъ злодѣямъ, и истреблять гдѣ покажутся, да и самому кошевому запорожскому велѣть о укрощеніи въ ихъ войскѣ оныхъ“.

XLIII.

Письмо гр. П. А. Румянцова къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ князю Волконскому объ освобожденіи короннаго подчашія Чацкаго и о выводѣ изъ Украины всей команды regimentаря Стемпковскаго, въ виду производимыхъ ею „лютыхъ остервененій“ надъ православнымъ населеніемъ и священствомъ Украины. 9 ноября 1769 г.

Милостивый государь мой, князь Михайла Никитичъ!

Въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Полонное имѣлъ я случай видѣться съ подчашимъ короннымъ Чацкимъ, который тамъ подъ арестомъ содержится. Скорбный видъ его и чувствительность общая о

тершимомъ имъ жребіи какъ тогда примѣтны мнѣ были, такъ и послѣ подтверждалися чрезъ многія удостовѣренія; почему и писалъ я, съ прибытія моего къ арміи, къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, чтобъ его или освободить, или-же, когда предстоятъ пренятствія къ тому, перевезть изъ сего мѣста въ наши границы, дабы удалить отъ общихъ глазъ предметъ огорчающій.

На сіе мнѣ его сіятельство отвѣчалъ, что содержаніе сего вельможи, имѣя единственную и непосредственную связь съ теченіемъ негоціаціи вашей въ Варшавѣ, зависитъ потому самому отъ рѣшимости вашей-же, что вы не оставите о томъ снести со мною, и что по открытіи новаго политическаго явленія скоро настанетъ то время, когда вамъ можно будетъ рѣшиться о жребіи господина Чацкаго. Я ожидаю свершенія тѣхъ дѣлъ и купно вашего о томъ увѣдомленія себѣ, не всчиналъ прежде моего отзыва, какъ уже теперь, когда господинъ Чацкій убѣждаетъ меня чувствительными просьбами по крайней мѣрѣ о облегченіи своего состоянія, чтобъ ему позволить подъ стражею выѣхать изъ Полоннаго, гдѣ воздухъ своему здоровью чувствуетъ вреднымъ, въ ближайшую свою деревню.

Посему и прошу я всепокорно вашего сіятельства объявить мнѣ, коль долго настоящую свою судьбину безъ перемѣны долженъ сносить сей именитый чиновникъ, и не могутъ-ли обстоятельства уже позволить на освобожденіе его? Причина его ареста мнѣ инако не извѣстна, какъ только, что къ оному довелъ его съ самого начатія диссидентскаго дѣла собственный фанатизмъ. И такъ я, съ одной стороны нынѣшняго его пребыванія, вашему сіятельству могу открыться, что не безъ предосужденія оное настоятъ, когда въ своей землѣ и между своихъ собратій толь знаменитый человѣкъ такъ долго уже содержится въ заточеніи.

По поводу моихъ представленій въ прошломъ году, ваше сіятельство имѣли отъ двора повелѣнія—представить королю и министерству доказательства о переводѣ и удаленіи всей команды региментаря Стемповскаго, которая при границахъ нашихъ и за спиною нашей арміи расположена. Сами по себѣ сіи вѣтренныя войска хотя и не могутъ быть намъ опасны, но военный резонъ не терпитъ, чтобъ за собою ихъ оставить въ столь неспокойное время, ради многихъ произойти отъ того могущихъ слѣдствій.

Но не одно еще сіе заставляеть меня припомнить вашему сіятельству о переводѣ изъ сего края таковыхъ польскихъ командъ; ихъ нельзя и потому сносить, что лютыя остервененія производять надъ крестьянами и самимъ священствомъ благочестивымъ, какъ на сихъ дняхъ изъ губерніи Каневской приходили ко мнѣ священники, представляя, что изъ команды господина Стемковскаго нѣкто региментарь Мисевичъ, въ селѣ Куніеватой, изъ церкви и самаго алтаря, влѣзши въ окошко, вытащилъ священника, по названію Ивана Швабича, билъ и мучилъ его тирански; и подобныя сему удрученія приключаютъ имъ ежечасно. Я хотя писалъ въ помянутому Стемковскому о содержаніи строгомъ своей команды и о наказаніи продерзостныхъ, но ежели ваше сіятельство возобновленнымъ своимъ требованіемъ не получите отъ двора польскаго повелѣній о переведеніи сей команды въ другія мѣста, то, лишь-бы не принято было то къ неудовольству, я самъ могу употребить близкій, напротивъ, и приличный способъ выжить всѣ польскія войска оттуда. Однакожь къ тому не приступаю, не испросивъ прежде на сіе вашего мнѣнія.

Всегда пребуду съ нелицемернымъ высокопочитаніемъ, вашего сіятельства.....

Примѣчаніе. Въ Сборникѣ Максимовича также не означено, что это письмо Румянцева, а послѣ года и числа означено лишь: *Волконскому*; но о принадлежности его Румянцеву, говоритъ не только весь складъ и вторая половина содержанія, но и употребленныя въ этой части тѣже выраженія, что и въ ордерѣ его Кречетникову по тому-же предмету, особенно это: *за ступною нашею*.

XLIV.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ-Маіору Ширкову о невмѣшательствѣ подкомандныхъ ему, въ Украинѣ расположенныхъ русскихъ войскъ, въ происходящую тамъ борьбу православныхъ съ католиками и уніатами. 14 мая 1774 г.

По жалобѣ находящихся въ польской Украинѣ, кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ, греческаго закона исповѣдниковъ, о чинимыхъ имъ отъ римлянъ и уніатовъ разныхъ обидахъ и гоненіяхъ, предлагалъ я,

февраля отъ 23-го 1772 года, комадовавшему тогда въ Польшѣ генераль-маіору князю Долгорукову—дать свои повелѣнія, чтобъ въ упомянутыхъ воеводствахъ обитающимъ исповѣдникамъ греческой вѣры наши ближайшія команды давали охраненіе отъ насильствъ и гоненій, происходящихъ отъ римлянъ и уніатовъ, но при томъ означеннымъ командамъ подтвердить, чтобъ они, вступаясь въ охраненіе гонимыхъ, не дали тѣмъ поводу дѣлать имъ самовольное преслушаніе своимъ властямъ, или же бы посягать на обиду католиковъ и уніатовъ. А прошедшаго 1773 года сентября 17-го, по требованію отъ пребывающаго при польскомъ дворѣ нашего полномочнаго министра, господина дѣйствительнаго камергера барона Стакельберга, приказано отъ меня вамъ и генераль-маіору князю Щербатову—подтвердить вообще для всѣхъ войскъ въ Польшѣ состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали никакой помощи въ присоединеніи уніатскихъ церквей къ православію, запрещая, и того больше, всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ; словомъ, чтобъ и парафіи, и отправленіе богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ такомъ самомъ положеніи, въ какомъ тогда находилось, и о семъ бы имѣли ваше превосходительство наблюденіе

Но какъ и затѣмъ приносятся отъ делегаціи нашему министерству жалобы въ утѣсненіи отъ войскъ въ Польшѣ находящихся, подъ командою вашею и генераль маіора князя Щербатова, уніатскихъ церквей и обывателей, то въ прекращеніе, сколь оныхъ, такъ и другихъ причинъ ради, относящихся къ настоящему дѣлу положеній, рекомендую я симъ вашему превосходительству, въ подтвержденіе вышенисаннаго даннаго вамъ отъ меня ордера, предписать всѣмъ въ Польшѣ находящимся войскамъ команды вашей, чтобъ они собою и безъ требованія министра, господина Стакельберга, отнюдь не вступались во внутреннія польскія дѣла, ни въ распри тамошнихъ разнозаконниковъ, менѣе же всего въ отнятіе церквей уніатскихъ, и довольствовались только наблюдать во внутренности своей всю пужную военную осторожность противу всякихъ злодѣйствъ вредныхъ. Равнаго сему содержанію давъ отъ меня ордеръ нынѣ и генераль маіору князю Щербатову.

№ 100. 1774 года, мая 14 дня.

XLV.

Письмо гр. П. А. Румянцова къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ, барону Штакельбергу, съ обстоятельнымъ и откровеннымъ изложеніемъ его взгляда на положеніе и значеніе борьбы между православнымъ населеніемъ Украины и ея притѣснителями—римско-католиками и уніатами, способа его дѣйствій и нѣкоторыхъ новыхъ распоряженій. 17 сентября 1779 г.

Милостивый государь мой!

Симъ имѣю честь благодарить вашему превосходительству за почтеннѣйшее ваше отъ 28 числа августа (письмо), пріемля въ одолженіе себѣ сдѣланныя мнѣ увѣдомленія о состояніи дѣлъ министеріальныхъ, въ которыхъ съ произведенными усилками я васъ поздравляю, и желаю всеусердно, да воспріимуть оныя вскорѣ свое совершенство.

Въ разсужденіи тѣхъ пунктовъ, въ коихъ ваше превосходительство требуетъ моего содѣйствія, полагая въ томъ быть пользу высочайшихъ интересовъ, спѣшу васъ увѣдомить слѣдующимъ: я имѣю повелѣніе—находящимся въ польской Украинѣ, кievскаго и брацлавскаго воеводства греческаго закона исповѣдникамъ, чрезъ наши команды въ томъ краю пребывающимъ, въ случаѣ чинимыхъ имъ отъ уніатовъ обидъ, оказывать защищеніе. По мѣрѣ сего предписанія, а отнюдь не болѣе, распространялось отъ нашихъ войскъ покровительство на единовѣрцовъ въ неисчетныхъ удрученіяхъ, о которыхъ они непрестанно чинятъ прозбы на своихъ гонителей—римско-католиковъ и греко-унитовъ.

Не считалъ я никогда своимъ дѣломъ разбирать обоюдныя прошенія духовнаго чина, въ разсужденіи ихъ правъ нафиліальныхъ; и по случаю отзыва ко мнѣ о томъ бискупа львовскаго Шептицкаго, писалъ какъ къ нему, такъ и нашему епископу переяславскому, въ образѣ совѣта, чтобъ каждый съ своей стороны не расширяли ни уніи, ни православія, какъ которыя токмо церкви и жители издревле принадлежатъ властямъ того и другаго исповѣданія. Но дабы слѣдовать во всемъ удовлетворенію, которое отъ меня ваше превосходительство имѣть желаете, то посылаю я теперь повелѣнія чрезъ генераль маіоровъ и кавалеровъ, Ширкова и князя Щербатова, вообще для всѣхъ войскъ въ томъ краю состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали

никакой помощи въ присоединеніи унитскихъ церквей къ православію, запрещая и того больше всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ, хотя и доселѣ въ томъ никогда оружіе наше не участвовало; словомъ, чтобы и парафіи, и отправление богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ теперь находится, чего, разумѣю я, требуетъ израженіе ваше „*statum in quo*“. Но не думаю, чтобы фанатизмъ римской вѣры былъ тѣмъ успокоенъ; они и изъ за сего удовлетворенія вознесутъ свои жалобы, по привычкѣ вмѣнять и то себѣ за обиду, ежели не могутъ удручать варварски нашихъ еднновѣрцовъ въ настоящемъ положеніи оружія. Не мѣшаясь знать причины стремленія политической въ семь пунктѣ, скажу я только въ партикулярную конфиденцію вашему превосходительству, что доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе, мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными; и потому и мню я, что на истребленіе сего душевнаго и отъ предковъ наследуемаго въ народѣ расположенія напрягаются тѣ настоянія, какіе идутъ на лишеніе всѣхъ способовъ существовать въ тѣхъ мѣстахъ еднновѣрію съ нами.

Ваше превосходительство собственнымъ проицаніемъ лучше объять можете настоящую и будущую судьбину сихъ угнетенныхъ еднновѣрцевъ нашихъ, а я взирая часто только на состояніе ихъ, сколько приносить сліяніе дѣлъ таковыхъ съ дѣлами моею части, весьма въ томъ увѣренъ, что положеніе *statum in quo* обратятъ духовныя и мірскія власти на исполненія своего мщенія надъ людьми ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ приверженностію своею къ намъ по еднновѣрію. И сколько сіи послѣдніе къ горести своей воспримутъ, узнавъ, что ихъ жребій, противу ихъ упованія на наше покровительство, преданъ въ руки ихъ гонителей. Когда и въ настоящемъ положеніи наши еднновѣрцы, которые только попались въ руки католиковъ, не видятъ больше свѣта,—то что уже тогда съ ними будетъ, когда мечь и злобу употреблять каждый можетъ по собственному произволенію? Вы видите сами, ваше превосходительство, даже въ подаваемыхъ отъ польскаго министерства нотахъ, что они и говорить о семъ не могутъ иначе, какъ употребляя термины ругательныя, которые по крайней мѣрѣ не прилично-бы предлагать нашей сторонѣ.

Я увѣренъ, что ваше превосходительство, по своему благоразумію и искусству, изыщете средства удалить, елико можно, грозу крайней погубели для нашихъ одновѣрцевъ, предохраня, въ актахъ заключаемыхъ, ихъ пользу и свободу, дабы не пало въ сосѣднемъ народѣ, и толь твердымъ узломъ сопряженнымъ съ нами, всякое къ намъ упованіе, которое питать въ ономъ бесполезнымъ кажется моему соображенію.

Все сіе сообщаю вашему превосходительству въ видѣ моего испытанія дѣлъ, какъ они теперъ суть, не присвоая отнюдь себѣ того, что свойственно проицанію дальновидныхъ политиковъ; и для того я все исполнилъ, что вы отъ меня требовали.

Включая здѣсь дошедшія ко мнѣ отъ генераль-маіора Щербатова увѣдомленія о прояскахъ, которые бискупъ Шенгицкій уже заранѣе разсѣваетъ, и еще челобитную поданную мнѣ отъ общества чиновъ исповѣдующихъ греческую вѣру въ воеводствахъ брацлавскомъ и кievскомъ, съ прошеніемъ покровительства на утвержденіе ихъ древнихъ правъ,—предоставляю собственному благоразсужденію вашего превосходительства сдѣлать изъ оныхъ таково употребленіе, въ чемъ-бы вы находили какову либо пользу.

О полахъ держимыхъ въ Бердичевѣ коль только дошло мнѣ вѣдать, прежде сего я приказалъ генералу-маіору Ширкову освободить всѣхъ, кромѣ ежели которые нашлись-бы взятыми по особливимъ каковымъ преступленіямъ, а не по причинамъ относящимся до религіи; ибо о винахъ и ихъ заключеніи еще не дошли и по днесъ ко мнѣ рапорты. Но чтобъ не замедлить ихъ освободить, я и теперъ посылаю повелѣніе реченному генералу о выпускѣ оныхъ, кромѣ виновныхъ по какому либо злодѣянію.

О возвращеніи секвестрованнаго имѣнія князю Мартыну Любомирскому получить велѣдъ за симъ мое повелѣніе господинъ Ширковъ. Впрочемъ, по толь убѣдительному требованію его королевскаго величества о непереводѣ войскъ господина Стемповскаго, я принужденъ ихъ терпѣть въ тѣхъ только округахъ, которые, по условію съ княземъ Щербатовымъ, для ихъ проицанія и помѣщенія предоставлены, хотя я въ томъ и самъ увѣренъ, и васъ обнадежить могу, что оныя не отъ нужды снабдѣнія себя здѣсь водворились, но дабы удержать жителей порубежныхъ отъ переселенія въ наши границы и неистовство-

вать надъ оными гонительствомъ въ томъ пунктѣ, что они настоящее время считаютъ благословеннымъ себѣ для исповѣданія вѣры предковъ своихъ, которая превращена чрезъ насиліе папистовъ.

Пребываю съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

1773 года, сентября 17 дня. № 326. Барону Отто Стакельбергу.

XLVI.

Письмо епископа переяславскаго Иларіона къ гр. П. А. Румянцеву съ просьбою объ оказаніи защиты и покровительства православному населенію Украины отъ непрерывныхъ и крайнихъ притѣсненій онаго со стороны католиковъ и униатовъ, 16 іюня 1779 г.

(копія съ подлиннаго).

Сіятельнаяйшій графъ, милостивый государь!

О происходящихъ въ польскомъ краю отъ униатовъ надъ православными слѣдствіяхъ неприятныхъ, какъ и самимъ вашему высокографскому сіятельству довольно извѣстны, о многихъ не упоминаю я; а единственно прилагаю у сего подлинныя, на сихъ числахъ ко мнѣ отъ двухъ протопоповъ доношенія, съ коихъ ваше высокографское сіятельство благоусмотрѣть изволите, что сіе гонимое духовенство до сихъ поръ, хотя сосѣдческо, безъ прихода и домовства своего, могли однако нѣкоторое въ тѣхъ мѣстахъ имѣть пристанище; нынѣ-же, съ точнаго поводу наложенныхъ на нихъ повелѣнныхъ публикацій, въ тѣхъ приложеніяхъ означенныхъ, и того лишаютъ уже. Не одинажды просилъ я Семена Ермолаевича¹⁾ и другихъ въ Польшѣ господъ командующихъ, не объ отборѣ церквей отъ униатовъ, отнятыхъ ими у православныхъ, но крайней мѣрѣ о недопущеніи послѣднихъ къ униатскому насилванію, на основаніи законовъ и послѣдняго отъ его королевскаго величества въ 1776 годѣ послѣдовавшаго манифеста. Со всѣмъ тѣмъ не могли однако просьбы мои никакова имѣть успѣху, извѣтомъ, что отъ вашей команды не имѣютъ на то повелѣнія. Изъ сего правильную я причину имѣю предъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ изъяснить о прописанномъ, и

¹⁾ Шаркова.

просить милостиваго на бѣдныхъ призрачїя и покровительства въ невинномъ гоненїи и страданїи ихъ.

Гдѣ имъ, сіятельнѣйшїй графъ, истиннаго христїанина и защитнѣйшаго найти отца, какъ не въ единой вашего высокографскаго сіятельства особѣ? А если и сія отычется отъ нихъ надежда, то какова уже ожидать имъ конца?

Прїимите, ваше высокографское сіятельство, во уваженїе милостиво все, и не оставте погибнуть до конца ожидающимъ въ скорбѣхъ и терпѣнїи мнозѣ.

Благосклоннѣйшему вашего высокографскаго сіятельства высокихъ милостей продолженїю поручая ихъ и себя, пребываю съ достодолжнѣйшимъ высокопочитанїемъ, вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшимъ богомольцемъ и покорнѣйшимъ слугою, Іларїонъ епископъ переяславскїй.

№ 112. 1779 года, іюня 16 дня, Переяславъ.

Библиографія.

Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1883. XXII+668. Ц. 3 р. Съ портретами 6 руб.

Разработка областной и мѣстной исторіи займетъ видное мѣсто въ русской исторіографіи послѣдняго двадцатипятилѣтія. Почти не проходитъ года, чтобы не появился какой-нибудь трудъ, болѣе или менѣе дополняющій прежнія свѣдѣнія о древнихъ городахъ и достопримѣчательныхъ мѣстностяхъ Россіи. Невознаградимымъ остается то, что не въ силахъ бываетъ восполнить новыи изслѣдователь. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: прежніе погромы и пожары были причиною того, что не сохранилось почти никакихъ вещественныхъ памятниковъ старины древняго Витебска (упоминаемаго уже въ началѣ XI в.). Но гораздо печальнѣе, когда исчезаютъ историческіе памятники и матеріалы, по небрежности людей, располагавшихъ ими въ позднѣйшее время. Такъ, подлинныя грамоты и привилегіи витебской магдебургіи, отосланныя въ 1803 г. черезъ витебскаго прокурора министру юстиціи, въ слѣдствіе просьбъ жителей о сохраненіи за ними всѣхъ правъ и привилегій, полученныхъ въ прежнее время, не были найдены, не смотря на всѣ усилія издателя настоящаго сборника. Поэтому издателю пришлось пользоваться спискомъ этихъ грамотъ и привилегій, внесенныхъ въ особую книгу въ 1733 г. Всѣ подлинныя грамоты и привилегіи до начала XVII в. писаны на русскомъ языкѣ, но переписчики замѣнили кирилловскія буквы польскими. Другой списокъ этихъ грамотъ хранится въ Виленской публичной библіотекѣ.

Но издатель значительно расширилъ свою задачу. Онъ постарался сгруппировать, по возможности, полный матеріалъ для историко-статистическаго описанія г. Витебска, состоящій, главнымъ образомъ, изъ двухъ отдѣловъ: 1) извѣстій *русскихъ и литовскихъ летописей* о Витебскѣ, обнимающихъ время съ XI до второй половины XVI в.; 2) гра-

моты и привилеіи, и это самый обширный и важный отдѣлъ книги (стр. 15 — 454). Онѣ представляютъ собою исторію Витебска съ 1229 г. по настоящее время въ разные ея періоды. Сюда вошли все относящіяся къ ней акты, начиная съ договора смоленскаго князя Мстислава Давидовича до указа объ открытіи въ Витебскѣ комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ (1858 г.); здѣсь найдете и акты напечатанные уже въ разныхъ сборникахъ, какъ-то: въ изданіяхъ археографической комисіи, витебской комисіи для разбора древнихъ актовъ, въ отдѣльномъ сборникѣ, подъ названіемъ: Витебскіе акты, въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи, въ Витебскихъ-Губернскихъ Вѣдомостяхъ, многіе годы которыхъ стали давно библиографическою рѣдкостью, въ Памятныхъ Книжкахъ, въ разныхъ польскихъ изданіяхъ и пр., и архивные матеріалы, нигдѣ еще не напечатанные, причемъ документы на другихъ языкахъ сообщены въ русскомъ переводѣ. Все вошедшіе въ настоящій Сборникъ акты касаются исторіи города, церкви, суда, повинностей, экономическаго состоянія и т. п. Въ числѣ историческихъ матеріаловъ находимъ и извѣстный разсказъ о пребываніи въ Витебскѣ и Псковѣ Иеронима Пражскаго, открыто заявившаго свое сочувствіе православному исповѣданію. Къ этому-же отдѣлу принадлежатъ особыя группы документовъ: а) матеріалы, касающіяся жизни и дѣятельности Иосафата Кунцевича, 2) документы о правахъ Свято-троицкаго Маркова монастыря (XVII и XVIII стол.), 3) свѣдѣнія о еврейскомъ населеніи г. Витебска (XVII и XVIII в.), 4) матеріалы о событіяхъ 1812 года (въ числѣ ихъ напечатана такса на съѣстные припасы, составленная во время занятія Витебска французами), 5) витебское мыто (вѣдомость о взиманіи таможенныхъ пошлинъ на витебской заставѣ въ январѣ 1605 г.), 6) инвентари православныхъ церквей, имущества полоцкой архіепископіи и г. Витебска; о дворовыхъ участкахъ города (1797 г.); списокъ всехъ евреевъ, живущихъ въ Витебскѣ по свѣдѣніямъ 1765; статистическія свѣдѣнія за 1784 г.; свѣдѣнія о витебской губерніи за 1808 г.; еврейская ревизія 1811 г.; однодневная перепись жителей Витебска 1863 г. и др. статистическія данныя о жителяхъ города (о землевладѣніи—по исповѣданіямъ, сословіямъ и пр.).¹⁾

¹⁾ Въ интересахъ современности вопросъ, обратимъ вниманіе на слѣдующіе выводы: хотя евреи издавна были въ Витебскѣ, какъ видно изъ документовъ разсматриваемаго сборника, но ни въ инвентарѣ 1641, ни въ инвентарѣ 1687 г. о нихъ не говорится особо. Во второй половинѣ XVIII в. ихъ было также мало. По переписи 1765 г. ихъ значится 346 душъ мужскаго пола и 321 душа женскаго пола. Съ этихъ поръ число ихъ быстро возрастаетъ и въ 1881 году на 48,206 человекъ всего населе-

Въ дополненіе къ этому матеріалу, издатель присоединилъ: 1) лѣтопись города Витебска мѣщанъ Михаила Панцырнаго, Гавріила Аверки и Степана Аверки (1760—68 г.), представляющую краткій перечень событій относящихся къ краю, съ древнѣйшихъ временъ, выписанный изъ разныхъ хроникъ, а потомъ краткую записъ событій, относящихся къ г. Витебску, веденную составителями лѣтописи (она помѣщена въ переводѣ съ польскаго); 2) оглавленіе статей полнаго сборника законовъ, касающихся Витебска и витебской губерніи съ 1654 г. по 1877 г.; наконецъ списки витебскихъ князей, епископовъ, настоятелей монастырей, униатскихъ полоцкихъ епископовъ, витебскихъ воеводъ, каштеляновъ, бѣлорусскихъ генераль-губернаторовъ и витебскихъ губернаторовъ.

Матеріалы, изданные въ сборникѣ, сопровождаютъ отчетливо сдѣланными снимками печатей и гербовъ г. Витебска и витебскаго воеводства, значительнымъ числомъ факсимиле грамотъ (также съ печатями) и подписей королей польскихъ, канцлеровъ литовскихъ, епископовъ православныхъ (Георгія Кониссаго и др.), а также униатскихъ, воеводъ и пр., картами полоцкаго и витебскаго вѣнчествъ, полоцкаго и витебскаго воеводствъ (1579 г.), снимками съ древнихъ рукописей, планомъ витебскаго замка XVI в., изображеніемъ древнѣйшихъ храмовъ, а къ нѣкоторымъ экземплярамъ присоединены, кромѣ того, фотографическіе портреты мѣстныхъ (униатскихъ и православныхъ) епископовъ.

Не смотря на значительное собраніе матеріаловъ и сочиненій, разсмотрѣнныхъ авторомъ (см. примѣчанія) настоящаго изданія, онъ присоединилъ къ нему только *краткій историко-статистическій очеркъ Витебска* (стр. 559—632), обѣщая издать въ послѣдствіи *обстоятельную исторію* этого города. Во всякомъ случаѣ, издатель настоящаго сборника доставилъ и въ такомъ видѣ любителямъ старины обстоятельное, систематически составленное собраніе матеріаловъ, разсѣянныхъ во множествѣ изданій, а также еще не напечатанныхъ, и обставилъ ихъ всѣми необходимыми пособіями для желающихъ воспользоваться ими съ научною цѣлью.

Настоящій сборникъ вышелъ по распоряженію статистическаго комитета, что дѣлаетъ честь мѣстнымъ дѣятелямъ, находящимъ возмож-

вія города приходится 24,171 чел., причемъ христіанское населеніе едва увеличилось въ 3½ раза, а еврейское почти въ 14! Въ 1667 г. евреямъ не принадлежало *ни одной усадьбы* собственно въ городѣ; въ 1797 г. число ихъ домовъ (всѣхъ 1884) составило 19,5%; въ 1882 г. 53,8%, а число каменныхъ домовъ въ общей массѣ составляетъ даже 72,2%. Стр. 640.

ность подвизаться на научномъ поприщѣ вдали отъ центровъ науки, что, какъ извѣстно, сопряжено у насъ съ весьма большими затрудненіями. Нашлись также жертвователи, оказавшіе матеріальное содѣйствіе при выходѣ изъ свѣтъ пастоящаго сборника. Пожелаемъ побольше такихъ сборниковъ, относящихся къ мѣстной исторіи.

В. И.

Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Лонгиновъ. Варшава. 1883 года.

Брошюра въ 50 страницъ, въ восьмую долю листа, съ литографированнымъ изображеніемъ люблинской иконы Божіей Матери и такимъ же видомъ древней Спасо-Преображенской церкви въ г. Люблинѣ, изданіе холмскаго богородичнаго братства. Брошюра печаталась въ Варшавѣ, составлена въ Люблинѣ. Авторъ оной, какъ намъ извѣстно, занимаетъ въ послѣднемъ городѣ видное мѣсто въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Не смотря на то, что названная монографія составлялась въ провинціальномъ городѣ, вдали отъ центровъ учености, библиотекъ, ученыхъ пособій, не смотря на ограниченный, повидимому, мѣстный интересъ сюжета и мѣстную-же практическую цѣль брошюры, въ ряду изданій такого рода рѣдко можно встрѣтить книгу, такъ обстоятельно и съ такими солидными приемами составленную, гдѣ такъ тщательно собрано все, что можно было найти о памятникѣ совсѣмъ заброшенномъ, никому не извѣстномъ и впервые всплывающемъ на историческую поверхность, и все разработано вполне добросовѣстно и умѣло.

Исторія какой либо церкви, какъ зданія, есть вмѣстѣ исторія ея прихода, мѣста, въ которомъ прихожане живутъ, общества, въ составъ котораго входитъ, иногда и отчасти исторія ея строителей, служителей, ревнителей, многихъ прихожанъ, вообще-же исторія вѣры, которую они исповѣдывали, народности, которой принадлежали. Такъ и понималъ это почтенный авторъ названной брошюры. Его монографія не есть сборъ разрозненныхъ, мелкихъ историческихъ фактовъ, изъ старыхъ записей извлеченныхъ и касающихся предмета, мало кого интересующаго; но и не есть компиляция общихъ свѣдѣній о мѣстѣ и краѣ, приуроченныхъ къ избранному предмету. Нѣтъ; это живой, понятный, краткій очеркъ

судебъ православія и народности русской, какъ они отразились въ судьбѣ православной русской общины въ Люблинѣ.

По кропотливому изслѣдованію автора, г. Люблинъ не такъ чуждъ намъ, какъ принято вообще признавать. Если по признанію нѣкоторыхъ польскихъ историковъ границы первобытной Польши никогда не заходили дальше Вислы, а по общему свидѣтельству русскихъ и польскихъ источниковъ русскія поселенія шли даже по берегамъ Вислы и Сана, естественною-же границею Руси и Польши со стороны Люблина была р. Вепрь, отъ которой Люблинъ въ разстояніи 25—30 верстъ, то понятно, что русское поселеніе въ немъ, какъ и въ сосѣднемъ, надъ Вислой лежащемъ Казимірѣ и даже завислянскомъ Опатовѣ, могло водвориться очень рано. Въ XIII ст. Люблинъ 57 лѣтъ находился во власти русскихъ: завоевавшій его русскій князь, Даниилъ Романовичъ Галицкій построилъ въ немъ свой замокъ и вѣроятно и церковь. Церковь, которой посвящена брошюра, является въ концѣ первой половины XV ст. Ее построила дочь какого-то кievскаго князя Ивана, Марія, состоявшая въ родствѣ съ царствовавшимъ тогда въ Польшѣ ксролемъ Казиміромъ IV, сыномъ кievской-же княжны, питавшимъ поэтому первоначально сочувствіе къ греко-восточному обряду.

Судьба этой церкви, о которой имѣются непрерывныя почти свидѣтельства въ теченіи болѣе 4-хъ столѣтій, служить вѣрнымъ отраженіемъ судьбы православія и народности русской въ предѣлахъ б. польскаго королевства. Отъ общаго положенія и правъ этихъ послѣднихъ въ б. Польшѣ зависѣло то увеличеніе, то уменьшеніе ея имущественнаго достоянія и благолѣвія, равно спокойнаго существованія; первые удары борьбы господствовавшаго католичества съ другими исповѣданіями отражались на судьбѣ православной люблинской церкви. Въ общемъ это весьма печальная судьба: годы и вѣка непрерывной борьбы, постояннаго нарушенія утверждаемыхъ королями, сеймами и международными договорами правъ и привилегій церкви, вслѣдствіе необузданнаго фанатизма окружавшей среды и личнаго въ ней своеволія и буйства. Выдавались годы относительнаго спокойствія, безопасности, торжества надъ врагами, но они смѣнялись ужасами захватовъ, насилій, разоренія, иногда подъ вліяніемъ буйства какой-либо толпы іезуитскихъ учениковъ, или оналѣвшаго мѣщанства.

Люблинская церковь и ея приходъ были передовымъ постомъ православія и народности русской, отъ стороны Червоной, позже Холмской Руси. Ихъ значеніе усиливалось съ усиленіемъ политическаго значенія

Люблина, съ половины XV в. ставшаго мѣстомъ частыхъ и пайболѣе важныхъ сеймовъ, а потомъ центромъ верховнаго судилища для присоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ областей. Русскіе всѣхъ званій и сословій съ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Волыни, Подолья и Украйны стекались въ Люблинъ иногда въ огромномъ числѣ, должны были бывать въ немъ болѣе или менѣе часто, проживать болѣе или менѣе долго. Отсюда необходимость для всѣхъ, не для однихъ жившихъ въ Люблинѣ русскихъ, имѣть тамъ свою церковь, и вотъ отчего эта церковь пользуется общимъ отъ всѣхъ сочувствіемъ, составляетъ предметъ заботъ и попеченія князей и дворянъ, является особою статью домогательства Хмельницкаго и Выговскаго, добывается и отстаивается козаками съ оружіемъ въ рукахъ. Еще въ послѣдней четверти XVI ст. при ней является братство съ школою, госпиталемъ, а въ снискѣ братчиковъ красуются имена богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ русскихъ князей: Острожскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Чарторыйскихъ, Четвертинскихъ, Сангушекъ, Путья и множества знатныхъ дворянъ. Заботами и иждивеніемъ подобныхъ братчиковъ въ 30-хъ годахъ XVII ст., вмѣсто сгорѣвшей деревянной, устроена была въ Люблинѣ каменная церковь, которую освящалъ самъ митрополитъ кіевскій Петръ Могила, на обратномъ пути изъ Львова послѣ своего посвященія. Другой митрополитъ Сильвестръ Косовъ лично отобралъ эту церковь изъ рукъ униатовъ въ 1650 г., по силѣ зборовскаго трактата, и передалъ ее православнымъ, изгнавъ поселившихся при ней униатскихъ монаховъ. Это была пора наибольшаго торжества для всего южно-русскаго народа, въ частности для люблинской его общины и ея церкви; но затѣмъ наступили иные времена. Часть южной Россіи отошла въ московское подданство, въ остальной знатнѣйшіе русскіе роды постепенно слились съ Польшею, козачество перестало существовать въ самой Украйнѣ. Не стало опоры, поддержки и на всемъ пространствѣ оставшихся за Польшею русскихъ областей православіе и народность русская были постепенно поглощаемы преобладающимъ колонизмомъ и католичествомъ. Туже участь, при томъ раньше другихъ, испытала православная русская община съ своею церковью и монастыремъ въ Люблинѣ. Число ея членовъ постепенно уменьшается, въ спискахъ братскихъ рѣже и рѣже встрѣчаются лица съ сколько-нибудь виднымъ общественнымъ положеніемъ, доходы церкви оскудѣваютъ, земельное имущество ея расхищается. Въ 1695 г. бывшіе при ней монахи василіане не выдержали неравной борьбы и приняли унию, а вмѣстѣ съ ними надолго перешла въ унию и самая церковь.

Извѣстна судьба самой уніи, подъ покровомъ которой, какъ подъ щепломъ, до нашего времени едва сохранилась искра русской народности. Такъ было вездѣ, тѣмъ болѣе такъ должно было случиться въ Люблинѣ. Даже бывшіе здѣсь греки применили къ уніи и въ ней утратили свою народность.

Наступившія здѣсь, съ окончаніемъ послѣдняго возстанія, реформы не застали въ Люблинѣ ни русскаго духа, ни русскаго имени и едва сохранилось названіе уніатской церкви и при ней десятки уніатовъ. Уцѣлѣвшій при ней до 1864 г., подъ названіемъ уніатскаго, монастырь имѣлъ значительный, въ большей части похищенный повстанцами, а можетъ быть и прямо имъ отданный капиталъ въ 24,000 р. с., но съ закрытіемъ его въ этомъ году церковь оказалась въ такомъ запустѣніи, что даже по возобновленіи ея въ 1867 г. она не имѣла надлежащаго вида. «А понеже ризница въ іѣ вохвая була, говорилъ намъ въ 1868 г. новоназначенный настоятель церкви изъ галичанъ, для того вшистки аппарата ся понсулы»...

Такова въ общихъ чертахъ исторія люблинской спасо-преображенской церкви, возвращенной православію въ 1875 г. при общемъ воссоединеніи уніатовъ Царства Польскаго. Тогда-же викарій цереформированной холмско-варшавской епархіи получилъ наименованіе епископа люблинскаго и, какъ видитъ читатель, не безъ нѣкотораго историческаго основанія.

Подробности исторіи люблинской церкви разработаны авторомъ разбираемой брошюры самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ общихъ русскихъ и польскихъ источниковъ, вы найдете у него ссылки на изданія рѣдкія, малодоступныя, на записи церкви и консисторіи, на архивы магистратскій и б. трибунальскій, на бумаги Главнаго въ Варшавѣ архива и рукописи частныхъ лицъ. Дорогая сердцу русскому святыня нашла достойнаго себѣ историка, а холмское братство въ этомъ умномъ изслѣдованіи надежное средство къ распространенію въ средѣ воссоединеннаго населенія точныхъ понятій о его минувшихъ судьбахъ.

Выражая полное одобреніе и сочувствіе такимъ изданіямъ холмскаго братства, мы позволимъ себѣ, по поводу настоящей брошюры, сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя, можетъ быть, не лишни будутъ при новомъ ея изданіи.

1) Брошюра, при своемъ солидномъ и богатомъ содержаніи, не имѣетъ полной общедоступности и живости изложенія. Требованіе, мо-

жетъ быть, черезъ-чуръ большое, но не невозможное для исполненія, желательнаго въ цѣляхъ братства.

2) Говоря съ полною обстоятельностью о судьбахъ люблинской православной древне-русской церкви, почтенный авторъ ничего не говоритъ о люблинской иконѣ Божіей Матери, изображеніе которой приложено къ брошюрѣ. Неужели такъ-таки и не осталось объ этой иконѣ никакихъ записей, никакого преданія? Икона несомнѣнно древняя: объ этомъ говоритъ ея темный ликъ и строгость стила, на то-же указываетъ и богатая ея риза съ чуднымъ рисункомъ. Что въ особенности значить это поражающее съ перваго взгляда изображеніе на ней полумѣсяца? Судьба иконы не менѣе дорога и поучительна, какъ и судьба церкви, ее хранившей.

3) Не упомянуто вовсе объ учрежденной при церкви въ 1868 г. русской школѣ, существующей, вѣроятно, и теперь. Это было вновь водруженное знамя погребенной на *Чварткѣ* русской народности. Отъ этого, а не иного корня появлялись первые ростки возраждавшагося сознанія русской народности. Такихъ фактовъ, если при томъ они на глазахъ, обходить молчаніемъ не слѣдовало-бы.

4) Снимокъ церкви сдѣланъ такъ, что впереди всей фигурой выступаетъ колокольня, а церковь совсѣмъ почти не видно.

Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ Варшава. 1883 годъ.

И эта брошюра, какъ и предыдущая, есть изданіе холмскаго богородицкаго братства, и явилась она одновременно въ печати; но о ней нельзя сказать ничего того, что сказали мы о прежде разобранной. Автору названной теперь брошюры предстояло рассказать исторію чудотворной иконы въ д. Лѣснѣ (сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда), составляющей предметъ спора между православными и католиками; но исторіи икона не имѣетъ, по крайней мѣрѣ эта исторія очень немногосложна и до крайности запутана. По дѣйствительному положенію относящихся къ ней фактическихъ данныхъ объ иконѣ нельзя было-бы составить брошюры, которая понадобилась холмскому братству въ его миссіонерскихъ цѣляхъ, или-же это дѣло потребовало-бы гораздо больше времени и

труда и заставило-бы говорить, кромѣ вѣковъ прошедшихъ, о временахъ недавнихъ, что не всегда бываетъ удобно. Не самъ собою, вѣроятно, авторъ и пришелъ къ мысли написать книжицу объ этой спорной иконѣ, а взялся можетъ быть только послужить, такъ сказать, *святымъ* цѣлямъ братства. Отсюда особая точка зрѣнія, особые приемы, особая постановка предмета, которыя дали названной брошюрѣ главный характеръ полеми-ческой, а не исторической.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что въ концѣ XVII в., на Подлясьѣ, въ селѣ Буковичахъ, съ населеніемъ русскимъ и долго православнымъ (такимъ упоминается въ визитѣ 1595 г.), мѣстными пастухамъ, въ лѣсной чащѣ найдена была на вѣтвяхъ группы икона Божіей Матери, написанная на тепло-красномъ камнѣ. Кто занесъ туда икону и зачѣмъ тамъ оставилъ, осталось, конечно, неизвѣстнымъ; но икона, какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, признана чудесно явившеюся, а потому и заслуживающею особаго почитанія. Икона, понятно, была снята съ дерева и поставлена въ мѣстной буковичской церкви. Началось поклоненіе, стеченіе народа, а за ними потекли богатые доходы въ пользу церкви и мѣстнаго священника. Позавидовалъ этому ксендзь Яницкій, жившій въ 2-хъ верстахъ отъ Буковичъ, въ м. Лѣсно, или Лешно, имѣніи того-же помѣщика Михаловскаго. Борьба между католичествомъ и православіемъ была тогда въ полномъ разгарѣ. Помимо богатыхъ доходовъ отъ иконы, въ интересахъ пропаганды много значило, въ чьихъ рукахъ находится народная святыня. Не прошло и 3-хъ лѣтъ со времени обрѣтенія иконы, какъ она очутилась въ Лѣсно и помѣщена въ новоотстроенномъ тамъ костелѣ. По обычаямъ и нравамъ того времени можно допускать, что ксендзь выкралъ икону, ибо иначе нельзя объяснить перваго проявленнаго его чуда, именно—что ее несли ангелы изъ Буковичъ въ Лѣсно—предъ разсвѣтомъ, что будто-бы видѣли трое изъ жителей этого села. Сообразительный ксендзь завелъ книгу, пустилъ въ ходъ чудеса и за одно время своего настоятельства записалъ ихъ въ книгу 500, но чудо о перенесеніи иконы ангелами занесено уже спустя около 30 лѣтъ, когда перемерли очевидцы того, какъ икона взята была изъ Буковичъ въ Лѣсно. Но признать икону чудотворною, по постановленію тридентскаго собора, могъ только епископъ, при томъ обследовавъ ея чудеса. Ксендзь усленно хлопоталъ объ этомъ и только у третьяго епископа добился назначенія комисіи. Свидѣтелей явилось всего четыре, и въ числѣ ихъ помѣщика; показанія ихъ о чудесахъ были смутны и сбивчивы, тѣмъ не менѣе составленъ былъ протоколъ 1700 г.,

24 ноября, и икона объявлена чудотворною. Такъ и осталась икона навсегда въ Лѣснѣ. Принадлежность ея латинянамъ не могла, по видимому, подвергаться сомнѣніямъ; но вышло одно странное обстоятельство: въ теченіи двухъ столѣтій есендзамъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, не удалось установить время особаго чествованія этой иконы въ такіе дни, которые празднуются въ римской церкви, напротивъ и католики и униаты до послѣдняго времени приходили сюда на богомолье въ дни праздниковъ восточной церкви, именно 8 сентября, въ Рождество Угородницы и 14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня. Въ 1752 г. лѣснянскій костель съ иконой перешелъ въ руки монаховъ-паулиновъ, которые, выстроивъ новый обширный костель, обрѣли чудотворный образъ новыми богатыми украшеніями и торжественными процессіями, соорудили громаднхъ размѣровъ органъ, игру котораго можно, говорить, было слышать на разстояніи 10-ти верстъ, и въ теченіи съ небольшимъ ста лѣтъ успѣли совратить все почти окрѣжное православное и униатское населеніе. Въ 1863 г. лѣснянскій паулинскій монастырь съ его русской иконой ревностно служилъ цѣлямъ возстанія: массы богомольцевъ, въ ихъ числѣ и русскіе, слушали здѣсь революціонныя гимны и проповѣди, призывавшія къ бунту. — Правительство закрыло этотъ монастырь, оставивъ, какъ и въ другихъ, одного монаха для совершенія богослуженія. Въ періодъ очищенія униатскаго обряда 1865 — 1875 г. бывший монастырь сталъ опять мѣстомъ агитаціи и возмущенія униатскаго; — правительство обратило костель въ православную приходскую церковь, возвративъ по принадлежности несомнѣнно русскую древнюю икону, предметъ народнаго почитанія. Массы богомольцевъ не перестаютъ и теперь приходить къ ней на поклоненіе; но ни споровъ, ни призыва къ бунту уже нѣтъ.

Такова не длинная исторія лѣснянской иконы. Разойтись тутъ не на чемъ, по крайней мѣрѣ для обрисовки времени и мѣста иконы понадобилось-бы много напряженнаго и серьезнаго труда. Чтобы заполнить чѣмъ-нибудь иконную исторію, въ которой авторъ выставляетъ захватъ, насиліе, обманъ, онъ пристегнулъ къ ней два будто аналогичные разсказа, гдѣ также дѣйствуютъ захватъ, насиліе, обманъ. Это разсказъ о томъ, какъ въ XVI в. католическій есендзь г. Красностава, родственникъ православнаго холмскаго владыки Ивана Сосновскаго, Григорій Сосновскій совратилъ въ латинство своего племянника, и длинная повѣсть о злодѣяніяхъ Іоасафата Кунцевича, признаннаго у католиковъ и униатовъ святымъ. Авторъ, очевидно, пожелалъ донечь латинявъ, не переставшихъ и теперь вредить православію въ Холщинѣ и Подлясѣ, охраненіе котораго приняло на себя холмское братство; но допекать, такъ

ужь за одно — рассказать побольше объ ихъ продѣлкахъ. Автора не смутило то, что гдѣ Холмъ, и гдѣ Витебскъ, и гдѣ Лѣсно; единство мѣста, времени, предмета въ сторону; благо вездѣ эта несносная латинопольская проаганда, а ее обляять надо и всѣ ея коварства выставить. Пусть воссоединенные нами знаютъ, кого они слушались и за кѣмъ шли.

Понятно, что отъ этого брошюра не выиграла, а напротивъ проиграла, ибо одно спокойное и простое изложеніе исторической истины способно дѣйствовать на ту среду, которую облюбовало себѣ холмское братство. Тонъ брошюры страстный, даже непріятный, изложеніе неясное, отчасти смутанное, живости, увлекательности разсказа совсѣмъ нѣтъ, языкъ тяжелый, избилующій иностранными терминами и вовсе не приспособленный къ пониманію простого народа, разсказъ перемѣшивается съ обличеніемъ и исторіи мѣстной мало, да и самые источники совсѣмъ не первой руки и даже не первой свѣжести. Словомъ: авторъ прогадалъ, и мы просто совѣтовали бы братству пересоставить и переиздать брошюру, которая, по основному сюжету, такъ пригодна для его цѣлей. Вѣдь братство въ свою очередь ведетъ пропаганду, хотя, быть можетъ, только охранительную, и оно обязано ее вести по своей задачѣ; но и пропаганду вести надо умѣючи. А это что? Ахъ вы, моль, аршинники, арбузники, огуречники! А они, пожалуй, вамъ отвѣтятъ: а вы *kapustniaki*... И стыдно тогда будетъ.

Фратернулюсь.

Не судилось. Драма I. Старицкаго.

Украинскій альманахъ «Рада» удостоился уже въ «Кіевской Старинѣ» рецензіи Къ сожалѣнію, почтенный рецензентъ не счелъ нужнымъ обратитъ вниманіе на помѣщенную тамъ драму: «Не судилось». Быть можетъ, это сдѣлалось по предубѣжденію къ автору, появлявшемуся въ печати съ такими произведеніями, которые не возбуждаютъ сочувствія и не вызываютъ похвалы. Мы такъ-же не принадлежимъ къ большинству почитателей г. Старицкаго и уже выражали неодобрительный отзывъ о его переводахъ и подражаніяхъ, которыми онъ думалъ знакомить на малорусскомъ нарѣчій читателей съ произведеніями разныхъ знамени-

тостей европейскихъ литературъ; мы приписываемъ неудачу его слишкомъ первобытному состоянію языка малорусскаго, осужденнаго быть только языкомъ простонародіа, а потому не доросшаго еще до возможности передавать на немъ умственныя работы, созданныя въ образованныхъ обществахъ. Теперь, по чистой совѣсти, не можемъ не признать новое самобытное произведеніе пера этого писателя однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ и достойныхъ вниманія явленій въ небогатой количествомъ книгъ малорусской литературѣ. Авторъ затронулъ самыя живыя струны современной общественной жизни, раскрылъ недугъ, чувствуемый повсюду въ наше время и изобразилъ его въ такихъ чертахъ, въ какихъ онъ проявляется въ современномъ малорусскомъ обществѣ. Это увлеченіе народностію, побуждающее молодыхъ интеллигентныхъ людей сближаться съ простонародіемъ. Такое стремленіе можетъ вести къ самымъ желательнымъ послѣдствіямъ и мы можемъ указать на благотворные плоды его въ трудахъ, касающихся этнографіи, археологій, исторіи, филологій и обработки языка; но у многихъ такое стремленіе, сталкиваясь съ противоодѣйствующими жизненными условіями, совершенно не удается и порождаетъ явленія отрицательныя, иногда просто достойныя смѣха, а иногда и печальныя. Одно изъ такихъ нерѣдкихъ въ дѣйствительности явленій изобразилъ въ своей драмѣ г. Старицкій.

Молодой студентъ, только что окончившій университетскій курсъ, сынъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, пріѣхавши въ родительское имѣніе и уже достаточно пропитанный духомъ народолубія, сходится съ простонародіемъ, затѣваетъ учить сельскую молодежь, но съ разу уже видимо поддается лѣни и влюбляется въ дѣвушку изъ крестьянскаго званія. Она также любитъ его. Онъ намѣревается вступить съ нею въ бракъ, но колеблется, не имѣя столько воли, чтобъ стать въ упоръ съ предразсудками своихъ родителей; своимъ колебаніемъ и нерѣшительностію онъ доводитъ дѣвицу—предметъ своей страсти—до того, что она подвергается отъ его родителей и ихъ дворни поруганіямъ, потомъ въ припадѣ тоски кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Кромѣ главныхъ лицъ—героя и героини драмы, здѣсь является родительница героя, развратница, прикрытая лоскомъ благовоспитанности, съ дворянскимъ званіемъ, но готовая подставить свою красоту каждому встрѣчному, лишь-бы этого не знали люди; родитель—помѣщикъ стараго закала, говорящій по украински не по любви къ народу, а по собственному невѣжеству, пентюкъ,

не имѣющій никакихъ другихъ идеаловъ, кромѣ сна и обжорства, но жадный ко всякаго рода прибыткамъ и потому находящійся въ тенетахъ у еврея; кузень родительницы, помѣщикъ иного закала, человѣкъ порядочный, разсудительный, свѣтски образованный, употребляющій въ разговорахъ французскія фразы, и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности пошлый; — противоположность ему составляетъ медикъ, товарищъ школьный героя драмы, характеръ честный, прямодушный, готовый всегда на добро; онъ отвергаетъ съ пренебреженіемъ ласки развратной матери своего пріятеля, и правильно понимаетъ всю безхарактерность и несостоятельность молодого человѣка. За этими, такъ сказать, лицами первой величины въ драмѣ являются лица второй величины — сестра героя драмы, дѣвочка — подростокъ, уже подъ вліяніемъ матери усвоивающая въ завязи ея пороки, гувернантка французенка, жалкое доброе существо, брошенное въ далекій чужой край, принужденное терпѣть оскорбительное обращеніе, не знающее никакого другаго языка, кромѣ своего природнаго, но съ достоинствомъ отвергающее ласки стараго чувственника, въ домѣ котораго пришлось ей проживать; — барская покоевка — крестьянка, набравшаяся въ господскомъ домѣ пошлаго чванства передъ сословіемъ, изъ котораго сама вышла, лакей — какъ лакей, пьяная, развратная баба, бывшая когда-то барскою полюбовницею и съ цинизмомъ хвастающая этимъ, мать героини драмы — горничная вдова, честная и суровая, типъ малороссійской старухи, сельскій молодець, влюбленный въ героиню драмы, пылкій, не сдержанный, страстная натура, способная на совершеніе преступленія въ пылу страсти. Всѣ эти лица изображены очень выпукло, съ явными чертами, свойственными какъ личности каждаго, такъ и средѣ, въ которой они вращаются. Всѣ они реальны и законченны. Языкъ во всей драмѣ правиленъ и рѣчь вездѣ соответствуетъ мыслямъ. Прочитавши эту драму, можно съ перваго разу замѣтить, что авторъ находился подъ вліяніемъ Шекспира: не даромъ онъ былъ переводчикомъ Гамлета. Это вліяніе не выразилось однако такъ, чтобъ на то или на другое мѣсто можно было указать, какъ на снимокъ того, что находится въ томъ или другомъ произведеніи Шекспира; рабскаго подражанія нѣтъ. Вліяніе Шекспира отразилось духомъ великаго англійскаго драматурга, проникающимъ всю пьесу, въ ея построеніи и сопоставленіи характеровъ. Мы не вмѣняемъ автору этой черты въ недостатокъ, и скорѣе можемъ неодобрительно отозваться о

финалъ драмы, напоминающей разныя французскія мелодрамы. Героиня убиваетъ себя агрофиномъ, оставленнымъ медикомъ, лѣчившимъ глазную боль ея матери. Это намъ кажется искусственнымъ, и гораздо болѣе народенъ конецъ драмы Квитки: «*Щира любовь*», по содержанію нѣсколько похожей на «*Не судилось*» г. Старицкаго, не смотря на сентиментальность, отъ которой не свободно это произведеніе харьковскаго драматурга, наравнѣ съ большею частію его произведеній.

Н. Костомаровъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЯРМАРКА.

(КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ „КИЕВ. СТАРИНЫ“).

Мнѣ кажется, что я нисколько не выйду изъ общепринятыхъ для историческаго журнала рамокъ, избравъ для моей замѣтки форму корреспонденціи, а сюжетомъ оной взявъ такое явленіе народной жизни, которое представляетъ не одинъ этнографическій, но вмѣстѣ и историческій и, если хотите, отчасти даже археологическій интересъ.

Пришлось мнѣ быть нынѣшнимъ лѣтомъ въ разныхъ мѣстахъ полтавской губерніи, преимущественно въ лубенскомъ уѣздѣ. Много тамъ историческихъ достопримѣчательностей, многое о нихъ сказать-бы можно: я ограничусь одной изъ нихъ,—рѣдкой, чрезвычайной, просто даже безпримѣрной.

Если вы заговорите съ лубенскимъ обывателемъ о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ, то онъ прежде всего спроситъ васъ: а были вы въ „Криниць?“ и получивъ отрицательный отвѣтъ, настоятельно станетъ совѣтовать вамъ отправиться туда „на десятую пятницу“ и побывать на тамошней ярмаркѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я былъ въ „Криниць“ въ означенное время, видѣлъ тамошнюю ярмарку и тѣ любопытные обряды, какими она сопровождается, и вынесъ убѣжденіе, что всякому, кто только интересуется изученіемъ народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ, будетъ-ли онъ этнографъ, историкъ, даже музыкантъ,—всѣмъ имъ дѣйствительно стоитъ посѣтить „Криницу“. Помню, лѣтъ восемь назадъ меня

очень заинтересовало коротенькое сообщеніе объ этой „Криницѣ“, слышанное мною въ одномъ изъ засѣданій блаженной памяти кievскаго отдѣла географическаго общества и впоследствии напечатанное во II т. его Записокъ. Въ настоящей замѣткѣ многое по необходимости явится лишь повтореніемъ однажды уже напечатаннаго, но я надѣюсь прибавить къ нему кое-что и новое.

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Криницы“, находится въ долинѣ р. Удая, на правомъ его берегу, вблизи с. Бiевецъ и въ 15-ти верстахъ отъ г. Лубень. Это—глубокая впадина, образующаяся изъ соединенія трехъ расходящихся по разнымъ направленіямъ овраговъ или балокъ. Съ трехъ сторонъ ее окружаютъ довольно высокіе холмы; изъ нихъ особенно красива восточная гора, имѣющая форму правильнаго конуса и увѣнчанная кудрявымъ лѣсомъ, переходящимъ по мѣрѣ спуска внизъ въ такъ называемый „чагарникъ“. У подошвы этой горы раскинулась довольно ровная луговая площадь, западная половина которой, понижаясь, образуетъ топкое мѣсто, поросшее осокою и другими болотными злаками. Здѣсь находится и самая „криница“, давшая названіе всей этой мѣстности, а на сухой и болѣе возвышенной части долины, у самой подошвы конусообразной горы, обыкновенно располагается ярмарка. Надъ криницей заботливый причетъ сосѣдняго села построилъ большую каплицу, куда на время ярмарки приносятся изъ церкви иконы, передъ которыми горитъ множество свѣчей.

Ярмарка, какъ сказано, собирается здѣсь „на десятую пятницу“, бывающую обыкновенно на 2-й недѣлѣ Петрова поста и продолжается не болѣе двухъ дней. Сама по себѣ ярмарка не представляетъ ничего особеннаго; это—одна изъ тѣхъ сельскихъ украинскихъ ярмарокъ, о которыхъ можно сказать словами украинской комедіи: „що Боже, ты мій Господы! чоґо нема на тiмъ ярмарку: колеса, скло, дѣготь, тютюнъ, ремiнь, цибуля, крамарі усякі“... Особеннаго развѣ лишь то, что ярмарка открывается водоосвященіемъ, совершаемымъ падъ криницею, крестнымъ ходомъ между рядами „ятокъ“ и окропленіемъ св. водою людей и товаровъ, послѣ чего народъ весь день толпится у криницы, почерная воду, и въ короткое время взбалтываетъ ее до такой степени, что она буквально превращается въ жидкую грязь бурога цвѣта; тѣмъ не менѣе всѣ охотно пьютъ эту воду, въ увѣренности, что она облада-

еть чудесными свойствами. Съ той-же поры въ каплїцѣ начинается непрерывное пѣніе молебновъ и акаѳистовъ, по заказамъ прибывшихъ на ярмарку крестьянъ. Для этой цѣли вблизи криницы устроены двѣ „ятки“, въ нихъ продаются свѣчи и записываются имена „о здравїи“. Записывающіе взимаютъ должную плату. Тутъ-же неподалеку раздается стройное и чрезвычайно оригинальное пѣніе: „Ой хто сей сонъ содержитъ, того Господь схороняе, одъ пожару соблюдае“,—это поетъ хоръ, состоящій изъ слѣпыхъ женщинъ-нищихъ, замѣчательно спѣвшихся и распѣвающихъ духовные канты о свѣ Богородицы, двѣнадцати пятницахъ и т. под. Народъ густою толпою окружаетъ поющихъ и съ видимымъ удовольствіемъ заслушивается ихъ гармоническаго пѣнія. А со стороны ярмарки несутся громкія зазыванія торговцевъ и говоръ тысячной толпы, звонъ желѣза, мычаніе воловъ и лошадиное ржаніе. А тамъ, на самой вершинѣ горы и по ея скатамъ, расположились группами парубки и дивчата, и ярмарочный гамъ не въ состояніи заглушить ихъ звонкаго смѣха и веселыхъ пѣсней.

Такъ продолжается цѣлый день. Къ вечеру толпы молодежи прибываютъ, располагаются по уступамъ горы и скоро покрываютъ всѣ ея скаты. Пѣніе усиливается; поютъ мужскіе и женскіе хоры, и хотя слышатся еще разныя пѣсни, какъ и днемъ, но преобладающимъ мотивомъ становятся постепенно такъ называемыя „петрївичани пісні“ или „петрївочки“. При наступленїи сумерекъ ярмарочная толкотня понемногу улегается, торговцы прячутъ свои товары, «ятки» пустѣютъ и говоръ народа постепенно стихаетъ. Не слышно болѣе и «парубочихъ» хоровъ, но за то растутъ и крѣпнутъ женскіе голоса и мотивъ «петрївочокъ» окончательно наполняетъ долину и гулко отдается въ воздухъ теплой іюньской ночи. Вотъ неподалеку отъ каплїцы блеснули огоньки, стали быстро размножаться и разноситься въ разныя стороны. Одновременно и въ другихъ пунктахъ ярмарочной площади заблестѣли такіе же огоньки—и черезъ нѣсколько минутъ вся долина освѣтилась тысячами маленькихъ восковыхъ свѣчей. Свѣчи эти покупаются тутъ-же, въ каплїцѣ, у церковнаго старосты, или приносятся изъ дому. Чтобы составить нѣкоторое понятіе о томъ, сколько расходуется на эту оригинальную иллюминацію свѣчей, достаточно сказать, что приходская церковь ежегодно продаетъ ихъ въ день ярмарки на сумму 250—300

рублей, не смотря на то, что весьма многіе приносятъ съ собою свѣчи домашняго приготовленія. Зажженные свѣчи прикрѣпляются рѣшительно ко всему, къ чему только можно прилѣпить ихъ: къ возамъ, поднятымъ вверхъ оглоблямъ, къ воткнутымъ въ землю виламъ и граблямъ, а на скотной половинѣ ярмарки ихъ прилѣпляютъ даже къ рогамъ воловъ, коровъ и барановъ. Многіе приносятъ съ собою цѣлыя связки заостренныхъ палокъ, втыкаютъ ихъ рядами въ землю и лѣпятъ къ нимъ зажженные свѣчи. Скоро такіе же огоньки появляются на склонахъ горы, на растущихъ тамъ кустарникахъ, быстро перебѣгаютъ съ одного дерева на другое и наконецъ появляются на вѣтвяхъ стараго развѣсистаго дуба, растущаго на самой вершинѣ горы. Въ прежнее время, говорятъ, этотъ дубъ обязательно иллюминировался снизу доверху; и обязанность эта обыкновенно возлагалась на парубковъ; но при теперешней дороговизнѣ воска поневолѣ приходится поступиться старымъ обычаемъ, и въ нынѣшнемъ году все ограничилось тѣмъ, что какой-то смѣльчакъ ухитрился прикрѣпить толстую восковую свѣчу къ самой верхушкѣ завѣтнаго дуба, да на боковыхъ вѣтвяхъ слабо мерцало нѣсколько огоньковъ. Кромѣ того, у его подножія былъ разложенъ огонь и парубки время отъ времени высоко подбрасывали къ нему кучи пылавшей соломы, подъ звуки откуда-то появившагося здѣсь кларнета.

Въ это время на площади, между возами, водворяется полная типина, проникнутая отгѣвкомъ какого-то торжественнаго и, какъ мнѣ казалось, почти религіознаго настроенія. Здѣсь оставались лишь старыя да малыя: одни молились на сонъ грядущи, другіе молча ужинали или укладывали подъ возами спящихъ дѣтей, третьи сосредоточенно слушали пѣніе. Я забылъ упомянуть, что самое зажиганіе свѣчей, сколько я видѣлъ, большею частью сопровождалось крестнымъ знаменіемъ, какъ-то бываетъ въ церкви, когда сельскій человѣкъ ставитъ свѣчу предъ иконой. Вообще вся ярмарка имѣла такой видъ, какъ будто-бы тамъ, на склонахъ горы пѣли не „дивчага“, а совершалось какое-то священнодѣйствіе. Самые эти хоры, группами расположенные по уступамъ горы, исполняли свое дѣло съ такимъ усердіемъ, серьезностью и столь сосредоточенно, что певольно напоминали церковные хоры въ моментъ богослуженія: ни шутокъ, ни смѣха, ни какихъ-либо палостей нельзя было замѣтить

среди нихъ. Дѣвушки каждаго изъ сосѣднихъ сель группировались въ отдѣльныя гурты и каждый гуртъ не щадилъ глотокъ, чтобы превзойти остальныхъ. Царствовавшая въ долинѣ тишина позволяла теперь явственно различать слова пѣнія:

Малая нічка петрівочка,
 Не выпалася напа дівочка.
 Всю нічъ не спала, та біль білила,
 Та до теи белі говорила:
 Беле-жъ моя, беле, тонка, біла!
 Якъ піду я за милого,
 То я тебе, беле, шаповатиму,
 У новую скрыню замыкатиму. и т. д. ¹⁾

Въ то же время изъ другой группы доносился безпрестанно повторяемый припѣвъ:

Білая березонька—парубки,
 Червоная калинонька—дівоньки.

Каждая группа (а ихъ было до 20-ти) пѣла хотя и разныя слова, но однимъ и тѣмъ-же напѣвомъ и даже однимъ тономъ, только лишь не одновременно; къ тому-же каждый куплетъ заканчивался продолжительнымъ *fermatto*. Въ итогѣ, конечно, получалась дисгармонія; по среди нея то и дѣло прорывались такія чудныя (конечно, случайныя) гармоническія сочетанія, что смѣло можно рекомендовать ихъ вниманію всѣхъ любителей музыки, не говоря уже о записныхъ музыкантахъ и композиторахъ, которыхъ подобныя сочетанія несомнѣнно могли-бы вдохновить на что-нибудь необыкновенное. Я оставался на ярмаркѣ до 2-хъ часовъ ночи и все это время наслаждался чуднымъ, оригинальнымъ, какъ сама природа, и по истинѣ грандіознымъ пѣніемъ, подобнаго которому нельзя услышать нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Когда я оставлялъ ярмарку, иллюминація близилась уже къ концу:—то тамъ, то сямъ еще горѣли свѣчи; но пѣніе по прежнему лилось непрерывно и въ голосахъ поющихъ все еще не было слышно признаковъ уста-

¹⁾ Текста этой «петрівки» я не нашелъ ни въ одномъ изъ доселѣ издаваемыхъ сборниковъ народныхъ украинскихъ пѣсень.

лости. Я слышала, будто такъ продолжалось до полнаго разсвѣта.

Пробывъ цѣлый день на ярмаркѣ и проживъ въ ближайшемъ селѣ еще нѣсколько дней, я старательно развѣдывала о томъ, какой смыслъ и значеніе имѣеть все видѣнное мною у „Криницы“, какъ объясняетъ его самъ народъ и какіе вообще существуютъ толки по этому предмету; но, къ сожалѣнію, узналъ немногое. Обращался я съ такими-же вопросами къ представителямъ мѣстной интеллигенціи, въ не маломъ числѣ ежегодно прїѣзжающихъ сюда изъ Лубень и другихъ мѣстъ посмотреть ярмарку, выпить и повеселиться; но они ничего не могли объяснить мнѣ, или-же сообщали свои личныя соображенія, до которыхъ они дошли собственнымъ умомъ. Одинъ изъ такихъ философовъ пресерьезно увѣрялъ меня, будто всѣ эти оригинальные обряды составляютъ не что иное, какъ остатки стариннаго языческаго празднества въ честь божества *Лада*, бога любви. „Вотъ увидите, вразумлялъ онъ меня: наступятъ сумерки, вездѣ зажгутся огни—и парни станутъ „умыкать“ дѣвицъ въ ближайшіе кусты и фактически вступать съ ними въ браки; и повѣрите, что народъ совсѣмъ не считаетъ этого грѣхомъ, во вниманіе къ древнему значенію праздника“. Философъ былъ отчасти правъ: дѣйствительно, по наступленіи ночи можно было замѣтить нѣсколько случаевъ *умыканія* дѣвицъ—не въ кусты, а въ нарочито выстроенные для „господъ“ курени; но только героями этихъ умыканій были исключительно прїѣзжіе изъ города веселые прожигатели жизни „паньчи“, всю ночь напролетъ кутившіе въ своихъ куреняхъ, а жертвами—прибывшія оттуда-же прелестныя, но падшія созданія; что-же касается молодежи изъ народа, то предсказаніе самоувѣреннаго философа, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось ничѣмъ незаслуженной клеветой.—Болѣе цѣнны тѣ немногія свѣдѣнія о „криницѣ“ и ярмаркѣ, какія удалось мнѣ слышать изъ устъ мѣстныхъ простолюдиновъ. Прежде всего, на мой вопросъ: какъ давно существуетъ ярмарка въ „криницѣ“ и всегда-ли она сопровождалась такими-же обрядами?—большею частью получался отвѣтъ, что теперешніе старики слыхали въ дѣтствѣ отъ своихъ дѣдовъ, что и за ихъ памяти ярмарка всегда существовала и съ тѣми-же обрядами, что и нынѣ. О происхожденіи-же самой криницы разсказываютъ слѣдующее: когда-то на томъ

мѣстѣ, гдѣ собирается теперь ярмарка, на лугу одинъ человекъ косилъ траву. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нему сама „свята пятниця“, въ образѣ бѣдной женщины, и спрашиваетъ: „скажи, будь-ласкавъ, дядьку: де-бъ тутъ мені сѣсти одпочинути?“ Косарь былъ не въ духѣ и, указывая на болото, сердито буркнулъ страницѣ: „сѣдай, коли хочъ, оттамъ!“ Страница, поблагодаривъ его за совѣтъ, такъ и сдѣлала: вошла въ болото, сѣла въ немъ и вдругъ сдѣлалась невидимой. Заинтересованный ея исчезновеніемъ, косарь подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ только-что сидѣла женщина, и увидѣлъ, что тамъ появилась криница, хотя до того времени ея тамъ никогда не было.—Но вопросъ-же о томъ, что означаетъ зажиганіе огней, пѣніе обрядовыхъ пѣсней, отъ всѣхъ получался одинъ отвѣтъ: „не знаемо; не за насъ це стало; а робимо, якъ и батьки наші робили“. Впрочемъ, относительно пѣнія одинъ парубокъ сообщилъ мнѣ слѣдующій не лишній интереса эпизодъ. Въ прошломъ году, по наступленіи ночи, когда вся долина засвѣтилась огнями и огласилась пѣніемъ „дівчатъ“, онъ замѣтилъ, что у самой подошвы горы усѣлись нѣсколько старыхъ-престарыхъ бабъ, воткнули предъ собою рядъ палокъ съ зажженными свѣчами и старческими голосами стали „затынать петривочки“. Парубокъ разсмѣялся ихъ пѣнію и спросилъ: что это вамъ, старымъ бабамъ, вздумалось пѣть?—„И ради-бъ мы не співати, такъ коли-жъ сегодня такъ годиться: *десята-пятниця* приказуе співати ій петривочки“. Этотъ отвѣтъ, въ связи съ легендою о происхожденіи криницы и урочнымъ днемъ, въ который ярмарка собирается, даетъ основаніе сдѣлать предположеніе, не имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣла съ остатками стариннаго народнаго чествованія *св. пятницы*, которая и въ другихъ случаяхъ несомнѣнно олицетворяется народомъ (есть даже молитвы, обращенныя „до матінки пятінки“) и быть можетъ скрываетъ за собою какое либо древнее, до-христіанское народное божество. Вѣдь и самый праздникъ „десятой пятницы“, повсемѣстно чтимый въ Малороссіи, не имѣетъ никакого основанія въ церковномъ календарѣ. Очевидно, что въ честь этого божества когда-то всю ночь жгли огни и пѣли нарочитыя пѣсни, что безотчетно дѣлается и понынѣ. Что-же касается чествованія *криницы*, то по всему можно заключить, что въ данномъ случаѣ это—мотивъ второстепенный и побочный: криницу

чествуютъ потому, что она обязана своимъ происхожденіемъ чудесному дѣйствию св. пятницы. Что это такъ, можно заключать по слѣдующему соображенію. Въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, есть много такъ называемыхъ „святыхъ“ криницъ, чтимыхъ народомъ *постоянно*; такова, напр., ближайшая къ данной мѣстности криница въ с. Гонцахъ, куда народъ въ теченіе *всего* года приходитъ служить молебны, пить воду и исцѣляться отъ недуговъ своихъ. Но та криница, о которой мы ведемъ рѣчь, цѣлый годъ находится въ полномъ пренебреженіи, и только одинъ разъ въ году, именно—въ день ярмарки, „на десятую пятницу“, надъ ней зажигаютъ свѣчи, торжественно освящаютъ воду и приписываютъ ей разныя цѣлебныя свойства. Наконецъ, что касается происхожденія ярмарки, то дѣло извѣстное, что тамъ, гдѣ бываетъ стеченіе народа по какому-бы то ни было поводу, всегда возникаютъ сначала базары, а затѣмъ и ярмарки, какъ то можно наблюдать и теперь повсемѣстно, напр., въ дни празднованій мѣстныхъ чудотворныхъ иконъ, въ храмовые праздники и т. п.

Нельзя умолчать еще объ одномъ интересномъ обычаѣ, который, впрочемъ, теперь уже не практикуется. У подошвы конусообразной горы растутъ четыре старыхъ липы, подъ тѣнистыми вѣтвями которыхъ прежде творился народный самосудъ. Чуть бывало кто „прокрадется“ на ярмаркѣ, т. е. стащить что-либо у зазѣвавшего „крамара“, такого немедленно ведутъ къ одной изъ этихъ липъ и привязываютъ къ ней на цѣлый день, а на шею цѣпляютъ похищенный предметъ. Случалось и такъ, что при семъ удобномъ случаѣ „громада“ какого-либо села начинаеть припоминать, кто изъ ихъ односельчанъ въ теченіе года былъ особенно неразборчивъ въ своемъ и чужомъ; такого тоже выставляли на публичный позоръ подъ липами. Но съ тѣхъ поръ, какъ на ярмарку стали ежегодно пріѣзжать урядники, становые пристава и даже самъ уѣздный исправникъ, подобныя акты суда народнаго признаны были незаконными и подверглись преслѣдованію.

Въ заключеніе—анекдотъ объ одномъ не въ мѣру ревнивомъ администраторѣ. Пріѣхалъ однажды такой администраторъ въ „Криницу“ на ярмарку, увидѣлъ, вѣроятно, нѣсколько случаевъ того „умыканія“ дѣвицъ, о которомъ мы упоминали, и не разоб-

равъ, кто правъ, а кто виновать, бухъ высшему начальству представленіе о необходимости закрытія ярмарки, дабы положить предѣлъ яко-бы народному разврату. Къ счастью, объ этомъ своевременно провѣдали мѣстные земцы, съѣздили къ высшему начальству, опровергли донесеніе легкомысленнаго администратора, выставили на видъ соображенія о вѣковой давности ярмарки и ея своеобразныхъ обычаевъ, о привязанности къ ней народа и т. под., и тѣмъ успѣли спасти ее отъ грозившей опасности закрытія. Честь и хвала людямъ, спасшимъ это древнее и крайне оригинальное учрежденіе! Они были совершенно правы, когда утверждали, что закрытіе ярмарки было-бы безцѣльнымъ и грубымъ нарушеніемъ вѣковаго народнаго обычая, отнятіемъ у народа прекраснаго и вмѣстѣ невиннѣйшаго и любимаго имъ развлеченія. Дѣйствительно, мѣстное населеніе любитъ и даже какъ-бы гордится своею ярмаркою: когда я выражалъ крестьянамъ удовольствіе по поводу всего видѣннаго на ярмаркѣ, мнѣ говорили съ видомъ нескрываемаго удовольствія: „ніде правды діти—такого ярмарку, якъ у насъ, ма-буть ёго і на цілимъ світі нема!“

О. Левицкій.

ШПИТАЛЬ ВЪ М. БОРОМЛѢ.

Въ первой половинѣ XVII ст. малоруссы цѣлыми толпами переходили изъ Кіевщины въ просторныя и плодородныя земли по верхней Ворсклѣ, Пселу и сѣверному Донцу. По Удаю, Мерлу, Боромлѣ, Коломаку, Осколу, Айдару и другимъ притокамъ Ворсклы и Сѣвернаго Донца возникли многочисленныя украинскіе поселки, хутора и города. Въ новыя мѣста своего жительства малоруссы внесли задѣпровскіе общественные порядки, украинскія гражданскія начала. Въ правобережной Украинѣ, въ Кіевѣ, Луцкѣ, Брестѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, были церковныя братства со школами и шпиталями, или приютами для нищихъ. Учрежденія эти были перенесены и въ Слободскую Украину. Самое раннее документальное свидѣтельство о церковномъ братствѣ въ Слободской Украинѣ относится къ 1700 году. Въ документахъ Куряжскаго монастыря подъ 1700 г. упоминается братство при харьковскомъ соборѣ. Первое документальное упоминаніе о слободско-украин-

свомъ шпиталѣ относится къ 1704 г. Въ этомъ году священникъ Андрусскій сдѣлалъ запись о существованіи въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпитали для „убогихъ сиротъ“. Въ церковной переписи 1732 г. перечисляются шпитали въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Харьковѣ два, въ Сумахъ два и по одному въ г. Валкахъ, въ с. Rogoziankѣ харьковскаго уѣзда, въ с. Деркачахъ того-же уѣзда, въ с. Прорубѣ сумскаго уѣзда, въ с. Бѣлопольѣ змѣевскаго уѣзда, въ с. Бишкинѣ лебединскаго уѣзда, въ с. Межиричахъ того-же уѣзда, въ Шелудковкѣ сумскаго уѣзда и въ с. Левковкѣ изюмскаго уѣзда ¹⁾. Всѣ шпитали были при церквахъ; такъ харьковскіе шпитали при соборѣ и троицкой церкви, сумскіе при покровской и при троицкой церкви, деркачевскій при николаевской церкви и т. д.

Въ церковной описи 1732 г. братскія школы упоминаются гораздо чаще, чѣмъ братскіе шпитали. Повидимому, шпитали уже въ это время находились въ упадкѣ, въ слѣдствіе упадка самихъ церковныхъ братствъ старожитнаго украинскаго характера. Неизвѣстно, какіе порядки господствовали въ слободско-украинскихъ шпиталяхъ. Сохранилась одна любопытная отмѣтка: евангеліе львовскаго изданія 1636 г. было куплено старостой и братіей бѣлопольскаго шпитали и, впоследствии, когда шпиталь былъ закрытъ и на его мѣстѣ поставлена сторожка, перешло въ бѣлопольскій преображенскій храмъ ²⁾. Изъ этой оброненной мимоходомъ замѣтки въ старинной церковной описи можно вывести то заключеніе, что въ Слободской Украинѣ, какъ ранѣе въ Украинѣ правобережной, шпиталь представлялъ своеобразную нищенскую общину, исполнителемъ воли которой былъ выборный староста.

Любопытнымъ и чуть-ли не единственнымъ остаткомъ старинной народной филантропіи въ Слободской Украинѣ представляется шпиталь, находящійся съ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда харьковской губерніи.

Боромля возникла въ началѣ пятидесятихъ годовъ XVII ст. Въ старинное время это было торговое мѣстечко, называвшееся городомъ, съ 4 большими ярмарками, съ духовнымъ правленіемъ,

¹⁾ Арх. Филаретъ, Истор.-стат. Опис. харьк. епарх. II. 44, 45, 140; III. 296, 303, 419, 430, 465, 503, 513; IV. 156; V. 91.

²⁾ Ibid., III. 419.

или протопошей, съ 6 церквами и пѣсколькими дячковскими школами. Въ настоящее время въ Боромлѣ болѣе 5 тыс. жителей, почтовая контора, камера мирового судьи, земскій врачъ, земская больница, образцовое двухъ-классное училище съ 5 наставниками, помѣщающееся въ прекрасномъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи. Боромляны сохранили свой старинный украинскій характеръ въ языкѣ, повѣрьяхъ, нравахъ, одеждѣ, постройкахъ.

Архіепископъ Филаретъ въ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, представляющемъ капитальное изслѣдованіе и драгоценный сборникъ матеріаловъ по Слободско-Украинской исторіи, не упоминаетъ о боромлянскомъ шпиталѣ. Шпиталь, однако, въ его время несомнѣнно существовалъ. Боромлянскіе священники, доставлявшіе матеріалъ для „Историко-статистическаго описанія,“ умолчали о шпиталѣ на томъ основаніи, что онъ во время архіеп. Филарета не имѣлъ уже связи съ церковью, не получалъ отъ нея пособія и не зависѣлъ отъ нея. Боромлянскіе старожилы начало шпиталя возводятъ въ незапамятную для нихъ старину.

О существованіи боромлянскаго шпиталя за послѣдніе тридцать лѣтъ, о его скромной исторіи за это время намъ сообщилъ настоящій шпитальный староста Трофимъ Перетятко, полуслѣпой, восьмидесятилѣтній старикъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ волостное начальство помѣстило его въ шпиталь. Какъ староста, Перетятко возстановляетъ порядокъ среди склонныхъ къ ссорѣ нищихъ, сообщаетъ волостному начальству о нуждахъ шпиталя, собираетъ по слободѣ хлѣбъ для больныхъ и немощныхъ шпитальныхъ нищихъ, хоронитъ умершихъ въ шпиталѣ.

Лѣтъ тридцать назадъ шпиталь находился въ самомъ бойкомъ мѣстѣ слободы, вблизи базарной площади. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ напелъ неприличнымъ и нечистоплотнымъ помѣщеніе шпиталя въ центрѣ слободы, и шпиталь былъ перенесенъ на конецъ слободы, къ царинѣ. Въ настоящее время онъ занимаетъ послѣднюю хату по большому ахтырскому шляху. Хата старая и мрачная. Потолочныя доски (стеліны) начинаютъ падать.

Сколько Перетятко въ состояніи припомнить, шпиталь не получалъ отъ церкви пособія. Священникъ николаевской церкви, вблизи которой въ настоящее время находится шпиталь, подь праздники Рождества Христова и Пасхи заходитъ въ шпиталь съ мо-

литвой и приносить нѣсколько хлѣбовъ въ милостыню. Умершихъ въ шпиталѣ нищихъ священникъ хоронитъ бесплатно. Взымается только 15 коп. за вѣнчикъ.

Шпиталь зависитъ отъ волостнаго правленія и получаетъ отъ него скудное пособіе. Волостное начальство даетъ шпиталю хату, отпускаетъ дрова въ зимнее время, выдаетъ доски на гробъ для умершаго въ шпиталѣ и посылаетъ людей хоронить его.

Мѣстная администрація въ лицѣ становаго пристава недавно оказала косвенную поддержку шпиталю, воспретивъ захожимъ изъ другихъ селъ нищимъ просить милостыню въ Боромлѣ.

Зимою 1883 года въ шпиталѣ было 12 человѣкъ, большею частью женщины. Дѣтей въ шпиталѣ не бываетъ. Какъ-то была помѣщена въ шпиталѣ пдіотка съ груднымъ ребенкомъ, дѣвочкой. Шпитальные ниціе выростили и выкормили. Теперь дѣвочкѣ 6 лѣтъ. Шпитальные ниціе никакихъ ремеслъ не знаютъ. Кобзарей между ними нѣтъ и не было. Тѣ кобзари, которые во время ярмарокъ посѣщаютъ Боромлю, въ шпиталь не заходятъ. Въ лѣтнее время въ шпиталѣ остается двѣ-три больныхъ старухи. Ниція женщины расходятся по селамъ, а старухи сидятъ у царины въ куреняхъ сторожами и оберегаютъ засѣянное озимымъ хлѣбомъ общественное поле отъ скота.

Н. Сумцовъ.

Харьковъ.

БРАТСТВА И СОЮЗЫ НИЩИХЪ.

Въ статьѣ моей „Шпитали въ Малороссіи“ указаны историческіе факты относительно существованія въ старину въ западной и южной Руси братствъ или цеховъ нищихъ. Но тамъ приведены лишь отрывочныя извѣстія, которыя хотя подтверждаютъ дѣйствительность существованія цеховъ нищихъ, но не даютъ яснаго понятія объ этихъ нищенскихъ организаціяхъ. При чтеніи-же названной статьи въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ были сдѣланы мнѣ два указанія относительно этого предмета: членъ общества А. С. Лебедевъ указалъ на замѣтку о нищенскихъ цехахъ, перепечатанную Московскими Церковными Вѣдомостями ¹⁾

¹⁾ 1880 г., № 37.

изъ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, членъ общества М. Д. Линда сообщилъ слышанное имъ отъ одного старика нищаго преданіе объ обширной организаціи, обхватывавшей всѣхъ нищихъ Украины. Приводимъ здѣсь то и другое сообщеніе, какъ прекрасно иллюстрирующіе переданные мною отрывочные факты.

Въ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатаны свѣдѣнія объ организаціи нищенства въ мѣстечкѣ Семежовѣ и его окрестностяхъ (случкаго уѣзда, минской губерніи). Всѣ нищіе этой мѣстности на довольно далекомъ окружномъ пространствѣ составляютъ совершенно правильно-организованную общину, подъ названіемъ *нищенскаго цеха*, съ выборнымъ изъ среды себя особымъ начальникомъ, съ званіемъ *нищенскаго цехмистра*, съ особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ. Главнѣйшіе обычаи и правила, соблюдаемые членами нищенскаго цеха слѣдующіе: каждый членъ именуется *товарищемъ*. Для вступленія въ цехъ обязательно соблюденіе нѣкоторыхъ условій. Прежде всего всякій, имѣющій право на нищенство, т. е. имѣющій какіе нибудь тѣлесные недостатки и увѣчья, обязанъ пробыть извѣстное время ученикомъ у нищаго-товарища, при чемъ онъ вписывается въ особую тетрадь и обязывается вносить въ цеховую братскую кружку опредѣленную плату. Срокъ ученія обыкновенно 6-ти лѣтній и плата 60 коп.; но желающіе могутъ сократить этотъ срокъ, тогда возвышается и *вписовая* плата иногда до 8 руб. въ годъ. Переименованіе ученика въ товарища совершается съ особою церемоніей. Ученикъ приводится въ собраніе нищихъ. Послѣ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, цехмистеръ экзаменуетъ ученика въ знаніи молитвъ, нищенскихъ кантовъ и нищенскаго языка; затѣмъ ученикъ обязанъ поклониться и поцѣловать руку каждому присутствующему въ собраніи товарищу нищему и уже тогда получаетъ право именоваться такимъ-же товарищемъ. Въ заключеніе дѣлается угощеніе на счетъ новичка и здѣсь онъ въ первый разъ садится рядомъ съ другими. Нищенскій цехмистеръ избирается на неопредѣленное время и большею частію изъ слѣпыхъ нищихъ; онъ собираетъ цехъ для нужныхъ дѣлъ и для наказанія, между прочимъ, виновныхъ. Наказанія виновныхъ сосоятъ большею частію въ покускѣ воска (для братской свѣчи), но въ прежнія времена практиковалось и тѣлесное наказаніе. Но самымъ большимъ и позорнымъ наказаніемъ считается обрѣзываніе *торбы*, т. е. нищенской сумы; этимъ обрядомъ виновный лишается права на

нищенство. Для храненія и расхода цеховыхъ суммъ избирается ключникъ. Собранія нищихъ бываютъ экстренныя и ежегодныя. Послѣднія приурочены къ опредѣленному дню—попедѣльнику первой недѣли великаго поста, или Троицыну дню. Въ этотъ день становится въ церкви новая братская свѣча. Вообще цеховыя нищенскія суммы расходуются большею частію на церковныя потребности, и теперь лучшее облаченіе въ Семежовской церкви устроено на средства нищихъ. На обязанности нищихъ лежитъ также наблюдение за чистотою церковнаго погоста и вообще содержаніе церковнаго зданія въ чистотѣ. У нищихъ свой особый языкъ, который они стараются держать въ секретѣ отъ постороннихъ.

Вотъ что сообщилъ М. Д. Лида изъ своихъ воспоминаній о старикѣ нищемъ, передавшемъ ему рассказъ о союзахъ нищихъ. „Въ 70-хъ годахъ еще жилъ въ Харьковѣ на Холодной Горѣ, въ собственной хатѣ, старикъ козакъ Хома Семепенко, которому въ началѣ моего знакомства съ нимъ было 102 года; знакомство-же продолжалось около 3—4 лѣтъ. Когда онъ умеръ, не знаю; знаю только, что около полугода до смерти онъ не выходилъ уже изъ хаты въ городъ по слабости; кормили-же его другіе нищіе, удѣлявшіе ему изъ напрошеннаго по старой памяти товарищества. Онъ происходилъ изъ довольно зажиточной козацкой семьи, отличавшейся крѣпостію физическихъ силъ и крутымъ козацкимъ правомъ ея членовъ. На холодногогорскомъ кладбищѣ еще недавно стояли кресты на могилахъ его братьевъ, умершихъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Самъ Хома былъ уже *безріднымъ*, т. е. никого уже не было въ живыхъ изъ его рода. По бѣдности онъ ходилъ за подаваніемъ въ городъ, преимущественно по дворамъ конторской улицы. Речитативомъ произносилъ свои *оирини* или *думки*, за что ему радушно отпускалось подаваніе. Если случалось, что ему давали—по его мнѣнію—много, то онъ раздавалъ напрошенное дѣтямъ, или даже и взрослымъ, при чемъ приговаривалъ: „старечого хлѣба—соли не цурайся: вѣвъ Христа ради напроханыи, святыи“. Чаще всего онъ, послѣ обхода дворовъ, усаживался на берегу рѣки Лопани, вблизи Конторскаго переулка, собиралъ вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ и что-нибудь имъ рассказывалъ о старинѣ или распѣвалъ свои пѣсни, между которыми попадались и козацкія думы. Между разными рассказами о прошлыхъ временахъ я помню одинъ и о прежней жизни нищихъ. Когда онъ еще

не старцуювавъ, у нищихъ были свои ватаги и свои *отаманы*, свои *соцки* и *десяцьки*, *чоловіки* и *жінки*. Эти лица выбирались на весеннемъ сходѣ нищихъ, который чаще всего бывалъ между Переяславомъ и Кіевомъ, у Броваровъ, подѣ лѣсомъ. Послѣ выборовъ происходилъ судъ надъ виновными, потомъ назначалось приданое для тѣхъ, кто выходилъ замужъ или женился и особенно для тѣхъ, кто, побравившись, уходилъ въ міръ, т. е. выбывалъ изъ нищенства. Эти собранія происходили около весенняго Николая. Другія собранія назначались около 1-го или 2-го Спаса тамъ-же. Независимо отъ указанныхъ были еще собранія нищихъ возлѣ Курска, во время ярмарки. Но что было на этихъ собраніяхъ, не помню. Изъ разныхъ эпизодовъ нищенской жизни, переданныхъ Хомою, яснѣе всѣхъ помню слѣдующій. Разъ, къ такой ватагѣ, покончившей уже всѣ свои суды и распорядки, и собравшейся попить, подѣхалъ козакъ, поздоровался, пожелалъ нищимъ Божью помощь и кинулъ имъ нѣсколько грошей. Нищіе, ничего не опасаясь, провели его въ средину табора, гдѣ сложены были на ряднахъ цѣлыя горы и столбцы рзныхъ *пряженихъ*, *смаженихъ* и т. д. печеній, между которыми былъ и *стовпець коржей зъ чоловіка заввишки*. Козакъ, подѣхавши къ этому мѣсту, выпивши *добру чарчину горилки*, *подякувавши старцяма*, вдругъ со всего размаха ткнулъ пикою въ стовпець коржей, прокололъ его до низу, поднялъ въ верхъ и, какъ стрѣла, бросился вонъ изъ табора. Нищіе, числомъ тысячъ до трехъ, бросились догонять его и обнаружили такую быстроту, что козакъ только съ величайшимъ трудомъ успѣлъ убѣжать и унести всѣ коржи. Рассказчикъ добавлялъ: „якъ-бы піймали, то-бъ розирвали на шматки“. Къ переданному г. Линда прибавилъ еще слѣдующее. „Изъ конца 50-хъ годовъ я помню въ подольской губерніи ватаги нищихъ, ходившихъ щедровать и колядовать. Эти ватаги составлялись или изъ малороссовъ, или изъ мазуровъ. Последніе ходили съ колокольчикомъ и иногда входили и въ дома. Православные рѣдко подходили къ домамъ католиковъ. Католики же не различали своихъ отъ чужихъ и даже подходили къ окнамъ православнаго причта. Въ той-же подольской и херсонской губерніяхъ (на границѣ съ подольскою и кіевскою) во время храмовыхъ праздниковъ устраивалось угощеніе и для нищихъ. Общимъ угощеніемъ завѣдывали священникъ и староста, а нищенскимъ

только *братчики*, т. е. составившіе между собою на срокъ, или на всегда, нѣчто въ родѣ побратимства и посестримства. Братчики даже не участвовали сами въ общемъ пиршествѣ, а только угощали нищихъ и уже по окончаніи угощенія трапезовали и сами. При поминкахъ варились въ отдѣльныхъ котлахъ или горшкахъ стравы для нищихъ, изъ того-же самага матеріала, какъ и для всѣхъ не нищихъ.

Приведенные факты даютъ чрезвычайно интересныя указанія съ одной стороны на характеръ и частности въ устройствѣ цеховъ нищихъ, съ другой стороны на общую организацію, обхватывавшую всѣхъ нищихъ нашего юга, въ которую входили нищенскіе цехи, какъ составные элементы. Не считаемъ здѣсь умѣстнымъ долго останавливаться на приведенныхъ фактахъ, такъ какъ объ этомъ будемъ говорить въ статьѣ 'о цехахъ вообще, а скажемъ лишь, что нищенскія братства какъ въ существенныхъ чертахъ, такъ и въ деталяхъ почти не отличались отъ обыкновенныхъ сельскихъ ремесленныхъ цеховъ. Какъ на специально нищенскія обыкновенія можно указать развѣ на цѣлованіе рукъ всѣмъ нищимъ со стороны вступающаго въ цехъ, на обрѣзываніе, въ видѣ наказанія, нищенской *торбы*, или существованіе специально нищенскаго языка. Для тѣхъ, кто, въ виду теперешнихъ стѣсненій, претерпѣваемыхъ нищими (мы разумѣемъ запрещеніе нищимъ выходить изъ предѣловъ своей волости, разбиваніе кобзъ у бандуристовъ и т. п.), усумнился-бы въ возможности существованія и въ прежнее время общей для всѣхъ нищихъ организаціи, въ видѣ обширнаго союза, укажемъ на аналогическій фактъ изъ давняго прошлаго. Всѣ цыгане, жившіе въ Малороссіи, не смотря на ихъ кочевую жизнь, представляли нѣчто цѣлое. У всѣхъ ихъ былъ одинъ старшій, который назывался атаманомъ (въ польскихъ областяхъ такой атаманъ назывался цыганскимъ королемъ). Онъ, между прочимъ, бралъ на откупъ денежные сборы съ цыганъ и взималъ ихъ съ каждаго лица въ отдѣльности. Уже для выполненія одной этой функціи нужно предположить прочную организацію всего цыганства ¹⁾. Если официально была допускаема общая организація для всѣхъ цыганъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, при тогдашнихъ соціальныхъ порядкахъ, могъ

¹⁾ Дневныя записки Якова Марковича, ч. 1-я, стр. 44, подъ 1724 годомъ.

быть допущенъ и общій союзъ нищихъ. Въ заключеніе сообщимъ, что по настоящему предмету, т. е. о нищенствѣ въ южной Руси. есть отдѣльная статья Крашевскаго, подъ названіемъ. „Нищіе въ древней Польшѣ и Украинѣ“; но она въ настоящее время недоступна для читателей, такъ какъ помѣщена въ газетѣ „Сѣверная Пчела“ за 1846 годъ (№ 123).

П. Ефименко.

ГЕТМАНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

Намъ досталась рукопись начала XVIII ст., дающая понятіе о томъ, каково было представительство малороссійскаго гетмана при русскомъ дворѣ, т. е. какъ велика бывала свита гетмана и изъ кого она состояла, во что обходился пріемъ этого именитаго гостя, какое давалось ему и его свитѣ довольствіе и какіе получали они подарки отъ двора при своемъ отъѣздѣ. Гетманъ, не смотря на то, что давно уже былъ однимъ изъ подданныхъ царя, не имѣлъ въ числѣ ихъ равнаго себѣ, состоялъ по крайней мѣрѣ въ особомъ, исключительномъ положеніи, служилъ представителемъ и повелителемъ обширной страны, пользовался большими прерогативами власти и суда, какъ ни ограничивало ее царское самодержавіе. Понятно, что онъ долженъ былъ являться ко двору съ нѣкоторою помпою, которая служила-бы внѣшнимъ знакомъ его высокаго, исключительнаго положенія; дворъ долженъ былъ при пріемѣ поддерживать это внѣшнее его достоинство, а при отъѣздѣ отдавать гетмана и его свиту, такъ какъ и они прибывали не съ пустыми руками. Это притомъ было въ нравахъ того времени. И вообще пріѣздъ гетмана напоминаетъ во многомъ продолжающееся и доселѣ прибытіе ко двору повелителей разныхъ народовъ, отъ времени до времени подчиняемыхъ такъ или иначе. Тутъ обыкновенно ихъ чествуютъ, угощаютъ, величаютъ и ласкаютъ, пока постепенно не войдутъ они въ разрядъ обыкновенныхъ подданныхъ. Стушевались мало по малу и гетманы и самое достоинство ихъ упразднено. Кириллъ Разумовскій былъ уже въ полномъ смыслѣ чиновникъ, хотя и съ огромнымъ содержаніемъ. Намъ любопытно даже мелкія,

внѣшнія черты гетманскаго достоинства; прослѣдимъ ихъ и теперь по имѣющейся у насъ рукописи.

Рукопись озаглавлена такъ: „*Выписка о жалованьи господину гетману, генеральнѣй старшинѣ, полковникамъ и другимъ чинамъ, по чему при прїѣздѣ и ча отпускъ давано*“. Свѣдѣнія объ этомъ со многими подраздѣленіями представлены въ формѣ вѣдомости, неудобной для печатанія въ томъ-же самомъ видѣ и размѣрѣ. Мы дадимъ имъ лишь другую группировку, сохранивъ ихъ точность и полноту.

Вѣдомость даетъ свѣдѣнія по указанному предмету за 1700, 1703 и 1705 гг. Это годы гетманства Мазепы. Хитроумный Мазепа, враждавшійся во многихъ сферахъ, умѣлъ поддерживать свое достоинство даже при грозномъ Петрѣ, улещивая его самыми сладкими и униженными письмами и рѣчами; въ тоже время онъ не скупился на подарки царскимъ приближеннымъ и самому царю. Вотъ что давалось и жаловалось ему и его свитѣ во всѣ три прїѣзда, каждому противу его чина, или кто чего достоинъ. Дача состояла въ „поденномъ корму, питіи и иномъ“.

1) И такъ жаловалось на каждый день: денегъ 1 рубль, вина двойнаго 8 чарокъ, меду варенаго полъ ведра, меду бѣлаго ведро, пива 2 ведра и конскаго корму на 20 лошадей, считая по 10 ф. на лошадь на сутки; кромѣ того при отбѣздѣ пожаловало ему въ 1700 году: кафтанъ венгерской, бархатной, исподъ соболей, пластинчатой, съ пугвицъ золотыми, съ изумрудами и яхонтами, въ 757 рублевъ, въ 1703 году: матерія золотная въ 102 р., мѣхъ соболей въ 700 р., сорокъ въ 280 р., сорокъ въ 250 р., сорокъ въ 80 р. и 2 пары по 30 р., всего на 1472 р.; въ 1705 году: собольми вмѣсто матеріи золотной, и мѣха соболя, и паръ на 875 рублевъ.

2) Генеральной старшинѣ, именно: генеральному писарю Савичу, бунчужному Лизогубу и полковникамъ черниговскому и гадяцкому— по 5 алтынъ, по 5 чарокъ двойнаго вина и по 3 кружки меду варенаго и пива, а конскаго корму—первому на 12 лошадей, второму на 5, третьему на 27, четвертому на 12 и пятому на 22; сверхъ того при отпускѣ каждому изъ нихъ въ 1700 и 1703 гг. дано по штукѣ серебряной матеріи, по сукну кармазину, по атласу, по тафтѣ, по 40 соболей, по 80 рублевъ и по сороку; а въ 1705 г. собольми на 126 рублевъ.

3) Ассистентамъ и канцеляріи, именно: гетманскому племяннику, шести знатымъ войсковымъ товарищамъ, двумъ изъ числа генеральной старшины, одному полковничьему сыну и шести канцеляристамъ, въ числѣ которыхъ одинъ старшій—по 4, по 3 и по 2 алтына деньгами въ день, смотря по раугу, вина *простого* по 4 чарки, меду *бѣлого* и пива по 3 кружки, а конского корму только войсковымъ товарищамъ, каждому на 5 лошадей; сверхъ того при отпускѣ въ 1700 г. по сукну кармазину, по камкѣ, по тафтѣ, соболей и по 30 рублевъ, а канцеляристамъ соболей и по 5 рублевъ, въ 1703 г. однимъ товаръ и соболи, какъ прежде, а канцеляристамъ за соболи по 5 р., а въ 1705 г. знатымъ товарищамъ по 42 р., а канцеляристамъ на 17 рублевъ съ полтиною.

4) Сотенной старшинѣ, именно: двумъ сотникамъ при гетманѣ, двумъ сотникамъ при полковникахъ, одному дворянину (?) и одному трубачу—первымъ по 2 алтына, остальнымъ по 4 деньги, по 3 чарки вина *простого* и по 2 кружки *бѣлого* меду и по столько-же пива, а конского корму каждому сотнику на 6 лошадей, а дворянину на 3. Изъ подарковъ при отѣздѣ показано только для трубача сукно англійское, пара соболей и два рубля денегъ—въ 1700 г., за 1703 г. не показано никакихъ подарковъ, а въ 1705 г. показано, безъ означенія лицъ, сукна на 10 р., атласъ, пара и 5 рублевъ.

5) Придворному штату, или домовымъ людямъ, именно: маршалку, конюшему, обозному, 6-ти слугамъ и 1 ключнику—по 2 алтына въ день, по 2 чарки вина *простого*, по 1 кружкѣ *бѣлого* меду и по одной кружкѣ пива. Подарковъ въ 1700 г. не было, въ 1703 г. каждый получилъ по сукну англійскому, по тафтѣ и за соболи по 3 рубля, а въ 1705 г. соболями на 10 рублевъ съ полтиною, а инымъ на 8 рублевъ 24 алтына.

6) Надворной стражѣ, именно: одному гайдуку, шести жолнерамъ и двадцати козакамъ—по 10 денегъ, по 2 чарки *простого* вина, по 1 кружкѣ *бѣлого* меду и по 2 пива, а также при отѣздѣ по сукну англійскому и по 2 рубли въ 1703 г., а въ 1705 г. соболями на 4 р. съ полтиною.

7) Кухоннымъ и конюшеннымъ людямъ: шести поварамъ и шести конюхамъ въ день по 6 денегъ, по чаркѣ *простого* вина и по кружкѣ пива, да по сукну англійскому и за соболи по рублю въ 1703 г. и по 2 рубли на человѣка въ 1705 г.

8) Состоящимъ при генеральной старшинѣ, при полковникахъ и другихъ чинахъ, именно: двумъ писарямъ, одному полковому товарищу, двадцати семи слугамъ и восьмидесяти козакамъ — первымъ 3-мъ по 6 денегъ, по 2 чарки вина простого и по 2 кружки пива, остальнымъ по 6 денегъ, по 1 чаркѣ вина простого и по 1 кружкѣ пива. Изъ подарковъ первымъ по англійскому, вторымъ по гамбургскому сукну въ 1703 г., а въ 1705 г. вторымъ только по 2 р. на человѣка.

Въ примѣчаніи значится: „сукна партице 5 аршинъ, а цѣна кармазину 10 рублевъ, полкармазину 5 рублевъ, англійское 4 рубли, гамбургское 2 рубли; атласу партице 10 аршинъ—8 рублевъ, камки лаудани 8 аршинъ—4 рубли, 13 алтынъ, двѣ денги, тафты 5 аршинъ—3 рубли“.

ВОСПОМИНАНІЕ О ШЕВЧЕНКѢ.

Почти ни одного разсказа про Шевченка я не слышала, въ которомъ-бы личность его выступала не легендарной. Народъ не находитъ для него обыкновенной мѣрки. Чтобы видѣть какой, благородной популярностью пользуется его имя, стоитъ только послушать разсказы какогонибудь старика или старухи, которые знали его или слышали о немъ; они со слезами на глазахъ передаютъ различные случаи изъ его жизни¹⁾.

Не очень многимъ онъ извѣстенъ, какъ поэтъ: съ этой стороны его знаютъ только тѣ, которымъ довелось читать или слышать его произведенія.

Многія его думки и даже отрывки изъ поэмъ распространены въ Малороссіи повсемѣстно, но принимаются за народныя пѣсни. Онъ больше извѣстенъ, какъ чело­вѣкъ и какъ борецъ за крестьянскую волю.

Даже тѣ, которые живутъ далеко отъ его родины и очень мало о немъ знаютъ, на вопросъ—кто такой Шевченко, отвѣчаютъ: „це бувъ такой великий воинъ“.

¹⁾ Смотри въ «Кіевской Старинѣ» за сентябрь 1882 г. мою замѣтку «Взглядъ народа на Шевченка».

Народъ прочтеть его безсмертныя думы—слезы, когда научится читать, а теперъ пока ходять о немъ только устныя прѣданія; тогда всякій крестьянинъ будетъ знать, что Шевченко дѣйствительно „воинъ“, но такой „воинъ“, который воевалъ словомъ за святое дѣло и посвятилъ на это всю свою жизнь.

Разъ одна старуха, увидѣвши у меня на окнѣ бюстъ Шевченка, начала такъ:

„Спасибі ёму! Нехай Богъ хочъ на тѣмъ свѣті успокоить ёго душу, бо на цѣмъ свѣті вінъ богацько понієсь за насъ, та за нашу волю... Мині таки доводилось на віку бачити ёго, та я не знала, шо то бувъ вінъ. Разъ якось мій старый сидівъ у Звенигородці въ турмі: паны за шось засадили. Отъ я взяла въ торбину хлѣба та ще де-чого, та й пішла до нього. А въ Вільхівці ¹⁾ доганяю старого Онойка, шо вінъ, якъ знаєте пасічникомъ бувъ надъ скарбовыми пасіками. Отъ и питаю ёго, куда вінъ іде? А вінъ міні пипкомъ и каже: „отъ-се, серце, на мене папасть... Чи не здибала ти часомъ за селомъ москаля? поїхавъ бідкою. Приїздить вінъ до мене вчора ввечері та й просить на-нічъ. Я ёго й пустивъ: у мене дітей нема, хата велика, то чого й не пустить,—не перележить за-нічъ хати. Отъ вінъ въ мене й започувавъ. Каже, шо самъ зъ Керелівки и їздить собі такъ по селахъ та по людяхъ. Зветься вінъ Шевченкомъ. Багацько вінъ міні розказувавъ про себе, про панщину, то-шо, и дуже просивъ, шобъ нікому не казати. Шоказувавъ всю свою одежу и все, шо зъ собою везе. Отъ-се вінъ вбраный москалемъ, а то зробиться старцемъ и їздить собі поміжь людьми; а якъ схоче, то передягнеться такимъ таки чоловікомъ, або паномъ. Вранці чуть свѣтъ вінъ собі й поїхавъ и зновъ просивъ, шобъ нікому не казати, шо вінъ у мене ночувавъ. І піхто-жь ёго й не бачивъ и не знавъ, шо вінъ въ мене ночує, тільки я, та жипка. А це прибігають зъ Звенигородки и требують уже туди: довідались якось напі паны та й донесли. Не знаю, шо міні за це буде?“... „А я таки передъ Вільхівцемъ зустрічала чоловіка, бідно одягняный, въ картузі и въ московські одежі, поїхавъ бідкою на Попівку“... Розказала я свому старому, а вінъ и каже: „бувъ тутъ такой чоловікъ, але-жь ёго тільки ввели въ турму, та заразъ и выпустили“...

¹⁾ Село въ 7 верстахъ отъ Звенигородки, въ противоположную сторону отъ Кирилівки.

Вы кажете, що вінъ таки умеръ, а отъ я чула, по вінъ есть живий, а привезли ёго тільки клятьбу въ домовині, шо вінъ поклавъ на папівъ. Кажуть, шо закопали ту домовину на высокі могили недалеко одъ Києва, але-жъ я не бачила тееи могили, хочъ и ходила въ Киевъ. Везли домовину дванадцять паръ волівъ, а па могилу виносило дванадцять дівокъ.. Я й невістокъ ёго знаю зъ Керелівки; якъ вінъ ото умеръ, то вони іздили за нимъ плакати...

А було те, якъ я ёго бачила, тоді, якъ починалось добро, недалеко передъ волею, рокивъ буде зъ двадцять три... Спасибі ёму: хочъ и Богъ такъ давъ, що пащину одмінили, а все-жъ таки вінъ за насъ клопотаея, та терпівъ. Нехай наши діти дякують!"

Августа 1883 г.

А. Смонтій.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ, ЗАПИСАННАЯ НѢМЦЕМЪ ОТЪ НѢМЦА.

Въ 1802 г. Въ Гамбургѣ издана небольшая въ 16-ю долю листа книжка подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Волыни въ Херсонъ (въ Россію) въ 1787 г.* Авторъ этого сочиненія нѣкто Іоганнъ Миллеръ, служившій нѣкогда при варшавскомъ дворѣ, состоялъ потомъ членомъ минералогическаго общества въ Іенѣ и вестфальскаго общества естествоиспытателей. Названное сочиненіе представляетъ и для настоящаго времени весьма много интересныхъ наблюдений въ осмотрѣнной авторомъ мѣстности, преимущественно въ естественно-историческомъ отношеніи, но мы нашли здѣсь особаго рода рѣдкость: авторъ, странствуя по Новороссіи, встрѣтилъ своего соотечественника, нѣкоего Шака, который жилъ по сосѣдству съ Запорожьемъ, былъ въ сношеніяхъ съ сѣчевицами, вѣроятно симпатизировалъ имъ и перенялъ отъ нихъ нѣкоторыя ихъ пѣсни. Одну изъ этихъ пѣсень Шака передалъ Миллеру и тотъ записалъ ее, какъ могъ, а для читателей приложилъ къ искаженному подлиннику значительно вольный переводъ. Кто виновникъ не точной записи и отступленій въ переводѣ—Шака, или Миллеръ, сказать, конечно, трудно, но нельзя не видѣть въ переводѣ стремленія уяснить и какъ-бы дополнить малоопытный подлинникъ. Заглавіе пѣсни слѣд.: *Klagelied der Zaporoger wegen Verlust ihrer Freiheit* (Жалобная

пѣсня запорожцевъ объ утратѣ ихъ вольностей).—Приводимъ и текстъ и переводъ.

Skazaly nam Deputaty
 Imi do Stolizi
 A! zto bilo po Starnum
 Proschati Czarizu.
 As on nasch Deputaty
 Gorazdo wzinily;
 Rottmistra Globu y Golowka
 W Kaidani song.
 O! tepper mi doschodaly
 Lihoy Godiny.
 Sa zto brali sa Stepp Welin
 Sbatkiu desiatinu.
 Ustomp Senka stogo Swata
 Prosiat tebir Liudy
 Poday Nogam do Czarizy
 Po Staremu bude.

Unsere Obern sagten:
 Lasst uns zur Hauptstadt gehen
 Und die Kaizerin bitten
 Dass es bei uns auf dem alten Fuss bleibe.
 Aber man hat sie dort in Fesseln geschmiedet.
 Ach! ietzt erfahren wir erst
 Unser ganzes Unglück!
 Sag uns Vater! warum
 Hat man uns unsere grosse Steppe genommen?
 Und du liebe Mutter komm
 Aus der andern Welt wieder;
 Deine Kinder bitten dich,
 Fall der Kaiserin zu Füssen
 Und bitt' Sie, dass Sie es
 Beim Alten lasse.

Приведенная пѣсня, не смотря на нѣкоторыя искаженія, безъ сомнѣнія, ближе всякихъ ся варіантовъ къ первоначальному подлиннику, такъ какъ пѣсенныхъ записей прошлаго столѣтія вовсе не существуетъ. Въ этомъ вся ея особенность и значеніе. Остаются вопросы, кого надо разумѣть подъ именемъ „Сенки“ въ подлинникѣ пѣсни и кого подъ именемъ отца и матери въ переводѣ? Объясненіе могли-бы дать варианты, но, не имѣя въ настоящую пору подъ руками Сборниковъ пѣсенъ, по необходимости оставляемъ эти вопросы открытыми. По той-же причинѣ не можемъ привести здѣсь наиболѣе близкаго варіанта, а вмѣсто того помѣщаемъ текстъ пѣсни, по времени происхожденія весьма близкой къ записанной Миллеромъ и даже ей предшествующей, по рукописному сборнику А. А. Скальковскаго.

Ой встань, батьку,
 Ой встань, Петре!
 Кличуть тебе люди
 Та підемо до Цариці,
 По старому буде.

* * *

Тече річка невеличка,
 Промыває піски,
 Туды їхавъ панъ Кошовый,
 Назадъ прійшовъ пішки.

* * *

Тече річка не величка,
 Промыває кручи.
 Ой заплакавъ нашъ Кошовый,
 Отъ Цариці йдучи.

* * *

Ой ходимъ всі до столиці
 Прохати Цариці,
 Нехай-же намъ Січъ приверне
 По прежній границі.

Сообщ. А. Лазаревскій.

ТРАДИЦІОННА ХАРАКТЕРИСТИКА КІЄВСЬКИХ МОНАСТЫРЕЙ.

Приблизь в Кієвѣ путникъ изъ далекаго конца; ходить онъ по городу, смотритъ городъ и людей.

Идетъ путникъ по Подолу, а на встрѣчу ему монахъ. Монахъ шелъ медленно, важно и задумчиво.

— Здравія желаю, сказавъ путникъ.—Вотъ прїѣхавъ въ Кієвѣ, никого не знаю. Спроситъ смѣю: изъ какого будете монастыря?

Монахъ поднялъ палець вверху, провелъ по лбу и пошелъ своимъ путемъ.

Идетъ путникъ въ Старый Кієвѣ, здѣсь опять монахъ. Путникъ низко поклонился, взявъ благословеніе и спросилъ:

— Изъ какого, честной отецъ, монастыря?

— Гмъ! сказавъ монахъ, какъ-то сладко улыбнувся, поднесъ три пальца къ губамъ, потянулъ въ себя воздухъ, откинувъ голову назадъ и, пошатываясь, пошелъ впередъ.

Пошелъ путникъ на Печерскъ; видитъ въ перевалку спѣшитъ куда-то монахъ. Полы раскинуты, клубокъ подался назадъ.

— Не во грѣвъ будетъ васъ, отецъ, спроситъ: изъ какого монастыря? сказавъ путникъ.

Монахъ весело взглянулъ, хлопнулъ по карману всей рукой и мимо путника прошелъ.

Идетъ путникъ дальше; глядитъ, точно гора къ нему на встрѣчу—преогромнѣйшій монахъ. Ноги чуть движутся, ряса шелеститъ, весь онъ точно плыветъ, а за нимъ во всемъ новомъ послушникъ молодой. Путникъ остановился, отдалъ поклонъ и не смѣло произнесъ:

— Изъ какого, батюшка, монастыря?—смѣю васъ спроситъ.

— Спитай мого хлопця! густымъ басомъ прогремѣлъ на ходу отецъ и продвинулся еще.

Вышелъ путникъ совсѣмъ за городъ, бредетъ по оврагамъ, переїскамъ и садамъ.—вдругъ изъ-за дерева монахъ,—худой,

тощій и плохо одѣтый. Поглядѣлъ онъ изъ подлобья, а путникъ смѣло его окликнулъ:

— Отволь, чернець, изъ какой пустыни?

— А тобі яке до мене діло! и—хлопъ его въ ухо.

Пошелъ путникъ, не узнавши, какіе въ Кіевѣ монастири.

Монастири всякому извѣстны, но чтобы понять сдѣланные каждымъ изъ монаховъ отвѣты, надо хоть немного припомнить исторію каждого изъ монастирей. Одинъ славился учестію, другой такими шинками, съ которыми не могъ соперничать „царевъ кабакъ“, третій огромными богатствами, четвертый своимъ привилегированнымъ и очень высокимъ положеніемъ, а пятый... бился съ „печерянами“ за перевозъ, съ ляхами за имѣнія, съ уніатами за вѣру и потерявъ все, кромѣ вѣры, озлобился на міръ.

М. П.

ПО ПОВОДУ ПОРТРЕТА ЖЕНЫ ГОНТЫ.

Помѣстивъ въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старинны» за минувшій годъ біографію уманскаго сотника Ивана Гонты и его портретъ, мы надѣялись и даже обѣщали нашимъ читателямъ въ слѣдъ за тѣмъ, къ одной изъ ближайшихъ книжекъ приложить портретъ его жены. Вышло иначе: случились обстоятельства, вовсе неинтересныя для читателей, но въ силу которыхъ мы получаемъ возможность приложить портретъ жены Гонты только теперь и даже не въ той отдѣлкѣ, на какую мы имѣли полное основаніе рассчитывать. Словомъ: тутъ провозошелъ цѣлый рядъ тѣхъ курьезныхъ и нерѣдко фатальныхъ случайностей и неудачъ, какія приходилось, вѣроятно, испытывать и вамъ, читатель, дѣлая заказы вещей гораздо менѣе интересныхъ и когда между заказчикомъ и исполнителями дистанція огромнаго размѣра. По неволѣ пусть будетъ такъ, какъ уже случилось.

Быть можетъ, кому либо изъ читателей покажется страннымъ и безосновательнымъ самое помѣщеніе портрета жены Гонты. Кто она и что она для потомства? Ничто болѣе, какъ жена Гонты, и ничего болѣе о ней сказать мы не можемъ; была-ли даже она шляхтянкѣ, или крестьянка, православная или католичка, и того утверждать положительно нельзя. Но что такое самъ Гонта?—Сотникъ, сважутъ, козачій, даже не настоящаго, запорожскаго или реестроваго козачества, но надворныхъ козаковъ польскаго помѣщика, не бывавшій въ походахъ, не участвовавшій въ сраженіяхъ, не ознаменовавшій себя никакими подвигами, ни военною доблестью. Онъ просто «подданный», «хлопъ», пзмѣнившій своему пану,

заплатившій ему черною неблагодарностію за всё его милости, -- бунтовщикъ, казенный, какъ и другіе бунтовщики того времени .. И однако этотъ человекъ покорялъ себѣ сердца народныя, завоевалъ симпатіи потомства, живетъ и не перестанетъ жить въ памяти народной, дорогъ и милъ ей. Чѣмъ и какъ? Мимолетно и не громко было появленіе его на попрощѣ жизни общенародной, но онъ отдаетъ ей всего себя, все свое и семью своей счастье и самую свою жизнь, вмѣняется какъ разбойникъ и несетъ позорищнѣйшую и мучительнѣйшую казнь. Но онъ приноситъ себя въ жертву народу въ эпоху «крайней его гибели», какъ засвидѣтельствовавъ величайшій полководецъ и администраторъ того времени Румянцевъ, въ періодъ полного подавленія и истощенія народныхъ силъ. Его отчаянный порывъ поднимаетъ духъ народный, колыхлетъ разсвирѣбѣвшее море шляхетнаго буйства и страстей, наноситъ имъ послѣдній и самый тяжкій ударъ и въ потокахъ крови, въ ужасахъ смертей спасаетъ намъ нашу вѣру и народность. Надо было имѣть великій умъ, или самое тонкое чутье, чтобы въ одно мгновеніе съ самаго невысокаго пьедестала сбить самый сложный и запутанный ходъ событій, возвыситься надъ нимъ, прозрѣть грядущее; надо было имѣть геройскую душу, чтобы въ виду ужасовъ настоящаго, въ виду полной безнадежности, несокрушимыхъ препятствій, забывъ все на свѣтѣ и самаго себя, рпнуться въ бѣшевавіи вокругъ водоворотъ народныхъ страстей. Вотъ подвигъ, совершенный безвѣстнымъ дотолѣ и потомъ сотникомъ! Но въ этомъ подвигѣ есть и другая сторона. Движеніе народное 1768 г. поднимается во имя рѣшительнаго отторженія Украйны отъ Польши и объединенія съ Россією, и Гонта, взлелѣянный панствомъ и шляхетствомъ, не задумывается порвать съ ними всякую связь, примкнуть въ рѣшительную мпвуту къ своему народу, стать рядомъ съ безстрашнымъ Желѣзнякомъ и вмѣстѣ съ нимъ водрузить предъ глазами народа знамя Екатерины, котораго она имъ не дала. Такимъ образомъ эти ославленные дикіе разбойники являются величайшими унионистами, патриотами въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. И вотъ почему народная память свято чтить память ихъ, какъ самыхъ дорогихъ героевъ-мучениковъ, не смотря на позоръ, которымъ окружила ихъ неблагодарная и близорукая современность.

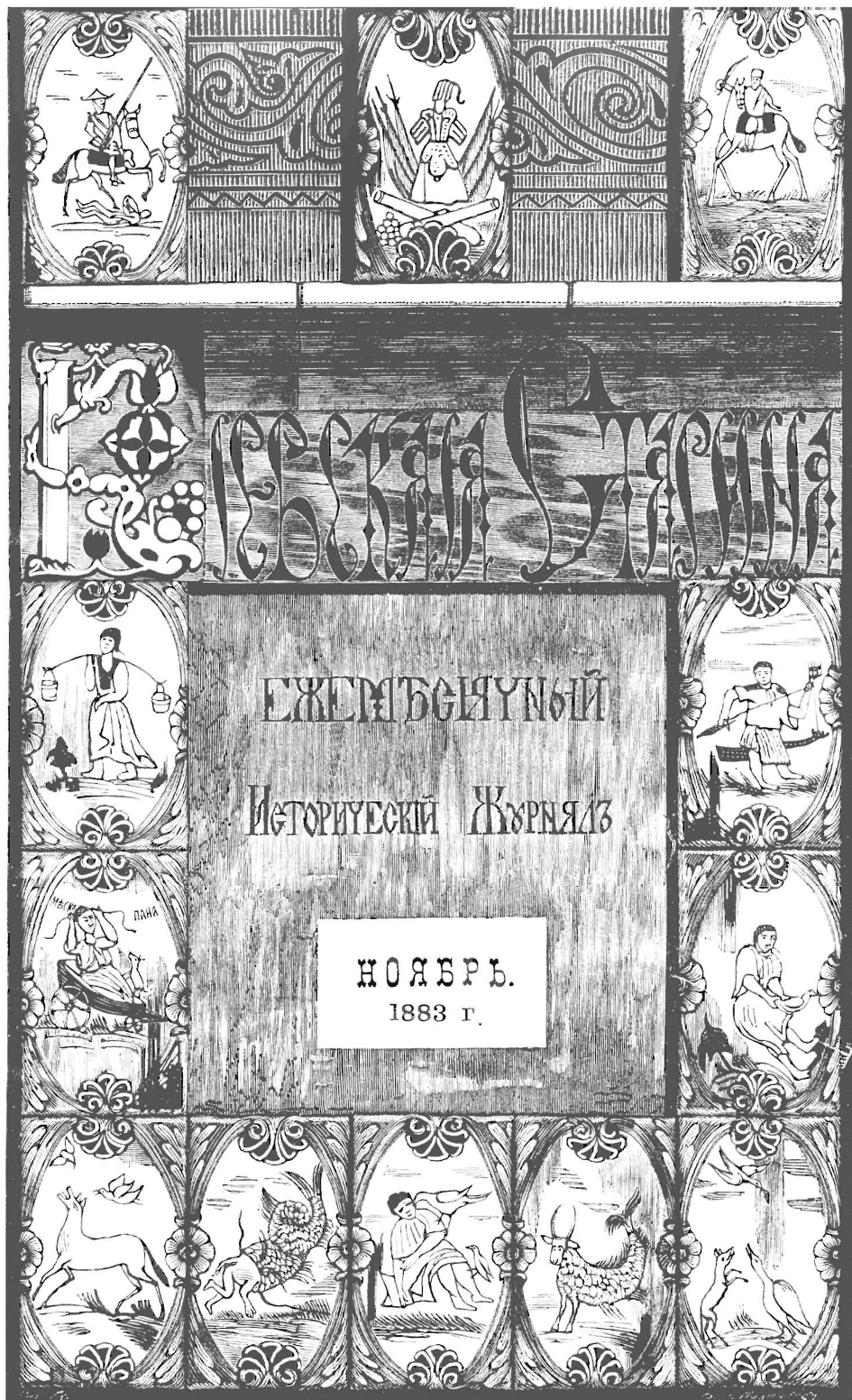
Но во сколько дорогъ намъ образъ самаго Гонта, во столько дорого и все, что имѣетъ къ нему какое либо отношеніе, а тѣмъ болѣе образъ подруги его жизни, понесшей, конечно, всё тяжкія послѣдствія его геройской рѣшимости. И тѣмъ большую онъ получаетъ цѣну, чѣмъ менѣе мы знаемъ объ изображаемомъ имъ лицѣ и томъ лицѣ, отъ котораго оно заимствуетъ все свое значеніе.

Въ археологическомъ отношеніи портретъ жены Гонта не имѣетъ никакого почти значенія; ея прическа и костюмъ относятся къ той шляхетской средѣ въ которой вращался Гонта. Но Гонта былъ старостею церковнымъ въ мѣстечкѣ Володаркѣ, сквирскаго уѣзда, кievской губ., и портреты его и его жены, по давнему обычаю, были

помѣщены въ церкви; что указываетъ на то, что оба супруга были благотворителями ея. Портреты сохранялись въ церкви до 60-хъ годовъ, потомъ приобрѣлъ ихъ тамошній помѣщикъ, принявшій участіе въ послѣднемъ возстаніи, а когда имущество его было конфисковано и продавалось съ публичнаго торгу, портреты достались профессору Антоновичу. Подлинность ихъ точно имъ обследована и не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Р е д.

Примѣчаніе. Слѣдующая книжка выйдетъ 1-го ноября; къ ней приложенъ будетъ изготовленный уже портретъ князя Константина Острожскаго, а къ декабрьской книжкѣ портретъ его жены Софіи, урожденной графини Гарновской.

Поправка. Въ пастоящей книжкѣ на стр. 237 Иванъ Кулябка ошибочно названъ стародубскимъ полковникомъ; на самомъ дѣлѣ съ 60-хъ годовъ XVIII ст. онъ былъ полковникомъ лубенскаго полка.—Р е д.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НОЯБРЬ.
1883 г.

Кіевъ.

Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1883 г.

	СТР.
I. АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Ореста Левицнаго . . .	329
II. СУДЬ НАДЪ ВѢДЬМАМИ. П. Ефименка	374
III. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССІИ. (Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго). Ди- митрія Багалѣя	402
IV. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО. (1768—1776 г.). (<i>Продолженіе</i>) .	433
V. ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. Съ предисловіемъ А. Ла- заревскаго	450
VI. УСТАВЪ КІЕВСКАГО ЦИРЮЛЬНИЧЕСКАГО ЦЕХА 1767 ГОДА . .	472
VII. ПИСЬМО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО, ВОЕВОДЫ КІЕВ- СКАГО, КЪ СЫНУ ЕГО ЯНУШУ, КАШТЕЛЯНУ КРАКОВСКОМУ	477
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Русская историческая бібліотека, издаваемая архе- ографическою комиссіею. Т. VII. Памятники полемиической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882 г.—Ив. Новицкаго. —б) Ма- лорусскія изданія 1882 года. —в) Ал. Андріевскій—Историческіе ма- теріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 года.—В. А. —г) Мѣстечко Курясово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣ- ломъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г.—В. А.	481
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Жизнь запорожскихъ козаковъ по раз- сказу современника-очевидца.—Д. Эварницкаго. —б) Къ исторіи южно- русскихъ свадебныхъ обычаевъ.—Н. Сумцова. —в) Изъ народныхъ по- вѣрій о чортѣ.—Александра Ом—скаго. —г) Письмо въ редакцію.— А. Гатиуки. —д) Судьба наслѣдства полковника Искры, казеннаго Мазепюю.—Сообщ. А. Лазаревскій —е) Пѣсня о паящинѣ.— <i>Notus.</i> — ж) Запорожская пѣсня. —з) Къ портрету кн. Константина Острожскаго	497
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ кн. Константина Острожскаго.	

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ
приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской
Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памят-
ника Хмельницкаго. Оставшееся незначительное число экземпляровъ жур-
нала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

НОЯВРЬ.

1883 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 28-го октября 1883 года.

ПОДПИСКА
на ежемѣсячный историческій
ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“⁶⁶

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

—•••••—
1884 й ГОДЪ.
(Третій годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакцію.

Не даемъ иного обѣщанія, кромѣ заботы поддержать и улучшить изданіе, на сколько позволитъ сочувствіе публики. Не перечисляемъ готовыхъ и обѣщаемыхъ статей и матеріаловъ, не желая быть потомъ не точными. Не помѣщенное въ этомъ году явится въ слѣдующемъ.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 р. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 р.

Гр. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 г. высылаются редакцію по той-же цѣнѣ.

Рис. Гравюра Шерра. Копия с грав. П. де Манте

Князь Василій—Константинь Острожскій.

1526—1608 г.

АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Своеобразныя условія бытовой, семейной и общественно-политической жизни въ древней Малороссіи, представлявшей, какъ извѣстно, много свободы и достаточно широкой просторъ для женской самодѣятельности, создали въ ея исторіи рядъ самыхъ разнообразныхъ женскихъ типовъ, запечатлѣнныхъ чертами несомнѣнной оригинальности. Играя вполне активную роль въ тогдашней общественной жизни, украинская женщина столь-же воспримчиво, какъ и мужчина, отзывалась на всѣ вѣянія своего вѣка, страстно проникалась его интересами и полнѣе отражала въ своей жизни и дѣятельности какъ хорошія, такъ и дурныя черты времени. Каждая общественная идея и направленіе, каждая господствовавшая въ данную эпоху добродѣтель или порокъ находили въ украинской женщинѣ не менѣе полное и страстное выраженіе, какъ и въ представителяхъ грубаго пола. Такъ, наприм., когда съ половины XVI в. въ Малороссіи началось увлеченіе протестантскими идеями, оно не замедлило найти для себя жаркихъ поборницъ въ средѣ украинскихъ женщинъ, изъ коихъ нѣкоторыя, подобно, наприм., умной и образованной волынской княгинѣ Аннѣ Корецкой, по нѣскольку разъ перемѣняли вѣру, пробовали всѣхъ существовавшихъ тогда протестантскихъ сектъ и толковъ и нерѣдко оканчивали тѣмъ, что снова возвращались къ отцовской вѣрѣ; укажемъ сверхъ того на цѣлый рядъ усердныхъ социаліанокъ изъ фамилій Чапличъ-Шпановскихъ, Сениуть, Немиричей, Войнаровскихъ и другихъ. Съ другой стороны, когда, подъ вліяніемъ борьбы съ уніей, въ малорусскомъ обществѣ возникло религіозно-просвѣтительное движеніе, появилось не мало достойнѣйшихъ женщинъ, дѣятельно подвизавшихся на пользу церкви, просвѣщенія и благотворительности; онѣ записывались

въ члены церковныхъ братствъ, основывали монастыри, школы, богадѣльни, сами становились инокинями. Таковы, наприм., были: Елена Горностаева, урожденная княжна Чарторыйская, фундаторка пересопницкаго монастыря на Волыни (въ 1596 г.), сама составившая для него превосходный общежительный уставъ и устроившая при немъ „шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтей“; столь извѣстная въ исторіи кіево-братской школы Галшка Гулевичъ, а равно основательницы монастырей: почаевского—Ганна Гойская и загаецкаго—Раина Ярмолинская, и многія другія. Были, конечно, между тогдашними украинскими женщинами и такія личности, которыя совмѣщали въ себѣ высшія типическія черты семейныхъ добродѣтелей; другія славились какъ образцовыя хозяйки, лично управлявшія громадными имѣніями и съ успѣхомъ замѣнявшія своихъ мужей въ ихъ „господарскихъ“ обязанностяхъ; послѣднихъ тогда было особенно много. Но, вообще говоря, въ тѣ грубыя времена въ малорусскомъ обществѣ пороковъ было больше, нежели добродѣтелей, и потому отрицательные типы украинскихъ женщинъ XVI—XVII в.в. отличаются особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Вотъ предъ нами типъ украинской Іезавели конца XVI в. въ лицѣ волынской землянки Ганны Монтолтовны, которая вела открыто развратную жизнь и не гнушалась прибѣгать къ тайнымъ средствамъ отравы, когда хотѣла отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка. Будучи замужемъ за паномъ Згличинскимъ, она отправилась однажды на ярмарку въ м. Сокаль, сошлась тамъ съ какимъ-то жолнеромъ Ковнацкимъ и бѣжала съ нимъ; когда-же мужъ, при посредствѣ королевской грамоты, истребовалъ ее отъ похитителя, она вступила въ преступную связь съ слугою своимъ Андриюшкой Менькомъ и бѣжала съ нимъ изъ дому, забравъ имущество мужа. Въ другой разъ она покушалась отравить послѣдняго и за ужиномъ подала ему леца, приправленнаго ядомъ, который былъ приготовленъ изъ черной ящерицы¹⁾. Впрочемъ, личности, подобныя Аннѣ Монтолтовой, и въ тѣ времена были въ малорусскомъ обществѣ явленіемъ исключительнымъ; за то въ немъ широко распространенъ былъ типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды того времени, не сдер-

¹⁾ Жизнь князя Курбскаго, т. 1, стр. 182.

живаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни изнутри—прочными нравственными принципами и сознаниемъ гражданскаго долга. Читатели „Кіевской Старины“ еще недавно имѣли случай на страницахъ этого-же изданія познакомиться съ біографіей одной изъ такихъ энергичныхъ женщинъ—Анны Борзобогатой-Красенской, которая съумѣла подчинить своему вліянію и слабохарактернаго мужа, и престарѣлаго тестя-владыку, управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, вела многочисленныя тяжбы, предпринимала безпрестанные наѣзды на имѣнія сосѣдей, отказывалась исполнять требованія властей, даже распоряженія самого короля, и когда однажды, по королевскому приказанію, поднято было противъ нея поголовное ополченіе дворянъ цѣлаго воеводства волынскаго, то эта неустрашимая женщина, одѣтая въ панцырь и предводительствуя гайдуками и артиллеріей, мужественно отразила ополчившихся дворянъ и нанесла имъ рѣшительное пораженіе. Такихъ воинственныхъ украинокъ было очень много въ XVI-XVII столѣтіяхъ, и мы, минуя другихъ, назовемъ лишь одну изъ нихъ—волынскую княгиню Софью Ружипскую, которая въ 1609 г., лично предводительствуя отрядомъ въ 6,000 человекъ пѣхоты и конницы, съ развѣвающимися знаменами и музыкою, взяла приступомъ замокъ князей Корецкихъ въ м. Черемошиѣ, при чемъ было убито множество жителей мѣстечка и разграблено ихъ имущество ¹⁾). Картинную галерею украинскихъ амазонокъ можно-бы до безконечности продолжить портретами украинокъ-адвокатовъ, т. е. такихъ женщинъ, которыя всю жизнь проводили въ тяжбахъ, постигали всѣ тонкости судебной казуистики и съ замѣчательнымъ искусствомъ лично вели самыя сложныя процессы.

При всей грубости, необузданности, мелочности и другихъ отрицательныхъ качествахъ женщинъ двухъ послѣднихъ типовъ, въ ихъ характерѣ замѣчается, однако, нѣчто какъ-бы невольное располагающее въ ихъ пользу: это именно—цѣлостность натуры, необыкновенная энергія, настойчивость, мужество,—однимъ словомъ, такія качества характера, которыя, будучи направлены въ хорошую сторону, создали-бы изъ этихъ женщинъ если не героинь, то во

¹⁾ Актовая книга кіевского центр. архива—гродская жытомирская 1609 г. № 11, л. 39.

всякомъ случаѣ полезныхъ общественныхъ дѣятельницъ. Совсѣмное впечатлѣніе производитъ на изслѣдователя выдвинутый изъ мрака вѣковъ скорбный образъ княжны Анны-Алоизы Острожской, внучки знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, послѣдней отрасли этого нѣкогда достославнаго волыно-украинскаго рода. Одаренная отъ природы несомнѣнно добрымъ сердцемъ, но лишенная всякихъ признаковъ самостоятельности характера, эта несчастная княжна съ полнымъ самоотреченіемъ, беззавѣтно отдала себя во власть пришельцевъ-іезуитовъ, которые не замедлили сдѣлать изъ нея жалкое орудіе своихъ партійныхъ цѣлей, искалчили ея личную жизнь, лишили ее всѣхъ людскихъ утѣхъ и радостей, могильнымъ холодомъ охладили въ ней лучшія человѣческія чувства и заживо превратили ее въ ходячаго мертвеца, въ живую праведницу. Они порвали въ ней живыя связи съ окружающимъ ея міромъ, отрѣшили ее отъ всѣхъ преданій ея славнаго рода и ея же руками истребили до основанія всѣ благія учрежденія на пользу южно-русской церкви и народности, какія были основаны и заботливо поддерживаемы ея предками и преимущественно знаменитымъ ея дѣдомъ, княземъ Константиномъ. Обидно становится за человѣка, когда читаешь, какими недостойными средствами сыны Лойолы достигли столь полной власти надъ представительницей того рода, заслугами котораго еще незадолго предъ тѣмъ гордилась и утѣшалась вся южная и западная Русь; какою густою сѣтью лжи, интригъ, коварства и обмана опутали они это слабое и добродушное созданіе; къ какимъ грубымъ, по истинѣ театральнымъ пріемамъ и эффектамъ прибѣгали они для того, чтобы совсѣмъ одурачить свою жертву! За то они еще при жизни провозгласили ее праведницей, „предназначенной къ высокой хвалѣ на небѣ“, окружили ея память ореоломъ святости и, спустя 44 года послѣ ея смерти, въ память и поученіе грядущимъ поколѣніямъ, издали нарочитое жизнеописаніе своей покровительницы, изъ котораго можно извлечь любопытныя подробности для характеристики личности и дѣятельности этого болѣзненнаго выродка нѣкогда славнаго южно-русскаго рода ¹⁾.

¹⁾ Жизнеописаніе это носитъ слѣдующее заглавіе: *Życie ku podziwieniu chwalebne jasnieoswieconej księżny Ostrogskiej Anny-Łoizy Chodkiewiczzo-*

Печальны были послѣдніе годы престарѣлаго воеводы кіевскаго, князя Константина Константиновича Острожскаго. Слово Божія тяготѣла надъ его домоу, разрушала его прежнюю славу и вела его къ быстрому угасанію. Изъ трехъ сыновей Константина, старшій, Янушь, каштелянъ краковскій, давно уже сталъ отступникомъ отеческой вѣры и въ то время занимался перестройкой основанной его прадедомъ, во второй половинѣ XV в., православной троицкой церкви въ Межирѣччи-Острожскомъ на кляшторъ для францисканцевъ; самый младшій, Константинъ, крайчій литовскій и староста владимірскій, также не избѣгъ сѣтей іезуитскихъ и умеръ въ 1595 г. Всѣ надежды стараго князя были сосредоточены на среднемъ, самомъ любимомъ его сынѣ, Александрѣ, воеводѣ волынскомъ, который одинъ устоялъ противъ соблазновъ іезуитской пропаганды и обѣщаль стать, по смерти отца, опорой для православныхъ. Но въ 1603 г. князь Александръ неожиданно умеръ. Рассказывали, будто онъ былъ отравленъ своимъ слугою; другіе говорили, что его отравила жена его эконома, поднесши кубокъ съ виномъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то любовнымъ зѣлемъ. Какое сильное впечатлѣніе на всю Русь произвела его неожиданная кончина, объ этомъ можно отчасти судить по слѣдующей современной замѣткѣ, напечатанной въ октоихѣ дерманскаго монастыря: „в лѣто 1603-е, декабрія 2-го дня, преставися благочестивый князь Александръ, воевода волынскій, сынъ благовѣрнаго князя Константина; велій плачь и жалость отцу-же и чадомъ остави, найпаче-же христіаномъ: вси бо бяху чающе помощь тѣмъ получитьи въ бѣдахъ и

wej, wojewodziny wilenskiej, hetmanowej W. X. Litewskiego, od kollegium Societatis Iezu Iarosławskiego, od niejże po Ostrogskim kollegium w polu u najsw. Panny fundowanego, na wzór wysokiej cnoty wydane. Roku Panskiego 1698, po jej świętobliwym zejściu 44, ex superiorum permissu, w Krakowie. Экземпляръ этой книжцы, составляющей нынѣ величайшую библиографическую рѣдкость, имѣется въ университетской бібліотекѣ. Изъ новыхъ сочиненій мы имѣли подъ рукою статью объ Аннѣ-Алоизѣ Острожской, принадлежащую перу почтеннаго изслѣдователя мѣстной старины Василя Пероговскаго и помѣщенную въ Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1868 годъ. Сверхъ того мы пользовались и другими сочиненіями, относящимися къ данному предмету, изъ польской и русской исторической литературы, а также рукописными матеріалами, добытыми преимущественно въ кіев. центральномъ архивѣ.

гоненіяхъ, одержавшихъ Христову церковь“¹⁾. Князь Александръ былъ похороненъ въ г. Острогѣ, въ замковой каменной церкви Богоявленія, построенной его предками—по мнѣнію однихъ, въ половинѣ XV, а по другимъ—въ началѣ XVI в. Надъ его могилой поставленъ былъ великолѣпный памятникъ изъ чорнаго мрамора. Князь Константинъ не долго оплакивалъ потерю любимаго сына: спустя четыре года онъ также сошелъ въ могилу (13 февр. 1608 г.) и былъ положенъ рядомъ съ гробницей сына, въ той-же богоявленской церкви.

Князь Александръ Острожскій оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—Константина и Ивана, и трехъ дочерей—Софью, Катерину и Анну-Алоизу. Сыновья его имѣли быть единственными продолжателями рода Острожскихъ, такъ какъ у старшаго Александра брата, Януша, не было дѣтей мужескаго пола, а младшій, Константинъ, умеръ бездѣтнымъ; поэтому были приложены всѣ старанія, чтобы дать имъ надлежащее воспитаніе. Вопреки настояніямъ ихъ матери, ярой католички, дѣти Александра были воспитываемы въ православной вѣрѣ. Домашнимъ учителемъ и воспитателемъ ихъ былъ знаменитый тогда между православными ученый и проповѣдникъ Лаврентій Зизаній-Тустановскій, который еще въ 1596 г. въ виленскомъ братствѣ издалъ свою „Грамматику Словенску“ и нѣкоторыя другія книжки. Такъ было при жизни князя Александра и такъ продолжалось нѣкоторое время и послѣ его смерти; но лишь только скончался престарѣлый глава дома, князь Константинъ, его невѣстка-вдова не замедлила удалить отъ своихъ дѣтей православнаго воспитателя и замѣнила его іезуитомъ. Впрочемъ, сыновья Александра не долго оставались въ живыхъ: вскорѣ послѣ того, какъ они воротились изъ путешествія по чужимъ краямъ, предпринятаго для довершенія своего образованія, оба они въ молодыхъ годахъ померли въ Люблинѣ: Константинъ умеръ въ 1618 г., а черезъ годъ, въ тотъ-же день и часъ, скончался и его младшій братъ, Иванъ. Еще черезъ годъ умеръ и дядя ихъ, Янушъ Константиновичъ, послѣдній мужской представитель рода князей Острожскихъ.

¹⁾ Памятники Кіевской комисіи для разбора др. актовъ, т. IV, отд. I, стр. 106.

Изъ трехъ дочерей князя Александра, старшая, Софья, была въ замужествѣ за княземъ Станиславомъ Любомірскимъ, воеводою краковскимъ, побѣдителемъ турокъ подъ Хотиномъ; средняя, Катерина, за Ѳомой Замоискимъ, великимъ канцлеромъ короннымъ; а младшая, Анна-Алоиза, хотя также была въ кратковременномъ замужествѣ за гетманомъ литовскимъ, Яномъ-Карломъ Ходкевичемъ, но не покидала родового гнѣзда—г. Острога и была признаваема главною наслѣдницею богатствъ и имени своихъ предковъ.

Анна-Алоиза родилась 15 марта 1600 года. Ей было всего три года, когда умеръ ея отецъ, и она осталась исключительно на попеченіи матери, княгини Анны, привившей ей тѣ сѣмена крайняго ханжества и изувѣрства, которыя впослѣдствіи разцвѣли въ ней пышнымъ цвѣтомъ и дали іезуитамъ обильную жатву. Объ этой женщинѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Мать Анны-Алоизы, княгиня Анна, была дочерью Яна Костки, воеводы сандомирскаго. Въ 1592 г. семнадцатилѣтнею красавицею вышла она замужъ за князя Александра Острожскаго и принесла ему въ приданое большія имѣнія, въ томъ числѣ и г. Ярославъ въ Галиціи, по имени котораго ее обыкновенно называли „княгинеею Ярославскою“. Въ домѣ отца ея, Костки, іезуиты давно уже свили теплое для себя гнѣздо, а въ Ярославѣ они имѣли собственный костель и при немъ коллегіумъ, въ которомъ будто-бы учился нѣкоторое время и будущій разоритель его, Богданъ Хмельницкій. Благодаря вліянію іезуитовъ, Анна Костчанка выросла ревностною католичкою, пропитанною духомъ фанатической исключительности и нетерпимости къ другимъ исповѣданіямъ. Въ собственноручныхъ запискахъ кіевскаго митрополита Петра Могилы имѣется сказаніе о томъ, какъ она, по смерти мужа, „отъ православной церкви (въ Ярославѣ) іерея православного изгнати повели, и отступнику вручивше церковь, различно принуждаше правовѣрныя отступству совокупитися, въ темницу ихъ заключая, и пѣнежныя вины отъ нихъ взимая, и иными бѣдами казни ихъ; се-жъ творяше наущенна отъ своихъ іереевъ, глаголемыхъ іезуити“¹⁾; а въ 1625 г. эта-же княгиня выдала г. Ярославу осо-

¹⁾ Любопытныя Записки эти, давно уже извѣстныя любителямъ мѣстной старины, послѣ болѣе нежели 250-лѣтняго скрыванія ихъ подъ спудомъ, нынѣ печатаются, наконецъ, и въ близкомъ будущемъ выйдутъ въ свѣтъ въ изданіяхъ кіевск. археографич. комиссіи.

бую привилегію, которою строжайше воспретила, чтобы подданные ея, мѣщане ярославскіе, не смѣли принимать въ свою среду ни одного еврея, еретика и отщепенца, хотя-бы онъ былъ самый лучший ремесленникъ или найбогатѣйшій купецъ. Только особенная знатность и богатства дома князей Острожскихъ (да еще убѣжденія іезуитовъ, имѣвшихъ при этомъ свои виды) заставили набожную панну согласиться отдать свою руку схизматику. Впрочемъ, она никогда не теряла надежды со временемъ отвести своего мужа отъ схизмы греческой и привести къ единству съ костеломъ правовѣрнымъ. Но Александръ былъ непреклоненъ, тѣмъ болѣе, что за нимъ зоркимъ окомъ глядѣлъ старшій его отецъ, у котораго и безъ того два сына были уже отступниками отцовской вѣры. Скрѣпя сердце, богобойная Анна должна была терпѣть въ своемъ домѣ схизматическаго богослова Тустановскаго, учившаго ея сыновей догматамъ греческой вѣры и бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ священникомъ при ярославской церкви. Потерявъ мужа, она еще съ большимъ пыломъ отдалась подвигамъ набожности и благочестія: окружила себя іезуитами, еженедѣльно исповѣдывалась и приобщалась, носила власяницу, спала на голыхъ доскахъ и часто бичевала себя до крови колючими плетями. Она построила въ Ярославѣ великолѣпный монастырь для бенедиктинокъ и записала тамошнему іезуитскому коллегіуму нѣсколько селъ и деревень. Слава о ея благочестіи достигла до самой столицы католическаго міра, и папа Климентъ VIII почтилъ ее письмомъ, въ коемъ похвалилъ ея усердіе къ католической вѣрѣ и поставилъ ей въ особенную заслугу то, что она при всякомъ удобномъ случаѣ изгоняла изъ своихъ имѣній схизматическихъ поповъ и на ихъ мѣста ставила католическихъ священниковъ. По смерти мужа, княгиня Анна не захотѣла вступить во вторичный бракъ, прожила еще 32 года во вдовствѣ и умерла въ 1635 г. въ Ярославѣ, гдѣ и была похоронена въ тамошнемъ іезуитскомъ костелѣ св. Яна.

Такова была мать княжны Анны-Алоизы; въ такомъ же духѣ и направленіи она старалась воспитать, при помощи іезуитовъ, и своихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что самъ папа, тотчасъ по смерти князя Александра, прислалъ ей, тоскующей вдовѣ, утѣшительное письмо, въ которомъ поручалъ ей заняться тщательно воспитаніемъ достойнаго потомства. По мѣрѣ силъ своихъ она старалась исполнить

волю св. отца и преимущественныя материнскія свои заботы и попеченія направила на самую младшую дочь, Анну-Алоизу, оставшуюся по смерти отца малолѣтнимъ и совершенно чистою отъ малѣйшихъ схизматическихъ вліяній. И какою же за то благодарную почву для воспитательныхъ дѣйствій княгини Анны и ея пособниковъ-іезуитовъ представляло непорочное сердце молодой княжны! Біографы ея съ умиленіемъ повѣствуютъ, что эта необыкновенная дѣвочка „по истинѣ раньше стала познавать Бога, нежели научилась узнавать свою мать. Едва выйдя изъ пеленокъ, она набожно складала ручки свои и, глядя на небо, не звѣзды замѣчала въ немъ, а усматривала Творца ихъ, и показывая пальчикомъ на Его резиденцію, обращала къ Нему мысли тѣхъ, которые на рукахъ ея носили. Они ея, ставя на ножки, по землѣ ходить учили, и она ихъ къ мысленному возношенію въ небо приучала. Когда же достигла она первыхъ лѣтъ сознательнаго возраста, то обратилась къ Богу съ такимъ горячимъ обѣтомъ: „Мой Творецъ! Будь моимъ Паномъ и моимъ Богомъ, а я буду низайшей службой Твоей и обѣщаюсь всю мою жизнь посвятить на службу Тебѣ“. Весь молодой вѣкъ княжны-праведницы проведенъ былъ ею въ подвигахъ добродѣтели: съ особенною любовью читала она священныя книги и житія святыхъ, охотно слушала и сама вела духовныя бесѣды, постоянно и тщательно испытывала свою совѣсть, поступки и самыя помыслы и любила часто исповѣдываться и общаться св. таинъ. Мать часто твердила ей о суетѣ и грѣховности мірской жизни, отвращала ея отъ мысли о замужествѣ и явно готовила ея къ принятію монашескихъ обѣтовъ. И молодая праведница внимала рѣчамъ матери и сама видимо склонялась къ мысли о принятіи монашества. Но вдругъ неожиданно въ ней совершилась рѣзкая перемѣна. Ей было тогда 18—19 лѣтъ. Она увидѣла, что она молода и красива, и перестала, какъ бывало прежде, стыдиться своей красоты, а захотѣла жить, какъ жили другія панны ея возраста. Съ видимымъ равнодушіемъ стала она относиться къ прежнимъ благочестивымъ занятіямъ, скучала во время бесѣдъ духовныхъ, перестала совѣмъ и думать о монастырѣ, начала заботиться о своей наружности и костюмѣ, вздыхала объ удовольствіяхъ свѣтской жизни и видимо тяготилась полумонашеской обстановкой въ домѣ ея матери. Тогда мать и ея руководители поняли, что

приходится подумать о замужествѣ ихъ воспитанницы, и стали высматривать подходящаго для нея жениха. Много являлось ясновельможныхъ пановъ и именитыхъ князей, желавшихъ сложить свои сердца у ногъ родовитой наслѣдницы дома князей Острожскихъ, но всѣ они получали вѣжливый отказъ, ибо, при всѣхъ несомнѣнныхъ своихъ достоинствахъ, не обладали въ должной мѣрѣ главнымъ качествомъ, необходимымъ для обладанія рукою столь благочестивой княжны, именно—благочестіемъ. Наконецъ, нашелся счастливый искатель, признанный достойнымъ стать мужемъ прекрасной и добронравной Анны-Алоизы: то былъ знаменитый рыцарь Инъ-Карль Ходкевичъ, графъ на Шкловѣ и Быховѣ, воевода виленскій, великій гетманъ литовскій, губернаторъ земель инфлянтскихъ, староста дерптскій, любопанскій, вѣлюнскій и проч. и проч. Онъ былъ богатъ и знатенъ, а его храбрость и военныя заслуги опытнаго полководца гремѣли славою не въ одной Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ. Правда, онъ былъ вдовъ и немного старъ: ему было въ то время 60 лѣтъ отъ роду; но за то онъ былъ несомнѣнно набоженъ и благочестивъ. Каждый день онъ слушалъ обѣдню, а передъ каждою битвою постился и молился цѣлый день, пролеживалъ *крыжемъ* (крестомъ) на землѣ по цѣлымъ часамъ и бичевалъ себя до крови. Среди своихъ солдатъ онъ строго преслѣдовалъ развратъ, изгонялъ изъ обоза торговавшихъ собою женщинъ, а однажды велѣлъ всѣхъ ихъ потопить въ рѣкѣ. Наконецъ, онъ строилъ монастыри и, по настоянію своей невѣсты, основалъ въ одномъ изъ своихъ жмудскихъ имѣній, с. Крозахъ, іезуитскій коллегіумъ. За такимъ мужемъ нечего было опасаться относительно дальнѣйшаго преуспѣянія въ добродѣтеляхъ благочестивой княжны, тѣмъ болѣе, что (какъ объ этомъ ходили слухи между іезуитами) женихъ и невѣста втайнѣ дали другъ другу клятву предъ Богомъ во-вѣки не вступать въ пользованіе супружескими правами „и подъ благопристойною наружною формою супружества сохранить себя въ чистотѣ и дѣвственной непорочности“¹⁾.

24 ноября 1620 г. въ Ярославѣ торжественно отпразднована была свадьба Анны-Алоизы съ Ходкевичемъ; но имъ не долго

¹⁾ Niesiecki, Herbarz Polski, 1841 г., т. VII, стр. 190.

пришлось наслаждаться семейными радостями. Через нѣсколько дней новобрачный гетманъ уже спѣшилъ въ Варшаву на сеймъ, гдѣ изъ рукъ самого короля получилъ гетманскую булаву вмѣстѣ съ назначеніемъ быть главнокомандующимъ въ предстоявшей тогда войнѣ съ турками. Изъ Варшавы онъ на короткое время понавѣдался въ Острогъ, къ молодой женѣ, но скоро снова простился съ нею—на этотъ разъ уже навсегда: ибо, отправившись подъ Хотинъ для начальствованія надъ польскою арміею, онъ опасно занемогъ и однажды, объѣзжая полки и воодушевляя ихъ къ предстоявшей битвѣ, вдругъ склонился съ лошади и умеръ на рукахъ поддерживавшихъ его солдатъ—24 сентября 1621 года, ровно десять мѣсяцевъ спустя послѣ своей свадьбы. Тѣло его было положено въ Каменцѣ, но черезъ годъ, по желанію Анны-Алоизы, было перевезено въ Острогъ и здѣсь съ большою пышностью похоронено въ приходскомъ костелѣ, хотя какъ увидимъ ниже, этимъ далеко еще не окончились его странствованія.

Горе двадцатилѣтней вдовы было безутѣшно. Не столько она убивалась о старомъ мужѣ, сколько оплакивала свои не сбывшіяся надежды, разбитыя мечты. Стоило-ли, въ самомъ дѣлѣ, выходить замужъ лишь для того, чтобы черезъ десять мѣсяцевъ остаться вдовою, поживъ съ мужемъ лишь нѣсколько недѣль! Правда, она была молода и богата: къ тому времени окончень былъ раздѣлъ Острожскихъ имѣній между всѣми наслѣдниками ея по истинѣ владѣтельнаго дѣда, и Аннѣ-Алоизѣ достались значительныя имѣнія: Острожскія и Звягельскія на Волыни, Туровскія и Свидинскія въ Литвѣ и материнскія—г. Ярославъ и др. мѣстечка и села въ Червонной-Руси; сверхъ того, послѣ смерти мужа, она получила огромныя денежныя суммы и разныя драгоценности. Молодые и богатыя вдовы въ то время считались самыми интересными невѣстами, и не успѣла еще Анна-Алоиза вдоволь оплакать мужа, какъ къ ней стали наѣзжать знатнѣйшіе паны изъ Руси, изъ Литвы и Польши съ намѣреніемъ склонить ее ко второму браку; говорятъ, будто самъ королевичъ Владиславъ искалъ руки ея. Но старая княгиня Ярославская находилась безотлучно при своей тоскующей дочери и всѣ мѣры употребляла къ тому, чтобы отогнать отъ нея самую мысль о замужествѣ и расположить ее къ поступленію въ монастырь; духовникъ Анны-Алоизы, іезуитъ, также отговаривалъ ее отъ

супружества и напоминалъ ей давній обѣтъ—всю жизнь свою посвятить на служеніе одному Богу. Слабая молодая женщина не смѣла пойти на переборъ внушеніямъ матери и духовника, но и не находила въ себѣ достаточно отваги, чтобы навсегда отказаться отъ всѣхъ утѣхъ и радостей въ жизни и удалиться отъ свѣта. Она колебалась и долго не знала, на что рѣшиться. Въ ней боролись молодыя силы, жажда жизни и смутное стремленіе къ неизвѣданному счастью. Нуженъ былъ какой-нибудь чрезвычайный толчекъ, чтобы дать рѣшительное направленіе ея слабой волѣ. И вотъ однажды, когда она, полная тоски и тревоги, жарко молилась предъ распятіемъ, ей послышалось, будто изъ устъ распятаго Христа раздались обращенныя къ ней слова: „Pogardź światem!“ (т. е. отвергнись міра). Этого было слишкомъ достаточно: она тотчасъ-же сняла съ себя дорогое платье и всѣ драгоценныя украшенія, повергла все это къ подножію распятія и торжественно поклялась посвятить себя всегдашнему дѣвству и служенію Богу. Она перестала показываться гостямъ, надѣла на себя полумонашескую одежду и стала готовиться къ поступленію въ монастырь. Хитрые іезуиты спохватились, что они зашли слишкомъ далеко. Поступленіе княжны въ монастырь совсѣмъ не было въ ихъ интересахъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, унесла-бы съ собою и всѣ свои богатства, которыя такимъ образомъ были-бы навсегда потеряны для ихъ ордена. Іезуиты стремились къ тому, чтобы самимъ овладѣть ея умомъ и волею и водить это слабое, легковѣрное созданіе такъ, какъ имъ было нужно. И вотъ они, сначала чрезъ духовника, а затѣмъ понемногу и сами приближаясь и окружая Анну-Алоизу, вознамѣрились всѣми средствами отклонить ее отъ поступленія въ монастырь и навсегда удержать ее въ состояніи вдовства. Они представляли ей всѣ невыгоды монастырской жизни и выхваляли высоту вдовьяго подвига ¹⁾; увѣряли, что состояніе вдовства есть самое дѣйствительное средство для избѣжанія чистилищныхъ мукъ и къ приобретенію вѣчнаго спасенія; указывали ей на примѣры св. Павлы, Евстафіи и другихъ праведныхъ вдовъ, заслуги которыхъ будто бы въ

¹⁾ При этомъ іезуиты цитировали афоризмъ св. Бернарда: «większa rzecz jest być wdową, niż królową» (важнѣе быть вдовою, чѣмъ королевою).

томъ именно и состояли, что онѣ съ своими добродѣтелями не скрывались подѣ спудомъ монастырской жизни, а оставались въ мирѣ для назиданія ближнихъ и для спасенія другихъ душъ; рекомендовали ей, живя по примѣру оныхъ евангельскихъ вдовъ, оказывать щедряя благотворенія Христу въ лицѣ Его общниковъ (*sociorum Jesu*—такъ называли іезуиты членовъ своего ордена). Добродушная Анна-Алоиза скоро поддавалась этимъ увѣщаніямъ и отказалась отъ мысли о монастырѣ, рѣшившись навсегда остаться вдовой; она находила извѣстное удобство также и въ томъ, что могла пріобрѣсти душевное спасеніе, не разставаясь съ роскошнымъ предковскимъ замкомъ въ Острогѣ, къ которому она привыкла съ дѣтства, и не отрекаясь отъ громкихъ титуловъ княжны и воеводиной виленской. А для того, чтобы удобнѣе было укрываться отъ искушеній свѣта и посѣщеній лицъ, искавшихъ ея руки, Анна-Алоиза, по совѣту духовника, устроила въ замкѣ особую молельню, гдѣ и проводила время въ молитвѣ, благочестивыхъ размышленіяхъ и другихъ духовныхъ упражненіяхъ. Сверхъ того патеры совѣтовали и выхватывали ей частое употребленіе покаянія, въ которомъ она открывала самые задушевные свои помыслы и желанія, и лишь только замѣчали въ ней малѣйшіе порывы къ жизни и къ міру, тотчасъ охлаждали ихъ напоминаніемъ о смерти, объ умершемъ ея мужѣ, совѣтовали ходить молиться на его могилу, справлять по его душѣ частыя поминки и ежегодно перемѣнять на его тѣлѣ въ гробѣ шитое золотомъ дорогое одѣяніе.

Такъ прошло два съ лишнимъ года. Анна-Алоиза достаточно уже навывкла въ подражаніи жизни и добродѣтелямъ евангельскихъ вдовъ и всецѣло подчинилась вліянію своихъ руководителей, такъ что жила и дѣйствовала, какъ имъ хотѣлось, и съ завязанными глазами шла туда, куда они вели ее. Наступила пора, когда столь совершенная добродѣтель долженствовала перейти изъ потенціального состоянія въ активное, выразиться какою-нибудь дѣятельностью, направленною *ad majorem gloriam* католической церкви, и принести ожидаемые плоды на пользу тѣхъ, подѣ чьимъ водительствомъ добродѣтель эта возрасла и укрѣпилась. Вотъ какъ повѣствуютъ объ этомъ обнаруженіи біографы Анны-Алоизы, ярославскіе іезуиты.

„Анна-Алоиза, княжна Острожская, начала однажды раздумывать о томъ, что въ Острогѣ въ это время было много упор-

ныхъ и противныхъ римской церкви схизматиковъ. Она видѣла, что въ этомъ городѣ невѣрное жидовство очень размножилось и почти новый Иерусалимъ заложило для себя: тамъ оно главные суды свои отправляло, въ острожскій трибуналъ жидовство съ своими тяжбами стекалось со всей Украины, Волыни, Подлѣсья и изъ окрестной Руси, тамъ-же былъ и жидовскій банкъ¹⁾. Особенно она обратила вниманіе на то, что тамъ было поселено много поганцевъ изъ татаръ, нѣкогда взятыхъ предками ея въ плѣнъ, а послѣ обдаренныхъ свободою; эти татары публично отправляли свои безбожные обряды и имѣли магометанскія мечети въ предмѣстьяхъ Острога. При видѣ всего этого сердце набожной пани разрывалось и болѣло при мысли, что въ одномъ только городѣ изъ ея владѣній находилось такъ много душъ, искупленныхъ кровью Спасителя, живущихъ на вѣчную пагубу; она оплакивала вѣчную погибель многихъ тысячъ душъ, жившихъ и въ другихъ ея имѣніяхъ. Она желала спасти отъ гибели души человѣческія и, сколько могла, заботилась о томъ, чтобы какъ наиболѣе можно было посылать душъ къ Богу. Она была-бы совершенно очистила имѣнія свои отъ магометанской заразы, отъ жидовскаго богохульства и схизматическаго квасу, еслибы военныя бури (т. е. возстаніе Хмельницкаго) не помѣшали ей въ этихъ высокихъ замыслахъ ея. Она употребляла разные къ тому способы и дѣйствительныя средства; между ними и тотъ былъ не послѣдній, чтобы учредить въ Острогѣ орденъ Societatis Jesu, который-бы, посредствомъ костельной и школьной институцій, ввелъ единство вѣры, любовь къ святой добродѣтели и всѣ добрыя обычаи. Поэтому она обращала отважно всѣ свои мысли на то, чтобы основать въ Острогѣ *коллеіумъ іезуитскій*, и что она задумала, то и привела въ исполненіе“.

Мысль о водвореніи въ Острогѣ іезуитовъ и открытіи здѣсь іезуитскихъ школъ была задумана впервые не теперь, а

¹⁾ Въ Острогѣ и по настоящее время существуетъ каменная еврейская синагога, замѣчательная своею древнею архитектурою. По увѣренію острожскихъ евреевъ, эта школа—нѣкогда Бетъ-Эшва или училище раввиновъ—существуетъ уже около четырехъ столѣтій. При ней жилъ извѣстный въ еврейскомъ ученостѣ мирѣ комментаторъ Маршье, умершій въ 1629 году. А на еврейскомъ кладбищѣ въ Острогѣ и до-нынѣ уцѣлѣли древнѣйшіе памятники, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ говорятъ, восходятъ до XIV вѣка.

очень давно, когда Анны-Алоизы не было еще и на свѣтѣ. Со времени перваго появленія своего въ южнорусскихъ предѣлахъ іезуиты постоянно обращали жадные взоры свои именно на Острогъ, бывшій въ послѣдней четверти XVI в. главнымъ духовно-просвѣтительнымъ центромъ для всей Малой Руси, когда въ немъ процвѣтало основанное княземъ Константиномъ высшее православное училище, издавалась первая печатная славянская библія и многія другія учительныя и полемическія православныя книги. Но пока былъ живъ старый князь Острожскій, всѣ усилія іезуитовъ проникнуть въ Острогъ не имѣли успѣха. Много надеждъ возлагали они на князя Януша Константиновича, въ одно время серьезно замышлявшаго объ основаніи въ м. Межиричѣ, въ самомъ почти предмѣстьи Острога, іезуитскаго коллегіума; но и Янушъ почему-то перемѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того воздвигъ въ Межиричѣ великолѣпный монастырь для францисканцевъ. Тѣмъ временемъ іезуиты успѣли въ 1612 г. открыть свой коллегіумъ въ самой столицѣ Волыни — въ Луцкѣ, но не теряли изъ виду и Острога, въ которомъ и послѣ смерти князя Константина основанная имъ школа все еще продолжала существовать¹⁾.

Что задумывалъ, но не исполнялъ князь Янушъ Константиновичъ, то привела въ исполненіе набожная племянница его. 27 іюля 1624 г. Анна-Алоиза лично прибыла въ луцкій гродскій урядъ и предъявила для внесенія въ актовыя книги двѣ фундаціонныя записи на основаніе и построеніе въ Острогѣ іезуитскаго костела и

¹⁾ Существуетъ предположеніе, будто острожское училище и типографія пришли въ упадокъ и были закрыты скоро послѣ смерти ихъ основателя. Но въ одной старинной рукописи мы нашли прямое указаніе, что оба эти учрежденія еще въ 1620 году существовали несомнѣнно. Рукопись эта—*Инвентарь имѣній князей Острожскихъ*, составленный въ 1620 году, по случаю раздѣла ихъ между тремя дочерьми князя Александра Острожскаго, и переданный намъ извѣстнымъ историческимъ писателемъ польскимъ, докторомъ Антоніемъ I. Среди подробнаго описанія замка острожскаго и всѣхъ находившихся въ немъ построекъ, въ инвентарѣ говорится: «*Tamże akademia, szkoła, drukarnia i ynsze budowania kollegiacke polske i ruske spolnej collatiey z panom Krakowskim*» (т. е. княземъ Янушемъ). Въ другомъ мѣстѣ упоминается «*rogoshownia i papernia*», т. е. фабрика бумажная, существовавшая очевидно для нуждъ мѣстной типографіи. См. объ этомъ еще у Максимовича, т. I, стр. 189.

при немъ коллегіума. Въ одной изъ этихъ записей она такъ изъясняла внутреннія побужденія, руководившія его въ данномъ случаѣ: „Слѣдуя примѣру моихъ славныхъ предковъ, которые, заботясь объ умноженіи хвалы всемогущаго Бога, основывали въ своихъ имѣніяхъ костелы, монастыри, коллегіи и обезпечивали ихъ достаточными доходами, и стремясь съ своей стороны къ такому-же умноженію славы Божіей, чтобы вѣра католическая ширилась науками и просвѣщеніемъ молодыхъ людей и проповѣданіемъ слова Божія, а также желая, чтобы возносились постоянныя молитвы за душу ясновельможнаго его милости покойнаго мужа моего, который при жизни обнаруживалъ всегда большую склонность и „прихильность“ къ предмету настоящей фундаціи, а равно и за души иныхъ предковъ моихъ, князей Острожскихъ, я Анна-Алоиза, по совѣту ясновельможной княгини Анны Острожской, воеводиной волынской, матери и благодѣтельницы моей, а также по своей доброй волѣ и зрѣло обдуманному рѣшенію, фундую на вѣчныя времена въ родовой моей маетности, въ г. Острогѣ, коллегіумъ Societatis Jesu и при немъ костель, который имѣеть быть во имя святыхъ: Игнатія Лойолы и Франциска-Ксаверія, отцевъ іезуитскаго ордена. Для этого я дарю на вѣчныя времена плацъ въ томъ-же г. Острогѣ между улицами: такъ называемою „Згнилою“ и „Звягельскою“ или „Водяною“ (слѣдуетъ опредѣленіе границъ этого плаца); а на построеніе (zmurowanie) означеннаго коллегіума и костела я особымъ актомъ записала велебному ксендзу ректору острожскаго коллегіума Яну Боршинскому и его преемникамъ 30,000 золотыхъ польскихъ ¹⁾, обезпечивъ эту сумму всѣмъ движимымъ и недвижимымъ моимъ имуществомъ. Теперь-же, желая, чтобы отцы коллегіума имѣли для себя достаточное содержаніе и чтобы школы могли быть открыты для образованія молодыхъ людей школы, чрезъ которыя умножилась-бы хвала Божья, я на вѣчныя времена дарю и записываю имъ родовую маетность свою, а именно: дворъ, фольваркъ и с. Княгининъ, с. Мартиновщину, с. Бѣлоберегъ, с. Зарудье, с. Островъ и Въездъ, с. Спасовъ съ фольваркомъ, сс. Бо-

¹⁾ Цѣнность тогдашняго золотого польскаго равнялась приблизительно теперешнимъ 75 коп. сер.

даки, Нараевъ, Шаварки, Замлынъ и с. Волицу—со всѣми принадлежностями, строеніями, угодьями и доходами, со всѣми подданными: тяглыми, боярами панцырными и путными, огородниками и подсосѣдками, съ *церквами русскими* и правомъ подаванья къ нимъ духовныхъ, съ мельницами... (слѣдуетъ подробнѣйшій перечень цѣлаго ключа княгининскаго). Сверхъ того для огорода при коллегіумѣ дарю оо. іезуитамъ плацъ въ г. Острогѣ, надъ ставомъ, между Новымъ-містомъ и пасѣкою, такъ называемою „Паливайковскою“. Въ заключеніе своей записи, въ видахъ большаго обезпеченія ея ненарушимости, Анна-Алоиза прибавила: „А защитникомъ настоящей моей фундаціи я назначаю и униженно упрашиваю найяснѣйшаго короля Жигмонта III и имѣющихъ быть по немъ королей польскихъ“¹⁾. Впослѣдствіи, именно въ 1630 г., Анна-Алоиза, сверхъ поименованныхъ имѣній, записала іезуитамъ еще слѣдующія: сс. Курняки, Могиляны, Мисковцы и Волосковцы.

Въ томъ-же 1624 г. въ Острогѣ торжественно совершена была закладка громаднѣйшаго зданія іезуитскаго коллегіума. Когда положенъ былъ первый камень, сама фундаторша бросила туда горсть золота и въ умиленіи сказала: „о еслибъ я могла построить Богу храмъ изъ чистаго золота и такой большой, чтобы онъ покрылъ собою всю землю!“ На это одинъ изъ ксендзовъ отвѣтилъ: „вѣрь, ясновельможная пани, что малое человѣческое сердце есть наилучшій храмъ для Бога“. Планъ зданія былъ составленъ ученымъ архитекторомъ, бенедиктинцемъ Молли, нарочно приглашеннымъ изъ Рима для руководства строительною частью, а для производства самыхъ работъ было назначено нѣсколько сотъ крестьянъ изъ ближайшихъ къ Острогу сель и деревень. Когда начались работы, въ окрестностяхъ м. Межирича и с. Кунева неожиданно открылся годный для постройки камень, о существованіи котораго никто не зналъ до того времени. Въ этомъ іезуиты увидѣли знакъ особенной милости Божіей и увѣрили набожную Анну-Алоизу, что дѣло, предпринятое ею, угодно и пріятно Богу, а она поспѣшила новооткрытыя каменоломни записать въ ихъ распоряженіе.

¹⁾ Обѣ записи Анны-Алоизы находятся въ гродской луцкой книгѣ 1624 г., № 2134, на листахъ 686 и 688, а прибавочная—въ книгѣ № 2458, л. 507.

Водворивъ въ Острогъ іезуитовъ, Анна-Алоиза предоставила имъ однимъ право содержанія школъ и воспитанія юношества. Тогда-то, надо думать, и были окончательно закрыты острожская академія и другія православныя школы, которыя несомнѣнно существовали еще въ 1620-хъ годахъ. Взамѣнъ ихъ іезуиты, не ожидая окончанія предположеннаго для нихъ великолѣпнаго зданія, открыли свои публичныя школы, въ которыя тотчасъ стали во множествѣ поступать шляхетскія дѣти со всей Волыни, Подолія, Польши и даже изъ заднѣпровской Украины. Анна-Алоиза сердечно радовалась этому и, желая дать бѣдной шляхтѣ, особенно дѣтямъ воеводства волынскаго, приличное содержаніе, сдѣлала новую фундацію на устройство шляхетскаго конвикта (общежитія), для котораго она на свой счетъ построила отличное каменное зданіе, а сосѣднюю православную церковь велѣла передѣлать на домовую каплицу и приспособить для отправленія въ ней домашнихъ богослуженій для юныхъ питомцевъ.

Не удивительно, что, при такой усердной заботливости и постоянныхъ вспомоствованіяхъ щедрой меценатки, острожскій collegіумъ въ короткое время достигъ цвѣтущаго состоянія, а черезъ 12 лѣтъ послѣ его основанія оказалось возможнымъ расширить его курсъ посредствомъ открытія двухъ новыхъ классовъ— философскаго и богословскаго и учредить семинарію. „Невельможная фундаторша (повѣтствуютъ ея біографы), заботясь о дальнѣйшемъ умноженіи славы Божіей, сильно желала того, чтобы не только въ Острогъ и окрестностяхъ его, но и во всей Польшѣ не было недостатка въ дѣлателяхъ, трудящихся въ виноградникѣ Христовомъ и служащихъ душамъ человѣческимъ. Для этого она задумала перенести изъ Краковскаго новиціата молодыя лѣторасли ордена іезуитскаго въ свой collegіумъ острожскій для того, чтобы онѣ, пересаженныя на волынскую землю, оживленныя науками и обезпеченныя заботливостью фундаторши, росли во славу Божию.“ Новоучрежденный философскій классъ, а еще болѣе іезуитская семинарія, стали предметомъ особенной заботливости со стороны Анны-Алоизы. Она увеличила фундушъ на эти заведенія, сама лично смотрѣла за тѣмъ, чтобы ученики ни въ чемъ не нуждались, и часто посѣщала ихъ. „Пріятно было набожной фундаторшѣ смотрѣть на духовныхъ сыновъ своихъ, сидящихъ вокругъ стола, за-

ставленнаго яствами, по материнской ея милости; но еще болѣе любила она смотрѣть на нихъ въ праздники, когда они съ благоговѣніемъ приступали къ трапезѣ Господней. Она не могла на-смотреться на ихъ скромность и вѣжливость и усматривала въ этихъ молодыхъ юношахъ истинный образъ скромности и набожности ея патрона Алоизія Гонзаго. Когда она однажды пришла въ коллегіумъ и, посѣщая камеры учениковъ, вошла и въ камеры учениковъ философіи и увидѣла тамъ твердыя и бѣдныя постели, то заплакала надъ такою бѣдностью и съ сожалѣніемъ стала выговаривать ксендзу-ректору, что онъ строго воспитываетъ и нищенски держитъ учениковъ. Когда-же о. ректоръ возразилъ ей, что такъ прилично бѣднымъ монахамъ, чтобы они съ молодыхъ лѣтъ привыкали къ лишеніямъ и жизни апостольской, то Анна-Алоиза отвѣтила ему на это, что монашеская нищета согласна съ приличною выгодой: пусть все будетъ не роскошно, но пусть будетъ прилично. И какъ только она возвратилась изъ коллегіума въ свой палацъ, тотчасъ послала оттуда въ коллегіумъ все, что нашла у себя приличнаго и способнаго къ употребленію монашескому; а для того, чтобы на будущее время ученики не имѣли недостатка въ необходимомъ, она отложила въ сторону всѣ принадлежности алтарныя, которыя она, для украшенія костела, своими руками дѣлала, и начала сама рѣзать полотно и шить изъ него бѣлье для учениковъ“. Такъ повѣствуютъ іезуиты ярославскіе.

Чтобы историческій образъ внучки Константина Острожскаго полнѣе и рельефнѣе представился предъ умственнымъ взоромъ читателя, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о домашней обстановкѣ и образѣ жизни Анны-Алоизы, о ея духовныхъ наслажденіяхъ, умерщвленіи плоти и другихъ добродѣтельныхъ ея подвигахъ и занятіяхъ.

Острожскій замокъ, или вѣрнѣе самый дѣдинецъ, въ которомъ проживала Анна-Алоиза, былъ расположенъ на довольно высокомъ холмѣ, извѣстномъ въ настоящее время подъ названіемъ „Судовой горы“, съ которой открывается восхитительный видъ на р. Вилію, м. Межпричъ и на широкую низменность р. Горыни. Съ трехъ сторонъ холмъ этотъ обрывался круто, почти отвѣсно, а съ сѣвер-

ной стороны онъ былъ отдѣленъ отъ города глубокимъ ровомъ, черезъ кото́рый у главныхъ воротъ былъ перекинутъ подъемный мостъ. По краямъ холма тянулись каменные крѣпостныя стѣны, а по угламъ стояли высокія каменные башни, изъ которыхъ одна, полукруглая и увѣнчанная зубчатою короною, хорошо сохранилась и до настоящаго времени. При въѣздѣ въ дѣдинецъ, надъ главными воротами, также возвышалась крытая гонтою башня, на которой устроены были желѣзные часы съ „цымбаломъ“. Замокъ постоянно охранялся надворною милиціей, а изъ амбразуръ его башенъ грозно глядѣли дула гаковницъ, мушррей и гарматъ. Въ самомъ дѣдинцѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Богоявленскою церковью, стоялъ старинный княжескій палацъ о 13-ти верхахъ, построенный одновременно съ замкомъ, еще въ половинѣ XV ст., княземъ Василиемъ Острожскимъ, посившимъ прозваніе „Краснаго“. Не смотря на послѣдующія передѣлки, внутреннее убранство этого палаца въ то время сохраняло еще нѣкоторыя черты старинной простоты: такъ въ немъ, на ряду съ роскошнѣйшими апартаментами, украшенными дорогими обоями, шелковыми занавѣсами и т. под., сохранялись еще старинныя столовыя избы, съ кафельными печами, „мурованными комнатами“, дверьми „малѣванными“ и расположенными вокругъ подъ стѣнами дубовыми „лавами¹⁾“.

Не смотря на отшельнической образъ жизни Анны-Алоизы, дворъ ея содержался въ прежнемъ, истинно княжескомъ великолѣпіи. Іезуиты рассказываютъ, что когда ихъ визитаторъ польской провинціи Фабриціусъ (какая-то важная особа) былъ первый разъ въ гостяхъ у Анны-Алоизы, то, проходя черезъ рядъ роскошно убранныхъ комнатъ, обитыхъ дорогими обоями, и видя богато одѣтыхъ и важныхъ слугъ ея, думалъ, что то были сенаторы,—и оставался въ этомъ убѣжденіи до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что эти лица составляютъ свиту княжны, что они подмѣчаютъ ея взглядъ, ея движенія и съ низкимъ поклономъ исполняютъ ея приказанія. По обычаю всѣхъ тогдашнихъ магнатовъ, Анна-Алоиза содержала многочисленнѣйшій штатъ слугъ, большая половина которыхъ не имѣла опредѣленныхъ занятій, а жила для того, чтобы придать боль-

¹⁾ Заяемствуемъ эти подробности изъ упомянутого въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній *Инсентаря* острожскихъ имѣній, составленнаго въ 1620 году.

шую пышность двору или для развлечения владѣлицы; къ послѣдней категоріи, надо думать, принадлежали два карла и двѣ карлицы, которыхъ мы находимъ въ числѣ дворни княжны Острожской. Благочестивая Анна-Алоиза строго наблюдала за нравственностью своихъ слугъ; мужчинъ она содержала въ одномъ дворѣ, а женщинъ въ другомъ; требовала, чтобы всѣ ея слуги были честны, скромны, набожны, вполнѣ знали ученіе католической вѣры, строго соблюдали ея уставы и обряды и, служа своей пани, не переставали заботиться и о своемъ спасеніи. „Дворъ ея, по словамъ иезуитовъ, былъ похожъ на монастырь женскій: въ немъ всегда господствовала тишина, скромность, воздержность, согласіе и всякое приличіе. При этомъ папскомъ дворѣ всегда находилось очень много женщинъ: тамъ были и шляхетно урожденные и хорошо воспитанныя всякаго рода служебницы; тамъ были и сироты, взятые на воспитаніе; тамъ были дѣти: жидовскія, московскія, турецкія и татарскія, принятія въ дворъ княжны для того, чтобы научить ихъ догматамъ и правиламъ св. вѣры. Для всѣхъ этихъ лицъ были занятія. Послѣ молитвы и выслушанія св. мши, однѣ шили, другія пряли, дѣлали ковры, вышивали золотомъ, занимались другими женскими рукодѣльями. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя для работавшихъ читали житія святыхъ и книги духовныя, а въ другое время приготавливали новообращенныхъ дѣтей къ принятію св. таинъ, и также поочередно посѣщали больныхъ и имъ услуживали“.

Забывая о душевномъ спасеніи своихъ слугъ, Анна-Алоиза не менѣе заботилась и о тѣлесныхъ ихъ нуждахъ, особенную же заботливость прилагала она о больныхъ. „Иные паны (говорятъ ея біографы) болѣе заботятся иногда о своей собакѣ, нежели о больной прислугѣ. Вѣрная слуга потеряетъ здоровье на службѣ панской, а не имѣетъ утѣшенія въ немощи своей. Подорвется отъ тяжести рабочей человѣкъ—и уже большою милостью считается и то, если ей-мосць вышлетъ ему чашку воды или водки съ солью. Не такъ легко смотрѣла на здоровье своихъ слугъ эта заботливая пани. Какъ только она узнавала, что кто-нибудь изъ дворовыхъ ея заболѣвалъ, сейчасъ приставляла къ нему прислужника, велѣла давать ему соответственную пищу и, по совѣту всегда находившагося при ней медика, велѣла отпускать изъ своей аптеки лѣкарства. Если кто заболѣвалъ сильно, то она поручала душу его попеченію ду-

ховника, сама посѣщала больного и другихъ посылала узнавать о его здоровьи. Если-же кто, при усилившейся болѣзни, былъ близокъ къ смерти, хотя-бы то былъ самый низшій служитель, возница или гайдукъ, то она сама приходила тогда услуживать ему: обтирала потъ съ его чела, поправляла его постель, своими руками кормила его, ласково уговаривала его къ терпѣнiю и подчиненiю волѣ Божьей, утѣшала его надеждою блаженной вѣчности; когда-же больной начиналъ умирать, то она давала ему въ руки освященную свѣчу и приготовляла его удивительно возвышенными актами къ хорошей смерти. Прiятно было слушать, когда такая могущественная пани, унижаясь до своихъ слугъ, богословскiе акты съ ними отправляла, припоминала умирающимъ молитвы и стихи изъ псалмовъ, дѣйствiя любви Божией; при послѣднемъ-же издыханiи она набожно повторяла: „Иисусъ, Иисусъ! Марiя!“ и всѣхъ побуждала къ плачу. Когда же священникъ находился при умирающемъ, то она не вдавалась въ эту духовную услугу, а предоставляла это ему. Какiе она похороны для своихъ слугъ справляла, какъ много св. мшей за души ихъ заказывала—это всѣмъ было извѣстно, кто служилъ на ея княжескомъ дворѣ. Они всѣ хотѣли жить, служить и умирать у нея“.

Столь-же милосерда и заботлива была (по сказанiю ея биографовъ) Анна-Алоиза и въ отношенiи къ крестьянамъ ея многочисленныхъ имѣнiй. „Изъ пяти польскихъ грѣховъ, самые обыкновенные—угнетенiе подданныхъ и прѣздъ по дорогамъ съ явнымъ вредомъ для людей. Грѣхи эти не пали на эту набожную пани. Подданные ея были въ такой охранѣ, что она не дозволяла дѣлать имъ никакой обиды; старостамъ и подстаростамъ она строго приказывала, чтобы они не налагали на крестьянъ никакихъ новыхъ тягостей. Во время путешествiй своихъ, когда она изъ кареты замѣчала, что ея придворные топтали лошадыми чужой хлѣбъ, росшій при дорогѣ, она посылала сказать, чтобы они не дѣлали этого“. Она не была горда, а была доступна всѣмъ, очень ласкова и ко всѣмъ справедлива. Для спасенiя душъ своихъ подданныхъ, Анна-Алоиза построила, кромѣ iезуитскаго костела въ Острогѣ, еще пять костеловъ въ своихъ обширныхъ имѣнiяхъ, именно: въ Звягль, Хлапотынѣ, Берездовѣ, Острожкѣ и Туровѣ, и при нихъ основала „шпитали“ или богодѣльни, обезпечивъ ихъ десятинами, ординарiями и денежными суммами. Въ эти богодѣльни она приказывала помѣ-

щать всѣхъ калѣкъ и нищихъ изъ ея крестьянъ и не терпѣла, чтобы нищіе въ ея владѣніяхъ оставались безъ призрѣнія и бродили по улицамъ. Часто она лично посѣщала „спитали“, присматривалась къ тому, какъ содержались убогіе, и раздавала имъ щедрую милостыню. Въ голодные годы, особенно въ 1638 г., когда люди повсемѣстно умирали съ голоду, она въ имѣніяхъ своихъ велѣла ежедневно раздавать хлѣбъ не только своимъ подданнымъ, но и вообще всѣмъ нуждавшимся. Часто она платила долги несостоятельныхъ должниковъ и жертвовала деньги на выкупъ плѣнныхъ изъ татарской неволи.

Въ своемъ домашнемъ быту Анна-Алоиза жила строгой подвижницей, и единственнымъ наслажденіемъ для нея было—проводить дни и годы въ духовныхъ утѣхахъ. Пустыхъ и свѣтскихъ разговоровъ она не сносила, и когда случалось, что, сидя за столомъ, кто-нибудь изъ ея гостей заводилъ рѣчь въ этомъ духѣ, то набожная хозяйка порывалась встать изъ-за стола, или-же просила своихъ духовныхъ завести разговоръ о чемъ-нибудь божественномъ. Каждый день она слушала мшу и посвящала цѣлый часъ на молитву; каждый мѣсяць она посвящала три дня на духовныя размышленія, и разъ въ годъ она посвящала на это десять дней. Въ эти дни она размышляла только о Богѣ и отправляла духовныя упражненія, сочиненныя основателемъ іезуитскаго ордена. Она часто говѣла и при этомъ каждый разъ клала на алтарь не менѣе пяти червонцевъ, а въ день своего рожденія клала ихъ столько, сколько ей было лѣтъ. вмѣстѣ съ отцами іезуитами, она каждый мѣсяць участвовала въ вынутіи по жребію для себя патрона изъ числа мѣсячныхъ святыхъ и чтала его день особеннымъ образомъ: служила этому святому обѣдню, исповѣдывалась и пріобщалась, со вниманіемъ читала его житіе и старалась подражать ему. Для умерщвленія плоти, Анна-Алоиза часто бичевала себя до крови острыми плетками, или желѣзными гребнями, и всегда носила на тѣлѣ своемъ пояски изъ проволоки, а на рукахъ желѣзные нарукавники. Въ дни страстей Христовыхъ Анна-Алоиза изнуряла себя до послѣдней степени. Въ великій четвергъ она созывала нищихъ, торжественно омывала не водою только, но и слезами своими ихъ ноги, послѣ чего угощала ихъ обѣдомъ и сама лично служила имъ съ такимъ усердіемъ, какъ если-бы самого Христа имѣла своимъ

гостемъ; послѣ этого подвига она всю ночь не ложилась спать. Въ страстную пятницу она цѣлый день проводила въ молитвахъ, босая обходила гробы Господни, подолгу лежала крыжемъ на молитвѣ и обливала слезами помосты костельные. За свои добродѣтели Анна-Алоиза, по словамъ біографовъ, удостоивалась нерѣдко дивныхъ знаменій и видѣній чудесныхъ: такъ однажды, зайдя въ садъ одного честнаго острожскаго армянина, она обратила вниманіе на одно дерево съ висѣвшими на немъ яблоками, которыя почему-то показались ей не совсѣмъ обыкновенными; и дѣйствительно—когда стали разрѣзывать эти яблоки, то въ каждомъ изъ нихъ, ко всеобщему изумленію, найдены были искусно сдѣланныя распятія¹⁾.

Таковъ былъ личный характеръ и образъ жизни и дѣятельности княжны Анны-Алоизы, или, вѣрнѣе сказать, такими чертами изображаютъ ее біографы-іезуиты, на безпристрастіе которыхъ, конечно, нельзя много полагаться. Можно, однако, повѣрить всему, что говорится ими о сердечной добротѣ набожной княжны, о ея челоѡколюбіи, справедливости и щедрости, о христіанской заботливости ея и попеченіи о больныхъ и несчастныхъ и т. под. добродѣтеляхъ; но не надо забывать того, что всѣ эти прекрасныя качества ея души имѣли слишкомъ тѣсный кругъ примѣненія, будучи запечатлѣны характеромъ вѣроисповѣдной исключительности и прозелитизма. Весьма вѣроятно, что Анна-Алоиза была и добра, и справедлива—относительно своихъ единовѣрцевъ католиковъ, да еще, пожалуй, тѣхъ изъ иновѣрцевъ, которые изъявляли готовность перейти въ одну съ нею вѣру; но такова-ли она была и по отношенію къ лицамъ другихъ вѣроисповѣданій, въ особенности-же—по отношенію къ массѣ подчиненнаго ей православнаго населенія? Можно смѣло поручиться въ томъ, что еслибы кто изъ православныхъ писателей того времени составилъ въ поученіе потомству жизнеописаніе Анны-Алоизы, то въ немъ образъ іезуитской праведницы былъ-бы начертанъ совсѣмъ другими красками. Къ сожалѣнію, въ южно-русской письменности XVII в. не имѣется ничего подобнаго такому труду; но за то въ актовыхъ книгахъ тогдашнихъ судебныхъ мѣстъ сохранилось нѣсколько документовъ, по

¹⁾ Niesiecki, Herbarz Polski, t. VII, pag. 194.

которымъ можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, каковы были отношенія Анны-Алоизы къ послѣдователямъ той вѣры, которую не задолго еще предъ тѣмъ исповѣдывали и твердо отстаивали ея предки.

Нужно замѣтить, что ближайшіе потомки князя Константина Острожскаго, хотя сами лично принадлежали уже къ другой вѣрѣ, но, вѣроятно, изъ уваженія къ его славной памяти, ни въ чемъ не нарушали давнихъ правъ и свободы вѣры и церкви православной и обнаруживали по отношенію къ ней полную терпимость, а въ иныхъ случаяхъ даже покровительство. Такъ мы видимъ, что напечатанный въ острожской типографіи въ 1612 г. Часословъ былъ изданъ „повелѣніемъ“ князя Януша Острожскаго, который, хотя былъ самъ католикомъ, но, ради славы своего отца, поддерживалъ всѣ его просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія: школы, церкви, монастыри, „шпитали“ и т. под. ¹⁾. Такъ-же, очевидно, поступалъ и его племянникъ, молодой князь Янушъ Александровичъ, родной братъ Анны-Алоизы, о которомъ православные, жалуясь на его сестру, отзывались, что онъ, „светое памяти яснеосвещенное кнежа, ничого правъ и фундушей предковъ своихъ не нарушалъ и кривдъ добрамъ церковнымъ не чинилъ“. Даже сама Анна-Алоиза, вступивъ въ 1621 году во владѣніе „князствомъ острожскимъ“, первоначально также „остерегалась“ чинить подобныя „кривды“, только не долго: такъ, мы упомянули уже, что, водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ и предоставивъ имъ исключительное право на открытіе и содержаніе здѣсь публичныхъ школъ, она этимъ положила конецъ существованію знаменитой острожской академіи и другихъ православныхъ школъ, заведенныхъ славнымъ ея дѣдомъ. Существовала еще въ то время въ г. Острогѣ каменная церковь св. Троицы, а при ней большой „шпиталь“, въ которомъ находили

¹⁾ Достоинно замѣчанія, что, спустя годъ по смерти князя Януша Острожскаго, знаменитый составитель «Палинодія», кіево-печерскій инокъ Захарія Копыстенскій, въ своей книгѣ почтилъ память его настоящимъ диякономъ за то, что князь этотъ, несмотря на свое вѣроотступничество, «народъ свой росскій любилъ, православную вѣру отцевъ своихъ величалъ и побожке поважалъ; монаховъ святогорцевъ религін греческое почестне пріймвалъ и прикладомъ отца своего алмужну давалъ» и пр. (Русск. Истерич. Библіотека, т. IV, стр. 1139).

призрѣніе много „уломныхъ, хорыхъ и убогихъ розного стану и кондиціи“. Оба эти учрежденія въ давнія времена также основаны были предками Анны-Алоизы и щедро обеспечены большими имѣніями: м. Суражемъ (что нынѣ село въ кременецк. у. волынск. губ.) и с. Андрушовкою, съ которыхъ поступало ежегодно дохода болѣе 3,000 золотыхъ польскихъ. Имѣнія эти княжна-праведница въ непродолжительномъ времени отняла и вмѣстѣ съ церковью отдала іезуитамъ, „шпиталь“ „опустила“, а вмѣсто того основала въ Острогѣ латинскій шпиталь св. Франциска-Ксаверія и на содержаніе его записала ежегодный доходъ съ бумажной фабрики острожской. Сверхъ того православные жаловались, что Анна-Алоиза почти совсѣмъ обобрала каѳедральную богоявленскую церковь, въ которой находились гробницы ея отца и дѣда, и „барзо веле зъ нее охендожствъ и аппаратовъ церковныхъ, лихтаровъ и иншихъ речей побрала“ и, надо полагать, на костельный „пожитокъ обернула“. Затѣмъ, когда, по смерти короля-фанатика Сигизмунда III, была восстановлена, ко всеобщей радости православныхъ, высшая церковная іерархія, при чемъ волынцы единогласно избрали на епископскую каѳедру въ Луцкѣ князя Александра (въ монашествѣ Аванасія) Пузыну, то, паущенная іезуитами, внучка князя Острожскаго не мало омрачила эту радость тѣмъ, что не допустила новоизбраннаго епископа обривизовать православныя церкви въ ея имѣніяхъ, запретила своимъ подданнымъ, мірянамъ и духовенству, признавать его законнымъ своимъ пастыремъ и оказывать ему надлежащее послушаніе, такъ что когда епископъ Пузына прибылъ въ Острогъ, то „зъ жалемъ сердечнымъ“ узналъ, что замковая каѳедральная церковь была, по приказу княжны, опечатана шестью печатами, а самый замокъ занятъ многочисленною стражею и приведенъ въ оборонительное положеніе; попробовалъ епископъ отправиться въ другія городскія церкви, но повсюду встрѣтилъ опечатанныя двери и грозную стражу ¹⁾).

Но всѣ эти притѣсненія были ничто сравнительно съ тою поистинѣ ужасною трегедіею, какая, по винѣ Анны-Алоизы, разы-

¹⁾ По этому поводу было занесено епископомъ нѣсколько жалобъ на княжну Острожскую, не имѣвшихъ, разумѣется, никакихъ послѣдствій. Жалобы эти пахотятся въ луцкихъ земскихъ книгахъ—за 1633 г., л. 536, за 1634, л. 556 на обор. и за 1641 г., л. 80.

гралась въ Острогѣ въ 1636 г. и стояла православнымъ много крови. Собственно говоря, Анна-Алоиза сыграла въ этой трагедіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, лишь жалкую роль слѣпого орудія въ рукахъ скрывававшихся за нею іезуитовъ, въ пользу которыхъ была задумана и сыграна самая трагедія. Дѣло въ томъ, что іезуиты все еще не были довольны образомъ дѣйствій своей покровительницы въ принятой ею на себя миссіи—спасанія отъ вѣчной гибели душъ человѣческихъ. Они находили, что она принимаетъ слишкомъ недостаточныя мѣры къ искорененію „схизматическаго квасу“ въ ея имѣніяхъ, позволяетъ схизматикамъ имѣть свои церкви и даже въ самомъ замкѣ своемъ оставляетъ въ ихъ рукахъ величественный каменный храмъ Божоявленія, горделиво высящійся надъ цѣлымъ городомъ и затмѣвающий собою великолѣпіе католическихъ костеловъ. Имъ не нравилось также, что набожная княжна иногда лично посѣщала этотъ храмъ, въ которомъ находились гробницы ея предковъ и между ними великолѣпный мраморный памятникъ, стоявшій надъ прахомъ отца ея, князя Александра Острожскаго. Давно уже они увѣряли ее, что князь этотъ, хотя и жилъ въ схизмѣ, но, подъ вліяніемъ своей благочестивой супруги, при самомъ концѣ своей жизни соединился съ святымъ костеломъ римскимъ и умеръ въ истинной вѣрѣ; что, по тщательному ходатайству отцевъ ихъ ордена, онъ даже принятъ былъ папою Климентомъ VIII къ участию въ молитвахъ о немъ римскаго костела, и что только благодаря неслыханному упорству схизматиковъ онъ былъ похороненъ въ ихъ церкви. Анна-Алоиза, глубоко чтившая память своего отца, съ отрадою внимала этимъ увѣреніямъ и еще чаще ходила молиться надъ его гробницей; но наконецъ въ умѣ ея зародилась страшная мысль, повлекшая за собою непредвидѣнныя для нея самой и плачевныя для другихъ послѣдствія. Такъ совершилась завязка острожской трагедіи 1636 года, о которой предоставимъ рассказывать самимъ творцамъ ея—іезуитамъ.

„Сердце дочери (повѣствуютъ біографы Анны-Алоизы) сильно болѣло отъ того, что кости отца ея покрывала земля, проклятая римскимъ костеломъ, и она раздумывала день и ночь о томъ, какимъ-бы образомъ отобрать этотъ дорогой депозитъ и перенести его въ католическій костель. Однажды она открылась въ этомъ отважномъ замыслѣ передъ своими избранными и вѣрными слугами. Они,

принявъ къ себѣ, для исполненія этого замысла, ловкихъ и отважныхъ рыцарей и разставивъ незамѣтно по сторонамъ вооруженную пѣхоту, забрались въ церковь, открыли гробъ и взяли его вмѣстѣ съ тѣломъ Александра, и возвратили этотъ депозитъ, долго находившійся въ узахъ, своей паніи, отдали отца дочери, и положили его на святой землѣ—въ католическомъ костелѣ. Изъ этого поднялось большое возмущеніе. Схизматическая русь, подстрекаемая своими попами, ревнующими будто-бы за поруганіе дома Божія, подняла тревогу, начала сбѣгаться отовсюду и вооружаться. Чернь до того озлобилась, что бросилась на свою пани-дѣдичку, и сія послѣдняя была-бы не ушла отъ ужасныхъ рукъ разъяренной черни, если-бы не защитила ее дворская кавалерія, пѣхота и рыцарская отвага благородныхъ студентовъ коллегіума. Злость схизматическая была ужасна. Предводители бунта шли прямо на сабли, шли въ огонь, готовые погибнуть и тѣломъ и душою, только-бы добраться до своей пани и отомстить ей. Между тѣмъ старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями и усмирили возстаніе: однихъ изъ бунтовщиковъ они убивали на мѣстѣ, другихъ заковывали въ кандалы и затаскивали ихъ въ темницы; когда-же не стало оковъ и цѣпей и не было уже мѣста въ темницахъ, то держали преступниковъ въ частныхъ домахъ“.

„Дѣло это разбиралось въ трибуналѣ. Тамъ этихъ преступниковъ судили—и осудили: схизматическихъ поповъ выгнать изъ Острога; бунтовщики, находившіеся подъ стражею, осуждены на смерть—мечемъ; предводители мятежа и главные дѣятели осуждены на смерть—четвертованіемъ, отсѣченіемъ рукъ, сожженіемъ въ смолѣ, ломаніемъ костей, колесованіемъ, содраніемъ заживо кожи. Дома же бунтовщиковъ велѣно было сравнять съ землей и мѣста, гдѣ они стояли, посыпать солью“.

„Когда въ Острогѣ узнали объ этомъ рѣшеніи трибунала, то плачь и рыданіе поднялись по всему городу. Богатые мѣщане предлагали по нѣскольку тысячъ гривенъ за освобожденіе отъ этого наказанія. Бунтовщиковъ, закованныхъ, повели въ замокъ для объявленія имъ рѣшенія; но тамъ они услышали милостивый декретъ своей пани: она велѣла расковать ихъ, и вмѣсто того, чтобы вести на мѣсто казни, велѣла завести ихъ въ столовую, простила имъ ихъ вину и, угостивши, отпустила ихъ домой. Плачь обратился

въ веселіе; всѣ восхваляли милосердіе своей пани, и этою ласковостью ея многіе заохочивались къ св. уни, но другіе остались при своей пустой вѣрѣ. Ясновельможная пани имѣла то утѣшеніе, что, послѣ изгнанія, на основаніи трибунальскаго декрета, 46-ти схизматическихъ поповъ изъ острогскихъ имѣній, вѣра католическая начала расширяться, а схизматическое упрямство начало поемногу уступать, такъ что съ теченіемъ времени и простой народъ и даже самыя попы присоединялись къ уни; а для того, чтобы твердость ихъ въ уни была явна и всѣмъ видима, богобоязненная пани постановила, дабы всѣ попы со всѣхъ ея имѣній пріѣзжали въ ризахъ въ Острогъ на праздникъ Божія Тѣла для участія въ процессіи и читали на славянскомъ языкѣ евангеліе на нарочито устроенныхъ алтаряхъ. Обычай этотъ въ главныхъ городахъ ея продолжается и донинѣ“ (говорится въ 1698 г.).

Такъ повѣствуютъ объ этомъ происшествіи біографы Анны-Алоизы, іезуиты ярославскіе. Другіе польскіе писатели, передавая этотъ эпизодъ въ общихъ чертахъ сходно съ іезуитами, прибавляютъ къ нему нѣкоторыя любопытныя подробности. Такъ, по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ: „Genealogia XX. Ostrogskich“ и „Kogona Polska“, похищеніе тѣла князя Александра изъ богоявленской церкви было совершено ночью наканунѣ праздника Пасхи. Народъ, во множествѣ наполнявшій внутренность храма, слушая пасхальную утрепу, и еще въ большемъ числѣ окружавшій наружныя стѣны церкви, громко порицалъ кощунственный поступокъ своей дѣдички, но не предпринималъ еще никакихъ враждебныхъ противъ нея дѣйствій и терпѣливо ожидалъ освященія принесенныхъ имъ пасокъ и другихъ пасхальныхъ яствъ. Въ это время возвращалась изъ іезуитскаго костела сама Анна-Алоиза, въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ и окруженная своими гайдуками. Ей нужно было проѣхать черезъ мостъ, ведущій въ замокъ, почти у самой паперти богоявленской церкви; но здѣсь стояли толпы народа, съ пасхами, и на приказаніе очистить княжнѣ дорогу отвѣчали явнымъ ослушаніемъ. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру и слугамъ ѣхать прямо на толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ. Этотъ легкомысленный поступокъ ея и вызвалъ тотъ взрывъ народнаго возмущенія, о которомъ сказано выше. Въ страшномъ негодованіи народъ окружилъ поѣздъ княжны, въ одно мгновеніе за-

кидалъ ее крашенными яйцами и хотѣлъ сбросить ее съ моста въ глубокой оврагъ. Бывшая на-готовѣ надворная милиція казимъ-то чудомъ успѣла спасти княжну отъ разъяренныхъ мѣщанъ, которые вломились было за нею въ самый палацъ, и только ружейные выстрѣлы заставили ихъ податься назадъ¹⁾.

Слухъ объ острожской трагедіи быстро распространился по всей южной Руси и наполнилъ сердца православныхъ глубокою скорбью, а неизвѣстный составитель львовской лѣтописи, на память будущимъ родамъ, записалъ въ свою хронику слѣдующее: „въ томъ-же (1636) року, на свята великодныи, зъ недѣли на понедѣлокъ, у Острогу, пани воеводиная, дочка княжны ярославской, пошедши до замку, казала собѣ гробъ отворити, и добывши склепу, где лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое южь было згнило, только кости; которыи взявши, казала ихъ помыти и посвятити езуитамъ и отвезти до Ярославля, до матки своей. И казала провадити изъ церкви, кгда Русь звыкла, на память звитязства Христа Спасителя нашего, с крестами, съ корогвами триумфъ коло церкви отпраовати,—абы съ того напасть на Русь чинити. И такъ *учинили много злого христіанстоу*“. Такъ думали православные; а слабодушная Анна-Алоиза, напротивъ, думала, что она совершила доброе и богоугодное дѣло тѣмъ, что, во-первыхъ, оказала помощь своему покойному отцу, перенеся его тѣло изъ „проклятой земли“ на землю „святую“; во-вторыхъ—очистила свои владѣнія отъ „схизматическаго еретичества“; и въ третьихъ—спасла отъ вѣчной гибели и приобрѣла Богу множество душъ схизматическихъ, присоединивъ ихъ къ униі или даже прямо къ римскому костелу. Такъ-же, безъ сомнѣнія, смотрѣли на все случившееся и руководители Анны-Алоизы, іезуиты; а ея біографы, окончивъ повѣсть о вышеписанномъ, начинаютъ новую затѣмъ главу слѣдующими словами: „по окончаніи такимъ неожиданнымъ способомъ вышерасказанной трагедіи, ясновельможная фундаторша начала думать о *дальнѣйшемъ размноженіи славы Божьей*“. Это дальнѣйшее размноженіе состояло въ новыхъ щедротахъ Анны-Алоизы по отно-

¹⁾ Genealogia XX. Ostrogskich, 139—142. Korona Polska, 111, 522. Цитируемъ по ссылкѣ В. Домбровскаго въ его статьѣ «Острожскзи Старина», помѣщенной въ «Кіевлянинѣ» Максимовича, за 1840 годъ.

шенію къ ея дѣтищу—коллегіуму іезуитскому и въ передачѣ іезуитамъ всѣхъ имѣній, которыми такъ щедро были надѣлены отъ предковъ ея православныя церкви и монастыри въ предѣлахъ владѣній острожскихъ.

Такъ прошло еще 12 лѣтъ. Не смотря на свои далеко еще не старыя годы (ей было тогда подь 50 лѣтъ), Анна-Алоиза выглядѣла настоящей старухой, часто болѣла и безпрестанно готовилась къ смерти. Каждый день она отправляла особую литанію о томъ, чтобы Богъ послалъ ей добрую смерть, и каждую болѣзнь свою считала смертельною. Ей казалось, что она до конца совершила земное свое назначеніе, преуспѣла во всѣхъ добродѣтеляхъ, и захотѣлось ей предпринять еще одинъ, послѣдній подвигъ: посѣтить святаыя мѣста и затѣмъ гробъ основателя іезуитскаго ордена св. Игнатія Лойолы, и тамъ, при ногахъ его, сложить свои праведныя кости. Но судьба неожиданно приготовила ей другое странствованіе. Въ 1648 г. въ Украинѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, быстро охватившее всѣ южно-русскія земли. На Волини, какъ и въ другихъ мѣстахъ, началось всеобщее бѣгство въ Польшу ксендзовъ, пановъ и евреевъ, справедливо опасавшихся попасться въ руки возмущившагося народа. Острожскіе іезуиты, какъ кажется, оказались въ числѣ первыхъ, „накивавшихъ козакамъ пятами“. Анна-Алоиза также вынуждена была оставить на произволъ судьбы свои богатства и пуститься въ далекій путь. А по пятамъ ея въ Острогъ нагрянули козаки, вырѣзали здѣсь до четырехъ-сотъ евреевъ и униатовъ и дымомъ пустили къ небу недостроенный еще въ то время іезуитскій коллегіумъ и католическіе костелы. Когда Анна-Алоиза прибыла изгнанницей въ польскіе предѣлы, то, по словамъ іезуитовъ, Малая и Великая Польша съ удивленіемъ смотрѣла на большой и пышный поѣздъ *одной* русской пани: такъ много было въ ея обозѣ каретъ, каруцъ, рыдвановъ и возовъ, запряженныхъ по четыре и по шести лошадей и нагруженныхъ всякими богатствами. Весь многочисленный штатъ ея дворцовыхъ слугъ сопутствовалъ своей госпожѣ, готовая дѣлать съ нею бѣдствія изгнанія, а въ числѣ самыхъ дорогихъ своихъ сокровищъ она везла за собою гробъ своего мужа Ходкевича, справедливо опасаясь, чтобы козаки не наругались надъ прахомъ знаменитаго рыцаря. Прахъ этотъ она похоронила временно въ краковскомъ іезуитскомъ костелѣ, рассчитывая

снова возвратить его въ Острогъ по „успокоеніи отчизны“. Когда въ августъ 1649 года былъ заключенъ съ козаками зборовскій миръ, многіе думали, что вслѣдъ затѣмъ должна наступить эпоха столь желаннаго успокоенія, и стали возвращаться въ покинутыя имѣнія на Украинѣ. Въ числѣ другихъ шляхетныхъ изгнанниковъ вернулась и Анна-Алоиза въ свой Острогъ, оплакала слѣды козацкаго разоренія и немедленно приступила къ поправкѣ того, что еще могло быть поправлено. Но не прошло и года, какъ война съ козаками возобновилась, и несчастная внучка князя Константина Острожскаго вынуждена была снова поспѣшно бросать—на этотъ разъ уже навсегда—свои города и замки, свои обширныя владѣнія и несмѣтныя богатства, и бѣжать въ чужую землю, сбитаться по чужимъ угламъ. А козацкіе загоны снова посѣтили Острогъ и вторично предали огню все, что напоминало здѣсь о католичествѣ и іезуитахъ. Впрочемъ, ясновельможная изгнанница нашла въ Польшѣ радушный пріютъ у людей, которыхъ она никогда не считала чужими: сначала она поселилась въ калишскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, а потомъ проживала въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіуму познанскому. И сбилось, замѣчаютъ ея біографы, давнее предчувствіе этой Анны-пророкини, которое она не разъ высказывала въ Острогѣ отцамъ іезуитамъ, осыпая ихъ щедрыми милостями: „будетъ время, когда я прійду въ убожество и у васъ, мои отцы, буду просить хлѣба и пристанища“. „Впрочемъ, говорятъ они далѣе, не такъ по нуждѣ, какъ по особенной своей милости ясновельможная княжна благоволила жить въ домѣ слугъ своихъ и ѣсть ихъ хлѣбъ; ибо она и въ это время за оказанное ей одолженіе болѣе сдѣлала намъ щедрыхъ пожертвованій, чѣмъ сколько стоило содержаніе ея панскаго двора“. Дѣйствительно, объ Аннѣ-Алоизѣ никакъ нельзя было сказать іезуитамъ, что она даромъ ѣла ихъ хлѣбъ, ибо въ это самое время она сдѣлала въ ихъ пользу новое пожертвованіе, по щедрости едвали не превосходившее всѣ прежнія благодѣянія. Получивъ извѣстіе о вторичномъ разореніи острожскаго коллегіума и потерявъ увѣренность въ возможности возобновленія его въ ближайшемъ будущемъ, Анна-Алоиза предприняла намѣреніе возстановить изъ развалинъ другой іезуитскій коллегіумъ, также разрушенный козаками, именно въ г. Ярославѣ, составлявшемъ ея материнскій удѣлъ, которымъ она имѣла право располагать

какъ своею личною, а не родовою собственностью. Въ этомъ смыслѣ она составила въ 1653 г. фундаціонную запись и немедленно внесла ее въ познанскія земскія книги, записавъ въ собственность будущаго коллегіума ближайшія къ г. Ярославу имѣнія на *отчужденныя* времена.

Въ послѣдній годъ своей жизни Анна-Алоиза почему-то оставила своихъ друзей-іезуитовъ и проживала въ имѣніяхъ разныхъ великопольскихъ пановъ: въ Ковалѣ, Коморжѣ, Гнинѣ и наконецъ въ Рацацѣ. Политическія тревоги послѣднихъ лѣтъ, двукратное бѣгство изъ родины, горести и лишенія бездомной, скитальческой жизни, наконецъ страшныя бѣдствія отечества, раздираемаго и безпрестанно опустошаемаго вторженіями непріятельскихъ войскъ: козацкихъ, московскихъ, шведскихъ, венгерскихъ, и обреченнаго, казалось, на неминуемую гибель, — все это быстро разрушило истощенный, болѣзненный организмъ Анны-Алоизы и преждевременно свело ее въ могилу. Она скончалась 27 генваря 1654 года, въ г. Рацацѣ, въ домѣ какой-то пани Гнинской. Признательные отцы-іезуиты безотлучно окружали смертную постель своей благодѣтельница и ихъ дружеская рука закрыла на вѣки ея глаза. Впослѣдствіи они составили подробное и умильное повѣствованіе о послѣднихъ минутахъ ея жизни, изъ котораго можно видѣть, къ какимъ поистинѣ театральнымъ церемоніямъ не гнушались прибѣгать отцы-іезуиты даже въ такой важный и серьезный моментъ, какъ разлученіе съ тѣломъ души человѣческой. Весь эффектъ этой неумѣстной церемоніи состоялъ въ томъ, что при помощи искусныхъ бесѣдъ о наслажденіяхъ загробной жизни и затѣмъ цѣлаго ряда торжественно произносимыхъ вопросовъ и потрясающихъ воззваній, умирающая была приведена въ крайнюю степень экзальтации и выражала страстное желаніе поскорѣе вкусить смерть и воспрянуть на небо. Достоинно вниманія замѣчаніе біографовъ Анны-Алоизы, что, не взирая на несомнѣнное благочестіе ея и набожность, праведница эта по смерти своей „не ушла языковъ людскихъ“ и подверглась разнымъ пересудамъ, хотя, прибавляютъ они, гораздо болѣе было такихъ, которые и по смерти признавали ее добродѣтельною женщиною.

Анна-Алоиза оставила весьма подробное духовное завѣщаніе, составленное ею еще въ 1651 г. и впослѣдствіи нѣсколько разъ

дополняемое. Этот интересный документ чрезвычайно живо рисует предъ нами духовный образъ ея составительницы, всѣ задушевные помыслы ея и симпатіи, предсмертныя думы, заботы и опасенія. Завѣщаніе Анны-Алоизы начинается обычнымъ исповѣданіемъ принадлежности ея къ католической церкви и молитвой къ Богу о милосердіи и снисхожденіи къ ея грѣхамъ; послѣ чего слѣдуютъ распоряженія относительно похоронъ. „Я прошу, завѣщала она, чтобы тѣло мое грѣшное было положено въ костелъ отцевъ іезуитовъ въ Острогѣ; тамъ я, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ, хочу ожидать послѣдней трубы воскресенія мертвыхъ. Я прошу, чтобы меня похоронили безъ всякой пышности, которая не идетъ ко мнѣ, живущей сиротой и почти заживо умершей. Я смиренно прошу, чтобы меня несли въ костелъ отцы іезуиты своими руками... Я увѣрена, что превелебные отцы іезуиты будутъ такъ добры, что всѣ они, сколько можно будетъ собрать ихъ въ скоромъ времени, соберутся для поданія помощи душѣ моей; объ этомъ я униженно прошу ихъ“. Другихъ монаховъ, кромѣ іезуитовъ, она не велитъ приглашать къ ея погребенію и вмѣняетъ въ обязанность слугамъ особенно заботиться, чтобы отцы іезуиты, которые будутъ находиться при тѣлѣ ея, имѣли „всякія выгоды“, а на покрытіе дорожныхъ издержекъ для пріѣзжихъ іезуитовъ она ассигнуетъ 3000 золотыхъ польскихъ и велитъ раздѣлить между ними эту сумму. На отправленіе мшей въ день ея похоронъ въ 12-ти ближайшихъ къ Острогу кляшторахъ и для раздачи нищимъ милостыни было ассигновано 2000 золотыхъ. Далѣе слѣдуютъ щедрыя пожертвованія въ пользу острожскихъ іезуитовъ и на возстановленіе и украшеніе въ Острогѣ ихъ коллегиума; и видно по всему, что этотъ пунктъ составлялъ главный предметъ предсмертныхъ думъ и заботъ Анны-Алоизы: приступая къ нему, она и молить, и заклинаетъ своихъ наследниковъ въ точности исполнить ея распоряженія, въ противномъ-же случаѣ она призываетъ гнѣвъ Божій на души и тѣла тѣхъ, кто осмѣлился-бы учинить малѣйшее нарушеніе послѣдней воли ея. Костелу іезуитскому въ Острогѣ Анна-Алоиза назначаетъ 20,000 золотыхъ и сверхъ того все золото, жемчугъ, камни драгоценныя, столовое серебро, подсвѣчники, чаши, кубки—словомъ, все до малѣйшей вещи, что только останется послѣ нея въ серебрѣ бѣломъ или позолоченномъ. Іезуиты должны были получить всю домашнюю

утварь ея: иконы, часы, книги, шкатулки, обои и опоны, ковры, полотна, шелковыя ткани, кареты и лошадей; имъ-же доставались стада воловъ, быковъ, овецъ, свиней, въ фольваркахъ острожскихъ, звягельскихъ и берездовскихъ; все оружіе, вывезенное изъ замка острожскаго, пушки, ружья, гаковницы, мушкеты, порохъ и пули—также поступало іезуитамъ. На постройку и возобновленіе разрушеннаго козаками острожскаго коллегіума и при немъ костела Анна-Алоиза записала іезуитамъ имѣніе с. Кривинь съ фольваркомъ Котумлемъ и всѣ тѣ мѣста въ ея имѣніяхъ, гдѣ добывался камень, выдѣлывался кирпичъ и гдѣ брали известь и глину. Когда костель будетъ построенъ, наследники Анны-Алоизы обязывались выдать новыя 20,000 золотыхъ на содержаніе большаго алтаря въ немъ и еще 20,000 на содержаніе алтаря надъ гробомъ ея мужа, гетмана Ходкевича; сверхъ того—30,000 зол. на покрытіе костела мѣдью и 20,000 на уплату долговъ острожскихъ іезуитовъ другимъ коллегіумамъ, а 2,000—для бурсы бѣдныхъ учениковъ при коллегіумѣ острожскомъ. Не забыла Анна-Алоиза и другихъ іезуитовъ, находившихся въ Краковѣ, Сандомірѣ, Ярославѣ, Луцкѣ, Черемышлѣ, Винницѣ, Барѣ,—всѣмъ имъ она записала по нѣскольку тысячъ золотыхъ польскихъ. Всѣ основанныя ею въ острожскихъ имѣніяхъ костелы и богодѣльни она также обезпечила десятинами и разными доходами и обдарила большими денежными суммами. Не менѣе щедро вознаградила Анна-Алоиза служившую при ея дворѣ шляхту: 25-ти лицамъ она записала въ пожизненное пользованіе 36 деревень, другимъ назначила денежныя суммы и платя. Не забыла и простыхъ своихъ подданныхъ: „невозможно предположить, писала она, чтобы мои крестьяне не терпѣли угнетеній, за которыя придется дать отвѣтъ предъ Богомъ; поэтому я прошу, чтобы, въ вознагражденіе ихъ за это, во всѣхъ моихъ волостяхъ: острожскихъ, звягельскихъ, туровскихъ, свидинскихъ и ярославскихъ были подарены имъ на три года чинши и фуры“.

Распредѣливъ столь щедро значительную часть своего состоянія на дѣла богоугодныя, Анна-Алоиза не была увѣрена въ томъ, что ея родственники, къ которымъ послѣ ея смерти должны были перейти отцовскія имѣнія ея, въ точности исполнять ея послѣднюю волю. Эти опасенія болѣе всего озабочивали благочестивую княжну и не давали спокойно умереть ей. Въ самомъ завѣщаніи она много-

кратно молитъ и заклинаетъ наслѣдниковъ не нарушать ея распоряженій, а чтобы еще вѣрнѣе удержать ихъ отъ этого, она назначаетъ самого Бога и пресвятую Матерь Его вотчинниками той части ея состоянія, которая была предназначена на предметы религіи и дѣла милосердія. А въ протекторы своего завѣщанія она избираетъ короля Яна-Казимира и униженно проситъ его, „дабы онъ, какъ мудрый и набожный монархъ, унаслѣдовавшій отъ богобойныхъ предковъ своихъ желаніе умножать славу Господню въ своихъ владѣніяхъ и привыкшій быть всегда опекуномъ и защитникомъ сиротъ и убогихъ, благоволилъ принять послѣднюю волю ея подъ свою особенную опеку и милостивую протекцію и не допустилъ, чтобы ея пожертвованія и фундаціи, предназначенныя ею на честь и хвалу Божию и на избавленіе душъ бѣднаго народа, живущаго въ этихъ отдаленныхъ странахъ (т. е. на Руси) и зараженнаго отступничествомъ отъ вселенскаго римскаго костела, были нарушены людскою алчностью“.

Незадолго до своей смерти Анна-Алоиза прибавила къ своему завѣщанію слѣдующее распоряженіе относительно своихъ похоронъ: „Такъ какъ наказаніе Божіе (т. е. козацкія войны) не прекращается, и мнѣ, вслѣдствіе продолжающихся нестроеній въ отчизнѣ, приходится скитаться по чужимъ угламъ и не въ своемъ предковскомъ домѣ жизнь кончить, то я прошу экзекуторовъ моего завѣщанія, чтобы они меня какъ найскорѣе по смерти моей, гдѣ-бы я ни умерла, отправили въ Краковъ и тамъ въ костелъ св. Мацѣя, при новиціатѣ отцевъ іезуитовъ, положили-бы меня вмѣстѣ съ блаженной памяти моимъ мужемъ, который уже тамъ—не похороненъ, а лучше сказать положенъ мною при началѣ несчастія, постигшаго отчизну. При этомъ должна быть объявлена обычная протестація (т. е. формальное заявленіе предъ урядомъ), что, по успокоеніи отчизны, я непременно должна быть перенесена, вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ моимъ, изъ означеннаго костела св. Мацѣя въ Острогъ и тамъ погребена въ костелъ превелебныхъ отцевъ іезуитовъ. Я увѣрена, что ихъ милости (т. е. іезуиты) не пожалѣютъ дать для этого перенесенія ни повозки, ни лошадей и въ точности исполнять эту послѣднюю волю мою, а я, поелику не могу уже болѣе отслужить ихъ милостямъ за ихъ послѣднюю услугу,

не забуду ихъ предъ престоломъ Божиимъ. Однако я прошу и обя- зываю пановъ наслѣдниковъ моихъ дать ихъ милостямъ на это пе- ренесеніе 1000 золотыхъ польскихъ“¹⁾).

Опасенія Анны-Алоизы относительно нарушенія предсмерт- ныхъ ея распоряженій сбылись раньше, чѣмъ она могла предпо- лагать. Съѣхались съ разныхъ концовъ знатные и именитые ея родственники и, не взирая на завѣщаніе, рѣшили похоронить ее съ княжескою пышностью и великолѣпіемъ, и не тамъ, гдѣ она на- значила, а въ ярославскомъ приходскомъ костелѣ. На приготовле- нія къ этимъ похоронамъ потребовалось около девяти мѣсяцевъ. Этимъ промедленіемъ воспользовались іезуиты и затѣяли съ наслѣд- никами формальный процессъ, предъявивъ свои права на „дорогой имъ депозитъ“. Родственники умершей княжны не уступали. Дѣло грозило затянуться на неопредѣленное время; но за іезуитовъ всту- пился папскій нунцій и, благодаря его вмѣшательству, тѣло княжны формальнымъ образомъ было присуждено ордену іезуитовъ. Мгно- венно похоронная пышность, устроенная вопреки волѣ умершей, исчезла, и гробъ ея публично внесенъ былъ на раменахъ самыхъ важныхъ отцевъ Societatis Iesu въ принадлежавшій имъ костелъ св. Яна въ Ярославѣ и положенъ въ гробницѣ княгини ея матери— 17 февраля 1655 г., т. е. спустя годъ и нѣсколько недѣль послѣ ея смерти. „Но не долго (замѣчаютъ біографы) покоилась тамъ Анна-Алоиза. Какъ при жизни своей военною бурей она загнана была въ далекій край и много странствовала, такъ и по смерти постоянного успокоенія не имѣла: во время бывшихъ въ томъ-же году нашествій войскъ: шведскихъ, московскихъ, татарскихъ, вен- герскихъ и козацкихъ, она, по ходатайству отцевъ Societatis Iesu, перенесена была изъ Ярослава въ Краковъ и положена въ костелѣ св. Мацѣя, въ ожиданіи торжественнаго перенесенія, по наступле- ніи покоя, до своей фундаціи, въ Острогъ“. Этого послѣдняго пе- ренесенія Аннѣ-Алоизѣ пришлось ждать довольно долго, ибо и са- мая „фундація“ ея, т. е. острожскій коллегіумъ, по причинѣ все

¹⁾ Подлинное завѣщаніе Анны-Алоизы немедленно послѣ ея смерти было предъявлено острожскими іезуитами и внесено въ акты познавскаго суда и вмѣстѣ въ акты королевской канцеляріи въ Варшавѣ, а 9 марта 1697 года оно было перенесено нмъ-же въ актовыя книги лужкаго гродскаго суда.

тѣхъ-же политическихъ нестроений въ краѣ, поль-вѣка еще послѣ того продолжалъ лежать въ развалинахъ. Только въ первой четверти XVIII ст., послѣ того, какъ поляки, по силѣ Прутскаго договора 1712 года, снова „запановали“ въ правобережной Малороссіи, была восстановлена въ Острогѣ іезуитская твердыня, и тогда—именно въ 1723 г., тѣло Анны-Алоизы и мужа ея было перевезено іезуитами въ Острогъ и погребено въ іезуитскомъ костелѣ, вблизи главнаго алтаря. Надъ могилою гетмана Ходкевича сдѣланъ былъ мраморный барельефъ, съ изображеніемъ рыцаря; другой памятникъ изъ чорпаго мрамора обозначалъ мѣсто, подъ которымъ были положены смертныя останки Анны-Алоизы.

Минуло еще поль-вѣка, въ теченіе котораго населеніе западной Малороссіи болѣе изнемогало подъ тяжестью новаго „лядскаго ига“, чѣмъ то было во дни Хмельницкаго. Словно дикіе, кровожадные звѣри, расхаживали по краю, изъ села въ село, католическіе и униатскіе миссіонеры, въ сопровожденіи военныхъ отрядовъ, и не словомъ проповѣди и убѣжденія, а муками и висѣлицами обращали народъ къ соединенію съ правовѣрнымъ костеломъ римскимъ. А для острожскихъ іезуитовъ это была самая блестящая эпоха, какой не переживали они даже при жизни своей фундаторши. По свѣдѣніямъ отъ 1738 г. ихъ находилось въ этомъ году въ Острогѣ свыше 60-ти человекъ; съ теченіемъ времени они, безъ сомнѣнія, еще болѣе умножились. Точно такъ-же и коллегіумъ острожскій достигъ въ эту эпоху своего высшаго процвѣтанія и, вмѣстѣ съ сосѣдними іезуитскими коллегіумами—въ Луцкѣ и Винницѣ, являлся могучимъ орудіемъ колонизаціи и разсадникомъ идей ожесточеннаго католическаго фанатизма въ средѣ мѣстнаго дворянства. Но ничто не вѣчно подъ луною. Въ 1773 г. былъ уничтоженъ іезуитскій орденъ и опустѣвшее зданіе острожскаго коллегіума было отдано базилианамъ, переведеннымъ сюда изъ м. Гощи; а еще черезъ 12 лѣтъ, когда Волынь была присоединена къ Россіи и въ ней открыта была православная епархія, г. Острогъ былъ назначенъ мѣстопребываніемъ для мѣстнаго епископа, а помѣщеніе для него отведено въ зданіи бывшаго коллегіума. При этомъ іезуитскій костелъ былъ обращенъ въ православный преображенскій монастырь, а въ остальныхъ громаднхъ корпусахъ коллегіатскаго

здавія были помѣщены консисторія и новообразованная волынская духовная семинарія. Такъ неумолимый ходъ историческихъ событій окончательно разрушилъ намѣренія набожной Анны-Алоизы и далъ совсѣмъ иное назначеніе тому учрежденію, которое она въ фанатическомъ ослѣпленіи создала на пагубу родному краю и народу.

Тогда-же, по волѣ слѣпаго случая, былъ нарушенъ вѣчный покой и ея смертныхъ останковъ. Произошло это такъ, что около 1815 года волыньскій епископъ Стефанъ задумалъ изъ бывшей іезуитской ризницы устроить придѣльный алтарь, и когда рабочіе проломали алтарную каменную стѣну, то нашли задѣланные въ ней два гроба, искусно выкованные изъ желтой мѣди, съ крышками изъ того-же металла. „Оба они (разсказываетъ очевидецъ) были внутри и снаружи весьма хорошо выбѣлены, особенно внутри, и казались будто новые; снаружи на бѣломъ полѣ выбиты были листы съ цвѣтами въ разводы блѣдно-зеленаго цвѣта, на подобіе рытаго плиса; но, находясь въ каменной стѣнѣ, эти листы съ цвѣтами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потерлись и сквозъ побѣлку видна была желтая мѣдь. По вскрытіи перваго гроба, по истлѣвшему на костяхъ убору, всѣ узнали, что то была Анна-Алоиза, ибо портретъ ея еще висѣлъ въ монастырѣ въ золоченной овальной рамѣ, надъ гробницею чорнаго мрамора, выдавшеюся до половины изъ каменной стѣны, гдѣ, какъ полагали, находилось тѣло ея. По прикосновенію къ одеждѣ, въ перстахъ оставался одинъ прахъ; черепъ съ зубами покрывала истлѣвшая шапочка, тѣло осунулось и истлѣло. Грудная кость покрыта сплетенною изъ волосъ сѣткою, еще довольно крѣпкою, на коей лежалъ металлическій крестикъ, какъ изображено на портретѣ. Что-же касается другаго гроба, то, открывъ его, увидѣли одни только развалившіяся отъ остова съ черепомъ кости, одежду-же съ тѣломъ согнившую. И какъ ни на одномъ гробѣ не было надписи, то о находившихся костяхъ въ другой гробницѣ мнѣнія были различны: одни говорили, что то былъ отецъ фундаторши, другіе—что братъ ея или родственникъ, были и такіе, кои утверждали, что—знакомецъ ея или іезуитъ“¹⁾.

¹⁾ Личнымъ свидѣтелемъ всего разсказаннаго былъ протоіерей изъ м. Аннополя Аврамій Яворскій, впоследствии, именно въ 1845 году, составившій объ

Но, вѣрнѣ всего, что во второмъ гробѣ былъ прахъ мужа Анны-Алоизы, гетмана Ходкевича, какъ то призналъ находившійся при этомъ одинъ изъ его потомковъ. По распоряженію преосвященнаго, оба гроба были перенесены въ подземный склепъ и положены въ отдѣльной каморкѣ. Но и здѣсь они не долго оставались въ покоѣ. Въ 1820 г. зданіе бывшаго іезуитскаго коллегіума подверглось пожару, вслѣдствіе чего мѣстопробываніе архіерея, а также консисторія и духовная семинарія были перемѣщены изъ Острога въ м. Аннополь, того-же уѣзда. Хотя огонь истребилъ только лишь кровлю іезуитскаго зданія, но оно не было уже починяемо и въ такомъ положеніи оставалось до самаго послѣдняго времени. Громадные опустѣлыя корпуса его сдѣлались притономъ для городскихъ бродягъ и воровъ и въ короткое время подверглись окончательному опустошенію. Тогда, въ числѣ другихъ цѣнныхъ памятниковъ старины, были похищены и тѣ два гроба, о которыхъ мы говорили, при чемъ мѣдъ была сбыта острожскимъ евреямъ, а кости выброшены, конечно, вонъ. Недавно приступили къ сломкѣ самого зданія и скоро, по всей вѣроятности, отъ него не останется и слѣда; поэтому считаю небезполезнымъ представить хотя краткое описаніе этого памятника печальной старины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился еще до 1876 года.

Бывшій іезуитскій коллегіумъ въ Острогѣ представлялъ собою громадное каменное зданіе, построенное въ формѣ неправильнаго четырехугольника, съ довольно просторнымъ дворомъ внутри его. Южная, лицевая сторона четырехугольника представляла корпусъ, значительно возвышавшійся надъ другими частями зданія и украшенный великолѣпнымъ фронтономъ съ колоннами и башенками: тутъ помѣщался іезуитскій костель, обращенный впоследствии въ православный монастырь; остальные корпуса имѣли два этажа надземныхъ и по одному подвальному. Въ сѣверовосточномъ углу зданія высоко поднималась каменная башня, на верху которой помѣщалась когда-то, во дни іезуитовъ, астрономическая обсерваторія. Все зданіе, вмѣстѣ съ дворомъ и огородами, занимало про-

этомъ интересное воспоминаніе, помѣщенное въ Волынскыя губернск. вѣдомостяхъ 1867 г. № 45.

странство въ 1 десятину и 97 квадратныхъ сажней, изъ коихъ 1737 квадратныхъ сажней лежало собственно подъ здапіями; отсюда можно заключить, какъ велика была вмѣстимость коллегіума. Въ корпусахъ, въ обоихъ этажахъ, находилось множество просторныхъ, разрисованныхъ портретами и другими изображеніями горницъ, съ сводчатыми потолками и необыкновенно массивными стѣнами. Вообще все зданіе было построено чрезвычайно прочно и капитально, и можно лишь пожалѣть о томъ, что изъ него не сдѣлали никакого общепользнаго употребленія, а обрекли на жертву разрушенію. Правда, въ 1867 г., по мысли тогдашняго волынскаго архіепископа Агаѳангелла, было постановлено консисторіей—починить зданія бывшаго іезуитскаго коллегіума и перевести сюда изъ Дермани духовное училище, а въ остальныхъ корпусахъ устроить пріютъ или богадѣльню для вдовъ и сиротъ духовнаго званія волынской епархіи. Но совѣтъ дерманскаго духовнаго училища нашель невозможнымъ проивзвести на свои скудныя средства починку зданій, а запрошенное въ 1868 г. консисторіей духовенство епархіи также не собралось на пожертвованія для устройства пріюта для вдовъ и сиротъ. Поэтому въ 1876 г. консисторія и новый тогда уже архіепископъ признали мысль преосвященнаго Агаѳангелла неосуществимой и возвратились къ мѣрѣ, указанной св. синодомъ еще въ 1865 г., т. е. предписали передать зданія бывшаго коллегіума въ распоряженіе губернской администраціи для сломки и употребленія матеріала на постройку проектируемой въ Острогѣ соборной и др. церквей. Вслѣдъ затѣмъ изъ этого матеріала были построены въ Острогѣ: зданіе учительской семинаріи, колокольня при церкви мѣстнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства и нѣсколько частныхъ домовъ. При этомъ, какъ водится, огромное количество матеріала подверглось всеобщему расхищенію, такъ что въ рѣдкомъ изъ острожскихъ дворовъ вы не увидите сарая, хлѣва или другой хозяйственной постройки, сложенной изъ старинныхъ кирпичей. Во время моего посѣщенія Острога лѣтомъ прошлаго 1882 г. я еще засталъ удѣлѣвшими два громадныхъ корпуса коллегіатскаго зданія; но ломка продолжается и по-нынѣ... А между тѣмъ въ томъ-же Острогѣ многолюдная шестиклассная прогимназія помѣщается въ ветхомъ деревянномъ флигелѣ, передѣланномъ изъ конюшенъ прежняго владѣльца города.

Теперь—нѣсколько словъ о портретахъ Анны-Алоизы. Изъ приведеннаго выше отрывка статьи протоіеря Яворскаго видно, что въ его время, т. е. до пожара іезуитскаго зданія въ 1820 г., здѣсь хранились еще висѣвшіе на стѣнахъ въ церкви портреты Анны-Алоизы и мужа ея гетмана Ходкевича. Куда они дѣвались впоследствии—этого я никакъ не могъ добиться. Гораздо дольше сохранились портреты Анны-Алоизы и ея дяди Януша Константиновича Острожскаго въ бывшемъ францисканскомъ кляшторѣ въ м. Межиричѣ, вблизи Острога; но въ 1866 г. этотъ кляшторъ былъ обращенъ въ православную церковь, и тогдашній священникъ ея, по несчастію обладавшій иконописнымъ искусствомъ, желая истребить самую память о принадлежности къ католичеству потомковъ князя Константина Острожскаго, замазалъ оба названные портреты, а на мѣсто ихъ изобразилъ лики св. Θεодора князя острожскаго и препод. Іова Почаевскаго. Наконецъ, въ острожскомъ католическомъ костелѣ мнѣ удалось найти два старинныхъ портрета: Анны-Алоизы и ея отца князя Александра Острожскаго—и даже приобрести довольно удачныя копія съ нихъ. На портретѣ Анна-Алоиза изображена сорокалѣтнею женщиною, съ черными глазами и бровями и вообще съ чертами лица, несомнѣнно свидѣтельствующими о замѣчательной красотѣ ея въ цвѣтущемъ возрастѣ. Она одѣта въ черное платье католической монахини, съ бѣлымъ покрываломъ на шеѣ и груди, въ надвинутой до бровей бархатной шапочкѣ, опушенной соболями, и съ четками въ правой рукѣ. Глядя на этотъ скорбный ликъ іезуитской праведницы, невольно испытываешь какое-то жуткое ощущеніе: холодомъ могилы и запахомъ тлѣнія вѣетъ отъ этого круглаго, сморщенного, безстрастнаго лица, съ тонкими, сухими губами, припухшими вѣками и отуманеннымъ взоромъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ древнемъ острожскомъ памятникѣ, съ печальной судьбой котораго тѣсно связано—не только въ исторіи, но и въ памяти народной—воспоминаніе объ Аннѣ-Алоизѣ: разумѣемъ остатки величественнаго и въ самыхъ развалинахъ Богоявленскаго храма на горѣ замковой. Нѣкогда его окружали стѣны и башни замка, а крытая, „бальсованная“ галерея соединяла его непосредственно съ паладомъ князей острожскихъ; теперь отъ всего этого уцѣлѣла одна лишь каменная полукруглая башня, а на фундаментѣ какого-то древняго, укрѣ-

пленнаго контрфорсами, каменнаго зданія (по мнѣнію нѣкоторыхъ—палаца острожскихъ) возведена казарма солдатская. Храмъ построенъ въ готически-византійскомъ стилѣ, въ формѣ продолговатаго четырехугольника, о пяти куполахъ, и по всей справедливости можетъ считаться лучшимъ памятникомъ южнорусскаго зодчества XV вѣка¹⁾. Здѣсь именно, подъ величественными сводами этого памятника древности и благочестія князей острожскихъ, совершилась въ 1636 г. печальной памяти исторія похищенія Анной-Алоизой праха ея отца, вызвавшая возмущеніе православнаго острожскаго населенія. Съ того времени колокола Богоявленскаго храма замолкли навсегда, а самъ онъ, по выраженію одной старинной брошюры, былъ оставленъ въ жилище совамъ и воробьямъ, и въ этомъ положеніи остается и понынѣ. Среди острожскаго населенія существуетъ повѣрье, будто ежегодно въ полночь пасхальную вокругъ пустынныхъ стѣнъ полуразрушеннаго храма тоскливо бродитъ какая-то женщина въ бѣломъ одѣяніи, съ распущенными волосами,

1) Точныхъ свѣдѣній о времени построенія Богоявленскаго храма, впрочемъ, не имѣется. Авторъ «Описанія Острога», помѣщеннаго въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. за 1848 г., Перлштейнъ, свидѣтельствуетъ, что въ его время на наружныхъ окнахъ сѣверной стѣны церкви были видны еще слѣды надписей латинской и славянской, изъ которыхъ онъ съ большимъ трудомъ прочелъ: «*Incipit hujus operis anno Domini 1321*», а изъ славянской можно было разобрать лишь **КЛѢ ЗКА**. Если вѣрно разобраны эти надписи, то ихъ можно понимать такъ, что первоначальное основаніе Богоявленской церкви относится къ 1321 г., ко времени князя Данила Васильевича Острожскаго, а славянское число 7021 (1513) должно указывать годъ ея возобновленія. Но самъ Перлштейнъ, слѣдуя другимъ польскимъ и русскимъ историкамъ, признаетъ болѣе вѣроятнымъ общее мнѣніе, что строителемъ нынѣшняго Богоявленскаго храма былъ князь Василій Федоровичъ Острожскій, умершій въ 1453 году и похороненный въ этомъ же храмѣ. Гробница этого князя была видна здѣсь еще въ прошломъ вѣкѣ, но въ 1773 г. ее почему-то перенесли въ церковь с. Хорева, близъ Острога, вмѣстѣ съ крестомъ, снятымъ съ одного изъ уцѣлѣвшихъ куполовъ Богоявленскаго храма и поставленнымъ на Хоревской церкви. Въ прошломъ году мнѣ случилось быть въ с. Хоревѣ и видѣть въ алтарѣ тамошней церкви этотъ надгробный камень князя Василя, или вѣрнѣе его обломки, на которыхъ съ трудомъ читаются слова «Остроз...» да еще кое-какія отдѣльныя буквы.

громко плачетъ и въ отчаяніи ломаетъ себѣ руки. Народъ забылъ имя этой несчастной и помнитъ лишь, что это—знатная пани, которая когда-то, во время пасхальнаго богослуженія въ этой самой церкви, цугомъ промчалась по священнымъ пасхамъ и за то по смерти осуждена Богомъ не имѣть покоя въ могилѣ и вѣчно оплакивать свой страшный грѣхъ¹⁾). Въ этомъ полузабытомъ преданіи не трудно видѣть смутное воспоминаніе народа объ Аннѣ-Алоизѣ и о событіи 1636 года, имѣвшемъ столь роковое вліяніе между прочимъ и на судьбу Богоявленскаго храма. По какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, храмъ этотъ не былъ обращенъ Анной-Алоизой ни въ католическій костелъ, ни даже въ униатскую церковь; вѣроятно, находившіяся въ немъ гробницы православныхъ предковъ сдѣлали во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ такое обращеніе, и потому онъ просто былъ обреченъ на жертву заустѣнію. Съ тѣхъ поръ минуло безъ малаго два съ половиною вѣка, и сколько важныхъ перемѣнъ совершилось въ судьбѣ древняго города князей острожскихъ, какъ и въ судьбѣ цѣлаго края Волынскаго! Погибла и самая память объ острожскихъ иезуитахъ и скоро не останется камня на камнѣ отъ колоссальной вѣкогда твердыни ихъ—острожскаго коллегіума. А Богоявленскій храмъ, вопреки всѣмъ превратностямъ судьбы, вопреки даже разрушительному вліянію всеокрушающаго времени, все еще величаво выситъ къ небу свои стройные куполы, правда давно лишеныя крестовъ и кровли и на половину уже обрушившіяся, и словно забытый смертью на землѣ многолѣтній пращуръ краснорѣчиво повѣдаетъ о былыхъ, славныхъ временахъ, когда подъ его сѣнью цвѣло знаменитое училище острожское, готовившее на служеніе родной землѣ такихъ дѣятелей, какъ, напр., Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, Исаія Копинскій, Захарій Копыстенскій и др. Едвали не со времени присоединенія Волыни къ Россіи многократно былъ подымаемъ вопросъ о возобновленіи острожскаго Богоявленскаго храма,—вопросъ, несовсѣмъ оставленный и въ настоящее время. Еще недавно въ Острогъ пріѣзжали столичные инженеры, изслѣдовали глубину фундамента Бого-

¹⁾ Объ этомъ интересномъ повѣрьи и соединенномъ съ нимъ преданіи мнѣ лично пришлось услышать въ бытность мою въ Острогѣ.

явленской церкви, поставили къ ея вѣковымъ стѣнамъ деревянныя подпорки и неизвѣстно съ какимъ заключеніемъ уѣхали обратно. Послѣдуетъ-ли когда-нибудь ея возобновленіе или нѣтъ, это дѣло невѣрнаго будущаго; а въ настоящемъ нельзя не пожелать, чтобы приняты были какія-либо мѣры къ предохраненію этого во всѣхъ отношеніяхъ цѣннаго историческаго памятника отъ дальнѣйшаго разрушенія какъ со стороны стихій, такъ еще болѣе со стороны жителей, расхищающихъ кирпичъ для хозяйственныхъ нуждъ,— или по крайней мѣрѣ, чтобы зданіе было ограждено заборомъ. А то вѣдь совѣстно сказать: этотъ величественный, четырех-вѣковой памятникъ православія, заключающій въ своихъ нѣдрахъ гробницы острожскихъ князей, служить теперь убѣжищемъ для бродячихъ скотовъ и, что еще хуже, отхожимъ мѣстомъ для проходящихъ.

Орестъ Левицкій.

СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ.

Малорусскій народъ гораздо менѣе суевѣренъ, нежели великороссійскій. Утверждая это, мы, однако, исключаемъ отъ сопоставленія тѣ отрасли южно-русскаго племени, которыя обитаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: *полтавцовъ* волынской и сѣверной части кievской губерніи, отчасти гродненской, *пiнчуковъ* минской губерніи и *сѣверянъ* черниговскаго Задесенья. Перечисленныя три отрасли южно-руссовъ количествомъ и характеромъ суевѣрій превосходятъ какъ остальныхъ малороссовъ, такъ и великороссовъ, и ближе всего подходятъ къ бѣлоруссамъ. Но что малороссъ степныхъ мѣстностей и прочихъ южныхъ губерній болѣе свободенъ отъ предрасудковъ, нежели великороссъ, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто приметъ на себя трудъ провести параллель между сѣверно-русскими и южно-русскими демоническими существами. Хотя число разнаго рода духовъ у южноруссовъ, можетъ быть, то-же, что и у сѣверноруссовъ; за то духи первыхъ мягче, человѣчнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Малороссъ представляетъ своихъ духовъ въ образахъ часто очень поэтическихъ и не придаетъ имъ той злостности, какою отличаются духи великороссовъ. Самъ чортъ въ малорусскихъ разсказахъ, какъ извѣстно, является нерѣдко въ комическомъ видѣ и вообще не такимъ страшнымъ, какъ великороссійскій. Какъ-бы ни смягчался образъ и ни умалялась власть чорта въ народныхъ вѣрованіяхъ южноруссовъ, все таки нечистый духъ въ его представленіяхъ является настолько сильнымъ, что можетъ приводить въ движеніе мертвецовъ (упыри) и помогать злымъ бабамъ (вѣдьямамъ) причинять людямъ всякія пакости и даже бѣдствія.

Хотя предметъ настоящей статьи составляетъ собственно указаніе на то, какимъ образомъ у насъ, въ Южной Руси, судили

вѣдмъ въ старину, но для большаго уясненія процессовъ вѣдмъ необходимо предварительно коснуться и существующихъ нынѣ вѣрованій въ вѣдмъ, вѣрованій болѣе или менѣе извѣстныхъ, благодаря трудамъ нашихъ этнографовъ.

Вѣдмы, по народнымъ вѣрованіямъ, способны дѣлать людямъ лишь одно зло: онѣ доятъ по ночамъ чужихъ коровъ; выдаивая коровъ до крови, вѣдмы тѣмъ самымъ портятъ ихъ; пугаютъ людей, превращаясь въ разныхъ животныхъ: въ собакъ, свиней, сорокъ и въ различные неодушевленные предметы. Онѣ-же снимаютъ съ неба звѣзды (падающія) и прячутъ у себя подъ „покутьемъ“ или въ погребяхъ. Имъ также извѣстно искусство скрадывать съ неба дождь и росу, которые онѣ уносятъ въ завязанныхъ сосудахъ съ собой и хранятъ въ своихъ домахъ. Онѣ могутъ управлять какъ дождевыми, такъ и градовыми тучами; слѣдовательно, въ ихъ власти задержать дождь и тѣмъ причинить засуху и голодъ, или навести градъ. Имъ приписываютъ также закрутки, или заломы на нивахъ, которыя онѣ закручиваютъ съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, чтобы причинить смерть тому хозяину нивы, который вздумалъ-бы самолично, безъ помощи знахаря, вырвать заломъ, съ другой стороны, чтобы такимъ способомъ перетянуть къ себѣ чужое хлѣбное зерно. Вѣдмы, какъ и упыри, сосутъ кровь у людей, въ особенности у парней и дѣвушекъ, и тѣмъ причиняютъ имъ смерть. Моровое повѣтріе и скотскіе падежи также приписываются вѣдмамъ ¹⁾.

Вѣрованіе въ вѣдмъ настолько распространено въ Малоросіи, что въ каждомъ селѣ вамъ укажутъ на одну или нѣсколько вѣдмъ. Въ этомъ случаѣ не представляютъ исключенія даже большіе, университетскіе города, какъ Кіевъ и Харьковъ, въ которыхъ жители предмѣстій имѣютъ своихъ вѣдмъ. Вѣдмы кіевскіе извѣстны всей Россіи. Покойнымъ профессоромъ Иванишевымъ, уроженцемъ Кіева, записаны были отъ кіевскихъ вѣдмъ, какъ онъ выражался, прекрасныя заклинанія, которыя составляли цѣлый сборникъ ²⁾. Въ Харьковѣ, по рассказамъ народа, одна изъ вѣдмъ

¹⁾ Lud Ukrainski II, 81; Обычай, повѣрья и кухня малорос. Маркевича, стр. 83, Труды экспед. въ западно-рус. край I, 197—199. Поэтич. возрѣнія славянъ на природу Аванасьева и др.

²⁾ Съ сборникомъ своимъ познакомилъ меня самъ Иванишевъ въ 1859 году,

живеть въ предмѣстїи Журавлевкѣ. Это жена коваля, женщина еще не старая; она портить коровъ, перевязывая соски конскимъ волосомъ. Купить человекъ корову, подоить дня три, какъ слѣдуетъ; затѣмъ вымя у нея твердѣеть и не оказывается молока. Всѣ приписываютъ порчу коровъ ковалихѣ, которая пользуется чужимъ молокомъ. Въ семьѣ своей она также крутитъ, т. е. всѣми командуетъ; мужъ, говорятъ, было повѣсился изъ-за нея, да сняли съ петли.

Нельзя не привести здѣсь еще нѣсколькихъ примѣровъ, указывающихъ, какъ крѣпко держится въ народѣ вѣрованіе въ вѣдьмъ. Въ с. Бабаяхъ, подѣ Харьковомъ, живеть ветхая старуха, свыпе семидесяти лѣтъ. Крестьяне ея побаиваются, думая, что она вѣдьма; всѣ несчастія, которыя случаются въ селеніи, народъ приписываетъ ни въ чемъ неповинной старухѣ. Въ прошломъ году вдругъ по селу пронесся слухъ, что старуха умерла. Собрались родные, и позже все село пришло посмотрѣть на мертвую вѣдьму. Къ изумленію всѣхъ присутствующихъ и, конечно, къ большому укрѣпленію ихъ вѣрованія, когда уже былъ приготовленъ гробъ и послали за священникомъ, старуха очнулась съ громкимъ крикомъ и потребовала себѣ меду¹⁾. Въ брацлавскомъ уѣздѣ, подольской губерніи, въ с. Байраковѣ былъ въ нынѣшнемъ году слѣдующій случай. Въ этомъ селѣ умерла отъ родовъ молодая женщина. Когда на другой день пришли хоронить ее, женщина ожила. Она стала затѣмъ рассказывать, что была уже на томъ свѣтѣ, но ее не приняли. Присутствующіе объяснили, что она, должно быть, большая грѣшница, когда Богъ ее не принялъ. Несчастливая женщина усвоила себѣ это мнѣніе, стала думать, что она предназначена чорту, если Богъ не принимаетъ ее, и черезъ нѣсколько дней повѣсилась. Общество въ свою очередь признало ее вѣдьмой и нашло нужнымъ сдѣлать ее уже послѣ смерти безвредной для людей. Для этого напоили допьяна нѣсколькихъ парней, и тѣ за волосы выволокли ее за село на раздорожье и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную во-

когда я былъ еще студентомъ. Этотъ сборникъ въ послѣдствіи, въ 1874 году, былъ присланъ кievскіямъ отдѣломъ Русскаго Географическаго общества на мое имя въ Воронежъ и затерянъ почталіономъ, какъ оказалось по дознанію, произведенному воронежской почтовой конторой, и такимъ образомъ погибъ безвозвратно.

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. за 1883 г., № 79.

дою, этимъ лишили вѣдму возможности насылатъ на село засуху. Но чрезъ нѣкоторое время мѣстный эконокъ сталъ разсказывать, что ему сплюсь, будто повѣсившаяся женщина просила, чтобы могли ея окропить святой водой и поставили на ней крестъ,—тогда она оставитъ всѣхъ въ покоѣ (никому не будетъ сниться). Крестьяне сдѣлали складчину и на собранныя деньги поставили *фигуру* (высокій крестъ) на могилѣ, а также освятили самое мѣсто, гдѣ похоронена покойница¹⁾.

За вѣдмъ признають преимущественно женщинъ глубокой старости. Народу именно кажется подозрительной долговѣчность такихъ женщинъ, т. е. онъ думаетъ, что свой вѣкъ вѣдма можетъ продлить посредствомъ чародѣйства. Иногда, впрочемъ, въ число вѣдмъ засчитываютъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ или вдовъ, но никогда, кажется, вѣдмой не признають дѣвушку.

Крестьяне дѣлятъ вѣдмъ, по ихъ происхожденію, на двѣ категоріи: родимыхъ и ученыхъ; изъ нихъ прирожденныя вѣдмы не такъ вредны, какъ наученыя. Вѣдминимъ признакомъ, по которому можно узнать вѣдму, служить небольшой хвостъ. Но этотъ признакъ недоступенъ для людей, такъ какъ вѣдмы старательно прячуть его отъ всѣхъ. Если при изслѣдованіи у какой-либо женщины, обвиняемой въ „видіомствѣ“, не окажется хвоста, то ее въ такомъ случаѣ признають за ученую вѣдму, потому что хвостъ необходимая принадлежность собственно прирожденной вѣдмы. Вѣрованіе въ существованіе хвоста у вѣдмъ основано на дѣйствительныхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ особеннаго удлиненія копчиковой кости у людей.

Вѣдмы стоятъ въ тѣсной связи съ чортомъ и при его помощи совершаютъ всѣ тѣ дѣйствія, какихъ обыкновенный человѣкъ сдѣлать не въ состояніи. По нѣкоторымъ вѣрованіямъ, чтобы сдѣлаться вѣдмой, женщины необходимо отречься отъ Бога и записать свою душу чорту. Чортъ въ свою очередь обязывается исполнять малѣйшія требованія записавшейся ему женщины. Стетаясь на Лысую гору (по другимъ сказаніямъ на Бабину или Осіаньску), вѣдмы входятъ въ ближайшую связь съ чертями. Есть, впрочемъ, и другія средства, помимо непосредственнаго сношенія съ чортомъ, сдѣ-

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1883 г., № 219; перепечатка изъ «Заря».

латься вѣдмой. Эти секреты извѣстны прирожденнымъ вѣдмамъ, которыя передаютъ ихъ своимъ ученицамъ. Въ однихъ мѣстахъ женщина, которая хочетъ сдѣлаться вѣдмой, должна въ полночь на Юрья пойти на коровій бродъ, набрать въ ротъ воды со слѣда коровы первенца, покропить этой водой *фигуру* на распутьи, снять съ себя всю одежду, и, развѣсивъ рубашку на фигурѣ, за тѣмъ лѣзть на фигуру вверхъ ногами. Въ другихъ мѣстахъ вѣдма, взявъ кусокъ своего сыра, отправляется вмѣстѣ съ ученицей къ рѣкѣ. Когда вѣдма раздробитъ сыръ и броситъ его въ воду, тотчасъ сбѣгаются всевозможные гады и быстро расхватываютъ этотъ сыръ. Вѣдма, указавъ на это своей ученицѣ, говоритъ: „такъ растерзаютъ черти твою душу на томъ свѣтѣ за ремесло вѣдмы“. Если ученица не устрашится и примется учиться, тогда вѣдма начинаетъ ей давать уроки колдовства. Хотя изъ приведенныхъ двухъ обрядовъ не видно, чтобы желающая научиться „видіомству“ прямо сносила съ чертями и отъ нихъ получала свои знанія; но практикуемое при этомъ поруганіе креста (фигуры), собраніе всякаго рода гадовъ, какъ извѣстно, принадлежащихъ къ излюбленнымъ тварямъ чорта, а главное, слова учительницы, обращенныя къ ученицѣ, что она, дѣлаясь вѣдмой, тѣмъ самымъ передаетъ свою душу чертямъ, — все это указываетъ на участіе въ дѣйствіяхъ вѣдмъ дьявольской силы.

Самыми усердными послѣдователями чорта являются женщины. Мужчины рѣдко бываютъ вѣдунами, да и то имъ принадлежитъ въ этомъ случаѣ особеннаго рода роль; они являются такъ сказать примирителями двухъ началъ—гуманнаго и дьявольскаго. Вѣдмакъ, по народному вѣрованію, становится во главѣ вѣдмъ; ему извѣстны всѣ вѣдмы и чаровницы; самъ онъ ничего дурнаго не дѣлаетъ людямъ, а напротивъ старается быть имъ полезнымъ, на сколько это возможно въ его положеніи: распорядясь вѣдмами, удерживаетъ вѣдмъ отъ причиненія людямъ большаго зла. На Лысой горѣ онъ предсѣдательствуетъ въ годичномъ засѣданіи вѣдмъ и опредѣляетъ, что и какъ должны дѣлать вѣдмы въ теченіи всего годоваго періода ихъ дѣятельности. Вѣдмакъ—это человекъ, который родился отъ вѣдмы. Онъ всегда представляется старикомъ съ длинной сѣдой бородой и длинными волосами на головѣ. Длин-

ные волосы на головѣ—необходимая принадлежность вѣдьмака, потому что они скрываютъ присущій ему рогъ.

Другая спеціальность, приписываемая также мужчинамъ—это знахарство. Знахари, впрочемъ, не имѣютъ дѣла съ нечистой силой и дѣлаютъ людямъ преимущественно добро: вылѣчиваютъ наговорами отъ болѣзней, предсказываютъ будущее, отвращаютъ всякія бѣдствія, причиняемыя людямъ вѣдьмами и т. п.

Кромѣ безвреднаго знахарства, мужчины также занимаются чародѣйствомъ (чарівники, чаклуны), которое уже не можетъ обойтись безъ участія нечистой силы. Но, какъ мы увидимъ впоследствии, число мужчинъ-чародѣевъ совершенно ничтожно, по сравненію съ числомъ женщинъ, посвящающихъ себя этому занятію.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: есть-ли существенная разница между чаровницами и собственно вѣдьмами?

Чаровницы такъ-же, какъ и вѣдьмы, по своему происхожденію, дѣлятся на двѣ категоріи: одни урожденные, другія научившіяся своему искусству отъ первыхъ. Прирожденная чаровница дѣлаетъ добро или зло людямъ, смотря по тому, подъ какой планетой она родилась. Наученая—та, которая, заключивъ союзъ съ чортомъ, обрекается дѣлать людямъ только зло. Такимъ образомъ, по своему происхожденію и дѣленію на категоріи, чаровницы почти не разнятся отъ вѣдьмъ. Но дѣятельность ихъ нѣсколько отлична. Чаровница разнымъ зѣлемъ и приговорами можетъ мѣшать во всѣхъ дѣлахъ человѣку, можетъ разстроить семейное счастье, заставить того или другого человѣка полюбить нелюбимую имъ особу, можетъ сдѣлать что-либо вредное для здоровья человѣка или причинить ему смерть, можетъ, на оборотъ, сдѣлать такъ, чтобы кому либо была во всемъ удача, можетъ обратить человѣка въ волка и т. п. Притомъ для чаровницы не обязательно дѣйствовать такъ или иначе; она дѣлаетъ, что ей хочется, или за что получить выгоды; она дѣйствуетъ, какъ наемница, изъ-за денегъ. Дѣятельность-же вѣдьмъ носить болѣе опредѣленный характеръ, заранѣе очерченный; дѣятельность вѣдьмъ можно сказать невольная, такъ какъ она заранѣе опредѣляется на весь годъ. Въ этомъ именно и заключается существенная разница между вѣдьмами и чаровницами. Впрочемъ, надобно сказать, что сфера дѣятельности вѣдьмъ то расширяется, то суживается, смотря по мѣстности и по мѣрѣ того, какъ испа-

ряются въ народѣ суевѣрія. Тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ южной Руси вѣдмы умѣютъ дѣлать очень многое, въ другихъ за ними оставляется лишь умѣнье доить чужихъ коровъ, превращаться въ разные предметы и летать на Лысую гору. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что въ теченіи времени происходили измѣненія въ области вѣрованій о дѣятельности вѣдмы.

Въ старину сфера знанія вѣдмъ значительно была расширена противъ нынѣшняго. На это указываютъ самыя имена: вѣдунъ, или видмакъ, видмачъ, вѣдма и вѣщица (въ сѣверныхъ губерніяхъ и у сербовъ) или вѣщяя жонка (въ старину). Въ широкомъ понятіи *вѣдать* и *вѣщати* совмѣщались всѣ отправленія чародѣйства. О болѣе широкомъ значеніи слова *вѣдать* и слѣдовательно о тождествѣ вѣдовства съ чародѣйствомъ можетъ, на примѣръ, свидѣтельствовать слѣдующая формула присяги, по которой клялись служилые люди въ 1598 г. въ вѣрности избранному на царство Борису Годунову: „ни въ платѣ, ни въ ипомъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни кореня не давати и не велѣти давати... да и людей своихъ съ *вѣдовствомъ* не посылати и *вѣдуновъ* не добывати на государское лихо... и наслѣду всякимъ *вѣдовскимъ* мечтаньемъ не испортити и *вѣдовствомъ* по вѣтру никакого лиха не насилати... а хто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлать... и того помнати¹⁾“. Очевидно, что здѣсь не полагается никакой разницы между чародѣйствомъ и вѣдовствомъ.

Изложенныя раньше вѣрованія относительно вѣдмъ показываютъ, что въ представленіи народа вѣдмы являются врагами мирныхъ людей: онѣ нарушаютъ ихъ покой, причиняютъ разстройство здоровья, уцербъ имуществу, иногда даже посягаютъ на жизнь людей и производятъ общественныя бѣдствія, каковы: моръ и голодъ. Для совершенія этихъ дѣланій, онѣ входятъ въ богопротивную связь съ чертями...

Признавая дѣятельность вѣдмъ столь вредною для человѣческаго общества и, слѣдовательно, столь преступною, народъ издавна выискивалъ средства для того, чтобы узнавать виновницъ, предупреждать и пресѣкать ихъ преступныя дѣланія. Естественнo, что въ

¹⁾ Исторія Карамзина, XI, пр. 5.

старину, когда народъ былъ грубѣе и когда его понятія не расходились съ понятіями высшихъ сословій и онъ принималъ большее участіе въ отправленіи правосудія, средства для испытанія вѣдьмъ и для ихъ наказанія были разнообразнѣе, гораздо реальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ жесточе, нежели въ послѣдствіи.

Въ настоящее время для того, чтобы узнать, кто изъ женщинъ въ селѣ занимается вѣдомствомъ, крестьяне оставляютъ на великопостныя заговѣны пемного сыра отъ пирога и съ нимъ идутъ въ церковь въ день Пасхи. Кто это сдѣлаетъ, тотъ увидитъ всѣхъ вѣдьмъ стоящими въ церкви съ доенками на головѣ. Другіе съ цѣлью получить возможность увидѣть вѣдьмъ, портящихъ коровъ, подлазятъ подъ новую борону или подъ новыя ворота. Стараются также имѣть собаку первака, которая можетъ видѣть вѣдьму, когда та доитъ корову, и можетъ разорвать ее, если только вѣдьма не успѣетъ превратиться въ птицу и улетѣть.

Вообще считается крайне труднымъ дѣломъ поймать вѣдьму на мѣстѣ преступленія, такъ какъ она въ такихъ случаяхъ старается превратиться въ какое либо животное или вещь. Но инымъ удавалось, говорятъ, схватить то животное или тотъ предметъ, наприм. колесо, или иглу, или клубокъ съ нитками, въ которые превращались вѣдьмы; у пойманнаго животного отрубали когти, а колесо или клубокъ втыкали на колъ и вѣшали на воротахъ. За тѣмъ уже по утру находили посаженной на колъ женщину или же оказывалось, что какалъ либо женщина на селѣ, неизвѣстно почему, вдругъ лишилась пальцевъ и т. п. Хорошимъ средствомъ поймать преступницу считается—взять изъ новыхъ, еще неношенныхъ штановъ очкуръ (гашникъ), освятить его вмѣстѣ съ пасхой, и съ нимъ караулить вѣдьму въ сараѣ. Какъ только вѣдьма придетъ, пужно ей набросить петлю на шею и держать крѣпко, не смотря на то, что она будетъ превращаться и въ собаку, и въ волка, и въ лягушку и т. п.

Если, не смотря на всѣ мѣры подобнаго рода, вѣдьма все таки производитъ пакости, въ такомъ случаѣ для ея открытія обращаются къ пособію знахаря, и тотъ уже указываетъ виновницу ¹⁾.

¹⁾ Всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о вѣдьмахъ можно найти въ сочиненіяхъ указанныхъ въ цитатѣ 1-й.

Съ женщинами, заподозрѣнными въ вѣдомствѣ, потерпѣвшіе обыкновенно расправляются самолично, посредствомъ побоевъ. При этомъ, конечно, удостовѣряются, имѣеть-ли подозрѣваемая необходимый признакъ—хвостъ. „Случалось, говоритъ Маркевичъ, поймать иную вѣдму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдма, а самозванка“¹⁾).

Бывали примѣры того, что потерпѣвшіе обращались съ исками на вѣдмъ въ волостные суды. Любопытный случай этого рода имѣлъ мѣсто въ старобѣльскомъ уѣздѣ, харьк. губ., въ 1864 году. Въ сл. Бѣлявкѣ, принадлежавшей помѣщику Штенгеру, въ волостное правленіе явился крестьянинъ той волости и записъ жалобу, что сосѣдка его, будучи во враждѣ съ нимъ, испортила его корову, которая черезъ это и околѣла; съ тѣмъ вмѣстѣ добавилъ онъ, что сосѣдка его вѣдма и что онъ проситъ правосудія волостнаго правленія. Жалоба крестьянина была выслушана волостнымъ старшиною и присутствовавшими съ нимъ въ правленіи стариками. Чтобы не впасть въ ошибочное рѣшеніе столь труднаго обстоятельства, старшина и все сборище, послѣ долгаго обсужденія дѣла, остановились на томъ заключеніи, что необходимы доказательства болѣе ясныя къ обличенію вины подозрѣваемой преступницы и для этого предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который одинъ только можетъ обнаружить виновнаго. Въ знахаряхъ между крестьянами недостатка нѣтъ. На разстояніи четырехъ верстъ отъ сл. Бѣлявки, въ сл. Варваровкѣ, принадлежащей графинѣ Клейсль-Леосъ, отысканъ былъ знахарь и привезенъ въ бѣлявское волостное правленіе. При сборищѣ народа, интересующагося всегда подобнаго рода событіями, знахарь спрошенъ былъ: кто извелъ корову крестьянина? Отвѣтъ знахаря подтвердилъ вполне обвиненіе хозяина коровы и удостовѣрилъ, что сосѣдка его дѣйствительно вѣдма. Послѣ этого не оставалось ни одного крестьянина, который-бы не увѣровалъ въ истину словъ знахаря, и несчастная женщина обвинена была и въ истребленіи коровы, и въ преступномъ занятіи чародѣйствомъ. Не выпуская ее изъ круга своего, крестьяне избили бѣд-

¹⁾ Обычай, повѣрья и кухня малороссіянъ, стр. 83.

ную женщину, подвергли ее освидѣтельствуванію, такъ какъ истинная вѣдьма должна имѣть хвостъ, и потомъ осудили уплатить со-сѣду за погибшую корову. Бѣда тѣмъ не кончилась: семейству женщины не было съ тѣхъ поръ житья въ селеніи; ни ей, ни мужу, ни дѣтямъ не было проходу ни отъ стараго, ни отъ малаго. Едва кто изъ нихъ показывался на улицѣ, ихъ встрѣчали бранью, укра-рами въ колдовствѣ и провожали свистомъ. По отсутствію владѣльца изъ имѣнія, беззащитная семья терпѣла всѣ несправедливости такой кары и наконецъ рѣшилась отправиться съ жалобою къ мировому посреднику. Что было далѣе, какъ разобралъ это дѣло мировой посредникъ—не извѣстно ¹⁾).

Въ прѣжнее время для женщинъ, заподозрѣнныхъ въ причиненіи засухи, подвергали испытанію водою. Водѣ народомъ приписывается, кромѣ плодородящей и цѣлебной силы, еще очистительная и вѣщая сила. Наприм. для предотвращенія зловредной способности умершихъ вѣдьмъ и колдуновъ отводигъ тучи и тѣмъ причинять засуху, вырываются ихъ трупы изъ земли и бросаются въ воду или-же водою поливаются ихъ могилы. Въ силу такого важнаго значенія воды, она употреблялась также для испытанія вѣдьмъ.

Легкій способъ испытанія вѣдьмъ водою состоялъ въ томъ, что подозрѣваемыхъ въ причиненіи засухи заставляли носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близъ села или на раздорожьи. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣній въ вѣдомствѣ ²⁾).

Болѣе труднымъ и вмѣстѣ самымъ ходячимъ способомъ испытанія водою считалось топленіе женщинъ въ водѣ, такъ какъ признавалось, что вѣдьмы не тонуть въ водѣ, хотя-бы онѣ были связаны по рукамъ и ногамъ. Процессъ испытанія вѣдьмъ водою въ Малороссіи состоялъ въ томъ, что во время бездождія жители собирали всѣхъ женщинъ и приводили ихъ къ рѣкѣ или пруду. Приведенныхъ къ водѣ скручивали веревками, иногда даже навязывали имъ на шею камень, и бросали въ глубокое мѣсто; невиныхъ, которыя

¹⁾ Хар. Губ. Вѣд. 1864 г. № 52. (Прибавленіе: Харьковъ).

²⁾ Труды стат.-этногр. экспедиціи Чубанскаго I, стр. 347.

тогчасъ-же начинали тонуть, вытягивали изъ воды съ помощью веревокъ, а тѣхъ, которые долго держались поверхъ воды, признавъ за вѣдьмъ, обрекали на смерть ¹⁾).

Въ дѣлахъ судебныхъ учрежденій прошлаго столѣтїя сохранились подробности испытанія вѣдьмъ водою. Въ 1709 году, во время засухи въ Подолїи, мелкопомѣстные владѣльцы села Подфилипья, для узнапія виновницъ бездождїа, распорядились, чтобы всѣ крестьянки, въ видѣ перваго испытанія, носили ведрами воду изъ рѣки Збруча черезъ поля и поливали ею крестъ, стоявшій у дороги на значительномъ разстояніи отъ рѣки. Но такъ какъ всѣ крестьянки исполнили это приказаніе и тѣмъ сняли съ себя подозрѣніе, то владѣльцы должны были искать виновницъ между дворянками. При этомъ одинъ изъ владѣльцевъ указалъ на дворянку, которую слѣдовало-бы подвергнуть испытанію. Этой женщинѣ онъ былъ долженъ значительную сумму денегъ, отъ уплаты которыхъ уклонялся въ теченіи двухъ лѣтъ; поэтому въ его интересѣ было содѣйствовать ея обвиненію, или по крайней мѣрѣ опозорить ее. Съ общаго совѣта устроили на берегу рѣки Збруча пущья приспособленія; созвали въ это мѣсто всѣхъ жителей села и пригласили упомянутую дворянку. Когда она явилась, то крестьяне, по приказанію ея должника, бросились на нее, раздѣли до нага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній: большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги и то-же дѣлалось на-крестъ. За тѣмъ между связанными членами продѣта была веревка и несчастную припяли на блокахъ опускать въ воду и подымать вверхъ. Такъ какъ при этомъ она тонула, то признана была общимъ собраніемъ невиною ²⁾).

Вотъ другой случай подобнаго-же испытанія. Въ маѣ 1711 г. на Волини была сильная суша, вслѣдствіе отсутствія дождя. Виновницами, конечно, считали женщинъ. Управляющій имѣніями одного князя приказалъ испытать, по древнему обычаю, посредствомъ воды женщинъ—кто изъ нихъ будетъ плавать. По испытаніи оказалось десять бабъ села Погорилецъ такихъ, которыя не тонули. Ихъ, разумѣется, признали виновными и вслѣдствіе этого предста-

¹⁾ Lud ukrain. II, 83.

²⁾ Тамъ-же, стр. 347.

вили въ дубнинскій магистратъ, для заключенія въ тюрьму, до рѣшенія дѣла. Магистратъ, однако, отпустилъ ихъ домой, за поручительствомъ мужей, съ тѣмъ, чтобы онѣ были представлены въ судъ, по первому требованію судебныхъ властей ¹⁾).

Обычай испытанія вѣдьмъ водою сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Гуцулы, карпатскіе горцы, топили вѣдьмъ въ 1827 году. Въ извѣстномъ разсказѣ Квитки „Конотошска вѣдьма“ передаются подробности испытанія вѣдьмъ водою. По поводу своего разсказа, Квитка писалъ въ 1839 году Плетневу, что разсказъ его основанъ на преданіяхъ старожилловъ и что топленіе вѣдьмъ при засухѣ не только дѣло бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи ²⁾).

У полѣщукровъ, кажется, до сихъ поръ существуетъ обычай испытывать вѣдьмъ водою во время бездождія. По крайней мѣрѣ попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ. Въ № 46 „Недѣли“ за 1875 годъ помѣщена длинная корреспонденція Г. М. подъ заглавіемъ: „Вѣдьмы“ (письмо изъ жизни Полѣсья). Авторъ корреспонденціи пишетъ, что полѣщукы „ищутъ вѣдьмъ водою: вяжутъ и бросаютъ въ воду; которая поплыветъ, та и есть вѣдьма“. Далѣе авторъ рассказываетъ, какъ крестьяне одного села, по совѣту стариковъ и старосты, задумали испытывать вѣдьмъ водою и просили помѣщика, чтобы онъ позволилъ покупать бабъ въ его прудѣ. Дѣло остановилось только вслѣдствіе того, что помѣщикъ не далъ пруда для этой надобности. Тогда крестьяне порѣшили осмотрѣть женщинъ черезъ повивальную бабку, думая, что у которой окажется хвостъ, та и есть вѣдьма. Староста и сотскіе приказали мужьямъ гнать бабъ въ корчму, и мужья волея-неволей исполнили это. Ревизовала повитуха по очереди и, выпуская на улицу, кричала стоявшему караулу (староста съ сотскимъ): „пустишь, не вѣдьма!“ Оказалось три вѣдьмы. Ихъ посадили подъ арестъ и написали донесеніе становому. Письмоводитель станового напугалъ толпу, увѣривъ, что по закону вѣдьмъ нужно жечь. Дѣло окончилось взяткой съ мужиковъ.

¹⁾ Lud ukrain.

²⁾ Украинская старина Данилевскаго, стр. 253.

Многоуважаемый авторъ изслѣдованія о колдовствѣ въ юго-западной Руси, помѣщеннаго въ 1-мъ томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, считаетъ, что предразсудокъ, приписывающій продолжительныя засухи вліянію вѣдьмъ или, по крайней мѣрѣ, самый способъ разыскиванья виновницъ посредствомъ такъ называемаго плаванія вѣдьмъ, были происхожденія не мѣстнаго, а заимствованы съ запада. Въ подтвержденіе имъ приводится то обстоятельство, что въ одновременныхъ французскихъ и нѣмецкихъ процессахъ можно найти то-же вѣрованіе, съ тѣмъ-же ритуаломъ разслѣдованія, совпадающимъ съ нашими процессами въ мельчайшихъ подробностяхъ. Кроме того доказательствомъ заимствованій упомянутаго обычая съ запада, по мнѣнію автора, можетъ служить и то еще обстоятельство, что въ процессахъ инициатива плаванія принадлежитъ лицамъ дворянскаго сословія, а не народу¹⁾. Приведеннаго мнѣнія, мнѣ кажется, нельзя раздѣлять съ авторомъ по слѣдующимъ причинамъ. Вѣрованіе, приписывающее бездождіе вѣдьмамъ и испытаніе вѣдьмъ водою извѣстно не только нѣмцамъ и французамъ, но и южнымъ славянамъ, наприм. сербамъ, также грузинамъ и другимъ народамъ. Даже индусы вѣрили, что колдуньи не тонуть въ водѣ, если ихъ опустить въ нее²⁾.

Не можемъ не привести здѣсь интересныхъ свѣдѣній объ обычѣ испытанія водою „вѣщицъ“, какъ онъ практиковался до позднѣйшаго времени въ Герцоговинѣ, Черногоріи и Бокѣ Которской. Эти свѣдѣнія записаны разными лицами отъ старожилловъ изъ народа и помѣщены г. Богишичемъ въ его сборникѣ: *Pravni običaji u južnih Slovena*, изданномъ въ 1874 г. въ Загребѣ³⁾. Въ Герцоговинѣ и Черногоріи вѣщицамъ приписывали падежъ скота, внезапную смерть молодыхъ людей и дѣтскую эпидемію. Съ цѣлью узнать виновницъ падежа, или мора, и за тѣмъ казнить ихъ, собирались со всего села мужчины, способные носить оружіе, и старѣйшина сельскій обрацался къ нимъ обыкновенно съ такой рѣчью:

¹⁾ Упомян. изданіе стр. 347.

²⁾ Пѣтяч. вѣзэр. славянъ на природу III, 511—512 и *Lud ukrain.* II, 83.

³⁾ Стр. 561, 640.

„вы знаете, братцы, что гибнетъ наше потомство отъ бездушнаго и гнуснаго бабья, поэтому утромъ рано пускай всякій свою жену и мать, такъ-же, какъ и я свою, приведетъ къ водѣ (на прудъ, на рѣку или на озеро), будемъ ихъ бросать въ воду, чтобы узнать, кто виновная, и побьемъ ее камнями, или пусть поклянутся, что больше не будутъ причинять зла. Согласны-ли на это?“—Всѣ единогласно соглашались. На другой день всякій приводитъ свою, связываетъ ее подъ мышками канатомъ, и въ такомъ видѣ бросаетъ въ воду, и то-же продѣлываетъ каждый по очереди надъ своей. Которая тонетъ, ту быстро вытягиваютъ канатомъ изъ воды, и она не вѣдьма, а та, которая не тонетъ, а барахтается поверхъ воды, та признается за вѣдьму. Это производилось въ Кривошій, въ которскомъ округѣ. И въ Герцоговинѣ извѣстенъ тотъ-же обычай. Въ 1857 году въ г. Требиныѣ турки принудили христіанъ, чтобы тѣ бросали своихъ женъ въ рѣку Требишницу, которая течетъ близъ города. Нѣкоторые изъ брошенныхъ въ рѣку тонули, а семь остались поверхъ воды. Это случилось вслѣдствіе того, что онѣ имѣли на себѣ много платья и случайно пали въ воду перпендикулярно, держась на водѣ посредствомъ рубахъ и верхняго платья; турки настаивали на томъ, чтобы всѣ семь были побиты камнями, и едва христіане ихъ умолили, подъ условіемъ призвать изъ монастыря Дужи игумена Евстафія Дучича, съ тѣмъ, чтобы онъ исповѣдалъ ихъ, а онѣ поклянутся подъ эпитрахилемъ, что болѣе не будутъ заниматься чародѣйствомъ. Въ Герцоговинѣ, Черной Горѣ и Бокѣ которской власти воспрещаютъ этотъ обычай, но, говорятъ, онъ повторяется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно. Въ Черногоріи два племени даже поссорились между собою изъ-за одной вѣщницы. Объ этой вѣщницѣ говорили, что она извела юношу другого племени, и его соплеменники хотѣли начать месть на томъ племени, къ которому принадлежала чародѣйка.

Очевидно, что подобное широкое распространеніе обычая топить вѣдьмъ не могло-бы имѣть мѣста, если-бы это былъ чужеземный, а не народный обычай.

Что на Руси обычай испытанія вѣдьмъ водою существовалъ издревле, это прямо доказывается слѣдующимъ мѣстомъ обличенія Серапіона, епископа владимірскаго, жившаго въ XIII-мъ столѣтіи: „се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть—не токмо въ Руси, но и

въ Латынѣ: се вълхове-ли створиша? аще не Богъ-ли строить свою тварь, яко-же хочеть, за грѣхъ насъ томя?.. Молю вы: отступите дѣль погашьскихъ. Аще хочете градъ оцѣстити отъ незаконныхъ челоуѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ—пророкъ... Правила божественныя повелѣвають многими послухи осудити на смерть челоуѣка; вы-же воду послухомъ поставите и глаголите: аще утопати начнетъ—неповинна естъ, аще-ли поплövetь—волховъ (вѣдьма) естъ. Не можетъ-ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврепци въ душъгубство“¹⁾.

Женщинъ, обвиняемыхъ въ причиненіи засухи и голода, мора и другихъ подобныхъ общественныхъ бѣдствій, обрекали на смерть, и сжигали или топили ихъ или-же закапывали живыми въ землю. Укажемъ нѣсколько случаевъ этого рода наказаній въ южной Руси.

Въ 1720 году въ мѣстечкѣ Красиловѣ, въ южной части Волыни, крестьянами была закопана въ землю по плечи и за тѣмъ сожжена 120-ти лѣтняя старуха, которая была заподозрѣна въ причиненіи свирѣпствовавшей тогда моровой язвы. На нее, какъ на виновницу мора, указаль знахарь, или ворожбитъ, къ помощи котораго обращалась громада. Мы не будемъ останавливаться на этомъ случаѣ, обстоятельно переданномъ въ указанной выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западной Руси²⁾. Но войдемъ въ подробности относительно происшествія подобнаго-же рода, случившагося въ 1711 году въ м. Олишевкѣ (нынѣ въ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи).

Въ 1710 г. Украину посѣтили два тяжелыя бѣдствія—моръ и саранча. Моровая язва была до того сильна, что въ одномъ черниговскомъ полку поглотила 11,000 душъ обоого пола. Она продолжалась въ 1711 и даже въ 1712 г. Саранча также налетала дважды и до корня съѣдала посѣвы и травы. Уныніе господствовало такое, что народъ думаль, будто пришла кончина міра. Въ м. Олишевкѣ, подъ вліаніемъ моровой язвы, народъ пришелъ въ большое смятеніе, или, говоря словами одного документа, „бунтовщики взбунтовались: многихъ женъ, признавая ихъ, яко за видіомство, пожгли“. Погибли отъ огня не только простыя козачки и

¹⁾ Поэтич. възрѣнія славянъ на природу III, 510.

²⁾ Тамъ же, стр. 393.

жены посполитыхъ, но также мать бунчуковаго товарища Михайла Быховца и бабка пановъ Тетранскихъ и Ошовскаго. Подъ Олишевкой, на томъ мѣстѣ, гдѣ погибли несчастныя, Быховець съ тѣми обывателями, которыхъ матери и жены были сожжены, устроили каплицу, а потомъ, когда каплица пришла въ ветхость, панъ Ошовскій въ 1728 году поставилъ крестъ ¹⁾. Оставшіеся въ живыхъ виновники погибли женщинѣ одни были казнены, другіе жестоко наказаны тѣлесно, третьи много лѣтъ страдали въ тюрьмѣ. Этимъ происшествіемъ воспользовался бунчуковецъ Быховець и эксплуатировалъ ея въ свою пользу. Онъ старался втянуть въ дѣло и подвести подъ отвѣтственность какъ можно большее число лицъ, въ томъ числѣ и олишевскаго сотника Шрамченка. Розыски были возбуждаемы имъ до 1717 г., когда жители олишевскіе, выведенные изъ терпѣнія дѣйствіями Быховца, обратились къ гетману съ жалобой на него и получили оборонный универсалъ.

Приводимъ три документа, относящіеся къ указанному событію.

1.

Въ рѣшеніи нѣжинскаго полковаго суда по жалобамъ олишевскихъ обывателей на своего сотника Данила Шрамченка находится такой пунктъ:

Семень Довгій ускарился на пана сотника, что онъ шурива его безъ жадной причины до туремнаго вязеня далъ, зъ котораго, боячися страху, утѣкъ, и панъ сотникъ завладѣлъ на полъчварти, недѣли поля и гаемъ однимъ владѣть. Отвѣтовалъ панъ сотникъ: за тое я его до вязеня далъ, по указу яспевелможного добродѣя, его милости, паца гетмана, что онъ приводцею самимъ былъ, подъ часъ моровой язвы, невѣсти въ Олишевци палити; и скоро онъ долотомъ видобся съ турми и мене власне за самого его турбовано отъ Быховця, при якої турбаціи таларей болне ста утратилемъ, и я за свою утрату держу кррунта, нѣмъ тотъ злочинця до своего дому прибудеть, або кривніе его утрату вернуть. Теды мы (т. е. члены суда) по такоихъ его пана сотника словахъ, а по свѣдѣтельству людскому, позволили пану сотнику до слушнаго часу тими кррунтами владѣти.

¹⁾ Филаретъ. Историко-стат. описаніе черняг. епархіи V, 271.

2.

Протестъ сотника Шрамченка противъ дѣйствій бунчуковаго товарища Быховца.

Року тысяча семсотъ семнадцатого, мѣсяца августа пятого дня. Заносилъ протестъ панъ сотникъ на пана Быховца въ той мѣрѣ: же панъ Биховець посылалъ до туремниковъ брата своего Александра информовати, абы всѣ туремники на пана сотника мовили, что онъ ихъ посылалъ збѣрати до печеня женщинъ. На що тыхъ-же ставилъ туремниковъ и доводилъ очне посвѣдченыхъ.

Першій Грицко Стеценко зозналь, что былъ, мовить, у насъ вчора вечеромъ Александръ и мовиль такъ: мовте всѣ въ одно слово на пана сотника, що онъ васъ посылалъ, а будете волни.

Другій Саливонъ зозналь, же мовиль имъ Александеръ: кажите всѣ на пана сотника, коли хочете быть волни. Туремники тоды отказали: скажемъ тое, що знаемъ.

Миколай Шкода такъ посвѣдчилъ: якъ Усика випущено, „Усика, мовиль Александръ, випущено, що правду сказаль; за чимъ и ви, туремники, коли хочете быти волны, кажить правду.“

Демко Безрученко зозналь о себѣ: я, мовить, не чулемъ отъ самого Александра, але мнѣ туремники мовили, що Александеръ казалъ правду мовити и на сотника въ одно слово говорити.

Телешко визналь: былъ, мовить, вчора вечеромъ Александръ у насъ, и казалъ нѣкого не жаловати, але правду мовити и, пана сотника не боячися, визнавать истину.

Якій протестъ просилъ панъ сотникъ на папѣрѣ рукоподписномъ себѣ видати. Прето мы потребуючому видаемъ. Данъ въ Олишевцѣ року, мѣсяца и дня написаного.

Андрей Василювичъ, судя полку прилуцкого. Оеодоръ Чуйкевичъ.

3.

Оборонный универсаль гетмана Скоропадскаго.

Великого государя нашего, его царского пресвѣтлаго величества войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Пану полковникови нѣжинскому, зъ панами старшиною его полковою, и всѣмъ, кому-бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, симъ нашимъ ознаймуемъ универсалнимъ писаніемъ: ижъ

супплѣковали до насъ товариство и посполитіи люде сотнѣ олишевской, жалостне прекладаючи, что Биховець за умордоване матки своей, которую еще подѣ часъ морового повѣтря нѣкоторіи легкомыслиники спалили, чрезъ осмь лѣтъ уже, съ провожанемъ разнихъ инквизиторовъ, не меншую мѣсту ихъ чинить тяжесть, тако-жь и обыватели чрезъ тое до знатного приходятъ знищеня; и любо розискомъ показалося на многихъ, же до того спаленя Биховцевой матки были поводомъ, зѣ которыхъ едни на субстанціи, другіи на здоровю скарани, а третіи до сихъ часъ въ вязеню держатся. Однакъ онъ тимъ не контентуючися, що разъ инихъ затыгаетъ висланныхъ, которіи уже мѣсту на килка сотъ золотихъ учинили кошту, и опрочъ того еще и за зрубъ лѣсовъ своихъ, подѣ часъ рунѣ шведской пустошенныхъ, онъ-же Биховець на жителяхъ олишевскихъ, доходячи шкоди, многихъ грабить, забѣраетъ и вязенемъ трапить. Надто тихъ, на которыхъ довелося, же до умордованя матки его-жь Биховця были причиною, онъ Биховець, упеvняючи уволненемъ, если на пана сотника тамошнего и другихъ невиннихъ таковой-же наведуть порокъ, наущаетъ онихъ. Зачимъ помянутіи товариство и посполитіи просили насъ о видане оборонного унѣверсалу, ижъ бы впредъ они отъ таковой Биховцевой были волни напасти. Пре то мы прошенію ихъ давши у себе мѣстце, а хотячи преречонимъ олишевскимъ обывателемъ не допустить далей чинити делегливостей, яко велѣлисмо сей нашъ зѣ канцеляріи войсковой видати унѣверсаль, такъ повагою оногo пилно варуемъ, абы одъ сего времени Биховець, не затѣваючи олишевцямъ, затыганемъ висланныхъ на розисковане о спаленю матки своей (що уже многократними инквизиціями было вивожено, и которіи показались винными, едни скарани, а протчіи доселѣ чрезъ тіи всѣ года отъ моровой лзви вязенемъ притиснени обрѣтаются) жадной трудности, такожь за зрубъ лѣсовъ его, поневажъ онъ при противной сторонѣ тогда найдовался¹⁾... жадного-бы имъ Олишевскимъ обывателемъ не чинилъ напастованія и другимъ до поисканя на невиннихъ самоволного поступку не давалъ поводу, такожь бы въ сотенныи порядки не важился интересовати. Що все, абы подлугъ сего указу нашего и

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ строка вырвана.

выразной волѣ было содержано, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ януаріа 22, року 1718.

Вышменованный гетманъ рукою власною¹⁾.

Народное вѣрованіе, что для прекращенія моровой язвы необходимо отыскать виновницу ея распространенія и сжечь или закопать живою въ землю, современемъ перешло въ другое вѣрованіе, по которому для уничтоженія мора самовѣрнѣйшее средство похоронить живою вообще какую-либо старуху. Такое повѣрье до сихъ поръ не вывелось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ 1855 году оно даже было осуществлено жителями д. Окоповичъ, новогрудскаго уѣзда, во время свирѣпствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьянъ упомянутой деревни везли хоронить своихъ только что умершихъ дѣтей, то къ печальной процессіи по дорогѣ присоединилось еще нѣсколько челоуѣкъ крестьянъ и между прочими сотскій и старуха крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотскій и нѣкоторые изъ крестьянъ. Они задались цѣлью вмѣстѣ съ умершими дѣтьми похоронить и ее, такъ какъ были увѣрены, что самый вѣрный способъ прогнать холеру состоитъ въ томъ, чтобы закопать въ землю живую старуху, и что это средство уже испытанное. Манькову дѣйствительно похоронили вмѣстѣ съ дѣтьми. Но холера не прекратилась и похитила всѣхъ участниковъ преступленія, за исключеніемъ одного крестьянина Козакевича, на котораго и обрушилось наказаніе. Козакевичъ, по рѣшенію минской уголовной палаты, былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ съ обдуманымъ заранѣе намѣреніемъ и былъ приговоренъ къ наказанію плетью и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ²⁾.

Остановившись такъ долго надъ судомъ народа надъ вѣдьямами, нельзя не коснуться, хотя нѣсколько, и вопроса о томъ, какъ относились къ чародѣйству и къ вѣдьямамъ законодательство и оффиціальныя суды въ Польшѣ и въ московскомъ государствѣ, въ

¹⁾ Приведенные документы получены мною въ Черинговѣ отъ г-жи Борсукъ, урожденной Шрамченко, изъ Олшневки. У С. Д. Носа есть болѣе интересный документъ о вѣдьямахъ; желательна, чтобы онъ поделился имъ съ читателями «Кіевской Старини».

²⁾ Отеч. Завѣскл 1869 г. № 5. По переводу русскихъ уголовныхъ процессовъ.

составъ которыхъ входила въ разное время Малороссія. По словамъ Мацѣевского, въ Польшѣ юристы постоянно настаивали на томъ, что мѣстные законы не предусматрѣли ни чаръ, ни мѣръ противъ нихъ, и не хотѣли раздѣлять подобныхъ предразсудковъ; но духовенство, возставая противъ такого невѣрія въ чародѣйство, ссылалось на уставъ 1543 года, по которому король Сигизмундъ 1-й предоставилъ церкви право суда и наказанія за чары. Голосъ духовенства бралъ верхъ. Старыхъ женщинъ, взгляды которыхъ причиняли слезъ или которыя имѣли опухшія и налитыя кровью глаза, испытывали водой или сожигали на кострахъ. Это продолжалось до 1776 года, когда сеймъ постановилъ, чтобы не употреблять пытокъ и не карать за чары. Однако и послѣ этого случались казни ¹⁾).

Дѣйствительно случаи казней вѣдьмъ повторялись довольно часто въ польскихъ провинціяхъ, въ особенности по приговорамъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Отъ половины прошлаго столѣтія сохранилось интересное допесеніе управляющаго графа Тышкевича изъ Литвы, въ которомъ онъ сообщалъ владѣльцу, что онъ, съ его позволенія, сжегъ шесть чаровницъ, изъ которыхъ три сознались, а остальные нѣтъ. Не смотря на такую расправу, господская рожь оказалась въ двухъ мѣстахъ заломана. „Я собираю теперь, продолжаетъ онъ, съ десяти костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непременно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа. Вотъ и г. Эпернети, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина сознавалась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ ²⁾“.

Официальные суды въ Польшѣ также приговаривали вѣдьмъ къ казнямъ, и такого рода казни тамъ продолжались долѣе, нежели гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Такъ въ окрестности Познани, по приговору магистратскаго суда, сожжена была женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, въ 1793 году, въ то уже время, ко прусская коммиссія находилась въ Познани и принимала во вла-

¹⁾ Historia prawod. słowians. V, 697.

²⁾ Поэтич. вѣзър. славянъ на природу, III, 512.

дѣніе эту область¹⁾. Основаніемъ для подобнаго рода приговоровъ могли служить иностранныя кодексы магдебургскаго права, дѣйствовавшіе въ Польшѣ. Тоже самое должно было имѣть мѣсто и на Украинѣ, гдѣ хотя Литовскій Статутъ не допускалъ такихъ казней, но за то Право хелмское, Зерцало саксонское и Порядокъ требовали сожженія волшебниковъ²⁾. Въ московскомъ государствѣ, по словамъ Котошихина, чародѣевъ предавали смерти чрезъ сожженіе или отрубиваніе головы³⁾. Даже въ Воинскомъ Уставѣ, законодательномъ памятникѣ Петра 1-го, за чародѣйство назначается сожженіе.

При сравненіи порядка судопроизводства по дѣламъ о чародѣйствѣ на судѣ народномъ съ порядками официальныхъ судовъ самъ собою является вопросъ о томъ, гдѣ больше было гарантіи для личности подсудимаго. При народномъ судѣ, какъ мы видѣли, было крайне трудно оправдаться обвиняемому, такъ какъ для доказательства его виновности прибѣгали къ помощи такихъ экспертовъ, какъ знахари изъ крестьянъ же, или къ такимъ уликамъ, какъ испытаніе водою, или какъ значительное развитіе копчиковой кости и т. п.

Судъ официальный въ большинствѣ случаевъ, конечно, пренебрегалъ этими средствами и разбиралъ дѣла при помощи опроса свидѣтелей. Но за то такой судъ для полученія доказательства виновности прибѣгалъ весьма часто къ пыткамъ⁴⁾. А, какъ извѣстно, при пыткахъ многіе, не вытерпя мученій, нерѣдко сознавались въ томъ, чего никогда не бывало. Нельзя не привести интереснаго въ этомъ отношеніи примѣра, имѣвшаго мѣсто въ Малороссіи.

Въ 1714 году Татищеву (историку) пришлось быть въ Лубнахъ у фельдмаршала гр. Шереметева: здѣсь онъ узналъ, что одна женщина была осуждена на смерть за чародѣйство; она показывала

1) Труды эксед. въ юго-зап. край, I, п. 325.

2) Права, по которымъ судятся малор. народъ. Кистяковскаго, стр. 16.

3) Его Записки, издан. 2-е, стр. 96.

4) Въ Дневныхъ Запискахъ подскарбія генеральнаго Маркевича педъ 30 октября 1734 года отмѣчено: «Бабъ, старую и шпикарку, по дѣлу полковницы Тауской, за чарованіе во вредъ яко-бы генерала де Вейсбаха, а въ пользу за арестомъ сидящаго полковника Таускаго, въ судѣ генеральномъ пекля (п. 1-й, стр. 434).

о себѣ, что превращалась въ сороку и дымъ, повинившись въ томъ съ пытки. Татищевъ, не раздѣлявшій общихъ тогда предразсудковъ, увѣрялъ, что это неправда и что женщина взводитъ на себя напраслину, но фельдмаршалъ нисколько этому не внималъ. Только послѣ долгихъ увѣщаній, старуха призналась, что наговорила на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не знаетъ. Благодаря этому случайному обстоятельству, казнь была отмѣнена и несчастную лишь сослали въ монастырь на покаяніе¹⁾.

При правильно дѣйствующемъ судѣ все таки легче было освободиться отъ такихъ обвиненій, которые дѣлались изъ какихъ-либо личныхъ видовъ, изъ мести и т. п., такъ какъ установленный судъ долженъ былъ допрашивать свидѣтелей, тогда какъ народный судъ въ нихъ не нуждался, хотя, разумѣется, въ исключительныхъ случаяхъ, и организованный судъ могъ поступить неправильно, поддаваясь указаніямъ или свидѣтельству лицъ, которыя преслѣдовали лишь свои личныя цѣли. Вотъ примѣры того и другаго рода рѣшеній.

Въ 1666 году на урядѣ мѣскомъ стародубовскомъ разбиралось дѣло такого рода. Мельникъ с. Мышковцовъ Василій Михновскій обвинялъ Орину, жену обывателя Андрея, въ томъ, что она „зъ своего знахарства жито заламовала“ и называлъ ее вѣдьмою, въ чемъ и ссылался на свидѣтелей, между прочимъ на Павла Пацука, который будто-бы засталъ ее при заломѣ. Свидѣтель Хведко показалъ, что онъ слышалъ, будто-бы обвиняемая заламливала жито, что видѣлъ Павло Пацукъ; впрочемъ объ этомъ онъ слышалъ отъ разныхъ людей, а не отъ самага Пацука. На судѣ Пацукъ отрицалъ то обстоятельство, что онъ засталъ при заломѣ Орину. Спрошенные по этому дѣлу всѣмъ селомъ *мужево* мышковскіе дали показаніе, „же по той невѣстѣ, жонѣ Андреевой Оринѣ, пѣчегосмо не видѣли, жадныхъ злыхъ учинковъ, и не чулысмо не отъ кого, жебы она мѣла жито заламовати, албо што иные якіе злые учепки починпати“. Тогда и Василій Михновскій признался, что онъ „по сердцу (по пасердкѣ) мовилъ объ оное вѣдіомство и заламованье

¹⁾ Исторіи Россіи, I, 110.

жата, изъ людской то молвы оныя слова мовилемъ“. Судъ, по просьбѣ обвиняемой, приговорилъ мельника къ заключенію въ тюрьму за клевету; но она простила его, „за упрошенемъ людскимъ, будучи милосердемъ зята“¹⁾). Противуположный фактъ передается въ одномъ изъ разсказовъ В. Даля. По увѣренію этого писателя, на Украинѣ ходило преданіе, основанное на судебномъ актѣ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своею сосѣдкою, обвинила ее въ скрадьваніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и предали сожженію²⁾).

Прежде нежели переходить къ разсмотрѣнію того, какъ наказывали у насъ вѣдьмъ за болѣе легкія преступленія, считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько о той роли, какую играли женщины по отношенію къ мужчинамъ въ судебныхъ процессахъ и передъ народнымъ судомъ.

Въ отдаленную старину и даже въ прошломъ столѣтіи обвиненія въ вѣдовствѣ всегда почти падали на женщинъ, мужчины крайне рѣдко подозрѣвались въ этомъ; напротивъ того мужчины изстари играли роль обличителей, судей и палачей. Къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведены уже ранѣе изъ жизни южной Руси XVII и XVIII-го столѣтій, сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній изъ сѣверно-русской исторіи, относящихся къ болѣе древнему періоду. Въ 1411 году, во время свирѣпствованія моровой язвы въ Псковѣ, погибло 12 женщинъ и ни одного мужчины: псковичи, какъ сказано въ лѣтописи, „сожгоша 12 вѣщія жонкѣ“. Раньше этого четырьмя столѣтіями, именно въ 1024 году, въ суздальской землѣ волхвы избивали старую чадь (т. е. старухъ), по дьяволу наученію и бѣсованію, обвиняя ее въ причиненіи неурожая. Въ 1071 году во время голода въ ростовской области два волхва изъ Ярославля явились открывателями и обвинителями виновниковъ неурожая. Придя въ какой либо погостъ, они называли лучшихъ женъ, т. е. болѣе зажиточныхъ женщинъ, и утверждали, что одинъ изъ нихъ задерживають жито, другія медъ, третьи рыбу или кожи. Жители приводили къ нимъ своихъ сестеръ, матерей и женъ: волхвы-же,

¹⁾ Филаретъ. Историко-стат. опис. чернигов. епархіи VI, 69.

²⁾ Поэтич. взгзр. слав. на природу. III.

прорѣзавши у нихъ за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. п. и затѣмъ убивали несчастныхъ, присваивая себѣ ихъ имущество. Въ параллель съ указанными фокусами древнихъ волхвовъ можно поставить существующіе до сихъ поръ въ архангельской губерніи приемы знахарей при лѣченіи болѣзни стрѣль, или стрѣлья (летучій ревматизмъ). Призванный для излѣченія стрѣлья, знахаръ утверждаетъ, что болѣзнь происходитъ отъ накопленія за кожей больного битого стекла, перья и другихъ предметовъ, и въ удостовѣреніе показываетъ окружающимъ эти предметы, будто-бы вынутые имъ изъ-подъ кожи больного.

Разсуждая, по поводу указанныхъ выше событій, о причинахъ чародѣяній, лѣтописецъ приписываетъ чары дѣйствию дьявольской силы и замѣчаетъ, что „паче-же женами бѣсовская волхвенія бывають, искони бо бѣсъ жену прелсти, сиже мужа; тако вси роди волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрніи“¹⁾. Однако изъ лѣтописей извѣстенъ только одинъ случай преданія смерти мужчинъ за колдовство, именно въ 1227 г. въ Новгородѣ.

Мы не беремъ разяснять истинныхъ причинъ того явленія, что женщины по преимуществу прибѣгали къ чародѣйству. Это вопросъ такой, разрѣшеніе котораго обыкновенно берутъ на себя общія изслѣдованія о колдовствѣ. Мы лишь отмѣтимъ фактъ, что и въ болѣе позднее время вѣдѣмству посвящали себя главнымъ образомъ женщины. Изъ актовъ о колдовствѣ, относящихся къ прошлому столѣтію и напечатанныхъ въ упомянутой выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западномъ краѣ, видно, что въ прошломъ столѣтіи изъ шестидесяти процессовъ, отмѣченныхъ въ актахъ, въ 36 случаяхъ подозрѣвались и обвинялись въ чародѣйствѣ одни женщины и лишь въ 5 случаяхъ одни мужчины; въ остальныхъ 19 случаяхъ мужчины обвинялись въ томъ, что они производили чары чрезъ посредство женщинъ-чаровницъ. Такимъ образомъ, послѣдняго рода случаи показываютъ, что мужчина при всемъ желаніи своемъ околдовать кого-нибудь, не можетъ этого сдѣлать, за незнаніемъ искусства колдовать, а долженъ прибѣгать къ женщинѣ, которой это занятіе является такъ сказать спеціальнымъ, присущимъ.

¹⁾ Лѣтоп. Нестора по Лаврент. списку, изд. 1864 г.

Мы до сихъ поръ постоянно упоминали о смертной казни за чародѣйство. Но пусть не думаетъ читатель, что она служила у насъ единственнымъ наказаніемъ за этого рода преступленія. Напротивъ, какъ въ правильно организованномъ судѣ, такъ и у народа, были въ употребленіи и другія, болѣе легкія степени наказаній. Послѣднія даже далеко преобладали надъ первыми. Въ большинствѣ случаевъ въ южной Россіи суды за колдовство приговаривали къ относительно мягкимъ взысканіямъ, наприм. къ наказанію батогами, денежнымъ штрафамъ, къ примиренію съ истцами, или дѣло оканчивалось очистительной присягой, которую обязаны были принять отвѣтчики въ знакъ своей невинности и т. п. Народъ также въ менѣе важныхъ случаяхъ обращался съ жалобами на виновниковъ чародѣяній къ официальнымъ судамъ, или прибѣгалъ къ кулачной расправѣ съ ними, какъ это и нынѣ дѣлается у насъ или на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ считается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ предотвратить послѣдствія легкаго вида чародѣйства— избить хорошенько колдуна.

Для опредѣленія степени виновности привлекаемыхъ къ отвѣтственности колдуновъ сообразовались обыкновенно съ размѣромъ вреда, причиненнаго колдовствомъ, и также принимали во вниманіе личность, противъ которой направлялись чары. Если преступленіе признавалось направленнымъ противъ блага цѣлой мѣстности (напр. наведенія мора, голода) или противъ знатнаго лица, наприм. обвинялся крестьянинъ въ совершеніи чаръ надъ помѣщикомъ, или-же посредствомъ колдовства была причиняема кому-либо смерть, въ такихъ случаяхъ обыкновенно виновныхъ приговаривали къ лишенію жизни, въ остальныхъ-же случаяхъ назначались другіе роды наказаній. Цѣлый рядъ процессовъ, производившихся въ городскихъ и магистратскихъ судахъ юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи, подтверждаютъ все сказанное выше ¹⁾.

Подобное-же различіе въ степени наказуемости за чародѣйство наблюдалось и при рѣшеніи дѣлъ о колдовствѣ въ судахъ московскаго государства. Аванасьевъ говоритъ: изъ слѣдственныхъ дѣлъ

¹⁾ Труды стат.-этногр. экспедиціи въ юго-зап. край Чубинскаго, т. 1-й в. 2-й, стр. 323—459.

XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частью наказывали ссылкойю въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія: вѣроятно, при назначеніи мѣры взыскапія, принимались въ расчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда ¹⁾).

Не то было на Западѣ, гдѣ за всякое колдовство одинаково предавали сожженію и гдѣ поѣтому число жертвъ, подвергнутыхъ смерти, достигало громаднаго количества. У насъ при опредѣленіи мѣры наказанія сообразовались съ послѣдствіями, причиненными преступленіемъ, и это было результатомъ примѣненія общаго юридическаго принципа, свойственнаго славянскому праву, принципа субъективной оцѣнки преступленій и вообще правонарушеній, тогда какъ на Западѣ все подводилось подъ опредѣленныя правовыя нормы, которыя не допускали отступленій и уклоновъ. Господство объективной оцѣнки надъ субъективной надо, по всей вѣроятности, приписать римскому праву, знакомство съ которымъ начало распространяться на западѣ съ XII-го вѣка вмѣстѣ съ общимъ знакомствомъ съ классической литературой. Развитіе формальнаго мышленія повело къ выработкѣ и господству всякихъ — нравственныхъ, религіозныхъ, правовыхъ—нормъ и категорій, которыя естественно подчиняли себѣ умы верхнихъ слоевъ общества, гдѣ распространялись, а черезъ посредство общественныхъ учреждений вліяли и на массы. Религіозно-правовыя нормы разсматривали всякое колдовство, какъ страшное преступленіе, оскорбленіе Высочайшаго существа, и за тѣмъ уже общественная совѣсть не могла входить и не входила въ оцѣнку того или другаго колдовскаго дѣянія по существу: было-ли имъ причинено какое-нибудь бѣдствіе, или хотя-бы оно даже имѣло въ результатѣ нѣчто полезное—это не имѣло значенія для оцѣнки преступленія. Преступленіе одинаково вызвало къ правовому смщенію: только смерть преступника могла удовлетворить оскорбленную справедливость. При такихъ условіяхъ понятно то обстоятельство, что преслѣдованіе колдовства на Западѣ не только не уменьшается съ XII-го вѣка, т. е. со времени воз-

¹⁾ Поэтич. возвр. славель на природу III, 612.

рожденія латинской литературы, но, напротивъ, значительно усиливается, доходя до высшей степени напряженія въ XV и XVI вѣкахъ, когда Европа уже пережила реформацію.

Послѣ сообщенія только что приведенныхъ воззрѣній на чародѣйство, интересно будетъ для читателя услышать другое мнѣніе о томъ-же предметѣ. Авторъ статьи о колдовствѣ въ юго-западной Руси¹⁾ такъ излагаетъ свои воззрѣнія. Причину относительной мягкости судебныхъ приговоровъ всѣхъ южно-русскихъ судовъ, въ особенности магистратскихъ, надобно искать въ отсутствіи у насъ тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вывали на Западъ жестокое преслѣдованіе колдуновъ: демонологія у насъ не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представлеишй, но до самаго конца XVIII столѣтія, на сколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народный взглядъ былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Вотъ почему колдовство не признавалось дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи, и судъ, при разборѣ дѣлъ этого рода, не преслѣдовалъ обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственныхъ средствъ, а старался лишь опредѣлить степень причиненнаго знаніемъ колдуна вреда и со степенью вреда соразмѣрялъ наказаніе. Отъ этого изъ ста почти документовъ, относящихся къ процессамъ о колдовствѣ, только въ пяти упомянуто имя чорта, и только въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются дворяне, вліянію злого духа приписывается довольно серьезное значеніе.

Приведенное мнѣніе совершенно противоположно тому, что утверждалось нами. Мы думаемъ, что таже мысль, которая господствовала на Западѣ, о сношеніяхъ вѣдьмъ съ чертами и о посредствѣ чертей при чародѣйствѣ, существовала и у насъ, какъ у народа, такъ и у высшихъ классовъ, не исключая и духовенства,

¹⁾ Труды ст. этн. эксп. I, II, стр. 327.

съ тою лишь разницею, что идея о демонологическомъ началѣ въ чародѣянiяхъ у насъ не была такъ стройно развита и не была доведена до своихъ послѣднихъ логическихъ результатовъ, какъ-то совершенно было западной наукой о чародѣйствѣ. Что чародѣйство, по мнѣнiю нашего народа и духовенства, было производимо вѣдьмами при помощи нечистой силы, это доказывается приведенными въ началѣ статьи народными вѣрованiями, а также ссылками на воззрѣнiя лѣтописцевъ и проповѣдниковъ. Если-же въ рѣшенiяхъ магистратскихъ и прочихъ судовъ не всегда говорится о томъ, что обвиняемые производили свои чары съ помощью дьявола, то упоминать объ этомъ не было особенной надобности, такъ какъ это само собою разумѣлось. Такимъ образомъ жестокаго объясненiя и безусловнаго преслѣдованiя вѣдьмъ на Западѣ и сравнительно мягкаго отношенiя къ нимъ у насъ надобно искать не въ противоположенiи принциповъ демоническаго и пантеистическаго, а лишь въ тѣхъ общихъ условiяхъ, которыя породили объективизмъ въ правовыхъ воззрѣнiяхъ на Западѣ и способствовали развитiю субъективнаго начала въ правѣ у русскихъ славянъ.

П. Ефименко.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССІИ.

Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго.

Начало царствованія Екатерины II ознаменовалось для Малороссіи уничтоженіемъ гетманства и цѣлымъ рядомъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью сгладить особенности ея гражданскаго управленія и ввести въ ней порядки, господствовавшіе въ остальной Россіи. Первымъ генераль-губернаторомъ Малороссіи былъ назначенъ извѣстный П. А. Румянцевъ, получившій впоследствии названіе Задунайскаго. Первымъ и главнѣйшимъ актомъ его административной дѣятельности была генеральная опись Малороссіи, по имени его названная Румянцевскою. Долгое время добытые этою описью матеріалы считались погибшими, и только въ послѣднее время они были найдены А. М. Лазаревскимъ въ архивѣ черниговской казенной палаты и переданы въ бібліотеку черниговскаго статистическаго комитета, гдѣ и нынѣ находятся. Они состоятъ изъ 148 фоліантовъ, въ 1000 листовъ каждый, и обнимаютъ бывшіе полки: черниговскій, часть кievскаго, нѣжинскій, стародубскій, часть прилуцкаго и смѣлянскую сотни лубенскаго¹⁾. Такимъ образомъ изъ описей 10 полковъ сохранилось полностью только 5; гдѣ-же дѣвались описи остальныхъ? А, можетъ быть, ихъ и вовсе не было?

Ихъ постигла такая-же участь, какая постигаетъ большинство нашихъ архивныхъ матеріаловъ: половина всей описи пропала (описи 5 полковъ—прилуцкаго, гадяцкаго, миргородскаго, лубен-

¹⁾ Обзорѣніе Румянцевской описи Малороссіи. А. Лазаревскаго. Черниговъ, стр. 13.

скаго), часть найдена была въ архивѣ кievской казенной палаты и находится теперь въ библиотекѣ кievскаго университета; она заключаетъ въ себѣ всю остальную, недостававшую часть описи кievскаго полка ¹⁾, почти всю опись переяславскаго полка ²⁾ и кромѣ того три дѣла о сочиненіи генеральной описи въ полку передславскомъ, мпргородскомъ и лубенскомъ; впрочемъ въ этихъ сохранившихся описяхъ не достаетъ иногда той или другой части—одного или нѣсколькихъ селеній.

И такъ изъ 10 описей полковъ сохранилось 5, остальные 5, относящіеся къ территоріи нынѣшней полтавской губерніи, повидимому, погибли безвозвратно. Говорятъ, что они сгорѣли въ Полтавѣ. Это очень возможно. Во всякомъ случаѣ, они должны были находиться въ Полтавѣ въ архивѣ казенной палаты, куда они поступили съ упраздненіемъ прежнихъ судовъ ³⁾. Мы одинъ разъ нашли даже прямое указаніе на отсылку описей нѣкоторыхъ сотенъ въ полтавскую казенную палату. Но какъ онѣ оттуда исчезли—вопросъ неразрѣшимый.

А. М. Лазаревскій, открывшій Румянцевскую опись Малороссіи, сдѣлалъ краткое обзорѣніе ея въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; были и отдѣльные оттиски. „Въ настоящемъ обзорѣніи, говоритъ онъ, представляется читателю краткій перечень всей описи, съ цѣлью придать сему памятнику большую извѣстность и въ тоже время сдѣлать его доступнѣе для изученія или справокъ; для сего означается: содержаніе каждаго тома отдѣльно, т. е. перечисляются всѣ населенныя мѣстности, въ немъ описываемыя, съ краткими топографическими и статистическими подробностями. Къ сему прибавляется извлеченіе изъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ и най-

¹⁾ Сотни: кобыжскую, бобровицкую, остерскую, бориспольскую, гоголевскую, козелецкую, кievскую; это именно тѣ семь сотенъ, которыхъ описи не сохранилось въ Черниговѣ.

²⁾ Сотни: гелмязовскую, прклевскую, золотоношскую, кропивненскую, бубновскую, пѣщанскую, лѣплевскую, каневскую, яготинскую, басанскую, терехтемировскую, воронковскую, березанскую, барышевскую.

³⁾ Съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что онѣ находятся въ архивѣ кievскаго губернскаго правленія, гдѣ, какъ мы лично знаемъ, есть нѣкоторая часть архива бывшей малороссійской коллегіи.—Р е д.

болѣе интересныхъ документовъ, приложенныхъ въ копіяхъ описи ¹⁾“.

Но сдѣланное г. Лазаревскимъ „Обозрѣніе“ оказывается далеко недостаточнымъ для полнаго ознакомленія съ Румянцевскою Описью и не даетъ яснаго представленія о богатствѣ и достоинствахъ данныхъ, заключающихся въ „Описи“, не представляя намъ образцовъ подворнаго описанія селеній и городовъ. Изданій матеріаловъ Румянцевской описи доселѣ нѣтъ. Вскорѣ появятся въ свѣтъ таблицы Румянцевской Описи, относящіяся къ нынѣшнему золотоношскому уѣзду, полтавской губерніи; онѣ издаются подъ редакціей профессора Ив. В. Луцицкаго на средства золотоношскаго земства. Тому-же Ив. В. Луцицкому принадлежитъ и другое изданіе документовъ Румянцевской Описи — матеріалы для исторіи общественныхъ земель и угодій въ полтавской губерніи (въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1883 годъ). На основаніи этихъ матеріаловъ Ив. В. Луцицкій силится доказать существованіе общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. Лица, занимающіяся земскою статистикою въ черниговской губерніи, пользуются цифровыми данными Румянцевской Описи для сравненія нынѣшняго населенія и землевладѣнія съ прошлымъ. Все это указываетъ, что среди историковъ и экономистовъ развивается интересъ къ этому замѣчательному памятнику. Тѣмъ не менѣе къ систематическому ознакомленію съ нимъ пока еще не приступали, да и трудно надѣяться на это въ ближайшемъ будущемъ. Въ виду этого мы считаемъ не бесполезнымъ познакомить читателя съ производствомъ „генеральной описи“ и ея значеніемъ для современниковъ и для насъ—потомковъ. Матеріалами для насъ служили: во 1-хъ три дѣла о составленіи генеральной описи въ полку переясловскомъ, миргородскомъ и лубенскомъ, находящіяся въ библіотекѣ кіевского университета, во 2-хъ дѣло о составленіи генеральной описи въ Малороссіи, отысканное нами въ архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета; въ 3-хъ отчасти самая связка Румянцевской описи (въ библіотекѣ кіевского университета и въ черниговскомъ статистическомъ комитетѣ).

Какими причинами была вызвана генеральная опись Малороссіи?

Самъ графъ Румянцевъ въ своемъ предложеніи малороссійской коллегіи о производствѣ этой описи сознается, что лучшія его мѣры,

¹⁾ Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, Ал. Лазаревскаго, стр. 13.

направленія къ благосостоянію мѣстныхъ жителей, парализуются встрѣчающимися на пути его трудностями, что такія-же затрудненія испытываетъ центральное правительство и малороссійская коллегія и что все это происходитъ отъ неимѣнія точныхъ свѣдѣній о страдѣ. Для устраненія этого зла онъ, Румянцевъ, предпринялъ произвести генеральную ревизію во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ посредствомъ особливо назначенныхъ для этой цѣли штабъ-офицеровъ и малороссійскихъ старшинъ, по даннымъ отъ него примѣрнымъ инструкціямъ ¹⁾.

Еще подробнѣе гр. Румянцевъ выясняетъ цѣли ревизіи въ общей инструкціи, данной имъ ревизорамъ. „Главнѣйшее повелѣніе, говоритъ онъ, которое я получилъ отъ его императорскаго величества при опредѣленіи меня къ настоящему званію, заключалось въ томъ, что-бы во всей Малороссіи всякій оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, что-бы всякому оказывалось правосудіе и справедливость, а насилія и все то, что могло-бы препятствовать и вредить народному спокойствію, было уничтожено; народъ-же малороссійскій отправлялъ-бы службу ея императорскому величеству и уплачивалъ подати“. Но, какъ поясняетъ далѣе Румянцевъ, до него доходили постоянныя жалобы на неумѣренное отягощеніе службой, работами и поборами козаковъ, подпомощниковъ, мѣщанъ и посполитыхъ. Явленіе это имѣло свои причины; главнѣйшія изъ нихъ, препятствующія правительству охранять безпомощныхъ отъ руки сильныхъ, по объясненію Румянцева, были слѣдующія: 1) поверхностныя и незначительныя свѣдѣнія о всякаго рода недвижимыхъ имѣніяхъ; 2) приписка мѣщанъ въ козацкое сословіе, что вредно отражалось на торговлѣ и промышленности городовъ, 3) самовольный переходъ посполитыхъ въ козаки и козаковъ въ посполитые; одни въ этомъ случаѣ желали избавиться отъ подданства своимъ владѣльцамъ, другіе-же уклонялись отъ воинской козачьей службы, хотя и теряли право свободнаго человѣка, 4) закрѣпощеніе, обращеніе въ посполитые козаковъ, кои издревле изъ предковъ принадлежали къ козачьему сословію, и 5) бѣгство, какъ результатъ такихъ притѣсненій, и образованіе класса бездомныхъ скитальцевъ, бросившихъ свои отеческіе грунты на произволь судьбы ²⁾.

¹⁾ Арх. Мал. кал. Дѣло по внутр. диспозиціи на 67 л.

²⁾ Дѣло о соч. ген. оп. въ полку Мпргер.; см. также «Обзр. Рум. оп. Мал.» Ал. Лазаревскаго, стр. 4—6.

Сообразно со всѣмъ этимъ были составлены и инструкціи для ревизоровъ. Одна изъ нихъ общаго характера; она напечатана въ „Обозрѣніи Румянцевской описи Малороссіи“ Ал. Лазаревского и въ другомъ сочиненіи того-же автора „Малороссійскіе посполитые крестьяне“. Но, кромѣ этой общей, были еще четыре частныя инструкции: 1) для описи городовъ, 2) для описи козацкихъ владѣній, 3) владѣльческихъ и 4) коронныхъ, урядовыхъ и монастырскихъ. Онѣ доселѣ не были извѣстны и отысканы въ архивѣ малороссійской коллегіи, помѣщающемся нынѣ при историко-филологическихъ обществѣ харьковскаго университета. Всѣ онѣ составлены цѣлесообразно, полно и обстоятельно; въ нихъ предусмотрѣны всѣ матѣршія подробности, необходимыя для полноты ревизіи, которая должна была объять весь край, находившійся подъ управленіемъ Румянцева, и главное свое вниманіе обратить на землевладѣніе—вопросъ, котораго почти вовсе не касались ревизіи прежнихъ лѣтъ.

Инструкція для описанія городовъ требовала опредѣлять положеніе города, укрѣпленія его, публичныя строенія, гражданское управленіе и полицію, ярмарки и базары, городскія земли, магистратскіе и ратушныя доходы, число нанимающихся рабочихъ обо-его пола; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось сдѣлать подеорную опись всѣхъ мѣщанъ и козаковъ—указать, на какой улицѣ помѣщается домъ (съ дворомъ или безъ онаго), сколько въ немъ покоевъ, обозначить имена живущихъ здѣсь хозяевъ, ихъ семействъ и прислуги, лѣта и состояніе здоровья, ремесло или другое какое занятіе, количество скота и земли. Такихъ свѣдѣній не требовалось отъ дворянъ, чиновниковъ и духовныхъ, потому что о нихъ свѣдѣнія имѣлись въ канцеляріяхъ.

Подобная инструкція дѣйствительно исчерпывала вопросъ о положеніи и бытѣ городовъ и ихъ населенія. Она даетъ возможность опредѣлить точно общее число жителей города, ихъ социальное положеніе, распредѣлить ихъ по занятіямъ—ремесламъ, промысламъ и т. п., позволяетъ даже отчасти составить представленіе объ ихъ матеріальномъ положеніи. Если къ этому присоединить данныя для характеристики города вообще,—именно о гражданскомъ его управленіи, внутреннемъ и внѣшнемъ благоустройствѣ, вмѣстѣ съ жалованными грамотами и другими документами, то по-

лучится довольно полная картина городского быта лѣво-бережной Украйны во второй половинѣ XVIII в.

Еще болѣе подробны и обстоятельны инструкціи для описанія маетностей козацкихъ, помѣщичьихъ, рапговыхъ. Здѣсь подворное описаніе еще болѣе обстоятельно; вопросы землевладѣнія здѣсь играютъ еще болѣе важную роль. Въ описи, напримѣръ, козачьихъ земель опредѣляется точно количество хатъ и пристроекъ въ данномъ дворѣ; обозначается самымъ подробнымъ образомъ семейное положеніе владѣльца двора; затѣмъ его имущественное положеніе, именно сколько у него земли пахатной и сѣнокосной, лѣса и другихъ угодій—мельницъ, рыбныхъ ловель, пчелиныхъ бортей, сколько у него крупнаго и мелкаго скота, сколько онъ высѣваетъ въ годъ разныхъ хлѣбовъ, сколько вообще получаетъ въ годъ доходовъ, чѣмъ желаетъ промышлять впредь.

При описи урядовыхъ маетностей указывалось, кто владѣлецъ и по какимъ документамъ онъ владѣетъ; затѣмъ описывались господскій домъ съ числомъ комнатъ и другихъ принадлежностей, земли пахатныя и подъ зарослями, требующія расчистки, доходъ съ мельницъ, винокурень, шинковъ, выгоновъ, рыбныхъ ловель, хуторовъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ и наконецъ доходы съ крестьянъ, общее количество крестьянскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, населеніе мужеска и женска пола по возрастамъ, земли, скоть, повинности казенныя и владѣльческія, денежныя и натуральныя; наконецъ, послѣ этихъ общихъ свѣдѣній слѣдовало еще подробное подворное описаніе всѣхъ посполитыхъ.

Инструкція для описи владѣльческихъ имѣній совершенно похожа на только что приведенную нами инструкцію для описи имѣній урядовыхъ и монастырскихъ. Дѣлая общую оцѣнку всѣхъ этихъ инструкцій, нужно сказать, что онѣ дѣйствительно должны были дать точное представленіе объ экономическомъ положеніи тогдашнихъ общественныхъ группъ; мы не говоримъ сословія, потому что они, говоря строго, не выработались окончательно даже въ то время. Самая генеральная опись имѣла между прочимъ въ виду рѣзче обозначить сословія, отдѣлить посполитыхъ отъ козаковъ, этихъ послѣднихъ отъ мѣщанъ и владѣльцевъ—старшины. Особенною подробностью отличаются, какъ мы уже сказали, инструкціи для описи сель. Подворное описаніе должно было дать ясное представ-

леніе не только о податной состоятельности населенія, но и уяснить, кромѣ того, общій характеръ хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній. Для того, чтобы составить такія инструкціи, нужно было имѣть общее представленіе о жизни тогдашняго малорусскаго города и села. Румянцевъ, очевидно, всю свою надежду полагалъ на инструкцію, а не на исполнителей. Исполнителями, какъ извѣстно, были офицеры и при томъ великороссы,—люди совершенно незнакомые съ малороссійскимъ населеніемъ и особенностями его быта. Но и послѣ этого во время самаго производства описи онъ давалъ объясненія, дополненія, часто даже по мелочамъ.

Самыя инструкціи впрочемъ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ. Были поправки, дополненія, но въ частностихъ.

Самымъ существеннымъ пропускомъ въ первоначальныхъ инструкціяхъ пужно признать отсутствіе вопросовъ объ обще-владѣемыхъ земляхъ. Очевидно, „ревизіальная“ комиссія была увѣрена въ существованіи только однихъ лично собственныхъ участковъ. Между тѣмъ вездѣ почти въ Малороссіи того времени мы находимъ общинныя угоды—ыгоны, лѣса и т. п. Въ иныхъ мѣстахъ даже пахатныя участки находились на этой общевладѣемой землѣ. Ясное дѣло, что вопросъ ревизоровъ о точномъ размѣрѣ участковъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному лицу, вызывалъ здѣсь большія затрудненія. Труднѣе всего было опредѣлить размѣры разныхъ общественныхъ сѣнокосовъ и степцовъ, которыми владѣли сообща нѣсколько селеній цѣлой сотни, а подъ часъ и нѣсколькихъ сотенъ. Это такъ называемая общественная займанщина, которой пользовались всѣ жители, какъ козаки, такъ и посполитые, „гдѣ кто схочетъ на которомъ мѣстѣ“ и „сколько кто схочетъ“. Узнавши о существованіи такихъ свободныхъ земель, „ревизіальная“ комиссія захотѣла убѣдиться, нѣтъ-ли въ числѣ ихъ войсковыхъ и государевыхъ земель. Сохранилась цѣлая переписка между комиссіей и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маетностей миргородскаго полка Козачковскимъ. Оказалось, что частью такихъ свободныхъ войсковыхъ земель дѣйствительно завладѣли незаконно сосѣдніе козаки и владѣльцы и построили себѣ на нихъ хутора.

Но независимо отъ свободныхъ войсковыхъ и государевыхъ земель, занятыхъ частными лицами, были земли, принадлежавшіе исключительно однимъ козацкимъ и крестьянскимъ сельскимъ обще-

ствамъ; о существованіи ихъ, очевидно, ревизіонная коммисія до генеральной описи и не догадывалась. Точно также только въ послѣдствіи былъ добавленъ вопросъ о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Вотъ что мы читаемъ по сему поводу въ ордерѣ самого Румянцева секундъ-маіору Тинкову, производившему генеральную опись въ миргородскомъ полку. „При сочиненіи нынѣ вашимъ высокоблагородіемъ генеральной миргородского полку описи не упустите въ оныхъ описяхъ отмѣтить какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ и всякого званія людей, написанныхъ въ прежней 764 году ревизіи и послѣ той спешихъ въ другія мѣста и разными случаями убылыхъ, козаковъ, именно, когда и какимъ случаемъ убыли, а о прибылыхъ такимъ-же образомъ, откуда прибыли, и вновь пришедшіе съ письменными-ль изъ прежнихъ мѣстъ отпусками, или безъ тѣхъ, ибо о семъ господинъ подполковникъ Огаревъ противу всякаго чаянія требуетъ отъ меня резолюціи“¹⁾).

Впрочемъ нужно полагать, что случаи въ родѣ приведенныхъ, были рѣдки; вообще-же инструкціи оказались на дѣлѣ достаточно полными. Иногда наоборотъ нѣкоторые вопросы оказывались неудобными на практикѣ—ихъ пришлось выбросить. Напримѣръ, по вопросу о заробочей платѣ вольнонаемныхъ работниковъ въ городахъ былъ полученъ отвѣтъ (изъ полковой миргородской канцеляріи), что нужныхъ вѣдомостей нѣтъ, ибо не было ни обычая, ни приказа собирать объ этомъ свѣдѣнія. Вообще практика показала, что на нѣкоторые вопросы дать отвѣтъ очень затруднительно: такъ напримѣръ была признана ненужною перепись птицъ въ хозяйствахъ; между тѣмъ составители инструкціи „чаяли по множеству оной, а особо гусей, Малороссіи пользу знаменитую въ торгу доставить“²⁾).

Посмотримъ теперь, какъ производилась опись по объясненному уже плану.

Въ производствѣ описи, кромѣ великороссійскихъ офицеровъ, должна была участвовать и малороссійская старшина, хотя послѣдняя играла въ этомъ дѣлѣ роль второстепенную и служебную. Отправляя въ полки штабъ-офицеровъ для производства описи,

1) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

2) Ibid.

Румянцевъ между прочимъ писалъ имъ: „теперь, когда вслѣдствіе зимняго времени землемѣріемъ заниматься нельзя, вы можете съ малороссійскими чинами (если они прибыли) и своими подчиненными дѣлать описи городовъ, требуя вѣдомостей отъ магистратовъ, ратушъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярій и самихъ обывателей; гдѣ-же сами быть не можете, туда отправляйте малороссійскихъ старшинъ съ офицерами. Но и въ тѣмъ, и въ другомъ случаѣ долженъ при составленіи описи присутствовать мѣстный земскій старшина. Старайтесь сочинять эту опись сколь возможно вѣрнѣе, не отбирая впрочемъ имѣній, не арестовывая людей и даже не входя въ разбирательство споровъ; записывать грунты и маетности нужно за тѣми, кто ими владѣеть въ настоящее время; только при бывшихъ козачьихъ скупленныхъ грунтахъ дѣлать отмѣтку, кому они прежде принадлежали“¹⁾. Этими указаніями опредѣлялись отчасти порядокъ и способъ производства описи.

Во главѣ всего дѣла стояли 10 великороссійскихъ офицеровъ по числу 10 малороссійскихъ полковъ. Вотъ полный реестръ ихъ:

1) Подполковникъ борисо-глыбскаго драгунскаго полка Дмитрій Норовъ—гадяцкій полкъ.

2) Подполковникъ старооскольскаго пѣхотнаго полка Николай Огаревъ—лубенскій полкъ.

3) Подполковникъ карабинернаго полка Венедиктъ Круглиновъ—стародубовскій полкъ.

4) Подполковникъ карабинернаго ростовскаго полка Иванъ Ногаткянъ—черниговскій полкъ.

5) Премьеръ-маіоръ карабинернаго нижегородскаго полка Михайло Голенищевъ-Кутузовъ—нѣжинскій полкъ.

6) Премьеръ-маіоръ борисо-глыбскаго драгунскаго полка Михайло Стремоуховъ—прилуцкій полкъ.

7) Премьеръ-маіоръ пѣхотнаго орловскаго полка Іона Аршаневскій—кіевскій полкъ.

8) Секундъ-маіоръ тамбовскаго пѣхотнаго полка Петръ Черединый—миргородскій полкъ.

9) Секундъ-маіоръ ямбургскаго карабинернаго полка Александръ Якубовичъ—перяславскій полкъ.

¹⁾ Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

10) Секундъ-маіоръ козловскаго пѣхотнаго полка Василій Путимцевъ—полтавскій полкъ.

Малороссійская старшина неохотно поступала подъ начальство великороссійскихъ офицеровъ и вообще увилывала отъ этого дѣла, особливо на первыхъ порахъ, когда назначенія давались не въ тѣ полки, откуда кто былъ родомъ. Получая командировки въ отдаленные полки для участія въ производствѣ описи, бунчуковые товарищи не приступали къ отправленію своихъ обязанностей, отговариваясь всяческими причинами. Назначенный въ миргородскій полкъ Василій Полуботокъ просить объ увольненіи его отъ новой обязанности, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему лично нужно представить подлинныя высочайшія универсалы въ департаментъ вотчинныхъ дѣлъ слободской харьковской губерніи, и причина эта была признана уважительною. Бунчуковый товарищъ Максимъ Жуковскій, назначенный въ нѣжинскій полкъ, представилъ удостовѣреніе о болѣзни, подписанное атаманомъ глиньскаго сотеннаго правленія, хорунжимъ и писаремъ. На это послѣдовала резолюція: „послать ему бунчуковому товарищу Жуковскому и притвердить, дабы онъ болѣе къ отстрочкѣ означенной ему комисіи ничего не предпринималъ въ отговорку, слѣдовалъ немедленно въ опредѣленный ему полкъ нѣжинскій и повелѣнную опись, обще съ опредѣленными туда чинами, сочинялъ безъ промедленія, опасаясь за неисполненіе отвѣта и штрафа“¹⁾). Не вѣрили медицинскимъ свидѣтельствамъ, правда подписаннымъ людьми не свѣдущими въ медицинѣ, и посылали докторовъ для освидѣтельствованія больныхъ бунчуковыхъ товарищей. Къ Даніилу Шираю ѣздилъ въ деревню полковой лекаръ Келеръ и открылъ у него цынготную болѣзнь; самъ Ширай писалъ, что у него подагра. Очень трогательно описываетъ свою болѣзнь кievскій полковой обозный Борсукъ“²⁾.

Въ свою очередь офицеры жаловались въ малороссійскую коллегію на неприбытіе старшинъ и заявляли, что этимъ замедляется составленіе описи. Подполковникъ Ногаткинъ, посланный въ черни-

1) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи па 67 л.

2) См. объ этомъ мою замѣтку «Объ Архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета» (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1882 г.).

говскій полкъ, такъ доносить въ малороссійскую коллегію: „по силѣ данной мнѣ отъ его сіятельства, графа П. А. Румянцева инструкціи, прошлаго сентября 16 числа я прибылъ въ Черниговъ; бунчуковый-же товарищъ Иванъ Степановичъ Ширай и понынѣ въ комисію не явился; опредѣленный туда-же полковой писарь Почека на время прїѣзжалъ, но теперь опять по болѣзни уѣхалъ въ Нѣжинъ и живетъ дома. Вслѣдствіе этого генеральная опись еще не начата.... (1765 г. ноября 28 дня)¹⁾).

Послѣдствіемъ этихъ и подобныхъ обстоятельствъ было, какъ можно судить по нѣкоторымъ документамъ, изданіе приказа производить опись, не дожидая малороссійскихъ старшинъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ противъ ослушныхъ принимались и строгія мѣры. Войсковой товарищъ Иванъ Остроградскій былъ за это подвергнутъ даже такому внушительному взысканію: „черезъ три дня на пушки по одному часу держанъ“ и за тѣмъ снова представленъ въ ревизіальную комисію.

Тѣмъ не менѣе уклоненія продолжались и Румянцевъ рѣшился назначать бунчуковыхъ товарищей въ тѣ-же самыя полки, гдѣ они состояли на службѣ²⁾). Онъ самъ видѣлъ и призналъ, что причина этихъ уклоненій заключается въ томъ, что бунчуковые товарищи не получаютъ жалованья, а между тѣмъ опредѣляются въ отдаленныя полки; потому нашель справедливымъ назначать ихъ „по способности жительствъ ихъ, хотя въ тѣхъ-же самихъ полкахъ, въ которомъ кто живетъ“; находилъ даже, что лучше всего отдавать дѣло въ руки полковниковъ и полковыхъ канцелярій. Конечно, рѣшаясь на эту мѣру, онъ не могъ не опасаться, что она подастъ поводъ къ злоупотребленіямъ.

И дѣйствительно, безъ злоупотребленій дѣло не обошлось. Старшины, попавшіе въ ревизіонныя комисіи, пользовались своимъ вліяніемъ, чтобы узаконить свои несправедливости по захвату земель и т. под. Начальникъ миргородской комисіи доносилъ въ малороссійскую коллегію, что на хорольскаго сотника Ивана Родзянку, прикомандированнаго къ ревизіонной комисіи, поступилъ рядъ жалобъ „въ отнятіи у козаковъ и свободныхъ посполитыхъ само-

¹⁾ Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

²⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

властно многихъ пахатныхъ, сѣножатныхъ и лѣсныхъ земель, футоровъ и другихъ угодій, съ которыхъ нѣкоторыхъ жалобщиковъ устрашаетъ онъ сотникъ, чтобъ показывалъ тѣ грунта ихъ Родзянокъ собственными, а не завладѣнными“. Въмѣстѣ съ нимъ, говорится въ жалобахъ, тоже самое дѣлаютъ его родной братъ, полковой обозный, и другіе родственники. Малороссійская коллегія, по предложенію Румянцева, приказала удалить Родзянку отъ должности и назначить на мѣсто его когонибудь другого изъ значковыхъ товарищей¹⁾. Самая опись переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ. Впрочемъ теперь поползновенія къ захватамъ должны были парализоваться великороссійскими офицерами—оба элемента недружелюбно относились другъ къ другу и потому взаимно контролировали другъ друга.

Начата была ревизія осенью; приступить къ „землемѣрїямъ“ не представлялось возможности. Оставалось забирать изъ разныхъ мѣстъ нужныя для описи справки. Малороссійская коллегія, сдѣлавъ распоряженія о пазначеніи въ ревизіонную комиссію старшины, о доставленіи, по требованіямъ слѣдователей, „всѣми обывателями и городскими управленіями прямыхъ и точныхъ увѣдомленій, по сущей истинѣ“, и о командированіи полковыми канцеляріями для производства письменныхъ дѣлъ по одному исправному канцеляристу или значковому товарищу, съ потребнымъ числомъ писцовъ и караульныхъ, обязала своего архиваріуса Дзѣвовича, чтобы онъ немедленно сочинилъ вѣдомость... „каковы суть въ архивѣ описи, ревизіи, книги и прочее до сего дѣла принадлежащее и росписавъ порознь, подаль-бы оную вѣдомость въ коллегію“²⁾.

Какъ кажется, архиваріусъ Дзѣвовичъ исполнилъ порученіе коллегіи немедленно. Мы имѣли въ рукахъ списокъ ревизскихъ книгъ за прежніе годы имъ составленный и представленный въ малороссійскую коллегію. Полныхъ ревизій всѣхъ десяти полковъ

¹⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

²⁾ Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 листахъ.

14 (отъ 1729—1764 года); самый ранній компутъ относится къ 1712 году (лубенскаго полка); число всѣхъ годовъ, отъ которыхъ осталось хотя по нѣсколько ревизскихъ книгъ—23 (отъ 1712—64 г.) Эти ревизіи и компуты были, нужно думать, разсортированы по полкамъ и вручены ревизорамъ для справокъ. Въ особенности имѣли значеніе въ этомъ случаѣ ревизскія книги 1763—64 года—послѣдней и самой обстоятельной ревизіи. Ими главнымъ образомъ руководствовались для исчисленія какъ самихъ городовъ, мѣстечекъ, селеній и хуторовъ, такъ и ихъ населенія¹⁾).

Текущіе расходы на производство описи были возложены на полковыя канцеляріи, которыя старались свалить этотъ расходъ на сотенныя правленія. Сотенныя правленія въ свою очередь накладываютъ нѣкоторую контрибуцію на населеніе. Домонтовское сотенное правленіе собрало поэтому случаю съ каждаго козачьяго двора по 2 коп. и по гарцу овса. Когда на это принесена жалоба, сотенное правленіе объяснило, что сборъ этотъ въ размѣрѣ 1 р. 64 к. былъ сдѣланъ на бумагу, сургучъ и свѣчи; овесь-же собирали десятники для ревизіонной комисіи, такъ какъ ярмарокъ въ Домонтовѣ нѣтъ и купить его нельзя; но за него оно рассчитывало внести деньги²⁾).

Въ березанской сотнѣ поборы были еще больше: тамъ брали съ двора по 4 и по 5 коп.³⁾ Происходили также характерныя препирательства изъ-за помѣщенія для ревизіонной комисіи. Гадяцкая полковая канцелярія отказывалась доставлять ей бумагу и сургучъ за израсходованіемъ на тотъ годъ всей суммы. Стародубовскій магистратъ просилъ уволить его отъ доставки для комисіи дровъ и свѣчей „по скудости средствъ“. Не столько, можетъ быть, велики были дѣйствительные расходы по содержанію комисіи, какъ произвольные поборы ея чиновъ. А этихъ послѣднихъ было немало: кромѣ штабъ-офицеровъ и старшины тутъ были канцеляристъ или значковый товарищъ, 2 писаря и 20 козаковъ для карауловъ и посылокъ; требовались квартиры, подводы, сѣно, овесь, дрова, свѣчи, бумага, сургучъ и др., а вѣроятно и натуральное

¹⁾ Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

²⁾ Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

³⁾ Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

довольствіе членовъ, по обычаямъ того времени. Тревожили опять не столько всѣ эти расходы, сколько самое дѣло, затрогивавшее самые существенные жизненные интересы, возбуждавшее множество недоумѣній, вопросовъ, споровъ, опасеній. Противъ ревизіи существовало предубѣжденіе, а оно поддерживалось цѣлымъ рядомъ столкновеній между чинами комиссій и мѣстными властями и населеніемъ. Полковья канцелярїи видимо тормозили дѣло, принятое графомъ Румянцевымъ; инья формально порицали дѣйствія комиссій. Миргородская полковая канцелярїя выступила съ донесеніемъ малороссійской коллегіи о томъ, что назначенный къ производству описи секундъ-маіоръ Черединъ ни одной сотни не описалъ порядочно¹⁾. Коллегія объявила ей за это выговоръ, хотя, кажется, права была въ этомъ случаѣ полковая канцелярїя, потому что Черединъ, какъ оказалось потомъ, дѣйствительно велъ дѣло крайне неудовлетворительно. Упомянутое донесеніе было, конечно, послѣдствіемъ предварительныхъ личныхъ столкновеній. Мы приведемъ одинъ любопытный образецъ столкновенія нижняго чина комиссіи съ волостною старшиною, приводящій къ невольному предположенію, что и такіе чины позволяли себѣ какія-нибудь притѣсненія.

„Подписокъ“ (помощникъ писаря) домонтовской сотни, Гаврило Арабскій былъ отправленъ на срокъ для взятія нужныхъ справокъ; при немъ было свидѣтельство для полученія подводы. Прїѣхавъ въ село Великую Каратулъ и не заставъ атамана, онъ обратился къ тамошнему асаулу—Бабаку и потребовалъ у него подводы до села Студениковъ. Бабакъ сначала отказалъ, заявивъ, будто-бы сотенный писарь Нестеровскій штрафуетъ сельскихъ старшинъ, если они даютъ подводы проѣзжающимъ членамъ ревизіальной комиссіи; но потомъ раздумалъ и велѣлъ козаку Кошкалдѣ отвезти „подписка“, но не на коняхъ, каковыя у того были, а на волахъ. „Подписокъ“ вломался въ амбицію; начался споръ и кончился тѣмъ, что даже на волахъ ревизіонный чинъ могъ выѣхать лишь на слѣдующій день. Въ селѣ Студеникахъ, куда прибылъ „подписокъ“, прїемъ ему вышелъ еще хуже. Тамъ праздновалась чья-то свадьба и на свадьбѣ было, конечно, все село. Арабскій сталъ искать атамана и по-

¹⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

требовалъ отъ него подводы; тотъ отдалъ приказъ, но доставкою подводы не спѣшили. Арабскій сталъ напоминать, горячиться, грозить. На бѣду его, въ „веселной“ компаніи, гдѣ былъ атаманъ, оказался и асаулецъ Бабакъ. Припомнилась вчерашняя ссора и отправка ревизора на волахъ. Посыпались насмѣшки, поднялся споръ, руготня. Послѣ многихъ поносныхъ словъ, Бабакъ бросился на Арабскаго, ударилъ его кулакомъ въ грудь и снявъ съ себя поясъ, сталъ было вязать его, а къ народу кричалъ при этомъ: „не давайте сему... плуту подводы; отберите у него ложный паспортъ“. Озлобленіе, говорить Арабскій, было всеобщее; его приняли подъ бока, изорвали на немъ черкеску. Едва спасся онъ бѣгствомъ и цѣлыя сутки скрывался у одного изъ обывателей. Жаловался онъ потомъ мѣстному атаману и асаулу, предъявлялъ имъ въ видѣ вещественнаго доказательства свою изорванную черкеску; но получили-ли удовлетвореніе, получили-ли даже подводу, которой доби-вался, остается неизвѣстнымъ ¹⁾).

Эта комичная исторія съ мелкимъ ревизіоннымъ чиномъ ярко рисуетъ намъ настроеніе общественнаго мнѣнія относительно произволившейся „Описи“ и ея исполнителей. Трудно допустить, чтобы въ тѣ времена грубаго произвола и широкаго безправія, со стороны всякаго, кто чувствовалъ въ себѣ силу и власть, не было злоупотребленій и со стороны ревизіонныхъ чиновъ и поводовъ къ тому „всеобщему озлобленію“, на которое жаловался Арабскій. И дѣйствительно само начальство ревизіонныхъ комиссій должно было напоминать своимъ чинамъ, чтобы они не обижали козаковъ и посполитыхъ излишними требованіями. Вотъ какой приказъ пишетъ секундъ-маіоръ Якубовичъ, завѣдывавшій описью переяславскаго полка: „при выѣздахъ для осмотра подчиненные мои, безъ моего вѣдома, произвольно требуютъ излишнее количество подводъ (берутъ почти на cadaго челоуѣка по одной подводѣ); такъ какъ эти самовольства не желательны, то я рекомендую самымъ строгимъ образомъ впредь ни подъ какимъ видомъ лишнихъ подводъ не брать, а руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: подъ двухъ ундеръ-офицеровъ и канцеляристовъ по одной подводѣ ²⁾“.

¹⁾ Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

²⁾ Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Но если по временанъ и мѣстамъ терпѣло отъ комиссій ревизуемое въ своихъ „животахъ“ населеніе, то въ свою очередь испытывали затрудненія въ своемъ дѣлѣ и самыя комиссіи—отъ тѣхъ, конечно, которыя имѣли возможность, не боясь отвѣта, не исполнять ихъ требованій. Таковыми являлись владѣльцы болѣе или менѣе крупныхъ имѣній. Отъ нихъ требовались вѣдомости объ ихъ имѣніяхъ, чтобы потомъ провѣрить ихъ на мѣстѣ. Но владѣльцы не доставляли вѣдомостей къ назначенному сроку. Ревизоры жаловались на это въ малороссійскую коллегію. Коллегія слала подтвердительныя указы въ полковыя канцеляріи, эти въ соотвѣтствіи правленія; такія жалобы не прекращаются въ теченіе производства всей описи. Положеніе ревизоровъ было дѣйствительно трудное: сдѣлавъ провѣрку вѣдомостей о козачьихъ дворахъ и земляхъ, они должны были тратить бесполезно время, долго и тщетно ожидая владѣльческихъ вѣдомостей. Въ особенности это имѣло мѣсто въ деревняхъ, гдѣ сами владѣльцы не жили; ревизоры объясняли это просто отсутствіемъ какого-либо попеченія объ этомъ дѣлѣ у владѣльцевъ. Начальникъ лубенской ревизіонной комиссіи, подполковникъ Огаревъ жалуется, что комиссія „ни къ какому свидѣтельству и описи приступить не можетъ и нынѣ въ селѣ Засульи, по свидѣльствованіи козачьихъ дворовъ, принуждена, за неподачею отъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ вѣдомостей, въ ожиданіи оныхъ подачь, жить праздно, хотя оніе (владѣльцы) уже къ сочиненію вѣдомостей и довольно имѣли время¹⁾“.

Напоминанія не оказывали никакого дѣйствія: рѣшили прибѣгнуть къ мѣрамъ взыскапія. По указу малороссійской коллегіи стали забирать приказчиковъ и управителей и держать подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока ихъ владѣльцы не представятъ требуемыхъ вѣдомостей. Оказалось однако, что и эти мѣры не привели къ желаннымъ результатамъ; снова потребовались подтвердительныя указы и угрозы забирать подъ караулъ приказчиковъ или лучшихъ крестьянъ²⁾. Но проволочки продолжались по прежнему. Уже 19 іюля 1767 года, т. е. почти два года спустя послѣ начала описи, былъ полученъ новый подтвердительный указъ о доставленіи

1) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку лубенскомъ.

2) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

купчихъ съ угрозою въ противномъ случаѣ поступить съ ослушниками по законамъ. По одному изъ пунктовъ инструкціи требовалась доставка грамотъ на владѣніе; точныя копии съ этихъ грамотъ и крѣпостей должны были присылать за скрѣпою подкомораго и судьи въ полковья канцеляріи, а оттуда уже въ ревизіонныя комиссіи¹⁾. Новое зотрудненіе и проволочка.

Дѣло составленія „Описи“ само по себѣ было не легкое; количество назначенныхъ для него лицъ оказывалось недостаточнымъ. Въ виду этого графъ Румянцевъ, въ отвѣтъ на просьбу секундъ-маіора Чередина объ увеличеніи численнаго состава комиссіи, далъ ордеръ такого содержанія: „если для скорѣйшаго приведенія къ окончанію порученной вамъ сочиненія генеральной описи комиссіи необходимо потребны будутъ еще оберъ и ундеръ офицеры, опытыхъ, но конечно безъ излишества и по крайней надобности, требовать отъ ближайшихъ полковъ конныхъ или пѣхотныхъ, которыхъ по требованіямъ вашимъ о скорѣйшей отсылкѣ отъ меня по командѣ ордеры посланы²⁾“.

Вѣроятно также и самыя чиновники не обнаруживали должнаго усердія и рвенія. Это побудило начальниковъ комиссій издать слѣдующій приказъ, обращенный ко всеѣмъ регулярнымъ и нерегулярнымъ чиновникамъ, прикомандированнымъ въ комиссію: „дабы всякій знать могъ свою должность и въ праздности быть не могъ и чрезъ то остановки по комиссіи не слѣдовало, то что каждому въ якій день и исправлять какое дѣло надлежитъ, для того ежедневно квартирмистру представлять ко мнѣ сію приказную тетрадь, въ которой означено будетъ о исправленіи повелѣнія, а по тому повелѣнію кто что исполнить или зачѣмъ не исполнить, что ему препоручено, тожъ какія вѣдомости, когда и отъ кого и о чемъ получатся, и кто изъ опытыхъ чиновъ прійметъ, въ особливомъ означивать реестрѣ, который реестръ въ надлежащемъ порядкѣ содержать при журналѣ“³⁾. И такія вѣдомости, какъ видно изъ документовъ, составлялись.

¹⁾ Дѣло о генеральной описи въ полку мпргородскомъ.

²⁾ Ibid.

³⁾ Это приказъ секундъ-маіора Якубовича (по переясловскому полку); мы въ немъ только немного исправили правописание. (Дѣло о генеральной описи въ полку переясловскомъ).

Тѣмъ не менѣе и это оказывалось недостаточнымъ для ско-раго и безостановочнаго составленія предпринятой генеральной опи-си. Лица, которымъ поручено было это повидимому простое дѣло, не смотря на подробныя инструкціи, не смотря на постоянныя разъясненія самаго графа Румянцева и малороссійской коллегіи, не могли удовлетворительно разрѣшить своей задачи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно такое прямое указаніе относительно секундъ-маіора Чередина. Въ ордерѣ Румянцева къ секундъ-маіору Тинкову, опредѣленному въ миргородскій полкъ на мѣсто Чередина, читаемъ: „изъ рапорта вашего высокоблагородія отъ 18 минувшаго февраля я съ немалымъ сожалѣніемъ вижу, что бывший въ миргородскомъ полку у сочиненія описи маіоръ Черединъ данную отъ меня инструкцію съ довольнымъ наставленіемъ, какимъ образомъ ту опись дѣ-лать, конечно, вовсе не читалъ или содержанія ея не понималъ, что ни одну сотню такъ, какъ отъ меня предписано было, не опи-салъ и опредѣленные въ помощь къ нему офицеры и малороссій-скіе чиновники видно ему подобны, что ни одинъ не могъ напом-нить ему о тѣхъ противъ повелѣнія невыполненіяхъ; и для того я вашему высокоблагородію рекомендую всѣ тѣ имъ Черединымъ со-чиненныя описи по точному предписанію въ инструкціи и послѣ того данныхъ повелѣніевъ переправить, а офицеровъ, если вы ихъ при себѣ имѣтъ не похочете, какъ не рачительныхъ, отпустить въ полки, а на мѣсто ихъ истребовать отъ полковъ, кого вы сами за способныхъ къ тому найти можете.“ (6 марта 1768 г.)¹⁾

Низкій уровень образованія военныхъ чиновъ, которыхъ однако и въ ту пору считали, какъ видно, на все способными, незнаком-ство лицъ поставленныхъ во главѣ комиссіи съ особенностями мѣстной жизни, ея порядками, узаконеніями и исторіею, не пони-маніе цѣли такой генеральной ревизіи, страхи и опасенія ея вы-званныя и наконецъ царившій тогда во всей силѣ антагонизмъ между великорусскими и малорусскими властями—были, конечно, главными причинами той неудовлетворительности въ веденіи описи, на которую жаловался Румянцевъ; но много безъ сомнѣнія портили дѣло и оставляли въ населеніи тягостное чувство тѣ приемы, какіе

1) Дѣло о сочиненія генеральной описи въ полку миргородскомъ.

употреблялись при провѣркѣ на мѣстѣ вѣдомостей о населеніи и его движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Приемы эти были чисто военного характера. Извѣстіе объ нихъ и вообще картину провѣрки по нимъ „описи“ мы находимъ въ „Исторіи Руссовъ“.

Авторъ оной, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ ближайшія объ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія и передаетъ объ немъ со словъ участниковъ ревизіи, или очевидныхъ ея свидѣтелей, хотя, быть можетъ, съ примѣсю своего личнаго или извѣстной общественной группы мнѣнія. Графъ Румянцевъ, говоритъ онъ, обозрѣлъ знатнѣйшіе города и затѣмъ, вмѣсто консистентскихъ дачъ, учредилъ единообразный денежный сборъ съ хаты по 1 р. 2 к. Народъ малороссійскій былъ облегченъ и облагодѣтельствованъ этимъ. „Но какъ блаженство человѣческое по невѣдомымъ судьбамъ всегда почти преслѣдуется какимъ ни есть зломъ, его обременяющимъ, и даетъ матерію самимъ философамъ препираться цѣлые вѣка о началѣ добра и зла, доселѣ ими перѣшленныхъ, то и народъ малороссійскій, при благоденствіи своемъ, посѣщенъ былъ симъ общимъ жребіемъ злаго навѣта. Графъ Румянцевъ въ 1767 году повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, была новостью необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и ундеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизонныхъ, кои, зная только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самыхъ сущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачь младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммисіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями, и тутъ-то по-

трясали всѣ сокровища каждаго. Обыкновенно домогались нѣякихъ писцовыхъ книгъ и жалованныхъ царскихъ грамотъ, но грамоты здѣсь были у однихъ поповъ на парафіи, да и то архіерейскія; а какъ помѣщикамъ, по правамъ и договорнымъ статьямъ ихъ, всѣ надачи и пожалованья происходили отъ гетмановъ и трибунальныхъ правительствъ, а только не многіе имѣли на то подтвержденіи царскія по ихъ желаніямъ и случившимся нарочитымъ оказіямъ, то и представлены отъ всѣхъ владѣтелей универсалы гетманскіе и декреты судовые; но ихъ сначала считали за пашпорты или покормежныя, а не много что за свидѣтельства обыкновенныя, и послѣ уже мало по малу приходили они въ свою силу, смотря по старательствамъ владѣльцевъ и ихъ пожертвованіямъ. Опись она, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и нечаянно уничтожилась. Возгорѣвшаяся съ турками война за дѣла польскія дала малороссіянамъ другую работу. Все въ ней кипѣло и шумѣло, и все занималось выстаченіемъ войска, работниковъ, погонщиковъ, фуръ съ волами и провіанта къ арміямъ, со всѣми другими къ нимъ принадлежностями. Малороссіяне, не смотря на тогдашнюю свою тягость и безпримѣрныя заботы, прославляли Бога, имъ тако благодарѣтельствовавшего, приписывая промыслу Его открытіе войны на избавленіе ихъ отъ генеральной описи и ея послѣдствій, грозившихъ, по ихъ мнѣнію, разрушеніемъ собственности и стяжанія каждаго¹⁾).

Приведенная картина грѣшитъ, можетъ быть, въ частностяхъ, отзывается страстностью, преувеличеніемъ, но основной фонъ ея носить на себѣ печать исторической дѣйствительности и служить вѣрнымъ отраженіемъ порожденной описью пертурбаціи, особливо въ средѣ тогдашняго малороссійскаго паяства, желавшаго одновременно и сохранить свою политическую автономію, „пактами Богдана Хмельницкаго утвержденную“, и закрѣпить жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и даже козаковъ. Чрезвычайно характерны и совершенно въ духъ того времени, въ нравахъ и понятіяхъ исполнителей „Описи“ и эти требованія „нѣякихъ писцовыхъ книгъ и жалованныхъ грамотъ“, и признаніе гетманскихъ универсаловъ

1) Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 256—257.

за паспорта и покормежныя, и выстраиваніе людей и скотовъ по ранжиру, и отмѣчиваніе ихъ мѣломъ и углемъ, и даже желаніе сорвать что либо съ переписываемыхъ въ свою пользу.

Но для насъ именно эти приемы и служатъ гарантіей достовѣрности „генеральной описи“. Очевидно, провѣрка данныхъ происходила самымъ тщательнымъ образомъ, и въ жертву ей были принесены даже временныя неудобства для населенія.

Въ виду дошедшей до насъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, цѣлой почти половины „Описи“, едва-ли есть надобность говорить о томъ, что выраженіе „Исторіи Руссовъ“, будто „опись не имѣла окончанія и нечаянно уничтожилась“, надо понимать въ смыслѣ того, что окончательное ея изготовленіе и примѣненіе къ дѣлу добытыхъ ею результатовъ было прервано возгорѣвшеюся съ турками войною. Никто также не признаетъ буквально и того, будто „Опись“ была какою-то карою, посланною отъ Бога на народъ малороссійскій. Такою она могла казаться тѣмъ, которые чувствовали себя виновными въ захватахъ чужихъ земель и закрѣпощеніи свободныхъ людей, а такихъ, какъ мы знаемъ, было тогда много и ихъ-то и имѣла между прочимъ въ виду „Опись“. Не даромъ въ самомъ началѣ Румянцевской ревизіи возникла масса жалобъ и процессовъ со стороны закрѣпощенныхъ козаковъ, и самъ Румянцевъ особымъ манифестомъ отъ 26 мая 1765 года рекомендовалъ многочисленнымъ искателямъ козачества не бросать своихъ владѣльцевъ, а нести въ ихъ пользу повинности до тѣхъ поръ, пока ихъ право не будетъ утверждено судебнымъ порядкомъ¹⁾. Впрочемъ надежды потерпѣвшихъ продолжались не долго: черезъ годъ послѣ начала генеральной описи Румянцевъ высказывается уже въ пользу прекращенія исковъ о козачествѣ.

Прошелъ 1766-й, подходилъ къ концу 1767 годъ, а опись далеко еще не была окончена даже вчернѣ. Въ мартѣ 1767 года полученъ былъ запросъ отъ Румянцева, кончена-ли черновая опись въ миргородскомъ полку. А мы знаемъ, что тогда-же, въ томъ-же мартѣ мѣсяцѣ, многими владѣльцами не доставлены были еще вѣдомости о своихъ имѣніяхъ, и полковая миргородская канцелярія подтверждаетъ со-

¹⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

тенному хорольскому правленію еще разъ напомнить землевладѣльцамъ о скорѣйшей ихъ присылкѣ ¹⁾). Вѣдомость о церквахъ и ихъ земляхъ была представлена только 11 февраля 1769 года ²⁾). За то въ кievскомъ полку черновыя вѣдомости были уже составлены въ началѣ 1767 года ³⁾).

Во всякомъ случаѣ теперь выступилъ на очередь вопросъ о перепискѣ набѣло генеральной описи. Съ этою цѣлью въ каждую сотню было назначено по пяти писцовъ; сюда-же должно было присоединиться въ качествѣ руководителей и нѣсколько бунчуковыхъ товарищей, капраловъ и канцеляристовъ. Но и здѣсь не обошлось безъ затрудненій. Начальникъ черниговской ревизіонной комисіи жалуетя, что присылаемые писцы или вовсе почти не умѣютъ писать, или-же уклоняются отъ службы, даже просто *скрываются, неизвѣстно куда*, такъ какъ вовсе не получаютъ жалованья. Малороссійская коллегія распорядилась, что-бы писцы не отлучались ранѣе окончанія своего дѣла, иначе будутъ жестоко наказаны; ссылка на неполученіе жалованья, говорилось въ указѣ, не можетъ быть принята во вниманіе, такъ какъ въ Малороссіи никто изъ писцовъ не получаетъ жалованья, а всякій содержитъ себя изъ своего имуществва.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить, когда была совершенно окончена генеральная опись; можемъ только думать, что въ иныхъ полкахъ она была окончена рано, а въ другихъ затянулась до 1769 года. Въ переясловскомъ полку переписка набѣло вѣдомостей окончилась въ апрѣлѣ 1768 года ⁴⁾). Во всякомъ случаѣ въ 1769 г. войска уже выступили въ походъ противъ турокъ и опись должна была прекратиться.

Разсматривая самыя описи, мы замѣчаемъ, что онѣ были исполнены согласно съ извѣстными уже намъ инструкціями; если и были отступленія, то самыя незначительныя. Описи, какъ и инструкціи, раздѣляются на 4 разряда: 1) описи козачьихъ владѣній

¹⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку мпргородскомъ.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переясловскомъ.

2) монастырскихъ, ранговыхъ и урядовыхъ маетностей, 3) владѣльческихъ маетностей и 4) городовъ. Какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ произведено было подворное описаніе. Отвѣты были получены на всѣ вопросы, помѣщенные въ инструкціяхъ, исключая тѣхъ, которые пришлось выбросить съ самаго начала и на которые мы уже указывали раньше. Составъ семействъ былъ провѣренъ на мѣста ревизорами, такъ-же точно какъ и помѣщенія (жилыя и не-жилыя). Количество поземельной собственности опредѣлено до мельчайшихъ подробностей: перечисляются всѣ куски земли, принадлежащія данному лицу, хотя-бы они были ничтожной величины; величина участковъ опредѣляется правда не десятинами и саженьями, а днями, уругами, количествомъ высѣваемого хлѣба и т. д.; но эти мѣры безъ труда могутъ быть переведены на наши. Мало того—почти постоянно опредѣляется положеніе всякой нивки (такимъ или инымъ урочищемъ), указывается и количество высѣваемого хлѣба, скашиваемой травы. Во всякомъ случаѣ количество земли и посѣвовъ опредѣляется довольно точно. Очень ясное представленіе мы можемъ также имѣть о доходахъ съ большихъ имѣній, потому что помимо земель здѣсь перечисляются всѣ угодья, въ родѣ мельницъ, винокурень, лѣсовъ и т. д.. При описи монастырскихъ имѣній перечисляются даже повинности посполитыхъ по отношенію къ монастырю. Жаль только, что такихъ свѣдѣній нѣтъ относительно имѣній владѣльческихъ; вслѣдствіе этого положеніе посполитыхъ владѣльческихъ изъ одной Румянцевской описи для насъ не вполне уясняется. Съ одной стороны повинности крестьянъ по отношенію къ владѣльцамъ были самыя разнообразныя, а съ другой русское правительство вообще не желало вмѣшиваться въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; оно, на примѣръ, не принимало никакихъ мѣръ противъ постепеннаго закрѣпощенія посполитыхъ. Но и для вопроса о положеніи крестьянъ мы находимъ въ Румянцевской описи многочисленныя и важныя данныя (тамъ, на примѣръ, опредѣляется количество обрабатываемой ими земли, принадлежащаго имъ скота, казенныхъ сборовъ и т. д.). Описи городовъ даютъ намъ точныя цифровыя данныя о количествѣ разнаго рода ремесленниковъ, о промыслахъ и торговлѣ, о казенныхъ сборахъ; сюда-же нужно присоединить и свѣдѣнія о поземельной собственности, которая въ то время не являлась исключительною

принадлежностью сельскаго населенія, а почти въ равной степени принадлежала и городскимъ жителямъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ маленькихъ сотенныхъ городахъ. Въ замѣнъ исключенныхъ самымъ Румянцевымъ изъ инструкцій вопросовъ о количествѣ вольно-наемныхъ рабочихъ и ихъ поденной платѣ, находимъ въ описяхъ свѣдѣнія о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Обыкновенно въ концѣ подворнаго описанія селенія помѣщается длинная вѣдомость объ умершихъ, пришедшихъ и ушедшихъ людяхъ; въ особенности любопытны данныя „объ исшедшихъ невѣдомо куда людяхъ“; здѣсь же мы находимъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія „о завладѣнныхъ грунтахъ“; иногда въ одномъ селеніи находимъ цѣлыя десятки такихъ грунтовъ, а рядомъ съ ними пустыя, никому не принадлежащія „плецы и грунта“.

Не менѣе важны свѣдѣнія объ общевладѣемыхъ земляхъ и угодьяхъ; мы ихъ находимъ частью въ описяхъ, а частью въ дѣлахъ о производствѣ описей въ разныхъ полкахъ.

Во всѣхъ описяхъ мы находимъ частное личное землевладѣніе и только въ нѣкоторыхъ наталкиваемся на общественныя пахатныя земли; оказывается, что въ нѣкоторыхъ козацкихъ селахъ (главнымъ образомъ на полтавскомъ побережьѣ) козаки пахутъ на общевладѣемой козацкой землѣ; большинство впрочемъ при этомъ имѣетъ и личную собственность.

Очень важны также свѣдѣнія о разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ—городскихъ магистратахъ, церквахъ, шпиталяхъ, школахъ, шинкахъ и т. д.

И такъ, генеральная опись Малороссіи, можно сказать, *воплотилась* удачалась графу Румянцеву.

Какое-же значеніе она имѣла для тогдашней Малороссіи? Каковы были ея результаты?

Мы видѣли, что главною цѣлью ревизіи выставлялось желаніе, „что-бы каждый оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, а насилія и притѣсненія были уничтожены“. Но такая цѣль отличается слишкомъ общимъ, неопредѣленнымъ характеромъ. Графъ Румянцевъ былъ администраторъ—реформаторъ; такова была притомъ и его миссія. Онъ былъ назначенъ правителемъ Малороссіи въ тотъ моментъ, когда былъ нанесенъ послѣдній ударъ ея автономному существованію. Требовалось по возможности под-

вести Малороссію подѣ общія нормы русской жизни. Между тѣмъ старыя учрежденія были еще живы—и полковыя канцеляріи, и сотенныя правленія и весь штатъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; уничтожить всѣ эти остатки прошлаго было сравнительно легко, гораздо труднѣе было переформировать социальныя отношенія, которыя слагались вѣками, имѣли свою исторію и традицію. Уничтожить или реформировать ихъ однимъ почеркомъ пера было трудно. Быть, права и отношенія сословій въ Малороссіи были вовсе не тѣ, что въ остальной Россіи. Правда здѣсь были такія аномаліи, которыя бросались въ глаза всякому, а особенно новому человѣку. Румянцевъ въ свою поѣздку по Малороссіи могъ присмотрѣться къ нимъ. Козаки, напримѣръ, постоянно жалуются на закрѣпощеніе ихъ владѣльцами и притѣсненія старшиною. Горожане жалуются на козаковъ и владѣльцевъ, что тѣ занимаются торговлей и не несутъ никакихъ повинностей въ пользу магистрата. Помѣщики жалуются на постоянныя своевольныя переходы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Всѣ эти непорядки усмотрѣны и изложены были Румянцевымъ въ особенной запискѣ, представленной имъ императрицѣ. Тогда-же, по всей вѣроятности, у графа Румянцева созрѣлъ и планъ реформъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ. Уже въ упомянутой нами запискѣ 1765 года Румянцевъ въ вопросѣ о закрѣпощеніи козаковъ обвиняетъ болѣе козаковъ, чѣмъ владѣльцевъ: „хотя съ одной стороны, говоритъ онъ, владѣльцевъ вовсе извинить не можно, что они козаковъ во владѣніяхъ своихъ и понижѣ много имѣютъ, однако-жъ козаки сами больше въ томъ виновны, что они въ свое время о порабощеніи не искали; а ежели отъ службы бѣжали, укрываясь отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и наказанія достойны“. „Надлежитъ разсуждать, оканчпваетъ графъ Румянцевъ, какимъ образомъ въ семь пунктѣ, общественнаго добра ради, единожды навсегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства? ¹⁾“ Въ моментъ составленія генеральной описи была предоставлена полная возможность бывшимъ козакамъ, обращеннымъ въ посполитые, доискиваться козачества; графъ Румянцевъ въ своей инструкціи обращаетъ вниманіе на закрѣпощеніе козаковъ и считаетъ необходимымъ бороться съ этимъ зломъ. И

¹⁾ Авсеенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 149.

дѣйствительно, во время производства генеральной описи возникла цѣлая масса дѣлъ о козачествѣ. Какъ-же отнесся къ этому графъ Румянцевъ? Въ отвѣтъ на это приведемъ выдержки изъ его собственной записки, относящейся къ 1766 году. Прежде всего онъ предлагаетъ, „что-бъ отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать, а кто по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ-жъ молчать“. При нынѣшней-же системѣ веденія такихъ дѣлъ, говоритъ онъ, происходятъ слѣдующія неустройства: 1) сами козаки, оставивъ свои грунты, вписываются въ посполитые, а потомъ, указывая на свое козацкое происхожденіе, требуютъ себѣ снова земель, 2) часто получаютъ званіе козацкое тѣ изъ посполитыхъ, которые за козаковъ отбывали воинскую службу и женились на козацкихъ дочеряхъ, 3) иногда бѣглецы крестьяне осаживаются на козачьемъ грунтѣ и числятся козаками и т. д. „И такъ соглашая политическія причины, заканчивается графъ Румянцевъ, съ добромъ приватнымъ, какъ не предлежитъ никакая нужда умножать непрерывно число козаковъ, въ настоящемъ образѣ отягощающихъ только протчихъ жителей, а служба ихъ столь безстройна, сколь ни къ чему неудобна и не надежна, и поелику настоящее ихъ число составляетъ 71,064 хать и больше, нежели постановлено при Хмельницкомъ и другихъ гетманахъ, и которыхъ для воинской государственной службы довольно будетъ, и, ежели угодно будетъ ея императорскому величеству, *сію милицію привесть въ настоящий порядокъ воинскихъ людей* 1)“.

Такимъ образомъ графъ Румянцевъ желаетъ съ одной стороны прекратить дѣла о козачествѣ, а съ другой имѣеть болѣе широкій планъ обратить козацкую милицію въ регулярное войско. Какъ извѣстно, эта мысль осуществилась окончательно позже, а въ наступившей вскорѣ турецкой войнѣ пригодилась и „безстройная и ни къ чему неудобная“ служба козаковъ. Впрочемъ гораздо важнѣе

1) Мнѣніе генералъ аншефа, Малороссійскаго генералъ губернатора и кавалера, графа Румянцева о скуплѣ въ Малой Россіи козацкихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1816 г., кн. 2-я. стр. 62—63).

былъ вопросъ о козацкомъ землевладѣніи, чѣмъ о ихъ воинской службѣ. Козацкое званіе было тѣмъ привлекательно, что связывалось съ личною свободою и правомъ личной поземельной собственности. Отсюда совершенно понятно у народа стремленіе оказачиваться, стремленіе, которое съ особенною силою стало проявляться въ послѣднее время, когда крестьянское сословіе все болѣе и болѣе закрѣпощалось. Прежде (непосредственно послѣ Хмельницкаго) трудно было провести границу между посполитыми и козаками, теперь-же между ними выкапывалась пропасть, которую Румянцевская генеральная ревизія окончательно санкціонировала. Графъ Румянцевъ готовъ былъ оставить за козацествомъ его прежнія земельныя права, но подъ условіемъ выдѣленія его въ особое замкнутое сословіе, строго ограниченное въ своемъ числѣ; только тогда центральное русское правительство могло, по мнѣнію Румянцева, получать доходы съ козацкихъ земель ¹⁾). Такимъ образомъ здѣсь проскальзываетъ уже до нѣкоторой степени фискальная цѣль Румянцева, но еще яснѣе она проявляется въ другихъ случаяхъ, напримѣръ въ вопросѣ о ранговыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ: и тѣ, и другія Румянцевъ рекомендуетъ отобрать въ казну, а въ замѣнъ ихъ назначить чиновникамъ и военнымъ жалованье, а монастырямъ и церквамъ опредѣленное содержаніе ²⁾). Наконецъ сама императрица Екатерина II въ письмѣ къ Олсуфьеву говоритъ, что нужно “раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили, и что во всемъ ему должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. *Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отсель имъ дается 48,000 р.*” ³⁾). Очевидно, мнѣнія свои Румянцевъ черпалъ изъ кабинета ея величества. При отправленіи въ Малороссію онъ получилъ инструкцію, въ составленіи коей такое или иное участіе долженъ былъ принимать знаменитый опекунъ бывшаго гетмана Разумовскаго—Тепловъ, тотъ самый Тепловъ, который первый написалъ записку о неурядкахъ въ Малороссіи; остальные (канцлеръ Вестужевъ—Рюминъ, графъ Румянцевъ) были только его подражателями и продолжателями.

¹⁾ Ibid., стр. 66

²⁾ Авсеенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 145—147.

³⁾ Русскій Архивъ, 1863 г.

И такъ козаковъ генеральная опись старалась обособить въ особое замкнутое сословіе и ограничить по возможности ихъ число.

Посмотримъ теперь, каковы были результаты Румянцевской ревизіи и нѣкоторыхъ другихъ его административныхъ распоряженій для крестьянъ.

Малороссійскіе крестьяне ничего не выиграли отъ реформъ перваго російскаго администратора. Уже въ первой запискѣ графа Румянцева о порядкахъ въ Малороссіи насъ поражаетъ то обстоятельство, что тамъ нѣтъ никакихъ указаній на тяжести крестьянскаго быта; указываются аномаліи городского, козацкаго, даже шляхетскаго быта, у крестьянъ же единственнымъ источникомъ бѣдъ выставляется „мнимое къ свободѣ своевольство“. Въ рубрикѣ „о простомъ народѣ“ мы читаемъ: „простой народъ мнимымъ къ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, до лѣности и распутства; ибо многіе, оставляя свои пахатныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе проводить жизнь праздную и распутную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напои виномъ¹⁾“. Графъ Румянцевъ не задавался вопросомъ, какія причины вызвали это постоянное движеніе крестьянъ; для него онѣ сводились къ своевольству, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ заключались въ усиленіи власти помѣщиковъ, въ увеличеніи повинностей. Впрочемъ и объ этомъ графъ Румянцевъ узналъ не отъ крестьянъ, а отъ тѣхъ-же помѣщиковъ: помѣщики жаловались ему на развитіе подсусѣдчества и крестьянскихъ переходовъ. Въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ онъ не хотѣлъ вмѣшиваться, онъ ихъ вовсе игнорировалъ. Указаній на нихъ мы не находимъ въ его инструкціяхъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ; не находимъ ихъ и въ самой описи. Требуется самыя точныя свѣдѣнія о количествѣ скота, холодныхъ построекъ—и вовсе нѣтъ вопроса о повинностяхъ крестьянъ по отношенію къ державцамъ. Очевидно, этотъ вопросъ Румянцевъ считаетъ домашнимъ, такъ сказать, вопросомъ самихъ помѣщиковъ; нельзя отсутствіе его въ Румянцевскихъ инструкціяхъ объяснять разнообразіемъ крестьянскихъ повинностей, потому что рядомъ съ

¹⁾ Авсеенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

этимъ стояли не менѣе трудные вопросы (напримѣръ, подробное перечисленіе всѣхъ нивокъ, сѣновосныхъ угодій и т. д., съ указаніемъ на способъ ихъ пріобрѣтенія). Наконецъ въ монастырскихъ маетностяхъ мы находимъ указанія на повинности по отношенію къ монастырямъ. И такъ крестьянскій вопросъ въ Малороссіи Румянцевъ понималъ только, какъ вопросъ объ ограниченіи права свободного перехода. И въ этомъ случаѣ онъ выражалъ взглядъ, господствовавшій въ высшемъ центральномъ правительствѣ. Такой-же точно взглядъ выражалъ и Тепловъ, широко распространяясь о вредѣ свободного перехода крестьянъ¹⁾, канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ²⁾ и наконецъ сама императрица; въ упомянутомъ уже нами письмѣ къ Олсуфьеву она говоритъ: „прибавить надлежитъ, чтобъ сколь возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли“³⁾.

Но Румянцевская ревизія не только не уменьшила постоянныхъ переходовъ, а еще болѣе усилила ихъ. Еще раньше (въ 1763 г.) былъ изданъ указъ, нѣсколько ограничивавшій свободу перехода; онъ, нужно думать, стоялъ въ связи съ постоянными жалобами на бѣгство и переходы крестьянъ, исходившими отъ малороссійскихъ державцевъ⁴⁾. Въ Румянцевской описи народъ видѣлъ попытку прикрѣпить его къ землѣ—и бѣгства, переходы усилились еще больше. Не принесли никакой пользы билеты, которыми владѣлецъ долженъ былъ снабжать своихъ крестьянъ при отходѣ ихъ къ другому владѣльцу, ни угроза штрафовъ, потому что всегда среди помѣщиковъ находились охотники принять къ себѣ чужихъ крестьянъ, хотя и безбилетныхъ; не могло пособить горю и живое содѣйствіе помѣщикамъ со стороны малороссійской коллегіи, руководимой своимъ президентомъ. Народъ уходилъ толпами въ Запорожье, Новороссію, переходилъ отъ одного помѣщика къ другому. Такъ дѣло продолжалось до 1783 года, когда изданъ былъ зна-

¹⁾ Записки о южной Русси, т. II, стр. 194—196.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, кн. XXV,

³⁾ Русскій Архивъ, 1863 г.

⁴⁾ См. объ этомъ Лазаревского «Малороссійскіе посполитые кр.», стр. 109.

менитый указъ, закрѣпостившій окончательно малороссійскихъ крестьянъ.

Приходится, слѣдовательно, сознаться, что для крестьянства генеральная Румянцевская ревизія не только не имѣла полезныхъ результатовъ, но даже прямо вредные, потому что выдѣлила ихъ въ замкнутое безправное сословіе, отданное на произволь державцевъ.

Очевидно также, что малороссійскому шляхетству нечего было бояться генеральной описи, потому что она не нарушила ихъ права землевладѣнія и даже санкціонировала ихъ фактическую власть надъ посполитыми.

Что-же касается значенія Румянцевской описи для городского сословія, то мы затрудняемся сказать въ этомъ отношеніи какое нибудь положительное мнѣніе. Можно предполагать, что она, раскрывъ аномаліи городской жизни, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать и нѣкоторыя рѣшительныя мѣры для ихъ устраненія.

Таково и вообще значеніе Румянцевской описи. Для своего времени она должна была явиться источникомъ всякаго рода свѣдѣній, необходимыхъ для разныхъ административныхъ соображеній и мѣропріятій. Открылась по крайней мѣрѣ возможность опираться на Румянцевскую опись всякому, кто искалъ нарушенныхъ правъ на землю. Въ этомъ отношеніи она была несравненно достовернѣе всѣхъ тѣхъ ревизій, которыя производились до нея малороссійскими чиновниками и имѣли въ виду опредѣлить податную способность населенія ¹⁾).

Въ настоящее время она представляется драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для изученія внутренней бытовой исторіи Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка въ хозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Тамъ мы только найдемъ рѣшеніе вопросовъ о землевладѣніи, сельскомъ хозяйствѣ, бытѣ городского, дворянскаго, козацкаго и крестьянскаго сословій; при томъ это будетъ матеріалъ точныхъ фактовъ и цифръ. Къ даннымъ ея мы можемъ относиться съ довѣріемъ, узнавши, какъ они собирались. Имѣетъ также боль-

¹⁾ См. ревизіи и компуты малороссійскихъ полевъ въ Архивѣ малороссійской коллегіи и бібліотекѣ кіевской археограф. комиссіи.

шое значеніе и историко-юридическій ея матеріаль, заключающійся въ безчисленномъ множествѣ жалованныхъ грамотъ на маестности, универсаловъ, духовныхъ завѣщаній, купчихъ крѣпостей и т. д.

Настоящей статьей мы хотѣли обратить вниманіе интересующихся исторіею лѣвобережной Украины лицъ на Румянцевскую опись. Такой памятникъ не можетъ быть подъ спудомъ, онъ долженъ быть изданъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Харьковъ.

Димитрій Багалъй.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768 — 1776 г.).

(Продолженіе)¹⁾.

ГЛАВА VI.

Передвиженіе пльинныхъ изъ Тобольска въ Тару и опредѣленіе ихъ въ военную службу.

Мы почувствовали крайнее уныніе при видѣ столь жестокаго обращенія съ нашими союзниками; притомъ мы неслытывали сами безжалостное къ намъ отношеніе, такъ какъ въ теченіе всей зимы насъ не оставляли постоянно двигать все дальше и дальше; особенно смутило насъ распоряженіе, вслѣдствіе котораго мы должны были совершать вѣшкомъ предстоявшій путь, въ Сибири-же это обстоятельство составляетъ весьма тяжелое условіе, ибо сибирскую зиму невозможно даже сравнивать съ зимою въ Польшѣ; холодъ и морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ настолько обилень, что часто представляетъ пластъ толщиною въ десять локтей (2¹/₂ сажени).

Мы выступили изъ Тобольска при страшномъ холодѣ, въ мятель; ни слѣда дороги не было видно и мы брели въ снѣгу по поясъ съ величайшимъ трудомъ и горемъ; подвигаясь такимъ образомъ, въ теченіи дня, мы успѣли пройти лишь одну милю и только поздно ночью достигли до какого-то селенія; здѣсь намъ отвели теплыя квартиры и дозволили въ нихъ долго отдыхать утромъ слѣдующаго дня, послѣ утомительной вчерашней дороги. Насъ провожали капитанъ тобольскаго гарнизона и десять человекъ солдатъ; капитанъ этотъ оказался человекомъ разсудительнымъ и добродушнымъ: онъ сообщилъ намъ по секрету, что инструкція, данная ему, разрѣшаетъ требовать подводъ для больныхъ въ случаѣ, если кто изъ насъ заболѣетъ на пути слѣдованія; потому онъ совѣтовалъ намъ постепенно сказываться больными и док-

¹⁾ См. янв. и март. кн. «Кіевск. Старинны» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

ладывать ему объ этомъ чрезъ сержанта, но мы не должны были дѣлать этого все въдругъ, а постепенно, черезъ каждыя три или четыре станціи. Мы были искренно благодарны капитану за это благодѣтельное извѣстіе и немедленно имъ воспользовались. Тутъ-же, въ первомъ селеніи, восемнадцать человекъ оказалось больными и капитанъ потребовалъ для нихъ подводъ; въ теченіи дальнѣйшаго пути оказалось, что все мы постепенно заболѣвали и вслѣдствіе этого пріѣхали въ Тару все на саняхъ. Здѣсь мы встрѣтили конфедератовъ, которые еще до начала зимы были сюда присланы изъ Тобольска; насъ-же послѣ пріѣзда распредѣлили по квартирамъ и объявили, что на другой день насъ отправятъ въ дальнѣйшій путь, еще за 170 миль, въ Иркутскую губернію, и что потому мы должны быть готовы въ дорогу къ означенному времени.

Командатъ города Тары былъ человекъ весьма обходительный; по польски онъ говорилъ, какъ природный полякъ. Узнавъ объ этомъ, нѣсколько человекъ насъ отправились къ нему съ просьбою, чтобы онъ оставилъ насъ на зиму въ Тарѣ по причинѣ совершеннаго истощенія нашихъ силъ; онъ долго отказывалъ намъ въ исполненіи этой просьбы, но, наконецъ, обѣщалъ удовлетворить ее; вслѣдствіе этого насъ отчислили отъ нашей партіи, которой приказано было собираться въ путь на слѣдующій день.

Несчастные товарищи наши объята были глубокою скорбью, когда имъ было заявлено о необходимости столь далекаго путешествія, пѣшкомъ, среди мятелей, снѣга, холода и мороза. Они сознавали, что находятся уже за нѣсколько сотъ миль отъ границъ отечества и что дальнѣйшее передвиженіе предвѣщаетъ имъ гибель или пожизненное пребываніе на мѣстѣ ссылки; потому, потерявъ всякую надежду на возвратъ въ отечество, они пренеслились отчаяніи и печали. Утромъ имъ приказано было выступать въ походъ подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ поручика, сержанта и двѣнадцати солдатъ; они простились съ нами безъ всякой надежды на новую встрѣчу въ будущемъ и отправились въ тягостный и безнадежный путь; при выходѣ составленъ былъ и прочтенъ поименный ихъ списокъ.

Мы-же остались въ Тарѣ и причислены были къ той партіи, которая раньше насъ была прислана сюда на зимовку; намъ тотъ-часъ

отвели квартиры въ городѣ. Тара городъ весьма порядочный, хотя состоитъ исключительно изъ деревянныхъ домовъ; онъ находится подъ управленіемъ воеводы и отдѣльнаго коменданта города, въ вѣдѣніи котораго находились плѣнные. Комендатель оказался человѣкомъ весьма вѣжливымъ и гуманнымъ; мы посѣщали его очень часто и онъ бесѣдовалъ съ нами о различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, въ которыхъ ему случалось бывать, отзывался съ одобреніемъ о нашихъ согражданахъ и хвалилъ ихъ развитіе и общительность. Воевода тарскій, слыша эти отзывы коменданта, оказывалъ намъ также дружбу и расположеніе; такимъ образомъ жизнь наша въ Тарѣ въ теченіе зимы прошла довольно спокойно и удобно, тѣмъ болѣе, что мы пользовались здѣсь обычною во всей Сибири дешевизною необходимыхъ для жизни продуктовъ; 10 грошей, которые мы получали суточно, не только были достаточны для нашего прокормленія, но мы могли даже дѣлать нѣкоторыя сбереженія для покупки одежды. Такъ какъ китайскія ткани очень дешевы въ Сибири, то мы по большей части и покупали ихъ для пополненія нашего костюма.

Съ наступленіемъ весны пришло новое предписаніе о томъ, чтобы доставить о насъ точныя свѣдѣнія относительно нашего роста, наружности, цвѣта волосъ и возраста. Немедленно мы призваны были въ канцелярію и здѣсь составлена была требуемая вѣдомость. Мы поняли, что распоряженіе это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу и потому исполнились страха и отчаянія; мы вспомнили, что въ Казани, Тобольскѣ и Тарѣ мы встрѣчали многихъ соотечественниковъ, понавшихъ въ Сибирь еще во время смуты, бывшихъ при королѣ Лещинскомъ (1734); они состарѣлись въ ссылкѣ и потеряли всякую надежду на освобожденіе; ожиданіе такой-же участи смущало насъ неимоვნю и наводило на насъ ужасъ.

Когда въ Тарѣ окончили перепись и помѣтили ростъ и возрастъ каждаго, то насъ распредѣлили на двѣ категоріи: болѣе молодыхъ, къ которымъ и я былъ причисленъ, рѣшили сдать въ военную службу въ дѣйствующую армію, болѣе-же пожилыхъ причислить къ мѣстной козацкой милиціи. Вскорѣ составили изъ насъ партію въ 120 человѣкъ и, заказавъ для насъ подводы, приказали собираться въ путь въ го-

родъ Омскъ, гдѣ насъ должны были опредѣлить въ дивизию сибирскихъ драгунъ, расположенную на границѣ съ киргизами.

Такъ какъ уже нѣсколько разъ составлялись подобныя списки съ обозначеніемъ нашего возраста и примѣтъ, то мы надѣялись, что и въ этомъ случаѣ дѣло останется безъ послѣдствій, и не предполагали, что дѣйствительно будемъ зачислены въ военную службу. Когда подводы были готовы, насъ созвали по списку и передали подъ начальство особаго офицера и подъ надзоръ отряда солдатъ. Мы отправились въ путь, въ Омскъ, раздѣлившись по три человѣка на каждой повозкѣ. Погода была благопріятна и дорога хороша: въ селахъ, гдѣ мы оставались на ночь, крестьяне постоянно предсказывали, что въ Омскѣ мы облачимся въ драгунскій мундиръ, но мы этому не вѣрили и такъ какъ подобнаго рода разговоры раздражали насъ, то мы бранили хозяевъ. Проѣхавъ таимъ образомъ 25 миль, отдѣляющихъ Тару отъ Омска, мы достигли послѣдняго города въ 10 часовъ утра.

Въ Омскѣ намъ отвели квартиры у мѣстныхъ козаковъ. Въ этомъ городѣ, кромѣ военныхъ, козаковъ и драгунъ, не имѣется другихъ жителей, такъ какъ городъ этотъ основанъ еще недавно въ качествѣ пограничнаго военного поста. Въ немъ находится довольно сильная крѣпость, состоящая изъ земляныхъ валовъ, а внутри ея множество казармъ для солдатъ, а также домъ генераль-лейтенанта, командующаго цѣлымъ сибирскимъ корпусомъ, расположеннымъ вдоль границы на протяженіи 20 миль; за крѣпостью небольшой посадъ, состоящій изъ деревянныхъ домовъ, принадлежащихъ семейнымъ козакамъ, которые несутъ военную повинность пограничной службы. Среди города протекаетъ рѣка Омъ, на которой построенъ довольно прочный мостъ, за городомъ-же большая рѣка Иртышъ, противоположный берегъ которой представляетъ пустынную степь, принадлежащую киргизамъ. Сибирскій корпусъ находится подъ управленіемъ двухъ генераль-маіоровъ и подъ главнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта. До нашего пріѣзда умеръ генераль-лейтенантъ, по фамиліи Шпрингеръ, и должность его временно исправлялъ старшій генераль-маіоръ—Станиславскій, родомъ полякъ. Намъ приказано было явиться къ нему и онъ объявилъ намъ, что получилъ приказъ изъ военной коллегіи, предписывающій всѣхъ насъ зачислить въ военную службу и распределить въ различные полки сибирскаго

корпуса. Мы обратились къ нему съ настоятельными просьбами о томъ, что-бы онъ освободилъ насъ отъ этой участи, но просьбы наши оказались безуспѣшными, ибо удовлетвореніе ихъ выходило за предѣлы власти, предоставленной генералу Станиславскому: онъ однако обошелся съ нами благосклонно и милостиво и обѣщаль оказывать намъ вниманіе и возможное покровительство послѣ опредѣленія насъ на службу. Насъ выстроили въ два ряда и, распредѣливъ на группы по 9 до 30 человѣкъ, каждую отправляли въ иной полкъ. Девять человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и я, зачислили въ ревельскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ Омскѣ, другія-же партіи, человѣкъ въ 12 до 30, распредѣлили въ другіе полки, расположенныя вдоль всей границы. Затѣмъ насъ повели въ церковь и приказали намъ исполнить присягу на вѣрность службы; никто изъ насъ не захотѣлъ присягать и хотя офицеры уговаривали насъ довольно ласково, но убѣжденія ихъ на насъ не подѣйствовали. Послѣ выхода изъ церкви, мы были окружены нѣсколькими взводами солдатъ, которые препроводили насъ подъ арестъ, при чемъ насъ посадили по два человѣка. Мы провели день и ночь безъ пищи и на слѣдующее утро каждую пару отдѣльно опять повели въ церковь и потребовали исполненія присяги; но всѣ мы отказались отъ нея, при чемъ мы поставляли на видъ, что уже присягали на вѣрность своему отечеству и обязаны сохранить данную клятву. Насъ опять вывели изъ церкви и посадили подъ арестъ, но уже не попарно, а каждому отдѣльно, такъ что одинъ не зналъ о мѣстѣ заточенія другаго; намъ отпускали каждому по фунту хлѣба и по кружкѣ воды въ сутки. На третіе сутки каждого отдѣльно приводили въ церковь и вновь склоняли къ принятію присяги; когда-же и теперь мы отказались, то вновь насъ соединили всѣхъ вмѣстѣ и отправили подъ арестъ въ общую камеру. Здѣсь мы оставались въ теченіи шести недѣль, получая вышеозначенныя порціи хлѣба и воды; каждый день къ намъ заходили офицеры и убѣждали насъ принять присягу, но всѣ ихъ усилія оказывались тщетными. Товарищи наши, отправленные въ другіе полки, хотя находились на значительномъ отъ насъ разстояніи, но, подобно намъ, отказались приносить присягу и равнымъ образомъ были посажены подъ арестъ. Наконецъ, по истеченіи шести недѣль, насъ вывели на площадь, гдѣ заготовлены были кнуты, плети и налки; нослѣ наказа-

нія мы наконецъ заявили согласіе принести присягу. Въ другихъ полкахъ нѣкоторые товарищи наши заупрямились до такой степени, что претерпѣли по 800—1500 палочныхъ ударовъ, и только, подвергшись вторично такому-же наказанію, едва согласились исполнить присягу. Послѣ того какъ мы принуждены были поступить въ военную службу, прислана была изъ Тобольска новая партія, заключающая болѣе ста человѣкъ, которая также была распределена въ различные полки; затѣмъ такой-же участи подверглись и другія партіи конфедератовъ, которыя направлены были, минуя Тобольскъ, прямо въ нашъ корпусъ.

Совершенно другое назначеніе получили тѣ 170 человѣкъ, которые еще зимою отправлены были изъ Тары въ Иркутскъ. Достигнувъ мѣста своего назначенія, они поселены были въ различныхъ слободахъ въ домахъ мѣстныхъ крестьянъ; имъ прекращена была выдача денегъ на содержаніе и приказано было помогать хозяевамъ въ исполненіи сельскихъ работъ, послѣднимъ-же предписано заботиться о ихъ прокормленіи. Они прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ такомъ положеніи, но не только не принялись за работу, а напротивъ до того угнетали своихъ хозяевъ, что послѣдніе предложили имъ даромъ продовольствіе подъ условіемъ, чтобы они лишь вели себя спокойно; ибо когда вначалѣ хозяева хотѣли ихъ голодомъ принудить къ исполненію работъ, то конфедераты предались отчаянію, стали буйствовать, заводить драки, насильно брать хлѣбъ и похищать всякую живность, какую только удалось имъ захватить. Такимъ поведеніемъ они заставили крестьянъ выдавать себѣ продовольствіе даромъ и смотрѣть на своихъ жильцевъ со страхомъ, словно на военную экзекуцію. Вслѣдствіе такихъ отношеній жители обратились съ прошеніемъ къ губернатору, въ которомъ изъясняли, что они не только не получаютъ отъ поляковъ никакой помощи въ хозяйствѣ, но испытываютъ отъ нихъ постоянно невыносимыя и тягостныя безпокойства и потому просятъ удалить ихъ изъ своихъ жилищъ. Вслѣдствіе этого прошенія губернаторъ приказалъ возвратитъ плѣнныхъ въ Иркутскъ и размѣститъ ихъ въ городѣ на квартирахъ. Въ это время проживалъ въ Иркутскѣ бывшій русскій офицеръ, разжалованный въ солдаты за какую-то вину: онъ объяснилъ нашимъ товарищамъ, что тѣ распоряженія, которыя къ нимъ примѣняются, исходятъ отъ тобольскаго генераль-губернатора, управляющаго

всею Сибирью и изданы имъ исключительно по собственному почину и усмотрѣнію; онъ совѣтоваль имъ послать жалобу самой государынѣ, основываясь на общемъ законѣ, по которому власти обязаны всякоз прошеніе отъ обиженнаго лица принять и отослать по назначенію, если оно написано, какъ это официально называется, „на имя государыни“; онъ научилъ ихъ притомъ, чтобы они постарались проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ губернаторъ съ ассессорами засѣдаетъ для обужденія дѣлъ, прибавивъ, что въ залѣ этомъ они увидятъ императорское кресло, надъ которымъ виситъ портретъ императрицы, что передъ этимъ кресломъ слѣдуетъ положить запечатанный пакетъ на имя государыни, въ которомъ можетъ быть помѣщена жалоба на причиненныя имъ обиды, и что этотъ пакетъ неминуемо губернаторъ обязанъ будетъ отправить въ Петербургъ. Земляки наши въ точности исполнили инструкцію и нашли возможность проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ и положили пакетъ передъ императорскимъ кресломъ; губернаторъ вскочилъ изъ-за стола въ сильномъ смущеніи, но долженъ былъ не медля отослать жалобу въ Петербургъ, откуда и получено было предписаніе, чтобы плѣннымъ уплотить содержаніе, удержанное въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отправить ихъ на подводахъ гъ Тобольскъ и тамъ оставить въ покоѣ, продолжая выдавать содержаніе впредь до дальнѣйшаго распоряженія военной коллегіи.

Между тѣмъ мы, оставаясь въ военной службѣ, должны были готовиться къ походу, ибо внезапно полученъ былъ приказъ, предписывавшій всему нашему корпусу выступить поспѣшно въ погоню за калмыками. Калмыки, кочевавшіе въ большемъ количествѣ около Оренбуга, гдѣ имъ принадлежала обширная полоса степи, получили въ 1771 году приказъ отправиться въ походъ для соединенія съ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ; ибо калмыки, подобно донскимъ козакамъ и башкирамъ, обязаны нести въ пользу государства военную службу и выступать по каждому требованію въ военный походъ; въ случаѣ выступленія ихъ снабжаютъ артиллеріею, что сдѣлано было и на этотъ разъ. Ханъ калмыцкій, по имени Бамбура, собравъ 40,000 войска, вмѣсто того, чтобы отправиться въ армію, рѣшился двинуться въ Китай. Когда объ этомъ узнали въ Пинтербургѣ, немедленно приказали корпусамъ оренбургскому

и сибирскому отправиться поспѣшно въ погоню за калмыками. Последніе между тѣмъ быстрыми переходами стремились къ границамъ области киргизовъ, полагая, что этотъ путь будетъ для нихъ самый удобный. Оренбургскій корпусъ, состоявшій изъ 10,000 человекъ, долженъ былъ идти вслѣдъ за ними, нашему-же сибирскому корпусу, состоявшему изъ 12,000 человекъ, предписано было преградить имъ путь; притомъ киргизамъ послано было распоряженіе, чтобы они не пропускали калмыковъ черезъ свою область. Но калмыки двигались весьма быстро; они отодвинулись далеко отъ оренбургскаго корпуса и опередили даже на значительное разстояніе насъ, отправившихся имъ на встрѣчу. Когда киргизы отказали имъ въ пропускѣ, они сразились съ ними, положили на мѣстѣ нѣсколько тысячъ, овладѣли свѣжими киргизскими лошадьми и, оставивъ своихъ, двинулись поспѣшно въ дальнѣйшій путь. Мы пошли вслѣдъ за ними также ускореннымъ маршемъ черезъ область киргизовъ по совершенно пустынной степи, безъ признака какой-либо дороги, гдѣ киргизы служили намъ проводниками. Время было жаркое, между тѣмъ степь оказалась совершенно безводною, такъ что по 2, 3 и даже 4 дня мы оставались безъ воды; отъ жажды погибло у насъ множество лошадей и людей и еще больше поражено было болѣзнями. Не смотря на это, мы шли быстро впередъ и стали уже достигать калмыковъ, такъ что останавливались на ночь на тѣхъ стоянкахъ, гдѣ они на кануѣ ночевали. Мы прошли такимъ образомъ землю киргизовъ и вступили въ область бухарскихъ татаръ, которые занимаютъ довольно небольшую полосу земли и подобно киргизамъ живутъ въ пустынной, вовсе незаселенной степи. Прощедши Бухарію, мы вступили въ страну ташкентскихъ татаръ; область эта гораздо богаче и изобилуетъ необходимыми для жизни произведеніями; жители живутъ въ домахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею; между ними есть богатые кушцы, ведущіе торговлю золотыми издѣліями, жемчугомъ и дорогими каменьями. Страною управляетъ самостоятельный ханъ, которому жители даютъ дань по большей части въ натурѣ — скотомъ и мѣхами. Мы прошли ташкентскую область, не будучи въ состояніи настичь калмыковъ, и вступили въ предѣлы хивинскіе. Хивинцы обитаютъ среди скалъ въ гористой мѣстности; народъ этотъ живетъ очень бѣдно и главныя средства пропитанія добываетъ охотою; дичи въ странѣ очень много,

въ томъ числѣ часто встрѣчаются дорогіе пушные звѣри: соболи, куницы и прекрасныя лисицы, называемыя у насъ „крыжаками“. Въ хлѣбѣ и домашнемъ скотѣ хивинцы сильно нуждаются и хозяйство ихъ не доставляетъ имъ достаточныхъ средствъ для пропитанія, особенно зимою, когда холодъ въ этой странѣ бываетъ весьма сильный. У нихъ также есть самостоятельный ханъ, которому они даютъ ясакъ, т. е. дань отъ продуктовъ звѣриной ловли. Въ предѣлахъ хивинскихъ мы наконецъ надѣялись настичь калмыковъ, отъ которыхъ насъ отдѣляла только гряда скалистыхъ горъ; но пока мы кружились, обходя ея подошву, калмыки ускользнули, направившись прямо къ границѣ по маленькой тропинкѣ, пролежавшей надъ горнымъ обрывомъ, по берегу рѣки Бахтармы. По тропинкѣ этой пѣшіи человекъ едва можетъ пройти; между тѣмъ калмыки успѣли провести по ней лошадей и затѣмъ, спустившись на равнину, успѣшно переправились черезъ Бахтарму—одни на паромахъ, другіе вплавь; по ту сторону рѣки они достигли наконецъ китайскихъ предѣловъ.

Такъ какъ мы не имѣли приказанія дальше преслѣдовать калмыковъ, то остановились на берегу Бахтармы для отдыха. Во время этой стоянки 39 человекъ поляковъ, тяготившихся военною службою, въ теченіи ночи переправились черезъ рѣку и бѣжали въ Китай. Отдохнувъ два дня, мы отправились въ обратный путь. Въ теченіе всего похода мы питались исключительно сухарями, истолченными въ порошокъ, которыми насъ снабдили при выступленіи. Возвращались мы сначала по тому-же пути, по которому раньше слѣдовали, потомъ повернули въ пустынную степь, гдѣ вновь пришлось нѣсколько дней сряду оставаться безъ воды, пока, послѣ перехода въ 20 миль, мы не достигли Семипалатинска. Мѣсто это названо такъ потому, что на немъ находятся развалины какихъ-то семи дворцовъ или палатъ. Мы осматривали эти развалины, но такъ какъ жителей въ этой мѣстности нѣтъ, то мы не могли узнать, кто воздвигнулъ эти постройки. Оттуда уже не далеко къ берегамъ Иртыша и къ русской границѣ, которой мы достигли въ теченіи нѣсколькихъ дней, совершая переходы весьма успѣшно, потому, что провіантъ нашъ сталъ истощаться.

Въ Омскѣ мы застали новую партію конфедератовъ въ 120 человекъ, присланную изъ Казани для зачисленія въ военную службу въ

сибирскій корпусъ. Имъ отвели квартыры и приказали на другой день являться для исполненія присяги, но они, не дождавшись утра, похитили ночью у козаковъ, въ домахъ которыхъ квартировали, нѣсколько оружія и зарядовъ, переправились черезъ Иртышъ и ушли къ киргизамъ, полагая такимъ путемъ возвратить себѣ свободу, но надежда обманула ихъ и они попали въ гораздо болѣе тяжелую неволю: киргизы взяли ихъ въ плѣнъ, однихъ продали ташкентцамъ, другихъ-же заставили пасти свои стада; впоследствии четыре человека изъ ихъ числа бѣжали обратно въ Омскъ и весьма подробно сообщили о своей неудачѣ и ея послѣдствіяхъ.

Область киргизовъ простирается слишкомъ на сто миль въ ширину, въ длину-же ея протяженіе еще больше. Киргизы обитаютъ здѣсь среди пустынной степи; они не имѣютъ домовъ, не занимаются вовсе земледѣліемъ и не употребляютъ въ пищу хлѣба—ѣдятъ исключительно мясныя и молочныя яствы, которыя имъ доставляютъ многочисленныя, принадлежащія имъ стада; не рѣдко одинъ хозяинъ киргизъ владѣетъ 5,000 барановъ, 2,000 рогатаго скота, свыше тысячею лошадей и 300—400 верблюдовъ. Жилища киргизовъ устроены въ видѣ палатокъ, покрытыхъ войлокомъ; они укрѣпляютъ въ землю жерди, связанныя желѣзными завѣсами, сверху кладутъ на нихъ стропила, также снабженныя завѣсами, и поверхъ этой постройки протягиваютъ съ боковъ и по верху войлокъ, оставивъ лишь одно отверстіе для выхода дыма; очагъ они устраиваютъ посреди палатки; варятъ мясо въ котлахъ, по большей части желѣзныхъ, и пьютъ мясной отваръ маленькими деревянными чашечками, сдѣланными по образцу китайскихъ; затѣмъ сѣдуютъ самое мясо. Они не долго остаются на одномъ мѣстѣ, ибо многочисленныя стада требуютъ частыхъ передвиженій для прокормленія ихъ подножнымъ кормомъ. Во время передвиженія они собираютъ свои жилища и нагружаютъ ими верблюдовъ, а затѣмъ переходятъ на новую стоянку, иногда десятка за два миль, высмотрѣвъ предварительно обильное пастбище. Въ одномъ мѣстѣ никогда не останавливается болѣе 6—7 хозяевъ, ибо и такое число ихъ нуждается въ пастбищѣ на нѣсколько миль въ окружности. Денегъ они не употребляютъ и не берутъ, потому что все нужное они пріобрѣтаютъ мѣною за скотъ; эту мѣновую торговлю киргизы постоянно ведутъ съ русскими; по временамъ они при-

гоняютъ нѣсколько десятковъ тысячъ скота на берега Иртыша, къ нимъ переправляются русскіе и промѣниваютъ различные товары исключительно на лошадей и барановъ, при чемъ получаютъ огромную выгоду, ибо за предметъ дешевый, цѣною въ нѣсколько золотыхъ, они приобретаютъ въ обмѣнъ скотъ въ 10 разъ большей стоимости. Бараны киргизскіе очень крупныя, одинъ хвостъ ихъ вѣситъ больше $\frac{1}{2}$ пуда; такого барана можно получить въ обмѣнъ за топоръ, не смотря на то, что топоры въ Сибири очень дешевы и штука продается по 20 грошей. Русскіе купцы прѣзжаютъ на эти ярмарки за 100 миль и даже дальше; ярмарки-же происходятъ исключительно лѣтомъ, — зимою онѣ невозможны, ибо въ это время года скотъ киргизскій сильно тощаетъ и падаетъ въ цѣнѣ, потому что зимою онъ долженъ добывать себѣ подножный кормъ, разбивая копытами снѣгъ; влѣдствіе этого въ зимнее время киргизы выгоняютъ на пастбище прежде всего лошадей, затѣмъ рогатый скотъ и по слѣдамъ только послѣдняго барановъ и овецъ; такъ какъ въ степи трава довольно высока, то животныя могутъ ее добыть изъ-подъ снѣга, тѣмъ не менѣе множество ихъ околѣбваетъ, остальные-же сильно худаютъ, но потомъ лѣтомъ они откармливаются весьма быстро сочными степными травами.

Мы видѣли хана киргизовъ, по имени Абтай-султана; онъ былъ одѣтъ въ старинный костюмъ, пошитый изъ богатой китайской ткани черной, перетканной золотыми цвѣтами. Обыкновенно киргизы носятъ костюмъ довольно простой; но непрежѣнная принадлежность его — узкій ременный поясъ, украшенный металлическими пуговицами, у котораго на цѣпочкѣ привѣшенъ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ; поясъ этотъ они надѣваютъ на всякое платье — простое и даже атласное. Число киргизовъ обоюга пола не превосходитъ 300,000; въ странѣ ихъ намъ не случилось видѣть ни одной мечети. Бухарцы, по странѣ которыхъ мы проходили, ничѣмъ не отличаются отъ киргизовъ, и потому я считаю излишнимъ описывать ихъ отдѣльно.

Вдоль киргизскихъ границъ расположены были на протяженіи 20 миль всѣ драгунскіе полки нашего корпуса, въ которыхъ распределены были плѣнные поляки. Мы оставались въ полкахъ этихъ въ теченіи года, пока не прибылъ изъ Петербурга генераль-лейтенантъ Деколонъ, назначенный корпуснымъ генераломъ на мѣсто генерала Шприн-

тера. Онъ немедленно перестроировалъ весь нашъ корпусъ, состоявшій до того времени исключительно изъ кавалеріи. Генераль Деколонъ раздѣлилъ корпусъ на семь легкихъ конныхъ командъ и на семь пѣшихъ баталіоновъ: въ составъ каждой легкой команды вошли двѣ роты мушкетеровъ, рота егерей и рота драгунъ; каждая такая команда состояла подъ начальствомъ майора; каждый баталіонъ состоялъ также подъ начальствомъ отдѣльнаго штабъ-офицера и въ составъ его входили семь ротъ пѣхоты. Всѣ поляки были зачислены въ пѣхотныя команды, въ которыхъ служили въ теченіи трехъ лѣтъ.

Товарищи наши, оставшіеся въ Тобольскѣ, не были опредѣлены въ военную службу и находились сравнительно въ выгодномъ положеніи: они получали достаточное содержаніе и пользовались свободой. Въ Казань присылали постоянно новые отряды плѣнныхъ конфедератовъ и въ томъ числѣ нѣсколько маршаловъ, а именно пановъ: Зелинскаго, Сѣнявскаго, Кадлубовскаго, Малевскаго и другихъ. Въслѣдствіе скопленія конфедератовъ въ Казани, ихъ оттуда пересылали на жительство въ Оренбургъ, Тобольскъ, Хлыновъ и Симбирскъ. Среди плѣнныхъ постоянно слышались жалобы на измѣнническое поведеніе собственныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе, преслѣдуя исключительно личные интересы, причинили своему народу немаловажныя бѣдствія: они вербовали согражданъ въ конфедерацию, а потомъ измѣннически продавали свои отряды въ плѣнъ русскимъ, подвергая такимъ образомъ однихъ смерти, другихъ продолжительной неволѣ.

Въ это время бѣжалъ изъ Казани капитанъ конфедератскій Беневскій, который прежде въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадька и имѣлъ чинъ обереть-лейтенанта. Онъ составилъ себѣ подложные документы и, подъ видомъ курьера, уѣхалъ въ Москву; здѣсь онъ сталъ доказывать, что его взяли въ плѣнъ по ошибкѣ и начальство уже намѣрено было освободить его совершенно; но вдругъ обнаружилось подробности его бѣгства; онъ былъ вновь арестованъ и сосланъ въ Сибирь—въ Камчатку на вѣчное поселеніе. Въ Камчаткѣ Беневскій просидѣлъ годъ въ темницѣ, потомъ былъ отпущенъ на квартиру и получилъ право свободно ходить по городу; онъ вошелъ притомъ въ милость къ мѣстному коменданту и часто посѣщалъ его домъ. Между тѣмъ онъ постоянно обдумывалъ средства для своего освобожденія; съ

этою цѣлью, еще находясь въ темницѣ, онъ вошелъ въ сношенія съ уголовными преступниками, которыхъ нѣсколько сотъ содержалось въ тюрьмѣ, и уговорилъ ихъ къ бѣгству при удобномъ случаѣ. Городъ, въ которомъ онъ находился, лежитъ у морскаго залива; случилось, что къ гавани пристали два судна, на которыхъ прибыли два воеводы съ казною, состоявшею изъ серебра и соболей; тогда Беневскій открылъ двери тюрьмы арестантамъ и, освободивъ ихъ, напалъ на гауптвахту, перебилъ солдатъ вмѣстѣ съ комендантомъ, захватилъ оружіе и овладѣлъ упомянутыми двумя суднами, равно какъ и находившеюся на нихъ казною. Онъ снялся съ якоря вмѣстѣ съ своими товарищами и, такъ какъ хорошо зналъ морское дѣло, то благополучно успѣлъ бѣжать во Францію. Русскіе погнались было за нимъ въ погоню, но не могли ни настичь его, ни отыскать ¹⁾.

1) Графъ Августъ-Маврикій Беневскій принадлежалъ къ числу тѣхъ смѣлыхъ и неразборчивыхъ на средства авантюристовъ, которыми изобиловало европейское общество конца XVIII столѣтія. Онъ былъ сыномъ польскаго шляхтича, дослужавшагося генеральскаго чина въ австрійской службѣ и получившаго за женою значительныя помятства въ Венгріи. Получивъ хорошее воспитаніе, Беневскій служалъ сначала въ австрійской арміи, потомъ вызванъ былъ въ Польшу дядею, который оставилъ ему значительное наслѣдство; затѣмъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіи по западной Европѣ и возвратившись въ Польшу, принялъ дѣятельное участіе въ барской конфедераціи; во время осады Кракова взятъ былъ въ плѣнъ русскими войсками и сосланъ въ Казань. Бѣжавъ отсюда съ фальшивою подорожною въ Петербургъ, онъ арестованъ былъ вновь и въ наказаніе за побѣгъ сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, благодаря расположенію губернатора Нилова, дѣтямъ котораго онъ преподавалъ иностранныя языки, онъ пользовался полною свободою, успѣлъ составить заговоръ среди ссыльныхъ поселенцевъ, овладѣлъ небольшою крѣпостцею и захвативъ судно, стоявшее на рейдѣ, нагрузилъ его похищенными въ крѣпости оружіемъ, припасами и казною и отправился въ сопровожденіи 75 товарищей въ море. Бѣглецы достигли китайской гавани Макао, откуда Беневскій переѣхалъ во Францію. Три года спустя онъ отправился по порученію французскаго правительства на Мадагаскаръ съ цѣлью основать на этомъ островѣ французскія колоніи. Порученіе это Беневскій выполнилъ удачно, но вскорѣ возымѣлъ мысль образовать на Мадагаскарѣ самостоятельное королевство; благодаря ловкой его шитригѣ, нѣкоторыя туземныя племена провозгласили его своимъ королемъ. Когда-же французское правительство воспротивилось этой затѣѣ, Беневскій обратился за помощію въ Англію и пытался поддержать свои притязанія оружіемъ,

ГЛАВА VII.

О присоединеніи нѣкоторыхъ поляковъ къ православію, о чумѣ, бывшей въ Москвѣ, и о бунтѣ Шуачова.

Количество плѣнныхъ поляковъ постоянно возрасло и изъ ихъ числа уже нѣсколько тысячъ было зачислено въ военную службу; послѣднимъ объявлено было слѣдующее предложеніе: если кто пожелаетъ присоединиться къ православію, то будетъ освобожденъ отъ военной службы и получить 18 рублей на обзаведеніе. Многіе поляки приняли это предложеніе, особенно-же склонились къ нему лица изъ простова-родія, смотрѣвшія на сдѣланное имъ предложеніе какъ на величайшее для себя благо, долженствовавшее обезпечить ихъ свободу и благосостояніе; ежедневно отъ 6 до 10 человекъ являлись въ канцелярію съ просьбою присоединить ихъ къ православію; желаніе ихъ немедленно исполнялось, при чемъ они получали увольненіе отъ военной службы и обѣщанную сумму. Такимъ образомъ перешли въ православіе въ Тобольскѣ 180 человекъ, въ Тарѣ—50, въ Тюмени—75, въ Иркутскѣ—8, въ Епанчинѣ—20, въ Казани—96; затѣмъ они по большей части женились и принялись за различныя занятія и промыслы.

Въ томъ-же году сильная зараза распространилась въ Россіи; въ Кіевѣ перемерла значительная часть населенія, въ томъ числѣ до 10,000 рекрутъ, пересылавшихся въ армію; многіе дома, въ которыхъ вымерли всѣ жильцы, были наглухо заколочены; въ то время въ Кіевѣ было до 800 турокъ и 150 поляковъ изъ числа военноплѣнныхъ, которыхъ вообще насчитывали свыше 20,000 однихъ турокъ; тѣ и другіе обязаны были ежедневно копать могилы для умершихъ а

но въ одной изъ стычекъ съ французскими войскамъ былъ убитъ (въ маѣ 1786 г.). За два года до смерти Беневскій написалъ пространныя записки на французскомъ языкѣ: «Aventures et voyages du comte Maurice-Auguste Beniowski», изданныя впоследствии въ Парижѣ (1791 г.) Въ сочиненіи этомъ авторъ описываетъ весьма подробно свое пребываніе въ плѣну, бѣгство изъ Камчатки и исторію своего мадагаскарскаго королевства, вводя впрочемъ въ разсказъ множество романическихкихъ и эффектныхъ вымышленныхъ обстоятельствъ. Записки Беневскаго изданы были въ переводѣ на языкъ англійскій, вѣмецкій (1797 г.) и польскій (1802 г.).

также увозить изъ домовъ и зарывать трупы; но не смотря на это, никто изъ турокъ, ни поляковъ не былъ пораженъ заразою. Въ Москвѣ погибло тогда отъ чумы до 100,000 жителей; болѣзнь эта свирѣпствовала и въ другихъ городахъ и прекратилась лишь зимою послѣ новаго года.

Въ исходѣ третьяго года службы моей въ сибирскомъ корпусѣ, 9 сентября 1773 года, получилъ былъ приказъ, предписывавшій нашему корпусу немедленно отправляться въ Оренбургъ. Того-же дня въ полночь мы выступили все въ походъ: артиллерія, пѣшія команды и легкая кавалерія. Причиною столь послѣпнаго выступленія были волненія, вспыхнувшія тогда въ Россіи; поводъ къ нимъ подалъ Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ, родомъ донской козакъ. Онъ служилъ въ войскѣ около 30 лѣтъ, но, вслѣдствіе того, что турецкая кампанія еще продолжалась, онъ не могъ дожидаться отставки и дезертировалъ; затѣмъ былъ пойманъ, наказанъ согласно съ военными законами и опять отправленъ въ военную службу, изъ которой бѣжалъ вторично; тогда его исключили изъ военной службы и приговорили къ вѣчной ссылке. Находясь въ пересылочной тюрьмѣ въ Казани въ обществѣ другихъ уголовныхъ преступниковъ, онъ нашелъ возможность бѣжать и отправился въ оренбургскую область къ яицкимъ козакамъ, живущимъ на рѣкѣ Яикѣ, вдоль киргизской границы, которую они обязаны оберегать. Онъ былъ принятъ здѣсь весьма радушно; яицкіе козаки въ то время сильно раздражены были столкновеніемъ съ властями: не получивъ жалованья въ теченіи двухъ лѣтъ, они подняли было возстаніе противъ мѣстнаго губернатора, но были усмирены и многіе наказаны смертью, или вѣчною ссылкой; оставшіеся были недовольны такимъ исходомъ дѣла и выжидали лишь благоприятнаго случая для новаго бунта. Въ это именно время явился среди ихъ Пугачевъ; такъ какъ онъ отличался изворотливымъ умомъ и притомъ былъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, ибо принималъ участіе во многихъ походахъ, и служилъ въ арміи въ теченіи всей семилѣтней войны съ прусскимъ королемъ, то яицкіе козаки провозгласили его своимъ вождемъ и пустили молву въ народъ, будто императоръ Петръ Федоровичъ, освободившись изъ заточенія, явился къ нимъ искать помощи. Собралъ до 40,000 козаковъ и пользуясь тѣмъ, что вся русская армія занята была турецкимъ походомъ,

Пугачевъ имѣлъ возможность овладѣть разными городами и присоединить ихъ гарнизоны къ своему ополченію. Такъ какъ притомъ онъ называлъ себя самозванно императоромъ, то крестьяне изъ многихъ волостей отправляли къ нему депутаціи и признавали надъ собою его власть. Вся почти оренбургская губернія, простирающаяся на 100 миль въ длину, подчинилась его господству и подобно другимъ, признавшимъ его мѣстностямъ, доставляла рекрутъ для его войска. Затѣмъ башкирская область, простирающаяся на 70 миль въ длину и въ ширину, присягнула ему на вѣрность; управлявшіе ею два полковника, отказавшіеся признать Пугачева императоромъ, были повѣшены, и башкиры составили ополченіе въ 26,000 человекъ, которое присоединилось къ арміи мятежника; послѣдній усилился еще болѣе, овладѣвъ пушками и запасами пороха и военныхъ снарядовъ, находившимися въ оренбургской губерніи.

Для противудѣйствія этому возстанію мы отправились ускореннымъ маршемъ; нѣкоторыя части нашего корпуса оставлены были на пути для того, что-бы преградить Пугачеву возможность отступленія, остальные-же направились къ Оренбургу, гдѣ были сосредоточены главныя силы бунтовщика. Подъ предводительствомъ генерала Деколона изъ Сибири прибыло туда 11,000 войска. Здѣсь мы соединились съ пришедшимъ раньше насъ корпусомъ московскимъ, состоявшимъ изъ 22,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Бибикова, и съ остатками оренбургскаго корпуса, въ 6,000 человекъ, которые не были еще захвачены Пугачевымъ. Главное начальство, вслѣдствіе неожиданно случившейся смерти генерала Бибикова, принялъ генераль Голицынъ. Когда всѣ войска наши были стянуты, мы пошли на встрѣчу значительнымъ силамъ врага и вступили съ ними въ продолжительное сраженіе; обѣ стороны понесли значительныя потери убитыми и ранеными, но, наконецъ, намъ удалось разрушить шанцы непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя мы его успѣшно выбили изъ укрѣпленій. Поле битвы осталось за нами, при чемъ мы взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, боевые припасы и несмѣтную добычу, нагроможденную въ лагерѣ мятежниковъ; въ погоню за разсѣявшимися врагами командированы были во всѣ стороны отряды. Впрочемъ въ битвѣ этой убито было много солдатъ и въ томъ числѣ однихъ поляковъ легло до 400 человекъ.

Пугачевъ раздѣлилъ послѣ битвы свое ополченіе на нѣсколько частей, вслѣдствіе чего и наша армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ, которые отпавились преслѣдовать мятежниковъ. Самъ Пугачевъ подступилъ подъ крѣпость Татищеву, защищаемую слабымъ гарнизономъ, и предложилъ коменданту, бригадиру Бѣлову, сдаться ему на извѣстныхъ условіяхъ, но Бѣловъ отказался вступать въ какіе-бы то ни было переговоры. Тогда Пугачевъ взялъ крѣпость приступомъ; съ Бѣлова содрана была кожа, женѣ-же его отрѣзали груди и затѣмъ ее растерзали лошадьми. Обратнo наши войска заняли большую слободу Шадринь, жители которой примкнули къ Пугачеву; все народонаселеніе слободы было перебито. Вообще всѣхъ, признавшихъ власть Пугачева, войско предавало смерти, тѣ-же, которые отказывались его признать, подвергались той-же участи по его приказанію. Эта жестокая война навела ужасъ на всѣхъ спокойныхъ жителей, которые находились въ страхѣ и подвергались крайней опасности какъ отъ одной, такъ и съ другой стороны.

Выступивъ изъ Шадрини, мы ожидали, что Пугачевъ будетъ насъ атаковать съ сильнымъ отрядомъ, но оказалось, что лазутчики наши сообщали намъ ложное извѣстіе, ибо Пугачевъ, оставшись позади насъ, взялъ приступомъ крѣпость Троицкую и ограбивъ городъ, перебилъ всѣхъ жителей; участь эту раздѣлили и поляки, находившіеся въ составѣ гарнизона. Когда получено было это извѣстіе, генераль Деколонъ бросился въ ту сторону съ отрядомъ въ 4,000 человекъ столь поспѣшно, что пѣхота принуждена была пройти въ теченіи дня 6 миль. Мы пришли подъ Троицкую на разсвѣтѣ; войско Пугачева предавалось шланству и разврату; потому на встрѣчу намъ вышелъ только отрядъ въ 500 козаковъ подъ начальствомъ полковника Бородина, но и они были совершенно пьяны и потому всѣ погибли въ сѣчѣ. Мы пошли на приступъ двумя колоннами и успѣшно проникли въ крѣпость съ двухъ сторонъ; мы застали бунтовщиковъ пьяныхъ и сонныхъ и убивали всѣхъ поголовно. Самъ Пугачевъ съ 1,000 конницы успѣлъ однако ускользнуть, но на дорогѣ онъ наткнулся на майора Михельсона, спѣшившаго къ намъ на помощь съ отрядомъ въ 500 гусаръ; въ стычкѣ Пугачевъ потерялъ большую половину своего отряда и едва спасся съ его остатками; на нѣкоторое время послѣ этого онъ исчезъ

безвѣстно и вновь появился подъ Казанью только 2 мѣсяца спустя съ отрядомъ въ 20,000 человекъ, набраннымъ вновь изъ крестьянъ и татаръ, которые отовсюду къ нему стекались. Онъ овладѣлъ городомъ и сжегъ его, но не могъ взять крѣпости, защищенной каменною стѣною. Вскорѣ однако къ Казани подошли генералы Голицынъ и Суворовъ съ значительными силами, разбили мятежниковъ и выгнали ихъ изъ города; тогда Пугачевъ переиравился черезъ Волгу и ушелъ по направленію къ Астрахани; въ погоню за нимъ отправились генераль Суворовъ и майоръ Михельсонъ. Отряды мятежниковъ, дѣйствовавшіе отдѣльно отъ главнаго скопища, около Царицына, Екатериненбурга, Камышина и въ другихъ мѣстахъ, были также атакованы войсками, разбиты и разсѣяны. Жившіе тогда въ Казани поляки, и въ томъ числѣ панъ Пулавскій, староста черешинскій, предложили свои услуги правительству для защиты города противъ Пугачева; вслѣдствіе этого, немедленно послѣ усмиренія бунта, они были отпущены на родину. Въ то-же время четыре поляка, находившіеся въ составѣ оренбургскаго гарнизона, были оговорены въ томъ, будто они вели между собою переписку, въ которой высказывали намѣреніе бѣжать къ Пугачеву, въ случаѣ, если какой нибудь отрядъ мятежниковъ приблизится къ городу; вслѣдствіе этого обвиненія они, по приказанію генерала Деколона, подвергались наказанію плетью въ теченіи трехъ дней и затѣмъ освобождены были изъ подъ ареста. Послѣ выхода изъ Оренбурга генерала Деколона на его мѣсто пришелъ съ своимъ отрядомъ генераль Станиславскій; узнавъ объ упомянутомъ дѣлѣ, онъ приказалъ обвиненныхъ вновь арестовать, подвергнуть новому наказанію плетью и наконецъ повѣсить.

Между тѣмъ Пугачевъ съ незначительными силами скитался въ окрестности Астрахани; одни отряды войска преслѣдовали его, другіе старались его окружить для того, что-бы пресѣчь ему путь къ бѣгству; майоръ Михельсонъ преслѣдовалъ его особенно дѣятельно и не давалъ ему ни минуты отдыха. Въ это время татары, принявшіе сторону Пугачева, частью были истреблены, частью разбѣжались по домамъ и самъ Пугачевъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла.

Тѣмъ не менѣ эта внутренняя смута была тягостна для Россіи въ томъ отношеніи, что побудила ее прекратить войну съ Турціею, не смотря на самый успѣшный ходъ ея; съ Портою заключенъ былъ договоръ, который былъ подписанъ въ Силистріи графомъ Румянцевымъ и великимъ визиремъ; вслѣдъ за этимъ изданъ былъ приказъ о томъ, что-бы освободить и отпустить на родину всѣхъ плѣнныхъ турокъ, татаръ и волоховъ; такое-же распоряженіе послѣдовало и относительно поляковъ, къ несчастію оно не распространилось на тѣхъ, которые были зачислены въ военную службу. Вообще въ то время всѣхъ поляковъ въ плѣну находилась 9,800, изъ нихъ 5,600 были причислены къ арміи и лишены права возвратиться въ отечество, 356 разновременно умерли, 429 присоединились къ православію, остальные были отпущены на родину, вмѣстѣ съ маршалами своими, послѣ заключенія мира Россіи съ Турціею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Фамильный архивъ Галагановъ хранится въ сокиринской усадьбѣ Гр. П. Галагана. Прилуцкое село Сокиринцы получено Игнатіемъ Галаганомъ, родоначальникомъ фамиліи, отъ гетмана Скоропадскаго въ 1716 г. Получивъ кромѣ Сокиринецъ еще нѣсколько сельъ, Игнатій Галаганъ ни въ одномъ изъ нихъ не устранивался; жилъ онъ и умеръ въ своемъ полковомъ городѣ Прилукѣ. Сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, унаслѣдовавъ богатства отца, въ половинѣ XVIII в. оселился въ Сокиринцахъ; здѣсь онъ жилъ, здѣсь и умеръ. Такимъ образомъ сокиринская усадьба, существуя болѣе вѣка, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ „панскихъ“ усадьбъ въ Малороссіи. Такихъ усадьбъ въ Малороссіи немного и уже по этому одному сокиринская усадьба заслуживаетъ вниманія, представляя въ себѣ остатки и домостроительства и вкуса нашихъ предковъ. Обширный домъ сокиринскаго владѣльца, судя по архитектурѣ, относится къ началу настоящаго вѣка. Постройки этого времени въ Малороссіи не отличаются особеннымъ изяществомъ, на которое, какъ видно, не было тогда особеннаго спроса. Первые богачи въ Малороссіи конца XVIII в. и начала XIX вѣка, возводя сельскіе дома свои, заботились едва-ли только не объ одной ихъ обширности, лучшимъ примѣромъ чего можетъ служить домъ фельдмаршала Румянцова въ с. Качановкѣ, сохранившій и доннынъ первоначальную свою архитектуру ¹⁾. Исключенія впрочемъ были; такимъ исключеніемъ былъ домъ бывшаго гетмана Разумовскаго въ Батуринѣ, такъ называемая *Тепловка*, печальныя полуразвалины которой сохраняются по настоящее время, какъ наглядный укоръ нашего отношенія ко всякаго рода исто-

¹⁾ Нынѣ принадлежитъ В. В. Тарновскому.

рическимъ памятникамъ. Другимъ исключеніемъ былъ Лялицкій домъ гр. П. В. Завадовскаго, приведенный нынѣ въ запустѣніе. Лялицкій домъ, какъ по своей архитектурѣ и мѣстоположенію, такъ и по печальной своей судьбѣ заслуживаетъ особаго очерка со стороны любителя мѣстной старины, который разскалъ-бы о томъ, чѣмъ былъ Лялицкій домъ и чѣмъ онъ теперь сталъ, послѣ недавняго его расхищенія, сдѣланнаго евреями-торгашами. Во второй четверти настоящаго вѣка появились въ Малороссіи дома, построенные архитекторомъ Ефимовымъ; это уже были постройки, свидѣтельствовавшія о несомнѣнномъ вкусѣ ихъ хозяевъ. Изъ Ефимовскихъ домовъ мы можемъ указать на домъ Миклашевскихъ въ с. Понуровкѣ и Дуниныхъ-Борковскихъ въ с. Романовкѣ. Распространились мы здѣсь о старинныхъ „панескихъ“ малороссійскихъ усадьбахъ изъ желанія вызвать у мѣстныхъ любителей старины нѣкоторое вниманіе къ нимъ и получить о нихъ хотя короткія свѣдѣнія, какъ необходимый матеріалъ для исторіи мѣстной культуры. Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе желательны, что старинныя усадьбы за послѣднее двадцатилѣтіе пустѣютъ и рушатся, памятниковъ-же о нихъ у насъ не остается ровно никакихъ. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ по этому предмету ничего, кромѣ малоизвѣстной книги нѣмца Гуна ¹⁾, который, сопровождая въ 1805 г. гр. Ал. К. Разумовскаго при его поѣздкѣ въ Малороссію, подробно описалъ Почепскій его домъ и срисовалъ часть Ивайтенскаго сада Гудовичей и Бакланскій домъ того-же Разумовскаго. Все это находится въ его книгѣ, хотя названной „поверхностными замѣчаніями“, но заключающей въ себѣ не мало обстоятельныхъ свѣдѣній о малороссійской домашней жизни начала настоящаго вѣка. Рисунки, приложенные къ книгѣ Гуна, сдѣланы на столько добросовѣстно, что обращаютъ на себя вниманіе и теперь.

Обращаемся къ Галагановскому архиву, причемъ считаемъ долгомъ привести нашу искреннюю благодарность настоящему его владѣльцу за ту просвѣщенную готовность, съ которою бумаги архива были представлены нашему обозрѣнію.

¹⁾ Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію въ осени 1805 года. Соч. Оттона фонъ-Гуна. М. 1806 г. 3 части, съ рисунками.

Прежде всего мы должны сказать, что бумаги Галагановскаго архива находятся въ такомъ порядкѣ, котораго намъ не приводилось встрѣчать при осмотрѣ другихъ домашнихъ архивовъ. Благодаря этому порядку, мы могли познакомиться съ содержаніемъ архивныхъ бумагъ въ самое короткое время. Архивъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно фамиліи Галагановъ, еще и бумаги Даратановъ, перешедшія къ первымъ ко женитбѣ Ивана Григорьевича Галагана на дочери кіевскаго полковника Ефима Даратана († 1726 г.)

По содержанію своему Галагановскій архивъ заключаетъ въ себѣ, какъ и другіе мѣстные фамильные архивы, преимущественно юридическіе акты на разнаго рода земельныя угодья. Бумагъ чисто историческаго характера въ архивѣ находится сравнительно не много; особенно мало нашли мы бумагъ по частной перепискѣ, которая такъ хорошо рисуетъ бытовую сторону жизни нашихъ предковъ. Тѣмъ не менѣе, пересмотрѣвъ бумаги Галагановскаго архива, мы извлекли изъ него много интересныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, съ которыми надѣемся познакомить читателей въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь-же мы приведемъ нѣсколько актовъ, извлеченныхъ изъ Галагановскаго архива, которые по своему историческому интересу заслуживаютъ отдѣльнаго ихъ напечатанія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ автобіографіи Григорія Игнатьевича Галагана, которая, не смотря на свою краткость, представляетъ любопытный историческій памятникъ второй половины XVIII в. Григорій Игнатьевичъ Галаганъ, единственный сынъ родоначальника фамиліи извѣстнаго полковника Игнатія Галагана, вмѣстѣ съ богатствомъ отца, унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ — прилуцкое полковничество. Полковникомъ онъ былъ поставленъ въ началѣ 1740 г., еще при жизни отца, уволеннаго отъ службы „за старостью“. Григорію Галагану въ это время было всего 23 года (род. 20 ноября 1716 г.). Такихъ молодыхъ полковниковъ въ Малороссіи не бывало. Маркевичъ въ своихъ Запискахъ (II, 106) отмѣчаетъ, что прилуцкое полковничество Григоріемъ Галаганомъ получено „по именному указу“; но именныи указъ послѣдовалъ конечно на представленіе Румянцева, тогдашняго правителя Малороссіи, а у Румянцева выпрошенъ Григорію Галагану полковничій перначъ, разумѣется, отцомъ его, старымъ пріятелемъ Румянцева.

Послѣ 23-хъ-лѣтняго управленія полкомъ, Григорій Галаганъ попросился въ отставку; ему въ это время было всего 47 лѣтъ. Власть малороссійскаго полковника была настолько обширна и самостоятельна, что съ нею по своей волѣ вообще не разставались; мы по крайней мѣрѣ не знаемъ *ни одного* примѣра, чтобы полковникъ самъ отказывался отъ этого уряда. Григорій Галаганъ просился въ отставку по болѣзни, но Разумовскій не хотѣлъ его уволить окончательно: „мы по той просьбѣ вашей нынѣ отъ исправленія полку прилуцкаго полковыхъ дѣлъ, по причинѣ слабости и болѣзни вашей, впредь до разсмотрѣнія, васъ увольняемъ, а дабы за онымъ вашимъ увольненіемъ въ дѣлахъ по полку прилуцкомъ остановки быть не могло, для чего къ присутствію въ полковой прилуцкой канцеляріи обще съ старшиною полковою до того времени, пока вы дѣйствительно отъ всѣхъ службъ увольненіе по желанію вашему получите, опредѣленъ отъ насъ бунчуковый товарищъ Иванъ Галаганъ. Покинувъ службу въ 1763 г., Григорій Галаганъ прожилъ еще 14 л.; но эти послѣдніе годы были для него непрерывнымъ рядомъ нравственныхъ страданій, источника которыхъ автобіографія не указываетъ. Вообще и вся жизнь Григорія Галагана, какъ видно изъ той-же автобіографіи, была рядомъ старческихъ и нравственныхъ недуговъ: въ юношескіе годы онъ часто и тяжело болѣлъ; въ 22 года женился „не по своей волѣ“, 30 лѣтъ онъ остался вдовцомъ съ тремя малолѣтками. Затѣмъ слѣдуютъ разныя мелкія невзгоды, пока въ 1763 г. не умираетъ его мать, что дѣйствуетъ на 47-лѣтняго сына до такой степени сильно, что онъ отказывается отъ полковничьяго уряда и рѣшается „поселиться въ уединеніи *въчю*“. Два года Галаганъ выдерживаетъ такое „уединеніе“; затѣмъ снова входитъ въ жизнь, но здѣсь снова встрѣчаютъ его разныя невзгоды. Такое непрерывное слѣдованіе, одной за другою, жизненныхъ невзгодъ наводитъ Галагана на мысль подвести итоги всей жизни: въ 55-тъ лѣтъ онъ записываетъ на двухъ листкахъ бумаги главныя событія своей жизни и выводитъ слѣдующее заключеніе: „и такъ якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которая уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучныхъ лѣтъ, которіи за нѣчто почтяться могутъ!“ Явившаяся у Галагана потребность—оглянуться на

свою жизнь и передумать ее всю, отъ младенчества до старости, показываетъ, что это былъ исключительный человекъ между его современниками; а оставшіеся послѣ него два листка бумаги, озаглавленные: „моя жизнь“, являются любопытною страницей въ исторіи малороссійскаго общества второй половины XVIII в.

О другихъ печатаемыхъ здѣсь актахъ мы не распространяемся, въ виду очевидно интереса ихъ для изученія Малороссіи XVIII в.

9 октября 1883 г.

Ал. Лазаревскій.

1.

Два универсала прилучаю полковника Игнатія Галагана объ освобожденіи нѣкоторыхъ жителей его полка отъ общественныхъ повинностей за „роковой чиншъ“ въ пользу его, полковника, 1714—1717 г.

А) Его царскаго пресвѣтлаго величества войска Запорожскаго полковникъ прилучкій Игнатій Ивановичъ Кгалаганъ.

Всѣмъ, кому о семъ вѣдати належатъ, а меновите пану сотникови Журавскому з товариствомъ и войтови с посполитими людьми, снѣмъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, якъ Василь Бушакъ, житель Журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть, з братомъ своимъ, за рокъ 1714, которого мы Василья и брата его увольняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовыхъ, яко вожеия подвѣдь отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тягостей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ ижеписанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ увольневій, жадаючи, абы имъ и наименшой въ томъ заживавю волности нѣ отъ кого не дѣялося кривды и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилучи, декабрія 22, року 1714. Звпшъ менованній полковникъ прилучкій.

За сей рокъ 1715 далъ чинша Василь копъ 6,

з братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9.

И за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть,

уволень зостаеть отъ тягостей посполитихъ.

Б) (Послѣ титула) Всѣмъ, хто-бы того погребоваль вѣдати, а меновите пану сотняквиви Ичанскому, атаманови городовому з товариствомъ и войтови тамошнему з посполствомъ снѣмъ нашимъ унѣверсалнихъ ознаймуемъ писаніемъ, якъ Марья Романна Оковитая, жлтелка Ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанье волности, ей отъ бывшаго атедессора пана Горленка виданной, который ми теперѣ

ствержаючи, беремо оную подь свою полковничую оборону и одобравши въ ней (якъ она и за пана Горленка за пять копъ рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717, мѣючійся одъ ниже въ листѣ положенного числа почати и зновъ в прїиду-чомъ 1718 року о томъ-же числѣ кончити, чиншу копъ пять, увольняемъ помене-ную Романшу Оковитую отъ вожея подводъ, поборовихъ датковъ, компанѣй-скихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повинностей, въ которомъ то заживанню ей волости дабы такъ одъ помянутой старшины Ичавской, яко и одъ кого колвекъ жадной и наименшой оной же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилю мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3, року 1717. Звишьменованый полковникъ прилуцкій.

1718 року, 19 іюня, Марья Романиха Оковитая отдала чиншового датку копъ пять; свобода есть.

И за сей 1719 рокъ іюня 4 Марья Оковита отдала належній чиншъ копъ 5; волна есть отъ всякихъ посполитихъ тягостей¹⁾.

2.

*Письмо Инатія Галагана къ гетману Скоропадскому, съ оправда-
ніемъ противъ наветовъ за „нѣякуюсь противность“ къ гетману.
1717 г., 11 сентября.*

За прибутемъ въ Прилуку пана Стефана Максимовича, канцеляриста вой-скогого, зосланного отъ велможности вашей, пана моего и добродѣя, для разгра-ниченія степу между Васкувцями, Бережувцями да Сокиринцями будучого, просилемъ оного по должности моей, виражаючи честь поважной особѣ велможности вашей, въ домъ свой на кушанне, которій пришовши, заразы виѣсто благодарствія, наругался мнѣ укоризними словп, не якъ одъ самого себе, але якъ би по приказанню вел-можности вашей, договорючи и фукаючи на мене нѣби на своего хлопца, за це-дулу до велможности вашей з стороны хуторца моего к Переводу пайдуючогося пи-санную, же будто въ оной нѣякаясь противность моя ку велможности вашей по-

¹⁾ Этого рода акты встрѣтили мы въ первые въ Галагановскомъ архивѣ. Пере-смотрѣвъ тысячи актовъ въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ, мы нигдѣ ихъ болѣе не встрѣчали; между тѣмъ такіе „оборонные универсалы“ были обиденнымъ явленіемъ въ Малороссіи; не говоря о томъ, что въ одномъ Галагановскомъ архивѣ мы нашли ихъ до 30-ти, выдача ихъ производилась, какъ видимъ, уже и Дмитриемъ Горленкомъ, который правилъ прилуцкимъ полкомъ при Мазеѣ. Галагановскіе универсалы не говорятъ, къ какому сословію принадлежали лица, которыя откунались отъ исполненія общественныхъ повинностей; но нѣтъ сомнѣнія, что это были почти исключительно такъ называемые „ратущные подданные“.

казалася, в томъ не чуючи себе быть виннымъ, сице мое приношу велможности вашей оправданіе: что о помянутомъ хуторѣ моемъ не велѣлемъ до велможности вашей нѣякъ противно (чего мнѣ и не дай Боже) писати; толко казалемъ в оной цедулѣ выразити прилѣжное прошеніе, даби хуторецъ мой не былъ оттуду знесенъ; а если инакше якъ оная писалася, а не з прошеніемъ, то в томъ писара моего полкового, которій не пилнуеть самъ отправляти дѣла и велитъ хлопцамъ писать (а я человекъ есть не книжный, не всего могу в писаніи домыслитись) найдется вина; еднакъ понеже ко мнѣ за несправность его писара нѣякалась противность, о которой я отнюдь не вѣдаю, жебымъ казалъ, противно що в оной цедулѣ писати, причиталася, теди покорственно прошу в семь велможности вашей, премилостивѣйшаго моего пана добродѣя, ласкавого отческаго пробачення и впрעדъ за тое на мене, слугу велможности вашей, не покладати панского своего гнѣву. Тутъ-же еще доношу велможности вашей о томъ разграбченню, для котораго поменутий панъ Максимовичъ отъ велможности вашей зослалъ, что когда зѣхали туда между помянутыми селами чинити оногo и п. сотникъ Иванчикъ з старшими людьми, сотенцами своими, въехалъ, онъ панъ Максимовичъ не далъ тямъ людямъ п Соклринчанамъ говорить, але тилко принималъ въ дѣло рѣчь людей единихъ Васкувскихъ, почому староста Васкувскій объехалъ поле бережувское мало не до царини ихъже Бережувцовъ и теперь великое стисненне Бережувцямъ в ихъ полю, такъ-же Соклринчанамъ (же за двое будетъ болшъ поля до Васкувецъ, нежели до Сокиринецъ, а не по ровной части найдется) учинилося.

3.

Автобіографическій очеркъ Григорія Игнатъевича Галагана (р. 20 ноября 1716 г. † 24 декабря 1777 г.).

Ж и з н ь м о я .

1716 года родился в окончаніи года.

Въ три года отъ роду убитъ былъ мало не до смерти.

Въ пять лѣтъ боленъ былъ цѣлый годъ.

Въ семь лѣтъ пакы упалъ изъ того убился.

Въ 11 лѣтъ в Кіевѣ былъ боленъ горячкою.

Въ 15 лѣтахъ былъ боленъ два года отчасню, а послѣ годъ въ Пѣтер-бурхѣ былъ.

Въ 18 лѣтахъ убился съ коня мало не до смерти, отчего и теперь во весь вѣкъ не въ состояніи здоровья.

Въ 20 лѣтахъ пакы былъ боленъ цѣлый годъ.

Въ 22 (года) оженился не кстатѣ и не по своей волѣ и терпѣлъ неудовольство чрезъ десять лѣтъ¹⁾.

Въ 1738 (былъ) въ Днѣстранскомъ походѣ.

Въ 1740 г. пожалованъ околнимъ (?) полковникомъ и того года в розграниченю подь Богомъ былъ.

Въ 1714 г. в разграниченю коло Азова, (при) подорваніи его мѣнами, и во всѣхъ сихъ походахъ претерпѣвалъ несказанную трудность и бѣды.

Въ 1742 годѣ былъ въ Москвѣ, при коронаціи государиннѣ Елизаветѣ.

1743. Былъ в комисіи воловой, у Глуховѣ.

1744. Былъ (при) встрѣчи съ полкомъ подь Батуринномъ, якъ изволила въ Кіевъ шествовать государивя Елисавета Петровна.

1747. Жена моя умре и дѣтей трое въ сей годъ. Много претерпѣлъ печали.

1748. Отецъ мой умре. Послѣ сей несносной печали, претерпѣлъ еще превеликіи хлопоты и напасты. 16 тысячъ на волю (насчитанъ?) на мене отъ суда.

1749. Также не меншій хлопотъ и бѣда была мнѣ по ложному дѣлу Струтинниковаго.

1750. Былъ с полкомъ у Глуховѣ, при елекціи (Разумовскаго). Сегожь года п членомъ былъ при генеральной канцеляріи цѣлий годъ.

1751. Былъ съ полкомъ в зимномъ походѣ въ Лядинцахъ, а напередъ в прежнѣхъ походахъ зимнѣхъ.

1752. Былъ (при) встрѣчи противъ гетмана, съ полкомъ.

1753. Былъ и наки (при) встрѣчи противъ гетмана, якъ полки обѣждалъ.

1754. Былъ в собраніи у Глуховѣ, и тамъ судили Кунчинскаго за Безбородка²⁾.

1755. Другого плута судилъ, Феодоровича.

1760. Отправленъ былъ тысячною командою въ прускій походъ, и тамъ чрезъ цѣлий годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з нежалимъ убиткомъ имѣній моихъ, обрѣтался; а въ добавокъ еще, идучи изъ сего походу, и карантенъ семь недѣль стоялъ.

1763. Матка моя скончалася, отъ якой несносной печали я и самъ только что не луспувъ. И того жъ году, все оставивши, пресеялся на свое уединеніе вечно.

1764 и 1765 годъ. Сін годи оба прожилъ я въ своемъ уединеніи якъ-би благополучно; и казалось, что судьбина утомившись мене гнать, оставила на нѣс-

¹⁾ Григорій Галаганъ былъ женатъ на Душинъ-Борковской (дочери Андрея Васильевича?)

²⁾ Филиппъ Кунчинскій, сотникъ Яготинскій, по распоряженію Разумовскаго, судился генеральною старшиною и полковниками, за доносъ на генеральнаго писаря Безбородка. См. Русскій Архивъ. 1875 г., 312—314.

колько в покое; но и тутъ не совсѣмъ спокоенъ былъ, якожь сусѣду одному по мпровой принужденъ заплатить напасти 2,700 рублей напрасно.

1766. Сей безбашпѣйшій годъ всѣхъ годовъ въ жизни моей: такая напасть, страхъ, печаль и хлопотъ былъ, что вже не радъ былъ жизни своей....

1767. Еще мнѣ годъ не лучше прошлого былъ, якожь еще и отъ того шпари не отошл....

1768. Сей годъ смертно былъ боленъ лихорадкою и чрезъ 40 дней нѣчого не могъ исти; тилко самимъ пойломъ живъ былъ, а якъ закомунѣвался (пріобщился св. таинъ), заразы одужалъ.

1769. Сего года хотѣлось поихать у фугоръ; однакъ и то не удалось: изъ одноколки опрокинула лошадь у ровъ и плече совсѣмъ съ мѣста упавши было, отчего не могъ болѣе полгода рукою владѣть, да и теперь съ нуждою руку у гору поднимаю.

1770. И сей годъ былъ в великомъ страхи по нѣкоторому случаю. Однакъ Богъ и Мати Божія неведомыми своими судбами мене грѣшника не допустили у вѣчное посрамленіе и отъ всѣхъ бѣдъ избавленъ помощію Всевышняго Творца преславно.

1771. Сей годъ окончилъ слава Богу спокойно; кромѣ скуки и обыкновенной моей слабости, нѣчого болше не претерпѣлъ. И такъ—якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которое уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучнихъ лѣтъ, которіи за нѣчто почестся могутъ.

4.

Письмо Григорія Игнатьевича Галагана къ сыну о своемъ удаленіи „въ уединеніе“, 1763 г.

Любезный сынъ, Иванъ Григорьевичъ. Я иду в мое намѣренное давно уединеніе, куди мене Богъ приведетъ, не дожидаясь лѣта, когда мой рокъ сталъ сиръ. Вамъ же желаю всякого благополучія и тихого мирного житя, даби щасливѣе жите было отъ моего ваше! а не дай Богъ такого, якъ мое было, и татарамъ не желаю. Притомъ все вамъ и тое, чимъ я владѣлъ, препоручаю. Владѣйте и користи со всего отбирайте себѣ и обстоюйте, такъ какъ найлучше. А мнѣ для моего содержанія въ годъ присилайте, гдѣ я ни буду, изъ провента: мукъ жптной семь осмачоць, гречаной чотири осмачки, пшеничной четверикъ, фасолѣ двѣ коробки, олѣи вѣдеръ восемь, горѣлки сивухи куховъ двѣ, саловъ, денегъ (*и т. д.*). А я, ежели мнѣ понравится мое уединеніе, може и вѣкъ тамъ останусь. Ежели же паче чаянія не понравится и не схочется тамъ, на пустынь, уѣзрать, а между тымъ

бура вѣющая утихнетъ и Богъ насъ помилуетъ чимъ добримъ, то може и къ вамъ еще повернуса; ежели вамъ батко надобенъ и не противенъ, то ви его увѣдомте по времени обо всемъ чрезъ того человѣка, которой будетъ знать, гдѣ я обрѣта-тимусь. Григорій Галаганъ.

5.

Завѣщаніе Григорія Инатъевича Галагана, 1771 года.

Завѣщаніе дѣтямъ моимъ, синовѣ Ивану и дочерамъ Еленѣ и Параскевин, що по смерти моеи дать изъ денегъ имѣють моихъ, оставшихся в Сокиринцяхъ, на сорокоусти и в милостиню нищимъ и свойственникамъ, за грѣшную мою душу, и що себѣ оставить, и якимъ порядкомъ раздѣлить между себе, на три части, значить ниже сего.

1) На монастыри Пустынской и Ладинской дать по 100 рублей, а на сорокоусти въ тиежъ два монастыра на служащихъ, на крпашанъ и на панамарей и в больницы, особливо дать по 30 рублей.

2) На сорокоустъ на свѣчки церкви, на тии всѣ, на которіе и бѣлетки здѣ сообщени, по толикому числу при бѣлетикахъ заразъ и розослатъ, на якую написано, всенепремѣнно в одинъ день.

3) Въ Кіевъ послать тысячу рублей на сорокоусти по всѣмъ церквамъ и монастырямъ; особливо пятсотъ рублей, изверхъ той тысячи, тудажъ в Кіевъ послать на нищие и на бурсу, и на тихъ, которіе по турмахъ сидятъ, и то все тамъ раздѣлить по пристойности порядочно, все изъ сихъ денегъ, котории найдутся в Сокиринцяхъ.

4) Тутъ же останется, мнитя мнѣ, в Сокиринцяхъ, отъ роздачи еще двѣ тпсячи рублей и з лишкомъ, да полтори тысячи талерей, да тысяча червонихъ поединковихъ, да особливо имперѣяловъ и лукатовъ разной величины; сии денги всѣ мною нажитіе роздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе. Имперѣяловъ всѣхъ 400.

5) Тутъ еще останеся в Сокиринцяхъ перстеньковъ 12, коначковъ 4, табакерокъ золотихъ 2, да сундуковъ два з сребною посудю, разного моего вабитя, между которимъ и материзное мое и Борковского малая часть есть, да часовъ четверо и скринь двѣ, в которихъ в одной платя, а въ другой—бѣле, шабель шесть, дорогихъ кинчаловъ и прочее все, и рухли (?), оловяную и медную посуду, и всѣ рухомости, скоро сколко якихъ найдется в Сокиринцяхъ, все дѣтямъ моимъ раздѣлить между себе на три части.

6. А особливо в Прилудѣ еще, в Преображенской церкви, по правую сторону въ коморки, стоитъ сундукъ, мною поставленной, отческій, въ которомъ всей сум-

ми 6 тысяч и 400 рублей старинныхъ рублевковъ; все также раздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе, кромѣ одной тысячи рублей, которую леговалъ еще покойный отецъ на церковь, впредь для реставраціи оной, которую также в Преображенской церквѣ и положить оную тысячу имѣете.

7) Понеже дочь моя Елена во вдовствѣ остается и замужъ итить желаніи не имѣеть, для чего по смерти ея опредѣлено для прожитія домъ мой жилий со всѣмъ уборомъ, такъ какъ оной теперь есть, и мастьность мою село Секиринцѣ, со всѣми принадлежностями и угодіи, и мельницу одну въ Дегтяряхъ, о двухъ колахъ, якожь въ селѣ Сокиринцахъ нетъ, кромѣ одного вешняка, о чомъ сыну моему Ивану вѣдать и нѣкакого пренятствія и помѣшателства и обѣди во владѣніи не начинать, по жизни ея Елены, всенепремѣнно; а ежели-би паче чаянія, чего я на васъ не надѣюсь, какое помѣшателство и обиди (отъ васъ или отъ кого другого отъ дѣтей моихъ, забивъ страхъ Божій и мое завѣщаніе) могли происходить, то вѣчно мое родительское неблагословеніе да пребудеть на немъ всенепремѣнно.

8) Еще зверхъ всѣхъ сихъ роздачей отложить 500 рублей изъ Секиринскихъ денегъ, которіе для роздачи нашимъ свойственникамъ бѣднымъ, хто толко назовется крвнымъ нашимъ, давать по 10 рублей, по кобилѣ или по коровѣ всякому, и тѣмъ, хто би жаловался на мене, що чьямъ его побидилъ, то и тѣмъ давать изъ сихъ же денегъ всенепремѣнно. 1771 г., мая 13 дня, в Сокиринцахъ. П. Григорій Галаганъ.

6.

Эпитафіонъ Григорія Галагана, 1778 года ¹⁾.

Надгробіе здѣ опочивающему госп. полковнику прилуцкому,
Григорію Игнатьевичу Галагану.

Григоріемъ тогда назвался,
Когда я былъ рожденъ на свѣтъ;
А Галаганомъ прозывался
Еще изъ самыхъ давнихъ лѣтъ.
Рожденъ отъ Рождества Владыки
Семь сотъ шестнадцатомъ годѣ,
Когда былъ страшенъ Петръ Великій—
И на земли и на водѣ.

1) Находится надъ гробомъ Григорія Игнатьевича Галагана, похороненнаго въ старой Сокиринской церкви.

Игнатій, мой отецъ покойной,
Сему мопарху вѣреть былъ,
За что, какъ человекъ достойный,
И чинъ полковничій пмплъ.
Горячность и преданность точно
И я пяти государямъ
Являя въ службѣ безпорочной,
Бывалъ въ походахъ многихъ самъ;
Отцевскою за то и честию
В полку придуцкомъ предпочтенъ.
Но днесъ лежу покрытый перстью—
О день, о злополучный день!
Розлученъ будучи со свѣтомъ
И съ сродниками в родъ и родъ
Предвѣчнымъ Вышняго совѣтомъ,
Жилъ шестдесятъ единый годъ;
И второй сверхъ сего начался
Въ день двадесятый ноября;
Но въ двадцать четвертый скончался
Того-жъ году, декабря.
И смертный часъ, увы, предъ очн
Въ то время сталъ являться мнѣ,
Когда ужъ всякой о полпочи
Покоялся въ глубокомъ снѣ.
Гробъ для меня жилищемъ вѣчно
Уже опредѣленъ съ небесъ,
Которій жребій всеконечно
Надетъ на всѣхъ живущихъ днесъ.
А ты, читателю премудрый,
Скажи самъ внутренно себѣ,
Что есть-ли не теперь, такъ утро,
Тажъ участь слѣдуетъ и мнѣ.
Люби умершихъ всѣхъ, а паче
Отъ зла удержи свой языкъ
. . . . Ты любви горячей
Прозябленнымъ пребудешь въ вѣкъ.
Ангель насъ трубою пробудитъ,
Пробудитъ также и тебя.
И Вышній самъ судити будетъ
Къ концу вселенныя всяя.

Глазами умными своими
 На то взирая каждый день,
 Молю, да сядетъ со святыми
 Григорій Галаганъ причтенъ.
 Адама ты спасалъ, Владыко,
 Пролить свою кровь за него,
 Спаси по милости великой,
 Ты нынѣ такъ-же и сего!
 На Авраамовомъ сѣсти ловѣ
 Его душѣ самъ повели,
 В освященномъ твоємъ Стѣнѣ
 И память вѣчную послѣ!

Сочинялъ Петръ Тарнавскій, генваря 17 дня 1778 году.

7.

Реестръ даденнымъ вещамъ, серебру, денгамъ, манеллямъ, лошадямъ зъ поездомъ, в посагъ за женою моею, дочерю полковника прилуцкого, его велможности, Григория Инатиевича в. Галагана, Параскевію, которіе по сему мною дѣйствителю приняты, а оныя вещи ниже сею показанни.

Зъ серебра. Коновокъ зъ крѣпками двѣ: одна под гербомъ Борковскихъ, а другая подъ гербомъ отческимъ.

Лихтарей зъ трубками на свѣчѣ, подъ гербомъ Борковскихъ, два.

Кубков великихъ гладкихъ пивныхъ, зъ середни и около вѣнецъ визолоченныхъ, сѣмъ: три подъ гербомъ Борковскихъ, а четыре подъ гербомъ другимъ Борковскихъ.

Кубковъ меньшихъ медовихъ, визолоченныхъ, чеканенныхъ зъ середины и около, безъ гербу, 12, отческіе.

Кубковъ такожъ медовихъ на седесахъ (постаментахъ) визолоченныхъ зъ середины и около, чеканенныхъ, подъ словами П. Г., шесть—отческого серебра.

Чарокъ чеканенныхъ 12—отческихъ.

Подносъ чеканенній круглій одинъ—отческій.

Талѣрокъ подъ гербомъ Борковскихъ зъ визолоченными винцами двѣ.

Ложокъ зъ апостолами, подъ гербомъ Борковскихъ, 8.

Ложокъ другого подобнаго-жъ тѣмъ фазона, подъ гербомъ Борковскихъ, 16.

Фляшекъ зъ крушками, по угламъ визолоченныхъ, подъ гербомъ Борковскихъ, 2.

Сахарница чеканенная зъ крѣпкою одна—отческая.

Чайникъ гладкій одинъ—отческій.

Кофейникъ чеканенній одинъ—отческій.

Зъ перель и друмихъ манеліовъ.

Перель великихъ 12 лотовъ въ 10 шуркахъ.

Перель меншихъ 7 лотовъ въ 27 шуркахъ.

Ланцужекъ одинъ з финнеомъ въ 12 лотовъ.

Ланцужекъ другій, дощатій, 3 лота и 2 золотника з осмушкою.

Коначокъ алмазній въ 10 алмазахъ и 1 рубяпъ.

Коначокъ рубиновій з великимъ шафіромъ и около дяленти, цена оному тпсяча рублей.

Серегъ паръ три: одни шмарадгловне з дялентами, другне рубиновне з перликами, третіе рубяновіе.

Перстенковъ пять золотихъ: 1 з палецямъ шафіромъ, 2 з алмазами, 3 з алмазами, 4 рубиновій з алмазами, 5 з каменемъ жолтямъ и вкругъ алмазами.

Платья бьлого. Скатертэй 8 сувоевъ. Серветъ сувоевъ 12. Скатерть шпятая заполочю 1. Ручниковъ тканихъ заполочю сувой 1. Полотна тонкого 6 сувоевъ. Постель швабская золотомъ из шолкомъ шпятая одна. Постель матеріалная грезетовая з павиліономъ и ковдрою грезетовіе. Постелей бѣлихъ 2. Полотенокъ бѣлихъ 5, в томъ числѣ швабское 1. Павиліоновъ бѣлихъ 2. Рубашокъ мужескихъ швабскихъ 8. Скатертей простихъ 2. Ручниковъ простихъ 6. Ручниковъ швабскихъ 3. Серветъ простихъ 40. Серветъ швабскихъ 24. Скатертей швабскихъ 2.

Зъ суконь. Кунтушъ парчевій понсовій з сѣткою золотою.

Кунтушъ кривавій парчевій з сѣткою золотою.

Кунтушъ блакитній златоглавній з сѣткою златою.

Кунтушъ бѣлій парчевій з газомъ золотямъ.

Кунтишъ люстриновій зеленій з газовою сѣткою.

Кунтишъ кривавій люстриновій з газовою сребраною сѣткою.

Кунтишъ понсовій люстриновій з сребраною сѣткою.

Кунтишъ попелястій люстриновій з золотою сѣткою.

Кунтишъ жолтій грезетовій з сѣткою сребраною.

Кунтишъ матеріи перевень з сѣткою сребраною.

Парчевая бѣлая сподница з золотимъ газомъ.

Сподница парчевая понсовая з пестрою корункою.

Сподница грезетовая кривавая з сребраною сѣткою.

Сподница штофу французского зеленая.

Сподница грезетовая понсовая.

Сподница матеріи бруссель.

Сподница черная грезетовая.

Корсетъ алій сребраній грезетовій.

Корсетъ понсовій парчевій з золотою газовою сѣткою.

Шнуровка бархатная, красная, гаптованая золотомъ.

Корсетъ кривавій грезетовій.

Корсетъ зеленій грезетовій.

Запаска красная суто парчевая золотая.

Запаска бѣлая парчевая.

Запаска грезетова понсовая.

Шубы. Шуба бѣлая гарчывая под соболями.

Шуба понсовая люстриновья на рисяхъ.

Шуба бѣлопасовая на лисцахъ.

Шубейка бруселіова на сѣбъркахъ черна.

Кохта кривавая парчевая.

Кохта грезетовая понсовая.

Мантиля парчевая бѣлая на рябомъ брушковомъ футрѣ.

Ковдра канфова красная.

Шапокъ парчевыхъ 2.

Чепцовъ по бархату гаптованныхъ 2.

Шапочній вершокъ золотомъ з серебромъ плетеній.

Зъ колясокъ и лошадей.—Карета городская новая з наборными шорами.

Берлинцевъ спальной з простыми шорами.

Коней воронихъ цугъ.

Лошадей гнѣдихъ цугъ.

Копей подъ палубамъ 8.

Конь верховой одинъ.

Зъ скота. Овецъ 300. Барановъ 30. Коровъ 20. Бугаіовъ 2. Кобыль 20. Жеребцовъ 2. Волковъ рабочихъ 16.

Деньгъ.—Червонихъ 1000. Рублевъ 2000.

Да противу хутора Нарццкаго, даннаго Еленѣ Григорьевнѣ, за которій дано 600 р., принявъ денгами 600 р.

Вшпешпанніе въ семя регистрѣ вещи, денги, серебро, лошадь, скотъ и прочее, в посагъ данніе, я з женою моею Параскевиею приняли и впредь якъ къ родителемъ нашимъ, такъ и къ наслѣдникамъ его никакой претенсїи ни въ чомъ пмѣть не должны, в томъ и подписался: *бунчуковій товарищъ Стефанъ Лашкевичъ, Параскевля Галипановна Лашкевичева.*

8.

Универсалъ гетмана Разумовскаго бунчуковому товарищу Евфиму Дарагану о присутствованіи, совмѣстно съ генеральнымъ бунчужнымъ Оболенскимъ, при „елекціи“ кандидатовъ на мѣсто архимандрита кіево-печерской лавры.

Графъ Кярылло Разумовскій гетманъ и кавалеръ. Бунчуковому товарищу Евфиму Дарагану.

Повеже высочайшою се императорскаго величества грамотою, намъ сего ноября 23 полученною, всемилостивѣйше повелено на мѣсто умершаго архимандрита кіево-печерской лавры, Юсіфа Оранскаго выбрать кандидатовъ, достойныхъ того сана, мужей трехъ или болѣе, изъ монаховъ в печерской и въ иныхъ тамошнихъ кіевскихъ обителяхъ находящихся, или не такихъ, которіе оттуда отбыли и обрѣтаются гдѣ в великороссійскихъ монастырѣхъ, по древнему обычаю соборнѣ, в присутствіи преосвященнаго Тимофея архіепископа, митрополита кіевского, и при присланныхъ от насъ, волюю елекціею, и по избраніи, для высочайшаго благоусмотрѣнія и конфѣрмаціи, кому изъ тѣхъ кандидатовъ архимандритомъ быть, прислать къ се императорскому величеству, за руками всѣхъ будущихъ на той елекціи, з засвѣдѣтельствомъ о достоинствѣ к той архимандріи оныхъ кандидатовъ, выборъ: того ради для бѣтїи в присутствіи з его преосвященствомъ, г. архіепископомъ митрополитомъ кіевскимъ, отцемъ Тимофеемъ и з протчпмъ, имѣющимъ быть тамо духовенствомъ, при елекціи кандидатовъ въ архимандриты кіево-печерскія лавры опредѣленъ отъ насъ генералній бунчужній господнинъ Оболенскій, да вы, и о томъ къ отцу намѣстнику з братіею той лавры отверстой вамъ дается нашъ универсалъ, ис которымъ вы должны, съѣхавъ в показанную кіево-печерскую лавру, быть у того присутствія, и кто обще всѣмъ тѣмъ собраніемъ кандидаты избранны будутъ на оныхъ выборахъ, и вы подписаться имѣете, и чтобъ за подписомъ всего собранія учиненіе выборы присланы были къ намъ чрезъ васъ, по прежнему обиховенію, для взнесенія к се императорскому величеству при нашемъ представленіи: о томъ вы его преосвященству и протчему тому собранію духовному объявить имѣете. 1751 году, ноября 27 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій.

По поводу послѣдняго изъ помѣщенныхъ здѣсь документовъ, не можемъ не обратить особаго вниманія читателей на ту ближайшую, живую связь между церковію и обществомъ, какая существовала въ то и даже болѣе позднее время. Выборное начало лежало въ основѣ всего общественнаго, военнаго, гражданскаго

и церковнаго строя Малороссіи, и изслѣдователь ея старины во всей ея жизни отъ самыхъ верхнихъ до самыхъ нижнихъ слѣбевъ не можетъ указать сферы или малѣйшаго уголка, гдѣ-бы это начало не имѣло самаго широкаго примѣненія; но для насъ особенно важно и дорого то, что примѣненіе этого права соразмѣрялось всегда съ сферою интересовъ, которымъ оно должно было служить, и потому какъ духовенство пользовалось правомъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, такъ въ свою очередь люди мірскіе имѣли право участія въ дѣлахъ церковныхъ. На этомъ держалась нравственная связь между церковію и обществомъ, вліяніе духовенства на общество, сочувствіе послѣдняго дѣламъ и нуждамъ церкви и особый высшій настрой общеста, который такъ пріятно поражаетъ насъ въ прошедшемъ и на отсутствіе котораго въ настоящее время мы слышимъ всеобщія жалобы. Выборы, конечно, не спасаютъ общество отъ злоупотребленій, ошибокъ, погрѣшностей, равно не дѣлаютъ избираемыхъ совершенными, но, говоря вообще, они даютъ лучшихъ людей, одушевляютъ избираемыхъ, привлекаютъ къ нимъ и ихъ послѣдующей дѣятельности вниманіе избирателей, возвышаютъ ихъ и самыя учрежденія, во главѣ которыхъ они поставлены, и эти азбучныя истины вполне оправдываетъ и подтверждаетъ наша исторія. Такъ и въ данномъ случаѣ. Исторія помнитъ многихъ архимандритовъ кіево-печерской лавры отъ Никифора Тура и Елисея Плетенецкаго до Зосимы Валкевича и не помнитъ ни одного изъ такъ названныхъ послѣ 1786 г. священно-архимандритовъ ея и ничего не можетъ сказать о дѣятельности ихъ для лавры и лавры для общества. Прежній архимандритъ, какъ показываетъ и приведенный документъ, избирался не только духовными, но и мірскими представителями страны, выборъ утверждался верховною властію и о самомъ наступленіи выборовъ возвѣщалось съ высоты трона. И знала выбраннаго страна, высоко чтитъ учрежденіе, надъ которымъ ставила его, и зорко слѣдила за его жизнію и дѣйствіями. Кто знаетъ такъ названныхъ намѣстниковъ лавры, кто помнитъ ихъ чередованіе? Если лавра кіево-печерская и теперь влечетъ насъ къ себѣ, то только своею исторіею и своею святынею, а прежде она влекла и дѣятельностію стоявшихъ во главѣ ея и входившихъ въ число ея братіи. Кромѣ подвижниковъ благочестія она давала иногда ученыхъ богослововъ, полемистовъ и апологетовъ, проповѣд-

никовъ слова Божія, борцевъ за вѣру и народность. Измѣнился строй жизни, измѣнилась и самая жизнь. Много было въ этомъ строѣ недостатковъ и несовершенствъ, но много было и такого, на что не безъ пользы можно оглянуться и теперь, въ чемъ можно почерпнуть урокъ для настоящаго времени, или врачевство отъ одолеваяющихъ наше общество недуговъ. Живая, тѣсная связь общества съ церковію, въ какой-бы формѣ она ни была восстановлена, и есть тотъ завѣтъ сѣдой старины нашей, надъ которымъ по преимуществу мы должны остановиться и для котораго не можемъ придумать болѣе подходящей формулы, кромѣ давно сказанныхъ словъ: *помянухъ дни древнія и поучихся...*

Уставъ кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 года.

Уставъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ, которые въ общей совокупности своей даютъ намъ понятіе о внутренней жизни кіевскаго городскаго общества въ половинѣ XVIII ст.

Повторяемъ, такихъ документовъ уцѣлѣло не много, въ печати ихъ почти нѣтъ. Отъ прежняго вѣковаго архива кіевскаго магистрата не осталось, кажется, и слѣда. Спросите нынѣшнюю думу, или ея управу, гдѣ тѣ жалованныя грамоты царскія, королевскіе привилеи, гетманскіе универсалы, которые такъ бережно и почтительно хранились прежнимъ магистратомъ въ дорогихъ ящикахъ и витринахъ, на бархатныхъ подушкахъ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и съ такою гордостію были представляемы членами магистрата посѣщавшему Кіевъ наслѣднику русскаго престола, великому князю, впоследствии императору, Павлу Петровичу и его супругѣ? Многочисленныя дѣла кіевскаго магистрата — административныя, судебныя и хозяйственныя давно сдѣлались добычею пламени или невѣжества, какъ и самое его помѣщеніе и оригинальное имущество, между прочимъ, въ орудіяхъ наказаній, пушкахъ, ружьяхъ, знаменахъ и т. под. Между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ; поколѣнія слѣдуютъ одни за другими, составъ населенія Кіева мѣняется приливомъ все новыхъ элементовъ, традиціи утрачиваются, связь новой жизни съ прежнею прерывается и не по чему провѣрить ни ея роста, ни отклоненій и задержекъ въ развитіи, погрѣшностей и ошибокъ, въ силу забвенія прежнихъ порядковъ и обычаевъ.

Едва-ли есть надобность говорить о необходимости и пользѣ для каждаго общества знакомиться съ своею прежнею жизнью въ

общемъ и въ частностяхъ по тѣмъ письменнымъ документамъ, какіе сохранились отъ прежняго времени; но прежде надо собирать самыя документы. Ихъ собралъ и издалъ старинный Витебскъ, а болѣе древній, древнѣйшій по преимуществу Кіевъ такого собранія не имѣеть. Между тѣмъ и теперь можно найти хотя обрывки ихъ въ мѣстныхъ архивахъ и въ частныхъ рукахъ. Изъ частныхъ рукъ, отъ одного изъ членовъ шнѣпняго цирюльническаго цеха достался намъ и помѣщаемый ниже документъ.

Содержаніе его несложно и просто; оно представляетъ собою памятникъ прежней автономной жизни кіевскаго общества, или одну частичную ея принадлежность. Цехи—древнѣйшая форма общественной жизни южно-русскихъ городовъ, прившедшая въ нее съ Запада въ періодъ литовскій, вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ, и широко разросшаяся на новой почвѣ, въ свѣдствіе близости ея къ древнему укладу нашей вѣчевой жизни. Это свободныя наши ассоціаціи, группировавшія людей всевозможныхъ профессій въ правильно организованныя кружки, объединяемые общностию церковно-религіозныхъ и общественныхъ интересовъ, а также полною автономіею своего внутренняго управленія. Цехи гончарныя, купеческія, кравецкія, кузнецкія и другіе находимъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, и даже въ селахъ, гдѣ существовали подобныя профессіи въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ. Иногда цехъ былъ вмѣстѣ и братствомъ церковнымъ, или же нѣсколько цеховъ соединялись въ одно братство, но, и не пося названія братства, цехъ служилъ одновременно цѣлямъ церкви. Собственно организація цеха и братства одна и таже, хотя цѣли ихъ различны, ибо тогда, какъ цехъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ развитіе ассоціаціи и ея профессіи, братство на оборотъ имѣло въ виду преимущественно религіозно-нравственныя потребности. Впрочемъ въ служеніи цѣлямъ общественнымъ они сходились, и въ этомъ, равно какъ и однообразномъ ихъ устройствѣ, заключается причина того, что цеховая организація усвоилась даже такими кружками, которые собственно не принадлежали къ обществу, какъ кружки нищихъ и въ частности слѣпцевъ. Нужда въ кружковой, общей жизни чувствовалась въ такой степени, что при недостаточномъ числѣ въ данномъ городѣ лицъ известной профессіи и невозможности образовать самостоятельный цехъ, они при-

соединялись къ людямъ другой профессіи, или другому цеху; такъ соединялись кушнера и кравцы, кузнецы и слесаря и т. д.

Такъ именно случилось и съ кіевскими цирюльниками. До 1766 г. они находились въ соединеніи съ цехомъ кравецкимъ; но кравцы (портные) относились къ нимъ презрительно, не считали ихъ настоящими цеховыми, не давали имъ голоса въ дѣлахъ, не касающихся ихъ профессіи, не обстаивали ихъ въ возникающихъ по ихъ кружку дѣлахъ, не допускали ихъ къ выборамъ въ цеховыя должности, какъ-то цехмистра, ключника и пр. Эти обстоятельства, а также и увеличившееся вѣроятно число цирюльниковъ въ Кіевѣ побудили ихъ просить магистратъ о выдѣленіи ихъ въ особый самостоятельный цехъ. Просьба ихъ была удовлетворена спустя около двухъ лѣтъ, что даетъ поводъ заключать, что кравцы не желали такого отдѣленія, не выгоднаго для нихъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшались ихъ платежныя силы и доходы. Уставъ въ 10-ти пунктахъ былъ составленъ самими цирюльниками, по образцу какого либо другаго устава и на основаніи старыхъ обычаевъ и порядковъ. Въ основу устава полагается принципъ равенства членовъ, взаимнаго другъ къ другу уваженія и почтенія къ старшимъ, за тѣмъ опредѣляются взаимныя отношенія цеховыхъ по выполненію ихъ профессіи, положеніе поступающихъ въ обученіе мастерству, свободныхъ работниковъ и прибывающихъ вновь мастеровъ, и наконецъ очерчивается кругъ профессиональныхъ занятій членовъ цеха. Каждый пунктъ устава носитъ на себѣ историческій отпечатокъ, но особенно оригиналенъ пунктъ 1-й, по которому цирюльники принимаютъ на себя артиллерійскую службу въ городской милиціи, и обязываются во время церемоній ¹⁾ „пушечную пальбу производить порядочнымъ образомъ“, подвергая себя за неисправность тюремному заключенію и внесенію въ цехъ по пяти фунтовъ воску. Последній видъ штрафа, повторяемый и въ другихъ пунктахъ устава, заимствованъ изъ уставовъ братскихъ и указываетъ на то, что такого рода штрафы обращались въ пользу церкви и что слѣдова-

¹⁾ Объ этихъ церемоніяхъ см. статью: Кіевское представительство прежняго времени. «Кіевск. Старина», 1882 г., майск. книжка, стр. 177—193.

тельно цехи и теперь еще не утратили своей прежней связи съ братствами; внутренняя организація цеха была безъ сомнѣнія опредѣлена съ большею подробностію, но не письменно, а живымъ обычаемъ. На это мы имѣемъ довольно данныхъ въ находящейся у насъ подъ руками записной книгѣ кіевскаго кравецкаго цеха съ 1798 по 1835 г., а также записей гончарнаго цеха въ с. Дыбницѣхъ, кіевской губерніи, за болѣе древнее время; но группировку этихъ данныхъ отлагаемъ до другаго времени, ограничиваясь на сей разъ помѣщеніемъ лишь акта объ учрежденіи кіевскаго цирюльническаго цеха. Вотъ текстъ его.

По указу ея императорскаго величества въ магистрата кіевскаго данна сія внѣшнє цырюльническаго собранія начальнику Григорию Иванову сыну Хотяновскому въ братію; для того въ ономъ магистратѣ слушано доложеніа, поданнаго отъ оного начальника Хотяновскаго въ братію, и приложеніихъ при томъ ихъ доложеніи пунктовъ, въ какомъ содержаніи бытъ ихъ цырюльническому собранію, съ прошеніемъ, дабы въ то ихъ собраніе на содержаніе оного дать з оного магистрата ухвалу, понеже имъ обойтись безъ того невозможно. Въ техъ же ихъ цырюльническихъ пунктахъ показано:

1-е, чтобъ всякъ въ братіи мастера цырюльническаго на сходки общей, а паче во время бываемой при магистратѣ кіевскомъ церемоніи и пунечной палбы былъ, и ту пунечную палбу производилъ порядочно образомъ, а естли кто въ томъ окажется противнимъ, такового съ вѣдома магистрата кіевскаго штрафовать турмюю и взятемъ до собранія пяти фунтовъ воску, 2-е, каждой брата своего не только уничтожать, а себе возвышать не долженъ, но еще оного почитать, а притомъ старѣйшему себе честь отдавать долженъ, 3-е, ежели кто въ братіи подрядится кому класть къ каковой либо рабѣ плейстеръ, то другой уже въ томъ препятствовать и всего плейстера безъ начальниковаго вѣдома и дозволенія прикладать не долженъ, а буди кто въ томъ окажется противнимъ, съ такового взимывать до собранія по пяти фунтовъ воску, договореннымъ же деньгамъ отъ стороны той, которая требовала прикладать плейстеръ, оставаяся при первомъ мастеру, 4-е, ежели которой братъ для

производства своего мастерства въ кого найметъ хату или баню, то другой уже въ томъ ему до уговоренного сроку перебивать и цены подвигать не долженъ, а если кто сіе преступитъ, съ такового взыскивать до собранія воску по десяти фунтовъ, хатѣ-жѣ и банѣ оставаться за наемщикомъ, 5-е, буди которой братъ не имѣетъ въ себе цылюрнѣ, такому въ другихъ, какъ и прежде было, работать на своихъ харчахъ и на всѣхъ своихъ-же инструментахъ и мылѣ съ половины, и уже на сторонѣ того своего мастерства безъ вѣдома мастерского производить, а ни кровѣ пускать ни подъ какимъ видомъ не долженъ, 6-е, каждый мастеръ отъ другого мастера молодика къ себѣ отговаривать не долженъ, 7-е, молодикамъ мастерства цылюрнического служить въ своихъ мастровъ, какъ и прежде, съ третьей копейки, а на харчахъ и всѣхъ инструментахъ мастерскихъ, 8-е, ежели отколъ придетъ сторонной паробокъ, то такового безъ вѣдома магистрата кіевского въ собраніе мастерства цылюрницкого не принимать и въ число другихъ не записывать, а представить объ немъ въ оный магистратъ и ожидать на то резолюціи, 9-е, никто зъ стороннихъ мастерства цылюрнического, не поєднавши того мастерства собраніе, работать не долженъ, а еслибъ кто въ томъ оказался противнимъ, такового весь его инструментъ забирать въ собраніе, 10-е, оное мастерство цылюрническое имѣетъ состоять въ томъ: брить, кровь жилную и зашкурную пускать, раны гоить рубаніе, пробитіе и стреляніе, а особливо въ вирваніи зуба и въ излѣченіи французской и шолудней болѣзней, въ поставки крастеровъ и въ шлюфованіи бритовъ.

А по справки въ магистратѣ кіевскомъ явилось, что по поданному въ оный магистратъ отъ предпоказанныхъ цылюрниковъ, прошлаго 1766 году, іюня 10, доношенію о содержаніи ихъ кравецкимъ цехомъ, подъ которымъ они состояли, въ крайнемъ презрѣніи и о признаніи ихъ же не настояще цеховими, какъ де въ другихъ цехахъ всякого ромества люде безъ изятія равно всѣ признаются, но полуцеховими, и въ немѣнїи онымъ кравецкимъ цехомъ за нихъ въ случающихся ихъ нуждахъ никакова обстояательства, и въ непроизводеніи ихъ противъ находячихся въ томъ цеху кравцовъ ни въ какія званія, и въ протчихъ по тому ихъ доношенію значащихся обидахъ, отъ оного-жѣ кравецкого цеху причиняемыхъ, съ прошеніемъ о исключеніи ихъ съ того кравецкого цеху и о принятіи подъ особое ма-

гистратское вѣдомство, такожъ и о учрежденіи ради обыкновенного приниманія ремесства ихъ ремесниковъ въ майстры, такожъ визволки учениковъ и вписиванія въ обученіе ремесства хлопцовъ, и другихъ ремесленныхъ обрядовъ между ими собранія, а притомъ и о порученіи имъ магистратскихъ пушекъ въ добропорядочное во всякой исправности смотрение, и въ пристойное зъ нихъ при случающихся церемоніяхъ палби производство — учинить въ семъ магистратѣ опредѣленіе. Состоявшимся въ ономъ магистратѣ, прошлаго 1767 году, априля 16 дня, приговоромъ велено: въ силу прописанныхъ въ ономъ приговорѣ высококомарнишихъ, сему магистрату жалованныхъ грамотъ, королевскихъ привилегій и другихъ обстоятельствъ, оныхъ цырульниковъ съ показанного кравецкого цеху исключить, и быть особливому цырульническому собранію, по примѣру другихъ здешнихъ цеховъ, подѣ дѣйствительнымъ магистрата кіевского во всемъ видѣніемъ, имѣя имъ между собою по произволительному обще всѣхъ выбору начальника, и оное свое цырульническое ремесство въ приниманіи того ихъ ремесства майстровъ, въ визволки учениковъ, и вписиваніи входящихъ въ обученіе ремесства хлопцовъ, и въ прочихъ обыкновенныхъ ремесленныхъ, установленныхъ по цехамъ, поведеніяхъ содержать добропорядочно, а притомъ имъ цырульникамъ и поручить магистратскіе пушки, обязать притомъ особливо ихъ подпискою, что они какъ тѣ пушки въ добромъ смотреніи содержать, такъ изъ оныхъ въ случае какихъ церемоній палбу порядочнымъ образомъ производить имѣютъ, въ силѣ котораго приговора означеніе цырульники подпискою въ семъ магистратѣ и обязались, и какъ въ ономъ магистратѣ объявили и начальника себѣ по общему своему согласію зъ промежь себе показанного Григорія Хотяновского собрали, почему нинѣ иного нечего и не остается, какъ только оное цырульническое собраніе, дабы, по новости оного, какихъ въ немъ непорядковъ или несогласій послѣдовать не могло. утвердить дачею особливо въ оное собраніе отъ сего магистрата ухвали, или виписѣ, вслѣдствіе чего вишенисаніе, представленіе отъ оныхъ цырульниковъ въ оный магистратъ пункта, касающіеся къ сохраненію объявленнаго ихъ цырульнического собранія, въ магистратѣ кіевскомъ въ полномъ собраніи довольно и разсматривани, и по разсмотренію являються всѣ-жъ пункта правилине, для того оный магистратъ, имѣя по высококомарнишимъ жалованіемъ оному-жъ магистрату грамотамъ и ут-

вержеднимъ онымъ майдебурекимъ правамъ власть всякіе въ семь городѣ учреждать норядки, показанніе, представленніе отъ нихъ цылюрниковъ пункта апробуетъ, зъ темъ, что оные цылюрники по представленному своему цылюрническому майстерству во всемъ противъ техъ пунктовъ всенепременно поступать имѣють, такожъ приходящихъ сюда въ Кіевъ людей безъ письменныхъ свидѣтельствъ и безъ представленія въ сей магистратъ въ оное свое собраніе принимать, а особливо внутреннихъ и другихъ къ тому ихъ цылюрническому майстерству неподлежащихъ болѣзней, кромѣ какіе они въ техъ своихъ пунктахъ показали, отшюдь лѣчить не имѣють, да и тѣ отъ нихъ показанніе болѣзни и раны имѣють лѣчить они со всякою осторожностію и какъ въ наилучшимъ смотреніемъ, безъ малѣйшого какова либо кому во излѣченіи техъ болѣзней и ранъ вреда, или другого какого коварства, подъ опасеніемъ, ежелибъ отъ кого зъ нихъ противно сему что воспослѣдовать могло, не токмо исключенія оного зъ того цылюрническаго собранія, но еще и учненія съ нимъ по всей строгости законовъ, чего особливо за оными цылюрниками всенайпритѣжнѣйше какъ нипѣннему оного цылюрническаго собранія началнику Хотяновскому, такъ и по немъ будущимъ началникамъ наблюдать, о чемъ всемъ и дать въ оное цылюрническое собраніе, за руками присутствующихъ въ магистратѣ кіевскомъ и приложеніемъ обыкновенной печати, випись, которая и дана. Іюля 30 1769 году.

Ея императорскаго величества прародительной отчины Богомъ хранямаго города Кіева: Надворный совѣтникъ и войтъ Григорій Пивогаровъ. Бурмистръ и степеный Данило Величковскій. Бурмистръ Василій Балабуха. Бурмистръ Аонасіи Александровичъ. Бурмистръ Козма Кулешъ. Бурмистръ и депутатъ Іосифъ Василевъ Гудимъ. Бурмистръ Іосифъ Івановъ Гудимъ. Писарь Іванъ Давидовскій. Райца Іванъ Силенко Нѣчай. Райца Іосифъ Козельскій. Райца Герасимъ Кувечинскій. Райца Гавриэль Рогускій.

Канцеляристъ Захарій Репертовичъ.

(М. П.)

Письмо князя Константина Острожскаго, воеводы кievскаго, къ сыну его Янушу, каштеляну краковскому. 7 мая 1607 года.

Извѣстный ревнитель и защитникъ православія и народности русской въ XVI ст., князь Константинъ Константиновичъ Острожскій жилъ около ста лѣтъ и болѣе полустолѣтїя наполнял своими громкими, въ потомство перешедшими, дѣяніями. По роду своихъ дѣйствій, по своему первенствующему во всѣхъ отношеніяхъ положенію въ южной Руси, по своимъ фамильнымъ и общественнымъ связямъ, онъ имѣлъ чрезвычайно обширныя и самыя разнообразныя сношенія и несомнѣнно велъ огромную переписку; по время не пощадило произведеній его пера, какъ не пощадило всѣхъ его просвѣдительныхъ и благотворительныхъ учрежденій и самаго рода его. Изъ громадной его переписки—частной и дѣловой сохранилось лишь нѣсколько писемъ, помѣщенныхъ въ IV томѣ актовъ Западной Россіи, „Исторіи воссоединенія Руси“, Кулиша, и „Кіевлянинъ“ Максимовича. Три письма достались намъ. Одно изъ нихъ помѣщаемъ здѣсь. Оно совершенно семейнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ большой историческій интересъ. Острожскій — отецъ коротко пишетъ старшему своему сыну, Янушу, о поведеніи его жены и выражаетъ свой мѣткій взглядъ на южно-русскую женщину того времени: „вѣка повторяются,—это вторая Амазонка“, говоритъ онъ о своей невѣстѣ. Это тотъ взглядъ, къ которому пришелъ современный намъ польскій историкъ, извѣстный докторъ Антоій I., послѣ многолѣтнихъ архивныхъ изысканій, представившій намъ увлекавательные и крайне оригинальные типы украинской женщины XVI и XVII ст. Мѣтко схваченное свѣтлымъ и проникательнымъ умомъ

князя Острожскаго явленіе тогдашней общественной жизни и даетъ всю цѣну его письму, не смотря на краткость его содержанія.

Подлинникъ письма—на польскомъ языкѣ; это новая его особенность. Могущественнѣйшій русскій князь, къ котораго слову прислушивалась вся Польша, патриотъ до мозга костей, меценатъ русскаго просвѣщенія и языка, родному сыну своему о дѣлѣ семейномъ пишетъ по польски. Это не уступка вкусу давно ополячившагося и окатоличившагося сына, — это уступка всесильному духу времени и вліянію польской культуры.

Кто-же однако эта амазонка? Къ какой именно женѣ князя Януша относится отзывъ его отца?—Съ точностію сказать этого не можемъ. Янушъ женатъ былъ три раза: въ первый разъ на внучкѣ венгерскаго магната Середы, второй на Катеринѣ *Любомирской* и третій на Теофилѣ *Тарло*. Первая жена его умерла въ 1593 г думаемъ, что все сказанное княземъ Константиномъ относится къ второй женѣ Януша, Катеринѣ Любомирской.

„Слугами„ своими князь называетъ завѣдывавшихъ его имѣніями и дворомъ, а также надворною его милиціею, число которой простиралось иногда до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Ермолинскій, о которомъ упоминается въ письмѣ, былъ изъ числа командировъ милиціи, съ чиномъ ротмистра.

Въ языкѣ подлинника, кромѣ особенностей тогдашняго польскаго правописанія, которое удержано и нами, есть въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ буквахъ *руссизмы*, показывающіе, что князь пишетъ не на природномъ ему языкѣ, хотя вообще владѣетъ имъ довольно свободно. Мы помѣщаемъ и подлинникъ и переводъ.

Moу najmilszy panie Crakowsky!

Juz widzę, że wszystkie wicki mają swoi obroth, bo coś my tylko podania pierrwszej słyчali o bylych Amazonkach, to czasy naszemi na oko wiedziemy, że IMC. P. Woiewodzina, Pani sinowa moia, drugą Amazonką się bydz okazuję: niedosycz miała na tem sama wstempowacz w szranki to z Wczą, to że wszystkimi nami, domownikami swemi, ale tez y przez harcownikami swoje naprzod z X. Czarthoryskim, potem z Duchowienstwem, a prawie z Bogiem samem, więcz na ostatek z sługami memi, jako sie na tych dniach owdzie od

Konarskiego, Archimaadrita Uniiowskiego i od Badzynskiego sūdze naszemu, P. Iermolinskiemu dokazuie. A naweth ija sam o takie nieuszанowanie od nich przychodzę, że wszetecznych mow prozen bydz nie moge, nie telko aby na писаніе, а подчас на прозбę моie wzgląd iaki miecz mieli. W czem się W. M. opowiadam, ze za takim moim owdzie niezważenіem zal mie do tego prziwiedzie, ze ym podobno cierpiecz daleci nie będę. Zycze y Pana Boga prosze, abym rychlo dobrze zdrowego W. M. u siebie widział. Z Ostroga. 7 maia. 1607 r.

W. M. wszelkiego добра W. M. zyczliwy oyciec,
Constantin Xiąze Ostroski, Woiewoda Kiiowski.

Prosze tez, racz mi dacz znacz, yako sie mam rychło W. M. do siebie spodziewacz.

(Переводъ).

Мой милѣйшій панъ Краковскій!

Вижу, что вѣка повторяются, ибо то, что мы только какъ преданія слышали о древнихъ амазонкахъ, теперъ видимъ во очію: ея милость, пани воеводина, невѣстка моя, оказывается другою амазонкою. Она не ограничилась тѣмъ, что заводила ссоры то съ вашею милостью, то со всѣми нами, своими ближними, но чрезъ своихъ наѣздниковъ воеводила сперва съ кн. Чарторижскимъ, потомъ съ духовенствомъ, точнѣе съ самимъ Богомъ, а наконецъ и съ слугами моими, какъ это на сихъ дняхъ производится тамъ съ слугою моимъ Ермолинскимъ отъ Конарскаго, архимандрита Унеіовскаго и отъ Бадзынскаго. Даже самъ я подвергаюсь такому отъ нихъ неуваженію, что не могу быть свободнымъ отъ постыдныхъ толковъ, что не только письма, но даже просьбы мои не могутъ имѣть на нихъ какого либо вліянія.

По этому предупреждаю вашу милость, что мое огорченіе отъ такого ко мнѣ неуваженія доведетъ меня до того, что, кажется, долѣе терпѣть имъ я не буду.

Желаю и Господа Бога молю, чтобы въ скорости я видѣлъ вашу милость у себя въ добромъ здоровьи.—Изъ Острога. 7 мая 1607 г.

Всего добраго вашей милости желающій отецъ,
Константинъ князь Острожскій, воевода кіевскій.

480 письмо кн. конст. острожскаго воев. киевск., къ сыну его янушу.

Прошу так же, изволь ваша милость дать миѣ знать, какъ скоро я могу ожидать вашу милость къ себѣ.

На оборотѣ этого письма, въ листъ, оплаточная печать съ гербомъ и надпись: IMCI Panu Januszowi Xięciu Ostrogskiemu, Casztelanowi Crakowskiemu, Najmilszemu Siacowi (Его милость, пану Янушу князю Острожскому, каштеляну краковскому, милѣйшему сыну).

Библиографія.

Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882.

Этотъ объемистый томъ «Библиотеки», изданный подъ редакціею П. А. Гильдебрандта, вышелъ еще къ концѣ прошлаго года, но о немъ не было до сихъ поръ никакого отзыва въ западно-русской печати, а между тѣмъ составъ его представляетъ немаловажный историческій интересъ. Помѣщенные въ немъ памятники полемической литературы изъ эпохи возникновенія религіозной уніи и первыхъ временъ ея распространенія, числомъ девять, всѣ, за исключеніемъ одного, были въ свое время напечатаны, но теперь сдѣлались библиографическими рѣдкостями, извѣстными иногда только въ уникатахъ, огромному большинству изслѣдователей той эпохи почти недоступныхъ, и потому нельзя не благодарить археографическую комиссію за новое ихъ изданіе. Памятники, здѣсь помѣщенные, слѣдующіе.

1. *Вопросы и отвѣты православному зъ папезникомъ*, 1603 года, извѣстные до сихъ поръ только по «Описанію рукописей московской синодальной бібліотеки» Горскаго и Новоструева, теперь напечатаны вполнѣ. Независимо отъ содержанія, представляющаго общепонятное, по своему времени, изложеніе различій между православіемъ и католицизмомъ, съ полемикою противъ послѣдняго, — интересъ представляетъ и самая рукопись «Вопросовъ и отвѣтовъ». Годъ ея написанія опредѣленъ по одному мѣсту въ срединѣ текста; одно время она принадлежала какому-то священнику Іосифу, промѣнявшему ее «за Молитовникъ рускій» Іоанну Щуцкому; въ половинѣ XVII вѣка владѣлъ ею «Іоаннъ Нечай», —

очевидно, извѣстный «Чаусовскій» полковникъ, мужъ одной изъ дочерей Богдана Хмельницкаго, которую Максимовичъ (соч., I, 700) именуешь почему-то Настею, тогда какъ въ *Volumina legum* (IV, 359, изд. Огрызки) она подъ 1661 годомъ названа Стефанидою; впоследствии эта рукопись составляла собственность ростовскаго святителя Димитрія, т. е. Данила Савича Туптала, «сотниченка кievскаго» (Величко, III, 84). На поляхъ рукописи сохранилось много неизвѣстно кому принадлежащихъ примѣчаній, поясненій и ссылокъ на св. писаніе, которыя и напечатаны въ сноскахъ.

2. *Унія аль бо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ, ку зводночьскоу Грековъ съ костеломъ Римскимъ належацихъ*, напечатана съ виленскаго изданія 1595 года, сохранившася въ одномъ только, и то неполномъ экземплярѣ, въ московской городской (прженей Чертковской) библиотекѣ. Ее приписываютъ извѣстному пропатору уніи Ипатію Потѣю, а предназначена она была для осторожнаго ознакомленія православныхъ съ чуждыми православію догматами католицизма и къ еще болѣе осторожному утвержденію ихъ истинности. Сохранившійся экземпляръ имѣетъ на поляхъ также много замѣтокъ, написанныхъ очевидно православнымъ, имѣющихъ характеръ полемическихъ возраженій противъ текста брошюры.

3. Изъ той-же библиотекы заимствована и другая рѣдкость: *Гармонія альбо согласіе вѣры, сакраментовъ и церемоней святое Восточное церкви съ костеломъ Римскимъ*, 1608 года, тоже посвященная защитѣ уніи и отличающаяся какъ рѣзкостью изложенія, такъ и его языкомъ: оно идетъ перемежаясь то порусски, то польски, и напечатано двумя шрифтами.

4. Обширное сочиненіе знаменитаго проповѣдника, іезуита Петра Скарги: *O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem y o greckim od tey iedności odstąpieniu*, перепечатано тоже съ уникала перваго изданія 1587 года, находящагося въ петербургской публичной библиотекѣ; изданіе это было въ свою пору почти все сожжено, а болѣе извѣстное второе, 1590 года, во многомъ отъ него различается. Всѣ эти различія равно какъ и замѣтки на поляхъ книги, помѣщены въ выноскахъ. Добавленныя или совсѣмъ предѣланныя въ этомъ изданіи главы помѣщены особюю,

5-ю статью, подъ заглавіемъ «Новыя статьи Петра Скарги 1590 году».

6. Незначительная брошюра іезуита Бенедикта Гербеста: *Wiary kościoła rzymskiego wywody y greckiego niewolstwa historia: dla iedności*,

была въ свое время довольно распространена, какъ видно изъ нерѣдкихъ упоминаній въ полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ.

7. Одно изъ такихъ сочиненій представляетъ книга острожскаго священника Василя: «О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостолской церкви, откуда начало и како повсюду распростресея», изданная въ 1588 году и заключающая въ себѣ разборъ и опроверженіе мнѣній, высказанныхъ въ уніатскихъ изданіяхъ: «Унія» и «Гармонія» (см. выше, №№ 2 и 3), выгодно отличааясь отъ нихъ сдержанностью и серьезностью полемики.

8. Вслѣдъ за брестскимъ соборомъ 1596 г, на которомъ установлена была отступившими отъ православія епископами недоброй памяти религіозная унія, тотъ-же Скарга издалъ сочиненіе: «Synod Brzeski», защищая его дѣянія. Перваго изданія этого сочиненія (1596) археографическая коммисія не могла добыть, а напечатала его съ изданія 1738 г., сообщеннаго ей профессоромъ кievской духовной академіи, Ив. Игн. Малышевскимъ.

9. Отвѣтомъ на сочиненіе Скарги послужилъ со стороны православныхъ знаменитый «Апокрисисъ, албо отвѣдъ на книжки о съборѣ берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филялета врхлѣ дана», занимающій почти половину настоящаго тома «Библиотеки» (столбцы 1003—1820). Здѣсь помѣщенъ онъ въ двухъ текстахъ: польскомъ, съ *перваго* изданія 1597 г., единственный экземпляръ котораго имѣется у М. О. Колловича, и русскомъ, болѣе извѣстномъ, изданномъ около двухъ лѣтъ спустя. По поводу «Апокрисиса» въ предисловіи находимъ слѣдующее интересное замѣчаніе: «это сочиненіе, какъ и нѣкоторыя другія, извѣстно въ настоящее время въ двухъ текстахъ: польскомъ и западно-русскомъ. Апокрисисъ имѣеть уже не одного изслѣдователя, имѣеть даже и переводчиковъ на современный русскій языкъ (профессоръ кievской духовной академіи С. Т. Голубевъ), но тексты его доселѣ не были воспроизведены. При сличеніи западно-рускаго текста съ польскимъ оказывается, что *последній* изъ нихъ есть *оригиналъ* сочиненія, а *западно-русскій*—переводъ, или, вѣрнѣе, *вторая* редакція, не во всемъ объемѣ своемъ согласная съ изданіемъ 1597 года. Эта редакція представляетъ большое количество стмѣнъ, поправокъ, пропусковъ, вставокъ, сокращеній и развитій, имѣющихъ большую цѣну и значеніе для историка и богослова; самый-же текстъ перевода кромѣ того весьма важенъ и для языковислѣдователя».

Таковъ богатый составъ седьмого тома «Исторической Библиотеки». Къ сожалѣнію, мы не смѣли до сихъ поръ возможности ознакомиться

съ относящимися къ нему указаніями: 1) лицъ, 2) мѣстъ, и 3) предметовъ и рѣченій, которые должны были выйти, вмѣстѣ съ примѣчаніями къ тексту памятниковъ, особою брошюрою; не знаемъ даже, появилась ли она уже въ свѣтъ.

Ив. Новицкій.

Малорусскія изданія 1882 года.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли малорусскія книги, вышедшія въ 1882 г. новыми изданіями, и указали, такъ сказать, raison d'être появления каждой изъ нихъ; теперь скажемъ о книгахъ новыхъ, впервые явившихся въ печати въ 1882 г., — держась той мысли, что и произведенія беллетристическія, съ которыми мы на этотъ разъ имѣемъ дѣло, могутъ быть въ своемъ родѣ памятниками историческими, если вѣрно передаютъ картины дѣйствительной жизни въ данную эпоху.

Оригинальныхъ произведеній въ малорусской литературѣ появилось въ прошломъ году пять, а именно: 1) *Збірникъ творівъ М. Л. Кропивницького*, 2) *Оповідання про козакъ, О. Степовика*, 3) *Про дифтеритъ або обкламки, М. Хойдоровського*, 4) *За злыми людьми й хата не зорить, Алексія Грабини и* 5) *За крашанку—писанка, Данила Сліпченка Мордовця*.

1) *Збірникъ творівъ М. Л. Кропивницького. Т. 1-ий. Кіевъ 1882 г.* Въ напечатанномъ 1-мъ томѣ помѣщены три драмы и одинъ водевиль, а именно: 1) «Дай серцю волю, заведе въ неволю», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ; 2) «Глитай, або-жъ навукъ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ; 3) «Невольникъ», драматическія картины, и 4) «Помірились», водевиль въ 1 дѣйствіи.

Содержаніе драмы: «Дай серцю волю, заведе въ неволю» заимствовано изъ сельскаго украинскаго быта и представляетъ не вопль обыденный моментъ престонародной жизни, а скорѣе исключительное явленіе, что однако не помѣшало автору начертить нѣсколько характерныхъ типовъ.

Парубокъ Семень Мельниченко, ходившій на все лѣто на заработки, возвращается осенью въ родное село и, не заходя домой, плдетъ повидаться съ Одаркой, любимой имъ дѣвушкой, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Вскорѣ подходитъ къ нимъ Мигита, сынъ старшины, про котораго Одарка сообщаетъ Семену, что онъ неотступно сватается за нее. Не желая видѣться съ нимъ, она послѣшно уходитъ въ хату. Проц-

ходить первая сцена между двумя солерниками, предвѣщающая что-то недоброе. Къ концу этой сцены появляется Иванъ Непокрытый, спрота-бѣднякъ, названный братъ Семена (побратимъ), и между прочимъ сообщаетъ, что сейчас соберутся сюда *парубки обирати березу*, т. е. своего старшаго. Дѣйствительно, вскорѣ появляются парубки, и происходитъ прекрасная оживленная бытовая сцена парубоцкихъ выборовъ и между прочимъ столкновение Ивана съ Микитой, котораго, очевидно, никто не любитъ за его гордый нравъ и за то, что онъ разыгрываетъ роль паншца. Сцена заканчивается превосходной чумацкой пѣсней: «Гулявъ чумака на рыпочку». Затѣмъ дѣйствіе переноситъ насъ въ хату Морозихи, вдовы, у которой въ теченіе всей зимы собираются «вечерницѣ». Микита сидитъ за столомъ, очень насмурный; дѣвчина Маруся, которую прежде любилъ Микита, — тутъ-же. Постепенно собираются сюда дѣвчата и парубки и между прочими Одарка, Семень и Иванъ. Изъ отдѣльныхъ сценъ и разговоровъ Микиты съ Морозихой, Марусей, Одаркой и Иваномъ видно, что на душѣ у него что-то недоброе, такъ какъ онъ, сынъ старшины, статный и богатый парубокъ, не можетъ помнитъся съ мыслью, что Одарка выйдетъ замужъ за Семена, а не за него — что онъ можетъ получить отказъ. Между прочимъ, онъ въ разговорѣ съ Морозихой довольно ясно намекаетъ на то, что въ случаѣ крайности онъ готовъ рѣшиться на преступленіе. Дѣйствіе заканчивается опять прекрасной бытовой картинкой *вечерницъ*. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы узнаемъ изъ разговора двухъ *дѣвчатъ*, что Микита дѣйствительно что-то затѣваетъ, такъ какъ уже три дня назадъ отправился къ *ворожебиту*; а между тѣмъ Семень, ничего не подозревая, посылаетъ сватовъ къ Одаркѣ и, конечно, получаетъ полное согласіе. Сейчас-же являются *парубки и дѣвчата* въ хату Одарки, гдѣ и *справляютъ сватанья*. Какъ разъ въ это время возвращается въ село Микита и, узнавъ о совершающемся сватаньи, проситъ одну изъ дѣвушекъ вызвать изъ Одаркиной хаты Семена. При появленіи послѣдняго, Микита кидается на него съ пожомъ, но благодаря Ивану Непокрытому, еще раньше замѣтившему его и спрятавшемуся въ сторонѣ, Микита схваченъ и связанъ выбѣжавшими на шумъ парубками. Этой трагической сценой и заканчивается третье дѣйствіе. Дѣйствіе 4-ое знакомитъ насъ съ событіями, совершившимися черезъ три недѣли послѣ свадьбы Семена. Въ то время, какъ счастливая молодая пара проводила медовый мѣсяцъ, старшина, отецъ Микиты, метя за своего сына, устроилъ дѣло такъ, что Семена назначаютъ въ рекруты. Понятно горе, которое охватило молодыхъ; но Иванъ, желая доказать, что *побратимство* онъ понимаетъ не на словахъ только, объявляетъ имъ, что онъ намѣренъ идти замѣстителемъ, какъ человѣкъ,

которому терять нечего. Это дѣйствіе сравнительно очень короткое, исполнено сценичности и можетъ быть названо самымъ удачнымъ. Последнее дѣйствіе, четыре года спустя, вводитъ насъ въ семью Семена, который теперь уже сотскимъ. Семья эта увеличилась, благодаря возвращенію раненнаго Ивана, который въ качествѣ семьянина, поселился тутъ; почти въ тоже время появляется и Микита, котораго, какъ бѣглаго, водворяютъ на мѣсто жительства въ родное село. Но такъ какъ у Микиты теперь ничего нѣтъ, благодаря пожару, истребившему все имущество отца, то Семень предлагаетъ ему поселиться съ ними и забыть все старое. Микита соглашается, но не къ добру повело это. Хотя онъ теперь совсѣмъ больной, но старая страсть-ревность, помимо воли его, заговорила опять. И вотъ однажды ночью, мучимый болѣзнию и ревностью, онъ рѣшилъ было покончить со спящимъ Семеномъ, и только ласковый голосъ Семена съвозъ сонъ останавливаетъ его. Тутъ встаетъ просыпается Иванъ и пробуетъ успокоить его, но изнемогшая душа Микиты не выдерживаетъ этого послѣдняго испытанія, и онъ умираетъ: по выраженію Ивана, «не здолавъ сердца своего горя»

Какъ видитъ читатель, въ драмѣ г. Крапивницкаго не мало бытовыхъ чертъ, иллюстрирующихъ народную жизнь столько-же въ ея прошломъ, какъ и въ настоящемъ; но много въ ней и такого, что запечатлѣвъ художественностию созданія настоящее, могло-бы служить цѣннымъ матеріаломъ для послѣдующей исторіи народной жизни. На сколько однако вѣрно воспроизведены современные черты малорусской деревенской жизни въ созданныхъ авторомъ драмы типахъ, сказать не рѣшаемся. Намъ кажется, что иное тутъ создано по готовому шаблону, иное почеркнуто изъ другихъ сферъ, а не срисовано съ дѣйствительности. Съ большею увѣренностию можемъ говорить объ общемъ планѣ драмы и соотношеніи его частей. На нашъ взглядъ въ ней нѣтъ центра дѣйствія, и отсутствіе его особенно рѣзко сказывается при чтеніи. Судя по основной мысли драмы, можно думать, что центръ дѣйствія будетъ сосредоточенъ около Микиты, который и явится главнымъ героемъ, въ противовѣсъ-же ему будетъ поставленъ Семень, тѣсно связанный съ судьбой его. На дѣлѣ-же выходитъ, что Семень оказывается совсѣмъ безцвѣтной личностью: она добродѣтельна, какъ личность, но обладаетъ большими пороками, какъ дѣйствующее лицо въ драмѣ, несколько не помогающее оживленію дѣйствія, а напротивъ—наводящее тоску. Да и самъ Микита во многихъ мѣстахъ уступаетъ первое мѣсто Ивану Непокрытому, который, сверхъ ожиданія, и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Авторъ слишкомъ увлекся типомъ Ивана и въ

жертву ему принесъ требованія драматическаго искусства. И правду надо сказать, что типъ Ивана Непокрытаго весьма привлекателенъ: типъ это рѣдкій, но очень характерный въ народѣ, такъ что, при видѣ его, невольно возстаетъ въ памяти мысль о томъ, что истинно - гуманные, высокіе принципы часто скрываются подъ неприглядной съ виду оболочкой. Иванъ—живая, свѣжая сила, въ которой такъ прекрасно слплсь видимая безпечность, такъ сказать—качества «забуддыги» съ любвеобильной, нѣжно чувствующей душой, способной на самыя крайніе подвиги высокаго самоотверженія. Какъ забавно-милъ онъ со всѣми своими шутками, прибаутками во время «вечерницъ», и какъ торжественно-великъ онъ въ моментъ объявленія своего желанія стать замѣстителемъ Семена въ военной службѣ. Вообще нужно сказать, что Иванъ, и по идеѣ, и по выполненію, является на первомъ планѣ въ драмѣ г. Кропивницкаго, вопреки намѣренію автора. Менѣе обрисованъ главный герой—Микита. Это характеръ отталкивающий, хотя вполне естественный, типъ самолюбиваго человѣка, гордящагося тѣмъ, что онъ сынъ старшины. Эта гордость проявлялась у него въ отношеніяхъ къ своимъ односельчанамъ—парубкамъ и дѣвчатамъ и за нее-то его и не долюбливаютъ всѣ. Самолюбіе его больше всего сказалось въ той трагедіи, которую онъ устроилъ по поводу любви своей къ Одаркѣ. Рѣшается онъ дѣйствовать такъ страстно не столько изъ ревности, сколько изъ самолюбія. Его гордый нравъ и самолюбіе въ связи съ неудачей въ любви и ставятъ его въ трагическое положеніе. Въ Микитѣ мы видимъ цѣльную, энергическую натуру, но эгоистически направленную, и авторъ, по нашему мнѣнію, самъ желалъ представить его такимъ, не задаваясь цѣлью вывести на сцену отрицательный типъ въ противоположность положительнымъ Семену и Ивану, а отыскивая въ народѣ не обще-житейскія, заурядныя личности, но выдающіяся, исключительныя, къ какимъ несомнѣнно и принадлежитъ Микита.

Что касается Одарки, то о ней говорить нечего, такъ какъ это избитый типъ малорусской дѣвушки и молодой, который постоянно фигурировалъ въ малорусскихъ произведеніяхъ, начиная съ Наталки Полтавки Котляревскаго и заканчивая повѣстями г. Нечуя. Типъ этотъ обязательно нѣсколько сентиментальный, такъ что слащавость частенько дѣлаетъ его приторнымъ. Этому послѣдняго не избѣжалъ и г. Кропивницкій, томящій публику до тошноты сахаристыми рѣчами Семена и Одарки въ первыхъ двухъ явленіяхъ. Послѣдующія явленія свободны отъ этого недостатка; оживленностію дѣйствія, типичностію бытовыхъ

картинъ они сглаживаютъ непріятное впечатлѣніе отъ указанныхъ двухъ явленій, и мирятъ читателя съ недостатками въ отдѣльныхъ частяхъ драмы.

Другая драма г. Кропивницкаго: «Глитай або-жь Павукъ» дастъ намъ интересный типъ современнаго малорусскаго кулака, который какъ бы глотаетъ всѣхъ и вся вокругъ себя и какъ паукъ онутываетъ сѣтями своихъ односельчанъ. Отъ этихъ качествъ его и драмѣ дано такое названіе.

Этотъ типъ представляеть въ лицѣ разбогатѣвшаго крестьянина Іосифа Бычка. Его всѣ величаютъ «Іосифомъ Степановичемъ», а про себя «глитаемъ» или «паукомъ». Всѣ у него въ матеріальной зависимости; всякій въ нуждѣ обращается къ нему за помощью, и онъ никому не отказываетъ, хотя прежде всего себя не забываетъ. Годъ отъ году Бычокъ богатѣетъ, уловляя въ свои сѣти каждаго, нуждающагося въ деньгахъ. Вместе съ тѣмъ онъ почитъ личную благочестію, и хотя это всякому легко распознается и оцѣнивается по достоинству, но не спасаетъ никого отъ его сѣтей, такъ какъ нужда оказывается сильнѣе всякаго ризсужденія. Одною изъ первыхъ жертвъ его является Мартинъ Хандоля, богатый селянинъ, подверженный однако пьянству и отъ того часто нуждавшійся въ деньгахъ. Бычокъ охотно ссужалъ его деньгами и въ тоже время нарѣвлялъ за долгъ, едва достигающій 150 р., залучить отъ Мартина его «половинъ воли», стоящіе не менѣе 200 рублей. Но не тутъ центръ драматическаго дѣйствія. Въ селѣ живутъ счастливые, но крайне бѣдные супруги—Андрій и Олена Кугуты и при нихъ мать ихъ Стеха, Бычокъ-же, при всей своей богобоязливости, давно уже увлекается Оленой. И мать ея и мужъ въ неоплатномъ предъ нимъ долгу. Чтобы поправить свои дѣла, Андрій рѣшается напиться на годъ къ заѣзжему мѣщанину и оставить на это время родное село и пѣжно любящую мать Олену. Іосифъ Степановичъ помогаетъ ему устроить эту сдѣлку. Проходить больше года, Андрій не возвращается, въ семьѣ его полная бѣда: средствъ къ жизни нѣтъ, платей платитъ нечѣмъ, сама старуха мать убѣждаетъ дочь отправиться на поклонъ къ Бычку, а тотъ все время пристаетъ къ Оленѣ, перехватываетъ письма къ ней мужа, старался уѣдрить ее, что мужъ ее покинулъ. Оленѣ и матери ея грозитъ наконецъ послѣдняя бѣда—продажа хаты съ публичнаго торга. Вся надежда ея, что вотъ-вотъ Андрій возвратится; но тутъ Бычокъ посредствомъ фабрикованнаго имъ отъ Кугуты письма передаетъ ей ложное извѣстіе, будто Андрій «зривъ», полюбилъ другую. Олена въ отчаяніи, она не владеетъ собой, не можетъ здраво рассуждать и, чтобы отомстить мужу за

невѣрность, сама рѣшается отдаться Иосипу Степановичу. Но рѣшимость ея была плодомъ первнаго болѣзненнаго состоянія, близкаго къ помѣшательству. Олена въ домѣ Бычка, она нервно весела, Бычокъ торжествуетъ. Но и для него скоро становится яснымъ, что съ Оленой что-то неладно: рѣчи ея исполнены ажитациі, которая усиливается съ каждой вновь вышитою чаркой. Три дня спустя возвращается Андрій, и пока онъ мучится надъ разгадкою случившагося, Бычокъ въ свою очередь мучится при мысли о скоромъ возвращеніи Андрія и при видѣ почти сумасшедшей Олены. Андрій спѣшитъ къ Бычку, а въ это время его Олена появленіемъ изъ другой комнаты окончательно убѣждаетъ Бычка и всѣхъ бывшихъ въ его домѣ въ своемъ безумствѣ. Входитъ Андрій; при видѣ его, она какъ-бы опомнилась, но черезъ нѣсколько минутъ отъ сильнаго волненія упала мертвою. Тутъ только Андрій узнаетъ, что она была жертвою низкаго обмана, и, видя крайній предѣлъ своихъ страданій, бросается на «глитаю» и убиваетъ его.

Начерченный въ драмѣ типъ кулака деревенскаго, можетъ быть, и дѣйствительно распространенный теперь типъ; но только намъ кажется, что драматическая завязка—сластолюбивые замыслы Бычка едва-ли типичны для украинскаго міроѣда. Онъ настолько бываетъ поглощенъ матеріальными расчетами и соображеніями, что для страсти любовной у него обыкновенно не остается мѣста въ душѣ. Что до частностей піесы, то они кажутся намъ еще менѣе естественными и возможными хотя-бы въ нынѣшней сельской средѣ. Болѣе натуральности, по видимому, въ остальныхъ типахъ. Такъ въ разбираемой драмѣ мы впервые встрѣчаемся съ женскимъ характеромъ,—до сихъ поръ большинство женскихъ ролей отличалось сентиментальностью и почти не имѣло личности, своего «я». Олена съ своими страданіями обнаруживаетъ признаки характера; но драматизмъ ея положенія не обусловленъ ея личнымъ характеромъ, а волей рока, случайностями и характерами другихъ лицъ, благодаря которымъ она очутилась въ трагическомъ положеніи, между тѣмъ въ искусствѣ гораздо большее впечатлѣніе производитъ то или другое трагическое положеніе въ зависимости отъ характера лица. Это обстоятельство авторъ, кажется, упустилъ изъ виду и потому хотя въ драмѣ главными трагическими героями являются Олена и Андрій (постѣдній слишкомъ мало дѣйствуетъ), но не на нихъ сосредоточенъ весь интересъ, а на Бычка, ради котораго онъ вставилъ цѣлыя сцены, не имѣющія никакого отношенія къ главному сюжету драмы, а только бросающія новый свѣтъ на черты кулачества, міроѣдства, какъ напримѣръ: весь эпизодъ съ Мартиномъ Хандолею и постепеннымъ паденіемъ его, благодаря «глитаю», а равно—все первое явленіе 4-го дѣйствія, въ которомъ,

въ ущербъ оживленности дѣйствія, идетъ разговоръ двухъ крестьянъ о разныхъ кулаческихъ продѣлкахъ «глита».

Въ заключеніе, нельзя все таки не сказать, что и эта драма г. Кропивницкаго даетъ нѣсколько бытовыхъ оживленныхъ картинъ и вполне художественныхъ сценъ, такъ что читатель нисколько не пожалѣетъ, если возьметъ книгу г. Кропивницкаго и прочтетъ эту горестную, хотя и не во всѣхъ частностяхъ точную, повѣсть нашихъ дней.

О третьей драмѣ г. Кропивницкаго «Невольникъ» приходится сказать немного, такъ какъ она является передѣлкой всѣмъ извѣстной поэмы Шевченка того-же заглавія. Самый сюжетъ дышетъ исторической правдой, и хотя въ передѣлкѣ г. Кропивницкаго онъ не достигаетъ полного развитія драматическаго дѣйствія, вслѣдствіе чего и самъ авторъ назвалъ піесу «драматическими картинками», — но отдѣльныя сцены составлены такъ художественно и типично, что оставляютъ самое благопріятное впечатлѣніе въ читателѣ и зрителѣ. Особенно мѣтко схвачены въ 3-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ запорожскій лагерь и запорожцы въ темницѣ. Что-же касается 1-го и 2-го дѣйствій, а особенно 1-го, то они должны быть слишкомъ скучны на сценѣ, какъ лишенные всякаго драматизма.

Послѣдней, четвертой піесой въ книгѣ является шутка-водевиль «Помирились», въ которой очень живо схвачены нѣкоторыя сценки мѣщанской жизни; тутъ на первый планъ выступаетъ безпросвѣтная темнота мѣщанина Панаса Гурина, попавшагося въ руки мѣстнаго «аблоката» и, конечно, жида-шинкаря Гершка. Хотя во многихъ мѣстахъ допущены авторомъ шаржъ, но въ общемъ водевиль этотъ можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ, среди необильныхъ малорусскихъ драматическихъ піесъ.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о языкѣ драмъ г. Кропивницкаго. Конечно, тѣ сюжеты, которые избраны авторомъ для своихъ піесъ, много способствовали тому, что языкъ въ нихъ безукоризненно хорошъ, такъ какъ простонародная обстановка совершенно легко можетъ быть передана на малорусскомъ языкѣ, у насъ (мы не говоримъ о Галиціи) являющемся только языкомъ простонародія; но нельзя не видѣть въ то-же время, что г. Кропивницкій особенно хорошо и талантливо воспользовался матеріалами этого языка: всѣ слова и выраженія у него чисты, мѣтки и образны, особенно въ драмѣ: «Дай сердцю волю», въ которой почти на каждомъ шагѣ попадаются прекрасныя поговорки, прибаутки и пословицы, заставляющія отъ души посмѣяться и въ то-же время задуматься надъ силою и мѣткостью народнаго ума и

способностью его подыскать въ своемъ родномъ языкѣ равносильно мѣткія выраженія.

2) *За крашанку—писанка. Ц. Ол. Кулішевъ. Написавъ Данило Сліпченко-Мордовецъ.* Спб. 1882 г.

Извѣстныя двѣ книжечки г. Кулиша «Хуторна поезія» и «Крашанка», изданныя въ Галиціи, вызвали многихъ на размышленія о томъ, что сдѣлалось съ г. Кулишомъ въ послѣднее десятилѣтіе, начиная съ пресловутой „Исторія возсоединенія Руси“. Постояннымъ читателямъ „Кіевской Старины“ обѣ эти книжки знакомы по рецензіи, помѣщенной въ іюньской книжкѣ прошлаго года, а потому не будемъ останавливаться на поводахъ къ написанію г. Сліпченко-Мордовцемъ своего отгылка на „Крашанку“ г. Кулиша. Въ формѣ живаго разговорнаго языка г. Сліпченко-Мордовецъ старается освѣтити и разяснити поведеніе Кулиша, который „перекинувся задля культуры польскои, задля лакомства цивилизаціи и слова свободи“. Много тутъ отмѣчено темныхъ пятенъ въ жизни когда-то знаменитаго вождя украинской интеллигенціи, и благодаря прекрасному, сильному, острому слову г. Сліпченко-Мордовця, пятна эти проглядываютъ такъ рѣзко, что читателю приходится повторить вмѣстѣ съ авторомъ слова: „Панько вмеръ для Украины!“, да заучить нѣсколько строчекъ изъ стихотворенія, шутливо посвященнаго тутъ-же г. Кулишу.

Вінъ Тарасови ¹⁾ другомъ, бачъ, звався,
Щиримъ другомъ и Галці ²⁾ вінъ бувъ;
А теперъ у переднімъ кутку за кордономъ
Вінъ й рідную матіръ забувъ!

Чѣмъ-же объясняется все превращеніе въ Кулишѣ? А тѣмъ, что „вінъ — велика таки сила, велика душа; та тільки гордость ёго велику душу задала“—говорить г. Сліпченко-Мордовецъ. «L'Oukraïne—c'est Kouliche!»—отъ-що написано у ёго на прапорі. А потому, когда сего не признали, Кулишѣ прийшовъ за кордонъ зъ своимъ каганцемъ, котрый ёму погасъ бувъ у Мотронівці. ³⁾

Книжка г. Сліпченко-Мордовця такъ хороша, что трудно рѣшить, какое мѣсто въ ней характернѣе всего; пришлось-бы переписать почти

¹⁾ Шевченко.

²⁾ Іеремія Галъ—псевдонимъ Н. И. Колтомова.

³⁾ Имя г. Кулиша.

всю книжку, а потому, предлагая читателямъ обратить на нее особенное вниманіе, мы ограничимся только одной еще замѣткой автора, сказанною по поводу слѣдующихъ словъ г. Кулиша въ «Исторіи воссоединенія Руси»: «отверженіе многого, что написано Шевченкою въ его худшее время, было-бы со стороны общества актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умнозступленіи своемъ. Усе мнится, одна правда zostается—говорить наша пословица». — Вона, ця правда, замѣчаетъ г. Сліпченко-Мордовецъ, «и zostалася, тільки не Кулишеви досталася, а тому, кого вінъ докорявъ буцімъ-то неправдою».

За злыми людьми и хата не горитъ. Казка Алексѣя Грабины. Кіевъ 1882 г., ц. 10 к.

Эта слабенькая по мысли и по выполнению сказка, сочиненная А. Грабиною, невѣдомо по какимъ побужденіямъ, представляетъ изъ себя искусственно созданный рассказъ о томъ, какъ лѣнивый мужикъ хотѣлъ сначала повѣсптись (неизвѣстно, впрочемъ, почему); но судьба распорядилась иначе—веревка оборвалась, и его застала жінка на мѣстѣ преступленія; затѣмъ онъ безнечно живетъ, пользуясь трудами жены; наконецъ отъ непосильныхъ трудовъ жена умираетъ, и онъ, по совѣту невѣдомо откуда взяшагося племянника, поступаетъ на службу въ экономію въ качествѣ плотника, откуда выкрадываетъ при содѣйствіи племянника колеса и причетъ въ своей избѣ. Затѣмъ случился пожаръ въ его домѣ; онъ, боясь, чтобъ не открылась исторія съ колесами, мѣшаетъ людямъ тушить пожаръ, но въ концѣ концовъ все обнаружилось, и онъ попалъ въ острогъ. Разсказано это хорошимъ народнымъ языкомъ, но почему сіе важно?—только и остается спросить автора.

4) *Опэвиданнѣ про комахъ Яка одѣ ихъ користь або шкода въ господарстві (съ 45 малюнками).* О. Степовика. Кіевъ 1882 г. ц. 50 к.

5) *Про дифтеритъ, або обкладки для сельян и хуторянъ на Украйні.* Зложивъ лікаръ М. Хведоровський. Харьковъ 1882 г. Ц. 10 к.

Обѣ эти книжки, изъ которыхъ первая довольно велика по объему, представляютъ научно-популярное изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы простому человѣку въ его хозяйствѣ и семейной обстановкѣ. Мы въ прошлой статьѣ сказали уже нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое могутъ имѣть подобныя книжки, будучи распространены въ народѣ на удобопонятномъ для него родномъ языкѣ. Особенно вторая, «Про дифтеритъ», явилась, какъ нельзя болѣе, кстати, такъ какъ въ ней указываются необходимыя средства и при томъ весьма доступныя

крестьянину для борьбы съ этимъ бичомъ нашихъ сель. Что-же касается первой, то конечно свѣдѣнія о насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ, принесутъ пользу сельскому жителю, иногда, по невѣдѣнію своему принимающему полезное насѣкомое за вредное и наоборотъ, а еще чаще не обращающему вниманія на истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ. Мы боимся только, что значительный объемъ книжекъ, а вслѣдствіе этого и сравнительно высокая цѣна ея помѣшаютъ ей распространиться въ народѣ, т. е. тамъ, гдѣ слѣдовало-бы. Обѣ книжки эти написаны очень хорошимъ, простымъ, понятнымъ языкомъ.

Итакъ только 5 самостоятельныхъ новыхъ книжекъ дополнили въ 1882 г. необширную малорусскую литературу; но за то смѣло можемъ сказать, что 4 изъ нихъ качественно значительно увеличили ея достоинство.

Въ слѣдующей, послѣдней статьѣ мы познакомимъ читателей съ новыми переводными малорусскими изданіями 1882 года.

Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кievскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 г.

Г. Андріевскій продолжаетъ въ нынѣшнемъ году изданіе своего интереснаго археографическаго матеріала, который онъ извлекаетъ изъ архива кievскаго губернскаго правленія. Только что вышедшій 5-й выпускъ заключаетъ въ себѣ 27 номеровъ—это частью цѣльные документы, напечатанные «in extenso», частью подробные экстракты изъ встрѣтившихся ему въ архивѣ дѣлъ, представляющихъ историческій интересъ.

Половина почти книги (№ 1—7 и 18—23) содержитъ дѣла, возникшія по поводу гайдамацкихъ набѣговъ на польскія области (1751—1752 г.) и дѣла пограничной комисіи, судившей взаимныя претензіи русскихъ и польскихъ подданныхъ. Въ числѣ дѣлъ о гайдамакахъ помѣщено нѣсколько интересныхъ показаній, данныхъ гайдамаками о своихъ походахъ въ польской Украинѣ; главнымъ образомъ показанія эти описываютъ походы тѣхъ гайдамацкихъ отрядовъ, которые формировались въ окрестности Кіева и предпринимали походы главнымъ образомъ въ кievское Подлѣсье; особенно интересенъ допросъ (№ 3) «двухъ Грицьковъ»: Киселенка и Шароменка, принимавшихъ участіе

въ набѣгѣ, который предпринять былъ на лодкахъ по Днѣпру, Припяти и Сожи; кромѣ интересныхъ подробностей самаго похода, къ допросу приложены списки сообщниковъ подсудимыхъ съ весьма характерными подробностями о мѣстахъ ихъ жительства и укрывательства. Въ допросѣ гайдамака Василя Сѣраго (№ 2) мы встрѣчаемъ разсказъ о походѣ многочисленнаго гайдамацкаго отряда, сформировавшагося въ предѣлахъ запорожскихъ степей съ участіемъ многихъ запорожцевъ; отрядъ этотъ вступалъ въ сраженія съ военными командами, угонялъ стада изъ крупныхъ экономій и благополучно съ добычею возвратился обратно въ степи. Интересна переписка гетмана Браницкаго (№ 7) съ русскими властями, возникшая по поводу набѣга польскаго полковника Ортынскаго на запорожскіе зимовники, гдѣ онъ произвелъ убійства и грабежи подъ предлогомъ преслѣдованія гайдамаковъ. Браницкій старается всячески выгородить своего подчиненнаго и упорно не понимаетъ того обстоятельства, что нападеніе вооруженнаго отряда на чужую территорію нарушаетъ основныя положенія международнаго права. Изъ дѣлъ пограничной комисіи особенно интересно дѣло кіево-печерскаго архимандрита Зосимы (№ 22), жаловавшагося на шляхтича Спендовскаго за то, что послѣдній въ жалобѣ, поданной въ пограничную комисію, «обезчестилъ отца Зосиму и весь соборъ непристойными терминами». Послѣ долгихъ проволочекъ, пограничная комисія признала жалобу о. Зосимы справедливою и присудила Спендовскаго къ аресту и штрафу, но былъ-ли исполненъ этотъ приговоръ, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ слѣдуютъ дѣла о польскихъ шляхтичахъ, поступавшихъ въ русское подданство или службу, и объ отношеніяхъ ихъ къ малороссійскимъ жителямъ (№ 8—10). Документы, относящіеся къ столкновеніямъ сербовъ, отправившихся для поселенія въ Славяносербію съ жителями Кіева и Малороссіи (№ 11—13); между ними оригинально предписаніе генераль-губернатора Леонтьева кіевскому магистрату о томъ, чтобы мѣщане подольскіе обходились съ квартирующими у нихъ сербами «дружелюбно и ласково, а не грубіански». Распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе жалобы, поданной генераль-губернатору о томъ, что «подольскіе обыватели и многіе студенты насмѣхаются надъ сербами, обыгаютъ ихъ цыганами и, замѣтивъ у ихъ женъ голокной уборъ, утыканный булавками, утверждаютъ, что они прибыли въ Кіевъ для торговли булавками».

Изъ остальныхъ документовъ, относящихся къ разнообразнымъ дѣламъ, болѣе интересны: вѣдомость составленная кіевскимъ магистратомъ

о состояніи промысловъ и торговли въ Кіевѣ въ 1775 году (№ 15) и распоряженія о производствѣ промѣрки фарватера на Днѣпрѣ и Сожи въ 1784 году (№ 25).

В. А.

Мѣстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса. 1883 г.

Открытие статистическихъ отдѣленій при земскихъ управахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южнаго края (черниговской, полтавской и херсонской), оказало важную услугу научной литературѣ, помимо той практической пользы, которую учрежденія эти принесли земствамъ, доставляя имъ возможность точно опредѣлить дѣйствительную стоимость земель, облагаемыхъ земскимъ повинностями, и имѣть несомнѣнные данныя о бытѣ и нуждахъ народонаселенія, подлежащихъ удовлетворенію со стороны земскаго управленія. Для близкаго знакомства съ краемъ, съ его экономическимъ положеніемъ, съ его мѣстною этнографіею и исторіею, изданія статистическихъ отдѣленій земскихъ управъ даютъ громадный матеріалъ и, нужно отдать справедливость, матеріалъ разработанный весьма тщательно и добросовѣстно съ соблюденіемъ точныхъ научныхъ пріемовъ. Книжка, заглавіе которой выписано выше, представляетъ какъ-бы образчикъ большаго труда, заготовляемаго статистическимъ отдѣленіемъ херсонской земской управы.

Кромѣ обильнаго и тщательно сгруппированнаго статистическаго матеріала, относящагося къ даннымъ о народонаселеніи, его движеніи и сельско-хозяйственной производительности, въ первой главѣ мы находимъ весьма интересныя свѣдѣнія объ исторіи основанія поселенія, о способахъ его колонизаціи, о возникновеніи условій вѣчнаго чиншеваго права съ разными его видоизмѣненіями и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія подкрѣпляются свидѣтельствами документовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе приведены цѣликомъ въ текстѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе весьма точно собранныхъ данныхъ, относящихся къ этнографической характеристикѣ народонаселенія. Описаны типическія постройки домовъ и хозяйственныхъ службъ, типическая обстановка и убранство жилищъ, мѣстный костюмъ и его украшенія, пріемы и орудія сельско-хозяйственнаго труда и т. д.

Вообще просмотрѣвъ книгу, читатель не только выноситъ полное знакомство съ описываемою мѣстностью, но также убѣжденіе, что при точномъ изученіи даже единичныхъ мѣстностей края, открываются столь многочисленныя и богатыя научныя данныя, сводъ которыхъ можетъ дать единственную полную картину какъ прошедшаго, такъ и современнаго намъ состоянія края.

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ЖИЗНЬ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ ПО РАЗСКАЗУ СОВРЕМЕННОКА-ОЧЕВИДЦА ¹⁾.

Оставивъ островъ Хортицу, мѣсто бывшей Запорожской Сѣчи, первой по времени, основанной въ 1554 г. княземъ Д. И. Вишневецкимъ, я направился внизъ по Днѣпру къ мѣстечку Никополю, чтобы отсюда сухимъ путемъ подняться на сѣверъ въ село Чернышевку или Красногригорьевку, екатерипославской губерніи, вторую по времени у запорожцевъ Сѣчь, основанную около 1568 года. Отъ Хортицы Чернышевка отстоятъ на разстояніи шестидесяти верстъ, отъ Никополя—на разстояніи восемнадцати. Проѣхавъ Никополь, слоб. Ниеолаевку, село Нечаевъ, балку Княжѹ, я очутился въ самой Чернышевкѣ. Село—одно изъ большихъ, имѣетъ до 5 тысячъ жителей обоюго пола, одну каменную церковь, двѣ школы, волость, нѣсколько лавокъ... Я остановился въ домѣ становаго пристава Н. П. Корнилова. Первымъ моимъ дѣломъ было осмотрѣть мѣсто Сѣчи, а затѣмъ уже обратиться къ старикамъ, стоящимъ болѣе или менѣе близко ко времени запорожскихъ козаковъ. Сѣчь осмотрѣлъ я постепенно, въ теченіе трехъ дней и только тогда обратился къ старикамъ. Мнѣ указали на двухъ стариковъ: Федора Степановича Заброду (онъ-же Баранцовъ) и Ивана Игнатьевича Россолоду (онъ-же Недоступъ). Изъ нихъ первый былъ въ теченіи

¹⁾ Отрывокъ изъ имѣющагося вскорѣ выйти сочиненія: «Поѣздка на Запорожье».

25 лѣтъ сторожемъ казенныхъ плавень, жилъ на самой Сѣчи (на островѣ, по-теперешнему Городище, по-козацки Томаковка) и рассказываетъ о дѣлахъ не такъ давно прошедшихъ, второй живетъ на мѣстѣ своего отца запорожца и рассказываетъ о дѣлахъ очень давно прошедшихъ. Сообщенія послѣдняго, конечно, интереснѣе сообщеній перваго. По собственнымъ расчетамъ Россолоды, ему около 113 лѣтъ; уже двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ не пьетъ водки и не ѣстъ мясной пици: однѣ „пампушки“ съ медомъ да мягкій хлѣбъ поддерживаютъ его брэнное существо. Старикъ—довольно высокаго роста, худощавъ, держится сутуловато, имѣетъ узкую, средней величины бороду, на головѣ длинныя, густыя волосы, едва только посеребренныя сѣдиной. Онъ чрезвычайно богомолецъ: каждый воскресный и праздничный день пѣшкомъ ходитъ въ церковь, живетъ отдѣльно отъ семьи, въ кельѣ, построенной въ саду, надъ рѣкою. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ со стороны всѣхъ своихъ односельчанъ необыкновенное уваженіе. Дѣйствительно, старикъ имѣетъ въ себѣ какую-то неотразимую симпатію, невольно заставляетъ уважать себя. Онъ говоритъ мало, не болѣе 20 минутъ, затѣмъ устааетъ и засыпаетъ, но за то слова его звучатъ какъ гласъ какого-то ясновидца, какъ рѣчь ветхаго деньми патріарха. У Россолоды—три сына, онъ живетъ у меньшаго, выполняя по преимуществу роль няньки для своихъ маленькихъ внучатъ.

Нужно при этомъ сказать, что сообщенія Россолоды относятся собственно къ тѣмъ изъ запорожскихъ козаковъ, которые жили въ запорожскихъ степяхъ по зимовникамъ, т. е. хуторамъ и назывались у запорожцевъ, по словамъ самого-же Россолоды, *сиднями* или *гнѣздюками*. Главныя ихъ занятія были: разведеніе скота, пчелы, ловля рыбы, охота, различныя ремесла. Они имѣли право жениться, но за то трактовались какъ подданные товарищества запорожскаго, т. е. тѣхъ безженныхъ, холостыхъ козаковъ, которые жили въ Сѣчи и которые, кромѣ войны, ничего знать не хотѣли. Къ такимъ-то гнѣздюкамъ или сиднямъ запорожскимъ принадлежалъ и отецъ Россолоды, Игнатъ Недоступъ, по крайней мѣрѣ подъ старость.

Было воскресенье, когда я явился къ Россолодѣ, прямо въ садъ, въ „келію“. Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я объяснилъ о цѣли своего прихода къ нему и

тотъ часъ-же приступилъ къ разспросамъ о житьѣ-бытьѣ запорожцевъ.

— Скажи дѣду, ты не чувъ ничего про запорожцівъ?

— Якъ не чувъ, коли мій батько та бувъ изъ самихъ тихъ запорождівъ.

— Онъ якъ!

— Такъ саме. Сперше вінъ бувъ служкою, коли чули, у Перебийніса.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Ну, такъ отто вінъ бувъ служкою, бачивъ ту Січу, ходивъ и на війну, а потімъ zostавивъ Січъ та й сівъ землянкою о тутъ саме, де й я сижу; сівъ землянкою та й женився, уже старенькимъ, таки годъ шестьдесятъ, мабуть, було. Довго покійникъ живъ... Найстаршимъ и найлюбіишимъ синомъ бувъ у ёго я. Оце було якъ загуляе, заразъ: „эхъ, Ясько будешъ у мене запорожець!“ Вінъ и водивъ мене по запорожськи: обрие голову, та такъ и ходишь, якъ салотовка.

— А бривъ чимъ?

— Бритвою. Гостра така була, то наче вінъ гладѣ, а не бреить.

— Такъ ты, дѣду, изъ запорожцівъ?

— Изъ запорожцівъ, и самъ трохи запорожець.

— Ну, то-жъ не чувъ ты, звідкіля вони набірались?

— Видно всюди. Вони приймали усякого: де хто съ-підъ пана утече, приймуть; де відъ батька та відъ матери біжить, приймуть; де який жінку покине, та такъ абы докотивъ до Січи, то й живе, приймають усіхъ. Прийде було до ихъ чоловікъ голый, босый, а вони ёго уберуть, якъ пана, бо у запорожцівъ тіхъ суконъ, грошей, одежи, такъ якихъ хочешъ сортівъ и скілько завгодно. Инколи такъ и дітей хапали по городамъ: примане гостинчикомъ та й ухоче.

— Ну, а зодягались запорожці добре?

— Зодягались добре, ходили браво, чепурно. Вони, бачите, головы брили: обрие голову та ще й мыломъ намаже, щобъ добре, бачъ, волосся росло, zostавляли одну тільки чуприну, довгу таку, зъ аршинъ мабуть, та чорну та кучеряву: замота за вухо разівъ два та й повісе, таъъ вона й висить ажъ до самого плéча. А иншій такъ візьме та

перевьяже ту чуприну стрічкою, закруте її на лобі та такъ и спить, а у ранці якъ роснуєте, такъ вона зробиця, якъ хвість у вівци. То все на выхвалку. Бороды тежъ брили, одни вусы тілько були; вусы довги кохали; оце якъ нахвабритъ ихъ, якъ начернять та якъ рощеше гребінкомъ, такъ хочъ вінъ и старый, а такий козакъ выйде, що хить-хить! Довгени вусы були: иншій підніме ихъ та позаклада ажъ за вуха, такъ вони ще нижче вухъ звисають... Здоровый народъ бувъ, пикатий, та таки, якъ пообточувани. Одежа у ихъ усе на дроту, на шовковихъ шнуркахъ, та на бавити (на ватъ); сукна тонки, усяляхъ цвѣтівъ: було зелене, червоне, було голубе, хто якого пожелавъ, тілько сорочка своєї рукодія: бамаги ще тоді не знали. На голову надівали високу шапку, гостру, околиця смушева, пальцівъ три ширины, а вершокъ сукопный на бавити, червоный, або зеленый, зъ золотою перепескою, а на самому вершечку ще й китиця висе. Шапки усе по курінямъ, який курінь, такий и цвѣтъ на шапці. Оце якъ накладати шапку, то заразъ одділе отъ чуприны пучечокъ волосся, чуприну замота за вуха, а пучечокъ напусте на передъ, та тоді вже й шапку наклада. Якъ наложивъ шапку, то вінъ уже и козакъ. Потімъ уже надіває каптанъ, червоный, зъ гудзиками на шовковихъ шнуркахъ, увесь на зборахъ: и по бокамъ и спереду, а на спині зъ усякими полосами, повималюваными та позакорлючеными; застебне той каптанъ гудзиками та ще й підьяже поясомъ, або шалевимъ, або тілько на половину перетканнымъ шовкомъ; поясъ робивъ широкий: вінъ спускався низче живота, а хватавъ ажъ підъ руки. Не такий якъ теперъ, що замотують скілько тамъ разівъ на животі та ще й вузломъ завьязують, а такої буде довжини, скілько треба, щобъ обхватити одинъ разъ живітъ чоловіка,—похожий на ті, що роблять черниці попамъ. Вінъ бувъ на гапличкахъ, зъ нряжечками, зъ ремінчиками для пістолівъ та для люльки, съ китицями зъ заду, разнихъ цвѣтівъ: були зелени, жовти, голуби. Ото якъ надіне червоный каптанъ, тоді уже зверхъ ёго надіває черкеску, або жупанъ. Це вже довге таке та просторе, съ широкими рукавами, тежъ на шнуркахъ, отаке наче якъ у попа підрязникъ. Черкеска на цвѣтъ уже голуба; каптанъ червоный, а черкеска голуба, або синя. Якъ надівъ на себе черкеску, то заразъ пристѣбуе гапли-

комъ рукава до камтана, коло самої кисти, отъ воно й виходе, що коло кисти рукавъ вузенькій, а дальше, підъ мышками широкий та ще й съ проріхомъ, а здали такъ воно здаеця, що у ёго чотири рукава: два на бокахъ, а два на спині. По тімъ рукавамъ и пізнають було, де запорожець. Отака-то вона та одежа була; добра була, усе на шнуркахъ, на гудзикахъ, на гапликахъ та на бузументахъ. Штаны простори були, суковни, усякихъ цвітівъ, а найбільшъ синего цвіту, матни въ штанахъ таки, що ажъ до землі, такъ наче волочитця що; якъ пде запорожець, такъ и слідъ за собою замітає. Штаны були на очкурахъ, а очкури або шовкови, або вовняни, зъ золотими китицями на обохъ кінцяхъ. А носились штаны якъ ость по турецьки: холоши не за голянища закладувались, а привязували зверху сапьяною, або шовковою підвязкою, та такъ, що й сама підвязка ховалась підъ штаны: її зовсімъ и не видно було, тільки и вздришъ срібни або золоті китици відъ неї. Якъ иде козакъ, такъ ти китици такъ и таліпаютця изъ підъ штанівъ. Чоботи у запорожцівъ були сапьянови, червони, жовти, зелені, съ срібними або золотими підковками. Чобіть такъ и не вбачишъ: одні ніски та закаблуки й видко; такъ вони свої штаны напускають на чоботи. Здалека наче баба въ ющі стоять. Оце вамъ и одежа запорожська. Дорога була, та тільки не всі вони такъ гарно и обряжувались. Бувало й такъ: обрие голову запорожець, зав'яже її платкомъ, натягне на себе опончину, надіне патюночки та й ходе такъ, якъ яка звірюка.

— Добре, дідусю! А скажи теперъ, дідусю, чимъ-же занимались запорожці?

— Та чимъ занимались? Усімъ. Межъ ними були усякі сословія: шевци, кравци, ковали, ганчари, були столяри и такі майстри, що робили гарбичкі, вози; тоді ціхъ німецькихъ бричокъ не було, а були невелички вози, абы хлібъ перевезти; були таки, що табуны стерегли, за товаромъ (рогатимъ скотомъ) гляділи, коло отаръ стояли, ці вже и звання імїли: *чабаны*, а то таки були, що й огородину розводили: капусту, кавуны, дини, огірки, табакъ, були лікарі таки, що рапы залічували, відъ гадюкъ відшептували, межъ ими були и *хлопці*, що начальству та старшині запорожські прислужували. Усякихъ було. Гра-

бари були, що копали колодязи та лѣхи (погреба), де яки сиділи по пасікамъ, де яки й хлѣбъ засівали. Земля була у ихъ вільна, обтова, степівъ не ділили: де хто оббере собі місто, де кому охота припаде, тамъ и сіда. Ты живешъ тамъ, тамъ и владій. Копай собі землянку, заводь худобину яку та й кочуй, тільки уже звись не лицаремъ, а *сиднемъ*, або *міздюкомъ*, *гrecькосіемъ*. Цей уже и женився, відъ того вінъ звався ще баболюбомъ. Худоба то ёго и богатство було. А ті, що йшли на війну, ті вже тамъ розживались. Розбивали разни ~~города~~ лядськи та турецьки, та тамъ ~~забирали~~, що тільки знали. Найбільшъ воювали съ туркомъ та татарвою, сусідське діло: татари жили на тімъ боці (на лѣвомъ) Дніпра, а запорожці на цімъ (на правомъ), такъ ото вже частенько приходилось имъ битця. Ватько було часто розказують ¹⁾ про баталіи съ туркомъ. Оце якъ ускочуть запорожці у який турецький городъ, то заразъ его съ трехъ концівъ запалюють, а на четвертому постановлятця та й вижидають турківъ, та якъ біжать яки, то заразъ ихъ тутъ-же й покладають. Отакимъ маніромъ якъ перебьють мужиківъ, тоді вже по хатамъ за жінокъ та за дітей. Ускоче який у хату, та заразъ глядить у пічъ, чи нема тамъ паляницъ. Якъ е, то понастромля ихъ на ратище, повитяга та въ міхъ. Потімъ бере добро, яке есть, а далі вже беретця за жінокъ та за дітей. Дітей поставе до стіны у рядъ, придаве ихъ лавою підъ горло, такъ вони одъ разу и подушутця. Отакъ витворяли запорожці съ турками, а найлучше зъ ляхами. У лядську землю якъ ускочуть, то першъ усего лулють жидівъ, а потімъ уже берутця за нанівъ, а народа не трогають. Нападуть на якого пана, то заразъ допрошують, де гроши. Гляди, вінъ не піддаецця, тоді: „а ну, хлопці, надіньте на ёго червону шапку!“ Це-бъ то: а знімить зъ ёго головы кожу! То хлопці такъ якъ пить дадуть, облуплять ёму голову. А якъ и тоди не піддаецця, то вже отаманъ кричить: „нуйте ще червони чоботы ёму!“ Це вже, підшвартьте ёму ногц, або знімить зъ ихъ кожу! Живо й чоботы ёму дадуть. Тоді вже панъ признаецця, де й гроши, де й що друге.

¹⁾ Объ отцѣ и матерѣ малороссы, даже заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

Здорови були вояки. Батько старымъ уже були, а якъ почнуть розсказувати про запорожську удаль, про те, якъ вони били татарь та турокъ, та якъ и ихъ кришили турки, та якъ скинуть сорочку та покажуть своє тіло, такъ воно усе якъ те решето побито кулями, а мпякіть на ногахъ, такъ такъ и тілінайтця. Таки-то ті запорожці.

— Не вже жъ, діду, запорожци усе воювали та воювали и не було имъ спочину?

— Якъ не було? Бувъ и имъ спочинъ Вони оце бьють—бьють ляхивъ, або туркивъ, а потимъ якъ прийдуть на Січъ та якъ загуляють, такъ неділи дві, або три куражуть. Горілка була дешева, такъ вони ту горілку, медъ, пиво, якъ воду тягнуть; танцюють, музики водять, у карты грають. А якъ полягають коло куринівъ, то попихують изъ люлекъ, балакають міжъ собою та радятця, звидкиля знову заходити на турківъ.

— Такъ вони и люльки курили, кажешъ?

— А якъ же? Це саме перше діло було у запорожцівъ. А же жъ вы чули про того отамана, що балакають, якъ принесли ему паску на Великъ-день, а вінъ замість того, щобъ розгівлягця и каже козакамъ: „нехай, хлонци, паска постое, а мы перше люльки потягнемъ“—ото жъ воно саме у запорожцівъ и було: люлька у ихъ саме перша подруга. У запорожцівъ отъ ще що водилось: окрімъ того, що кождній козакъ имівъ собі люльку, а то ще й у кожному куріні була обчеська, велика люлька, повицяцькувана бляхами, намистами, выбита гвіздками¹⁾.

— Кажешъ, діду, що запорожци и музики водили?

— Водили.

— На чімъ же вони грали?

— На всякій усячині: на ваганахъ (лотки), на рилляхъ, на басахъ, на цимбалахъ, на сонилкахъ, на свистунахъ, на кобзахъ, на чімъ попало, на тімъ и грають. Оце якъ заграють, скільки тамъ е музикантівъ тіхъ, такъ ажъ сама земля танцюе.

¹⁾ Одну изъ такихъ трубокъ миѣ удалось найти въ селѣ Покровскомъ екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сѣчь. Трубка имѣеть больше четверти длины и около четверти толщины.

— Ну, а сами запорожці добре тапцювали?

— О, танцювали уже такъ, що противъ нихъ ніхто на світі такъ не вытанцює. Увесь день музыканты не вгамують ихъ.

— Ты сказавъ, діду, що запорожці грали на кобзахъ,—шо це воно таке?

— Це отъ шо: кожа зъ ягнати надута, а въ кожу уставленъ пищикъ зъ дирочками; якъ хочешъ грати, то бери кожу підъ ліву руку, а пищикъ у ротъ, тоді рукою придавлюй кожу, а пальцями перебирай по дирочкамъ, отъ вона тобі и гратиме, ото воно тобі й кобза.

— Розкажи жъ теперъ, дідуно, яки були у запорожцівъ постройкі, у чімъ вони жили, чи були у ихъ кріпости.

— Кріпости? Січъ—ото у ихъ саме кріпость: коло неї були окопы, вали, а въ середині дзвіниця була така, що въ неї и пушки ставлялись. Ото и всі кріпости, а більші не чувъ, щобъ робили. А жили вони скрізь по степахъ, кущами, въ землянкахъ, або по ихнему *бурдюгахъ*, такъ чоловікъ по п'ятнадцять, двадцять, а то й менші. У Січі такъ тамъ усе по курінямъ, по скілько тамъ сотъ чоловікъ, та й куріни були великі, ставлялись курінь до куріня причілкою, а въ нихъ були стовбы и сволоки, а тутъ такъ просто усе було: одни двери та одно віконце, маненьке та таке якъ тарілочка кругле, а то й зовсімъ безъ вікна. Оце выкопа яму, обставе її, чимъ тамъ попало, обліне, обмаже, поставе мечеть (хлібъ пекти), зроби кабицю (страву варити) та й живе. Димарівъ тоді не було. Зимою якъ роспале камінь, такъ вінъ ажъ горить: уже холодно не буде. Де у якихъ землянкахъ було и вбранство: по стінамъ висіло оружжа всяке, а на покуті стояли образи, усе розмалевани, підъ золотомъ; по підъ стінами ставляли лавки, ослончичики, щобъ було де сісти. Землянокъ запорожці ніколи не замыкали, якъ ідуть куди, або йдуть, то такъ и кидаютъ ихъ; ніхто нічого не зачепе. У ихъ такъ, шо хто хочъ, той и заходь у землянку, якъ хочешъ їсти, розводь огонь, бери казанъ, вари страву, яка тамъ zostавлена, їжь, пий, спочивай,—запрету не було. А приїде хазяїнъ, такъ ще й радъ гостеви, бо то тільки й родина ему на широкімъ степену, вінъ ему радъ, вінъ его и дрифтає. Теперъ увійдешъ у хату, такъ вона красить вуглами, а не красить широгами, а тогді не такъ: уся-

кого нагодують. Хозяинъ иде куди, такъ ще й оставля страву для прохожаго. Хто хочъ, заходь. Та й заходять було; наїдятця, напьютця дурнички, тільки шо зроблять хрестъ та поставлять его середь землянки, це, значить, були гости и дякують хозяина.

— Добре, діду. А шо жъ іли запорожци?

— Іли рыбу, мясне іли, овощу, іли усячину, голодомъ себе не морили; бьютъ звірья, рыбу ловлять: поставлять ятері, запустять невідъ, отъ имъ имъ и есть на обідъ, та на цілий курінь, бо рыбы скрізь багацько було... Іли ласо, усячину потрібляли, тільки шо хліба печеного мало було: за все тетеря одвіча. Якъ шо, такъ заразъ за тетерю... Це тісто таке, тільки ріденьке, розведене водою. Спершу воно кисне у нихъ, кисне довго, а потімъ якъ уже загусне, то тоди вже можно его и потрібляти. Якъ захотівъ їсти запорожець, то заразъ казанъ на кабицю, у казанъ воды, у воду тетери, а въ тетерю, якъ схоче, трохи пшона та й варе; наваривъ, бере ложку и їсть. А якъ схоче якій до тетери ще рыбки, то заразъ на каюкъ,—а каюки у всякого були, таки жъ якъ и теперъ,—до річки, наловивъ собі, чи удкою, чи ятеремъ рыбы, раківъ, до куріня, заразъ у казанъ та й варе... Страву любили запивати горілкою, настойкою... Горілка завсїгда була готова у ихъ: поїдуть у городъ, наберуть ціли бочки та й понавозять до дому; а то й дома робили настойки, тільки бочки изъ городівъ привозили; у ихъ були и пивоварни, свое пиво було, вони уміли и сити зъ медомъ робити; а то ще лучше—варена, це вже робилось изъ озюму, инжирю (винныя ягоди), винограду, усе сушене, паливалось горілкою та й парилось на огні; а то було таке, якъ начебъ то чай: то вже настій изъ травы комлицьком (калмыцкая) та овечого молока; до него давався ще й хлібъ, намазаний масломъ.

— Изъ чого жъ, діду, іли запорожци?

— Іли більшъ изъ корыгъ, бо мисокъ не любили: блощицями, каже воняють. Черешья того тежъ не любили: посудъ бувъ усе мідный або чавунный: казаны, кострељки,—ото ихъ саме, а черешки брали у туренцині, вони въ нихъ гроши та всяке добро ховали, сковородою на крые, або залізячкою якою небудь та й злєпа у землю. Були у запорожцївъ коряки, більшъ верови, добре выстругани, таки, що ажъ ви-

лискуютьця, були ложки, дерев'яни и такі, якъ теперъ у кавіівъ, були баклаги, штоны.

— Ну, розкажи теперъ мені, дідуню, яке було у запорожцівъ оружїє?

— Оружжа було добре, та все убрано въ серебро та въ золото: пушокъ мало; на шо имъ пушки, якъ у ихъ кулаки добри? Більшь усе pistols та ратища; ратища довги та гостри, якъ огонь, а pistols коротеньки, такъ мабуть дві четверти, за те дили у ихъ велики. Pistols вівалеш на поясі, по два на кождому боці; тамъ же коло пояса у ланцюжці висіла и шабля у запорожця.. Pistols зарядувалеш кулями; кулі були олив'яни (свинцовыя) и чавунни, олив'яни такі якъ гороб'ячи яйця, а чавунни побільше. Оце все оружжа и въ мене самого було: була шабля, pistols, були й кулі. Шабля такъ уся срібна була, а ручка до неї золота, зъ золотыми китицями; шабля вся закривляна та гостра—гостра якъ бритва. И въ pistols ручка була золота... У нихъ скрізь коли не золото такъ серебро: вудели, сідла, стремена—усе воно було дороге. Якъ обряде було коня, такъ вінъ такъ и сяє. Було у мене все: и одежа, и оружжа, и зброя, та я на своємъ цїку тричи горівъ, та багато погоріло, а те були такі, що й поросирадали.

— А де жъ це вони брали таку дорогу зброю?

— Та де? Те отбивали у ляхивъ та туркиивъ, а то й купували.

— А за шо купували?

— За те, за що й мькунемо, за гроши. У ихъ грошей багато та все золоті; були, правда, срібни и мідни, а більшь золоті; бу-мажохъ такъ зовсімъ не було... Такъ якъ и въ насъ, такъ и въ ихъ, були карбованци, полтвяники, копейки, тільки шо въ ихъ були и руськи и турецьки, турецьки звалеш *паричками*. Усяки гроши треба було заводити: сегодня запорожець торгуетця зъ москалемъ, треба московскі гроши; завтра зъ ляхемъ, треба лядцки, а тамъ съ туркомъ, треба турецьки,— усяки гроши требувалеш ему... Турецьки гроши були сільшь срібни, топесеньки такі, якъ зъ рыбы луска, лядцки більшь золоті, а руськи—такъ уже самый міднякъ. Якъ покидали запорожци Січъ, такъ несли съ собою й гроши; яки закопували въ землю своєю

казну, по пригметахъ (по примѣтахъ), а якѣ клали въ бочени та на залізнихъ цѣпахъ спускали у воду.

— Добре, дїду. Теперъ отъ що скажи менї: яке було начальство у запорожцїв?

— Начальство отъ яке: кошовый, осаула, писарь та отаманы (курєнныє). Ото й начальство. Вони сами собі паны, сами цари и христїане... Выбирали всїхъ гуртомъ сами изъ себе; якъ выберуть кошового, такъ вінъ и командує. Якъ добрый воєвка, то й обирають и почитають, якъ батька діти, надївають на него шлемъ. Усїхъ поважають, ажъ поки сподобляютьця имъ... Якъ хто кого обїде, то жалуватьця їдуть уже до кошового. Оце прїйдуть позиватись, скїлько тамъ ихъ єсть чоловіка, то вінъ заразъ лагодить, щобъ помирились: „попрощайтесь, каже, козаки, а то грїхъ тяжьбу заводити“. То якѣ богобоязни та слухьяни, то заразъ и неслухаютця: куплять горїлки, выньють її та й помирятця. А якѣ невгємонни, то ти вже одъ разу и не послухають, тоди вже суде ихъ самъ кошовый: прикаже тамъ чи дещьгами запластити, чи, може, и наказати. А наказували тїлько одними розками: одсїчуть лозинами, та й годи. Хиба вже воръ, або измїнникъ, то тоди вже выйме пистоль, бацне въ груди, отъ тоби й кануть... Кошового уже всї слухались: и ті, що въ Сїчі, та й ті, що по стѣнахъ у землянкахъ живуть. Оце якъ вїйна, то уже вінъ скрїзь розсыла нїсьма по-мїжъ козаками, де хто є, щобъ шили воювать. Забїжить и въ бурдюгъ розсылный відъ кошового: „отакъ-то й такъ, идить, каже, або тамъ на совїть, або на вїйну, такїй-то и такїй городъ брати“. То вже и їдуть, ни хто не може одказувати.

— Скажи-жъ теперъ, дїду, здоровый народъ бувъ запорожци?

— Народъ середній бувъ, тїлько що крїпкий, хвабрый; теперъ якъ девьяносто лїтъ проживъ, такъ не баче и стежки передъ собою, а тоди сто годъ—оце саме вікъ. На вїйну їде съ радїстю, ажъ смїєтця; бравый народъ бувъ та веселый. Оце якъ провоювали, такъ и нїсью зложили, не такъ якъ теперъ; теперъ ось воювали турка, то-жъ ни одніи нїсьи нема про ту вїйну. А тоди, чи побьютця съ туркомъ, чи пошарнають ляха, то заразъ и зложать про все те нїсью... Хвабрый народъ: на вїйні кули ажъ свистять, а єму й байдуже.

— А правда цѣму, діду, що нібы міжъ запорожцями були якись-то характеристики, таки, що ихъ ни куля не бере, ни шабля?

— Ні, це такъ тілько одна балачка, вони жили по Божому, не знали вони ни якихъ чаръ, вони все одно, що ченци: жінокъ не займали, молились Богу, хороше молились: знали „Отче нашу“ и „Вірую“, на війну йшли, такъ дуже молились... У ихъ були и школы: тамъ усяки грамотія, півчїська содержувалась, така що въ церкві співала. У церкву запорожці рідко ходили, бо була далеко, а все-жъ вони богобоязьки були; вони й посты блюли, говіли, при старости літъ такъ и въ ченци йшли. А якъ придуть було у Пітївбурхъ до царици, то заразъ по церквамъ... Духовнихъ поважали, нагаждали усячиною.

— А де-жъ ихъ духовенство жило?

— Та жило въ Січі, жило въ монастирі, а по землянкахъ уже, звісно, ёго не було. Тамъ якъ умре козакъ, то вже запорожці сами ёго ховають, а священника привозили уже на-впослі.

— А де-жъ вони ховали своїхъ покійниківъ?

— Якъ умиравъ на Січі козакъ, то тамъ було особе кладовище, тамъ и ховали, а якъ де на зимовнику, то ховали прямо на степу, надъ річкою, тамъ, чи въ бальці; де живе, тамъ и ховають. А ховали при всімъ козацькімъ убранстві: у шапці, въ каптані, у черкесці, у сальнянцахъ, у труну ставили штопъ горілки, клали люльку. А труны робились изъ соснини, дубини, вербини; на могилі ставляли хресты камьяни: хресты робили каждый собі за живота.

— Ну скажи-жъ, діду, багато було усіхъ запорожцівъ!

— Разно було, а саме більше, такъ сказати, тисячъ сорокъ. Привілля велике було, треба було и людей багацько.

— А велике було привілля?

— Привілля такъ уже привілля! Теперъ такого нема. Бжолі теи, такъ батечки мои! Тоді усяки цвіты цвіли, трави великі були, бо цеи пѣгани—ховрашківъ та гусениці, що теперъ плодитця, тоді и не чути було; такъ древа, трави, звірья и не пройдешь. Медъ и по пасікамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ. Скілько хочеш, стілько й бери. А звіру ще більша сила: вовківъ, лисъ, чокалківъ (той-же вовкъ, тілько злійшій надъ вовка), такъ ціла біда; дикі коні

табунами ходили, мишаста та товста така, невелички—косяківъ три, чотири, такъ и ходять. Оце якъ іде запорожець кобылою, то вже бережись, а то одібьють. Вискоче дикий жеребець та й загоне геть, тоді вже й не найдеш, хочъ увесь день шукай. Було й птиці вдовіль: качокъ, лебедівъ, дрохвівъ, охитвы такъ—хо-хо-хо!.. Стрепетівъ сільцями ловили, а лебеди було якъ заведутця битця, та якъ піднимуть крикъ, такъ батько вискочуть изъ землянки та давай стріляти ихъ изъ пистоля, щобъ порозгонить. Трава така, якъ лісъ стоить; якъ запалишь, такъ вона горить неділь дві, або три. Та все періі, а не то що щирія, або лобода. Теперъ такихъ и близько нема, а тоді стілько її було, то Боже мій! Оце де теперъ Черняхівка, не однісенької хати не було, усе батькове привілля, а теперъ де той и народъ набрався... Очамъ своимъ не вірю... За тежъ и кони водились тутъ, вівці, такъ на диво. Та все то по волі паслось, хиба тільки коло отаръ и були чабаньці.. Зимы тоді були тепліши, якъ теперъ, це вже до насъ руські своїми лаптами понаносили холоду, а тоді зими теен не дуже чутно було, такъ уся худоба такъ и ходє собі по степу, зіму й літо; сіна не запасали, хиба тільки для тихъ коней, що підъ верхомъ ходили... Батечки мої, де воно те й ділось?!

— А де ділись сама запорожці, діду?

— Де ділись? Зійшли геть.

— Чого такъ?

— Не помирились, бачьте, съ Катериною, такъ вона й попрогонила ихъ відціль... Яки пішли підъ турка, а яки тутъ позоставались проміжъ людьми; тоді и мій батько зостався тутъ. Першъ, якъ ще запорожцівъ не выгонили, такъ тутъ сама цариця пробігала, оглядала місця,—тутъ на Камьянці и мила стояли, де вона бігла, а потімъ уже приїхавъ до нихъ Потёмка, виглядівъ усю справу та й зігнавъ ихъ геть.

— Далеко зігнавъ?

— Підъ турка жъ. Довго вони жили тамъ деє, ажъ поки не обрали кошовымъ Гладкого; такъ той уже перевівъ ихъ знову сюда. Коли чули, єсть Черноморьски козаки, такъ то запорожскаго званія... Те та не те“!..

Вотъ тотъ небольшой, по весьма цѣнный разсказъ о жизни запорожскихъ козаковъ, который сообщилъ мнѣ Иванъ Пшатовичъ Россолода. Въ заключеніе я осмотрѣлъ мѣсто бывшей землянки отца Россолоды. Землянка находится въ огородѣ меньшаго сына его, Ивана; она имѣетъ длины 8 аршинъ и ширины 4, похожа была скорѣе на монашескій скитъ, около нея росла „вербина“, недавно только срубленная Иваномъ Россолодою. „Ужъ ся ёго понолаять за ту вербину... Вопо бувъ поставляный коло землянки стовпъ вербовый, та той стовпъ припявся, та й выросла изъ ёго вербина, а випъ (сыпъ) візьми та й зрубай“... У Ивана Пшатовича отъ отца оставался еще „мшаникъ“, погребъ для ичель, но оны очень давно завалилися; тешеръ отъ него осталась одна только яма, въ огородѣ средняго сына Россолоды, Самойла.

Д. Зварницкій.

Харьковъ.

КЪ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

Полная драматизма, богатая поэтическими пѣснями южно-русская свадьба давно уже обратила на себя вниманіе этнографовъ. Описаніе украинскихъ свадебныхъ пѣсень и обрядовъ было составлено Калиновскимъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ русскомъ обществѣ и литературѣ не было ни малѣйшаго интереса къ словесному поэтическому творчеству простаго народа. Брошечная брошюра Калиновскаго представляетъ довольно полную и вѣрную картину украинскаго „весілля“ сто лѣтъ назадъ. Изъ книги Калиновскаго видно, что крестьянская малорусская свадьба во второй половинѣ XVIII вѣка справлялась торжественно, пышно, съ тѣми-же религіозно-миѣческими пѣснями и обрядами, которые и въ настоящее время составляютъ необходимую принадлежность украинскаго „весілля“.

Исслѣдователь украинскаго свадебнаго ритуала не находитъ почти никакихъ письменныхъ, документальныхъ указаній о малорусской свадьбѣ болѣе древняго времени. Напрасно оны перелистываетъ объемистыя сочиненія кievскихъ ученыхъ и писателей конца XVII вѣка. Оны находятъ въ нихъ лишь сухія наставленія

о святости брака, о супружеской вѣрности и т. п. Свѣтлый гелій жизни оставилъ нѣвскихъ ученыхъ второй половины XVII вѣка. Отъ твореній Барановича, Гизеля, Галитовскаго, Радивиловскаго несетъ мертвымъ схоластическимъ духомъ.

На рубежѣ двухъ половинъ XVII столѣтія стоитъ „Листопись, або камень, брошенный съ пращи правды православной церкви“ (1644 г.), полемическое сочиненіе Евсевія Нимина (Петра Могилы), направленное противъ „Перспективы“ Кассьяна Саковича. „Въ „Листописѣ“ говорится о таинствахъ православной церкви, объ исхожденіи св. Духа, о римскомъ ученіи о главенствѣ папы и т. п. релігіозныхъ и церковныхъ предметахъ, волновавшихъ умы южно-русскихъ людей двѣсти лѣтъ назадъ, говорится безъ схоластическихъ ухищреній, безъ риторическихъ словозверженій и прикрасъ, довольно просто, ясно и, главное, съ ссылками и указаніями на современные церковныя и бытовые порядки или, точнѣе, безпорядки. Эти указанія для историка южно-русской церкви, равно какъ для историка южно-русскаго быта представляютъ большой интересъ. И тотъ, и другой найдутъ въ „Листописѣ“ драгоценныя факты, ясно обрисовывающіе умственное и нравственное состояніе южно-русскаго общества въ первой половинѣ XVII вѣка. Читатель „Листописа“ знакомится съ старинной южно-русской релігіозной полемикой въ наиболѣе рѣзкомъ ея видѣ, узнаеть главные пункты релігіозно-церковной борьбы православныхъ съ латинско-унітатами, узнаеть, кромѣ того, любопытныя подробности о церковной утвари, часто весьма бѣдной, объ иконахъ плохаго ишьяма, о торжественныхъ постригахъ младенца, о правахъ духовныхъ лицъ, объ обычаяхъ колядованія.

Небольшой отдѣлъ „Листописа“ о бракѣ (164—170 стр.) заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на южно-русскіе свадебные обычаи первой половины XVII в.

Кассьянъ Саковичъ въ „Перспективѣ“ говоритъ, что у православныхъ не бывають въ церкви оглашенія брака. Евсевій Ниминъ считаеть достаточнымъ, что священникъ на заручинахъ дѣлаеть опросъ, не состоятъ-ли вступаютіе въ бракъ въ кровномъ или духовномъ родствѣ. При этомъ Ниминъ замѣчаетъ, что заручины совершаются „ceremonialiter“, съ особенными молитвами, съ обменомъ перстнями. Какъ извѣстно, заручины, или руковины и въ па-

стоящее вѣчая въ Малороссіи совершаются торжественно въ домѣ невѣсты, въ присутствіи жениха и сватовъ. Перевязываютъ рупниками молодого, его отца и старость и благословляютъ молодыхъ хлѣбомъ. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, не приглашаютъ священника на заручины и молитвъ не читаютъ.

Саковичъ замѣчаетъ, что православные священники часто вѣнчаютъ въ ночное время похищенныхъ дѣвицъ, причемъ и сами бываютъ пьяны и пьяныхъ вѣнчаютъ. Похищеніе это, нужно думать, было довольно обыкновеннымъ въ старину уводомъ дѣвушки, большею частью по предварительному съ нею соглашенію, какой уводъ практиковался еще въ недавнее время въ тѣхъ дворянскихъ семействахъ, гдѣ господствовалъ родительскій произволь, не признававшій за дочерью-дѣвушкой права свободнаго выбора мужа, произволь, сталкивавшійся съ жениховскимъ молодечествомъ, ломавшимъ искусственныя преграды, полагаемыя родительскою властью для бракосочетанія. Евсевій Пиминъ не отрицаетъ того, что вѣнчанія похищенныхъ дѣвицъ бывали. Онъ только относитъ эти вѣнчанія къ тому времени, когда православная церковь не имѣла своего митрополита и епископовъ, т. е. до Іова Борецкаго (избранъ кievскій митрополитъ въ 1620 г.). Такимъ образомъ, виновной въ этомъ церковно-общественномъ настроеніи является унія. Затѣмъ, Евсевій Пиминъ говоритъ, что священникъ по неволѣ вѣнчаетъ похищенныхъ дѣвицъ, когда къ нему обращаются со словами: „albo szlub daj, porcie, albo w łeb strzele“. Если папъ былъ заинтересованъ въ совершеніи бракосочетанія подчиненнаго ему лица съ похищенной дѣвицей, то угрожалъ священнику палками или сажалъ его въ тюрьму, съ цѣлью принудить его совершить бракосочетаніе.

Саковичъ обвиняетъ православныхъ священниковъ въ томъ, что они вѣнчаютъ родственниковъ, вѣнчаютъ также мужчинъ женатыхъ и замужнихъ женщинъ. Пиминъ или отрицаетъ справедливость обвиненія, или считаетъ его несвоевременнымъ, вызваннымъ такими случаями, которые имѣли мѣсто въ то время, когда у православныхъ не было духовныхъ пастырей.

По словамъ Саковича, православныхъ дѣвицъ вѣнчаютъ иначе, чѣмъ вдовъ. Пиминъ говоритъ, что разница состоитъ только въ нѣкоторыхъ молитвахъ, причемъ сущность таинства не измѣняется. И въ настоящее время свадьба дѣвицы значительно отличается по

п'єснямъ и обрядамъ отъ свадьбы вдовы. Можно думать, что особенности свадебнаго ритуала въ данномъ случаѣ вліяли въ старину на обрядъ вѣнчанія дѣвицы и вдовы.

Саковичъ говорить, что священникъ, обводя бракосочетающихся вокругъ аналоя, во время пѣнія „Святые мученики и проч.“, вторилъ пѣвчимъ и шель въ припрыжку, какъ-бы плясалъ. Крімъ того, по замѣчанію Саковича, молодымъ подстригали волоса. Пиминъ отвергаетъ эти обвиненія, какъ вымыселъ и клевету. Последнее обвиненіе Саковича нельзя назвать безъосновательнымъ. Посвященіе волосъ молодыхъ богамъ встрѣчается у разныхъ народовъ земнаго шара, встрѣчалось и на Украинѣ. Обыкновеніе отрѣзывать косу невѣстѣ, имѣвшее нѣкогда значеніе посвященія невѣсты богамъ, распространено въ Сербіи, Польшѣ, встрѣчается на Волини и у гуцуловъ. Впрочемъ, полное отрѣзваніе косы въ славянскомъ мірѣ встрѣчается рѣдко. Обычно частичное отрѣзваніе, сопровождаемое въ иныхъ мѣстностяхъ продѣваніемъ пучка волосъ въ кольца и прижиганіемъ ихъ свѣчей. Въ Великороссіи и Малороссіи отрѣзваніе или подрѣзваніе косы невѣсты почти повсемѣстно замѣнено простымъ обрядовымъ расчесываніемъ.

На 307 страницѣ Ливоса находится довольно любопытное замѣчаніе, что на свадьбахъ по окончаніи обѣда одинъ изъ сидящихъ за столомъ начиналъ пѣть и благодарить хозяина и хозяйку за обѣдъ, а другіе въ-слѣдъ за нимъ повторяли. Обыкновеніе это общеславянское. Оно сохранилось до настоящаго времени у сербовъ, поляковъ, великоруссовъ, малоруссовъ и особенно у бѣлоруссовъ.

Саковичъ говорить, что православные епископы разрѣшали разводъ по самому пустому поводу, взявъ съ просителя о разводѣ 100 или 200 злотыхъ. Пиминъ считаетъ это обвиненіе неосновательнымъ. Онъ указываетъ на какой-то разводъ супруговъ изъ знатныхъ католиковъ, совершившійся на Волини и, должно быть, въ свое время надѣлавшій много шума. Разводъ совершился по пустому поводу, и Пиминъ упрекаетъ Саковича, что онъ умолчалъ объ этомъ разводѣ.

Любопытно замѣчаніе Саковича, что не только православные крестьяне, но и священники позволяли себѣ мѣняться женами. Пиминъ находитъ это обвиненіе неосновательнымъ. При этомъ Пиминъ, по своему обыкновенію, зло издѣвается не только надъ

личностью своего одноухаго противника, другое ухо котораго будто бы свиньи съѣли, но зацѣпаетъ и его родителя. Такъ, въ отвѣтъ на слова Саковича, что православные священники жѣнятся жепами, Пимнянъ замѣчаетъ: „chyba ty swojím ojcem próbować będziesz“. Отецъ окатоличившагося К. Саковича, какъ извѣстно, былъ православный священникъ.

Вообще, замѣчанія Евсевія Пимипа объ украинскіихъ свадебныхъ обрядахъ немногочисленны. Одни замѣчанія относятся собственно къ церковному чину вѣчанія, другія къ простонароднымъ обрядамъ. Повидимому, въ первой половинѣ XVII вѣка въ Малороссіи въ чинѣ вѣчанія попадались мѣстные своеобразныя особенности, происшедшія отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, отъ невѣжества духовенства, того „грубьянства, на которое жаловался еще князь К. К. Острожскій въ 1593 г. въ посланіи къ Ипатію Потѣю и которое особенно ясно обнаружилось на кievскомъ соборѣ 1640 года. Созывая соборъ, Петръ Могила писалъ: „наша церковь, оставаясь ненарушимою въ догматахъ вѣры, сильно искажена въ томъ, что касается обычаевъ, молитвъ и благочестиваго житія“. Во вторыхъ, главнымъ образомъ отъ вторженія въ религіозно-церковную сферу простонародныхъ повѣрьевъ и обрядовъ. Въ XVII вѣкѣ народная жизнь была ключемъ, отличалась необыкновенной внутренней силой. Это было время могучаго народного духовнаго творчества, выразившагося въ созданіи превосходнаго цѣбла пѣсенъ о борьбѣ малоруссовъ съ поляками, въ созданіи и развитіи братствъ, шпиталей, острожской и кievской науки. Бурный потокъ народной жизни увлекалъ священно и церковно служителей, ставилъ ихъ, даже противъ ихъ воли и желанія, на крестьянскую точку зрѣнія на церковныя дѣла и общественныя отношенія, вносилъ въ религіозно-церковную сферу чисто народные элементы, какъ собственно украинскіе, такъ и сохранившіеся на украинской почвѣ элементы старославянскіе, языческіе.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРЬЙ О ЧОРТѢ.

Всѣмъ извѣстно, что малороссы глубоко вѣрятъ въ чорта, а также и въ то, что его можно видѣть лицомъ къ лицу, пужпо

только знать способы вызвать его на этотъ свѣтъ. Одинъ изъ такихъ способовъ былъ сообщенъ намъ крестьяниномъ Н.....ъ. Вотъ въ чемъ состоитъ онъ. Необходимо достать черную кошку и спрятать ее въ мѣшокъ, предварительно глухо на глухо завязавъ его, чтобы его можно было развязать только послѣ нѣкоторыхъ успій и потери времени. Съ такимъ мѣшкомъ пужно выйти на перекрестокъ. Черезъ нѣсколько времени къ дѣлающему опять подойдетъ человѣкъ, котораго нельзя съ виду отличить отъ простаго человѣка. Онъ спроситъ, за сколько продается товаръ. Цѣну можно назначать, какую угодно: чортъ не поскуится. Послѣ того какъ деньги будутъ получены и мѣшокъ переданъ чорту, пужно со всѣхъ ногъ бѣжать домой, пока чортъ не развяжетъ мѣшка, потому что если онъ увидитъ черную кошку, то непременно погонится за продавцемъ и догнавъ убьетъ кошкою.

Но если продавецъ достигнетъ своей избы, дѣло чорта проиграно: онъ долженъ ни съ чѣмъ возвращаться во скотен.

Таковъ общихъ чертахъ рассказъ, переданный мнѣ крестьяниномъ Н.....ъ.

Я полюбопытствовалъ спросить, не дѣлалъ-ли кто-нибудь изъ крестьянъ опыта, и получилъ утвердительный отвѣтъ.

— Когда-то (началь II.) выпелъ на перекрестокъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, съ мѣшкомъ, а въ томъ мѣшкѣ была черная кошка.— „Оце й підходить къ ему якійсь чоловікъ... Що, каже, продаешь?— Продаю, каже сосідь.— Кілько куштує?— 10 корбонащівъ“. Вотъ чортъ далъ ему деньги, а самъ принялся развязывать мѣшокъ. Сосѣдь между тѣмъ успеваетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. На бѣду его мѣшокъ былъ завязанъ не крѣпко. Не успѣлъ сосѣдь пробѣжать и половины пути, какъ чортъ увидѣлъ черную кошку и пустился догонять сосѣда. Оборотился сосѣдь... видитъ дѣло плохо: за нимъ, какъ вѣтеръ, летитъ чортъ, а до избы еще довольно далеко... Онъ прибавилъ шагу. Изба все ближе и ближе, но и чортъ несется по пятамъ. Точно вихоръ влетѣлъ сосѣдь въ избу и только что за нимъ захопнула дверь, какъ чортъ со всего размаха хватилъ по ней черною кошкою: чуть не сорвалъ съ петель... А сосѣдь цѣлый день стоялъ на одномъ мѣстѣ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.— „Оце его й досі трусить“, заключилъ рассказчикъ.

— А съ грѣшными що зробилось? спросилъ я.

— Або то були гроши? Такъ собі щось такее...

30 августа 1883 года.

Александръ Ом—скій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь!

Второй разъ я встрѣчаю въ валемъ почтенномъ журналѣ заявленіе г. А. Титова о томъ, что бумаги покойнаго профессора московскаго университета, Осипа Максимовича Бодянскаго, достались ему *всѣ безъ исключенія*.

Очень радъ, что по крайней мѣрѣ вашъ журналъ не забываетъ этого первоучителя нашего по славянству и такъ-ли-иначе поминаетъ еще честное имя достойнаго труженика и учителя нашего. Но, какъ ученикъ и другъ покойнаго, я не желалъ-бы допускать какого нибудь недоразумѣнія касательно всего относящагося къ Осипу Максимовичу; поэтому считаю долгомъ разсѣять и то недоразумѣніе, въ которое кѣмъ-то введенъ г. А. Титовъ.

Вамъ, конечно, извѣстно о погибели дорогой бібліотеки О. М. Бодянскаго.

Я цѣнилъ се дорого и не осмѣливался мечтать о пріобрѣтеніи ея, послѣ его смерти, полагая, что ни университетъ, въ которомъ 30 лѣтъ трудился ученый, ни Общество Исторіи и Древностей російскихъ, всѣмъ обязанное его неутомимой дѣятельности, ни министерство народнаго просвѣщенія, не допустятъ, что-бы эта замѣчательная бібліотека пріобрѣтена была въ частныя руки.

Оказалось на дѣлѣ, что я былъ до смѣшнаго наивенъ.

Университетъ и Общество Исторіи и Древностей Російскихъ ограничились тѣмъ, что посѣщили только выбрать изъ бібліотеки книги и рукописи, принадлежавшія имъ, и сдѣлали представленіе о пріобрѣтеніи бібліотеки, совершивъ оцѣнку ея крайне скудно, г. е. отнеслись къ дѣлу только формальнымъ образомъ: души заботящейся объ этомъ сокровищѣ, руководящей дѣломъ, не нашлось въ Москвѣ. Переговариваться о бібліотекѣ съ неразвитой и не въ мѣру подозрительной наслѣдницею О. М. Бодянскаго не было ни у

кого охоты. Близкіе люди покойнаго поторопились, конечно, перехватить то-другое изъ попавшаго имъ на глаза...

Мнѣ пришло узнать о невниманіи къ библіотекѣ Бодянскаго со стороны близкихъ ему общественныхъ учрежденій только тогда, когда библіотека была продана букинисту (на толкучій, что называется, рынокъ) за 3,000 руб. Букинистъ распродалъ ее въ розницу на сумму около 30,000 руб; университетъ-же оцѣнилъ ее всего въ 12 тысячъ, или около того, а Министерство Народнаго Просвѣщеніе, вслѣдствіе-ли жестокой вражды противъ Бодянскаго со стороны тайнаго совѣтника и секретнаго руководителя тогдашняго министерства, или вслѣдствіе иныхъ причинъ, затруднилось распорядиться даже такою суммою на приобрѣтеніе библіотеки профессора Бодянскаго.

На толкучкѣ, у Троицы въ поляхъ, въ палаткахъ букиниста, люди, знавшіе составъ древнихъ рукописей библіотеки Бодянскаго, какъ на примѣръ, ректоръ г. Тихонравовъ, тотчасъ выкупили все существенно важное.

Вмѣстѣ съ книгами попала къ букинисту и часть бумагъ, находившихся въ проданныхъ шкафахъ. Но это была лишь небольшая часть, случайно заложенная покойнымъ тамъ-сямъ между книгами. Бумаги, хранившіяся у О. М. Бодянскаго особо, его хотя и малограмотная супруга отдѣлила отъ проданной библіотеки, выбрала изъ столовъ, конторовъ и этажерокъ и сложила въ особую кучу.

Эту кучу бумагъ я засталъ еще у г-жи Бодянской, когда здоровье дозволило мнѣ навѣстить ее. Это было на другой день послѣ увоза библіотеки букинистомъ.

Старуха встрѣтила меня, по вдовьему обычаю, слезными жалобами на свою безпомощность, на невниманіе къ памяти покойнаго даже со стороны лицъ всѣмъ обязанныхъ ему и т. под., что ее водили съ покупкою библіотеки и довели до такого отчаянія, что она рѣшилась продать ее за 3 тысячи первому торговцу.

Я поинтересовался пересмотрѣть бумаги, надѣясь найти въ нихъ переданныя мною покойному Осипу Максимовичу копии съ дѣла Гаркуши (съ рукописи библіотеки Маркевича), съ перевода на малорусскій языкъ (книга XVI в.) Псалтыри, и въ особенности собственноручные отвѣты Полуботка на вопросы слѣдственной комисіи въ Петербургѣ и проч.; но, слегка пересматривая кучу, не

встрѣтилъ близко знакома мнѣ рукописи и доселѣ не знаю, куда дѣвались онѣ. О показаніяхъ Полуботка покойный В. П. Масловъ извѣщалъ меня, что рукописи эта попала де въ число книгъ и рукописей, отобранныхъ соединенною комиссіею, какъ принадлежавшихъ Обществу Исторіи и Древности Россійской. На сколько это справедливо, я доселѣ не справлялся.

Къ кому-бы эта рукопись ни попала, я убѣдительно просилъ-бы возвратить ее мнѣ, по принадлежности, хотя-бы за значительное вознагражденіе, такъ какъ она мнѣ необходима для давно изготовляемаго мною изслѣдованія о Полуботкѣ.

Но не найдя своихъ вещей среди бумагъ покойнаго, я встрѣтилъ тамъ собственноручныя лекціи Осипа Максимовича по исторіи и частью по филологіи славянъ, переписку его съ графомъ Строгановымъ и другими лицами, прекрасную копію съ Четьи-Миней Макарія и многое иное.

Г-жа Бодянская всѣ эти бумаги въ нѣсколько пріемовъ переслала мнѣ, вмѣстѣ со многими дипломами покойнаго и рисунками, и даже съ оттомапомъ, на которомъ Осипъ Максимовичъ обыкновенно леживалъ и читалъ, послѣ безопечныхъ своихъ занятій у канторки. Онъ обыкновенно занимался стоя.

И ввѣсь покойной Бодянской небольшую сумму денегъ и намѣревался, приведа въ свободное время въ какой-нибудь порядокъ пріобрѣтенныя мною его бумаги, принести ихъ въ даръ университету св. Владиміра, если даръ этотъ будетъ ему не неприятенъ.

Изъ пріобрѣтенныхъ мною бумагъ Осипа Максимовича Бодянскаго я подарилъ только Черногорціи его собственноручныя лекціи „по исторіи черногорцевъ“. Читанныя имъ намъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ. Лекціи безъ начала.

И такъ ясно, что г. А. Титовъ, говоря о пріобрѣтеніи имъ всѣхъ бумагъ Бодянскаго, *безъ исключенія*, былъ кѣмъ-то введенъ въ ошибку и надѣюсь, не оставитъ съ такою-же, какъ предлагаемая исповѣдь, откровенностью разъяснить это недоразумѣніе, расскажетъ, гдѣ и какъ пріобрѣтены имъ бумаги Бодянскаго.

Пріймите и пр.

А. Гатцукъ.

СУДЬБА НАСЛѢДСТВА ПОЛКОВНИКА ИСКРЫ, КАЗНЕННАГО МАЗЕПОЮ.

Кому неизвѣстна трагическая судьба малороссійскаго полковника Искры, пострадавшаго вмѣстѣ съ генеральнымъ судьей Василіемъ Кочубеемъ за вѣрность свою царю Петру. Обличители имѣны Мазены они отданы бѣжи царемъ въ руки Мазены и этимъ послѣднимъ казнены въ обзвѣ подѣ Борщаговкою отсѣченіемъ головы, послѣ мучительныхъ пытокъ. Прахъ ихъ поконится въ киево-печерской лаврѣ близъ трансепной церкви. Исторія отмѣчаетъ великодушіе Петра I-го, старавшагося возвратомъ имѣній казненныхъ ихъ наслѣдникамъ загладить свою ошибку. Родъ Кочубея былъ счастливѣе наслѣдниковъ Искры, а что случилось съ имѣніями послѣдняго, показываетъ слѣдующее письмо одного изъ его потомковъ къ графу Везбородку.

Сіятеильнѣйшій графъ!

Нарываемый ревностію услужить государямъ, прадѣдъ мой полковникъ Искра наменувъ про имѣнію Мазены; но за то имѣніе и голову потерялъ, какъ шанку. Въ тотъ моментъ выясилась и правда его, но голова не карнизъ.

Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ прахъ страдальца земли, и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украинѣ: послѣ Украину отдалъ полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщаль дать въ Малой Россіи; но тѣ были тогда малолѣтны; покуда возмужали, государь скончался; и тогда и теперь все равно: вездѣ ищутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ.—Это древность, графъ.

И просился изъ военной въ гарнизонную, а меня отпустили въ чистую, словно какъ будто-бы въ награжденіе, чтобъ я за долговременную и безпорочную службу околѣлъ изъ голоду.—И это прошедшее графъ!

И сюда доѣхаль, то изъ дружбы на облучку, то по нуждѣ на долгихъ; годъ мѣста былъ въ полемта и проѣзжалъ на извошикахъ, другой и третій пѣній боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помога, кромя развѣ Діогену въ слѣдъ. Служить нѣгдѣ, а дома жить не у чего.—Вотъ это настоящее, графъ!

Но то для вельможи не новизна; а для чувствительной души состраданіе. Ваше сердце преисполнено сей доброты, такъ помогите, мнѣ. Въѣкъ времени проходить, что правительства (бывшій гетманъ Малой Россіи и генераль-губернаторъ тамошній, а наконецъ и сенатъ) за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ; но и поднесъ мы были въ чаяніи будущихъ благъ. Докладъ сената два года лежитъ у господина Державина, хотя и послѣдовала высочайшая резолюція о воздаяніи намъ, а теперъ нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ у господина Попова, которому императрица имянно и точно повелѣтя благоволила взять и доложить, а я все хлѣбаю завтраки.

Братъ мой, тоже майоръ, подъ Анапою здѣлался безъ руки, а у меня обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ: подайте Христа ради! и тогда, когда въ цѣло столѣтіе кровь предковъ, потъ и увѣчіе потомковъ непрерывныя суть жертвы вѣрности.

Сіятельнѣйшій графъ! ревнитель сси истинны и у трона ходатай ствующій о ней; заступи насъ. Единое слово ваше здѣлаетъ больше, нежели столѣтіе, а мы естля не забвенны будемъ у васъ, то вы не забвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедра; рогъ его вознесется во славѣ.

Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Андрей Искра.

Сообщ. А. Лазаревскій.

ПѢСНЯ О ПАНЦИНѢ.

Время минувшей панцины отмѣчено въ народѣ множествомъ самыхъ разнообразныхъ пѣсень. Одну изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, наиболѣе характерную, хотя еще и не вполне отшлифованную въ народномъ обращеніи, удалось мнѣ записать при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1868 году это было. Народъ веселился въ лѣтній праздничный день: музыка, пляска, смѣхъ говоръ слышны были со всѣхъ сторонъ; гуль стоялъ въ воздухъ надъ м. Коростышевомъ, какъ въ самый большой ярмарокъ. Съ трудомъ пробрался

я въ „заѣздный дворъ арендари Ицъка“, и попалъ въ самый разгаръ народной „беседы“, тутъ-же происходившей.

— Морду побью тому, говоритъ *Стецюкъ*, бывшій уже навеселѣ, кто мене *мужикомъ* звать буде: я такой-же *обыватель*, якъ и графъ.

— Я роблю, а щобъ хто паномъ бувъ, не люблю; о! не люблю, кричалъ *Олекса Глухій*.

Наймишь *Зинько* повторить для меня пѣсню, которую только что спѣлъ по просьбѣ одного крестьянина.

Вотъ эта характерная пѣсня.

*Не дивуйте, добри люди,
Що мужикъ гуляє:
Зъ ласки Божою хазяинъ,
Ще й панъ ёю знае.*

*Має плура, має рало,
И все, що потрібно:
А зарайте, капелесты,
Да не дуже дрибно.*

*Та не трайте мені
Що то ріжуть сіки;
А зарайте спроквала,
Ще й по старосвіцьки.*

*Ще на кою змист я маю,
Якъ на тою жиди;
Хотъ я ёю зиблю, змаю,
Все-жъ я зъ ёю таю.*

*И юрїлки наборъ дасть,
И грошей чекає;
А якъ квартиру—дві припише,
Хто-жъ тамъ памъятає?*

*Стережися, аражій жиду,
Бо обирву пейсы;
Роступитця, люде добри,
Нехай кричить: вей миръ.*

Намагався я косою,
 Набухався ціпомъ;
 Приймавъ волю зъ росы,
 То вже передъ світомъ.

Осаула изъ півночи
 Ходить підъ оконцемъ,
 Загадує на пащину
 Передъ сходомъ сонцемъ

А присяжний не вважає
 На снасть, на худобу;
 Бере хлопа зъ єго мостю
 Сыт.є ёму бобу.

Не завези кону яець,
 Не вклонися низько;
 То вінъ тобі дасть у морду,
 Щобъ не стоявъ близько.

Колібъ не ти осаулы,
 Бувъ-бы мужикъ паномъ;
 Черезъ тіи економы
 Мусятъ бути хамомъ.

Мужикъ дурень, мужикъ бідный,
 Ще й ірше собаки:
 Бо обіли ёго злыдни.
 Щипають, якъ раки.

Цежъ никто не знає,
 Якъ то я женився;
 То попови, то дякови,
 Ледьви оплатився.

То попови, то дякови,
 Намамару тожє;
 А це-жъ чую—кажє:
 Ще и на храмъ Божій.

Notus.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ ¹⁾.

Ой изъ-за горы, зъ-за горы
 Летіло два орлы
 Летючи, говорили стиха
 О своїй горьки біді.
 Ой годі летіти,
 Треба спуститися.
 Ой въ степену, брате,
 Дві доріжки;
 Треба, брате, розлучитися.
 Одна доріжка ажъ до зеленого гаю,
 А друга стежка-доріжка
 Ажъ до тихого Дунаю.
 Та крути бережки
 У далеки України.
 Охъ плавлю я, плавлю
 По тихому Дунаю.
 А оглянусь я на обидва боки,
 Самъ не знаю, води поки.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО.

«Солодка завжды того зацного кня-
 жати маєть быти у насъ память».

Изъ Палинодіи Захаріи Коштыенскаго.

Князь Константишь Константиновичъ Острожскій, котораго портретъ прилагается къ настоящей книжкѣ, по своимъ великимъ и неоцѣненнымъ заслугамъ для православія и пародности русской, не только принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей южно-русской исторіи, но достоинъ занять въ ней одно изъ первыхъ мѣсъ, на ряду съ великимъ вождемъ народнымъ Богданомъ Хмельницкимъ и слабымъ учителемъ м. Петромъ Могилою.

¹⁾ Изъ Сборника сообщеннаго А. А. Скальковскимъ.

Всѣ современные ему и послѣдующіе южно-русскіе писатели не находятъ словъ, чтобы восхвалять высокія качества его души и славныя его дѣянія. Лѣтописцы и историки польскіе отдають полную справедливость его уму и достоинствамъ и посвятили не мало страницъ какъ лично ему, такъ и его роду, по внесли путаницу въ его генеалогію, производя родъ князей Острожскихъ (Нѣсецкій, Папроцкій и др.) отъ князя Даниіла Романовича Галицкаго,—путаницу, которую разъяснили неопровержимыми данными извѣстный нашъ ученый и историкъ М. А. Максимовичъ въ своихъ письмахъ о князьяхъ Острожскихъ¹⁾. По его изслѣдованію, князья эти произошли отъ *Владимира святого*, чрезъ его правнука *Святополка Изяславича*, внука котораго *Юрій Ярославичъ* былъ дѣдомъ *Владимира* князя Пинскаго, а этотъ отцемъ *Юрія* или *Георгія*, родоначальника князей Острожскихъ. Первый съ этимъ родовымъ именемъ является *Димитрій*, сынъ *Юрія*, а по немъ въ нисходящей линіи слѣдуютъ *Даниилъ*, *Федоръ*, *Василій*, *Иванъ*, *Константинъ* и сынъ послѣдняго *Василій*, о которомъ у насъ рѣчь, извѣстный болѣе подъ другимъ его именемъ,—*Константина*. Преданность интересамъ своего народа и страны, защита ихъ съ оружіемъ въ рукахъ сколько отъ притязаній польскихъ, сколько и отъ набѣговъ татарскихъ и турецкихъ, глубокое благочестіе въ соединеніи съ воинскими доблестями и образованіемъ составляютъ отличительныя черты этого рода, но въ особенности выдѣлились въ немъ, по своимъ дарованіямъ и высокимъ подвигамъ, Федоръ, принимавшій участіе въ гусситскихъ войнахъ и заимствовавшій оттуда прославленное въ козацкихъ войнахъ укрѣпленіе таборомъ, а потомъ подвизавшійся въ кievскихъ пещерахъ и опочившій въ нихъ неслѣдно, и Константинъ Ивановичъ, котораго гробница красуется и нынѣ въ кievо-печерской лаврѣ. Только такой даровитый и богатый родъ, совершенствуясь вѣками, и могъ дать такого даровитѣйшаго и совершенѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человека, каковымъ былъ князь Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскій.

По своему обширному, свѣтлому уму, блестящему образованію и разностороннимъ свѣдѣніямъ, несокрушимой твердости, по глу-

¹⁾ См. Собр. его соч., т. 1, стр. 164—196.

бокому и неподдѣльному благочестію, по своей толерантности, ласковости и добротѣ, по своимъ мягкимъ, истинно княжескимъ и даже царскимъ приемамъ, по своей величественной, высоко-изящной и прекрасной паружности, при несмѣтныхъ богатствахъ, роскоши и великолѣпнн, щедртѣ и благотворительности, онъ своею широкою, разпостороннею и неустанною дѣятельностію привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, начиная отъ короля и его придворныхъ и кончая послѣднимъ его слугою, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Имя его извѣстно было не только на всемъ пространствѣ польско-литовскаго государства, но въ земляхъ славянскихъ и на отдаленномъ востоѣ. Сынь великаго гетмана литовскаго, онъ въ свою очередь занималъ выдающееся положеніе воеводы кѣвскаго. По своимъ родовымъ связямъ онъ стоялъ въ самыхъ близкихъ связяхъ съ знатнѣйшими родами не только русскими, но литовскими и польскими, а все это вмѣстѣ обезпечивало ему широкое участіе въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Подобно отцу своему, онъ ознаменовалъ себя воинскими доблестями въ неоднократномъ отраженіи нападений татарскихъ и въ войнѣ Стефана Баторія съ Москвою. Но не это дало ему славу и безсмертіе въ потомствѣ: титуло „верховнаго хранителя и защитника православной церкви на Руси“, которымъ величалъ его могущественнѣйшій изъ польскихъ королей Стефанъ Баторій,—вотъ что составляетъ вѣнецъ его славы. Онъ пробудилъ дремлющую Русь, когда кругомъ ея стояли враги, готовые поглотить ее, онъ воскресилъ и обновилъ ее, онъ поддержалъ ее всѣмъ своимъ вліяніемъ, всею силою своего характера въ рѣшительную пору двухъ униі—люблицкой и брестской, онъ приготовилъ ей лучшихъ бойцевъ, далъ ей лучшее оружіе для дальнѣйшей борьбы.

Чтобы понять все значеніе личности и дѣятельности князя Константина Острожскаго для православія и народности русской, надо глубоко и всесторонне изучить бурную эпоху XVI ст. вообще и въ частности въ польско-литовскомъ государствѣ, надо представить себѣ ту чудовищную лаву политическихъ стремленій и религиозныхъ разномысліі (социніанства, протестанства, кальвинизма ересей московскихъ, іезуитства и наконецъ униі), какая устремилась широкимъ потокомъ на беззащитную и цмало не приготовленную Русь, надо наконецъ взять въ расчетъ то повѣжество, въ

которомъ она коснѣла, и ту глубокую деморализацію, какая произведена была въ высшихъ и отчасти среднихъ слояхъ русскаго общества, а наиболѣе въ тогдашней нашей іерархіи, предшествовавшію политическою и общественною неурядицею, въ особенности-же примѣненіемъ къ Руси польскаго государствено-общественнаго строя, широкими льготами польско-католическому элементу въ явный уцербъ и поправіе правъ русскаго населенія. По самому характеру и цѣли нашей замѣтки мы не можемъ здѣсь войти ни въ какія подробности; полная оцѣнка дѣятельности кн. Константина Острожскаго и начертаніе его біографіи могли бы составить трудъ нѣсколькихъ лѣтъ для недюжиннаго таланта, мы же ограничиваемся по неволѣ лишь обобщеніемъ немногихъ готовыхъ о немъ свѣдѣній.

Сорокъ лѣтъ опъ стоялъ на стражѣ православія и народности русскаго, употребляя для того все необходимыя и возможныя средства. Всѣми силами опъ противился соединенію Руси съ Польшею, когда-же протесты его и другихъ оказались безплодными, опъ все усилія направилъ къ пробужденію въ русскомъ народѣ внутренней самодѣятельности путемъ просвѣщенія и науки. Главнѣйшими его дѣяніями въ семь отпошеній была: учрежденіе въ 70 годахъ XVI ст. въ Острогѣ перваго училища, которое не только само дало многихъ знаменитыхъ въ послѣдствіи ученыхъ и достойныхъ пастырей и ревнителей отеческой вѣры, и въ числѣ этихъ славнаго гетмана Ковашевича-Сагайдачнаго, но послужило разсадникомъ и прототипомъ многихъ другихъ училищъ, возникшихъ въ Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ, и учрежденіе въ томъ-же Острогѣ типографіи, которая дала намъ въ 1580 г. первую нашу біблію, много богослужебныхъ, учительныхъ и полемическихъ книгъ, и послужила толчкомъ и образцомъ для другихъ такихъ заведеній и дѣлъ. Вообще-же князь Острожскій принималъ самое дѣятельное участіе въ судьбахъ церкви, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что грозило ей опасностію, вредомъ или безчестіемъ, велъ переписку о сея нуждахъ и дѣлахъ съ королемъ, вельможами, митрополитомъ, епископами и другими духовными и свѣтскими лицами, внимательно лаблюдавъ за проторгавшимися новыми религіозными ученіями и старался дать имъ отпоръ, заботился о разширеніи и поддержаніи, о возвышеніи и исправленіи духовенства, строилъ и поддерживалъ церкви и монастыри, шпитали и богадѣльни, покровительствовалъ ученымъ и

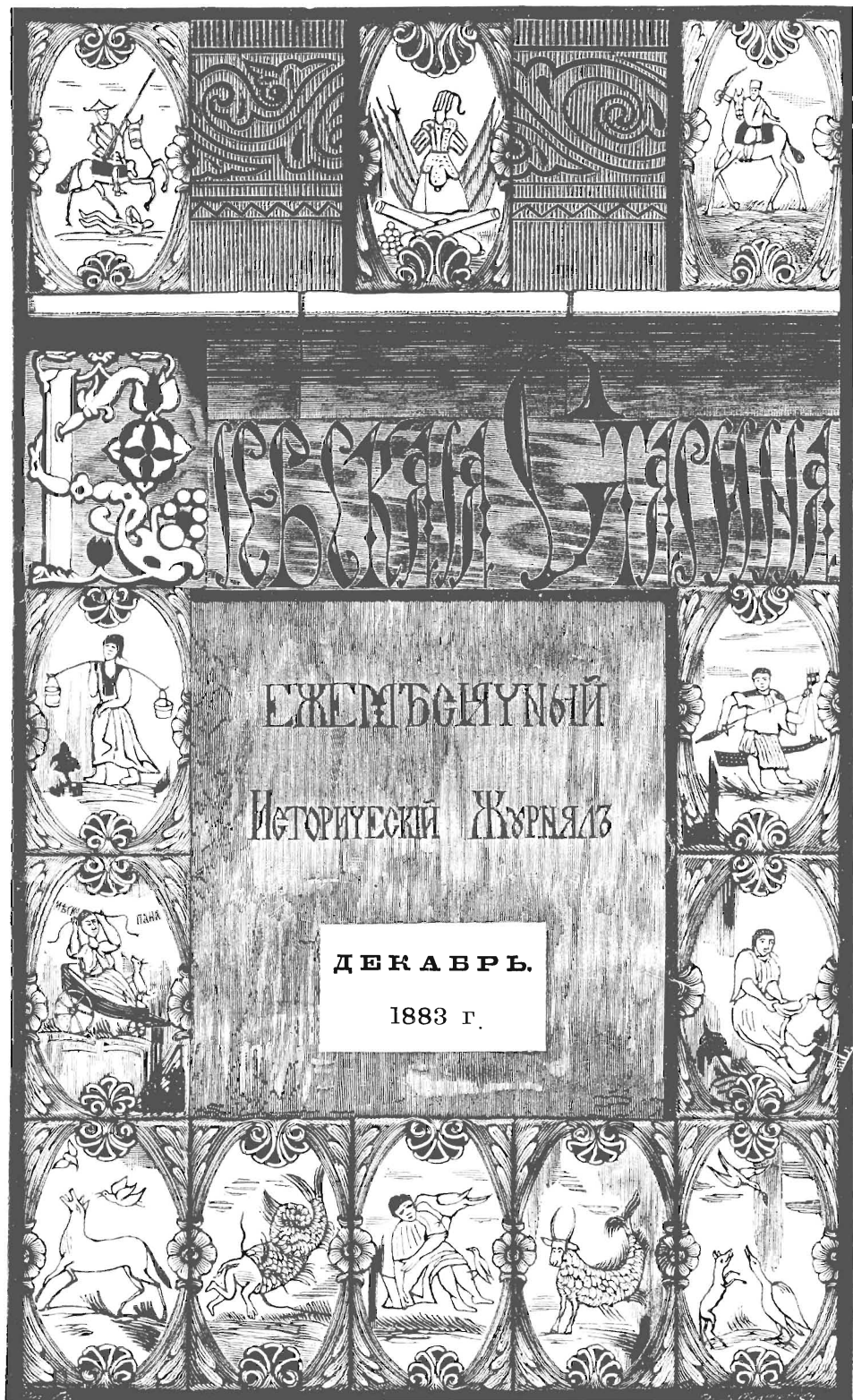
помогалъ имъ, приходилъ въ помощь во всякой нуждѣ и во всякомъ дѣлѣ, ободрялъ и утѣшалъ, обличалъ и наставлялъ. Величайшимъ его дѣломъ, утвердившимъ за нимъ имя защитника православія, было не признаніе церковной униі, какъ задумана она была врагами церкви и народа русскаго. Надо было имѣть его мужество и твердость, его силу и вліяніе, чтобы такъ торжественно и рѣшительно противустать всемъ усиліямъ короля и правительства, представителей польско-католической церкви и общества, большинства русскіхъ іерарховъ и согласныхъ съ ними духовныхъ и мірянъ и только съ двумя епископами отстаивать независимость и чистоту вѣры и отцевъ.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о кн. Константинѣ Острожскомъ изъ пространнаго отзыва о немъ современнаго южно-русскаго ученаго Захарія Копытенскаго: „въ обоемъ высоце преславный—въ дѣльности и правовѣрїи, первый межѣ князаты Росскими, великій заступъ и потѣха всего народа Роского, муръ желѣзный на Украйнахъ, страхъ и трепеть татарамъ, урода Гекторова, красота лица и особы Іосифа Прекраснаго, постава испанялая, мужъ обычаевъ царскихъ, ласкавости и цнотъ побожныхъ полный“.

Князь Константинъ Острожскій умеръ въ 1608 г., 15 февраля, и погребенъ въ острожской богоявленской церкви. У него были четыре сына: Иванъ, Константинъ, Осдоръ и Александръ. Первый изъ нихъ въ раннемъ возрастѣ огорчилъ отца своимъ вѣроотступничествомъ, два другіе умерли въ молодые годы, и послѣдній Александръ не пережилъ отца. Потомства мужскаго не осталось послѣ нихъ и знаменитый родъ князей Острожскихъ прекратился съ смертію самаго Константина Константиновича. Огромныя его имѣнія перешли то къ іезуитамъ, то къ польскимъ родамъ. Отъ его благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, отъ его собственнаго жилища не осталось и слѣда, и самая усыпальница его—церковь богоявленская лежитъ въ развалинахъ. Но неизгладимыя слѣды его апостольской ревности и насажденнаго имъ въ южной Руси просвѣщенія; они-то и будутъ служить вѣчнымъ, нерукотворнымъ памятникомъ этому великому дѣятелю нашей церкви и народа.

Прилагаемый портретъ отысканъ въ бывшей галлерей князей Вишневецкихъ, въ д. Новомъ Малинѣ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, однимъ изъ сотрудниковъ нашихъ, П. А. Китицы-

нымъ, которому мы также обязаны доставленіемъ намъ возможности получить съ этого портрета точную фотографію и копию масляными красками. Подлинникъ портрета, судя по обгнившей ладиси и внѣшнему его виду, несомнѣнно современный или весьма близкій ко времени лица, на немъ изображеннаго. Изъ того-же источника добытъ нами и портретъ жены князя Константина, урожденной графини Софіи Гариновской, который будетъ приложенъ къ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ДЕКАБРЬ.
1883 г.

Кіевъ.

Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

ДЕКАБРЬ.

1883 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 1-го декабря 1883 года.

Подписка на историческій журналъ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

1884 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрхьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Съ январской книжки начнется печатаніемъ повѣсть И. Нечуя (Левицкаго): *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, равно пойдуть и другія, общпанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: *О зміевыхъ валахъ*, Б. Б. Антоновича, *Іоанникій Галятовскій*, Н. О. Сумцова, *Малороссійскіе города XVII и XVIII ст.*, Д. И. Багалѣя, *Послѣдніе киевскіе войты*, И. М. Каманина, *Дневникъ князя Б. И. Куракина*, сподвижника Петра I-го, *Мемуары гетманича Петра*

II

Апостола и *Записки* б. кiev. губерн. предводителя дворянства П. Д. Селецкого. Для приложений, въ числѣ [другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кievск. воеводы Адама *Киселя*

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложениями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію „Кievской Старины“, Кievъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **Θ. Г. Лебединцевъ.**

Кн. Софія Острожская, ур. гр. Тарновская.

1534—1570 г.

КОЛОНИЗАЦІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

По времени колонизаціи нынѣшнюю Кубанскую область можно раздѣлить на четыре района. Колонизація началась съ сѣверныхъ частей области и распространялась потомъ на югъ. Предварительно были заняты двѣ мѣстности, изъ которыхъ, какъ изъ исходныхъ пунктовъ, продолжалось затѣмъ дальнѣйшее заселеніе края. Такими основными районами оказываются Черноморія и Старая Линія, занятая козаками почти одновременно, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, и обнимающіе собою въ настоящую пору всю сѣверную, равнинную часть нынѣшней кубанской области, по правую сторону р. Кубани, начиная отъ ея верховьевъ и оканчивая устьями. Позже, спустя почти полъ-вѣка, именно въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, была заселена Новая Линія, занявшая большую часть мѣстности между Кубанью и Лабою, до слиянія этихъ рѣкъ. Наконецъ, еще черезъ двадцать лѣтъ, въ началѣ шестидесятихъ годовъ, была колонизована остальная часть кубанской области—Закубанскій край. Этотъ послѣдній районъ занялъ собою длинное пространство закубанскихъ предгорій и ущелій отъ алборусскихъ отроговъ и до береговъ Чернаго моря.

Важнѣйшую въ колонизаціонномъ отношеніи мѣстность представляетъ Черноморія. Черноморія—прямая наслѣдница Запорожья. Въ составъ ея первоначальныхъ поселенцевъ вошли частію запорожцы, а частію лица имѣвшія тѣ или другія отношенія къ Запорожской Сѣчи. Вообще же этими поселенцами были малороссы.

Какъ извѣстно, въ 1775 году была разрушена, по приказанію Екатерины II, послѣдняя Запорожская Сѣчь великорусскими войсками подъ командою генерала Текелія. Двѣнадцать лѣтъ спустя, изъ разсѣянныхъ запорожцевъ снова было образовано козацье войско.

получившее сначала названіе: „Войско вѣрныхъ козаковъ“ въ отличіе отъ войска тѣхъ запорожцевъ, которые, не захотѣвъ мириться съ великорусскими порядками и нововведеніями, бѣжали въ Турцію. Впослѣдствіи къ названію „вѣрныхъ козаковъ“ было прибавлено названіе „Черноморскіе“, данное козакамъ въ память тѣхъ подвиговъ, которыми они ознаменовали себя на Черномъ морѣ въ бывшую въ то время русско-турецкую войну. И вотъ эти то черноморскіе казаки и были поселены въ 1792 году въ Черноморіи, т. е. въ западной половинѣ прикубанской полосы нынѣшней кубанской области.

Обнявъ пространство около 30,000 кв. в., Черноморія была населена первоначально 25 тысячами душъ обоого пола. Стало быть, на каждаго переселенца приходилось болѣе, чѣмъ по квадратной верстѣ пространства. То обстоятельство, что первоначальное населеніе Черноморіи состояло частію изъ чистыхъ запорожцевъ, а частію изъ малорусской вольницы и вообще людей, искавшихъ свободной жизни и самостоятельнаго хозяйства, само по себѣ указываетъ и на характеръ тогдашнихъ поселеній. Это были поселенія чисто козацкія, до извѣстной степени военныя, но приспособленныя къ гражданскимъ и экономическимъ цѣлямъ въ духѣ малорусскихъ порядковъ и обычаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ черноморцы при устройствѣ своихъ первыхъ поселеній придерживались того, что выработала въ этомъ отношеніи раньше Запорожская Сѣчь; но такъ какъ въ жизнь ихъ вошелъ новый элементъ, долженствовавшій произвести существенную перемѣну въ ней, то, сообразно съ этимъ, и поселенія приняли особый, отличный отъ прежнихъ характеръ. Послѣдняя Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, состояла изъ бездомнаго, безсемейнаго „товариства“, а принадлежащія ей земли были раздѣлены на „паланки“, населенныя преимущественно семейнымъ казачествомъ или „подданствомъ“. Въ Черноморіи, съ самаго начала ея существованія, не было ни господствовавшаго товариства, ни зависимаго подданства, а было лишь однообразное, если не считать конечно чиновной старшины, семейное казачество, въ составъ котораго входили и безсемейные казаки, „сиромы“, какъ часть отличнаго по своему личному составу отъ запорожской общины цѣлаго. Поэтому, и самое заселеніе края было произведено уже иначе: подъ оболочкой старыхъ формъ воз-

никли совершенно другіе порядки и пріемы для заселенія края, какіе ужь были разъ примѣнены отчасти черноморцами за Бугомъ. Екатеринодаръ, основанный 1793 г., былъ сдѣланъ крупнымъ центральнымъ пунктомъ въ ряду другихъ козачьихъ поселеній и получилъ названіе города. Здѣсь сосредоточивалось главное войсковое начальство; здѣсь же, въ крѣпости, какъ и въ Запорожскомъ Кошѣ, были выстроены курени, казармы, гдѣ жила бездомная холостая сирота и служилые козаки. Затѣмъ остальное козачество было разселено по всей остальной территоріи Черноморскаго войска. Съ этою цѣлью весною 1794 г. кошевой атаманъ Чепѣга и выбранные отъ войска депутаты опредѣлили предварительно мѣста для крупныхъ поселеній. Брошенный затѣмъ, по обычаю стараго сѣчеваго козачества, жребій указалъ, гдѣ и какому куреню предстояло поселиться.

Такъ было первоначально основано 40 отдѣльныхъ „куренныхъ селеній“, получившихъ тѣже самыя названія, подъ которыми были извѣстны 38 куреней въ Запорожской Сѣчи. Два поселенія, кромѣ того, были основаны и названы: одно Екатериновскимъ, въ честь Еватерины II, а другое Березанскимъ, по имени крѣпости Березани, взятой черноморцами у турокъ въ предшествовавшую предъ тѣмъ русско-турецкую войну. Самое названіе: „куренное селеніе“, очевидно, указывало какъ на преемственность новыхъ поселочныхъ формъ Черноморіи отъ формъ старыхъ—„куреней“, такъ и на отличительную особенность этихъ новыхъ формъ—„селеній“, приравленныхъ къ семейному обществу. Но въ разговорномъ языкѣ долго потомъ употреблялось слово „курень“ безъ всякихъ эпитетовъ. Въ настоящее время черноморцы называютъ свои крупныя поселенія станицами и изрѣдка слободами, названіе же курень совсѣмъ вышло изъ употребленія.

Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренными селеніями, возникли въ ней и другого рода поселочныя формы, формы мелкія, ячеичныя. Это были хутора, зимовни и коши, изъ которыхъ нѣкоторыя появились даже раньше основанія куреней. Будучи въ колонизаціонномъ отношеніи формами второстепенными, зависимыми и тяготившими къ куренямъ, какъ части къ цѣлому,—хуторскія обзаведенія были, такъ сказать, занесены поселенцами вмѣстѣ съ ихъ хозяйствомъ. Главную статью этого послѣдняго у

поселенцевъ составлялъ скоть, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано съ хуторомъ и его первообразомъ—зимовникомъ или кошемъ.

И такъ, двѣ собственно поселочныя формы—курень и хуторъ легли въ основу колонизаціи бывшей Черноморіи. Курень былъ поселеніемъ административнымъ и хозяйственнымъ вмѣстѣ, хуторъ по преимуществу хозяйственнымъ. Необходимость существованія перваго вызывалась коллективными требованіями козачества, необходимость существованія втораго вытекала изъ хозяйственныхъ потребностей отдѣльныхъ лицъ, какъ самостоятельныхъ предпринимателей.

Такъ какъ во время заселенія Черноморія представляла собою край дикій и незаселенный даже инородцами, а рядомъ съ нею лежали земли черкесовъ, народа хищнаго и воинственнаго; то козачеству предстояло разомъ и организовать экономическую жизнь и защищать новую свою родину отъ настроенныхъ враждебно къ нимъ, какъ пришельцамъ, иноплеменныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ колонизаціи, за экономическими нуждами черноморцевъ, очень настоятельно должны были выступить наружу требованія военныя. Само правительство, населяя Черноморію, искало въ ея поселенцахъ того живаго оплота противъ внѣшнихъ враговъ государства, какимъ издавна считалось козачество. Этою-то двойственною ролью козачества, какъ военнаго сословія, поставленнаго въ военную обстановку, и какъ населенія пограничнаго, обуславливалась необходимость еще третьяго рода поселочныхъ формъ, начало которымъ уже было здѣсь положено русскимъ правительствомъ въ видѣ военныхъ укрѣпленій. Такими исключительно военными поселочными формами были у Черноморцевъ—кордоны или посты, т. е. небольшія козачьи крѣпости и пикеты („бикеты“), т. е. еще менѣе значительные сторожевые пункты.

Для исторіи колонизаціи Черноморіи существенно важны, конечно, только перваго рода формы козачьихъ поселеній—курени и хутора. Кордоны и пикеты, разъ возникнувъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, такъ и остались потомъ, претерпѣвая временами незначительныя измѣненія, военными укрѣпленіями, исчезнувшими безвозвратно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ исключительныхъ военныхъ условий. Развитіе гражданской и экономической жизни козачества

шло рука объ руку съ историческимъ ростомъ куреня и хутора. Здѣсь, въ предѣлахъ территоріальныхъ границъ, тяготѣвшихъ къ этимъ формамъ, и шло собственно заселеніе Черноморіи въ теченіи послѣдующихъ затѣмъ десятилѣтій. Сюда былъ направленъ притокъ колонизаціонныхъ элементовъ извнѣ и тутъ же совершалось постоянная замѣна, возникновеніе и видоизмѣненіе колонизаціонныхъ формъ путемъ внутренняго самостоятельнаго развитія.

Строго говоря, на ходъ колонизаціи Черноморіи имѣли вліяніе различныя обстоятельства, но въ общемъ всѣ эти вліянія носили двойственный характеръ: въ однихъ случаяхъ возникновеніе поселочныхъ формъ вызывалось мѣстными причинами, требованіями самой жизни, въ другихъ—дѣятельную роль играли въ этомъ отношеніи правительственныя мѣропріятія.

Населяя новый, малоизвѣстный до того край, черноморцы не могли, понятно, сразу же ознакомиться съ его естественными особенностями. Поэтому, частію вслѣдствіе незнанія этихъ особенностей, а частію по винѣ администраціи, на первыхъ же шагахъ колонизаціи явилась надобность въ нѣкоторыхъ передвиженіяхъ и перераспредѣленіи поселенцевъ. Уже въ концѣ 1799 г. наказный атаманъ Котляревскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ о Черноморскомъ войскѣ прямо указываетъ на то, что однихъ поселенцевъ прежнее начальство селило „противъ ихъ желанія на невыгодныхъ для жительства мѣстахъ“. Впослѣдствіи стѣсненія въ этомъ родѣ, благодаря вольному пользованію войсковыми землями и угодьями, должны были выступить наружу въ жизни козака еще рѣзче. И козачество, по понятнымъ причинамъ, старалось обйти и парализовать такія стѣсненія. Съ этою цѣлію имъ переносились съ мѣста на мѣсто хутора и даже передвигались цѣлые курени¹⁾, какъ это случилось съ Ивановскимъ куренемъ.

Съ первыхъ же шаговъ заселенія Черноморіи начался и постоянный притокъ сюда бѣглыхъ элементовъ, притокъ, долго непрекращавшійся впослѣдствіи²⁾. Въ грамотахъ Екатерины II и Александра I, въ перепискѣ войсковой администраціи съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, а потомъ губерніей, въ постанов-

¹⁾ Короленко, «Черноморцы», стр. 62.

²⁾ См. статью «Бѣглые въ Черноморіи», въ 5 кн. «Кіевск. Стар.» 1883 г.

леніяхъ и распоряженіяхъ самого войска находится не мало указаній на этотъ счетъ. Съ одной стороны, войску предъявлялись требованія разнаго рода начальствъ о выдачѣ бѣглыхъ и объ установленіи мѣръ для „пресѣченія зла“, а съ другой козачество, заинтересованное въ увеличеніи своего народонаселенія видимо отдѣльвалось одними формальными распоряженіями и отписками. И это вполне понятно. Черноморія нуждалась въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ, кому бы тамъ не принадлежали эти руки. Такъ какъ ея коренное населеніе было постоянно отвлекаемо отъ хозяйства военною службою, то понятно, что всякій пришелець былъ здѣсь желаннымъ гостемъ, а безпаспортный, бѣглець, бродяга, съ которымъ можно было при случаѣ не церемониться, тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ, увеличивая этимъ путемъ народонаселеніе, Черноморское войско естественно должно было расширять свою экономическую жизнь, создавая новыя поселочныя формы и развивая старія.

Но главную массу переселенческаго люда давало Черноморію все таки само правительство. Удовлетворяя естественныя требованія войска въ этомъ отношеніи, оно въ три приѣма—въ 1808, 1820 и 1848 годахъ, распорядилось о переселеніи въ Черноморію болѣе 100,000 душъ обоого пола изъ малороссійскихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ 1809—1811 перешло на поселеніе изъ Полтавской и Черниговской губерній 22,206 душъ мужскаго и 19,328 душъ женскаго пола, съ 1820—1825 г. вновь прибыло изъ тѣхъ-же губерній 25,627 душъ мужскаго и 22,755 душъ женскаго пола, наконецъ, въ пятилѣтіе 1845—1850 года изъ тѣхъ-же губерній, а также изъ другихъ мѣстъ Малороссіи и губерній харьковской въ послѣдній разъ было переселено до 8,500 душъ мужскаго и до 7,000 душъ женскаго пола¹⁾). Крімъ того, въ 1808 г. правительство разрѣшило поселиться въ Черноморіи 500 душъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи²⁾). Стало быть, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, первоначальное населеніе Черноморіи, состоявшее

¹⁾ Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45. Бентювскій, «Заселеніе Черноморіи», стр. 69 и 104.

²⁾ Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45.

изъ 25,000 душъ обоюго пола, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, было увеличено въ пять разъ.

Само собою разумѣется, что такой сильный притокъ переселенцевъ въ Черноморію извнѣ долженъ былъ отразиться весьма замѣчательнымъ образомъ и на ея поселочныхъ формахъ. Одни изъ этихъ формъ должны были выдѣлится изъ себя выселки, вслѣдствіе внутренняго своего роста и переполненія пришлымъ людомъ, другіе—возникнуть вновь, вмѣстѣ съ водвореніемъ новыхъ переселенцевъ, подъ давленіемъ ви́шней необходимости. Такимъ образомъ, въ 1811 г., т. е. чрезъ 19 лѣтъ послѣ заселенія края, вмѣсто 40 куреней, было ихъ 43, въ 1821 г. считалось 47 крупныхъ поселеній, въ 1825 году—два города, 59 станицъ, 5 поселковъ и въ 1850 г.—3 города, 61 станица и 2 поселка¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно росло и количество хуторовъ. Такъ, до 1809 г. ихъ было 66, въ 1821 г.—1766, въ 1825—2262 и въ 1850 г.—2548²⁾). А въ общей сложности къ концу шестидесятыхъ годовъ³⁾, по словамъ Ивана Даниловича Попка, въ Черноморіи было „3 города, одна нѣмецкая колонія, 63 куреня или станицы (въ томъ числѣ 2 при городахъ Екатеринодарѣ и Тамани), 5 поселковъ и до 3000 хуторовъ“, съ населеніемъ въ 185,220 душъ обоюго пола⁴⁾).

Нѣсколько иначе производилась колонизація Старой Линіи.

Старая Линія, какъ показываетъ и самое ея названіе, служила первоначально чисто военною демаркаціонною линіею между русскими владѣніями и землями кавказскихъ горцевъ. Поэтому, и первыя поселенія линейцевъ нѣсколько отличались отъ поселеній черноморцевъ. Между тѣмъ какъ въ Черноморіи только весьма незначительная часть куреней примыкала къ военной границѣ, именно три куреня находились при Кубани и три въ недалекомъ отъ нея разстояніи, а большинство ихъ было размѣщено внутри края,—на Старой Линіи всѣ станицы возникли на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій и редутовъ, вдоль Кубани и въ ближайшихъ къ ней стратегическихкихъ пунктахъ. Такимъ образомъ, линейныя станицы были бо-

1) Непзданные матеріалы изъ войсковаго архива, Ев. Д. Фелпцына.

2) Ibid.

3) Книга г. Попка, издана въ 1858 г.

4) Попка «Черн. козакъ», стр. 49 и 50.

лѣе еоенными и болѣе приспособленными къ постоянной защитѣ отъ кавказскихъ горцевъ поселеніями, чѣмъ черноморскіе курени.

Заселеніе Старой Линіи станицами началось одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренями въ 1794 г. Въ этомъ году было основано по мысли графа Гудовича, подъ руководствомъ генерала Фере, шесть станицъ, населенныхъ возмущившимися донскими козаками. Двѣ изъ нихъ были поселены при кавказской и усть-лабинской крѣпостяхъ, двѣ при Григориополисскомъ и Прочноокопскомъ укрѣпленіяхъ, одна при Темнолѣскомъ ретраншементѣ и одна при Воронскѣскомъ редутѣ¹⁾, при чемъ каждая изъ станицъ получила имя того укрѣпленія, при которомъ она была поселена. Девять лѣтъ спустя, въ 1803 г., по ходатайству генерала Кнорринга, было основано и населено выходцами изъ Слободской Украины четыре станицы—Телишбекская, Казанская, Ладожская и Тифлисская при редутахъ того-же имени; затѣмъ въ слѣдующемъ 1804 г. населена тѣми-же выходцами еще одна станица—Воронежская. Всѣ эти станицы въ свою очередь получили одно общее названіе кавказскаго полка²⁾. Впослѣдствіи, преимущественно въ 1825 г., было основано еще 8 станицъ въ районѣ между Баталпашинскомъ и Прочноокопской станицей. Наконецъ для усиленія линейнаго козачества, по распоряженію правительства, въ два приѣма было обращено 17 крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы, именно: 13 въ 1833 г. и 4 въ 1848 г., и присоединены къ бывшему кавказскому линейному войску, въ составъ котораго входила тогда и Старая Линія.

И такъ, слѣдовательно, къ концу сороковыхъ годовъ въ составѣ нынѣшней Старой Линіи числилось всего 36 станицъ.

Что касается затѣмъ другихъ поселочныхъ формъ—хуторовъ, то возникновеніе и распространеніе ихъ шло, надо полагать, какъ и въ Черноморіи, параллельно съ колонизаціей края. Такъ, по словамъ Дебу, станица Телишбекская завела свои хутора на сѣверъ

¹⁾ Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», т. 11-й, стр. 245, Дебу, «О кавказской линіи и черноморскомъ войскѣ», стр. 68.

²⁾ Бутковъ, «Матеріалы» и пр., т. 11-й, стр. 256 и 257. Дебу, «О кавказ. линіи» и пр., стр. 70. Въ 1812 г. Телишбекская станица была перечислена въ кубанскій полкъ, а усть-лабинская въ кавказскій.

отъ Кубани по р. Рапсеваткѣ¹⁾; казаки кавказскаго полка имѣли также на сѣверъ отъ Кубани на разстояніи 20 и 40 верстъ хутора при болотныхъ рѣчкахъ²⁾. Но то обстоятельство, что, съ одной стороны, лежавшія ближе къ Кубани станицы находились въ крайне невыгодныхъ военныхъ условіяхъ, а съ другой болѣе удаленныя отъ этой рѣки, бывшія раньше крестьянскими поселеніями, занимались издавна больше земледѣліемъ, чѣмъ скотоводствомъ, позволяетъ заключить, что на Старой Линіи хутора не были такими многочисленными и повсемѣстно разбросанными формами, какъ въ Черноморіи. Это-же отчасти подтверждается по аналогіи и современнымъ состояніемъ поселочныхъ формъ на Черноморіи и Старой Линіи, изъ которыхъ въ первой хутора и теперь составляютъ подавляющее количество, сравнительно со второй.

Наконецъ, со стороны своего этническаго состава Старая Линія также представляетъ нѣкоторыя особенности. Какъ и въ Черноморіи, основнымъ элементомъ въ ней явилось козачество; какъ и въ Черноморіи, притокъ бѣглецовъ въ ней былъ довольно обычнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ интенсивнымъ явленіемъ. Къ 1829 году состоялось даже Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи бродягъ, зашедшихъ въ кавказскую область, въ работники поселеннымъ на кавказской линіи козакамъ.³⁾ Мѣра общая по тому времени для всей кавказской области и имѣвшая въ частности ближайшее отношеніе къ населенію Старой Линіи. Но между тѣмъ какъ въ Черноморіи колонизирующимъ элементомъ всегда были малороссы, на Старой Линіи перевѣсъ былъ за великороссами. Въ Черноморіи населеніе представляло въ этомъ отношеніи однообразную компактную группу, на Старой Линіи въ составъ войска вошли довольно разнообразныя элементы, связующимъ звеномъ для которыхъ послужилъ великороссъ. Тутъ были и донцы, и хоперцы, и козаки бывшаго екатеринославскаго войска, и отставные солдаты, и великорусскіе, и малорусскіе крестьяне. Тѣмъ не менѣ экономическая жизнь, вылившись въ козачьи формы, получила яркую

¹⁾ Дебу, «О кавказской линіи», стр. 69.

²⁾ Тамъ-же, стр. 76.

³⁾ Бентковскій, «Заселеніе быв. кав. линейнаго войска», стр. 28.

великорусскую окраску, съ сильнымъ общиннымъ духомъ, большими семьями и преобладающимъ значеніемъ земледѣлія.

Заселеніе затѣмъ Новой Линіи началось съ 1841 года. Проектъ объ этомъ, возникнувшій по мысли генерала Засса и разработанный потомъ генераломъ Вельяминовымъ и барономъ Розеномъ ¹⁾, былъ утвержденъ правительствомъ еще въ 1839 г. Первоначально предполагалось основать всего только 14 станицъ; но обстоятельства потомъ раздвинули значительно шире предложеннаго колонизацію Новой Линіи. Заселеніе края шло постепенно въ теченіи двадцати лѣтъ, пополняясь черезъ извѣстные промежутки все новыми и новыми станицами. Такимъ образомъ, въ 1841 г. было основано 4 станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, послужившія какъ-бы главными операціонными точками, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее заселеніе края по разнымъ направленіямъ. Въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ восьми лѣтъ, съ 1841 по 1849 г., было основано еще 7 станицъ, съ 1852 по 1860 г.—13 станицъ и наконецъ въ этомъ послѣднемъ году двѣ станицы. Итого, слѣдовательно, въ теченіи двадцати лѣтъ было основано на Новой Линіи 32 станицы.

Главнымъ и почти единственнымъ колонизирующимъ элементомъ въ этомъ случаѣ послужили козаки старыхъ станицъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, т. е. нынѣшней Старой Линіи, а также нѣкоторыхъ станицъ теперешняго терскаго войска и сель ставропольской губерніи. Только въ 1849 г. было поселено здѣсь 250 семействъ изъ числа малороссійскихъ переселенцевъ, назначенныхъ на поселеніе въ владикавказскомъ полку нынѣшняго терскаго войска, да въ разное потомъ время нѣсколько десятковъ семействъ съ Дона и изъ другихъ внутреннихъ губерній. Наконецъ сюда-же нужно отнести нѣкоторое количество бѣглыхъ и безпаспортныхъ, которыми тогда былъ богатъ весь сѣверный Кавказъ. Такимъ образомъ въ общемъ результатъ колонизація Новой Линіи была почти исключительно дѣломъ старолинейныхъ казаковъ. Приглашенные военнымъ начальствомъ сначала въ качествѣ охотниковъ заселить лабинскій край, они отнеслись довольно индефферентно къ этому приглашенію. Тогда начальство принудило ихъ выслать переселен-

¹⁾ Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска», стр. 21.

цевъ по жребію, и станичныя общества въ этомъ затруднительномъ случаѣ придумали нанимать изъ среды себя охотниковъ, съ платою отъ 200 до 400 р. на семью. Мѣра эта и дала главный контингентъ переселенцевъ для заселенія неспокойнаго лабинскаго края¹⁾.

Отличительная черта колонизаціи Новой Линіи заключается въ наибѣйшемъ приспособленіи поселочныхъ формъ исключительно къ военнымъ цѣлямъ. Вновь поселенныя станицы были выдвинуты въ самую территорію горскихъ племенъ. Въ дѣлѣ военной колонизаціи Новая Линія пошла поэтому дальше Старой. Военное начальство тутъ не только назначило мѣста для поселеній, но, благодаря непрерывнымъ столкновеніямъ съ горскими племенами, приуждено было до мельчайшихъ подробностей регламентировать даже экономическую жизнь. Оно издавало приказанія, какъ ставить плетни и приспособлять терновникъ, „чтобы непріятель не могъ ни повалить плетня, ни перелѣзть черезъ верхъ²⁾“. Оно-же совѣтовало, какъ обращаться съ огнемъ, спрашивало о количествѣ сѣна и давало наставленіе, какъ косить его, складывать въ стога и т. п., „чтобы оградить отъ нападенія хищниковъ“, „отъ ихъ зажигаательства“.

Понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, когда козакъ и пахаль, и косиль, и убираль хлѣбъ, и возиль дрова или лѣсъ, по командѣ и подъ прикрытіемъ военной силы, станица на Новой Линіи являлась единственною поселочною формою. Хуторъ не могъ тутъ существовать, или въ крайнемъ случаѣ могъ быть лишь исключеніемъ. Только съ 1864 г., т. е. со времени покоренія Западнаго Кавказа, на Новой Линіи начинаютъ особенно быстро и широко распространяться хуторскія формы.

Послѣдній актъ заселенія Кубанской области является самою крупною мѣрою по отношенію къ насажденію вынужденной, правительственной колонизаціи въ этомъ краѣ. Въ короткое время, среди самыхъ неблагоприятныхъ военныхъ условій, предгорья Кубанской области были покрыты цѣлою сѣтью козачьихъ станицъ на значительномъ пространствѣ и въ небываломъ до того количествѣ. Въ сущности колонизація этой мѣстности была громаднѣйшимъ

¹⁾ Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. ливнейнаго войска», стр. 21—42

²⁾ Изъ архивныхъ документовъ станицы Вознесенской.

заключительнымъ сраженіемъ, которымъ окончилась семидесятилѣтняя борьба кубанскихъ козаковъ съ кавказскими горцами. Горцы проиграли это сраженіе, но и козакамъ оно не легко досталось. Одни изъ нихъ должны были бросить насиженные, обогрѣтыя и обезпеченныя мѣста своихъ отцовъ и предковъ, чтобы идти въ чужой край и насадить здѣсь новую жизнь подъ давленіемъ непривычныхъ естественныхъ условій и непреоборимыхъ трудностей, другимъ суждено полечь костью прежде, чѣмъ они успѣли не только начать насажденіе этой новой жизни, но и даже стать сколько нибудь прочною ногою на тѣхъ мѣстахъ, которыя вынужденъ былъ уступить имъ сложившій наконецъ оружіе горець.

Опираясь на опытъ прошедшаго, имѣвшій мѣсто на Новой Линіи, съ одной стороны, и на военныя требованія, съ другой, руководившіе колонизаціей Закубанья заняли и основали въ теченіи 14 лѣтъ, подъ прикрытіемъ военной силы, въ связи съ дѣйствіями солдатскихъ и козачьихъ колоннъ и отрядовъ, 83 пункта для крупныхъ поселеній. Колонизація началась съ восточной стороны кубанскихъ предгорій и, попавъ въ крайне неумѣлыя руки главнаго распорядителя графа Евдокимова, на первыхъ-же порахъ встрѣтила серьезныя препятствія со стороны того населенія, которымъ предположено было колонизовать Закубанскій край. Съ чисто военною поспѣшностью, игнорируя хозяйственныя соображенія и расчеты, графъ Евдокимовъ предположилъ первоначально переселить за Кубань шесть станицъ изъ 5-й и 6-й бригадъ кубанскаго козачьяго войска и двѣ изъ Черноморіи. По этому проекту, шесть первыхъ станицъ должны были сразу переселить изъ 1653 семействъ своего населенія 1397 семействъ, т. е. почти 90%, оставивъ временно на мѣстѣ 256 семействъ, а двумъ черноморскимъ станицамъ предстояло дать 770 семействъ. На новомъ мѣстожителствѣ, среди враждебныхъ народностей, эти поселенцы должны были образовать цѣлыхъ 17 станицъ въ неудобныхъ мѣстахъ и при непривычныхъ естественныхъ условіяхъ. И все это имѣлось въ виду совершить въ теченіи года! Понятно, что такая невѣроятная ломка могла въ конецъ разорить козаковъ, скопившихъ трудомъ и потомъ не большія хозяйственныя обзаведенія на старомъ мѣстожителствѣ. Застигнутые врасплохъ казаки, по обычаю русскаго народа, вошли съ прошеніями и ходатайствами по начальству. Графъ Евдокимовъ настаивалъ

на приведеніи въ исполненіе проэктированныхъ имъ мѣръ. Дѣло обострилось и едва не разрѣшилось кровавою развязкою. Въ концѣ концовъ графу Евдокимову пришлось самому-же исправлять собственную свою ошибку. Неудачная попытка колонизаціи закубанскаго края цѣлыми станицами была замѣнена системою вызова охотниковъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ вспомошествованіемъ, и порядкомъ назначенія станичными обществами извѣстнаго количества своихъ членовъ по жребію ¹⁾).

Какъ и слѣдовало ожидать, новыя мѣры дали и новые результаты. Въ 1861-же году было поселено въ два пріема 1736 семействъ въ 11 станицахъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Кубани и ея главнѣйшихъ притоковъ по направленію къ г. Майкопу. Въ слѣдующемъ 1862 г. колонизація приняла еще болѣе широкіе размѣры: въ этомъ году было основано уже 28 станицъ въ разныхъ мѣстахъ закубанскаго края и въ нихъ водворено 4387 семействъ переселенцевъ. Въ этомъ-же году было утверждено положеніе о заселеніи предгорій западной части сѣвернаго Кавказа. Такъ какъ положеніемъ этимъ предоставлялось козакамъ-поселенцамъ, кромѣ извѣстнаго денежнаго пособія и надѣла общинными землями, полученіе земель въ частную собственность; то мѣра эта привлекла не мало охотниковъ, желавшихъ поселиться въ закубанскомъ краѣ, какъ изъ среды кубанскаго войска, такъ и изъ войска донскаго, азовскаго, оренбургскаго, уральскаго и терскаго. Такимъ образомъ въ 1863 г. вновь было основано 20 станицъ, съ населеніемъ въ 3541 семействъ, и наконецъ въ 1864 г. 17 станицъ и 7 поселковъ, съ населеніемъ въ 4417 семействъ ²⁾). Въ теченіе-же всего четырехъ лѣтняго періода было основано, слѣдовательно, 83 крупныхъ козачьихъ поселеній и въ нихъ поселено 14,081 семействъ.

Самое расположеніе станицъ находилось, конечно, въ тѣсной связи съ военными соображеніями. Руководившіе колонизаціей смотрѣли на закубанскую станицу прежде всего, какъ на стратегическій пунктъ, какъ на опорную точку при вытѣсненіи горцевъ изъ самыхъ крайнихъ и непрístupныхъ уголковъ ихъ мѣстожитва. Поэтому, одни изъ станицъ, какъ Хамкетинская, Бѣлорѣчен-

¹⁾ Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 7—73.

²⁾ Тамъ-же, стр. 75—78.

ская, Ново-Дмитріевская, Абинская и пр. возникли на мѣстахъ бывшихъ уже здѣсь укрѣпленій; при расположеніи другихъ стратегическимъ соображеніямъ часто отдавалось преимущество предъ выгодами и расчетами экономическими. Точно также и самый составъ переселенцевъ, какъ нельзя болѣе, соответствовалъ все тѣмъ-же военнымъ цѣлямъ. Козаки и вообще служило—военные элементы составили подавляющее большинство. Такъ изъ общей массы переселенцевъ 58,9% приходится на долю кубанскихъ козаковъ, 25,3% на долю козаковъ изъ другихъ войскъ и отставныхъ солдатъ и только 15,8% на долю государственныхъ крестьянъ и людей другихъ сословій¹⁾. Однимъ словомъ, и на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ производилась колонизація закубанскаго края, и на расположеніи станицъ, и на самомъ составѣ переселенцевъ одинаково лежала печать военного Молоха, въ жертву которому искони приносилось козачество, служившее, по выраженію г. Полка, „живую изгородь на рубежахъ отечественной земли“. Экономическіе промахи и недосмотры при такой колонизаціи неизбежны. И дѣйствительно нѣкоторыя станицы, какъ Псеменская, впоследствии были совсѣмъ снесены и расселены, другія и теперь еще испытываютъ серьезныя экономическія стѣсненія, явившіяся слѣдствіемъ военной колонизаціи.

Занятіемъ западныхъ предгорій Кавказа и оканчивается собственно колонизація Кубанской области въ смыслъ расширенія границъ козачьей территоріи. Большинство сложившихъ оружіе черкесовъ эмигрировало въ Турцію, принявшіе русское подданство были переселены съ предгорій на плоскости, ближе къ Кубани. Козаки такимъ образомъ прочно укрѣпились на всѣхъ пунктахъ когда-то враждебнаго имъ края и козачьи станицы обширнѣйшею сѣтью охватили всю Кубанскую область. Дальнѣйшее затѣмъ заселеніе края было исключительно дѣломъ расселенія, результатомъ внутренней переработки и распредѣленія наличныхъ колонизаціонныхъ элементовъ. Правда, притокъ переселенцевъ въ Кубанскую

¹⁾ Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 76 и 77. Взятая у г. Бентковскаго цифра для опредѣленія процентныхъ отношеній состава закубанскихъ переселенцевъ значительно разнится отъ цифръ, приведенныхъ г. Бентковскимъ-же при населеніи станицъ.

область по прежнему продолжался извѣтъ, въ нѣкоторые годы онъ принялъ даже необычайные размѣры, но онъ не носилъ уже прежняго характера. Козачество, какъ войско, закрыло доступъ въ свою среду переселенцамъ. Оно само раздробилось на массу отдѣльныхъ станичныхъ общинъ и станичная община уже самостоятельно начала абсорбировать пришлые и чуждые ей элементы, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда она находила это нужнымъ.

На первыхъ порахъ этой внутренней колонизаціи слѣды общинъ административныхъ мѣропріятій еще даютъ себя чувствовать козаку, нѣкоторыя станицы еще возникаютъ по предначертанію и указаніямъ войсковаго начальства. Такъ, въ 1865 и 1866 г. были основаны Славянская, Георгіе - Афонская, Мингрельская, Троицкая, Анастасіевская и Курченская станицы, въ 1871 г. Копанская и Ясенская. Мѣста для этихъ станицъ были избраны и назначены администраціей, а населеніе взято изъ существовавшихъ уже козачьихъ поселеній, въ которыхъ оно особенно сильно возросло. Съ теченіемъ времени даже эта черта принудительнаго расселенія терается въ козачьихъ общинахъ. Возникновеніе новыхъ поселеній и признаніе самостоятельности за возникшими уже въ формѣ хуторовъ становятся дѣломъ инициативы и усмотрѣнія станичныхъ общинъ. Администрация только даетъ въ такихъ случаяхъ свою санкцію. Такимъ образомъ возникло нѣсколько поселковъ на дополнительныхъ станичныхъ участкахъ и на мѣстахъ занятыхъ группами хуторовъ, какъ Албашскій, Ахтарскій, Широчанскій, Черноерковскій, Кармалинскій и многіе другіе. Но въ это-же время въ Кубанскую область начинается особенно сильный притокъ другого рода переселенцевъ, такъ называемыхъ иногороднихъ или, по выраженію черноморцевъ, „городовиковъ“, т. е. крестьянъ арендаторовъ и ремесленниковъ, выселившихся въ Кубанскую область изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Примѣры колонизаціи Кубанской области, помимо козачьихъ, другими элементами имѣли мѣсто еще до покоренія Западнаго Кавказа, но это были лишь единичныя и малозначущія попытки. Такъ въ 1834 г. возникло селеніе Армавиръ, населенное горскими армянами, и основаны въ Черноморіи двѣ нѣмецкія колоніи Михельсталь и Александровская. Одновременно съ занятіемъ кубанскихъ предгорій и непосредственно затѣмъ эти единичныя попытки на-

чинають принимать болѣе общій характеръ. Греки, нѣмцы, молдоване, болгары и русскіе крестьяне образовали въ это время въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько крупныхъ поселеній. Такимъ образомъ возникли селенія Витязевское, Греческое, Мерчанское, Молдованское и Русское въ темрюкскомъ уѣздѣ, колоніи Александрфельдская, Резенфельдская и Эйфельдская въ кавказскомъ уѣздѣ, селенія Богословское, Козьминское, Ольгинское и Успенское въ баталпашинскомъ уѣздѣ и др. Тѣмъ не менѣе всѣ эти не козачьи поселенія дали относительно незначительную цифру переселенцевъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое приходится на долю „иностранцевъ“ или „городовиковъ“. Этимъ послѣднимъ суждено было внести въ жизнь козачества болѣе сильную экономическую струю, чѣмъ ихъ счастливымъ предшественникамъ, и въ нѣкоторой степени измѣнить даже самый характеръ поселочныхъ формъ Кубанской области.

Особенно сильный притокъ иностранцевъ въ Кубанскую область начинается со времени изданія въ 1868 г. закона, дозволившаго лицамъ не войсковаго сословія приобрѣтать въ собственность усадебныя строенія на козачьихъ земляхъ. Получивъ возможность жить осѣдло въ Кубанской области, крестьяне преимущественно южно-русскихъ губерній двинулись цѣлыми тысячами на Кубань, и въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ общее ихъ количество въ области возрасло до 250,000 душъ, что составитъ 25° казеннаго населенія. Вся эта масса взялась главнымъ образомъ за земледѣліе, арендуя войсковыя, общинныя и частныя земли. Размѣстившись болѣею частью по станицамъ, изрѣдка въ поселкахъ и хуторахъ, они образовали цѣлыя хуторскія поселенія собственно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Часть переселенцевъ, кромѣ того, была принята станичными обществами въ число своихъ членовъ и въ нѣкоторыхъ станицахъ, каковы глухія станицы Закубанья, продолжаетъ приниматься и по сію пору.

Таковъ въ общихъ чертахъ историческій ходъ колонизаціи въ Кубанской области. Съ самаго начала колонизаціи и до половины шестидесятыхъ годовъ, въ продолженіи семидесяти лѣтъ, военныя причины и обстоятельства имѣли чрезвычайно важное вліяніе на распредѣленіе и характеръ поселочныхъ формъ. Только Черноморія представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Въ обычаѣ

вообще козачества слиться крупными селеніями, и этотъ обычай осложнялся потомъ все новыми и новыми требованіями въ каждомъ новомъ случаѣ. Козаки селились скучными поселеніями, „по плану“, кварталами, съ прямыми улицами, даже тамъ, гдѣ, при другихъ обстоятельствахъ, они навѣрное придали-бы селенію болѣе разбросанный видъ. Затѣмъ для хозяйственныхъ нуждъ они прибѣгали къ устройству зимовниковъ, кошей и хуторовъ. 1864 годъ, годъ окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, завершивъ поступательный ходъ козачьей колонизаціи, принесъ съ собою новыя условія для дальнѣйшаго заселенія Кубанской области. Требованія въ этомъ отношеніи военной жизни, завоевательныя задачи и интересы борьбы съ черкесами сходятъ со сцены окончательно и безповоротно. Наступаетъ иная, мирная, гражданская жизнь, начинается внутренняя переработка и уравниваніе колонизаціонныхъ элементовъ и формъ; въ то-же время извнѣ, изъ Россіи, годъ съ годомъ усиливается притокъ пришлаго безземельнаго люда. Все это даетъ сильнѣйшій толчокъ развитію экономической жизни козачества: земельная община становится фокусомъ, около котораго концентрируются самыя разнообразныя экономическія теченія, а внутри котораго идетъ дѣятельная борьба старыхъ общинныхъ порядковъ съ новыми.

Ф. Щербина.

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности *).

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., разбирая пѣсни *о взятіи козаками Азова* и сообщая записанные на Украинѣ варианты пѣсни *о сынѣ Стеньки Разина*, мы подошли къ вопросу о необходимости сравнительнаго изслѣдованія украинской народной словесности и въ частности пѣсенъ. Такое изслѣдованіе, по нашему мнѣнію, составляетъ теперь настоящую необходимость. Сравненіе въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано въ нѣсколькихъ кругахъ разной величины радіусовъ: въ кругѣ русскомъ (велико-бѣло-мало-русскомъ), въ кругѣ славянскомъ, въ кругѣ арійскомъ, въ кругѣ культурно-человѣческомъ, наконецъ въ кругахъ болѣе тѣсныхъ и, такъ сказать, случайныхъ,—въ кругу области народовъ разнаго племени и разной степени культуры, которые соприкасались съ нашимъ народомъ и передали ему, или отъ него заимствовали извѣстную часть матеріала народной словесности. обстоятельное сравненіе этого матеріала у разныхъ народовъ, сравненіе какъ основныхъ темъ, такъ и ихъ развитія въ подробностяхъ, опредѣлило-бы какъ *отличіе* нашей словесности, такъ и *сходство* ея съ другими, а въ послѣднемъ случаѣ опредѣлило-бы, происходитъ-ли это сходство отъ *совпаденія* или отъ *унаслѣдованія* изъ общаго когда-то, племеннаго достоянія, или-же (какъ это чаще всего бываетъ) отъ *заимствованія* при взаимномъ культурномъ вліяніи. Только тогда, когда подобнымъ образомъ будетъ изслѣдована наша народная словесность посредствомъ метода *интернаціональнаго* сравненія, можно будетъ говорить съ основательностію о ея *національномъ* элементѣ.

*) См. «Кіевская Старина» 1882 г., кн. XI.

Само собою разумѣется, что такая разработка нашей богатой народной словесности можетъ быть дѣломъ только совокупныхъ усилий цѣлаго ряда ученыхъ. Не имѣя претензій на что либо цѣльное и исчерпывающее даже какую-бы то нибыло отдѣльную область предмета, мы предполагали въ нашихъ замѣткахъ по крайней мѣрѣ представить хоть по одному примѣру, взятому изъ каждаго круга изъ числа тѣхъ намѣченныхъ выше круговъ, въ какихъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы производить сравненіе нашей народной словесности съ словесностью другихъ народовъ. Но чтеніе текущихъ работъ и замѣтокъ по интересующему насъ предмету, появляющихся въ Кіевѣ, ставшемъ въ послѣднее время центромъ нашего родиновѣдѣнія, заставляеть насъ обратиться сначала къ этимъ работамъ и замѣткамъ и постараться отвѣтить съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія на вопросы, уже возбуждаемые этими работами и замѣтками.—Таковы поводы и цѣль нижеслѣдующихъ отрывочныхъ замѣтокъ.

III ¹⁾.

Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ.

Въ IV книжкѣ „Кіевской Старины“ за текущій годъ помѣщена замѣтка—г. О. Пч. подъ заглавіемъ: „*Отживающая или начальная форма „вертепной драмы?“*“ Главное содержаніе замѣтки этой заключается въ сообщеніи о томъ, какъ не очень давно автору пришлось видѣть въ г. Луцкѣ странствующаго „мазура“ съ кукольнымъ театромъ, на которомъ мазуръ этотъ представлялъ рождественскую комедію съ прибавленіемъ бытовыхъ сценокъ, на которыхъ выводились пары цыганъ, жидовъ, мазуровъ и русиновъ. Заглавіе замѣтки, составленное въ видѣ вопроса, вызываетъ читателей „Кіевской Старины“ къ отвѣтамъ, одинъ изъ каковыхъ смѣемъ предложить и мы.

Прежде всего замѣтимъ, что образцы польско вертепной рождественской комедіи, въ родѣ той, которую видѣлъ г. О. Пч. въ Луцкѣ, извѣстны уже въ печати со времени изданія Конопки:

¹⁾ I и II замѣтки см. «Кіевск. Стар.» 1882 г., кн. XI, стр. 229—250.

Pieśni ludu Krakowskiego (1840; стр. 84 и слѣд.). Не очень давно, въ V-мъ томѣ извѣстнаго собранія Кольберга: *Lud*, (Kraków 1871) напечатано два варианта рождественской комедіи, исполняемой въ польскихъ вертепахъ, называемыхъ *Szopka* или *Iaselka* (стр. 197—226).

Что касается собственно вопроса, отживающая или начальная форма „вертепной драмы“—есть эта *Szopka*, то вопросъ этотъ уже разрѣшенъ исторіей подобныхъ драмъ на Западѣ, гдѣ онѣ и возникали. Исторія эта вкратцѣ разсказана, хотя и далеко не обстоятельно, и на русскомъ языкѣ, въ книгѣ г. Алексѣя Веселовскаго: „Старинный театръ въ Европѣ“ (Москва. 1870). По множеству опубликованныхъ въ послѣднее десятилѣтіе текстовъ западно-европейскихъ, старинныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ драмъ, комедій, фарсовъ и т. п., —твердо устанавливается такой ходъ развитія пьесъ въ родѣ польскихъ и украинскихъ рождественскихъ комедій: *начальная форма ихъ появляется въ церквяхъ въ видѣ драматизаціи богослуженія, достигаемой раздѣленіемъ чтенія литургическихъ текстовъ между разными лицами и хоромъ, установкою статуй и декорацій. Это драма литургическая. За тѣмъ уже достаточно разившіяся изъ литургическихъ религиозныя драмы (рождественскіе, страстные, воскресенскіе, на праздникъ Божьяго тѣла и т. п.) исполнялись самостоятельно, но все еще долго въ церквяхъ, изъ которыхъ постепенно стали выходить на площади и въ частные дома, причемъ драмы эти стали и сжиматься въ кукольныя представленія, и разбиваться на отрывки въ видѣ диалоговъ и виршей. Діаволь, Иродъ, пастухи, жида, солдаты (у гроба Христова), женщины-мвроносицы и т. п. постепенно принесли съ собою въ религиозную драму бытовой и комическій элементъ, который со временемъ сталъ занимать въ этой драмѣ совсѣмъ почти самостоятельное положеніе въ видѣ тѣхъ *интерлюдій*, какіе извѣстны и въ украинской литературѣ XVIII в.*

На основаніи всего, что до сихъ поръ извѣстно, театръ въ Польшѣ и на Украинѣ появился прямо перенесеннымъ съ запада, причемъ, кажется, у насъ, на Украинѣ почти не было формы литургической драмы, кромѣ развѣ зародыша ея въ видѣ чтенія *Пассій*. Театръ на Украинѣ, кажется, начался прямо съ вторичной драмы, религиозной или мистеріи, исполняемой въ школахъ и на

площадяхъ. Что драма эта на Украинѣ прямо западнаго происхожденія, вначалѣ *чисто-переводная*, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія послѣ сравненія, напримѣръ, текста Рождественской драмы, приписываемой св. Дмитрію Ростовскому, и переработокъ подобныхъ ей текстовъ въ спискахъ вертепной комедіи Маркевича и Галагана, съ западными текстами, напечатанными напримѣръ у *Lurfait* въ *Histoire du théâtre français* и др. Говоря это, мы разумѣемъ особенно серьезную, собственно рождественскую сторону нашей вертепной комедіи, такъ какъ ея комическая сторона, дивертисментъ, гораздо болѣе самостоятельна.

Вопросъ, интересный для изслѣдованія, теперь только въ слѣдующемъ: съ какого собственно текста сдѣланъ былъ переводъ нашей рождественской комедіи и какимъ путемъ явился къ намъ оригиналъ этого перевода? Былъ-ли это оригиналъ латинскій и пришелъ ли онъ къ намъ черезъ поляковъ, или черезъ нѣмцевъ,—или наши переводчики рождественской комедіи передѣлывали свой текстъ съ перевода польскаго, или нѣмецкаго? Отвѣтъ на эти вопросы между прочимъ будетъ интересенъ для исторіи общенія нашихъ предковъ съ западомъ вообще и въ частности для уясненія вопроса о томъ, были-ли поляки единственными посредниками въ этомъ общеніи, какъ обыкновенно принято думать? Что посредниками этими могли быть и нѣмцы, это дѣлаетъ вѣроятнымъ и то обстоятельство, что напримѣръ въ Львовѣ издавна была нѣмецкая колонія, которая, конечно, жила своею культурною жизнью и должна была имѣть непосредственное вліяніе на украинское населеніе этого важнѣйшаго въ XVI в. культурнаго центра на Украинѣ. Кромѣ того нѣмецкое вліяніе должно было проходить на Украину черезъ Литву и Бѣлоруссію изъ Пруссіи и Риги.

По отношенію къ старинному театру точный отвѣтъ на всѣ затронутые выше вопросы сильно затрудняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ,¹⁾ что украинскіе тексты рождественской комедіи мы имѣемъ въ редакціяхъ слишкомъ позднихъ, не раньше XVIII или во всякомъ случаѣ не раньше 1/2 XVII в. ¹⁾ Списокъ-же бо-

¹⁾ Это мнѣніе мы основываемъ на текстѣ пѣсенки запорожца въ рождественской комедіи:

Та не буде лучше,
Та не буде краше,

лѣе торжественной, болѣе клерикальной редакціи рождественской драмы мы имѣемъ до сихъ поръ только въ редакціи несомнѣнно украинской, по перешедшей черезъ Великороссію: разумѣемъ драму, приписываемую Димитрію Ростовскому, напечатанную въ I т. изданія: „Русскія Драматическія Произведенія 1672—1725 г.“, Н. Тихонравова (339—399). За тѣмъ препятствіемъ къ изслѣдованію источниковъ даже этихъ образцовъ украинской рождественской комедіи служитъ недостаточное изслѣдованіе соотвѣтственнаго матеріала польскаго. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны изданія польскихъ текстовъ старинныхъ драмъ съ церковными сюжетами, ни даже монографій о нихъ позднѣйшихъ, чѣмъ сочиненіе Войцицкаго: „Teatr starożytny w Polsce“ (W. 1841), крайне недостаточное по отношенію именно къ нашему предмету. Тоже слѣдуетъ сказать по отношенію къ Бѣлоруссіи.

Вотъ почему прежде всего надо желать тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны. Равнымъ образомъ желательны подобныя поиски за виршами и духовными стихами вообще, рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на Западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтствующихъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣст-

Якъ у насъ та на Україні!
Що немає жпда,
Що немає ляха:
Не буде *изміни*.

Пѣсенку эту «Исторія Руссовъ» относятъ ко времени Черной Рады въ Нѣжинѣ и къ избіенію тогдашнихъ «дуковъ» чернью (Ист. Р., 120) и приводятъ конецъ ея такъ:

Нема панивъ,
Нема ляхивъ,
Не буде й *изміни*.

И въ данномъ случаѣ предположеніе автора «Исторіи Руссовъ» совершенно вѣрно, такъ какъ случай *изміни* не можетъ быть отнесенъ ни къ настоящимъ ляхамъ-полякамъ, ни къ другому времени, ранѣе Виговскаго.

ныхъ уже списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими (хоть по Кольбергу) и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими и французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими. Кстати теперь уже существуютъ прекрасныя изданія послѣднихъ, наприм., кромѣ старыхъ изданій *Mohne*,—*Karl Weinhold-Weihnacht—Spiele und Lieder aus Süddeutschland im Schlesien* (2 изд. Wien, 1875), *K. Iul. Schröer—Deutsche Weihnachtspiele aus Ungarn* (2 изд. Wien, 1862), *Aug. Hartmann—Volksschauspiele in Bayern und Oesterreich—Ungarn desammelt* (Leipzig. 1880). Особенно послѣднее изданіе, съ обильными музыкальными примѣрами, желательно было-бы видѣть сравненнымъ со стороны компетентныхъ людей съ одной стороны съ изданіемъ Куссемакера (*Coussemaker*) *Des drames liturgiques du moyen âge* (1861, съ музыкой), съ другой—съ нашими текстами и музыкой у Тихонравова, Маркевича и Галагана. Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ его бытовыхъ частяхъ. Въ этихъ послѣднихъ напр. наши украинскіе тексты сильно рознятся отъ польскихъ, напечатанныхъ у Кольберга, но сомнительно, чтобы даже нашъ вертепный запорожецъ не нашелъ себѣ родственниковъ въ разныхъ буйныхъ воннахъ въ западныхъ интерлюдіяхъ и комедіяхъ, которыя и до сихъ поръ еще играютъ и людьми, и куклами въ святочныхъ балаганахъ самыхъ передовыхъ странъ Запада.

Даже тѣ намеки, какіе до сихъ поръ случайно проскакивали въ печати о слѣдахъ существованія стариннаго религіозно-бытоваго театра въ Западной Россіи, даютъ надежды на то, что пожива изслѣдователей по этой части была-бы совсѣмъ не малая, если-бъ за дѣло изслѣдованія принялись сколько нибудь систематически. Такъ напр. въ одной изъ статей „Кіевлянина“, вышедшихъ къ книжкѣ В. Шульгина (теперь очень рѣдкой): „Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе“, наталкиваемся на слѣдующія строки: „друзья польскаго дѣла (въ 1861 г.), стараясь сами оттолкнуть крестьянъ отъ правительства и сдѣлать ихъ солидарными своимъ замысламъ, въ то-же время указывали начальству пальцемъ на сцены изъ исторіи козацкихъ войнъ, дававшіеся въ святочныхъ балаганахъ Кіева“ (Юго-западный край и пр., стр. 213—214).

Тутъ очевидно дѣло идетъ о сценѣ побѣенія запорожцемъ ляха, въ родѣ той, какая находится въ извѣстныхъ печатныхъ вариантахъ вертепной драмы. И такъ еще недавно ее представляли въ Кіевѣ, пока съ польской стороны не было обращено на нее вниманія бдительной полиціи!

А вотъ указаніе еще болѣе новое. Въ № 3 кіевской газеты „Трудъ“ за 1882 г. читаемъ извѣстіе о проявившемся въ предмѣстьи Соломенка простонародномъ малярѣ національно-реалистическаго направленія и за тѣмъ такіе строки: „конечно, прежде чѣмъ желать соломенскому малярю приобрѣтенія дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ живописи, надо пожелать ему, чтобы онъ не попалъ въ то положеніе, въ которомъ очутился участникъ „народнаго театра“, попавшій изъ святочнаго персонажа, Мельхиседека, въ кутузку.

Изъ словъ этихъ слѣдуетъ заключить, что въ Кіевѣ еще въ 1881 г. какіе-то люди изъ „народа“ покушались играть или играли религіозную драму, въ родѣ тѣхъ *Passionspiel*, которые еще остались въ гористыхъ мѣстахъ южной Германіи (напр. въ Ober-Ammergau, гдѣ такая драма играется крестьянами разъ въ 10 лѣтъ и гдѣ послѣдній разъ играли именно въ 1881 г.). Конечно, въ извѣстіи „Труда“ поучительно уже и то, что въ то время, когда въ Ober-Ammergau собирались любители со всей Европы и даже Америки посмотреть, какъ „народъ“ играетъ старинную религіозную драму, у насъ отвели „святочнаго персонажа въ кутузку“, но нельзя не пожелать и того, чтобы репортеръ „Труда“ сообщилъ подробнѣе и о самомъ народномъ театрѣ, актеровъ котораго постигло оригинальное поощреніе нашихъ меценатовъ. Неужели нельзя довѣдаться, по какому тексту играли въ Кіевѣ еще такъ недавно народный театръ съ Мельхиседекомъ и, конечно, съ другими персонажами изъ библейской исторіи?

Что касается Бѣлоруссін, то о ея религіозно-бытовомъ театрѣ мы встрѣтили недавно отрывочное, но чрезвычайно любопытное извѣстіе въ газетѣ „Новости“, 1883 г., № 102, въ одномъ изъ ряда „бѣлорусскихъ писемъ“¹⁾. Въ виду важности сравненія бѣлорусскаго народнаго театра съ украинскимъ, мы воспроизводимъ здѣсь весь отрывокъ письма г. Ос—цкаго, относящійся къ театру:

¹⁾ Подписаны Вл. Ос—цкій.

„Сценой для представлений служить небольшой подвижной балаганъ, который можетъ переноситься съ помощью двухъ чело-вѣкъ. Полъ ящика устланъ мѣхомъ кошки или зайца съ сквозными дорожками, по которымъ на проволокахъ двигаются куклы; свѣтъ падаетъ на сцену сверху. Подобный балаганчикъ называется Вертепомъ или Батлейкой (отъ слова Bathleem—Вифлеемъ). Путешествуетъ онъ по обывательскимъ домамъ, сопровождаемый оркестромъ изъ нѣсколькихъ скрипокъ или волынки, довольствуясь весьма незначительнымъ гонораромъ за свой артистическій трудъ.

Первая часть представленія по-прежнему посвящается переработанному народной фантазіей изображенію эпизодовъ изъ первыхъ дней жизни Иисуса Христа, вторая—бытовымъ сценамъ изъ жизни различныхъ классовъ бѣлорускаго народа. Первое явленіе представляетъ собою поклоненіе волхвовъ, причемъ на сценѣ устроены и ясли, на которыхъ возлежалъ младенецъ. Хозяинъ вертепа въ это время объясняетъ публикѣ событіе: „возсіявый надъ солнце въ вертепѣ нынѣ, Иисусъ мой возлежитъ въ ясляхъ на снѣгъ, и холодъ терпитъ, Сотворитель дрожитъ, который въ рукахъ свѣтъ держитъ. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды просвѣщаютъ, горы, холмы и моря радостно играютъ, поля и дубровы чтутъ Царя славы, бо вся суть Его державы“. Появляются на сценѣ волхвы, и хозяинъ продолжаетъ: „днесь звѣзда на востокѣ возсіяла, тремъ царямъ путь показала; три царя шли, золото, ливанъ и смиру несли“.

Послѣ небольшого антракта, на сценѣ появляется картонный престоль, на которомъ воссѣдаетъ какое-то чудовище и безобразно жестикулируетъ: это—„Иродъ съ того засмутился, что Господь Христокъ родился; казалъ его искази, по всей землѣ пытати“. Но Иосифу „ангелъ во снѣ сказуетъ, что царь Иродъ гатуетъ“. Поэтому, вслѣдъ затѣмъ, по сценѣ движется на какомъ-то четвероногомъ женщина съ младенцемъ на рукахъ, а сзади идетъ старичекъ, что вѣроятно изображаетъ собою бѣгство въ Египецъ. Начинается избіеніе младенцевъ, стоны и плачь матерей; сцена покрывается грудями окровавленныхъ малютокъ. Но вскорѣ Иродъ получаетъ достойное возмездіе за свой звѣрскій поступокъ: на сцену выбѣжала безобразная „смерть“ съ косою и обнаженными челюстями; Иродъ умоляетъ о пощадѣ, трясется, но „смерть“ беспощадна, и отъ взмаха ея косы голова Ирода покатила въ полъ; „отъ

смерти, приговариваетъ она, не утекти“. Появляющіеся изъ-за кулисъ бѣсы—съ хвостами, рогами, когтями и прочими бѣсовскими атрибутами—тащатъ крючьями трупъ Ирода прямо въ адъ.

Этимъ потрясающимъ невзыскательныхъ зрителей драматическимъ эффектомъ и заканчивается первая часть представленія. Затѣмъ переходятъ уже къ бытовымъ сценамъ, въ которыхъ фигурируютъ представители многочисленныхъ національностей, населяющихъ Бѣлоруссію, съ ихъ характерными особенностями: кичливый и падкій на прекрасный полъ панъ, цыгане и евреи, надуваюціе мужика, уланъ, соблазняющій барынь и, наконецъ, крѣпкій заднимъ умомъ добродушный бѣлорусскій мужичекъ, служащій вообще объектомъ для болѣе или менѣе остроумныхъ выходовъ представителей всѣхъ остальныхъ національностей.

Вотъ для образчика одна изъ такихъ сценъ.

Бѣлорусскій мужикъ выходитъ съ подвязаннымъ брюхомъ и жалуется на свой разстроенный праздничными яствами желудокъ: „авей, авей, вохъ, вохъ, вохъ! Вотъ, мои панночки, былъ я у пана Барановскаго на кути, да якъ подѣлъ кути—такъ не могу сойти! Что моя Ульяна не рбила—и горцокъ на пушъ становила—да и тое не помогло, да еще горшъ прилягло! Порадили мнѣ галасу, купервасу, да бурачнаго квасу, моху, чертополоху и еще нечего троху, усе это зелье сколотить—да и выпить. Зробилъ я и гѣто: не помогло, яще горшъ прилягло. Вотъ кабъ-бы нашолся дохторочекъ и полечилъ-бы мой животочекъ—отдалъ-бы я ему и торбочку, и мѣшочекъ“.

Къ его услугамъ является и докторъ.

— Что съ тобой мужикъ?

— А вотъ, паночекъ, неисправность, бурченья, рѣзачка, обенбенито, якъ Антонову козу!

— Ложись, мужикъ! Какъ тебя зовуть?—спрашиваетъ докторъ.

— Матвѣй!

Докторъ начинаетъ колотить палкой лежащаго Матвѣя. „Ну потѣй, пане Матей!“

Послѣ этого докторъ стремительно убѣгаетъ, забравши „торбочку и мѣшочекъ“, а опомнившійся Матвѣй подымается на ноги. „А лихо твоей матери, выругался онъ; напотѣлъ, намотѣлъ—да и самъ къ чорту полетѣлъ!“

Изъ всего этого разсказа очевидно, что записать полный текстъ бѣлорусской рождественской драмы еще и теперь не составляетъ большой трудности. Спѣшить-бы!..

IV.

Песиголовцы въ украинской народной словесности.

Передъ нами лежитъ недавно вышедшій сборникъ „Рада“, этнографическій отдѣлъ котораго представленъ коротенькимъ очеркомъ: „Песиголовці, демологичный образъ, Грицька Десятиня“. Маленькій очеркъ этотъ отрицательными своими сторонами еще разъ свидѣтельствуемъ въ пользу необходимости перенесенія въ наши этнографическія работы приемовъ и идей, выработанныхъ западноевропейской наукой, а между прочимъ для положенія предѣловъ субъективной поспѣшности, съ какою наши этнографы дѣлаютъ свои выводы о собранномъ среди нашего народа словесномъ матеріалѣ.

Г. Десятиня, взявъ нѣсколько сказаній о песиголовцахъ-людоѣдахъ изъ сборниковъ сказокъ гг. Рудченка и Драгоманова, предлагаетъ имъ свое объясненіе, которое сводится къ тому, что подъ видомъ песиголовцевъ-людоѣдовъ народъ нашъ олицетворилъ историческихъ хищниковъ, нападавшихъ на его землю еще не очень давно, напр. татаръ.

При видѣ такого объясненія, прежде всего является слѣдующее соображеніе: вѣдь о татарахъ существуетъ у нашего народа масса сказаній и пѣсень, въ которыхъ этотъ близко извѣстный нашимъ землякамъ народъ рисуется вовсе не фантастическими, а вполне реальными образами? Зачѣмъ-же послѣ такихъ образовъ понадобилось-бы нашимъ предкамъ, встрѣчавшимъ татаръ чуть не каждый день, еще рисовать ихъ песиголовцами и одноглазыми? Но кромѣ того, зачѣмъ прибѣгать къ какимъ-бы то ни было гипотезамъ, не провѣривъ прежде простыхъ объясненій? Г. Десятиня напр. говоритъ, что украинцамъ не было ни возможности, ни надобности заимствовать образы (о песиголовцахъ и циклопахъ-людоѣдахъ) у грековъ (у которыхъ впрочемъ, по его мнѣнію, эти образы возникли тоже по аналогическимъ мотивамъ). Но, оставя въ сторонѣ

вопросъ о томъ, какъ сложились у грековъ образы кинокефаловъ и циклоповъ (замѣтимъ, у грековъ—отличные), есть слишкомъ много доказательствъ на то, что именно греческіе (и латинскіе) образы песиголовцевъ и людодѣдовъ издавна проникали на Украину черезъ книги, изъ которыхъ и осѣдали въ глубь народныхъ массъ вмѣстѣ съ другими идеями и образами старинной культуры.

Такъ при самомъ началѣ письменности на Украинѣ уже были здѣсь въ ходу образы изъ круга сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, сведенныхъ въ книгѣ такъ называемаго Псевдокалисѣена. А въ этой Александрейдѣ есть и сказаніе о песиголовцахъ, равно какъ и о циклопахъ и т. п. (см. между прочимъ и у Пыпина—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 29). Эта-же Александрейда распространялась и въ позднѣйшихъ украинскихъ переводахъ, образецъ которыхъ находится и теперь въ Петербургской Императорской Публичной Библиотекѣ ¹⁾. Кромѣ Александрейды, которая кружила по Европѣ въ переводахъ на всякіе языки, въ средніе вѣка гречко-латинскіе образы о кинокефалахъ, людодѣдахъ и т. п. разносились по Европѣ специальными космографіями и даже съ картами ²⁾. Такія космографіи и карты за-

¹⁾ Какъ глубоко пустила свои корни Александрейда даже въ Россіи, объ этомъ можно судить по факту, правда, изъ Великороссіи, рассказанному нѣмецкимъ путешественникомъ 30-хъ годовъ, Колемъ (Kohl). Этому говорилъ одинъ нѣмецъ, что въ Поволжьи крестьяне начетчики библіи, когда встрѣтятъ въ ней имя Гогъ и Магогъ, то говорятъ, что это два народа великаны, которые прежде опустошали всю землю, по которыхъ Александръ Македонскій заперъ въ ущелья Кавказа и поставилъ на горахъ трубы, чтобъ вѣтеръ, дуя въ нихъ, поддерживалъ въ великанахъ мысль, что и до сихъ поръ еще Александръ изъ сторожить. Со временемъ трубы падаютъ и когда вѣтъ падутъ, великаны выйдутъ изъ своихъ убожищъ на горе всему міру (Kohl. *Reisen in Südrussland*. 1841. I, 291—293). Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ напомнить объ этомъ преумномъ наблюдателѣ Россіи вообще и Украинѣ въ частности. Особенно характеристика этнографическихъ признаковъ украинскаго населенія, сравнительно съ великорусскимъ и отчасти съ польскимъ, сдѣланная въ другомъ сочиненіи Коля—*Reisen im Inneren von Russland und Polca* (2 тома, 1841 г.) заслуживаетъ вниманія.

²⁾ Источниками этихъ свѣдѣній о чудовищныхъ людяхъ, какъ песиголовцахъ, одноглазыхъ, одноногихъ, безбородыхъ, зонтиконогихъ, великанахъ, пигмеяхъ, служили древніе писатели (преимущественно Плиній, Ацилъ Геллій, Солинь Поллугастеръ, Филостратъ) которые сами заимствовали значительную часть своихъ рассказовъ у египтянъ и индійцевъ. Въ старой христіанской литературѣ эти рассказы свелъ Августинъ Блаженный (*De Civitate Dei*, VI, I) разсуждая о томъ, какъ произошли эти чудища отъ Адама и Ноя.

ходили издавна и въ русскія области. У насъ нѣтъ теперь подъ рукою отрывка изъ подобной космографіи въ западно-русскомъ переводѣ, а потому мы ограничимся приведеніемъ подходящаго отрывка транскрипціи сѣверно-русской, напечатанной въ сочиненіи г. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки“, т. II, 267—268: (30) островъ живутъ на немъ люди главы у нихъ видомъ песьи человецы велицы и страшливые... (31). Островъ на немъ живутъ людие власы у нихъ имеютъ видомъ лвовы велицы і страшны zelo воудивление. (32) Островъ пустьъ живутъ на немъ змиі лице девичье до пуа человекъ а отпуа у нихъ и хоботь змиевъ крылати а зовомы василиски. (33) Островъ и живутъ на немъ люди человекъ-отцы бытъ въ немъ съвѣты апостоль андреи первоозванни и вера у нихъ кумирская“... Помѣщаетъ всѣ эти острова эта „книга глаголемая Козмографія переведена сримскаго языка“, какъ разъ тамъ, гдѣ помѣщали кинокефаловъ и т. п. фантастическихъ народовъ басни классическія, т. е. на южномъ океанѣ, между Индіей и Египтомъ.

Вѣра въ дѣйствительное существованіе подобныхъ народовъ была въ старину всеобщее у грамотныхъ людей и распространялась, кромѣ книгъ, еще и рисунками, въ томъ числѣ и иконами. Такъ напр. и въ названномъ изданіи г. Ровинскаго есть описаніе страшнаго суда по Клинцовскому подлиннику съ такими словами: „на сторонѣ Мойсей показываетъ жидомъ Христа... 1) стоятъ жидове, 2) стоятъ Литва, 3) диніе аравляне, 4) индіане, 5) измаилтенѣ, *песіи главы*, 6) турцы, 7) срацины, 8) нѣмцы, 9) ляхи, 10) русь... (Op. cit. IV, 644).

Изображеніе человекъ съ собачьей или волчьей головой, и при томъ великана, наши предки видѣли въ церквяхъ и на иконахъ еще по одному поводу, а именно въ представленіи св. Христофора, великана, обрешаго себя на вѣрное служеніе Христу (S. Christophoros—famulus Dei), котораго онъ разъ и перенесъ черезъ Иорданъ, изнемогая подъ тяжестію этого ребенка, сосредоточившаго въ себѣ всю тяготу земли (ср. Микулу Селяниновича и Сумочку). Этотъ геркулесъ христіанскихъ легендъ среднихъ вѣковъ изображался на православномъ Востокѣ не только великаномъ, но въ формѣ, напоминающей египетскаго шакалоголова Анубиса, слугу Гороса, сына Озирисова. Насъ далеко повело-бы, если-бъ мы занялись здѣсь

объясненіемъ состава легенды о св. Христофорѣ (см. о ней Alfr. Maury—Essai sur les légendes pieuses du moyen âge (P. 1848) и Sinemus—Die Legende v. Heil. Christophorus und die plastik und Malerei (Han. 1868). Мы считаемъ для нашей цѣли достаточнымъ простое напоминаніе факта изображеній св. Христофора съ головой волка или собаки, а также того, что святой этотъ, именно по греческимъ легендамъ, и выводится изъ страны кинокефаловъ-песиголовцевъ и, по этимъ легендамъ, началъ говорить по человѣчески только тогда, когда ангелъ коснулся его губъ (см. Acta Sanctorum, изд. Болландистовъ, 25 іюля).

У г. Ровинскаго находимъ два рисунка св. Христофора съ волчьей головою, сдѣланные въ Россіи еще въ XVIII в. (см. III, 674, IV, 772), а потому желательно было-бы, чтобъ лица, имѣющія къ тому возможность, поискали по украинскимъ закоулкамъ иконъ и гравюръ съ изображеніемъ какъ св. Христофора въ видѣ Апубиса, такъ и изображенія песьихъ-головъ на страшномъ судѣ.

Мы потому между прочимъ остановились на этомъ предметѣ, что это только одинъ изъ многихъ примѣровъ распространенія въ нашихъ областяхъ образовъ, порожденныхъ въ такъ называемомъ *языческомъ* мірѣ, распространенія при посредствѣ средневѣковой христіанской церкви. Уясненіе-же этого обстоятельства чрезвычайно важно для пониманія такъ называемой народной словесности и народныхъ идей вообще. Наши собиратели этихъ вещей и даже послѣдователи постоянно игнорируютъ это обстоятельство, производя всѣ образы, какіе они ни встрѣтятъ въ умѣ „народа“, въ его собственные изобрѣтенія, а рядомъ съ тѣмъ признавая все то, что имъ покажется не схожимъ съ *ихъ* христіанскимъ или рационалистическимъ міровоззрѣніемъ, продуктомъ древней *языческой* мысли нашего-же народа. А между тѣмъ современное религіозное міровоззрѣніе образованныхъ людей болѣе или менѣе часто деистическое, проникнутое своего рода рационализмомъ и стармонированное съ теперешнимъ естествознаніемъ, есть вещь очень новая, ведущая свое начало отъ великаго умственного движенія XVI—XVII в. Средневѣковая-же религіозность сама была своего рода язычествомъ, политеизмомъ, и заключала въ себѣ массу фантазій не только міра классическаго, но и древне-азіатскаго и африканскаго. Эти фантазіи средневѣковая религіозность греко-италійская привнесла и въ нашу

славянскую, сравнительно бѣдную мифологіей, область и распро-
странила ихъ проповѣдью, книгою, живописью.

Иначе говоря, и высказывая мысль, которая пусть будетъ заключеніемъ какъ настоящей, такъ и предъидущей замѣтки,—*весьма многое, что мы находимъ теперь въ нашей области и даже въ сферѣ ея неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не „народный“, а общій всемъ народамъ историческимъ, и продуктъ культурный.* Мысль эта уже признана изслѣдователями такъ называемой народной словесности и быта въ западной Европѣ и здѣсь привела къ новымъ и болѣе строгимъ научнымъ объясненіямъ этихъ предметовъ, чѣмъ тѣ, какія господствовали во времена прежняго субъективнаго народничества, какое еще крѣпко у нашихъ этнографовъ. Почему-же послѣдніе остаются въ сторонѣ отъ идей и приемовъ европейской научной школы?.. На этотъ вопросъ мы не беремся отвѣчать.

М. Т—овъ.

Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII ст.

I.

Лѣвобережная Украина, представлявшая въ княжеское время одну изъ богатѣйшихъ и цвѣтущихъ областей, послѣ татарскаго нашествія значительно опустѣла. Прежніе центры ея—Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ потеряли всякое политическое значеніе. Историческая жизнь переходитъ изъ поднѣпровья на сѣверъ—въ Брянское княжество. Но въ половинѣ XIV ст. прекращается и политическое существованіе Брянска: онъ подпадаетъ подъ власть Литвы, а вмѣстѣ съ нимъ и почти вся бывшая Чернигово-Сѣверская земля. Относительно Переясловскаго княжества, т. е. нынѣшней Полтавщины нельзя сказать ничего опредѣленнаго, хотя можно думать, что здѣсь вовсе не сохранилось того населенія, которое жило въ княжескій періодъ. Объясняется это географическими условіями мѣстности. Въ то время, какъ Черниговщина представляла изъ себя *польсье*, Полтавщина съ такимъ-же правомъ можетъ быть названа (и называлась) *полемъ*. Въ лѣсахъ удержались остатки прежняго населенія; сюда-же векорѣ стали являться жители сосѣднихъ, болѣе густо населенныхъ мѣстностей. Въ поземельныхъ актахъ XV в. мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о *селщахъ*, т. е. о разоренныхъ селахъ. Въ 1489 г. Казиміръ пожаловалъ пустынно-пиколаевскому монастырю „селище пѹстое“ Княжичи¹⁾). Нужно припомнить, что главными предметами тогдашняго хозяйства было лѣсоводство, рыболовство, пчеловодство и за тѣмъ уже хлѣбопашество. Такъ было въ Литвѣ и правобережной Украинѣ; такъ было и въ Черниговщинѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ поземельные акты, приложен-

¹⁾ Акты Западной Россіи, томъ I, 98.

ные въ Румянцевской описи и восходящія иногда до XVI и даже XV вѣка; въ нихъ угоды обыкновенно опредѣляются словами: „съ деревомъ бортными, лѣсами, борами, сѣнокосами, озерами, рѣками, рѣчками рыбными и звѣринными ловлями, и бобровыми гонами“; указываетъ на это и цѣлый рядъ селеній съ именемъ „Буды“, „Гуты“, „Рудни“. Но количество населенія сравнительно съ территоріей (особенно раньше) было незначительно. Въ древнихъ актахъ мы никогда не находимъ точнаго опредѣленія границъ. Великій князь литовскій Александръ подтверждаетъ князю Глинскому его права на четыре челобѣка со всеми ихъ землями, пахатными и бортными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами и со всемъ тѣмъ, что издавна къ тѣмъ землямъ относилось, равнымъ образомъ со всеми ихъ „входами“¹⁾.

Въ другой грамотѣ того-же Александра, данной Можайскому князю Симеону Ивановичу въ 1496 году, нѣтъ тоже никакихъ указаній на границы пожалованной территоріи. „Билъ намъ челомъ, говорится тамъ, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій и просилъ насъ пожаловать его какимъ нибудь имѣніемъ; и мы съ ласки нашей пожаловали его и дали ему городъ Черниговъ, *со всемъ, што къ нему слушаетъ*, исключая своихъ собственныхъ бояръ (числомъ восемь); остальные-же бояре должны ему служить съ своихъ имѣній. Дали-же ему Черниговъ съ слугами путными, людьми данными и тяглыми, со всеми платами и доходами, съ землями и водами, со всемъ тѣмъ, что издавна къ Чернигову тянется“. На такомъ-же основаніи и такимъ-же порядкомъ были подтверждены права Можайскому на Стародубъ и Гомель²⁾. Врядъ-ли потерпѣла значительныя перемѣны Черниговщина подъ Московскимъ владычествомъ въ продолженіи XVI и начала XVII вѣка. Положеніе сѣверской Украины въ смутное время было очень печальное; должнымъ спокойствіемъ и безопасностью населеніе далеко не пользовалось. Въ началѣ XVII вѣка начинается усиленное нашествіе туда польскихъ пановъ. вмѣстѣ съ мелкою шляхтой, устранившей буды, гуты и рудни, владѣвшей звѣринными и рыбными ловлями, бобровыми гонами и т. д. явились и такіе крупные собственники,

¹⁾ Ibid., страница 154.

²⁾ Ibid., страница 163 и 192.

какъ, напримѣръ, Песочинскій, Кисель и др., которымъ принадлежали громадныя территоріи. Вообще шляхта ко второй половинѣ XVII вѣка, т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, пустила уже прочныя корни въ Черниговщинѣ. Земля принадлежала юридически этой шляхтѣ, которая отдавала ее въ пользованіе посольству и получала за это извѣтныя дани. Владѣнія были двоякаго рода: на ленномъ и на вѣчномъ правѣ. Феодалныя порядки въ староствахъ, особенно украинскихъ, господствовали тогда еще всецѣло. За коннаго воина давалось четыре уволокы земли¹⁾. Условія крестьянскаго пользованія землею были весьма разнообразны и вообще не легки. Изъ интересныхъ люстрацій украинскихъ староствъ, изданныхъ г. Яблоновскимъ, видно, что въ двухъ черниговскихъ староствахъ — любецкомъ и остерскомъ повинности крестьянъ были довольно тяжелыя; въ любецкомъ староствѣ они давали разныя чинши, поворотне и медъ; въ остерскомъ — мѣстами чиншъ, овесъ, сѣно и куничную дань, мѣстами-же только медъ, овесъ и сѣно. Болѣе подробно повинности опредѣлены въ люстраціи 1628 г. Размѣръ ихъ для остерскихъ мѣщанъ и высидѣвшихъ свой срокъ жителей слободы Омеляноза былъ таковъ: съ пары воловъ по одному золотому чинша, четверть овса, осмачокъ жита, поль осмачка пшеницы, поль осмачка ячменя; съ дыма — по двѣ курицы, по десять яицъ, по одному возу сѣна, по одному возу соломы, по два воза дровъ; съ двухъ паръ воловъ — гусь; съ двадцати пяти паръ воловъ — яловая корова, кабанъ, четыре барана, кадка меду, полубочка соленой рыбы. Если кто не имѣлъ воловъ и пахалъ лошадыми, то конь считался за пару воловъ. Кушцы, плававшіе судами, должны давать два золотыхъ чинша, четверть овса, возъ сѣна, гуся и пару курей, плававшіе-же лодками половину этихъ продуктовъ; кромѣ того какъ тѣ, такъ и другіе обязаны были складываться вмѣстѣ съ другими на яловую корову, кабана, барановъ, медъ и рыбу. Тѣ-же, которые не занимались ни земледѣіемъ, ни торговлей, а жили съ однихъ заработковъ, обязаны платить по поль злота чинша, по осмачку овса, по возу сѣна и по одной курицѣ; эти-же повинности обязаны были нести и тѣ, которые живутъ со скоп-

¹⁾ Lustracye królewskiej. Al. Jabłonowski W. 1877 г., стр. 84—100; Обзор. Рум. оп. Малорос., Константїновича, стр. 613, 619.

щины. Кромѣ того всѣ вообще вмѣсто того, чтобы тянуть неводъ, обязаны доставить отъ двора по два дерева для яза (рыбнаго садка). Съ cadaго двора полагается по два гроша литовскихъ—подымнаго, очередная подвода на 12 миль, починка гребель, мостовъ, мельницъ. Сверхъ того имѣющіе бортныя деревья обязаны каждый особо давать по двѣ бочки меду; владѣющіе-же на рр. Трубежѣ и Острѣ рыбными ловлями всѣ вмѣстѣ должны ежегодно давать бочку соленой рыбы¹⁾. Изъ этого списка видно, что количество повинностей было уже значительно, а главное не было ни малѣйшей гарантіи, что при слѣдующей люстраціи онѣ не будутъ увеличены вдвое. Боярское сословіе, которое впоследствии составило главный контингентъ реестроваго козачества, подвергалось все большому и большому угнетенію. Прежде вольные защитники страны, теперь они начинаютъ чувствовать свою зависимость отъ польской шляхты. Истинные колонизаторы края,—ими основана значительная часть и теперь существующихъ поселеній—они должны были уступить свое мѣсто пришлому польскому дворянству. Не получивъ права дворянства во время люблинской уніи, они должны были войти въ классъ зависимаго посполитаго крестьянства. Пропастъ между ними и шляхтою дѣлалась все больше и больше. Король Владиславъ при всемъ своемъ желаніи не могъ обезпечить ихъ положеніе, защитить отъ произвола такихъ, напрымѣръ, старость, какъ Стефанъ Аксанъ, который отнималъ у нихъ земли, билъ, сажалъ въ тюрьмы, требовалъ исполненія всевозможныхъ повинностей. Правда, наѣзжавшія люстраціонныя комиссіи, особенно вслѣдствіе разгоравшихся уже козацкихъ возстаній, издавали распоряженія въ пользу бояръ—постановляли возвратить отпята у нихъ земли и кромѣ военной службы не требовать отъ нихъ никакихъ повинностей; но они оказывались мертвою буквою. Въ будущемъ боярамъ предстояло слиться съ крестьянами въ одну безправную массу, и это случилось-бы, не будь возстанія Богдана Хмельницкаго. Какіе результаты имѣло возстаніе Богдана Хмельницкаго, мы увидимъ нѣсколько позже, а теперь обратимся къ южной части лѣвобережной Украйны—*полямъ*, нынѣшней полтавской губерніи, и прослѣ-

¹⁾ М. П. Александровичъ, «Остерскій уѣздъ», стр. 98—99.

димъ исторію ея заселенія до второй половины XVII вѣка, т. е. также до времени Богдана Хмельницкаго.

Если сѣверная Малороссія была слабо населена, то южная представляла изъ себя дикую степь. И дѣйствительно въ XVI в. тамъ были *яловыя* (пустыя) *поля*, какъ говорили турецкіе и перекопскіе купцы, подвергнушіеся нападению московскихъ и малороссійскихъ козаковъ¹⁾. Побережье Ворсклы и Хорола представляло изъ себя *уходы* кievскихъ, каплевскихъ и черкасскихъ козаковъ, т. е. тѣ мѣста, гдѣ они занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ²⁾; побережье Сулы и Псла составляло *уходы* каневскихъ мѣщанъ³⁾; наконецъ, побережье Удая представляло *ухожан* черниговскихъ жителей⁴⁾. Очевидно, если и были здѣсь постоянныя поселенія до XVI в., то чрезвычайно рѣдкія. Заселялся край въ теченіи XVI, XVII и даже XVIII вѣка.

Роменская волость впрочемъ заселена была уже, кажется, въ концѣ XV вѣка; по крайней мѣрѣ на принадлежность ея Чернигову указывали старинныя привилеи Казиміровы⁵⁾. Волость тарговицкая (южная часть пынѣшняго конотопскаго уѣзда) первоначально заселена была въ началѣ XVI вѣка при великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ. Первое упоминаніе о Гадячѣ относится къ концу XVI вѣка⁶⁾. Тогда-же стали заселяться верховья рр. Удая, Сулы, Хорола и Псла; здѣсь явились города—Варва, Журавка, Куренка, Многой, Светинь, Синецъ⁷⁾; въ началѣ XVII в. мы уже здѣсь находимъ—Лубны, Лохвицу, Чернухи, Хомутецъ, Камышенку, Сорочинцы, Лютеньку, Артополоть, Рапешку, Медвѣжье, Липовое, Красный-Колядинъ и Сары⁸⁾.

Первыми крупными поземельными собственниками, успѣвшими захватить себѣ большую территорію, были князья Глинскіе. Родословныя таблицы выводятъ князей Глинскихъ отъ Мамаи и начало

1) Кв. пос. метр. В. К. Литовскаго, т. I, стр. 29—33.

2) Ibid, стр. 30.

3) Дворц. Разр., II, стр. 803, 902.

4) Кв. пос. мет. В. К. Литовск., т. I, стр. 198.

5) Дворц. Разр., II, стр. 809.

6) Ibid., стр. 884.

7) Ibid., стр. 883.

8) Чт. Мос. Ист. и Др. 1862 г., кн. 4-я;

ихъ полтавскихъ владѣній относятъ къ XIV вѣку: въ концѣ XV ст. владѣнія ихъ обнимали почти всю восточную часть полтавской губерніи ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ часть ихъ имѣній перешла къ Байбузамъ, Проскурамъ и Келбовскимъ ²⁾. Отъ Байбузъ мѣстность по рѣкѣ Сулѣ перешла къ Вишневецкому, который къ половинѣ XVII вѣка сдѣлался самымъ крупнымъ собственникомъ въ Полтавщинѣ. Изъ списка его имѣній, изданнаго Пшездзѣцкимъ, видно, что ему принадлежало около 50 селеній, въ томъ числѣ такія, напримѣръ, какъ Лубны, числившіе 2,646 хозяевъ, Хороль—1,297, Ширятиць—1,749, Лохвица—3,325, Ромны—6,000. Количество хозяевъ превышало 30,000 человекъ. Каждый изъ нихъ вмѣсто отбыванія пащчины платилъ по пяти талерей; владѣніе мельницами по два червонца; кромѣ того шинки и фольварки были выдѣлены на владѣтеля ³⁾. И такъ повинности подданныхъ заключались въ денежной дани; остальные доходы владѣльцевъ поступали отъ разныхъ угодьевъ—мельницъ, селитряныхъ буртъ, рыбныхъ ловель и т. д. Здѣсь-же, въ южной Полтавщинѣ по рр. Ворсклѣ и Орели находились имѣнія извѣстнаго *Юрія Немирича*. Въ 1643 году, какъ видно изъ продажной записи, Юрій Немиричь купилъ у п. *Кгурскихъ* ихъ имѣнія; одни изъ нихъ лежали по р. *Ворскль*, начавъ отъ *Шанчароваго пересвозу* рѣкою Ворсклою до ея устья, а оттуда берегомъ Днѣпра вплоть до р. Орели, съ рѣчками *Полузоремъ*, *Кобылякомъ* и другими, впадающими въ Ворсклю, съ лѣсами, сѣнокосами и полями; другія были расположены по р. *Орели*, начавъ отъ ея устья, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, вверхъ къ рр. *Ворскль* и *Самарь* до *шляховъ Моравскихъ* со всѣми грунтами, угодьями, лѣсами, сѣнокосами ⁴⁾.

Изъ судебной претензіи Юрія Немирича (1643 г.) къ панамъ Кгурскимъ (возникшей вслѣдствіе тою, что эти послѣдніе не защищали его противъ вееводича Браславскаго, Станислава Потоцкаго) видно, что земли по Ворсклѣ и Орели были проданы „з людьми на тых кгрунтах осажонными, з ловенем рыбы и звѣра, з млынами,

¹⁾ Дворц. разр., II, стр. 900;

²⁾ Ibid., стр. 900—902;

³⁾ Podole, Wolyń, Ukraina przez Al. Przewdzieckiego, 7. I, W. 1841, p. 41—44.

⁴⁾ Киев. Центр. Архивъ, акт. кн. за № 2160 и 611.

карчмами, робенемъ салетръ, паленемъ попеловъ, копанемъ крушцовъ“¹⁾).

Наконецъ изъ донесенія вознаго, посланнаго для разслѣдованія этого дѣла, мы узнаемъ, что Юрій Немиричъ заботился о заведеніи на вновь приобрѣтенныхъ грунтахъ слободъ. Одну изъ такихъ слободъ—*Биликовъ Бродъ* разогналъ коронный обозный Тлумацкій и черкасскій староста Адамъ Казановскій (въ 1647 г.); онъ наслалъ своихъ казаковъ въ количествѣ около двухъ сотъ человекъ, которые побили и пограбили всѣхъ слобожанъ, забрали отъ нихъ лошадей, скотъ, деньги и другое имущество; поводомъ къ такому „квалтовному“ нападенію послужило то обстоятельство, будто слобода осѣла на земляхъ Казановскаго. Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно, ибо оно было перенесено въ трибуналъ²⁾).

Нѣсколько иной характеръ носятъ старостинскія владѣнія. Большинство тѣхъ сель и даже городовъ, которые мы видимъ здѣсь, впоследствии были еще слободами и въ качествѣ таковыхъ не несли никакихъ повинностей; „*ratione slobody nic nie czyni*“— вотъ постоянное выраженіе, которое намъ попадается въ люстраціяхъ. Въ 1615 г. такими слободами были: Глемязовъ, Быковъ, Яблоновъ, Ирклѣвъ, Голтва, Кропивна. Сроки слободъ здѣсь по видимому были болѣе значительны, чѣмъ въ Черниговщинѣ. Но и по истеченіи срока слободъ единственною повинностью должна была быть военная служба. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ относительно Ирклѣва: „повинностей никакихъ въ качествѣ слободы не несетъ; а по истеченіи срока долженъ будетъ отправлять тѣ-же повинности, что и черкасскіе мѣщане“³⁾ (т. е. военную службу). И дѣйствительно, изъ люстраціи 1622 года мы видимъ, что, „послушенство“ жителей Ирклѣва заключается только въ томъ, что каждый изъ нихъ конно съ оружіемъ при старостѣ или подстаростѣ своемъ отправляетъ военную службу⁴⁾).

¹⁾ Ibid., акт. кн. за № 3024, п. 838—841.

²⁾ Ibid., акт. кн. за № 2489, л. 614. За сообщеніе трехъ послѣднихъ актовъ мы приносимъ искреннюю благодарность уважаемому изслѣдователю южно-русской старины Оресту Ивановичу Левицкому.

³⁾ Lustr. król. Al. Jablonowski. W. 1877 г., р. 107;

⁴⁾ Ibid., р. 134.

Наиболѣе многочисленный классъ населенія составляли мѣщане и козаки, которые впрочемъ мало чѣмъ отличались тогда другъ отъ друга. Возьмемъ, на примѣръ, опись г. Переяслава 1614 г. „Городъ Переяславъ. Въ немъ мѣщанскихъ послушныхъ домовъ 300: всѣ они не даютъ никакихъ податей, кромѣ военной службы, которую каждый изъ нихъ обязанъ отправлять конно съ оружіемъ съ своимъ старостой или его намѣстникомъ. Другихъ доходовъ городъ не приноситъ, кромѣ аренды, которая состоитъ изъ доходовъ съ шинковъ моста, мельницъ (исключая третьей мѣры, которая идетъ мельникамъ): все это вмѣстѣ составляетъ ежегодный доходъ въ размѣрѣ 1500 флориновъ. Сель, которыя-бы принадлежали старосту, вовсе нѣтъ, а есть хутора, которыми владѣютъ мѣщане, но не несутъ за нихъ никакихъ повинностей, кромѣ военной службы. Впрочемъ большинство хуторовъ заселено козаками“¹⁾. Изъ люстраціи 1622 г. мы узнаемъ, что переяславскіе мѣщане должны были выставить 200 человекъ конныхъ подъ своею хоругвию и имѣть постоянную стражу.

Но еще больше было козаковъ, которыхъ люстраціи противопоставляютъ „послушнымъ“ мѣщанамъ. Въ Прилѣвѣ дворовъ „послушныхъ“ 50, а „непослушныхъ“ козацкихъ болѣе 400-хъ; въ м. Голтѣвъ „послушныхъ“ 20, а „непослушныхъ“ козацкихъ 230; въ м. Кропивнѣ „послушныхъ“ 60, а „непослушныхъ“ козацкихъ болѣе 200²⁾. Въ селахъ и хуторахъ, тянувшихъ къ переяславскому старосту (числомъ 25), на 280 дворовъ „послушнаго“ населенія приходилось болѣе 1,000 козаковъ, „которые владѣютъ группами и всяческими угодьями, но съ нихъ не несутъ никакихъ повинностей“³⁾.

Такимъ образомъ восточная Украина Рѣчи-Посполитой—Каневщина, Черкащина и Переяславщина была ядромъ козачества, и осѣдлаго и земледѣльческаго. Это не былъ сбродъ какой-то вольницы, шайка удалцовъ-разбойниковъ, а осѣдлое сельское и хуторянское населеніе, отличавшееся правда воинственнымъ характе-

¹⁾ Lustr. król. Al. Jablonowski. W. 1877 г., р. 106.

²⁾ Ibid., р. 134.

³⁾ Ibid., р. 132.

ромъ, но почти въ такой-же степени, какъ и городскіе „крамарі“— калевскіе, черкасскіе и переяславскіе мѣщане. Къ этому побуждалъ характеръ мѣстности, которая составляла границу съ татарами. Правительство Рѣчи-Посполитой прекрасно понимало всю важность заселенія этихъ юго-восточныхъ степей. Этимъ-то и объясняется, почему жители ихъ не несутъ никакихъ повинностей, кромѣ всепной. Защита границы отъ татаръ имѣла несравненно большее значеніе для правительства, чѣмъ увеличеніе старостинскихъ доходовъ. Поэтому-то доходы этихъ староствъ почти вовсе не увеличиваются, и правительство не предпринимаетъ противъ этого особыхъ мѣръ¹⁾.

Тѣ мѣщане и козаки, о которыхъ мы говорили выше, и являлись истинными колонизаторами края, а не крупные поземельные собственники, въ родѣ Вишневецкихъ, Обалюкскихъ, Жолкевскихъ. Эти послѣдніе получали только права на незаселенныя или мало-заселенныя земли, которыя потомъ приносили имъ значительный доходъ. Иногда подъ видомъ пустопорожныхъ запрашивались уже населенныя земли. Такимъ образомъ фактическими колонизаторами были мѣщане, козаки и крестьяне, юридически-же земля часто оказывалась принадлежащею крупнымъ собственникамъ. Нужно припомнить, что около этого времени произошелъ переломъ въ сельско-хозяйственномъ быту Польши, Литвы и Руси. Прежде главными занятіями были пчеловодство, рыболовство и звѣроловство; теперь большое значеніе получаетъ земледѣліе. Вслѣдствіе этого степныя пространства Украины начинаютъ привлекать къ себѣ взоры шляхты, которая запрашиваетъ себѣ на нихъ жалованныя грамоты. Центральное польское правительство не имѣетъ яснаго представленія о размѣрахъ и доходности этихъ „пустынь“ и готово отдавать ихъ всякому желающему. Такова въ переяславскомъ староствѣ „Ziemia wchodna Siwera, Worskla z rzeczką Poluzorą i Kustowem“, принадлежавшая на ленномъ правѣ какому-то Василю Мѣленину.

Люстраторы 1636 года дѣлаютъ прямое указаніе, что многіе безъ всякаго права осадилъ новыя слободы и называютъ ихъ своими собственными наслѣдными¹⁾. Но имѣли-ли эти колонизаторы (какъ

¹⁾ Ibidem. p. 214, 217.

²⁾ Ibidem, p. 215.

ихъ называютъ) цивилизаторское вліяніе, были-ли они первыми піонерами, вносившими въ дикія мѣста сѣмена польской культуры, какъ полагаетъ большинство польскихъ писателей и вмѣстѣ съ ними г. Кулишъ, сказать мудрено; по крайней мѣрѣ ни г. Яблоновскій, ни г. Кулишъ не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи фактическихъ указаній. Мы-же съ своей стороны замѣтимъ, что колонизація народная могла идти независимо отъ шляхетской и эта послѣдняя не приносила ей никакой пользы, часто-же даже вредила. Не пужно забывать, что если на первыхъ порахъ владѣльцы не обременяли своихъ подданныхъ тяжелыми повинностями, то это было на первыхъ порахъ. Съ теченіемъ времени, съ заселеніемъ края, съ дальнѣйшимъ расширеніемъ границъ, и Переславщина должна была приблизиться къ общему типу староствъ Рѣчи-Посполитой. Какъ и въ украинскихъ, любецкомъ и остерскомъ, староставахъ, сюда должна была нагрянуть въ большомъ изобиліи шляхта и захватить лучшія земли, чтобы брать потомъ налоги и дани съ населенія. Впрочемъ этого не случилось—помѣшало этому возстаніе Богдана Хмельницкаго.

II.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго произвело цѣлый соціально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украинѣ; прежніе порядки были „скасованы“, по выраженію одного акта, саблею козацкою. Земля теперь перестала быть собственностью государства польскаго, а сдѣлалась достояніемъ „товариства“—войска въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Крупное шляхетское землевладѣніе совершенно почти исчезло. Въ документахъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи, мы встрѣчаемъ постоянныя указанія на бѣгство шляхты изъ Украины; объ этомъ свидѣлствуютъ и козацкія лѣтописи. Весь народъ стремился оказачиться—и дѣйствительно представлялъ на первыхъ порахъ довольно единообразную массу. Въ Черниговщинѣ, гдѣ вовсе не было до Хмельницкаго козачества, теперь оно получило громадную силу. Образовался рядъ сотенъ въ прежнихъ староставахъ въ частныхъ и бискупскихъ имѣніяхъ, изъ которыхъ были изгнаны владѣльцы-шляхтичи и ихъ арендаторы. Проникла идея козачины и

въ среду монастырскихъ крестьянъ и вызвала противъ себя среди православнаго духовенства, владѣвшаго здѣсь громадными помѣстьями, сильную реакцію. Стремленіе къ окозачиванію было такъ сильно, что составилъ въ предѣлахъ нынѣшняго остерскаго уѣзда остерскій полкъ, просуществовавшій впрочемъ весьма недолго—всего около 4-хъ лѣтъ. Но и послѣ уничтоженія его входившія въ составъ его сотни не уничтожились, а только отошли къ кievскому полку. Весьма значительное въ Черниговщинѣ боярское сословіе вписалось въ козацкіе реестры. Но настоящимъ гнѣздомъ козачины была Полтавщина. Здѣсь, какъ мы видѣли, и раньше численность козацкаго сословія была велика, теперь-же все население, можно сказать, обратилось въ реестровыхъ или по крайней мѣрѣ охочеконныхъ козаковъ. Любопытныя данныя доставляютъ въ этомъ отношеніи реестры, изданные Бодянскимъ. Въ то время какъ въ черниговскомъ полку числится 1007 реестровыхъ козаковъ и въ пѣжинскомъ 991, на долю полтавскихъ полковъ приходится гораздо больше: въ миргородскомъ—2630, полтавскомъ—2441, кропивенскомъ—2010¹⁾). Вообще можно сказать, что большая часть козаковъ семи лѣвовережныхъ полковъ относилась къ территоріи нынѣшней Полтавщины. Еще больше было тѣхъ, которые считали себя козаками, участвовали въ войнахъ Хмельницкаго, но не попали въ реестръ. Вотъ что говоритъ по этому поводу лѣтопись Самовидца²⁾. „И такъ, народъ посполитый на Украинѣ, услышавши о пораженіи войскъ коронныхъ и гетмановъ, сейчасъ началъ соединяться въ полки и не только тѣ, которые козаками бывали, но и тѣ, которые никогда козацтва не знали. Видя это, украинскіе державцы, сидѣвшіе по городамъ, принуждены были спасаться бѣгствомъ; въ числѣ ихъ былъ и князь Вишневецкій, который чуть-ли не все лѣвовережье имѣлъ въ своемъ подданствѣ, у котораго были тысячи воиновъ на жалованьи, кромѣ драгуновъ и безчисленнаго гарнизона, набраннаго изъ его собственныхъ подданныхъ³⁾... Все, что жило, поднялось въ козацтво; трудно было найти въ селеніи такого

1) Реестръ изд. по подлиннику О. М. Бодянскимъ, стр. XVII—XXII.

2) Приводимъ извѣстіе ея въ русскомъ переводѣ.

3) Лѣт. Самовидца. Изд. кiev. вр. ком. Кіевъ, 1^о78 г стр. 12.

человѣка, который или самъ-бы не шель, или не послалъ сына, а не то и слугу-парубка“¹⁾).

И такъ, возстаніе Хмельницкаго имѣло важные результаты, какъ для сѣверной, такъ и для южной Малороссіи. Впрочемъ въ сѣверной почва для новаго экономическаго строя была расчищена въ меньшей степени, чѣмъ въ южной. Тамъ сохранилась неприкосновенною крупная собственность монастырей, владѣвшихъ громадными имѣніями и большимъ количествомъ посполитыхъ; тамъ удержались въ значительномъ количествѣ крупныя владѣнія, какъ польской, такъ и русской шляхты. Въ Черниговщинѣ мы встрѣчаемъ старинныя малороссійскія фамиліи, имѣвшія жалованныя грамоты еще отъ великихъ князей; таковы Бороздны, Рубцы. Между тѣмъ въ Полтавщинѣ старинныхъ родовъ мы не встрѣчаемъ: всѣ они недавняго происхожденія. Накопецъ, не нужно забывать и того обстоятельства, что населена была Черниговщина гораздо гуще, нежели Полтавщина; слѣдовательно свободныхъ, пустыхъ земель и послѣ изгнанія шляхты должно было получиться меньше, чѣмъ въ южныхъ „поляхъ“. Тѣмъ не менѣе разница между ними была количественная, а не качественная. И тамъ, и здѣсь заселеніе свободныхъ земель, колонизація края шли на одинаковыхъ основаніяхъ. Какія-же это были основанія?

Земля, какъ мы уже сказали, сдѣлалась собственностью всего „товариства“, войска въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всего народа малороссійскаго. Но это было право юридическое—и оно только санкціонировало фактическое завладѣніе, которое носило специальное названіе „займанщины“. Займанщина—вотъ та типическая форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ экономическихъ оковъ. Какой характеръ носила эта займанщина, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ чрезвычайно интересный актъ, который мы поэтому приводимъ цѣликомъ. Онъ доказываетъ, что самъ народъ объяснял происхожденіе поземельной собственности путемъ займокъ. Это—объясненіе данное козаками села Покопиць въ ихъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ. „Когда, при помощи Божіей, малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмель-

1) Ibidem, стр. 20.

ницкимъ кровіею свою освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство все-россійскаго монарха, великаго государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обонхъ берегахъ Днѣпра вся земля была малороссіянь сполная и общая—потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и фютори осягли и позаймали; и потому сталися всѣ добра малороссіянамъ *быть властими черезъ займы*. Оніе-жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе—копцами обносили и рвомъ окопували, кляками ограничали и что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возвращали и сади заводили, фютори, слободы, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ користь приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мелницъ мѣста, тамъ оніе строили“¹⁾. Здѣсь дѣйствительно, какъ говоритъ г. Лазаревскій, вся исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда мы видимъ, что личная поземельная собственность въ Малороссіи возникла путемъ займанщины, по крайней мѣрѣ это можно сказать относительно мелкихъ, а не крупныхъ владѣній. Но этотъ процессъ совершался медленно и постепенно. На первыхъ порахъ, вѣроятно, преобладала *общественная займанщина*. Раньше всего земля была подѣлена подъ полки и сотни. Этимъ-то и объясняется существованіе такихъ общественныхъ земель, которыя принадлежали совмѣстно нѣсколькимъ селеніямъ одной и даже нѣсколькихъ сотенъ.

Такъ еще во время составленія генеральной описи Румянцева (въ 1765—68 г.) мы встрѣчаемъ въ Полтавщинѣ такіе „степки“, которыя паходятся въ совмѣстномъ владѣніи нѣсколькихъ селеній, принадлежащихъ къ разнымъ сотнямъ. Такъ бывший капевскій сотенный писарь извѣщаетъ, что онъ не въ состояніи представить порученной ему вѣдомости о распаханыхъ общественныхъ земляхъ, такъ какъ „оное поле сотнѣ капевской козаки распахали совокупно з козаками сотнѣ иркѣвской и владѣютъ онымъ безъ подѣлу общественно“²⁾. Точно въ такомъ-же совмѣстномъ владѣніи двухъ сотенъ находился и лугъ при р. Днѣпрѣ, которымъ владѣли всѣ

1) Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 26.

2) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер.

козаки сотенъ иркѣвской и каневской. Теперь въ виду генеральной описи козаки сотни каневской просятъ, чтобы онѣ были записаны не только за сотнею иркѣвской, но и каневской. Просьба подписана жителями м. Каневецъ, дер. Ревбинецъ, с. Лихолѣтъ, Мельниковъ и Воротинецъ¹⁾. Относительно происхожденія этого луга другой документъ говоритъ: „тажъ сѣнокосная земля принадлежитъ опимъ козакамъ *по давней займѣ* и по стародавнему безспорному владѣнiю; ползуясь оною сѣнокосною землею, службу козачую отправляютъ, повинности къ ползѣ государевой несли и нипѣ несутъ“²⁾. Сотенное кропивенское правленiе въ отвѣтъ на требованiе отъ комиссiи показать, какія и въ какомъ размѣрѣ къ мѣстечку Кропивнѣ и другимъ селенiямъ принадлежатъ свободныя земли, заявляетъ, что опредѣлить точно эти земли нѣтъ никакой возможности, такъ какъ онѣ находятся въ совмѣстномъ владѣнiи цѣлаго ряда селъ кропивенской сотни: м. Кропивны, Богушевой слободки и Чеховки, села Панскаго, Чернобая, Крупскаго и Богодуховки, дер. Щербиновки и Желѣзокъ, а также всѣхъ хуторовъ, приписанныхъ къ сотнѣ. Здѣсь пашутъ, косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ всѣ обыватели (кромѣ генерала Нецлюева, который имѣетъ свое особое отдѣльное владѣнiе)—козаки, владѣльцы, ихъ подеусѣдки и посполитые—общественно на перемѣнныхъ мѣстахъ. Этимъ дѣло не кончается: оказывается, что не только нѣтъ возможности опредѣлить количество земель, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селенiямъ, но даже остаются не размежеванными земли принадлежащiя къ разнымъ полкамъ. Тотъ-же атаманъ признаетъ необходимымъ предварительное размежеванiе земель полка переяславскаго отъ полка лубенскаго и затѣмъ внутреннее межеванiе въ полку переяславскомъ и разграниченiе земель сотенъ кропивенской, золотоношской, иркѣвской, каневской³⁾. Получая отовсюду такія неопредѣленныя свѣдѣнiя о количествѣ свободныхъ земель, комиссiя для составленiя генеральной описи дѣлаетъ вторичное напоминанiе о представленiи болѣе обстоятельныхъ извѣстiй и при этомъ сознается, что сотенныя правленiя называютъ 30 и болѣе селенiй одного полка, какъ соучастниковъ во владѣнiи. Но въ той-же Румянцевской описи мы встрѣ-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер. № 593.

чаемъ общественныя земли, принадлежація отдѣльнымъ селеніямъ¹⁾. Такими общеобывательскими землями „користуются“ жители-козаки цѣлаго ряда селеній нынѣшняго золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи. Не нужно забывать, что всѣ приведенные факты относятся ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда составлялась Румянцевская опись. Тѣмъ не менѣе тѣ явленія, на которыя они указываютъ, характеризуютъ собою болѣе раннюю эпоху — вторую половину XVII и первую половину XVIII вѣка. По свидѣтельству приведеннаго нами акта новгородъ-сѣверскаго спасскаго монастыря, именно на первыхъ порахъ послѣ освобожденія отъ „людской неволи“ вся земля малороссіянамъ „была сполная и общая“. Тогда количество свободныхъ земель сравнительно съ населеніемъ было очень значительно. Тогда только была начата, но далско еще не кончена займанщина цѣлыхъ сотенъ. Земель было такъ много, что не всегда было сдѣлано разграниченіе между сотнями. За тѣмъ процессъ займанщины продолжался дальше. Происходить внутреннее разграниченіе земель одной и той-же сотни. Въ результатѣ являюся общественныя земли, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ селеніямъ и которыя нѣкоторыми изслѣдователями называются *волинцами*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что и однѣ, и другія земли старозаимочнаго происхожденія; разница вся только въ количествѣ участниковъ займа.

Но интересно, что такіе-же точно факты мы открываемъ и относительно Черниговщины. Мы уже выше показали, что возстаніе Богдана Хмельницкаго имѣло важныя результаты и для сѣверной Малороссіи: если не уничтожило тамъ, какъ на югѣ, крупнаго землевладѣнія, то по крайней мѣрѣ значительно умсньшило его размѣры. Явились такимъ образомъ и здѣсь свободныя земли, хотя, конечно, сравнительно въ ограниченномъ количествѣ; явилась и здѣсь займанщина; явились и здѣсь общевладѣемая земля, и при томъ такого-же двойкаго характера, какъ и въ южной Малороссіи. Только, естественно, онѣ не могли здѣсь долго продержаться и исчезли очень рано. Въ то время какъ въ южной Полтавщинѣ они фактически сохранялись еще во второй половинѣ XVIII в., въ

¹⁾ См. объ этомъ ст. Н. В. Лучицкаго: Слѣды общ. землевлад. въ лѣвобер. Украинѣ XVIII в. (Отч. Зап., 1882 г., ноябрь).

Черниговщина въ это время сохранилась о нихъ только память. Очень характерна въ этомъ отношеніи „сказка семяновскихъ козаковъ (1754 г.) о такъ называемой „конотопской ратушной степи“¹⁾.

Оказывается, что, по праву перваго займа, значительнымъ количествомъ свободныхъ войсковыхъ земель воспользовались сосѣдніе владѣльцы: генераль Салтыковъ, кіево-печерская лавра и бывшій сотникъ Кандыба. Прежде-же всѣ эти земли были вольныя, и на нихъ всякому обывателю конотопской сотни вольно было косить, кто сколько можетъ. Кромѣ-же обывателей конотопской сотни никто бывало не косить, кромѣ владѣльца села Семяновки, умершаго генеральнаго войсковаго эсаула Гамалѣя, который это дѣлалъ по вольноностямъ козачьимъ. Въ между-гетманство поселенная по сосѣдству Чернечя слободка стала самовольно прихвѣтывать себѣ куски этой вольницы и даже нѣкоторыя личныя козацьи заимки (Костирскаго—сѣнокосъ и Тихоновской—сѣнокосъ и хуторище) и затѣмъ всѣ ихъ заорала и обнесла коцнами. Также поступалъ Кандыба относительно другой части степи. Въ этомъ случаѣ фактическимъ владѣтелемъ свободной степи оказываются обыватели всей конотопской сотни. А вотъ другой примѣръ, гдѣ свободныя земли причисляются къ отдѣльному селенію, но оно ими не пользуется и нисколько не протестуетъ противъ того, что ихъ занимаетъ другое селеніе. Здѣсь чрезвычайно рельефно сказывается характеръ малороссійскаго землевладѣнія, не юридическій, а фактическій. Старожилы села Порохни (новгородъ-сѣверскаго уѣзда), жившіе здѣсь еще до Хмельничины, говорили такъ: „еще до Хмельничины, когда державцею этой мѣстности былъ Пѣсочинскій, грунта порохонскіе отъ грунтовъ села Знобы отдѣлялись межей. Когда-же Чернацкая слобода (расположенная по сосѣдству) поступила въ подданство черниговскаго архіерейскаго дома, то немедленно завладѣла этими нашими порохонскими грунтами (въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка); мы же ни тогда, ни теперь (1705 г.) противъ этого не спорили „бо тіе порохонскіе отобранные грунта до слободы Чернацкой, *улящие быти, а не заживаніе; тилко порохонскими сии*“²⁾...

¹⁾ Села конотопскаго уѣзда. А. Лазаревскаго, въ Зап. Черн. Губ. статпст. ком., кн. 2-я, стр. 189—193.

²⁾ Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 23.

Гораздо дольше сохранились въ Черниговиннѣ общественныя угодыя. Въ „Отчетѣ о состояніи межеванія въ черниговской губерніи за 1868-й годъ“ мы читаемъ: „въ ряду спорныхъ дѣлъ явились, съ открытіемъ межевыхъ учрежденій черниговской губерніи, и исключительнаго рода спорныя дѣла по особеннымъ въ этой губерніи сябриннымъ угодыямъ (отъ древняго литовскаго слова сябрь, соучастникъ), состоящимъ въ общемъ владѣніи многихъ соучастниковъ, доля участія коихъ въ пользоваіи угодыями опредѣлена особенными документами безъ опредѣленія границъ, что однако составляетъ существенное условіе при разнокачественности спорныхъ угодій. Въ черниговскомъ и городницкомъ уѣздахъ эти сябринныя угодыя составляютъ значительныя пространства при большомъ числѣ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ. Угодыя эти были прежде исключительно лѣсныя, потомъ-же постепенно были сдѣланы въ оныхъ вырубкѣ лѣсовъ, самопроизвольныя расчистки и распашки, почему въ угодыяхъ тѣхъ явились новыя владѣльцы по праву завладѣнія, отчего условія разборовъ и еще умножились совершенно новыми обстоятельствами“¹⁾. Инструкція для межеванія отличаетъ такія общіе лѣса—сябринныя отъ вѣзжихъ или вольницъ; первые нужно было межевать или по полюбовному соглашенію, или по документамъ, вторые-же—по нѣкоторому числу душъ какъ владѣльческихъ, такъ и прочихъ сословій въ тѣхъ селеніяхъ, которыя имѣютъ право вѣзда въ настоящее время²⁾.

Но кромѣ этого мы находимъ прямыя указанія и въ Румянцевской описи. Изъ купчей 1716 г., приложенной къ описи слободы Илькучи (седневской сотни, черниговскаго полка), видно, что тамъ былъ прежде вольный лѣсъ, въ которомъ „кто схочетъ, на пристойныхъ мѣстахъ и сѣножать зрѣбать“³⁾. Еще подробнѣе и обстоятельнѣе объ этомъ говоритъ декретъ 1691 г. по поводу жалобы обывателей Сосницы, Мены, села Чернотичъ, Козляничъ и нѣкоторыхъ другихъ близъ лежащихъ селеній на пана Леонтія Полуботка, что онъ не дозволяетъ имъ вѣзда въ вольную пуцу и причипяетъ всяческія грабежи, шкody и обиды. Постановлено было

1) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1868 г., стр. 21—22;

2) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1870-й годъ, прил., стр. 99;

3) Обзор. оп. Малорос., А. Лазаревскаго, стр. 89—90.

всѣмъ сосницкимъ, менскимъ и сельскимъ обывателямъ: козакамъ, мѣщанамъ и тяглымъ людямъ имѣть вольный входъ и въѣздъ за всякимъ деревомъ, „такъ какъ и передъ тимъ било“, безъ разныхъ грабежей и побоевъ; всѣ окопы должны быть снесены; съ нарушителя этого постановленія долженъ быть взятъ штрафъ въ размѣрѣ 1,000 таларей¹⁾.

И такъ въ сѣверной Малороссіи мы видимъ такую-же займанщину, какъ и въ южной. Спрашивается теперь, каковъ былъ характеръ пользованія этими общественными землями. Данные Румянцевской описи даютъ намъ на это краткій, но опредѣленный отвѣтъ. Всякій пахаль, косиль сѣно, рубиль лѣсъ, гдѣ хотѣлъ и сколько могъ. Жители мѣстечка Пѣщанаго—козаки и посполитые—заявляютъ, что они „издревле въ свободномъ къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащемъ степку сѣнокосомъ и паханіемъ хлѣба довольствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по перемѣннымъ местамъ“²⁾. Смотритель свободныхъ полковыхъ и ранговыхъ маестностей Козачковскій доводитъ до свѣдѣнія коммисіи, что въ свободномъ степку, принадлежащемъ мѣстечку Голтѣвъ, „гдѣ кто схочетъ, тамо и папеть и сѣно косить, перемѣняя часто мѣста таковымъ образомъ: где на казенной приходъ или на мѣщанина одного году будетъ пахаться или коситься, тамо другого году уже козакъ или чиновникъ папуть и косятъ“³⁾. Конотопскую ратушную степь, какъ мы знаемъ, косили всѣ обыватели конотопскіе, „кто сколько можетъ“. Количество цитатъ можно было бы увеличить до безконечности. Жаль только, что въ Румянцевской описи мы не находимъ болѣе подробныхъ указаній на технику этого дѣла. Впрочемъ наглядное понятіе о ней мы можемъ составить себѣ по тому картинному описанію „косовицы“ на общественномъ сѣнокосѣ въ давнія незапамятныя времена, какое мы читаемъ въ рассказѣ нѣкоего Гукова, помѣщенномъ въ изданіи юго-западнаго отдѣла географическаго общества: „Малорусскія народныя преданія и рассказы“, подъ заглавіемъ: „Перенесеніе церкви изъ при-селка Котлова въ село Москаленки“. Рассказъ этотъ списанъ Гу-

¹⁾ Обзор. Рум. оп. Малорос., А. Лазаревского, стр. 132—134.

²⁾ Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

³⁾ Дѣло о соч. ген. оп. въ полку мѣргород.

ковымъ со словъ котловскаго жителя Якова Саміловича Джогала и передаетъ собственно преданіе о томъ, какъ жители села Москаленокъ тайно разобрали въ поселкѣ Котловѣ церковь и перевезли въ свое селеніе, въ то время, когда котловцы были заняты всѣ поголовно скашиваніемъ общаго сѣнокоса, но каждый для себя. Описаніе косовицы введено рассказчикомъ эпизодически и передается также на основаніи преданія, но мы признаемъ за нимъ полную историческую достовѣрность;—оно носитъ не *былевой*, а *бытовой* характеръ; ядѣсь самъ народъ рассказываетъ страничку изъ своей прошлой обыденной жизни. Рассказъ ¹⁾ живо характеризуетъ намъ порядки пользованія общественными сѣнокосами; изъ него мы видимъ, что извѣстія Румянцевской описи: „каждый косить“ „гдѣ схочетъ и сколько схочетъ“ нужно понимать буквально; никакого распредѣленія участковъ мы не видимъ; равномернаго распредѣленія собраннаго сѣна также нѣтъ; каждый работаетъ за себя и для себя. Сущность рассказа въ слѣдующемъ: въ одномъ мѣстѣ на Днѣпрѣ, близъ деревень Москаленокъ и Котлова, образовалась коса; на ней стала расти кой-гдѣ лоза, потомъ трава—образовалось пастбище; пастбище обратилось со временемъ въ хорошій сѣнокосъ. Кому-же и могъ онъ принадлежать, какъ не жителямъ сосѣднихъ деревень, но сообща, а не кому либо въ частности? Рассказъ передаетъ, какъ торопились жители этихъ селъ въ день назначенный для косьбы обогнать другъ друга въ выходѣ на сѣнокосъ и самой работѣ. Такихъ общихъ сѣнокосовъ было много въ предѣлахъ нынѣшняго золотоношскаго уѣзда, отъ чего, можетъ быть, и теперь въ немъ такое обиліе общевладѣемыхъ земель; другія мѣстности того-же переяславскаго полка имѣли ихъ гораздо меньше, равно и другіе южные полки. Очевидно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ общихъ условій, дѣйствовали и свои *мѣстные причины*. Какъ-бы подтвержденіемъ этого можетъ служить любопытное признаніе сотника Добронизскаго. Сообщая документы на свои владѣнія въ сотнѣ Домонтовской, состояція „въ плецахъ, огородахъ, мельницахъ, рыболовныхъ озерахъ“, онъ прибавляетъ, что не можетъ доставить точныхъ данныхъ, потому что „по старимъ обычаямъ и владѣніямъ въ *грунтахъ степныхъ и лужныхъ сѣнокосныхъ*, до того мѣстечка

¹⁾ Мал. нар. пр. и разск., сводъ М. Драгоманова. К. 1876, стр. 241—245.

Домонтова надлежащихъ, всякому нсѣ тамошнихъ старинныхъ жителей, какъ козакамъ, такъ и посполитимъ владѣльческимъ подданнымъ, *идь кто ставъ пахать или косить, волность состоитъ* ¹⁾“.

Теперь спрашивается, можно-ли назвать общинными подобные порядки владѣнія общественными займанщинами. Мы думаемъ, что впредь до открытія новыхъ фактовъ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. О такой общинѣ, какая была и есть въ Великороссіи, не можетъ быть тутъ и рѣчи: ни періодическихъ передѣловъ, ни равномерности участковъ мы не находимъ въ малороссійскихъ займанщинахъ. Факты общинныхъ передѣловъ, приведенные г. Лучицкимъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Устояхъ“ за прошлый годъ, относятся къ современнымъ общинамъ полтавскаго побережья (мутишинской и другимъ). Еще вопросъ, на сколько нынѣшній чисто общинный строй въ этихъ селеніяхъ стародревній и типическій; по крайней мѣрѣ въ Румянцевской описи мы не находимъ общинъ съ такимъ точно характеромъ. Вообще мы думаемъ, что лучше сначала уловить и ясно опредѣлить сущность извѣстнаго явленія, а потомъ уже давать ему такое или иное названіе. Мы нисколько не считаемъ малороссовъ народомъ индивидуализмомъ *quand même*, мы нисколько не противъ аналогіи явленій нашей жизни съ явленіями жизни западно-европейской; но мы думаемъ, что сравниваемые величины должны быть предварительно болѣе или менѣе опредѣлены. Мы знаемъ, что нѣкоторые изслѣдователи (въ родѣ, напримѣръ, Лавеле) готовы расширить рамки понятія общины до безконечности, но втискивать понятіе малороссійской займанщины въ расплывчатый терминъ „первобытной общины“ мы считаемъ бесполезнымъ. Можетъ быть впоследствии, когда сущность займанщины опредѣлится для насъ точнѣе, мы и найдемъ такія аналогіи, которыя поставятъ ее въ связь съ общими формами западно-европейскаго землевладѣнія; но теперь, какъ намъ кажется, мы не въ состояніи найти въ ней какихъ либо признаковъ общиннаго быта. Развѣ мы можемъ сказать что-либо опредѣленное относительно роли малороссійской громады въ распредѣленіи общественныхъ земель? Мы не отрицаемъ громадскихъ склопностей

¹⁾ Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

въ малороссійскомъ народѣ, потому что сама громада является уже носителемъ ихъ; но едва-ли можно приписать этой громадѣ такія функціи въ отношеніи къ землевладѣнію, какъ великороссійскому „міру“. Въ законодательствѣ и вообще юридическихъ памятникахъ мы напрасно стали-бы искать указаній на роль громады въ этомъ отношеніи. „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“ знаютъ совмѣстное сябринное владѣніе, но въ основѣ его видятъ личную займанщину. Вотъ какъ читается относящееся сюда мѣсто: „Если-бы кто имѣлъ съ нимъ лѣсъ или степь совокупній, недѣлений, а одинъ-бы который сябрь или участникъ похотѣлъ тотъ лѣсъ на засѣвъ хлѣбный или для сѣнокоса прочистить и раздроблять, а степь прооривать, толкожь такъ, чтобъ другого или другихъ участниковъ своихъ грунтовъ разробомъ тимъ своимъ не изобидилъ, къ своему болше не принималъ, но *столко, сколько на его части того лѣсу или степу принадлежатъ будетъ*, а другимъ би участникамъ своимъ такъ много и въ толикой добротѣ лѣсу или степу оставилъ, какъ много на части ихъ противъ его займы принадлежитъ; еслижь би кто болше надъ свою часть лучшаго грунта прочистилъ, и за то би въ судъ билъ позванъ, таковій по приговору судовомъ долженъ будетъ сябрамъ своимъ на томъ-же грунтѣ или, когда похотятъ обидиміи, на другомъ уступить имъ такъ добраго, годного и пожиточнаго мѣста, чтобъ всѣмъ участникамъ равно било, а за лѣсъ сверхъ части его порубаній тѣмъ-же сябромъ своимъ изъ своей собственной части на иномъ мѣстѣ, гдѣ имъ приличнѣе будетъ, толкожь и такъ добраго лѣса отвести, а не будетъ ли у него такого лѣса, то денгами по доказательству заплатитъ имѣть въ половину противъ оцѣнки сего права ¹⁾“. Отсутствіе въ мѣстномъ малороссійскомъ правѣ указаній на общинные распорядки невольно намъ бросается въ глаза и говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ за общину; существованіе-же общевладѣемыхъ земель зависѣло, по нашему мнѣнію, отъ слабой населенности территоріи. И въ самомъ дѣлѣ: въ населенной болѣе густо Черниговщинѣ онѣ скорѣе исчезаютъ, чѣмъ въ Полтавщинѣ; въ болѣе слабо заселенномъ полтавскомъ побережьѣ ихъ повидимому болше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ того-же переяславскаго полка; на-

¹⁾ Права, по которымъ судится малорос. народъ, проф. А. О. Кистяковскаго. кп. 1879 г., стр. 515—516.

конецъ, теперь ихъ меньше, чѣмъ было 100 лѣтъ тому назадъ. Еще 100 лѣтъ тому назадъ были въ предѣлахъ южной Малороссіи такія мѣста, гдѣ земля цѣнилась ни во что. Владѣльцы, жившіе по рр. Золотоношѣ и Кропивнѣ, жалуются коммисіи для составленія генеральной описи Малороссіи, что многіе козаки, бросивъ свои отеческіе грунты, поселились возлѣ нихъ хуторами; иные, являясь изъ далекихъ мѣстъ и пользуясь неразмежеванностью земель, косятъ незрѣлую траву и захватываютъ цѣлину и распашанныя земли ¹⁾). Какъ дешево цѣнилась тогда вообще земля, видно изъ купчихъ, приложенныхъ въ безчисленномъ множествѣ къ Румянцевской описи. Козакъ миргородскаго полка Лукьянъ Марченко заявилъ ревизорамъ, что онъ вымѣнялъ вербовый лѣсокъ у миргородскаго козака Алексѣя Скоробогатенка за плугъ, который, по его словамъ, стоилъ 1 р. 50 к. Миргородскій козакъ Евфимъ Парасоченко заявилъ, что его отецъ купилъ островокъ съ лозою, дровянымъ ольховымъ лѣсомъ и сѣнокосомъ, на которомъ ставилось 50 копенъ сѣна, за 8 р. ²⁾). И это еще сравнительно дорого, потому что купленная земля находилась подъ самимъ Миргородомъ. А вотъ обыватель села Сосновки (поповской сотни, нѣжинскаго полка) Пархомъ Кононенко продаетъ свою „батьківщину“—хату съ дворцемъ, садомъ, огородомъ и полемъ въ трехъ рукахъ *за кобылу половую*.

Но постепенно количество земли должно было уменьшаться, какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра, о чемъ мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, какъ лѣтописныхъ, такъ и документальныхъ. Въ началѣ XVIII в. и позже народъ малороссійскій толпами переходилъ на лѣвый берегъ Днѣпра и, по выраженію Величка, „гдѣ улюба по разныхъ сегобочныхъ полкахъ украинно-малороссійскихъ для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣстца“ ³⁾). Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной поземельной собственности, которая вся въ южной Малороссіи сравнительно недавняго происхожденія и произошла путемъ пожа-

¹⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переясловскомъ.

²⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

³⁾ Обзор. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревскаго, стр. 300.

лованій, скупли и захватовъ. Рядомъ съ этимъ дѣйствовала еще одна причина. Сплошная и единообразная нѣкогда масса малороссійскаго народа теперь начиаетъ мало по малу раздробляться, выдѣлять изъ среды своей разныя общественныя группы—классы. Жители городовъ—мѣщане, которые когда-то ничѣмъ почти не отличались отъ козаковъ, отбывая вмѣстѣ съ ними воинскую повинность, теперь обособляются въ особую социальную группу, имѣющую свое самоуправленіе и свои занятія; войско—„товариство“ въ свою очередь распадается на двѣ группы—старшину и простыхъ козаковъ; первая всѣ свои усилія употребляетъ на приобрѣтеніе крупной поземельной собственности, вторые все болѣе и болѣе отдаляются отъ своей старшины и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣшиваются уже въ такой мѣрѣ, какъ прежде, съ посполитыми, потому что козацкое званіе во всякомъ случаѣ гарантируетъ нѣкоторыя существенныя права. Посполитые попадаютъ все въ большую и большую зависимость отъ козацкой старшины. Мы не хотимъ сказать, чтобы сословія въ строгомъ смыслѣ этого слова уже обозначились; еще и во второй половинѣ XVIII в. русское центральное правительство должно было стараться, чтобы посполитые не попадали въ козаки и наоборотъ, но во всякомъ случаѣ начало уже было положено—и это должно было отразиться и на характерѣ землевладѣнія. Крупное землевладѣніе козацкой старшины тѣснитъ и захватываетъ себѣ козацкія и посполитскія земли; скупля принимаетъ столь широкіе размѣры, что правительство Анны Іоанновны принуждено издать свой запретительный указъ 1739 г., который впрочемъ мало помогъ горю. Козаки въ свою очередь желаютъ, чтобы ихъ признавали единственными владѣтелями свободныхъ земель; является на экономической почвѣ сословная рознь, которой прежде не было. Характерныя примѣры ея мы находимъ въ Румянцевской описи. Мы приведемъ цѣликомъ одинъ чрезвычайно любопытный и важный въ этомъ отношеніи актъ. „По природѣ нашей будучи мы посполитые и живучи въ мѣстечку Пѣщаномъ под ратушею, равно какъ в давнину и предки наши обще съ козаками и жителями пѣщанскими в свободномъ, къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащемъ, степку сѣнокосомъ и паханемъ хлѣба доволствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по переменнымъ местамъ, гдѣ кто пожелалъ, и единственно съ того нашего вообщѣ ползованія

какъ консистенскіе дачи, такъ и къ ратуши подлежащіе государевы повинности безнужно несли, когда безпомѣшательное было в прописанномъ наше владѣніе; но с недавних годов здешніе козаки, одинъ по другому, перво на словахъ выговаривая не уходить общескимъ владѣніемъ нашимъ в тот степокъ, а потомъ час от часу усиливаясь по безстрашию своему къ явнымъ насъ витискамъ, взяли согласіе и обративъ на насъ свою ненависть и вознегодованіе, умислили незаконными своими поступками и совѣмъ насъ къ оному степку не допустить, къ тому-жъ и въ выпустныхъ мѣстахъ утѣснить, объявляя при томъ свои намѣренія, что если де кто с насъ могъ у прописанное владѣніе вступить, то убьютъ де до смерти и пропадетъ за собаку, понеже де козакамъ съ мужикомъ пользы никакой нетъ и мужику козацкими степами владѣть не слѣдуетъ; почему с насъ некоторые, не имѣя собственной землѣ, а в общемъ с козаками на степку пользованіи опасиваясь ихъ козаковъ неуважныхъ похвалокъ, принужденни, оставя свои жилия, удалитись; однако мы малымъ числомъ оставшіесь, хотя с нуждъ во владѣніе того-жъ степу оранемъ и сѣнокосомъ до некоторого времени уходили и распахали были себѣ землѣ, но напоследокъ, что принадлежитъ до позапрошлаго и сего года, лѣтомъ, когда мы нашѣ, распаханніе собственно нами, землѣ орать вийшли, то оніе козаки по завзятости и ненависти ихъ и послѣднихъ насъ съ плугами согнали и въ косовитное время къ копенію сѣна не допустили, и совѣмъ общаго пользованія лышили, по причинѣ которой нынѣ ми пришли до самокрайнѣйшей обиды и разоренія, пачежъ всегда по похвалкамъ ихъ находимся въ немаломъ и опасеніи, а яко комісія генеральной ревизіи нынѣ находится в Пещаномъ, для того вашего благородія покорно просимъ по сему главному случаю у оной комісіи разсудить и сискать для насъ таково посредство, чтобъ ми в томъ степку и в вилуствахъ имели по прежнему наше безпрепятственное отъ козаковъ владѣніе и пользование, з защищеніемъ и отъ худыхъ ихъ похвалокъ, за чѣмъ могли-бы мы в состояніи несть и государевы податѣ, в случаѣ бо инакомъ можемъ мы прійти до такой крайности, что и дневной пищи лишимся“¹⁾). И это случай не единственный. Во время генеральной описи происходили по этому поводу частыя пререканія.

¹⁾ Дѣло о соч. ген. оп. въ полку черяслав.

Требовалось рѣшать этотъ вопросъ на основаніи прежнихъ ревизій и другихъ документальныхъ данныхъ, такъ какъ свидѣтельскія показанія козаковъ признавались тенденціозными и недостоверными. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается столкновение, возникшее въ голтвянской и потоцкой сотняхъ миргородскаго полка между козаками и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маестностей Козачковскимъ. Объ этомъ сохранилась цѣлая большая переписка. Оказывается, по изслѣдованіямъ Козачковскаго, что многія земли распаханы и захвачены владѣльцами и особенно козаками. Первый примѣръ въ этомъ случаѣ подали бывшіе смотрители войсковыхъ земель—сотники, которые дозволили захватъ, потому что и сами принимали въ немъ участіе, между тѣмъ права на землю принадлежали голтвянскимъ и потоцкимъ мѣщанамъ и посполитымъ (свободнымъ), какъ объ этомъ свидѣлствуетъ ревизія 1729 года. Теперь-же и тѣ и другія вытѣснены козаками и владѣльцами и принуждены пользоваться чужою землею за деньги или за скопщину. Нивакихъ подтвержденій на эти самовольные захваты не послѣдовало ни со стороны центральнаго русскаго правительства, ни со стороны мѣстнаго гетманскаго уряда. Козаки съ своей стороны опирались на письменное дозволеніе, данное имъ съ бывшимъ сотникомъ Остроградскимъ еще въ 1691 г., при этомъ они въ свою очередь жаловались на притѣсненія со стороны мѣщанъ и просили *роздѣла* всей земли между ея фактическими владѣльцами¹⁾). Въ этомъ спорѣ мы видимъ нѣсколько интересныхъ фактовъ. Не смотря на то, что въ упомянутомъ выше постановленіи 1691 г. прямо сказано, что занимать себѣ землю въ личную собственность нельзя и даже полученными продуктами нужно пользоваться вообще, въ теченіе какихъ нибудь 50—60 лѣтъ свободная нѣкогда земля очутилась въ фактическомъ завладѣніи лицъ разныхъ сословій, преимущественно козаковъ. Теперь эти послѣдніе въ количествѣ 151 человекъ ходатайствуютъ о раздѣлѣ этихъ земель и признаютъ въ качествѣ соучастниковъ раздѣла владѣльческихъ посполитыхъ, которые съ юридической точки зрѣнія смотрителя Козачковскаго не имѣютъ никакого права. Такимъ образомъ юридическое право голтвянскихъ мѣщанъ ставится ни во что сравнительно съ фактическимъ правомъ

¹⁾ Дѣло о соч. ген. оп. въ полку миргор.

подданныхъ — посполитыхъ. Здѣсь очевидно дѣйствуетъ сила народнаго міровоззрѣнія, идущаго въ разрѣзъ съ новыми порядками.

Иногда впрочемъ, какъ свидѣлствуютъ акты, такой раздѣлъ совершался на первыхъ-же порахъ.

Рядомъ съ возникновеніемъ личной собственности путемъ раздѣла общественныхъ земель мы встрѣчаемъ и другой путь — *личную займанщину*. Малороссійское право признаетъ достаточнымъ для юридическаго владѣнія такую личную займанщину. „Кто-би себѣ какіе грунта и угодія нажилъ, а оные прежде никакова владѣльца не имѣли, или-би кто на пустую землю пришелъ и тую землю распахиваль, либо лѣсъ расчицаль,.... таковія недвижимія имѣнія имѣютъ быть того, кто владѣтъ, собственнія, какъ-би купленнія ¹⁾“. Если кто нибудь владѣлъ извѣстнымъ участкомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и не было ни съ чьей стороны претензіи, то владѣніе его дѣлалось уже крѣпкимъ; это конечно имѣло мѣсто главнымъ образомъ при расчисткѣ и распапкѣ цѣлины. Мы имѣемъ любопытнѣйшій въ этомъ отношеніи документъ — доношеніе козаковъ сотни золотоношской въ комиссію сочиненія въ полку переяславскомъ генеральной ревизіи. „Мы нижайшіе довольно извѣстни нынѣ учинились, что оная ревизіальная комиссія какъ о протчіихъ недвижимыхъ грунтахъ собственниихъ наслѣднихъ, такъ и о распаханнихъ съ общихъ принадлежащихъ къ обиталищамъ земляхъ, кои нынѣ въ дѣйствительномъ владѣніи кого либо состоятъ, чтобы они безъ включенія въ нынѣшнюю генеральную опись не оставались, требуетъ чрезъ сотенія правленія отъ кожныхъ владѣтелей тѣхъ земель точнаго показанія; а яко въ насъ сотнѣ золотоношской при рѣчки Кропивной при состоящихъ хуторахъ имѣется въ каждого обивателя распаханной землѣ *не меньше какъ по 195 дней*, коя нынѣ въ дѣйствительномъ нашемъ владѣніи состоитъ уже *болѣе пятидесяти годъ*, которыми землями сначала нашего владенія и поселенія нашихъ жителей нѣкто изъ владѣльцовъ не владѣлъ нѣ жадною и не интересовался нѣкто и понинѣ, по причинѣ той, что между жител-

¹⁾ Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. Пр. А. Ө. Киятовскаго, стр. 48.

ствами нашими (яко тѣ по надѣ рѣчкою Кропивною вдоль распространились версть двѣ) никакихъ владѣльцовъ не имѣется, якая наша распаханная земля по незнаемости нашей подчасъ сочиненія жителствомъ нашимъ генеральной описѣ въ опись не включена, и даби тѣ наши распаханние землѣ втунѣ безъ включенія въ нинѣшнюю генеральную опись не оставались, для того комисѣи сочиненія въ полку переяславскомъ генеральной ревизіи нижайше просимъ сие наше доношеніе и до нашихъ жителствъ съ приложениемъ при семъ ведомости означенные землѣ въ белую генеральную опись включить и учинить опредѣленіе. Руку приложили козаки сотни золотоносской ¹⁾).

Въ приведенномъ нами случаѣ мы имѣемъ фактъ личнаго завладѣнія; земля состоитъ теперь въ дѣйствительномъ владѣніи каждаго отдѣльнаго лица; размѣръ участковъ очень значителенъ—не менѣе 195 дней на душу, т. е. 146 десятинъ; земля была занята ими свободная, вольная, которою съ самаго начала поселенія никто не интересовался; въ дѣйствительномъ владѣніи ихъ она состоитъ болѣе пятидесяти лѣтъ, т. е. по крайней мѣрѣ съ начала XVIII столѣтія.

А вотъ другой актъ не менѣе характерный; въ немъ мы видимъ также общественныя угодья—„чагарники“, но большая часть земли уже занята отдѣльными лицами. „З давнихъ временъ, чему назадъ будетъ болѣе 50 годовъ, начавши отъ села Чарторѣйки ажъ до Воронѣжа, была все пуца волна, въ якой пуци и села селились, а именно: Чарторига, Дубовичѣ, Землянка и иніе села въ близости найдующіеся; и всѣмъ было волно въ тую пуцу ѣздить—и хати съ оной пуци ставили. А когда помножилось въ селахъ людей и вже оную пуцу гораздо вырубилы, то въ то время воронѣжцы и инихъ сель знатнѣйшіе и старѣйшіе обиватели начали занимать и окоповать займы, *всякъ по возможности своей*, что и невозбранно имъ было. А отъ шляху, идучого отъ Чарториги поузь села Землянку и Дубовичѣ, по лѣвой стороны, а зъ другой стороны отъ окопу Воронѣжскаго ажъ по шляхъ кролевецкій, по общему всѣхъ селянъ согласію, опредѣлено чагарники убогимъ людямъ и будетъ

¹⁾ Дѣло о соч. гев. оп. въ полку переяславскомъ.

онихъ чагарниковъ версть на десять; и въ тѣхъ чагарникахъ, безъ вѣдома селянъ, занимать и окопывать займы было запрещено¹⁾ (1738г.)

Личная займанщина относится къ очень давнему времени: она часто современна займанщинѣ общественной. Иногда такимъ образомъ возникали и селенія. Вотъ разсказъ старожила о заселеніи деревни Быстрика кролевецкой сотни (1703 г.) „Савка Скоробогатко тяглій человекъ призналъ, еще мовить до Московщины (1654 г.), якъ сталъ Быстрикъ садитися, пришолъ я зъ Гировки до Быстрика на житье; а напередъ мене зайшолъ тамже, до Быстрика, Сенко зъ Конотопу, въ которого хатѣ черезъ зиму мешкалемъ я; который то Сенко усмотрѣвши сее мѣстце, идѣже теперъ млынъ стоигъ, на заняте греблѣ способное, не знаю, мовить, за чимъ позволеньемъ и фундушемъ, сталъ занимать тую греблю, зъ Фескомъ Веровскимъ человекомъ, якоу Феско, не совершивши того зачатого дѣла, уступилъ самому тому Сенку; а онъ Сенко, усыпавши греблю и млынъ на ней построивши, уживалъ съ него пожитковъ, и не знаю того, чи давалъ тотъ Сенко, за своего тимъ млиномъ владѣнія, кому зъ его достойную повинность, чи ли нѣтъ; бо я, мовить, тилко чтири года въ Быстрику промешкавши, пошолъ зъ небожчикомъ отцемъ своимъ на тую сторону Днѣпра, подъ Коростешовъ, до Вѣлья, где пять годъ поживши, шестого року, якъ попустилъ тамъ, на за-Днѣпрю, Децикъ небожчикъ, такъ я вже по королевщинѣ пришолъ зъ-за Днѣпра знову до Быстрика мешкати; але южъ Сенка, первого того млына фундатора, не засталъ живого, котораго во время облеженя Конотопу отъ Москвы въ Конотопѣ забито: а по его Сенковой смерти нѣякійсь Коломієць жону его понялъ себѣ въ малженство, которому по женѣ и млынъ zostался“²⁾).

Неизвѣстно, по какому праву Сенко завладѣлъ мѣстомъ для млына. Очевидно достаточно было одного фактическаго завладѣнія. Подтвердительные документы рѣдко когда брались. Изъ одного акта—универсала Скоропадскаго 1719 г.³⁾ ясно видно, что и малороссійскіе гетманы стояли на такой же точкѣ зрѣнія.

¹⁾ Мал. посп. крест. А. М. Лазаревскаго, стр. 24—25.

²⁾ Обоз. Рум. оп. Мал. Ал. Лазаревскаго, стр. 349—350.

³⁾ Тамъ-же, стр. 244—245.

Впрочемъ и самыя подтвержденія давались безъ труда и являлись только формальностью, которая служила гарантiей правъ въ случаѣ столкновенiя съ сосѣдями. Вотъ въ этомъ отношенiи характерный документъ. „Ознаймоваль передо мною Яремѣемъ Андрѣевичемъ, сотникомъ батуринскимъ, Пархомъ Перека, обыватель въѣзду нашего въ Митченокъ батуринского, ижъ закопаль сѣножать, на Тютчи прозиваемой лежачую, подлѣ Гаджели, на которую то сѣножать упросилъ насъ урядове, абы ниhto ему жадною перешкодою не билъ въ кошеню з обывателей митченскихъ, такъ и иншихъ людей бы жадной ниhto не мѣлъ утиски до тоей сѣножати; а ежели-бы хто малъ отдаляти Пархома Переку вышепененнаго, на таковаго за руки покладаемъ до шкатули войсковой талерей 40“¹⁾...

Много подтвердительныхъ грамотъ мы имѣемъ на хутора, возникавшiе путемъ личной займанщины. Вотъ прямое подтвержденiе этому. „Мы Ѳедоръ Яковлевичъ сотникъ короповскiй, Ѳедоръ Шухъ, атаманъ городовiй, Адамъ Русакевичъ чинимъ вѣдомо симъ писаниемъ нашимъ, кому-бы о томъ вѣдать було належало, ижъ позволили пану Алексѣю Мелнику, козакови и обывателю пехаевскому, занять мѣстце з лѣсною рощею за Сохачами надъ речкою Крупкою лежачое, з одной стороны отъ той речки по займу Логвинову, а съ другой стороны по займу сохачкаго пана отца Матѳея, на которомъ мѣстцу, яко уже на своемъ власномъ волно помененному Олексѣ хуторецъ устроить и на який колвекъ обертати пожитокъ, безъ жаднаго нарушенiя и турбацiи, вѣчными часи въ посесiи своей держати повиненъ, на що для лучшого потверженiя и сее писанiе наше при печати мѣской короповской далисмо“²⁾. (1676 г.).

А вотъ и другой аналогическiй документъ, заключающiй въ себѣ нѣкоторые общiя указанiя; это—доношенiе козачьяго сына Филиппа Велички. „Назадъ тому будетъ лѣтъ болѣе шестидесяти, какъ дѣдъ мене низайшаго, Иванъ Величко, по свободѣ бившой, между селами Замѣшева и Тростанѣ, въ грунтахъ козачихъ тростанскихъ разробилъ лесъ, а въ вершинѣ речки Корны занялъ млы-

¹⁾ Мал. посп. кр. Ал. Лазаревского, стр. 25.

²⁾ Обозр. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревского, стр. 373—374.

ногъ и при томъ млынку устроилъ фоторецъ, якимъ фоторомъ и млынкомъ якъ дѣдъ мой Иванъ Величко спокойно чрезъ тридцать леть по жизнь свою владѣлъ, и козатчую службу съ протчими козаками въ сотнѣ топольской отбувалъ, и по смерти дѣда моего Ивана Велички оставшия его два сини, Иванъ и Никита Велички, въ малыхъ летахъ (съ коихъ еденъ Никита умре, а Иванъ нынѣ въ живихъ имѣется) тѣмъ фоторомъ, млынкомъ и розробленими грунтами владѣли и козатчую службу отправляли¹⁾. Но чаще всего, конечно, занимала себѣ хутора козацкая старшина. Мы имѣемъ на это прямое указаніе въ актѣ о переясловскомъ сотникѣ Иванѣ Добронѣзскомъ. „Всѣмъ кому толко вѣдати надлежатиметь з полчанъ переяславскихъ, а особливо пану полковнику Яготинскому, атаману и всему товариству моей сотнѣ, симъ нашимъ объявляемъ писаниемъ, ижъ панъ Иванъ Добронѣзскій, сотникъ полковій переяславскій, подалъ писменное свое прошение въ полковую переяславскую канцелярію, выражаючи, что многие з пановъ старшины полковой переяславской и значковихъ того полку товаришей, за позволенемъ бившихъ пановъ полковниковъ, *позанимали себѣ хутора в степу переяславскомъ*, въ сотнѣ яготинской, над Чумгакомъ, при самомъ устьѣ, мѣсто волное и способное на строение хутора, толко не смѣеть самъ занимати, того ради просить на писмѣ позволение, якое прошение пана сотника Добронѣзского принявши за слушное, а послѣдуючи давнему обикновенію, что бывало панове полковники з старшиною полковою даютъ з решпекту войскового годнимъ оною фундуши и позволительные писма на занимание гребеліюкъ в степу и на построение хуторовъ, обще усовѣтовавши, даемъ и мы сие з полковой канцеляріи переяславской показанному пану Ивану Добронѣзскому, сотникови полковому переяславскому, письмо, щобъ и онъ могъ решпектомъ войсковимъ щитится, позволяючи ему на устьѣ ономъ Чумгакомъ, нижей гребеліюкъ покойнаго асаула переяславскаго Ивана Даниловича, въ самомъ кутѣ гребелку чрезъ оною пересипать и хуторъ построить для содержнння ставку и всякого своего пожитку, о томъ всякъ вѣдаючи, особливо з сотни Яготинской абы никто не важился чинити ему кривды и убитку, жадаемъ и приказуемъ¹⁾“ (1731 г.).

¹⁾ Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Много другихъ указаній мы находимъ относительно разнаго рода угодій: сѣнокосныхъ займищъ, мельницъ и т. д.,—объ этомъ свидѣтельствуется цѣлый рядъ актовъ; но еще чаще занимали разнаго рода угодья безъ всякихъ подтвердительныхъ документовъ. Козаки села Семяновки подали сказку о конотопской ратушной степи, гдѣ между прочимъ заявляютъ, что за степью, принадлежащею къ селу Подлипному, слѣдуютъ сѣнокосныя займища конотопскихъ и семяновскихъ козаковъ—Тетеры, Бородая, Тихона Кондратовича, Ивана Веремѣнка Костирскаго, попа Семяновскаго, Ефрема Сангерѣ и др.; займища эти относятся еще ко времени первоначальнаго заселенія Конотопа и Семяновки, когда всякому было вольно занимать земли, сколько угодно; о пространствѣ ихъ свидѣлствуютъ тогдашніе, старинные заоры¹⁾. Мы не будемъ приводить подтвердительныхъ грамотъ на сѣнокосы, гребельки, млыны и другія угодья, потому что ихъ очень много и всѣ они составлены по одному образцу. Скажемъ только, что въ одномъ черниговскомъ полку въ 1742 году было 315 водяныхъ мельницъ.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ видѣ личной займанщины, который впрочемъ относится почти исключительно къ козацкой старшинѣ;—мы говоримъ о слободахъ. Въ продолженіи всей второй половины XVII и первой XVIII в. слободскія поселенія играютъ громадную роль въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ. Главнымъ контингентомъ слобожанъ были люди похожіе, иначе лѣзные, не имѣвшіе поземельной собственности, но пользовавшіеся правомъ свободнаго перехода; это были, по выраженію одного акта, „не господа, а люде волные, легкіе, жилища и притулиса своего слушнаго и жадного не маючіе“. Слобожане получали льготу на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ повинностей и могли въ это время заводить собственное хозяйство, распахивать и разчищать грунты, вырубать съ этою цѣлью лѣса. Гетманскій урядъ съ своей стороны не ставилъ никакихъ препятствій къ осаживанію слободъ: разрѣшеніе „закликать слободу“ давалось безъ всякихъ затрудненій; иногда такія слободы заводили

¹⁾ Села конотопскаго уѣзда, Ал. Лазаревскаго въ зап. Чер. губ. Ст. ком., кн. 2-я, стр. 252.

сѣобца всѣ жители одного и даже нѣсколькихъ селеній, иногда-же сама администрація. Вотъ почепскій мѣщанинъ Леонъ Рубецъ подаетъ заявленіе, что въ лѣсу, въ урочищѣ Саколи, съ прилегающими къ нему селищами, на рѣчкѣ Усѣ есть мѣсто удобное для устройства хутора, винокурни, мельницы и слободы. Изъ осмотра, произведеннаго „нарочными“ людьми, оказалось, что всѣ упомянутыя мѣста до Хмѣльничины были во владѣніи шляхтича Дубровскаго, а теперь лежатъ впустѣ и никому не отданы; чужіе сѣнокосы отъ устройства мельницы не пострадаютъ, ближайшее селеніе находится въ разстояніи двухъ верстѣ, другія десяти и болѣе; вообще старымъ селамъ отъ устройства слободы не будетъ никакого „утесненія“¹⁾. А вотъ стародубскій полковникъ Григорій Карповичъ даетъ универсалъ осадцѣ пану Михайлу Синковичу на закликаніе слобожанъ, при чемъ имъ позволяется „палинѣ и пожнѣ до рѣчки Дзѣвовково и до лѣса Осова розчиняти и роспаховати, якъ кто тилко можетъ“²⁾. Конечно, по истеченіи срока, населеніе должно было нести извѣстныя повинности по отношенію къ владѣльцамъ; эти повинности все болѣе и болѣе увеличивались и въ концѣ концовъ слобожане обратились въ крѣпостныхъ. Но во всякомъ случаѣ слободскія поселенія играли существенную роль къ колонизаціи края. Послѣ изгнавія польскихъ пановъ изъ Черниговщины много земель осталось впустѣ; здѣсь-то возникли слободы, которыя съ теченіемъ времени обратились въ селенія и деревни.

Въ силу всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Въ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго важную роль играетъ тотъ способъ завладѣнія, который въ устахъ народа и актахъ носитъ специальное названіе „займанщины“. Его мы открываемъ какъ въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ, такъ и въ южной—Полтавщинѣ; только въ послѣдней онъ сохранился дольше. Это вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ признакомъ, что здѣсь онъ вообще былъ болѣе распространенъ. Займанщина эта носила двоякій характеръ—общественный и личный: иногда извѣстныя свободныя группы занимали со-

¹⁾ Обзор. Рум. оп. Мал., Константиновляча, стр. 600—602.

²⁾ Ibid., стр. 644.

отдѣльныя лица. Общественная займанщина предшествовала личной, но часто шла вмѣстѣ съ нею: это зависело отъ мѣстныхъ условий. Но въ большинствѣ случаевъ личная поземельная собственность утвердилась очень быстро; общинные распорядки не успѣли установиться въ общевладѣемыхъ земляхъ. Къ такому заключенію приводитъ насъ сумма *известныхъ* доселѣ фактовъ; а этихъ фактовъ до сихъ поръ такъ мало, что сдѣлать широкое обобщеніе, при всемъ желаніи, мы не можемъ.

Димитрій Багалъй.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768 — 1776 г.).

(О к о н ч а н і е) ¹⁾.

ГЛАВА VIII.

О помилкѣ Пугачева. Заботы о возвращеніи на родину.

Силы Пугачева очевидно стали ослабѣвать, такъ что онъ не былъ уже въ состояніи сопротивляться отрядамъ войска, между тѣмъ какъ количество послѣдняго все болѣе возрастало, вслѣдствіе того, что постоянно новые отряды возвращались изъ Турціи; они располагались въ различныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были склонны къ бунту, и такимъ образомъ прекращали возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ каждомъ почти селѣ устроены были висѣлицы, которыя наводили страхъ на крестьянъ и заставили ихъ пріисмирѣть. Пугачевцы въ большомъ числѣ попали въ плѣнъ и были препровождены въ Сибирь впрядь до рѣшенія ихъ участи; тобольскій генераль-губернаторъ приказалъ повѣсить многихъ изъ ихъ числа.

У Пугачева оставалось не болѣе 6,000 человекъ; его преслѣдовали генераль Суворовъ и майоръ Михельсонъ; когда они достигли береговъ Хопра, его собственные подчиненные, увидѣвъ себя въ безвыходномъ положеніи, схватили его, привели въ лагерь генерала Суворова и добровольно выдали.

Весь русскій народъ былъ крайне утомленъ продолжительною войною внутреннею и внѣшнею и вздохнулъ свободнѣе, когда обѣ

¹⁾ См. январ., март. и ноябрск. кн. «Кіевск. Старинны» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

прекратились почти одновременно. Войска, утомленные турецкою кампанією, нуждались въ отдыхѣ, обыватели-же выжидали съ нетерпѣніемъ, чтобы миновало время постоянной тревоги и опасности, которой они подвергались отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Потому поимка Пугачева возбудила всеобщую радость, — она служила ручательствомъ восстановления спокойствія.

Пугачева помѣстили въ огромную деревянную клѣтку и въ ней препроводили въ Москву; до Симбирска онъ ѣхалъ подъ конвоемъ кавалеріи, съ этого-же города его сопровождалъ конвой изъ 300 пѣшихъ гренадеръ. вмѣстѣ съ нимъ препровождалось 6 человекъ атамановъ, которые выдали его властямъ; они ѣхали свободно, безъ оковъ, и имъ не только обѣщано было прощенье, но и значительная награда; въ каждомъ селѣ, черезъ которое приходилось проѣзжать, сгоняли все народонаселеніе смотрѣть на плѣнника. Вторая жена Пугачева, на которой онъ женился во время бунта, была объявлена свободною и сохранила даже часть добычи, данной ей мужемъ. Въ Москвѣ окованнаго заключили въ крѣпкую тюрьму, и сопровождавшіе его атаманы также были окованы и брошены въ темницу; затѣмъ судъ, назначенный особенно по этому случаю, рѣшилъ ихъ судьбу. Въ Москвѣ устроена была нарочитая эстрада для ихъ казни; на ней, какъ самъ Пугачевъ, такъ и его атаманы преданы были мучительной смерти. Ко времени казни приведены были въ Москву: отецъ, братья и первая жена Пугачева, и ихъ выставляли на видъ народу.

Съ нашей армією соединилась въ то время 2-ая армія, въ составъ которой входилъ гусарскій бахмутскій полкъ; онъ долженъ былъ по положенію состоять изъ 3,000 человекъ, но былъ далеко не въ полномъ составѣ, ибо многіе солдаты пали во время войны; вслѣдствіе этого приказано было выбрать изъ нашихъ командъ Сибирскаго корпуса 1,000 человекъ поляковъ и зачислить ихъ въ бахмутскій полкъ, распредѣливъ по различнымъ эскадронамъ; такимъ образомъ мы перешли въ новый родъ оружія. Для зимнихъ квартиръ намъ назначена была Башкирская область, жители которой принимали дѣятельное участіе въ бунтѣ; потому намъ разрѣшено было требовать отъ башкиръ всѣхъ удобствъ, безъ всякаго къ нимъ снисхожденія; на тѣхъ-же условіяхъ и другіе полки размѣнены были въ различныхъ слободахъ. принимав-

шихъ участіе въ мятежѣ. Проживъ зиму у башкиръ, мы перешли на квартиры въ другую область, гдѣ живетъ народъ, называемый Мордвою, и здѣсь оставались до половины лѣта.

Уже прошло полтора года съ того времени, какъ наши маршалы и тѣ конфедераты, которые не были зачислены въ военную службу, были отпущены на родину послѣ замиренія Россіи съ Турціею; между тѣмъ о нашемъ увольненіи и о разрѣшеніи намъ возвратиться въ отечество не было и помину, что возбуждало въ насъ безпрерывно скорбь и побуждало насъ къ ропоту. Мы узнали, что въ Казани проживалъ еще въ то время ротмистръ Заблоцкій, ожидавшій отъ Пулавскаго присылки денегъ для уплаты долговъ послѣдняго; воспользовавшись тѣмъ, что въ Казань отправлялся поручикъ нашего полка и при немъ одинъ изъ поляковъ, я переслалъ г. Заблоцкому слѣдующее письмо: „Милостивый государь! Я приношу вамъ просьбу отъ имени всѣхъ поляковъ, которыхъ значительное число находится въ русскихъ войскахъ, о томъ, чтобы вы, возвратясь въ отечество, ходатайствовали о нашемъ освобожденіи. Обязанность эта должна лежать на совѣсти маршаловъ, но очевидно они о ней забыли, и намъ грозитъ вслѣдствіе этого пожизненный плѣнъ. Мы надѣемся, что король нашъ приметъ участіе въ нашемъ освобожденіи, если вы, милостивый государь, искренно захотите похлопотать о насъ. Въ этомъ состоитъ просьба моя и моихъ товарищей, которую и приношу вамъ вмѣстѣ съ должнымъ почтеніемъ. Карлъ Хоецкій“.

Въ это именно время въ Россіи находились: генералъ земель подольскихъ, князь Адамъ Чаргорыйскій и великій коронный гетманъ Браницкій, къ которымъ господинъ ротмистръ Заблоцкій писалъ, по его словамъ, еще раньше относительно нашего дѣла. Я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Милостивый государь! Горестное положеніе, въ которомъ вы находитесь, возбуждаетъ въ сердцѣ моемъ искреннюю грусть и сожалѣніе; я всѣми средствами старался помочь вашему горю, подавая о васъ заявленія высшимъ властямъ; я не прекращаю своихъ усилій, пока не добьюсь осуществленія той цѣли, которая должна удовлетворить равнымъ образомъ меня, какъ и васъ. Несомнѣнно, что паны маршалы должны ходатайствовать о васъ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, и они дадутъ отвѣтъ передъ Господомъ, если уклонятся отъ исполненія этой обязанности. Не теряйте надежды и бодритесь, а Го-

сподь ниспошлетъ вамъ утѣшеніе, спомоществовать которому буду всячески стараться“.

Получивъ это письмо отъ пана Заблоцкаго, я утѣшалъ его содержаніемъ унылыхъ и огорченныхъ земляковъ своихъ.

Между тѣмъ въ Россіи распространилась молва о томъ, что три значительныя области перешли отъ Польши во владѣніе государствъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго; мы не могли освоиться съ этимъ неожиданнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ наше отечество; вспоминая бывшія прежде несчастныя войны при Іоаннѣ Казимирѣ и другія, мы приходили въ изумленіе, почему тогда не случилось столь значительнаго уцѣрба для нашего государства. Но разсужденіе о причинахъ столь несчастнаго исхода я предоставляю другимъ писателямъ, имѣющимъ болѣе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, и не сомнѣваюсь, что они опишутъ это достойное вѣчной печали бѣдствіе для памяти потомству.

ГЛАВА ІХ.

О несчастіи, постигшемъ поляковъ, находившихся въ тобольской области, и о походѣ противъ Ногайцевъ.

Излишняя жестокость судьбы, когда превышаетъ мѣру возможнаго терпѣнія, нерѣдко заставляеть людей совершать поступки крайне дерзкіе и отчаянныя. Въ подобномъ положеніи оказались поляки, находившіеся въ гарнизонахъ тобольской области; они вслѣдствіе отчаянія навлекли на себя гибель и страданія.

Хотя многіе земляки мои, бывшіе въ этихъ гарнизонахъ, погибли во время стычекъ съ Пугачевымъ, однако оставалось ихъ еще болѣе 600 человекъ, и все они возвратились обратно въ Тобольскъ послѣ прекращенія смуты. Зная, что миръ съ Турціею былъ заключенъ, что конфедерація въ Польшѣ прекратилась и что другіе плѣнные уже давно отпущены на родину, они возмущались тѣмъ, что на нихъ мѣра эта не была распространена. Согласившись между собою, они троекратно подавали записки генераль-губернатору, прося отпустить ихъ на родину, но прошенія эти оставлены были безъ послѣдствій. Увидѣвъ это, они выступили изъ квартиръ своихъ съ оружіемъ и со всеми слодатскими

принадлежностями и явились на дворъ у губернаторскаго дворца; здѣсь они сложили ружья въ кучи, сбросили форменные мундиры и стали требовать, чтобы ихъ отправили на родину. Генераль-губернаторъ былъ смущенъ этимъ поступкомъ; онъ сталъ ласково уговаривать ихъ, чтобы они взяли оружіе и мундиры и отправились въ свои казармы, утверждая, что въ виду ихъ настойчиваго желанія, на другой день утромъ имъ выданы будутъ паспорта и средства для путевыхъ издержекъ, за полученіемъ которыхъ они должны явиться. Между тѣмъ онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, квартировавшимъ въ Тобольскѣ, собраться до разсвѣта въ свой домъ, гдѣ и помѣстилъ ихъ; сверхъ того приказано было и городскимъ жителямъ, чтобы всѣ, имѣющіе какое-бы-то ни было оружіе, являлись утромъ въ губернаторскому дому. Приказанія эти были исполнены, и нѣсколько тысячъ солдатъ и вооруженныхъ гражданъ размѣщены были въ губернаторской усадьбѣ въ ожиданіи прихода поляковъ. Когда послѣдніе собрались безоружные, они были окружены, затѣмъ вывезены были пушки и направлены на нихъ. Тогда появился верхомъ генераль-губернаторъ; онъ долго молча ѣздилъ передъ рядами съ гнѣбнымъ и строгимъ видомъ, обдумывая дальнѣйшія распоряженія; затѣмъ, приблизившись къ полякамъ, спросилъ: кто былъ зачинщикомъ въ вчерашнемъ ихъ поступкѣ? Спрошенные долго молчали, объятые страхомъ; но когда онъ гнѣвно повторилъ вопросъ, нѣсколько человѣкъ отвѣтили, что всѣ единомысленно дали согласіе на этотъ поступокъ. Тотчасъ приказано было отдѣлить семь человѣкъ отвѣтившихъ; ихъ раздѣли, привязали къ приготовленнымъ заблаговременно колодамъ и подвергли наказанію кнутомъ по 600 ударовъ; затѣмъ имъ вырвали ноздри, выжгли на челахъ знаки на подобіе висѣлицъ и, оковавъ въ цѣпи, отправили въ вѣчную каторгу: остальныхъ также заковали и отправили въ Сургутскую провинцію въ тюремное заключеніе на продолжительный срокъ; но потомъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ихъ опять возвратили въ военную службу, распредѣливъ въ различные полки, въ каждый по нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Въ томъ-же году поляки, поступившіе добровольно въ военную службу въ Казани вмѣстѣ съ паномъ Пулавскимъ, получили паспорта для свободнаго возврата на родину.

Мы между тѣмъ, числившіеся въ бахмутскою гусарскою полку,

стояли на квартирахъ въ области, населенной мордвою, а затѣмъ, въ началѣ осени, получили приказъ отправиться на квартиры въ городъ Бахмутъ, лежащій на границахъ Новой Сербіи, гдѣ полкъ нашъ долженъ былъ стоять безотлучно. Распоряженіе это обрадовало насъ, ибо, вслѣдствіе этого передвиженія, мы должны были приблизиться къ границамъ Польши, отъ которыхъ мы находились тогда за нѣсколько сотъ миль; мы надѣялись, что изъ той мѣстности намъ легче будетъ найти возможность бѣжать на родину, въ случаѣ, если насъ не пожелаютъ отпустить добровольно. Мы выступили въ сентябрѣ и нигдѣ не останавливаясь на пути, пришли въ саратовскую провинцію, принадлежащую къ астраханской губерніи. Здѣсь мы встрѣтили на пути нѣмецкія колоніи, числомъ 13, расположенныя на берегахъ Волги. Въ каждомъ селѣ находилась католическая церковь, и потому тѣ изъ насъ, которые знали языки нѣмецкій или латинскій, имѣли возможность исповѣдываться, такъ какъ уже болѣе шести лѣтъ намъ не представлялся случай исполнить эту духовную обязанность. Въ селахъ этихъ живутъ духовные, принадлежащіе къ различнымъ монашествующимъ орденамъ, которые каждые шесть лѣтъ смѣняются новыми лицами, по назначенію папы. Въ каждомъ селѣ есть одинъ такой приходской священникъ, получающій изъ государственной казны 100 рублей жалованія, сверхъ доходовъ, которые онъ имѣетъ отъ прихожанъ. Миновавъ эти колоніи, мы продолжали идти въ Бахмутъ, котораго достигли только въ теченіи великаго поста, цѣлую почти зиму употребивъ на переходъ.

Едва мы расположились на квартирахъ, какъ многіе поляки, пользуясь относительно близостью къ границамъ своего отечества, стали дезертировать, не ожидая даже наступленія весны. Впрочемъ на квартирахъ мы оставались только около двухъ мѣсяцевъ; по истеченіи этого времени полкъ нашъ получилъ приказъ выступить въ походъ противъ ногайскихъ татаръ на берега Азовскаго моря. Мы пошли по направленію къ юго-востоку, переправились черезъ рѣки Донъ и Донецъ и прибыли въ городъ Азовъ, гдѣ нашли уже въ сборѣ нѣсколько полковъ пѣшихъ и карабинерскихъ, а также нѣсколько полковъ гусарскихъ и донскихъ козаковъ. Весь отрядъ, достигавшій числомъ до 13,000 чело-вѣкъ, находился подъ начальствомъ бригадира Бринка. Городъ Азовъ лежитъ въ пустынѣ; онъ окруженъ степью, среди которой на разстояніи

10-20 миль нѣтъ ни одного села. Степь эту населяли татары, которые кочевали въ кибиткахъ, т. е. въ повозкахъ, покрытыхъ палатками изъ войлока; татары эти, возмущившись противъ своего начальника Калги-Гирей-султана, признававшаго надъ собою власть Россіи, оставили свои кочевья и ушли изъ нихъ; мы должны были отправиться за ними въ погоню. Въ Азовѣ мы питались запасами муки и сухарей, но сильно страдали отъ недостатка воды; случалось намъ два дня оставаться безъ питья; ибо вода Азовскаго моря и рѣки Танаиса, омывающей городъ Азовъ, вовсе не годится для употребленія; она имѣетъ столь противный вкусъ, что даже человѣкъ, томимый самою сильною жаждою, не въ состояніи пить ее. Хотя въ окрестности Азова находится нѣсколько источниковъ хорошей воды, но мы не могли ими пользоваться, ибо къ нимъ приставленъ былъ караулъ, и вода назначалась исключительно для болѣе знатныхъ офицеровъ; источники-же эти столь скудны, что небольшіе у нихъ водоемы весьма медленно наполнялись водою.

Оставивъ въ Азовѣ все багажи и захвативъ только съ собою запасъ сухарей, выданный на три дня, мы отправились въ погоню за татарами. Три татарина служили намъ проводниками и вели насъ въ теченіи пяти дней по степи, совершенно ровной и пустынной, безъ всякаго признака дороги; провіантъ нашъ совершенно истощился; наконецъ пятаго дня мы настигли татаръ; войско ихъ, числомъ въ 25,000, стояло въ строю на готовѣ, ожидая насъ, и лишь только мы стали наступать, они бросились на донскихъ козаковъ и смяли ихъ; но когда наша артиллерія и пѣхота открыли огонь, то татары, замѣчая въ рядахъ своихъ большое опустошеніе, обратились въ бѣгство и уходили, сбившись въ густую толпу. Два наши гусарскіе полка: бахмутскій и сербскій отправлены были въ погоню за бѣгущими; мы преслѣдовали ихъ до рѣки Кубани и истребили большое количество. Когда татары стали переправляться черезъ Кубань, на выручку имъ появились кубанскіе жители, называемые черкесами; вслѣдствіе этого полки наши отступили и возвратились къ своему корпусу. Въ добычу нашему войску достался весь лагерь татарскій: дѣти ихъ, женщины и множество скота. Гусары наши во время погони также приобрѣли значительную добычу, но не воспользовались ею, ибо послѣ возврата начальство произвело весьма строгую ревизію и отняло всю захваченную добычу. Одинъ

гусарь сербскаго полка захватилъ у татарскаго бей 1,000 имперіаловъ, изъ-за которыхъ лишился жизни; ибо, желая скрыть свою добычу, онъ передалъ ее маркитанту, который высыпалъ золото въ бочку, наполненную водкою. Гусара подвергли допросу и, когда онъ отказался указать мѣсто, куда припряталъ деньги, его въ теченіи трехъ дней били батогами; только третьяго дня онъ сознался и указалъ мѣсто, гдѣ хранились деньги, но онъ до того измученъ былъ наказаніемъ, что четыре дня спустя умеръ.

Мы возвратились въ Азовъ, вѣдя множество плѣнныхъ и угнавъ значительное количество скота, которымъ мы питались на обратномъ пути. Тотчасъ послѣ возврата полкъ нашъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Бахмутъ вслѣдствіе того, что лошади наши были сильно утомлены и искалѣчены, и необходимо было перемѣнить большую часть ихъ.

Городъ Азовъ расположенъ на берегу моря или, правильнѣе, лимана; это небольшая крѣпость, окруженная валомъ и каменною стѣною; самый городъ незначителенъ и въ немъ нѣтъ выдающихся построекъ; такъ какъ онъ лежитъ среди дикой степи, то жителей въ немъ очень мало, и въ немъ живутъ почти исключительно военные. Не далеко отъ Азова есть еще другой городокъ¹⁾; подходя къ нему, мы замѣтили только земляные окопы, но, вступивъ внутрь укрѣпленій, мы нашли цѣлый городъ, всѣ жилища котораго были вырыты въ землѣ, такъ какъ во всей окружающей мѣстности нѣтъ никакого строеваго матеріала; здѣсь живутъ исключительно татары, въ числѣ которыхъ много купцовъ, имѣющихъ богатые склады турецкихъ товаровъ, и особенно много предметовъ бакалейной торговли.

Мы шли въ Бахмутъ медленно и, миновавъ этотъ городъ, расположились въ Серебрянкѣ, гдѣ назначена была квартира для нашего штаба; едва мы расположили въ полѣ палатки, разсчитывая отдохнуть въ теченіи мѣсяца, какъ въ тотъ-же вечеръ полученъ былъ приказъ, предписывавшій намъ немедленно отправиться въ новый походъ; намъ

¹⁾ Этотъ, не названный авторомъ, городъ—очевидно Ростовъ на Дону, основанный въ 1761 году и носившій въ то время названіе «Крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго».

приказано было идти по направленію къ Крыму для соединенія съ арміею князя Прозоровскаго, который долженъ былъ тогда-же полойти съ другой стороны съ корпусомъ въ 13,000 человекъ; кажется, имѣлась вновь въ виду кампанія противъ татаръ. Такимъ образомъ, переночевавъ лишь въ Серебрянкѣ¹⁾ одну ночь и перемѣнивъ нѣкоторые только, болѣе негодныя, лошади, мы отправились въ новый походъ.

Въ то время многіе поляки уже дезертировали; одни бѣжали пѣшкомъ, другіе съ лошадьми и оружіемъ, пробиваясь храбро по дорогѣ сквозь встрѣчавшіяся имъ препятствія. Нѣкоторые изъ нихъ были пойманы и подверглись жестокому наказанію, проходя сквозь строй; но примѣры эти нисколько не удерживали другихъ отъ предполагаемаго бѣгства. Въ это время я состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ однимъ волохомъ, служившимъ въ одномъ со мною эскадронѣ; онъ разсказалъ мнѣ обстоятельно всѣ подробности пути съ польскимъ границамъ, утверждая, что мнѣ удобнѣе и ближе всего будетъ бѣжать, когда мы достигнемъ рѣчки, называемой Калміусъ. Затѣмъ онъ мнѣ назвалъ рѣки, черезъ которыя я долженъ буду переходить: Самару, Волчью и наконецъ Диѣиръ, черезъ который необходимо нужно будетъ переправиться; прибавилъ также, что послѣ переправы я попаду въ пустыя запорожскія степи, пройди которыя, достигну польскихъ границъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ избѣгать по возможности путешествія днемъ и направлять путь днемъ прямо на западъ, ночью-же по направленію созвѣздія, называемаго „Квочка“. Я съ глубокимъ вниманіемъ выслушивалъ его совѣты и указанія и рѣшился дезертировать тотчасъ послѣ того, какъ мы достигнемъ береговъ Калміуса.

ГЛАВА X.

Бѣгство изъ бахмутскаго полка въ Польшу.

Поляки стали дезертировать безпрерывно; въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ бѣжало болѣе десяти человекъ, и на пути въ каж-

¹⁾ Серебрянка — село на сѣверной границѣ бахмутскаго уѣзда, скатернино-славской губерніи, на берегу Сѣвернаго Донца, отдѣляющаго эту губернію отъ харьковской.

дое утро не досчитывались нѣсколькихъ человѣкъ; я готовился также къ бѣгству, но, руководясь инструкціями, полученными отъ вышеупомянутаго волоха, я порѣшилъ не пускаться въ путь прежде, чѣмъ не достигнемъ Калміуса. Когда мы стали приближаться къ этой рѣкѣ, я поспѣшилъ окончить сборы къ путешествію: они состояли въ томъ, что я заготовилъ себѣ провіантъ на дорогу; я могъ это сдѣлать удобно, ибо мнѣ была поручена дневная раздача сухарей нашему эскадрону; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я успѣлъ отложить въ сторону 40 фунтовъ сухарей, истолоченныхъ въ порошокъ, и уложилъ этотъ запасъ въ припасенный съ этою цѣлью мѣшокъ.

Вслѣдствіе счастливой для меня случайности мы пришли на берега Калміуса въ сумерки; разсѣдлавъ лошадей, мы отравили ихъ подъ присмотромъ особой стражи на подножный кормъ. Между тѣмъ стали разбивать палатки; лагерная гауптвахта была уже устроена, по часовыхъ кругомъ лагеря не успѣли еще разставить; я схватилъ поспѣшно шинель и мѣшокъ съ сухарями и, пользуясь совершенною темнотою ночи, ускользнулъ изъ лагеря. Миновавъ оный, я сталъ быстрыми шагами удалиться въ степь, направляясь на западъ по звѣздамъ и не отдыхая въ теченіи цѣлой почти ночи; если встрѣчалась мнѣ дорога по принятому мною направленію, то я слѣдовалъ по ней, если-же дорога поворачивала въ сторону, то я оставлялъ ее, предпочитая руководиться указаніями моихъ небесныхъ путеводителей: „Ключки и Воза“ ¹⁾). Въ исходѣ ночи я достигъ береговъ рѣки, покрытыхъ обширными зарослями камыша; я догадывался, что это должна быть рѣка Самара ²⁾), о которой мнѣ рассказывалъ мой пріятель волохъ. Изнуренный ходьбою, я выбралъ сухое мѣсто среди камыша для отдыха и затѣмъ отправился къ водѣ, захвативъ съ собою мѣшокъ съ сухарями. Усѣвшись на берегу, я смѣшивалъ въ ложкѣ истертые въ порошокъ сухари съ водою и подкрѣпившись этою пищею, возвратился на усмотрѣнное мѣсто, гдѣ

¹⁾ Созвѣздія: Плеяды и Большая Медвѣдница.

²⁾ Догадка Хоецкаго очевидно ошибочна. Отправившись отъ Калміуса и пройдя одну ночь по направленію къ западу, онъ не могъ встрѣтить Самары, верховья которой лежатъ въ 70 верстахъ къ сѣверо-западу отъ верховьевъ Калміуса; онъ правдоподобно наткнулся на верхнее теченіе р. Волчьей или на одинъ изъ ея верхнихъ, лѣвыхъ притоковъ: Осиную, Лозовую, Водяную или Дурную.

и улегся спать, рассчитывая на совершенную безопасность. Но едва сомкнулъ я глаза, какъ меня разбудилъ страшный шумъ и крикъ, раздававшійся надъ водою. Приподнявъ голову, я сталъ прислушиваться и изъ долетавшихъ до меня словъ понялъ, что люди, говорившіе вблизи, были солдаты сумскаго гусарскаго полка, который шелъ къ войску князя Прозоровскаго; полкъ этотъ остановился для ночлега на берегу той-же рѣки, у которой я улегся спать, и на разсвѣтѣ солдаты пригнали лошадей къ водою. Со страхомъ ожидалъ я окончанія этого занятія и лишь только они удалились, я схватился, перебрелъ черезъ рѣку и удалился отъ того мѣста. Я шелъ долго, пока доставало силъ и пока не стало совершенно свѣтло; когда-же ноги совершенно отказали мнѣ въ дальнѣйшей службѣ, находясь среди обширнаго поля, густо покрытаго терновникомъ, я припалъ на колѣни и пробравшись ползкомъ, какъ можно было дальше въ терновникъ, улегся спать и проспалъ, не просыпаясь, цѣлый день. Съ наступленіемъ ночи, я отправился въ дальнѣйшій путь. Ночь эту и слѣдующій день я шелъ по совершенно пустынной степи и видя, что она въ полномъ смыслѣ слова безлюдна, я смѣло, безъ всякаго опасенія, подвигался впередъ. Степь въ той странѣ представляетъ столь однообразную равнину, что на милю кругомъ можно замѣтить всякаго путника ѣдущаго или даже идущаго пѣшкомъ; притомъ я зналъ, что ни селеній, ни даже отдѣльныхъ хуторовъ тамъ вовсе не существуетъ и потому, оставивъ въ сторонѣ всякія предосторожности, я смѣло шелъ впередъ, какъ ночью, такъ и днемъ. Пятаго дня, оглянувшись назадъ, я замѣтилъ вдали какое-то войско, двигавшееся сзади по одному направленію со мною; я узналъ по одеждѣ сумскій гусарскій полкъ, тотъ самый, который чуть было не захватилъ меня надъ рѣкою. Я спрятался въ сторонѣ въ высокую траву, покрывавшую степь, и выждалъ, пока полкъ не прошелъ мимо меня. Но зная, что полкъ этотъ отправляется къ войску князя Прозоровскаго, расположенному на берегу Днѣпра, и находясь въ необходимости переправиться черезъ эту рѣку, я рѣшился воспользоваться этою случайною встрѣчею. Когда полкъ прошелъ мимо меня, я отпустилъ его на полъ мили впередъ и послѣдовалъ за нимъ; такимъ образомъ полкъ этотъ служилъ мнѣ путеводителемъ. Питался я все время сухарями, притомъ, по временамъ, я встрѣчалъ кусты терновника, спѣлые плоды котораго,

нѣсколько уже прибитые морозомъ, доставляли мнѣ весьма вкусную пищу. Иногда среди стени я встрѣчалъ скирды сѣна, въ которыя зарывался на ночь ради теплоты; но даже въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе значительнаго холода и недостаточно теплой одежды, я не могъ спать долѣе одного часа и потому въ теченіе каждой ночи я нѣсколько разъ ложился спать и столько-же разъ подымался и продолжалъ путь, согрѣваясь быстрымъ движеніемъ. Вообще погода не благоприятствовала моему путешествію: осень была уже поздняя и морозы и дожди, смѣняя попеременно другъ друга, причиняли мнѣ большія страданія.

Я приближался уже къ рѣкѣ Волчьей ¹⁾ и издали увидѣлъ, что предшествовавшій мнѣ полкъ остановился для ночлега на берегу рѣки, вслѣдствіе этого я долженъ былъ также остановиться на ночь. Я сталъ спускаться внизъ по теченію рѣки, высматривая мѣсто для ночлега среди густо растущихъ кустовъ лозы; вдругъ я увидѣлъ хижину, первую въ теченіи всего моего путешествія. Это былъ запорожскій хуторъ. Въ большомъ волненіи я вошелъ въ хату, гдѣ засталъ одного только человѣка, занятого приготовленіемъ муки посредствомъ ручнаго жернова; онъ спросилъ меня: откуда я иду и зачѣмъ зашелъ въ домъ? Я отвѣтилъ, что служу въ томъ полку, который остановился не вдалекѣ оттуда на ночлегъ на берегу рѣки и просилъ его, чтобы онъ меня накормилъ. Онъ вынесъ гречневой каши съ кислымъ молокомъ и сметаною и пригласилъ меня поѣсть; такъ какъ я питался только сухарями съ водою и давно не встрѣчалъ столь роскошнаго блюда, то съ жадностью накинулся на пищу, предложенную мнѣ благодѣтельнымъ хозяиномъ. Замѣтивъ, что я быстро опорожнилъ всю миску, онъ вновь прибавилъ мнѣ каши и молока, сказавъ ласково: „кушай, прошу тебя, я вижу, что ты очень голоденъ“. Наѣвшись до сыта, я возвратилъ ему остатокъ пищи и благодарилъ его искренно отъ всего сердца. Затѣмъ сталъ я его спрашивать: давно-ли онъ живетъ въ этой мѣстности и чѣмъ

¹⁾ Вѣроятно Хоецкій, переправившись черезъ верховья Волчьей рѣки въ бахмутскомъ уѣздѣ, прошелъ степью вдоль сѣвернаго берега этой рѣки и вторично на нее наткнулся въ нынѣшнемъ Александровскомъ или павлоградскомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ Волчья, повернувъ у села Покровскаго къ сѣверу, течетъ въ этомъ направленіи до Павлограда. Очевидно, что эта нижняя часть рѣки пересѣкала путь, по которому Хоецкій направлялся къ западу.

спикиваетъ себѣ пропитаніе? Онъ отвѣтилъ, что живетъ не одинъ въ домѣ, что кромѣ него есть еще пять братьевъ и отецъ, но что въ настоящее время всѣ они уѣхали въ лѣсъ за хворостомъ; всѣ они были родомъ изъ окрестностей Чигирина и выселились сюда изъ польскихъ предѣловъ. Мы долго бесѣдовали; наконецъ, убѣдившись въ добродушіи своего хозяина и замѣтивъ дружелюбное его отношеніе ко мнѣ, я сказала ему откровенно свое положеніе. Выслушавъ меня, онъ предложилъ мнѣ дожидаться возврата его отца, который могъ мнѣ дать подробныя указанія о предстоящемъ пути къ польской границѣ.

Вскорѣ старикъ пріѣхалъ, и сынъ передалъ ему содержаніе нашей бесѣды. Старикъ нѣсколько смутился, боясь навлечь на себя бѣду, ибо, по дѣйствующимъ тамъ распоряженіямъ, онъ обязанъ былъ задержать меня. Между тѣмъ братья изготовили ужинъ и пригласили меня раздѣлить съ ними трапезу; послѣ ужина я обратился къ старику съ просьбою позволить мнѣ переночевать въ его домѣ, но онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „если-бы узнали, что ты гостилъ и ночевалъ у меня, то я подлежалъ-бы равной съ тобою отвѣтственности, ибо я обязанъ отправить тебя тотчасъ къ ближайшей военной командѣ; но я не хочу обижать тебя; ступай съ Богомъ, куда судьба тебя направитъ, почлега-же не могу тебѣ предложить ни въ какомъ случаѣ“. Затѣмъ онъ подробно рассказалъ мнѣ направленіе пути, при чемъ предупредилъ меня, что у переправы чрезъ Днѣпръ, чрезъ который мнѣ необходимо переправиться, расположена лагеремъ вся дивизія князя Прозоровскаго и будетъ стоять тамъ еще цѣлый мѣсяцъ и что въ другомъ мѣстѣ я не найду не только перевоза, но и малѣйшей лодки, а потому предостерегалъ, что у перевоза мнѣ угрожаетъ большая опасность, но причинѣ расположенныхъ тамъ войскъ.

Долго я раздумывалъ о предстоящей опасности, но, наконецъ, рѣшился положиться на судьбу, или точнѣе на Провидѣніе и постановилъ храбро идти къ предположенной цѣли. Поблагодаривъ старика за оказанныя мнѣ благодѣянія, я оставилъ его домъ примѣрно въ одиннадцать часовъ ночи и отправился по направленію къ мѣстечку Московкѣ ¹⁾,

¹⁾ Московка—прежнее названіе нынѣшняго уѣднаго города Александровска (екатеринославской губ.).

лежащему на берегу Днѣпра; до мѣстечка этого я шелъ еще пять дней. Такъ какъ я приблизился къ нему днемъ, то укрылся въ траву и ожидалъ приближенія ночи, притомъ я обращалъ вниманіе на вечерніе сигналы, раздававшіеся по лагерю, стараясь по нимъ опредѣлить расположение войска. Съ наступленіемъ ночи я тронулся въ путь и вскорѣ достигъ Московки. Я храбро вошелъ въ лагерь и проходилъ мимо часовыхъ, но послѣдніе или не видѣли меня, благодаря темнотѣ ночи, или-же, видя на мнѣ солдатскіе киверъ и шинель, предполагали, что я принадлежу къ числу солдатъ собравшейся арміи. Такимъ образомъ я прошелъ благополучно сквозь лагерь и сталъ спускаться по другую его сторону въ долину съ цѣлью отыскать берегъ Днѣпра. Долго я не могъ найти рѣки, путаясь въ темнотѣ среди кустовъ, но, наконецъ, руководясь направленіемъ песчаныхъ розсыпей, достигъ берега и долго бродилъ вдоль него, высматривая мѣсто переезда или стоянку лодокъ, пока наконецъ не замѣтилъ огонь, пылавшій на берегу рѣки. Приблизившись къ нему, я увидѣлъ стоящіе рядомъ два паромы и болѣе десяти лодокъ; на берегу сидѣли крестьяне, сторожившіе переправу по принятому тамъ обычаю. Я прилежъ къ огню, рассчитывая на то, что когда сторожа уснутъ, мнѣ удастся захватить лодку и переправиться, хотя-бы съ помощью моей дорожной палки, такъ какъ весла сторожа уложили возлѣ себя. Долго лежалъ я, вѣроятно до двухъ часовъ ночи, но ожиданіе мое было напрасно; сильный морозный вѣтеръ не только мнѣ причинялъ страданія, но не позволялъ также уснуть и перевозчикамъ. Я наконецъ поднялся и, удалившись отъ того мѣста, сталъ быстро бѣгать для того, чтобы согрѣться, поглядывая вмѣстѣ съ тѣмъ на берегъ, въ надеждѣ открыть какую-либо лодку, хотя-бы негодную. Я готовъ былъ съ крайнею даже опасностью переправиться, на чемъ понало, лишь-бы не дождаться въ томъ мѣстѣ дневнаго свѣта, ибо я полагалъ, что въ такомъ случаѣ меня непременно задержатъ. Между тѣмъ, бѣгая, я истощилъ окопчательно свои силы, усталъ въ кустахъ совершенно инстинктивно и немедленно уснулъ. Проснулся я только въ семь часовъ утра, вслѣдствіе того, что два солдата, пришедшіе къ берегу изъ лагеря, стали возлѣ меня рубить деревья на дрова; они разбудили меня и стали спрашивать, зачѣмъ я сплю въ этомъ мѣстѣ. Я отвѣтилъ, что посланъ былъ ночью къ мѣсту пастбища лошадей своего полка и

сбившись въ темнотѣ, долженъ былъ почевать въ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ они спросили, въ какомъ полку служу. „Въ гусарскомъ сумскомъ, отвѣтилъ я; полкъ этотъ недавно соединился съ дивизією“. „Гдѣ-же расположенъ твой полкъ?“ — „На лѣвомъ флангѣ“, отвѣтилъ я самоувѣренно, хотя не имѣлъ объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній и отвѣчалъ на угадъ; но, къ счастью, оказалось, что я угадалъ. Тогда спрашивавшіе меня солдаты сказали; „подымайся-ка скорѣе и ступай, потому что скоро уже пробьетъ восемь часовъ, и ты будешь наказанъ, если не явишься ко времени подачи рапорта“. Я поблагодарилъ ихъ за то, что они разбудили меня во время, надѣлъ шинель, прихватилъ мѣшокъ съ сухарями и отправился по тропинкѣ вдоль рѣки, мимо лагеря, занимавшаго обширное пространство на взгорьи. На встрѣчу мнѣ попадались солдаты изъ полковъ пѣхотныхъ и карабинерскихъ, но никто изъ нихъ не остановилъ меня; видя на мнѣ форменную военную одежду, они меня считали товарищемъ; конечно, среди столь численнаго войска, все не могутъ быть лично извѣстны другъ другу. Только тогда, когда приходилось мнѣ проходить за черту лагеря, карабинеры спросили меня, куда и зачѣмъ иду. Я отвѣтилъ, что иду къ своимъ лошадямъ, которыя пасутся въ полѣ въ той сторонѣ; меня пропустили, и такимъ образомъ я благополучно выбрался изъ лагеря, принося Господу хвалу за избавленіе меня отъ грозившей опасности.

Тѣмъ не менѣе я не зналъ, что предпринять дальше, ибо я имѣлъ точныя свѣдѣнія о томъ, что нигдѣ болѣе не найду перевоза. Въ раздумьи пошелъ я по берегу Днѣпра. Удалившись отъ лагеря болѣе, чѣмъ на полъ-мили, я увидѣлъ на рѣкѣ много плотовъ и при нихъ нѣсколько лодокъ. Я подошелъ къ бывшимъ у плотовъ крестьянамъ и попросилъ у нихъ позволенія согрѣться у огня. На вопросъ: откуда иду? я повторилъ обычное объясненіе, что иду отъ лошадей, находящихся на пастбищѣ; мнѣ повѣрили безъ труда, такъ какъ солдатскія лошади дѣйствительно паслись вблизи того мѣста; крестьяне пустили меня къ огню и пригласили отвѣдать рыбы, которую они сварили въ казанкѣ. Поѣвши рыбы, я просилъ ихъ перевезти меня на другой берегъ подъ предлогомъ, будто мнѣ нужно отправиться въ запорожскій хуторъ раздобыть нѣсколько головокъ капусты, въ которой чувствуется полный недостатокъ въ лагерѣ. Они долго отказывали мнѣ,

утверждая, что занятія ихъ не дозволяютъ имъ отлучаться; наконецъ, одинъ изъ нихъ согласился удовлетворить мою просьбу; тотчасъ-же я усѣлся съ нимъ въ лодку, и опъ высадила меня на противоположный берегъ Днѣпра.

Я безмѣрно обрадовался, совершивъ переправу, отъ которой главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ моего спасенія; но отъ того мѣста Днѣпра до границы польской нужно было пройти еще 20 миль. Я пустился въ путь и прошелъ еще семь дней степью. Вообще-же со времени моего бѣгства отъ Калміуса истекло уже три недѣли. Вслѣдствіе постоянной ходьбы ноги мои сильно набрякли, и я почувствовалъ страшную боль, причиняемую сапогами, которыхъ я ни разу не снималъ въ дорогѣ; однако ни снять сапогъ, ни продолжать идти было не возможно. Я сильно приунылъ, не находя исхода изъ своего положенія, и съ крайнимъ трудомъ продолжалъ тащиться впередъ; вдругъ ночью я замѣтилъ въ степи огонь и направился къ нему. Оказалось, что тамъ устроены были шалаши, въ которомъ жилъ старикъ, оберегавшій арбузы на разведенной вблизи балшѣ. Я рассказалъ старику совершенно откровенно мое горестное положеніе, показалъ ему распухшія ноги, сдавленные сапогами, и сознался ему, что дальше идти я не въ состояніи. Старикъ отнесся ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ: онъ посоветовалъ мнѣ распороть сапоги и замѣтивъ, что голенища были довольно мягки, предложилъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ лапти, за что я подарилъ ему головня отъ сапогъ вмѣстѣ со шпорами. Когда лапти были готовы, явилась новая трудность: ни у меня, ни у старика не оказалось портянокъ для того, чтобы предварительно завернуть въ нихъ ноги. Я помогъ этому горю, отрѣзавъ лѣвую полу отъ своей жинели и, раздѣливъ ее на двѣ части, я завернулъ въ нихъ ноги.

Къ счастью оттуда было уже довольно близко къ польской границѣ; слѣдуя указаніямъ старика, я направился къ Крылову, городу, лежащему на берегу рѣки Тясьмина. Отыскавши удобное мѣсто, я переправился въ бродъ черезъ эту рѣку и такимъ образомъ въ исходѣ 1776 года достигъ благополучно границъ своего отечества. Здѣсь, возрадовавшись достиженію своей цѣли, я вскорѣ забылъ грусть и уныніе, угнетавшія меня въ продолженіи восьми лѣтъ.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗАПОРОЖЬЯ.

(Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. Слободскою Украиною)¹⁾.

Исторія послѣдней эпохи Запорожья только лишній разъ подтверждаетъ то извѣстное общее положеніе, что всякій предъидущій періодъ въ исторіи даннаго общества обуславливаетъ собою его послѣдующую судьбу.

Извѣстно, что послѣ полтавской битвы запорожская община, принявшая сторону Мазепы, избѣгая гнѣва царскаго, должна была переселиться въ предѣлы крымскаго ханства. Въ этой невольной отлучкѣ запорожцы пробыли ровно четверть вѣка, съ 1709 по 1734 г., когда снова возвратились въ подданство Россіи. Во время ихъ отсутствія бывшая ихъ территорія оставалась, можно сказать, въ безхозяйномъ положеніи и потому фактически открыта была для всякихъ заимокъ и колонизаціи, особенно на своихъ окраинахъ. Обстоятельства выхода и возвращенія запорожцевъ были таковы, что ни заинтересованное въ немъ правительство русское не могло налагать на нихъ какихъ либо ограниченій, ни сами запорожцы, чувствовавшіе свою вину, не могли предъявлять особыхъ претензій. Вопросъ о сохраненіи за запорожцами всѣхъ ихъ прежнихъ правъ, въ томъ числѣ и земельныхъ, былъ формулированъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Обратное переселеніе запорожцевъ являлось актомъ добровольнаго раскаянія съ одной и всемплоствѣйшаго

¹⁾ Матеріалами для настоящей статьи послужили намъ подробныя выписки, доставшіяся намъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ одного дѣла въ архивѣ харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣло по заголовку названо: «Связка (бумагъ) объ отнятыхъ запорожцами у жителей взюмской провинціи земляхъ. 1773, 74 и 75 годовъ», на 319 л., № 250.—Прим. авт.

прощенія съ другой стороны,—актомъ взаимнаго примиренія, при которомъ обѣ стороны слѣшили, предавъ забвенію случившееся, оставить все *statu quo ante*. Запорожцы, „зъ пресростого козацкаго ума“, оставались при томъ убѣжденіи, что ихъ предковскія земли, купленныя кровью и укрѣпленныя за ними королевскими привилегіями, гетманскими универсалами и грамотами русскихъ царей, не могутъ быть ни отняты у нихъ, ни какъ-нибудь ограничены. Въ такомъ именно смыслѣ даны были запорожцамъ положительныя увѣренія барономъ Вейсбахомъ отъ имени русскаго правительства, какъ при самомъ ихъ возвращеніи, такъ и впоследствии при заключеніи мирнаго трактата съ Турціею въ 1741 г., когда запорожцы сами подняли вопросъ о томъ, что принадлежность имъ ихъ территоріи и ея границы недостаточно опредѣлены въ трактатѣ. Иначе судило о земляхъ своихъ подданныхъ само центральное правительство, а также его крупныя и мелкія агенты и частныя лица, жившіе на всемъ протяженіи запорожскихъ границъ. Правительство озабочено было укрѣпленіемъ своихъ границъ со стороны польскихъ и татарскихъ владѣній и строило укрѣпленія, занимая подъ нихъ земли не только вдоль запорожскихъ владѣній, но и въ ихъ центрѣ, такъ какъ сами запорожцы, по учиненной ими однажды измѣнѣ, почитались не надежными. Правительственные агенты отъ генерала до поручика не только расширяли свою ревность въ исполненіи служебнаго долга на счетъ запорожскихъ земель, но одушевлялись нерѣдко колонизаторскими стремленіями, осаживали на пустыхъ запорожскихъ земляхъ слободы, населяли ихъ пришлыми людьми и получали съ нихъ доходы на правахъ помѣщиковъ. Не церемонился и простой пограничный людъ гетманщины и слобожанщины. Правительственныя и частныя займки запорожскихъ пустошей шли можно сказать со всѣхъ сторонъ—со стороны войска Донскаго, со стороны изюмской провинціи и въ особенности со стороны польско-украинской линіи, гдѣ вслѣдъ за окончаніемъ турецкой войны огромное пространство запорожскихъ земель было занято подъ такъ называемыя новосербскія поселенія. Шли захваты, возникали споры, иногда вооруженныя схватки, сыпались жалобы, назначались комиссіи, и взаимнымъ притязаніямъ не было конца.

Въ свою очередь Запорожье чувствовало свое крайне стѣсненное положеніе; это стало смутно пониматься и войсковою массою и

было, кажется, одной изъ причинъ необычнаго въ Запорожьи многолѣтняго атаманства П. Калнишевскаго. Подъ его управленіемъ, не смотря на постоянныя почти военныя тревоги, Кошъ обнаружилъ заботливость не только объ опредѣленіи и защитѣ границъ запорожской территоріи, но и о посильномъ, скорѣйшемъ заселеніи ея огромныхъ безлюдныхъ пространствъ. „Съ 1765 г., говоритъ авторъ „исторіи Новой Сѣчи“, начало увеличиваться семейное народонаселеніе въ Запорожьи или такъ называемое *подданство войска*, которое, по обычаю, должно было селиться въ Самарской только и Кодацкой товщахъ... Но, не помѣщаясь въ этихъ мѣстахъ, по проекту кошеваго Петра Калнишевскаго, утвержденному *общей войсковою радой*, поселялось за Самарою, болѣе къ сѣверу, гдѣ для него отведены были земли по р. Орели до самаго сѣвернаго Донца“¹⁾. Эта колонизація, кромѣ населенія почти безлюдныхъ пространствъ, имѣла еще другую, ближайшую цѣль: кошевой Калнишевскій, зная, что недостатокъ въ хлѣбопашествѣ былъ главной причиной той зависимости, въ которой находилось войско отъ пожалованія казной провіанта, употреблялъ всѣ усилія на умноженіе селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобы новые поселенцы непременно пахали землю и сѣяли рожь.

На этой разнородности стремленій правительства и хотя подвластнаго ему, но вполне автономнаго Запорожья, на этой яротивоположности колонизаціонныхъ движеній, шедшихъ извнѣ Запорожья во внутрь его и наоборотъ, наконецъ на примѣси къ нимъ частныхъ стремленій къ захватамъ и наживѣ и возникла та многолѣтняя поземельная борьба Запорожья, которая была одною изъ главныхъ причинъ его быстрой и неожиданной кончины.

Мы хотимъ коснуться одного изъ эпизодовъ этой борьбы — на юго-восточной границѣ Запорожья, въ послѣдніе годы его существованія, и предложить нѣсколько не безынтересныхъ о немъ свѣдѣній. Лишній разъ они удостовѣрятъ въ томъ, что въ атаманство Калнишевскаго время для добровольной, внутренней реформы запорожскаго быта уже прошло, что для подобной реформы уже не было внѣшнихъ благопріятныхъ условий, что масса препятствій къ этому лежала въ самой организаціи и правахъ Запорожья, которое внѣ своего военнаго ремесла не хотѣло

¹⁾ Исторія Нов. Сѣчи, изд. 1846 г. Т. 1. стр. 53.

знать почти ничего, не ясно представляло себѣ свои политическіе идеалы и было связано съ этимъ ремесломъ болѣе органической связью, чѣмъ съ самой территоріей. Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ его огибалъ и крѣпко сжималъ общій государственный строй, основанный на общемъ крѣпостномъ положеніи и слѣдовательно на полномъ почти отрицаніи свободы личной, основныя начала запорожской организаціи представляли другую крайность: полное самодержавіе беззаботной, безсемейной и малокультурной толпы, которая, не вынося надъ собой ни постоянныхъ руководителей, ни богатыхъ многолѣтнимъ политическимъ опытомъ вождей, сама была обыкновенно ниже пониманія общаго положенія вещей и поэтому неизбежно сдѣлалась жертвой этого непониманія. Тѣмъ не менѣе предлагаемые нами матеріалы содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія и на то, что сылавшіяся на Запорожье обвиненія со всѣхъ сторонъ были во многомъ несправедливы и не свободны отъ личныхъ, притомъ своекорыстныхъ стремленій, и что не одно Запорожье виновно въ постигшемъ его конечномъ разореніи. Что до новаго соціального строя, замѣнившего прежніе козацкіе порядки—онъ ждетъ своей оцѣнки въ будущемъ.

Перейдемъ теперь къ тому эпизоду запорожской борьбы, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей на основаніи указанныхъ въ началѣ матеріаловъ.

Дѣло происходитъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, на юго-восточной границѣ Запорожья съ бывшей слободской Украиной. Споръ идетъ съ администраціей и жителями изюмской провинціи, образованной главнымъ образомъ изъ земель бывшаго изюмскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ между двумя смежными областями не только не было точной границы, но ея видимо не знало ни высшее правительство, ни мѣстная администрація, запорожцы-же утверждали, что эта граница должна проходить невдалекѣ отъ самаго Изюма, по *Кисоговогъ валу*. Какъ давно возникли здѣсь земельныя правонарушенія и вызванные ими споры, неизвѣстно, но къ тому времени, котораго касаются имѣющіеся въ нашихъ рукахъ матеріалы, они прошли уже много степеней и достигли значительныхъ размѣровъ и взаимнаго раздраженія спорившихъ сторонъ. Когда-то и вся Слободская Украина была заселена и устроена на такихъ-же началахъ, какъ и Запорожье, за исключеніемъ безсемейности, но теперь отъ

прежней ея жизни не осталось и слѣда. Изъ обширной земельной ея собственности и свободной военно-служилой общины образовались земли казенныя и помѣщичьи съ безправнымъ крестьянствомъ— съ душевымъ надѣломъ и душевою-же податью. Совѣтъ ивой строй жизни былъ въ сосѣднемъ Запорожьѣ: тутъ каждый былъ лично свободенъ, тутъ и земля и житье были вольныя и не было ненавистой подушной подати. Понятно, сюда стремились закабаленные обыватели Слобожанщины, особливо пограничныхъ мѣстъ, пользуясь открытою здѣсь со стороны Запорожья колонизаціею, придвинутою къ самымъ границамъ изюмской провинціи. И такъ, кромѣ пограничныхъ земельныхъ споровъ, тутъ шла еще борьба двухъ соціальныхъ порядковъ, изъ которыхъ на сторонѣ одного была сила и власть, на сторонѣ другого внутренній соблазнъ.

Со стороны изюмской провинціи споръ съ Запорожьемъ былъ веденъ не безправнымъ крестьянствомъ, а крупными землевладѣльцами и поддерживавшею ихъ изюмскою администраціею. Захваты оспариваемыхъ Запорожьемъ земель произведены были ими, можетъ быть, и въ давнее время; но теперь *Вотчинный Департаментъ* замечевалъ эти захваты къ изюмской провинціи, а запорожцы не хотѣли уступить своей „батьківщини“ и отстаивали ее по своему. Вслѣдствіе-ли личныхъ споровъ и столкновеній, или по поводу предпринятаго въ это время *Вотчиннымъ Департаментомъ* межеванія земель во всей Слобожанщинѣ, въ 1768 г. на пограничьи изюмской провинціи съ Запорожьемъ собиралась коммисія для полюбовнаго развода ихъ земель, въ которой отъ стороны запорожцевъ были полковникъ Комчакъ и старшина Андрей Порохня; но депутаты обѣихъ сторонъ не сошлись въ самыхъ основахъ „развода“. Изюмская канцелярія брала за основаніе универсалъ короля Стефана Баторія, Порохня, ссылаясь на универсалы Хмельницкаго и грамоту императрицы Елисаветы. Канцелярія требовала „законныхъ укрѣпленій“, вѣроятно, въ родѣ произведеннаго уже межеванія, знаки котораго были уничтожены запорожцами. Порохня утверждалъ, что самое межеваніе произвели изюмскіе старшины, подкупивъ начальствующихъ генераловъ, и что оно было направлено къ обидѣ ихъ, запорожцевъ. „Если-бы, говорилъ онъ, не межевали отъ нихъ, запорожцевъ, земли, то и они того нахальства не учинили-бы“. Канцелярія возражала, что многія спорныя дачи замечеваны за изюмскими

владѣльцами харьковскимъ межевщикомъ Вотчиннаго Департамента, „безъ всякаго отъ кого-либо спору и челобитья“, и не безъ ехидства замѣтила, что эти земли заняты уже давно, еще въ то время, когда запорожцы измѣняли русскому правительству и соединяясь за одно съ татарами, непріятельски дѣйствовали противъ слободскихъ жителей“. Задѣтый за живое Порохня въ свою очередь наговорилъ разныхъ „непристойностей“ и совсѣмъ отказался отъ „полюбовнаго развода“.

Можно думать, что именно эта неудача полюбовнаго соглашенія побудила Запорожскій Кошъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ огражденію своей земельной собственности; по крайней мѣрѣ сама слободско-украинская администрація въ донесеніяхъ своихъ правительствующему сенату начало такъ называемыхъ въ семь отношеніи „запорожскихъ своевольствъ“ относить къ 1769 году. Кошъ рѣшилъ не только очистить захваченныя уже у него земли, но и скорѣе заселить какъ эти, такъ и другія пограничныя свои мѣста. Дѣятельнымъ исполнителемъ рѣшенія войсковой рады на обоихъ пограничьяхъ, изюмскомъ и ново-сербскомъ былъ запорожскій полковникъ Гараджа. Въ мѣстность между Изюмомъ и Торомъ (нынѣ Славянскъ), по его распоряженію, переселяются жители Запорожья даже съ Орели, а также и новые выходцы изъ Слобожанщины и Гетьманщины. Между прочимъ онъ основалъ такъ называемую *Барвинкову стѣнку* на томъ мѣстѣ, какъ утверждала изюмская канцелярія, гдѣ былъ форпостъ изюмскаго полка, и населялъ слободу Комышеваху; на его зовъ устремлялись какъ сосѣдніе помѣщичьи крестьяне, такъ и казенные войсковые обыватели. Но противъ [него] дружно возстали изюмская провинціальная канцелярія съ подчиненными ей комиссарствами, помѣщики-землевладѣльцы и нѣкоторые мѣстные военачальники (напримѣръ, Тора или Славянска и Бахмута), имѣя на своей сторонѣ не только тогдашняго слободско-украинскаго губернатора Щербинина, но скоро и всемогущее вліяніе Потемкина. Гараджа твердо выполнялъ данное ему порученіе, не обращая вниманія ни на кого и ни на что. Помѣщики слали непрерывныя жалобы, изюмская канцелярія тщательно отмѣчала всѣ „самовольства“ запорожцевъ, составляла имъ подробные экстракты, разсылала промеморіи и представленія, предъявляла энергическія требованія Кошу и въ концѣ концовъ доносила въ Петербургъ. Кошъ, какъ извѣстно,

никогда не отличался развитіемъ канцелярскаго дѣла,—онъ или молчалъ, или былъ крайне малорѣчивъ въ своихъ отпискахъ по этому предмету; притомъ вскорѣ началась турецкая война, въ которой запорожское войско принимало участіе, вслѣдствіе чего и самый административный центръ Запорожья—Кошъ не могъ своевременно и обстоятельно собирать и представлять доводы въ свою защиту. Это раздражало власти и плодило жалобы и нареканія. На Гараджу жаловались, что онъ и его команды „жалованныя къ г. Изюму и къ другимъ сей провинціи мѣстамъ по грамотамъ казенныхъ войсковыхъ обывателей и владѣльцевъ, состоящія за р. Донцомъ отъ крымской стороны въ разныхъ урочищахъ, очищенные здѣшними жителями отъ прежнихъ непріятельскихъ набѣговъ... земли и всякія угодія отымають, къ снятію насѣяннаго на той землѣ хлѣба и къ косебѣ сѣна не допускають, ѣзда вооруженною рукою, въ немаломъ числѣ людей, обывателей, сгоняя изъ населенныхъ ими въ давнихъ годахъ хуторовъ, бьютъ, грабятъ, и на той ихъ землѣ цѣлыми слободами населяють, принимая въ уваженіе бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ и большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, никакого государственнаго дохода не платять“.

Эта жалоба изюмскихъ „владѣльцевъ“ и составила сущность того „доношенія“, которое послано было въ правительствующій сенатъ отъ изюмской провинціальной канцеляріи въ декабрѣ 1772 г., за подписью изюмскаго воеводы Бавыкина. Воевода объяснялъ, что поводомъ къ „самовольству“ полковника Гараджи и его „подкомандныхъ“ послужило будто-бы выселеніе въ 1769 г., по распоряженію начальства, вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ, казенныхъ обывателей изюмскихъ, торскихъ, спѣваковскихъ и заводскихъ казенныхъ изъ ихъ хуторовъ въ болѣе прикрытыя отъ непріятели мѣста, что Гараджа захватилъ оставленные временно мѣста и сталъ заселять ихъ и не допускать къ пользованію ими ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Воевода отвергалъ теперь тотъ самый универсалъ короля Баторія, на который прежде ссылалась пограничная коммисія 1768 г., утверждалъ, что запорожцы своихъ претензій „никакими своими вымыслами доказать не могутъ“, потому будто-бы, что „отъ Изюма до Коша запорожскаго разстоянія будетъ болѣе 500 верстъ“, обвинялъ ихъ даже въ неисполненіи ими манифеста 19 сентября 1765 г.,

хотя этот манифест был тут совѣмъ ни при чемъ, такъ какъ онъ касался Слободской Украины, воспрещалъ здѣсь мѣстные захваты въ сферѣ частнаго земельного владѣнія и не касался нарушеній какихъ либо областныхъ границъ. Аргументація воеводы была очень слаба, тѣмъ не менѣе онъ настоятельно просилъ у сената, чтобы спорныя земли остались за изюмцами, а бѣжавшіе отъ владѣльцевъ подданные и казенные обыватели, коими запорожцы населяютъ свои слободы, были возвращены на свои прежнія мѣста и впредь отнюдь не были-бы ими принимаемы. Эти послѣднія строки, а равно указаніе воеводы на то, что полковникъ Гараджа сводитъ подданныхъ и даже должниковъ изюмскихъ землевладѣльцевъ въ свои запорожскія слободы, главнымъ образомъ въ Комышеваху, гдѣ нѣтъ *подушнаго оклада*, обличали безсиліе администраціи и язву того соціального строя, который она съ такимъ усердіемъ насаждала и отъ котораго закабаляемый народъ бѣжалъ, куда только могъ, а преимущественно въ Запорожье.

Изъ многочисленныхъ жалобъ на запорожцевъ, которыя изюмская провинціальная канцелярія разсылала прежде сего разнымъ властямъ, видно, что какъ военныя изюмскія власти, такъ и сами землевладѣльцы силою отражали такъ называемыя ими „разбойническія партіи“ запорожцевъ, что для поимки ихъ снаряжались помѣщиками особыя экспедиціи, вступавшія съ запорожцами въ кровопролитныя схватки, и что въ одной изъ нихъ былъ убитъ помѣщикъ Сошальскій.

Губернская слободско-украинская канцелярія, отправляя въ сенатъ упомянутое доношеніе изюмской канцеляріи, вмѣстѣ съ тѣмъ по содержанію онаго сообщила (26 апр. 1773 г.) слободско-украинскому губернатору Е. А. Щербинину особою „меморією“, прося и его содѣйствія къ защитѣ изюмскихъ обывателей отъ насилій запорожцевъ. Здѣсь она силится стать на почву права историческаго, ссылается на двѣ жалованныя царскія грамоты, изъ которыхъ одною (7190 г. февраля 17) изюмскому полковнику Григорію Донцу повелѣно призывать въ эту мѣстность на вѣчное житіе черкасъ... „пашенныя земли пахать и всякими угодами владѣть по отводу генерала и воеводы *Касогова*¹⁾, промежъ собою, по раздѣлу“....

¹⁾ Отсюда, вѣроятно, и *Касоговъ валъ*, на который, какъ на границу своихъ земель, указывали запорожцы.

а другую (7194 г. ноября...) предоставлялось „черкасскимъ полковникамъ, полковымъ ихъ урядникамъ, козакамъ и мѣщанамъ... кто гдѣ живетъ, вотчинами и землями... и всякими угоды владѣть по прежнему, по ихъ черкасскимъ обыкlostямъ, *вѣчно и безоброчно*“..., но обходить при этомъ существенный вопросъ о границахъ, а вмѣсто того повторять уже извѣстныя намъ жалобы на запорожскаго полковника Гараджу, что онъ на земляхъ изюмскихъ жителей селить „цѣлыми слободами“ пришлыхъ людей, „принимая въ оныя бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ, а большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, *никакого государственнаго дохода не платятъ*“... Достоинно вниманію въ этой „меморіи“ упоминаніе о томъ, что на „своевольства“ запорожцевъ посылались жалобы не только въ Запорожскій Кошъ, но также и предводителю второй арміи князю Вас. Мпх. Долгорукову и даже въ малороссійскую коллегію, равно, что изюмская провинціальная канцелярія ходатайствовала о томъ, „чтобы запорожцы въ жилища изюмской провинціи для подговору подданныхъ къ побѣгу въ ихъ кочевіща не пріѣзжали“... Въ числѣ помѣщиковъ, которые испытывали притѣсненія отъ запорожцевъ, чаще другихъ упоминаются: бывший изюмскій (последній) полковникъ Краснокутскій, потомки главнаго колонизатора изюмской сотни Донцы-Захаржевскіе, Капустянскіе, Двигубскіе, Рудневы и другіе.

Жалобы на запорожцевъ были энергично поддержаны губернаторомъ Щербининымъ, который и самъ уже былъ значительнымъ землевладѣльцемъ въ своей губерніи и котораго какой-то подданный (по донесенію изюмскаго воеводы) также былъ „ограбленъ“ запорожцами. Въ своемъ донесеніи сенату 29 апрѣля 1773 г. онъ заявляетъ, что *своеволие* и насилія запорожцевъ привели пограничныхъ жителей изюмской провинціи въ такое бѣдственное состояніе, что „многіе изъ нихъ не только не въ состояніи заплатить въ казну государственныхъ поборовъ, но и себя съ своимъ семействомъ пропитать не могутъ“... и что „лишившись собственнаго имѣнія и безопасности, они принуждены будутъ разойтись“... Изобразивъ самыми рѣзкими чертами „своевольные“ поступки запорожцевъ, сдѣлавъ ссылки на жалованныя изюмцамъ грамоты и протолковавъ по своему универсалъ Хмельницкаго относительно запорожскихъ гра-

виць по рр. Самарѣ и Орели, а отъ Самары прямо на Донъ“, Щербининъ въ заключеніе говорить, что хотя всѣ эти наглости запорожцевъ, „особливо въ такое критическое время“, требуютъ самыхъ строжайшихъ изслѣдованій; „но какъ сей родъ развращенный людей на сіе время по пограничностія требуетъ нѣкотораго послабленія“, то можно де ограничиться тѣмъ, чтобы предложить запорожцамъ возвратитъ изюмской провинціи всѣ спорныя земли, съ обѣщаніемъ разобрать этотъ споръ „законнымъ порядкомъ“.

Какъ ни мрачно изображались дѣйствія запорожцевъ въ указанныхъ жалобахъ и донесеніяхъ, на самомъ дѣлѣ едва-ли имъ принадлежалъ во всей этой исторіи починъ и главная вина. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о границахъ, въ которомъ правда могла быть и на сторонѣ запорожцевъ, достаточно вспомнить, что всѣ жалобы начало насильственныхъ дѣйствій запорожцевъ относятъ къ 1769 г., а поводъ къ нимъ видятъ въ очищеніи пограничныхъ изюмскихъ земель отъ населенія въ виду набѣговъ татарскихъ, хотя, вѣрнѣе, онъ заключался въ безуспѣшномъ дѣйствіи „полюбовнаго развода“ и предшествовавшемъ ему размежеваніи земель, которыя запорожцы считали своими. Запорожцы, слѣд., заняли земли пустыя; они заселяли ихъ въ виду непріятели, изюмскіе-же помѣщики накиннулись на эти земли не только, когда опасность миновала, но и когда тамъ были уже запорожскія поселенія. Поэтому починъ насильственныхъ дѣйствій противъ существующаго поселенія скорѣе принадлежалъ имъ, запорожцы-же только отстаивали свои поселки и не допускали изюмцевъ пользоваться занятыми ими землями. Что до возврата этихъ земель, въ ожиданіи разбора дѣла „законнымъ порядкомъ“, то запорожцы могли отвѣчать своимъ противникамъ тѣмъ-же, хотя видимо предпочитали слѣдовать мудрому изреченію: *beati possidetis*. Кто знаетъ, какъ отвѣтилъ-бы на принесенныя теперь на запорожцевъ жалобы сенатъ, который не разъ принималъ ихъ сторону, если-бы въ то же время не произошли еще болѣе крупныя столкновенія запорожцевъ съ мѣстными властями и жителями на другомъ концѣ Запорожья, за Днѣпромъ, изъ-за отнятыхъ у нихъ земель подъ елисаветинскую или ново-сербскую провинцію. Тамъ дѣйствовалъ тотъ-же полковникъ Гараджа съ писаремъ Роменскимъ, не менѣе энергично и простодушно выполняя рѣшеніе рады войсковой.

По словам сенатскаго указа, отъ 5 авг. 1773 г., тамъ „въ новороссійской губерніи, въ елисаветградской провинціи, со стороны войска запорожскаго чинились превеликія жителямъ притѣсненія самовольнымъ набѣгомъ не малыхъ шаекъ вооруженныхъ людей, а паче что подъ видомъ недавно будто туда перешедшихъ запорожцевъ насильственно забирають и увозять оттуда безъ разбору почти всѣхъ поселянъ, старожилонъ и самихъ отправляющихъ пикинерную службу съ ихъ семействомъ и имуществомъ, угроживая притомъ нѣкоторыя мѣста и вовсе разорить“; кромѣ того, какъ значилось въ томъ-же указѣ, „войско запорожское самовольно не допускаетъ и всякія препятствія чинить въ отысканіи и привозѣ, для сооруженія строящейся по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ *днѣпровской линіи*, зарытаго въ землѣ еще въ прежнія времена татарами, по близости сей линіи, сжоного кирпича, тесанаго плитнаго камня и извести“. Сенатъ умалчивалъ „о разныхъ тамошнихъ, воинскимъ командамъ показуемыхъ, озлобленіяхъ и разныхъ другихъ своевольныхъ, наглыхъ и дерзкихъ поступкахъ“; онъ „отнюдь подумать не могъ, чтобы вышеизображенныя продерзости съ вѣдома и согласія войска запорожскаго происходили“, но предполагалъ, что „единственно можетъ быть помянутый Гараджа и другіе подобные ему необузданные своевольники въ томъ виновны“. Но едва сенатъ отправилъ по жалобамъ новороссійскихъ властей указъ, которымъ, призывая запорожцевъ къ порядку, обѣщавъ сдѣлать имъ удовлетвореніе за взятія у нихъ подъ новороссійскую губернію земли, по минованіи военныхъ обстоятельствъ и доставленіи запорожцами надлежащихъ на тѣ земли документовъ, какъ получилось донесеніе Щербинина о „самовольствахъ“ запорожцевъ въ изюмской провинціи. Оно было представлено на высочайшее усмотрѣніе и затѣмъ сенатъ въ указѣ 20 авг. того-же года между прочимъ писалъ: „понеже сіи неустройства, нарушающія общую въ имперіи нашей тишину и спокойствіе, ни въ какос время терпимы быть не могутъ, то для сего по указу нашего императорскаго величества нашъ сенатъ сею нашею *императорскою грамотою* всему войску запорожскому низовому накрѣпко повелѣваетъ: 1) тотъ часть по полученіи сей грамоты вышенменованнаго Гараджу со всѣми его соучастниками и со всею при нихъ находящеюся и во зло употребляемою воинскою командою въ Кошъ забрать и немедленно изслѣдовавъ, по чьему

опъ приказу, или самъ своимъ злонавіемъ на такую непростительную дерзость поступилъ, учинить ему и другимъ его въ томъ сообщникамъ, по мѣрѣ сей ихъ вины и преступленія, публично по законамъ наказаніе; 2) забранныхъ имъ и другими такими-жъ своевольниками изъ изюмской и елисаветградской провинцій людей, скотъ и хлѣбъ немедленно возвратить, тако-жъ и за прочія причиненныя разоренія и убытки справедливое удовлетвореніе сдѣлать; 3) вышеозначенныя на построеніе днѣпровской линіи потребныя матеріалы отыскивать и брать отнюдь ни подъ какимъ образомъ не мѣшать... и, наконецъ, 4) всему войску запорожскому настрожайше приказать и пакрѣпко за ними смотрѣть, чтобы отнынѣ впредь никто не отваживался никакихъ дальнихъ своевольствъ, а того меньше наглостей и разореній ни въ которую сторону изъ сосѣднихъ губерній чинить, но паче спокойно-бы ожидалъ разсмотрѣнія происходящихъ о обоюдныхъ земляхъ споровъ и надлежащаго по тому каждой сторонѣ по справедливости удовольствія, какъ уже о томъ войску запорожскому и предъ симъ чрезъ малороссійскую коллегію (отъ 16 числа минувшаго іюля) пространнѣе знать дано; въ прочемъ уповаемъ, что войско запорожское низовое вышеизображенное повелѣніе во всѣхъ его частяхъ съ должнымъ вѣрнымъ подданнымъ повиновеніемъ и точностію, какъ нынѣ немедленно исполнить, такъ и впредь исполнять не преминуть, тѣмъ наипаче, что на противный тому и хотя отнюдь неожиданнѣй случай чрезъ сіе-жъ объявляется, что войско запорожское неизбѣжно восчувствуетъ вся тягость монаршаго нашего гнѣва“. Въ заключеніе монаршая грамота, хотя уже безъ обвиненій, вспоминаетъ и другую сторону въ спорѣ: „а дабы между тѣмъ и отъ жителей, какъ обонхъ вышепоказанныхъ губерній, такъ и отъ воинскихъ чиновъ днѣпровой линіи никакого повода къ дальнимъ распрямъ съ войскомъ запорожскимъ подавано не было, но паче равномерно-жъ и изъ нихъ каждая сторона помянутаго о земляхъ разсмотрѣнія терпѣливо ожидала, о томъ къ главнымъ ихъ начальникамъ указы изъ сената послать: въ слѣдствіе чего оныя въ равной съ симъ силѣ въ военную и малороссійскую коллегію, и къ кіевскому генераль-губернатору (Воейкову) чрезъ нарочнаго курьера и посылаются. Августа 20 дня. 1773 г.“.

Сенатскій указъ не могъ не порадовать изюмскія власти; Щербининъ предписалъ слободско-украинской губернской канцеляріи немедленно отправить нарочнаго курьера въ Запорожскій Кошг, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ кіевскому губернатору, чтобы и онъ съ своей стороны понудилъ запорожское войско немедленно исполнить сенатскій указъ.

Но Кошг, какъ видно, судилъ о дѣлѣ по своему и собирался съ отвѣтомъ. Въ началѣ 1774 г. Щербининъ писалъ Кошевому атаману въ томъ смыслѣ, что даже и посланная въ Запорожье грамота не помогла, что запорожцы не только не возвратили спорныхъ земель и заграбленныхъ пожитковъ, „но еще сверхъ того вновь они и ихъ поселяне слободы Комышевахи безпрестанно большими партіями уѣзжаютъ въ лѣса войсковыхъ слободъ (изюмской провинціи) Сливаковки и Завода и рубятъ безъ пощады, также и по хуторамъ отбираютъ огорожи и не допускаютъ къ рыболовлямъ“...

Изъ „дѣла“ не видно, былъ-ли дѣйствительно Гараджа неутомимъ въ своей дѣятельности по части охраненія и заселенія спорныхъ земель, или-же на него уже по привычкѣ обрушивались всѣ жалобы пограничныхъ русскихъ властей. Какъ-бы то ни было, но еще ранней весной, отъ 4 апрѣля, изюмская канцелярія опять жаловалась Щербинину на запорожскія своевольства: отнятіе ярмъ, топоровъ, нѣсколькихъ десятковъ пчелиныхъ ульевъ и т. п. Въ рапортѣ слободско-украинской губернской канцеляріи Щербинину отъ 26 іюня 1774 г. говорится, что на ходатайство у кіевского генераль-губернатора относительно „неослабнаго понужденія“ запорожцевъ исполнить сенатскій указъ, кіевскій администраторъ отвѣчалъ, что „и новороссійской губерніи жителямъ елисаветградской и екатеринославской провинцій отъ стороны запорожской очень много причинено обидъ и разореній“, но что больше писать ему въ Кошг „было-бы безплодно“, ибо изъ Коша „никакихъ удовольствій не воспользовало“, и что потому и слободско-украинской канцеляріи лучше обратиться съ жалобой на запорожцевъ къ главнокомандующему второй арміей князю Вас. Мих. Долгорукову, „у котораго пылъ и войско запорожское, *находясь въ походъ*, въ дѣйствительномъ вѣдомствѣ состоитъ“...

Что запорожское войско было въ то время занято войной, объ этомъ не могла не знать и сама изюмская администрація, ибо, какъ видно изъ этого-жь рапорта, самъ Кошъ извѣщалъ ее, что полученную отъ нея промеморію отправлено „главному командиру господину кошевому Калнишевскому въ походъ къ подлежащему“...; но слободская администрація неотступно требовала, чтобы „Кошъ благоволилъ“ сдѣлать немедленное „удовольствіе“ за всѣ обиды „полковника Гараджи съ товарищами“ и объ исполненіи этихъ требованій „благоволилъ-бы... губернскую канцелярію увѣдомить“.

Такая усиленная канцелярская дѣятельность слободской администраціи длилась почти весь 1774 годъ: кромѣ многократнаго, утомительнаго повторенія старыхъ „наглостей“ понемногу прибавлялись новыя: то жители запорожскихъ слободъ рубили лѣсъ, который самовольно считали своимъ, то оказывался обиженнымъ какой нибудь пасѣчникъ на пасѣкѣ, принадлежащей какому нибудь изюмскому помѣщику, то запорожское населеніе, „пріѣзжая многимъ числомъ съ подводами въ хутора (на спорныхъ земляхъ), огорожу разламываютъ и, забирая, возятъ въ Комышеваху“.

Обо всемъ этомъ доносилъ Щербининъ сенату и писалъ въ пріятельскомъ тонѣ къ Калнишевскому, „усугубляя предъ ними свою просьбу“ усмирить своевольниковъ запорожцевъ.

Запорожье все это время, повидимому, упорно молчало: только въ іюль 1774 г., при письмѣ одного подначальнаго изюмскаго чиновника на имя Щербинина была прислана копія отвѣта запорожскаго Коша на грамоту изъ сената, по всей вѣроятности, секретно добытая услужливымъ или исполнительнымъ чиновникомъ. Копія эта не помѣчена никакимъ числомъ, на ней нѣтъ притомъ никакой подписи, но тѣмъ не менѣе, судя по содержанію и языку, это не сомнѣнно отвѣтъ, который въ такой или иной редакціи былъ посланъ запорожцами въ сенатъ. Онъ содержитъ въ себѣ много во все неизвѣстныхъ намъ фактическихъ данныхъ, которыя въ значительной степени разъясняютъ другую сторону спорнаго вопроса, а потому, не смотря на свою краткость и малограмотность, заслуживаетъ полнаго вниманія. Существенныя мѣста этого отвѣта мы приводимъ въ подлинникѣ, такъ какъ, по крайнему лакоизму своего изложенія, онъ не поддается сокращеніямъ: „Въ правительствующій сенатъ, отъ войска запорожскаго низоваго. — Въ прошеніи, посланномъ

1773 г., октября 3 дня, сказано: 1) что полковникъ Гараджа и писарь Роменскій причинили-ль изюмской провинціи людемъ раззоренія, совсѣмъ здѣсь не предвидится, а что той провинціи люде на запорожскихъ земляхъ выселився корыстуются и утѣсняють войско, то хотя нѣкоторыхъ той провинціи людей и изводитъ ихъ жилищами на принадлежащіе изюмской провинціи земли, но изъ земель запорожскихъ таковыхъ, каковы войска запорожскаго владѣнію принадлежать, при такомъ сводѣ ни каковыхъ озорничествъ и угону скота, также забору хлѣба и прочого не чинить; 2) что новороссійской губерніи, елисаветградской провинціи жителямъ никакова притесненія не дѣлается, и чтобъ въ мѣсто запорожцовъ насильно забирали и увозили старожиловъ и пикинеръ, и того нѣтъ, а хотя въ правительствующій сенатъ и представлено, но чаятельно для одного закрывательства тамошними командирами и не выпуску съ ихъ слободъ запорожскихъ козаковъ, той елисаветградской провинціи въ слободахъ пребывающихъ, копхъ по ордерамъ главнокомандующихъ второй арміи выслать велено, а чтобы угроживали нѣкоторыя мѣста елисаветградской провинціи разорить, то и то представляется на единое только войска опороченіе, проискивая разныхъ способовъ, какими бѣ лучше можно изыскать средства имѣть покорыстованіе тамошнимъ командамъ запорожскими землями, якожъ многіе чины, какъ то кievскій генераль-губернаторъ и кавалеръ Воейковъ, полковникъ Звѣревъ и прочіе чины, имѣючи свои на запорожскихъ земляхъ населившіе слободы, сильніе уже прилагають старанія, дабы, какъ можно, запорожскіе земли тѣми слободами захвативши, користоваться, и наводятъ чрезъ то разнія въ представленіяхъ своихъ на войско опороченія; запорожскому жъ войску тѣхъ поселившихся на запорожской землѣ слободъ раззорять во вси причины нѣтъ, ибо какъ земля запорожская, такъ и поселенцы владѣнію запорожскому принадлежать конечно будутъ, какой земли возврату по взнесеннымъ къ ея императорскому величеству отъ войска запорожскаго прошеніямъ всеподданнѣйше ожидается, съ тою надеждою, что вся земля, на которой нынѣ елисаветградская провинція пребываетъ, какъ тая точно по указу... императрицы Елисаветы Петровны отъ устья Тясмина, отъ польской границы на сорокъ верстъ, къ Новой Сербіи и къ тому, что теперъ пикиперы, полку взята, и то мѣсто названо елисаветградской провинціей, такъ и тая, что крѣпости

святыхъ Елисаветы и прочіе командиры насильнымъ, самовольнымъ образомъ захватили, какъ до сего размира, такъ и въ оной гораздо болѣе двухсотъ верстъ, и чинятъ виселенія, употребляя оныя въ свою пользу, а запорожскихъ козаковъ не только на своихъ земляхъ селится не допускаютъ, но и згоняютъ прочь, также и всѣ отшедшіе земли съ поселеніями сего лѣта возвратятся, ибо доколь симъ отъ ея императорскаго величества помилованіемъ то войско успокоени не будутъ, дотоль единыя только правительствующему сенату затрудненія, а на войско опороченія слѣдовать могутъ, якожь тѣ командиры, которые имѣютъ на запорожскихъ земляхъ свои слободы, разныя наводятъ принужденія чинить на войско запорожское, называя въ своихъ представленіяхъ запорожское войско самовольниками и озорниками, но какъ правительствующій сенатъ благоразсмотрѣть соизволить, тѣ ли нарушители общему покою самовольники, озорники и разорители, кои своего собственнаго ищутъ и отвращаютъ отъ насильственнаго сторонними завладѣнія, или тѣ, кои чужое добро насильственною рукою и почти грабежемъ забрали и отбираютъ, а какъ отъ ея императорскаго величества матерне соизволеніе есть, дабы всѣ ея вѣрноподданные оставались при спокойствіи и благоденствіи, съ присылаемыхъ же туда командировъ нѣкоторые, подъ разными образы, на чужія добра завидуя, всѣ мѣры употребляютъ, не для пользы общей, но ради возмущенія отечества, разныя дѣлаютъ *прожекты*, и таковыми своими прожектами дѣлаютъ неустройства и наводятъ обиды, якожь и тому войску, что земли тѣ, съ которыми пришли подъ державу всероссійскаго престола, по указу и самовольно безъ указу отбираются во многихъ мѣстахъ, какъ то нѣтъ называющаяся елисаветградская провинція на запорожской землѣ оселена, изюмской провинціи и прочіе люди покушаются корыстоваться, а до того еще при разграниченіи съ поляками и турками не мало земли з селами и мѣстечками и въ другіе мѣста отойшло, *которая обида хотя и сносится, но только з сильною горестію*, оныхъ же отшедшихъ изъ подвладѣнія ихъ земель, какъ они ими заслужены кровію, и нынѣ за оную, за вѣру и за отечество кровь проливаютъ, уступить на дальшее сторонними владеніе нѣтъ способа, а желательно правостию, дабы земли ихъ оставались на всегда въ ихъ владѣніи, что и уповаютъ на правосудіе ея императорскаго величества, 3) что якобы войско за-

порожское не допускать и всякія препятствія чинить въ отысканіи и привозѣ, для сооружеія строющейся днѣпровской линіи, зарытаго въ землѣ зжснago кирпича, тесаного плитнаго камня и извѣсти, то сіе правительствующему сенату представлено не точностію, ибо о томъ кирпичѣ и о прочемъ нѣсть теперъ, что есть владѣнія запорожскаго въ землѣ закрыто, извѣстно, что все хранилось до надобнаго времени къ построенію церкви, какъ Сечь перейдетъ въ Никитино, но что Сечь, за полученіемъ резолюціи и по причинѣ пинѣшняго розмира, переходомъ своимъ осталась, потому и тое все закрытое пребывало въ своихъ мѣстахъ, и хотя г-ну генерал-маіору Черткову па его письмо и отвѣтствовано, а притомъ и прошено, дабы не брато было, точію прозба войсковая осталась безъ дѣйства, и не только къ днѣпровской линіи, по и въ Кременщукъ камня и прочее вожено безъ препятствія; 4) что хотя вышеупомянутою грамотою и повелѣвается спокойно ожидать разсмотренія происходящихъ о земляхъ споровъ и падающаго по тому каждой сторонѣ справедливого удовольствія, но какъ прежде состоявшуюся за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ грамоту, коей повелѣно оставить земли до спокойныхъ временъ отъ новороссійской губерніи, презрено и начато па запорожскихъ земляхъ полковникомъ Звѣревимъ и прочими паселять слободы, а дабы имъ тое чинить было повольно и захвачивать земли еще вяще можно, вышли съ пушками военныя команды регулярныя и нерегулярныя, какъ противу неспрїятелей, при коемъ случаѣ еслибъ таковы-жъ неистовства, безчеловѣчія и неспрїятельскія поступки и отъ войска запорожскаго происходили, то-бъ не иное что сбылось, какъ междуусобіе, но войско не самовольники и не нарушители общаго покоя, не дѣлая междуусобія, хотябъ и довелось своего собственнаго защищать, снѣснть терпеливо, и какъ слисаветградская провинція вся оселена на запорожскихъ земляхъ, то при всемъ томъ просятъ земли войска запорожскаго низоваго—тѣ, гдѣ нынѣ слисаветградская провинція и другіе, не подъ владѣніемъ войска запорожскаго низоваго имѣются, съ поселеніями, и всѣ отшедшія съ-подъ владѣнія того войска земли въ спокойное при ихъ правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ владѣніе возвратитъ повелѣть, и тимъ войско запорожское низовое грамотою не оставитъ, а кому надлежитъ указами предложить“.

Какъ воспользовался Щербининъ добытою копією запорожскаго отвѣта,—остается неизвѣстнымъ. Слѣдующій въ нашемъ „дѣлѣ“ документъ показываетъ, что, въ связи-ли съ этимъ обстоятельствомъ, или помимо онаго, но вскорѣ послѣ сего, Щербининъ отправлялъ въ Кошъ нарочнаго съ порученіемъ добиться отъ него исполненія по сенатскому указу, или какого-либо отвѣта по прежнимъ письмамъ. Отправленъ былъ оберъ-офицеръ на счетъ курьерской суммы „изъ подушнаго сбора, собираемаго съ черкасъ“; ему выдали 40 р. прогонныхъ на двѣ лошади. Привезъ онъ слѣдующее „сообщеніе“ изъ Запорожья, помѣченное 12 августа 1774 г. (№ 939): „Высоко-родній и превосходительнѣйшій господинъ генералъ-поручикъ, лейбъ гвардіи премьеръ маіоръ и кавалеръ, Евдокимъ Алексѣевичъ, благопріятный государь нашъ! Вашего превосходительства писаніе о обидахъ, будто войска запорожскаго отъ господина полковника Гараджи послѣдовавшихъ, получено; и какъ они къ разбирательству относительны, войско-жь Запорожское Низовое на службѣ Ея императорскаго величества нынѣ, какъ и до сего, остается и не имѣетъ возможности, то въ достиженіе таковой пріймется ко учиненію того, что надлежитъ; чтожь объявленній полковникъ Гараджа и старшина полковій Роменскій представляютъ, яко изюмскіе и протчія той провинціи обиватели нѣкоторыя нынѣ самовольнымъ образомъ въ запорожскіе земли влазятъ къ прокористованію, а другіе не отъ-теперь влѣзши користуются и владѣютъ, сойтить-же по многимъ ихъ полковника Гараджи и старшины Роменскаго снисходительнымъ объявленіямъ не хотятъ, то хотя тѣхъ самовольно въ чужое влазящихъ свести, а противящихся и насильно выселить, строжайше отъ войска полковнику и старшинѣ предложено, однако и ваше превосходительство благоволите по подчиненности вашего превосходительства, кому надлежитъ, учинить притвержденіе, въ запорожскія земли къ прокористованію и завладѣнію не уѣздить, а влѣзшимъ сойти. Вашего превосходительства, благопріятнаго государя нашего, покорнѣйшіе слуги атаманъ Кошовій Петръ Калнишевскій, войсковая старшина и товариство“.

Щербининъ отъ 22 октября отвѣчалъ въ тонѣ запорожскаго сообщенія, не безъ нѣкоторой сдержанной ироніи. Письмо начиналось такимъ обращеніемъ: „Высокопочтенніи и знаменитые господинъ войска запорожскаго атаманъ, войсковая старшина и то-

варисто—мои приятели!“ Въ письмѣ Щербининъ, повторяя сущность своего прежняго требованія относительно прекращенія насилій, причиняемыхъ Гараджою и его подкомандными изюмскимъ жителямъ, выражаетъ удивленіе по поводу хитраго отвѣта Коша, заявляющаго, что войско запорожское, отвлеченное войною, не имѣетъ будто-бы возможности приступить къ разбирательству по жалобамъ, и въ тоже время дающаго Гараджѣ и старшинамъ строжайшее повелѣніе насильно удалить жителей изюмской провинціи, поселившихся на мѣстахъ, якобы принадлежащихъ тому войску, — стоитъ на томъ, что „изюмскіе жители никогда въ земли того войска своею усилностію не поступали“, требуетъ возврата заграбленнаго и въ заключеніе предлагаетъ Кошу прислать отъ себя депутатовъ „къ общему разрѣшенію происходящихъ съ обоихъ сторонъ несогласій“.

При тогдашнихъ сообщеніяхъ отвѣты получались не скоро и Щербининъ только къ Рождеству дождался отвѣта отъ Калнишевскаго, который кратко объяснялъ, что въ зимнее время неудобно посылать депутатовъ для опредѣленія границы, а въ заключеніе повторялъ еще разъ тщетное требованіе, чтобы изюмскіе жители сошли съ запорожскихъ земель. И такъ здѣсь обѣ стороны оставались при своемъ, не дѣлая никакихъ уступокъ.

На днѣпровской линіи, въ елисаветградской провинціи дѣло стояло не лучше. Полковникъ Звѣревъ въ іюлѣ 1774 г. писалъ Щербинину, что хотя, по повелительному ордеру князя Вас. Мих. Долгорукова, запорожскіе козаки сперва и возвратили было „забранной з ротъ волоской народъ, изъ моихъ слободъ людей, а послѣ сего... опять роты згоняють з земель, а подданныхъ моихъ со всѣмъ забѣрають“... „Итакъ я, заключалъ Звѣревъ, не могу вашему высокопревосходительству нажаловаться, сколько мнѣ запорожцы приключаютъ разореній, и не знаю, что уже дѣлать“... Полковникъ Звѣревъ не былъ однако такимъ угнетеннымъ, какимъ кажется себя въ этомъ письмѣ. Это былъ основатель и устроитель молдавскаго гусарскаго полка. Устраивая полкъ, онъ и себя не забывалъ и вмѣстѣ съ полкомъ осаживалъ и собственныя слободы на запорожскихъ земляхъ. Жалуюсь такъ горько на запорожцевъ, онъ въ то-же время простиралъ далѣе свои колонизаціонныя прибыльныя стремленія. Въ письмѣ къ Щербинину изъ Кременчуга, въ томъ-же іюлѣ 1774 г., онъ пишетъ между прочимъ, что какой-то „протопопъ

Бронкевичъ, прїѣхавши з Ордели, объявилъ свое намѣреніе, что онъ желаетъ изъ арделского народа вывести въ Россію до нѣскольکو тысячъ душъ“, почему Звѣревъ просить дать этому протопопу изъ Харькова до С.-Петербурга паспортъ, „дабы онъ могъ меньше карантину имѣть“... Еще болѣе интересна въ томъ-же письмѣ просьба Звѣрева пересылать его жалобы Потемкину. Итакъ вводилось въ дѣло вліяніе всемогущаго Потемкина, которому предстояло скорѣ рѣшить участь Запорожья.

Отношенія крѣпостниковъ и свободолобивыхъ запорожцевъ обострились до крайности. Въ концѣ 1774 г. Щербининъ предложилъ изюмскому воеводѣ, въ слѣдствіе полученныхъ имъ вновь жалобъ на запорожцевъ, выбрать въ депутаты изъ офицеровъ „достойнаго человѣка и хорошаго во всемъ свѣдѣнія“ для отправки его отъ имени Щербинина „съ просьбой къ ея императорскому величеству и въ правительственный сенатъ“. „Депутату на тамошнее его содержаніе“ Щербининъ предложилъ дать денегъ, продавъ изъ собраннаго для этой цѣли съ обывателей хлѣба 100 четвертей ржи, и сверхъ того снабдить его отъ общества довѣренностію „въ искательствѣ о тѣхъ обидахъ и разореніяхъ“. Депутатомъ былъ избранъ отставной капитанъ Тарановъ, который и получилъ на дорогу 300 р., вырученные отъ продажи 100 четвертей крестьянской ржи. Очевидно, въ видѣ матеріала для ходатайства Таранова, изюмская администрація представила Щербинину новую обширную меморію. Въ ней она, вновь подробно перечисляя всѣ свои старыя жалобы и заявляя, что Гараджа съ компаніей продолжаютъ дѣйствовать по прежнему, съ замѣтнымъ преувеличеніемъ говорить, что „оныя запорожцы усиливаются владѣніемъ жалованной земли до самой изюмской крѣпости, почему опасно, дабы съ нихъ нѣкоторые по существу своему воровскому состоянію не сдѣлали нападенія и не разграбили-бъ денежной казны“, вслѣдствіе чего и просить „о приуможеніи или гарнизонской, или о присылкѣ подлежащей сюда штатной роты“... Руководителями разныхъ пограничныхъ „злодѣяній“ запорожцевъ въ меморіи называются полковники Гараджа и Куликъ, и писаря Роменскій и Неживый. Замѣчательна подробность въ вычисленіи „злодѣяній“ запорожцевъ: тутъ перечислены и похищенныя куры, и количество взятыхъ лицъ, и свиное сало фунтами, и всѣ мелкія вещи въ хозяйствѣ, и потоптанныя или выкопанныя

гряды луку и чесноку, и т. п. Въ видѣ общихъ обвиненій выступаютъ рѣчи о „бѣжавшихъ отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ и казенныхъ обывателяхъ, которые, укрываясь отъ платежа казенныхъ податей и отъ долговъ, проживаютъ въ ихъ запорожскихъ жилищахъ“, дѣлаются упреки за бывшіе переходы запорожцевъ въ „турецкое подданство“ и намеки на ихъ неблагодежность вообще...

Насталъ послѣдній для Сѣчи 1775 годъ. Въ письмѣ отъ 25 февраля этого года Потемкинъ, бывшій уже тогда главнымъ командиромъ ново-россійской провинціи, пишетъ Щербинину, что онъ распорядился уже всѣхъ бѣглыхъ изъ слободско-украинской губерніи въ новороссійскую выслать обратно „на иждивеніи державшихъ ихъ укрывальщиковъ“, относительно пикинеровъ луганскаго полка съ ихъ свойственниками, о выводѣ которыхъ вѣроятно Щербининъ просилъ, замѣчаетъ, что „оной полкъ учрежденъ изъ торскихъ козаковъ, издревлѣ живущихъ въ Торѣ и Маякахъ, изъ которыхъ мѣсть и никакъ перевести ихъ въ другое мѣсто безъ крайняго разоренія не можно“, наконецъ относительно запорожскихъ обидъ изюмской провинціи Потемкинъ совѣтуетъ „возможное терпѣніе“, ибо, извѣщаль онъ, запорожцы со всѣми ихъ землями „имѣютъ вступить во вѣренную мнѣ новороссійскую губернію“.

Пробудился, по видимому, и Кошъ, но не обнаружилъ ни малѣйшей склонности пойти на какіе либо компромиссы. Въ нашемъ „дѣлѣ“ находятся еще два подлинныя письма, можетъ быть, уже послѣднія, изъ Коша къ Щербинину, за обычной подписью Кошевого, старшины и товариства. Первое изъ нихъ помѣчено 14 апрѣля 1775 г. (№ 1295):

„Высокородный и т. д... нашъ пріятель.—Войска запорожскаго низоваго господинъ полковникъ Куликъ з старшиною сего зпрѣля отъ 8 репортуеть, что извѣстился онъ, будто для разоренія и пограбленія живущихъ на земляхъ войска запорожскаго низоваго подданныхъ здѣшнихъ, въ Барвенковой стѣнкѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, собрата уже не малая пѣхоты и конницы при двухъ пушкахъ команда, которая намѣреваетъ нахальцо на тѣ мѣста напасть, чтобъ оныя и подчиненныхъ здѣшнихъ воевѣ разорить, а скотъ угнать. И хотя сего не толь сказать, но крайне трудно и подумать, дабы могло статья, но какъ уже таковому случаю есть

доказательность, ибо отъ чиновъ находящихся въ елисаветградской провинці сіи дѣйствія происходили; то если-бъ надъ чапие таковыя нападки могли послѣдовать и нынѣ, мы войско иного способу не находимъ, какъ только отвращать таковыхъ нападателей, о чемъ и о вышеписанномъ вашему превосходительству объявляя, пріятно просимъ скоро, строго и непремѣнно благовольте предложить, кому надобно, чтобъ покушающіеся къ худостному поступку отъ сего поступка всеконечно удержались. Поводчику-жъ оного, яко поступателю къ нарушенію общаго покоя, должное, по надлежащему, учиненно-бъ и запрещено всѣмъ нычего и малѣйше обидного въ сторону войска запорожского не дѣлать“.

Такъ думали и выражались плохіе политики—запорожцы въ послѣдніе мѣсяцы своего существованія!

Приведенное запорожское письмо повидимому поставило самага Щербинина въ нѣкоторое недоумѣніе: по поводу его Щербининъ въ своемъ предложеніи слободско-украинской канцеляріи, отъ 28 апрѣля 1775 г., говоритъ, что если „такое описываемое войскомъ запорожскимъ собраніе (т. е. отряды пѣхоты и конницы) буде подлинно есть, оставить и не поступать отнюдь на ссору, чтобы чрезъ то не произошло худыхъ слѣдствій, а стараться только отъ разоренія запорожскаго обывателей защищать... и то съ такимъ искусствомъ, чтобъ не составило драки и убивства“. А между тѣмъ изюмскому воеводѣ Бавыкину предписывалось, буде какіе „наглецы“ изъ запорожцевъ уже пойманы, то представлять ихъ въ слободскую губернскую канцелярію при рапортѣ о ихъ поступкахъ. По этому поводу воевода отвѣчалъ, что никакого сборища войска, упоминаемаго запорожцами, нѣтъ,—можетъ быть въ томъ смыслѣ, что ему, воеводѣ, про это неизвѣстно.

Заявленія запорожцевъ не были однако основаны на пустыхъ слухахъ. Тучи сгущались, все ближе надвигалась гроза, по сумрачному небу прорѣзывались кой-гдѣ тонкіе зикзаги молніи, слышался въ отдаленіи глухой гулъ и трескъ... То тамъ, то здѣсь на отдаленныхъ пограничьяхъ можно было ждать ожесточенной схватки и кровопролитія. До чего обострилась пограничная борьба своеобразной правительственной агенціи и упрямаго, какъ вольт, Запорожья, покажутъ слѣдующіе отдѣльные случаи, свѣдѣнія о которыхъ заимствуемъ изъ того-же находящагося у насъ „дѣла“.

На сѣверо-восточной границѣ Запорожья, въ углу, который образуется смежностію трехъ областей—бывшей слободской Украйны, области донскаго войска и самаго Запорожья, были, какъ видно, особые военачальники отдѣльныхъ мѣстностей, точныя границы которыхъ врядъ-ли были имъ самимъ извѣстны. Въ документахъ нашего дѣла выступаютъ по особому случаю торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ, и начальствовавшій бахмутскими гусарами, поручикъ Мазанъ, которые повидимому были и помѣшники въ этой мѣстности. Ожесточеніе этихъ военачальниковъ противъ запорожцевъ весьма характерно проявилось въ открытомъ ихъ нападеніи на представителей запорожской администраціи и бывшихъ при нихъ козаковъ въ стѣнахъ свято-горской обители, въ самой даже церкви. Вотъ какъ это происходило.

Была первая недѣля великаго поста 1775 года. Запорожская полковая старшина смежной паланки: писарь Иванъ Тимоѣевичъ Неживый и асаулъ Ѳедоръ Васильевичъ Сербинъ съ десятию запорожскими козаками пріѣхали говѣть въ свято-горскій монастырь. Прибыли они изъ той ненавистной пограничнымъ властямъ Барвицкой стѣнки, которую осповаль здѣсь Гараджа, продолжавшій заводить свои торскіе хутора. Богомольцы были подкомендные Гараджѣ и паспорта имѣли отъ его сподвижника, полковника Ивана Кулика. „Во всю первую недѣлю святой четыредесятницы они прилежно ходили въ церковь—къ заутрени, къ службѣ Божой и на павечерни, исповѣдывались и приобщались тайнъ въ субботу. Въ этотъ день, 28 феврала, во время отправленія божественной литургіи, въ монастырской брамѣ показался живущій въ слободѣ Тору поручикъ Андрей Мазанъ и съ нимъ гусары бахмутскаго полка, съ ружьями, около 15 человекъ. Выглянувшіе запорожцы убѣжали въ церковь, писарь скрылся въ алтарныя двери. Мазанъ поставилъ при брамѣ караулъ, а потомъ при всѣхъ церковныхъ дверяхъ поставилъ по гусару и козаку съ ружьями. Войдя затѣмъ въ церковь, онъ приказалъ одному гусару отобрать у запорожцевъ пистолеты, съ которыми они убѣжали въ церковь. Поднялся шумъ и смятеніе среди стоящаго въ церкви народа, а служившій въ это время игумень Филаретъ, сильно испугавшись, помѣшался въ своемъ священнодѣйствіи и ежели-бъ архимандритъ Ѳеофанъ отъ шума, сдѣлавшагося въ церкви, не унялъ и смятєнія,

обнадеживаемъ не бояться, не прекратилъ, не минуемо-бъ слѣдовало божественной литургіи въ самое причащеніе таинъ Божіихъ остановиться“. Окопчилась литургія; архимандритъ выходилъ изъ алтаря; прапорщикъ Боженковъ подалъ ему ордеръ завѣдывавшаго въ Бахмутѣ караптивомъ лейбъ-гвардіи поручика Грибоѣдова объ арестованіи запорожцевъ за проходъ карантинной линіи. Прочитавъ ордеръ, архимандритъ выговаривалъ имъ, что по такому дѣлу не слѣдовало святую церковь арестовать съ смятеніемъ; слова архимандрита Мазанъ „вмѣпилъ себѣ въ обиду“ и приказалъ гусарамъ и монастырскихъ, случившихся тутъ, людей вязать вмѣстѣ съ запорожцами и бить, притомъ одному монастырскому конюху была пробита голова ратищемъ съ копыя... Отговѣвшіеся запорожцы, при сабляхъ и пистолетахъ, отправились изъ церкви прямо въ келію къ архимандриту; туда отправился съ ними и Мазанъ. У архимандрита они обѣдали, а когда стали выходить изъ монастыря, Мазанъ приказалъ отобрать у нихъ оружіе и вести съ собою. Въ это время, по объясненію самаго Мазана, произошла у его команды и драка съ монахами и монастырскими слугами за лошадей, которыя запорожцами были подарены монастырю; при этомъ „алармъ“ асаулъ Сербиновъ съ частію запорожцевъ успѣли бѣжать.

Монастырское начальство жаловалось на учиненное поручикомъ Мазаномъ церковное смятеніе и требовало подвергнуть его строгому наказанію. Въ свою очередь жаловался и Кошъ. Въ письмѣ къ Щербинину, уже отъ 17 марта 1775 г., запорожскій Кошъ объяснялъ, что „Мазанъ и Боженковъ незаконно захватили запорожцевъ въ свято-горскомъ монастырѣ будто-бы за проѣздъ карантина, тогда какъ около монастыря не только карантинъ, но и карауловъ вовсе нѣтъ и сжали они запорожцы въ разсужденіи ближайшей смежности... почему и забрати напрасно, съ одного смѣжнаго забирателсі недоброежелательства“. „Не оставьте, просилъ Кошъ, поступить къ должному ихъ оптрафованію, давши строгость имъ и прочимъ всѣмъ, что отъ вашего превосходительства зависитъ, дабы они такихъ поступковъ, кои худостны, не дѣлали; но по сосѣдству дружелюбно жили съ запорожскимъ войскомъ, причомъ ничего войскового не зафачивая и не завлаживая“...

Какъ поступлено было съ поручикомъ Мазаномъ, въ дѣлѣ нашемъ свѣдѣній о томъ нѣтъ; но достойный его сподвижникъ,

главный виновникъ свято-горскаго „алярма“, Боженковъ еще разъ выступаетъ въ пограничной борьбѣ съ запорожцами. Въ самое послѣднее время существованія Запорожья онъ захватилъ на торскихъ земляхъ, какъ „разбойниковъ“, партію запорожцевъ въ 12 человекъ. Оказалось, что эти мнимые разбойники, по приказу полковника Гараджи, перевозили съ спорной земли двѣ-три хагы..., а подначальные мѣстнымъ русскимъ властямъ торскіе обыватели „напали на нихъ, забрали у нихъ пики съ ратицами, и малахан, и коней“¹⁾. Всѣ захваченные были отправлены на ихъ прежнія мѣста, не смотря на давнее пребываніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Запорожьѣ. Одинъ изъ числа послѣднихъ, оставившій въ ахтырской провинціи жену и дѣтей, причину своего выхода прямо объяснялъ *неимѣніемъ земли и никакихъ людей*.

Наступали послѣдніе дни для Запорожья, а команда Гараджи не унималась и рѣшалась хотя-бы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои предковскія земли на изюмской границѣ. Весной 1775 г. въ торской мѣстности въ средѣ запорожцевъ было какое-то броженіе или воспное движеніе: 22 мая многочисленная ихъ команда прибыла подъ Торъ и стала лагеремъ „на голой долинь, на Вильбасовкѣ“. Въ слѣдствіе этого отъ торскаго правленія „собранные конные и пѣшіе оружейные обыватели въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ нмѣ, запорожцемъ, поставлены“; въ лагерьъ запорожцевъ произошло какое-то замѣшательство и они „въ скоростн въ гору, по сухому торцу, въ свои жилища пошли“; за ними въ слѣдъ пошли бахмутскіе гусары и малороссійскіе козаки... Не скоро разъяснилось, что означали эти эволюціи и диверсіи храброй россійской арміи и славнаго низоваго войска, которое въ послѣдній разъ садилось на коней и бралось за сабли и ружья, но уже не противъ татаръ и ляховъ...

Гдѣ-то въ какомъ-то мѣстѣ торскій войсковой обыватель Канарха рассказывалъ, что 16 мая былъ онъ въ Барвинковой стѣнѣ, что при немъ асаулъ Федоръ Сербиновъ говорилъ, что „войсковой

¹⁾ Интересно прошлось этихъ 12 лицъ, объясненное на допросахъ: два пѣзъ нихъ были малороссійскіе козаки пѣзъ Гетманщины, пять человекъ подданные различныхъ типовъ войсковой старшины также пѣзъ Гетманщины; остальные были подданные изъ бывшей Слободской Украйны.

асвуль Гелехъ имѣеть быть съ 1500 запорожцевъ подѣ слободу Торь для разоренія обывателей и забора ихъ скота по Касоговъ валокъ, а отъ запорожцевъ Канарха слышалъ, что и спалено будетъ все по этотъ валокъ“.

Бѣлевскій купецъ Третьяковъ другую сказку изюмскимъ властямъ далъ: „быль-де онъ въ запорожской слободѣ Новоселкѣ, и ѣдучи изъ нея въ Торь, видѣлъ на пути, что шло запорожскихъ козаковъ при всемъ воинскомъ оружіи человекъ до 100 и болѣе, и при проѣздѣ... слободы Барвенковой стѣнки объѣхалъ оную..., но посланными изъ нея 2 запорожскими козаками возвращенъ и приведенъ въ паланку, гдѣ сауломъ Федоромъ Сербиновымъ за проѣздъ слободы отъ него истязанъ былъ, и намѣревалъ было битъ кіями, а потомъ, взявъ по 5 копѣекъ съ воза, отпустилъ... Въ Барвенковой-же стѣнкѣ завелъ его въ шинокъ знакомый козакъ, а тамъ шинкаръ говорилъ, что онъ былъ подѣ алексѣевской крѣпостію въ запорожской командѣ и при занятіи той крѣпости скота, какъ стали отнимать той крѣпости жители, то-де убили тѣхъ жителей до смерти человекъ 20... а отголъ якобы оная команда будетъ въ Торь..“.

Обѣ „сказки“ пошли по начальству и дошли до корпуснаго командира князя Прозоровскаго, а онъ, даже отъ 1 іюня 1775 г., изъ крѣпости александровской, утѣшалъ слободскую украинскую губернскую канцелярію, что онъ къ отвращенію „наглостей“ запорожскихъ не упуститъ взять мѣры, „по не знаю только, скромно добавлялъ, предъуспѣю-ли въ томъ..“.

Изюмская администрація была весьма смущена, когда запорожцы остановились лагеремъ не далеко отъ Тора, при Голой Долинѣ... Недоумѣвая, „для чего-бы такую смѣлость запорожскому войску на себя взять...“, она послала парочного — какого-то подпоручика Ерофѣева въ ближайшую Барвенкову паланку къ полковнику Кулику съ запросомъ, „по какимъ резонамъ все это дѣлается и причиняется безпокойство изюмскимъ землямъ“; по на этотъ запросъ никакого отвѣта не получено, а только полковой писарь Барвенковой паланки Иванъ Неживый далъ росписку въ полученіи бумаги отъ изюмскаго парочного... Тогда изюмская администрація, „въ отвращеніе опасностей“, кромѣ указанной уже жалобы командующему арміей князю Прозоровскому, сдѣлала распоряженіе „какъ въ г. Изюмѣ, такъ и

въ околичныхъ мѣстахъ отъ онихъ запорожцевъ имѣтъ крѣпкую предосторожность "... и гг. комендантамъ изюмскому, торскому и бахмутскому дать знать немедленно... и кромѣ того обо всѣхъ этихъ „своевольствахъ“ донести генераль-губернатору новороссійской губерніи Потемкину и слободско-украинскому губернатору Щербинину.

Оказалось, что всѣ эти тревоги и всѣ предпріятыя мѣры были уже излишни. 5 Іюня 1775 г. генераль Текелій положилъ конецъ существованію Сѣчи: многочисленное „ленькино вѣйско“, какъ выражается одна пѣсня, приводимая въ исторіи Новой Сѣчи Скальковскаго (т. III. стр. 201), заняло Кошъ безъ выстрѣла, и самое это занятіе оказалось совершенной неожиданностію для простодушныхъ запорожцевъ: многіе изъ нихъ были въ это время въ отлучкѣ, на ловлѣ рыбы и т. п., а въ самой Сѣчи даже часовые при артиллеріи спали...

Во время взятія Сѣчи Щербининъ находился за чѣмъ-то въ Москвѣ и еще 16 іюня, на основаніи полученныхъ свѣдѣній о движеніи запорожцевъ къ Тору, слалъ въ сенатъ представленіе, въ которомъ догадки изюмской администраціи о вѣроятныхъ умыслахъ запорожцевъ обращалъ уже въ несомнѣнные факты и въ послѣдній разъ просилъ сенатъ защитить пограничное населеніе отъ запорожскихъ „наглостей“.

Только уже въ предложеніи своемъ отъ 22 іюня Щербининъ извѣщалъ слободскую губернскую канцелярію о взятіи Сѣчи: „...надѣюсь... канцеляріи извѣстно, что Кошъ запорожскій совсѣмъ разрушенъ, и въ ономъ нынѣ находится съ войсками г. генераль-поручикъ и кавалеръ Текелій, уповаю... по повелѣніямъ его сія тельства, графа П. А. Румянцева...“. Въ корпусѣ Текелія, уничтожившемъ запорожскую Сѣчь, принимали между прочимъ участіе гусары трехъ слободско-украинскихъ гусарскихъ полковъ: ахтырскаго, харьковскаго и острожскаго.

Но и послѣ паденія Запорожья, по крайней мѣрѣ въ первое время, не прекращались жалобы пановъ—землевладѣльцевъ на сосѣднія села бывшей запорожской области: въ этомъ случаѣ споры шли по видимому главнымъ образомъ изъ-за лѣсныхъ угодій; бывшіе запорожскіе подданные рубили пограничные лѣса изюмскіе, ко-

торые они считали своей собственностію. Конечно, мѣстная администрація и теперь защищала изюмскихъ землевладѣльцевъ.

Такъ окончилась эта замѣчательная по своей стойкости, но бессильная борьба Запорожья за его предковскія земли. Она была вмѣстѣ борьбою за неприкосновенность началъ народной жизни, борьбою личной слободы противъ позорнаго порабощенія, свободной народной колонизаціи противъ обезземеленія народныхъ массъ, хищничества и „користовавья“ не многихъ,—свободнаго развитія народнаго труда противъ эксплуатаціи онаго классами привилегированными. Запорожье, не смотря на свои простыя и во многомъ уже отжившія формы, было въ то время единственнымъ носителемъ и защитникомъ лучшаго и болѣе справедливаго общественнаго и гражданскаго строя, чѣмъ тотъ, съ которымъ пришлось ему бороться и который къ чести нашего отечества потомъ отмѣнеиъ; по то, что составляло въ немъ простыя аксіомы жизни, и что вскорѣ, съ возрожденіемъ гуманизма въ Европѣ и у насъ, считалось уже высшими идеями, достояніемъ гениальныхъ умовъ, преслѣдовалось теперь, какъ не терпимое зло. Что до громаднхъ земельныхъ имѣній Запорожья, добытыхъ его кровію и сохранявшихся, какъ общенародное достояніе для будущаго обезпеченія и благосостоянія страны, они сдѣлались достояніемъ тѣхъ не многихъ, которыя не трудясь вошли въ чужое достояніе и которыхъ народная память подъ общимъ именемъ „пановъ енералозъ“ поставила въ слѣдъ за „панами ляхами“.

А. Шимановъ.

Разновидности марцѣпаннѣ и ганнусковой горѣлки.

(Окончаніе)¹⁾.

Способъ якъ водки дѣлать.

83. *Мастихина*.—Взять цинномону, гвоздиковъ, мушкатовой галки, каждого по два лота, мастиксу четырѣ лоты, шкурки помаранчевой лоть, горѣлки доброй три гарцѣ, в которой корѣнья намочить чрезъ сутки едны, потомъ перегнать и оцукровать.

84. *Росольсь*.—Взять цинномону, курдымону, калгану, мушкатового цвѣту, каждого по два лоты, галки мушкатовой три лоты, цитвару одинѣ лоть, ганусу четырѣ лоты, розмайрину, леванды, шавлѣи, василковъ, каждого по двѣ щипти, горѣлки доброй три гарцѣ, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

85. *Сердечная*.—Взять гвоздыковъ, мушкатового цвѣту, каждого по лоту, цинномону три лота, шкурокъ цитриновихъ свѣжихъ два лоты, калгану, цитвару, курдымону, воздого по полтора лота, василковъ, розмайрину, чербцѣ по лоту, горѣлки доброй полтора гарця, вина бѣлого полгарця, намочить чрезъ сутки и перегнать, потомъ, если можно имѣть, амбры и москусу, дѣлается-жь и безъ москусу и амбры, называется *имкомплета*, которую толео однимъ шафраномъ околоровать и оцукровать, и если имѣется эссенція амбре, крапель нѣсколко на цукрѣ до водки впусить, каждого по ползолотника в узлику намочить въ водцѣ, придавши шафрану мало, то буде aqua cordialis completa.

86. *Персика*.—Взять цвѣту бузынового двѣ-три горсти, мигдаловъ горкиихъ два лота, косточокъ обраннихъ бросковиннихъ и вишневиыхъ, каждого по четырѣ лоты, горѣлки доброй два гарцѣ, перегнать и оцукровать, мало намочивши.

¹⁾ См. сентябр. и октябр. кн. «Кіевской Старины» за 1883 г.

87. *Другій способъ дѣлать персику.*—Взять цвѣту бузынового лѣѣ горсти, косточокъ обратныхъ вишневиыхъ полфунта, горѣлки два гарцѣ, перегнать и оцукровать, будетъ персика подлѣйшая.

88. *Цинномоновя бѣлая.*—Взять цинномуу полфунта, курдымону лоть, шкурки помаранчевой два лоты, горѣлеп ганушковой доброй два гарця, вина полгарця, а можно и безъ вина, перегнать и оцукровать.

89. *Курдымоновя.*—Взять курдымону четверть фунта, калгану 5 лотовъ, горѣлки три гарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

90. *Помаранчевяя.*—Взять шкурки помаранчевой сухой полфунта, фѣлькового корени лотовъ шесть, горѣлки доброй три или четыре гарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

91. *Деревіовяя.*—Взять цвѣту деревіового, напримѣръ до пяти гарцевого алембыка пригорцей семъ или болшъ, всипать в дѣжку деревяную, налить воды и посолить немного солю, намочить такъ чрезъ двое сутокъ, потомъ висипавши в лембикъ перегнать, положивши на лѣйцѣ баволну чистую, чрезъ ней водка чтобъ ишла, в которой останется олѣекъ, которымъ можна якую хотя горѣлку блакитнимъ коліоромъ заправитъ.

92. *Водка цитриновя.*—Взять цитриновиыхъ свѣжихъ шкурокъ, помаранчевиыхъ, каждого по два лота, винарсу или водки доброй, когда здѣлается окрошъ и охолонетъ, влѣй олѣйку цедро треть или полъслоика, потомъ чрезъ бѣбулу предистилѣивать.

93. *Апоплетика.*—Взять бобковъ лотовъ 16, горчица лоть, кубебы лотовъ 6, курдымону лотовъ 8, мушкатного цвѣту лотовъ 8, галки лотовъ 8, цинномуу лотовъ 8, калгану лотовъ 12, перцю долгого лотовъ 12, цвѣту розмаринового лотовъ 12, квѣту левендового лотовъ 12, шавлен лотовъ 6, марину лотовъ 8, исоцу лотовъ 6, розмарину лотовъ 6, пивоніи корення лотовъ 16, пѣретри лотовъ 16, перегнать на конвалѣю, зъ мужавелкомъ конвалѣи треба фунтъ, а мужавелныку фунтъ.

94. *Алжирмесова.*—Взять корици 12 золотниковъ, гвоздиковъ 6 золотниковъ, мушкатнихъ орѣховъ 6 золотниковъ, калгану 6 золотниковъ, цитвару 6 золотниковъ, мушкатного цвѣту 6 золотниковъ, кубебы 6 золотниковъ, курдымону 6 золотниковъ, помаранчи 6 золотниковъ, рожи червоной четверть фунта, цвѣту леванды четверть фунта, розмарину полчетверти фунта, насипать двойною водкою, поставитъ в теплѣ на тиждень и перегнать.

95. *Россальсъ.*—Взять цвѣту рожевого два фунта, конвалѣевого 2 фунта, лѣгнумъ роди два фунта, цинномуу 2 фунта, корки лимонковой полфунта, анису полфунта, гвоздиковъ 4 золотники, намочить на три дни, а потомъ перегнати и заправлять, стовкши цукру, и в той цу-

коръ всипать ольйку лѣгнумъ роди 4 злотники, москусу ползолотника, и тое змешать зъ горьлкою, а потомъ заправить концѣнеллею.

96. *Наука, якъ дѣлать закуски рожніе дулевіе.*—Полушпн дулѣ; когда будутъ великіи, то наполю рѣзать, а будутъ мали, то цѣлкомъ, и розвѣвши ситу, переварить и зшумовать чисто, да помененіе полушпеніе дулѣ выдаты въ кипячую ситу и дать имъ часъ малій постоять въ горичой ситѣ, а потомъ поставитъ на огонь и дать разовъ зо три закипѣтъ крѣпко, потомъ выклавши з ситы, пождать, дабы з нихъ стекла сита, роскласти ихъ на решета и подситки и въ легкій духъ въ пѣчъ поставитъ, и буде гараздъ не затужавѣють, то можно и другій разъ въ пѣчъ поставитъ, толко не дать имъ похнуть.

97. *Дынь.*—Когда толко дынѣ потекутъ, чтобъ не поспѣли гараздъ, то полушпн, да повичищавши изъ середни, порѣзать на пматеи и взявши ванна толченого, персыпнать гараздъ и власти в суденце деревяне, и знову переспнать ванною-жъ, и дать имъ у ваннѣ сутки постояти, а на завтрашній день выбравши, в теплой водѣ переполоскаты разовъ зо три, начисто, да розвести ситу тепсю водою, и оную ситу переварить, и налить оніе дынѣ горячою ситою въ дѣжечки, и поставитъ в погребѣ на холодѣ, и дать имъ постоять дней пять, потомъ выбрать ихъ изъ ситы, и выбѣраючи ихъ витискать изъ нихъ ситу, и персваривши ситу, патоку изшумовать чисто, и оніе дынѣ выклавши въ патоку, поварить часъ, потомъ селастн въ глиняную поливяну посуду съ тоеюжъ патокою, и поставитъ на холодѣ, и когда постоять изъ мѣсяць, то выбравши изъ оной патоки, да въ другой чистой патоки по прежнему переваривши и поставитъ.

98. *Шпшшину.*—Нарвати шпшшны, обѣ Покровѣ пресвятой Богородици, порозрѣзовать на двое и вичищаты изъ середни, потомъ отваривши мало въ теплой водѣ, выбрать, да переваривши патоки, чисто изшумовать, и оніе шпшшны власти въ патоку переварену, и поты варить, поудова можно шпшшою пробить, а потомъ селастн в стеклянну или въ черешину поливяну посуду и поставитъ на холодѣ.

99. *Порьчки.*—Нарвавши порьчокъ, почиститъ изъ середни шпшшкою и взявши цукру, побить на шматки и селастн въ поливяну миску, да въ туюжъ миску и почищени порьчки къ цуеру вкидать, толко класти цукру, чтобъ было въ пору, до смаку, и смажить на жару потоль, поудова станеть на ихъ сирощ густій становитися, потомъ склавши въ поливяное суденце и поставитъ на холодѣ.

100. *Сокъ порьчній.*—Порьчки оборвавши, въ поливяну миску вкидать и воды къ нимъ ложокъ зо три всипать, и варить ихъ, а варячи втирать ложкою, а ябъ пустятъ изъ себе гараздъ сокъ, тогда высыпнать ихъ

на платъ бѣлій и выдавить изъ нихъ сокъ крѣпко на суденце, положивши въ сокъ тотъ патоки, и варить потоль, покуда сокъ густъ станетъ, и всплавши в суденце, поставитъ на холодѣ.

101. *Азреть*.—Нарвавши азресту въ Петровку, объ Іоанѣ, и повищитъ изъ середины насѣнныя, и кипяткомъ попаритъ, потомъ отцѣдивши оной азреть, толченимъ цукромъ пересипать крѣпко въ мѣдной пановцѣ непобѣлюваной и дать ему такъ переночевать, потомъ смажить на легкомъ жару дотоль, покуда на ему сиропъ станеть густій, тогда изсыпавши въ суденце, поставитъ на холодѣ.

102. *Сливи зеленіе уорки*.—Нарвать зеленыхъ сливъ вугорокъ, якъ толко почнутъ косточки въ нихъ твердѣи, то на томъ мѣстцѣ, гдѣ долина противъ косточки, розрѣзать и въ гарачій окрошъ кидать, и дать имъ прѣть потоль, покуда оная розрѣзка растулится, и когда стануть мягки, тогда выбрать и поставитъ, чтобъ прохолодали, в цѣнованныхъ полумисахъ, и сварить сиропъ мѣрній и простудить, да холоднымъ налить въ поливиномъ суденцѣ, поставитъ на холодѣ, а якъ постоятъ довольно и вберуть оной сиропъ у себе, что станеть рѣдокъ, тогда отцѣдивши зъ нихъ сиропъ и прибавитъ к нему цукру и приваритъ по прежнему, потомъ опять тотъ сиропъ простудивши холоднымъ оніе сливы налить.

103. *Лимоніи*.—Лимоніи свѣжіе или свѣжопросолніе порозрѣзовать и повищитъ, и водою холодною налить, и держать дній пять или шесть, а что день воду перемѣнять, и когда вымоютъ, то выбрать да здѣлать сиропъ изъ цукру, толкомъ чуть сладкость в немъ, и въкидать оніе лимоніи въ сиропъ и варить потоль, покуда стануть такъ мягки, чтобъ можно и соломиною пробить, потомъ выбравши зъ оногo сиропу и варить сиропъ средній, а якъ оніе лимоніи простыгнутъ, тогда другимъ тымъ сиропомъ насыпать холоднымъ-же, и поставитъ на холодномъ мѣстцѣ, да и что мѣсяцъ посматривать, и буде въ нихъ сиропъ станеть рѣдокъ, то отцѣжоватъ и прибавля цукру, тотъ сиропъ перевароватъ и насититъ холоднымъ же несколько разъ. На постніе марцѣпанны на фунтъ сахару положить три лоты мыгдаловъ и воды рожевой мало и толкти въ можжирѣ, пока якъ тѣсто станеть, а послѣ положить в шеляной можжирѣ и терти, чтобъ не схло тѣсто, и брать изъ можжира, и лѣпнть, что угодно, на форму и вирѣзовать пожемъ маленькимъ.

104. *На круліе марцѣпаны скоромніе*.—Положитъ на фунтъ сахару фунтъ мигдалей и еденъ бѣлокъ, и толкти въ можжирѣ, не очень перетовкивать, чтобъ крушно мигдали были, и лѣпнть круліе палянички, а послѣ подраť шпилькою на версѣ палянички.—На цукробродѣ на фунтъ сахару положить фунтъ муки и положить-же дванадцать лець, и особлво битъ жолтѣи, а

во бѣлки, и потомъ положить всѣ бѣлки и желтки вместо, и бить и сахаръ и муку, а потомъ наливать въ коробочки и ставить въ пѣчь.

106. *Тортъ мигдалнй какъ дѣлать.*—Фунтъ мигдалю, три четвертки сахару, тринадцать желтковъ, да яецъ десять совсѣмъ положить и толкти.

106. *Постель какъ дѣлать.*—Яблока пошекти, выхолодитъ, на подситокъ потерти и бить въ черешняной мисцѣ ложкою, а медъ особливо бить, на платъ наложить и пекти въ печкѣ.

Реестръ корѣннй, якъ много у яную водку идетъ корѣннй.

Водка мастика якъ робится.

	Лоты.
Алембикъ четыре гарца.	
Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4
Гвоздиковъ	2
Курдимону малого	2

Другая мастика.

Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4

Аноплектика якъ робится.

Горьлки оковитой гарцей воемъ, помаранчевой шкурки полтора фунта.

	Лоты.
Фяльевого корѣнни	12
Розмайрину	8
Циномону	8
Гвоздиковъ	4
Курдимону	4
Кубебы	6
Мушкатовой галки	4
Мушкатового цвѣту	3
Майрану	6
Аэру	1

Заправа аноплектики.—Цукоръ смажити въ розевои водцѣ, придавши анбры, якъ зерно перцево, а москусу трохи зъ цукромъ утерти.

Водка цефалѣка такъ робится.

Алембикъ гарцей пиягъ.

Циномону полфунта.

	Четв.
Имберу	1
Перцю бѣлого	1
Мушкатного цвѣту	1
Гвоздиковъ	1
Фіалкового кореня	1
Курдимону	1
Калгану	1
Бадяну	1
Розмайрину	1
Майрану	1
Конвалѣи	1
Калегры	1
Цитроновой шкурки	1
Мастыху полфунта.	
Цитвару	1
Чорнушеи	1
Цукоръ у крыничной водѣ варити.	

Водка александръ цытри такъ робится.—Алембикъ гарцей пять, цитроновой шкурки фунтъ стовети и намочити въ горѣлицѣ, пока будетъ жовтая, и перегнавши цукру три фунты въ винѣ, варити. Тоей-же цитроновой верхней шкурки обрѣзати, а мочити добре и на бѣбулу перепустити.

Водки опттерейсь.—Намочить восемь гарцей простой горѣлки, отваживши:

	Лоты.
Циномону	4
Курдимону	2
Калгану	3
Галки	2
Квѣту	1
Гвоздиковъ	2
Мастиксу	2
Розмайрану	4
Квѣту левендового	6
Шавлѣи	1
Рожи	3
Аеру	поллота
Мяты	1
Василевъ	1

	Лоты.
Кмѣну	1
Майрану	3
Помаранчѣ	6
Имберу	3
Кубебы	1
Бердицію	1

Водка елексъръ оптемаціонъ.—Намочить въ семи гарцехъ простой горьлки, отваживши:

	Лоты
Помаранчевой шкурки фунтовъ два.	
Цинномону	8
Курдимону	4
Калгану	5
Гвоздиковъ	7
Галки	4
Кубебы	4
Корѣнья фіялкового	9
Розмайрану	4
Асеру	поллота

Водка мастихина.—Намочить въ семи гарцехъ простой горьлки, зъгруба перетоввши и отваживши:

Цинномону	4
Гвоздиковъ	6
Квѣту албо галки	6
Мастысу	15

Толко мастысъ въ водцѣ рожевой вымочивши, потомъ до купы всыпати въ лембикъ.

Водка аплектика.—Въ семи гарцехъ простой горьлки вагою требуетъ:

	Лоты.
Цинномону	4
Курдимону	4
Калгану	3
Галки	3
Квѣту	1
Розмайрану	5
Маерану	3
Помаранчѣ	4
Кубебы	2
Бобковъ	5

Посторе робытса апоплектика скутечпйшсал.—Пралатныхъ зелій-бы наиболше розныхъ въ тѣиѣ насушивши и зваживши моцы ихъ, жебы одно другого не осылѣло, намочити, и перегнавши, до первой третину всыпать, или самую заживать, однакъ до всѣхъ тихъ водоекъ, з цукромъ воду уваривши крыничную, нѣчимъ не дхнучую, чистую, мѣшать часть четвертую, або ведлугъ своего употребленія.

Водки особливыхъ скутковъ.—Пижда з квѣтомъ Мати Божіей, влоского корення, шавлеи полной, корення петрупчаного и подорожникового, тое згруба перетовкти, або посѣкти и водкою вымочивши переігнать, потомъ до той-жѣ водки—кмѣну, циномону, имберу, перцю, гвоздиковъ, цвѣту, левандового кроцу, тое все намочитъ въ водцѣ простой на осмь дней, знову взяти калгану, кубебы, любысткового насѣннїа, шипигнарды, цвѣту мушкатного, люкреціи, перцю, струковъ, тое все згруба перетовкти зъ особна, толко-жѣ дней мочитъ, а перегнавши послѣднѣйшую переганяную зсыпать до первой.

Ширедіенци на крепительную водку належацие.—Стараксу три четвертки фунта, каляманды золотниковъ пятнадцать, филибулиного насѣннїа золотниковъ 15, циномону полфунта, корки лимонной полфунта, корки помаранчовой полфунта, мастиксу фунтъ, бурдимону четвертка, гвоздиковъ четвертка, цвѣту розевого фунтъ, галки фунтъ, цвѣту мушкатного полфунта.

Водки елекспрь цитры.—Алембикъ тридцатоквартнїй, насыпати горѣлки переганной, оковитой, безъ ганису, и цитрины сухой стоветки полтора фунта, сложити въ той и переігнати оную, а на заправу самой жовтой шкурки цитрины облупити, безъ бѣлка цитринового, фунтъ и въ тую воду вложити, абы мокла сутки, а потомъ цедре полъслопка въ сухій цукоръ вливши, добре стоветки, и москусу меньше ползолотника, а перецѣдивши водку, зъ тимъ змѣшати, также и изваривши въ винѣ волоскомъ, яко-бы фляшеѣ гарцевныхъ три было, цукру фунтовъ шесть, въ тую-жѣ водку всыпати.

Заправа на крепительную водку.—Амбры золотниковъ два, цедре слонкѣ полнїй, москусу ползолотника, цукру головъ три, уварити добре въ водѣ, въ небытности розеовой водки, а для коліору лридати конци-нелѣ, толко не збытне.

К о н ф е к т ы .

Конфектъ розаннїй.—Возми рожи одобранной и высѣянной фунтъ, цукру фунтовъ два, воды кварту, влїй воду на рынку, або на пановку, поставъ на огнѣ; якъ закипитъ, сыпъ рожу по пригорщѣ, а мѣшай

поты, пока кипѣвши будетъ мягкая, потомъ вложи цукру и смажь, пока устоится, а якъ простигнетъ, вложи въ сосудъ шклянній, посыпъ сверху цукромъ и сховай на потребу.

Агрестъ въ цукръ.—Возми агресту великого, выбери зъ него насѣнна и отважь фунтъ, налей его кипячою водою, потомъ отлій и вложи на рынку, пересипъ цукромъ товченымъ, которого дабы было фунтовъ два, нехай такъ стоитъ чрезъ ночь; на завтра смажь въ полномъ огнѣ.

Сунницъ въ цукръ.—Возми сунницъ посѣяныхъ фунтъ, придай цукру перетовченого фунтовъ два, влїй воды въ шклянку и смажь въ полномъ огнѣ.

Малины въ цукръ.—Возми малины фунтъ, цукру полтора фунта, смажь цукоръ, ажъ згустится, потомъ вложи малины и знову въ полномъ огнѣ, пока встоится.

Порѣчки въ цукръ.—Возми порѣчокъ, выбери зъ нихъ зерна, отважь фунтъ, вложи на рынку, придай цукру фунтовъ два безъ четверти, воды въ шклянку и смажь, пока устоится.

Вишня блїи черніе въ цукръ.—Возми вишень блїихъ albo чернихъ, повибирай съ нихъ костки, отважь фунтъ, налей ихъ горячою водою, потомъ отлій, придай цукру полтора фунта, воды изо три ложки, нехай такъ постоитъ, пока цукоръ росуется, потомъ смажь, пока загустѣетъ.

Морель въ цукре.—Возми морель не перездрѣлихъ и оскреби ихъ зъ верхней шкурки и повибирай костки, потомъ облий окропомъ, которїй отливши, придай до фунта цукру, поставъ чрезъ ночь, а назаутре смажь; тымъ же способомъ и бросивни смажить.

Орѣхи волоскіе не доспѣліе въ цукръ.—Возми орѣховъ волоскихъ не доспѣлихъ, сколько хочешъ, вложи въ горшокъ, налей воды и соли насыпъ, нехай такъ мокнуть чрезъ четыре дни; пятого дня отлій и налей иншой воды, чистой, безъ соли; якъ помокнуть чрезъ день, отлій тую, иншой насыпъ, чини такъ чрезъ сколько дней, два рази на день отливаючи воду, иншой наливаючи, жебы соль добре вїйшла; потомъ ихъ остружи зъ верхней шкурки и отвари, а якъ простигнуть, нашингуй ихъ гвоздиками и циномономъ, притомъ сколько важать, столько отважь въ двое цукру albo меду; если въ меду смажить, усмажь зъ цукру лѣлевъ; якъ простигнетъ, злїй его на орѣхи, нехай такъ стоитъ довила дни, а якъ зрѣднѣетъ, одлїй его знову, висмажь густо и простудивши налей; якъ сридиѣетъ, придай цукру трохи и смажь заразомъ зъ орѣхами, ведлугъ potrzeby; ежели хочешъ смажити въ меду, тымже способомъ поступи, якъ и в цукрѣ, еднакъ треба медъ рѣдко зъ водою переварити и процѣдити чрезъ платъ суконній, albo чрезъ густое полотно, потомъ

висмажь его, покн загуснетъ, и налій орѣхи разъ и другій, а за третимъ разомъ въкупѣ з орѣхами присмажити-жь.

Информация, какъ сливи зеленіе венгерскіе въ цукру смажити.—Наваривши венгерскихъ сливъ, когда уже суть великіе, но еще зеленіе, наколотъ всюду шпилькою и налить на нихъ чистой воды, и приставить чистой также воды к огню, чтобъ кипѣла, и якъ станетъ кипѣть, одлій холодную воду, и налить кипячою, и приставивши к огню, чтобъ кипѣли, покн ажъ скурочка пороспукнется; отставить отъ огню и прилить воды холодной въ ванву, чтобъ полна была, и вода чтобъ толко была якъ лѣтепло, и потомъ зваживши цукру противъ сливъ, такъ якъ противъ листа рожевого вдвое, придать до его толко воды, чтобъ моглъ смажитися, а когда уже почнетъ смажитися, влить воды столько, чтобъ моглъ окрономъ стать, и уже далее тотъ цукоръ варитися мѣетъ; здѣлавши тотъ сиропъ, шумовать, чтобъ отъ пѣни счистился, потомъ захолднвши, вложить сливи въ сито, чтобъ вода вси стекла, и винявши сливи, на конхъ шкурка потрескалася, вложить въ шклянніе сосуды или въ поливаній горщикъ, влить на нихъ холодного цуевого сироу и поставитъ, чтобъ такъ три днѣ стояло; потомъ отливши тотъ цукровій сиропъ, которій дуже рѣдкій станетъ, варить поты, покн загустѣетъ, и когда уже уварится, знову прилить холоднимъ оніе сливи и столько разъ повторать, отливаючи и приваруючи тотъ сиропъ, покн густъ станетъ; потомъ сливи съ тимъ сиропомъ до огня приставить, чтобъ толко пригрѣлися, потомъ захолдить и сковать; еще же при смаженню онихъ тое повинно обсервоватися, чтобъ коло нихъ нечистимъ ножемъ и руками не ходити и не прійматися, бо ежели кто нечпстъ около онихъ ходитъ, въ скоромъ часѣ псуются, что постерегши, треба знову цукоръ варити, шумовати и чистити отъ пѣни, и захолднвши прилптъ; такнже способомъ и вишни можно смажити: вмѣсто того, чтобъ такъ якъ сливи колоти иголкою, нарѣзать потроху, албо наколотъ и во всемъ такъ поступать, якъ зъ сливами, толко чтобъ не много варилися, еднакъ чтобъ еденъ разъ добре закипѣли, потомъ холодною водою налиты, чтобъ кипятокъ лѣтепломъ толко сталъ, на которіе цукру насыпати такъ, якъ о смаженню сливъ више указалось.

Водка росольсь такъ робится.—Цвѣту рожевого фунтовъ 2, конвалѣи фунтовъ 2, дерева лѣгнородіумъ фунтовъ 2, цинному полфунта, коры лимонной полфунта, коры помаранчевой полфунта, гвоздиковъ лотовъ два, а отваживши тое корѣннѣ, озми воды доброй двойной, и налій тое кореннѣ въ черепяномъ гладушу или въ алембику и затушеуй добре, тѣстомъ замажь и поставъ въ легкомъ духу, жебы двое сутокъ стояло, а якъ вйде тая пара, озми и всипъ тое моченое кореннѣ у водку; доспавши алембика, переганяй, добре цуекомъ заправъ, озми олѣйку

лѣгнородіумъ чотири золотники, утри зъ цукромъ добре въ можчирѣ, а утерши, озми тоей переганной водки, розведи тотъ въ можчирѣ цукоръ зъ олѣйкомъ и всиць у водку, москосу такъ тежъ два золотники зъ цукромъ ростерши, всиць у водку и закраси концѣнеллею.

Водка россолпсь гданская такъ робится.

	Лоты.
Курдимону	12
Цинномону	8
Галки мушкетной	2
Кубебы	2
Калгану	4
Гвоздиковъ	поллота
Помаранчѣ	4
Фіалкового кореня	4
Дерева лѣгнородіумъ	5
Костусъ арабицѣ	3

На сіе корення треба водки двойной полвѣдра перегнати на алембикъ, перегнавши взяти олѣйку цѣнномоного капель сорокъ, олѣйку лѣгнородіумъ капель пятьдесятъ, москосу пять зернятъ, якъ перцевое зерно, и ростерти зъ цукромъ канарскимъ въ можчирѣ и въ переганяную водку всицать и затушковати добре в сулѣи, поки ажъ в собѣ силу озметъ, и для колѣру заправить конценеллею.

Водка елексьрь цитры на три фляши.

	Лоты.
Помаранчѣ	6
Реумъ баумъ	3
Ганысу	4
Цитвару	6
Курдимону	3
Имберу	4
Маерану	7
Калгану	4
Смирны	1
Цвѣту левандового	4
Мушкательового	2
Къмену четверть золотника.	
Галѣосу полтора фунта.	

Водка мастихина.

Въ алембикъ двоухъ гарцей мастиксу	4
Цѣнномону	2

	Лоты.
Курдимону малого	1
Гвоздиковъ	1
Цвѣту мушкатного	2

Водка цинномонова такъ дѣлается.—Цинному полфунта, имберу лоть, моксусу три зерныта, якъ перцево зерно, три гарци двойной водки, рожевой воды гарнець, тое перегнати чрезъ алембикъ.

Реквизита до куркой горѣлки.

	Лоты.
Гвоздиковъ	1
Мушкатовой галки	1
Цвѣту	1
Цѣнномону	1
Кубебы	1
Бадяну	1
Калгану	1
Милчибогу	1
Кначибагу	1
Перцю	1
Имберу	поллота
Кмену	поллота
Табалану	1
Өйлкового кореня	1
Помаранчѣ	1
Курдимону	1
Бобоеъ	1
Чорнушки	1
Горчици	1
Смирны часточку и ладану херувимского, также и нашни всякой по часточцѣ.	
Алонзу	ЗОЛОТНИКЪ
Бѣлоеру	ЗОЛОТНИКЪ
Селѣтры чистой	ПОЛЛОТА

Все тое вкуше стовещи въ гарекъ шклянний та доброю горѣлкою ганусковою насыпать; в хлѣбъ замазавши, въ пѣчь ставити, чтобъ толко въ пѣчѣ було, якъ хлѣбу вниктися, а винявши съ печи, сцѣдити да вдругое налить горѣлкою, да въ пѣчь же встановити, таеже и въ третіе налить, тую сцѣдивши, и вкупѣ в едно судно змѣшати, да и кушать во здравіе.

Орѣхи свѣжіе.—Зрѣлыхъ самыхъ орѣховъ взять и побить, чтобъ ядра цѣли были, а бѣжи класти въ теплую воду; выбратъ съ воды, очистивши отъ нихъ кожу, унять класти въ теплую воду, чтобъ лѣтешло было; всѣ перечистивши, избратъ съ воды и покласть на салфетку, чтобъ вода стекла, здѣлать сиропъ, макая сахаръ в тугуляфную воду; какъ скипитъ четыре рази, то вснять орѣхи, по сиропу смотря, густо, съ полчаса варить ихъ, мешаячи, и избратъ ихъ съ сиропу, скласть въ стѣляную банку, а сиропъ поварить, пока станетъ очень густо, и такъ налить ихъ.

Взять черносливъ, кожу съ нихъ очистить и перерѣзать пополамъ, низать на пруточки и покласть въ латѣе, разситить ситы и уварить харашо, и такъ кипяткомъ облить и дать ночовати; на другой день роскласть на доски и поставить на дворѣ, чтобъ обвяли, послѣ роскласти на решето съ прутычками, поставить на ночь въ пѣчь, чтобъ болше завялились; на другой день, ежели не морзы, то поснимать съ прутычкова и смѣшавши толченого сахару съ корицею, пересипать въ банки, разъ наклавши, всякой пересылать.

Шампеныоны въ укусь.—Очистя ихъ сверху и въ серединѣ сыріе, сверху кожу содрать, чтобъ чисты были; которые маленькіе, тѣ цѣликомъ, а большіе перерѣзывать и отварить ихъ въ солоной водѣ, воду слить, а ихъ роскласти на решето, чтобъ очунь вода стекла; ежели есть крепкой укусь, то смѣшать пополамъ съ водою, и положи туды перцю и инберу, переварить, а ежели не крѣпкой укусь, то одинъ безъ воды, и скласть ихъ въ склянную банку, укусь простудитъ, какъ можно, въ склянное судно лить и такъ наложить.

Огурцы чтобъ были зеленіе въ укусь.—Переваривши вгурцы, сварить воду съ соллю, чтобъ довольно солона была, и оніе вгурцы скласть въ недуженной котолѣ, переложя укромомъ и отъ черной смородины листомъ, и налить означенною водою кипяткомъ, и обдать ихъ крѣпко, чтобъ такъ переночовали, на другой день избратъ съ оной воды и класть въ банки, перекладывая тимже листомъ; ежели крѣпкой укусь есть, то пополамъ съ водою смѣшать, а ежели не крѣпкой, то одинъ переварить и налить агурцы, сверху накласть листу поболше, чтобъ не слизлы.

Информацил.

1.

Прянички изъ мидалы: сахару фунтъ, муки фунтъ, яецъ пять, кардамону, корпцѣ, сколько потреба, воды рожевой три ложки, мидалю полфунта, выдавить формою и пспечь.

2.

Миндальнѣ коронки: миндаля фунтъ истолкти и къ товченію три ложки рожевой воды положить, послѣ тутже толченого сахару фунтъ и гораздо мелко вмѣстѣ столкти, и выложить на оловянное блюдо, и на жаровнѣ подсушить легко, покамнеть мѣсто горячее станеть, послѣ заохлодить и коронки подѣлавши, нѣчь.

3.

Сахарніе хлѣбцы: десять яецъ, сахару фунтъ, то вмѣстѣ съ полчаса колотить гораздо, чтобъ слѣнилось, третью четверть фунта муки въ оное положить и ложкою мало вымѣшать, въ жестяніе или бумажніе формы лить и такъ пекти въ легкомъ огнѣ.

4.

Круліе орѣшки: четыре яйца, фунтъ сахару, корення, корицы, хвехолу, мускатной галки, мускатового цвѣту, перцю и пшберу немного, муки, такъ здѣлать, какъ калачное тѣсто, круліе котешки здѣлать и испечь.

Цукоръ бротъ дѣлать нижеслѣдующимъ образомъ.—Взять яецъ 12, избить одини бѣлки и наготовить сахару фунтъ, а какъ станеть въ бѣлкахъ великая пѣна, то класть сахаръ понемногу и бить все, а какъ сахаръ увесь положится, то особливо избить желтковъ 11, потомъ положить въ бѣлки, бить вмѣстѣ, а какъ стануть всаковать пузырь, то чтобъ пѣчь готова была, и передъ тѣмъ не задолго, какъ пора пекти, положить муку надлежаще, чтобъ не густо и не очень рѣдко было, а какъ пора пекти, велѣтъ сковороду намазывать масломъ и лить цукоръ бротъ понемного на лещенки и посыпать сахаромъ сверху, а какъ спекутся, то свертовать трубочками и класти на сыто.

Шипшина.—Взять шипшину и вычистить и отважить фунтъ, а цукру полтора фунта, и зваривши сиропъ, чтобъ не весьма густъ былъ, а помянутую шипшину фунтъ опаривши кипяткомъ огропомъ и положить въ кипячій сиропъ, и смажить, покуда густъ сиропъ станеть и шипшина усмажится, а на другой день сколько надобно, сварить сиропу весьма густо и прилить.

Паску или булки.—Масла кубокъ, желтковъ, яецъ—кубокъ сиченого солодкого меду, не твердого шафрану, дрожчей, и вчпнивши, скоро зойдетъ, заразъ мѣситъ, а якъ мѣсити, то положить галки, цинномуу и цукру, а мѣсити слабо, а не туго, а масла хочай меньше отъ показанной мѣры положить, только съ соли спустить, а якъ сажать булки въ пѣчь, то желтками примазать.

Булки съ сыромъ.—Взять 8 яецъ и кубокъ запары, и учинить такъ, якъ обыкновенное тѣсто, а якъ станеть сходить, то взявши свѣжого сыра грудку, и ростерти мяеко, такъ якъ сметана, и вложить и побить, когда-жъ уже будетъ время тѣсто мѣсить, то вложити три яйцѣ и кубокъ масла, а когда-жъ въ пѣчь сажать, то помазать яйцемъ розбитымъ.

Булки зъ горохомъ.—Сварить горохъ и процѣдить, и взять гороху кубковъ четыре, а запары кубковъ пять, и учинить якъ надобно, а когда уже треба будетъ тѣсто мѣсить, то положить масла или олен, сколько надобно, а когда надобно въ скоромнїе булки и яецъ, то положить, сколько-жъ надобно.

На водку унгарскую.—Взять майрану и цвѣту левандового по 28 золотниковъ, мушкатного цвѣту 24 золотника, корѣннѣя неонїеваго, розмарина по 12 золотниковъ, столетн и положить въ алембикъ, и налить простого вина три четвертнихъ и послѣ трехъ нощенствъ перегнать, и будетъ противъ заморской унгарской водки.

На булки миндалинѣ.—Возми миндаловъ фунтъ сденъ, муки рожевой четверть фунта, цукру полфунта, кордимону лотъ, водки рожевой, сколько треба, зроби тѣсто и ведлугъ формы владн на оплатокъ, цукромъ веру посыпаючи, сажай въ пѣчь.

Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в.

Эти два памятника южно-русской письменности, безъ преувеличенія, можно назвать чрезвычайно и величайшею рѣдкостію въ своемъ родѣ. Интерлюдіи и интермедіи дошли до насъ лишь отъ XVIII в.; существовали онѣ и въ XVII ст., но самыя раннія и не ясныя указанія на это не восходятъ раньше 1629 г., здѣсь-же мы имѣемъ самыя памятники этого рода еще болѣе ранняго времени, въ числѣ двухъ. Они сохранились въ польской транскрипціи у извѣстнаго польскаго писателя I. Крашевскаго, намъ-же сообщилъ ихъ уважаемый изслѣдователь нашей старины г. М. Т—въ. Первоначально обѣ интермедіи помѣщены въ древнемъ изданіи слѣдующаго заглавія: „Tragedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzcziciela, Przesłańca Bozego. Na pięć aktów rozdzielony. Przydane są y intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gawattowicza Leopolite, nauk wyzwolonych y Philozophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadający na dzień tegosz Jana swiętego Chrzcziciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmieściu jaworowskiem u s. Mikołaiа, 4° kart nieliczbow: F ij“ (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, Посланника Божія, въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, учителемъ свободныхъ наукъ и философіи во Львовѣ. Представлена была въ Каменѣ на ярмаркѣ, въ день того-же св. Іоанна Крестителя, 1619 г., а печатана у св. Миколая на предмѣстьѣ Яворовскомъ. 4° л., не нумерованныхъ стр.)¹⁾. Уцѣлѣло-ли это изданіе и гдѣ оно хранится, и съ него-ли списывалъ Крашевскій, или съ какой-либо рукописи,—свѣдѣній объ этомъ намъ не сообщено. Судя по приведенному заглавію изданія, трагедія вѣроятно была написана по польски и другимъ авторомъ, интермедіи-же Гаватто-

¹⁾ Опредѣлить число страницъ, по не ясности знаковъ, не можемъ.

вича присоединены приспособительно ко вкусу народа. Кто издатель книжки, неизвѣстно, но издана она во Львовѣ и вѣроятно въ томъ же году, въ которомъ играна трагедія, хотя сама трагедія и интермедіи могли быть написаны и раньше.

Помѣщаемыя теперь нами въ русской транскрипціи интермедіи какъ по содержанію, такъ и по приѣмамъ ихъ сложенія, имѣютъ большое сходство съ тѣми интермедіями, прототипами которыхъ они служили и которыя въ XVIII вѣкѣ слагались профессорами кіево-могилянскои академіи (Митрофаномъ Довгалевскимъ, Гергіемъ Конисскимъ и др.); по существенно отличаются отъ нихъ тоническимъ размѣромъ стиха. Въ нихъ, какъ и послѣдующихъ интермедіяхъ, выводятся на сцену простолюдины, которые говорятъ „слогомъ простымъ, деревенскимъ мужицкимъ“ („Піитина“ М. Довгалевскаго 1736—1737 г)¹⁾, равно воспроизводится какой-нибудь потѣшный, анекдотическій эпизодъ, не рѣдко заимствованный изъ области чисто народныхъ побасенокъ.

Содержаніе первой изъ нашихъ интермедій такое: (го)сподарь, или какой-то сельскій хозяинъ *Стецько*, состоятельный, но наивный и простой, идетъ изъ ярмарки домой, накупивъ тамъ горшковъ. Къ нему подходит хитрый *Климко*, спрашиваетъ Стецька о его состоятельности и изъявляетъ охоту пойти къ нему въ услуженіе; тотъ обѣщаетъ хорошо кормить его, а этотъ рекомендуетъ себя, какъ ловкаго охотника-звѣролова, въ доказательство чего показываетъ мѣшокъ съ пойманною будто-бы имъ въ лѣсу лисицею, которую и предлагаетъ купить своему будущему хозяину. Между тѣмъ въ мѣшкѣ былъ котъ и простодушный Стецько, не подозрѣвая обмана и не видя предмета своей купли, *торкуетъ kota въ мшыку*. Постѣ усиленнаго торга сошлись на 4-хъ грошахъ. Неповоротливый Стецько долго возится съ мѣшкомъ, что-бы развязать его и полюбоваться своею покупкою, а ловкій Климко тѣмъ временемъ незамѣтно ускользаетъ, захвативъ съ собою Стецьковы горшки и сукманъ. Наконецъ Стецько открываетъ мѣшокъ, но котъ мгновенно выскакиваетъ изъ него и убѣгаетъ въ поле. Обманутый Стецько разводитъ руками и плачется о своей потерѣ; но тутъ къ нему снова подхо-

¹⁾ Смотр. «Очерки изъ исторіи украинск. литературы XVIII в.», П. Петрова.

дѣтъ Климко, переодѣтый уже въ другое платье, кладетъ въ сторонѣ горшки Стецьковы, прикрываетъ ихъ его-же сукманомъ и подъ видомъ сторонняго человѣка спрашиваетъ Стецька о его бѣдѣ, изъявляетъ готовность отыскать обманщика и увѣряетъ, что послѣдній спрятался гдѣ либо въ травѣ. Начинаются поиски. Климко указываетъ на сукманъ, увѣряетъ, что-то лежитъ обманщикъ и подзадориваетъ Стецька побить его. Довѣрчивый Стецько беретъ палку и начинаетъ колотить воображаемаго врага, но разбиваетъ только собственные горшки. Заслышавъ трескъ горшковъ и увидѣвъ новлй свой обманъ, онъ съ плачемъ уходитъ жаловаться пану; а скрывшійся отъ него Климко, являясь предъ зрителями, хвастается тѣмъ, что ему удалось дважды обмануть простака и идетъ искать другую жертву для обмана. Народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй kota въ мѣшкѣ, не довѣрайся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Таіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ.

Еще народнѣе по содержанію другая интермедія Гаваттовича, сюжетъ которой таковъ: два мужика, торгующіе волами, Максимъ и Грицько, обыватели с. *Городка*, продали на ярмаркѣ¹⁾ воловъ и возвращаются домой. Къ нимъ присоединяется Динисъ изъ Каменца-Подольскаго. Дорогой всѣ они проголодались, а хлѣба ни у кого ни куска. Вдругъ слышатъ запахъ пирога, начинаютъ искать и находятъ, но всего одинъ. Какъ троимъ дѣлиться однимъ пирогомъ? Хитрый Динисъ предлагаетъ товарищамъ лечь спать и кому приснится наилучшій сонъ, тому и достанется пирогъ. Предложеніе принято; Максимъ и Грицько ложатся спать, а Динисъ украдкой съѣдаетъ пирогъ и вскорѣ будитъ товарищевъ, приглашая ихъ разсказать, кто во снѣ что видѣлъ. Максимъ передаетъ, что снилось ему, будто онъ былъ на небѣ, видѣлъ тамъ святыхъ и самаго Бога, участвовалъ въ небесной трапезѣ, на которой было все, что лучшаго употребляютъ люди на землѣ. Грицько напротивъ разсказываетъ, что снился ему адъ и муки адскія, которыя и онъ терпѣлъ. Хитроумный Динисъ такъ сказалъ обоимъ: былъ и я на

¹⁾ Въ м. *Камень*, гдѣ была ярмарка и самая интермедія. — Не будетъ-ли это нынѣшняя *Струмилова-Каменка*, мѣстечко въ Галиціи. въ Жолковскомъ деканатѣ. при зап. Бугѣ, къ востоку отъ м. Жолквы?.

небѣ, поднялъ меня туда во снѣ ангель, взявъ за волосы; видѣлъ я, какъ ты, Максимъ, ѣлъ до сыта за трапезой Господней, и просилъ у тебя хоть кусокъ чего, а ты говорилъ: да тамъ пирогъ, и ангель сказалъ: не надо; видѣлъ и тебя, Грицько, въ мукахъ пекельныхъ, и ты еще кричалъ: не увидишь меня больше, на вѣчныя муки осужденъ, возьми и съѣшь пирогъ... а ангель снова поставилъ меня тутъ, ну... я и съѣлъ пирогъ. Обманутые Максимъ и Грицько прогоняютъ „до біса“ Диниса, а онъ прикидывается, будто не понимаетъ причины ихъ неудовольствія: „ось біда; сами пирігъ зысти казали, та ся ростгивали!“ Тѣ выходятъ изъ терпѣнія и гоняются за шутникомъ, а онъ отъ нихъ убѣгаетъ.—Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и козакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскіихъ этнографическихъ сборниковъ.

Въ обѣихъ интермедіяхъ насъ можетъ интересовать сколько ихъ форма и содержаніе, съ ярко выступающимъ народнымъ міросозерцаніемъ и бытовыми чертами того времени, столько-же и размѣръ стиха и фонетическія и лексическія особенности языка. Здѣсь мы видимъ смѣшеніе метрическаго сложенія и силлаба: первые два стиха близки къ размѣру народныхъ пѣсень; далѣе идетъ хорей, смѣняющійся по мѣстамъ силлабомъ; каждая строфа дѣлится на двѣ части, оканчивающіяся римами, каждая часть строфы за немногими исключеніями даетъ четырехстопный хорей. Въ эту мѣрку втискиваются вопросы одного и отвѣты другаго лица съ нарушеніемъ строфъ обыкновенныхъ, потому принятый размѣръ дается автору не легко, выдерживается съ трудомъ и ведетъ его къ частымъ нарушеніямъ въ удареніяхъ. Было-бы ошибочно считать за имитованіемъ словъ польскихъ и сокращеніями въ духѣ польскаго языка то, что не подходитъ къ нашему украинскому говору,—оно живетъ и теперь въ народномъ галицкомъ говорѣ. Впрочемъ всѣ вопросы о размѣрѣ стиха и языка интермедій предоставляемъ разрѣшить специалистамъ-филологамъ, какъ и вообще опредѣлить по достоинству этотъ рѣдкій памятникъ южно-русской письменности начала XVII в., мы-же дѣлаемъ лишь бѣглую замѣтку для облегченія первоначальнаго съ нимъ ознакомленія.

Быль-ли авторъ интермедій Гаватовичъ русинъ или полякъ, сказать не можемъ; но несомнѣнно, что онъ хорошо зналъ языкъ

народный и старался въ возможно болѣе чистомъ видѣ вложить его въ уста дѣйствующихъ въ его интермедіяхъ лицъ. При всемъ томъ языкъ Гаваттовича не болѣе близокъ въ простонародной рѣчи даннаго мѣста и времени, какъ и языкъ Довгалевскаго и Ковисскаго. Ученые схоласты XVII—XVIII вв. вообще пренебрежительно относились къ народной рѣчи, а потому они не были въ состояніи воспроизвести совершенно вѣрные ея образцы. Тѣмъ не менѣе языкъ помѣщаемыхъ интермедій представляетъ любопытнѣйшій матеріалъ для филологовъ какъ по множеству особенностей и отличій мѣстнаго галицкаго говора, сохранившихся и понинѣ, такъ и по обилію слѣдовъ и формъ архаическихъ. Допуская, что онъ могъ пострадать отъ польской транскрипціи, слѣды которой чувствуются и въ нашемъ спискѣ, замѣтимъ однако, что совершенно таковъ языкъ судебныхъ актовъ южно-русскихъ XVI—XII вв. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ личныхъ показаніяхъ свидѣтелей или потерпѣвшихъ, сильно пробивается наружу изъ подъ канцелярской оболочки живая народная рѣчь.

—————

Intermedium po akcie wtorem. (Интермедія послѣ втораго дѣйствія).

Persony: Klimko z garcamì. Stecko kòta w worce na na grzbiecie.
(Лица: Климко съ горшками, Стецько держитъ на спинѣ котла въ мѣшкѣ).

Климко. Що ты тутъ, побратиме, собі порабляешь?

Кажи мині, якъ живешь, та и якъ ся маешь?

Стецько. Я тутъ не роблю ничего. Осъ иду до дому своего

Та и зъ тоіеми горшками, якъ зъ своими сусідами.

Климко. Та на що такъ много маешь?—либой на жонку кидашь?

Стецько. На що? Чи хочешъ вірити, що люблю хороше жити,

Всѣго достатекъ варити кажу, та ся не курчити, ¹⁾

Такъ яко приналежаетъ сподарови, що все маеть.

Климко. Бохмесь, чоловікъ хорошій. Либой маешь много гроши

¹⁾ *Курчитися*, польск. kurczyć się, — корчиться; въ переносномъ значеніи скарелничать, скупаться.

Стецько. Та що маю? *Кл.* Та дожитокъ. *Ст.* Маю тотъ на полю
вшитокъ.

Суть тамо овци, бараны, котроми частую паны;
Суть волы, та й коровы,—все маю, коли-мъ здоровый.

Климко. Та и много поля маешь? *Стецько.* Маю,—та що такъ питаешь?

Климко. Бо хочу тобі служити, зъ тобою вікъ провадити.

Стецько. Коли хочешь, гараздъ служи, хоть си и шинкаркомъ дужи.
Коли пінізи маемо,—все мы тое поплатимо,

Лише хоць вірне служити. *Климко.* Кажы-жь, що будешъ
варити

Для мене. *Ст.* Хоть видишь горшковъ много, що-мъ до
дому свого

Тутъ покунивъ на ярмирку,—купишемъ и тую мірку,
Що будемъ собі зъ ней пити,—та питаешь, що варити
Буду? Осъ въ тоімъ борщика, въ тоімъ яглы до молока;
Коли рыбы достанемо, въ тоімъ горщику зваремо,
А въ тоімъ ся зварить тісто, въ тоімъ короны розписто,
Въ тоімъ капусту густою, въ тоімъ розпустимо лою,
До гороху, оттакъ знаншь, та и пироговъ ся наиншь;
Въ горшку ихъ поваремо, та и въ тимъ шпирокъ насмажемо.
Та що бысь хотівъ иншого? Що маемъ, наваримъ много.

Климко. Бог-ме, я буду служити, коли такъ схочешь варити.

Та же ся хороше маешь. *Стецько.* Та ты що робити знаешь?
Кажы, що бы-мъ слугу свого знавъ, та ласкавъ бывъ на ніюго.

Климко. Я чоловікъ все робити знаю, та волки ловити,
Що бы овецъ не псовали, та быдла не розганяли.
И иншого зверя много достану осъ зъ ліса того.
Лисицю, що-мъ имью, несу, та за длузь ю понесу.

Стецько. Того слуги потребую—та южь ся тобі радую;
Будешъ-же ся гараздъ мати, та борзо хочъ прибивати.

Климко. Гараздъ. Та ты звірка того куши, дамъ іего не дрого.
Будешъ до тей шапки мати. *Стецько.* Коли бы го огледати?

Климко. Пище быстрый, теперь зъ ліса, утюкъ-бы мені до біса.
Дома іого оглядаешь, гей-же хорошій—пузнаешь.

Стецько. Якъ іого шацуешь собі? *Климко.* За шість осмаковъ дамъ тобі.

Стецько. Вельми зацінивъ-єсь много. *Климко.* Кажы, що дашь, дамъ
не дрого.

Стецько. Три осмаки возьми собі. *Кл.* Дай пять. *Ст.* Не дамъ.
Кл. Жпчу тобі.

Стецько. Много. *Кл.* А хочешъ купити—чотыри. та будемъ жити
Собі, лише длухъ однесу, та горшки те то попесу
За тобою. *Стецько.* Еще много хочешъ. *Климко.* Та, Бог-ме,
не дрого,

Такъ бо емъ я виненъ сила, коли-жь-мо тамъ въ корчмі пила.

Стецько. Вери-жь южь чотыри гроши, та ся верни якъ хорошій.

Климко. Гараздъ, и зъ міхомъ zostавлю, та не вельми ся забавлю.

*Tu odchodzi Klimko, a Stecko oglądaie lisicę. (Тутъ Климко уходитъ,
а Стецько принимается смотреть лисицу).*

Стецько. Осмотру тую лисицю, чи будетъ нидъ рукавицю,

(Kot usiekaie — Котъ уходитъ).

Та и нудъ шапку красцы(п)ко. Відна-жь моя головонько!

Ось, ось мене грошей збавивъ, лихъ чоловікъ міхъ zostавивъ.

Ось kota въ міху купивъ-ємъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-ємъ,

И-же у тотъ міхъ не глядывъ-ємъ, та що въ нимъ не осмотривъ-ємъ?

О, бісу твоей матери! Кажуть, не каждому вери.

*Szuka garnkow, szuka sukni, którą położył na garnkach. (Ищетъ
горшковъ, ищетъ одежи, которую положилъ на горшкахъ).*

Та и горшки либой пукраль. Ось матінко, що-мъ я выграль

На тому лихямъ ярмирку! Бісь взявъ изъ горшками мірку

И сукни либой не маю. Що ма-мъ діяти—не знаю.

Відна-жь моя головонько! О, несчастная-жь матонько,

Щось мя на світъ народила, що-мъ такъ нинка стративъ сила.

*Przychodzie, przebrawszy się w inną suknię, a garnce położy gdzie
(indziej) у przykryje jego suknią, та траву potrzysie. (Приходить,
переодѣвшись въ другое платье, а горшки кладетъ въ другомъ мѣстѣ и
прикрываетъ ихъ ею одежею и притрушиваетъ травою).*

Климко. Та що, побратиме, тобі? *Стецько.* Чи жартуєшь зъ мене собі?

Наробивши та не знаєшь? Горшки укравъ та питаєшь?

И сукману... та и зрадилъ мене въ торгу: kota-сь всадилъ

Въ міхъ, та-же лисицу маєшь, казавъ-сеє, що ю продаєшь,
Тою-мъ я заплатилъ тобі, а того-мъ не змислялъ собі,
Що я-мъ въ тотъ міхъ не заглядівъ, а тыєь пришолю, що
бысь швидивъ,

И ще, що ми єсть, питаєшь, та ся зъ мене насмѣваєшь.

Климко. Та що ты на мене кладєшь? Що-мъ ся тутъ натрапилъ, радъ єєь.
Не мамъ кимъ освядчити, що й сміль то на мене вложити.

Стецько. Якъ тебе зовуть?—питаю. *Климко.* Климко. *Стецько.* О,
того пе знаю,

Якъ здрайцу зовуть тамъ того, та бо шанка власна іого,
Та для того-мъ гадавъ собі, що онъ, тамъ тотъ мовилъ тобі.
Прошу-жъ, пробачъ вину тую. *Климко.* Милый брате, я
зъ тобою,

Та якъ кажєшь, шо ты здрадивъ,—кота впередъ въ тотъ
міхъ всадивъ?

Стецько. Ой, такъ. *Кл.* Та и пукраль гроши? *Ст.* Пукраль. *Кл.* Чло-
вікъ не хорошій.

Та и мівъ служити тобі? *Ст.* Мівъ. *Кл.* Зъ грошами пойшолю собі?

Стецько. Такъ, брате. *Кл.* То й горшки украль? *Ст.* Такъ. *Кл.* Та-сь
ты іого не шукаль?

Стецько. Нітъ, бо ся ты натрапилєсь. *Кл.* Теперь-то? *Ст.* Теперь.
Кл. Зблудилєсь!

А хочєшь мині вірити? Здаєть-ми ся, що-мъ міль видіти
Теперь чоловіка того, що міль горшковъ вельми много.

Тотъ либой. *Ст.* Либой. *Кл.* Сукману, що тобі благому пану
Либой взявъ, пієь на палиці, та собі лігъ на травиці.

О Бугъ-ме тотъ, бо шарая сукмана была такая.

Стецько. Такая, такая. *Климко.* Чи хочєнь ми вірити.

Коли-ць того покажу, не хочъ го живити.

Ось лежить! А тотъ?.. *Стецько.* Тотъ, тотъ! *Климко.* Ну-жъ,
тою палицю

Гараздъ іого по хребті, же змажєть травицю

Пасокою. *Стецько.* О, буду-жъ іого шмаровати!

Мусєть мині и горшки и все поврацати.

Та якъ мудрый накрывъ ся, ось видишь, травою,

Що бы не згидино. *Климко*. Бий кріпко, та свою
Сукману и все побери, а його въ світі не дери.

To Stecko, zakasawszy sobi ręce, (bije) w garce, a Klimko ucieka. (Климко, закачивъ рукава, бьетъ по горшкамъ, а Стецко убѣгаетъ).

Стецько. О, матіонко, матіонко! теперь-же ми лихо.

Чи бісь, чи лихъ чоловікъ управиль мене тихо

Въ то нестестіе велике, що-мъ убоство свое

Потолкъ, въ нивочъ обратилъ ти горшки мое.

Що ся діять? Чи Богъ то милостю справити

Хотилъ такое річи на мене пустити,

Чи лихіи люде? О, Боже милостивый!

Коли-жъ бы ся тотъ трапилъ чоловікъ зрадливый,

Що ми такое річи, ось пане, наброилъ,

Пузналъ бы, якъ-бы-мъ дивы коло ніего строилъ...

Возму жъ претя тую сукману, піду ся скарити пану.

Odchodzi Stecko, a Klimko przychodzi, śmiejąc się. (Уходитъ Стецко, приходитъ Климко, смѣясь).

Га, га, га, га, га, га, га! двократъ одного

Чоловіка-мъ ошукавъ, признамъ ся до того.

Тотъ нанъ, що знаеть въ світі гараздъ махліювати.

Пойду ище та знайду, кого ошукати.

Интермедія вторая послѣ 3-го дѣйствія.

(Intermedium drugie po akcji trzecim).

Persony: Maxim, Rycko, Dynis. — Wołowscowie. (Лица: Максимъ, Грицько, Денисъ — торгуюціе волами).

Максимъ. Идимъ-же, брате, южъ въ тою, що идемо, дорогою,

Колись-мо южъ сторговали, та и вси волы продали

На тоимъ лихимъ ярмарку. Не будемъ больше шарварку

По тоихъ волахъ робити, лишне на флісі¹⁾ служити.

Грицько. Лишне, брате, я зъ тобою иду, ты иди зо мною.

¹⁾ *Фли* ъ, польск. *flis*, navigatio fluvitatis, гонка плотовъ или рѣчныхъ судовъ.

Динисъ. Эй, побратимове, стойте, та ще говору почувите.
 Далекъ идете?—кажите, та зъ собою ме возьмите.
 Помагай Богъ вамъ. *Гр.* Здоровый будь, та короткими словы
 Кажи, о що питаемо, та якъ тебе звати маемо.

Динисъ. Я-мъ зъ Камінця Подольского, пришолъ до містечка того
 На ярмарокъ зъ воли, та Динисъ істемъ. *Мак.* Та бісъ ти
 тутъ принісь.

А мы вудъ Городка—знаешъ? *Дин.* Знаю. *Макс.* Далекъ
 пойти маешъ?

Динисъ. Ось ко бы ся зъ кимъ трапило, що бы насъ хотъ зе три было.
 Ишолъ бы-мъ на флісь. *Гр.* Иди-жъ зъ нами, та мы идемъ
 отъ дваи самы.

Динисъ. О слава-жъ Господу Богу, шо-мъ знашолъ въ тую дорогу
 Товариство хорошее. Ось насъ будетъ теперъ трое.

Postępnij troche, a Dynis pyta ich o chleb. (Подаются немною впередъ,
 а Денисъ спрашиваетъ, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба).

Ой, братіонкове, слушайте, та що мині істи дайте,
 Забывъ-смъ хлѣба купити, безъ котрого трудно жити.

Максимъ. Эй, брате, и я не маю. Грицю, ты маешъ, я знаю.

Грицько. Та ты хлѣба не купивъ-есь? Отъ такъ собі нарядивъ-есь!
 Та я-мъ се на тебе спустиль, шо-сь ты хлѣба купити міль.

Максимъ. Та що будемо чинити, либой придетъ глодъ терпіти.
 А вельми ся хочетъ істи, шо-сь не купилъ тожесъ чистый.

Postępnij dalej, Dynis znówi poszuje pirogi. (Подвижаются далье.
 Денисъ вновь слышитъ запахъ пирога).

Максимъ. О, пахнуть! *Гр.* Пахнуть. *Дин.* Шукаймо, та говорити
 престаньмо.

А якъ дастъ Богъ, тутъ знайдемо, то ся вси три поделимо.
 Та ось пирухъ на травицы, бувъ либой вирісь зъ землицы.
 О, слава тобі, Господи! О минутъ насъ теперъ глоды,
 Коли бульше достанемо. *Максимъ.* Любой юже не знайдемо.
 Та що ту есть за травая, що родить пироги тая.

Ось ище будуть пироги, коли ся вернемъ зъ дороги.

Будемъ тою траву знати, та тутъ пироги искати,

Грицько. А зъ тимъ що будемъ чинити? Любой ся придетъ ділити.

Динисъ. Хотъ ся ділити схочемо, претя се вси не наймо.

Насъ три, а тотъ пирогъ малый. *Максимъ.* Та хотъ-бы
одинъ збілъ цалый,

Кривда-бы засъ иншимъ была, бось-мы го всі три згледяли.

Грицько. Вятъ ся ділити будемо. *Динисъ.* А коли такъ учинимо—

Котрому ся що лишого приснять, будетъ пирогъ його.

Максимъ. Гараздъ, гараздъ! *Грицько.* Вятъ лягаймо, та вси три по-
засыпаймо.

Динисъ. А тотъ пирогъ нехъ тутъ буде, внакъ же ту не украдуть
люде.

Pokładaj sie, a Dynis wstawszy pyrog zię y ukladzie sie, w tym ich budzit.
(*Укладываються, а Денисъ, поднятись, петь пирогъ и укладывается, а*
потомъ будить ихъ).

Максимъ. Гей, брати, я-мъ въ небі бывъ. Гей, тежъ ся тамъ хороше
мівъ.

Гей, гей, тожъ трудно сказати, що-мъ я тамъ могль огледати.

Та тотъ небо, якъ золотый замокъ, що такой работы

Въ світі-мъ не видалъ красное. Муры мѣть золотое

Та каменями сажене дорогими: суть зелене,

Суть білые, червленое, суть блакитне та світное.

Та и мусть тамъ есть золотый. Та и собі передъ вроты

Стою, ажъ тамъ выкрикають ангели, ти же співають

Хороше. Та святыхъ много стоить вельми; ось я того

Въ небі ся тамъ насмотрилемъ и Господа тамъ виділемъ

Бога, якъ седить за столомъ, а всі бьютъ передъ нимъ чоломъ.

Та ся и всі такъ жегнають, якъ мы въ церкви, та співають.

Потимъ Богъ Господь носити істи казаль, та служити.

Що живое ея рушило. Отъ братя, тотъ ея ми снило!

Динисъ. То южъ ці все выповідить? *Максимъ.* Ище; бо-мъ тамъ
внетъ зеглідивъ

Що погравы принесено, та й мене за столь всажено.
 Гей, было жъ, было жъ тамъ много істи! Не пребачу того.
 Было мясо, поросята; были печепи курчата.
 Было тамъ и вареное, та было и смаженое.
 Все хорошо, и зъ юшкою білою, та и жолтою.
 И тісто было варене, смажоне та и печене,
 И пироги тамо были, та и борщика зварили
 Та была и капустаая, и горохъ, была кашая
 Та была тамъ и ботвина, и вшелякая зверина.
 Отъ такъ ся я въ небі мілемъ, на банкеті що тамъ
 былемъ.

Грицько. Та я, братонку, въ пеклі бувъ. Ой тамъ-же тамъ біду
 тернівъ.

Чаршевцы тамъ по голові были мя, та по хрентови
 Літунове, та тамъ всіого. Виділемъ посполства много,
 Суть тамо попы, панове, та нани побратимове,
 Суть тамъ и лихое жонки, суть не великі дітонки.
 Все горюють ажъ по уши. Біда жъ тамъ и моеи души
 Была, та на вічни віки, кажуть, будешь терпіть муки.
 То-тъ ся мині лише снило; бодай ся тотъ не трапило.

Дитисъ. Та я, братя, собі лежу, та ось, Гангель идетъ, вижу,
 Та тотъ. до мене приходши, порвалъ мене за волосы
 Та ме посадилъ на небі, то я тамъ виділемъ тебе,
 Що ты собі уживалъ-єсь, то-мъ я просилъ, що бы далъ-єсь
 Мині що, куска одного; не хотилъ-єсь, все то того
 Пирога казавъ-єсь зъ неба, та Гангель: южъ те не треба
 Тутъ, рыкль мині, товариша коли-сь виділъ. Ажъ у біса
 Другій седить въ тоимъ пеклі, та ме тамъ ставилъ при
 теплі,

Ажъ ты на мене киваєшь, та слова таки волаєшь:
 Южъ мене не гледаєшь; возьми пирогъ, що тамъ маєшь,
 Та зьйишь, бо на вічни віки тутъ буду терпіти муки.
 Та той Гангель тутъ ме ставилъ, та я-мъ се пирога наїлъ.

Максимъ. Либой. *Динисъ.* Ой, тагъ. *Максимъ.* Эй, Динису, идижъ
ты собі нгъ бісу.

Коли не будетъ пирога, будешь плакати на Бога.

Динисъ. Внакожъ ты ся наїлъ въ небі. *Грицько.* Ягъ я, бала-
муте, тебе

Почну пальцю взбирати, не будешь ты жартувати.

Динисъ. Ось біда! збісти пирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Иди-жъ, иди-жъ, скуде й пришоль, хоть бысь и до біса
пошоль!

Динисъ. Коли-мъ пирогъ збілъ, не дбаю... та южъ ся зъ вами
жегнаю.

Усіекаіе, а опі за нїт (убъгають, а они за нимъ).

Сообщ. М. Т—въ.

Библиографія.

С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовста до люблинской уніи (1388—1569 г.). С.-Петербургъ. 1883 г.

Сочиненію, заглавіе котораго мы выписали выше, авторъ предпослалъ въ прошломъ году два тома документовъ, на которыхъ онъ и основываетъ по преимуществу свой историческій рассказъ и добытые имъ выводы. Сборникъ изданныхъ документовъ носитъ заглавіе: «*Документы и реесты къ исторіи литовскихъ евреевъ 1388—1569 г.*» и вмѣщаетъ въ себѣ 660 актовъ. Весь этотъ архивный матеріалъ извлеченъ г. Бершадскимъ изъ книгъ литовской метрики, а также изъ архивовъ виленскаго и кievскаго и стоилъ автору четырехъ лѣтъ крайне упорнаго и усидчиваго труда.

Само изслѣдованіе г. Бершадскаго представляетъ трудъ вполне самостоятельный и критическій, исполненный въ высокой степени добросовѣстно и разработанный крайне тщательно до малѣйшихъ подробностей. Мы не встрѣтили въ немъ ни малѣйшаго положенія, которое не было-бы подтверждено многочисленными ссылками и цитатами изъ архивнаго матеріала. Конечно, такой методъ изслѣдованія возбуждаетъ полное довѣріе къ выводамъ автора, а это тѣмъ болѣе важно, что изслѣваніе открываетъ намъ цѣлую область историческихъ данныхъ или совершенно понынѣ неизвѣстныхъ, или представлявшихся весьма не точно, не полно и очень часто при ложномъ освѣщеніи.

Трудъ г. Бершадскаго раздѣленъ на шесть главъ, изъ которыхъ три (3, 4 и 6) посвящены исторіи литовскихъ евреевъ за время 1388—1569 г. Двѣ другія главы (2 и 5) представляютъ какъ-бы введеніе и разъясненіе, необходимое для пониманія главнаго сюжета разсказа, наконецъ 1-ая составляетъ послѣсловіе, изображая въ главныхъ чертахъ бытъ евреевъ литовскихъ отъ люблинской уніи (1569 г.) до нашего времени. Мы передадимъ вкратцѣ содержаніе труда г. Бершадскаго въ

томъ порядкѣ, въ какомъ онъ, какъ намъ кажется, естественно укладывается при изложеніи избраннаго авторомъ сюжета.

Вторую, довольно обширную, главу своего сочиненія авторъ посвятилъ оцѣнкѣ сочиненій тѣхъ писателей, которые раньше занимались исторіею литовскихъ евреевъ; онъ весьма внимательно опредѣляетъ и рассматриваетъ источники, которыми пользовались его предшественники, слѣдитъ за методомъ ихъ изложенія и указываетъ какъ достоинства каждаго труда, такъ и недостатки, зависѣвшіе или отъ скудости матеріала извѣстнаго авторамъ, или отъ невнимательнаго съ нимъ обращенія, или отъ предвзятой а priori точки зрѣнія; наконецъ, онъ безопадно обличаетъ легкомысліе и компиляторскіе приемы нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, болѣе или менѣе удачно замаскированные самоувѣреннымъ тономъ изложенія. Болѣе всего вниманія г. Бершадскій обратилъ на книгу Чацкаго: «Разсужденіе о евреяхъ и караимахъ», такъ какъ она понынѣ считается вполне авторитетнымъ сочиненіемъ для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Отдавая полную справедливость эрудиціи Чацкаго, «его многосторонности, разнообразію источниковъ и богатству содержанія книги», г. Бершадскій замѣчаетъ и важнѣйшія ея недостатки: небрежное по временамъ пользованіе источниками, не точную передачу ихъ содержанія, допущеніе ссылокъ на источники сомнительные и не проверенные критикою и, что важнѣе всего, онъ указываетъ ошибку въ основномъ воззрѣніи Чацкаго, вслѣдствіе которой онъ отождествлялъ права евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до люблинской униі, т. е. въ то время, когда оба государства пользовались каждое отдѣльнымъ законодательствомъ. Затѣмъ мы находимъ весьма почетный отзывъ о сочиненіи проф. Леонтовича: «Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ». Признавая большое научное достоинство за этимъ трудомъ, г. Бершадскій не соглашается однако съ многими его положеніями, объясняя свое разногласіе скуднымъ относительно количествомъ историческаго матеріала, которымъ въ свое время въ состояніи былъ пользоваться проф. Леонтовичъ. Къ сочиненіямъ, привнесшимъ новые матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, г. Бершадскій относитъ изслѣдованія: Гумилевича «Польское законодательство о евреяхъ» и Мацѣевского—«Еврей въ Польшѣ, на Руси и Литвѣ», хотя съ авторами ихъ онъ несогласенъ и въ основныхъ положеніяхъ и въ разработкѣ многихъ частныхъ вопросовъ и подробностей. Наконецъ, рассматривая сочиненія Голлендерскаго, Штернберга и Краусгара, авторъ обличаетъ ихъ компиляторскій характеръ, незнакомство съ источниками, легкомысліе выводовъ, по временамъ плагиаты или ссылки совершенно произвольныя и фантастическія.

Въ пятой главѣ своего сочиненія г. Бершадскій представилъ сжатый, но вполне обстоятельный очеркъ учреждений и внутренняго быта въ великомъ княжествѣ литовскомъ до люблинской уніи; онъ указалъ существенныя черты финансоваго и административнаго управленія страны, распредѣленія землевладѣнія, очертилъ прелѣлы власти великаго князя, значеніе «Рады» литовской, положеніе сословныхъ группъ въ государствѣ и заключилъ свой очеркъ указаніемъ тѣхъ измѣненій государственнаго строя, которыя влонились къ подготовкѣ люблинской уніи. Сдѣлать этотъ очеркъ г. Бершадскій былъ поставленъ въ необходимость, такъ какъ безъ яснаго представленія о порядкѣ управленія въ великомъ княжествѣ литовскомъ, не былъ-бы понятенъ главный сюжетъ его разсказа и при существованіи значительной доли привычки къ смѣшиванію польскаго устройства съ литовскимъ, послѣдующее, т. е. все существовавшее въ этомъ отношеніи послѣ люблинской уніи, поставляется часто вмѣсто предъидущаго, а вслѣдствіе этого происходитъ и по данному вопросу основная, замѣченная г. Бершадскимъ ошибка, т. е. права и бытъ литовскихъ евреевъ смѣшиваются съ правами и бытомъ евреевъ польскихъ. Очеркъ внутренняго состоянія литовскаго государства исполненъ г. Бершадскимъ прекрасно и, насколько припомнимъ, представляетъ первый солидный опытъ такого описанія въ исторической русской литературѣ.

Въ третьей главѣ г. Бершадскій приступаетъ къ изложенію главнаго сюжета своего сочиненія и начинаетъ ее весьма тщательнымъ опредѣленіемъ первыхъ юридическихъ памятниковъ, опредѣлявшихъ права евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ; такими памятниками были грамоты, данныя въ 1388 г., великимъ княземъ Витовтомъ еврейскимъ общинамъ городовъ: Трокъ, Бреста и Гродна (1389 г.). Авторъ весьма тщательно разсматриваетъ и слѣдуетъ между собою всѣ изданные понынѣ тексты этихъ привилегій и старается точно опредѣлить относительную достовѣрность каждаго изъ нихъ, и исправить вкрапившія въ нихъ неточности посредствомъ ихъ сопоставленія; затѣмъ онъ сравниваетъ привилегіи Витовта съ аналогическими привилегіями другихъ странъ, съ цѣлю опредѣлить источникъ, послужившій Витовту прототипомъ для опредѣленія правъ евреевъ въ великомъ княжествѣ, и приходитъ къ убѣжденію, что образцомъ такимъ Витовту служили нѣсколько видовъизмѣненныхъ грамотъ, данныя силезскими герцогами и князьями еврейскимъ общинамъ своихъ городовъ; исключеніе, по мнѣнію автора, составляетъ грамота, данная гродненской еврейской общинѣ, которая, по его словамъ, была «произведеніемъ чисто литовской жизни», безъ всякаго вліянія иноземныхъ юридическихъ образцовъ. Что касается самаго со-

держанія Витовтовыхъ привилегій, то онѣ гарантировали слѣдующія права евреямъ трехъ названныхъ городскихъ общинъ: евреи признавались людьми свободными, подчиненными непосредственно великому князю и его намѣстникамъ и изъятыми отъ зависимости отъ городскихъ войтовъ и урядовъ. По уголовнымъ дѣламъ они подсудны великому князю, его старостѣ или же подстаростѣ, который носилъ названіе «жидовскаго судьи». Еврейскія общины пользовались автономіею въ сферѣ дѣлъ религіозныхъ и имѣли право суда по имущественнымъ дѣламъ своихъ членовъ. Правительство гарантировало евреямъ неприкосновенность жизни и личную безопасность, приравнивая ихъ въ этомъ отношеніи къ шляхтѣ; оно также охраняло ихъ имущество, свободу торговли и промысловъ и свободу религіозную наравнѣ съ мѣщанами. Изъ текста грамотъ видно, что евреи, поселившіеся въ великомъ княжествѣ литовскомъ, занимались въ XIV столѣтіи ростовничествомъ, торговлею, промыслами и земледѣліемъ, болѣе-же богатые держали въ откупъ разныя статьи государственныхъ доходовъ великаго княжества литовскаго. Эти послѣдніе быстро богатѣли, приобретали покупкою и пожалованіемъ поземельную собственность и не рѣдко являлись кредиторами правительства на довольно крупныя суммы; за то вся масса еврейскаго населенія не особенно богатѣла и приростъ ея населенія былъ весьма незначителенъ въ теченіи перваго столѣтія послѣ изданія Витовтовыхъ грамотъ—за все это время г. Бершадскій нашелъ свѣдѣнія о возникновеніи трехъ только новыхъ еврейскихъ общинъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ: въ Владимирѣ, Луцкѣ и Кіевѣ.

Въ 1495 году евреевъ литовскихъ постигла совершенно неожиданная гроза: великій князь Александръ Казимировичъ, въ первые годы своего княженія не заявлявшій никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, вдругъ издалъ въ 1495 г. указъ о томъ, чтобы «жидову зъ земли вопъ выбити». Вслѣдствіе этого распоряженія всѣ евреи великаго княжества литовскаго должны были немедленно оставить его территорію, принадлежавшіе имъ дома и земли были конфискованы и частью розданы или проданы разнымъ лицамъ и учреждениямъ, частью зачислены въ государственныя имущества: суммы, занятія евреями разнымъ лицамъ, были объявлены погашенными, тѣ-же долги, которые были заняты подъ обезпеченіе поземельной собственности, приказано было вносить въ государственную казну. Изгнанные евреи нашли пріютъ въ Польшѣ, главнымъ-же образомъ въ пограничной съ Литвою холмской землѣ; имущество сохранили только тѣ лица, которые изъявили готовность принять крещеніе. Послѣднее обстоятельство придавало распоряженію великаго князя Александра значеніе мѣры, вытекавшей изъ религіознаго

прозелитизма, но, разсмотрѣвъ ближе документы, относящіеся къ данному дѣлу, г. Бершадскій пришелъ къ убѣжденію, что религіозный прозелитизмъ служилъ только благовиднымъ предлогомъ для другихъ, болѣе матеріальныхъ побужденій; Александръ, какъ кажется, руководился болѣе всего желаніемъ пополнить конфискаціею средства своей казны, истощившіяся вслѣдствіе московской войны, и притомъ имѣлъ въ виду способствовать развитію городовъ, какъ самыхъ надежныхъ плательщиковъ, и желалъ достигъ этого развитіемъ, выдавая многимъ городамъ привилегіи на магдебургское право и зазывая для поселенія въ нихъ иностранцевъ: нѣмцевъ, шведовъ и т. п., для которыхъ онъ и назначалъ дома, конфискованные у евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ ихъ поощрить, устранивъ еврейскую конкуренцію. Но ожиданія Александра не сбылись — иностранные колонисты не явились въ литовскіе города, фискальная-же цѣль была достигнута конфискаціею 1495 года. Потому, восемь лѣтъ спустя, въ 1503 году тотъ-же великій князь Александръ уничтожилъ собственное распоряженіе и вновь разрѣшилъ евреямъ селиться въ великомъ княжествѣ, подъ условіемъ, что они будутъ доставлять въ войско отрядъ въ 1000 человекъ солдатъ или платить подать, соотвѣтственную расходу на наборъ и содержаніе такого отряда.

Возвратившись въ великое княжество литовское, евреи стали мало по малу селиться въ его городахъ, подвигаясь постепенно отъ западной границы во внутрь страны. Основываясь на окладныхъ листахъ и люстраціяхъ, г. Бершадскій находитъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія еврейское населеніе великаго княжества достигало цифры 10—12 тысячъ и распредѣлялось въ 20—25 городскихъ общинахъ (изъ нихъ только 5: владимірская, луцкая, кременецкая, острожская и ковельская находились на Волыни, всѣ остальные были въ собственной Литвѣ или Бѣлоруссіи). Общины эти возникали такимъ образомъ, что, поселившись въ извѣстномъ городѣ, евреи испрашивали право на устройство синагоги и кладбища и получивъ таковое, при этихъ двухъ учрежденіяхъ устранивали автономныя общины; такимъ образомъ общины эти или «зборы жидовскіе», какъ ихъ тогда называли, исходи изъ западныхъ городовъ великаго княжества, постепенно появлялись въ городахъ, лежавшихъ все дальше и дальше къ востоку, и отдѣляли отъ себя новыя филіи, въ началѣ составлявшія какъ-бы составныя части первоначальныхъ общинъ, но потомъ, по мѣрѣ умноженія еврейскаго населенія, преобразовывавшіяся въ «зборы» автономныя. Еврейскія общины получаютъ въ XVI столѣтіи правильную внутреннюю организацію: онѣ состоятъ подъ управленіемъ выборныхъ «старшихъ», которые завѣдываютъ всѣми общинными дѣлами, представляютъ общину передъ правительствомъ, занимаются раскладкою

и сборомъ податей и т. п. Сверхъ того въ каждой общинѣ существуетъ равнинъ, на обязанности котораго лежитъ попеченіе о религіозныхъ интересахъ общины, а также судъ по дѣламъ духовнымъ и по гражданскимъ искамъ, возникавшимъ между членами общины, если послѣдніе не предпочитали обращаться къ христіанскому суду, что случалось впрочемъ весьма часто. Община еврейская, какъ автономная полноправная единица, крѣпнетъ въ это время и прочно спланивается, она дорожитъ своею самостоятельностью, находитъ въ своемъ устройствѣ полную гарантію своихъ интересовъ и потому защищаетъ ревниво свою независимость. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ эпизодъ, рассказанный г. Вершадскимъ о попыткѣ Сигизмунда I, желавшаго объединить въ рукахъ одного лица управленіе всѣми еврейскими общинами: король этотъ выдалъ привилегію своему любимцу, богатому откупщику еврею, Михелю Іозефовичу изъ Вреста на генеральное старѣйшинство надъ всѣми еврейскими общинами въ великомъ княжествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвелъ его въ дворянское званіе. Но, не смотря на всевозможныя усилія короля, общины еврейскія не признали старѣйшинства Михеля и не обращались къ его суду, такъ что «генеральное старѣйшинство», не имѣя предмета дѣятельности, осталось чисто номинальнымъ и, послѣ смерти Михеля, не возобновлялось болѣе.

Пользуясь гражданскою равноправностью въ великомъ княжествѣ, евреи не выдѣляются изъ его народонаселенія въ исключительную группу, а напротивъ того постепенно сливаются съ населеніемъ туземнымъ въ бытовомъ и этнографическомъ отношеніяхъ; они говорятъ между собою и пишутъ на рускомъ языкѣ и, послѣ люблинской униі, неоднократно обращаются къ правительству съ просьбою употребить по отношенію къ нимъ «для лучшаго вырозумѣнія» русскій языкъ, вмѣсто польскаго и латинскаго; они носятъ мѣстныя русскія фамилныя названія (напримѣръ Шнакъ, Козакъ, Бородарка и т. д.), ведутъ совместно съ христіанами торговыя операціи, находятся съ ними въ частномъ домашнемъ общеніи; наравнѣ съ христіанами занимаются земледѣіемъ не только въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и въ роли мелкихъ пахарей-собственниковъ и т. п. Пользуясь отсутствіемъ сословной исключительности въ великомъ княжествѣ, евреи, смотря по своимъ средствамъ, занимаютъ мѣсто въ рядахъ всѣхъ классовъ народонаселенія: болѣе вліятельные и богатые поступаютъ на государственную службу, занимаютъ разныя, иногда значительныя, должности, приобрѣтаютъ помѣстья и въ такомъ случаѣ признаются членами категоріи «пановъ»; подобно дворянамъ они носятъ сабли, употребляютъ гербовыя печати.

Бѣдные евреи занимаются торговлею, ремеслами, хлѣбопашествомъ и въ быту своемъ сливаются съ туземными мѣщанами и крестьянами.

Таково было положеніе евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ до любинской уніи; послѣ этого событія оно рѣзко измѣнилось: исключительный сословный характеръ польскаго общественнаго строя и фанатическій религіозный прозелитизмъ разрушили бытовыя черты литовской Руси и внесли въ ея историческую судьбу много печальныхъ явленій—они повліяли и на судьбу литовскихъ евреевъ; лишеныя права владѣть поземельною собственностью, какъ лица не дворянскаго происхожденія, евреи должны были столпиться въ городахъ и заняться исключительно торговлею и другими городскими промыслами; подъ вліяніемъ господствовавшей сословной исключительности, они должны были составить обособленную, изолированную отъ остальнаго населенія, группу, сплотились въ своихъ общинахъ и вступили въ ту экономическую борьбу съ остальнымъ населеніемъ, которая и вызвала страшный погромъ, постигшій евреевъ въ южной Руси въ 1648 г.

Г. Бершадскій первую главу своего сочиненія посвящаетъ бѣглому очерку внутренняго быта еврейскихъ общинъ и регулировавшаго этотъ бытъ законодательства съ конца XVII до половины XIX столѣтія. Возвратившіеся послѣ погрома евреи возстановили свое прежнее общинное устройство, но, оставаясь по прежнему изолированными, общины эти сами стали разлагаться; весь XVII вѣкъ прошелъ въ борьбѣ «старшихъ» кагалныхъ съ массою еврейскаго населенія, которую они всячески эксплуатировали и притѣсняли, находя постоянно поддержку въ административныхъ властяхъ. Эта внутренняя борьба и составляетъ самую характеристическую черту быта евреевъ въ западной Руси до послѣдняго почти времени.

Мы постарались вкратцѣ передать только самыя существенныя положенія книги г. Бершадскаго; лица, интересующіяся болѣе спеціальною разработкою намѣченныхъ вопросовъ, найдутъ въ сочиненіи г. Бершадскаго тщательно разработанныя подробности, обставленыя вполне серьезнымъ и весьма обильнымъ научнымъ матеріаломъ.

В. А.

Иванъ Осодоровъ, русскій первопечатникъ. Историко-библиографическое разсужденіе. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883 г.

Въ маленькой и бѣдной матеріальными средствами Галиціи чаще, чѣмъ у насъ, являются то большія, то меньшія изданія, посвященныя

преимущественно древней русской исторіи. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы старались по возможности знакомить съ ними нашихъ читателей. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ не только мѣстный, но и общерусскій интересъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и названная сей часъ брошюра, посвященная памяти челоуѣка, имя котораго одинаково читается въ Галиціи, какъ и во всей Россіи.

5-го декабра нынѣшняго года исполнится триста лѣтъ со дня кончины Ивана Федорова, который первый началъ печатное дѣло— сперва въ Москвѣ, потомъ въ Бѣлоруссіи и наконецъ во Львовѣ. У насъ, гдѣ такъ часто празднуютъ всякаго рода юбилей, мало слышно объ этомъ всероссійскомъ юбилеѣ и никто къ нему не готовится. Маленькая Галиція давно объ этомъ подумала, дѣлала и дѣлаеть, что можетъ, чтобы отмѣтить въ своей жизни это не маловажное событіе, усилѣла даже вызвать оппозицію своимъ скромнымъ начинаніямъ со стороны вѣчно враждующей съ нею польской партіи.

Къ числу такихъ начинаній надо отнести и брошюру, названіе которой мы привели. Ее написалъ старшій между галицко-русскими учеными, извѣстный о. А. Петрушевичъ, протоіерей львовской митрополичьей капитулы. На лицевой сторонѣ обложки стоятъ слѣдующія двѣ строчки: «Изданіе львовскихъ русскихъ типографовъ въ вѣчную память львовскаго первопечатника Ивана Федорова»; а на задней—въ простой черной рамкѣ вверху осьмиконечный крестъ, внизу колѣнопреклоненный молящійся ангель, и между ними молитвенныя строки: «Діакону Ивану Федорову, львовскому перзопечатнику, скончавшемуся 5 декабра 1583 г. во Львовѣ, сотвори Господи вѣчную память!» Самъ авторъ брошюры на особомъ листѣ обозначаетъ, что посвящаетъ ее... «основателю типографій въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острозѣ въ память тристлѣтной годовщины смерти его». Есть нѣчто трогательное и много говорящее въ этихъ строкахъ, простыхъ и краткихъ, и мы поймемъ это, если возьмемъ въ расчетъ нынѣшнее положеніе русскихъ въ Галиціи. Эти же строки поясняютъ намъ и содержаніе брошюры и ея ближайшее назначеніе.

Она такъ велика по своему объему, какъ только могъ позволить скромный ея сюжетъ и слишкомъ скудныя библиографическія данныя объ Иванѣ Федоровѣ. Только многосторонней начитанности автора и знакомству его со всѣми русскими источниками должно приписать то, что, что даже при извѣстной его крайней экономіи въ словахъ, брошюра въ 38 стр. in 8°. Въ ней достойный всякаго почтенія старецъ-книжничекъ говоритъ вообще о судьбѣ славянскаго книгопечатанія въ Европѣ, говоритъ въ частности о началѣ его на Руси и въ Львовѣ,

въ особенности группируетъ разбросанныя свѣдѣнія объ Иванѣ Ѳеодоровѣ и его типографской дѣятельности и слѣдитъ дальнѣйшую судьбу начатаго имъ въ Львовѣ книгопечатнаго дѣла. Всѣ передаваемые имъ свѣдѣнія изложены кратко, сжато, даже сухо, но не опущено ни одно изъ нихъ и не оставлено безъ подкрѣпленія соответственными ссылками на источники. Существенную часть брошюры составляютъ цѣльныя выдержки изъ послѣсловій къ львовскому Апостолу 1574 г. и предисловія къ заблудовскому учительному Евангелію, — книгамъ, составляющимъ величайшую рѣдкость и вмѣстѣ единственный источникъ свѣдѣній объ ихъ печатникѣ какъ онъ самъ ихъ передаетъ.

Судьба Ивана Ѳеодорова и его «художества» вкратцѣ таковы: уроженецъ калужской губерніи, лихвинскаго уѣзда, села Никола Гастуни, отъ имени церкви и рѣчки, онъ поналъ въ дьяконы въ одну изъ кремлевскихъ церквей въ половинѣ XVI ст., въ ту именно пору, когда предъ Стоглавомъ и послѣ Стоглава царь Иванъ Грозный и митроп. Макарій хлопотали объ устроеніи въ Москвѣ печатнаго дѣла, «яко-же въ Грецѣхъ... и въ прочихъ языцѣхъ». Послѣ того, какъ ливонскіе рыцари не пропустили въ Москву типографщиковъ, посланныхъ германскимъ императоромъ по просьбѣ царя, послѣдній обратился съ такою-же просьбою къ королю датскому, который и прислалъ въ 1551 г. типографщика *Ганса Мисселейма*. Но въ тотъ вѣкъ ничто не дѣлалось проста; религіозная пропаганда составляла недугъ времени, которымъ страдали не только отдѣльныя личности, но и общества и ихъ правительства, и какъ ни странно для насъ, но даже такую услугу, какъ присылку мастеровъ печатнаго дѣла обусловливали — германскій императоръ принятіемъ латинства, а король датскій — протестанства. Мудрая Москва изъ лютторскія вѣры извлекла все, что ей нужно было, кромѣ непригоднаго протестанства, и пока онъ устроилъ типографію на издѣвеніе казны, разставилъ станки и разбиралъ шрифты, да дѣлалъ пробы, приданные ему въ ученики Иванъ Ѳеодоровъ, да Петръ Тимофеичъ Мстиславецъ произшли всю его премудрость, а затѣмъ гости по чести за море проводили. Дальнѣйшее устройство типографіи и изданіе первыхъ печатныхъ книгъ (*Апостоль* 1564 и *Часовникъ* 1567 г.) принадлежатъ московскимъ ученикамъ *Ганса*. Но самая новость и непонятность художества, а равно и то обстоятельство, что Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславецъ были близки къ «Лютру» и учились у него, дали вѣру пущеннымъ, конечно, списывателями книгъ, толкамъ, что дѣло ихъ еретическое, а можетъ быть и совсѣмъ исчисное... Москва всегда побавшавшаяся чорта, а паче «лютторскія ереси», накиннулась на нихъ, а расправа у ней бывала короче Линчева суда: Ѳеодоровъ и Мстиславецъ бѣжали въ,

Бѣлоруссію. Тутъ любовно принялъ ихъ русскій православный вельможа, великій гетманъ литовскій, воевода виленскій, староста городенскій и могилевскій, Григорій Александровичъ Ходкевичъ. Онъ водворилъ ихъ въ своемъ родовомъ имѣніи Заблудовѣ, далъ средства на устройство здѣсь типографіи и, когда она была готова, предложилъ въ напечатанію на его-же счетъ сперва Евангелія, учительнаго ¹⁾, а потомъ Псалтири. Первая книга была издана въ 1569 г., вторая въ слѣдующемъ, 1570 г. Намѣренія Ходкевича были широкія, — изданіемъ строго православныхъ книгъ противодѣйствовать наплыву новыхъ ученій съ Запада, — и средства у него были огромныя; но его одолѣла старость и усилившіяся болѣзни, и онъ прекратилъ начатое дѣло, а для обезпеченія Ивана Ѳедорова (Мстиславецъ годомъ раньше перешелъ въ Вильну, въ типографію братьевъ Мамоничей) далъ ему *«весь не малу»*. Ѳедоровъ, увлекаемый своимъ художествомъ, не пожелалъ пользоваться этимъ даромъ и еще при жизни Ходкевича отправился во Львовъ и здѣсь, послѣ долгихъ хлопотъ и лишеній, на скудныя жертвы нѣсколькихъ убогихъ священниковъ и мѣщанъ львовскихъ, учредилъ типографію, работы которой были начаты изданіемъ Апостола 1574 г., и вѣроятно продолжены печатаніемъ другихъ книгъ, хотя свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ. Въ 1580 году мы видимъ уже Ивана Ѳедорова въ Острогѣ, «у славнаго князя Острожскаго», гдѣ вѣнѣла ученая и издательская работа. Въ этомъ-же году онъ выдалъ здѣсь Псалтирь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ всю Библію, первую славянскую печатную книгу этого имени. Что заставило Ѳедорова покинуть гостепріимный для всѣхъ Острогъ, неизвѣстно; но и Львовъ, въ который онъ возвратился, не далъ, видно, ему работы. Ѳедоровъ разболѣлся, впалъ въ нищету, отдалъ свой инструментъ «въ заставу» жиду Срулю Якубовичу за 400 злотыхъ, умеръ въ крайней бѣдности 5 декабря 1583 г. и погребенъ въ львовскомъ онуфріевскомъ монастырѣ.

Тогдашнія обстоятельства южно-русской церкви, тѣснимой повсюду, дѣлали драгоценнымъ наслѣдіе Ивана Ѳедорова, лежавшее и по смерти его въ заставѣ у жидовъ. Эти задумали съ нимъ большой гандель — перепродажи въ Москву, но тогдашній епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ собралъ свои лепты, обослалъ съ особою грамотою по городу и епархіи черница Мину, выкупилъ у жидовъ станокъ за 1500 злотыхъ и утвердилъ на вѣчныя времена типографію при львовской успенской

¹⁾ Это былъ сборникъ бесѣдъ на воскресные и праздничные дни года, служившихъ объясненіемъ евангелія, — славянскій переводъ труда Каллиста, архіепископа константинопольскаго.

ставропигіальной церкви. Возобновленное здѣсь православное братство, начало котораго относить къ половинѣ XV ст., учредивъ школу и богадѣльню и получивъ титулъ ставропигіи, а потомъ утвержденіе отъ самаго короля, 1592 г., широко раздвинуло дѣятельность типографіи своего перваго печатника и, по вычисленію своего историка, Зубрицкаго, въ теченіе своего существованія выпустило до 300,000 богослужебныхъ и иныхъ книгъ; но и съ уничтоженіемъ его, сѣмена, брошенные Ѳедоровымъ, не перестаютъ произрастать и сторичный плодъ приносить. Его типографія, можно сказать, существуетъ и доселѣ при той-же успенской церкви и какъ-бы рукою самаго Ѳедорова продолжаетъ разбрасывать не *житныя*, а *духовныя* сѣмена, да живетъ и питается ими наша закордонная Русь, горше перваго тѣснямая теперь тѣми-же поляками и не умирающими оо. іезуитами. Въ этой-же типографіи напечатана и настоящая брошюра въ вѣчную память его.

Иванъ Ѳедоровъ былъ въ самомъ высокомъ смыслѣ идеалстъ и фанатикъ своего «художества». Какъ пѣвецъ съ своей лирой, носился онъ съ своимъ излюбленнымъ станкомъ, проходя Русь отъ края до края, преслѣдуемый завистью и ненавистью, терпя нужду и болѣзнь, а судьбѣ угодно было, чтобы и прахъ его остался вѣдъ предѣловъ единой теперь Россіи.

Миръ праху перваго всероссійскаго *друкаря!* Хвала и честь закордонной нашей братіи, что, будучи сама въ утѣшеніи, она не забыла многотруднаго московскаго художника! Честь и благодареніе достойному о. А. С. Петрушевичу, что многоученнымъ своимъ словомъ воскресилъ предъ нами образъ странствующаго перваго русскаго книгопечатника!

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по „Кобзарю“)
С. Н. Кулябки. Кіевъ, 1884 г.

Къ біографическому матеріалу о Шевченкѣ эта брошюра не прибавитъ новаго слова. Составленная на основаніи извѣстныхъ трудовъ: Маслова, Чалаго, біографическихъ замѣтокъ изъ «Основы», нѣкоторыхъ писемъ и всего болѣе по «Кобзарю», книжка г. Кулябки не болѣе, какъ попытка характеристикки поэзіи и личности Шевченка, и въ этихъ рамкахъ она не лишена значенія. Написанная симпатично, съ любовью къ предмету, она пріятно дѣйствуетъ искренностью тона и можетъ съ пользою быть прочтена юношествомъ. Такія книги далеко не лишни, и въ этомъ смыслѣ мы съ удовольствіемъ встрѣтили-бы также переводъ труда барона Battaglia (Taras Szewczenko. *Życie i pisma jego*. Lwow, 1865)

или статьи Эм. Францоа (*Kleinrussen und ihre Dichter*), отмѣченной талантливостью автора. И то и другое, и все что у насъ раньше посвящено было личности поэта, далеко отъ типа творческой, художественной характеристики. Для такой задачи нужны силы Карлейля или Тэна Но... *Non licet parva componere magnis...* Да и есть-ли у насъ теперь достаточно данныхъ для такого труда? Достаточно-ли разработана біографія Шевченка, появились-ли всѣ его сочиненія, запечатлѣлось-ли его значеніе въ общественномъ сознаніи? Не забудемъ, что до изданія нынѣшняго года «Кобзарь» не печатался въ Россіи шестнадцать лѣтъ, что въ послѣднемъ, наиболѣе полномъ изданіи, не помѣщены четыре поэмы и тридцать три пьесы меньшаго объема, а съ исключеніями напечатано — двадцать пять, между которыми есть самыя значительныя и популярныя. Вспомнимъ, что не изданъ совсѣмъ еще цѣлый циклъ произведеній поэта — повѣсти, для характеристики и біографіи заключающія въ себѣ цѣнныя данныя, что изъ переписки его напечатана, конечно, только часть, и что многіе изъ лицъ, его знавшихъ, могли-бы еще дать свѣдѣнія о немъ. А между тѣмъ всестороннее, полное освѣщеніе этой личности необходимо. Исторія не забудетъ никогда, что въ самую глухую пору народной жизни юга, въ эпоху рабства, изъ безгласной толпы простолудиновъ вышелъ необыкновенный человѣкъ, окрыленный великой силой поэзіи и могучимъ словомъ, простымъ и глубокимъ, вызвалъ изъ могилъ прошедшее и призвалъ настоящее на Божій судъ. Среди невгодъ и испытаній пронесъ онъ свой крестъ и, вмѣстѣ съ Гоголемъ, разомъ явился вѣщимъ выразителемъ живыхъ, веденныхъ духовныхъ силъ того племени, которое въ то время казалось почившимъ духовно... Образы такихъ людей — достояніе потомства, и всякая черта ихъ жизни для него значительна. Намъ нужно ихъ ближе и глубже знать и не приглядывать къ частностямъ жизни этихъ избранныхъ свою моральную мѣрку, что дѣлали уже многіе относительно Гоголя и нѣкоторые относительно Шевченка, и противъ чего справедливо вооружается составитель разсматриваемой характеристики.

Въ концѣ этой книжки, обильно пересыпанной цитатами изъ «Кобзаря», какъ живыми цвѣтами, помѣщены свѣдѣнія по возникшему годъ назадъ дѣлу о поправкѣ могилы поэта. Сумма, ассигнованная на этотъ предметъ полтавскимъ земствомъ, пошла на укрѣпленіе могильнаго холма. Крестъ сооруженъ частнымъ лицомъ. Что касается другого ходатайства земства — объ открытіи подписки на памятникъ Шевченку въ предѣлахъ полтавской губерніи, то, по сообщенію мѣстной газеты «Земскій Обзоръ», на ходатайство это по настоящее время не послѣдовало отвѣта.

В. Г — ко.

Сборникъ свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ I. Зѣньковскій уѣздъ. Части 1 и 2. Полтава 1882—1883 года.

Статистическія цифры и выводы для лицъ извѣстнаго сорта имѣютъ то существенное неудобство, что они неопровержимы. Безъ этихъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, по дворамъ, по хозяевамъ, при контролѣ земскихъ учреждений, при провѣркѣ свѣдѣній официальными данными и возможной провѣркѣ всякимъ на мѣстѣ, безъ этихъ ненавистныхъ таблицъ, есть всегда возможность говорить о тенденціозной преднамѣренности. Но, при «статистикѣ», приходится или доказать противное, что нѣсколько трудно, или согласиться. Вотъ почему въ тѣхъ земляхъ, гдѣ по чьему либо просвѣщенному почину основаны статистическія учрежденія, существуетъ всегда категорія гласныхъ, которой эти учрежденія не даютъ спокойно спать. Ни существенная надобность точныхъ свѣдѣній о губерніи для правильного веденія земскаго хозяйства, ни сознанныя и высказанныя органами правительства необходимость знать точное положеніе дѣлъ, знать правду,—ничто не можетъ вразумить этихъ лицъ. Цифры доказываютъ воочію необходимость мѣропріятій къ облегченію положенія земледѣльческаго класса, а такія мѣропріятія для этихъ представителей сословной вражды и эгоизма—острый ножъ. Эти цифры—результатъ точнаго статистическаго обслѣдованія—значить долой статистику! Вотъ вся нехитрая логика этихъ господъ.

Статистическое бюро при полтавскомъ земствѣ существуетъ очень недавно, но уже удостоилось ихъ просвѣщеннаго вниманія: на послѣдней сессіи земства этой губерніи ассигновка на статистику вызвала скрежетъ зубовный, и если самое бюро уцѣлѣло, то необходимая для расширенія его работъ надбавка въ средствахъ была отклонена. Предъ нами два выпуска начатаго описанія губерніи. Они посвящены одному изъ центральныхъ уѣздовъ—зѣньковскому, сельское населеніе котораго состоитъ преимущественно изъ казачьяго сословія. Посмотримъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ на экономическое состояніе земледѣльцевъ этого уголка «житницы Россіи».

Земельное владѣніе сельскихъ сословій, принимая за единицу «хозяйство», выражается цифрою 5,0 десятинъ. По мнѣнію лицъ, компетентность которыхъ вѣдъ всякаго сомнѣнія (см. напр. брошюру гласнаго г. Квитки: «Объяснительная записка къ таблицамъ крестьянскаго землеуладѣнія въ полтавской губерніи»), участокъ въ 6 десятинъ считается для полтавской губерніи наименьшимъ, при которомъ средняя крестьянская семья (при существующей системѣ полеводства) обезпечена про-

довольствіемъ для себя и кормомъ для необходимаго количества скота. Прилагая эту норму къ зѣньковскому уѣзду, видимъ, что количество земли на хозяйство почти на 1 десятину меньше необходимаго для нормальной потребности. Но средняя цифра не выражаетъ въ этомъ случаѣ реального положенія дѣлъ; число населенія безземельнаго и непмѣющаго пахатной земли достигаетъ въ зѣньковскомъ уѣздѣ 29,837 душъ обоого пола; изъ нихъ совершенно безземельныхъ 2,623 души (Выпускъ 1. стр. 294—5, гр. 28 и 40). На 100 человекъ обоого пола, не пмѣющихъ пахатной земли, приходится 25 или одна четверть, а непмѣющихъ и усадебной 2,4%. По обезпеченію жилыми строеніями, на 100 хозяевъ «бездомовыхъ» приходится 4,5%, пмѣющихъ одну хату 79,7. «Бездомовые» по сельскимъ сословіямъ распредѣляются болѣе или меньше равномерно, кромѣ «безнадѣльныхъ», изъ которыхъ больше четверти всѣхъ хозяевъ не имѣетъ хатъ. Хозяйствъ съ одними хатами, безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ, «кромѣ клівовъ», 24,4 процентовъ на сто.

Количество рабочаго скота въ хозяйствахъ сельскихъ сословій уѣзда распредѣляется такимъ образомъ: на 100 хозяйствъ приходится

Безъ всякаго скота	21,8
Только съ мелкимъ скотомъ	20,4
Съ 1 лошадыю	13,0
1 штукою рогатаго скота	8,3
Съ 2—3 штуками рогатаго скота	20,0
„ 4—5 „ „ „	13,2
„ 6 и болѣе штукъ	3
	100

Такимъ образомъ около половины домохозяевъ совсѣмъ не имѣютъ рабочаго скота, а изъ нихъ почти половина ($\frac{1}{3}$ всѣхъ хозяйствъ) не имѣетъ совершенно никакого скота.

Съемка земли на сторонѣ, вслѣдствіе недостаточности надѣла, выражается по уѣзду цифрою 23,786 десятинъ, что составляетъ около 30% относительно количества владѣемой сельскими сословіями земли. Сумма съемной земли и собственной даетъ почти въ точности цифру 6 десятинъ на хозяйство, т. е. то именно количество, которое необходимо для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей средней семьи. Поэтому цифра 23,786 десятинъ можетъ служить мѣриломъ земельного недостатка въ сельскомъ населеніи зѣньковского уѣзда.

Вотъ главнѣйшіе выводы. И въ первомъ и во второмъ выпускѣ «Сборника» находится еще масса свѣдѣній, исчерпать которыхъ нѣтъ возможности въ бѣглой замѣткѣ. Второй выпускъ, кромѣ общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключаетъ въ себѣ обзоръ владѣльческихъ имѣній,

распредѣленіе въ нихъ земли по угодіямъ, данныя о распредѣленіи пахатной площади и сѣвооборота въ этихъ хозяйствахъ, скотѣ, рабочихъ рукахъ, посѣвѣ и проч., а также матеріалы для оцѣнки земель (продажная цѣна 85 до 107 руб. десятина, средняя арендная—7 руб. 86 коп. десятина) и списки всѣхъ арендъ въ уѣздѣ.

Изъ различныхъ типовъ статистическихъ описаній, практиковавшихся въ Россіи, методъ, принятый полтавскими статистиками, ближе всего подходитъ къ такъ называемому типу, состоящему въ опредѣленіи хозяйственнаго положенія каждаго селенія путемъ подворной переписи. Въ полтавской программѣ, выработанной комиссіей профессоръ и земскихъ людей, сдѣланы измѣненія прихѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни. Существеннѣйшее изъ нихъ то, что единицей, къ которой относятся всѣ свѣдѣнія, принято, совершенно правильно, *хозяйство*,—понятіе, не всегда соотвѣтствующее въ Малороссіи ни понятію «семьи», ни «двора».

Въ видѣ иллюстраціи къ числовымъ цифрамъ и выводамъ, въ концѣ 2-го выпуска «Сборника», помѣщенъ очеркъ г. Греченко «С. Великая Павловка». Это старое козацье село взято какъ типъ для нагляднаго изображенія экономическаго быта господствующаго класса населенія. Кромѣ общихъ свѣдѣній, тутъ есть интересныя данныя о дробленіи подворно наслѣдственныхъ козацыхъ владѣній между членами семьи, особенно значительномъ потому, что дѣлится каждый кусочекъ сообразно иногда незначительному различію въ качествѣ почвы. Зѣньковскій уѣздъ есть страна хуторовъ, «нѣсколько хатъ съ чистенькими надворными постройками, вишневыя садки, одинъ, два вѣтряка, три, четыре колодца, съ журавлями,—все это въ небольшой лоцинѣ съ чистымъ протокомъ, обсаженнымъ вербами»—таковъ типъ зѣньковскаго козацкаго хутора. Увы, эта доля приволья идетъ въ страшный ущербъ жителямъ сель. Владѣльцы хуторовъ все болѣе и болѣе стараются выдѣлиться изъ общаго сѣвооборота для увеличенія запашки, а потому количество точной земли и пастбища въ обществахъ страшно сокращается. Сообщаемыя г. Греченкомъ условія арендованія земель въ Великой Павловкѣ, общія по его словамъ для всего уѣзда, надо признать болѣе благоприятными, чѣмъ напр. въ сѣверныхъ уѣздахъ полтавской губерніи. Тамъ арендная плата нерѣдко доходитъ уже до 13 рублей за десятину, а отдача поля «съ половины» осложняется годъ отъ году увеличивающимися условіями «отработковъ»; наемъ земли за деньги предпочитается, если есть къ нему возможность. «Своя нивка сама собѣ паніматка», говоритъ любящій независимость малороссъ. Но этимъ благомъ пользуются немногіе. Безземельные и малоземельные работаютъ *за снопъ* и *за коробку*

у своего брата, зажиточныхъ козаковъ, умудряющихся этими коробками и снопами вести все свое хозяйство руками этихъ людей, безъ всякаго посторонняго найма рабочихъ. Особенность с. Павловки—промыселъ курительныхъ деревянныхъ трубокъ; трубка средней величины въ розничной продажѣ стоитъ 20 коп., необходимый для нея матеріалъ—7 коп. Въ день можно сдѣлать двѣ или три такихъ трубки. Грамотность въ селѣ очень слаба. Кромѣ разныхъ условій, на которыя справедливо указываетъ составитель очерка, виновата здѣсь, конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, самая постановка школьнаго дѣла и его оторванность отъ жизни.

Условія жизни сельскихъ сословіи въ зѣньковскомъ уѣздѣ болѣе или менѣе общи для всей полтавской губерніи. Это подтвердятъ, конечно, дальнѣйшіе выпуски статистическаго ея описанія. Работы бюро сосредоточены теперь на уѣздахъ полтавскомъ и мпргородскомъ, описаніе которыхъ должно выйти скоро. Точныя цифры по всѣмъ пятнадцати уѣздамъ дадутъ полную картину экономической жизни губерніи, если только благому дѣлу статистическаго изслѣдованія не помѣшаютъ лицемѣрныя соображенія «экономіи».

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ПО ПОВОДУ 50-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

14 октября текущаго года на юго-западной нашей окраинѣ происходило скромное торжество, имѣющее тѣсную связь съ южно-русскою исторіею, и которое преимуществу можно назвать торжествомъ южно-русскаго народа. Одна изъ многочисленныхъ въ немъ иноческихъ обителей, устоявшая среди вѣковыхъ религіозныхъ и политическихъ бурь, взлелѣянная его особою любовью, сама питавшая его своимъ духомъ, равно дорогая ему и въ православіи и въ униі, св. почаевская лавра праздновала 50-лѣтній юбилей возвращенія своего изъ рукъ униі въ нѣдра православія. Мы не знаемъ другаго болѣе высокаго торжества, какъ то, въ которомъ проходитъ предъ нами цѣлый рядъ вѣковъ съ ихъ радостными и печальными событіями, въ которомъ витаетъ духъ народный, являются торжествующими его вѣковыя вѣрованія и симпатіи, составляющія его силу и славу.

Не въ задачахъ однако нашего изданія говорить о самомъ этомъ торжествѣ, но въ задачахъ его приводить въ связь явленія текущей жизни съ событіями вѣковъ минувшихъ, и мы это сдѣлаемъ и на сей разъ, представивъ бѣглый очеркъ судьбы почаевской лавры. Судьбы созданий народа—его собственныя судьбы, и кто не привыкъ скользить лишь по поверхности проходящихъ событий, но привыкъ въ прошедшемъ искать разгадки настоящаго и смотрѣть на лѣтопись народной жизни, какъ на книгу учительную, для того и нашъ бѣглый и блѣдный очеркъ не будетъ лишнимъ.

Почаевская успенская лавра лежитъ въ кременецкомъ уѣздѣ волынской губерніи, недалеко отъ мѣстечка того-же имени и въ весьма близкомъ разстояніи отъ нашей юго-западной границы со стороны Галиціи. По красотѣ своего мѣстоположенія и даже постройки она едва-ли не превосходитъ даже лавру кіево-печерскую, не говоря объ александро-невской и троицко-сергіевской. Каменная гора, на которой расположена почаевская лавра, возвышается на 35 сажени надъ плоскою поверхностью, многія части ея покрыты густыми рощами прекрасныхъ деревьевъ; но не это, конечно, составляетъ ея красу и славу и не это влечетъ къ ней тысячи людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ русской земли. Древняя, свято чтимая икона Божіей Матери, въ чудотворящую силу которой вѣрить народъ, слѣдъ „стопы“ Божіей Матери, указываемой на вершинѣ горы, какъ слѣдъ ея явленія нѣкоему старцу, сочащаяся тамъ на вершинѣ каменной горы вода, которой народъ приписываетъ цѣлебную силу, нетлѣнныя мощи преподобнаго Іова, игумена почаевского,—вотъ что влечетъ къ себѣ тысячи православнаго народа и дѣлаетъ почаевскую лавру однимъ изъ высокочтимыхъ мѣстъ русской земли.

Въ глубинѣ вѣковъ скрывается преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ почаевская лавра, всегда было жилище отшельниковъ, чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ на Руси появилось христіанство. Преданіе это перешло въ хранящуюся и теперь въ лаврѣ рукописную книгу, списанную, какъ говорятъ иноки, съ другой, неизвѣстно когда затерянной, книги, а книга эта, какъ и первое появленіе иноковъ на почаевской горѣ, относится, и конечно съ большою долею вѣроятности, къ 1240 году. Въ книгѣ „Гора Почаевская“, изданной базилианами и перепечатанной, какъ они утверждали съ болѣе древней книги, рассказывается о явленіи Божіей Матери въ огненномъ столбѣ. Это явленіе особенно подробно описываетъ извѣстный южно-русскій ученый XVII в., Іоанникій Голятовскій, въ книгѣ: „Новое небо съ новыми звѣздами“. Сущность устнаго, не скоро записаннаго и раскрашеннаго преданія сводится къ тому, что когда-то какой-то Иванъ Босый, житель Почаева, бывший на полѣ съ „хлопьями“, увидалъ на горѣ огненный столбъ, а въ томъ столбѣ самую Божию Матерь и предъ ней старца. Когда Босый пришелъ въ себя отъ изумленія, предъ нимъ и бывшими съ нимъ „хлопья-

тами“ стоялъ старикъ и говорилъ: „идите на гору, тамъ Матерь Божія ступила на камень, и потекла изъ него вода, а вода та не простая, а цѣлющая“. Это преданіе многими подробностями своими напоминаетъ библейскій разсказъ „*О купинѣ неопалимой*“, которую видѣлъ Моисей на горѣ Синай, а равно исконное вѣрованіе мало-русскаго народа въ присутствіе на землѣ воды живущей и цѣлющей. И не въ этомъ-ли сходствѣ лежитъ разгадка тѣхъ симпатій, которыми народъ окружалъ самую мѣстность почаевской обители?

Какъ-бы то ни было, но мѣсто, взлелѣянное народною фантазією, окруженное ореоломъ чудесности, святости, присутствія на немъ силы Божіей, не могло оставаться пусто. По записанному преданію, еще за долго до половины XVI ст. на Почаевской горѣ была каменная успенская церковь, но кто завѣдывалъ этою церковью,—былъ-ли тамъ приходъ, или въ зародышѣ монастырь, остается неизвѣстнымъ. Учрежденіе здѣсь монастыря относится къ послѣднимъ годамъ XVI ст. XVI вѣкѣ былъ роковымъ въ жизни южно-русскаго народа, вѣкомъ самыхъ крупныхъ религіозныхъ политическихъ волненій и перемѣнъ. Люблинская унія 1569 г., одновременное введеніе въ Польшу иезуитовъ, широкое развитіе въ Польшѣ и великомъ княжествѣ литовскомъ соцініанства, протестанства и кальвинизма, раздача русскихъ земель польскимъ родамъ, связи этихъ послѣднихъ съ русскими родами посредствомъ браковъ и т. п.—были причиною того, что къ концу XVI ст. огромное большинство русскихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ измѣнили своей вѣрѣ и народности; но тѣмъ большею ревностью были одушевлены тѣ изъ нихъ, которые оставались вѣрными православною вѣрѣ и русскому имени. Къ числу такихъ родовъ принадлежалъ родъ Гойскихъ, такъ часто упоминаемыхъ въ актахъ XVI ст. Изъ лицъ этого рода, въ началѣ второй половины XVI ст., становится извѣстною проживавшая вблизи Почаева, въ своемъ имѣніи Орлѣ, богатая вдова Анна Гойская, отличавшаяся глубокою религіозностью. Она-то и была основательницею почаевского монастыря. Сперва она передала въ почаевскую церковь подаренную ей путешествовавшимъ по Волини и бывшимъ въ ея домѣ греческимъ митрополитомъ Неофитомъ икону Божіей Матери, которой приписываютъ уже за время храненія ея въ домѣ Гойской многія чудеса и между прочимъ исцѣленіе отъ слѣпоты брата Гойской, Филиппа Козинскаго. Это было спустя годъ послѣ

провозглашенія уніи на брестскомъ соборѣ 1596 г. Въмѣстѣ съ тѣмъ она учреждаетъ здѣсь монастырь, надѣливъ его землею, лѣсомъ, сѣнокосами и нѣсколькими семьями крестьянъ, но ставитъ условіемъ его существованія и владѣнія всѣми недвижимостями, чтобы онъ оставался вѣрнымъ православію и былъ подъ властью православнаго игумена и архіерея. Въ своемъ завѣщаніи она клятвенно заклинала всѣхъ своихъ наслѣдниковъ ничего не отбирать у монастыря.

И такъ монастырь почаевскій является какъ-бы протестомъ противъ появившейся уніи и вмѣстѣ средствомъ для поддержанія колеблемаго уніею православія. Но главными наслѣдниками Гойской являются Фирлеи, успѣвшіе уже перейти въ протестанство. Изъ-за имущественныхъ правъ возникаетъ борьба между ими и монастыремъ. По обычаямъ того времени борьба разыгрывается самымъ трагическимъ для монастыря образомъ.

Одинъ изъ Фирлеевъ, по имени Андрей, 10 іюня 1623 года, вооружилъ толпу своихъ слугъ, напалъ съ ними на монастырь, ворвался въ него, избилъ монаховъ, ограбилъ обитель и вмѣстѣ съ драгоценностями захватилъ и святую икону и унесъ ее въ свой домъ, гдѣ жена Фирлея произвела надъ фамиліною и народною святынею самое грубое поруганіе, одѣвши притомъ въ священническія ризы и вмѣсто молитвы произнося предъ иконою самыя хульные слова, за что, по вѣрованію народному, въ нее вселился бѣсъ и долго мучилъ ее. Почаевская обитель могла-бы погибнуть на первыхъ порахъ ея существованія, но во главѣ ея въ это время стоялъ преподобный Іовъ, мужъ высокой жизни, уроженецъ Галиціи, по прозванію Желѣзо. По просьбѣ князя Константина Острожскаго онъ оставилъ угорицкій монастырь и поселившись въ г. Дубнѣ, въ крестовоздвиженскомъ монастырѣ, который былъ на попеченіи князя Острожскаго, 20 лѣтъ управлялъ этою обителью. Воспитанный такимъ образомъ въ школѣ Острожскаго и одушевленный его ревностью, Іовъ энергично отстаивалъ интересы почаевского монастыря, въ который онъ удалился изъ Дубна ради уединенія простымъ монахомъ, но въ которомъ, по просьбѣ братіи, принялъ снова обязанности настоятеля. Его стараніями, въ 1644 году, была возвращена въ обитель чудотворная икона отъ Фирлеевъ, а въ 1647 году отъ нихъ-же—часть унесенныхъ ими монастырскихъ сокровищъ. Въ его игуменство и по его, конечно, вліянію, богатые, сосѣдніе

съ Почаевомъ, землевладѣльцы, супруги Домашевскіе построили надъ самой „стопю“ новую каменную церковь, во имя святой Троицы, пожертвовавъ ей всѣ свои наслѣдственныя сокровища и деньги; благотворили почаевской обители и другія русскія православныя фамиліи, оставшіяся въ вѣрѣ предковъ.

Строго подвижническая жизнь Іова дѣйствовала обаятельно на массы народа, приходившаго въ монастырь. Восьмидесятилѣтній старецъ самъ сажалъ деревья, строилъ плотины, копалъ сажалки; днемъ работалъ, ночью молился. Иногда по нѣскольку дней онъ оставался безъ пищи, часто затворялся въ пещерѣ для молитвы и поста. Всѣхъ поражала его всегдашняя молчаливость; только и слышали изъ устъ его слова: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“, непрерывно имъ повторяемая. 28 октября 1651 года Іовъ въ послѣдній разъ совершилъ литургію, простился съ братіей и мирно почилъ, проживъ 100 лѣтъ, а спустя семь лѣтъ (28 августа 1658 года) кievскій митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ гробъ его съ нетлѣнными останками для всенароднаго почитанія.

Достойны вниманія выборы въ игумена, какъ они производились въ то отдаленное время, по смерти Іова. Всѣ иноки, старшіе и младшіе, сходились въ трапезу и подавали свой голосъ на бумагѣ, а актъ объ избраніи подтверждали своими подписями. Въ актѣ два главные пункта: братія „покладаютъ вѣру на побожное житіе“ избраннаго, принимаютъ начальство его надъ собою „миле, любовно и згодно“ и обязываются повиноваться ему „безъ вшелякихъ контрадицій и вношенія якихъ вымысловъ“, а избранный обѣщаетъ управлять братією, „якъ звычайе и постановенія монастырскіе суть“. Преемникомъ Іова былъ избранъ Самуиль Добрянскій.

При немъ и ближайшихъ игуменахъ обитель почаевская не переставала процвѣтать, оставаясь вѣрною православію, хотя католицизмъ и унія все болѣе и болѣе захватывали подъ свою власть и людей, и монастыри, и храмы, пользуясь всѣми средствами. Еще въ 1700 г. игумень Саевичъ по порядкамъ того времени хлопоталъ у новаго короля Августа II-го о подтвержденіи правъ почаевского монастыря, и въ выданной отъ короля привилегіи значилось, что какъ всегда онъ былъ, такъ и долженъ остаться православнымъ „Ritus graeci“, а не уніатскимъ. Но въ тогдашней Польшѣ ничего

не значили уже ни королевскія привилегіи, ни сеймовыя конституціи. Среди всеобщаго разлива польско-католической пропаганды, поддерживаемой всѣми силами правительства и общества, недолго могъ удержаться въ православіи и почаевскій монастырь. Тогдашній „коляторъ“ его, унаслѣдовавшій имѣнія Фирлеевъ, графъ Тарнавскій подкопалъ существованіе этой твердыни православія. Послѣ продолжительнаго процесса съ монастыремъ о деньгахъ и земляхъ, процесса, среди котораго монахи грозили вывезти чудотворную икону въ Москву, онъ вмѣшался въ выборы игумена, раздѣлилъ не твердую уже въ отеческой вѣрѣ братію на партіи, и послѣдствіемъ сего былъ первый шагъ почаевскихъ монаховъ къ униі. Это случилось въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, спустя восемь лѣтъ послѣ изгнанія изъ Волыни послѣдняго православнаго епископа, въ пору чреватаго своими послѣдствіями замостьскаго собора. 125 лѣтъ почаевскій монастырь стоялъ на стражѣ православной вѣры, собирая въ свои стѣны православныхъ жителей, доставляя имъ утѣшеніе и поддержку, даже укрывая иной разъ въ своихъ стѣнахъ во время татарскихъ и турецкихъ нападеній, но, наконецъ, и онъ долженъ былъ уступить общему потоку. Превращеніе его въ униатскій базилианскій монастырь послѣдовало не вдругъ и завершилось окончательно лишь въ 1751 г.

Съ переходомъ изъ православія въ униі существенно измѣнился и внутренній строй жизни почаевского монастыря и внѣшняя его судьба. По внутренней своей жизни онъ не только самъ шелъ къ постепенному переформированію себя по образцу польско-католическихъ монастырей во всемъ, начиная съ догматовъ и кончая языкомъ и костюмомъ, но увлекалъ за собою несмѣтныя массы народа и какъ прежде служилъ дѣлу православія, такъ теперь всѣ свои силы посвящалъ дѣлу униі и католичества, въ формахъ польской національности. По внѣшней судьбѣ онъ достигъ еще болѣе блестящаго положенія и самаго широкаго общественнаго значенія, увеличилъ до громадныхъ размѣровъ свои имущественныя пріобрѣтенія, обстроился, украсился и пріобрѣлъ большую популярность въ массѣ населенія Волыни, Галиціи и другихъ смежныхъ областей.

Мы не будемъ входить въ подробности его исторіи въ періодъ пребыванія его въ униі; отмѣтимъ лишь кратко болѣе выдающіеся факты въ его жизни за это время.

Прежде всего строгость монашеской жизни исчезла въ немъ навсегда и въ замѣнъ оной привзошли не только всѣ удобства мірской жизни, но даже большая распущенность. Въ 1758 году по какому-то случаю на монастырь почаевскій произведенъ былъ „гвалтовный наѣздъ“ въ 200 коней, по приказу коляторши монастыря, графини Анастасіи Тарнавской. Гайдуки графини приняли базилианъ въ нагайки, а при этомъ говорили: „вы не такъ живете, какъ прежніе монахи. Вы ѣдите мясо, пьете водку и безчинствуете, предаваясь самымъ сквернымъ порокамъ“.

Принятіе догматовъ католической церкви, усвоеніе латинскихъ обрядовъ и обычаевъ въ богослуженіи и въ жизни, шло медленно и съ большою постепенностью, какъ и во всей уніатской церкви; но къ чести почаевскихъ базилианъ сказать должно, что они яснѣе другихъ сознавали, что унія придумана и употребляется только какъ мостъ для перехода отъ православія къ католицизму. Они, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, горячо отстаивали чистоту восточнаго ученія и обряда, отдѣльность уніи отъ католицизма, и съ этою цѣлью издали нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ обширную книгу подъ заглавіемъ: „Народовѣщаніе, альбо Слово къ народу католическому“ и пр. 1745 г.

Изгнаніе въ 1773 году іезуитовъ изъ предѣловъ Польши усилило значеніе базилианъ вообще, въ частности почаевскихъ и расширило ихъ общественную дѣятельность. Имъ переданы были многія изъ имѣній и зданій іезуитскихъ, но, что всего важнѣе, они избавились отъ самой опасной конкуренціи и получили право быть воспитателями юношества, законоучителями, духовниками и проч. Приближеніе къ польско-католическому типу привлекло къ почаевскимъ базилианамъ пановъ и ихъ панскія милости. Въ особенности много доставило имъ случайное расположеніе извѣстнаго богача и самодура, каневского старосты, Николая Потоцкаго. Денежныя пожертвованія его въ пользу почаевскихъ базилианъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, опредѣляются въ два съ половиною милліона злотыхъ; но еще болѣе онъ сдѣлалъ для нихъ такъ называемою коронаціею почаевской иконы Божіей Матери и постройкою новой великолѣпной церкви. Обычай короновать иконы получилъ свое начало въ Римѣ съ 1631 года, а потомъ распространенъ и на всѣ католическія страны. „Короновали“ тѣ иконы Божіей Матери, которыя

извѣстны, какъ чудотворныя. Итальянскій графъ Александръ Паллавичини оставилъ значительную сумму для приготовленія коронъ изъ чистаго золота. „Коронованіе“ in partibus infidelium имѣло несомнѣнно видъ пропаганды католической вѣры; оно совершалось съ чрезвычайною торжественностью и не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Незадолго предъ тѣмъ короновали холмскую икону, теперь принялись за почаевскую. Обзуродоваль это дѣло самъ Потоцкій; разрѣшеніе папы Климента XIV пришло 23 апрѣля 1773 года. Базилиане торжествовали, ибо, кромѣ *majoris gloriae Dei*, имъ предстояла богатая стрижка при этомъ всякаго рода словесныхъ овечекъ. Для этой цѣли папа прислалъ имъ на этотъ случай „полный отпустъ“. Это значило, что всѣ пришедшіе на коронованіе получали полное отпущеніе грѣховъ, а „отпустомъ“ можно было пользоваться въ теченіе восьми дней, притомъ съ такою льготою, что дозволялось вмѣсто исповѣди только прикасаться къ кающимся палкою; такого прикосновенія довольно было, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Нечего и говорить, что базилиане сдумѣли воспользоваться предоставленными имъ привилегіями. Они употребили всѣ средства, чтобы собрать какъ можно болѣе народу на коронованіе. Торжество коронаціи объявлено на 8 сентября 1773 года. Къ этому дню въ Почаевъ прибыло болѣе тысячи человекъ однихъ уніатскихъ и латинскихъ священниковъ, нѣсколько тысячъ пановъ, тысячъ сто народу и нѣсколько тысячъ войска, пѣхоты и артилеріи. Коронованіе было совершено за монастыремъ, въ особо устроенной палаткѣ, открытой для всѣхъ. Во время процессіи и возложенія коронъ на главу Богородицы и Божественнаго Младенца стрѣляли изъ пушекъ, гремѣла музыка и раздавалось пѣніе молитвъ; вечеромъ была иллюминація, музыка и другія увеселенія. Какъ-бы для увѣковѣченія памяти объ этомъ торжествѣ народу раздавали иконки (болѣе 11 тысячъ) и медальоны (болѣе 5 тысячъ), но при этомъ объявляли, что пріобрѣтшимъ иконы и медальоны дается также отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые исповѣдывались и пріобщались въ эти дни или только касались палки исповѣдника. По собраннымъ тогда-же справкамъ, исповѣдывавшихся было во время коронаціи—около 24 тысячъ однихъ уніатовъ и православныхъ („Graeckiego obrządku“) и 9 тысячъ съ небольшимъ—латинянь. Понятно, какую огромную, духовную и вещественную добычу доставилъ этотъ праздникъ, устроенный заботами патрона-католика.

Постройка новой церкви въ почаевскомъ монастырѣ начата Потоцкимъ въ 1771 году и продолжалась 12 лѣтъ. Церковь оказалась совершенствомъ въ своемъ родѣ. Она и до сихъ поръ стоитъ, лишь кое-что изъ внутреннихъ украшеній измѣнено въ ней, чтобы придать ей видъ православнаго храма. Говорятъ, что императоръ Николай I, знатокъ архитектурнаго дѣла, сказалъ про почаевскую церковь, что она образецъ дерзкой архитектуры.

Какъ на особый, пайболѣе выдающійся родъ дѣятельности почаевского монастыря, преимущественно въ униатскій его періодъ, нельзя не указать на многочисленные его изданія, длившіеся болѣе столѣтія и расходившіеся большими массами въ Украйнѣ, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи, Галиціи, Холмщинѣ и Подлясѣ. Издавались богослужебныя книги, книги и трактаты вѣроучительныя и правоучительныя, но особенною извѣстностію и пайболѣею распространенностію пользовались такъ называемыя „побожныя“ книжки, сборники молитвъ и особыхъ, въ духѣ и на языкѣ народномъ сложенныхъ пѣснопѣній. Типографія находилась при почаевской обители и въ ту пору, когда она была православною; въ это время она печатала проскомидійныя листы, посланія къ народу архіереевъ, молитвы и антифоны преподобному Іову; но никогда она не имѣла такой широкой дѣятельности, какъ въ исходѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Услугами почаевской типографіи пользовались пѣкоторое время и наши раскольники. Конечно, пайболѣешую услугу почаевскія изданія оказали дѣлу униі; но нельзя не признать и того, что поправъ такъ сказать въ топъ народный, они, помимо вѣроисповѣдныхъ отличій, не всегда и не вездѣ находящихъ себѣ мѣсто, много вліяли на поддержаніе въ нашемъ народѣ духа набожности и благоговѣйнаго молитвенныхъ чувствъ.

Какъ однако ни пышно развернулась жизнь почаевского монастыря съ переходомъ его изъ православія въ унию и какъ ни расширилась и усилилась дѣятельность его подъ управленіемъ базилянъ, въ этой жизни и дѣятельности, какъ и въ самой униі, не было ничего, обѣщавшаго прочное и долговѣчное существованіе. Съ возвращеніемъ отъ Польши къ Россіи древне-русскихъ областей, а съ ними и обители почаевской, съ возвращеніемъ тогда-же въ лоно православія огромныхъ массъ народа, приневоленныхъ къ униі, съ пробужденіемъ и въ униатской его части народнаго сознанія

и вѣковыхъ симпатій, почаевскіе базилиане утратили значительную долю своего обаянія, сфера ихъ дѣйствій сѣзусилась, источники доходовъ уменьшились. вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго очевидно было, что расходясь отнынѣ съ народомъ въ направленіяхъ противоположныхъ, они должны будутъ разойтись на всегда и рано или поздно потерять находившуюся въ ихъ рукахъ народную почаевскую святыню. Впрочемъ съ переходомъ къ Россіи базилиане такъ ловко вели свое дѣло, что долго не возбуждали въ русскомъ правительствѣ сомнѣній въ ихъ благонамѣренности и считались полезными людьми, такъ какъ на ихъ иждивеніи было значительное число школъ. Тѣмъ не менѣе мысль о возвращеніи почаевского монастыря съ его святынею въ руки православныхъ и удаленіи изъ него базилианъ явилась уже въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и въ 1823 г., при посѣщеніи императоромъ Александромъ I-мъ Острога, въ которомъ находилась тогда въ неприглядной обстановкѣ православная архіерейская каеэдра, готовился ему о семъ докладъ, но Государь не позволилъ даже заикнуться объ этомъ, такъ какъ незадолго предъ симъ, 2-го августа 1823 года, была передана униатскому митрополиту Булгаку Высочайшая воля объ оставленіи базилианъ въ Почаевѣ. Нуженъ былъ случай, который раскрылъ-бы правительству глаза на дѣйствія почаевскихъ подвижниковъ и обнаружилъ-бы ихъ истинныя симпатіи и стремленія. Такимъ случаемъ былъ польскій мятежь 1831 г., которому базилиане почаевскіе всею душою сочувствовали и помогали денежными средствами. Въ рѣшительный часъ базилиане не скрыли своего сочувствія и когда отрядъ повстанцевъ, подъ командою Дверницкаго, былъ разбитъ близъ Почаева, они приняли его съ распростертыми объятіями, угостили всѣмъ, что было у нихъ хорошаго, надѣлили его припасами, лошадьми и безъ сомнѣнія казною, даже сами, въ числѣ 8 монаховъ, примкнули къ отряду и перешли съ нимъ въ Австрію, послѣ того какъ вволю наѣздились по мѣстечку, съ крикомъ: „Ranowie, za ojczyznę!“ и размахивая саблями. Эти поступки рѣшили участь базилианъ и судьбу бывшей въ ихъ рукахъ обители. По представленію главнокомандующаго 1 арміею графа Сакена и волынскаго и подольскаго военнаго губернатора Левашева, императоръ Николай I повелѣлъ базилианскій почаевскій монастырь передать въ вѣдѣніе православнаго духовенства со всѣми угодьями, капиталами, имѣніями и постройками.

10 октября 1831 года прибыла въ Почаевъ особая коммисія и приступила къ отбору. Базиліане съ горя папились и крайне дерзко себя вели, даже вовсе отказывались передавать монастырь, но, конечно, должны были уступить. Ими пущены были въ ход всевозможные отговорки и увертки съ цѣлю затруднить дѣйствія коммисіи. На всѣ вопросы ея объ инвентарѣ, объ описяхъ, деньгахъ и вещахъ базиліане отзывались незнаніемъ, гдѣ что находится, ссылаясь на то, что послѣдній ихъ „суперіоръ“, сидѣвшій въ это время въ кievской тюрьмѣ, ничего не сдалъ. Волею-неволею коммисіи пришлось принимать монастырь только на основаніи указаній. Оказалось потомъ, что еще передъ сдачею они успѣли многое спрятать, иное унести и увезти,—уже по пріемѣ находили деньги и вещи, скрытыми въ разныхъ мѣстахъ, на чердакѣ, въ стѣнахъ и подвалахъ. Пріемъ былъ оконченъ къ 25 ноября; въ этотъ же день совершенно было въ Почаевѣ первое православное архіерейское служеніе прибывшимъ туда наканунѣ православнымъ епископомъ волынскимъ Амвросіемъ. Мало по малу на мѣсто удаленныхъ базиліанъ стали прибывать въ монастырь православные монахи изъ сосѣднихъ губерній, открыты цѣлыми и невредимыми мощи преподобнаго Іова, которыя все время базиліане держали подъ спудомъ, обновлена и украшена чудотворная почаевская икона Божіей Матери, главная святыня, о которой католики пустили слухъ, что она будто увезена базиліанами за границу, измѣнены по образцу православному внутреннее устройство и наружный видъ соборнаго храма, и скоро почаевская обитель зажила снова своею прежнею жизнью. Въ 1833 году Высочайшимъ повелѣніемъ ей присвоено было названіе лавры, четвертой въ Россіи. Къ этому времени народъ уже пересталъ вѣрить розказнямъ поляковъ о томъ, что въ Почаевѣ нѣтъ святыни, и число богомольцевъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и вліяніе лавры на народъ. Дальнѣйшая мирная жизнь ея нарушена была одною дерзкою попыткою, направленною къ похищенію изъ лавры чудотворной иконы Божіей Матери. Въ числѣ не многихъ оставшихся въ лаврѣ базиліанъ, съ принятіемъ православія, былъ бенифратрскій ксендзь Навроцкій. Войдя въ довѣріе къ преосвященному Амвросію и сдѣлавшись счетчикомъ и архивариусомъ, онъ похитилъ не мало важныхъ документовъ, а потомъ задумалъ ук-

расть и св. проку. Послѣ неудавшейся попытки попасть въ ризничіе, опъ рѣшился добыть ключи отъ ризницы подкупомъ; когда-же его пролѣлки были открыты, бѣжалъ за границу и присталъ къ Тарнопольскимъ іезуитамъ.

Послѣдуюція перемѣны и происшествія въ жизни почаевской обители относятся къ новому періоду ея исторіи, законченному теперь празднованіемъ 50-ти лѣтняго юбилея; но объ нихъ мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній, кромѣ устарѣвшей уже книги ея настоятеля Амвросія Лотоцкаго, въ которой кратко излагаются смѣна вольнскихъ архіеревъ, ближайшихъ настоятелей почаевской лавры, перестройка лаврскихъ зданій, постройка колоколни и т. под.

Почаевская обитель, не смотря на свое многовѣковое существованіе и самую разнообразную жизнь и дѣятельность, доселѣ не имѣетъ своей исторіи. Мы слышали, что такая исторія готовилась ко дню юбилея лавры, но объявленій о выходѣ ея не встрѣчали и вышла-ли она, не знаемъ. Такая исторія желательна; она представила-бы намъ живѣйшій интересъ особенно по сравненію трехъ различныхъ періодовъ существованія почаевской обители: древне-православнаго, исполненнаго чудесности, святости, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинно народнаго характера, періода униатскаго, давшаго обители широкое общественное значеніе, хотя направленное къ явному вреду и искорененію православія и народности русской, и періода новаго, ближайшая задача котораго была пробужденіе народнаго сознанія и очищеніе вѣрованій народныхъ отъ всякой примѣси униатско-латинской. По видимому, сравненіе не въ пользу послѣдняго періода, когда для обители, не смотря на ея громкій титулъ, началась та тихая, однообразная жизнь, какую влекутъ всѣ наши лавры и монастыри. Но жизнь не повторяется въ своихъ формахъ; для обители почаевской важно удержать ея древній историческій духъ, духъ твердой вѣры и истиннаго благочестія и она воздѣйствуетъ самую скромную, внутреннюю жизнь на массы народныя, не перестающія притекать къ ней для благоговѣннаго поклоненія ея святынямъ. Широкая, просвѣтительная дѣятельность монастыря подъ управленіемъ базиліащъ невозможна теперь и по самому строю нашей жизни, и по средствамъ лавры; по возможно

разширеніе той издательской дѣятельности, которой начало мы находимъ еще въ древнемъ періодѣ жизни почаевского монастыря, и это одно, чего мы можемъ пожелать древнейшей нашей обители по случаю исполнившагося теперь новаго періода ея жизни.

А. Тарнавскій.

КЪ ТРЕХЪ СОТЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИВАНА ФЕДОРОВА,
перваго московскаго типографа. († 5 декабря 1583 г.)¹⁾.

Въ г. Львовѣ, въ монастырѣ св. Онуфрія есть надгробный камень, на которомъ читается слѣдующая надпись: „*Іоаннъ Федоровичъ друкаръ москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованье занебжане обновилъ, преставился въ Львовъ року 4491 (1583) декабря 5*“; въ серединѣ камня, въ кругу—буквы *І. Ф.* и нѣсколько полуизгладившихся словъ, между которыми можно разобрать: „*о упокоеніи воскресенія изъ мертвыхъ часо... Друкаръ книгъ предъ тымъ невиданныхъ*“.

Имя Ивана Федорова, перваго московскаго типографа, одинаково дорого и Сѣверу и Югу Россіи: и у насъ, южанъ, съ этимъ именемъ связано начало книгопечатанія, которымъ мы пользуемся въ такой широтѣ для нашего умственнаго преуспѣянія. Воскресимъ-же славное имя это въ нашей памяти теперь, когда намъ напоминаетъ о немъ приближающееся окончаніе трехсотлѣтней годовщины со дня смерти „друкаря книгъ предъ тымъ невиданныхъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ перестали работать на типографскомъ станкѣ незабвенный нашъ первопечатникъ, книжное дѣло ушло у насъ далеко впередъ: мы дожили до такихъ усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ, что если-бы Иванъ Федоровъ воскресъ и взглянулъ на нихъ, ему пришлось-бы снова умереть отъ изумленія; что тогда было дѣломъ цѣлыхъ годовъ, теперь является въ нѣсколько дней. Мы пишемъ и печатаемъ такую массу книгъ, журналовъ, газетъ и брошюръ, что не успѣваемъ даже и читать всего—и, рядомъ съ этимъ, пользуемся печатнымъ дѣломъ, какъ орудіемъ личнымъ, не рѣдко грубо-циническихъ цѣлей, не уважаемъ печатнаго слова...

¹⁾ Даемъ мѣсто этой краткой, изъ глухого захоlustья присланной замѣткѣ, какъ свидѣтельству того, что память объ Иванѣ Федоровѣ не затерялась и у насъ и находятся люди, которые вспомнили о немъ по случаю трехсотлѣтней годовщины со дня его смерти.—Ред.

А вотъ посмотрите, какъ триста лѣтъ назадъ относился къ типографскому труду скромный дьяконъ церкви Николая Гостунскаго въ Москвѣ: никакія гоненія, никакія неудачи не могли помѣшать ему въ новомъ тогда дѣлѣ и болѣе всего, по его словамъ, боялся онъ вопроса Христа: „лукавый рабъ и лѣнивый, зачѣмъ не отдашь ты мое серебро торговцамъ, чтобы я, пришедши, получилъ свое съ лихвою?“... „Все, что пришлось мнѣ вынести..., говоритъ онъ, ни во что не ставлю, да обрѣту Христа моего; все, что здѣсь (на землѣ), какъ сонъ, какъ тѣнь проходитъ: и доброе, и худое, все, какъ дымъ по воздуху расходится“...

Слухи о печатномъ дѣлѣ начали доходить до Москвы при Василиѣ III; тогда существовали уже типографіи въ Прагѣ, Краковѣ и Вильнѣ, печатались и славянскія книги. При Иванѣ IV, съ 1547 года, начали искать искусныхъ людей для заведенія типографіи въ Москвѣ. Такими искусниками, послѣ захожаго Миссепгейма, явились тогда Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. Точныхъ біографическихъ данныхъ объ этихъ художникахъ до сихъ поръ не найдено; мы имѣемъ лишь гадательныя свѣдѣнія о томъ, какъ они познакомились съ типографскимъ искусствомъ; скудныя свѣдѣнія о дальнѣйшей ихъ жизни и дѣятельности находятся въ послѣсловіяхъ книгъ, выданныхъ ими въ свѣтъ. Первый печатный дворъ (или типографія) въ Москвѣ построень на Никольской улицѣ, рядомъ съ никольскимъ греческимъ монастыремъ. 19 апрѣля 1563 г. печатный станокъ началъ свое дѣло и 1 марта 1564 г. вышли Дѣянія Апостольскія—первая, напечатанная въ Москвѣ, книга; вслѣдъ за тѣмъ, черезъ полтора года, оконченъ печатаніемъ Часовникъ. Обѣ эти книги, по отзывамъ специалистовъ, изданы съ большимъ искусствомъ и неоспоримо свидѣтельствуютъ о способностяхъ и трудолюбіи первыхъ московскихъ типографовъ: буквы отличаются замѣчательной стройностію, очко буквъ вездѣ одинаковой величины, линіи—одной мѣры и строго параллельны, строчки ровныя, разстоянія между буквами всегда одинаковы, также и промежутки между строками, которыя безукоризненно параллельны; въ подражаніе рукописямъ, слова иногда не отдѣлены другъ отъ друга, а набраны въ плотную; переносныхъ знаковъ нѣтъ, надстрочные знаки по мѣстамъ опущены; заглавныя буквы, служившія украшеніемъ книги, отпечатаны съ особыхъ рѣзныхъ досокъ.

Этими двумя книгами и ограничилиcя труды нашихъ типографовъ въ Москвѣ. Въ нихъ были брошены обвиненія въ ереси и чуть-ли не въ чернокнижничествѣ, оставшіяся впрочемъ темными для насъ; первые труженики печатнаго дѣла вынуждены были спастись бѣгствомъ. И вотъ они бѣгутъ въ другую Русь—литовскую, гдѣ широко развернулась тогда умственная дѣятельность отъ притока новыхъ, преимущественно религіозныхъ идей съ Запада, и появляются въ имѣніи великаго гетмана литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, Заблудовъ (близъ Бѣлостока). Ходкевичъ снабдил ихъ всѣмъ необходимымъ, далъ Ивану Ѳедорову значительное имѣніе и на свой счетъ устроилъ типографію, въ которой 17 марта 1569 г. вышло Евангеліе учительное, или съ толкованіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ товарищи—первопечатники разстались: Петръ Тимоѣевъ отправился въ Вильну и продолжалъ свои труды тамъ, а Иванъ Ѳедоровъ очутился во Львовѣ. Причина, почему оставилъ онъ Ходкевича, остается неясною; извѣстно, впрочемъ, что Ходкевичъ рѣшилъ почему-то оставить типографское дѣло, а своему типографу предложилъ заняться земледѣльческимъ трудомъ. Но призваніе неудержимо влекло его къ новому, духовному дѣлу: „неудобно мнѣ было“, говоритъ онъ, проводить время своей жизни за раломъ, заниматься сѣяніемъ сѣмянъ житныхъ: духовныя сѣмена долженъ я разсѣвать по вселенной, не рало у меня въ рукахъ—художество“...

Оставивъ Ходкевича, послѣ многихъ лишеній и трудностей, Иванъ Ѳедоровъ прибылъ въ г. Львовъ, безъ средствъ, безъ знакомствъ. Воодушевленный сознаніемъ святости дѣла, онъ обращается къ разнымъ лицамъ, которыя могли помочь ему завести типографію своими средствами; по собственнымъ словамъ, онъ ставился на колѣни, кланялся въ землю, но не находилъ сочувствія; по его настоятельнымъ просьбамъ, священники сдѣлали оповѣщенія по церквамъ—и все напрасно. „Накопецъ, говоритъ онъ, явились нѣкіе малые, неславные въ мірѣ, отъ іерейскаго чина, которые пришли мнѣ на помощь“. Съ величайшими трудностями обзавелся онъ типографскими принадлежностями и 15 февраля 1574 г. выпустилъ вторымъ изданіемъ Апостоль.

Затѣмъ до 1580 года объ Иванѣ Ѳедоровѣ мы ничего не знаемъ. Въ этомъ году онъ является въ г. Острогѣ, у знаменитаго ревнителя православія, князя К. К. Острожскаго, и печатаетъ тамъ

Псалтырь и Новый Заветъ, а черезъ годъ, 12 августа 1581 года, выпускаетъ монументальный трудъ—полное изданіе Библии, стоившее большихъ трудовъ какъ ему Федорову, такъ и князю Острожскому. Это и былъ послѣдній трудъ приснопамятнаго для насъ Ивана Федорова.

Начатое имъ дѣло не погибло ни на Югѣ, ни на Сѣверѣ Руси, а продолжалось и развивалось. Заветная мысль его нашла себѣ почву и „духовная сѣмена“ разнеслись повсюду. Помянемъ имя его молитвою и благодарностию.

В. Я

КЪ ИСТОРИИ ЦѢНЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ находятся любопытныя вѣдомости о сгорѣвшемъ у казаковъ и посполитыхъ имуществѣ. Время составленія вѣдомостей—половина XVIII ст.; мѣсто составленія—черниговскій полкъ. Когда въ какомъ нибудь селѣ происходилъ пожаръ, то сельскій атаманъ доносилъ о томъ въ сотенную канцелярію, сотенная канцелярія полковой канцеляріи. По распоряженію полковой канцеляріи, на мѣсто происшествія отправлялось чиновное лицо и забирало отъ пострадавшихъ отъ пожара свѣдѣнія о причинѣ пожара и о понесенныхъ жителями убыткахъ. Вѣдомости такого рода интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ находятся указанія на домашній скербъ малорусскаго крестьянина и козака черниговскаго полка въ XVIII ст.; находятся указанія на тогдашнюю степень крестьянскаго матеріальнаго благосостоянія; обозначены цѣны сгорѣвшихъ предметовъ.

Въ 1766 г., въ менской и борзенской сотняхъ черниговскаго полка были значительные пожары. Горѣли дома выборныхъ и подпомощныхъ казаковъ и посполитыхъ. Были составлены подробныя вѣдомости убытковъ, причемъ убытки обозначены подворно. Изъ этихъ вѣдомостей оказывается такая цѣнность построекъ, скота, и утвари: рубленая хата съ сѣнями и прикоморкомъ отъ 10 до 25 руб., хата плетневая 5 руб., комора рубленая съ помостомъ 3 руб., плетневая клуня на двухъ сохахъ 4—5 руб., плетневый хлѣвъ 50 коп., большая кровать 1 руб. 50 коп.; новый столъ 35 коп.,

скрыня 10 коп., 2 деревянныхъ ведра 4 коп., конскій возъ 40 и 50 коп., смотря по величинѣ, сави 15 коп., пара новыхъ колесъ 12 коп., двѣ новыхъ оси 4 коп., улей для пчелъ 6 коп., плугъ 12 коп., борона 10 коп., воловое ярмо 6 коп., вербовья доски по 1 коп. за доску, осоковья по 1/4 коп., липовья по 2¹/₂ и дубовья по 5 коп., четверть жита 2 руб., четверть ржаной муки 2 руб. 20 коп., четверть гречневой муки 1 руб. 50 коп., четверть овса 80 коп., четверть ячменю 1 руб. 80 к., четвертикъ конопляннаго сѣмени 30 коп., четверть проса 90 коп., четверть гороха 2 руб. 80 коп., „сало едно“, т. е. откормленная свинья, 1 руб. 50 коп., старая овца 50 коп., молодая овца или ярка 27 коп., поросенокъ 4 коп., гусь 10 коп., утка 3 или 4 коп., курица 2 коп., новый овчинный кожухъ 1 руб. 20 коп., попошенный 20 коп., мужская рубаха 10 коп., женская 20 коп., черцовый поясъ отъ 20 до 25 коп., смушевая шапка 30 коп., пара чоботъ 20 или 40 коп., большое одѣяло 60 и 80 коп., рядно 20 коп., подушка 20 коп. и 40 коп., смотря по величинѣ, сѣдло съ уборомъ 1 руб. 50 коп., сабля 50 коп., фунтъ пороху 25 коп., 70 свинцовыхъ пуль 14 коп., 600 папушъ табаку 2 руб. 40 коп., новая рыболовная сѣть 50 коп., ручникъ 6¹/₂ коп.

Цѣны эти въ вѣдомостяхъ обозначены многократно и въ примѣненіи къ разнымъ селамъ черниговскаго полка, с. Куковичъ менской сотни, с. Макошицѣ, той-же сотни, г. Борзнѣ и друг.

По цифрѣ убытковъ можно отчасти судить, насколько выборные козаки были богаче козаковъ подпомощныхъ, и послѣдніе богаче посполитыхъ; такъ въ с. Куковичахъ у выборныхъ козаковъ погорѣло у одного на 56 руб., другаго 75 руб., третьяго 52 руб.; у подпомощныхъ казаковъ у одного на 23 руб., у другаго на 31 р., у третьяго на 16 руб., а у посполитыхъ на 10 руб., 14 руб., 7 руб., 3 руб., 1 руб. 90 коп., 1 руб. 25 коп.

Н. В. С — въ.

КЪ СТАТЬѢ „СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ“¹⁾.

По прочтеніи мною въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ статьи: „Судъ надъ вѣдьмами въ южной Руси“, мнѣ были

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1883 г., кн. XI, стр.

доставлены дополненія къ ней отъ предсѣдателя общества, профессора А. А. Потебни и отъ члена общества М. Д. Линда. Сообщаю здѣсь эти дополнительные свѣдѣнія. Два первые разсказа записаны г. Потебней въ 60-хъ годахъ въ с. Перекоповкѣ, **роменскаго уѣзда**, отъ его тетки и относятся по времени, когда ею слышаны, къ 20-мъ годамъ. Г. Линда, какъ очевидецъ, передаетъ о томъ, какимъ образомъ испытывалм вѣдмъ водою въ концѣ 50-хъ годовъ.

I.

Баба „украинка“ (бо ходила „на Украину“ на заробітки) розказувала, що якъ дівувала, то ходила на досвітки. А на ту „досвічану матір“ казали, що вона відьма. Я, каже баба, дай до неї ліститця та допитуватись, чи правду люде кажуть? А вона й призналась. „Навчи, кажу, й мене відьмувати.“—Ну, приходи до мене на попрахи. Якъ прийшла я, чи пряла, чи ні—„сходи, каже, у садокъ та йди геть по стежці, та що побачишъ й мені скажи“. Пішла я, ажъ тамъ у ямі, чи у яру—стерво, а черви такъ клубами й звиваютьця и розвиваютьця. Вернулась я и розказую: „отъ такъ, каже, й стягнуть й душу твою й тіло“. А далі, якъ люде уже облягли та обіспали, та досвічана матір звеліла мени одрікатись одъ батька й матери и одъ Бога, та, знявши образъ, звеліла на його плювати. Я злякалась, та втикати, а втикаючи чула, що відьма каже: „изылажъ ты мене сяка-така.“ А вранці ту відьму знайшли задавлену, чи що.

II.

Была у насъ въ Перекоповкѣ баба „литвинка“ (зъ литвы, т. е. изъ сѣверной части черниговской губерніи). Покойный батюшка звалъ ее горячою, потому что „ногала“ была; она „знахорюзала“

„Дівки на порі“ ходили на улицю особо, а „піддівочи“, подростки лѣтъ 14—15, особо. Вотъ „піддівочи“ захотѣли переманить парубковъ отъ старшихъ дѣвокъ къ себѣ и за совѣтомъ обратились къ Гарячей. Та посовѣтывала взять на витушку полъ мотка нитокъ и въ полночь смотать, заходя съ разныхъ сторонъ, отъ разныхъ „концовъ“ или „десятковъ“ (улицы, имѣвшія своихъ десятниковъ), „щобъ парубки зыходились зъ усихъ сторонъ“. „А яка схоче,

каже, парубка до себе принадлежи—то узяти слідъ съ підъ нігъ та замазати у челюсти (печи), а то ще макомъ свяченимъ на Великдень обсяти парубка (способъ, который практикуется до пынѣ).

Чары эти имѣли успѣхъ. Парубки оставили старшихъ дѣвокъ и перешли къ „піддівочимъ“, между которыми были очень красивыя. Одна попробовала прилучить къ себѣ самаго красиваго парубка чарами на слѣдъ. Случилось, что парубокъ скоропостижно умеръ. Дѣвчата перепугались до того, что нѣкоторые попризнавались матерямъ. Матери, посовѣтовавшись между собою, да къ старшинѣ. „Гарячу“ отхлестали: „коли знахорюешъ, такъ роби, якъ хочъ, а нашихъ малолітківъ зъ пути не зводъ“.

III.

Въ концѣ времени крымской войны мнѣ пришлось быть въ с. Полонецкомъ, въ 10 или 12 верстахъ отъ Умани. Дорога отъ Умани въ это село идетъ мѣстами вдоль берега рѣки, въ одномъ мѣстѣ котораго съ высокаго гранитнаго обрыва, сажень въ 7—8 вышины, прыгали кантонисты въ рѣку, во время своего ученья плаванью. Вблизи этого береговаго обрыва была и приспособленная спеціально для этого ученья постройка: высоко возвышающійся надъ водою помостъ на сваяхъ; съ этого помоста прыгали кантонисты, начинавшіе свое ученье плаванью и продолжали на обрывѣ берега. Въ этомъ мѣстѣ, однажды, въ концѣ лѣта, произошелъ судъ крестьянъ надъ вѣдьмами. Вѣдьмъ было, кажется, пять; крестьяне сначала хотѣли бросить ихъ въ рѣку съ помоста, на который съ берега была устроена лѣстница, но начальство роты кантонистовъ не позволило этого, и судившіе отправились къ обрыву. Толпа, сопровождавшая судбище, осталась въ отдаленіи; судьи раздѣли судимыхъ до пага, связали имъ руки и ноги, опоясали ихъ концами длинныхъ веревокъ и, держа другіе концы въ рукахъ, бросали судимыхъ ницъ лицомъ, съ обрыва въ воду. Постѣ сбрасыванія наблюдали, не выплываетъ-ли обвиняемая на поверхность воды; если не выплываетъ, то ее вытаскивали беревкою на берегъ, и объявляя певнною, предоставляли ей одѣваться. Если-же брошенная въ воду женщина выплывала тотчасъ, то ее объявляли вѣдьмою, вытаскивали изъ воды и съ крикомъ гнали въ село пе-

одѣтою. Вѣдьмъ оказалось двѣ. Судъ происходилъ около полудня, и на него собрался пародъ изъ многихъ окрестныхъ деревень. Что было дальше, не извѣстно.

П. Е.

ЕЩЕ РАСКАЗЕЦЪ О ВОВКУЛАКАХЪ И ЧАРОВНИКАХЪ.

Бхалъ я однажды на охоту съ хлопцемъ-козачкомъ села Козиниць, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, и между разговоромъ онъ спросилъ у меня:

А чи чули вы, якъ сю нічъ валовали собаки?

— Ні, а що?

— Сю нічъ коло нашого двору у Олексихи вовки задовили двоє овець... Да те чудно, що ничого не їли, а тільки попрокушовами горла, повипускали зъ черева тельбухи да повыїдали печіянни... Кажуть, се вовкулаки.

— Щожъ то за вовкулаки?

— Се, бачите, люде, котріхъ поперевертано па вовкивъ. Хиба не чули вы, якъ отъ у якомусь селі, забувъ у якому, казавъ дідъ Вересонъ, що ціле весілля перевернево пибы у вовкулаки. Такъ се, каже, було: пішло весілля до церкви, а одну бабу забули покликать на *Отче нашъ*; отъ вона й поробила имъ, що якъ выходило весілля зъ церкви, а музыка йшовъ навпроти ихъ стрічати, вінъ таки бувъ кривий, да якъ зійшлися вмісто, такъ и побігли вовками. И теперъ е люде, що бачили осе весілля; такъ и біга зъ червоными стрічками на головахъ, и кривий музыка шкутыльга за ними. А отъ на Чорпоморіи, казавъ батько, е таки, що берутся бути дружками за гроши, щобъ боронити весілля одъ наговору. Такъ разъ було: иде весілля, а дружко й побачивъ, що одна баба одчипла кватирку, да щось шепче та й шепче. Вінъ, якъ примітивъ те, заразъ каже: стій. Весілля стало. Вінъ щось поробивъ руками, да й каже: щобъ у тебе на голові таки роги выросли, щобъ ни въ хату, ни зъ хаты. Тільки що сказавъ, заразъ и поросли роги у бабы ажъ підъ стелю. Такъ и пропала баба“.

С. Н. Исаевичъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

Лѣтомъ нынѣшняго года пришлось мнѣ быть въ г. Ромнахъ, полтавской губерніи, и бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ обывателей, не тронутыми еще культурой. Передаю изъ этихъ бесѣдъ два цѣльные разсказа въ той-же простой формѣ, въ какой мнѣ самому довелось ихъ слышать, давъ имъ хоть такія заглавія:

1. Отцовское завѣчаніе.

Говорилъ одинъ отецъ, умирая, на прощаньѣ съ своимъ сыномъ: „сынку,—хочешь въ счастья та въ споконъ жити, навить Богови не вірь, зъ полицейскимъ не дружи, жилиці правды не кажи и въ скоробогатка грошей не проси!“

Приздумался смѣхъ надъ такимъ страннымъ завѣщаніемъ отца. „Этъ, сказано, умира старый“, порѣшилъ онъ и забылъ.

Не скоро какъ-то собрался онъ въ поле, или въ сосѣднее село. День былъ ясный, солнце на пришекъ, въ небѣ ни тучки. „На що іого, думаетъ онъ, свиту брать!“ и поѣхалъ. Но не успѣлъ выѣхать и за царину, какъ полилъ дождь, какъ съ ведра. Тогда человѣкъ тотъ голову почесалъ и говоритъ: „правду батько говоривъ, шо и Богови не вірь; отъ якъ бы узивъ свиту, такъ не страшно було-бъ дощу“.

Вскорѣ потомъ попадобились тому человѣку деньги и онъ взялъ ихъ въ займы у скоробогатка, а тотъ, что ни день Божій, все къ нему: „давай гроши та й давай, хотъ душу выймай“, или къ сосѣдямъ идетъ и спрашиваетъ ихъ, не банкротится-ли должникъ. И такъ надоѣлъ онъ тому бѣдному человѣку, что тотъ и говоритъ: „на тобі, братику, и гроши твои и процентики, та розвяжи мені голову, коли ты такъ трусвишься за ними“.

И подумалъ: „правду батько казавъ“...

Только вновь любопытство его беретъ: отъ чего-же отецъ, умирая, говорилъ еще: „зъ полицейскими не дружи, жилиці правды не кажи?“ А онъ и съ полицейскими дружилъ и женѣ довѣрялъ во всемъ. Вотъ и думаетъ себѣ: „дай-же, я ихъ испытаю“. Вотъ закололъ онъ поросенка, зажарилъ, вложилъ ему въ зубы хрѣнь, уложилъ въ маленькій гробикъ, поставилъ туда водки и закуски и закопалъ въ погребу, а вечеромъ и говоритъ женѣ: „жишко, голу-бонько, не скажешь никому, якъ я тобі признаюсь?“

— Ні, отвѣчала жена; хай мене Богъ побье, хай мені и се и те, никому, чоловіче, зъ роду, зъ віку не скажу.

— Ну добре, говорить ей мужъ; такъ и такъ, говорить, у мене гріхъ великій на душі—я загубивъ чоловіка.

— Де-жъ ты его дівъ? спросила жена.

— Отъ тамъ, у погребі закопавъ, отвѣчалъ тотъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Не прошло и недѣли послѣ того, какъ мужъ повздорилъ за что-то съ женой. Та и говорить ему.

— А ты такъ? Сякій такій сыну! Такъ зъ жінки згнуцаешься? Постій-же, я тобі оддачу!

И выбѣжала на улицу, да давай голосить:

— Охъ мені лишенько! спасти, боронить мене. Ой пропала моя головонька! заріже вінъ и мене, якъ того бідного чоловіка!

Тутъ случился полицейскій и сей часъ-же: что да какъ? А жена и рассказала.

Сей часъ слѣдствіе, допросъ. Тотъ давай проситься. Куда! и слушать не хотятъ. Сей часъ его раба Божія подъ арестъ, да въ погребъ. Тутъ понятые, протоколь... жена мѣсто показала. Откопали и раскрыли... видять—поросенокъ.

„Ну, говорить тогда человекъ; оце вамъ и мертвецъ, тильки що печеный—не холодець. Пожалуйте, говорить, вышитъ и закусить, та більшь до господы не ходить“.

Тѣ сюда-туда; мы, говорятъ, и те и се для васъ.

А жінка: „прости мени, голубчику милый!“

Тутъ-то понялъ человекъ, что не даромъ говорилъ отецъ: „зъ полицейскимъ не дружи, жінці правды не кажи“.

2. Непонятая любовь.

Женился какой-то тамъ парубокъ на очень пригожей „дівчинѣ“. Любишь онъ ее крѣпко, а о любви съ нею никогда не говорить. Жили они уже не мало, какъ Богъ повелѣлъ. Только разъ какъ-то нашла на мужа блажь и онъ присталъ къ женѣ: сважи, говорить, мені, якъ ты любишь мене?

А она и говорить ему: люблю тебе, чоловіче, якъ вітеръ у полі.

— Э, коли такъ, отвѣчалъ онъ разсердившись, то оставайся собі здорова... не хочу я жить зъ тобою, піду свѣтъ за очи.

И пошелъ.

Гдѣ-то далеко нанялся онъ въ работники къ какому-то хозяину и забылъ совсѣмъ жену. Только разъ лѣтомъ возили снопы и докладывали высокую-превысокую, тамъ-же въ полѣ, скирду. Стояла нестерпимая жара; даже въ полѣ жгло, какъ отъ печки въ какомъ-нибудь заводѣ. Усталъ тотъ человѣкъ, да и легъ тутъ-же на возу, съ котораго снопы бросалъ, и лежитъ, а хозяинъ глядитъ на него и ничего ему не говоритъ, потому что зналъ, что это не лукавый работникъ. Лежитъ тотъ бѣдный человѣкъ,—голова горитъ, во рту пересохло, руки повисли, самъ весь какъ разваренный.

Вдругъ,—у Бога все готово,—подулъ свѣжій вѣтерокъ... Будто вновь на свѣтъ работникъ народился, издохнулъ, приподнялся да и съ воза.

— Куди ты? спрашиваетъ хозяинъ.

— Прощайте, папъ-отче! отпѣчаетъ работникъ. Годі вже служити, вернусь до дому. Спасыбі вамъ за хлѣбъ за сѣль!

— Що, якъ, чого?

— Та такъ и такъ, говоритъ тотъ человѣкъ, и рассказалъ хозяину, что и какъ заставило его идти въ работники.

„Теперь же, прибавилъ онъ, я бачу, якъ вона мене, моя голубка, любить“.

А хозяинъ ему въ отвѣтъ: „не можу-жъ я тебе держать, бо твое діло законце“.

Когда-жъ домой вернулись, хозяинъ рассчиталъ его, какъ слѣдуетъ, наградилъ и въ дорогу съ Богомъ отпустилъ.

И пошелъ тотъ человѣкъ къ своей женѣ, и стали снова вмѣстѣ жить и другъ друга любить, какъ Господь приказалъ; только уже не спрашивалъ больше тотъ человѣкъ свою жену, какъ она любитъ его, и не покидалъ ее до самой уже смерти.

А. Грабина.

НЕКРОЛОГЪ.

Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій.

Въ ряду іерарховъ русской церкви нынѣшняго и гораздо болѣе ранняго времени мы не можемъ указать лица, которое, подобно почившему архипастырю, въ одинаковой степени привлекало-бы къ себѣ и самое глубокое уваженіе и высоко-сердечныя симпатіи. Чѣмъ покоряли себѣ сердца людскія прославленные въ исторіи герои—правители и вожди народныя, предводители побѣдоносныхъ полчищъ, понять это не трудно, но чѣмъ могъ привлекать къ себѣ общественныя массы скромный и молчаливый іерархъ нашего времени, представитель однихъ лишь нравственныхъ началъ, такъ глубоко упавшихъ въ нашемъ общественномъ сознаніи, не искавшій въ мірѣ ничего, не жившій въ немъ и для него, появлявшійся въ средѣ людей лишь въ часы общественной молитвы, не пользовавшійся для дѣйствія на нихъ и произведенія эффекта даже своимъ богатымъ даромъ слова,—это до нѣкоторой степени можетъ составлять загадку и считаться тайною его души.

Проявленія общественнаго сочувствія, по случаю его смерти и погребенія, вызвали много горячихъ словъ о рѣдкихъ качествахъ почившаго архипастыря и вліяніи его на общество. Въ свою очередь и мы не можемъ не посвятить памяти усопшаго іерарха нѣсколькихъ строкъ на страницахъ нашего спеціальнаго изданія, и это не по движенію только личнаго нашего чувства къ незабвенному нашему ректору и профессору, но и потому, что многіе годы долгой жизни его принадлежать югу Россіи и въ частности Кіеву. Уроженецъ и воспитанникъ рязанскій, опъ свое высшее образованіе получилъ въ академіи кіевской, въ стѣнахъ которой, считая и годы ученія, пробылъ ровно 20 лѣтъ.

Посвящая наше слово свѣтлому имени высокопр. Димитрія, мы не станемъ говорить ни о его происхожденіи и первоначальномъ образованіи, ни о его долгой академической и архіерейской службѣ, ни еще менѣе о полученныхъ имъ по службѣ отличіяхъ. Мы отмѣтимъ лишь тѣ черты въ его личности и тѣ факты изъ его жизни, которые выдвигаютъ его далеко изъ ряда нашихъ знаменитостей вообще и въ частности іерархическихъ.

Начнемъ съ того, что молодой студентъ Климентъ, въ монашествѣ Димитрій, Муретовъ чрезъ два года по окончаніи курса въ

академіи становится ординарнымъ профессоромъ по самой главной и первой богословской каѳедрѣ энциклопедіи богословскихъ наукъ, имѣя у себя экстраординарнымъ профессоромъ инспектора академіи архимандрита Григорія (впослѣдствіи калужскаго епископа), чрезъ другіе два года занимаетъ его административный постъ, а еще чрезъ два года становится во главѣ высшаго учебнаго заведенія, въ должности ректора академіи. Кто и гдѣ можетъ указать примѣръ подобнаго, невѣроятно быстраго возвышенія? И это не въ придворной или военной сферѣ, гдѣ, помимо дарованій и заслугъ, карьера создается иногда какою нибудь случайностію—связями, протекціею, бойкостію рѣчи, даже внѣшностію и ловкостію въ танцахъ, но происходитъ это въ заурядной училищной сферѣ, гдѣ даже особо привилегированное монашество тянуло подъ часъ служебную лямку десятками годовъ. Притомъ академія не стояла тогда такъ одиноко, какъ теперь, на подобіе заѣзжаго двора; ей подчинялись и такъ сказать органически связывались съ нею до полутора десятка духовныхъ семинарій и до полусотни духовныхъ-же уѣздныхъ училищъ. Итакъ архимандритъ Димитрій, спустя шесть лѣтъ отъ окончанія курса въ академіи, былъ не только ректоромъ оной, но вмѣстѣ начальникомъ обширнаго духовно-учебнаго округа, имѣвшимъ подъ собою до 500 подчиненныхъ. Только необыкновенныя дарованія молодого и никому неизвѣстнаго монаха Димитрія могли создать ему столь необычайно быструю карьеру; ни родство, ни кумовство, ни даже дѣйствовавшее тогда землячество не имѣли тутъ мѣста. Знаменитый въ то время ректоръ кievской академіи, Иннокентій Борисовъ оцѣнилъ дарованія Димитрія и сдѣлавъ ему свою первенствующую богословскую каѳедру, пожелалъ въ лицѣ его поставить себѣ преемника, менѣе блестящаго, чѣмъ былъ самъ, но болѣе его глубокаго мыслителя, уступавшаго ему въ смѣлости и оригинальности воззрѣній, но превосходившаго его широтою и основательностію сужденій.

Шестнадцать самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни отдалъ преосв. Димитрій кievской академіи и оставилъ на ней неизгладимые слѣды своего сильнаго и разносторонняго вліянія; изъ нихъ четырнадцать лѣтъ посвящены имъ главнымъ образомъ разработкѣ богословской науки. Съ свѣтлымъ, воспримчивымъ умомъ, при необъятной памяти, непрерывными усидчивыми занятіями молодой богословъ достигъ

самой широкой эрудиціи въ избранной имъ научной области, овладѣлъ вполнѣ источниками христіанскаго вѣроученія и всѣми соприкосновенными имъ отраслями знаній и пришелъ къ счастливой мысли примѣненія къ богословской наукѣ историческаго метода. Это было тогда совершенною новостію не только въ богословской наукѣ, но и въ другихъ научныхъ сферахъ; но оно дало его изложенію стройную систему, незыблемую прочность, живость и прелесть новизны. Да, онъ создалъ у насъ богословскую науку, но не въ смыслѣ освобожденія оной отъ схоластическихъ оковъ, какъ утверждаетъ неизвѣстный авторъ замѣтки о немъ въ одной изъ одесскихъ газетъ, а въ смыслѣ установленія стройной системы и правильнаго метода. Какіе слѣды схоластики могли остаться послѣ смѣлаго новатора Иннокентія? Но его новаторство не было обосновано строго-научнымъ образомъ и его богословствованіе винили въ неологизмъ; преемникъ его по кафедрѣ, Дмитрій, подвелъ крѣпкій фундаментъ и снялъ съ науки опасный для нея упрекъ. Сравнивая работу этихъ двухъ выдающихся богослововъ, можно сказать, что первый лишь смѣлыми шагами намѣтилъ путь къ зрѣлому богословствованію, а второй разчистилъ этотъ путь и сдѣлалъ его столько-же вѣрнымъ, какъ и безопаснымъ.

Но не въ одной вѣрной постановкѣ и обработкѣ богословской науки состояла заслуга арх. Дмитрія для нашей академіи; онъ имѣлъ рѣдкія, неоцѣнимыя преимущества, какъ профессоръ вообще, и ими-то приковывалъ къ себѣ вниманіе слушателей и производилъ на нихъ неотразимое вліяніе. Преимущества эти заключались въ самой серьезной подготовкѣ его къ каждой лекціи, ясномъ и опредѣленномъ представленіи имъ ея содержанія и объема, въ ясномъ-же и солидномъ изложеніи, безукоризненно чистой и даже изящной рѣчи и превосходной дикціи. Мы слушали послѣдній читанный имъ курсъ, который даже не былъ вполнѣ оконченъ имъ, за послѣдовавшимъ назначеніемъ его въ епископа тульскаго. Онъ былъ тогда во цвѣтѣ силъ и развитія, во всеоружіи учености, и не ослабѣлъ ни на іоту въ живости и сочувствіи къ своему дѣлу. Мы живо помнимъ эту высокую, могучую и привлекательную фигуру съ роскошной, какъ смоль черной, бородой. Ровно въ десять часовъ, мѣрнымъ какъ размахи памятника шагомъ, проходилъ онъ изъ своей квартиры, съ другаго конца двора, въ давно знакомую ему аудиторію.

Подойдя спокойно и ровною поступью къ кафедрѣ и прослушавъ молитву, онъ не всходилъ на кафедру, не садился за столъ, но сдѣлавъ легкій въ обѣ стороны поклонъ, разъ или два молча проходилъ по классу, а за тѣмъ раздавалось его классическое: „ну-съ, мы теперь подходимъ...“, или: *хотя*, либо: *съ другой стороны...* и лилась живымъ, все болѣе и болѣе усиливающимся и расширяющимся потокомъ полная ума и знанія рѣчь. Привычнымъ мѣрнымъ шагомъ движется колоссальная фигура лектора въ задъ и впередъ между двухъ рядовъ превратившихся въ слухъ студентовъ; сильный, густой басъ его, съ замѣтною сдержанностію, раздается въ видѣ непрерывнаго, то ослабѣвающего, то усиливающегося рокота или гула, котораго однако каждый звукъ явственно слышится на всей линіи движенія и на неизмѣнныхъ поворотахъ. Ни на минуту не оставится дивный лекторъ, ни на одномъ словѣ не запнется и не поправится, и никакой у него неточности, ни обмолвки, но самымъ тщательнымъ образомъ обработанная рѣчь. Порой поднимается его голосъ и вы слышите отборныя, блестящія фразы, и снова затѣмъ льется ровная, гладкая, какъ ширь тихаго залива, рѣчь. Въ рукахъ у него ни книжки, ни тетрадки, ни какого-либо клочка бумаги, а между тѣмъ лекція переполнена подъ часъ ссылками, цитатами, выдающимися свидѣтельствами, и все это, отъ словъ до цифръ страницъ, приводится съ поразительною точностію по памяти. А лекціи тогда были двухъ-часовыя; и такъ отъ звонка до звонка, три и четыре раза въ недѣлю, а въ иные курсы и каждый день. Присоедините къ этому многочисленныя и разнообразныя занятія знаменитаго профессора по званію ректора академіи и начальника округа, по должности члена консистеріи, редактора журнала и настоятеля монастыря, прибавьте нѣкоторыя знакомства и частыя служенія, особливо съ митрополитомъ и иногда съ длинными и накладнымъ обѣдами, и тогда ясно будетъ, какой необычайный талантъ и какая масса труда требовались для тѣхъ лекцій, которыя мы по далекой памяти очертили. Признаемся, во всю нашу жизнь мы не слышали ничего совершеннѣе этихъ чтеній. Намъ памяты въ особенности восхитительная аналогія, которую проводилъ высокоталантливый нашъ профессоръ между ветхозавѣтными пророчествами о евреяхъ и ихъ историческою судьбою, современнымъ социальнымъ положеніемъ, нравственными и физическими чертами, равно та естествен-

ность, простота и психологическая вѣроятность, съ которыми объясняли онъ мистико-аллегорическое ученіе о мытарствахъ. Тамъ видна была тонкая кисть художника, здѣсь глубокій анализъ психолога и вмѣстѣ глубоко вѣрующаго человѣка.

Но изъ всей груды умственныхъ сокровищъ, которыя рассыпалъ нынѣ усопшій іерархъ въ своей аудиторіи, въ теченіи 16-ти лѣтъ, не осталось ни одной строчки записанной его рукою. Въ каждомъ курсѣ академическомъ въ числѣ студентовъ было два-три самоучки-стенографы, которые записывали каждую лекцію Димитрія въ классѣ, дополняли, сводили и редажировали записи дома и такимъ образомъ имѣли по чемъ готовиться къ экзамену. Каждый курсъ имѣлъ по этому особыя списки лекцій Димитрія, которыхъ онъ однако никогда не видѣлъ и которые потомъ неизвѣстно куда дѣвались. Лишь въ X курсѣ студентомъ Н. Оглоблинымъ (впослѣдствіи ключаремъ кіево-софійскаго собора) составлена была самая полная и точная записъ всѣхъ лекцій Димитрія, которая, по разсмотрѣніи ея самимъ лекторомъ, перешла къ товарищу Оглоблина, извѣстному потомъ митрополиту Макарію Булгакову и разработана имъ самостоятельно въ составившее ему извѣстность „Введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ“.

Полную цѣну чтеніямъ арх. Димитрія мы узнали лишь тогда, когда на стулѣ, на которомъ онъ никогда не садился, возсѣлъ маленькій ростомъ, слабый здоровьемъ и голосомъ, рыжеволосый и въ добавокъ пришепѣтывавшій докторъ богословія, арх. Антоній Амфитеатровъ и разложивъ по столу книги и тетради, началъ трактатъ о таинствахъ, прерываясь, поправляясь и заглядывая попеременно то въ книги, то въ тетрадь. Это былъ отличный администраторъ, прекрасный человѣкъ, не дюжиннаго даже ума и знаній, но слушать его послѣ Димитрія не было ни малѣйшей охоты, и явился онъ точно для того, чтобы отгнать собою исполнское обаяніе проф. Димитрія.

Въ свою очередь безсмертный профессоръ не обладалъ талантами администратора и организатора и если такъ долго держалъ на извѣстной высотѣ и академію и другія зависѣвшія отъ него учрежденія, то единственно несобъятною силою своего нравственнаго авторитета, своею безконечною добротою и любовію, которыми онъ безъ словъ и училъ, и наставлялъ, и приказывалъ, и наказывалъ,

и обзывать, и привязывать всѣхъ къ себѣ. Въ бытность свою инспекторомъ академіи онъ какъ-то въ поздній вечеръ пашель на академическомъ дворѣ подгулявшаго гдѣ-то и совсѣмъ свалившагося съ ногъ студента. Молча, поднялъ онъ его съ земли, взялъ подъ руку, привелъ въ номеръ и пропустивъ въ слегка приотворенную имъ-же дверь, быстро скрылся. Проспавшись, виновный радъ былъ сквозь землю провалиться, а своеобразный цензоръ студенческихъ правовъ такъ и не звалъ его къ себѣ. Въ послѣдніе годы ректорства Димитрія сочиненъ былъ извѣстный акаѳистъ *кукурузь*, не вызвавшій, конечно, никакого преслѣдованія съ его стороны, равно случился знаменитый бунтъ студентовъ изъ-за поданной въ столовой рыбы *тарани* съ холодной подливой изъ гречневой крупы. Когда наши старшіе явились къ ректору съ своимъ мышинымъ протестомъ, онъ, выслушавъ съ обычнымъ спокойствіемъ ихъ рѣчь и даже ссылку на высочайшій указъ, воспрецававшій якобы употребленіе *тарани*, сказалъ всегдашнее свое „хорошо-съ“, поклонился и удалился во внутренніе покои, а на другой день въ столовой явилось нормальное росписаніе блюдъ, отъ котораго мы, избалованные отчасти тѣмъ-же добрымъ ректоромъ (*тарань* явилась какъ-то случайно), желали избавиться еще болѣе, чѣмъ отъ ненавистной *тарани*, въ чемъ и успѣли проявленными нами терпѣніемъ и послушаніемъ...

Проводы Димитрія изъ академіи, по назначеніи его спискомъ тульскимъ, были въ высокой степени трогательны и ничего подобнаго имъ не приходилось уже намъ встрѣчать когда либо въ жизни. Въ этотъ день не было у насъ ученія и мы помянули его по *студенчески*... Не было, кажется, шалости, ребячества, которыя не прощались-бы теперь ради великаго имени нашего учителя. Обнимались, цѣловались, прощали другъ другу обиды, клялись служить наукѣ, любить другъ друга..., гурьбой ходили въ квартиру Димитрія, садились на его мебель, глядѣли на опустѣлыя отъ книгъ шкафы, шли въ аудиторію и снова возвращались въ 5 № тушить скорбь въ вишѣ. Поднимался шумъ, гамъ разгоряченныхъ головъ. Вдругъ кто-то изъ студентовъ вскакиваетъ на столъ и высоко поднимаетъ портретъ Димитрія. Всѣ, какъ одинъ, преклонились передъ нимъ и послышалось глухое рыданье...

Въ архіерейскомъ званіи преосвященный Димитрій пробылъ тотъ срокъ, какимъ приблизительно исчисляется срокъ жизни Иисуса

Христа,—тридцать три съ половиною года, и былъ живымъ воплощеніемъ Его ученія о пастырѣ *добромъ*. Изъ Тулы (1851—1857) онъ переведенъ въ Одессу, отсюда въ Ярославль, оттуда, по собственному желанію, перешелъ въ Житомиръ и наконецъ опять возвратился въ Одессу. Съ принятіемъ епископскаго сана, славный доселѣ богословъ профессоръ, совсѣмъ оставилъ науку, чтобы она не мѣшала ему, какъ нѣкоторымъ другимъ, въ исполненіи пастырскихъ обязанностей. Вся жизнь его отселѣ посвящена богослуженію, проповѣди, управленію и самой широкой благотворительности. Его благоговѣйное служеніе производило глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и невольно влекло къ молитвѣ; его проповѣдь исполнена была высокой христіанской мудрости и назиданія, согрѣта была всегда теплымъ христіанскимъ чувствомъ, дышала высокимъ и сильнымъ краснорѣчіемъ и чужда была вовсе модныхъ словъ и фразъ, легкаго, игриваго изложенія, нѣ котораго какъ-бы фельетонизма, которые, къ глубокому прискорбію вѣрующихъ, проторгаются теперь и на церковную кафедру; его благотворительность не знала границъ и въ соединеніи съ кротостію, добротою и смиреніемъ, создала ему ту феноменальную популярность, которая сказалась въ особенности теперь при его погребеніи и предъ которою становятся въ тупикъ газетчики, не находящіе словъ для выраженія удивленія къ личности почившаго архипастыря. А онъ ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только буквально выполнялъ заповѣдь Христа Спасителя: *просящему у тебя дай и хотящему у тебя взять не отврати*.

Чтобы наглядно представить, какъ онъ выполнялъ эту заповѣдь, приведемъ два слѣдующіе, едва-ли кому извѣстные случаи. Еще въ бытность арх. Димитрія ректоромъ академіи мы видѣли, какъ приходили къ нему и выходили отъ него, особливо по субботамъ, десятки не простыхъ только уличныхъ пищихъ, но и другихъ бѣдныхъ людей. Все большее его содержаніе уходило на нихъ и не рѣдко, не имѣя чего дать, онъ бралъ деньги въ займы у своихъ келейниковъ. Разъ приходитъ къ нему какой-то военный и назвавшись полковникомъ, просить въ займы 1,000 р., заявляя, что отъ этого зависитъ судьба его и его семьи. Не входя ни въ какіе распросы, добрый архимандритъ прошелъ молча въ кабинетъ, вынесъ оттуда толстый свертокъ и подавая просителю, сказалъ: „извините, полковникъ; ей, нѣтъ у меня такой суммы, а вотъ, сколько наш-

лось, прошу принять“. Въ сверткѣ было 600 р., но ни ихъ, ни полковника онъ ужъ больше не видалъ.

Другой случай.—Въ Тулѣ къ преосвященному Димитрію приходитъ какъ-то бѣдная мѣщанка и проситъ у него въ займы два рубля. Пошарилъ онъ въ карманахъ,—пусто, въ столахъ тоже; пошелъ къ келейнику, къ другому, во всемъ архіерейскомъ домѣ не нашлось *двоухъ* рублей. Спрашиваетъ онъ мѣщанку: „да на что тебѣ, матушка, два рубля?“ думая, нельзя-ли какъ-нибудь иначе ей помочь. „Да вотъ, отецъ ты мой, говоритъ она ему, мужъ у меня померъ. Горе мое горькое! Гробъ-отъ кой-какъ сколотили, яму роютъ тожъ, да вотъ попъ за похоронъ два цѣлковыхъ запросилъ, и иначе, говоритъ, и хоронить не стану. Я его просить, а онъ насупротивъ: да у меня говоритъ, мать моя, у самого семеро ребятшекъ, тоже хлѣбушка просятъ... Займи!—Да гдѣ занять-то? Вотъ и пошла къ тебѣ. Коровушку-то какъ продамъ, всѣхъ одѣлать буду, и тебя не забуду... Право слово!“ „Право, матушка, теперь денегъ у меня не случилось, отвѣчалъ ей пастыръ добрый; да ты однако не безпокойся, иди домой, я самъ буду хоронить твоего мужа“. И тотъ часъ послалъ сказать священнику, что самъ будетъ на выпись, служеніе и отпѣванье. Приѣхалъ, поднялъ покойника отъ лачуги и въ церковь проводилъ; служилъ всенощную, на другой день обѣдню, сказалъ поразительное своею умиленностью слово, и совершивъ отпѣванье, проводилъ гробъ на кладбище и пригласилъ собравшихся во множествѣ священниковъ къ себѣ на поминальный обѣдъ. Во все время владыка не проронилъ слова о случаѣ, по которому отпѣвалъ бѣдняка; только по окончаніи обѣда, отпуская сослужившихъ ему іереевъ, онъ подошелъ къ приходскому и кротко подалъ ему два рубля. Тотъ радъ былъ сквозь землю провалиться, но владыка всунулъ ему въ руку два рубля, кротко говоря: „видите-ли, я служилъ по доброй моей волѣ, а вы вѣдѣтѣмъ живете; жалованья вамъ не даютъ, откуда-же взять?“

Къ этимъ двумъ случаямъ прибавимъ третій, свѣжо переданный въ одесскихъ газетахъ, переполненныхъ подробностями невиданнаго и неслыханнаго сочувствія, какое проявляли всѣ классы и всѣ національности одесскаго населенія, провожая въ могилу скончавшагося своего архипастыря.—Въ недавнее уже время приходитъ къ нему какая-то вдова и проситъ пособія. „Право, не случилось

теперь у меня денегъ, отвѣчаетъ высокопреосвященный Димитрій; не зайдете-ли какъ-нибудь послѣ?“ Въ это время подають ему пакетъ съ деньгами, отъ какого-то семейства, въ которомъ онъ не давно хоронилъ, и онъ не вскрывая пакета, отдаетъ его вдовѣ съ словами: „а вотъ Богъ на ваше счастье посылаетъ“. Вдова выходитъ и вскрываетъ пакетъ; въ немъ оказалось 300 р. Пораженная суммой, о которой ей въ голову не приходило, она возвращается къ архіепископу, объявляетъ случившееся и отдаетъ обратно пакетъ, заявляя, что такой суммы она не смѣетъ взять. „Ну, что-жь? отвѣчаетъ онъ ей. Это значить Господь на ваше счастье послалъ. Возьмите!“ и съ этими словами оставляетъ растерявшуюся вдову.

Довольно... Это-ли не „гуманнѣйшій человекъ нашего времени“, какъ неумѣло назвалъ его какой-то мѣстный газетчикъ? Это-ли не величайшій изъ святителей земли русской, достойный занять мѣсто въ народной памяти на ряду съ именами св. Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго? Двадцать пять лѣтъ назадъ богомольная Тула продержала его весь прощальный съ нею день въ соборѣ и близъ собора, ловя его послѣднее благословеніе, и не давъ ему подкрѣпить себя въ путь хотя глоткомъ чаю, провезла его на своихъ хребтахъ нѣсколько верстъ за городъ. Нѣсколько лѣтъ спустя разноплеменная и коммерческая Одесса молила оставить ей дорогого святителя и, когда мольба ея не была услышана, силилась какъ-бы удержать или догнать его на желѣзнодорожномъ поѣздѣ. Теперь все ея фешенебельное, черство-коммерческое, или чиновное, и простое вѣрующее, и даже не вѣрующее во Христа еврейское населеніе проводило въ могилу гробъ его съ неслыханными чувствованіями и горячими слезами. По истинѣ великъ святитель, къ гробу котораго по пути погребальной процессіи неслись вопли народные: „не оставь насъ, святой угодникъ!“ и который даже въ игривомъ фельетонистѣ вызвалъ такіа сердечныя слова: „Звѣзда померкла... Но и этого мало: померкло солнце, которое насъ живило, согрѣвало и питало. Перестало биться величайшее сердце, какое когда-либо было въ человѣчествѣ“. По истинѣ великъ тотъ христіанскій пастырь, который своею жизнію способенъ вызвать такіа чрезвычайныя призванія! Его смерть и погребеніе явились всенароднымъ торжествомъ христіанскаго принципа: *любите другъ друга!*

Да живеть этотъ дивный святительъ въ памяти народной и да живеть вмѣстѣ съ тѣмъ выполненный имъ до конца завѣтъ Христовъ о любви къ ближнимъ!

В. Л—въ.

КОЛЯДКА И ВИРША.

I.

По саду, саду
Павличко ходивъ,
Ой дай, Боже!

По саду, саду
Павличко ходивъ,
Святый вечеръ!

По саду ходивъ,
Копика водивъ.
Ой дай, Боже!

По саду... и такъ далѣе
Святый вечеръ!

Копика водивъ,
Съ коникомъ говоривъ:
Ой дай, Боже!

Копика...
Святый вечеръ!

„Ой, коню, коню!
Я тебе продамъ“.
Ой дай, Боже!

„Ой, коню...
Святый вечеръ!
— „Молодой Павличко,

Не продавай!
Ой дай, Боже!
— „Молодой Павличко...

Святый вечеръ!
— „Я тебе перевезу
Черезъ тихий Дунай,
Ой дай, Боже!

— „Я тебе...
Святый вечеръ!
— „Я тебе перевезу,
Ни копитця не замочу,
Ой дай, Боже!
— „Я тебе...
Святый вечеръ!
— „Ни копитця не замочу,
Ни стремена, ни стрілочка.
Ой дай, Боже!
— „Ни копитця...
Святый вечеръ!
— „Ни золотого сидльця,
Ни Павличка молодця!“—
Ой дай, Боже!
— „Ни золотого сидльця,
Ни Павличка молодця!“—

II.

Я маленький пахоликъ
Родивсь у вівторокъ,
У середу рано
Мене до школы ддано;
Я йду, плачу,
Стежки не бачу,
Двери відчиняю,
Съ празничкомъ поздоровляю.

С. Нова Водолага, валк. у., харьк. г.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯГИНИ СОФІИ ОСТРОЖСКОЙ.

Чтобы въ короткихъ словахъ характеризовать лице, портретъ котораго мы прилагаемъ, достаточно было-бы сказать, что это жена князя Константина Константиновича Острожскаго. Потомокъ знатнѣйшей отрасли великокняжескаго дома Владиміра св., сынъ знаменитаго гетмана литовскаго, самъ еще въ юные годы прославившій себя воинскими и гражданскими доблестями, образованнѣйшій человѣкъ своего времени—онъ долженъ былъ имѣть и жену соответственныхъ достоинствъ. И какъ ни скудны источники, изъ которыхъ можно было извлечь хотя мелкія черты для опредѣленія личности княгини Софіи Острожской, мы не можемъ не сказать, что она была вполне достойна славнаго своего мужа по своимъ, родовымъ и личнымъ, душевнымъ и физическимъ, качествамъ.

Родъ графовъ Тарновскихъ въ извѣстныхъ польскихъ гербовникахъ Нѣсецкаго и Папроцкаго считается столь-же почти древнимъ и знатнымъ, какъ и родъ князей Острожскихъ. Отецъ Софіи Острожской, Янъ Тарновскій былъ каштеляномъ краковскимъ и маршаломъ короннымъ, а братъ ея, тогоже имени, каштеляномъ войницкимъ, сама-же Софія единственною наслѣдницею обширныхъ родовыхъ имѣній въ Галиціи—Тарнова, Горличина, Преворска, Вевюрки и др. Не другое что, какъ высокія вѣншія и внутреннія качества Софіи и душевное влеченіе могли побудить князя Константина избрать себѣ жену-польку, когда въ то время было еще такъ много знатныхъ русскихъ княжескихъ и иныхъ родовъ, а выказанная имъ въ послѣдствіи такъ блистательно ревность по вѣрѣ отцевъ и желаніе удержать въ ней своихъ дѣтей могли ставить ему въ этомъ дѣлѣ самую серьезную преграду. Кто знаетъ, не предшествовало-ли браку согласіе Софіи быть одной вѣры съ мужемъ; по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не находимъ указанія на то, чтобы она оставалась католичкою и чтобы въ острожскомъ замкѣ былъ костель, а ее окружали-бы католическіе патеры. Извѣстно, какъ сурово отнесся Константинъ къ старшему сыну своему Янушу, когда тотъ, живя въ молодые годы при королевскомъ дворѣ, принялъ католичество, и какъ боялся онъ, чтобы таже судьба не постигла и другихъ его сыновей. Трудно допустить, чтобы онъ мирился въ католичествомъ въ лицѣ своей жены, или въ виду ея такъ строго и ревниво оберегалъ православіе своихъ дѣтей. Если въ эпитафій

на надгробномъ памятникѣ Софіи, устроенномъ самимъ Константиномъ, послѣ перечисленія всѣхъ ея добродѣтелей, и значитъ, что она прожила въ вѣрѣ католической (*in fide catholica*), то мы не можемъ понимать этого слова иначе, какъ въ его первоначальномъ собственномъ смыслѣ—правовѣрный или православный, ибо иначе оно не горманировало-бы и съ высоко хвалебнымъ тономъ эпитафіи и съ всегдашнимъ религіознымъ настроеніемъ князя Константина. Какъ бы однако ни было, но допуская даже, что Софія и по выходѣ въ замужество оставалась въ католичество, мы еще менѣе сказать можемъ, чтобы она была проникнута сколько нибудь религіознымъ фанатизмомъ того вѣка и внесла какую либо разнь въ семью своимъ иновѣріемъ. Если они сошлись въ толерантности, которую въ другихъ случаяхъ проявлялъ и самъ князь Константинъ, то это только свидѣтельствуеть о ея высокомъ умѣ и развитіи.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ грабянка Софія Тарновская стала невѣстой и женой князя Константина Острожскаго, объ этомъ мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній. Изъ упомянутой уже эпитафіи узнаемъ, что Софія умерла 36-ти лѣтъ отъ роду, спустя четыре недѣли послѣ рожденія сына Александра, 1-го іюля 1570 г., и погребена въ фамильномъ склепѣ, въ родовомъ Тарновѣ. Братъ ея умеръ тремя годами и тремя мѣсяцами раньше ея и всѣ обширныя имѣнія гр. Тарновскихъ слились съ имѣніями князей Острожскихъ. Кромѣ извѣстныхъ уже сыновей, у ней были двѣ дочери: Екатерина, вышедшая за троцкаго каштеляна Радзивила и умершая, какъ и мать, послѣ родовъ въ 1579 г., и Елисавета, бывшая въ замужествѣ за Кишкою, старостою жмудскимъ, а потомъ ставшая женою того-же Радзивила.

Латинская эпитафія ¹⁾ Софій Острожской, приводимая у Палроцкаго и составленная по меньшей мѣрѣ съ вѣдома и согласія убитаго горемъ мужа „возлюбленнѣйшей супруги“, даетъ ей такую характеристику: „урожденная изъ фамиліи знаменитыхъ гражданскими и военными доблестями графовъ Тарновскихъ, прекраснѣйшая нравомъ и лицомъ, а прежде всего величіемъ духа, мудростію, благородствомъ, ласковостію, любовію къ Богу и милосердіемъ къ людямъ, и другими драгоцѣннѣйшими и по истинѣ герои-

¹⁾ Herby Rycerstwa polsk. Paprockiego. Krakow. 1858., стр. 485 – 86.

ческими добродѣтелями преукрашенная“. Источникъ этотъ мало имѣлъ-бы для насъ значенія въ опредѣленіи личности княгини Софіи, если-бы въ самомъ изображеніи ея, какъ оно дошло до насъ, не видны были ясныя слѣды ума, сосредоточенности, благородства, изящества, мужества и красоты. Много и то значить для ея свѣтлой памяти, что въ актахъ того времени, гдѣ такъ много самыхъ скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ непривлекательнымъ образомъ фигурируютъ знатнѣйшія женщины княжескихъ и графскихъ фамилій, нигдѣ не проскользнуло какой либо темной чертой и даже вовсе не примѣшалось къ нимъ чистое имя княгини Софіи Острожской. Безъ сомнѣнія, кромѣ счастья супружескаго, она внесла въ домъ своего мужа все, что лучшаго и изящнѣйшаго выработала тогдашняя польско-русская и европейская культура.

Прилагаемый портретъ княгини Острожской имѣеть, конечно, гораздо большее значеніе археологическое, нежели историческое. Здѣсь въ самомъ полномъ видѣ самый дорогой и самый изящный головной и весь остальной нарядъ южно-русской женщины—княгини XVI в., о которомъ мы доселѣ ли какого представленія не имѣли. Предоставля археологамъ разобрать и изслѣдовать всѣ эти „златоглавы, среброглавы“ и другія части наряда, мы замѣтимъ только, что въ сходствѣ портрета, заимствованнаго изъ той-же галлерей князей Вишневецкихъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, Видѣвъ подлинникъ его, принадлежацій теперь А. М. Лазаревскому, мы пожалѣли о томъ, что снятая прежде очистки портрета фотографія не могла схватить замѣчательно тонкой и стройной фигуры княгини, какая явственна видна на подлинникѣ портрета.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины» *).

А.

Абтай султанъ, ханъ киргизскій, 473.
Августъ II, кор. польск., 685.
Аверка, Гавріилъ и Степанъ, авторы
лѣтоп. гор. Витебска, 289.
Аджамка, мѣст., 167—170, 186, 188.
Аджамка, р., 166.
Азовъ, крѣп., 546, 598—600.
Айдаръ, р., 309.
Акмечеть, м., 185.
Александровскъ (екатер. губ.), см.
Московка.
Александръ Казиміровичъ, вел. кн.
лит., 561, 668—669.
Александръ I, импер., 116, 123,
131—134, 533, 690.
Алексій Михайловичъ, царь, 572.
Андреевскій, Ал., въ рец. его сборника:
«Истор. матер. п пр.», 50, 328 и
493—495.
Андріевскій М.; его статья «Лѣтопис-
ный Юрьевъ на Руси», 1—38.
Анна Іоанновна, имп., 582.
Аннополь, м. вол. губ., 368.
Анпыновка, с. чер. губ., 109.
Антоновичъ, В. В., проф. у-та св. Влад.
его рецензія, 493—496, 665—671
Апраксинъ, ген., 49.
Арабскій, Гаврило, подписокъ домопт.
сотн., 415—416.
Артополоть, гор. въ Закавказьѣ, 564.

Аршавевскій, Іона, участв. въ сост.
Румянц. опися, 410.
Аеанасій, еписк. луцкій, см. Пузына.
Аеанасьевъ, изв. этнографъ, 398.

В.

Бабакъ, асаулъ каратульскій, 415—
416.
Бавыкинъ, воев. пѣюмскій, 615, 630.
Багалѣй, Д. И., доц. харьк. у-та, его
статья: «Генеральная опись Мало-
россіи», 402—432, и «Займанщина
въ лѣвобережной Украинѣ XVII п
XVIII ст.», 560—592.
Байбузы, дворяне, 565.
Балабанъ, Гедеонъ, епископъ львовскій,
674.
Балаклава, портъ на бер. Черн. моря,
196—197.
Балта, гор. (имѣя под. губ.), 141,
158, 159, 185, 258.
Баверъ, полк., 86.
Бараповичъ Лазарь, архіеп. черн., 511.
Барвинкова стѣика, запорож. слоб., 614,
629—634.
Бартошевичъ, польск. пис., 76.
Баръ, гор., 363.
Баторій, Стефанъ, кор. польск., 525,
615.
Battaglia, баронъ, польск. пис., 675.
Батуринъ, гор., имѣіе гр. К. А. Разу-

*) Цифры означаютъ стр. тома.

мовскаго († 1803 г.), 109, 432.
 Бахмутъ, гор. (окатер. губ.), 138, 598—601, 614, 632.
 Бахчисарай, резид. крымск. хановъ, 141.
 Безбородко, писарь генер., 459.
 Бендеры, гор.; вступленіе арміи Крымъ-Гирея, 181.
 Бенеvскій, польск. гр. XVIII ст., авантюристъ, 444—446.
 Берда, р., 138.
 Березань, крѣп. на Кубани, 531.
 Бершадскій, С. А.; разборъ его книги: «Литовскіе евреи», 665—671.
 Бестужевъ-Рюминъ, гос. канцлеръ, 430.
 Беть-Эшива, раввинское въ гор. Острогѣ училище, 342.
 Бибяковъ, ген.; его дѣйствія противъ Пугачева, 448.
 Бильбасовъ, гор., въ нын. хар. губ., 633.
 Биликовъ бродъ, слобода, 566.
 Бишкяно, с., лебедян. у., 310.
 Бievцы, с., лубенскаго у., 302.
 Богодуховка, с., 573.
 Богословское на Кубани село, 544.
 Богоявленская въ гор. Острогѣ церк., 343, 370—373.
 Бодянский, О. М., проф. моск. у-та, 370, 516—518.
 Боженковъ, пранорц., начальникъ торскій XVIII в., 631—633.
 Богогардовская паланка, 185—186.
 Борецкій, Іовъ, кievск. митропол. 512.
 Борзна, гор. черн. губ., 109, 697.
 Борзобогатая, (Красинская) Анна, племянница еп. влад. Іоны, 331.
 Борись Оедоровичъ (Годуновъ), царь, 380.
 Бороздны, дворяне слобод. укр., 571.
 Боромля, р., 309.
 Боромля, слоб., 309—312.
 Борсукъ, обозный кievскій, 411.
 Боршницкій Янъ, ректоръ острожскаго iез. коллегіума, 344.
 Боршаговка, м. мѣсто казни Кочубея п iскры, 519.
 Босый Ив., жит. Почаева; его видѣніе, 682—683.
 Ботухарь, гор., 150—152.
 Бранницкій, Францъ-Ксаверій, корон. гетм., 44, 59, 60, 77, 257, 494, 595.

Бринкъ, бригадиръ, 255, 262, 598.
 Брестъ (Литовскій); братства въ немъ; упом., 667.
 Букаръ, волын. помѣщ. XVIII ст., 40, 67.
 Бугъ, р., 1—38, 138, 185.
 Буджакскіе татаре, ихъ набѣги, 155, 193.
 Буховець, Мих., товарищъ бунчуковый, 389—391.
 Быстрикъ, гор.; разсказъ о его заселеніи, 587.
 Бѣлая Церковь, м., 23.
 Бѣлгородъ, гор., 19 и слѣд.
 Бѣлоберегъ, имп. А.-Алоязы, кн. Острожской, 344.
 Бѣлгородская на Кубани стан., 541, 542.
 Бѣржинскій, Іоасафъ, подкоморій житомирскій, 66, 82.
 — Онуфрій, каштелянъ житомирскій, 66.

В.

Велевскій, Мих., воев. сѣрадзскій, 103.
 Валки, гор., шпиталь въ немъ, 310.
 Валкевичъ, Зосима, архим. кievо-печ. лавры, 468.
 Варва, гор., 564.
 Василій, свящ. Острожскій, 423.
 Василько Ярополчачъ, кн. Михайловскій, 21.
 Введенская кievо-под. церк., 133.
 Вейсбахъ, баронъ, кiev. ген.-губ., 610.
 Величко, Самойло, южно-рус. лѣтоп., 581.
 Вельямновъ, ген. (заселеніе Кубани), 538.
 Венрейскій, поручикъ, участн. усмиренья гайдамакъ, 256—257, 266, 268.
 Вепрь, р., 291.
 Веселовскій, Ал., академикъ, авт. кн. «Старинный театръ въ Европѣ», 548.
 Викторъ Черняевъ, архим. вѣжин. благовѣщ. мол., 109.
 Викторъ Садковскій, еписк. черн., 102.
 Винница, гор., 363.
 Вяницкій, iез. коллегіумъ, 344.
 Витебскъ, гор., 287—290 (въ разб. кн. «Витебская Старина»), 297, 471.
 Витичевъ, гор. падъ Днѣпр., 6, 7 и слѣд.

Витовтъ, вел. кн. литовскій; его отношенія къ евреямъ, 667—668.
 Виттъ, кам.-под. комендантъ XVIII ст., 54.
 Вишневецкій, кн., 527, 565, 568, 570.
 Владиміръ, кн. пинскій, 524.
 Владиміръ Мопомахъ, 27.
 Владиміръ св., в. кн. кiev., 116, 128 и 524.
 Владиміръ-Волинскій гор., древн. въ немъ церковь 129.
 Владиславъ IV, кор. польск., 339, 563.
 Водная, р., 602.
 Воейковъ, Фед. Матв., ген.-губ. кiev., 52, 142, 190, 257, 620 и 623.
 Вознесенская на Кубани стан., 538.
 Войццкій, авт. книгъ «Teatr starozytny w Polsce», 550.
 Войнаровскіе, дворяне, 329.
 Волковскій, кн., рус. резд. въ Варшавѣ, 260.
 Володарка, сквир. у., мѣст., 327.
 Волчья, р., 601, 602.
 Воронежъ, гор., 586.
 Воронячъ, каштелянъ белзскій, 65.
 Воротницъ, гор., 573.
 Ворскла, р., 309, 564, 565, 568.
 Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. кiev., 10, 12 и слѣд.
 Всеволодъ Юрьевичъ, кн. суздальскій, 14.
 Вуячъ, рус. ген. времяъ Екат. II, 58.
 Вурмъ, майоръ, одинъ изъ усмирит. укр. возстаній 1768 г., 257, 268.
 Выговскій, гетм., 292.
 Выдубицкій мон. близъ Кіева, 114, 127.
 Вышгородъ, гор. (шибъ село), 4, 115.
 Вячеславъ, кн. переславскій, 13.

Г.

Гаваттовичъ, Яковъ, авторъ «2 интермедій XVII в., 652—656.
 Гавриилъ Бодои, митр. кiev., 92.
 Гадячъ, гор., 564.
 Галаганъ, Григ. Игнат., прилуц. полков., 452—466.
 Галаганъ, Григ. Павл., членъ госуд. сов., 452, 549, 551.
 — Иванъ Григ., 453, 455, 460—461.
 — Игнатій, родонач. фам. Галагановъ; его универсалъ, 452—458.

Гаялетовскій, Іоанникій, южно-рус. ученый XVII ст., 511, 682.
 Гамалъя, асаулъ генеральный, 575.
 Гавна Монтолтовна, землянка волинская, 330.
 Гараджа, полк. запорож., 614—633.
 Гарды, оборонит. посты у запорож., 138.
 Гаркуша, изв. атаманъ разб., 517.
 Гостуня-Никола, мѣсто рожд. первопечатника русск., Ивана Федорова, 673, 694.
 Гацукъ, А., ред.-изд. «Газеты», авторъ «Письма въ редакцію», 516—518.
 Гелехъ, асаулъ войск. запор., 634.
 Генуезцы, ихъ владѣніе Кафой, 196—197.
 Георгій, митр. кiev., 4.
 Гербестъ Бенедиктъ, іезуитъ, 482.
 Гжицкій, хорунжій кiev. 65.
 Гизель Інокентій, архим. киево-печ. лавры, 511.
 Гильдебравдтъ П. А., разборъ его книги: «Памятныя полемич. литературы въ зап. Руси», 481—484.
 Гировка, с., 587.
 Глемизовъ, слоб., 566.
 Главскіе, кн., 561, 564, 565.
 Глуховъ, гор., 109, 459.
 Гойская, Анна, основательница. поч. мон., 330, 683—684.
 Голая долина, мѣстность близъ Тора, 639.
 Голицынъ, кн., ген. врем. Екат. II, 58, 448, 450.
 Голтва, слобода, 566, 567, 577.
 Голубевъ, С. Т., перев. «Апокрисиса», 483, 326—320.
 Гонта Ив., уманскій сотн., 51, 256, 258.
 Гонцы, с., 308.
 Гончарка, д., 187.
 Горленко, Дмитрій, полк. прилуцкій, сторожникъ Мазепы, 457.
 Горностасева Елена (урожд. Чарторыйская), фундаторша пересопницк. мон., 330.
 Городище, остр. на Днѣпрѣ, мѣсто Сѣчи, 498.
 Горскій, протоіер., авт.: «Описанія рукоп. моск. синод. библ.», 481.
 Гошъ, м., 366.
 Грабина Ал., авт. малор. кн. и разск., 492, 701—703.

- Греченко, авт. монографіи «Село Великая Павловка», 679—680.
 Гривождовъ, лейбъ-гвард. поруч. 632.
 Гривевецкая, кастелянша каменец., 61.
 Гродно гор., 667.
 Грохольскій Антоій, сынъ мечника корон., 86.
 Губа, атам. запорож., 258, 259.
 Гудовичи, графскій родъ, 453.
 Гудовичъ, графъ, 536.
 — Гальшка, 330.
 Гуниловичъ, польск. истор. пис., 666.
 Гуннъ-фонъ Отто, авт.: «Замѣчаній по дорогѣ изъ Москвы въ Малоросію», 453.
 Гуия, малорос. гетманъ, 136.
 Гурьяновъ, кн., 123.
 Гуцловъ, вначе Козловъ, нынѣ Евпаторіи, 197.

Д.

- Даль Влад. Ив., ученый, писат., авт. «Толков. словаря», 25, 396.
 Дальке-фонъ, ген.-поручикъ, участн. усмирения гайдамакъ, 256, 262—265
 Данило, еписк. гюргевскій, 10.
 Данилъ Ромаповичъ, кн. галицкій, 291.
 Дараганъ Ефимъ, полк. кiev., 454 и 467.
 Дверняцкій, польск. ген., 690.
 Двигубскіе, помѣщ. слоб. Украйны XVIII ст., 617.
 Деколовъ, ген. нач. свбр. корпуса, 443—450.
 Демявъ, еписк. гюргевскій, 17, 18.
 Деныско, подсуд. кременепскій, 79, 80.
 Державианъ Гавр. Ром., поэтъ, мннстръ юст., 520.
 Деркачи, гор. харьк. у-да, 310.
 Дертень, ротмистръ, 267, 269.
 Десницкій Михаилъ, еписк. черниг., впослѣд. митр. петербургскій, 119.
 Дежгала Яковъ Самойл., 578.
 Дзержекъ, бригадиръ, 51.
 Дзѣвовичъ, архивариусъ малорос. коллегіи, 413.
 Дзѣвовка, р., 511.
 Димитрій, архіеп. хер., некр. его, 702—716
 — Туптало, митр. ростов., 482, 549, 550.
 Дябрь, р., 132, 495 и 565.
 Дибстръ, р., 192, 193.

- Добронизскій Ив., сотникъ переяслав., 178, 589.
 Добрянскій Самуилъ, игум. почаев., 685.
 Довгалеваскій Митрофанъ, проф. кiev. акад. XVIII ст., 653, 655.
 Домонтовъ, м., 578—579.
 Долгорукій И. М., кн., 95, 120.
 — В. М., кн., 617, 621, 627.
 — Н. М., кн., 88.
 Домбровскій, писатель, 358.
 Донецъ Сѣв., р., 138, 309, 611, 615.
 Досиной, еписк. сѣвскій, 108.
 Драгомановъ, пзд. сборника южно-рус. сказокъ и пѣсенъ, 50, 555.
 Драный, атаманъ м. Ташлыка, 256, 265, 266.
 Дубенскій кресто-воздвиж. мон., 684.
 Дубовичи, с., 586.
 Дубравскій, судья житомирскій, 49.
 Дубровскій, шляхтичъ, 591.
 Дурная, р., 602.

Е.

- Евдокимовъ, графъ, колонизаторъ Кубани, 540—541.
 Едисанскіе татаре; ихъ набѣги, 138, 155.
 Екатерина II, имп., 111, 139, 142, 190, 428—430, 529, 531, 533.
 Екатерина Павловна, вел. княжна, 127, 133.
 Екатеринавдаръ, гор., 535.
 Елизавета Ал., рус. имп., 131, 459.
 Елизавета Алексѣевна, супруга имп. Александра I, 131.
 Елисаветы св. крѣпость (нынѣ гор. Елисаветградъ), 137, 164, 186—191, 624.
 Ерчики (Большіе и Малые), с., въ статьѣ «Лѣтоп. Юрьевъ на Роси», 1—38.
 Ефименко, П. С., авт. статей: «Братства и союзы нищихъ», (312—317) «Судъ надъ вѣдьмами (374—401), и замѣтки къ послѣдней (697—700).

Ж.

- Желѣзнякъ Максимъ, предв. гайдамакъ 1768 г., 256, 327.
 Желѣзо Іовъ, игум. почаев., 568.
 Жолкевскіе, польск. дворяне, 568.
 Жолкевскій, гетманъ, 42.

Жуковский Михаилъ, бунчук. тов., 411.
Журавка, дер., 564.
Журба, козакъ, 56, 58.

З.

Заблюкій, ротмістръ, ссыльный кон-
федератъ, 595—596.
Заблудовъ, имѣніе Грпг. Ал. Ходкевича;
основаніе въ немъ тпогр., 672—
674, 695.
Забѣлишъ П. Е., соврем. писатель, 118.
Завадовскій, графъ П. В., вельможа
Екатер. врем., 453.
Закубанскій край, 529.
Замойскій Оома, вел. канцлеръ корон-
ный, мужъ Екат. Алекс. Острож-
ской, 335.
Запорожье, 199—226, 136 п слѣд.,
254—286, 497—510, 529—531,
609—636.
Зассъ, баронъ, ген.; заселеніе Кубанп,
538.
Звенигородка, гор. кiev. губ., 321.
Звѣревъ, рус. полковн.; колониз. Ново-
Сербін, 623, 625—628.
Зелинскій, конфедератъ, 444.
Золотоноша, р., 581.
Золотоношская сотня, 586.
Зѣньковский у.; статист. о немъ свѣд.,
677—680.
Зѣньковъ, гор., 47.

И.

Иванпшевъ, проф. кiev. у-га, 375.
Иванъ IV Васильевичъ, царь, 673, 694.
Иванъ, зап. козакъ, участникъ Коліив-
щины, 57.
Иглатовичъ Игнатій, войскій червоно-
градскій, 52.
Игватъ-козаки (некрасовцы), переселеп-
цы на Кубанп, 162, 165, 191.
Игорь Ольговичъ, в. кн. кievскій, 10,
15 п слѣд.
Изюль, гор. харьков. губ., 612—615,
634.
Изяславъ Давыдовичъ, в. кн. кievскій,
18 п слѣд.
Изяславъ Мстиславичъ, в. кн. кievскій,
18 п слѣд.
Иконниковъ, проф. кiev. у-га; его
рецензія на книгу А. Салунова «Ви-
тебская Старпца», 287—290.

Пльинская кievо-под. церковь, 129.
Пльинскій Непомученъ, староста чуднов-
скій, 65, 68.
— Игъ, староста житомир., 65.
Пигуль, р., 138, 164, 184, 185.
Пре, ротмістръ, участн. усмирения гай-
дамакъ, 255, 256, 262—264.
Припей Фальковскій, ректоръ кievск.
акад., потомъ коадьюторъ митроп.
кiev., 111, 118, 133.
Исаевичъ Е. Н., авт. замѣтокъ о вѣвку-
лакахъ п чарпвникахъ, 700.
Исаковъ, ген.-майоръ, участнпкъ усми-
ренія гайдамакъ, 256, 266.
Искра, полков. козацкій; судьба его
наслѣдства, 519—520.

І.

І. Антоній, польскій пис., 343, 477.
Іеронимъ Пражскій, чешскій реформ.,
288.
Іоаннъ IV, митроп. кievск., 5.
Іозефовичъ Михель, откупщикъ-еврей,
671.
Іорданскій кiev. женскій монастырь
(нынѣ упраздненпый), 129.

ІѦ.

Кагарлыкъ, м., 11 п слѣд.
Кадлубовскій, конфедератъ, 444.
Казановскій Адамъ, стар. черниг., 566.
Казань, гор., 88—104, 256, 434,
441, 444.
Казимиръ, надвѣсян. городъ, 291,
364, 560, 564.
Канга, должностное лицо у татаръ,
155, 164, 184, 188.
Калміусъ, р., 138, 601, 602.
Калнишевскій Петръ, кошевой, 611,
622, 626—629.
Каменецъ, гор., 339.
Каменка, мѣст. въ Галиціп, 654.
Камышеваха, запор. слоб., 622.
Камышенка, гор., 564.
Кандыба, сотникъ, 575.
Каневецъ, м., 572.
Каневъ, гор. кiev. губ., 30.
Капустянскіе, помѣнц. Слобод. Украпны,
617.
Каратуйъ Великая, с. 415.
Карпновскій, авт. брошюры объ «Украпн-
скихъ свад. обрядахъ», 510.

- Карповичъ Григ., полков. стародуб., 591.
- Касоговъ валъ, граница Запор. и б. Слоб. Украйны, 612, 634.
- Касоговъ, воевода XVII в., 616.
- Каушаны, резнд. Крымъ-Гирей, 147, 148, 154, 157.
- Кафа, гор., (выиѣ Оеодосія), 196.
- Качановка, с. прилуцк у., 452.
- Кавтика-Основьяненко, укр. пис., 300.
- Кгурские, помѣщики Слоб. Укр., 565.
- Келбовскіе, дворяне, 565.
- Кириловка, с. звенигород. у., родина Шевченка, 521, 522.
- Кисель, шляхтичъ, 562.
- Кисилевскій, купецъ кiev., 130
- Китаевская близъ Кіева пустыя, 114, 117, 129.
- Кіево-михайловскій монастырь, 113, 132, 133.
- Кіево-печерская лавра, 129, 575.
- Кіево-подольскій братскій мон., 125.
- Кіево-софійскій соборъ, 126, 132, 137.
- Кіево-греч. мон., 114.
- Кіевъ, гор., 110—134, 315, 322, 325, 446 и 447.
- Климентъ VIII, папа рим., 336. 355.
- Климентъ XIV, папа рим., 688
- Клоррингъ, генер.; колоннз. Кубани, 536.
- Княжа балка, уроч. екатерин. губ., 497.
- Кобылякъ, р., 565.
- Кодацкая товща, мѣстп. въ б. Запорожьѣ, 64.
- Козачковскій, смотрит. каз. земель въ черниг. полку, 582—584, 408.
- Козлянич, с., 576.
- Коломакъ, р., 309.
- Коль (Kohl), нѣм. путешеств. по Россіи въ 30-хъ г. нын. стол., 556.
- Кольбергъ, издат. сборн. польск. пѣсень, 548, 551.
- Коморжевскій, полковникъ, 68.
- Коморжь, с., 361
- Комчакъ, запорож. полковникъ, 613.
- Ковашевичъ (Сагайдачный) Петръ, гетм., 372, 526
- Ковилскій Георгій, архіеписк. могилев., 114.
- Копонка, изд. книги: «Pieśni ludu krakowskiego», 547—548.
- Копотопъ, гор., 587, 590.
- Конскія воды, р., 138.
- Константинь Павловичъ, цесаревичъ, 127, 128.
- Копинскій Исаія, митроп. кiev., 372.
- Копыстенскій Захарія, кiev. уч. XVIII в., 353, 374, 523. 527.
- Корецкіе, князья, 331.
- Коростышевъ, мѣст., 687.
- Косинскій, гетманъ, 136.
- Коссовъ Сильвестръ, митр. кiev., 292.
- Костка Янъ, воев. сандомірскій, 335.
- Костомаровъ Н. И., извѣст. историкъ; его рецензія, 297—300; упом., 24.
- Котловъ, присел. полт. губ., 577, 578.
- Котляревскій, нак. атам. войска чернож., 533.
- Кочубей Вас., судья генеральный, 519.
- Кояловичъ М. О., историкъ, 483.
- Краковъ, гор., 363, 365.
- Красинскій, графъ, 149.
- Красняковъ, мѣст. 186, 187.
- Краснокутскій, полковникъ XVIII ст., 617.
- Красноставъ, гор. любл. губ., 296.
- Красный Колядинъ, гор., 564.
- Краусгаръ, писатель, 666.
- Крашевскій І., изв. польск. писатель, 317 и 652.
- Кречетниковъ, генераль, одинъ изъ усмирителей украин. возст. 1768 г., 49, 58, 84, 85, 259, 260.
- Кривница, мѣстность въ долинѣ р. Удая; ярмарка въ ней, 301—309.
- Кролевецъ, м. черниговской губ., 109.
- Кропивна, р., 581, 585—586.
- Кропивна, слобода, 566, 567, 573.
- Кропивницкій М. Л., соврем. малорус. актеръ и писатель. Разборъ его драмъ на стр. 484—491.
- Круглиновъ Венедиктъ, подполковникъ, участникъ составл. румянцев. описи, 410.
- Крыловъ, гор. на р. Тясьмишѣ, 603.
- Крымскіе татары; нравы ихъ и порядокъ избранія хана, 140.
- Крымъ-Гирей, см въ записк. барона Тотта, 135—198.
- Кубань, р., 537, 599.
- Куликъ Дмитрій, зацорож. полк., 268, 628, 629, 634.
- Кулявъ П. А., пис., авторъ «Исторіи возсоединенія Русь», 477; упом., 569.

Кулябка Иванъ, полковникъ *лубенскій*; его кукон. книга, стр. 237—253 и 637—651.

Кулябка С. Н., разборъ его книги о Шевченкѣ, 675—676.

Кунцевичъ Іоасафатъ, полоцк. уніатск. епископъ, 258, 296.

Купчинскій Филиппъ, сотникъ яготинскій, 459.

Куренка, с., 564.

Курскъ, г., 315.

Кутузовъ (Голенищевъ), премьеръ-майоръ, участн. составленія Румянцев. описи, 410.

Л.

Лаба, р., 529.

Лабунь, мѣст. въ Галиціи, 62.

Лазаревскій Ал-дръ М.; его предисл. къ Галаган. фаяил. архиву, 452—456; сообщения: Запорож. пѣсня, 322—324 и письмо Искры, 519—520; упом. на стр. 542 и 402.

Ларниевъ, хорунжій, 57, 58.

Ларси, прапорщикъ изъ времени Колювщины, 258.

Лашкевичъ, Праск. Грнг. (урожд. Галаганъ), 464—466.

Лашкевичъ Степанъ, бунч. тов., ея мужъ, 466.

Леванда, изв. кiev. проповѣдникъ, 120, 123 и 124.

Левашевъ, вол. и под. губернат., 691.

Левичкій О. Ив.; его статьи: «Анна-Алонза, княжна Острожская», 329—373 и «Необыкновенная ярмарка», 301—309.

Левковка, с. изюм. у., 310.

Леонтовичъ, проф., авт. «Ист. изслѣд. о правахъ лит.-русск. евреевъ», 666.

Леонтьевъ, ген.-губ. кievскій, 494.

Лизогубъ, бунчужный временъ Мазепы, 313.

Ляда М. Д., членъ харьк. ист.-фил. общ., 313—315, 698.

Лпинскій, подкоморій литовскій, 74.

Лозовая, р., 602.

Лонгиновъ А.; разборъ его княги: «О люблинскомъ правосл. храмѣ», 290—294.

Лопань, р., 314.

Лотоцкій Амвросій, архим. почаев., 692.

Лохвица, гор., 564, 565.

Лубны, гор., имѣніе кн. Вишневецкаго, 302, 564, 565.

Лукьяновъ - Десятинъ, († 20 іюня 1883 г.), въ рецензіи его замѣтки: «Песиголовці» изъ альманаха «Рада», 555—559.

Луцкъ, гор., 363, 365.

Луцичкій И. В., изслѣдов. Рум. описи, авторъ ст. объ общин. землевлад., 404 и 579.

Лысянка, м., 259.

Лѣсно, дер. бѣльскаго у., сѣдец. губ., 294—297.

Люблинская спасо-преображ. перковь, 290—294.

Люблинь, гор., 290—294, 334.

Любовичкій, кн., генер., участникъ конфедерация, 51, 84.

Любомирская Екатерина, 2-я жена кн. Януша Констант. Острожскаго, 478.

Любомирскій Александръ, воеводичъ, 62.

Любомирскій Мартынъ, 65, 85.

Любомирскій Станиславъ, мужъ кн. Софьи Ал—дровны Остр жской, воев. краковскій, 62, 335.

Любомирскій Франць-Ксаверій, 61.

Лютенька, гор., 564.

М.

Мазанъ Андрей, гусар. поручикъ въ б. изюм. провинціи, 631—632.

Мазепа Ив., гетманъ малорос., 318, 519, 609.

Мазюкевичъ, директ. холмской гимн. († 1883 г.); разборъ его кн. «Явл. чуд. иконы Б. М. на Лѣснѣ», 294—297.

Майкопъ, гор., 541.

Макарій, митр. моск. (при Иванѣ IV), 673.

Макарій Булгаковъ, митр. московскій († 1882 г.), 23.

Максимовичъ М. А., изв. ученый, 18, 50, 343, 477, 422, 524.

Максимовичъ Стефанъ, канцел. войсковый, 457.

Максимовка, дер., 187.

Максудъ-Гирей, ханъ крымскій, 142, 145.

Малаховскій, графъ, канцлеръ польск., 61.

Малевскій, конфедератъ, 444.
 Мамоничи, вил. типографы XVI в., 674.
 Мамай, ханъ тат., 565.
 Маринъ, списк. пермскій, 5.
 Марія Ивановна, кн., основательница
 любл. прав. церкви, 291.
 Марія Оедоровна, сунр. пнш. Павла I,
 130, 132.
 Маркевичъ Яковъ, подскарбій генер.,
 авт. «Дневныхъ записокъ», 316,
 394, 454, 549, 551.
 Маркевичъ И., историкъ, 517.
 Марьяновичъ, гус. офиц., сторонникъ
 гайдамакъ, 257, 268—269.
 Масловъ В. П., укр. этнографъ, 518.
 Масси, ген., командиръ киево-печ. крѣ-
 пости, 111, 123.
 Мацѣевскій, пзв. польск. писат., 666.
 Межиричи, с., лебедн. у., 310.
 Межиричи, м. близъ Острога, 333,
 343, 345.
 Межирячскій францискап. монастырь,
 343, 370.
 Мельникъ, с., 573.
 Менгли-Гирей, ханъ крымскій, 140.
 Мертль, р., 309.
 Мертваа воды, р., 161, 185.
 Миллеръ Іоганнъ, авт. «Путешествія
 изъ Волыни въ Херсонъ въ 1787 г.»,
 322—324.
 Миссенгеймъ Гансъ, датскій XVI в.
 типографъ въ Москвѣ, 573.
 Михаилъ, списк. гюргевскій, 4.
 — 1-й мптр. киевскій, 132.
 — Юрєвичъ, кн., 24.
 Михаловскій, лѣсенскій помѣщикъ, 295.
 Михельсонъ, маіоръ, побѣдитель Пуга-
 чева, 449—451, 593.
 Младзевскій, канцлеръ польскій, 61.
 Могла Петръ, мптр. кiev., 124, 295
 п 335.
 Мольеръ, знам. франц. пнс.; отзывъ
 о немъ Крымъ-Гирей, 148.
 Моравскіе шляхи, 565.
 Мордовцевъ Дан. Лук., пзв. пнс.; раз-
 боръ его брошюры: «За крашанку-
 писанка», 491—492.
 Москаленки, с., 577, 578.
 Москва, гор., 89, 106—107.
 Московка М. (нынѣ г. Александровскъ,
 екатер. губ.), 605—606.
 Мощенскій Адамъ, авт. дневника, 60.

Мстиславецъ Петръ Тим., рус. перво-
 печатникъ, товарищъ Ив. Оедорова,
 673—674, 694—695.
 Мстиславъ Давыдовичъ, кн. смоленскій,
 288.
 Муромъ, гор., 105.
 Мценскъ, гор., 108.

И.

Навроцкій, ксездъ бонифратрскій,
 691—692.
 Надхнъ, авт. книги «Память о За-
 порожьѣ», 130.
 Нарушевичъ, польскій историкъ, 71.
 Нарышкняъ Дм. Лав., 107.
 Цевоструевъ, авторъ «Описанія руко-
 писей моск. синод. библиот.», 481.
 Нежпвый Ив. Тим., писарь запор.,
 628, 631, 634.
 Некрасовъ Игнатій, козакъ-эмигрантъ,
 основатель общины *некрасовцевъ* или
имать-козаковъ, 162, 191.
 Немпричи, дворяне, 329.
 Немпричъ Юрій, 565, 566.
 Неофитъ, митроп. греческій, 683.
 Неплюевъ, ген., 573.
 Несеиъ, авт. «Herbarza Polskiego»,
 352.
 Нечаевъ, с. екатер. губ., 497.
 Нечай Иванъ, зять Богд. Хмельн., 481.
 Нлжій Новгородъ, гор., 104—105.
 Никитино, с., 625.
 Никлфоръ, мптр. киевскій, 22.
 Николаевка, с. екатерли. губ., 497.
 Николай I, пмп., 129 п 689.
 Никополь, м. екатер. губ., 497.
 Новгородъ-сѣверскій спасскій мон., 573.
 Повидкій Ив.; его рецензія на книгу
 «Памятники полемиц. литературы
 въ зап. Русь», 481—484.
 Погайскіе татары; набѣгъ на Россію
 1769 г., 135—198, 113—194.
 Ногаткинъ, подполковн., участникъ въ
 произв. Румянцев. описи, 410, 412.
 Норовъ, подполковникъ—*тоже*, 410.

О.

Обалковскіе, малор. помѣщ., 568.
 Оболевскій, генер. бунчужный, 467.
 Обрѣзковъ, рус. резид. въ Стамбулѣ,
 141.

Огаревъ Ник., подполк., участвовалъ въ производствѣ Румянцев. описи, 409—410.

Олегиъ, вел. князь, кievскій, 129.

Олексій, еписк. горгевскій, 22.

Олншевка, с., 389.

Олеуфьевъ, сановникъ имп. Екат. II, 428—430.

Омскъ, гор., 436—442.

Онуфрiевскій мон. въ Львовѣ, 693.

Опатовъ, гор. (нынѣ у г. радомской губ.), 291.

Оранскій Иосифъ, архим. кievо-печерск. лавры, 467.

Орель, р., 138, 565, 611, 614, 618.

Ортынский, польск. полковникъ, 494.

Основава, р., 602.

Осколь, р., 309.

Осовъ лѣсъ, 591.

Остепъ-Савенъ, графъ, 690.

Остеръ, гор., черниг. губ., 15.
— р., 563.

Острица, малор. гетманъ, 136.

Острогъ, гор., 334, 335, 339, 341—347, 353—357, 362, 366, 368—372, 674, 675, 696.

Острожскіе, князья, 524.

Острожская Анна-Алоиза, княжна; 329—373.

— Анна, ея мать (урожден. Костка), 339.

— Екат. и Софья, ея сестры, 334—335.

— Софья (урожд. Тарновская), жена Конст. Конст. Острожскаго, 528.

Острожскій, кн., Василій-Константинь, 332—335, 343, 477, 523—528, 674, 684 и 695.

— Василій Оедор., 371.

— Дашиль Вас., 371.

— Александръ, Константинь и Оедоръ, сыновья Вас.-Конст. Острож., 303.

— Ив. и Конст. Ал.—дровичи, братья Алоизы, 334.

— Янушь, сынъ Вас.-Конст. Острож.; письмо къ нему его отца, 477—480; уном. 333, 334, 343, 352, 370.

Охотскій Янъ-Дукланъ; его дневникъ, 68 и слѣд.

Очаковъ, крѣп.; описаніе ея, 194.

II.

Павель I Петровичъ, пмп., 470.

Панпиль, графъ Пик. Пв., презид. коллегіи иностр. дѣлъ, 142, 257, 261, 266—267.

Панкратьевъ, кiev. губ., 112.

Панское, с., 573.

Пандырный Михайло, авт. лѣтописи гор. Витебска, 209.

Папченко, одинъ изъ дѣят. времени Колявщини, 56.

Parfait, авт. «Histoire du theatre français», 549.

Переволочная, р., 138.

Перекоповка, с., 694.

Перекопскія укрѣпленія; описаніе ихъ, 195—196.

Пересопницкій на Воляни жен. мон., 330.

Перльштейнъ, авторъ «Описанія Острога», 371.

Переяславъ, гор.; опись его, 357; уном., 315.

Песочинскій, шляхтичъ, 562.

Петрушевичъ А. С., пзв. галиц. учепый; разборъ его брошюры объ Пвалѣ Оедоровѣ, 671—675.

Пимпиль Евсевій, псевд. митрон. Петра Могилы въ его сочин. «Лпосъ пли Камень», 511, 514.

Пирятинъ, гор., пмѣніе кн. Вишневецкихъ, 565.

Платонъ Левшинъ, митрон. моск., 94, 95, 98 и 106.

Племяничковъ, ген., одинъ изъ усмир. возст. 1768 г., 257, 267.

Плетенецкій Елансей, архим. кievо-печ. лавры, 468.

Подпольная, р., притокъ Днѣпра, 137.

Полуботокъ Вас., 411.
— Леонтій, помѣщикъ, 576—578.

Полузоръ, р., 568.

Понясскіе, князья, польская фамилія XVIII ст., 65, 70 и 71.

Поповка, с., звениг. у., 321.

Порохля Андрей, старш. запорож., 613,
— Порохня, с., 575.

Потебня А. А., академикъ, 698.

- Потемкинъ Григ. Ал., 614, 628, 629.
 Потоцкій Вас., стар. кievскій, 45.
 — Щенскій, 64, 67, 77.
 — Протъ, 80, 149.
 — Станиславъ, воеводичъ брацлавскій, 565.
 — Николай, стар. каневскій, 687—689.

- Похилевичъ, авторъ книги: «Насел. мѣста кiev. губ.», 23.
 Подій Ипатій, епископъ влад., изв. пропагаторъ уніи, 482, 514.
 Почека, писарь полковой,
 Прилуки, г., 452, 461.
 Прозоровскій, кп., ген.-маіоръ, 55, 255, 257, 262—265, 603, 605, 634.
 Проскуры, дворяне, 565.
 Пруть, р., 149—150.
 Псель, р., 309, 564.
 Псковъ, г.; моровая тамъ язва, 396.
 Пугачевъ Ем. Ив.; его бунтъ по описанію соврем.-очевидца К. Хоецкаго, 447—450, 593—595.
 Пузына, кп. Ал—дръ, вполсѣд. Аѳанасій, еписк. луцкій, 355.
 Пулавскій, конфедератъ, 595—597.
 — стар. черешинскій, 450.
 Путищевъ Вас., одиный изъ офицер. производ. Румянцевскую опись, 411.
 Пшездѣцкій, польск. писат.; его списки имѣній кн. Вишневецкихъ, 565.
 Пѣщаное, мѣст., 577, 582—584.

Р.

- Радвильовскій, Антоній, игум. кievо-ник. пустыннаго мон. XVII в., 511.
 Радзивиллъ, кн. Христофоръ, вел. гетм. литов., 41.
 Разинъ Стенька, атаманъ разб.; пѣсня о его сынѣ, упом. 546.
 Разумовскій, графъ Алексій Кир.; его поѣздка въ Малороссію, 453.
 Разумовскій К. Г., гетманъ, 317, 407, 452, 455, 459.
 Райгородъ, гор., 1—38.
 Ракоци, кп., венг. магнатъ, 143.
 Рацацъ, гор., 361.
 Репнинъ, кн., рус. резидентъ въ Варшавѣ и Стамбулѣ, 61, 260.
 Ровинскій, изд. «Русскихъ народныхъ картинокъ», 557.

- Рогачевъ, гор. (нынѣ село кiev. губ.), 1—38.
 Родзянко Ив., полков. пис., 412—413.
 Романъ Мстиславичъ, в. кн. волын., 14.
 Розень, баронъ, генер.; колониз. Кубани, 538
 Роменскій, запорож. старшина, 618, 626, 628.
 Ромны, гор., 565, 571.
 Рось, р., 1—38.
 Ротокъ, р., 1—38.
 Рохмистровка, с., 259.
 Рубцы, дворяне-помѣщики, 571.
 Рудневы, помѣщ., 617.
 Рудченко, изд. сборника южно-русск. сказокъ, 555.
 Ружинская Софія, княгиня волын., 331.
 Румянцевъ, графъ П. А.; его переписка о возстаніи 1768 г., 254—286; письма его къ Екатеринѣ II, 190—191; упомян. 60, 327, 451—454, 635.
 Рюрикъ Ростиславичъ, в. кн. кiev., 14.

С.

- Савичъ, генер. писарь временъ Мазепы, 318.
 Саврань, гор. въ брацлав. воеводствѣ, 175.
 Саевичъ, игум. почаев. лавры, 685.
 Саковичъ Касіанъ, авт. «Перспективы», 511—514.
 Салтыковъ, ген., преемникъ Кречетникова, 85, 575.
 Самара, р., 565, 601, 602, 611, 618.
 Самихъ-Ага, каймаканъ перекоп.; письма его къ кошевому запорож., 268.
 Самуиль, митр. кiev., 111, 121, 132.
 Сандоміръ, гор. (нынѣ у. г. радом. губ.), 363.
 Санъ, р., притокъ Вислы, 291.
 Сапуновъ А., состав. книги «Витебская Страница», 287—290.
 Сары, гор., 564.
 Свіяжскъ, у. г. казан. губерніи, 104.
 Святополкъ (Михаллъ) II Изяславичъ, в. кн. кiev., 2, 524.
 Свѣйковскій Іосифъ, стар. овручск., 68
 Семезовъ, м. слупцаго у., мин. губ., 313—314.
 Сеіюты, дворяне, 329.
 Серапіонъ, еписк. владим. XIIIв., 387.

- Серапионъ, св., архіеп. новгород., 94.
— Александровскій, митр. кiev.,
монографія объ немъ Ф. А.
Терновскаго, 88—134.
- Сербиновъ Фед. Вас., асаулъ, 631—634.
- Сербія Новая, воен. посел., 137.
- Серебрянка, дер. бахмут. у., 600—
601.
- Середа, магнатъ венгер., тесть Явуша
К., Острожскаго, 478.
- Сигизмундъ I, кор. пол., 395—670.
- Сигизмундъ III, кор. польск., 345, 354.
- Сягиревичъ Дмитрій, протопопъ соф.
соб., 111.
- Сямсонъ Ивановичъ, кн. можайскій,
561.
- Синюха, р., 137.
- Сярополо, грекъ-лекаръ, отравитель
Крымъ-Гирея, 182—184,
- Скальковскій А. А., авт. «Ист. Нов.
Сѣчи», 187, 189, 190, 324, 523,
611, 635.
- Скарга Петръ, проповѣдникъ XVI ст.,
иезуитъ, 482, 483.
- Скоронадскій, гетм. малорос.; его оборон.
универсалъ, 340—344; упом., 587;
письмо къ нему Игнатія Галагана,
452, 457.
- Славянскъ, гор. (нынѣ харьк. губ.),
древчій Торъ. 614.
- Слободскихъ поселен. истор., 137—
138.
- Смогоржевскій, митр. униат., 75.
- Смоктій А., авт. «Картинокъ народ-
ной жизни», 199—236.
- Сябла, гор., 257, 267, 268.
- Сожъ, р., промѣрка его фарватера, 495.
- Сокирянцы, гор., прилуц. у., род. имѣ-
ніе Галагановъ, 452, 461—462.
- Соловьевъ С. М., пзв. историкъ, 1—
38, 143, 189.
- Сорочницы, гор., 566.
- Сосновскій, пол. гетм. литовскій, 62.
— Григорій, племян. епископа холм-
скаго Ивана, 296.
— Иванъ, еписк. холмск., 296.
- Сошальскій, слоб. укр. помѣщикъ, 616.
- Спасовъ, имѣн. А.-Алонзы Острожской,
344.
- Стаиславъ III, Августъ (Понятовскій),
кор. польскій, 39 и слѣд., 54, 58
и слѣд., 71, 257.
- Ставкевичъ, капитанъ руск. войскъ,
сочувств. укр. возстанію 1768 г.,
256—257, 266—267.
- Станиславскій, ген.-маіоръ, 436, 437.
- Старой Линіи на Кубани заселеніе,
529, 535—539.
- Стародубъ, гор., 561.
- Стемпковскіе Максимъ, Матвѣй и др.
41 и слѣд.
— Иосифъ, герой истор. очерка:
«Страшный Иосифъ», 39—87; упом.
259—260.
- Стефанъ, еписк. волинскій (нач. XIV в.),
367.
- Стефанъ Яворскій, митр., основ. нѣжпн.
благовѣщ. монастыря, 109.
- Стремоуховъ, премьеръ-маіоръ, участн.
составл. румянцевской описи, 410.
- Студеники, гор., 415.
- Суворовъ А. В., свѣтл. князь, фельдм.,
450, 543.
- Сула, р., 564, 565.
- Сумцовъ Ник. Фед., доц. харьк. у-та,
авт. замѣтокъ: «Шпиталь въ Бо-
ромлѣ» (309—312) и «Къ исто-
ріи свадеб. обычаевъ» (510—514),
и «Цѣнъ въ Малороссіи (696—697).
- Сумы, гор.; шпитали въ нихъ, 310, 268.
- Суражъ, имѣн. княж. А.-Алонзы Ост-
рожской, 354.
- Сѣнявскій, конфедератъ, 144.

Т.

- Тамань, гор. на Кубани, 535.
- Тамансь, р., 599.
- Тара, гор., 434—435, 438.
- Тарановъ, капитанъ, 628.
- Тарговица, хут. близь Конотопа, 566.
- Тарковская Францишка, жена Стеми-
ковскаго, 61.
- Тарло Оеофила, 3-я жена Я. К. Ост-
рожскаго, 478.
- Тарнавскій А., авт. статья «Къ 50-лѣт-
нему юбилею почаск. лавры», 681—
693.
- Тарнавскій, графъ, колляторъ почасв.
монаст., 686.
- Тарнавская, граф., его жена, 687.
- Тарновская Софья, жена кн. К. К. Ост-
рожскаго, 717—716.
- Тарповскій В. В.; его коллекція пор-
ретовъ, 452.

Татищевъ, историкъ, 394.
 Ташлыкъ Черный, рѣка, 138.
 Ташлыкъ, м., 256, 265.
 Текли, С. вва, генераль рук. войскъ, разрушившій Сѣчь, 529, 635.
 Темрюкъ, гор. кубанской области, 544.
 Тепловка, д., 452.
 Теплово, членъ малорос. коллегіи, 430.
 Терновскій Ф. А., доц. у-та св. Влад.; его монографія «Серапіонъ, митрополитъ кіевскій», 88—134.
 Тимошеи, митр. кіевск., 467.
 Тимченко, одинъ изъ дѣят. времени Колішвицкыи, 56.
 Тинковъ, секундъ-майоръ, участникъ сост. Румянцевск. описи, 410—419.
 Титовъ А., изв. библіофиль, 516, 518.
 Тихомировъ Н., проф. моск. у-та, издатель «Русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 гг.», 517, 550, 551.
 Тихонъ св., епископъ задонскій; его разсужденія, 89—90.
 Тлумакскій, сбывшій коронный, 566.
 Тобольскъ, гор.; плѣнные въ немъ поляки, 433—444, 596—597.
 Т—въ М.; его статья, «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности», 546—559.
 Томбашаръ, гор., 158.
 Торماسовъ, ген.-губ. кіев., 112.
 Торческъ, лѣтоп. гор., 8—38.
 Тоттъ, баронъ; см. его «Записки о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Певоросію, 135—198.
 Троки, гор., 667.
 Трубежъ, р., 563.
 Тульчинъ, гор., нѣвніе графовъ Поттоукиныхъ, 84.
 Туровъ, гор., 350.
 Турція въ войнѣ съ Россіей 1769—1774 гг., 140, 141 п слѣд.
 Турчанинова Анна Ал, писат., 120.
 Туръ Пиклфордъ, архим. кіево-печ. лавры, 468.
 Тусталовскій (Зизаній), ученый XVI ст., учитель князей Ал-дровичей Острожскихъ, 335.
 Тясьминъ, р., 603, 623.

У.

Угорцкій монаст. въ Галиціи, 684.
 Удаи, р., 302, 309, 564.
 Украина слободская, 309, 310; возстаніе на Украинѣ 1768 г., см. въ «Перепискѣ графа П. А. Румянцева», 254—286.
 Умань, гор., 256, 699.

Ф.

Фабриціусъ, іез. визитаторъ, 348.
 Федоровскій М.; см. разборъ его книги «Про дифтеритъ, або обкладки», 492—493.
 Ферс, генераль, 536.
 Филаретъ Гумилевскій, еписк., авторъ «Исторіи Русской церкви», и «Статистич. обзорѣнія харьковской епархіи», 23, 310—311.
 Филаретъ, игум. святотропц. обит., 631.
 Фирлеи; ихъ отношенія къ почаев. монастырю, 684—685.
 Фирлей Андрей; его нападеніе на почаевскую лавру, 684.
 Францозъ Эм., изв. пис., авторъ книги «Kleinrussen und ihre Dichter», 676.
 Фроловскій въ г. Кіевѣ, на Подолѣ, женскій мон., 113.
 Фундуклей, издат. Описан. кіев. губ., 34.

Х.

Харьковъ; шпнталь въ немъ, 310, 314.
 Хмельницкій Богданъ, гетм. укр., 136, 292, 335, 341, 359, 427—428, 562—563, 569—572, 574, 575.
 Ходкевичъ Григ. Ал дровичъ, вел. гет. литовскій, 674, 695.
 — Янъ-Карль, гетманъ литов., мужъ княжны Анны Алопы Острожской, 335, 338—339, 359, 366—368.
 Хонкскій Карль; см. его «Запискы», 433—451; 593—608.
 Холмъ (любл. губ.), гор., 297.
 Холодная гора, близъ Харькова, 314.
 Хомуецъ, гор., 564.
 Хоперь, р., 593.
 Хоревъ, с., 371.
 Хороль, р., 564.

Хортица, остр. на Днѣпрѣ, первая Сѣчь, 497.

Хогинь, гор., 335, 339.

Ц.

Цыбулевъ, гор., 172—187.

Ч.

Чапличъ-Шпаковскіе, дворяне, 329.

Чарторига, с., 586.

Чарторыйская, княгиня, см. Горностаева.

Чарторыйскій, кн. Августъ, 46.

— кн. Адамъ, генералъ земель подольскихъ, 479, 595.

Чарторыйка, с., 586.

Чацкій, авт. книги „Разсужденія о евреяхъ и караимахъ“, 666.

Чвартекъ, предмѣстье г. Люблина, 294.

Ченѣга, атаманъ кошевой, 531.

Чередицъ Петръ, участн. въ производствѣ Румянцев. описи, 410—414, 418—419.

Черемошнн, замокъ кн. Корецкихъ, 331.

Чернацкая слободка, 575.

Чернечьа слободка, 575.

Черниговъ, гор., 560—561, 564—569.

Чернобай, с., 573.

Черноморія; ея заселеніе, 529—547.

Черногичи, с., 576.

Чернухи, гор., 564.

Чернышевка, с., екат. губ., вторая Сѣчь, 497.

Чернышева А. Р., графиня, 133.

Ш.

Шанчаровъ на р. Ворсклѣ перевозъ. 565.

Шевченко Т. Г., воспом. о немъ А. Смяктія, 320—322; разборъ книги о немъ С. Н. Кулябки, 675—676; упом. 199.

Шекснйръ, знам. трагикъ; отзывъ о немъ Н. Н. Костомарова, 299.

Шелестъ, сотникъ богуславскій, 52 п слѣд.

Шелудковка, с. сумскаго у., 310.

Шимаповъ А. Л., авт. статьи «Пред-

смертная борьба запорожъ», 609—636.

Шрай Даниль, 411—412.

Шпрковъ, генералъ, 62.

Шостакъ, одинъ изъ дѣят. времянъ Колявчанн, 57.

Шпрингеръ, генералъ, 436, 443.

Шрамченко Даниль, сотникъ с. Олишевкн, 389—391.

Шрейеръ, архитекторъ 64.

Штакельбергъ, баронъ, рус. резидентъ въ Варшавѣ, 261.

Штернбергъ, писатель, 666.

Шульгинъ Вит., авт. книги: «Югозападный край въ послѣднее 25-лѣтіе», 551.

Щ.

Щербина Ф.; его статья «Колонизація кубанской обл.», 529—545.

Щербининъ, харьк. губернаторъ XVIII ст., 614—635.

Щербиновка, дер., 573.

Э.

Эварницкій Дм., авт. статьи «Жизнь запорож. козаковъ по разсказу современника-очевидца», 497—510.

Эссенъ, генералъ, 59 п слѣд.

Ю.

Юзефградъ, польск. часть Балты, 141.

Юрій Ярославльчъ, кн., внучкъ Святополка II Михаила, 524.

Юрьевъ, гор.; см. объ этомъ изслѣдованіе М. Андріевскаго: «Лѣтописный Юрьевъ на Росн», 1—38.

Я.

Яблоновъ, село, 566.

Яблоновская, княгиня, жена воев., 65.

Яблоновскій, князь Станиславъ, издатель люстрацій украинскихъ староствъ, 86, 569.

Яворскій Авраамій, протоіерей, 367—368, 370.

Япкъ, р., нынѣ Уралъ, 447.

Якубовичъ Александръ, участн. въ
произв. Румянц. описи, 410, 416—
418.

Яницкій, ксендзъ лѣсненскій, 295.

Янковскій, полковникъ, 68.

Ярмолинская Домна, основательница за-
гаецкаго мон., 330.

Ярославъ, гор. (нынѣ въ Галиціи), вот-
чина Анны Костка, ур. княгини

Острожской, 335, 338 — 339,
360—363, 365.

⦿.

Федоровъ Иванъ, русскій первопечат-
никъ, 671—675, 693—696.

Феофанъ, архим. святог. мон., 631.

Феофанъ Шіяновъ, епископъ - викарій
кіевской епархіи, 112.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

	СТР.
I. ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ. (Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты). М. Андреевнаго	1
II. СТРАШНЫЙ ЮСИФЪ. (Переводъ съ польскаго)	39
III. СЕРАПОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ. Ф. А. Терновскаго	88
VI. ЗАПИСКИ БАРОНА ТОТТА О ТАТАРСКОМЪ НАБѢГѢ 1769 Г. НА НОВО-СЕРБИЮ. (Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.).	135
V. КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству) А. Смоктія	199
VI. РАЗНОВИДНОСТИ МАРЦЪПАННЪ И ГАННУСКОЙ ГОРЪЛКИ	227
VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 года. (<i>Окончаніе</i>)	254
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Витебская Старина. Витебскъ, 1883 г.— В. И. — б) Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Логиновъ. Варшава, 1883 г.—в) Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ. Варшава, 1883 г.— <i>Фратеркулуса</i> .—г) Не судилось. Драма І. Старпцкаго.— Н. Костомарова	287
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Необыкновенная ярмарка.— О. Левицкаго .—б) Шпиталь въ м. Боромлѣ.— Н. Сумцова .—в) Братства и союзы нищихъ.— II. Ефименка .—г) Гетманское представительство при русскомъ дворѣ.—Сообщ. А. Лазаревскій —д) Воспоминаніе о Шевченкѣ.— А. Смоктія .—е) Запорожская пѣсня, записанная пѣмцемъ отъ вѣмца.—ж) Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей— М. П. —з) По поводу портрета жены Гонты.	301
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ жены Гонты.	

Ноябрь, 1883 г.

I. АННА-АЛОНЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Ореста Левицкаго	329
II. СУДЬ НАДЪ ВЪДЬМАМИ. П. Ефименна	374
III. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССИИ. (Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссiи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго). Ди- митрія Багалтя	402
IV. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО. (1768—1776 г.). (<i>Продолженiе</i>)	433
V. ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. Съ предисловіемъ А. Ла- заревскаго	450
VI. УСТАВЪ КІЕВСКАГО ЦИРЮЛЬНИЧЕСКАГО ЦЕХА 1767 ГОДА	472
VII. ПИСЬМО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО, ВОЕВОДЫ КІЕВ- СКАГО, КЪ СЫНУ ЕГО ЯНУШУ, КАШТЕЛЯНУ КРАКОВСКОМУ.	477
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Русская историческая библиотека, издаваемая архе- ографическою коммпсією. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882 г.— <i>Ию. Новицкаго</i> .—б) Ма- лорусскіи издавія 1882 года.—в) Ал. Андриевскій—Историческіе ма- теріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 года.— <i>В. А.</i> —г) Мѣстечко Курпсово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣ- ломъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г.— <i>В. А.</i>	481
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Жизнь запорожскихъ козаковъ по раз- сказу современника-очевидца.— <i>Д. Эварницкаго</i> .—б) Къ исторіи южно- русскихъ свадебныхъ обычаевъ.— <i>Н. Сумцова</i> .—в) Изъ народныхъ по- вѣрій о чортѣ.— <i>Александра Ом—скаго</i> .—г) Письмо въ редакцію.— <i>А. Гатиука</i> .—д) Судьба наслѣдства полковника Искры, казеннаго Мазепю.—Сообщ. А. Лазаревскій —е) Пѣсни о папцинѣ.— <i>Notus</i> .— ж) Запорожская пѣсня.—з) Къ портрету кн. Константина Острожскаго.	497
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ кн. Константина Острожскаго.	

Декабрь, 1883 г.

I. КОЛОНИЗАЦІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ. Ф. Щербины	529
II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕ- СНОСТИ. М. Т—ва	546
III. ЗАЙМАНЩИНА ВЪ ЛЬВОВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНѢ XVII И XVIII СТ. Дмитрія Багалтя	560
IV. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО. (1768—1776 г.). (<i>Окончаніе</i>)	593
V. ПРЕДСМЕРТНАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗАПОРОЖЬЯ. (Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. Слободскою Україною). А. Шиманова	609

- VI. РАЗНОВИДНОСТИ МАРИЦЪПАНИИ И ГАИНСКОЙ ГОРЬЛКИ.
(*Окончаніе*). 637
- VII ДВѢ ЮЖНО-РУССКІЯ ИНТЕРМЕДИИ ПАЧАЛА XVII В. Сообщ.
М. Т—въ. 652
- VIII. БИБЛОГРАФИЯ: а) С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ
юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Вяткова до
люблинской ушн (1388—1569 г.).—*В. А.*—б) Иванъ Осодоровичъ,
русскій первопечатникъ. Историко-библиографическое разсужденіе. На-
писалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883 г.—в) Тарасъ Григорь-
евичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по «Кобзарю») С. Н. Кулябки.
Кіевъ, 1884 г.—*В. Г—ко.*—г) Сборникъ свѣдѣній по хозяйствен-
ной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ I. Зѣньковскій уѣздъ. Ча-
сти 1 и 2. Полтава, 1882—1883 года.—*В. Г—ко.* 665
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) По поводу 50-лѣтняго юбилея почасе-
ской лавры.—*А Тарнавскій.*—б) Къ трехсотлѣтнему юбилею
Ивана Осодорова, перваго московскаго типографа († 5 декабря 1583
года).—*В. Я.*—в) Къ исторіи цѣпей въ Малороссіи.—*П. О. С—
въ.*—г) Къ статьѣ «Судъ надъ вѣдьмами».—*П. Е.*—д) Еще разс-
казецъ о вовулакахъ п чаровникахъ.—*П. С. Исасвичъ.*—е) Изъ
народныхъ устѣ.—*А. Грабина.*—ж) Некрологъ. Высокопреосвящен-
нѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій.—*О. Л—въ.*—
з) Колядка п впрша.—и) Къ портрету княгини Софіи Острожской . 681
- ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ княгини Софіи Острожской.
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.
БИБЛОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНИЕ.

(Галицко-рускія изданія).

Новѣйшія сочиненія, выйшовші зъ печати М.
Бѣлоуса въ Коломыи.

Афоризмы Ивана А. Федоровича съ портретомъ автора, 8-цѣ,
стор. 206. 1 зр.

Новіи пѣсни Дмитра Третьяка (другій накладъ дополненный и испра-
вленный) въ малой 8-цѣ, стор. 48. 10 кр.

Проповѣди церковніи Ник. М. Верещинского, томъ II, въ 4-цѣ,
стор. 224. 1 зр.

Кромѣ того препоручаемъ до читаня популярнѣ
давнѣйшѣ изданія:

Геновефа, найкрасша и найжалобнѣйша повѣсть, въ 16-цѣ, стор.
123. 30 кр.

Луць Замвайко, съ 19 обр., въ 16-цѣ, стор. 46., 15 кр.

Церкви русскіи въ Галичинѣ и Буковинѣ съ 84 хор. образками,
въ 8-цѣ, стор. 184., 1 зр. 50 к.

Коляды или Пѣсни на Рождество Христово, съ додаткомъ благо-
желаній для колядниковъ, въ 16-цѣ, стор. 80., 10 кр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

1883 Г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицнаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ”.

Журналъ «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадами въ два листа (16 стр.) большаго формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка въ краскахъ (автографин), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микшиина, Г. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ, — всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, рассказы, очерки, — историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники, — драматическія произведенія, стихотворенія; отдѣлы наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлы русскыхъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: *Графъ А. Е. Салисъ, П. С. Льсковъ (Стебницкій), Д. Л. Мордовцевъ, Н. Г. Вучетичъ, А. В. Круловъ, Д. А. Лисевъ, С. Н. Филипповъ, Н. П. Тимофеевъ, П. С. Стружкинъ, П. А. Оленинъ, В. В. Чуйко, В. Е. Ермиловъ, Н. Кульжинскій, М. М. Ивановъ, В. С. Баскинъ, Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГODOVЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполне увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ,

будеть такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ —

АТАМАНЪ УСТА^{СЕ},

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя графа А. Е. Салиаса, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА со всеми приложеніями и преміей безъ доставки въ Москву 7 р., съ доставкой и пересылкою 8 р.: на полгода безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д. Фульда; въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и Ко и Вольфа.

Редакторъ-Издатель О. М. Уманецъ.

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получаютъ бесплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянина“ съ портретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ заявить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Кіевлянина», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «Кіевлянина»: Шулявская, д. васлѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатики, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—12 р., на 11 м.—11 р. 20 к., на 10 м.—10 р. 60 к., на 9 м.—9 р. 40 к., на 8 м.—8 р. 80 к., на 7 м.—8 р., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р. 20 к., на 4 м.—5 р. 40 к., на 3 м.—4 р. 50 к., на 2 м.—3 руб. на 1 м.—1 руб. 50 к.; безъ дост. и перес.: на годъ—10 руб., на 11 м.—9 руб. 40 к., на 10 м.—8 руб. 80 к., на 9 м.—8 руб. 20 к., на 8 м.—7 руб. 60 к., на 7 м.—7 руб., на 6 м.—6 руб., на 5 м.—5 руб., на 4 м.—4 руб., на 3 м.—3 руб., на 2 м.—2 руб., на 1 м.—1 руб.

„НОВОРОССИЙСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщаль пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція приобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся приобрести въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ» занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полудторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Безъ доставки		Съ доставкою				Безъ доставки		Съ доставкою	
		и пересыл.		и пересыл.				и пересыл.		и пересыл.	
На 1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 р.	30 к.	1 р.	50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р.	50 к.		
» 2 »	2 » 60 »	3 »	— »	» 8 »	» 9 » 60 »	» 11 »	— »	» 11 »	— »	» 11 »	— »
» 3 »	3 » 85 »	4 »	50 »	» 9 »	» 10 »	— »	» 11 »	50 »	» 11 »	50 »	» 11 »
» 4 »	5 » — »	6 »	— »	» 10 »	» 11 »	— »	» 13 »	— »	» 11 »	50 »	» 13 »
» 5 »	6 » 30 »	7 »	50 »	» 11 »	» 11 »	50 »	» 13 »	50 »	» 11 »	50 »	» 13 »
» 6 »	7 » — »	8 »	— »	» 12 »	» 12 »	— »	» 14 »	— »	» 12 »	— »	» 14 »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ бесплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, перодовыхъ статей, разсказовъ, смѣся — или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисарѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Барючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Вернеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воропежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городнѣ, Емпіріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кншинеѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевецѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Клясловѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майконѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичеванп-на-Дону, Новомъ-Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Придукахъ, Пятигорскѣ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Тарацѣ, Таганрогѣ, Уманн, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Феодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. пог.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разорочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московскои улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Юзефовичъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„РОДНИКЪ”.

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналь «РОДНИКЪ» выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, полнотипажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно оригинальныя произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія вылающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, наприм. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ профес. М. Н. Богданова, подъ названіемъ «Мірсніе захребетники», гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около чоловѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ М. Н. Богданова изъ другой области животнаго міра и очерки профессора Дм. Кайгородова изъ жизни растений. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ Л. Х. Симоновой изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Виѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библиографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ при- ложеніемъ, съ дост. и пер.	6 р.	На годъ безъ при- ложенія, съ дост. и пер.	5 р.	На $\frac{1}{2}$ года безъ приложенія	3 р.	за границу на годъ съ приложеніемъ.	8 р.
--	------	--	------	---	------	---	------

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала «Родникъ», Никольская площ., д. № 4, и въ отдѣленіяхъ конторы: въ С.-Петербургѣ — книжный магазинъ Н. Фену и К°. Въ Москвѣ — «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣской, Воздвиженка, д. Армяндъ. Въ Харьковѣ — книжный складъ при «Публичной библиотекѣ» А. Н. Гусева и К°, Московская, 7. Въ Томскѣ — «Сибирскій книжный магазинъ» Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издательница Е. Сысоева.

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ежедневная политическая, общественная, литературная, иллюстрированная газета.

I. Правительственные распоряженія. II. Телеграммы собственных корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учреждений. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассационныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ сѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ дастъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемого событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ . . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ . .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты «**Новости Дня**».

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ*.

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Выходить 4 раза въ годъ книжками отъ 10 до 15 листовъ каждая. Общее число листовъ годоваго изданія около 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Цѣна годовому изданію: *семь р. с.* съ пересылкою.

Адресъ: Варшава, въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель: *А. И. Смирновъ.*

„ВАЗА“.

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца большими тетрадами и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 полиטיפажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры**. (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12 листовъ литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12 листовъ узоровъ**: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6 раскрашенныхъ узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на передиванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** приозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краскп. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ**. Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА»**. Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Иваиовская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.	
На годъ безъ премій . . .	6 р. — к.	7 р.	} Съ преміями на 5 р. дороже, на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На ½ года безъ премій .	3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ“

Подписчики получают за **ШЕСТЬ** руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два ежевѣдѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, двѣнадцать приложеній (премій) ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕСПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) Большую олеографическую картину.

2) }

3) } Два акварельныхъ пейзажа.

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) живописной **Россіи**: сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и статистическими цифрами. **Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоценное приобрѣтеніе.** Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый** и **второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кроме того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одиннадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ ковтору редакціи.

Редакторъ С. С. Окрейцъ.

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большого формата)

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія*,—въ официальной своей части, составляющей официальный органъ св. синода, печатаетъ *столпа* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофициальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграничей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЬ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ «Толкованія на книгу пророка Ісаіи», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Вѣтхій Заветъ»—**семь руб.** съ пересылкою; отдельно за «Церковный Вѣстникъ»—**пять руб.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»—**пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдельно 7 р. съ пересылкою.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знамя ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаютъ также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Феропонтова.

Адресы конторы и редакціи журнала: *С.-Петербургъ, уголъ Ниолаевской и Колокольной, домъ Боборькиной.*

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія; А: МИХАЙЛОВА, „И золотомъ и молотомъ“, ром.; ЕГО-ЖЕ, „Изъ міра довольства и благополучія“, рядъ рассказовъ; Н. ЛѢСКОВА, „Отборное зерно“ (комическая трилогія); ЕВГЕНІЯ МАРКОВА, „Путешествіе въ Дагестанъ“; И. СЕВЕРИНА, „Врали“, комедія; П: ПОЛЕВАГО, „Шуты и скomorохи“, картины изъ средневѣковаго быта; К. СОБОРНОЙ (псевдонимъ), „Въ погонѣ за богатствомъ“, ром.; П. ТРОЙНИЦКАГО, „Петербургъ“, (центры умственной жизни); А. СИМОНОВОЙ „Чья возьметъ“ повѣсть, А. КРУГЛОВА „Рассказы изъ шароднаго быта“; А. МИТУРИЧА, „Новая звѣзда“, большая повѣсть; А. САХАРОВОЙ, „Чайка не засточка“, рассказъ; В. ЮРЬЕВА, „Феягоръ“, поэма; Г. СЕШКЕВИЧА „Огнемъ и мечемъ“, историч. ромаль“; М. ЦЕБРИКОВОЙ „Америкапки“ изъ за-атлантической литературной жизни; Н. КРАСНОВА, „Понскъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ“, изъ донской старины; П. ВАСИЛЬЕВА „Нравственная зараза“, отерьи; РАНЦОНИ, „Проклятіе и искуленіе“, ром. съ иллюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой.*

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одинадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтнн.

Задача нашего изданія — отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересоватъ его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познаться съ духовной средой и ея пуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этия не ограничиваются задача «**Церковно-Общественнаго Вѣстника**»: рядомъ съ вопросамъ о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преусиленія чловѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «**Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ**» въ 1884 г. будетъ издаваема въ видѣ бесплатнаго приложенія «*Календарь для духовенства*», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «**Церковно-Общественный Вѣстникъ**»: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяць 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «**Церковно-Общественнаго Вѣстника**», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій*.

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году «**Орловскій Вѣстникъ**» будетъ выходить ежедневно одинаковыми номерами въ листъ, кромѣ послѣдпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ номеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, 7 **РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ «**Орловскій Вѣстникъ**», болховская, д. Зальмень, и въ редакціи — зиповьевская улица, д. Чудинова.

Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ*.

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТЪ“

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкой въ Саратовъ:	Съ пересылкою въ другіе города:
На годъ 7 р. — к.	На годъ 8 р. — к.
» полгода 4 » — »	» полгода 4 » 50 »
» 3 мѣсяца 3 » — »	» 3 мѣсяца 3 » — »
» 1 мѣсяць 1 » — »	» 1 мѣсяць 1 » 20 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ*. Издатель *М. Поповъ*.

„СТРАННИКЪ“

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

- 1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.
- 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.
- 3) Церковныя слова, поученія и другія правоучительныя произведенія.
- 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовства.
- 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.
- 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.
- 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовства и нравственной стороны русскаго быта.
- 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣателей.
- 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.
- 11) Обзоръ русскіихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.
- 12) Обзоръ *святскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.
- 13) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.
- 14) *Книжная летопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскіихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
- 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и еднновѣрія, мисіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.

„ИСКУССТВО“

ЖУНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: Н. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. Н. Кашперовъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Снасовичъ, И. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахарова, „Театралъ“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. Н. Трефелевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала *«Revue politique et litteraire»*, заключающаго въ каждомъ номерѣ отъ 24 до 32 страницъ, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го номера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, рассказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою	Для иногородныхъ
Годъ 9 р. 50 к.	Годъ 10 р.
Полгода 5 „ 75 „	Полгода 6 „
3 мѣсяца 3 „ 50 „	3 мѣсяца 4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Θ. Грдининъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. еженедѣльный журналъ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обзоръніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-

то: *МЕДИУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всеѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ*: въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премированныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ*: романы, повѣсти, рассказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» — романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Английскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ книж. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ*.

„ЭХО”

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГАЗЕТЪ

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты «Эхо» опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвыи имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда — вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не обращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской

жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, тающихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ, — внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней „**Чиновное болото**“, „**Прологъ къ роману**“ *М. Н. Альбова*. Повѣсть „**Въ полутьмѣ**“ и др., уже находящаяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(Съ доставкой и пересылкою).

Въ Россіи:	За границу:
На годъ 10 р.	На годъ 16 р. — к.
„ полгода 6 „	„ полгода 9 „ — „
„ три мѣсяца 8 „	„ три мѣсяца 5 „ — „
„ одинъ мѣсяць 1 „	„ одинъ мѣсяць 2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далье, какъ до конца года, съ доставкой по городской почтѣ въ Петербургъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ: въ *С.-Петербургъ* — въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № „27, въ Русской Скоропечатнѣ“ К. И. Куна).

Допускается разсрочка платежа подневныхъ денегъ: для служащихъ въ *С.-Петербургѣ* — по третьямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургъ* — въ главную контору „ЭХО“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,
будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останется вѣрною разъ принятому пути,—мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники“, дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областного отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, рассказы, фельетоны съ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:	съ пересылкой или доставкой:
За годъ (12 мѣсяцевъ) . . . 12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) . . . 14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ 7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ 8 „ — „
За 3 мѣсяца 3 „ 85 „	За 3 мѣсяца 4 „ 50 „
За 1 мѣсяць 1 „ 30 „	За 1 мѣсяць 1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІИ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныя и другія публичныя зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральныя репертуаръ, почтовые и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносу подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденція и требованія редакція проситъ адресовать въ ОРЕНБУРГЪ, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій**. Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони**. *Физиологія* (60 лист.); **Генохъ**. Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгиюлеръ**. Нервные болѣзни (23 листа); **Мальгень**. *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ**. Частная патологія и терапия (103 листа); **Рибо**. Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ**. Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ**. Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ**. Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ**. Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ**. Частная патологія и терапия (40 лист.); **Эринсенъ**. Хирургія (70 лист.); **Ришэ**. Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ известной коллекціи **Вредена** (**Гебра**, **Генсмеръ**, **Барделобенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигиенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ordinарн. профес. *И. М. Сорокинъ*.

Издатель *Н. Л. Вилькинъ*.

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЫ“

ТРЕТИЙ ГОДЪ

«Другъ женщины» —будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и рассказы—оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія—по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, бібліографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія—по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статисти-

ческія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ «Другъ женщинъ»: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева*, *Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, Волховка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лыньки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Цнверлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю; по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Виржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. *Житомиръ*, въ Конторъ редакціи, б. *Бердичевская ул.*, д. *Лашкевича*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городекихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	На гдѣ.	На полгода.	На три мѣс.
	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкой на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородныхъ съ пересылкою	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на переѣзду адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ *пересылкою во все мѣста Имперіи* **СЕМЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, уборнѣстаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ епархій*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ,“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 гду редакція обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэа Д. Рэтклифа*—«Возстаніе въ Индія», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и проводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки.		Съ доставкою на домъ.		Съ перс. во все г. Россіи.	
На 12 мѣс.	8 р.—к.	8 р. 50 к.		9 р.	
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „		5 „	

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ».*

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА“

(ГОДЪ ІХ)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Приазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явлений, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текуція явленія и мѣстные новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.	Съ пересылкою иногороднимъ.
на годъ 6 р. —	на годъ 7 р. —
„ полгода 3 „ 50	„ полгода 4 „ —
„ 3 мѣсяца 2 „ —	„ 3 мѣсяца 2 „ 50

За перепишу адреса редакция взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абрамянъ.*

„НЕДѢЛЯ“

Еженедѣльная газета (17-й годъ изданія),

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

„ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ“.

Въ 1884 году газета «Недѣля» будетъ выходить, какъ и до сего времени, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ.

«Журналъ Романовъ и Повѣстей», составляющій беллетристическое приложеніе къ газетѣ «Недѣля», будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, всего въ количествѣ 12 въ годъ.

Въ составъ «Недѣли» входятъ: I. Редакціонныя (руководящія) статьи по текущимъ вопросамъ русской жизни; II. Такія же статьи по вопросамъ внѣшней политики; III. Систематическія обзорѣнія текущихъ событій и явленій въ Россіи; IV. Обзорѣнія заграничной жизни, какъ политической, такъ и бытовой; V. Статьи научныя, преимущественно соціальнаго характера; VI. Статьи и изслѣдованія, касающіяся общихъ, основныхъ нуждъ Россіи; VII. Статьи по разнымъ частнымъ вопросамъ русской жизни изъ области земскаго и городского самоуправления; VIII. Художественно-бытовые очерки и рассказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русскихъ и иностранныхъ произведеній; XI. Разборы вновь вы-

ходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная дѣлопись, въ формѣ обработанныхъ разсказовъ изъ уголовной хроники; XVII. За-мѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ *«Журнала Романовъ и Повѣстей»* входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 пропзведеній, которыя втеченіе года составляютъ отъ *двѣнадцати* до *четырнадцати* большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обонхъ изданій вмѣстѣ, то есть *«Недѣли»* съ приложеніемъ *«Журнала Романовъ и Повѣстей»*, 8 рублей въ годъ, съ доставкой пересылкой.

Подписка на 1884 годъ открыта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи *«Недѣли»* у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ-издатель *Н. А. Гайдебуровъ.*

“РУССКІЙ АРХИВЪ,”

1884 Г. (22-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Русскій Архивъ историческій сборникъ, преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1884 году *шесть разъ* въ годъ: въ январѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ крупнаго и вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ издается уже третье десятилѣтіе, и потому не нуждается въ зывахъ и многообѣщающихъ посулахъ. Онъ остается вѣренъ основной своей мысли—служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнопрошедшими событіями и въ отечественной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣйствительности. На его знамени можно бы написать старинную поговорку: «не найдешь въ себѣ, не ищи въ селѣ». Разумѣется, при такомъ отношеніи къ дѣлу немислимо пристрастное освѣщеніе историческихъ лицъ и событій, въ угоду посподствующему направленію современности. Историческое изданіе, своимъ содержаніемъ удовлетворяющее не одну минутному любопытству и цѣнное не только для нашего времени, но и для временъ будущихъ, ведется въ такомъ видѣ, чтобы читатели могли немедленно отыскивать прочтенное и павозить нужныя справки; для того при каждой книгѣ Русскаго Архива пѣются особые указатели, а цынѣ печатается общая предметная роспись за первыя двадцать лѣтъ (1863—1882), посредствомъ которой легко обозримо и подручно все исторіографическое богатство нашего сборника.

Къ «Русскому Архиву» 1883 года приложены: I. Переписка Кристины съ княжною Туркестановой на Французскомъ языкѣ.

II. Петербургскій Некрополь. Справочный историческій указатель надгробій на Петербургскихъ кладбищахъ. В. И. Сактова.

III. Большой гравированный на мѣди портретъ князя Я. Ѳ. Долгорукова.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—*девять* рублей. Для Германіи—*одинадцать* рублей; для Франціи, Италіи, Англій и остальныхъ странъ—*двенадцать* рублей.

Подписка принимается *въ Московѣ*, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; *въ Петербургѣ*—у Полицейскаго моста, въ книжномъ магазинѣ Мелье; *въ Кіевѣ*, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ домѣ Стефановича, у Марьи Михайловны Булгакъ.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры «Русскаго Архива» 1883 года продаются по 9 рублей въ указанныхъ выше мѣстахъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры*. Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Блаرامбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Впреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивнвъ, проф. А. О. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немяровичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. П. Никитинъ, Омуревскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. П. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трфолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, кнѣгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:
Безъ доставк.	12 р.	Безъ доставк. 7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ 7 р. 50 к
Съ перес. въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи 8 р.
Съ пересылкою за границу.	16 р.	Съ пересылкою за границу. 9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору «Наблюдателя». Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Редакторъ-издатель *А. П. Пятковский.*

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ И ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ.

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ «Свѣтъ и Тѣни» — журналъ преимущественно художественный — издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ «Мірской Толнѣ», обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ 100 №№ въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключаая въ себѣ болѣе 800 страницъ самаго разнообразнаго текста и 200 большихъ страницъ иллюминированныхъ красками каррикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100 — на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ каррикатурныхъ журналовъ, на половину — политическаго характера. Съ первыхъ-же номеровъ журнала «Свѣтъ и Тѣни» начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа «Бѣлая невольница» *И. К.*

Кондратьева, затѣмъ историческая повѣсть *И. Погорьлина* «Колоколь императрицы Анны». Для журнала «Мірской Толкѣ» редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя популярно-научныя статьи одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путьяты*, подъ названіемъ «Къ сумасшедшему дому» и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рубрикой: «Избранные романы Библиотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ «Библиотекѣ Мірскаго Толка» редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція вводитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе двадцати пяти рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 гѣда.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминированныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демпторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ ста №№ журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получаютъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЬ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библиографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоящаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картонной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходить ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. бібліотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины. — Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р. — не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная — или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москву* — въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ* — въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная (350 номеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

подъ редакцію А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обзор.»).

Объемъ газеты — печатный листъ средняго формата; программа — общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ — 10 руб.; на 6 мѣс. — 6 р., на 3 мѣс. — 3 р. 50 к., на 1 мѣс. — 1 р. 50 к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за строку *petita*) принимаются въ *Тифлисъ* исключительно въ *Газетномъ Агентствѣ В. Шавердова*; въ *С.-Петербурѣ* же и *Москвѣ* — въ книжныхъ магазинахъ «*Новаго Времени*».

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Кананова, квартира редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: кн. *Б. А. Бебутова*, *Вс. М. Гаршина*, *П. А. Измайлова*, *С. Н. Кривенко*, *Н. Я. Николадзе*, *П. А. Опочинина*, *А. Н. Плещеева*, *И. Ф. Тхоржевскаго*, *Гл. И. Успенскаго*, *Н. А. Шаверова*.

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстныя и переводныя повѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р.

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА“

газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами средняго формата.—Начальная страница № вмѣстѣ вивѣтку сельско-хозяйственнаго содержанія и слѣд. многознаменательный для галицко-русскаго населенія эпитафъ:

*Се русска рада, послѣдна воля:
Держьмся кupy, а буде доля.*

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейд.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія въкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случая въ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ оного, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятидесять коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Оедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, общаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братьевъ нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помянокъ, и непременно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только вариантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.